

В 1,230,887

СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Цена 3 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание М. В. ПИРОЖКОВА
1906

В. Косов.
21

СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание М. В. ПИРОЖКОВА
1906

Г. А. А.

Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей¹⁾

М. Г.

Въ настоящее время Россія занята великою, всенародною думою, самымъ важнымъ вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. Съ 20 ноября прошлаго года, когда благодущный государь нашъ императоръ Александръ Николаевичъ возвѣстилъ волю свою объ улучшеніи быта 25 милліоновъ несвободнаго сельскаго населенія и призвалъ дворянство къ общему разсужденію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта радостная, цѣлые вѣка возжелѣнная вѣсть по всей широкой землѣ русской, по всѣмъ городамъ и селеніямъ: дѣло это теперь составляетъ предметъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ и сужденій—и въ живомъ словѣ, и въ литературѣ. Россія немного запомнить въ исторіи своей такихъ эпохъ, когда весь народъ русскій, всѣ, начиная отъ дворца царскаго, отъ палаты вельможи и до послѣдней хижины, такъ живо думали одну думу великую, народную. Осуществленіе этой думы будетъ великое, достойное величія Россіи, событіе, лучшее украшеніе юбилея тысячелѣтія, который она будетъ праздновать въ 1862 году. Это плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаци, но и плодъ и торжество христіанства; это—*лѣто Господне пріятное*—не только для государства русскаго, но и для церкви русской. Это высокій нравственный подвигъ христіанской любви, христіанскихъ идей о нравственномъ достоинствѣ, правахъ и благѣ человѣчества. Въ эту минуту, м. г., изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, съ того конца исторіи нашей, когда только-что развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней русской церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, и призывающій современную русскую церковь обратить, и съ своей стороны, на него живѣйшее вниманіе. Просимъ вниманія—выслушать вкратцѣ этотъ голосъ древней нашей церкви.

Перенесемъ мыслью на минуту въ темные средніе вѣка нашей исторіи, когда только-что еще возникало у насъ рабство. Дремучіе лѣса покрывали тогда еще самую большую часть русской земли, особенно на сѣверо-востокѣ, куда безпрестанно шель древній русскій земледѣлецъ-кочев-

¹⁾ Напечатано въ брошюрѣ подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8-vo Стр., 40. Въ типографіи губернскаго правленія. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе отъ 18 декабря 1858 г.

никъ, съ своей завѣтной «сохой и косой», убогая отъ поработительнаго насилія сильныхъ—землевладѣльцевъ, и ища труда легкаго и льготнаго. За дремучими дебрями рѣдко виднѣются города, главные исходные пункты рабства и крѣпостного права. Бѣлокаменная Москва, откуда, по слову царя нашего, должна была прежде всего возсіяť свобода несвободнаго народа, тогда только еще чуть возвышалась, росла. Кругомъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, виднѣлись однѣ деревни, деревни, да *починки*. При преобладаніи лѣса надъ полемъ, при постоянномъ стремленіи и углубленіи народа въ лѣса съ топоромъ, косой и плугомъ, при этомъ постоянномъ «посажены и поставлены деревень на лѣсахъ», о которомъ говорятъ древніе наши акты,—деревня преобладала надъ городомъ и не знала еще крѣпостныхъ отношеній къ городу, къ городскимъ землевладѣльцамъ.—Но возрастаетъ городъ за городомъ, а въ городѣ возвышается боярскій теремъ, высокій домъ съ гридницей, сѣнями, переходами и высокимъ крыльцомъ, съ дымникомъ наверху, огороженный зубчатой стѣной или заборомъ: и вотъ—слышится изъ этого дома плачь и рыданіе и вопль. Это что такое? Это,—отвѣчаетъ намъ голосъ древней церкви,—рабы, *боярскіе холопы*, претерпѣвающіе отъ господъ своихъ насиліе и побои, моримые голодомъ, томящіеся въ наготѣ и всякаго рода лишенійхъ. Какъ же эти несчастные попали въ рабство и откуда это насиліе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ гражданское состояніе русскаго общества въ тѣ вѣка и положеніе рабовъ. Юный народъ русскій, полный кипучей энергіи, свѣжести, силъ и страстей, въ то время находился еще только на второй ступени своего общественнаго развитія, на переходѣ къ *гражданскому быту*, когда въ обществѣ сильны бываютъ стремленія владѣльческія, когда личность, только-что вышедшая изъ роду—племени, изъ родового быта, отказавшись отъ общаго родового владѣнія и имущества, жаждетъ, ищетъ частнаго, личнаго владѣнія, господства и собственности, и, при отсутствіи или слабости закона, въ этомъ стремленіи своемъ не знаетъ никакихъ границъ и сдержекъ, когда, слѣдовательно, сильная личность преобладаетъ, или иначе сказать, въ обществѣ господствуетъ частное право, право сильного. Въ эту-то эпоху у насъ особенно развилось, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ приобрѣтенію имущества, стремленіе къ порабощенію свободныхъ людей. Сильно, необузданно было это стремленіе при сильномъ кипѣніи страстей юнаго народа, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни. При отсутствіи или слабости закона, каждая сильная личность, движимая ничѣмъ неукротимой жаждой владѣнія, господства, стремилась, такъ сказать, поглотить, поработить всѣ другія, менѣе сильныя личности. Богатые и сильные, по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка, епископа Серапіона, «агы звѣрь» въ несытномъ стремленіи къ приобрѣтенію и порабощенію, «жаждали абы всѣхъ погубити, насытъствомъ имѣнья порабождали, не миловали спроть, не знали человѣческаго естества¹⁾; друзін же, имѣнія не насыще-

¹⁾ „Прибав. къ Тв. св. отц.“ за 1843 г. ч. 2. стр. 195.

шася и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ» ¹⁾. Вотъ *тиунъ*, судья, мучимый ненасытимой жаждой кунъ, богатыхъ пировъ и обѣдовъ, несправедливо осуждаетъ невиннаго, и продаетъ бѣднаго въ рабство богатому и сильному. Вотъ *рѣзоимецъ* или ростовщикъ даетъ въ займы деньги бѣдному за безбожные проценты: приходитъ срокъ, и, если бѣдный не уплачиваетъ всего долга и роста,—онъ дѣлается *вѣчнымъ холопомъ* рѣзоимца. Тамъ *ябедникъ*, сутяга подкупаетъ многихъ послуховъ—лжесвидѣтелей на свободного человѣка,—и судъ отдаетъ ему въ холопство этого сироту, кругомъ опутаннаго несправедливой клеветой. А вотъ шайки *ушкунниковъ* нарочито устремляются по дорогамъ на добычу рабовъ, хватаютъ по селамъ крестьянъ и продаютъ ихъ въ рабство бусурманамъ... Такими и многими другими способами совершалось порабощеніе свободныхъ людей. И жалка, грустна была участь этихъ несчастныхъ жертвъ насилія! Ихъ, какъ вещь, какъ имущество, можно было продать, заложить, украсть, уничтожить. Ихъ можно было убить:—и холопъ не смѣлъ искать правосудія на господина: права иска на господина холопъ лишенъ былъ *русской правдой* и *уставной грамотой* ²⁾. Холопъ не имѣлъ права семейной жизни, не имѣлъ права собственности: все, что онъ могъ приобрѣсть собственнымъ трудомъ, было собственностію господина, а холопъ оставался нагъ, босъ и голоденъ. Холопъ лишался даже возможности быть истиннымъ христіаниномъ, исправлять дѣла благочестія, ходить въ церковь, получать христіанское воспитаніе и нерѣдко умиралъ даже безъ крещенія. Вотъ отъ этихъ-то несчастныхъ и слышится тотъ горькій плачь, рыданіе и вопль на немилостивыхъ старѣйшинъ и бояръ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи и древніе пастыри церкви. Такъ доносится до насъ вѣковой горькій плачь жалкаго *заточника*—несчастнаго холопа, отъ XIII вѣка, съ дикихъ береговъ олонецкаго озера Лача; слышится плачевный голосъ Даниіла заточника, разнесшійся по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяемый всѣмъ русскимъ народомъ въ древнее время. Горькое недовольство угнетающею дѣйствительностью, желаніе выйти изъ безотраднаго положенія вѣчнаго холопства, насилія и неправды; горечь въ самомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, никѣмъ не признаннаго, смѣлый протестъ противъ безмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ и правамъ человѣка, каковы семейная любовь и благочестіе; желаніе хоть въ монастырѣ, хоть въ пустынѣ дикой возвыситься надъ рабскимъ положеніемъ въ мірѣ, почувствовать себя человѣкомъ, сознать свою нравственно-разумную свободу, вотъ что слышится въ плачѣ горькаго *заточника*,—порабощеннаго человѣка. Какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія слышится въ голосѣ заточника, когда онъ вспоминаетъ состояніе холопа. Онъ лучше хочетъ всего себя предать главному, верховному власти-

¹⁾ „Прав. Собесѣд.“ за 1858 г. іюль: новыя поученія Серапіона.

Эти „Новыя поученія“ изданы самимъ Щаповымъ.—В. *Старожевъ*.

²⁾ *Акты арх. экон.* т. 1. № 13. См. также *русскую правду* по позднѣйшимъ спискамъ ст. 58, 68, 82, 84, 109, 111 и мног. др.

телю—князю, лучше хочеть отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ благъ въ домѣ своего поработителя боярина, чѣмъ жить безъ отраднаго, живительнаго внутренняго чувства нравственной свободы. «Лучше мнѣ видѣть,—вопіеть онъ къ князю изъ далекой пустыни,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ саногѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоємъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ» ¹⁾).

Вотъ въ отвѣтъ на этотъ-то горькій плачъ заточника—древняго русскаго раба, и раздался не медля спасительный, утѣшительный голосъ церкви, голосъ христіанства объ улучшеніи участи рабовъ. Великая будущность ждетъ тотъ народъ, полно жизни и силы то общество, въ которомъ и посреди общественной неправды, среди сильнаго стремленія къ порабощенію, громко раздастся могущественный голосъ разумаго сознанія правды, и противопоставляется сильное стремленіе къ нравственной свободѣ человѣческаго достоинства.—въ которомъ подлѣ грубой матеріальной силы, подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаются личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ и во имя христіанства возвѣщающіе отраду несправедливо порабощаемымъ людямъ. Церковь русская, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противопоставляла стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ. Изъ церкви, съ кафедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту людей несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Вотъ немилосердый поработитель чловѣка, богатый, но жестокосердый рабовладѣлецъ думаетъ успокоить свою совѣсть: идетъ въ церковь и ставитъ множество свѣчъ предъ алтаремъ, подаетъ милостыню нищимъ отъ имѣнья, прибрѣтеннаго трудами рабовъ, лишними накладами на порабощенныхъ, отъ доходовъ сель, принадлежавшихъ другимъ и отнятыхъ имъ. Надъ нимъ тотчасъ гремитъ слово церкви «богачъ! ты зажегъ на свѣтильникахъ церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобой рабы, сироты и вдовы съ воздыханіями къ

¹⁾ Слово Даниїла заточника, изд. въ „Памяти. росс. словесн. XII в.“ стр. 227—240. Издано также и въ 1 кн. „Русской бесѣды“ за 1857 годъ. Оно весьма уважалось въ древней Россіи, такъ что даже лѣтописцы при имени Лача-озера замѣчали: „идѣже бѣ Даниїло заточеникъ“. (П. с. лѣт. подъ 1378 г.).

Богу на тебя. Они слезами своими погасят твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты избидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы спротины, а другіе рабы твои муками и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишены и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіють на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, несправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить несправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ» ¹⁾: Вмѣстѣ съ симъ пастыри древней нашей Церкви постоянно и строго наказываютъ и священникамъ отнюдь не принимать въ храмъ даровъ «отъ злого господина, который челядь свою муками и ранами томить, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, морить голодомъ, томить наготою ²⁾. Вотъ идетъ на исповѣдь жестокосердый господинъ, безжалостно отвергающій слезы и челобитныя угнетеннаго раба, испрашивающаго позволеніе откупиться на волю, и, наконецъ, только за безбожную цѣну возвращающій ему личную свободу. Прежде, чѣмъ этотъ господинъ приходитъ на исповѣдь, церковь уже строго наказала священникамъ такъ поучать подобныхъ господъ—рабовладѣльцевъ: «о горѣ всего тѣмъ, которые берутъ *изгойство* (лишнія деньги съ выкупающихся отъ рабства): не увидятъ милости непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу, и полагающіе цѣну *не по закону Божію*. Еще горе на горе прилагаютъ душѣ своей, когда при этомъ не только свои души губятъ, но и поставляютъ *послуховъ*—свидѣтелей по себѣ и по своей злобѣ, которыхъ влекутъ къ своимъ же злымъ судьямъ большими дарами и мздами. Также, *если кто продаетъ челядина, пусть столько же беретъ за него, сколько самъ далъ*: если же беретъ лишнее, то значитъ, беретъ наклады и торгуетъ живыми душами, съ которыми предстанетъ и на судъ Божій. Также, *если кто выкупается на свободу, пусть столько же даетъ за себя, сколько дали за него*. Потомъ, *если онъ будетъ свободенъ, то уже и дѣти его свободны*; а если кто станетъ дѣтей его брать въ рабство, и съ нихъ потомъ взыскивать *изгойство* (лишніе деньги за свободу),—тѣ обрящутся кровъ невинную продающими, и взыщется отъ руки ихъ кровъ та предъ Богомъ на страшномъ судѣ: лучше бы имъ не родиться. Свидѣтель сему самъ Богъ Иисусъ Христосъ, который самъ искупилъ насъ своею кровію отъ рабства діавола и отъ человѣческой неправды и злобы. И самъ Господь сказалъ: нѣтъ милости не сотворивше-

¹⁾ *Изъ нарадъ* руп. солов. библ. XV вѣка. № 270. л. 187: «слово о немилостивыхъ богатыхъ».

²⁾ *А. И. т. 1. № 109. — Собр. солов. библ. № 826. л. 311: «поученіе иже во святыхъ отца нашего Евфимія, архіепископа великаго Новгорода». — Также *коричная* сол. библ. № 858.*

му милости» ¹⁾. — Такъ по суду древней русской церкви, одно взиманіе *изгойства*, т. е. лишніхъ денегъ съ выкупающихся отъ рабства на свободу, считалось уже самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Оно приводило въ страхъ благочестивыхъ пастырей. Между прочимъ вотъ еще толкованіе на молитву Господню; слова молитвы Господней: *избави насъ отъ лукаваго*—напоминаютъ толкователю изгойство, и у него тотчасъ невольно исторгается грозный судъ противъ изгойства: «горче всего, говоритъ онъ, братъ изгойство: изгойство—безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчное воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасающій огонь» ²⁾. Или вотъ, приближаясь къ гробу, немилостивый поработитель свободныхъ людей заказываетъ, чтобъ его погребли близъ церкви: погребеніемъ близъ церкви надѣялся онъ умиловить Бога за свой тяжкій грѣхъ изгойства и поработенія. Но церковь такому отвѣчала: «если кто—рѣзоимецъ, обидникъ и грабитель положенъ въ церкви, ежели онъ кого поработилъ въ жизни, тѣ, пришедши ко гробу его, возопіють на него со слезами къ Богу: Господи Боже! Ты мстникъ обиднику нашему: о горе таковымъ, хотя и въ церкви положены будутъ» ³⁾.

Обличая жестокосердыхъ рабовладѣльцевъ за ихъ нечеловѣколюбивое обхожденіе съ рабами, за то, что они не отпускали на свободу выкупающихся отъ рабства, или брали слишкомъ большую цѣну за свободу,—Церковь поучала всѣхъ вообще рабовладѣльцевъ обращаться съ рабами, какъ съ своими чадами, заботиться отечески объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ. Вотъ напр. одно изъ многихъ—«слово церкви къ тѣмъ, которые имѣютъ челядь»: «если кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, учите ихъ и побуждайте къ крещенію и покаянію и наставляйте на законъ Божій и грозою, и ласкою. Ты игуменъ въ своемъ дому. Если не учишь ихъ, то отвѣтъ дашь за нихъ предъ Богомъ. И корми ихъ довольно, снабжай одеж- дами и яствами,—и что имѣете и чего они попросятъ, давайте, да не въ скорби ходятъ. А не безчествуйте ихъ: ибо они такіе же люди, только вамъ въ услуженіе даны Богомъ. Если же вы имъ не дадите одежды и пищи, а они, не стерпя голоду и наготы, начнутъ красть и разбивать, вы дадите отвѣтъ предъ Богомъ за то... Позаботимся, братіе, о спасеніи нашихъ слугъ, чтобы они были добры и знали страхъ Божій... Если рабы наставлены будутъ на страхъ Божій, то будутъ тебѣ пособниками въ добрѣ. Не оставляй своихъ рабовъ и рабынь праздными: ибо праздность ведетъ ко многому злу. Но и не отягчай чрезъ силу раба и рабыню, чтобы они въ горести не воздохнули на тебя къ Богу. Богъ услышитъ вопль ихъ, и проліетъ на тебя гнѣвъ свой... Господа! удовлетворяйте рабовъ своихъ, да не опечаливаются душами своими и да не скорбятъ изъ-за тѣлесной скудности; всѣхъ дѣлайте довольными. Учите ихъ закону; если кто не послушаетъ тебя, ты накажи его, но не чрезъ силу: такъ спасешь его душу,

¹⁾ Это замѣчательное поученіе находится въ *сборной кормчей* солов. библ., писанной въ 1493 г. при Геннадіи архіеп. новгородскомъ. № 858. л. 382—383.

²⁾ Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. кн. 2. пол. 2.

³⁾ *Измарагдъ* рукн. сол. библ. № 270. л. 171: «слово о кладающихся въ церкви».

и тѣмъ его предохранить отъ человѣческихъ пороковъ. Если же имѣешь добраго раба то имѣй его не только какъ брата, а какъ сына. А если озлобишь его, когда онъ хорошо работаетъ на тебя, то онъ убѣжитъ на другую землю отъ тебя» ¹⁾. Обличаемый и поучаемый такимъ образомъ въ церкви, вотъ идетъ богатый рабовладѣлецъ въ монастырь: за нимъ везутъ изъ его житницъ цѣлый возъ хлѣба на братію. Тутъ выходитъ къ нему старецъ, подвижникъ монастыря, и тихо, кротко отвѣчаетъ на его предложеніе: «сынъ мой! что ты нынѣ приготовилъ для насъ, то отнеси назадъ домой: у тебя въ дому есть работники, напитай напередъ рабовъ своихъ, только остатки, какіе останутся отъ нихъ, принеси нашей пищетѣ, и тогда будешь истинный милостивецъ» ²⁾. «Это великій подвижникъ (Димиртій вологодскій) сказалъ господину для того,—замѣчаетъ жизнеописатель,—чтобы онъ не былъ золъ къ своимъ рабамъ, и такъ поучалъ преподобный не одного этого господина, но и всѣхъ». А мы, на основаніи многихъ историческихъ свидѣтельствъ, прибавимъ: такъ поучалъ рабовладѣлецъ не одинъ этотъ великій подвижникъ, слова котораго мы привели, но и другіе и вообще всѣ: рѣдкое жизнеописаніе великаго подвижника древней русской церкви не украшается такими поученіями. Такъ напр. великій просвѣтитель сѣвернаго поморья—Зосима самъ терпѣлъ жестока притѣсненія отъ боярскихъ рабовъ, промышлявшихъ на новгородскихъ бояръ въ сѣверномъ поморьи, такъ что принужденъ былъ лично идти въ Новгородъ—испрашивать у бояръ защиты отъ ихъ рабовъ, но тамъ съ презрѣніемъ встрѣчаетъ его богатая сѣверо-поморская помѣщица, знаменитая новгородская боярыня Марѳа посадница. А чрезъ нѣсколько времени приходитъ изъ Новгорода къ тому же преп. Зосимѣ въ Соловецкій монастырь богатый рабовладѣлецъ съ богатыми дарами. Чтожъ? Зосима забываетъ всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ рабовъ новгородскихъ бояръ, не беретъ даровъ отъ рабовладѣльца, а прежде всего поучаетъ его самого—человѣколюбиво обходиться съ рабами, не морить ихъ голодомъ и наготою, а держать въ любви. Или: доходитъ слухъ объ извѣстномъ рабовладѣльцѣ до великаго подвижника древней русской церкви, до Кирилла бѣлозерскаго, до Іосифа волоколамскаго, или до другого какого либо подвижника, что такой-то рабовладѣлецъ жестоко обращается съ своими рабами, лишаетъ ихъ пищи и одежды, нисколько не печется объ нихъ. Человѣколюбивый подвижникъ тотчасъ пишетъ ему посланіе, не взирая на то, кто былъ этотъ рабовладѣлецъ—князь или бояринъ. «Слухъ до меня доходитъ про твое благородство,—пишетъ напр. Іосифъ волоколамскій одному боярину,—что де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ; тѣснота и скудность велика имъ въ тѣлесныхъ потребахъ; пищей и одеждой не только не довольны, но и съ голоду иставеаютъ, и отъ наготы страдаютъ. А посему я грѣшный осмѣливаюсь напомнать тебѣ, моему господину, вспомнивъ твою вѣру къ пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ. Хотя и неприлично

¹⁾ *Измарагдъ* солов. библ. № 270. л. 97.

²⁾ Сборн. сол. библ. № 805. л. 150—151: «житіе Димитрія вологодскаго».

мнѣ грѣшному, господинъ, писать тебѣ о семъ, и посылать тебѣ наставленіе къ пользѣ и принимать на себя учительскую власть, не имѣя ни ума, ни разсудка очищеннаго; однакожъ, да знаетъ твое боголюбіе, что не мои мысли эти, а я слышалъ ихъ отъ божественнаго писанія. Оно повелѣваетъ рабовъ своихъ имѣть не какъ рабовъ, но какъ братьевъ миловать, питать и одѣвать довольно, пешихъ о спасеніи душъ ихъ, наставлятъ ихъ всегда на добрыя дѣла, т. е. не творить убійства, не грабить, не красть, не творить прелюбодѣйства, отъ достатковъ своихъ подавать милостыню нищимъ. Такъ господину всегда должно учить ихъ со смиреніемъ многимъ, усердно заботиться о душахъ ихъ и представить ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. И только, сынъ мой, будетъ такъ, какъ слухъ доходитъ до меня грѣшнаго про твое благородство, что въ каковой тѣснотѣ у тебя нынѣ твои рабы и сироты, право, имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ и имѣть къ другимъ милостыню, когда сами съ голоду истаеваютъ, но и отъ худыхъ обычаевъ не удержатся. Если не будутъ имѣть пищи и одежды для тѣла и претерпѣвать скудность во всякихъ необходимыхъ потребностяхъ. И ты, господинъ, смотри. какъ божественное писаніе страшно угрожаетъ и говоритъ: бѣда великая, страшная и мученіе безконечное тѣмъ, которые не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, а только работами изнуряютъ и ранами казнятъ, одежды и пищи не даютъ, а голодомъ морятъ; о душахъ ихъ не пекутся, но гордятся и желаютъ суетной и тщетной жизни—прелести свѣта сего, не имѣя той мысли и забывая, что всѣ—созданіе Господне, всѣ—плоть одна, всѣ помазаны однимъ мѣромъ, всѣ—въ рукѣ Господа, который кого хочетъ, дѣлаетъ нищимъ; забывая, что всѣ станемъ предъ единымъ страшнымъ Царемъ на безстрастномъ его суду, что таковыя властелины будутъ сами преданы въ вѣчную муку. И ты, господинъ, Бога ради побереги себя: ибо и малое небреженіе, господинъ, великія бѣды навлекаетъ; а тѣмъ болѣе бояться должно этого грознаго прещенія къ немилостивымъ и немилосерднымъ, и всегда должно помнить Христову евангельскую заповѣдь: якоже хотите да творятъ вамъ человецы, творите и вы имъ такожде благая; и блаженны милостивыи, яко тѣи помилованы будутъ. И вотъ, господинъ, Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь великій князь тебя пожаловалъ: такъ вотъ и тебѣ, господинъ, слѣдуетъ пожаловать своихъ клеветовъ и показать къ нимъ милость, пищей и одеждой удовлетворить и другими всякими нужными потребностями успокоить, и на добрыя дѣла Господни должно всегда поучать... Прости меня, господинъ, что твое жалованіе и любовь сдѣлали меня смѣлымъ и дерзновеннымъ; со умиленіемъ прошу тебя показать тщательный подвигъ въ попеченіи о рабахъ; а писалъ я тебѣ, господинъ, отъ слуха, да и самъ видѣлъ нужду ихъ» ¹⁾. Такъ для древнихъ великихъ мужей нашей церкви дружба дружбой была, а правда правдой, кого бы она ни касалась—князя или боярина. Не приводимъ еще подобнаго посланія къ князю преп. Кирилла бѣлозерскаго и другихъ многихъ.

И не словомъ только поучали подвижники древней русской церкви рабовладѣльцевъ, а и примѣромъ. Эти святые мужи были какъ-бы проро-

¹⁾ Дополн. съ акт. истор. т. 1. № 213.

ками и, если можно такъ сказать, прообразователями грядущей свободы чадъ Божіихъ. Въ то время, какъ толпы земледѣльцевъ и рабовъ бѣгутъ изъ селъ мірскихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ отъ поработительнаго наслія сильныхъ, углубляются все далѣе и далѣе въ дремучіе лѣса и тундры огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣверо-восточной Россіи и населяютъ пустыни,—въ то же время, всегда впереди ихъ, идутъ ходатаи рабовъ, защитники порабоощаемыхъ и угнетаемыхъ земледѣльцевъ и рабовъ—св. отшельники. Дѣти богатыхъ рабовладѣльцевъ—Зосима соловецкій, Антоній сійскій, Кириллъ бѣлозерскій, Александръ свирскій, Савва вишерскій, Корнилій вологодскій и цѣлый сонмъ подобныхъ отшельниковъ изъ рода богатыхъ бояръ—рабовладѣльцевъ, измлада напитавшись высокимъ ученіемъ церкви о рабахъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ, по смерти родителей своихъ оставляютъ свои богатя имѣнья, возвѣщаютъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ; а сами уходятъ въ лѣса и дебри отдаленныхъ краевъ Россіи, чтобы тамъ насаждать сѣмена новой жизни, и тамъ еще даютъ льготы многочисленнымъ колоніямъ земледѣльцевъ. И за ними идутъ тысячи народонаселенія, идутъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ непрерывнымъ, стремительнымъ движеніемъ, въ чаяніи чрезъ нихъ защиты, освобожденія, избавленія отъ поработительнаго деспотизма сильныхъ. И вотъ около монастырей и пустынь отшельниковъ, среди дремучихъ дебрей, насаждается множество селъ, деревень и починокъ. Великіе отшельники, однажды навсегда отказавшіеся отъ своихъ селъ и рабовъ, еще далѣе уходятъ отъ наплыва стремящагося къ нимъ народонаселенія въ невѣдомые, непроходимые лѣса сѣвера, куда, выражаясь языкомъ древняго русскаго земледѣльца, ни топоръ, ни коса, ни соха не ходили; но земледѣльцы русскіе, повсюду ходившіе съ своимъ завѣтнымъ топоромъ, косою и сохой, находили и тамъ своихъ покровителей, отшельниковъ, и населяли около нихъ новыя села, деревни и новые починокъ. Не напрасно, а многозначительно было въ исторіи русской церкви и гражданственности это всеобщее, непрерывное стремленіе народа за великими подвижниками, къ ихъ обителямъ, это постоянное примыканіе къ нимъ отовсюду стекавшагося народонаселенія. Ибо оттуда, изъ этихъ обителей, слышался отрадный для угнетаемаго народа голосъ о нравственно-христіанской свободѣ раба и земледѣльца, такъ безпристрастно, неумолчно и гласно обличавшій жестокосердіе и несправедливость господъ. Около этихъ обителей, и только около нихъ однихъ, находила спасеніе, огражденіе, мирный пріютъ личность, въ обществѣ не признанная, подавляемая, гонимая всеобщимъ стремленіемъ къ порабощенію; ради ихъ и отъ нихъ давались земледѣльцамъ льготы, облегченія въ податяхъ и повинностяхъ и большая свобода труда. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: «должникамъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ наки посадилъ» ¹⁾.

¹⁾ „Житіе Кирилла бѣлозерскаго“, сбор. слов. библ. № 219; также „житіе Димитрія прилуцкаго“. Сборн. сол. библ. № 805; и тоже во многихъ другихъ житіяхъ.

Такъ сіяла въ древней русской церкви идея лучшей участи людей несвободныхъ, и — свѣтъ во тьмѣ свѣтился. Смотря на общественную жизнь народа съ точки христіанства, съ книгою Евангелія, церковь возвышалась до самой чистой идеи челоувѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной.

Но вотъ фактъ, котораго мы не минуемъ: церковь сама владѣла крестьянами. Послушаемъ же, что говоритъ и тутъ правда историческая. Во-первыхъ: древніе русскіе князья и цари, не давая церкви другого матеріальнаго обезпеченія, сами давали ей земли и крестьянъ; бояре и другіе зажиточные люди передавали церкви своихъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ; вступавшіе въ монастыри владѣльцы приписывали своихъ рабовъ къ монастырямъ, отказываясь отъ своихъ личныхъ надѣ рабами правъ. Наконецъ, самъ народъ охотнѣ шелъ жить по договорнымъ грамотамъ на земли церковныя и монастырскія, чѣмъ на земли боярскія, охотнѣ подчинялся игуменамъ монастырей, чѣмъ сильнымъ міра сего — боярамъ, потому что ему тамъ большею частію было жить лучше, — льготнѣе, обезпеченнѣе. Словомъ, основанія духовныхъ владѣній были совсѣмъ другія, чѣмъ у мірскихъ владѣльцевъ: не насиліе, не порабощеніе, не обращеніе въ холопство лихоимствомъ, сутяжничествомъ и всѣми неправдами. А между тѣмъ достаточно прочитавъ любую монастырскую уставную грамоту, чтобы видѣть, какъ заботилась церковь о своихъ крестьянахъ. Въ уставныхъ грамотахъ обыкновенно строго наказывалось монастырскимъ приказчикамъ: «а прилучится нашему крестьянину монастырскому каково дѣло до иныхъ волостей крестьянъ, и пойдутъ къ сроку въ городъ на судъ, — и нашему прикащику и доводчику съ ними за дѣлы итти, и *крестьянъ въ судъ беречи накрывко, и отъ того отъ крестьянъ ни поминка, и ни ѣзду не имать доводчику ничего* . . . А если старецъ нашъ или прикащикъ или доводчикъ коего крестьянина изобидитъ чѣмъ нибудь, или не по сей нашей грамотѣ что на нихъ возмутъ, и *имъ отъ насъ быть въ пользу и смиреніи, и кого чѣмъ обидятъ, и намъ вельми на нихъ доправитъ вдвое*»¹⁾. Пастыри церкви увѣщевали игуменовъ монастырей и прикащиковъ своихъ вотчинъ оберегать крестьянъ: «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», пишутъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря въ грамотѣ объ устройствѣ монастырскихъ зданій²⁾. Во-вторыхъ: крестьяне принадлежали не *лицамъ* духовнымъ, на правахъ личной собственности, какъ было у бояръ, а *учрежденіямъ* духовнымъ: церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ. Это далеко не одно и тоже — и духовныя владѣнія подлежатъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Въ-третьихъ: кто прежде всѣхъ выразилъ мысль — отказаться отъ крестьянъ? Кто прежде всѣхъ поднялъ вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть крестьянами? — Сама же церковь, — по крайней мѣрѣ лучшіе и передовые въ ней люди. Извѣстно, какъ напр.

¹⁾ См. въ Акт. ист. уставныя грамоты Филиппа игум. соловецкаго, также Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря, и мн. др.

²⁾ А. Н. т. IV, стр. 192.

разсуждалъ объ этомъ еще митрополитъ Кипріанъ, какъ сильно спорилъ знаменитый отшельникъ Ниль сорскій съ Іосифомъ волоколамскимъ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть крестьянами, какъ на сторонѣ преп. Нила были пустынники бѣлозерскіе. Отъ времени до времени, почти черезъ весь періодъ владѣнія крестьянами, изъ среды духовенства не переставали возникать голоса противъ этого владѣнія. Если же при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III духовенство на соборѣ торжественно не согласилось отказаться отъ владѣнія крестьянами: то вѣдь тогда вопросъ былъ только о передачѣ духовныхъ крестьянъ боярамъ и служилымъ людямъ, а не о томъ, чтобы дать крестьянамъ свободу: слѣдовательно предметомъ спора былъ только *фактъ* владѣнія ими, а не *право*; права же духовенства, если не въ гражданскомъ, то въ нравственномъ смыслѣ были тѣ же, по этому предмету, что у бояръ, и даже чище и нравственнѣе, потому что духовенство пріобрѣтало крестьянъ не насиліемъ, поработеніемъ, сутяжничествомъ, а добровольными жертвами мірскихъ владѣльцевъ и самыхъ князей, не менѣе добровольнымъ поселеніемъ крестьянъ на духовныхъ земляхъ и только отчасти — покупкою. А если бы дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что церковь не стояла бы за свои владѣнія. Опять не надо забывать, что духовные крестьяне принадлежали не лицамъ, а учрежденіямъ церковнымъ: а при этомъ отказъ духовенства великому князю Іоанну III получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ — если бы отказывали лица, отстаивая свои личныя преимущества и выгоды: отдѣльныя же духовныя лица показывали и въ этомъ отношеніи примѣры поучительныя. Знаменитый московскій священникъ XVI вѣка, Сильвестръ въ своемъ «Домостроѣ» говоритъ сыну: «работныхъ своихъ я всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и пныхъ выкупилъ изъ рабства и на свободу попускалъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ ты видишь, и молятъ за насъ Бога и добродѣтеливаютъ всегда. И домочадцы наши нынѣ всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ»¹⁾.

Церковь даже русскимъ царямъ излагала основанія для благоустройства крестьянъ. Такъ въ «*словѣ о правдѣ*», приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «если поискать въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣроу правъ, то онъ долженъ нелѣпно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ — до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ...* Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что либо. А эти люди (вельможи), если когда бывають посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа

¹⁾ *Временникъ* Имп. моск. общ. истор. кн. 1. матер. стр. 31—33. 49. 97. 100. 111.

и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней: на ямскія расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры — писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отнимриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ большими прибытками. Кроме же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятковъ не будетъ»¹⁾. Такъ церковь заботилась объ улучшеніи быта крестьянъ, когда и сама владѣла ими, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ.*

Что же? Внимало ли древнее русское общество голосу церкви? Слушались ли его древніе рабовладѣльцы? Внимали и слушались, но только поздно и не вполне. Плодомъ вѣкового ученія церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей — былъ вѣковой же обычай въ древней Россіи только при смерти отпускать на волю своихъ рабовъ. При смерти и князья освобождали своихъ рабовъ. Про одного волынского князя XIII вѣка лѣтописи говорятъ, что, когда онъ, при одномъ предпріятіи, по обычаю того времени, раскрылъ книгу св. Писанія, ему открылись слова Христовы: «Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, отпустити сокрушенныя во отраду» и проч., — и онъ при смерти всѣхъ «работныхъ освободилъ»²⁾. Но вотъ умираетъ и тотъ жестокосердый рабовладѣлецъ, который всю жизнь свою провелъ въ поработченіи людей, и котораго всю жизнь обличала церковь, — и тутъ-то, при видѣ гроба, при воплѣ и терзаніяхъ совѣсти, воспоминался ему голосъ церкви, — и онъ въ своей духовной изрекаетъ: «всѣмъ моимъ кабалнымъ людямъ воля; которые мои люди полные, и докладные и кабалные и всякіе люди, прикащикамъ моимъ тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, дать имъ отпускные и надѣлать ихъ изъ моего живота деньгами и хлѣбомъ». Теперь-то рабовладѣлецъ, доселѣ безчеловѣчно издѣвавшійся надъ своими рабами и рабынями, теперь-то слышалъ упрекающій, воиющій голосъ совѣсти и церкви, — и самъ на одрѣ смертномъ просилъ прощенія у всѣхъ своихъ рабовъ: «спротивъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбить въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ есими грѣхомъ своимъ и смерти предать. — согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виновать: простите меня грѣшного и благосло-

¹⁾ Архивъ историко-юр. свѣдѣній о Россіи, кн. 2, пол. 1.

²⁾ Плат. лѣт. стр. 206—219.

вите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семь вѣцѣ и въ будущемъ»¹⁾. Но въ томъ же умирающемъ рабовладѣльцѣ происходила еще тяжкая, предсмертная борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ, съ одной стороны — земного, грубаго стремленія къ поработенію, съ другой стороны — духовнаго, нравственно-христіанскаго стремленія къ освобожденію; тотъ же самый рабовладѣлецъ, который, умирая, дрожащей рукой писалъ духовную — отпускную своимъ рабамъ, молится о своемъ сынѣ: «умножь, Господи, имѣніе его и распространи села его, да разбогатѣетъ домъ его рабы и рабынями и всякими скоты». Тотъ же рабовладѣлецъ, который, по господствующему обычаю, половину рабовъ отпускаетъ, остальныхъ рабовъ удѣрживаетъ въ холопствѣ, и у гроба пишетъ завѣщаніе: «благословляю свою жену и сына своего своими холопами и полными людьми»²⁾.

Такъ древне-русское общество съ трудомъ мирилось съ высокою идеею христіанской, нравственной свободы и не созрѣло еще для полнаго осуществленія ея. Въ XVII в. совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII вѣкѣ это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право и, если можно такъ сказать, въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи, вѣкъ узурпаторства, преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ, едвали не былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности, впрочемъ плохо понятой, и по иноземному вліянію, тогда унижено было въ обществѣ духовенство, которое вслѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ-бы замкнулось въ своей кастѣ. Въ тоже время, какъ духовенство было унижено, по той же идеѣ, непомерно было возвышено, привилегировано, въ ущербъ другимъ сословіямъ, землевладѣтельное сословіе. XVIII вѣкъ былъ въ исторіи нашей почти исключительно вѣкомъ развитія аристократизма, а не развитія народа, всего народа. Но каковъ былъ этотъ аристократизмъ XVIII вѣка? Достаточно вспомнить, какъ описалъ его Фонъ-Визинъ, и какъ изображается онъ въ мемуарахъ XVIII вѣка. Дворянство считало своимъ исключительнымъ гербомъ *честь*, а низшимъ классамъ, даже въ печати и въ публичныхъ актахъ, усвоено было названіе *подлого народа*. Тогда утверждено и крѣпостное право на цѣлыя поколѣнія, миллионы народа. Но непріятные случаи, возникавшіе изъ отношеній между крестьянъ и помѣщиковъ во второй половинѣ XVIII вѣка, движенія крестьянъ при Пугачевѣ, можно сказать, были первыми плодами крѣпостного права.

Что же? Уже ли та великая идея разумночеловѣческой, нравственной свободы, которая, прямо истекая изъ духа христіанства, составляетъ одно

¹⁾ *Акт. юрид.*, изд. Калачевымъ. т. 1. № 86.

²⁾ *Акт. юрид.* т. 1. стр. 558 и слѣд.

изъ самыхъ жизненныхъ началъ истиннаго прогресса человѣчества, ужели она должна была только блеснуть для несвободныхъ людей изъ древней нашей церкви, и потомъ исчезнуть навсегда? Нѣтъ! Ты еже съеши, не оживаетъ, аще не умреть; и еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно... съется въ немощи, возстаетъ въ силу. «Не умираютъ тѣ идеи, скажемъ словами одного нашего писателя, которымъ опредѣлено быть вѣчными; умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умереть изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго и что освящено христіанствомъ». Не даромъ простой народъ нашъ доселѣ помнитъ и съ живымъ сочувствіемъ рассказываетъ про древнихъ благочестивыхъ пастырей и подвижниковъ русской церкви, которые защищали его отъ угнетенія и неправды, и всегда выражаетъ при этомъ желаніе — нынѣ имѣть такихъ пастырей и учителей, прилагавшихъ ученіе Христово къ самой жизни ихъ, къ насущнымъ, нравственнымъ потребностямъ народа: И древній горькій заточникъ въ своемъ уныніи не доходилъ до отчаянія, а и на дикихъ берегахъ Лача-озера также чаялъ освобожденія. И всѣ древніе русскіе люди, съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ перечитывавшіе краснорѣчивый плачь горемычнаго заточника, были вполне увѣрены, что рано или поздно осуществится идея церкви объ улучшеніи быта народнаго, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и освобожденъ. Въ народѣ русскомъ въ древнее время сложилась даже замысловатая повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое «моленіе» въ воскъ, бросилъ завощенный свитокъ въ озеро: свитокъ поглотила рыба; рыбакъ поймалъ рыбу, и, нашедши въ ней свитокъ, принесъ къ князю; князь прочелъ и повелѣлъ заточника освободить отъ горькаго заточенія. — Вотъ, благодареніе Богу! мы дожили, мы живемъ въ ту великую эпоху, когда царь нашъ возвѣстилъ лучшую участь вѣковому, бѣдному заточнику — крѣпостному народу русскому.

М. Г.! Къ чему, — быть можетъ, подумаете вы, — вспоминать голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, когда нынѣ уже живой, громогласный и дѣйственный голосъ разнесся по Россіи. — Къ тому, что современная русская церковь, свидѣтельница улучшенія жизни крестьянъ, какъ непосредственная преемница древней русской церкви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ преемница и всѣхъ ея высокихъ, христіанскихъ идей. Если древняя наша церковь сѣяла *голо зерно*, возвѣщала только идею улучшенія быта несвободныхъ людей, то современная церковь наша призывается голосомъ древней церкви возрастить, воспитать *будущее тѣло*, раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитывать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, вырабатывать и приводить въ дѣйствіе начала нравственнаго улучшенія быта народнаго. Свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ основаній: иначе она можетъ быть даже вредна

для него, будетъ не лучше средневѣковаго разгула матеріальной силы и произвола. Вотъ къ чему призываются нынѣ современные пастыри русскаго народа, современная духовная наука и литература, чтобы быть вѣрными живымъ преданіямъ древней нашей церкви, развить, провести въ жизнь общества и оплодотворить ея высокія и прекрасныя идеи ¹⁾).

¹⁾ Напечатанная выше рѣчь была произнесена А. П. Щаповымъ 8 ноября 1858 г.; имѣются свѣдѣнія, что 8 ноября 1857 г. Щаповъ также читалъ на актѣ казанской духовной академіи рѣчь подъ заглавіемъ „Религія и русская народность“; текста послѣдней, кажется, не сохранилось. — В. С—вз.

Памяти М. В. Ломоносова

Рѣчь ¹⁾

Отрадный фактъ, что и мы, русскіе, стали наконецъ торжественно воспоминать не одни какіе-нибудь военные подвиги, но и умственные заслуги нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, двигателей нашего просвѣщенія, хотя исторія умственной жизни нашей не приготовила намъ ни юбилея своего Кеплера или Галилея, ни юбилея своего Шекспира. Радостно и то, что общество русское какъ нельзя болѣе кстати празднуетъ въ настоящій годъ юбилей нашего Декарта или Бэкона — безсмертнаго Ломоносова — преобразователя нашей умственной жизни и начинателя нашего реального образованія. Намъ, сибирякамъ, нельзя было не от-

¹⁾ Напечатано въ брошюрѣ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при празднованіи въ Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова“. Иркутскъ. Въ типографіи штаба войскъ, in 16. стр. 20. ц. 1 руб. Цензурное дозволеніе отъ 26 мая 1865 г. На оборотѣ сорочки значится слѣдующее: „Несвоевременное полученіе въ Иркутскѣ столичныхъ газетъ лишило иркутянъ возможности праздновать одновременно съ Россіею юбилей Ломоносова. Это празднованіе состоялось 26 мая. Оно ограничилось отслуженіемъ заупокойной литургіи панихиды въ Михаило-архангельской (Харлампіевской) церкви — и завтракомъ, на которомъ были произнесены между прочимъ двѣ прилагаемыя рѣчи о Ломоносовѣ. Въ ознаменованіе юбилея предположено учреждаемое въ ремесленной слободѣ училище наименовать Ломоносовскимъ, и кромѣ того открыть подписку на составленіе такого капитала, процентовъ съ котораго было бы достаточно на полное образованіе одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ Восточной Сибири. Заявленія по этому поводу могутъ быть присылаемы въ Редакціи Сибирскаго Вѣстника и Губернскихъ Вѣдомостей“.

На стр. 1—9 напечатана рѣчь старшаго учителя Иркутской гимназіи Н. И. Попова, о которомъ А. Шаповъ упоминаетъ въ очеркѣ, посвященномъ О. И. Жемчужниковой (Шаповой), а на стр. 10—19 напечатана рѣчь самого Шапова съ такимъ примѣчаніемъ: „За отсутствіемъ г. Шапова, рѣчь эта была прочитана Б. А. Милютинимъ“. Въ рѣчи Н. И. Попова, между прочимъ говорится, что Ломоносовъ „по складу ума своего, съ особенною любовью занимался науками естественными, и ихъ особенно старался провести въ сознаніе общества“ (стр. 7), что „реализмъ Ломоносова, мм. гг., фактъ многознаменательный: здѣсь Ломоносовъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ современниковъ, дажеко опередилъ схоластическій свой вѣкъ и сѣялъ то, что только нынѣ, черезъ сто лѣтъ, такъ настойчиво сознается и такъ горячо чувствуется всѣми“. Рѣчь Н. Попова заканчивается призывомъ „на составленіе капитала для образованія крестьянскихъ мальчиковъ“, вѣдь изъ нихъ, подобно Ломоносову „выходящъ изъ среды простаго народа“, могутъ выходить „такіе же полезные и благородные дѣятели“. Изъ пособій своихъ авторъ рѣчи цитируетъ только одного Бокля. Рѣчь А. Шапова напечатана въ брошюрѣ безъ всякаго заглавія, просто подъ цифрою II, такъ что заголовокъ „Памяти М. В. Ломоносова“ данъ здѣсь редакторомъ собранія сочиненій Шапова. В. С—въ.

сликнуться на этот истинно-народный праздник, между прочим и потому, что все первые пролагатели путей колонизации и культуры Сибири, все первые поселенцы ее — наши предки были земляки Ломоносова, и в нас есть значительная доля крови и наречия поморцев, холмогорцев, архангельцев. И память об Ломоносове в настоящее время особенно значительна для всего русского общества и, в частности, для нас — сибиряков.

При одном воспоминании имени Ломоносова затрагиваются самые живейшие струны нашей социальной жизни, затрагиваются все высочайшие, первейшие умственные потребности нашего времени, насущнейшие вопросы о народном образовании.

Ломоносов был преобразователем нашей умственной жизни. Помните, что такое была древняя допетровская Россия, боявшаяся естественных наук, как ереси и волшебства, создавшая суеврейский раскол из-за бороды, из-за сложенія перстовъ, из-за буквъ *и* и *и* и проч., и теперь еще доживающая свой векъ въ огромныхъ массахъ народа? Это была полнейшая невежественная и суеврейная раба природы. Отъ незнанія природы, она не знала никакой интеллектуальной, разумной культуры, никакихъ рациональныхъ искусствъ, ремеслъ и промысловъ, никакихъ фабрикъ и заводовъ. Отъ незнанія, на примѣръ, горной природы — богатой экономіи минеральнаго царства Урала и Сибири, — она не знала горныхъ промысловъ, и вслѣдствіе того, была не только бѣдна, безденежна, но и безоружна, отъ чего долго не могла свергнуть съ себя тяготѣвшее надъ нею иго азіатскихъ ордъ и сразу проложить себѣ морской и территориальный путь къ Западу. Отъ незнанія горной, полезной производительности, древняя Россия была крайне бѣдна даже самыми простыми земледѣльческими орудіями, такъ что московскіе цари должны были въ XVII вѣкѣ разсылать по областямъ сохи, сошники, серпы и проч. А какое міроозерцаніе тогда господствовало не только въ массахъ народа, но и въ высшихъ классахъ общества? (Вѣкъ тогдашній, — говоритъ Болтинъ, — благовремененъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицеиры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою въ томъ обрѣтали; народъ вѣрилъ и обманщиковъ обогащалъ. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню). Даже дворъ царицы Параскевы Феодоровны, по словамъ Татищева, «отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, ханжей, въ родѣ сумасброднаго подъячаго Тимофея Архиповича, котораго суевѣры почитали за святого и пророка». И въ то время, когда Ломоносовъ, увлеченный въ расколъ, съ жаждой знанія, бѣжалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, слушалъ тамъ схоластическія науки у законоспасскихъ монаховъ и потомъ отправился за границу изучать физику и философію у Вольфа, — и въ то время было множество фанатиковъ Капитоновъ, которые «съ четками въ рукахъ, читали часословъ и ворчали — кричали, что сѣмя наукъ вредно, что ѣхать за границу учиться — значитъ погублять свою душу, что физика, математика и геометрія — богоотреченныя книги, что грѣхъ испытывать природу — тайны Божіи».

И вотъ, въ такое-то время, въ этой темной тучѣ облегшихъ народъ

суетвѣрій, прогремѣло очистительное, просвѣтительное слово Петра Великаго о западной наукѣ. И Ломоносовъ, восторженно благоговѣвшій передъ гениемъ Петра, воспѣвавшій его въ поэмахъ, превозносившій почти на каждой лекціи, въ каждомъ словѣ о природѣ, о физикѣ, о химіи, — Ломоносовъ былъ единственнымъ, неутомимо-энергическимъ продолжателемъ его просвѣтительной реформы и дѣятельности, всю жизнь свою посвятившій специально на просвѣщеніе сыновъ російскихъ, на наставленіе молодыхъ людей. Онъ, во-первыхъ, во всю жизнь свою старался разбивать народные суетвѣрія и предубѣжденія относительно природы и естествознанія и пропагандировать идею реального образованія. Снисходя къ умственнымъ слабостямъ большинства массы — общественной. — онъ старался помирить народную вѣру съ природой, великую книгу природы съ книгой откровенія. «Природа и вѣра, — говорилъ онъ, — суть двѣ сестры родныя, и никогда не могутъ придти въ распрю между собою. Создатель дать роду человѣческому двѣ книги: въ одной показать свое величество, въ другой свою волю. Первая книга — видимый сей міръ. Въ этой книгѣ сложенія видимаго міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру влияющихъ дѣйствій суть тоже, что въ книгѣ священнаго писанія пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ. Также не здраво разсудителенъ и учитель богословія, если онъ думаетъ, что по псалтыри можно научиться астрономіи или химіи». Какое бы явленіе природы ни разсматривалъ Ломоносовъ, говорилъ ли, напримѣръ, о прохожденіи Венеры черезъ солнце, какое наблюдали въ С.-Петербургской академіи наукъ 26 мая 1761 года, онъ прямо мѣтилъ между прочимъ, на то, чтобы разсѣять народные заблужденія и распространить истинное естественно-научное понятіе. «Такое рѣдко случаемъ явленіе, — говорилъ онъ, — требуетъ двойкаго объясненія. Во первыхъ, должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ всякія неосновательныя сомнѣнія и страхи, которыя бываютъ иногда причиною нарушенія общаго покоя. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при такихъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, которыя не только во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя суторбясь... Второе объясненіе должно простираться до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей православія: кое дѣло само собою похвально, если бы иногда излишествомъ своимъ не пренятствовало приращенію высокихъ наукъ». Всецѣло проникнутый глубокою любовью и восторженнымъ энтузіазмомъ къ природѣ, самъ испытавши высокое умственное наслажденіе и великую пользу отъ естествознанія, употреблявшій, по собственнымъ словамъ его, — каждый досужный часъ, вмѣсто билльярда, на физическіе и химическіе опыты, и считавшій ихъ «движеніемъ вмѣсто лекарства», — Ломоносовъ всячески старался вселить и въ общество любовь къ природѣ, къ естествознанію. Каждое его слово о природѣ, о физикѣ, о химіи, о металлургіи и проч. начиналось энергическимъ и вдохновенно-убѣдительнымъ призывомъ —

полюбить природу, полюбить изучение. Приступая къ публичному чтенію физики въ 1750 году, и въ программѣ изобразивши высокое этическое, нравственное значеніе и великую реальную пользу естествознанія,—Ломоносовъ публично призывалъ «желающихъ учиться натуральной философіи въ физическія камеры Академіи на публичныя физическія опыты, ничего иного отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанія». «И смотрѣть только на роскошь преизобилующей природы,—говорилъ онъ,—есть чудное и восхищающее духъ увеселеніе, и пріятно, и вождѣленно, и полезно, и свято. Но это блаженство можетъ быть приведено въ несравненно высшее достоинство при подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей. Кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей составляющихъ тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, природу видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся передъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго холода деревья весною опять оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умалитъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производитъ,—сколь высшее наслажденіе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только почти на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ, почти одну тѣнь ихъ видитъ. Кто такія мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ приводитъ въ дѣйствіе въ гражданскихъ или домостроительныхъ предпріятіяхъ,—того надежда на окончаніе его дѣлъ тѣмъ тверже и увеселительнѣе, и по окончаніи ихъ удовольствіе тѣмъ полнѣе и безопаснѣе, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительной природы въ произведеніи своихъ предпріятій. Отсюда ясно, что блаженства человѣческія могутъ быть увеличены и приведены въ высшее достоинство только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ физики». «Испытаніе природы трудно, однако полезно, свято»—такъ началъ Ломоносовъ слово о происхожденіи свѣта. Въ высшей степени драгоцѣнно и многозначительно то, что Ломоносовъ дѣятельнѣйшимъ образомъ старался ввести въ народное образованіе великую науку—химію, выполнѣвъ понявши ея громадное значеніе для народной культуры. Съ этою цѣлію онъ произнесъ 6 сентября 1751 г. свое замѣчательное слово о пользѣ химіи. Къ сожалѣнію, время не позволяетъ намъ привести на память замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ этого слова.

И не словами только, но и своими физическими и химическими опытами и металлургическими изслѣдованіями Ломоносовъ пролагалъ путь къ новому, реальному образованію русскаго общества. Мы такъ близоруки были доселѣ, что по настоящее время не оцѣнили надлежащимъ образомъ естественно-научныхъ работъ и заслугъ Ломоносова. Между тѣмъ лучшіе знаменитые западные натуралисты того времени поняли и достойно оцѣнили и геній, и труды Ломоносова. Знаменитый математикъ Эйлеръ, о которомъ Екатерина Великая говорила, призывая его вторично въ Россію: «я увѣрена, что Академія моя возродится изъ пепла отъ такого

важнаго приобрѣтенія, какъ Эйлеръ, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи великаго человѣка»—этотъ Эйлеръ писалъ Ломоносову отъ 23 марта 1748 года: «удивляюсь я многопроницательности и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи крайне-трудныхъ химическихъ вопросовъ. Изъ сочиненій вашихъ съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далеко отступили отъ принятаго у химиковъ порядка, и съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ соединяете высокое знаніе. Поэтому не сомнѣваюсь, что вы доведете до совершенной достовѣрности не твердя еще и сомнительныя основанія этой науки, такъ что ей послѣ и по справедливости дано будетъ мѣсто въ ряду физическихъ наукъ». Тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи Разумовскому: «всѣ диссертациі Ломоносова не только хороши, но и весьма превосходны; ибо онъ пишетъ о самыхъ необходимыхъ предметахъ физическихъ и химическихъ, которые по нынѣ не знали и не могли объяснить самые остроумные люди. При этомъ случаѣ я долженъ отдать справедливость Ломоносову, что онъ имѣетъ превосходный геній къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій. Желательно, чтобъ и другія академіи въ состояніи были сдѣлать такія открытія, какія показывалъ Ломоносовъ». Въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ, при самыхъ ничтожныхъ тогдашнихъ средствахъ, единственно силою своего генія и неутомимыми, раціонально направленными опытами при помощи инструментовъ, большею частью имъ самимъ изобрѣтенныхъ, доходилъ до такихъ важнѣйшихъ физическихъ и химическихъ открытій, которыя послѣ прославили знаменитыя имена Лавуазье, Тиндала, Грове и другихъ. Прочитайте, напримѣръ, его слово о воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, сказанное 26 ноября 1753 года;—изъ него увидите, что Ломоносовъ совершенно независимо отъ Франклина и раньше его открылъ воздушное электричество и объяснилъ явленіе грома. Тутъ же онъ высказалъ много такихъ мыслей, которыя мы теперь встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Тиндала и Грове, какъ новость. Напримѣръ, Ломоносовъ рѣшительно отрицаетъ существованіе особыхъ, какъ онъ самъ называетъ, теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій, а видитъ только разныя формы измѣненія въ состояніяхъ матеріи и прямо говоритъ о законѣ соотношенія и превращенія и о происхожденіи отсюда новыхъ силъ. И электрической силы—замѣчаетъ онъ—суть тѣ же причины: движеніе, треніе или теплота. Прочитайте его слово о происхожденіи свѣта, вы увидите, что и здѣсь геній его возвышается до тѣхъ выводовъ, какіе послѣ уже развивали Тиндаль и Грове. «Доказано мною, — говоритъ онъ, въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи, что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія частицъ, составляющихъ самыя тѣла». Не то же ли это, что, по ученію новѣйшихъ химиковъ и физиковъ, молекулярное движеніе частичекъ вещества. «Теплотворныя и всякія чудотворныя матеріи,—замѣчаетъ Ломоносовъ, приняты произвольно. Неоспоримо, что разныя движенія суть причины теплоты и свѣта, свѣтъ есть зыблющееся движеніе». Не такъ ли же разсуждаетъ Грове въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о соотношеніи физическихъ

силъ? А сколько новыхъ и въ высшей степени полезныхъ въ то время мыслей высказалъ Ломоносовъ въ своемъ словѣ о происхожденіи металловъ, въ разсужденіи о мореплаваніи, о магнитной теоріи и земномъ магнетизмѣ, о теоріи морскихъ теченій, о метеорологіи и предсказаніи погоды и т. п. — все это излагать въ настоящія минуты, къ сожалѣнію, и не время, и не мѣсто, и я отлагаю это до особой статьи въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Теперь же спѣшу выразить хоть одно или два изъ тѣхъ желаній, какія невольно внушаетъ воспоминаніе о безсмертномъ Ломоносовѣ, и которыя, надѣюсь, сочувственно раздѣлитъ со мною всякій мыслящій.

Чѣмъ бы лучше всего можно было ознаменовать и увѣковѣчить память безсмертнаго Ломоносова? Думаю, тѣмъ, что всего болѣе желалъ, къ чему всю жизнь свою стремился и Ломоносовъ. Ломоносовъ во первыхъ возбудилъ мысль о первомъ русскомъ университетѣ, и его не даромъ называютъ *родителемъ* Московскаго университета. Шувалову онъ однажды писалъ: «принимаю смѣлость, для общей пользы наукъ въ отечествѣ, джучать, чтобы вашимъ сильнымъ ходатайствомъ данъ былъ изъ высокой канцеляріи формуляръ университетской привиллегіи для ускоренія инаугураціи и порядочнаго теченія ученій. Сіе будетъ конецъ моего попеченія объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ російскихъ». При воспоминаніи одной этой великой энергіи и настойчивости Ломоносова въ дѣлѣ основанія перваго русскаго университета,—чего бы лучшаго, какой пирамиды намъ, сибирякамъ, желать, въ увѣковѣченіе памяти Ломоносова, какъ не *университета въ Сибири*. Да, университета ждуть всѣ молодыя поколѣнія сибирскія, не только русскія, но и инородческія, въ массѣ которыхъ гибнетъ множество Ломоносовыхъ, Банзаровыхъ¹⁾. Университета ждетъ, въ университетѣ крайне нуждается наша мягкая, бездумная, обѣдная, нарядодлюбивая, карто-игривая, китайско-монгольская общественная жизнь сибирская; ибо, по крайне йудаленности отъ всепросвѣщающаго Запада, по крайней невыгодной заброшенности и замкнутости почти въ самомъ полярномъ углу Азіи, среди полудикихъ звѣролововъ и номадовъ въ холодномъ климатѣ, среди дикой, неизученной и некультуриванной экономіи природы,—умственная жизнь сибирскаго общества требуетъ живѣйшихъ импульсовъ, самыхъ могучихъ, динамически двигательныхъ силъ европейской науки, интеллигенціи и мысли, какія могутъ развиваться и воспитываться только въ университетѣ. Университета требуетъ, наконецъ — скажу смѣло, самая природа громадной и разнообразной сибирской земли, привлекавшая и занимавшая Палласовъ, Гумбольдта, Риттера и множество натуралистовъ, ибо ждетъ и требуетъ университетски развитыхъ естествоиспытателей, требуетъ, для изслѣдованія каждой мѣстности, каждой природной формы, каждаго физическаго типа, всякой области и всякаго предмета своей естественной экономіи неотложно требуетъ своихъ Шварцовъ, Бэровъ, Миддендорфовъ, Врангелей, Радде, своихъ Гумбольдтовъ, Розе,

¹⁾ Банзарову Щаповъ посвятилъ статью „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“.

Ермановъ и проч. Безъ университета ни Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, ни Статистическіе Комитеты, ни гимназін и прогимназін не могутъ имѣть живѣйшей и сильной помощи и поддержки, высшаго руководства и правильнаго корректива или регулятора въ своей ученой и народообразовательной дѣятельности, лишаются живѣйшихъ импульсовъ и многихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ. Но знаю, что грифы, стерегущіе злато сибирское, крезы сибирскіе, непонимающіе или не цѣнящіе невещественныхъ благъ наукъ—предпочтутъ лукулловскіе и всепокорнѣйшіе обѣды наукамъ университета, а обюрократившееся и исповѣсничавшееся поколѣніе сибиряковъ, преуспѣвающее въ картофилии и прочихъ подобныхъ гражданскихъ доблестяхъ и ограничивающееся модными припадками либеральнаго бултыхо-болтанія, свысока скажетъ: *pia desideria*. Ломоносовъ старался разсѣивать народныя суетвѣрія и предрасудки и опопуляризировать естественныя истины, и желалъ поучительныхъ для народа изданій. Но мы, и въ этомъ отношеніи, не можемъ почтить память его изданіемъ, напримѣръ, для народа Ломоносовскаго естественно-научнаго сборника, и т. п. Такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, исполнится хоть одно желаніе Ломоносова—распространеніе реальныхъ знаній въ дѣтяхъ бѣднаго рабочаго населенія. Пусть, во имя Ломоносова—хоть одинъ или два сибирскихъ самородка, подобно ему, по крайней мѣрѣ, изъ ремесленной школы или прогимназін проложатъ себѣ путь въ университетъ или другое какое-нибудь высшее реально-образовательное заведеніе, дабы, — скажемъ стихомъ Ломоносова,

Что въ отечествѣ оставлено презрѣнно,
 Пріобрѣлю ему сокровище безцѣнно,
 И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
 Воздвигнуть съ правами похвальныя *ремесла*,
 Внемлите съ радостью *полезному питомству*,
 Рачители добра грядущему потомству!
 Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для *пользы воспитать*:
 Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра...
 И божественныхъ платоновъ
 И великихъ, славныхъ истинно Невтоновъ
 Можетъ и Россійская земля рождать.

Можетъ,—прибавимъ,—и сибирская земля рождать. Дадимъ возможность, средства, стипендіи.

Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи¹⁾.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ сѣверо-восточной Руси пустынныхъ пространствъ было еще болѣе, чѣмъ заселенныхъ земель. Пустыня преобладала надъ поселеніями, также какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ. Даже въ самой населенной московской области, еще въ XVI вѣкѣ, при огромныхъ деревьяхъ напоминали Герберштейну, что не такъ давно вся эта страна была покрыта лѣсомъ²⁾. Въ тверской и новгородской области, не смотря на быстрые успѣхи населенія, долго еще заблуждались цѣлыя рати среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ³⁾. А чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ углублялся путешественникъ, тѣмъ болѣе поражали его непроходимые, необитаемые лѣса и болота. Область бѣлозерская, рано начавшая заселяться и непрерывно и быстро потомъ заселявшаяся, особенно по старанію игуменовъ и старцовъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, и въ XVI вѣкѣ еще во многихъ мѣстностяхъ представляла сплошныя пустыни. *Propter crebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios*, говоритъ Герберштейнъ, *loca inculta sind, nullisque civitatibus frequentata*⁴⁾. При отсутствіи городовъ, изрѣдка только виднѣлись въ лѣсахъ разбросанные *починки*, которыхъ нигдѣ, кажется, и небыло столько, какъ въ бѣлозерско-вологодскомъ краѣ. Эти «починки на лѣсѣхъ» уже сами по себѣ характеризуютъ страну пустынную, лѣсную, «гдѣ еще только начиналось заселеніе». Изъ Бѣлозерщины на Вологду, по словамъ одного акта XVI вѣка, пошелъ лѣсъ большой». Герберштейнъ такъ описываетъ пустынность этой и донинѣ малонаселенной страны: «*Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris rationem propter crebras paludes et fluviorum antractus, hoc quoque in loco viatores observare non possint. Quo enim magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrunt*»⁵⁾. Далѣе на сѣверо-востокъ, по словамъ Герберштейна, тянулись безпредѣльные лѣса и болота.

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ за 1860 г., часть III, стр. 196—221 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 10 августа 1860 года).

²⁾ *Totam regionem non ita diu admodum sylvosam fuisse, et magnarum arborum truncis, qui etiam nunc exstant, apparet. Rerum Moscovitar. Commentarii, p. 61.*

³⁾ Полн. собр. р. лѣт. т. V., стр. 206.

⁴⁾ *Rer. Moscov. Comment. p. 77.*

⁵⁾ *Ib. p. 79.*

Какъ много пустынныхъ пространствъ видѣлъ въ сѣверо-восточной Руси иностранный путешественникъ XVI вѣка, такъ изображается эта страна и въ житіяхъ русскихъ святыхъ. И подвижническія пустыни большею частію были самыми первыми обителями, *починками* заселенія необитаемыхъ лѣсовъ сѣвера и проводниками дальнѣйшей *колонизаціи* сѣверо-восточнаго края. Мы не намѣрены здѣсь входить въ подробности исторіи монастырскаго расселенія, но нелишнимъ считаемъ указать хотъ два примѣра. Пустынею были еще въ первой половинѣ XIV стол. большія пространства въ самой московской области. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ лѣсахъ радонежскихъ преподобный Сергій основалъ свою пустыню, процвѣтшую потомъ въ знаменитую лавру,—съ тѣхъ поръ быстро заселились лѣса радонежскія и другія окрестныя московскія земли. «Пустыня тогда была непроходимая, писалъ въ половинѣ XVII вѣка троицкій келарь Симонъ Азарынъ въ предисловіи къ списанію о чудесахъ Сергія,—нынѣ же всѣмъ зримо окрестъ обители поля мірскіе и села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда, и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чину людемъ, днемъ и ноцію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ змѣевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію; нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщъ и вѣдше ползущихъ змѣевъ и ужевъ не бываетъ.... И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловавшаяся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и деревей толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число чловѣкъ въ слободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи величій быша»¹⁾. Точно также, когда другъ и собесѣдникъ преподобнаго Сергія, св. Кириллѣ бѣлозерскій поселился около Бѣлоозера, — «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его: «боръ бѣше велій и чаша и никому же отъ чловѣкъ живущу». А когда пустыня преподобнаго Кирилла стала знаменитою обителью, — въ окрестностяхъ ея стало на лѣсахъ и на пустошахъ до 393 поселеній: «монастырскія села и деревни и починки въ бѣлозерскомъ и вологодскомъ уѣздѣ стали на лѣсахъ и на пустошахъ, которые лѣса и пустоши, при Кириллѣ чудотворцѣ и послѣ Кирилла чудотворца, въ ихъ монастырь давали великіе князья и великія княжны и удѣльные князья»²⁾. Особенно много деревень «посажали на лѣсѣ» игумены Христофоръ, Трифонъ и Касьянъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ послѣ преподобнаго Кирилла³⁾.

Въ пустынной, лѣсной странѣ удобно было процвѣтать такому множеству отшельническихъ пустыней, какое представляетъ исторія русской церкви. Тѣмъ болѣе это было удобно, что къ тому-же по многимъ причинамъ располагать благочестивыхъ людей средневѣковой разладъ общественной жизни въ населенныхъ мѣстахъ, въ многолюдныхъ городахъ и селахъ. При полномъ господствѣ въ обществѣ права сильнаго, при гру-

¹⁾ Временникъ кн. X. Смѣсь. стр. 7 и 8.

²⁾ А. н. 1, стр. 299.

³⁾ А. э. 1, стр. 474.

бости, неразвитости гражданскихъ, общественныхъ правъ и отношеній, при частыхъ тяжбахъ и спорахъ изъ-за земель и имѣній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому приобрѣтенію имѣнья грабежами и убійствами и къ безчеловѣчному порабоженію свободныхъ людей, наконецъ, при грубости семейной и домашней жизни. — пустыня лѣсная для людей, въ стремленіи къ высшей нравственной жизни недовольныхъ общественнымъ порядкомъ вещей, не мирившихся съ грубою, угнетающею дѣйствительностію, какую представлялъ міръ, — пустыня казалась отраденіе, успокоительнѣе, возжеленнѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, обществѣ. Для нихъ лучше было жить въ пустынѣ, въ сосѣдствѣ со звѣрями лѣсными, чѣмъ жить въ обществѣ съ людьми, которые, по словамъ Серапіона, епископа владимірскаго, были «какъ звѣрье» и которые посему могли препятствовать ревностному ихъ стремленію къ святой жизни. Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкахъ: далѣе, въ слѣдующія два столѣтія, началось уже ихъ государственное сосредоточеніе, уравниваніе и примиреніе. Поэтому никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Россіи и нравственное противодѣйствіе этимъ грубымъ силамъ и стремленіямъ, какъ въ XIV и XV вѣкахъ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому общественному направленію, стремившееся къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынножительномъ отшельничествѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, XIV и XV вѣка были вѣками преимущественнаго развитія и процвѣтанія подвижничества, пустынножительства, развитія монашества, воспитанія святыхъ русской церкви. Въ тѣ вѣка полнаго господства вѣры, преобладанія благочестиваго чувства надъ другими стремленіями духа человѣческаго, и надъ силою мысли и познанія, и надъ силою чувства эстетическаго, и надъ попеченіями житейскими, въ такое время, — очевидно, — возможно было такое явленіе, что, казалось, отреченіе отъ міра было идеаломъ людей, начиная отъ великихъ князей до послѣднихъ простолюдиновъ. Было же такое время земного торжества русской Церкви, когда менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, предъ нами многочисленный сонмъ святыхъ и потомъ въ другое столѣтіе, непрестанно возрастаетъ, умножается новыми ликами святыхъ, когда являлись и на землѣ уже были ублажаемы Варлаамъ хутынский, Сергій радонежскій, Кирилль бѣлоозерскій, Димитрій вологодскій, Савва вишерскій, Александръ свирскій, Павелъ обнорскій, Зосима и Савватій соловецкіе, Антоній сійскій, Діонисій глушицкій, Макарій колязинскій, Стефанъ пермскій, — и трудно перечислить всѣхъ, — и притомъ являлись не одни, а съ цѣлыми сонмами своихъ учениковъ, также святыхъ. Почти каждая область, каждый городъ имѣли своего святого, имъ славились, украшались. Въ одномъ рукописномъ житіи XVI вѣка говорится объ этомъ такъ: «московское царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима и иныхъ множество; Псковъ же и великій Новгородъ блажатъ Варламія и Михаіла юродиваго Христа ради; Смоленскъ бла-

жить князя Ѳедора; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію и Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія: каждая страна своихъ блажитъ. И мы же тебѣ (Проконія устюжскаго) блажимъ сѣверная страна по Двинѣ рѣкѣ; Вага рѣка, на нейже градъ Шенкурія и то блажитъ уродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ и все поморье блажитъ Савватія и Зосиму. Мы же (устюжане) тебе, яко стража и хранителя имѣемъ отчины града нашего Устюга» и пр. ¹⁾. Со второй половины X вѣка и до половины XV Церковь русская воспитала, сколько намъ извѣстно, до 110 святыхъ. И монастыри и пустыни, какъ главныя мѣста, гдѣ воспитывались святые, умножались въ числѣ, постепенно возрастающемъ: тогда какъ съ XI до XIV вѣка, въ три столѣтія, въ Россіи возникло до 87 монастырей и пустыней, въ XIV и первой половинѣ XV, слѣдовательно въ полтора столѣтія, ихъ возникло вновь до 150, изъ коихъ въ XIV вѣкѣ возникло до 80, въ первой половинѣ XV до 70 монастырей. И здѣсь-то, въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ, преимущественно развилось христіанское духовное міросозерцаніе. Неудержимое, ревностное стремленіе къ пустынно-жительному міросозерцанію, или лучше сказать самоотреченному христіанскому богосозерцанію, было господствующею мыслію, господствующимъ чувствомъ и стремленіемъ всѣхъ людей, всѣмъ сердцемъ принявшихъ вѣру христіанскую. Пустыня съ ея природою, находившаяся въ непроходимыхъ дебряхъ сѣвера, полная, и страшныхъ силъ, и явленій природы, и нерѣдко дивныхъ красотъ, подъ вліяніемъ глубокорелигіознаго настроенія души, привлекала и воображеніе, и чувство, восторгала созерцателей — любителей ея, — отшельниковъ. Всѣ эти святые отшельники проникнуты живымъ, теплымъ сочувствіемъ къ природѣ, къ ея красотамъ, силамъ и явленіямъ. Всѣ они любятъ углубляться въ лѣса и тундры, чтобы тамъ въ тишинѣ, въ невозмутимомъ самоуглубленіи созерцать совершенства и творенія Божіи. Коль скоро находятъ прекрасное мѣстоположеніе, видятъ въ немъ образъ рая, домъ Божій и съ восторгомъ восклицаютъ псаломскою пѣснію: коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни. Ибо птица обрѣте себѣ хранилище, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, нежели жити ми въ домахъ грѣшныхъ. Сей покой мой, здѣ вселюся, яко возлюбилъ душа моя» ²⁾. Избирали они обыкновенно такія мѣста, которыя отовсюду окружены лѣсами, рѣками, озерами, какъ стѣнами. Въ древнихъ жизнеописаніяхъ обыкновенно такими чертами изображается мѣстность ихъ пустыней: «мѣсто оно, идѣже вселенъ святыи, боръ бѣше велій и чаща, мѣсто зѣло красно, всюду яко стѣною окружено водами и бѣ видѣніе онаго мѣста зѣло умиленно, промежу двѣхъ озеръ, водою, аки стѣнами окружено», и. т. п. Они любятъ такія мѣстоположенія, которыя возбуждаютъ въ душѣ чувство высо-

1) Собр. Солов. № 826, л. 505.

2) Въ рѣдкомъ жизнеописаніи не сказано, чтобы св. отшельникъ, обрѣтши пустыню по сердцу, не произнесъ этихъ псаломскихъ словъ.

каго, чувство присутствія Бога. Уединенная глушь лѣсная, лежащая гдѣ-нибудь въ ровной долинѣ, окаймленная дремучимъ лѣсомъ, или величественно обставленная двумя грядами горъ, обросшихъ лѣсомъ, полная невозмутимой людьми тишины, а нарушаемой только нестройными криками лѣсныхъ звѣрей и пѣньемъ птицъ, — такая пустыня лѣсная приводила отшельниковъ въ чувство глубокаго умиленія, погружала ихъ въ тихое самоуглубленіе и богосозерцаніе, и возбуждала въ нихъ слезы покаянія. Съ этою цѣлію св. отшельники выбирали такую лѣсную глушь, и часто долго искали ея, переходя съ мѣста на мѣсто. «Мѣсто второй пустыни сійской (гдѣ подвизался Антоній сійскій) говоритъ жизнеописатель его, въ горахъ бѣше, горами яко стѣнами окружено, въ долу же горъ тѣхъ бѣше озеро, Падунъ глаголемое. На горахъ же тѣхъ лѣсъ, великій зѣло видѣти. Въ подгоріи же горъ онѣхъ стояше келлія святого. Окрестъ же ея дванадесять березъ, яко снѣгъ бѣлѣюще. Плачевно же есть мѣсто се вельми, яко же кому пришедши посмотрити сію пустыню, зѣло умилилися имать, яко самозрѣніе мѣста того въ чувство привести можетъ зрящихъ его» ¹⁾. Увлекаясь красотами пустынныхъ мѣстоположеній, отшельники иногда испытывали и естественныя производительныя силы тѣхъ мѣстностей, гдѣ селились, познавали, удобны ли онѣ для поселенія или нѣтъ. «Слышавъ отъ живущихъ на островѣ Валаамѣ объ островѣ, называемомъ Соловки, говоритъ жизнеописатель пр. Савватія, въ морѣ океанѣ сказываютъ, а отстоитъ отъ земли на два дни шествія: а вокругъ его, говорятъ, поприщъ сто. И озера имѣетъ посреди себя многіи и рыбы въ нихъ множество по родомъ имъ, а не морская: а которая въ мори, та морская. И вокругъ его ловища рыбныя. Островъ же тотъ деревьями разными цвѣтеть, и боромъ верхи горъ покрыты, и по раздольямъ всякія деревья имѣетъ, ягоды различныя и сосны превеликія къ построенію храмовъ и на всякія потребности благопристойныя: а есть добръ и благоугоденъ для житія людямъ, желающимъ поселиться тамъ» ²⁾. Вообще же отшельники любили ходить по лѣсамъ, безбоязненно и долго странствуютъ по дикой лѣсной пустынѣ, ища въ ней мѣста для духовнаго успокоенія, для уединенныхъ подвиговъ въ постѣ и молитвѣ, для уединеннаго богосозерцанія. «Вотъ тотъ же Антоній сійскій, говоритъ жизнеописатель его, шель въ сѣверныя страны, прилежащія двинской области, и проходивши непроходимыя лѣсы, дебри и дрязги, иже прилежатъ студенаго моря окіана и мхи и блата непостоянныя и озера многія, ищуще благопотребна мѣста, идѣже Богъ наставитъ, и пришедъ на дальнее озеро, зовомое Михайлово, въ негоже течетъ рѣка, глаголемая Сія, изъ многихъ озеръ протече. Мѣсто же оно непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивніи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и зайцы и лисицы, множество много ихъ, яко скота бѣше ихъ. Езера имать многи окрестъ себя и глубоки зѣло. Водами же всюду яко стѣнами окружено. Стези же, проводящія стоны человѣчи, не многи

¹⁾ Сборн. № 230; житіе Антонія Сійскаго.

²⁾ Рук. Сол. житіе Зосимы и Савватія соловец.

имать, по единымъ путемъ прійти или отыти. Понеже бо многимъ езе-
ромъ окрестъ святой обители всюду обшедшимъ, изъ нихъ же рѣка Сія
протече изъ езера въ езеро, якоже нѣкимъ союзомъ связаннымъ имъ быти
рѣкою Сією, яко пришедшихъ кому увидѣти, удивится имать неизречен-
ной премудрости Божіей». Когда преподобный Сергій поселился въ лѣ-
сахъ радонежскихъ,—по словамъ жизнеописателя его, пустыня тогда была
непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человѣческими:
много тогда гадовъ и ползающихъ змѣй являлось ему, къ келліи его раз-
ные звѣри подходили во множествѣ не только ночью, но и днемъ, стада
волковъ были и ревѣли вокругъ его келліи, иногда же являлись медвѣди,
приближались къ нему безвредно, окружали его. «Обычай имаше препо-
добный Макарій колязинскій, говоритъ жизнеописатель его, обходить мѣста
пустынныя: аще бо и звѣріе дивіи насельницы быша пустыни той, но яко
кротчайшіи овчата съ нимъ хождаху, паче же рещи, яко же и повинова-
хуся ему, многаяжды и пищу приимаху отъ него» ¹⁾. Однажды игуменъ
кожеезерскаго монастыря, — повѣствуется въ жизнеописаніи преподобнаго
Никодима кожеезерскаго, — «влѣзе въ корабль съ однимъ инокомъ, и плы-
ваху по рѣцѣ (Хозюгѣ) вверхъ для досмотрѣнія новоросчисныхъ сѣнныхъ
покосовъ. Егда же вспять возвратихомся, и плывущимъ намъ внизъ по
рѣцѣ, и узрѣхомъ преподобнаго въ лѣсѣ ходяща близъ рѣки, окрестъ же
его дивіи звѣріе хождаху, глаголеміи елени, и не бояхуся его. Егда же
нашъ гласъ услышаша и побѣгоша по пустыни. Игуменъ же вопроси
преподобнаго о еленѣхъ: сіи звѣріе часто приходятъ сѣмо? Преподобный
глагола намъ. Игуменъ же о семъ вельми удивися, како елени близъ
преподобнаго хождаху и не бояхуся его» ²⁾. А это пустынное странство-
ваніе, шествіе преподобнаго Макарія желтоводскаго съ народомъ изъ плѣна
татарскаго, напоминаетъ странствованіе евреевъ съ Моисеемъ по пустынѣ
аравійской. Возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпою народа, Мака-
рій, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался съ сущими съ нимъ христіа-
нами, яко да преселитися имъ на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ
живущихъ ту по весямъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако, Богъ же
помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, яко присная
чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжалася. занеже мѣсто
то, Уньжа отстояніе имать отъ Желтыхъ водъ глаголють не мало, яко
двѣсти чотыредесять или множае поприщъ, идяху же внутреннею пусты-
нею и непроходимыи блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ, и не обрѣ-
таху, что ясти, тающе голодомъ. Господь же прославлялъ угодника
своего, и абіе Божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивіе животное, гла-
големое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бѣже тогда постъ
Петра и Павла, оставалось еще три дня. Святыи же возбраняше имъ, гла-
голя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста
дней: Господь же прештаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣштити
ухо лосю и отпустити его, и яко же хочетъ Богъ, въ день той животное

¹⁾ Сб. рн. 826, л. 509 и сл.

²⁾ Сб. рн. № 182.

се будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю, и отпустиша его, и отойде въ пустыню. Преподобный же, видя ихъ томимыхъ голодомъ, и зѣло печашеся о нихъ: народи же моляху святого, да молитву сотворить о нихъ, да не злѣ голодомъ погибнуть въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада моя, но паче уповайте на благодѣ Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ чотыредесять лѣтъ въ пустынѣ манною, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ верховныхъ апостолъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню, и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю Тя, Господи Іисусе Христе, благословенный Боже призри съ высоты святыя Твоя, всяко дыханіе благословить Тя, всяка тварь славить Тя. Милостивый Боже царю, призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святого внезапно во утрѣи праздника святыхъ апостолъ урани животное то дивій лось, и обрѣтесе въ народѣ и познаста его яко той же лось бѣ, ухо нмый отрешено, и ведоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святыи народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святого, овогда лось, иногда же елени» ¹⁾).

Вѣрованіе, что человѣкъ возстановленный, — искупленный, святой долженъ и имѣть силу снова покорять себѣ природу, владычество надъ которою утратилъ грѣхопадениемъ, столь живое у древнихъ подвижниковъ христіанства, часто высказывается и въ жизнеописаніяхъ святыхъ нашей церкви. Напримѣръ, жизнеописатель преподобнаго Трифона печенгскаго, приступая къ разсказу «о звѣри, сотворшемъ преподобному пакость и о повиновеніи ему гнѣвливаго звѣря», такъ разсуждаетъ: «Богъ и премудрый Создатель сотвори человѣка, и постави его надъ всемъ властелина, яко читаемъ въ книгѣ Бытіи: обладати рыбами морскими и звѣрями, но по преступленіи Адама отъ послушанія его звѣри отторгошася, и оттолѣ начаху повиноватися токмо избраннымъ святымъ, любящимъ Бога. Ибо праведному Ною о повиновеніи звѣревъ извѣствуется въ исторіи: всякъ звѣрь прииде и иде къ Ною въ ковчегъ. Читаемъ и о Сампсонѣ: и се львицищъ ревый противу ему и сниде на нѣ Духъ Господень и восхити льва и растерза и яко козлищъ. А въ книгѣ царствъ отъ глаголѣ Давыдовыхъ повѣствуется. Егда пасохъ азъ овцы отца моего стада, и егда прихождаху левъ или медвѣдица и восхищаше отъ стада овцу едину, и азъ возлѣ его хождахъ и поражахъ ихъ, и исторгахъ изъ устъ ихъ взятое, и аще сопротивляшеся мнѣ, то емъ за гортань его и разбивахъ... И такъ далѣе разсказываетъ, какъ пророку Елисею, пророку Даніилу и въ новой благодати многимъ праведникамъ повиновались и служили звѣри. Предпославъ также общее библейско-христіанское разсужденіе о покореніи звѣрей угодникамъ Божіимъ, жизнеописатель далѣе разсказываетъ слѣдующее о повиновеніи гнѣвливаго звѣря св. Трифону печенгскому: «преподобному Трифону въ келліи своей устроившу квашню ко испеченію хлѣбовъ, и нѣкія ради potreбы изыде изъ келліи; тогда въ келлію его прииде

великій медвѣдь, опроверже квашню и начать уготованное тѣсто ясти; святой же прииде къ келліи и видѣ звѣря, глагола ему: Иисусъ Христосъ Сынъ Божій и Богъ мой повелѣваетъ ти, изыди изъ келліи и стани сѣмо кротокъ; звѣрь же изыде предъ ногами преподобнаго ста недвижимъ; преподобный же взя велие древо, біяше звѣря, рече: во имя Иисусъ—Христово даю ти многи раны, яко грѣшному, и наказавъ завѣща звѣрю близъ келліи и лавры впродъ не наkostenи, отсла въ пустыню. Отъ того же времени, въ славу святыхъ Троицы и во знаменіи преподобнаго чудеси, окрестъ лавры и келліи его монастырскимъ скотомъ и еленемъ въ пустыни безстражно пасущимся, и доселѣ звѣри не наkostenиша».

Дивное, умилительное зрѣлище представляли эти одинокія пустыни въ глуши лѣсовъ сѣверо-восточныхъ. Это былъ особенный, сокрытый отъ людей, тайный міръ богосозерцанія, подвиговъ и чудесъ. Вотъ стоитъ въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ старецъ съ воздѣтыми къ небу руками: ему видѣются кругомъ только высокія, вѣковыя деревья, да синева небесъ и водъ озерныхъ. — На деревьяхъ онъ видитъ цѣлыя хоры птичекъ Божіихъ, и слышитъ, какъ они разнообразными, но дружными откликами на разные лады, поютъ пѣснь Творцу, — съ любовью онъ слушаетъ ихъ пѣнье. — и мысль его возносится горѣ, сердце наполняется восторгомъ духовнымъ и онъ самъ воспѣваетъ пѣснь Богу: «Слава Тебѣ, Владыко Святый! Слава Тебѣ! Како Ты воспою Создателя моего, или кія духовныя пѣсни воспою Тебѣ, о Творче мой!» и проч. Мѣсто, гдѣ вселился преподобный Пафнуцій боровскій, — говоритъ жизнеописатель его знаменитый Вассіанъ, епископъ ростовскій, — «частостію лѣса остѣнено, въ немъ же множество птицъ населено, жилище себѣ водружаху, гаврани черноперіи и многоязычїи, блаженный же яко нѣчто велико имый, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселяшеся, полагашеся же отъ него заповѣдь, еже никтоже тѣхъ птицъ, или птенцовъ ихъ руками емъ или инымъ орудіемъ да погубить»¹⁾. Часто родомъ простые поселяне, неграмотные, св. отшельники въ пустыняхъ поучались изъ обильной уроками книги природы. Такъ особенно было въ отдаленномъ сѣверномъ Поморьи. «Сїи суть поселяне, — говоритъ пнокъ Пантократоровой обители на соловенкомъ островѣ — Сергій о яренскихъ чудотворцахъ Іоаннѣ и Іоггинѣ, — сїи суть поселяне, извыкоша добродѣтель исправити мудростію, не иному тѣхъ учащу, смысломъ бо научаются мудрости: зряху бо солнце, познаваютьъ присносущнаго свѣта; видяху небеса, разумѣваютьъ Творцу славу; землю зряху, внимаютьъ владычню величеству; море видяху, познаваютьъ силу владѣющаго; прїемля измѣненіе добротинное время, чюдятся лѣпотѣ строящаго міръ; взирающе звѣзднаго теченія, взимаются къ добротѣ сочетавающаго; смотряще дуну, удивляются положившаго ю, — и тако возвращаютъ вѣру, и отсюду разумѣваютьъ Бога»²⁾. Видя въ природѣ вездѣ присутствіе Божіе и созданія Божїи, — отшельникъ хочетъ совершенно мириться съ природой, не коснется и насѣкомаго, жалищаго его тѣла. «Обнажи главу и плещи своя и до пояса, гово-

¹⁾ Сборн. № 806.

²⁾ Рук. Солов. №№ 183 и 189.

рить жизнеописатель объ Антоніѣ сійскомъ, и прилеташе множество оводовъ и комаровъ, обѣдаху все лице, и шею и плечи, и пѣху кровь святаго нещадно: преподобный же ни единымъ перстомъ касашеся ихъ». Зимою отъ великой бури занесетъ всю келлію отшельника сѣверной пустыни снѣгомъ, а онъ «живетъ подъ тѣмъ снѣгомъ, аки въ пещерѣ, и къ Богу теплыя своя молитвы съ теплыми слезами возсыластъ». Онъ силою благодати Божіей торжествовалъ надъ природой, — и теплота живой, горячей вѣры, теплота горячихъ покаянныхъ слезъ согрѣвала, умѣряла для него суровый сѣверный климатъ. При богосозерцательномъ настроеніи духа, были дивныя явленія въ пустыни взору пустынниковъ. «Нѣкогда видѣхъ азъ грѣшный умными очима, говоритъ Елеазаръ анзерскій, облакъ темень. и начать быти красенъ, и снѣде и начать гремѣти, обхождаше около то мѣсто, пополая и очищая островъ¹⁾. «Нѣкогда видѣхъ знаменіе: стоящу ми на полѣ чистѣмъ, и видѣхъ, показываетъ ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри, — и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга; и мало помедля, паки глаголаше: воззри на небо, и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и пречистую Богородицу и св. пророка Ивана съ ними. Мнѣ же чюдящуся о семъ, и паки слышахъ: зри на небо, и видѣхъ второе нерукотворенный образъ Христа Бога нашего, великъ зѣло, во все небо»: и такъ до трехъ разъ было видѣніе. Задолго прежде Елеазара анзорскаго Зосима соловецкій видѣлъ также чудесныя явленія въ воздухѣ. «Едва озарялось утро, говоритъ инокъ Зиновій объ немъ, — исходитъ таинственный сынъ кущи, весь прозраченъ и свѣтелъ душею.... и внезапно осіявается свѣсомъ лучемъ свѣта, и все мѣсто вокругъ него. Ужаснулся Зосима отъ блистанія необычнаго свѣта, ибо никогда еще прежде не видѣлъ такого сіянія. И, увидѣвъ свѣтоявленіе, съ ужасомъ взираетъ на востокъ, и видитъ церковь велию и прекрасную образомъ, висящую и превознесенную на воздухѣ»....

Въ пустынѣ, въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ неизвѣданная человѣкомъ природа, не покоренная еще человѣческому искусству и наукѣ, часто со всѣмъ могуществомъ своихъ силъ производила страшныя, разрушительныя явленія, отшельникъ — и такія явленія, нарушавшія тишину ничѣмъ невозмутимой его жизни, побуждали силою вѣры и молитвы. «Такъ въ одинъ день, — говоритъ жизнеописатель Никодима кожеезерскаго, — въ рѣкѣ Хозюрѣ, вода поднялась и такъ возвысилась надъ землею, что разлилась по всѣмъ берегамъ и потопила всю окрестность ихъ; потомъ обошла и всю келлію преподобнаго, ибо она стояла неподалеку отъ рѣки, и такъ потопила ее, что ее едва стало видно; показывалась одна только кровля. Преподобный Никодимъ взялъ владимірскую икону пресвятой Владычицы нашея Богородицы, которою благославилъ его отецъ келейный и учитель его преосвященный Пафнутій, митрополитъ крутицкій, и вошелъ на самый верхъ своей келліи, и какъ на столпѣ стоялъ и молился со слезами, поя пѣсни неаломскія. Такъ молился онъ со слезами до тѣхъ

поръ, пока вода убыла, вступила въ свои предѣлы и по прежнему потекла»¹⁾).

Исполненная такой благодатной силы духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, пустыня была предметомъ духовныхъ пѣснопѣній. Эти пѣснопѣнія, сложенныя древними иноками-пѣснотворцами въ честь святыхъ пустынножителей, воспѣвающія ихъ пустынные странствованія, богосозерцаніе и подвижничество, ихъ тяжкую борьбу съ «страхованіями» и стихіями суровыхъ пустыней сѣверо-востока, — эти пѣснопѣнія часто содержатъ въ себѣ хвалы и самымъ пустынямъ, освященнымъ стопами и молитвами святыхъ отшельниковъ, орошеннымъ слезами ихъ покаянными. Пустыня изображается здѣсь не только проповѣдницею подвиговъ святыхъ отшельниковъ, но и прекраснымъ садомъ, возвращеннымъ и оплодотвореннымъ ихъ святыми трудами. «Аще убо и тѣлесный языкъ умолче, — воспѣваетъ напримѣръ духовный пѣснопѣвецъ въ честь преподобнаго Германа соловецкаго, но пустыня проповѣдая хвалится, имѣя въ себѣ неотъемлемо сокровище.... Слезъ твоихъ источники пустыни безплодной напоилъ еси, и еже изъ глубины воздыханьи, и труды уплодоносишь еси»²⁾. Пѣснопѣвецъ преподобнаго Антонія, воспеывая прогнаніе бѣсовъ изъ пустыни Сійской, представляетъ ее веселящуюся и глаголющую хвалебную пѣснь преподобному Антонію: «пустыня, прежде не плодотвующи, нынѣ же веселится, зриши въ себѣ стадо инокъ, обстоящихъ всечестный гробъ праведнаго отца сего, и духовно веселующися, празднованіи торжествующи, хвалящися сице глаголетъ: радуйся свѣтильниче пресвѣтлый, иже чудесы сіяя, озаряеши души вѣрныхъ, радуйся отче всеблагій, умноживый чада въ пустыни духовныхъ желаній»³⁾. — «Пустыня, — слышимъ въ пѣснопѣніяхъ на память преподобнаго Кирилла бѣлозерскаго, — пустыня, иже иногда бѣсомъ жилище имущи, нынѣ же ученикъ твоихъ, Кириле, множествомъ наполняема украшается, храмъ въ себѣ пречестный Матери Божіа имущи».

Пустыня съ деревьями и птицами иногда составляла между прочимъ предметъ иконной живописи. Такъ напримѣръ въ одномъ иконописномъ *подлинникѣ*, въ числѣ предметовъ, окружающихъ соборъ пречистыя Богородицы, представляется и пустыня съ птицами и деревьями: «направо — ангели, лѣво — пѣніе, солнце, луна, звѣзды, небо, а подъ небомъ подпись: небеса. Подъ Богородицею твердь пишетъ, землю — вертепъ, далѣе *пустыню*, а надъ пустынею подпись: *пустыни*.... и птицы, а надъ птицами пишетъ: благодареніе приносятъ: отъ птицъ голубь, сего жъ вообразися Духъ Святый Господень во образѣ голубинѣ; а надъ деревесы пишетъ: деревеса процвѣтоша, крестъ Господень прорастиша»⁴⁾.

1) № 182.

2) Сборн. № 183 стихира.

3) Сборн. № 230.

4) Сборн. № 861, № 206.

Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ¹⁾.

Древнія теогоническія и космогоническія преданія славяно-русскаго язычества, встрѣтившись въ началѣ христіанской эпохи съ церковно-библейскимъ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, не скоро исчезли, а частію сохранили старое, мифологическое значеніе, частію приняли оттѣнокъ апокрифически-христіанскій, или, частію, гностико-богомилскій. Въ такомъ видѣ выразились первыя простонародныя понятія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ въ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ народной письменности—въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей и въ стихѣ о голубиной книгѣ. Мы здѣсь рассмотримъ первую.

Апокрифическая бесѣда трехъ святителей извѣстна намъ въ двухъ редакціяхъ. Въ одномъ, болѣе обширномъ спискѣ, находящемся въ сборникѣ академической, бывшей соловецкой, бібліотеки подѣ № 925, преобладаетъ элементъ мифологическій, съ нѣкоторыми оттѣнками гностико-манихейскаго ученія. Мифологическія начала бесѣды коренятся большею частію не на одной славяно-русской, даже не на одной обще-славянской, почвѣ, а восходятъ и до общаго индо-европейскаго начала. Предлагаемъ вполне эту бесѣду по списку соловецкаго сборника.

«Бесѣда трехъ святителей, Григорія Богослова, Ивана Златоустаго, Василия великаго, съ толкомъ отъ патерика римскаго. Григорій рече: кто первѣе Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси прежде созданія адамы, за гордость наречеса сатана дьяволъ. Василий рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?²⁾ И рече: Петръ приникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ, но особъ свить на единомъ мѣстѣ. Григорій рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхныя небеса, пренисподняя бездна стоитъ яко риза, стихарь шестаго неба его³⁾, а поясъ желѣзное стояніе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подѣ поясомъ земля. Толстота ея яко отъ востока и до запада. И повелѣ его Господень ангеломъ согнати пену морскую и сотворити землю⁴⁾ на трехъ китехъ великихъ, на тридцати

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ за 1861 г., часть I, апрѣль, стр. 249—283 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 12 декабря 1860 г.).

²⁾ Здѣсь пропущенъ отвѣтъ, находящійся въ другомъ спискѣ бесѣды, въ сборн. подѣ № 1138: „Иванъ рече: „Тронца Отець и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть и другій свѣтъ огонь есть“.

³⁾ Въ другомъ спискѣ: „а ризы его верхнее небо въ пренисподней безднѣ стоитъ яко риза, стихарь небесъ“.

⁴⁾ Эта мысль напоминаетъ гностическое, сатурниново ученіе объ ангелахъ міротворителяхъ и міродержателяхъ (ἄγγελοι κοσμοποιοί, ἄγγελοι κοσμοκράτορες).

малыхъ китовъ заляжетъ 30 околѣ ¹⁾ морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идуть рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бывають, а глубина жъ того моря великаго ²⁾ ротогъ ³⁾ толщина какъ земля толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному столпію, того же моря дно стоитъ на семи тысящахъ столпѣхъ, туто же есть и адово жилище: тутожъ и антихристъ связанъ, ангели подвергаетъ его ³⁾, тоже столпѣ его возвышено стоитъ, яко того моря тожъ столпѣе стоитъ на огнѣ неугасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ туто же есть денница, яже прежь солнца сотворена. И ту есть людѣ крилати летаютъ яко паутина мыслію, а смерти нѣту имъ. Тоже иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держитъ, то ти есть звѣзда яко риза. Василій рече: гдѣ первѣ Богъ былъ, иже не бѣ свѣта? Иванъ рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ, агнецемъ, туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Григорій: протолкуй ми троицу. Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, свѣтъ есть, а другій свѣтъ огонь есть ⁴⁾. Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены? Григорій рече: отъ духа Господня и отъ свѣта и отъ огня. Иванъ рече: отъ чего солнце сотворено есть? Василій рече: отъ нутреннія ризы Господня. Григорій рече: отъ чего луна сотворена бысть? Василій рече: отъ аера, отъ престола Господня и отъ воздуха. Василій рече: еста ангела громная на не еленскій старецъ Перунъ. Нахоръ ⁵⁾ есть жидовинъ, а два еста ангела молніина. Григорій рече: кольки вѣтровъ. Василій рече: ѿ. Василій рече: что четыре рези на землѣ, Григорій рече: востокъ, западъ, югъ, сѣверъ. Василій рече: протолкуй ми отвѣтъ: на востоцѣ Лука челоувѣчимъ образомъ, на сѣверѣ Иванъ орлимъ образомъ, на юзѣ Матей тельчимъ образомъ, на западѣ Маркъ львинымъ, а вси суть крилати ⁶⁾. Василій рече: посла Господь ангела и взя единаго на востоцѣ ⁷⁾ \bar{A} , на западѣ \bar{A} , на севѣрѣ \bar{A} , на юзѣ \bar{M} : то есть адамъ ⁷⁾. Григорій рече: отъ ко-

¹⁾ Въ сборн. № 1138: „тридесять морскихъ оконечъ“.

²⁾ Въ сборн. № 1138: „с трое того“.

³⁾ Въ сборн. № 1138: „а Михаилъ архангелъ утверждаетъ его“.

⁴⁾ Кромѣ миѳологическаго оттѣнка, это мѣсто намъ напоминаетъ манихейское ученіе: по ученію манихеевъ, Троица живетъ въ трехъ отдѣлахъ воздуха и свѣта Отецъ въ высшемъ свѣтѣ, Христосъ ($\rho\acute{\iota}\sigma\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\delta\iota\omicron\upsilon\ \varphi\omega\tau\acute{\omicron}\varsigma$, $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \eta\lambda\acute{\iota}\omicron\upsilon$)—въ видимомъ свѣтѣ, (какъ сила солнца, какъ мудрость луны), Духъ св.—въ чистѣйшемъ эфирѣ ($\acute{\alpha}\eta\epsilon\rho\ \tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma$).

⁵⁾ Въ другихъ спискахъ: „Хоръ“.

⁶⁾ О подобномъ представленіи 4-хъ странъ свѣта въ образѣ 4-хъ роговъ и о христіанско-мистическомъ обліженіи съ ними 4-хъ евангелистовъ у другихъ народовъ см. у Зеппа Kosmische Theologie.

⁷⁾ Сличн у Фабриція (Codic. pseudepigraphi veter testam t. 1. p. 39) апокрифъ. Adami nomen. Здѣсь указывается подобное сказаніе:

Ut mundi partes designat quatuor Adam,
sic anni partes quatuor Hera notat.

Ἀντολή	Hiems
Ἰούλιος	Aestas
Ἀρχτος	Ver
Μεσημβρία	Autumnus.

ликихъ частей адамъ сотворенъ бысть. Василій рече: отъ осьми частей первое: отъ земли, второе отъ моря, третье отъ солнца, четвертое отъ каменї, пятое отъ облака, шестое отъ огня, седьмое отъ вѣтра, восьмое отъ свѣта: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ каменї кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта свѣтъ, а духъ самъ Господь вдохнулъ ¹⁾. Иванъ рече: кольки великихъ горъ и морь и рѣкъ великихъ? Григорій рече: *А* горъ великихъ аравитскихъ, а морь великихъ *и* сквозе землю идуть, а рѣкъ тридесять великихъ, изъ рая идуть *д* рѣки. Иванъ рече: кольки острововъ великихъ? Василій рече: *ѡ* а въ тѣхъ островѣхъ *ѡ* языка различныхъ иманъ, а костей въ чело-вѣкѣхъ полтретья ста *ѡ* а составовъ только же» ²⁾.

Изъ всей этой бесѣды видно, что, кромѣ апокрифовъ, на народное міросозерцаніе, т. е. на богословскія и космогоническія понятія первыхъ русскихъ грамотниковъ, имѣли еще сильное вліяніе старыя начала, преданія языческой міеологіи. Изъ бесѣды видимъ напр., что народъ помнилъ еще о Перунѣ, хотя уже только какъ о «старцѣ еллинскомъ», а не богѣ. Богъ, въ Троицѣ возвъщаемый христіанствомъ, еще представляется въ бесѣдѣ, какъ стихійный свѣтъ и огонь, что указываетъ на суевѣріе тѣхъ двоевѣрно жившихъ христіанъ, которые еще въ XII в., по слову Христолюбца, «огневи молились, звали его огнемъ сварожичемъ». Кромѣ того, у Бога на небесахъ представляются «агнецы», что намекаетъ на древнѣйшія языческія преданія, восходящія до индійской міеологіи. Сказаніе о космогоническомъ значеніи великаго моря, окіяна, о сотвореніи земли изъ пѣны морской явно прѣистекаетъ изъ общей индо-европейской міеологической космогоніи. Ангелы, духи небесные, также міеологически представляются созданіями стихійнаго неба, воздуха, вѣтра. Человѣкъ еще производится не всецѣло отъ Бога, какъ учить св. писаніе, а отъ осьми стихійныхъ физическихъ частей или элементовъ, согласно съ другими индо-европейскими міеологическими преданіями. Христіанство еще не по-

¹⁾ Историко-филологическое объясненіе міеологическаго значенія этого сказанія о твореніи и составѣ чело-вѣка см. у Буслаева „о вліянн христ. на слав. яз.“. Приведемъ здѣсь слѣдующія два аналогическія свидѣтельства. Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X в. подобнымъ образомъ представляется твореніе и составъ природы чело-вѣческой: *octo pondera, de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhelata frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis*. Въ нѣмецкой поэмѣ очетвероевангеліи XII в. также изображается составъ чело-вѣческой природы:

Von den wiscen gab er ime (Богъ чело-вѣку) di ādven
von dem grase gab er ime daz hār,
von den wolchen daz mut
dū habet er ime begunnen
der ougen von der sunnen...
Von dem steine gab er ime daz pein...
Von dem mere gab er ime daz plut.

(Бусл. о вліян. христ. на слав. яз. стр. 77—85).

²⁾ Сборн. сол. библ. № 925 л. 171—174.

нято въ его возвышенномъ ученіи. И обрядность христіанской восточной церкви толкуется такъ же міеологически. Не въ христіанскомъ разумѣ, а въ обрядовыхъ учрежденіяхъ церкви народная мыслительность доискивается разгадки міровыхъ вопросовъ. Таинственный символизмъ церковной обрядности возбуждаетъ мысль народныхъ грамотниковъ,—и они въ нее облакаютъ свои міеологическія представленія.

Въ другихъ космогоническихъ сказаніяхъ, кромѣ міеологическихъ образовъ, есть довольно явственные слѣды гностико-богомильскаго дуализма. Чтобы яснѣе видѣть эти слѣды,—нужно сказать напередъ нѣсколько словъ о главныхъ гностическихъ и богомильскихъ началахъ, выразившихся въ космогоническихъ сказаніяхъ русскаго народа. По сиреко-гностическому ученію, имѣвшему большое сходство съ богомильскимъ ученіемъ, Богъ Отецъ, первоначальное существо (πατήρ ἀγνωστος, по гелленскому гносею—*ἡ πόνος, θεὸς ἄρρητος*, по египетскому гносею—*ἑὸς, πρωτότης, προαρχή*), высшій Богъ сотворилъ разныя степени, чины ангеловъ и архангеловъ (*δαίμονες, ἀρχαὶ ἀξιοῦσαι*); высшему существу, непостижимому Богу противоположно злое начало—сатана (*ὁ σατανᾶς*). Ангелы, духи 7 планетъ (*ἄγγελοι κοσμοποιοί, ἄγγελοι κοσμοκράτορες*) сотворили міръ и человѣка: высшій Богъ вложилъ въ него душу. Въ противоположность свѣтлому роду людей, одушевленныхъ, одаренныхъ душой отъ высшаго Бога, сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ, сообразныхъ съ своей природой. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностическаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ, образовали свое гностико-дуалистическое ученіе. Сатанаилъ, мощный духъ (*πνεῦμα δεινάτον*), за возмущеніе низверженный съ высоты небесной, изъ соревнованія Богу, создалъ второе небо, вторую землю и избралъ ее въ жилище себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ покушался было создать и человѣка, и создалъ тѣло, но не могъ дать ему жизни и души; просилъ о томъ Бога, и Богъ послалъ въ тѣло дыханіе свое. Противъ Бога у сатанаила была постоянная вражда. Наконецъ, Богъ отрыгнулъ отъ сердца своего, чрезъ 5500 лѣтъ отъ созданія міра, Слово,—великаго совѣта ангела, архангела Михаила, явившагося потомъ во плоти въ лицѣ Иисуса Христа. Этотъ архангелъ Михаилъ или Христосъ побѣдилъ сатанаила, заключилъ его въ бездну, отнялъ отъ его имени священное окончаніе илъ и присоединилъ къ своему первоначальному имени Миха. Духъ св. также изшелъ изъ Отца въ одно время съ Сыномъ.

Теперь сличимъ эти гностическія и богомильскія начала ученія съ богословскими и космогоническими сказаніями, находящимися въ нашихъ древнихъ рукописяхъ. Въ одномъ соловецкомъ сборникѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «сказаніе о 7 планитахъ» читаемъ: «надъ твердью поясы, 7 планетъ, а не всѣхъ поясѣхъ стоятъ ангелы, а по поясамъ стоятъ звѣзды, и которая планита ниже стоитъ, тѣ звѣзды свѣтлѣе... Въ 1-й день Богъ солнце и луну и звѣзды, и въ той день спаде отъ славы сатана. И видѣ сатанаилъ небо и землю украшену, и помысли себѣ: сотворю престолъ на облацѣхъ себѣ, и буду подобенъ вышнему, да славить мя чинъ мой. И сотворилъ себѣ престолъ на облацѣхъ сѣверныхъ, и вознесся и бысть

тогда воевода чину ангельскому. И видѣ Богъ противника себѣ, и посла Богъ Михаила архангела и повелѣ сатанаила свержити долу. Прииде же Михаилъ къ сатанаилу, и видѣ на немъ божество велико, и не смѣ на него и зрѣти. И прииде Михаилъ къ Богу и рече: Господи! велико есть на немъ божество твое. Господь же снятъ съ него божество и рече: иди и свержи его долу. И прииде Михаилъ, и видѣ сатанаила, яко проста человѣка, и удари его скинетромъ, и спадеся престолъ его, и поиде сатана долу, и со всѣми силами, и отнялъ отъ него Господь божество, и снятъ отъ него илъ, и да Господь илъ ангеломъ и архангеломъ, и нарече имя Михѣ Михаилъ, и дасть ему надо всѣми небесными силами старѣйшинство, и нарече отступнику имя сатана дьяволъ, и бысть помраченъ, и съ своими силами поиде сатана верху и пошибе землю, и хотѣша небеса пастися. И рече Михаилъ: Господи, хочеть небо двинутися. И рече ему Господь: запрети словомъ. И рече Михаилъ: Господи, что повелиши глаголати? И рече Господь: изорцы: вонмемъ, святая святыхъ. Скоро изглагола тако. И тогда воспѣша вся силы небесныя: единъ свить, единъ Иисусъ Христосъ. И тогда утвердишися небеса, сатана же тогда пройде землю, и услыша гласъ Михайловъ, и ста во адѣ на безднѣхъ подъ землею, а подъ нимъ вода, а подъ водою огонь негасимъ... А друзи падоша на землю и слышаша гласъ Михайловъ, и остася на земли, и ходять по поднебеснѣхъ, и все злое творять роду человѣческому, и претворишася въ бѣсы. Ини же не доидоша до земли, и слыша гласъ Михайловъ, и обиташа на воздухѣ... И всѣ тѣ бѣсы сатаны преобразуютъ себе во ангела и человѣка, и въ животину, и во всякую гадину, смущая человѣка».

Гностико-богомилскія начала этого сказанія и связь его съ вышеизложеннымъ ученіемъ богомиловъ очевидны и не требуютъ подробнаго аналогическаго сближенія. Довольно указать на то, что, какъ по сатурнинову гносису, были особые ангелы, духи... семи планетъ, такъ и въ изложенномъ сейчасъ сказаніи о «седемъ планетахъ» представляются такъ же ангелы по поясамъ, у седемъ планетъ. Какъ по богомилскому ученію, Михаилъ является побѣдителемъ, низложителемъ сатанаила, и за то, по волѣ верховнаго Бога, отнимаетъ отъ него эпитетъ илъ: такъ точно разказывается и въ приведенномъ сказаніи соловецкой рукописи.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, приведемъ здѣсь еще одно космогоническое преданіе, записанное въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстной также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ». Тогда сатанаилъ здѣсь является въ образѣ птицы—гоголя. Вотъ какъ намъ сообщено это преданіе: «когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о камень: отъ искръ вылетѣвшихъ изъ камня явились ангелы. Гоголь также ударилъ камень о камень, и у него явились свои ангелы—десятый чинъ, его собственный. Далѣе гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ—второе лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; дьяволъ воспользовался этимъ слу-

чаемъ и сотворилъ людей уродливыхъ. Богъ прогнѣвался на сатанаила. Между Богомъ, сатанаиломъ и ихъ ангелами была постоянная вражда. Наконецъ Богъ побѣдилъ сатанаила, отнялъ у него иль и отдалъ его вождю своего небеснаго воинства Михѣ. Такимъ образомъ стали двѣ враждебныя силы—сатана и Михайль».

Въ спискѣ апокрифической бесѣды трехъ святителей, сообщенномъ намъ профессоромъ каз. университета В. И. Григоровичемъ, такъ же находимъ довольно ясныя оттѣнки гностико-богомильскаго космогоническаго міросозерцанія. Вотъ эта бесѣда, подъ заглавіемъ «сказаніе трудолюбивыхъ мужей»—списано отъ божественныхъ книгъ Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ прежнихъ невѣдомыхъ вещехъ. о безначальномъ Господѣ Богѣ нашемъ, какъ бысть Господь Саваовъ прежде всея видимыя и невидимыя твари. Прежь земли бысть Господь Саваовъ—въ трехъ комарехъ на воздухѣхъ.—И помысли себѣ Господь Саваовъ безначальный отецъ, тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа; изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на семьдесятъ тѣмахъ тысящъ, и будите езера и облака и звѣзды и свѣтъ, и вѣтръ издуну изъ нѣдръ своихъ, рай на востоцѣ насади, мразъ отъ лица Господня, а громъ гласъ Господень въ колесницѣ огненнѣй утверждень, а молнія слово Господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце отъ внутреннѣй ризы Господней, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди на земли море тиверіадское, вода соленая. И сниде Господь по воздуху на морѣ тиверіадское, и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси. И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися въ море и вынь земли и камень и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камня, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Господь отъ искръ огненныхъ Михайла архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изсѣче изъ камня бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тиверіадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля».—Сюда же должно отнести и слѣдующее «сказаніе о созданіи міра»—русской вариантъ предъидущихъ сказаній: «Егда не бысть неба на земли, тогда бысть едино море тиверіадское, береговъ у него не было. И сниде Господь по воздуху на море тиверіадское, и видѣ на морѣ гоголя плавающаго, а тотъ гоголь сатанаиль, зародился въ пѣнѣ морстѣй. И рече Господь сатанаилу: а мене не вѣдая, ты кто еси! И рече сатанаиль: азъ есмь Богъ.—А мене како нарицаешь? И рече сатанаиль: а ты Богъ богомъ и Господь господѣмъ. Аще бы не ты, сатанаиль, рекъ Господь, азъ бы ту же искоренилъ на морѣ тиверіадскомъ, а сатанаиль понырился въ море. И рече Господь сатанаилу: вынеси мнѣ земли, песку, кремень. То сатанаиль, послушавъ Господа и понырился въ море, и вынесе земли, песку, кремень. И взя Господь у сатанаила земли и разсѣя по морю тиверіадскому, и буди на мори земля толста и пространна. И взя у сатанаила кремень, и преломи его наполю, и въ правой руцѣ остави Господь у себя, изъ лѣвыя руки даде сатанаилу, и взя Господь песокъ и нача

бити въ кремень, и рече: изъ сего кремня вылетайте ангелы и архангелы, по образу моему и по подобію, сильніи и безплотніи;—и нача вылетати изъ того кремня искры огненныя: у сотвори Господь ангелы и архангелы и всѣ девять чиновъ. И видя сатанаилъ что сотвори Господь, и началъ тоже дѣлать; изъ лѣвыя руки нача у сатанаила вылетати ангелы его, и сотвори сатанаилъ себѣ силу великую чинами ангельскими и чинъ сатанаиловъ причти въ девять чинъ. И видѣ сатанаилъ, яко отъ Бога почтенъ и ото всѣхъ ангеловъ славимъ, и помысли въ сердцѣ своемъ радость: поставлю престолъ свой на облацѣхъ и Богу подобенъ высшее ему. И видѣ Господь мысль его лукаваю, и восхотѣ сего свергнуть съ небесъ на землю со всею силою лукавою. И приде Миха къ сатанаилу, и попали Миху отъ сатанаила огонь. Приде Миха ко Господу и рече Миха: Господи! не могу еже мнѣ заповѣда: огонь мене палить отъ сатанаила. Миху постриже въ чернецы и нарече имя Михаилъ, а сатанаила нарече сатана, понеже отъять отъ сатанаила чинъ: дастъ Господь чинъ Михаилъ и наречется архангелъ Михаилъ, а сатанаилъ,—сатана. И посла Господь Михаила къ сатанѣ, и еще Михаила поскимни. И приде архангелъ, удари сатану скипетромъ и порази его со всею силою лукавою, и шла его сила на землю три дни и три нощи, яко каплей дождевой. И въ третій день сотвориша Ангелы соборъ и постави Господь надъ всѣми силами ангельскими начальникомъ Михаила архангела, и рекоша: аминь аминь, аминь».

Сличая содержаніе этого апокрифо-космогоническаго сказанія съ вышесказаннымъ ученіемъ гностиковъ и богомилевъ, мы замѣчаемъ въ немъ, сквозь мифологическіе образы, довольно явственные оттѣнки гностикобогомилскаго ученія. Такъ это сказаніе о безначальномъ Богѣ Отцѣ, пребывавшемъ преже земли въ трехъ камарехъ на воздушѣхъ, отрыгнувшемъ отъ сердца своего Сына Божія, испустившаго изъ устъ своихъ Духа святаго, особенно это представленіе сатаны соучастникомъ Бога въ твореніи міра, въ родѣ диміурга, и творцемъ особаго, сатанинскаго царства существъ,—все это довольно ясныя слѣды гностико-манихейскаго и гностикобогомилскаго дуализма и эманатизма. А представленіе сатаны въ образѣ птицы, гоголя,—это извѣстный образъ мифологической космогоніи.

Такъ отъ временъ первоначальнаго грубаго двоевѣрія народъ всегда высказывалъ и высказываетъ свои теологическія и космогоническія понятія, съ одной стороны—въ мифологическихъ образахъ, съ другой—по апокрифамъ, отзывающимся гностикобогомилскимъ ученіемъ. Мы увидимъ далѣе, что даже кудесники сѣверо-восточной Руси, поднимавшіе общую народную, вооруженную вражду противъ христіанскаго духовенства, даже эти кудесники, откуда-то успѣвшіе усвоить христіанскія понятія о Богѣ, сатанѣ и объ ангелахъ, высказали тоже дуалистическое ученіе, подобное гностическому, манихейскому и богомилскому. «Богъ,—говорили они,—мывая въ мовницѣ и вспотилъ себя, отерся ветошью, и бросилъ ее съ неба на землю: и распрѣся сатана съ Богомъ, кому изъ нихъ сотворить человѣка? И сотворилъ дьяволъ человѣка; а Богъ душу въ него вложилъ». И эти понятія донынѣ повторяетъ нашъ народъ въ нѣкоторыхъ областяхъ на разные лады. Вспомнимъ, на прим., народное сказаніе о происхожденіи горъ

отъ сатаны, во время творенія міра Богомъ, и сибирское сказаніе о происхожденіи мошекъ отъ сатаны, или вспомнимъ народное сказаніе о собраніи Богомъ птицъ, для содѣйствія ему въ твореніи рѣкъ и озеръ,—сказаніе, очевидно, напоминающее космогоническое значеніе тѣхъ или другихъ птицъ въ міеологическомъ міросозерцаніи разныхъ народовъ ¹⁾. Все это не отрывки ли одного же и того же частію апокрифическаго гностико-богомильскаго, а частію міеологическаго міросозерцанія? А гдѣ ни послушайте, почти вездѣ не книжный народъ скажетъ вамъ подобныя космогоническія преданія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно услышать даже чисто гностико-богомильское понятіе о Богѣ Саваоѣ, какъ старшемъ Богѣ, и объ Иисусѣ Христѣ какъ молодомъ Богѣ ²⁾. Наконецъ замѣтимъ, что гностико-богомильскій дуализмъ такъ глубоко вкоренился въ народныя понятія, что донинѣ составляетъ даже нравственно-догматическую основу міровоззрѣнія нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ. Напр. секта бѣгуновъ или странниковъ, возникшая около половины XVIII в., весь міръ раздѣляетъ на два царства: Божіе и сатанино. Въ «разглагольствіи тюменскаго странника», сочиненномъ бѣгуномъ Василіемъ Москвиннымъ (около 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія), такъ изображаются эти два царства:

въ мірѣ Божіемъ:

1. Богъ истинный, творецъ вся твари, зиждитель, вседержитель, пастырь, руководитель и всему міру хранитель и спаситель.

2. Духъ святой, истинный и животворящій.

3. Градъ небесный, Сіонъ, вышній Иерусалимъ, и райскія обители въ немъ, и проч.

въ мірѣ сатаниномъ:

1. Противникъ Божій, антихристъ, дьяволъ, сынъ погибельный, седмглавый змій, древній клеветникъ, судія сатанинъ, титанъ, преисподній бѣсъ.

2. Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.

3. Великій градъ адскій, темный вавилонъ и адовы темницы въ немъ, и проч.

Откуда, спрашивается, заимствовалъ народъ такія двоевѣрные понятія? Какія были причины этого двойственного характера народнаго міросозерцанія, частію міеологическаго, частію христіанско-апокрифическаго, и въ частности — дуалистическаго?

Причина вліянія міеологіи на христіанское народное міросозерцаніе понятна. Не могъ же вдругъ весь народъ, тотчасъ послѣ крещенія, познать все христіанское ученіе. Простая, младенческая вѣра, безъ знанія, и донинѣ еще составляетъ господствующую, отличительную черту религіознаго сознанія нашего простаго народа. А въ древней Россіи еще менѣе развито было отчетливое, разумное знаніе христіанскихъ истинъ. Въ повѣсти о печерскомъ псковскомъ монастырѣ, о печерской чудотворной иконѣ Богоматери, писанной въ второй половинѣ XVI в., еп. псковскій Геннадій такъ характеризовалъ вѣру предковъ нашихъ: «людіе же прости

¹⁾ Быть рус. народ. Терешенки. V. 44—47.

²⁾ Напр. въ Нижегород. губ., въ селѣ Павловѣ.

поселяне, на Господа Бога надежду возлагающе и на пресв. Богородицу... ово просто со вздыханіемъ сердца, тайно въ себѣ, горѣ умъ простирающе: прости челоуѣцы, не умѣюще писанія, еже навыкли звати и сперва, егда крести великій князь Владиміръ въ Херсунѣ, тогда бывшіи съ нимъ самовидцы народи, и корсунскій глаголь по гречески навыкоша звати: кирие лиейсонъ, по словенски же: Господи помилуй: прости челоуѣцы, мужи и жены, и инѣи прости людѣ всякъ возрастъ, послѣдствующе сему въ себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся глаголютъ»¹⁾. При такой простотѣ ума и сердца, эти младенцы во Христѣ—простые русскіе люди, крестившіеся въ водахъ Почайны, или Волхова, или Шексны, естественно, съ самаго начала, «послѣдствующе себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся», вовсе не считали несомвѣстнымъ съ христіанствомъ молиться «въ рощеніи», подѣ овномъ, у воды; или, строя уже христіанскіе храмы, думали сохранять, наряду съ ними, у алтаря церковнаго «камень да березу»²⁾. Попржежнему, «овъ требу творилъ на студенци, дѣжда исквы отъ него, забывъ яко Богъ съ небеси дождь дастъ; овъ рѣку богыню нарицалъ и звѣрь, живущъ въ ней, яко Бога нарицалъ» и проч.³⁾. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ извѣстныхъ свидѣтельствъ о первоначальномъ грубомъ двоевѣріи народномъ. Оставляемъ также до другого мѣста изложеніе географическихъ и историко-этнографическихъ причинъ особеннаго долговременнаго господства двоевѣрныхъ понятій на финскомъ сѣверовостокѣ, гдѣ христіанство распространялось среди финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ славяно-русской колонизаціей. Припомнимъ здѣсь только слѣдующее свидѣтельство изъ извѣстнаго слова Христороубца, который обличаетъ въ двоевѣріи не только невѣжей-народъ, но и вѣжей-поповъ: «сїи не могый терпѣти крестьянъ двоевѣрно живущихъ, иже суть крестьяне, а вѣрують въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Регла и въ вилы, ихже числомъ тридевятъ сестреницъ глаголютъ окалки невѣгласи, то всѣ мнятъ богы и богинями... и огневи молятся, зовуть е Сварожицемъ и чесновитокъ богомъ же творять, егда же будетъ у него пиръ, тогда же кладутъ въ ведра и въ чашу и тако пїють о долѣхъ своихъ. Не только невѣжи, но и вѣжи то творять, попове и книжници... Огневи молятся подѣ овномъ и виламъ и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и роду и рожаицамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна»⁴⁾.

¹⁾ Сборн. соловенк. библ. № 857. л. 151 об.

²⁾ „На Бѣлоозерѣ жили люди невѣрные, гласить одно древнее сказаніе, да какъ учили креститься и вѣру христіанскую познавать, и они поставили церковь, а не вѣдають, котораго святаго нареци; а на утро собрались, да и пошли церковь свящати, и какъ пришли къ церкви, аже въ рѣчки подѣ церковію стоитъ челнокъ, а въ челноку стулецъ, а на стульцѣ икона Василій великій, и они икону взяли въ церковь, и нарекли церковь во имя Василія великаго... И они церковь святили, да учили обѣднѣ пѣти, да какъ начали евангеліе чести, и грянуло не по обычаю, кабы страшный великій громъ грянулъ и вси людѣ уполомилнесь, ино въ прежнее лѣто туту было мольбище идольское за олтаремъ, береза да камень, и ту березу вырвало, и камень взяло отъ земли, да снесло въ Шексню и потопило“. Сборн. № 925 л. 117 и 118.

³⁾ Библ. листы Кеппена № 7.

⁴⁾ Опис. Рум. муз. стр. 228.

Изъ этого слова Христоролюбца видно, что точка зрѣнія на міръ, въ массахъ народныхъ, до XIII или даже XIV столѣтія, была всецѣло мнѳологическая, полиѳеистически-религіозная! Созерцаѳ и олицетворяѳ стихіи и явленія природы въ образахъ Перуновъ, Хорсовъ, Дажьбоговъ, виль и т. п., народъ, очевидно, еще вполне вѣрилъ въ мнѳическую олицетворенность, въ зооморфизмъ и антропоформизмъ силъ, стихій и явленій природы. И съ этимъ-то религіозно-полиѳеистическимъ міросозерцаіемъ, съ этой мнѳологической ѳеогоніей и космогоніей должно было встрѣтиться христіанское ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. При стеченіи, сближеніи своемъ съ мнѳологическимъ міросозерцаіемъ народа, — оно, естественно, не могло не исказиться въ понятіяхъ народныхъ, не могло иначе выразиться въ первыхъ произведеніяхъ народной мыслительности, какъ съ примѣсю, на половину, мнѳологическихъ элементовъ. Къ тому-же старыя преданія и понятія ѳеогоническія и космогоническія сильно поддерживали въ народѣ, даже открыто, вооруженнымъ сопротивленіемъ отстаивали волхвы и кудесники. — эти вѣдуны и хранители тайнъ мнѳологическаго міросозерцаія. Въ ученіи вѣдуновъ вполне высказалось преобладаніе въ первые два или три столѣтія понятій языческаго, полиѳеистически-религіознаго міровоззрѣнія надъ ученіемъ церковно-библейскимъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ показать здѣсь, какъ вѣдуны мнѳологіи противопоставляли христіанскому міросозерцаію старыя начала религіозно языческой ѳеогоніи и космогоніи. Дѣйствуя во имя естественной религіи, во имя боговъ природы, волхвы, какъ вѣдуны мнѳологическихъ тайнъ природы, возмущали народъ предсказаніями чудесныхъ знаменій, превращеній и потрясеній въ порядкѣ природы. И народъ, живо сохраняя вѣру въ олицетворенность силъ природы, въ физическія, стихійныя божества, живущія въ воздухѣ, въ водахъ, на землѣ, приписывая природѣ всемогущую волю и силу, народъ вѣрилъ всякимъ невозможнымъ чудесамъ и превращеніямъ въ природѣ. Такъ въ лѣтописи читаемъ: «въ си времени (т. е. въ 1071 г.), приде волхвъ, пришедъ Кіеву глаголаше сице повѣдая: явилимся пять боговъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи всяты и землямъ преступити на иня мѣста, яко стати греческой земли на русской, а русской на греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, егоже невѣгласи послушаху». Чтобы успѣшнѣе поддержать въ народѣ свой авторитетъ, волхвы большею частію возставали по случаю какого либо необычайнаго физическаго явленія на небѣ или на землѣ. «Въ лѣто 1091, — говоритъ лѣтописецъ, — бысть знаменье въ солнцѣ, яко погибнути ему и мало ся его оста, аки мѣсяцъ бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія въ 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣюще звѣриныя за Вышегородомъ, замѣтавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій съ небесе, ужасошася вси людіе. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша въ се же лѣто волхвъ явися въ Ростовѣ». Всего чаще волхвы возставали и возмущали народъ по случаю физическихъ бѣдствій, особенно ощутительно касавшихся быта народнаго, и при этомъ всегда объясняли физическія причины бѣдствій, по своимъ темнымъ языческимъ представленіямъ, признавая напр., причиною ихъ женщинъ, да старую чадь. Поборники хри-

стіанской истины, усмиряя бунтующій по наущенію волхвовъ народъ, противопологали съ своей стороны языческому ученію вѣдуновъ христіанское ученіе о высшей небесной силѣ въ управленіи физическихъ бѣдствій и о высшей нравственной цѣли ихъ. «Въ лѣто 6532 (1024 г.), — читаемъ въ лѣтописи, — встали волхвы въ Суздаѣ, избивали старую чадь по дьяволу наученію и бѣсованью, говоря, что они держатъ гобино». Услышавъ о такомъ суевѣрномъ образѣ мыслей вѣдуновъ, Ярославъ, въ противоположность имъ, по словамъ лѣтописи, «рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю голодомъ или моромъ, ли ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже». Еще яснѣе высказалась борьба христіанскихъ понятій о Богѣ, природѣ и человекѣ съ языческимъ міросозерцаніемъ, по случаю возстанія волхвовъ въ ярославской и ростовской области. Волхвы опять возстали по случаю физического бѣдствія, — неурожая и голода, и опять высказывали свой суевѣрный взглядъ на причины неурожая. Когда они схвачены были, по повелѣнію воеводы Яна, и приведены къ нему на Бѣлоозеро, тутъ у нихъ завязался съ Яномъ споръ о причинѣ голода, о сотвореніи человека и о составѣ его физической и духовной природы. «Янъ, — говоритъ лѣтопись, — спросилъ волхвовъ: зачѣмъ вы погубили столько людей?» Кудесники отвѣчали: «тѣ люди держатъ плодородіе: если мы всѣхъ ихъ перебьемъ, то будетъ обиліе: хочешь, передъ тобой мы вынемъ изъ нихъ жито, или рыбу?» Это темное, суевѣрное представленіе о зависимости, или происхожденіи отъ извѣстнаго человека такого внѣшняго, физического явленія, каково напр., долговременное ведро, или большой дождь, ненастье, неурожай и т. п., — это представленіе господствовало въ народѣ еще и въ половинѣ XIII вѣка. Такъ въ 1228 г., по случаю слишкомъ долговременнаго дождя, въ Новгородѣ простая чадь, собравшись на вѣче, возмутилась противъ архіепископа Арсенія, пошла на владычнъ дворъ съ криками: «того дѣля стоитъ тепло долго», — и выпроводила архіепископа изъ города. Такъ точно и Яну волхвы высказывали это же самое убѣжденіе относительно неурожая. Янъ началъ опровергать ихъ суевѣрное понятіе тѣмъ, что неестественно быть житю въ человекѣ, въ составѣ человеческой природы и физически невозможно, чтобы онъ — скрывалъ его въ себѣ. «Богъ, — говорилъ онъ, — сотворилъ человека отъ земли, составилъ его изъ костей, жилъ и крови, нѣтъ въ немъ ничего, а одинъ Богъ знаетъ», т. е. почему неурожай и голодъ. Волхвы, вѣдунны міеологической космогоніи, возразили: «а знаете ли вы, какъ человекъ сотворенъ?» «Какъ?» спросилъ Янъ. «Богъ мылся въ мовницѣ, — отвѣчали кудесники, — вспотѣлъ, отерся ветошью и бросилъ ее съ неба на землю: тутъ поднялся споръ у сатаны съ Богомъ, — кому изъ нихъ сотворить человека; и сотворилъ дьяволъ человека, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, если умретъ какой человекъ, тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу». Янъ спросилъ ихъ: «а какому вы Богу вѣруете?» Антихристу, — отвѣчали они. — «А гдѣ онъ?» — спросилъ Янъ. «Сидитъ въ безднѣ», отвѣчали кудесники. Янъ на это сказалъ имъ: «какой то Богъ, сидитъ въ безднѣ; то бѣсъ, а Богъ на небеси, сидитъ на престолѣ, славимый ангелами, которые предстоятъ ему со страхомъ; а тотъ изъ ангеловъ сверженъ, котораго вы называете антихри-

стомъ, за гордость сверженъ съ неба, и сидить въ безднѣ, какъ вы сами говорите».

Какъ въ космогоническихъ, такъ и въ оеогоническихъ понятіяхъ вѣдуновъ господствовалъ дуализмъ, элементы котораго, быть можетъ, такъ же отразились и въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, особенно въ первомъ приведенномъ нами спискѣ. Такъ въ XI вѣкѣ одинъ двоевѣрный новгородецъ, пришедши разъ къ чудесному кудеснику, для волхвованія, далъ ему вопросъ: «какіе ваши боги? гдѣ живутъ?» Кудесникъ отвѣчалъ: «въ безднахъ: сѹтъ же образомъ черны, крылаты, съ хвостами, поднимаются и подъ небо слушать вашихъ боговъ: ваши боги ангелы на небѣ: если кто умретъ изъ вашихъ людей, то возносится на небо; а если кто изъ нашихъ умираетъ, то уносится къ нашимъ богамъ въ бездну».

При такомъ преобладаніи въ народномъ міросозерцаніи мнѳологическихъ элементовъ, при этой упорной борьбѣ мнѳологически настроенной мыслительности народной, старыхъ полиѳеистически-оеогоническихъ и космогоническихъ понятій съ новымъ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, понятно вносило, какъ естественно и возможно было вліяніе мнѳологіи на первыя христіанскія начала народнаго міросозерцанія, на первыя выраженія младенческой христіанской народной мыслительности.

Точно такъ же, возможно было и вліяніе апокрифовъ, и въ частности, началъ гностико-богомилскаго міросозерцанія. Причина вліянія апокрифическихъ и преимущественно гностико-богомилскихъ идей на первоначальныя христіанскія богословскія и космогоническія понятія народа заключается въ большомъ приливѣ и распространеніи на Руси византійскихъ и сербо-болгарскихъ апокрифовъ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси до XV вѣка, и послѣ того. Извѣстно, что въ то время, когда Византія начинала намъ сообщать свою церковную письменность, и когда болгарскій царь Симеонъ, по свидѣтельству якимовской лѣтописи, такъ же послалъ къ намъ «цѣренъ учены и книги довольны и дьяконовъ и дѣмественниковъ, въ то время въ Византіи скопилось множество апокрифовъ, сочиненныхъ разными еретиками, особенно гностиками¹⁾, а въ Болгаріи, и даже на Руси, по берегамъ Чернаго моря, рядомъ со многими другими сектами, сильно распространялась секта павликіанъ и богомиловъ — отрасли гностиковъ, манихеевъ, мессалианъ (εἰσαίται)²⁾. Эти сектанты почерпали

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. III, 25. Фотій, современникъ обращенія въ христіанство славянъ, съ радостію отзывавшійся объ обращеніи въ христіанство и руссовъ, писалъ о распространеніи апокрифовъ (biblioth. codex, 114). Точно также Фотій писалъ о Манихѣ Арапѣ (codex, 179). (См. у Тисшендорфа Acta Apostol. apoc.). Что апокрифы сочинены большею частью гностиками, объ этомъ свидѣтельствуеетъ Тертуліанъ (de praescr. haeret).

²⁾ Императоръ Іоаннъ Цимисхій переселилъ на границы Болгаріи цѣлую колонію павликіанъ (Zonar. I. XVIII. p. 209), откуда они не замедлили распространиться по всей Болгаріи. Въ первой половинѣ XII-го вѣка въ болгарскомъ городѣ Меглинѣ почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ, и едва самъ царь не отступилъ отъ православія (Ник. лт. II, 45. Кирилл. книга). О богомилахъ см. Michel. Pselli περί ἑσπερίας διμρόνων διόλογος, ed Hasenmüller. Kil. 688. Anal. Comn. Alex. XV. p. 486. Ихъ ученіе въ сочиненіи Евѳимія Зигабена: «πυροπλίζ.» Evthymii Sigabeni narratio de Bogomilis

основныя начала своего ученія изъ гностическихъ и манихейскихъ апокрифовъ. Болгарскіе послѣдователи ихъ и сами сочиняли новыя апокрифы, особенно апокрифическія молитвы. Такъ въ спискѣ апокрифическихъ книгъ, между прочимъ, сказано: «кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлены лживыя отъ трясавицы, Еремей попа болгарскаго басни, глаголетъ бо ока-
янный, сядящу святому отцу Сисѣнію на горѣ синаистѣй, и видѣ седьмъ ангель исходящихъ изъ моря и ангела Сахаила именуема, и иная изыдоша седьмъ ангель, седьмъ свѣщъ держаще, седьмъ ножевъ остряще: корасторъ (о 70) именъ Богу, все то еретицы списали; суть между божественными писаніями лживыя писанія, насѣяны отъ еретикъ, лѣстивіе соборники сельскіе, худые манукануны, по молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ» и проч. Такимъ образомъ, какъ непосредственно изъ Византіи, такъ въ особенности изъ Болгаріи, рано стали переходить къ намъ апокрифы византійскіе и болгарскіе. Уже Авраамій Смоленскій, жившій въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, читалъ глубинныя книги, т. е. апокрифическую книгу «глубина». Въ XIII и XIV вѣкѣ эти книги оказали такое сильное вліяніе на народную мыслительность, что грамотники народные и сами сочиняли апокрифическія статьи, съ примѣсью міѳологическихъ элементовъ. Въ концѣ XIV вѣка и началѣ XV апокрифы византійскіе, сербо-болгарскіе и славяно-русскіе уже до такой степени умножились, что митрополитъ Кипріянь, сербъ родомъ, призналъ необходимымъ составить списокъ какъ истинныхъ, признанныхъ церковію книгъ, такъ и отреченныхъ, и въ немъ подробно изчислилъ и византійскія и сербо-болгарскія и русскія апокрифическія сочиненія или статьи. Съ этихъ поръ, списокъ отреченныхъ книгъ, такъ какъ и истинныхъ, въ русской церкви получилъ какъ-бы каноническое значеніе, потому, что вносился въ церковныя книги, напр., въ молитвенники и уставы, съ той цѣлью, чтобы духовенство знало, что должно читать, и чего не должно читать, и предохраняло народъ отъ чтенія апокрифическихъ книгъ¹⁾. Несмотря на то, не только народные, мірскіе грамотники, но и священнослужители съ особеннымъ сочувствіемъ читали апокрифическія книги и сочиняли новыя отреченныя статьи, предпочитая ихъ византійскимъ источникамъ знанія. Курбскій жаловался: «нынѣшняго вѣка мнящіеся учителя больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, про-

primum in serm. ed. Cieseler, p. 1. 4. Cöett. 841. см. также у Wolf. hist. Bogomilor. diss. III, vit. 712. Engelhart, die Bogomilien. Названіе и болгарское происхожденіе богомиловъ Евѣмій Зигабенъ объясняетъ такъ: Βόγ μὲν γάρ ἡ τῶν βοῦλᾶρων γλῶσσαι καλεῖ τὸν Θεόν, μίλου δὲ τὸ ἐλπίσιν.

¹⁾ См. напр. Опис. Рум. муз. № CCCCXLIX, стр. 716 и 717. Въ сборн. подъ № 925 читаемъ такую заповѣдь: „святѣя книги почитати и вѣровати писанію тѣхъ, а отреченныхъ книгъ бѣгати; аки жена Лотова преступи заповѣдь ангельскую, обрати се видѣти Содомъ, и бысть столпъ сланъ и до днесь: такожь и нынѣ кто Божію заповѣдь преступитъ, а иметъ еретическая писанія у себя держати, еже есть врагъ Божій, и волхвованію ихъ вѣровати, съ тѣми со всеми еретиками да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный вѣдая у себя въ сынѣхъ, а вѣдая то въ покаяніи его иметъ въ томъ потоки дѣяти, или иметъ творити самъ прожереченная сія еретическая волхвованія, да извержется сана“.

читаютъ и похваляютъ, неже въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются». Дѣяки церковные, въ родѣ Семейки Григорьева, держали у себя книги недобрыя, ересныя, да приговоры и рафли, тетради гадательныя. Сборники XVI и XVII вѣка наполнены апокрифическими статьями, рядомъ съ статьями принятыми церковью, только иногда подъ другими заглавіями. Напр., въ сборникѣ соловецкой библіотеки есть апокрифическое евангеліе Іакова (№ 807), отрывокъ изъ апокрифическаго евангелія Никодима (№ 889), апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, сказаніе о камняхъ и о ефудѣ Аарона, указанныя въ кодексѣ апокрифовъ Фабриція, епистолія апостола Павла — отрывокъ изъ 10 апокрифическихъ посланій апостола Павла (ὁ Ἀπόστολος) сказанія о рахманехъ, разныя апокрифическія сказанія объ ангелахъ, о именахъ ангельскихъ; «божественнаго Іліи и Елисея дѣйствія въ душѣ: Ілія убо семь дѣйствъ сотвори» и проч. (сборн. № 844, л. 237—239 и др.). Изъ славянскихъ, сербо-болгарскихъ апокрифовъ, въ сборникѣ соловецкомъ находятся довольно значительныя отрывки изъ громовника, напр., статьи: сказаніе о громѣ, окруженіе солнцу и лунѣ, изъ зелейника — довольно большой отрывокъ, находящійся въ сборникѣ подъ № 988. Наконецъ апокрифы, особенно нравственнаго содержанія, иногда безсознательно вносились въ сборники церковныхъ, назидательныхъ, свято-отеческихъ твореній, въ изморагды, златоусты, сборники и торжественники, имѣвшіе церковное значеніе и употребленіе. Напр., въ измарагдѣ соловецкой библіотеки подъ № 270, писанномъ въ XV вѣкѣ, находится, между прочимъ, евангеліе отъ Матѳея, слово апостола Іакова о недѣлѣ, видѣніе Исаи. Павлово видѣніе и другіе.

Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія ¹⁾.

(ПРАВОСЛАВНАГО И СТАРООБРЯДЧЕСКАГО).

При современномъ сознаніи крайней необходимости просвѣщенія темныхъ массъ народа, при теперешней заботѣ объ устройствѣ народныхъ училищъ, крайне необходимо, между прочимъ, предварительное изученіе историческаго развитія и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоитъ нравственно обрабатывать. Этимъ изученіемъ опредѣлятся настоящіе умственные недостатки и потребности народа и укажутся характеръ и приемы самой умственной культуры или сущность и направленіе народно-образовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русскаго народнаго ума, ему, при гуманистическомъ просвѣщеніи, преимущественно необходимо реальное — естество-познавательное и жизненно-практическое образованіе. Уже Мордвиновъ, въ свое время, доказывалъ всю необходимость распространенія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, знаній естественныхъ — физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, химіи, технологіи и т. п., и въ этомъ полагалъ главный предметъ правительственной заботы. Естественно-реального образованія требуютъ, наконецъ, не только послѣдніе выводы, интересы и направленіе общеевропейскаго просвѣщенія, характеризующагося преимущественно естественными открытіями и изобрѣтеніями, но и, въ особенности, исторически-развившіеся и теперь обнаруживающіеся крайніе умственные недостатки нашего простаго народа — незнаніе природы и суевѣріе. Въ виду совершающагося преобразования быта огромной и самой важной массы нашего народонаселенія — крестьянства, въ виду новыхъ потребностей сельскаго хозяйства — главнаго жизненнаго элемента нашего экономическаго быта, потребность реально-естественнаго образованія сельскихъ массъ является особенно ощутительною и настоятельною.

Крайне необходимо и въ высшей степени желательно, чтобъ наши ученые, занимающіеся физикой, и вообще естественными науками, а также сельскимъ хозяйствомъ и медициной, позаботились, наконецъ, по примѣру западныхъ естествоиспытателей, объ изданіи для темныхъ массъ простаго народа популярныхъ этюдовъ или чтеній по разнымъ отраслямъ естествознанія. Это святой долгъ ихъ. Съ этою цѣлью, для наибольшей популяр

¹⁾ Напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1863 г., № 1, стр. 1—73; № 3, стр. 75—92; № 4, стр. 1—20; № 6, стр. 47—76 и № 7, стр. 1—28; — по отдѣлу IV-му „Науки“.

ности и удобоприимности такихъ естествознательныхъ очерковъ или чтеній къ умственному уровню или пониманью простого народа, — весьма полезно и даже нужно нашимъ естествовѣдамъ знакомиться съ исторіей народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Не даромъ такіе западные ученые, какъ, напр., Кювье, Араго, Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Шлейденъ и другіе, издавая свои популярныя естественныя книги или чтенія, прибѣгали къ исторіи естествовѣденія и суевѣрія и даже сами излагали ее. Для нашихъ ученыхъ естествовѣдъ представляютъ весьма важный и обильный матеріалъ для изученія народныхъ естественныхъ заблужденій и суевѣрій такіе, изстари распространенные въ народѣ, книги и сборники, какъ напр., астрономіи, географіи, космографіи, громовники, лечебники, травники, зеленіи, цвѣтники, словари XVI и XVII столѣтій и проч. Всѣ эти и подобные старинные источники народнаго естествовѣденія ждутъ критическаго разбора спецѣлистовъ-естествоиспытателей.

Для того, чтобы знать, какія умственныя и нравственныя болѣзни лечитъ въ народѣ посредствомъ просвѣщенія, занимающіеся исторіей русской жизни и литературы, съ своей стороны, также должны, во первыхъ, приводить въ ясность ту сумму разнообразныхъ понятій о природѣ и физической жизни человѣка, какую накопили нашъ народъ въ своемъ міросозерцаніи, въ теченіи тысячелѣтней жизни; во вторыхъ — указывать въ исторіи и литературѣ тѣ источники, изъ которыхъ народъ заимствовалъ свои понятія, вѣрованія или суевѣрія и предрасудки; въ третьихъ — исторически раскрывать удобства или неудобства, плодотворность или бесплодность, пользу или вредъ тѣхъ или другихъ, извѣданныхъ въ нашей исторіи, способовъ и источниковъ народнаго образованія; и, наконецъ, исторически опредѣлять вліяніе изстариinnaго, вѣковаго міросозерцанія народнаго на современное состояніе народной умственной жизни, а отсюда отчасти — и характеръ, и потребности такъ насущно-необходимаго теперь народнаго просвѣщенія, и проч. Съ такою мыслію мы, еще въ 1859 году, занялись собраніемъ матеріаловъ для историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно: очеркъ народнаго христіанско-космогоническаго міросозерцанія и взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно очеркъ религіозно-языческаго или міологическаго славяно-русскаго міросозерцанія остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ небезполезнымъ постепенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная бібліотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены.

На первый разъ предлагаемъ краткій очеркъ вліянія библейско-византийской санктологіи и пневматологіи на народное міросозерцаніе. Въ

ряду другихъ очерковъ, въ полномъ циклѣ народнаго міросозерцанія, этотъ очеркъ необходимъ. Затѣмъ слѣдуютъ очерки мистико-символическаго народнаго міросозерцанія, особенно укоренившагося у нѣкоторыхъ сектъ народныхъ, напр., у людей божіихъ, очерки земледѣльческаго міросозерцанія, очерки народныхъ громовниковъ, травниковъ, зелейниковъ и проч.

I.

Вліяніе библейско-византійскаго ученія объ ангелахъ и святыхъ на народное міросозерцаніе.

Извѣстно, что церковные учителя древней Руси строго преслѣдовали народныя мифологическія воззрѣнія на природу, какъ „*бѣсовскія мечтанья*“, искореняли всѣ эти живые эпическіе образы народнаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцовъ и учителей восточно-византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно-византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполне по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учителя почерпали понятія о мірѣ, во первыхъ, изъ книги бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во вторыхъ, изъ разныхъ греко-восточныхъ толкованій на книгу бытія и на псалмы, особенно изъ толкованія на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василия Великаго, изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна Экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ третьихъ, изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполне выразилось восточно-библейское міросозерцаніе; въ четвертыхъ, изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальныя источники. Такъ, напр., Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1384 году (Татищ. Ист. IV, 313) Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды: «похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ. Около половины XVI вѣка встрѣчается въ рукописяхъ восточно-византійское землеописаніе Козмы Индикоплавта, подъ заглавіемъ: «книга, нарицаемая Козма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ Кирь Козмою»¹⁾. Изъ этихъ и подобныхъ источниковъ

¹⁾ Въ предисловіи ея сказано, по списку Макарьевской четьи-минеи: „Въ лѣто 7010 (т. е. 1542 г.) генваря въ 19-й день написаны быша книги сія Козма Индикопловъ повелѣніемъ... архіепископа великаго Пскова и Новгорода, владыки Макарія“. Бу-

древне-русскіе книжники-учители заимствовали понятія о природѣ, преимущественно изъ книгъ библейскихъ и свято-отеческихъ, и на основаніи ихъ старались искоренить мифологическія начала народнаго міросозерцанія и поучать народъ библейско-византійскому міровоззрѣнію. Не раскрывая въ подробности борьбу и смѣшеніе народныхъ мифологическихъ понятій съ библейско-византійскимъ ученіемъ, мы въ настоящемъ очеркѣ рассмотримъ только, какъ встрѣтились старыя зооморфическія и антропоморфическія олицетворенія силъ и стихій природы съ церковнымъ ученіемъ объ ангелахъ, святыхъ, и въ какую форму, подъ влияніемъ этого ученія, видоизмѣнились. Въ этомъ отношеніи, византизмъ особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простого народа и навѣялъ цѣлую массу своеобразныхъ понятій и суевѣрій.

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учителя внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Елифанія Кипрскаго на книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія. Такъ напр., читаемъ въ Солов. Сборн. подъ № 993: «Елифанія Кипрскаго архієпископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмага дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними сѣи ангелы: ангель духомъ и бурѣ, ангель облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангель студени и зною, и зимѣ, и осеню, и всѣмъ духомъ, ангель земли, тмѣ» и проч.¹⁾ Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи слѣдующее событіе, и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ: «въ лѣто 6618 было знаменіе въ печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненный отъ земли до небеси и молнія освѣтила всю землю и въ небеси громъ погромѣлъ въ первый часъ ночи, и весь міръ видѣлъ: а столпъ этотъ сперва сталъ на трапезницѣ каменной, такъ

слава, Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческій текстъ изд. и перевод. на латинскій и французскій языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum. Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis, t. 2).

¹⁾ Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ грековосточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ: τὰ γὰρ ἔθνη ὑπὸ ἀγγέλους τεταγμένα εἰσιν, ὡς ἀπαρτῶρεί μοι Μωϋσῆς ὁ ἄγιος τοῦ θεοῦ θεράπων.... καὶ γὰρ κινούμενοι οἱ ἄγγελοι, κινεῖται τὰ ἔθνη εἰς ὁρμὴν ἐκδικήσεως. Advers. haeres. t. I lib. 2. cap. 34, pag. 456—457.

что не видно было креста, и постоявъ мало, спустился на церковь и сталъ надъ гробомъ Θεодосеевымъ, и потомъ ступилъ на верхъ какъ бы къ востоку лицомъ, и потомъ невидимъ былъ. А это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельскій: ибо ангелъ такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ, какъ сказалъ Давидъ: творяя ангелы своя духи и слуги свои огонь пламень, и посылаются они повелѣніемъ божіимъ, куда хочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ ангеловъ и челоуѣковъ: ибо ангелъ приходитъ, гдѣ добрыя мѣста и молитвенные дома, то огненнымъ образомъ, то столпомъ, то другимъ видѣніемъ, какъ можно видѣть людямъ: ибо нельзя людямъ зрѣть естества ангельскаго, какъ и Моисей великій не возмогъ видѣть ангельскаго естества, ибо водилъ ихъ днемъ столпъ облачный, а ночью столпъ огненный: то это не столпъ водилъ ихъ, но ангелъ шелъ передъ ними ночью и днемъ. Такъ и это явленіе показывало нѣчто, чему было быть и было: ибо на второе лѣто, не ангелъ ли былъ вождемъ на иноплеменниковъ и супостатовъ, какъ сказано: ангелъ предъ тобою предъидеть, и опять: ангелъ твой буди съ тобою, какъ пророкъ Давидъ говоритъ: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранить тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. *Какъ пишетъ премудрый Епифаній:* къ каждой твари приставленъ ангелъ: ангелъ облаковъ, и мглы, и у снѣга и града, и у мороза, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангелъ зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари его на землѣ, и у преисподней тмы и у сущей въ безднахъ, бывшей древле вверху земли, ангелъ вѣтра и ночи и свѣта и дня, ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены», и проч.¹⁾

Въ древне-русской письменности, въ книжной литературѣ подаются любопытныя умствованія о явленіяхъ природы, въ которыхъ представляются дѣйствующими ангелы. Напр., въ концѣ житія Кирилла Бѣлозерскаго, по Солов. рукоп. подъ № 219, читаемъ такую бесѣду Епифанія съ св. Андреемъ «о водахъ, и о дожди, и о грому, и о молніи». «Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ *ци* (новгород. вѣпросительное *ли*?) отъ инудъ въ облакы входитъ? Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ Божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи; и наливаетъ облачной воды: да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ челоуѣцы навыкли называти громомъ; понеже скрежетъ облакы, готова путь, да быша пріяли воду, да егда придетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежь пойдетъ духъ сущій въ немъ съ громомъ пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пускаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови гремятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ

¹⁾ Лѣтоп. Нестора, стр. 121.

грома бываетъ дождь. Но не о себѣ сами ты облацы дожди даютъ, а вѣдыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, (ангеловъ приставилъ) да и на направляють и на всю тварь небесную. Епифаній рече: откуда исходятъ молнія? Андрей рече: трубы облачныя собирають отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напивше восходя избывають изъ себя воду въ сокровенныя бездны: да егда наполнять вся, отходятъ на страну на мѣста своя и пребываютъ недвижущеся, потомъ же молнія утвержденіе е(сть) сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту, и подаетъ ю всю соль искренну (sic), аще есть морская вода та; *также исходитъ ангелъ Господень явь, древома честнаго креста разслажаетъ воды ты*, также потомъ молнія та приходитъ предъ громомъ сущая во облацѣхъ на низъ и прежь очищаетъ и приготовляетъ. Пророкъ бо глаголетъ: молнія, рече, вождь сотворилъ есть Богъ, и паки другій пророкъ глаголетъ: молнія направляя воды и погреманиємъ разсѣвая капля по облакомъ», и проч.

Такія статейки читали народные грамотники, и подчасъ прочитывали и пересказывали ихъ народу. Самъ народъ нерѣдко могъ слышать подобное ученіе о духахъ или ангелахъ грома, молніи, дождя и проч. въ церкви, гдѣ читалось подобное толкованіе Епифанія; могъ слышать его и отъ монаховъ-грамотниковъ, которые толпами бродили тогда по деревнямъ, особенно отъ старцевъ посельскихъ, могъ слышать въ столь обычной въ древней Россіи бесѣдѣ съ подвижниками, которые, какъ напр., Кириллъ Бѣлозерскій, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаніями. И вотъ неудивительно, что грамотникъ народный, и даже сельскіе колдуны и колдуньи стали вѣрить, что повсюду въ природѣ пребываютъ и дѣйствуютъ особые духи-ангелы; не подозрѣвая невидимыхъ силъ и законовъ физическихъ, стали видѣть ангеловъ въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ прежде видѣли Перуновъ, Хорсовъ, Горцуковъ и т. д. Византійская апокрифическая бесѣда трехъ святителей, передѣланная на славяно-русскій ладъ, подкрѣпляла это вѣрованье. Въ ней народные грамотники читали такое толкованіе о духахъ грома и молніи: «Иванъ рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василий рече: два ангела громная есть; елленскій старецъ Перунъ, и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господень летяя біетъ крилома и гонитъ дьявола. Молнія суть свиты ангельскія. И егда идетъ дождь, тогда дьяволъ станеть. И егда молнія ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангелъ господень зрѣтъ на дьявола»¹⁾. Какъ по ученію гностиковъ, были особые ἄγγελοι κοσμοκράτορες, былъ ἄγγελος τοῦ ἡλίου (ангелъ солнца), такъ и по русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются

¹⁾ Сборн. № 1138. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ же читаемъ о молніи и громѣ: «девять ангеловъ, обравшихъ на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями; и отъ ударенія крыльями облака идутъ по аеру, гремятъ и дождятъ, а отъ силы ангельской исходитъ огонь и молнія съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя». Ркп. проф. Григоровича. У Буслаева Историч. очерки русск. словесн. 1, 501.

дѣйствующими духи Божіи ангелы, напр., былъ особый «ангелъ въ солнцѣ». Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу «о всей твари чтеніе, гдѣ сказано, какъ 300 ангелъ солнце воротятъ». Въ глубокой древности образовалось и доселѣ существуетъ между нашими поселянами повѣрье, что каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды. Вечеромъ каждый ангелъ зажигаетъ свою звѣзду, какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее. (Отеч. Зап., 1842 г., № 6. Ст. Мельникова, стр. 51. Архивъ историкоюридич. свѣд. о Россіи. Кн. 1, 1854, отдѣлъ VI, стр. 8). И сочинилась такимъ образомъ въ народномъ міросозерцаніи, если можно такъ выразиться, фізіократія ангельская. Придуманно было много ангеловъ лишнихъ, небывалыхъ, вовсе невѣдомыхъ и до третьяго небеси восхищеннымъ. Стихъ изъ любимаго народомъ псалма: «Живыи въ помощи Вышняго» которымъ и доселѣ заговариваются простолюдины «отъ вещи во тмѣ преходящей, отъ зрящаго и бѣса полуденнаго», который въ сельскихъ мануканунцахъ или сборникахъ заговоровъ и наговоровъ замѣнялъ древнее языческое «прославленіе», стихъ этого псалма: «яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранить тя во всѣхъ путехъ твоихъ» утверждалъ народъ въ вѣрѣ, что точно во всѣхъ путяхъ есть ангелы-хранители. Древнерусскіе народные грамотники вѣрили въ бытіе особыхъ ангеловъ въ каждой области природы. Они знали, какое проявленіе, или какой случай физической жизни человѣка отъ какого именно ангела зависитъ. Они представляли особаго ангела въ горахъ и въ пустыняхъ, особаго ангела на рѣкахъ и моряхъ, особаго ангела во тмѣ ночной, вѣрили въ особаго ангела физическаго здоровья, въ ангела утверждающаго домъ, въ ангела, невидимо осѣняющаго питье и пищу, пиво и хмѣль и всякое употребляемое человѣкомъ произведеніе природы. Въ старинныхъ сборникахъ находятся особыя статьи о такихъ физическихъ разрядахъ или раздѣленіяхъ ангеловъ. Наприм., въ Сборникѣ слов. библ. подъ № 889 читаемъ такую статью, «Азъ, Григорій рече, придохъ ко ангелу и рѣхъ ему сія: скажи ми Господи ангеле¹⁾! Аще плаваеши въ лодіи, помяни святаго ангела Гавріила: и избавитъ тя отъ всякаго зла, аще хоцещи итти по горамъ, или по пустынямъ, помяни св. ангела Раила, соблюдетъ тя, аще воду піеши, помяни св. ангела Ноила, во дни и въ нощи... егда ложися спать, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть ночной стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аѳонаила, той бо есть утѣшитель ангеламъ и человѣкамъ; егда стяжеша домъ, или храмъ ставиши, помяни святаго ангела Мисаила, той бо есть утвержденіе храму; возстава изъ утрія, помяни святаго ангела Михаила, тогда весель день имаша; егда наліеши пиво или медъ, или иное что, помяни святаго ангела Рахवाईла, спору ти будетъ; егда идеши тягаться, помяни святаго ангела Уріила, скоро потяжеша; егда идеши на путь, помяни святаго ангела Ру-

¹⁾ Здѣсь въ рукописи чего-то, кажется, не достаетъ по ходу рѣчи.

саила — супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ — помяни святаго ангела Паноараона» ¹⁾).

Вѣри въ ангельское міроуправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами міеологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборяющія зловредныя силы и начала физической жизни ²⁾. Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святыми, изображаются въ народныхъ суевѣрныхъ наговорахъ или заговорахъ и заклятіяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ и заклятіяхъ являются дѣйствующими исключительно религіозно-міеологическія олицетворенія Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды и проч.; такъ въ переходныхъ отъ язычества къ христіанству заговорахъ или наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго*, міеологически христіанскаго склада или цикла являются дѣйствующими силами главнымъ образомъ ангелы и святые. Старые язычески-міеологическіе отбѣйки только подкрашиваютъ эти новые христіански-языческіе или *двоевѣрные* заговоры. Въ такомъ видѣ изображаются въ этихъ послѣднихъ заговорахъ и ангелы, и святые. Ангелы, напр., разгоняють злыхъ духовъ, удаляютъ, въ образѣ міеологическаго Нежита, враждебную жизни силу, въ пустыя горы и въ звѣрей. Такъ въ одной сербской молитвѣ Нежиту, распространенной и въ древней Руси, читаемъ: «пойде 7 ангель, 7 архангель, 7 свѣщъ носеще, 7 ножъ остреще и сrete ихъ архангель Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангель, 7 архангель, 7 свѣщъ несеще, 7 ножъ остреще, и рѣше ему і: идемъ Нежита осѣщи изыгнати». Или въ другой молитвѣ тому же Нежиту, читаемъ: «седмъ десять ангель, семдесять архангель, и срѣте и святой Михаилъ и Гавріилъ и святой Козма и Доміане. И рекоша емоу: камо идеши Нежити. И рече имъ Не-

¹⁾ Эта статья отчасти не упоминаетъ намъ извѣстную апокрифическую четвертую книгу Эздры, гдѣ также Эзра вопрошаетъ сначала какого-то не названнаго по имени ангела, потомъ ангела Уриіла, за тѣмъ архангела Іереміла о различныхъ тайнахъ бытія міра и человѣка, обращаясь къ нимъ обыкновенно съ такимъ вопросомъ: *Loquere mihi dominus meus*. Спрашиваетъ напр. о томъ: *quare modici et mali anni nostri* и т. п. Изъ отвѣтовъ ангеловъ на такіе вопросы о таниственномъ или конечномъ значеніи для человѣка разныхъ предметовъ и явленій міра состоитъ большая часть второй главы и третья и четвертая главы. Fabricii, *Codex apocryphor. Volum. II, p. 202—237*.

²⁾ Какъ у древнихъ грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, *δαίμονες*, *πνεύματα*, *ἀγῆδὲς* *δαίμων*, *κῆρὲς* или *πνεύρες* *δαίμων*, *νύμφαι*, *μοῖραι*, *κῆρες* и проч. у нѣмцевъ и скандинавовъ свои *elfen*, *vätten*, *döckälfur* (*dunkelbe*, *genii obscuri*) и *liosälfar* (*lichtelbe*) и проч., — такъ и у славянъ были особые духи воздушные, поднебесные, дивы, русалки, вилы, *градъ градивній отъ облака*. Подъ вліяніемъ христіанскихъ апографическихъ книгъ, всѣ эти демоны стали признаваться *подлунными воздушными злыми демонами* и *подсолнечными ангелами*, такъ же какъ у германцевъ, по словамъ Гримма, *an sich gleichen liosälfar und svartälfar (döckälfan) hinreichend den christlichen Engeln und Teufeln*. (D. M. 415). Такъ въ Луцидаріусѣ читаемъ: „отъ земли даже до луны *люкавіи души*, демоны тѣ суть поставленіи, человѣки отъ воздуха прельщающе, а отъ луны даже до звѣздъ пребываютъ *святіи ангелы*; сін суть поставленіи, да человѣки хранять отъ лукавыхъ бѣсовъ“. (Гёттл. р. литер. I, II, стр. 44, 1859).

жить. Идоу челоуѣчу главу кости преломити, мозъга сръцати. Рекоша емоу: Иди въ поустоую гору и вышедъ въ Еленю (оленью) главу и останися раба божія имрекъ и тоу клетву да имаши, и иже смѣшаетъ воду, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станешь страхомъ тако да станетъ съ Нежить». Въ третьей молитвѣ святой Михаилъ-Гавриилъ такъ закликаетъ и побораеъ злое начало небытія и смерти: «Святой Михаилъ-Гавриилъ гредите възъмъ желѣзнь зоукъ желѣзнь стрѣлы стрѣлати хоте елена и елену и не обрѣте тоу елена и елену и обрѣте Нежита, иже сидеше на мыраѣпивъ (sic) и выпроси его: что ты еси иже сѣдипи на мыраѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже челоуѣче глава расцѣплю и мозъгъ исерчу кровь емоу пролею. И рече ему Михаилъ Гавриилъ. проклеты проклеты Нежите. не мозъга сръчи. ни главы расцѣпи, нъ иди въ пустую гороу вѣлѣзи въ елену главою. та ти есть трыпѣлива трыпѣти те. аще ли же по семь дни обрѣщоу. любо же посѣкнуу. любо же прострѣлю. И взмолися Нежить непосѣци и не прострѣли мнѣ. да бѣжоу въ гору и въ еленю главу егда иматъ по три земле»¹⁾. Особенно у старообрядцевъ сохранилось множество такихъ заговоровъ или зачатій, въ которыхъ являются дѣйствующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавриилъ-архангелъ, Михаилъ-архангелъ, вмѣстѣ съ разными святыми и пророками. Представляя въ духовно-нравственномъ развитіи массы народной самобытный, свободный переходъ народной мыслительности или народнаго духа отъ чисто-миѳологическаго, языческаго міросозерцанія къ свободному, своеобразному міросозерцанію христіанскому, церковно-библейскому, — русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или зачатія, такъ же какъ разныя эпическія пѣсни, новаго цикла, новаго духовно-христіанскаго содержанія, сохраняя въ то же время и старую, религіозно-языческую ткань или перво-основу ихъ. Въ приложеніи къ этой статьѣ присовокупляемъ нѣсколько старообрядческихъ заговоровъ новаго христіанско-миѳологическаго цикла, въ которыхъ въ миѳическихъ образахъ представляются ангелы, вмѣстѣ съ святыми.

Наконецъ, въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. Такъ напр., въ народномъ травникѣ читаемъ: «есть трава *именемъ архангелъ*, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь

¹⁾ За сообщеніе этихъ „молитвъ Нежити“ приношу искреннюю благодарность В. И. Григоровичу. Въ нѣмецкихъ эпическихъ заговорахъ и зачатіяхъ ангелы также представляются дѣйствующими лицами. См. Grimm, D. M. Beschwörungen. IX и XLVII. Напр. Spruch gegen Diebe начинается: Wie Maria im Kindbette lag drei Engel ihr da pflagen: der erste hieß S. Michael, der andere S. Gabriel, der dritte hieß Rafael и проч. S. CXLVI. Въ зачатіи gegen vendsel (gicht, gliedschmerz) также упоминаются 12 gudds engle. S. CXLXVIII. Зачатіе подъ № VIII reisesegen начинается: ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf flingirin *funvi undi funfzie engli*. Въ зачатіи подъ № IX: Herre *See Michahel* hinte wistu N. sin schilt und sin sper и проч. Зачатіе *feuersegen* читается: mein haus das sei mir umbeschwaifen mit engelischen raifen, mein haus sei mir bedeckt mit einer englischen deck.“ S. CXL.

златую или серебряную гривну, и та трава носить и тотъ человекъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человека», и проч. Въ полѣ, на цвѣтахъ, вмѣстѣ съ птицами, народная поэзія созерцала ангеловъ, и слышала гласы архангельскіе. Пѣсни *людей Божіихъ* исполнены такими образами.

На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія;
Воспѣвають онѣ пѣсни архангельскія.
А съ ними поютъ всѣ ангелы,
Всѣ ангелы со архангелами,
Съ Серафимами, съ Херувимами.
И со всею силою небесною,
Воспѣвають они пѣсню: Христосъ воскрес!¹⁾

«Была была, говоритъ одна народная легенда ²⁾, на крышѣ одного бѣднаго дома сидѣли три голубя: проходитъ мимо этого дома проѣзжіи: что такое, говоритъ, сидятъ три голубя на этомъ домѣ, и порываются порхнуть вверхъ къ небесамъ. Заходитъ въ домъ, и узнаетъ, что тутъ бѣдная мать умертвила своихъ трехъ маленькихъ дѣтей, не имѣя никакихъ способовъ и никакой надежды прокормить ихъ. Вотъ эти голуби, рассказываетъ легенда,—это три ангела Божіихъ прилетѣли за душами младенцевъ и хотятъ унести ихъ на небеса».

Святые еще болѣе важную роль играли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ героевъ и полубоговъ. Какъ въ западномъ средневѣковомъ міросозерцаніи пророкъ Ілія, святые Георгій и Хризостомъ играли роль языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей и умертвителей дракона, другіе святые замѣнили языческихъ боговъ и богинь, напр. Frau Lutz (Sancta Lucia) замѣнила Бертю, Норвежскій св. Olaf—Тора, Славянскій Sanct Vitus—Святовида, и проч., такъ и въ нашемъ міросозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полумиѳическимъ характеромъ и значеніемъ является пророкъ Ілія, Георгій храбрый, Василій и другіе святые ³⁾.

Извѣстно, какъ народъ нашъ донинѣ еще объясняетъ явленіе грома, молніи и дождя: то Ілья пророкъ, говоритъ онъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. Такая христіанско-миѳологическая персонификація грома въ образѣ пророка Ілии, очевидно, стоитъ въ тѣсной, преемственной связи съ древнеязыческимъ олицетвореніемъ грома и молніи въ образѣ Перуна громовержца. Отъ чего же, въ народно-христіанскомъ міросозерцаніи, именно Ілья пророкъ является персонификаціей или производителемъ грома, молніи и

¹⁾ Подобное представленіе находимъ и въ древне-нѣмецкой поэзіи:

Da hört man süß erklingen
Der Vögelein Getön,
Und auch die Engel singen

Ihr Melodie gar schön. — Geschich. d. deutsch. Kirchenlied., стр. 111—112.

²⁾ Записана въ Казани, отъ крестьянина изъ села Кавалей (русскихъ).

³⁾ Гриммъ подробно раскрываетъ это, и вообще замѣчаетъ: Eine gewisse Analogie hat die Übertragung der heidnischen Mythe von Göttinnen und Göttern auf Maria und Heilige von Elben auf Engel. D. M. 5. 10, (Einleitung).

дождя? Откуда могло взяться такое представление? Вникая въ духовно-литературное происхождение и развитіе народныхъ понятій, кажется, несомнѣнно можемъ сказать, что поводъ къ такому объясненію грома, молніи и дождя подала отчасти наша древняя церковная литература. Во первыхъ, въ сборникахъ ¹⁾ помѣщались такія объясненія молніи: «Молнія есть сіяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесно же огнь, то ты разумѣй *огнь сущій, его же Ілія молитвою сведе на полѣна и на всесожженіе: сего огня сіяніе есть молнія*». Во вторыхъ, на иконѣ пророка Іліи, на свиткѣ, наши иконописцы писали обыкновенно слѣдующій стихъ изъ книги царствъ, гдѣ говорится о пророкѣ Іліѣ, понимая подъ «огнемъ и гласомъ свѣта по огни» громъ и молнію: «се духъ великъ и крѣпокъ расточая горы и сокрушая каменія, и не въ дусѣ Господь и въ дусѣ трусь, и не въ трусѣ Господь, и по трусѣ огнь, и ни во огни Господь, и по огни гласъ свѣта, и ту Господь» ²⁾. Въ третьихъ, въ канонахъ церковныхъ въ честь русскихъ святыхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „*возгремѣвый Ілія на колесницѣ*... яко на огненной колесницѣ чистотою востече въ небесная жилища... Фезвитянину Іліи поревновавъ, якоже *сей огненной колесницею къ небеси востекъ*“ и т. п. ³⁾. Въ канонѣ послѣдованія во время бездождія, въ 8-й пѣснѣ народъ слышалъ такую молитву: „*Ілія словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небеси низводитъ*“ и проч. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ церковныхъ, предлагавшихся народу въ церкви, въ день пророка Іліи, встрѣчаются такіе образы въ похвалахъ пророку Іліѣ, которые простолюдина невольно наводили на его извѣстное представление. Напр. одно поученіе на праздникъ пророка Іліи ⁴⁾ такъ начинается: «Нынѣ свѣтозорное солнце небеснаго круга шествія *огненныхъ конь* свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти *огненоноснаго пророка Іліи*... *Ілія огненоносный* Христову пришествію второй предтеча, *Ілія тученосный облакъ, Ілія небопарный орелъ*» ⁵⁾ и т. п. Слыша такимъ образомъ въ церкви, что Ілія огненоносный и тученосный на огненныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Ілія Фесвитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что Ілія тученосный облакъ дождь на землю низводитъ и проч.,—народъ, настроенный къ мнѣической персонификаціи явленій природы, легко могъ понять буквально

¹⁾ Напр. въ вышеупомянутомъ сборникѣ подъ № 219, въ статьѣ *о громѣ и о молніи*.

²⁾ Сборн. № 861.

³⁾ Сборн. № 823: канонъ Макарію Желтоводскому ирм. пѣснь 5. Также въ рукоп. жит. Ант. Сѣвск. въ канонѣ.

⁴⁾ Сборникъ, № 804.

⁵⁾ Могъ отчасти имѣть вліяніе на образованіе народнаго понятія о пророкѣ Іліи, какъ производителѣ молніи и дождя, слѣдующій апокрифъ, находящійся въ Сборн. Солов. библ. № 844, л. 237 об.: «Ілія седмъ дѣйствъ сотвори, яже суть сія: три лѣта и шесть мѣсяцъ бездождіе наведе, огнь съ небеси сведе, дождь сведе, огнемъ пятьдесятныя старѣйшины съ области попали». Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ читается такъ: *τίνα ἔστι τὰ διὰ ἡλίου γενόμενα θαύματα σημεῖα... πῦρ ἐξ ἑρπυδὸς ἐπὶ τὰ ἱερὰ κατήγαγε, αὐτὸν ἐξ ἀνομβρίας προεϊπὼν ἔσεσθαι, εὐθὺς ἐπήγαγε πεντηκῆταρχον ἐπ' αὐτὸν ἐλθόντα, παραδόσθαι ἐνεκα τῆς πρώτου βασιλείας, καὶ τοὺς πεντήκοντα αὐτοῦ, πορὰ πυρὸς ὀδυνίου ἐνέπερσε, и проч. Fabric. codex Apocryph. t. I., Nupamnesticum. s. 193.*

всѣ эти образныя выраженія церковныхъ книгъ, принять ихъ за физическую дѣйствительность. И такимъ образомъ Илья пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненоносный и тученосный громовержецъ, небопартый орелъ, метавшій кремни и кремницы. Перунъ, также разбѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей огненной колесницей. Сохранилось свидѣтельство отъ XV в., что народъ нашъ давно уже держится того вѣрованія, будто Илья пророкъ гремитъ, ѣздя по небу на колесницѣ, пускаетъ молнію по облакамъ и гонитъ змія огненнаго—языческое олицетвореніе молніи, зооморфическій прообразъ Перуна въ послѣдовательномъ развитіи міеологическаго міросозерцанія. Такъ въ вышеупомянутой бесѣдѣ Епифанія съ Андреемъ читаемъ: «Епифаній рече: по праву ли сіе глаголють, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пускаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый же рече: не буди то чадѣ, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ приимати: человеци бо умовредни суть, да по своему безумію написали. Илья бо на небеса не възде, ни на колесницѣ сидитъ благодать имѣя на дожди, да ся молитъ Богу, да въ годину бездождія дабы Богъ далъ на землю дождь. А на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ сынъ человѣчъ, иже есть на небеси. Илья живъ есть, и есть на земли во плоти своей, и никто же его не знаетъ. Живъ и Енохъ посреди людей ходитъ и никтоже его не вѣстъ. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ, и есть въ мірѣ семъ якоже жемчюгъ посреди калу оставленъ, да будетъ на земли вмѣсто во плоти Іисуса Христа, да ся молитъ за грѣхи наша» ¹⁾.

Въ старину, какъ видно изъ церковнаго новгородскаго чиновника, въ Ильинъ день и послѣ Ильина дня, въ теченіи недѣли, были *по завету* крестные ходы въ *Ильинскую* церковь на Славнѣ улицѣ съ молебнами *о дождѣ и.и. о водѣхъ пророку Ілїи*. Такимъ образомъ церковь новгородская утверждала народное вѣрованіе и придавала ему санкцію. (Чтен. Моск. общ. истор. кн. 1 за 1861 г. ч. III, ст. 21). Въ замѣчат. стихѣ о 12 пятницахъ, сообщенномъ изъ села Шельбово Юрьевского уѣзда, читаемъ:

Шестая великая пятница
Противъ *Ілїи пророка божія*.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья въ живѣ на небеса.
Кто станетъ той пятницей поститься,
Тотъ человекъ избавленъ будетъ *отъ грома*.

(Этногр. сборн. V, смѣсь 34).

Что касается до олицетворенія грома и молніи съ дождемъ въ образѣ пророка Ілїи, то надобно замѣтить, что онъ представляется молніеноснымъ и тученоснымъ громовержцемъ не у насъ только, но и у прочихъ славянъ и у нѣмцевъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ пророкъ Ілїя называется *громовитыиъ*: «Удѣри громомъ громовит Ілїа». По одной пѣснѣ, молнія, олицетворявшаяся прежде въ Перунѣ, передала свои атрибуты Ильѣ:

¹⁾ Сборн. Сост. библи. № 219.

Стаде Муне даре дијелити:
 даде Богу небесне висине,
 святомъ Петру петровске врутинѣ,
 а Іовану леда и снѣјега,
 а Николи на води слободу.
 а *Или муніе и стријеле.*

Въ нѣмецкой средневѣковой поэзиі господствовали точно такія же представленія, какъ видно напр. изъ слѣдующаго стиха, приведеннаго Гриммомъ:

*Quedent sum giwâro,
 Helias sis ther mârô,
 ther thiz lant sô tharta,
 then Himil sô bisparta,
 ther iu ni Liâz in nôtin regonon then liutin,
 thuangta si giwâro harto filu suâro.*

Григорій Турскій въ предисловіи къ своей второй книгѣ тоже говоритъ: «meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit abstulit, et cum libuit aventibus terris infudit. По скандинавской средневѣковой сагѣ о явленіи антихриста, пророкъ Ілія въ концѣ міра снова будетъ сѣвернымъ Богомъ грома ¹⁾.

По другому народному сказанію, громъ происходитъ отъ колесницы Божіей, когда высокій царь самъ носится на ней по воздуху, или движетъ ее духомъ своимъ святымъ и разгоняетъ нечистую силу. Въ Сборн. Соловецк., подъ № 923 встрѣчаемъ такое, темное впрочемъ, мѣсто: «Богословъ, съ небеси жъ страсти, громи и тресканіе з мол (молнія?). Егда громъ гремитъ, высокій царь ходяй по земли въ грому, обладая молніями и призывая воду морскую, проливая на лице всея земли дождь,—о великій и страшный Боже, самъ суди врагу діаволу! Должны убо есмы плакати горько, понеже очищеніе безъ плача не бываетъ: видѣхъ бо малы капля, яко кровь со болѣзнію изливаемы, и видѣхъ источники безъ болѣзни происходяща». Мысль, что громъ прогоняетъ нечистыхъ духовъ и призываетъ людей на молитву, мысль общая въ древней Руси, повела къ сочиненію особой народной молитвы грому. «Сія молитвы глаголати, егда громъ возгремитъ: святъ, святъ, святъ! Сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволень, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Другая молитва къ тому же грому: «Боже страшный, Боже чудный, живой въ высихъ, сѣдый на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями! призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный! Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда и нынѣ и присно

¹⁾ Grimm. D. M. S. 117. Точно также и полухристианскіе кавказскіе народы почитаютъ Ілію Богомъ грома; осетинцы почитаютъ огненнаго, молніеноснаго змія и также сближаютъ его съ Іліей, представляя Ілію олицетвореніемъ, воплощеніемъ молниеноснаго змія. Klaproths Reise in den Kaukasus 2, 601. 606.

и во вѣки вѣковъ, аминь». Молитвы эти уже существовали въ началѣ XV вѣка, и, какъ видно, извѣстны были новгородскому лѣтописцу началу XV вѣка.

Какъ Илья пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна громовержца, такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миоическаго лѣтняго *огненного солннворота*, на мѣсто двухъ языческихъ *варожичей—солнца и огня*. Такъ какъ солнце въ іюнѣ, въ славянскій мѣсяцъ *кресникъ*, въ мѣсяцъ *огня и жизни*, достигши высшаго проявленія въ развитіи растительности, въ оплодотворенія всякой лѣтней жизни, въ нагрѣваніи водъ, въ жгучихъ жарахъ, солнпекахъ лѣта, поворачиваетъ съ этого времени, по народному міропредставленію, съ лѣта на зиму, какъ огненное колесо, и такъ какъ около 23-го іюня славяне, во время язычества, праздновали лѣтній солннворотъ, въ образѣ купалы,—то со времени христіанскаго, церковнаго мѣсяцеслова, празднованіе *Креса*, іюньскаго солннворота, Купалы пало на 23-й день іюня, на день Іоанна предтечи. Такое соединеніе древне-языческаго представленія о лѣтнемъ солннворотѣ съ днемъ Іоанна предтечи, кромѣ совпаденія древне-языческаго праздника Купалы съ днемъ Іоанна крестителя, могло также утвердиться подъ влияніемъ своеобразно-понятыхъ народомъ церковно-книжныхъ названій Іоанна предтечи *деннницей солнца, предтечей солнца*. Народъ представлялъ и до нынѣ представляетъ, что въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, на встрѣчу мѣсяцу. И вотъ Іоаннъ креститель, какъ предтеча солнца, представился ему, по его непосредственно-натуральному, антропоморфическому міросозерцанію, предтечей солнца на поворотномъ пути къ зимѣ. Къ тому же, и сами благочестивые книжники древней Руси называли Іоанна предтечу *пресвѣтымъ солнцемъ*. Въ древней повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ *како игры творили*, читаемъ: «множество дѣвъ и женъ стеклись на бѣсовское сборище, въ ночь, въ которую родился *пресвѣтое солнце*—великій Іоаннъ креститель, его же ради вся тварь неизрѣченно возрадовалась¹⁾».

¹⁾ Истор. оч. рус. нар. словесн. Буслаева, 11. 14. Западные теологи средних вѣковъ также представляли Іоанна предтечу подъ образомъ свѣта (*lumen et lucerna*), предшествовавшего солнцу. Joh. Belet, парижскій теологъ, около 1162 года такъ писалъ въ своемъ сочиненіи *Summa de divinis officiis: feruntur quoque (in festo Johannis bapt.) brandae seu faces ardentes, et fiunt ignes, qui significant sanctum Johannem, qui fuit lumen et lucerna ardens, praecedens et praecursor verae lucis...; rota in quibusdam locis volvitur, ad significandum, quod sicut sol ad altiora sui circuli pervenit, nec altius potest progredi, sed tunc sol descendit in circulo, sic et fama Johannis, qui putabatur Christus, descendit secundum quod ipse testimonium perhibet dicens: me oportet minui illum autem crescere* (ed. 1572, cap. 137. f. 256).

Въ древне-русскомъ книжномъ ученіи съ именемъ Іоанна предтечи соединялась также надежда на довольство и достатокъ. Такъ въ одномъ сказаніи о 12-ти пятницахъ сказано: «пятница предъ Іоанномъ предтечею: кто сію пятницу поестися будетъ, тотъ чловѣкъ отъ великаго недостатка и скудости сохраненъ будетъ». (Историч. оч. слов. Буслаева, I, 504). А во времена язычества, такое же представленіе о сохраненіи отъ недостатка и скудости соединялось и съ купальскими гаданьями. И теперь народъ гадаетъ по Иванову дню: «сильная роса на Ивана къ урожаю огур-

Итакъ, съ именемъ Іоанна предтечи, подъ міѳологическимъ образомъ *ана-Купалы*, народное міросозерцаніе соединяло, во-первыхъ, религіозно-ѳическую идею и санкцію высшаго, окончательнаго лѣтняго проявленія возбуждающаго, все-оплодотворяющаго вліянія солнца на природу, ею и санкцію возбужденія и дѣйствія, во время такъ называемаго лѣтняго солнцестоянія, (*solstitium* древнѣм. *sunnewende*—*sunnewende*) всѣхъ пѣ и стихій природы—воды, огня, силы растительной, и проч. Оттого, чѣ на Ивановъ день сопровождалась 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ черезъ нихъ. Всѣ эти обряды отчасти сохранились и до нынѣ. Въ пословицахъ, собранныхъ Далемъ, они къ исчисляются: «въ ночь Ивана купалы собираютъ лечебныя и знахарскія коренья и травы; Ивана купалы—костры, прыгаютъ черезъ пальничкіе огни, въ Ивановъ день купаются въ водѣ и росѣ, пляшутъ кругъ дерева Марины (символическаго чучела зимы); вѣдьмы собираются Лысой горѣ (Кіевъ); день вѣдьмъ, оборотней, колдуновъ и проч.; на ждество крестителя собираютъ лекарственныя травы; папоротникъ расѣтаетъ въ полночь на Ивана купала и проч. 1). Въ старину всѣ эти вѣзанія и обряды соблюдались съ особеннымъ энтузіазмомъ и торжественностью, какъ видно изъ посланія игумена Елизаровой обители Памфила, саннаго въ 1505 году 2). Представляя Ивановъ день какъ бы послѣднимъ, окончательнымъ и самымъ полнымъ проявленіемъ лѣтняго живѳурнаго вліянія солнца на земную природу,—спѣшили запастись знахарскими и лечебными травами и кореньями, спѣшили очиститься лѣтнею іюй, освященной Іоанномъ крестителемъ и солнцемъ, *et habuerunt, по двамъ Нарбута, baptismam per ignem, scilicet purificationem elementariam* 3).

Особенно любопытно то, что къ ночи и къ дню Іоанна предтечи нацѣ нашъ изстари пріурочивалъ собираніе травъ лечебныхъ и знахарскихъ

тъ; на Иванову ночь звѣздо—много грибовъ будетъ; корми меня до Ивана, сдѣлаю тебѣ пана—говоритъ пчела, обѣщая обиліе меда.

1) Сборн. послов. чт. Москов. общ. истор. кн. 4, за 1862 г. стр. 986—987.

2) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22. Подробности объ Иванѣ купалѣ см. у Снеѳева рус. прост. праздн. I, у Терещенко—быть рус. народа V въ Чт. моск. общ. ор. № 4, 1846 г. Архивъ Калачева, 1850 г. кн. 1, стр. 33—34. кн. 2 пол. I, стр. XV и проч.

3) Надобно замѣтить, что день Іоанна крестителя, въ средніе вѣка, и во всей юпѣ сопровождался почти совершенно одинаковыми съ нашими обрядами. Гриммъ подробно описываетъ его подъ словомъ *Iohannisfeuer*. D. Myth. S. 583—593. Martinus de es, каноникъ Пампелунскій, въ своемъ сочин. *de superstitionibus* (tract. tractatum, 4. 9, 133) такъ писалъ: *cum in die s. Ioannis prorter iucunditatem multa pie aguntur idelibus, puta pulsatio campanarum et ignes iucunditatis, similiter summo mane exeunt colligendas herbas odoriferas et optimas et medicinales ex sua natura et ex plenitudine virtutum per tempus... quidam ignes accendunt in comitis viarum, in agris, ne inde sortilegae et leficae illa nocte transitum faciant, ut ego oculis propriis vidi. Alii herbas collectas in s. Iohannis incendentes contra fulgura, tonitra et tempestates credunt suis fumigationibus ere daemones et tempestates.* На востокѣ также было въ обычаѣ очищаться огнемъ день Іоанна крестителя. Въ 65 канонѣ собора 680 г. сказано: τὰς ἐν ταῖς νομηνίαις τιῶν πρὸ τῶν δικαίων ἐργαστηρίων ἢ δικῶν ἀναπτομένας πυρκαϊὰς, αἷ καὶ ὑπεράλλεσθαι τινες ἰ τὸ ἔθος ἀρχαίων, ἐπιχειροῦσιν, ἀπὸ παροντος κταρῆθῆναι πρὸς τὰ ττόμεν. На подобный обычай зываетъ Θεοδωρίτѣ кирскій († 458) (ἀποτρόπιζμός καὶ καθάρσις διὰ πυρὰ). Толк. на IV. 16, 3.

Онъ вѣрить, что только та трава и цѣлительна, и дѣйствена вообще, которая набирается въ Ивановъ день. До Петра великаго даже цари вѣрили, что рождество Іоанна крестителя придаетъ нужныя свойства ели силы травамъ и цвѣтамъ, и потому, согласно съ народнымъ обычаемъ, также на рождество Іоанна предтечи запасались разными травами и цвѣтами. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году писалъ къ московскому ловчему-стольнику Матюшкину: «которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бѣ вѣдѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобылямъ на рождество Іоанна предтечи, іюня въ 23-й день, набрать цвѣтъ серебряннаго, да травъ империковой и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья, по 5 пудъ» ¹⁾. Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года читаемъ: «въ *Ивановскую* ночь кладовъ стерегутъ, и на травахъ парятся въ баняхъ, и травы рвутъ, и коренья копаютъ, еще березки подвязываютъ, вѣтви силегаютъ—живъ будетъ того лѣта человѣкъ» ²⁾. Въ травникахъ съ особеннымъ вѣрованьемъ, съ особенною обязательностію собираніе травъ, кореньевъ и цвѣтовъ приурочивается къ Иванову дню. Напр. о папоротникѣ въ одномъ травникѣ сказано: «есть трава черная попороть, растетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и сънизу большіе листы... А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова* дня въ полночь.... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быть. А братъ тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностями: въ *Иванову* ночь итти къ тому мѣсту, гдѣ растетъ трава папороть... и очертясь кругомъ говорить: таланъ божій, судъ твой, да воскреснетъ богъ» ³⁾. Еще примѣръ ⁴⁾: «въ травахъ царь есть симтаримъ трава, о шести листахъ: первый спнь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а братъ вечеромъ на *Ивановъ* день сквозь золотую гривну или серебрянную» ⁵⁾. Мистико-символическая пѣсня людей божіихъ представляетъ Іоанна предтечу ходящимъ по полю и указывающимъ Богородицѣ деревья и цвѣты: «ходила дѣва по чистому полю, искала Богородица Іисуса Христа, на встрѣчу Богородицѣ Иванъ предтечь, какъ возговоритъ Иванъ предтечь, Христовъ пророкъ: ты поди дѣва Богородица во чисто поле, во чистомъ полѣ три древа стоятъ, что первое древо кипарисовое, а другое древо анисовое, а третье древо барбарисовое» и проч.

¹⁾ Доп. къ акт. истор. III, стр. 253.

²⁾ Истор. оч. русск. литер. Буслаева I, 482.

³⁾ Лѣтоп. русс. литер. IV, смѣсь 73.

⁴⁾ Буслаевъ, истор. оч. русс. лит. II. 38. Травники будутъ рассмотрѣны подробно въ слѣдующихъ очеркахъ.

⁵⁾ Такое приуроченіе разныхъ представленій о травахъ и цвѣтахъ ко дню Іоанна предтечи обычно было и на западѣ. Напр. у Гримма читаемъ: ein Kräuterbuch sagt: *Farnkraut* ist auf dem Felde schwer zu tilgen, ausser man reisse es um auf *den Tag Iohannis* Enthauptung. *Pipöz artemisia*: wer Beifuss im Hause hat, dem mag der Teufel nicht schaden. *Iohannistag* gürtet man sich mit Beifuss und wirft ihn, unter Sprüchen und Reimen ins Feuer, daher die Namen *Iohannis-gürtel*, Sonnenwendgürtel, franz. *herbe de s. Jean*. s. 1160. 1161.

Другой миѣнической отгѣнокъ, сообщенный народнымъ міросозерцаніемъ Іоанну предтечѣ,—это религіозно-миѣническая санкція въ лицѣ его и пріуроченіе къ дню его древне-языческаго праздника и культа *лѣтняго солноворота*—*купалы*. Поэтому онъ въ простонародьи и названъ *Иваномъ купаломъ*. Въ Ивановъ день, по сказаніямъ русскаго народа, солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебрянномъ, золотомъ и брилліантовомъ, на встрѣчу мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные искры ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи существуетъ обычай—на праздникъ Ивана купалы откатывать отъ зажженнаго костра колесо, выражая такимъ символическимъ знакомъ поворотъ солнца на зиму (солноворотъ) ²⁾. И хороводно, *коло*, символъ тоже солноворота, напоминаетъ уже про чучело или образъ зимы—Мару:

Ходыли дивочки около Марепочки,
Коло мое водила *купала*,
Гратыми *сонечко* на *Ивана*, и проч.

Съ Иванова дня, по народному представленію, какъ бы уже наступалъ совершенно другой порядокъ вещей въ природѣ. И дожди, такъ важнѣйшіе для крестьянина до Иванова дня, теперь становились излишними и ненужными. Пословицы народныя гласятъ: «вымолите попы дождя до *Ивана*, а *послѣ* и мы грѣшныя умолимъ». До *Ивана* просите дѣтки дождя у Бога, а послѣ *Ивана* я и самъ упрошу. «Корми меня до *Ивана*, сдѣлаю изъ тебя пана (говоритъ пчела). Коли до *Ивана* просо въ ложку, то послѣ *Ивана* будетъ ужъ и въ ложкѣ». Какъ у насъ Ивановъ день считался *огненнымъ поворотомъ солнца*, такъ и у германцевъ *Iohannistag* назывался *sunventsfeuer*, *sant Johas sunnewende tag*, и просто—*sunnewende* и т. п.

Какъ пророкъ Ілія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоанъ предтеча обоихъ сварожичей—солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіи носить миѣнической характеръ героя-полубога, устроителя земли русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23-го апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь³⁾. Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Елисаветѣ прекрасной». Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егоріи храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѣнической образъ его, какъ героя полубога носить ясныя отгѣнки отдаленнаго мифологическаго «юнацкаго» эпоса; съ другой стороны, сквозь миѣнической ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народ-

¹⁾ Терещенко, быть р. народа, V, 39.

²⁾ О представленіяхъ солнца и вообще о народныхъ астрономическихъ понятіяхъ будетъ особый очеркъ.

³⁾ Повѣсть эта часто встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ, какъ мы видѣли въ Соловецк. библіотекѣ, напр. въ Сборн. подъ № 17 или 18.

наго эпоса и земскаго міроустройства ¹⁾. Читатели извинятъ насъ, мы повторимъ этотъ стихъ по изданію Сахарова, для того, чтобы по высказать свой взглядъ на него. Мы оставимъ византійское пропсденіе Георгія храбраго, начнемъ читать прямо о его подвигахъ на свѣ русской землѣ.

Ѣдетъ онъ, Георгій храбрый,
Къ той землѣ свѣтлорусской,
Отъ востока до запада побѣждаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи;
Набѣждаетъ онъ, Георгій храбрый,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.
Хочетъ онъ, Георгій, тутъ проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, тутъ проторити.
Нельзя Георгію тутъ проѣхати,
Нельзя храброму тутъ подумати.
И Георгій храбрый проглаголетъ:
Ой вы лѣса, лѣса темные!
Ой вы лѣса, лѣса дремучіе!
Зароститесь лѣса темные
По всей землѣ свѣтло-русской,
Раскнытятся лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокімъ.
По божьему все велѣнью
По георгіеву все моленью.

По его слову георгіеву, по его, храбраго, моленью, заростали темные, раскидались по всей землѣ свѣтлорусской, по крутымъ горамъ по высокімъ.

Набѣждаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ Георгій тутъ проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый тутъ проторити,
Нельзя Георгію тутъ проѣхати
Нельзя храброму тутъ подумати.
И Георгій храбрый проглаголетъ:
Ой вы горы, горы высокія!
Ой вы холмы, холмы широкія!
Разсыпятся горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской.
Становитесь холмы широкіе
По степямъ-полямъ зеленымъ.

По божьему все велѣнью, по георгіеву все моленью, рассыпа горы высокія по всей землѣ свѣтлорусской, становились холмы широкіе по степямъ, полямъ зеленымъ.

¹⁾ Вслѣдствіе этой міеологической двучности, въ нѣкоторыхъ народ легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый Е* характеристично смѣшивается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-горъ*, вѣроятно, женное имя—*святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникъ Рыбникова.

Наѣзжаетъ Егорій храбрый
 На тѣ моря, на глубокія,
 На тѣ рѣки, на широкія.
 Хочетъ онъ Георгій тутю проѣхати,
 Хочетъ онъ храбрый тутю проторити.
 Нельзя Георгію тутю проѣхати,
 Нельзя храброму тутю подумати.
 И Георгій храбрый проглаголетъ:
 Ой вы моря, моря глубокія,
 Ой вы рѣки, рѣки широкія!
 Потеките моря глубокія
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Побѣгите рѣки широкія
 Отъ востока да и до запада.
 По Божьему все велѣнью
 По егорьеву все моленью,
 По его слову ли георгіеву,
 По его ли храбраго моленью,
 Протекали моря глубокія
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Протекали рѣки широкія
 Отъ востока да и до запада.
 Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
 На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
 На тѣхъ звѣрей на рогатыхъ.
 Хочетъ онъ, Георгій, тутю проѣхати
 Хочетъ онъ, храбрый, тутю проторити,
 Нельзя Георгію тутю проѣхати
 Нельзя храброму тутю подумати.
 И Георгій храбрый проглаголетъ:
 Ой вы звѣри, звѣри могучіе!
 Ой вы звѣри, звѣри рогатые!
 Заселитесь звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Плодитесь звѣри рогатые
 По степямъ полямъ безъ числа,
 По Божьему все велѣнью,
 По георгіеву все моленью!
 И онъ Георгій храбрый заповѣдаетъ
 Всѣмъ звѣрямъ могучимъ
 Всѣмъ волкамъ рысучимъ:
 А и есть про васъ на съедомое,
 Въ поляхъ трава муравчата,
 А и есть про васъ на поилнице
 Въ рѣкахъ вода студеная.

По его ли слову георгіеву, по его ли храбраго моленью, заселялися
 и могучіе по всей землѣ свѣтло-русской, плодилися звѣри могучіе, по
 имъ-степямъ безъ числа. Они пьютъ ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное
 овѣданное.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
 На то стадо на змѣнное,
 На то стадо на лютное.
 Хочетъ онъ, Георгій, тутю проѣхати,

Хочеть онъ храбрый туто проторити.
 И стадо змінное возговорить:
 Али ты, Георгій, не вѣдаешь.
 Али ты, храбрый, не знаешь,
 Что та земля словомъ заказана.
 Словомъ заказана заповѣдана.
 По той землѣ заповѣданной
 Тамъ человекъ не прохаживать,
 На конѣ никто не проѣзживать.
 Уймн ты Георгій своего коня ретиваго.
 Воротися ты, храбрый, самъ назадъ.
 Вынимать Георгій саблю острую.
 Нападать храбрый на стадо змінное
 Ровно три дня и три ночи.
 Рубить, колетъ стадо змінное.
 А на третій день ко вечеру
 Посѣкъ порубилъ стадо лютое.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій, храбрый
 На ту землю свѣтло-русскую
 На тѣ поля, рѣки широкія.
 На тѣ высоки терема, златоверхіе.
 Хочеть онъ, Георгій, туто проѣхати.
 Хочеть онъ храбрый туто проторити.
 Какъ и тутъ ли ему Георгію,
 Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы.
 Какъ и тутъ ли ему храброму проглаголютъ:
 А тебя ли мы, Георгій, ожидаючись,
 Тридцать три года не вступаючи
 Съ высока терема златоверхаго,
 А тебя ли мы, храбраго, ожидаючись,
 Держимъ народу великъ обѣтъ:
 Отдать землю свѣтло-русскую.
 Принять отъ тебя вѣру крещеную.
 Примлетъ онъ, Георгій, храбрый
 Ту землю свѣтло-русскую
 Подъ свой великъ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ свѣтло-русской.

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь мнѣшескій ликъ Георгія храб
 сквозь мнѣшескія черты его богатырской, героическо-полубожеской
 ятельности, проглядываютъ, какъ мы сказали, нѣкоторые смутные отгг
 историческіе. Егорій храбрый является намъ, въ народномъ изображ
 героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣльвателемъ русской земли, начи
 лемъ, основателемъ ея физической культуры, земскаго устроенья ¹⁾.
 такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторые историческія основ
 Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначал
 движенія и расселенія славянскаго племени по финскому сѣверовос
 на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на системѣ
 лярно-балтійской или новгородской колонизаціи, — Егорій храбрый

1) По переводу азбукониковъ XVІІ вѣка, Георгій значитъ *воздѣльватный*.

признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII вѣка, и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси,—Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій крабрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ извѣдалъ свою *лѣсную* и *польскую* землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ *поляхъ* свои знаменитые *польскіе* и *зальцскіе* города — начатки гражданственной культуры — Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Зальцскій, Коснятинъ, Кострому, Галичъ Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго. По свидѣтельству никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца ¹⁾. Точно также новгородцы, колонизуя сѣверовосточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ называли *георгіевскими* отъ церквей во имя св. Георгія храбраго. Въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ ятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверовосточныхъ земляхъ «*Бѣлоглавою Чудю*», по р. Сухонѣ и ея притокамъ, ознаменованъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіи побѣдоносцѣ. Вотъ, на примѣръ, одно изъ такихъ сказаній. Около половины XII в., когда новгородцы, подвигаясь по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ, положили основаніе Вологдѣ и дошедши до устья Юга, основали Устюгъ, нѣкоторые изъ новгородскихъ повольниковъ-гостей, пользуясь свободою переходить съ одного мѣста на другое, явились и далѣе на берегахъ рѣки Юга. Здѣсь, въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго города Никольска, при впаденіи рѣки Молоковицы въ Югъ, они нашли чудское селеніе. Прекрасная мѣстность плѣвила пришельцевъ, и они, поселившись на лѣвой сторонѣ Юга, противъ самыхъ жилищъ Чуди, на горѣ, построили молитвенный храмъ или часовню во имя Георгія храбраго. Водвореніе новгородскихъ пришлецовъ было непріятно туземцамъ и они не замедлили напасть на новыя обиталища. Дружнымъ отпоромъ встрѣтили поселенцы враговъ многочисленныхъ, скатывали на нихъ съ горы бревна и камни, лили кипящую воду,

¹⁾ Никон. лѣтоп. 11, 135 и слѣд.

наконецъ, когда ничто не помогало, отверзли храмъ молитвенный и предъ образомъ Георгія побѣдоносца просили себѣ небесной помощи. Враги отступили. Чрезъ нѣсколько времени они сдѣлали новое нападеніе, столь же безуспѣшное, послѣ котораго навсегда удалились отъ этого мѣста, а нѣкоторые изъ нихъ тогда же приняли христіанскую вѣру. Егорій храбрый, какъ гласитъ легенда, внялъ молитвѣ храбрыхъ «молодцовъ» новгородскихъ и явилъ Чуди два чудныхъ видѣнія, о которыхъ послѣ разсказывали сами враги, обратившіеся въ христіанство. Мѣстность эта, гдѣ на отлогой сторонѣ горы сдѣланъ былъ новгородскими выходцами ровъ для защиты отъ нападеній Чуди, съ тѣхъ поръ названа была *у Егорья въ полу-гору*. Происхожденіе такого названія объясняется преданіемъ, что при первомъ нападеніи Чуди, когда новгородцы молились въ часовнѣ св. Георгія, на ея кровлѣ явился воинъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ и копьемъ своимъ грозилъ осаждавшимъ. При второмъ нападеніи тотъ же воинъ съ копьемъ явился стоявшимъ въ Полугорѣ. Въ благодарность Георгію побѣдоносцу, храброму сподвижнику новгородской колонизаціи, церкви въ новыхъ приходахъ новгородскихъ выходцевъ построены были во имя его. Такъ образовались напр. приходы старо-георгіевскій, холежскій и ново-георгіевскій ¹⁾.

На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріи храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго *«земскаго строенія»*, физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскающихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ татарами-бесерменами. Какъ Егорій храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные, дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскающихъ, черезъ лютыя стада змѣиныхъ, такъ и славяно-русское племя проторяло себѣ пути колонизаціи на финскомъ сѣверовостокѣ сквозь темные, дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны, въ слѣдъ за удалыми новгородскими *молодцами, ушкуйниками и гостями*—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. На пути своемъ славяно-русскій народъ раздѣлялъ лѣсъ и поле, поставлялъ на пути гостыбы, торговъ, рядковъ *«погосты въ Чуди, въ Лопи, Корѣль»* и проч. *«посажалъ деревни и починки на лѣсахъ» на пашенныхъ, бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ и уложаяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ волжско-камской и ильменско-двинской системы, расширяя свои колоніи по рѣчнымъ системамъ, по землѣ и по водѣ, въ уѣзды, станы, волости и проч. и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія

¹⁾ Архангельская лѣтопись издан. Моск. 1819 г. стр. 132 и 193. Прибавленіе къ Вологодскимъ губернскимъ вѣдомостямъ, 1845 г. № 11.

сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ—Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго, Макарія Унженскаго и другихъ, которые въ тоже время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди чудскихъ и бесерменскихъ племенъ ¹⁾. И когда народъ русскій, призывая на помощь Георгія храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектурическую обстройку и пограничную территориальную установку русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,—тогда для него наступилъ многозначительный въ нашихъ юридическихъ актахъ *Юрьевъ-день*,—памятный доселѣ и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ—день Георгія храбраго.

Позволяя себѣ такую догадку объ исторической основѣ народнаго стиха о Георгіи храбромъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать въ немъ, особенно по другой редакціи его, и мифологическіе оттѣнки, восходящіе къ глубокой древности. По духовному народному стиху, изданному Кирѣевскимъ, Егорій храбрый наѣзжалъ на свѣтло-русскую землю еще въ эпоху пастушескаго быта нашихъ предковъ, въ эпоху до-историческую. Въмѣсто людей, наѣзжалъ онъ на стада чудовищныхъ, мифическихъ животныхъ, на стада летучихъ змѣевъ, да рысучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ чудовищный, сверхъ-естественный видъ, напоминающій мифическія, стихійныя существа, въ родѣ вилъ, русалокъ, лѣшихъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій храбрый наѣзжалъ еще въ языческія мѣста свѣтло-русской земли и притомъ въ жилища мифическихъ пастуховъ.

И пастыть стада три пастыря.
Три пастыря, да три дѣвцы . . .
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власть на нихъ, какъ ковыль трава ²⁾.

Какъ Илья пророкъ, подъ вліяніемъ церковно-библейскихъ изображеній и мифологическихъ народныхъ воспоминаній, является въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи громовержцемъ, небеснымъ возбудителемъ

¹⁾ Изображаемое въ стихѣ избіеніе змѣйнаго стада указываетъ на легенды народные о взятіи различныхъ городовъ и царствъ татарскихъ, напр. на казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали русскіе, и защищалъ, а также указываетъ на легенды о мифическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п. Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ, повидимому, на тотъ историческій фактъ, что русскіе, покоряя новыя чудскія или бесерменскія земли, имѣли обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства, шла обыкновенно славяно-русская колонизація, и совершалось постепенное обрусѣніе чудскихъ и бесерменскихъ земель.

²⁾ Мифологическое значеніе стиха объяснено Буслаевымъ въ рѣчи о народной поэзіи.

и оживителемъ природы, а Георгій храбрый, подѣ влияніемъ смутныхъ міеологическихъ и историческихъ воспоминаній народа, представляется *земскимъ устройтелемъ*, основоположителемъ физической и земледѣльческой культуры русской земли; такъ другіе святые, особенно русскіе, въ народномъ эпическомъ міросозерцаніи являются противоборцами прежнимъ языческо-міеологическимъ силамъ или духамъ. Обзорѣвая въ житіяхъ русскихъ святыхъ всю совокупность фактовъ средневѣковаго народнаго міросозерцанія, вращавшагося въ сферѣ природы и христіанства, мы примѣчаемъ въ немъ двѣ главныя господствующія идеи, порожденныя вѣрой въ ученіе церкви о святыхъ. Во первыхъ — міеическое народное представленіе о борьбѣ силъ небесныхъ, высшихъ, олицетворявшихся и проявлявшихся въ святыхъ, съ силами бѣсовскими, демоническими, олицетворявшимися въ міеологически-естественныхъ народныхъ образахъ, напр. въ образѣ демона лѣснаго, или лѣснаго, въ образѣ духа воднаго и т. п. Во вторыхъ, замѣчаемъ народную вѣру во владычество міра супранатуральнаго надъ силами міра видимаго, физическаго, силъ сверхъ-естественныхъ, надъ силами и стихіями природы. Безотчетная, христіански-міеологическая вѣра народная всецѣло преобладала надъ раціональнымъ знаніемъ силъ и законовъ природы ¹⁾. Теперь мы предлагаемъ тѣ факты, въ которыхъ выражается первое народное вѣрованье--вѣрованье въ борьбу силъ небесныхъ, святыхъ съ силами демоновъ лѣсныхъ и водяныхъ.

Перенесемся мыслью въ средневѣковыя сѣверныя поселенія русскаго народа. Большею частію лѣсную глушь представляли эти починки колонизаціи и культуры. Много было лѣсовъ и во всей Россіи въ XV и XVI вѣкахъ, если, судя по судебникамъ, та деревня признавалась уже безлѣсною, въ *полѣхъ*, отъ которой лѣсъ былъ хотъ верстою дальше 10. Но огромныя пространства сѣверо-восточной Руси еще больше покрыты были неизвѣданными лѣсами съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Не только деревни, но и города здѣсь стояли большею частію въ лѣсахъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверо-восточныхъ святыхъ XV и XIV вѣка. При лѣсномъ мѣстожительствѣ, и промышленныя угодыя и урочища жителей сѣверныхъ находились большею частію въ лѣсахъ и назывались *лѣшинами*, напр. *лѣшія озера*, *лѣшія рѣки*, *полѣшіе лѣса*, *пашенные лѣса* и т. п. Оби-

¹⁾ Многочисленны, разнообразны и часто не лишены поэзіи народныя легенды этого рода. Если бы какой-нибудь древній грамотникъ народный собралъ въ одно цѣлое всѣ эти собственно народныя сказанія, легенды о чудесахъ святыхъ, частію буквально, со всею наивною народною эпической поэзіи записанныя со словъ народныхъ въ житіе святыхъ, то мы имѣли бы свою „Legenda aurea“ подобную той, какую на западѣ въ XIII вѣкѣ сложили доминиканецъ Jakob de Voragine († 1298), и нашли бы въ нихъ богатый матеріалъ для исторіи народнаго просвѣщенія. Мы нашли бы въ этихъ народныхъ легендахъ сколько свѣжихъ цвѣтовъ средневѣковой народной поэзіи, такъ же, — какъ западные изслѣдователи средневѣковой старины находили въ своихъ легендахъ „Purpurviolen der Heiligen, oder Poesie und Kunst im Katholicismus“ — столько же раскрыли бы въ нихъ самыхъ мрачныхъ, темныхъ недостатковъ религіозной и умственной жизни нашего народа, въ которыхъ большею частію не столько онъ самъ виноватъ, сколько виноваты держащіе бразды его руководительство и просвѣщенія.

ліе лѣсовъ, мховъ и «блатъ непостоянныхъ» и близость океана условили на сѣверѣ русской земли обиліе рѣкъ и озеръ. Герберштейнъ, котораго вообще поражало обиліе лѣсовъ и водъ въ сѣверной Руси, замѣтилъ о сѣверо-востоцѣ: «Regio tota palustris et silvestris est... Quo etiam magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac silvae occurrunt» ¹⁾. Въ этой то лѣсной и водной странѣ рассказывались въ древней Руси любопытныя легенды о борьбѣ святыхъ съ демонами лѣсными и водяными. И вѣра въ лѣшихъ и водяныхъ и донинѣ нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ лѣсныхъ и озерно-рѣчныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ. А въ XVI и XVII вѣкахъ здѣсь не только міряне, но и священники вполне вѣрили, что волхвы, которыхъ на финскомъ сѣверѣ было чрезвычайно много, и въ числѣ приверженцевъ которыхъ встрѣчаемъ даже священниковъ и дьяконовъ,—волхвы могли наводить и наводили на людей лѣшихъ и водяныхъ. Духи эти, «по захожденіи солнечномъ» являлись будто бы въ домахъ, то въ видѣ «пламени синяго и сильнаго вихря», то звѣрскимъ образомъ, «мохнатыми съ хвостами и кохтями», «кликали чѣловѣчьимъ гласомъ, яко всѣмъ людямъ слышати» и уносили дѣвицъ въ воду, въ лѣса и на холмы. Иногда сами матери еще «на рожденіи» какъ то отдавали своихъ дѣтей водянымъ и лѣшимъ. Иногда «понѣ крестилъ кого либо пьяный, и половины св. крещенія не исполнилъ», и оттого дѣти дѣлались «полоняниками» этихъ «чернородныхъ демоновъ». При такой вѣрѣ въ лѣшихъ и водяныхъ, вѣрно, не разъ охотнику въ самомъ дѣлѣ чудилось въ лѣсу то, что онъ говорилъ въ заговорѣ: «встаю я за свѣтло, иду въ чисто поле къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу 20 сатаняновъ, двадцать лѣшихъ». Въ тѣ вѣка, вѣрно, каждый владѣлецъ полѣшихъ лѣсовъ, каждый бортникъ, входя въ свой бортный лѣсъ или въ зеленую дубраву, со страхомъ читалъ этотъ заговоръ: «въ мою бы зелену дубраву не заходилъ ни звѣрь, ни лихъ челоуѣкъ, ни лѣшій, ни водяной, ни вихрь». И горемычная мать отъ тоски въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ, вѣрно, не разъ разрыдавшись, причитала: «пошла я въ чисто поле, стала среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ: отвожу я отъ своего дитятки черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ злого водяного». Но не помогали и заговоры и закланія. Лѣшій все таки уводилъ дѣтей у родителей. На закатѣ солнца, собирая стадо, разсѣявшееся по лѣсу, пастухъ «видалъ предъ собою яко челоуѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи, съ колокольчикомъ въ рукѣ, въ онъ же бряцаше», и на зовъ лѣснаго незнакомца шелъ и попадался въ руки лѣшему. Родители плакали объ немъ неутѣшно и призывали святыхъ для освобожденія ихъ сына изъ плѣна лѣшаго.

И вотъ, по легендарному представленію, на встрѣчу «лѣсному демону» идетъ издалека, по дремучимъ дебрямъ, съ псаломскими пѣснями, съ крестомъ въ рукахъ святой старецъ-пустынникъ. Долго ходить по лѣсамъ, проходить неустомимо и безбоязненно дразги, болота и глухія чащи лѣсныя,

¹⁾ Rerum Moscovit. p. 79.

и наконецъ водружаетъ крестъ, ставитъ маленькую келью между деревъ на полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной озерами,—и ударъ колокола возбуждаетъ о поселеніи въ пустынѣ лѣсной отшельника. А окрестные жители лѣсныхъ деревень, по словамъ легендъ, еще задолго до его прихода, слышатъ изъ лѣсной глуши чудесный, таинственный звонъ и чудное пѣніе. То уже не зловѣщія, обольстительные звуки колокольца лѣшаго, а призывный звонъ къ пустынножительству... Характеристично это средневѣковое представленіе нашего народа о таинственномъ звонѣ и пѣньи въ лѣсахъ, раздавшемся задолго до поселенія въ нихъ пустытника. «Мѣсто оно, идеже вселися святой,—такъ обыкновенно говорятъ объ немъ почти всѣ жизнеописатели,—непроходимыя дѣбри и лѣсы темныя, и чащи и дразги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивніи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и зайцы и лисицы множество много ихъ, яко скота бѣше, езера имать многи окрестъ себѣ и глубоки зѣло. И отъ созданія міра никтоже живяше отъ человѣкъ на мѣстѣ томъ, дождеже преподобный вселися. Жители же въ окрестныхъ всѣхъ живущіи, иже ловитву на езерахъ сихъ творящіе, повѣдаша: яко за долго время, и преже многихъ лѣтъ, до пришествія блаженнаго, звонъ велій слышаша отъ мѣста того, а иногда пѣніе слышати имъ. Сіе же не единому, но и многимъ, окрестъ лѣса того живущимъ. звони и гласы слышашася и видѣнія много являхуся. Тѣмже и мнози приходяху во время звона и видѣній, хотяху увидѣти, откуда звони и пѣсни суть, но токмо издалежа ушесы слышаху сія, очима же ничтоже можаху видѣти, близъ пришедше, ничтоже обрѣтаху, но токмо дивящеся отхождаху въ дома своя, въ сердцахъ своихъ назнаменующе видѣнія сія, ожидаху сбывающагося времени, другъ другу повѣдающе, и непросту вещь сію быти разумѣваху»¹⁾. Иногда какой нибудь звѣроловъ вдругъ, неожиданно, слышалъ въ пустынѣ лѣсной этотъ чудесный звонъ и сладкогласное пѣніе. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старъ сы, Изборьскаго града, повѣда сицеву вѣсть, глаголя: нѣкогда ми, рече, ходящу со отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, яже бысть около святаго мѣста печерскаго: бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежахъ въ томъ мѣстѣ, и случися намъ притти къ потоку, на край горы, и слышахомъ во время часа церковнаго пѣнія гласы прекрасны поющихъ и благочинны, гласы убо слышахомъ, а поющихъ не видѣхомъ»²⁾.

И съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ лѣсу пустытникъ, устроилась обитель, и проносились въ народѣ молва про чудотворенія лѣснаго отшельника-пустынножителя,—съ тѣхъ поръ не такъ страшными представлялись взорамъ народа и темныя лѣса сѣверныя. И лѣсныя бѣсы все болѣе и болѣе изъ нихъ изгонялись, удалялись въ болѣе пустынные лѣса. «Прежде мѣсто сіе, на немъ же обитель твоя,—восхваляетъ напр. Антонія Сійскаго жизнеописатель его,—никто же знаеше е, и никимъ же именовано бысть,

¹⁾ Рукоп. Житіе Антонія Сійскаго. № 230.

²⁾ Повѣсть списана о Печерскомъ монастырѣ, иже во „Псковской землѣ“. Сборн. № 857. л. 120 об.

точію звѣремъ и бѣсомъ жилище тогда обрѣташеся. Нынѣ же егда благоволи Богъ призрѣти на нѣ; тогда обитель твоя тобою красуется и твоимъ именемъ именуется, и оттолѣ обычай отъ всѣхъ человѣкъ именоватися Живоначальная Троицы Антоніева пустыня, отъ нея же пустыни святыми ти молитвами бѣси далече прогнани суть и безвѣстни быша; вмѣсто же сихъ Богомъ спасаема, святыми ангелы призираема и честными иноки населяема, въ ней же Богъ въ Троицѣ присно славится и божественныя пѣсни непрестанно воспѣваются. О пустыня святая и присноблаженная, спасаемая Богомъ, ангеломъ превозлюбленная, всѣмъ человѣкомъ превоздѣлѣнная!» ¹⁾ Теперь въ лѣсахъ представляются народу разные чудеса, разные видѣнія пустынниковъ чудотворцевъ. Люди всѣхъ чиновъ рассказываютъ про разные чудесныя явленія лѣсныхъ отшельниковъ. И горемычные родители, плачущіе о потерѣ сына, уведеннаго лѣснымъ демономъ, съ утѣшительными надеждами и вѣрой даютъ обѣтъ прославившемуся уже многими чудотвореніями и побѣдами надъ бѣсами лѣсному пустынножителю—идти въ его пустынь, сослужить молебень о возвращеніи погибшаго сына. Вотъ какое напр. передается въ одной легендѣ XVII вѣка «чудо преподобнаго Никодима Кожеезерскаго о нѣкомъ отроцѣ пастырѣ како его избави отъ лѣснаго демона», чудо, которое записано было со словъ самого этого пастуха: ²⁾ «Было въ лѣто 7196 (1688) марта въ 15-й день сотворилось чудо сіе такъ: на Онегѣ рѣкѣ есть село Кожеезерскаго монастыря, именуемо Кишнеши, и въ томъ селѣ, по обычаю, въ то лѣто пасся скотъ; пастухъ былъ изъ того села, именемъ Григорій, сынъ Васильевъ, пасъ скотъ: въ одинъ день пасъ онъ по обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно; пастухъ тотъ Григорій отошелъ за рѣку Кишнешку собрать скотъ, и какъ то потерялъ дорогу, самъ не зналъ, куда шель, и вдругъ видитъ передъ собой какъ будто человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи и колоколецъ малъ у него въ рукѣ, колоколицемъ онъ звонитъ, а самъ идетъ впередъ его и пастуха Григорія зоветъ за собой, а этотъ шель за нимъ, и немного опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать себѣ на помощь, призывалъ и преподобнаго отца Никодима (Кожеезерскаго). А родители между тѣмъ плакали и тоже молились преподобному, обѣты полагали, чтобы идти въ обитель и молебствовать. И вскорѣ потомъ, тому бѣдному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. Григорій чувственно видитъ какъ бы нѣкій старецъ послѣдуетъ за нимъ. Когда Григорій плѣлъ подъ деревомъ пѣсни, видитъ онъ—старецъ зоветъ его къ себѣ и велитъ ему перекреститься знаменіемъ честнаго креста. И когда онъ знаменался крестомъ, тогда демонъ лѣсной не видимъ былъ, а старецъ оный приближался къ нему; когда же забывался, тогда опять демонъ показывался, и долго онъ страдалъ, но святой не оставлялъ его, шель за нимъ и пришелъ къ рѣкѣ называемой Сыртуга и оттуда пришелъ на рѣку Кишнешку къ верхотину, и тутъ видитъ храмину, а въ ней мечтается ему

¹⁾ Сборн. № 230.

²⁾ Сборн. № 182.

какъ бы дерево великое и малое ¹⁾, и нѣкоего старца знакомаго ему, лежащаго на вершинѣ деревьевъ, и юношей нѣкихъ, знаемыхъ ему; одни спятъ, а другіе приносятъ ему ѣсть, а иные одежду и обувь снимаютъ съ него. И того же мѣсяца въ 18-й день, милостію всещедрого Бога и молитвами преподобнаго, по утру пастухъ увидѣлъ себя въ селѣ Кирнешкахъ у монастырскаго двора: увидѣли его тутъ служители, стоитъ Григорій—руки къ сердцу согнуть, дрожитъ весь, руки и ноги избиты сильно и кровь течетъ изъ ранъ,—и такъ приняли его и хвалу воздали Богу и преподобному Никодиму благодареніе. Сія вся, заключаетъ повѣствователь, самъ вышеупомянутый пастухъ о себѣ намъ повѣда, мы сія слышавшіе предахомъ писанію во славу Христу Богу и Никодиму Чудотворцу ²⁾.

Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу. Весьма любопытна и характеристична одна повѣсть XVII вѣка о женѣ Соломоніи. Здѣсь во всей полнотѣ обнаруживается и умственное развитіе нашихъ древнихъ поповъ и народа, и въ особенности—народныя представленія о лѣсныхъ, горныхъ и водяныхъ дэмонахъ, народная вѣра въ чудесную побѣду надъ ними христіанскихъ чудотворцевъ. Основная мысль всей повѣсти такая: одна женщина—крестьянка, родомъ поповна, долго страдала отъ чернородныхъ демоновъ *водныхъ и лѣсныхъ*, которые являлись ей въ разныхъ зооморфическихъ, чудовищныхъ образахъ, и то уносили ее въ воду, то въ лѣсъ и горы.

¹⁾ Это „дерево великое и малое“ напоминаетъ намъ такъ-называемое въ финской мѣлологіи *Tarion riik*—дерево *лѣснаго*, или *Tarion kanto*, *пень лѣснаго*. См. „Путешествіе въ русскую Корелію“ Кастрена. Этногр. сборн. вып. IV. 1859 г. стр. 252. Въ житіи Іоанна и Іогинна Яренгскихъ чудотворцевъ также разсказывается въ одномъ чудѣ, какъ заблудившійся въ лѣсу человекъ видѣлъ предъ собою „яко человека привидѣніемъ, *аку древо сляющаеся*“; этотъ образъ тоже напоминаетъ лѣснаго.

²⁾ Это старинное преданіе, равно какъ и то, которое въ приложеніи будетъ изложено, напоминаетъ намъ подобное народное сказаніе о *лѣсакѣ*, записанное со словъ казанскаго крестьянина изъ села Кавалей. „Лѣсакъ увелъ дѣвицу изъ деревни къ себѣ въ лѣсъ, жилъ съ ней долго, прижилъ дѣтей. Дѣвица захотѣла уйти отъ него и стала выпытывать, какими премудрствами выбраться изъ лѣсу. Лѣсакъ не сказывалъ. Дѣвица такъ жила у него долго, лѣтъ пять, а все выпрашивала, какъ уйти: „нельзя ли уйти святыми молитвами? Нѣтъ, нельзя, говоритъ лѣсакъ, а есть такіе *свѣтки*, которые выводятъ изъ лѣса. Дѣвица нашла эти свѣтки, нарвала ихъ и отыкала ими себя кругомъ. Лѣсакъ-отъ и не могъ къ ней подойти: свѣтки-те огнемъ жгутъ его. Дѣвица пошла перенадѣла рубаху на лѣвую сторону, переобулась съ правой ноги на лѣвую и пришла домой, а лѣсакъ-отъ все шелъ за ней и пришелъ къ избѣ. Дѣвица не догадалась свѣтковъ-то натывать на избу. Лѣсакъ ночью и разворотилъ всю избу, какъ вихремъ, и бревна разметалъ. Такъ дѣвица и осталась не причемъ“. Подобныя сказанія о лѣшемъ были и у финновъ. Кастренъ въ своемъ путешествіи въ русскую Корелію записалъ слѣдующее финское преданіе объ одномъ неполнѣкомъ народѣ подъ названіемъ *Naikkolaiset*, или *Naikon Kansat*: „о происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (*metsänherra*) похитилъ одну женщину (христіанку), увелъ ее въ лѣсъ, и она родила отъ него мальчика и дѣвочку, которые въ послѣдствіи произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное *Naikkolaiset*“. Этнограф. сборн. вып. IV, стр. 261.

Борьба съ ними, физическая и нравственная, была страшная. Наконецъ, чудотворецъ Устюжскій Прокопій, вмѣстѣ съ пречистою Богородицею, побѣдили демоновъ водныхъ и лѣсныхъ, молнія съ громомъ поражала ихъ, и водные и лѣсные демоны изгнаны были изъ несчастной женщины. Общая основа всей этой христіанско-миѳологической легенды, очевидно, апокрифическая и древняя, общенародная. Подобныя сказанія существовали у евреевъ, у восточныхъ и западныхъ сектантовъ—павликіанъ, богумиловъ, катарровъ, альбигойцевъ. Подробныя же черты демоновъ водныхъ и лѣсныхъ носятъ окраску славяно-русской миѳологической демонологіи.

Изображая однихъ святыхъ героями полубогами, поборающими силы демоническія, миѳическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ—звѣрообразныхъ и т. п., дѣятельности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усваивало дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. произрастителями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и пр. Богородица, напр. помогала землю обрабатывать: «мѣсто неровное, гдѣ ино горы, ино жъ ровъ бысть, и лѣсъ прилежаще великъ, все жъ сіе помощію Богородицы изравнивали» ¹⁾. Одно явленіе иконы Богородицы, по народному вѣрованію, было причиною обильнаго урожая хлѣба и всякаго овоща, хорошаго лѣта, ведряной погоды, плодovitости скота, здоровья народнаго. «Лѣта, коего явился икона Пречистыя Богородицы на Оковѣцѣ, въ лѣсу частомъ, на соснѣ на сучку, говоритъ повѣствователь о чудесныхъ благодѣяніяхъ оковской Божіей матери, — хлѣбъ бысть дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено и красно, а не засушливо, и всякимъ овощемъ плодovито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ» ²⁾.

Точно также, въ повѣсти о выдропусскомъ образѣ богородицы, по случаю чудеснаго перемѣщенія этого образа изъ Муромъ въ село Выдропускъ, сказано: «и оттолѣ въ веси той, прочее же и во всей Новгородской области, начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, наче же и тѣлесными потребамъ, вся земля обиліемъ кипя въ сѣменныхъ приплодѣхъ и въ скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сіе Богъ дарова и пречистая Богородица». (Лѣтоп. русской литературы VII, 26). Богородица являла разные чудесныя физическія знаменія. Если люди оскорбляли Бога дѣлами своими, напр. пашню пахали, хлѣбъ жали, сѣно косили по праздникамъ, если употребляли запрещенныя произрастенія земли, какъ наприм. въ XVII в. табакъ, то пречистая Богородица являлась вмѣстѣ со всемілостивымъ Спасомъ даже сельскимъ женщинамъ и угрожала испустить съ неба на землю «каменіе много, молніе огненное, произвести въ страдное время сильный морозъ и ледъ на скотъ и хлѣбъ и страшное землетрясеніе». Такъ въ Сборникѣ Солов. библ. подъ № 925 разсказывается нѣсколько

¹⁾ Сборникъ № 857, л. 122—125.

²⁾ Сборникъ 857, л. 176.

чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 г., какъ пречистая Богородица и самъ всемилостивый Спасъ явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ женщинамъ, и Богородица сначала заступалась за людей, а потомъ сама угрожала произвести страшныя физическія знаменія и бѣдствія. Мы выпишемъ здѣсь вполнѣ одно чудо, имѣющее нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ народнымъ стихомъ о заступничествѣ Богородицы за людей передъ Спасителемъ: «августа въ 16 день за заутреней было чудо на красной горѣ надъ нѣкой женою, именемъ Ѳеклою, Спиридоновою дочерью¹⁾. И начало тружати ея при всемъ народѣ. Явился въ то время всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица Тиѳинская съ Паче озера и почалъ ей въ то время наказывати, наказывать той женѣ: сказывай ты жена во всемъ народѣ, чтобы всякихъ чиновъ люди молилися со слезами, стоя, всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ безпрестани, и стоя, ничего не говорили, и *отъ того де нынѣ вся земля трясется*; а Богородица у Христа стоитъ со слезами, чтобы Господь пощадилъ православныхъ христіанъ и отвратилъ свой праведный гнѣвъ, а табакъ бы отнюдь не пили и не бранилися и хмѣльные бы люди въ церковь не ходили; а кто де ихъ пьетъ не подобное, что они пѣютъ въ носъ, и то святые отцы на вселенскомъ соборѣ проклинали; а въ которое время хто избранитъ, и въ то время *небо и земля потрясется* и Богородица стоя вострепещетъ о такомъ зломъ словеси, а уста его того дня кровью воскипятъ, и тѣми устами не подобаетъ таинъ Господнихъ вкушати, ни креста цѣловати, а во церкви бы стояли со страхомъ и трепетомъ на молитвѣ безпрестани и молилися бы со слезами и другъ на друга сердца бы не имѣли со гнѣвомъ и жили бы по святыхъ отецъ правилу. И пречистыя Богородицы бысть гласъ въ то время отъ нея: а язъ де Богородица стою у Христа и безпрестани у своего царя небеснаго милости прошаю о всемъ народѣ, чтобы пощадилъ Господь и помиловалъ всѣхъ православныхъ христіанъ; и вся воя небесная со страхомъ предстоитъ, а вы христіане своимъ безуміемъ уклоняетесь и со страхомъ во церкви часу не постоите. И не христіаномъ бы въ праздники Господскіе никакой работы не работати и травъ не косили бы, и хлѣба не жали, а будетъ что и выжнуть, все съ грязью станеть, а молилися бы всемилостивому Спасу на Красной горѣ и пречистой Богородицѣ, и росписи росписывали и розсылали бы по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы вѣсно было про все наказанье и христіане обратились бы ко Господу Богу и грѣховъ своихъ покаялись бы, и Господь дастъ всякаго изобилія многое множество болѣе и прежнего; а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрять и ко Господу Богу моему не обратятся, и не почнутъ молитися всемилостивому Спасу, приходить на Красную гору, и почнутъ пити табакъ и хмѣльные люди во храмъ ходитъ и въ храму почнутъ другъ съ другомъ глаголати, и поставятъ се явленіе воплошно и за ихъ непослушаніе *будетъ на землю каменіе много испущу съ небесъ, молніе огненное и лица своего воображен-*

¹⁾ Надъ этою женою было еще другое чудо, тутъ же описанное. Здѣсь объ ней сказано: «нѣкія веси Юрьева Наволока, именемъ Ѳекла Спиридонова дочь, а Нехорошова жена Клементьева» и проч.

наго и храмовъ не пощажу и ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время на скоть и на хлѣбъ вашъ и на все живущее, и по вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадетъ и молніе огненное и хлѣбъ и трава озябнетъ и скоты ваши голодомъ погибнутъ, и тотъ де трусь, что нынѣ на тебѣ, то и на всѣхъ христіанехъ будетъ съ велика и до мала за ихъ непослушаніе и за ихъ неправду. А се явленіе писалъ на Красной горѣ при священницѣхъ и при всемъ народѣ Петруха Ивановъ Поповъ 7149 августа въ 27-й день» ¹⁾. Подобныхъ явленій святыхъ, предсказывавшихъ разныя физическія знаменія и неестественныя явленія, намъ доводилось встрѣчать въ рукописяхъ много. Особенно любопытны изъ нихъ сказанія въ житіи Прокопія Устюжскаго, «объ огненной тучѣ и бурѣ», въ житіи Иринарха Соловецкаго «о тучѣ снѣжной велией и о мразѣ отъ Яковыхъ до Ильина дня» и проч. Но мы не будемъ обременять читателей подобными сказаніями.

Какъ изъ приведенныхъ, такъ изъ другихъ подобныхъ легендъ очевидно, что народъ русскій, при своемъ практическомъ характерѣ, смотрѣлъ на святыхъ большею частію съ натурально-практической точки зрѣнія. Онъ представлялъ, что святые назначены быть ему помощниками въ борьбѣ съ стихіями природы, поддерживать его физическое, матеріальное благосостояніе, и ждалъ отъ ихъ чудесъ существенной, матеріальной, житейской пользы. И эта практическая вѣра преимущественно замѣчается на финскомъ сѣверо-востокѣ, гдѣ и кудесничество было болѣе распространено. Какъ въ финскомъ язычествѣ, кудесникъ, Кебунъ Тадибъ испрашивалъ у Нума блага, счастія, оленей, лисицъ и богатства, вопрошалъ Тадебціевъ объ излеченіи болѣзни, о сыскѣ потерявшагося оленя и проч.; такъ вмѣсто того, во времена христіанства, жители сѣверо-восточной Руси испрашивали всѣхъ такихъ физическихъ предметовъ и благъ у святыхъ, преимущественно прославляемыхъ въ ихъ мѣстностяхъ. Больной испрашивалъ у святого своей страны зелія, врачества отъ болѣзни: святой являлся ему во снѣ, давалъ въ руку цѣлебную траву и говорилъ: «держи ю у себе, и въ дому своемъ въ чистомъ мѣстѣ». Проснувшись, больной «видѣлъ у себя траву въ рукѣ, и абіе отъ того часа здоровъ бысть» ²⁾. Пастухъ или скотникъ призывалъ святого своей страны, когда у него мало было корму для скота ³⁾, чтобы «подати помощь ему въ прекормленіи скота сѣнною кормлею, еже бы ему препитати скоть безгладно». Потерялась ли лошадь у сѣверно-поморскаго жителя, владѣлецъ ея обращался съ молитвою къ Зосимѣ и Савватию соловецкимъ объ отысканіи его лошади ⁴⁾. Сѣверно-поморскіе *юровщики* или весновальники, отправлявшіеся артелями на Сѣверное море для ловли морскихъ звѣрей, сами рассказываютъ въ житіяхъ святыхъ любопытныя и разнообразныя легенды о чудесахъ сѣверно-поморскихъ святыхъ на морѣ-океанѣ: какъ чудотворцы, словно геніи, духи

¹⁾ Сборникъ № 925, л. 41—43.

²⁾ Сборникъ № 182, житіе Сильвестра Вологодскаго.

³⁾ Житіе Пертоминскихъ чудотворцевъ, рукоп. Сол.

⁴⁾ Ркп. Солов. житіе Зосимы и Савв.

морскіе, носились по морю, укрощали волны и бури морскія, вызывали изъ глубины океана множество звѣрей на добычу ловцамъ ¹⁾).

И были причины такого практическаго народнаго вѣрованія. Во-первыхъ, вѣра въ чудеса святыхъ, какъ въ силы и дѣйствія превосмогающія и покоряющія человѣку природу, замѣняла языческую вѣру въ вѣдунство-волхвовъ. Не имѣя мѣста распространяться здѣсь о происхожденіи и значеніи вѣдунства въ мифологическомъ міросозерцаніи, мы считаемъ не лишнимъ однакожъ указать по крайней мѣрѣ общій источникъ вѣдунства, волшебства, по объясненію Розенкранца и Гримма. «Слабое, едва пробуждающееся въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія, говоритъ Розенкранцъ въ своемъ сочиненіи *Naturreligion*, не есть, какъ духъ безсознательный, вмѣстѣ объектъ и субъектъ, но оно живетъ въ различіи объективности и субъективности. Когда человѣкъ сознаетъ свою свободу въ противоположность міру, и старается выразить это сознаніе, то этотъ актъ его духа является въ естественной религіи преимущественно какъ *волшебство* (*Zauberei*). Первобытные народы, правда, превосмогаютъ природу по толику, по колику этого требуетъ поддержаніе ихъ существованія: они ловятъ звѣрей, занимаются рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ землю; но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются въ самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію духовной свободы лишь тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ цѣлямъ такія рѣзкія противодѣйствія, что обыкновенная дѣятельность становится недостаточной. Тогда, если небо не изливаетъ дождя, если буря волнъ дѣйствуетъ разрушительно, если стада подвергаются мору, если въ умирающемъ жизнь начинаетъ уступать смерти, тогда возбужденное въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія возмущается, приходитъ въ волненіе и выражается въ заговорѣ противъ природы. Она не смѣетъ противодѣйствовать духу, она ему подчинена. Онъ ея владыка. Его слово можетъ заставить ее возвратиться въ назначенныя отъ него ей границы. Облака должны излить задержанныя воды, волны должны утихнуть, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть, если онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципъ всякаго волшебства» ²⁾). Какъ ни естественно было въ языческомъ міросозерцаніи явленіе вѣдунства, какъ ни отраденъ былъ этотъ энергическій протестъ впервые пробуждавшейся мысли младенческаго разума, это выраженіе естественной потребности первобытнаго человѣка знать и покорять себѣ силы природы, все же вѣдунство, кудесничество было не свѣтлымъ, не разумно сознательнымъ, а темнымъ, суевѣрнымъ явленіемъ въ исторіи народнаго міросозерцанія. «Auf die gütigen vermöge ihrer Naturwunder thuenden Götter geht der Begriff der Zauberei nicht, скажемъ словами Гримма; erst den Gesunkenen, Verachteten hat man Zauberei zugeschrieben. Mittelwesen, zwischen Göttern und Menschen, altkluge, vielkundige Riesen, böse Riesinnen, listige Elfen und Zwerge zaubern; nur scheint ihre Fertigkeit mehr angeboren, stillstehend, keine er-

¹⁾ Нѣкоторыя указанія приведены въ приложеніяхъ.

²⁾ Hanusch, Wissensch. d. Slavisch. Mythus.

runzene Kunst. Eigentlicher Zauberkünstler ist der *emporstrebende Mensch*» ¹⁾. Вслѣдствіе такого языческаго, нерѣдко вреднаго въ жизни народной значенія, волшебство, кудесничество,—хотя и не вдругъ, но мало по малу теряло свою силу въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи, подѣ вліяніемъ преслѣдованій церкви; никло предѣ ликами безчисленныхъ христіанскихъ чудотворцевъ; по ученію церковныхъ іерарховъ и монастырскихъ властей, замѣнялось вѣрою въ чудеса святыхъ. Отъ міеологіи языческой, вѣдунской народъ переходилъ къ міеологіи христіанской, книжно-легендарной. Онъ большею частью такъ же міеически, дѣтски вѣрилъ въ чудеса святыхъ, какъ прежде вѣрилъ въ кудеса вѣдуновъ. Почему волхвы, кебуны, чародѣи, ревнуя о своихъ выгодахъ, отстаивая свое вѣдунство, всячески старались отвлекать народъ отъ вѣры во святыхъ, чудесамъ ихъ пытались противопоставлять кудеса, какъ напр. Зырянскій Пама Стефану Пермскому, Лопарскіе Кебуны—Трифану Печенгскому. Но благочестивые іерархи, монахи и священники, при помощи церковныхъ книгъ, при содѣйствіи, впослѣдствіи, гражданской власти, мало по малу отучали народъ отъ вѣры въ кудеса. Не приводя всѣмъ извѣстныхъ, многочисленныхъ, обличительныхъ поученій церкви, направленныхъ противъ прибѣгавшихъ къ волхвамъ, и обходившихъ святыхъ ²⁾, мы укажемъ для примѣра два факта изъ житій святыхъ: «Есть на Поморіи наволокъ Унежма,—читаемъ напр. въ житіи Зосимы и Савватія Соловецкихъ,—въ мѣстѣ же томъ человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прію нѣкую межю собою. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣлствовать. Единому ихъ угоди, а другаго оскорби; оскорбленный же онъ зѣлнѣ огорчился нанѣ. Кудесникъ же онъ бѣсовскимъ ухищреніемъ, якоже обычай имъ укоренился въ нихъ злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити, таже насылаетъ бѣса на Никона. Посылаетъ же Никонъ сына своего къ другому кудеснику, ему же добро сотвори, дабы помоглъ ему». Старецъ Соловецкаго монастыря, прилучившійся въ томъ селѣ, отклонилъ Никона отъ кудесъ и научилъ его прибѣгнуть къ чудесной помощи Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «Въ Новгородѣ былъ нѣкто гость Алексѣй Курнековъ, читаемъ въ томъ же житіи: у него сынъ заболѣлъ опасно. Алексѣй же онъ, яко пренпростый человекъ, не разумѣ прежде твердаго пристанища, еже прибѣгнути къ Богу и къ святымъ его плотстїи бо, рече, духовная мудрствовать не могутъ. Пристави къ нему нѣкоего кудесника. Онъ же по волхвамъ ношаше его, и ничто же успѣше». Опять старецъ Соловецкій научилъ больного прибѣгнуть къ чуду Соловецкихъ чудотворцевъ.

Своеобразное практически-міеологическое воззрѣніе древне-русскаго человека на чудеса святыхъ условливалось отчасти и его матеріальнымъ

¹⁾ Grimm, D. M. S. 579.

²⁾ Такихъ поученій довольно напечатано въ актахъ историческихъ. Нѣсколько ихъ находится въ рукописн. Измарагд. Соловецк. подѣ № 270. Почти всѣ они нигдѣ не изданы.

бытомъ, совершеннымъ незнаніемъ силъ и законовъ природы, неумѣньемъ пользоваться ими для своихъ практическихъ нуждъ, направлять ихъ къ собственному матеріальному благу.

Ни рафли, аристотелевы врата, зодѣи, астрономы XVI и XVII вѣка ни космографы, луцидаріусы и географіи, ни громовники, ни цвѣтники, травники и зелейники, ни бестіаріи, ни лечебники не распространяли въ народѣ истиннаго естествознанія. Народъ не зналъ, по словамъ западныхъ путешественниковъ, ни земли, ни воды¹⁾. Природа въ его воображеніи еще исполнена была чудесъ и мнѳовъ. Онъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ на метеоръ. Взорамъ его мерещились «не былинныя зраки». Онъ вѣрилъ въ баснословную силу камней, травъ, цвѣтовъ, видѣлъ чудеса на деревьяхъ, рассказывалъ про мнѳическихъ чудовищныхъ змѣй на сѣверѣ и въ низовьяхъ Волги, про каменныхъ людей и каменныхъ дѣвокъ близъ Самары и т. п. При этой настроенности къ чудесности въ природѣ, — народъ читалъ въ церковныхъ книгахъ, слышалъ отъ граматниковъ, повѣствователей, отъ священниковъ, дьячковъ и монаховъ разныя сказанія о чудесахъ святыхъ. А тутъ еще и собственная матеріальная жизнь его представляла много превратностей неожиданныхъ, непонятныхъ и страшныхъ. Много страдалъ древній русскій человѣкъ отъ стихій природы, отъ звѣрей, страдалъ разными физическими болѣзнями. Страдалъ, а не зналъ, какъ пособить горю, какъ прекратить, уничтожить зловредныя дѣйствія природы, покорить физическія силы и стихіи своему благу: ибо не зналъ тайнъ природы, ея силъ и законовъ. Къ тому же, на долю русскаго народа выпалъ жребій совершить особенно великую, сильную борьбу съ природой. Колонизуя и разрабатывая огромныя пустынные пространства сѣверо-востока, онъ проторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагѣ спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрями, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч.²⁾ Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на веснованье: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ про это самъ народъ рассказываетъ любопытныя былинныя и легенды. Проторгаясь сквозь лѣса, вслѣдъ за отшельниками-чудотворцами, народъ нашъ много работалъ, ставилъ города, деревни и починки въ лѣсахъ, вновь распахивалъ пашни, расчищалъ луга и пожни, устраивалъ по рѣкамъ и озерамъ ловли, тони, — и эту работу свою, по всей справедливости, называлъ *страдой*, также какъ по своему живому сочувствію съ природой, онъ называлъ *страдомыни* и

¹⁾ Das Land, -- писалъ напр. Петрей о русской землѣ и о русскомъ народѣ — das Land ist überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bäuerisch, tölpisch, und fang weder zu Wasser noch zu Lande dazu sie selbst Ursach seyn.

²⁾ Въ древнихъ уставныхъ грамотахъ постоянно говорится объ этомъ: „а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсѣ деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто съ студени умретъ, или кого возомъ сотретъ, или кто водою къ деревьямъ приплыветъ убитый человѣкъ“ и проч. См. напр. А. И. II, № 77, 86 и мн. др.

са, которые рубилъ, и деревни, которые ставилъ «на лѣсѣхъ», и рѣчныя озерныя и т. п. угодыя. Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвернаго климата, «морозомъ побивавшаго его посѣвы (по свидѣтельству историческихъ актовъ) почти во всякое лѣто» и проч. и проч. Слѣдовательно, жны были; судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой ботѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдержали для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная лъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, ѣ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. Бра въ чудотворное могущество святаго покорять силы природы, оставливать зловредныя дѣйствія ея стихій и явленій имѣла такимъ образомъ практическое основаніе. Чудо святаго въ области природы замѣняло я древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу ловѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы. Въ жизнеописаніяхъ дотворцы представляются именно поборниками народа противъ стихій ироды, противъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Вотъ какъ, напр., начиетса житіе Антонія Сійскаго: «Бысть сице: отъ сотворенія міра, въ лѣто 80, отъ дождевныя мокроты и отъ великихъ бурь и отъ облачныя толоты на много солнца не видѣти, и земнымъ плодомъ замедленіе бысть лие, и ржаные плоды отъ того дождя и бури излегли и не исправилися, цвѣту въ нихъ не бысть, яко протягнулись іюля мѣсяца до 7-го числа, и ому всякому плоду не растущу, человѣкомъ же и всякому роду зѣло о мѣ скорбящимъ, паче же въ скудости пребывающимъ. Но человѣколювый Господь Богъ, не хотя своего созданія до конца погубити, но позное о всѣхъ промысляя, *посылаетъ* милостивнымъ явленіемъ заступка нашей странѣ и общаго предстателя, преподобнаго и богоноснаго ца нашего Антонія чудотворца Сійскаго»¹⁾. Такимъ образомъ почти ждая область, каждый городъ, рознясь между собою во многихъ мѣстностяхъ этнографическимъ составомъ населенія, изстари стремясь къ земой, территоріальной особености, самостоятельности, по *рѣчнымъ передѣмъ, или по раздѣламъ земли и воды*, а также и къ мѣстному земскому моуправленію,—и въ религіозномъ отношеніи, признавали своихъ особенныхъ мѣстныхъ покровителей и стражей своей страны. «Псковъ и велиій Новгородъ (читаемъ въ одномъ русскомъ житіи) блажитъ Варлаама и

¹⁾ Рукоп. житіе Антонія Сійскаго. Точно также въ случаѣ эпидемическихъ болѣзней простой народъ нашъ уповалъ на помощь даже образовъ святыхъ. Не приводя югочисленныхъ фактовъ изъ исторіи древней Россіи, вспомнимъ одинъ фактъ изъ VIII столѣтія, изъ времени Екатерины II. Англійскій министръ, лордъ Cathcart писалъ ѣдущее въ своей депешѣ отъ 8-го октября 1771: Les nouvelles que l'on vient de recevoir de Moscou, où il y a la peste, sont bien tristes, la population de cette capitale, abandonnée par les autorités et poussée au désespoir par le danger qui croit de jour et par les absurdes mesures de la police, n'a trouvé d'autres ressources que de placer sa confiance dans les miracles que l'on attribue à certaines images. L'archevêque, un homme de bonne naissance et d'esprit, s'apercevant du péril qu'il y avait à donner la communion à un grand nombre d'individus déjà atteints par l'épidémie... enfin a donné l'ordre d'enlever quelques unes des images miraculeuses autour desquelles se pressait la foule, afin d'éviter la contagion.

Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ князя Феодора, московское же царство блажитъ Петра и Алексея и Юну и Максима и иныхъ множество; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда бо блажитъ преподобнаго Димитрія и иныя тамо сущія многія: каяждо страна своихъ блажитъ. И мы же (Устюжане) тебе, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней же градъ Сенкурія, и та блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы жъ тебя, яко же стража и хранителя, имѣемъ отчины града нашего Устюга». Народныя легенды о чудесахъ святыхъ той или другой области, записанныя со словъ всякихъ чиновъ людей въ рукописныхъ житіяхъ древне-русскихъ святыхъ, характеристично выражаютъ съ многоразличныхъ сторонъ эту натурально-практическую основу народного вѣрованія въ чудеса святыхъ и притомъ со всѣми мѣстными, областными, географическими и часто даже этнографическими особенностями народного быта: въ чудесахъ каждого мѣстнаго, областного святого вполне отражаются мѣстные физическія условія областного населенія и особенности областей географическія и физическія. Особенно обильны характеристичными выраженіями практической, непосредственно натуральной вѣры народа въ чудотворныя силы святыхъ сѣверо-поморскія легенды.

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣніе къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти безсознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за всеномгательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ не завоеванной еще тогда вполне русскимъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нерѣдко первые пролагали дорогу колонизаціи и культуры, считаемъ, однакожъ, не лишнимъ указать хоть два-три факта. «Пустыня была непроходная (большая часть московской области въ XIV в.) писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарыинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго,—нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля мірскія, села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги вѣлія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрепятственно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ змѣевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, з 10 поприщъ и вящее ползущихъ змѣевъ и ужевъ не бываетъ. И елика людей во обители и около обители въ слободахъ множишася, толико и премногу вода и всякая потреба изобилуашася. Тогда въ рощахъ тѣхъ деревьевъ только не бысть, елика нынѣ многолюдственное число челоуѣкъ въ свободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша»¹⁾. Точно также когда другъ и собесѣдникъ Сергія Кириллъ Бѣлозерскій поселился около Бѣлозера, «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его, боръ бѣше велій и чаща, и никому же отъ челоуѣкъ живущу». А когда пустыня св. Кирилла стала знаменитою обителью, въ предѣлахъ Бѣлозерско-вологодскаго края, стало на лѣсахъ и на пустошахъ до 398 посе

¹⁾ Времен. кн. X. смѣсь стр. 7 и 8.

лений¹⁾. Точно также народная память чтит заслуги чудотворцевъ русскихъ для культуры. Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря до XV в. жили дикіе лопари. «Древле быша сіи родове, (сказано о нихъ въ Соловецкой рукописи «Садъ спасенія») яко звѣріе дикіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жителству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же—кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единого и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворить» и пр. А когда поселились между ними, на Соловецкомъ островѣ, Зосима и Савватій и устроили обитель, то принесли въ поморье не только сѣмена христіанства, но и начатки матеріальной культуры. Обитель ихъ стала училищемъ лучшей матеріальной жизни. Тамъ, гдѣ прежде финскіе полудикари вовсе не умѣли направлять сять и стихій природы къ улучшенію матеріальнаго быта человѣка, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появились кое-какія искусственныя улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера, которыхъ въ Поморьи почти безчисленное множество, и которыя часто препятствовали сообщенію людей, на Соловецкомъ островѣ соединяемы были прорытыми каналами. Равнымъ образомъ тамъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастырскихъ земляхъ, чистили и дѣлали хорошія дороги на мѣстахъ, дотолѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами. Увеличивали приливъ воды въ мелководныхъ рѣкахъ. Сотни поморскихъ работниковъ строили каменные водяныя мельницы, въ которыя посредствомъ каналовъ проводилась вода изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали первыхъ началъ культуры, простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды, тамъ финскіе полудикари, жившіе вокругъ Соловецкаго острова, видѣли искусственные проводники воды и другихъ жидкостей, черезъ которыя жидкость, по словамъ соловецкаго лѣтописца, «сама сливалась со всѣхъ чановъ: чрезъ трубу подыметъ на верхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». «До Филиппа Игумена, продолжаетъ соловецкій лѣтописецъ, рожъ на сушило носили многіе, а игумень Филиппъ нарядилъ телѣгу, сама насыплется и привезется сама и высыплется рожъ на сушило. Прежде рожъ подсѣвали многіе, а игумень доспѣлъ сѣвально съ 10 рѣшетами, сѣтъ одинъ человѣкъ, при немъ же доспѣли рѣшето, само насынаетъ и вѣетъ, труби и муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде многія братія носили рожъ на гумно вѣять, а игумень нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожъ вѣетъ». Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія пещеръ и ямъ, тамъ устроены были кирпичные заводы съ лучшими способами копанія глины: «преже игумена Филиппа на варакѣ

¹⁾ А. И. I, стр. 299. А. Э. I, стр. 474.

глину на кирпичъ копали людьми, а нынѣ воломъ орютъ однимъ, что многіе люди копали, и на кирпичъ ту глину мяти людьми же, а нынѣ мнутъ конми». Тамъ гдѣ не умѣли строить домовъ деревянныхъ, жили въ пещерахъ и расщелинахъ, тамъ полудикіе обитатели финскаго поморья выдѣли «каменные палаты съ стекольчатыми окнами и книгохранительныя каменные палаты», и проч. ¹⁾ Какъ на западѣ въ средніе вѣка, архитектура, развиваясь подъ вліяніемъ обитателей святыхъ, имѣла свои отдѣльныя корпораціи, напр. *Bernardus valles, montes Benedictus amabat, oppida Franciscus, celebres Ignatius urbes*, такъ и по нашимъ народнымъ сказаніямъ—нѣкоторые изъ знаменитыхъ древне-русскихъ святыхъ представляютъ чѣмъ либо замѣчательными въ матеріальной культурѣ русской земли.

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч.,—древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святого: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, когда призывать. И такъ мало по малу составились особыя народныя такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святого просить. Такъ народъ нашъ доселѣ поетъ въ одномъ своемъ духовномъ стихѣ:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!
Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
Отъ огненной пожоги,
Отъ водяной потопа!
Попаси же ему, Господь Богъ,
Хлоръ, Лавѣръ лошадокъ,
Власій коровокъ,
Настасій овечекъ,
Василій свинокъ,
Мамонтій козокъ,
Терентій куроковъ,
Зосимъ Соловецкій пчелоковъ,
Стаями, роями,
Густыми медами.

У старообрядцевъ, равно какъ и православныхъ, въ домахъ, на стѣнахъ, привѣшиваются полныя росписанія, какой святой чѣмъ обладаетъ въ области природы и физической жизни человѣка.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе, почему, напр., Хлоръ-Лавѣръ признаются нашимъ народомъ пастырями лошадоковъ, — Власій коровоковъ

¹⁾ Рукоп. Солов. глѣтон. № 484.

Настасій овечекъ и проч., мы ограничимся историческимъ объясненіемъ религіозной санкціи пчеловодства въ лицѣ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Напередъ нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи пчеловодства или бортничества въ древней Руси. Было время, когда не только земледѣліе и рыболовство, но, при изобиліи богатыхъ разною производительностію, большею частію еще непочатыхъ лѣсовъ, и бортничество или пчеловодство составляло одинъ изъ первыхъ путей для колонизаціи и первоначальной культуры финскаго сѣверовостока лѣсного, полудикаго. Въ «Польской» ли земля¹⁾ ставился городъ, напр. Москва, Переяславль-Залѣскій, Юрьевъ-Польскій или «на лѣсахъ» посажались, поставлялись починки и деревни, — во всякомъ случаѣ первые поселенцы ихъ высылали слугъ своихъ «рабочныхъ людей», либо выѣзжали сами изъ города или изъ деревни во всѣ четыре или пять сторонъ, каждый по своему промышленному уѣзду, «пути и ухажая». У кого были рабочие люди, напр. у князей, у бояръ, у церковныхъ властей, тѣ населяли, при своихъ хозяйственно-промышленныхъ ухажаяхъ или угодыяхъ «рабочными людьми страдомыя деревни», напр. при рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ, «по стольничему пути», ставились деревни рыболовли²⁾, «по ухажаямъ бобровымъ» — деревни бобровниковъ³⁾, при соляныхъ озерахъ и варницахъ населялись «соловарами. водоливами и дрововозами» деревни соловаровъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались нѣкоторые города, наприм. соль галичская, соль вычегодская, соль тотемская и проч. Такимъ же путемъ возникали въ древней Руси и деревни бортники, населявшіяся пчеловодами и бортниками. Въ старину, лѣса русской земли изобиловали бортнями и пчелами. Иностранные путешественники удивлялись безчисленному множеству попадавшихъ въ лѣсахъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчелъ, которыя не рѣдко нападали на пчелъ домашнихъ. Къ числу главныхъ произведеній Московіи западные путешественники относили медъ и воскъ⁴⁾. Вслѣдствіе такого изобилія пчелъ и «бортничихъ и медвяныхъ ухажаявъ», естественно было выводить особыя промышленныя поселенія по этимъ ухажаямъ, и вотъ всѣ землевладѣльцы, князья, бояре, церковныя власти и своеземцы посажаютъ бортники деревни на своихъ бортныхъ путяхъ. Въ московскомъ напр. уѣздѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, изъ поселеній на княжескихъ бортныхъ ухажаяхъ и путяхъ образовался цѣлый бортный станъ⁵⁾. Радонежское село, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, также населено было бортниками⁶⁾, на старѣйшемъ пути московскихъ князей населено было село Добрятинское при добрятинской бортни⁷⁾. Таковы же деревни и слободы: «Смолянныя съ

¹⁾ Польскою землею, по никоновской лѣтописи, въ XII вѣкѣ называлась не только Украина за-Окекая, Рязанская, Степная, Саратовская и Астраханская, но и Ростовско-Суздальская.

²⁾ А. Э. I. № 143, 66, 83.

³⁾ А. Э. I, № 12.

⁴⁾ Географ. извѣст. о древн. Рос. Отеч. Зап. 1853.

⁵⁾ А. Э. I № 72.

⁶⁾ Собр. Г. Гр. т. 1 стр. 77.

⁷⁾ Ibid. № 34.

бортю, Кропивна съ бортники съ кропивинскими, съ именскими, съ гордешевскими и съ рудьскими бортниками, Желѣзкова слободка съ бортю и проч. Бортники, селясь такимъ образомъ на бортныхъ ухажаяхъ разныхъ землевладѣльцевъ, или сами заводя себѣ борти, въ эпоху средневѣковаго господства частнаго права, права сильнаго, въ эпоху сильнаго стремленія къ похищенію чужого имѣнія, частныхъ вторженій за чужую межу и въ чужой лѣсъ, — бортники, естественно, постоянно должны были опасаться похитителей и разорителей пчелъ въ своихъ бортныхъ лѣсныхъ ухажаяхъ¹⁾. Въ эпоху языческую, бортники заговаривались отъ похитителей пчелъ заговоры религиозно-языческіе сохранились и донинѣ. Въ эпоху христіанскую, средневѣковую, при господствовавшемъ тогда представленіи особыхъ святыхъ въ каждой области физической жизни, когда древне-языческіе заговоры передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклѣтія бортникъ — простолюдинъ легко могъ придти къ вѣрѣ въ особыхъ христіанскихъ святыхъ, покровителей и хранителей ихъ пчелъ и бортей. Іосимъ и Савватій Соловецкіе, которые, по преданію, первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составилъ особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника такой: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благоушщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣдами въ мшеникѣ или на пчельникѣ. І. выскѣ изъ громовой стрѣлы огня и положи въ чистый сосудъ и въ тотъ сосудъ положить ростнаго ладону и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ и поставить свѣчу Іосима и Савватія соловецкимъ чудотворцамъ и помолиться имъ съ вѣрою и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ. Три раза аминь». Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленія благодати Господа къ уповающимъ на него», состоящаго изъ псалма: «Живыи въ мощи Вышняго, и проч., читается дважды молитва къ пчеламъ: «Господи Ісусе Христе Сыну Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ) Господи ѡблагослови, аминь». Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ 7. Мы приводимъ здѣсь одну первую, какъ болѣе идущую къ нашей статѣ: «На морѣ-океанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ образъ святыхъ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Марією, и вышніе помощники Божіи Іосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймати крапчика и матку и посадити въ зезль свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезль свой въ правую сторону. Тогда они посланники Божіи Іосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гаріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Пана Римскія земли, въ Римскія горы, и пойдоша путемъ къ западу и

¹⁾ О физической или естественной обстановкѣ пчеловодства будетъ подробнѣе сказано въ очеркѣ земледѣльческаго міросозерцанія.

до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезль свой и пойдоша путемъ къ западу и до востоку. Архангель Гавріиль поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы поднимаются, тако бы подымалася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Саватиємъ Соловецкими чудотворцами силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрныхъ земли, тогда архангель Гавріиль повелѣлъ Изосиму и Савватию бросить въ правую сторону зезль и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святыи отецъ: милостивые посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, возмите зезль свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Святителю. И рече святыи отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнію, сохраненъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ нозѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватию Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустита отъ востока и до запада во всю російскую землю, въ тьмныя лѣса въ угодыя древа, православнымъ христіанамъ и ко мнѣ рабу Божіему (имярекъ). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу Божію во дворѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю російскую землю на канонъ и на воскъ, на фиміянъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утверждение до скончанія вѣка сего, такожде Господи утверди у меня раба Божія (имрекъ), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватей, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба Божія во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверги и полчетверги. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окую отъ всякаго глаза, отъ мужескаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ чернеца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдунницы, отъ еретника и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихого человѣка и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ во граду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ моря покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночью, такъ бы, по повелѣнію Божіему, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (имрекъ),

на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы и отъ водяного потопленія и отъ нечистаго духа и отъ лукаваго человѣка, покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божиимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ и пчельника ни колдуну ни колдуніцѣ, ни еретнику ни еретницѣ; ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злему человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля-замокъ, небо-ключъ 3. Аминь».

II.

Народныя воззрѣнія на міръ и его явленія.

Исторія человѣчества показываетъ, что развитіе человѣческаго самосознанія въ сферѣ Космоса начинается смутнымъ, безсознательнымъ чувствомъ единства и могущества силъ природы, обоготвореніемъ ея, религіей природы (Naturreligion). Перешедши, потомъ, черезъ темный Средній Вѣкъ смѣшенія міровоззрѣній древне-народной космической теологіи, или религіи внѣшней физической природы, съ міросозерцаніемъ теологіи христіанской, или религіи собственно человѣческой природы, переживши періодъ діалектико-метафизической борьбы номинализма и реализма, схоластики и мистики, теологіи, астрологіи и алхиміи, испытавши неудовлетворительность рабскаго возстановленія восточно-классическаго и, въ частности, аристотелевскаго міровоззрѣнія,—съ XVI вѣка, со времени великаго открытія Коперника и реально-эмпирической философіи Бэкона, умственная жизнь человѣчества въ сферѣ природы, или естественное человѣческое самосознаніе начинаетъ озаряться совершенно новымъ, разумно-сознательнымъ, опытно-научнымъ міросозерцаніемъ. вмѣсто религіи природы, сѣвѣрій супранатурализма и теологико-схоластической метафизики, начинаетъ просвѣчивать для человѣчества всеозаряющая и всеживотворящая, какъ солнце, истина природы, разумъ натурализма, раціонализмъ опытнаго естествознанія¹⁾. Въ первый, такъ сказать, архаическій или палеозоическій моментъ развитія естественнаго человѣческаго самосознанія, — міросозерцательное, преимущественно естественно-эпическое творчество принадлежитъ цѣлымъ массамъ народнымъ, и потомъ, ужъ, въ послѣдовательномъ процессѣ развитія естественно-миѳологическаго міровоззрѣнія, дѣлается болѣе или менѣе исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ кастъ, напр. жрецовъ, воиновъ - вѣдуновъ таинъ природы, а у народовъ болѣе развитыхъ, какъ напр. у Грековъ, мало по малу возводится въ сознаніе такъ

¹⁾ Когда Кендлеръ открытъ и изложилъ въ книгѣ простые, или, по его выраженію, *гармоническіе законы* движенія свѣтила, — онъ имѣлъ полное право произнести эти восторженныя слова: „Жребій брошенъ; книга моя написана; нѣтъ надобности, кто будетъ читать ее, современники или потомство; она можетъ подождать читателя *природа ожидала же шесть тысячъ лѣтъ созерцателя ея великихъ явленій*“.

называемых *мудрецовъ, философовъ*, подъ которыми разумѣлись и геометры, и астрономы, и физики, и вообще естествоиспытатели. Въ послѣдній, если можно такъ сказать, неозоическій или неологическій моментъ историческаго развитія естественнаго человѣческаго самосознанія, инициатива новаго, разумно-сознательнаго сближенія человѣка съ природой, инициатива новаго, рациональнаго, научнаго міросозерцанія принадлежитъ отдѣльнымъ гениальнымъ умамъ, наблюденіямъ и открытіямъ. И отъ нихъ уже свѣтъ истиннаго естествознанія мало по малу долженъ озарить всѣ темныя массы народныя, доселѣ блуждающія во тмѣ суевѣрнаго міросозерцанія. Въ этотъ моментъ, такіе гении, какъ Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, Линней, Бюффонъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Гершель, Пуассонъ, Гумбольдтъ, Араго, Лаверье, Риттеръ, и подобные имъ являются первыми свѣтилами разума природы, провозвѣстниками единой вѣчной и всеобъемлющей истины—естественной, космической ¹⁾).

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, по нашему мнѣнію, общій историческій циклъ человѣческаго міросозерцанія. Къ сожалѣнію, намъ приходится сказать вмѣстѣ съ Шлейденомъ, что «мы еще не имѣемъ этой, столь желанной исторіи постепеннаго развитія міросозерцанія. Исторія астрономіи обращаетъ вниманіе, разумѣется, только на первоклассныхъ дѣятелей, съ которыми связанъ дѣйствительный прогрессъ, оставляя въ сторонѣ массы, которыя осуществляютъ собою дѣйствительную жизнь и опредѣляютъ характеръ вѣка. Исторія философіи полагаетъ необходимымъ держаться развитія мысли и ея движенія; и мы не имѣемъ еще, къ сожалѣнію, истинно-живой и подробной исторіи цивилизації. При историческомъ изслѣдованіи этого предмета, мы должны различать три обстоятельства: во-первыхъ, возрѣнія гениальныхъ умовъ, которые обыкновенно опережаютъ свой вѣкъ на цѣлыя столѣтія; во-вторыхъ, то, что признаетъ за истину образованный классъ общества; и въ-третьихъ то, что постепенно перешло въ массу необразованнаго народа. Тогда мы увидимъ, что въ одно и то же время эти различные классы раздѣлены многими столѣтіями въ своемъ развитіи. Самыми незамѣтными для *своего* вѣка остаются передовые люди духовнаго прогресса, которымъ суждено всегда быть болѣе или менѣе мучениками нравственнаго своего превосходства. Два другіе

¹⁾ Начавшись на востокѣ фантастической символизацией и апотеозой явленій *внѣшней природы*, первымъ восходомъ астрологическихъ возрѣній, скудными астрономическими таблицами Индовъ, эстетически проявившись въ художественной гомерически-гелленской, апотеозѣ *человѣческой природы*, въ мифологической космологіи гелленизма, въ зачаткахъ аристотельскаго, гиппарховскаго, птоломеевскаго и галенскаго міросозерцанія и естествоиспытанія, да въ проблескахъ новыхъ открытій Герона Александрійскаго,—совершенно новый свѣтъ міросозерцанія открылся яено въ такихъ новѣйшихъ твореніяхъ, какъ напр. *Philosophiae naturalis principia mathematica* Ньютона, „изложеніе системы міра“ и „небесная механика“ Лапласа, *Systema Naturae* Линнея, *Histoire naturelle* Бюффона, *Prodromus Systematis naturalis regni vegetabilis* Декандоля, *Leçons d'Anatomie comparée* Кювье, *Philosophie anatomique* Жоффруа Сентъ-Илера, Химія Лавуазье, Космосъ Гумбольдта, творенія Араго, Лаверье, Пуассона, Риттера, Кетле, Циммермана и проч., да въ такихъ открытіяхъ, какъ Дреббеля, Янзена, Уатта и т. д.

класса требуютъ, напротивъ, тщательнаго изученія. У обоихъ замѣчаются значительныя разницы, смотря по тому, благопріятствуютъ или нѣтъ внѣшнія условія вліянію великихъ умовъ на образованное общество, вліянію школъ на необразованный классъ народа. Эти разницы, вслѣдствіе которыхъ упомянутые классы то сближаются, то разъединяются, придаютъ данному вѣку то демократическій, то аристократическій характеръ ¹⁾).

Предполагая, главнымъ образомъ, раскрыть дальше земледѣльческое народное міросозерцаніе, я считаю необходимымъ напередъ изложить хотя въ краткихъ историческихъ очеркахъ главныя и важнѣйшія народныя воззрѣнія на міръ и его явленія, насколько позволяютъ находящіеся подъ руками факты и короткій срокъ времени, которымъ покуда могу располагать.

1. Міръ вообще.

«Смутное, ужающее чувство единства силъ природы, — говоритъ Гумбольдтъ, — сродно и дикому. Внѣшній міръ безсознательно сливается у человѣка съ его внутреннимъ міромъ чудесъ. Но одинъ не есть чистое отраженіе другаго. Что у одного дѣлается основаніемъ натуральной философіи, то у цѣлыхъ племенъ остается плодомъ инстинктивной воспримчивости. Здѣсь-то въ пѣдрахъ темнаго чувства, заключается и первое побужденіе къ религіи». Обращаясь къ первоначальному міросозерцанію славянскаго народа, мы примѣчаемъ изъ сохранившихся преданій, что первымъ проявленіемъ природной впечатлительности и воспримчивости славянской природы было именно это общее смутное, ужающее чувство единства силъ природы. Оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ актомъ естественно-религіознаго творчества духа народнаго. Впервые вставши ногой на дѣвственную землю, лѣтомъ покрытую растительностью, зимой — снѣгомъ, ощутивши тепло или холодъ, свѣтъ или тьму, получивъ пищу изъ рукъ матери-природы, или отъ природы же испытавъ неурожай и голодъ, изглянувши на величественныя чудеса звѣзднаго неба, услышавъ первый страшный грохотъ грома, или буйно-могучее, буреломное движеніе воздушнаго океана, — славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, вотъ уже невольно весь сталъ и дитя, и рабъ, и ученикъ природы. Всецѣло преданный всеми живыми чувствами первобытной природы неотразимо-могучимъ и безконечно-разнообразнымъ впечатлѣніямъ міра, — онъ тотчасъ безсознательно, инстинктивно ощутилъ все величіе и могущество окружающаго его непостижимаго мірозданія, полнаго чудесъ, полнаго могучихъ, вездѣсущихъ, непонятныхъ силъ... «Онъ почувствовалъ, что есть что-то могучее въ окружающемъ его мірѣ, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою,

¹⁾ Шлейденъ, Этюды, стр. 224.

требующею полного и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся передъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая мифологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа... Въ періодъ своего младенчества, славянинъ былъ погруженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку: въ ней видѣлъ онъ родное. Самъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, жадно всматривался въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старые, но дѣвственные лѣса. Первые наблюденія, первые опыты его ума принадлежали окружающему физическому міру, къ которому тяготѣли и религія человѣка, и его познанія: и та и другія составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ духомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ славянина столько теплаго, столько изящнаго!»¹⁾

Съ дальнѣйшими наблюденіями надъ природой, съ постепеннымъ накопленіемъ новыхъ и все болѣе и болѣе разнообразныхъ впечатлѣній, умъ славянина, естественно, вызывался къ мысли, къ работѣ надъ этими данными живой, непосредственной наблюдательности. Отъ новости и разнообразія внѣшнихъ физическихъ впечатлѣній умъ доходилъ до разнообразія новыхъ представленій, до распознаванія многоразличія и особенностей самыхъ явленій природы. Такимъ образомъ, естественно начался анализъ первоначальнаго общаго, религіозно-моноистическаго воззрѣнія на природу. И какъ точка зрѣнія на міръ все-таки сохранялась та же — мифически-религіозная, по причинѣ невозможности другого образа воззрѣній, при отсутствіи раціональнаго познанаія дѣйствительныхъ, сокровенныхъ силъ и законовъ физическаго міра, — то и анализъ общаго понятія о природѣ, какъ единомъ божествѣ, имѣлъ характеръ мифически-религіозный. Особенно выдающіяся явленія природы, болѣе уловимыя для впечатлѣнія, болѣе ощутительныя въ быту физическія силы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи, общее понятіе о божествѣ, воплощающее въ себѣ всю природу, какъ единую, мало по малу затемнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе,

¹⁾ Прекрасный взглядъ этотъ высказанъ г. Афанасьевымъ въ Архивъ Калачова 1855, I—III.

соединявшіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. И первоначальная религіозно-моноеистическая точка зрѣнія на міръ, такимъ образомъ, естественно перемѣнились на религіозно-полиэистическую. По вѣрѣ въ одушевленность силъ и явленій природы, по единственно-возможному въ первобытномъ родовомъ состояніи Славянъ пониманію анализа, дѣленія въ формѣ живаго процесса рожденія и родового выдѣленія, раздробленія, -- и религіозно-полиэистическая точка зрѣнія на міръ была, въ частности, космогонико-ѳеогоническая. По мѣрѣ того, какъ расширялся естество-наблюдательный кругозоръ или взглядъ на явленія природы, распознавалось ихъ многообразие, такъ или иначе представлялось ихъ взаимное отношеніе и происхожденіе, ощущалось или подмѣчалось ихъ вліяніе на жизнь природы и человѣка, — по мѣрѣ того, и въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же процессѣ или актѣ мысли и фантазіи, и міръ творился, или составлялась космогонія — одно явленіе міра производилось отъ другаго, и боги рождались, или составлялась ѳеогонія — апотеоза или персонификація явленій и силъ природы въ образѣ живыхъ существъ, боговъ. и наконецъ, творилось природо-подражательное, естественно-изобразительное слово. Такимъ образомъ, и космогонія, и ѳеогонія, и мифологія или эпосъ, и міросозерцаніе развивались вмѣстѣ. И развитіе природы, и распознаваніе составныхъ частей, стихій и явленій ея, и развитіе или народженіе боговъ природы — все это сливалось въ космогонико-ѳеогоническомъ процессѣ религіозно-полиэистическаго міросозерцанія¹⁾. Міръ казался славянамъ-язычникамъ и постепеннымъ откровеніемъ или органическимъ развитіемъ, и вмѣстѣ жилищемъ боговъ, рождавшихся одинъ отъ другаго, начиная ab uno deo, отъ единого божества, олицетворявшаго въ себѣ общее понятіе о природѣ, нисходя, потомъ отъ Сварога — бога неба, небеснаго свѣта вообще до дѣтей Сварога — солнца-царя, огня сварожита и т. д., пока Перунъ, богъ грома и молніи, снова не былъ признанъ верховнымъ господомъ *вселенной*²⁾.

¹⁾ Такъ смотрятъ ученые и на мифологию всѣхъ вообще народовъ. Напр. Sepp, въ своемъ сочиненіи Heidenthum und Christenthum, смотритъ на постепенное развитіе языческаго міросозерцанія именно, какъ на космогоническую ѳеогонию, обозрѣвая генерации боговъ по моментамъ или періодамъ образованія Космоса (creaturlichen Momenten). См. первую часть Kosmische Theologie. Подобное воззрѣніе видно и въ сочиненіи Rink'a, Religion Hellenen. Онъ говоритъ между прочимъ: der Glaube an die Schöpfung, vermöge deren das Weltganze von Gott dem Geiste Dasein hat, ist der Naturreligion an sich fremd geblieben, darum dass sie wenigstens zum Theil die Natur selbst Gott gleich setzte. Nach Art einzelner Organismen entwickelte sich zufolge heidnischer Anschauungsweise auch das All, und Natur und Geist brachen aus einem gemeinsamen Krime hervor. Dieser uranfängliche Weltkeim das ist Chaos, и проч.

²⁾ Первоначальное понятіе о единомъ Богѣ, какъ апотеозѣ единой, цѣлой природы, сохранялось у Славянъ до позднѣйшихъ временъ язычества. Въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: „да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна; да будетъ клясть отъ Бога и отъ Перуна“. Прокопій писалъ: Θεὸν μὲν γὰρ ἐνι, τὸν τῆς ἀστρατῆς θεμιοῦργον ἀπάντων χρόνον μένον αὐτὸν νομίζοντι εἶναι Гельмольдъ: Inter multifloria vero decorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluplates attribuant, non diffitentur unum Deum in coelis, caeteris imperitantem, illum praepotentem coelestia tantum curare: hoc vero distributis officiis sequentes de sanguine ejus processisse, et unum quemque eo

Въ солнечной системѣ, послѣ тьмы ночной, первобытнаго человѣка, естественно, прежде всего и съ особенною ощутительностью поражалъ *свѣтъ*. Свѣтъ составляетъ не только животворную силу, но и главное обозначающее или отдѣляющее начало и условіе красоты міра и созерцанія этой красоты. Конечно, и дознанная теперь скорость свѣта (77,000 льё въ секунду) едва достаточна для приблизительнаго пониманія громаднѣхъ, безпредѣльныхъ размѣровъ видимаго міра. Но все же, и для первобытнаго человѣка, ясный солнечный свѣтъ обусловливалъ возможность обзора наибольшаго пространства окружающаго міра. Вслѣдствіе такого впечатлѣнія свѣта на кругозоръ человѣка, Славяне называли *міръ свѣтомъ*, *блѣтымъ свѣтомъ*. Какъ греческ. *κοσμος* опредѣляетъ собственно понятіе о прекрасномъ, гармоническомъ, изящномъ устройствѣ міра, латинское *mundus* тоже означаетъ чинный, блестящій, стройный порядокъ міра, — такъ и славянское названіе міра *блѣтымъ свѣтомъ* выражаетъ собственно понятіе о свѣтовой матеріи, о блескѣ и красотѣ видимаго, освѣщаемаго небеснымъ свѣтомъ міра. Точно также литовск. *swietas*, древне-прус. *switai*, волонш. *lume*, венгер. *vilag* означаютъ *свѣтъ* и *міръ*¹⁾.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ расселеніемъ славянскихъ племенъ, какъ говорится въ актахъ, *по землѣ и по водѣ, по рѣкамъ, на лѣсахъ и въ поляхъ*, вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ распространеніемъ славянскихъ земскихъ міровъ и съ устройствомъ изъ цѣлаго пространственнаго объема, изъ естественно-земской совокупности ихъ цѣлаго земскаго, географическаго міра, *всего міра*, — въ міросозерцаніи славяно-русскомъ развилось новое, болѣе тѣсное представленіе о физическомъ мірѣ, о вселенной. Тогда народъ еще не могъ разсматривать и понимать внѣшнюю природу въ отвлеченности отъ себя самого, отъ своего земскаго кругозора и быта. Какъ все его земское, бытовое міроустройство было чисто естественно, опредѣлялось непосредственно натуральными условіями и двигателями, шло напр. *по передѣламъ рѣчнымъ*, или *по веревкѣ*, т. е. по измѣренію земель веревкою, или *по ухажаямъ борнымъ, бобровымъ, рыболовнымъ* и т. д., или, наконецъ, такъ, *куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха*: такъ и міросозерцаніе славяно-русскихъ племенъ не выходило изъ этой узкой, тѣсной геометрической или географической среды земскаго міроустройства. И въ позднѣйшее время, въ XVII вѣкѣ, поселенцамъ острововъ Бѣлаго моря и сѣвернаго поморья материкъ русской земли казался цѣлой *вселенной*: такъ они называли ее²⁾. Точно такимъ же образомъ, и первоначально, въ эпоху своего расселенія по огромнымъ пространствамъ сѣверо-востока и

praestantiores, quo proximiores illi Deo deorum. Chron. slavor. Объ умноженіи или рожденіи боговъ, вслѣдствіе начавшагося анализа природы, см. Полн. Собр. Лѣт. 11, 5. Въ словѣ и откров. св. апостолъ читаемъ о славянахъ: „и до сего дне есть въ поганыхъ: глаголють бо, ово суть бози *небесни*, а друзи *земни*, а друзи *польстѣи*, а друзи *водни*, и проч. Лѣт. р. литер. кн. 5, 11, стр. 5.

¹⁾ Grimm, D. M. 753—755.

²⁾ Земля Московскаго государства постоянно называется въ грамотахъ Соловецкому монастырю Аѳонасія архіепископа Холмогорскаго *вселенной*. Рукп. Солов. Сборн. архіер. грам. № № 19 и 20.

географическаго распространенія міровъ, — Славяне, по своимъ понятіямъ о вселеніи и мірѣ, называли вселенной, *всѣмъ міромъ* и все это, исполненное могучихъ силъ, необъятное никакими механическими произведеніями, непостижимое для человѣческаго ума, безконечное космическое пространство. Иначе, и силъ, и средствъ не хватало у первоначальной неразвитой мысли, неспособной къ глубокимъ и обширнымъ отвлеченностямъ, и у первобытнаго природо-подражательнаго языка младенствующаго народа, чтобъ выразить въ полномъ объемѣ идею космоса. Узкій геометрический или умственный кругозоръ Славянъ, не простиравшійся далѣе предѣловъ пхъ географическаго, земскаго міроустройства и міросозерцанія, только и могъ выработать для выраженія общаго понятія о мірѣ два такихъ естественно-бытовыхъ слова, какъ *весь міръ* и *вселенная*, которыя одни во *всѣмъ языкѣ* наглядно, чувственно-образно выражали представленіе о самомъ наибольшемъ воображаемомъ пространствѣ. И не одни славяне первоначально такъ суживали въ своихъ воззрѣніяхъ безпредѣльный объемъ міра. Почти во *всѣ* времена, до великаго открытія Торунскаго каноника, люди считали себя и населенную ими землю центромъ, средоточіемъ міра, пока Коперникъ не разбилъ это невѣжественное самообольщеніе человѣчества. Греки называли міръ также отъ узкаго района и средоточія своихъ или вообще человѣческихъ поселеній — οἰκουμένη и μέσση. Ульфила перевелъ эти слова по готски midj-ungard, а греческ. κόσμος перевелъ παναίρος, что означаетъ *virorum satus*, сѣмя мужей, людей, и родственно греческ. λαός, народъ. Нѣмцы и скандинавы представляли и называли міръ midgardr, mittingard, mediegard и т. п. Такъ точно и Славяне, по пространственному объему и кругозору всего своего земскаго міроустройства и міросозерцанія, какъ по возможно-наибольшей геометрической или географической величинѣ, называли и *весь космосъ вселенной* и *всѣмъ міромъ*, отъ умозрительной комбинаціи *всѣхъ* своихъ земскихъ міровъ и поселеній, взятыхъ въ совокупности. Въ такомъ значеніи, славяно-русское понятіе о мірѣ встрѣтилось съ христіанскимъ греческимъ міровоззрѣніемъ, и въ такомъ смыслѣ употреблено въ *первмъ переводѣ* на славянскій языкъ евангелія и апостола. Въ древнемъ переводѣ чтеній евангелія и апостола слова *весь міръ* употреблены, какъ равнозначительное греческ. κόσμος. Напримѣръ: явился *всему міру* — πανέροτον σαυτὸν τῷ κόσμῳ (Іоан. VII, 4); прежде сложенія *всего міра*: πρὸ καταβολῆς κόσμου. (Ефес. I, 4). Въ такомъ же значеніи слово *весь міръ* употреблено въ извѣстныхъ договорахъ съ греками. Русскіе, заключая міръ съ греками, хотѣли сѣтворити любовь . . . съ *всѣми людьми* греческими на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и *весь міръ* стоитъ, т. е. свѣтитъ солнце и существуетъ вселенная. Впрочемъ, слово *міръ* и отдѣльно безъ *всѣ* употреблено въ значеніи κόσμος, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго выраженія втораго договора Олега съ греками: въ лѣто отъ збданія *міру*, и проч. Греческ. οἰκουμένη переводилось почти однозначительнымъ словомъ *вселенная*¹⁾).

¹⁾ Какъ греч. οἰκουμένη происходитъ отъ οἶκος домъ, мирная обитель, такъ и славян. *міръ* первоначально означало миръ, мирная обитель, кругъ семьи. Равнымъ

Въ то время, когда начался мифологическій анализъ явленій природы и производимыхъ ими на человѣка впечатлѣній, и когда славяне вели еще звѣроловный или пастушескій бытъ и только что переходили къ земледѣльческому, — необъятная и непонятная громада мірозданія возбуждала въ пытливыхъ умахъ бездну вопросовъ, давала бездну живыхъ образовъ и впечатлѣній живой, пылкой фантазіи славянина, рождала множество новыхъ своеобразныхъ, наивныхъ представленій въ его младенческой мыслительности. Пытливая любознательность все больше возбуждалась. Между тѣмъ, славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, ясно, подробно и отчетливо зналъ только то, что онъ ловилъ звѣрей, пасъ скотъ, топилъ очагъ, ходилъ по полямъ, и т. п. А вокругъ, въ необъятномъ пространствѣ вселенной, особенно въ звѣздной природѣ, все было для него изумительно, таинственно, загадочно, непонятно, невыразимо. Зооморфическій эпосъ не успѣвалъ и во всей цѣльности и яркости не могъ комбинировать безконечныя, поразительныя впечатлѣнія природы въ самые разнообразныя и причудливыя мифическіе образы самой широкой, игривой, животворческой юной фантазіи. Ни разнообразныя пѣсни, всецѣло посвященныя природѣ, полныя самага теплаго, самага живого сочувствія и созвучія съ природой, ни коло хороудное — этотъ весенне-жизненный, естественно-соціальный символъ солнца, — ни обрядовыя игры и забавы, такія наивно простыя, естественно-художественныя и здоровыя увеселенія старыхъ и молодыхъ поколѣній обоихъ половъ въ гостяхъ у природы, на поляхъ, на лугахъ, — вовсе не выражали, въ своихъ символическихъ формахъ и въ эпическихъ изображеніяхъ природы, не только всей широты, высоты, полноты и глубины неба и земли, но и тѣхъ впечатлѣній, образовъ и думъ, какія непрерывно порождала природа въ пробуждавшейся мысли и фантазіи. Впечатлѣнія и представленія, наконецъ, становились для пробужденной пытливой любознательности неотразимыми, невольными, даже мучительными вопросами. И вопросы эти копились, по мѣрѣ накопленія новыхъ впечатлѣній и представленій. Работа анализа совершалась дѣятельно въ любознательномъ, пытливомъ умѣ, начавшемъ различать и обозначать осо-

образомъ, и коренной смыслъ слова *вселенная* собственно намекаетъ на самое первое *вселеніе* семьи въ избу, въ домъ. Потомъ уже, постепенно расширившись до болѣе общаго и отвлеченнаго значенія, слова *миръ* и *вселенная* стали означать мірозданіе. Отсюда это эпическое сближеніе свѣтилъ космоса съ теремомъ и съ семьей:

Чюдо въ теремъ показалося:
 На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
 На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
 На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
 На небѣ заря — въ теремѣ заря...
 Первый теремъ — свѣтель мѣсяцъ
 Другой теремъ — красно солнце
 Третій теремъ — часты звѣзды.
 Свѣтель мѣсяцъ — хозяинъ самъ,
 Красно солнце — хозяйюшка,
 Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

быми названіями отдѣльныя явленія и части міра. При неразвитости въ мышленіи силы отвлеченія и обобщенія, возникали уподобленія, сравненія, а отсюда — пословицы, притчи (παροιμία, παροιμία). Явилась сродная съ ними загадка — первый актъ рождавшейся потребности познания природы, первый смѣлый вопросъ пробужденнаго разума о таинственныхъ силахъ и явленіяхъ міра. Какъ все тяготѣло человѣка къ внѣшнему, окружающему міру, исполненному таинъ и чудесъ — и быть и вѣрованія, — такъ и пословица и загадка прежде всего остановились на вопросахъ о мірѣ, о вселенной. Какъ по скандинавскому преданію, извѣстному подъ именемъ Wathfrudnismal, богъ Одинъ, скрывшись подъ видомъ путника (gángrädr), соперничая загадками съ великаномъ изъ рода іотовъ, именемъ Ватфрудниромъ, — задавалъ ему загадки прежде всего о мірѣ, изъ космогоническихъ преданій скандинавовъ: «Откуда произошли въ началѣ земля и небо? Отъ чего у насъ мѣсяцъ, что ходитъ надъ людьми, и отъ чего у насъ солнце? Отъ чего у насъ день, что ходитъ надъ народами, и отъ чего у насъ ночь съ новолуніемъ?» Такъ и по славяно-русскому эпосу, передъ временемъ распространенія на Руси христіанства Владиміромъ, уже занимали пытливые умы народные такіа загадки:

Отъ чего у насъ бѣлый свѣтъ?
 Отъ чего у насъ солнце красное?
 Отъ чего младъ свѣтель мѣсяцъ?
 Отъ чего звѣзды частыя?
 Отъ чего ночи темныя?
 Отъ чего зори утренни?
 Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
 Отъ чего у насъ міръ-народъ?

Въ эту то эпоху загадочнаго, приточнаго образа міровоззрѣнія, еще во времена пастушескаго быта нашихъ предковъ — славянъ, образовалось общее образно-пастушеское воззрѣніе на вселенную, и, воспринявъ въ послѣдствіи нѣкоторые оттѣнки земледѣльческаго культа, сохранилось въ крестьянствѣ до нынѣ. Когда настала пора міросозерцательнаго анализа и естество-испытательной загадки, — пытливый, но не дальнзоркій умъ пастуховъ - славянъ ясно примѣчалъ на безпредѣльной темнолубой синевѣ звѣзднаго неба разнообразіе свѣтилъ, замѣчалъ особенность или отличіе земли отъ солнца, луны и звѣздъ, но не могъ обобщить все это разнообразіе міровыхъ тѣлъ въ одно общее представленіе о вселенной, не могъ объять всей безпредѣльной, необъятной цѣлости космоса, не могъ понять внутренняго состава, механизма и движенія мірозданія, и все это выразить въ общемъ, отвлеченномъ опредѣленіи. Доступная, непосредственно ближайшая точка кругозора была одна — пастушески-бытовая. И вотъ, пытливый, любознательный умъ славянъ-пастуховъ, гадая о чудесахъ звѣзднаго и земного міра, бралъ образы для выраженія своихъ впечатлѣній и наблюденій отъ своего пастушескаго, скотоводнаго быта. Но могъ ли такой ничтожный, узкій кругозоръ, какъ первобытно-пастушеская точка зрѣнія, объять безконечное, необъятное пространство космоса, вдругъ, во

всей его цѣльности, полнотѣ и гармоніи? Могъ ли умъ младенчествующаго народа понять законы и механизмъ мірозданія, для объясненія котораго нужны тысячелѣтніе труды современныхъ геніевъ, могъ ли, слѣдовательно, выразить идею Космоса, — на что нуженъ геній Гумбольдта! По неволѣ, младенчествующій, пастушескій умъ созерцалъ и представлялъ чудеса вселенной такъ, какъ они непосредственно, наглядно казались простому глазу, различалъ и комбинировалъ только отдѣльныя, наиболѣе поразительныя части вселенной, а фантазія облекала эти воззрѣнія и представленія образами пастушескаго быта, заимствуя ихъ изъ земско-бытовой дѣйствительности и наглядности. Недостаточными оказывались образы быта, — ихъ восполняли впоследствии чертами земледѣльческихъ и домашнихъ понятій, а позднѣе, когда стали познавать книжную мудрость, прибѣгали и къ болѣе или менѣе отвлеченнымъ представленіямъ. И все таки, отъ временъ отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаговаго воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, сколько умнѣе, находчивѣе, хитерѣе ловко изворотливѣе въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковымъ смысломъ и опытомъ народнымъ, — столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи, — въ чемъ, впрочемъ, вовсе не онъ одинъ виноватъ... Весь опутанный, заваленный, задавленный житейскими заботами, коснѣя почти въ первобытномъ состояніи непосредственно натурального сельскаго и городского хозяйства, весь погруженный, такъ сказать, въ землю, въ земледѣліе, да въ простое, элементарное ремесло, — простой народъ нашъ едва ли когда и возвышаетъ серьезно, пристально, пытливо свою мысль въ безпредѣльныя высоты мірозданія, едва ли можетъ, при теперешнихъ бытовыхъ и умственныхъ условіяхъ, оторваться отъ земного кругозора и возвыситься до общаго, возможно отчетливаго, разумнаго представленія и обобщенія тѣхъ чудесъ, какія раскрываетъ намъ «Космосъ» Гумбольдта. Онъ и теперь не имѣетъ общаго, разумно сознательнаго понятія о мірѣ, и не мыслитъ иначе объ немъ, какъ въ старой формѣ притчи, загадки, пословицы. Въ своемъ вѣковѣчномъ мірскомъ словѣ, въ загадкѣ и пословицѣ, онъ доселѣ повторяетъ, съ небольшими измѣненіями, то извѣковѣчное общее воззрѣніе на вселенную, какое образовалось во времена пастушескаго быта и отчасти восполнилось въ послѣдующій періодъ земледѣльческой культуры. Привнесены только нѣкоторыя черты изъ средневѣковой исторіи полеводства и скотоводства, напр., представленіе звѣздъ подѣ образомъ скота монастырскаго, астраханскаго, или книжное представленіе о стояніи неба и земли, и т. п. Вотъ какія воззрѣнія на вселенную высказываетъ нашъ сельскій народъ, въ формѣ загадокъ, въ своихъ пословицахъ: «Велико поле колыбанское, много на немъ скота астраханскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Поле поливанское, много скота Ивановскаго, одинъ пастырь и два яхонта (небо, звѣзды, Богъ, луна и солнце). На морѣ на Коробанскомъ, много скота тараканскаго, одинъ пастухъ Ко-

ролецкій (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Широко поле Карагайское, на немъ много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка (тоже). Есть поле сіяское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Полна печь перепечей, среди печи коровой (небо, звѣзды и мѣсяцъ). Разстелю рогожку, насыплю горошку, поставлю квасу кадушку, положу хлѣба краюшку (небо, звѣзды, мѣсяцъ, воздухъ, дождикъ). Два стоящихъ, два ходящихъ и два минующихъ (небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь). Два стоятъ, два ходятъ, двое промежъ ними часы стерегутъ (небо и земля, солнце и луна, день и ночь). Цвѣтетъ безъ цвѣту, стоитъ безъ отвѣту, безъ коренья, выше лѣсу, чаще рощи, безъ умолку, безъ перемѣны (Папоротникъ, конь, камень, свѣтель мѣсяцъ, часты звѣзды, рѣки, воля Божья). Поле войлочное, огородъ кожанный, овцы аржанскіе, пастухъ уховскій (небо, земля, лѣсъ, лѣшій). Сколько до неба высоко, по землѣ широко, до мертвыхъ далеко? Если бъ высоко, то тамъ бы гремѣло, а здѣсь бы не слышать было; если бъ широко, то солнышко въ семичасовой день не обошло бы кругомъ; а умеръ отецъ и дѣдъ—такъ ихъ и нѣтъ. Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся (небо и земля). Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубъ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце)»¹⁾.

Изъ этихъ возрѣній народныхъ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ народныя пословицы, черезъ граматниковъ, изъ книжной литературы, изъ азбукъ и прописей, изъ апокрифической бесѣды трехъ святителей, изъ сборниковъ. Старая книжная, особенно апокрифическая литература, сохраняющаяся и теперь въ массѣ народной, не чужда была космологическихъ загадокъ. Напр., въ повѣсти о Дмитріи Кіевскомъ купецъ и его сынъ «добромудромъ (мысль)» читаемъ: «рече царь (Несмѣянъ Гордяевичъ): тебѣ глаголю, дѣтище, загадку мою: много ли тово, или мало отъ востоку и до западу, — скажи ми? И глагола дѣтище: загадку твою отгадаю: тово, царю, ни мало, ни много—день съ ночью: солнце проидеть въ кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а ночью единою солнце проидеть отъ сѣвера до юга; то тебѣ, царю, моя отгадка». Въ рукописной прописи 1749 года встрѣчаемъ такія общія космологическія загадки: *Вопросъ*. Сколь высоко отъ земли до небесъ, а отъ небесъ до земли, а отъ земли до бездны, сколь глубоко? *Отвѣтъ*. Небесную высоту невозможно человѣку исповѣдать, тоцію измѣрилъ отъ небесъ до земли и отъ земли до бездны сатана — за гордость сверженъ бысть съ небеси. *Вопросъ*. Два стоятъ и два идутъ и два минуются. *Отвѣтъ*. Два стоятъ — небо и земля; два идутъ солнце и луна, два минуются день и ночь²⁾. Въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей: В. что есть дивнѣя всего чело-вѣку? — Толкъ: небо и земля дивно и все дѣло Вышняго. В. рече: что высота небесная, широта земная, глубина морская? Иванъ рече: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ. Въ одномъ Солов. сборникѣ эта космологическая загадка

¹⁾ Сборн. пословицъ Дала, подъ словомъ: *вселенная*.

²⁾ Архивъ Колачева, кн. III, отд. III, 14—17.

рѣшается такъ: В. что есть широта, и долгота, и высота? Толкъ: знаменуетъ убо высотой *небесная*, глубиною же *преисподняя*, широтою же и долгиною *послѣдняя концы* всеильною державою содержима. Сѣбо образъ божественный Давидъ воспѣлъ есть, глаголя: аще възду на *небо*—се есть *высота*; аще сниду во адъ—се есть *глубина преисподняя*; аще возму крылѣ мои рамо—се есть *солнечное восхождение*, се есть *широта*; аще вселюся въ послѣднихъ моря—се есть *западные страны*, се есть *должина* ¹⁾. Такими пустыми міросозерцательными загадками занимались древніе книжники, граматники. Сами они ничего не писали о природѣ, и, вотъ, только и переписывали такіа отрывочныя и большею частію бессмысленныя замѣтки о физическомъ мірѣ, пропитанныя восточнымъ спиритуализмомъ и догматизмомъ. Настоящаго понятія о мірѣ книжники, грамотѣи, такъ же какъ и безграмотный народъ, не имѣли. А читали, напримѣръ, такіа опредѣленія міра: «міръ троякъ: первый міръ невидимый, различные родове ангельскіе, разумные духи свѣтовидные; второй міръ — небо и земля и вся яже въ нихъ; третій міръ въ грядущемъ вѣкѣ. Сей весь міръ сынъ Божій сотвори» ²⁾. Или повторяли византійскія уподобленія міра яйцу, возникшія еще на востокѣ изъ мнооувъ о космогоническомъ или міровомъ яйцѣ. Напр.: «о великѣ дни и о яйцѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яйцу: скорлупа аки *небо*, плева яко *облацы*, бѣлокъ яко *вода*, желтокъ яко *земля*,» и т. д. ³⁾.

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра. Почти всѣ индоевропейскія космогоническія преданія, въ основныхъ началахъ, ведутъ свое происхожденіе отъ пламеннаго восточнаго воображенія. Въ древности не знали современныхъ наукъ геогнозіи и геологіи, которыя, на основаніи опытовъ, раскрываютъ намъ грандіозную картину естественно-историческаго самообразования міра. Тогда только занимались мнѳологической космогоніей и, еще частице, геогоніей, такъ какъ землю считали центромъ мірозданія. При отсутствіи положительныхъ знаній, при пламенности восточной фантазіи, — восточныя космогоніи наплодили множество разныхъ фантастическихъ ученій о мірозданіи. Всѣ эти восточныя сказанія, на разные лады мнѳологически варіировавшія ученіе объ образованіи земли изъ яйца разныхъ птицъ, изъ воды, при содѣйствіи огня и проч.—перешли въ началѣ христ. эры къ первоначальному христіанству и, въ смѣшеніи съ еврейскимъ и христіанскимъ космогоническимъ ученіемъ, породили разные гностическія ученія о мірѣ и его происхожденіи. А изъ этихъ источниковъ, черезъ апокрифы, перешли и къ славянамъ. Древнія космогоническія преданія славянъ, источникъ которыхъ теряется въ общихъ индо-европейскихъ сказаніяхъ, и которыя сохранились до насъ въ обломкахъ, въ отрывочныхъ сказаніяхъ, напр., въ преданіи объ образо-

¹⁾ Сборн. Солов. библи. № 864.

²⁾ Рукоп. В. И. Григоровича. Сборн. начинающ. Симфоніей или своднымъ указателемъ текстовъ св. писанія.

³⁾ Сл. Plinii. Histor. Natur., t. I, p. 1: *ἔμενον τοῦ ὅλου ἀρχήματα χόσμος* и проч.

вательныхъ элементахъ *царь-огнь* и *царица-водъ*, объ островѣ буянѣ и морѣ-океанѣ, о космогоническомъ яйцѣ, о голубяхъ, участвовавшихъ въ твореніи міра, объ огненномъ морѣ и огненной рѣкѣ или нештуническомъ и вулканическомъ процессѣ земной внутренности, о дубѣ первопосаженномъ, объ участіи въ твореніи міра чернобоговъ и бѣлбоговъ ¹⁾, и т. п., — всѣ эти смутныя языческія преданія смѣшались, въ средніе вѣка, съ восточно-христіанскими, и, въ частности, съ апокрифическими, манихейскими и гностикобогомилъскими сказаніями. Въ новой, христіанско-апокрифической формациі, они выразились разнообразно. Въ однихъ преобладаетъ апокрифо-космогоническій, язычески-гностическій и манихейско-богомилъскій дуализмъ. Міръ творили, по этимъ сказаніямъ, два начала: предвѣчное, высшее существо Саваофъ (ὁ σαβωθ) ²⁾ и противоположное ему темное, злое существо — сатана (ὁ σατανας), по нашимъ народнымъ сказаніямъ, *сатаналъ* и *чортъ*. Такъ излагается это космогоническое міровоззрѣніе въ извѣстной апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, возникшей подъ вліяніемъ восточно-гностическихъ и манихейско-богомилъскихъ ученій, и занесенной къ намъ первоначально, вѣроятно, изъ Болгаріи или Сербіи. Въ одной редакціи ея, вѣроятно, сербо-болгарской, сообщенной намъ В. И. Григоровичемъ, такъ изображается твореніе міра: «прежъ земли бысть Господь Саваофъ — въ трехъ комарехъ на воздухѣхъ. И помысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго сына Божіа господа нашего Іисуса Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на семидесяти тѣмахъ тысящъ и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; мразъ — отъ лица Господня, а громъ — гласъ господень въ колесницѣхъ огненныхъ утверждень, а молнія — слово господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце — отъ нутреннія изы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздухѣхъ. И рече Господь: буди на земли море тивиріадское, вода соленая. И сине господь по воздуху на море тивиріадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ета надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь: сатанѣ, понурися въ море, и вынь земли и камень, и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камня, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искръ огненныхъ Михаила архангела и Гавріила — взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камня (сотвори) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля» ³⁾. Это сербо-болгар-

¹⁾ Народныя космогоническія сказанія подробно изложены нами въ Правосл. Собесѣдн. въ апрѣльск. кн. за 1861 годъ. См. также объ этомъ: во Временникѣ статьи Афанасьева объ островѣ Буянѣ, Буслаева — историч. очерки народн. литер. 1. 143—150.

²⁾ Иначе: πατήρ ἀγνόςτος, по геллинск. гносеу ἡ μένεις, θεός ἀβύστος, по египет. гносеу ꝓꝓꝓꝓꝓꝓ, πρωτότοκος, πρωτοκλή.

³⁾ Изъ выписокъ В. И. Григоровича: изъ сборника М. Стѣпче. Въ XII вѣкѣ волхвы русскіе высказывали подобное дуалистическое космогоническое представленіе.

ское воззрѣніе сильно отразилось въ нашемъ народномъ космогоническомъ міросозерцаніи. На разныя варіаціи, оно повторяется почти во всѣхъ концахъ русской земли. Не только крестьянскіе грамотники, но и дьячки, особенно старые, доселѣ переписываютъ апокрифич. бесѣду трехъ святителей въ свои сборники и тетрадки. По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатанаилъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портить и творить безобразныя созданія — гадовъ, мошекъ или неровности земныя — горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонію. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морского, и проч. Разные варианты и образчики современной, чисто русской народной редакціи космогонической части апокрифической бесѣды изложены нами въ другомъ мѣстѣ. Не повторяя ихъ здѣсь, мы приведемъ простонародный русскій рассказъ о сотвореніи міра изъ сборника г. Якушкина: «сталъ господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіанъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіанъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, — на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынулъ: глядь — всю землю водою размыло. Опустился въ другой, — тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по Божьему повелѣнію, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодами. — «Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу: — ты будешь меньшой братъ, я большой!» — Господь усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями равными». — Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!» — Возми, говоритъ Господи, возми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы». — Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изъ всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убіжалъ въ преисподнюю. — Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны Божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть» ¹⁾. Этою сентенціею заключается русскій рассказъ, соотвѣтствующій извѣстной сербской сказкѣ въ сборникѣ Вука Караджича ²⁾.

Въ другихъ народныхъ русскихъ сказаніяхъ о мірозданіи, подѣ влияніемъ старыхъ мифологическихъ и новыхъ, библейско-христіанскихъ представлений, выразился своеобразный антропоморфическо-космогоническій эманатизмъ. Или, просто, различныя части міра производятся изъ тѣла Божія, а человѣкъ — отъ важнѣйшихъ и существенныхъ составныхъ частей

¹⁾ Извѣст. руск. литерат. кн. II (1859), стр. 100.

²⁾ Въ сборн. Солов. библ. подл. № 925.

природы. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ такъ изображается происхожденіе міра и человѣка:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самаго Христа Царя небеснаго;
Младъ свѣтель мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйныя отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
У насъ міръ—народъ отъ Адамія;
Кости крѣпки отъ камня;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь руда наша отъ черна моря.

Это космогоническое міровоззрѣніе, особенно преданіе о сотвореніи человѣка изъ составныхъ физическихъ элементовъ, глубоко вкоренилось въ народныя вѣрованія. Въ бесѣдѣ трехъ святителей, съ небольшими отиѣнами, постоянно повторяется такое представленіе: «Г. р. отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? В. р. отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камня кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта... (по вар.) духъ» ¹⁾. Это космогоническое представленіе о составѣ человѣческой природы доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духовоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ *мирномъ тѣлѣ*. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это суевѣріе достойно замѣчанія еще потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Въ нѣмецкой поэмѣ о четвероевангеліи XII вѣка такъ же представляется созданіе жилъ изъ корней, волосъ изъ травы, ума отъ облака и глазъ отъ солнца:

¹⁾ Сборн. Сол. библ. № 925. Последнее слово неразобрано въ рукописи. Надобно замѣтить, что по примѣру Григорія Богослова, наши старинные книжники любили сравнивать микрокосмосъ съ макрокосмосомъ, и въ человѣкѣ видѣли отраженіе космоса. Напр., въ вышеупомянутомъ сборникѣ В. Н. Григоронича читаемъ: „Богословцы рѣша, яко человѣкъ есть второй міръ малъ: есть бо *небо* и *земля*, и *яже* на небеси, и *яже* на земли, видимая и невидимая: отъ пупа до главы яко *небо*, и паки отъ пупа до нѣзья его часть яко *земля*; ибо земля имѣетъ силу рождательную и прохождение воды и звѣрей тѣлесоразличительныхъ (*sic*); тако и въ сей нижней части человѣка сія суть. Паки же въ горней части его, яко на *небеси саттѣла*, *солнце* и *луна*, *громъ*, *вѣтръ*, *снѣгъ* и въ человѣкѣ и во главѣ, *очи* и *глазъ* и *дыханіе* и *мгновеніе ока*, яко *молнія* скорошественно, *наппаче* же *вѣхъ умъ*, *вся видѣя*, *видимая* и *невидимая*, и *обдержѣ* яко *горетію*, *скорошественъ*, *проходя* *невозбранно* *небо* и *землю*“, и т. д.

Von den wrcen gab er ime (Богъ челоувѣку) di âdren,
 Von dem grase gab er ime daz hâr,
 Von den wolchen daz mût
 Dû habet er ime begonnen
 Der ougen von der sunnen ¹⁾).

По одной колядкѣ Карпатскихъ руссовъ, міръ творятъ два голубка, сидящіе на дубовыхъ древахъ, которыя одни только во всемъ свѣтѣ поднимались изъ всемірнаго, необъятнаго океана. И творили они міръ изъ камушка и песочка. Чтобы видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, приведемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
 Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по землѣ!
 Втоды не було неба ни земли,
 Неба ни земли, нимъ сине море.
 А середь моря та два дубойки:
 Сѣли—упали два голубойци,
 Два голубойци на два дубойки,
 Почали собѣ раду радити,
 Раду радити и гурковати:
 Якъ мы маемо свѣтъ основати!
 Спустиме мы ся на дно до моря:
 Вынеме си дрибного писку,
 Дрибного писку, синѣго каменье,
 Дрибный писочокъ посѣме мы,
 Синей каменецъ подунеме мы,
 Зъ дрибного писку—чорна землиця,
 Студена водиця, зелена травниця,
 Зъ синего каменця—синьее небо,
 Синьее небо, свѣтле сонейко,
 Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ
 Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки ²⁾).

Эта колядка имѣетъ связь съ цѣлымъ космогоническимъ эпосомъ. Мнѣ о сотвореніи неба и земли отъ птицы ведетъ свое начало съ Востока. По еврейскому преданію, Духъ Святой, въ видѣ голубя, носился надъ міровой матеріей и оживотворялъ ее. По ассирійско-вавилонскому мнѣ, въ началѣ положено было въ Евфратъ огромное яйцо Неба, рыба выбросила его на берегъ, голубь высидѣлъ это яйцо, и изъ него началъ твориться міръ. По Геродоту, баснословная птица фениксъ, которую нѣкоторые также считаютъ за голубя, юная птица времени, первая образовала изъ мирры

¹⁾ Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X вѣка—такое же представленье: Octo pondera de quibus factus est Adam: pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.

²⁾ Сборн. русск. дух. стиховъ, сост. Варенцовымъ, 239.

(смирны) яйцо, положила его къ своему отцу, и скрыла въ святилищѣ Гелиоса въ Египтѣ: изъ этого яйца развился міръ ¹⁾. По финскому эпосу, въ началѣ, когда ничего не было, кромѣ моря, орелъ свилъ гнѣздо на колѣнѣ Вейнэмейнена, и положилъ въ него яйцо: Вейнэмейнентъ, почувствовавъ въ себѣ теплоту, ухватился за колѣно; яйцо упало въ море, и онъ сотворилъ изъ него землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ—дерево міровое, священное, принадлежащее преимущественно Перуну. Подъ образомъ дуба-стародуба, народъ нашъ созерцаетъ вселенную. Такъ въ пословицѣ своей онъ гадаетъ о вселенной: «стоитъ *дубъ-стародубъ*, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница; никто ее не поймаетъ; ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце) ²⁾. О всемірномъ дубѣ въ одной выдержкѣ изъ рукописи проф. Григоровича читаемъ: «Вопросъ: Скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: Вода высока.—Да что держитъ камень?—Четыре золотые кита.—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—Рѣка огненная.—Да что держитъ тотъ огонь?—Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части.—Да что держитъ тотъ огонь?—*Дубъ желѣзный, еже есть первопосяженъ отъ всегоже, кореніе на силу Божіей стоитъ*». Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ описано міровое древо жизни: «А посреди рая древо животное, еже есть божество. И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханье; а отъ корня его текутъ млекою и медомъ 12 источниковъ». Этому всемірному древу соотвѣтствуютъ греческое космическое дерево *Μελία*, ясенъ ³⁾, и особенно скандинавское міровое дерево иггдразиль (*Uggdrasil*), которое обнимаетъ небо, землю и преисподнюю (*Hölle, Flammenwelt, Todtenwelt*). Древо это ясенъ—*fraxinus* (*askr*); вѣтви его простираются на весь міръ и достигаютъ до неба: три корня простираются на три конца: одинъ на небо, по асамъ, другой по *hrimpursen*, третій по преисподней; подъ каждымъ корнемъ течетъ чудесный источникъ, именно: изъ-подъ небеснаго корня—*Urdarbrunnr*, изъ корня ризъ (изъ рода Эльфъ, Норнъ)—*Mimisbrunnr*, изъ корня преисподняго—*Hvergelmir*: всѣ эти источники священны. Пѣсня *des Warthburger Krieegs* такъ изображаетъ это всемірное дерево:

Ein edel boum gewachsen ist
In eime garten, der ist gemacht mit höher list;
Sîn urzel kan der helle grunt erlangen,

¹⁾ Sepp, Heidenthum und Christenthnm, Kossmische Theologie, s. 45.

²⁾ Пословицы.—Далъ: *Вселенная*.

³⁾ Rink. Religion Hellenen I. Виргиліи о распространеніи дерева ясени по всему воздуху и до тартара (Georg. 2, 291) писать:

*Aesculus in primis, quae quantum cortice ad auras
Aeternas, tantum radice in tartara tendit.*

У Іоанна Дамаскина въ его *πρῶτη καὶ δευτέρα* есть подобная басня.

*Sin tolde (für: sol der) rüeret an den trôn
 Dâ der süeze got bescheidet vriunde lôn
 Sin este breit hânt al die welt beweangen;
 Der boum an ganzer zierde stât und ist geloubet schoene,
 Dar ufe sitzent vogelin
 Süezes sanges wise nâch ir stimme fin
 Nâch maniger kunst sô haltents ir gedoene ¹⁾.*

Наконецъ, надобно замѣтить относительно образованія міра и то, что не только въ простомъ православномъ народѣ и духовенствѣ, но и въ самой большой части образованнаго класса, и не только у насъ, но и на западѣ, доселѣ еще господствуетъ еврейское космогоническое мировоззрѣніе. Великая новая наука геологія, возникшая только въ концѣ прошлаго столѣтія въ столь короткое время и уже въ своемъ дѣтствѣ сдѣлавшая такіе блистательные, положительные успѣхи, одержавшая такіа могущественныя побѣды надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, выказавшая столь поразительное свойство увлекать человѣка до высочайшаго вдохновенія,—эта великая, положительная наука, на основаніи нетлѣннаго *песочнаго* и *каменнаго* архива первобытнаго міра, представила намъ въ новомъ, ясномъ свѣтѣ систему мірозданія, раскрыла истинно-чудесный процессъ образованія космоса, развитія міровыхъ тѣлъ, вслѣдствіе дѣйствія могучихъ силъ, неразлучныхъ съ міровымъ веществомъ. Образование планетной системы, по великому закону всеобщаго тяготѣнія, изъ газовиднаго шарообразнаго мірового вещества, образование земли изъ эфирнаго воздухообразнаго вещества, которое постепенно обратилось въ жидкое, расплавленное и застывающее тѣло, переплавление застывшаго, развитіе коры, ея превращеніе водою въ многослойную скорлупу, проламываніе послѣдней внутреннюю жидкою массою, постепенное заселеніе земли и ея преобразование въ поверхность, годную для лучшей растительности, выше развитыхъ животныхъ и человѣка,—вотъ что представляетъ дѣйствительно чудесный естественно-историческій процессъ развитія мірозданія. Этотъ космическій процессъ, естественно, объемлетъ милліоны лѣтъ, и для означенія его продолжительности недостаточно времени въ тысячу разъ дольше древности исторіи человѣчества.

Знаменитѣйшій изъ астрономовъ—Лапласъ восклицаетъ: «Философъ, покажи мнѣ руку, которая метнула планетами по направленію касательныхъ ихъ круговращеній». Новѣйшая наука указываетъ, что эта рука заключается въ силахъ, которыя неразлучны съ веществомъ и вполнѣ подтверждаютъ, что онѣ обуславливаютъ нынѣшнюю форму міра, не могущаго быть иначе, по ихъ законамъ. До такого убѣжденія въ самостоятельности силъ космическаго вещества дошелъ теперь человѣческій разумъ. Но что было тогда, когда и не подозревали присутствія подобныхъ сокровенныхъ силъ и законовъ міра? Какихъ дѣятелей предполагали въ сохраненіи и управленіи вселенной? На это отвѣчаетъ ужъ не геологія, астрономія и физика, а народная мнѳологія. Какъ Демокритъ, характеризую

¹⁾ D. M. Grimm, 757.

гелленскій космологическій полиеизмъ, восклицать о каждомъ мѣстѣ, войди, и здѣсь боги! такъ и всѣ народы, въ эпоху младенческаго, мифологическаго міроозерцанія весь міръ наполняли богами и духами. Такое же религіозно-полиеистическое, многобожное міровоззрѣніе развивалось и у славянъ передъ временемъ принятія христіанства. Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ мірозданія, — славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ — Хорса Дажьбога, въ громѣ и молніи — Перуна, въ огнѣ — Сварожича, въ водѣ и воздухѣ — вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ — дивъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у славянъ вѣрѣ въ единого верховнаго бога природы вѣру въ библейско-христіанскаго Бога, какъ Владыку и Повелителя міра. Сама церковь вполне усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе. По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣсущаго и всемогущаго владыки мірозданія. Въ такомъ смыслѣ, церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа. Такъ напр., въ древнемъ словѣ св. отецъ о постѣ преподавало такое міровоззрѣніе: «О братія, сестры, отцы и матери! Какъ намъ не бояться Господа своего и не творить волю его! Онъ сотворилъ небо и землю и море и все, что въ нихъ находится: взявъ отъ земли, сотворилъ наше тѣло, и не только тѣло, но и душу вдохнулъ и живыми насъ сдѣлалъ. Онъ сотворилъ также ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, престолы и господствія: сотворилъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды, озера и рѣки и источники, всѣ горы и холмы, вѣтры, снѣги и дожди, скотовъ, и звѣрей, и птицъ и гадовъ, и всякое земное древо. И все это боится Бога и трепещетъ и не преступаетъ его повелѣнія, но все пребываетъ въ своемъ уставѣ. Служа роду человѣческому, не преступая повелѣнія его, земля даетъ плоды свои въ достояніе людямъ: жита, траву, древа, цвѣты, плоды всякаго рода земныхъ овощей, — намъ на потребу и на пищу скотамъ и звѣрямъ, птицамъ и гадамъ и всякому земному дыханію. Свѣтъ, освѣщая землю, исполняетъ повелѣніе Божіе. Солнце, осіяя и грѣя всю землю, восходя и заходя и служа людямъ, также исполняетъ повелѣнія Божіи. А также луна и звѣзды стоятъ на стражѣ всю ночь, восходятъ и заходятъ, даютъ свѣтъ людямъ, показываютъ всѣмъ путешествующимъ путь по морю, по рѣкамъ и по озерамъ. Точно также и море и озера и рѣки и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, по повелѣнію Божію, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимой на возахъ; напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омывають насъ: такъ намъ служатъ, боясь творца своего. Также и огонь творить, повинуюсь Господу, служа людямъ: грѣетъ, варитъ, печетъ, производитъ жаръ, сушитъ, все

совершая намъ на потребу. Если же чего Господь не повелитъ творить, то все стоитъ въ уставѣ своемъ, не смѣя ничего сотворить; если же чему Господь повелитъ что-либо произвести, то произведетъ по Божію повелѣнію и усмотрѣнію; само по себѣ ничто не смѣетъ производить: ни земля, ни море, ни рѣки, ни озера, ни источники, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни звѣри, ни гады, ни рыбы, ни морозъ, ни снѣгъ, ни вѣтры и никакая тварь. Или, и этому не повѣрите, безумные люди! Такъ помыслите и разсудите, чего нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ? Въ нашемъ тѣлѣ—огонь, зима, глисты, черви; но все лежитъ недвижимо, боясь Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если же Господь повелитъ чему либо въ насъ произвести недугъ, то тяжкую болѣзнь произведетъ въ нашемъ тѣлѣ и, по Божію повелѣнію, причинитъ смерть. Все, братіе, боится Бога и трепещетъ повелѣній его. . . . А мы Господа Бога своего забываемъ и не исполняемъ волю его. А какъ намъ не чтить его? Ибо самъ говоритъ намъ въ *Псалмѣ*: почему, человѣче, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ и землю на водахъ основать, море налилъ горстью, пескомъ оградилъ; для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники; для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ; для тебя всякое древо насадилъ и траву произрастилъ; для тебя огонь соотворилъ, пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боится, и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣній моихъ» ¹⁾).

Такой взглядъ на міроуправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей—за оскорбленіе Владыки міра. (Ъ особенно изобразительностью выразился этотъ образъ воззрѣнія на природу въ слѣдующемъ апокрифическомъ «Словѣ отъ видѣнія Павла апостола: «Тако глаголетъ Господь пророкомъ: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхи на грѣхи, и прогнѣваете сотворшаго вы. . . . Вся бо тварь волѣнію Божію повинуется; только человѣцы преступаютъ Божію заповѣдь ²⁾. *Солнце* многаяжды бо моляшеся Богу галголя: Господи, вся содержи, и доколѣ неправдѣ человѣчъ терпѣши и беззаконіи многихъ! Вели, Господи, да ихъ пожгу, да не творять зла. И гласъ ему бысть глаголя: азъ вся си свѣдѣхъ, и видѣхъ око мое, но трылю имъ, покаянію дая время; аще ли не

¹⁾ Правосл. Собес. 1858 г. № 1.

²⁾ Эта мысль подробно развивается во многихъ старинныхъ поученіяхъ, т. е. что Богъ сначала все въ мірѣ сотворилъ прекраснымъ, и что все въ природѣ исполняетъ волю его—и солнце, и луна, и звѣзды, и моря, и рѣки, и озера, и земля, и горы, и холмы, и вѣтры, и дождь, и свѣтъ, и звѣри, и гады и птицы, и проч.: только одинъ человѣкъ палъ, и нарушаетъ волю Творца. Эта мысль была обычна и въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ легендахъ и повѣстьяхъ, напр. въ легендѣ *Lobgesang auf dem heiligen Hanno*. Dichter, — говоритъ Гервингусъ, beginnt mit der Schöpfung der zweigetheilten Körper- und Geisterwelt, die im Menschen verbunden ist. Gottes Schöpfung war gut; *Mond und Sonne und Sterne, Donner und Wind, und alle seine Werke wandeln ihren angewiesenen Pfad*, nur die zwei edelsten Geschöpfe nicht. Lucifer schied sich von den Frommen und der Mensch sank durch Verführung, и проч. Geschichte d. Deutschen Dichtung I. 157.

покаются, то сужу имъ тогда. *Мѣсяцъ* же и *Звѣзды* молящеся Богу глаголюще: намъ, Господи, далъ еси область свѣтити въ ночь: доколѣ при-
зримъ на беззаконное блудство, и кровь проливаему, и давленіе дѣтей, и
разбойство, и татбы? Повели намъ, да погубимъ зло творящая человеки.
И бысть имъ гласъ глаголющъ: видѣтъ вся око мое, но чаю обращенія
ихъ; аще ли не каются, сужу имъ тогда. *Море* же и *рѣки* вопіяху моля-
щеся Богу: рци намъ, Господи, да потонимъ злые человеки, иже по намъ
плавающи, разбиваютъ и творятъ злая. И бысть гласъ къ нимъ: Азъ вся
та видѣхъ, но аще не покаются, сужу имъ тогда. И *земля* возопи и пре-
сящися на человеки; азъ, Господи, наче тварей всѣхъ осужена есьми: не
могу блудъ, разбоя, татбы и вѣхвованія, клеветы и прочихъ трыпѣти
злюбъ, яко сынъ досаду родителемъ творить, и дщи матери, и братъ
брату: много неправды человецы творятъ: повели ми, Господи, да не про-
ращу всѣянныхъ за злюбъ ихъ, да голодомъ изомрутъ. И бысть гласъ
глаголя: азъ убо видѣхъ вся и ничто ся мене не утайтъ, вся бо суть
обнажена предъ очима моима; аще кто ся не покаеть, азъ сужу ему»¹⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богослов-
скихъ воззрѣній на физическое міроуправленіе, мало по малу глубоко укрѣ-
пилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу еди-
наго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ
боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя свя-
щенные божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низопли съ
высоты религіозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія, — и
уступили мѣсто единому Богу, Творцу вседержителю вселенной. Мысль
эта чрезвычайно изобразительно выражена въ одной карпато-русской
пѣснѣ, гдѣ свѣтлое солнышко, ясный мѣсячокъ и дробень дождичекъ
представлены въ гостяхъ у земледѣльца соперничающими другъ пе-
редъ другомъ своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ на жизнь природы, и
надъ ними—владычествующій Богъ, повелѣвающій и солнцу, и лунѣ, и
дождямъ:

Ци дома бывашъ, пане господарь?
Твои рыночки позамѣтаны,
Твои столойки понакрываны,
За твоимъ столомъ три гостейки.
Гостейки трои не однакин:
Еденъ гостейко—свѣтле сонейко;
Другій гостейко—ясень мѣсячокъ;
Третій гостейко—дробень дождейко.
Сонейко гварить: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу горы, долины,
Церкви, костелы и всѣ пристола.
Ясенъ мѣсячокъ: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу темну ночейку,
Возрадуются гости въ дорозѣ,
Гости въ дорозѣ, волюйки въ возѣ.
Дробень дождейко: нѣтъ якъ надъ мене!

¹⁾ Измарагды, рукоп. Солов. № 270 л. 200—201. Сборн. Солов. библ. № 803 л. 30.

- Якъ я преїду три разы на яръ,
Три разы на яръ мѣсяца ярця,
Возрадуются жита, пашиници,
Жита пашиници, всѣ яриници.
Нѣтъ якъ надъ Тебе, великій нашъ Боже
Ты кажешь мѣсяцю: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь сонейку: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь дождейку: мочи суху землю!
Роди, боже нашъ, жито, пшеницю,
Жито пшеницю, усяку пашиницю!

Богословское воззрѣніе на физическое міроуправленіе перешло и въ народныя пословицы, въ этотъ кодексъ своеобразнаго народнаго міросозерцанія. Въ Сборникѣ Даля, подъ словами: *Богъ—вѣра*, множество пословицъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Все отъ Бога. всяческая отъ Творца. У Бога—свѣта сначала свѣта все доспѣло. Божеское не отъ человѣка, а человѣкъ отъ Бога. Велико имя Господне на земли. Въ малѣ Богъ, и въ великѣ Богъ. Божья вода по божьей землѣ бѣжитъ. Божья роса Божью землю кропитъ. Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и нищу. Послѣ стрижки Господь на овецъ тепломъ пахнетъ. Съ Богомъ хоть за море. Не конь везетъ, Богъ несетъ. Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ. Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а божьимъ судомъ. Грозную тучу Богъ пронесетъ. Безъ Бога и червякъ сглохнетъ. Богъ не захочетъ, и пузырь не вскочитъ. Богъ не Макешъ (или: Мокошь, языческое божество), чѣмъ-нибудь да потѣшитъ. Коли Богу угодно. Коли Богъ велитъ. Какъ Богъ попуститъ. Умая голова, разбирай Божьи дѣла. Божье тепло, божье и холодно. Богъ вымочитъ (дождемъ), Богъ и высушитъ. Который—Богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ. Власть Господня, воля Божья. Подъ Богомъ ходишь—божью волю носишь. Господня воля—наша доля. Богъ не Никитка, по выломаетъ лытки. Коли Господь не построи́тъ дома, и человѣкъ не построи́тъ. Утромъ Богъ, и вечеромъ Богъ, а въ полдень и въ полночь никтоже, кромѣ Его», и проч. Такія благочестивыя представленія нашего народа, къ сожалѣнію, часто доходятъ до авось и розиновщины.

Естественно-историческій процессъ развитія міровыхъ тѣлъ, планетной системы еще не кончился теперь, и съ могучей силой совершается, по извѣстнымъ законамъ космическаго вещества и тяготѣнія, въ разныхъ частяхъ мірозданія. Взглянемъ ли, напримѣръ, на небо? Сквозь новыя, большіе телескопы, мы увидимъ тамъ около 4,000 туманныхъ пятенъ, какъ бы слившихся свѣтящихся точекъ тусклаго блеска. Многія изъ нихъ—однообразны, круглы и эллипсоидальны. Вотъ эти чуть свѣтящія туманныя пятна, по выводамъ современной астрономіи, суть ничто иное, какъ развивающіяся звѣзды и звѣздныя системы—огромныя свѣтовые массы, которыя въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ постепенно сгустятся и обратятся въ міровыя тѣла и системы міровъ. «То, что теперь кажется однимъ туманнымъ пятномъ, современемъ будетъ блестящею группою звѣздъ, и была пора, когда повсюду существовало ничто иное, какъ безграничная масса

тумана», говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ, Медлеръ. Заглянемъ ли во внутренность земли! Тамъ не прекратилась, напримѣръ, мірообразовательная вулканическая дѣятельность. Внутренняя дѣятельность земли съ гигантскимъ могуществомъ приподымаетъ почву на болѣе или менѣе пространствѣ, и эта сила донинѣ преобразуетъ земную поверхность, видъ которой слѣдовательно не установился еще окончательно. Когда закончится этотъ процессъ установленія земной планеты, — нынѣ рѣшительно невозможно опредѣлить. Несмотря, однакожъ, на эту незаконченность мірообразовательнаго процесса, суевѣріе человѣчества не дознавши еще, въ темный средній вѣкъ, космическихъ законовъ само-сохранности міра, давно стало ждать разрушенія и кончины міра. Даже Ньютонъ, великій Ньютонъ, законодатель «всемірнаго тяготѣнія», вычисливъ силы, рождающіяся отъ взаимнаго дѣйствія планетъ и спутниковъ, пришелъ въ недоумѣніе отъ ужасающей сложности этихъ силъ и думалъ, что сложная система не заключаетъ въ себѣ элементовъ самосохраненія, и что рука Всемогущаго должна повременамъ исправлять необходимый безпорядокъ. Въ вѣкъ Лапласа, ученія общества съ сокрушеніемъ смотрѣли на приближающееся разрушеніе солнечной системы. На такой важный вопросъ Парижская академія наукъ почла обязанностью обратить вниманіе ученыхъ всего свѣта. Знаменитый творецъ «Небесной Механики», Лапласъ открылъ тайну *устойчивости*, самосохраненія солнечной системы, доказавъ, что: 1) все планеты обращаются по одному направленію; 2) орбиты ихъ весьма мало отличаются отъ окружностей, и 3) какъ ихъ взаимныя наклоненія, такъ и наклоненія къ эклиптикѣ имѣютъ незначительныя величины, и проч. Далѣе, и въ самой землѣ, въ самыхъ разрушительныхъ, вулканическихъ ея процессахъ, есть благотѣльные условія самосохраненія земной планеты. Напримѣръ, постоянное измѣненіе земной поверхности внутреннею силою необходимо для поддержанія ея обитаемости. • Въ противномъ случаѣ, земныя влаги, при своемъ стремленіи уравнивать современемъ уничтожили бы все неровности, такъ что наконецъ вся поверхность нашей планеты покрылась бы моремъ. Точно также, вулканы составляютъ необходимые ходы, соединяющіе поверхность земли съ ея раскаленною и отчасти расплавленною внутренностью. Если перемѣна формы земной оболочки упругостью паровъ составляетъ необходимость, то существованіе дѣятельныхъ вулкановъ можно назвать благотѣніемъ. Пока огнедышащая гора дымится, предохранительный клапанъ огромнаго парового котла открытъ, и внутренность нашей планеты, постепенно освобождаясь отъ паровъ, не угрожаетъ повсемѣстными разрушительными землетрясеніями. Несмотря, однакожъ, на это, суевѣрные люди именно въ землетрясеніяхъ видѣли вѣрный признакъ конца міра и ждали его отъ внутренней вулканической и плутоической дѣятельности земли.

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *катахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и миѣческому огнеродному чудовищу океана-киту великому. Мы

видѣли, какое представленіе господствовало въ старинной книжной космологіи о подземномъ *огнѣ*, имѣющемъ *пожечь міръ*, и объ *огненной рѣкѣ*. «Вопросъ: скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: вода высока.—Да что держитъ воду?—Великій камень.—Да что держитъ камень?—*Четыре золотые кита*.—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—*Рѣка огненная*.—Да что держитъ тотъ *огонь*?—*Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части*». Въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей по Солов. сборн. № 925 также представляется, что «земля плаваетъ на великомъ морѣ и держится на *китахъ*, а вокругъ и на днѣ моря — желѣзное столпие, стоитъ на *огнѣ неугасимомъ*». По другому варианту, въ огненномъ морѣ или въ огненной рѣкѣ живетъ плутоическое или вулканическое чудовище — *великорыбіе, огнеродный китъ* или *змій* едеафамъ: китъ этотъ, хотя и пребываетъ въ морѣ океанѣ, но изъ устъ его исходятъ *громы пламеннаго огня*, далеко летающіе, *яко стрѣлено дѣло*, изъ ноздрей его выходитъ духъ, *яко вѣтръ бурный*, который *раздымаетъ огонь геенскій* ¹⁾. Этотъ-то китъ, на которомъ основана будто бы земля, и который самъ держится *огненною рѣкою*, по народнымъ сказаніямъ, и разрушитъ міръ: если онъ задвигнется, заколеблется, то потечетъ рѣка огненная, и настанетъ конецъ міра. Такія міеологическія понятія перемѣшались потомъ съ христіанскими и даже цѣлкомъ удержались въ народѣ. Такъ напр., въ «повѣсти града Іерусалима или о Волотѣ Волотовичѣ» сказано о свѣтопреставленіи отъ кита: «Земля стоитъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ... А рыба рыбахъ мать китъ рыба великая: какъ та рыба китъ взыграется и пойдетъ во глубину морскую: *тогда будетъ свѣту преставленіе*». Міеологическое преданіе объ *огненной рѣкѣ* уже въ XVII в. перешло въ духовные народные стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ, какъ мы знаемъ по одному соловецкому сборнику, и доселѣ повторяется. Напр., въ одномъ стихѣ о страшномъ судѣ читаемъ:

Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петры громъ трикающій (молнія, вѣтры).
Приразитъ народу много грѣшнаго ко сырой землѣ,
Росшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы.
Роступится мать сыра земля на четыре четверти,
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ *рѣка огненна*
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небеси.
Съ небесъ сойдутъ на землю святы ангелы,
Погонять грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну ²⁾.

Вулканическое существо, міеическій огнеродный змій, въ христіанскихъ народныхъ сказаніяхъ замѣняется уже антихристомъ, такъ какъ уже въ XII вѣкѣ волхвы, подѣ вліяніемъ христіанскихъ понятій, называли своихъ

¹⁾ Солов. Сборн. Историч. очерки русской литературы Булгаева 1. 462.

²⁾ Сборникъ дух. стих. состав. Варенцовымъ, 167.

боговъ бездны антихристами. Въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ сагахъ точно также представляется конецъ міра, какъ и въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Муспилли (Muspilli) откроется при свѣтопреставленіи: тогда земля и все, что на ней есть, загоритъ огнемъ пламенемъ. По Эддѣ, Сурт (Surt), высшее вулканическое существо, возстанетъ со всѣми силами Муспилли, подниметъ брань съ богами и побѣдитъ ихъ, а міръ весь зажжетъ своимъ огнемъ пламенемъ. Въ нѣмецкой поэзіи образъ Суртра ужъ тожесмѣшивается съ христіанскимъ представленіемъ объ антихристѣ, которое первоначально основалось на 11-й главѣ апокалипсиса, и потому изъ іудейскихъ идей развилось далѣе. Какъ по нѣмецкой сагѣ о Муспилли, когда наступитъ разрушеніе міра, то снова явится Ілья громовержець, а по землѣ всей разольется огонь-пламя, и воспламятся горы, загоритъ небо и земля (grinnit mittilagard), затмится солнце и луна и будетъ землетрясеніе (Landskiálfti, erdbibunga)¹; такъ точно, и по нашимъ народнымъ стихамъ о свѣто-преставленіи и страшномъ судѣ, при концѣ міра, явится во плоти молніеносный Ілья, потечетъ рѣка огненная отъ востоку солнца до запада, и пламя запышетъ отъ земли до небесъ, солнце и мѣсяць померкнутъ, звѣзды спадутъ съ неба, и міръ кончится²).

Суевѣрныя ожиданія кончины міра, въ средніе вѣка, сильно смущали духъ народный, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Возникши вмѣстѣ съ ученіемъ хилиазма, предсказанія конца міра усилились подъ вліяніемъ астрологій. Къ намъ они проникли частію изъ Византіи, частію съ запада, и усилились подъ вліяніемъ церковныхъ и политическихъ событій русской исторіи съ XV до XVIII столѣтія. На западѣ въ то время, особенно начиная съ IX и X столѣтій, эти предсказанія связывались исключительно съ астрологическими комбинаціями. Такъ напр., въ 1179 году астрологи разослали во всѣ страны письма, въ которыхъ предвозвѣщали на 1186 годъ кончину міра и человѣческаго рода, и тѣмъ навели на всѣхъ наническій страхъ. Еще болѣшій ужасъ возбудило предсказаніе Іоанна Stoffler'a, что въ 1524 году міръ погибнетъ отъ новаго потопа. Ужасъ проникъ во всѣ сословія въ Германіи, Франціи, Испаніи, Италіи, Голландіи, Англіи и Скандинавіи. Люди дѣлали неслѣдствіи приготовленія для своей безопасности, строили ковчеги и т. п. Правители потребовали мнѣнія объ этомъ у своихъ придворныхъ астрологовъ и священниковъ: между тѣми и другими возникла самая ожесточенная письменная война. Потомъ, новый ужасъ возбудилъ Сурганусъ Leoviti'us, придворный математикъ курфюрста Отто Генриха пфальцскаго, по звѣздамъ предсказавшій кончину міра на 1584 годъ. Столько же шума надѣлалъ ректоръ Paul Nagel въ Torgau, предсказавъ на 1624 годъ наступленіе тысячелѣтняго царства. Многие предрекали кончину міра на 1643 годъ. Въ этомъ году, именно 2-го марта (н. с.) должно было быть такъ называемое наибольшее, осѣмое и послѣднее соединеніе Юпитера съ Сатурномъ въ головѣ Овна. По смыслу одного древняго астрологическаго преданія, міръ былъ сотворенъ при этомъ

¹ Grimm, D. M. 771—772.

² Сборникъ дух. стиховъ Варенцова, 138. См. также Сборникъ Кирѣвскаго.

соединеніи; потому при немъ же долженъ былъ и разрушиться. Изъ лютеранъ, одни (напр. Раймеръ) полагали конецъ міра въ 1673 году; другіе, напр., Меланхтонъ—въ 1680 году; третьи—въ 1688. А нѣкоторые, принимая въ основаніе своихъ гаданій то же самое апокалипсическое пророчество, которыми руководился напр. и нашъ писатель книги о вѣрѣ въ своихъ гаданіяхъ, годъ кончины міра относили на тотъ же самый 1666 годъ, когда и наши суевѣры ждали конца міра ¹⁾.

Латино-нѣмецкія астрологическія предсказанія конца міра проникли и къ намъ, особенно съ XVI вѣка. Въ Россіи ужъ и безъ того настроены были къ ожиданію конца міра. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, переведено было и въ высшей степени распространилось извѣстное слово Ипполита *о кончинѣ міра* ²⁾. Въ XVI и XVII вѣкѣ его постоянно читали въ многочисленныхъ сборникахъ. Въ это время, самая большая часть памятниковъ церковной письменности наполнена была сказаніями о кончинѣ міра ³⁾. Къ тому же, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на русскихъ паденіемъ Константинополя, сопровождавшимся будто бы, по хронографамъ, необыкновенными явленіями на небѣ, помраченіемъ солнца и т. п., потомъ подошедшій въ тотъ же вѣкъ конецъ «седьмой тысящи лѣтъ отъ созданія міра», а съ нимъ вмѣстѣ—и окончаніе стараго міротворнаго круга—все это сильно настроило невѣжественные умы къ суевѣрнымъ предположеніемъ о кончинѣ міра ⁴⁾. А тутъ какъ разъ явился среди русскаго на-

¹⁾ Шлейдена, Этюды, 216. Diatriba de signo filii hominis, Matheri, lib. III, p. 83. Cornelli a Lapide in Math. 24, 36. Павловъ—о происхожд. раскольник. ученія объ антихристѣ. Правосл. Собор. 1858, июнь.

²⁾ Ἀδὸς περὶ τῆς συντελείας τοῦ κόσμου καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου.

³⁾ Таковы: слово Ефрема Сирина объ антихристѣ и кончинѣ міра (опис. рук. Царскаго стр. 33. 40); Андрея Константинопольскаго—о послѣднемъ времени и о пришествіи отъ бездны антихриста (Толец. стр. 291); Ипполита, папы римскаго—о кончинѣ міра и объ антихристѣ; въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, находящемся въ Солов. библиотекѣ, оно помѣщено въ сокращеніи и съ слѣдующимъ русскимъ послѣсловіемъ: „аще кто имать умиленіе и слезы въ молитвахъ и молитца Господеву, да избавитъ отъ скорби тоя великія (кончины міра), хотящія прійти на землю, да не увидитъ отнюдь, ни пакы же да слышитъ страшныхъ, на всѣхъ мѣстѣхъ бывающихъ: трусъ, гладъ смерти различны“, и проч. Сборникъ Солов. библи. № 818 и 230.

⁴⁾ Еще въ концѣ XV в., въ Новгород. Пасхалии противъ послѣдняго года (1492) написано было: „*зды страхъ, зды скорбь*, аки и въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концы (міра) явися, въ немъ же часемъ и всемірное твоє пришествіе“. По случаю этой приписки, по словамъ новгор. архіеп. Геннадія, „мно о томъ молва была въ людехъ, не токмо въ простыхъ, но и въ пренужныхъ, о семъ многымъ сумніе бысть“, т. е. все пришло въ страшное смущеніе. Геннадію поручено было составить новый міротворный кругъ или пасхалию. Онъ пишетъ по этому случаю: „повелѣно бысть отъ господина отца нашего Зосимы митрополита всея Русіи мнѣ учинити пасхалия на осьмую тысящу, понеже седьмьтысящное время прейде, да и пасхалия рядовая съ токомъ изошла, и нынѣ мнѣша, яко скончавашъ седьмой тысящи быти и скончанію міру, якоже и прежде скончавашъ шестой тысящи сщесное же мнѣніе овержаша людие... Да и о семъ явлено сътворимъ, яко пасхалия не ново составлена бысть, ниже имать скончатися, дондежеже благоволитъ. Богъ міру скончаніе пріяти, понеже Алфа и крузи солнечныя и лунныя и рукавъ обхоженіе, отъ нихъ же високоєсть и пасхалия исходитъ, сіе уставлено колочратно а конца не имать, того ради, что скончаніе міру будетъ безвѣстно... Да сіе (пасхалию на осьмую тысящу) написани осемью простыхъ дѣле людей мнѣніе дѣржащихъ о сконча-

рода, для распространения латинских заблуждений, известный «Николай Нѣмчинъ родомъ, латинянинъ вѣрою». На основаніи астрологическихъ наблюдений, онъ предсказывалъ «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вѣлѣнные странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаямъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣдугамъ морскимъ вкушѣ вѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто не узрится солнце, по русскому счету лѣтъ 7032 отъ начала міра ¹⁾. На такое сочиненіе Николай Нѣмчина писалъ отвѣтъ иноку Елеазаровой обители Филофей къ Псковскому дьяку Мисюрю Мунехину. Филофей хотя и не вѣрилъ астрологическимъ предсказаніямъ Николая Нѣмчина, но по современнымъ судьбамъ міра и церкви заключалъ, что близко уже кончина міра. «О царствахъ и странахъ, писалъ онъ, премѣненіе не отъ звѣздъ приходитъ, но отъ вседающаго Бога... Да внемли, Господа ради, въ которую звѣзду стали христіанская царства, яже нынѣ поцрани отъ невѣрныхъ... Девятдесять лѣтъ, какъ греческое царство разорися, и не созидается... И да вѣсѣ, христіанобче, яко вся христіанская царства придоша въ конецъ, и снидошася во едино царство нашего государя», и т. д. Поэтому, царю и народу Московскаго государства Филофей совѣтуетъ «не на звѣзды уповать, а на вседающаго Бога» и усердно молить его о предотвращеніи отъ русской земли послѣдняго времени, скончаія, предреченнаго въ апокалипсисѣ ²⁾. Затѣмъ, страшныя смуты, ознаменовавшія рознь вѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго Московскаго царствія, унія и борьба православія съ латинскимъ католицизмомъ, разныя суевѣрныя сказанія о небесныхъ видѣніяхъ, наплывъ иностранцевъ, преобразованія Московскаго государства по иноземнымъ обычаямъ, моры, явленія метеоровъ, безпрестанные народные бунты второй половины XVII в., такія сочиненія, какъ толкованіе XV слова Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ.—Стефана Визанія и слово объ антихристѣ, напечатанное въ книгѣ о вѣрѣ, исправленіе книгъ Никономъ, соборъ въ роковой для астрологовъ-суевѣровъ 1666 годъ, и, наконецъ, радикальныя реформы Петра Великаго, — все это сильно поддерживало и развивало въ суевѣрныхъ и невѣжественныхъ массахъ бредни о концѣ міра. И вотъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и особенно съ царствованія Петра Великаго, суевѣрные люди раскола возвели уже въ догматъ ожиданіе близкой кончины міра, и вездѣ, по городамъ и селамъ, распространяли его. При политическомъ отбѣнкѣ этого ученія, ясно высказалось вѣрованіе и въ чувственнаго антихриста, и въ дѣйствительную близость конца міра. Какъ сильно дѣйствовала на суевѣріе народа проповѣдь о концѣ міра, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія Тобольскаго: «Нынѣшніи еретицы — говорятъ онъ, ужасъ сатанинскій падающе: яко уже настойтъ день втораго Христова пришествія и кончина

ніи міру, и да и на то пошлится не подобаетъ, но ждати пришествія Христова на всяко время, безвѣстно бо сіе уставлено. *И только благоволитъ Богъ сие міру стояти*, ину то готово обхожденіе временемъ лѣтнимъ, поставлены круги Алфа, да и солнечныи круги и лунныи», и проч. Архивъ. Калачева, кн. 1, 111, 4.

¹⁾ Хронографъ Солов. библи. № 53, л. 311.

²⁾ Хронографъ Солов. библи. № 53, л. 345—349.

**настоящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дня смущающе народы, и ска-
зующе: яко въ сій годъ, и въ сій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ
сквернаго ученія, простой нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови
убо оставили дома, и бѣжали за ними, яко овицы за волками, и погублени
быша отъ нихъ: овиі огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, овиі
же и донынѣ еще бѣсноватіи скитающесе, и помирають безъ таинъ боже-
ственныхъ» ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ, суевѣрное, мистико-апокалипсическое ожи-
даніе конца міра дошло до ужасныхъ суевѣрныхъ проявленій: живые ложились
въ гробы и со дня на день ждали кончины міра. Суевѣры фанатически
вѣрили, что придетъ уже разрушитель міра — антихристъ и проникъ не
только въ гражданскій, но и въ физическій міръ. въ стихіи, огонь, воду,
воздухъ и землю. И, къ прискорбію, надо замѣтить, что эти ожиданія
конца міра, проникающія единственно отъ крайняго незнанія системы
міра, доселѣ еще волнуютъ суевѣровъ раскола, да и многихъ, весьма мно-
гихъ православныхъ ²⁾.**

2. Небо.

Съ самаго начала обществъ, народы стали гадать о чудесахъ небес-
наго свода. Но только съ XVI вѣка началось истинное познаваніе Неба.
Древніе народы и первые естествонаблюдатели, руководствуясь единственно
непосредственными впечатлѣніями, кажущуюся видимостію, представляли,
что земля неподвижна, и что весь небесный сводъ съ солнцемъ и звѣз-
дами, въ 24 часа оборачивается около оси міра, въ направленіи отъ вос-
тока къ западу. Аристотель въ своемъ сочиненіи *о небѣ*, кажется, первый
старался объяснить устройство небеснаго свода и движеніе свѣтилъ. По
его міросозерцанію, небо состоитъ изъ семи неподвижныхъ кристалльных
сферъ, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Въ кругѣ или центрѣ
этихъ сферъ онъ полагалъ землю. Крайняя окружность или осьмая сфера
представляла первое подвижное. Всѣ эти восемь сферъ и въ центрѣ ихъ
землю, по воззрѣнію Аристотеля, приводилъ въ движеніе вѣчный двига-

¹⁾ 3-е Посланіе въ Правосл. Собес., стр. 165.

²⁾ Приложенія будутъ присовокуплены къ слѣдующему очерку. Если бы кто
нибудь изъ нашихъ естествовѣдцовъ взялъ на себя истинно-благодѣтельную задачу
составить полный „народный учебникъ о природѣ“, самый популярный, изложенный
даже народнымъ языкомъ, то, разумѣется, онъ долженъ будетъ обратить преим-
ущественное вниманіе на особенно слабыя, и особенно нужныя въ умственномъ и ма-
териальномъ быту нашего народа—стороны міросозерцанія, напр., на времена года, на
землю, воду, воздухъ, теплоту и ея значеніе на земной поверхности и въ атмосферѣ, на ат-
мосферныя явленія, на растительность земледѣльческую, на травники народные и расте-
нія медицинскія и т. п. Но мы убѣждены, что, ведя по порядку „народный учебникъ
о природѣ“, не лишне дать народу самыя главные и нужныя понятія о мірѣ вообще
и о звѣздномъ небѣ: потому что эти понятія могущественно просвѣтляютъ, возвы-
шаютъ и облагораживаютъ умъ человека. А у нашего простого народа, какъ пока-
зано отчасти въ настоящемъ очеркѣ и особенно увидимъ въ слѣдующемъ — „о звѣзд-
номъ небѣ“, въ этой области міровоззрѣнія, весьма не мало накопилось самыхъ гру-
быхъ суевѣрій. Достаточно прочесть далеко неполный Великорусскій областной
словарь, чтобы видѣть это.

тель, божественный разумъ. Птоломей, жившій въ половинѣ второго вѣка въ Александріи, иначе старался объяснить движеніе планетъ. Въ срединѣ вселенной онъ помѣщалъ землю, около которой должны были вращаться луна, солнце и пять тогда извѣстныхъ планетъ. Расположеніе планетъ въ небесномъ пространствѣ и по отношенію къ землѣ онъ опредѣлялъ по средней видимой ихъ скорости, считая ближайшими къ землѣ тѣ планеты которыя скорѣе измѣняютъ свое мѣсто относительно неподвижныхъ звѣздъ. Поэтому, начиная отъ земли, планеты, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною, слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Другіе астрономы, послѣдователи такъ называемой *египетской* системы, принимали, что только Луна, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ кружатся около земли, а Меркурій и Венера движутся по кругамъ, центръ которыхъ солнце. Въ средніе вѣка вполнѣ господствовало древнее ученіе, что земля неподвижна, и что около нее движется солнце и вращаются всѣ небесныя свѣтила. Даже Тихо-Браге помѣщалъ землю точно также, въ центрѣ вселенной, и заставлялъ луну и солнце кружиться около нея. Такъ было до XVI вѣка. Въ 1543 году, знаменитый польскій каноникъ, Коперникъ испровергъ Аристотелеву и Птоломееву небесную систему, указавъ мѣсто солнца въ центрѣ вселенной и поставивъ землю въ рядъ съ прочими планетами, окружающими солнце. Самъ онъ объ этомъ говоритъ такъ: «ни при какомъ иномъ устройствѣ не могъ бы я найти столь достойную вселенной, такую гармоническую связь путей, какъ помѣстивъ въ средину прекраснаго храма природы, какъ на царскій тронъ, свѣтило міра, солнце, управляющее цѣлымъ семействомъ вращающихся свѣтилъ». Такимъ образомъ, Коперникъ разсѣялъ большую часть старыхъ и закоренѣлыхъ заблужденій, происходившихъ отъ непониманія того, что представляла чувствамъ видимость неба. Онъ твердо и торжественно возвѣстилъ человечеству, что не солнце движется вокругъ земли, а наоборотъ, земля движется вокругъ солнца, составляющаго центръ небесныхъ движеній, и что земля, въ сравненіи со всѣми тѣлами солнечной системы, — не болѣе, какъ песчинка. Черезъ 28 лѣтъ послѣ того дня, въ который торуньскій каноникъ умирающими руками держалъ книгу, распространившую на Польшу чистую и блестящую славу, — родился въ Виттебергѣ человекъ, назначенный для переворота въ наукѣ, еще труднѣйшаго, еще обильнѣйшаго послѣдствіями. Это Кеплеръ. Онъ, путемъ труднѣйшихъ и утомительнѣйшихъ вычисленій, послѣ изумительно-настойчиваго двадцати-двухлѣтняго труда, дошелъ до открытія истиннаго закона движенія планетъ и подтвердилъ движеніе земли около солнца. Такъ называемый законъ Кеплера раскрылъ, что скорость, съ какою земля движется на своемъ пути, такова, что лучъ свѣта, который можно представить себѣ проведеннымъ отъ солнца къ землѣ, въ равныя времена описываетъ равныя пространства. По второму закону Кеплера, путь всѣхъ планетъ, а слѣдовательно и земли — не кругъ, а эллипсъ, планеты движутся по эллипсамъ, и солнце находится въ одномъ изъ ихъ фокусовъ. За Кеплеромъ, великій Ньютонъ, размышляя о паденіи тѣлъ на поверхности земли или о законѣ тяжести, открылъ законъ *всеобщаго тяготѣнія*, пришелъ къ

деѣ, что между небесными тѣлами существуетъ взаимное стремленіе, взаимное притяженіе, математически вывелъ законы Кеплера изъ дѣйствія силы, общей вѣмъ частицамъ вещества, и блестящее свое открытіе сдѣлать предметомъ книги — *philosophiae naturalis principia mathematica*, которое до сихъ поръ остается высшимъ произведеніемъ человѣческаго ума. Это мировое открытіе Ньютона сразу разсѣяло всю темную мглу суевѣрій и пранатуралистической, астральной пневматологін. Оно такъ было громадно, что невольно вызвало этотъ восторженный энтузіазмъ Вольтера, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ:

Confidens du Très-Haut, substances éternelles
Qui brûlez de ses feux, qui couvrez de vos ailes
Le trône ou votre maître est assis parmi vous,
Parlez, du grand Newton n'etiez-vous point jaloux?

Въ то время, когда на западѣ астрономія стала такой великой наукой, которой умъ человѣческій по справедливости можетъ гордиться, какъ величайшимъ торжествомъ разума надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, — у насъ на Руси въ XVI и XVII в. и не слыхали объ открытіяхъ Коперника, Галилея, Кеплера и Ньютона. Строгіе ревнители стараго ученія о небѣ, которыхъ мудрость не простиралась дальше книги о небесахъ Іоанна Дамаскина, вооружались даже противъ такихъ невинныхъ и незатѣйливыхъ произведеній, какъ переводныя астрономіи, здѣздотечья, лудидариусъ и т. п. Суевѣры вели жаркія пренія не о движеніи планетъ вокругъ солнца, а о хожденіи по-солонь, да ждали, вмѣстѣ съ кончиной міра, спаденія звѣздъ съ небеси, помраченія и превращенія въ кровь луны и т. п. *Математическія* книги, — какъ говоритъ одинъ азбуквникъ, — отреченныя книги, ихъ же есть четыре: арифметикія, мусикія, геометрія, *астрономія*». Астрономію, также, какъ вообще естественныя науки, русскіе считали волшебствомъ. «Естественныя науки, пишетъ Олсарій, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что либо перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ; такъ астрономію, астрологію считаютъ они за волшебныя науки. Такъ предугадываніе и предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому самому, когда стало извѣстно въ Москвѣ (по возвращеніи моемъ изъ Персіи), что великій князь назначилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голицынскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности»¹⁾. П послѣ, въ XVIII вѣкѣ, когда благодаря Петру Великому, въ Россію введены были математическія науки, а при Аннѣ Іоанновнѣ и при Елизаветѣ Петровнѣ заводились уже и астрономическія обсерваторіи, — у насъ не только въ массѣ народной, но и въ учившемся

¹⁾ Записки Олсарія. Архивъ историч. и практич. свѣд. о Россіи, изданіе Калачова. 1859 г., кн. III.

въ математическихъ школахъ дворянствѣ господствовало старое понятіе небесномъ мірѣ. Въ то время, какъ на западѣ считались уже передовыми двигателями умственного прогресса человѣчества и такіе знаменитые астрономы, какъ Ньютонъ, Галлей, Брайлей, Лапласъ, особенно Гершель, еще болѣе Лапласъ и другіе, — у насъ извѣстнаго математика и астронома графа Я. В. Брюса считали величайшимъ чернокнижникомъ, прорицателемъ и, вообще, колдуномъ, дѣлавшимъ чудеса. И доселѣ календарь Брюса для многихъ суевѣровъ служитъ оракуломъ; ученіе Коперника, Кеплера и Ньютона не только не принималось темной массой народною, но и считалось грѣховнымъ и пагубнымъ. «Почитать землю за кругъ или шаръ — грѣшно: такъ думали фарисеи», — вотъ суевѣрное мнѣніе раскола¹⁾. И теперь много найдется людей, даже и въ образованномъ классѣ, которые не вѣрятъ ученію Коперника о небесномъ движеніи. Множество супротивъ реалистическихъ суевѣрій и заблужденій затемняютъ и подавляютъ умы нашего поколѣнія, не только 70-милліонной массы народа, но и образованнаго общества, единственно потому, что слишкомъ мало распространено у насъ астрономическое просвѣщеніе. Мгла суевѣрій спиритуализма и пневматологіи, тѣма повѣрій о небесныхъ царствахъ и духахъ есть плодъ отсутствія свѣтлаго, разумаго астрономическаго міросозерцанія. И великая наука астрономія доселѣ, къ сожалѣнію, весьма поверхностно входитъ въ кругъ нашего образованія, и даже вовсе не преподается во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, по словамъ Балли, «не только самая астрономія, но даже исторія астрономіи составляетъ могущество и существенную часть исторіи человѣческаго ума, измѣряетъ его силу и показываетъ, къ чему онъ способенъ».

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросозерцанія, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматническое, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно-натуральное. Въ книжномъ или граматническомъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и мнѣнологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ. Разсмотримъ главные черты того и другого міросозерцанія.

До половины XVI вѣка, почти въ продолженіе 1500 лѣтъ, во всей образованной части человѣчества господствовало аристотелевское воззрѣніе на устройство небеснаго свода. Черезъ посредство Византіи, это воззрѣніе съ восточно-кабалистическимъ оттѣнкомъ, сообщено было и русскимъ книжникамъ. По аристотелевскому міросозерцанію, какъ мы уже отчасти видѣли, міръ измѣняемый, эфирный и неподвижный, окружающій землю или міръ подлунный, состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ круговъ или сферъ эфира, представляющихъ плотные кристаллическіе пустые шары, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Кристалльнымъ представлялъ Аристотель сводъ небесный потому, что иначе не умѣлъ объяснить его прочности и устойчи-

¹⁾ Читенія Московск. обществ. истор. 1861 г., кн. 2: пословицы Даля.

сти, не умѣлъ найти причину сохраненія небесной системы въ ея соб-
 ленныхъ космофизическихъ силахъ, не зналъ закона всеобщаго тяготѣнія.
 аинная окружность или внѣшняя сторона вселенной, по мнѣнію Аристо-
 та, есть кристаллическая скорлупа со всѣми неподвижными звѣздами,
 бесная твердь или первое подвижное, быстро вращаемое вѣчнымъ дви-
 гелемъ въ 24 часа около центра. Эта осьмая сфера неподвижныхъ звѣздъ
 ижесть около земного шара всѣ звѣзды и планеты, утвержденныя на 7
 дѣльныхъ сферахъ или полыхъ, внутри кристаллическихъ кругахъ. Об-
 ѣй двигатель единой шарообразной вселенной, со всѣми семью сферами
 осьмою подвижною, есть вѣчное неподвижное, все движущее божество,
 чинный совершенный разумъ. Это первоначально-простое аристотелевское
 росозерцаніе впоследствии, особенно когда замѣчено было Гиппархомъ
 150 г. до Р. X. предвареніе равноденствій, — постепенно измѣнялось,
 ложнялось искусственнымъ образомъ, особенно приспособленіемъ къ нему
 къ называемой птолемеевой системы, которая имѣла, однакожъ, совер-
 енно другое основаніе и построеніе, болѣе физическое, чѣмъ астрономи-
 ское. Замѣтивъ дѣйствительное движеніе планетъ, а не простое круго-
 разное, — для объясненія его принуждены были раздѣлить осьмую сферу
 подвижныхъ звѣздъ, и окружили ее еще *девятою сферою знаковъ*. Такимъ
 разомъ вмѣсто 7 небесныхъ сводовъ стали считать 9. Далѣе, не находя
 зможности объяснить пустое пространство между планетами и ихъ плот-
 ными сферами, прибѣгли къ ученію объ астральныхъ духахъ. Чтобы пла-
 та не упала съ небеснаго свода, надобно было дать ей духовнаго путе-
 дителя; а съ тѣмъ вмѣстѣ, и вѣра въ одушевленность планетъ стала
 обходимою. Вслѣдствіе этого, въ первые 3 вѣка по Р. X.; въ ари-
 отелевское міросозерцаніе все болѣе и болѣе проникало ученіе объ астраль-
 ныхъ духахъ, ангелахъ солнца, звѣздъ и проч. Уже Филонъ говоритъ:
 звѣзды одушевлены и движутся по собственному усмотрѣнію». Въ тво-
 ніяхъ Ермы, Климента александрійскаго, Епифанія Кипрскаго и др. это
 еніе находило подтвержденіе. Въ Римѣ, въ St. Maria del popolo, въ ча-
 внѣ Agostino Chigi, на мозаикѣ изображены небесныя тѣла: здѣсь возлѣ
 ждой планеты помѣщенъ ея астральный духъ. Вмѣстѣ съ ученіемъ объ
 тральныхъ духахъ, передано было востокомъ Византіи, а отсюда и намъ,
 каженное въ сочиненіяхъ кабалистовъ ученіе Аристотеля о 7 сферахъ.
 въ періодъ пришествія въ міръ Іисуса Христа, большая часть евреевъ
 инимала вокругъ неподвижно-стоящей по срединѣ Земли, 7 небесныхъ
 одовъ; изъ нихъ второй сводъ «*Rakia*» заключаетъ утвержденныя въ немъ
 лице, луну и звѣзды: уже въ третьемъ сводѣ — *Шахакимъ* «облака» —
 ключались, кажется, эти послѣднія, а въ шестомъ сводѣ — *Макомъ* «пре-
 вѣваніе» — содержались снѣгъ, градъ, роса, дождь и т. п. Согаръ Беша-
 гъ, согласно съ міросозерцаніемъ Аристотеля, писалъ: «Богъ сотворилъ
 небесныхъ сводовъ, въ каждомъ изъ нихъ помѣщены неподвижныя
 звѣзды и блуждающія свѣтила, а надъ всѣми этими сводами находится
 юдь *Аработъ* — это *perpetuum mobile* Аристотеля¹⁾).

¹⁾ Gfrörer, Geschichte d. Urchristenthums. Abth. 2. 37. Этюды Плеттена, 225 — 226.

Въ искаженныхъ вариантахъ восточно-византийскихъ и еврейско-кабалистическихъ, черезъ апокрифы, перешло и къ намъ основное учене Аристотеля о 7 небесныхъ кристалльных сводахъ. Въ сказаніи о началі міра, находящемся въ одной рукописи профессора Григоровича, говорится, что «Господь словомъ сотворилъ *семь небесъ*, и что устроено было *небѣ кристалльное* на семидесяти тмахъ тысячъ»¹⁾. Въ апокрифѣ о небесахъ находимъ смѣсь аристотелевской небесной системы и ея послѣдующихъ дополненій съ системой Птолемея. Именно, здѣсь читаемъ: «небо едино убо есть по существу, *девять* же по числу... *Седьмъ* же небесъ суть по образу седьмихъ вѣкъ міра, другоскъ беззвѣздная твердь, седьмъ же небесъ имуть и великихъ седьмъ звѣздъ, царей иныхъ седьмъ звѣздъ. Есть же на семъ долнемъ небеси луна, и на вторѣмъ по сей Ермисъ, на третіемъ есть Афродита, на четвертомъ небеси солнце, на пятомъ Арисъ, на шестомъ Зевсъ, на седьмомъ Кронъ... И сія убо седьмъ звѣздъ суть на *седьми небесъхъ*, на всяко небо одина звѣзда, выше же седьмаго небеси суть другіи звѣзды, 12 числомъ, имъ же имени сіа: овенъ, юнець, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, ярець, скорпионъ, стрѣлецъ, козий рогъ, водолиатель, рыбы»²⁾. Изъ этого апокрифа видимъ также, что древней Руси сообщены были уже и восточныя свѣдѣнія о дѣленіи эклиптики, о 12 знакахъ Зодіака.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на небо ночью, весь небесный сводъ представляется усеяннмъ неодинаково-яркими и неправильно-расположенными звѣздами. За исключеніемъ немногихъ планетъ и кометъ, звѣзды имѣютъ неизмѣнное взаимное положеніе, почему онѣ и получили названіе неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ можно видѣть простымъ глазомъ почти до 3,250. Для легчайшаго обозрѣнія, уже въ глубокой древности раздѣлили звѣзды на группы, получившія названіе отъ героевъ, животныхъ и т. п. Эти группы означаются также созвѣздіями. Число созвѣздій, видимыхъ въ средней Европѣ, простирается до 57. Сколько извѣстно, уже инды и египтяне съ самыхъ древнихъ временъ раздѣляли звѣздное небо на нѣсколько созвѣздій. Особенно относится къ глубокой древности раздѣленіе зодіака на 12-ть созвѣздій. До этого дѣленія могли дойти древніе народы путемъ непосредственныхъ наблюденій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи кажется, что солнце постоянно измѣняетъ свое положеніе на звѣздномъ небѣ. Въ концѣ марта восходя прямо на востокъ, лѣтомъ оно восходитъ сѣвернѣе, зимой южнѣе. Лѣтомъ дневная дуга больше, зимой — почная. Это кажущееся движеніе солнца по звѣздному небу принято было въ древности за дѣйствительное. Казалось, что солнце пробѣгаетъ въ теченіи 365 дней весь кругъ небесный. И на этомъ

¹⁾ Историч. очерки русск. народн. словесн. Буслаева 1, 615.

²⁾ Памяти. стар. русск. литерат., вып. 3, стр. 156. Духоборцы, отвергая астрономическое или космическое значеніе 7 небесъ, понимали ихъ мистико-символически. „Седьмъ небесъ означаюгъ у нихъ седьмъ евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ: *первое небо* есть смиреніе, *второе небо* — разумніе, *третье* — воздержаніе, *четвертое* — братолюбіе, *пятое* — милосердіе, *шестое* — совѣтъ, *седьмое* — любовь.“ Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, смѣсь, 14.

годовомъ пути его, созвѣздія, проходимыя имъ, находятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Рыбы, Овенъ, Телецъ, Близнецы. Ракъ и Левъ на сѣверномъ: Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ и Водолей на южнымъ небесномъ полушаріи. Поясъ изъ этихъ 12-ти созвѣздій, пересѣкаемыхъ путемъ солнца, названъ Зодіакомъ. Въ древности, эклиптику раздѣлили сначала на 12-ть равныхъ частей, и потомъ каждую изъ этихъ частей на 30°, такъ что всего получается 360. Эти 12-ть частей называли *знаками Эклиптики*. Эти знаки получили названіе близлежащихъ созвѣздій Зодіака¹⁾. Самую древнюю попытку дѣлить Зодіакъ относятъ ко времени появленія *Naxatros* или отдѣленій эклиптики, которыхъ индѣйцы принимали сперва 27, а потомъ 28. Каждое изъ этихъ отдѣленій они дѣлили опять на 4 части, слѣд. $4 \cdot 27 = 108$. Эти понятія вскорѣ перешли къ египтянамъ, которые, какъ земледѣльческій народъ, вѣроятно, первые придумали раздѣлить эклиптику на 12-ть знаковъ. Они созвѣздія Зодіака посвятили 12-ти разнымъ божествамъ. Отъ восточныхъ народовъ понятіе о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака перешло къ грекамъ, и къ сѣвернымъ народамъ²⁾.

А отъ грековъ оно легко могло сообщиться и славянамъ. Славяне, какъ видно, и сами наблюдали за теченіемъ звѣздъ. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ Массуди (950-957 г.) знаемъ, что надъ славянскими храмами были надстройки для наблюденія точекъ восхожденія солнца, такъ же какъ древніе халдеи, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, наблюдали восхожденіе и захожденіе звѣздъ въ высокомъ храмѣ, построенномъ Семирамидою въ честь Ваала (Юпитера). Впоследствии, съ XVI вѣка, свѣдѣнія о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака сообщались русскимъ грамматикамъ и въ переводныхъ съ латинскаго или греческаго языка астрономіяхъ. Такъ, напр., въ предисловіи къ *астрономіи*, которое помѣщалось обыкновенно въ словаряхъ и азбучовникахъ, и нерѣдко попадается въ сборникахъ XVII вѣка, сама астрономія представляется говорящею о 12-ти знакахъ Зодіака: «*Овенъ* мой хребтомъ на полнощъ, главою же на востокъ, къ солнцу восходитъ и *Левъ*, да восходитъ и заходитъ обращаяся; *Стрѣлецъ* же восходитъ право и заходитъ стрѣмглавъ, яко низверженный, и прочая по чину своего устава»³⁾. Въ отреченной книгѣ, подъ заглавіемъ «громникъ дванадесятимъ мѣсяцамъ, събрано Пракліемъ царемъ отъ звѣдозаконія», такъ исчисляются 12-ть знаковъ Зодіака: «*Мартъ*, животное глаголемое *Овенъ*... *Апрѣль Юнецъ*... *Май Близнецы*... *Ракъ* *Іюнь*... *Левъ* *Іюль*... *Дѣва Августъ*... *Сентябрь Яремъ*.. *Скорпіонъ* (октябрь)... *Стрѣлецъ* *Ноембрій*... *Козерогъ* *Декабрь*... *Водолей* *Януаръ*... *Февраль Рыбы*...»⁴⁾ Заимствовавъ съ

¹⁾ См. Космическую физику Мюллера.

²⁾ Преданіе о распространеніи первыхъ астрономическихъ знаній съ Востока было и въ древней Руси: «*Загда чести отъ Вавилона, земля мѣрити отъ Халдѣевъ*». Сборн. Солов. № 925. Къ исторіи древней астрономіи и въ частности, вопроса о дѣленіи зодіака относятся, между прочимъ, изслѣдованія: Bailly, *Histoire de l'astronomie ancienne*; Dupuis, *Ueber den Ursprung der Sternbilder*; Stuhr, *Untersuchungen über die Sternkunde unter den Chinesen und Indiern*.

³⁾ Сборн. Сол. библи. № 861, л. 311—313.

⁴⁾ Памяти. стар. русск. литер., вып. 3.

Востока всѣ эти названія 12-ти знаковъ Зодіака, предки наши, разумѣли, не имѣли точнаго и отчетливаго понятія объ ихъ астрономическомъ значеніи, такъ же какъ и теперь простой народъ не имѣетъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній.

Кромѣ общихъ астрономическихъ преданій Востока, сообщавшихъ древней Руси и посредствомъ западныхъ, латинскихъ переводныхъ книгъ, — Византія сообщила русскимъ грамотникамъ нѣсколько особенныхъ, своеобразныхъ воззрѣній на звѣздное небо. Во-первыхъ, своимъ ученіемъ о небесныхъ духахъ и, въ частности, объ ангелахъ солнца, луны, звѣздъ, — она укоренила въ нихъ астрально-теологическій взглядъ на небо. Отсюда возникли эти библейски-богословскія пословицынашего народа: «Небеса повѣдаютъ славу Господню. Небо — риза Господня, небеса — престолъ его, земля — подножіе. Небо — теремъ Божій, звѣзды окна, изъ которыхъ вылетаютъ ангелы»¹⁾ и т. п. Отсюда проникло въ народъ, посредствомъ византійскихъ апокрифовъ, представленіе объ астральныхъ ангелахъ, напримѣръ, дикое представленіе о томъ, какъ будто бы *300 ангелъ солнце вращаютъ*, или доселѣ существующее крестьянское повѣрье, будто ангелы утромъ зажигаютъ звѣзды, а вечеромъ гасятъ, и т. п. Сюда же относится слѣдующее болгарское сказаніе: «вопросъ: какъ поютъ пѣтухи въ ночи? Отвѣтъ: когда возьмутъ ангелы солнце отъ престола Господня и понесутъ на востокъ, а херувимы ударятъ въ крылья свои, того ради на землѣ всякая птица потрепещетъ! тогда и пѣтухъ міру проповѣдуетъ. Въ византійско-русской бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ любопытно слѣдующее баснословіе о солнцѣ: «Истекаетъ солнце своимъ хожденіемъ, какъ повелѣно ему отъ Бога, и когда исходитъ, блистаетъ своими лучами. И тотчасъ же огненные грифесы, птицы небесныя, нарицаемыя финиксы и халедры, пролетаютъ передъ солнцемъ, и окунаютъ свои крылья по двѣсти разъ въ окіанской водѣ и кропятъ крыльями на солнце, да не поназитъ оно лучами весь міръ. И сгораютъ у тѣхъ птицъ перья отъ огня солнечнаго, и становятся голы, будто ошманины. А когда зайдетъ солнце, кунаются тѣ птицы въ окіанской великой рѣкѣ и обновляются, и опять пернатѣютъ крылья ихъ. Того ради и пѣтель пророкомъ именуется, имѣетъ подъ своими крыльями знаменіе на перѣ, и когда поидетъ солнце отъ запада къ востоку, тогда наскорбѣетъ у пѣтеля то перо; а когда уготовится солнце къ исхожденію, тогда почуветъ пѣтель, и открывъ голову, пробуждаетъ, и давая знать тѣмъ птицамъ, плещетъ крыльями своими проповѣдуя міру воскресеніе»²⁾. Это восточно-византійское сказаніе вполне согласовалось съ русскимъ народнымъ повѣрьемъ о пѣтухѣ, какъ священной птицѣ солнца. Изъ другихъ византійскихъ источниковъ, особенно имѣла вліяніе на міросозерцаніе народныхъ грамотниковъ апокрифическая бесѣда трехъ святителей. Такъ какъ, по многочисленности редакцій, она часто дополнялась извлеченіями изъ разныхъ источниковъ, то въ ней къ церковно-византійскимъ созерцаніямъ примѣшивались и воззрѣнія западныя, на-

¹⁾ Пословицы Да-ли. Чтен. моск. общ. истор. 1862 г., кн. 1, стр. 1029.

²⁾ Булаевъ, т. 1, стр. 501.

мѣръ извлеченія изъ Луцидаріуса. Такого рода вопросы и отвѣты о есныхъ свѣтилахъ въ ней разсѣяны: Василиій рече: отъ чего солнце ворено бысть? Иванъ р.: отъ выпрєннїа ризы Господни. В. р.: отъ чего та сотворена бытъ? И. р.: отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Госдня. Вопросъ: что есть мѣра отъ востока до запада? Толкъ: солнце луна и звѣзды. В.: Коль велицы планеты? Т.: философи намъ повѣдають, а луна столь широка, яко всю землю, кромѣ рѣкъ и морей, покрываетъ; а инце величествомъ вдвое, а планеты якоже луна. В.: Како намъ мнится, о звѣзды мали суть? Т.: Сїя есть тварь земная высота, яко аще бы яло солнце такъ высоко, что и звѣзды, и намъ бы такожь видѣлось, и звѣзды. В.: Нынѣ повѣядь о лунѣ. Т.: Луна есть меньшая планета и етъ нижеи всѣхъ къ землѣ, того (ради) судится по ней весь міръ» ¹⁾).

Съ XVI вѣка, въ отнорѣ византійскимъ источникамъ, стали проникать къ намъ міросозерцательныя произведенія латинскаго запада. Только тутъ высказались во всей ясности главные недостатки нашихъ предковъ: крайне-ограниченный умственный кругозоръ, невѣжество и безтактность въ выборѣ книгъ. Въмѣсто того, чтобы усвоить геніальныя троническія творенія Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона,—наши аматники брали у латинскаго запада старыя, полныя суевѣрій и заблуденій релігіозно-міросозерцательныя сочиненія. Одно только то хорошо, что съ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, стали обращаться за книгами къ западу. Какъ ни узокъ и ни теменъ тоже былъ кругозоръ міровоззрѣнія въ ихъ западно-латинскихъ, схоластико-богословскихъ космологическихъ сочиненіяхъ,—все же они нарушали, по крайней мѣрѣ, мутное, темное, зжизненное и пустое однообразіе восточно-византійскаго міросозерцанія. ни возбуждали въ любознательныхъ грамотныхъ поколѣніяхъ потребность чьаго-нибудь естествознанія, и если не сообщали истиннаго естествознанія, за то хоть завлекали любознательныхъ граматниковъ въ совершенно овую и необъятную сферу знанія, въ область природы и естествознанія. Хотя церковъ относилъ къ списку отреченныхъ книгъ переводныя космологическія произведенія латинскаго запада, однакожь они съ жаждой своялись любознательными грамотными людьми. Такъ въ XVI в. переведенъ былъ на русскій языкъ, какимъ-то Георгіемъ, вѣроятно, Токмазовымъ, исковскимъ намѣстникомъ, теологико-космологическій діалогъ, звѣстный подъ именемъ *Луцидаріуса*. Прототипомъ этой народной западной книги былъ *Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae*, который приписывается Анзельму Кантерберійскому, Гонорію тевскому и другимъ (*Guillaume de Coventry, Lanfranc*) ²⁾. Впрочемъ, изшнїа богословскія толкованія мало по малу были выброшены изъ Луцидаріуса, и онъ, послѣ разныхъ дополненій и передѣлокъ, сталъ главнымъ

¹⁾ Памяти. стар. русск. литер., вып. 3., стр. 169—178.

²⁾ См. подробности о Луцидаріусѣ въ лѣтописи русск. литерат. и старины, изд. поправовымъ, 1859 г., кн. I, отд. II, стр. 33—40. Въ XII в. Луцидаріусъ переведенъ былъ на пѣмекій языкъ. По изданію 1602 г., онъ такъ озаглавленъ: *M. Elucidarius allerhandt Geschöpfen Gottes, den Engeln, den Himmeln, Gestirn, Planeten und wie le Creaturen geschaffen seynd auf Erden, etc.*

образомъ діалогомъ о мірѣ, о небѣ, о звѣздахъ и планетахъ, и проч. хранивъ только общій физико-теологическій оттѣнокъ. Въ такомъ Луцидаріусѣ переведенъ былъ на русскій языкъ. Какъ пропѣніе латинскаго запада, и притомъ не чисто-богословскаго, а могологическаго содержанія, онъ съ самаго появленія у насъ подвергся нападкамъ со стороны церковныхъ писателей. Особенно Максимъ сильно вооружился противъ Луцидаріуса въ своемъ «посланіи къ нѣкому мужу поучительномъ на обѣты нѣкоего латынянина мудреца»¹⁾. Несмотря на эти нападки, Луцидаріусъ, какъ видно, съ большой охотой читался. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя его редакціи, сокращенія и дополненія. Его читали даже монахи Соловецкаго монастыря. Луцидаріусъ видимъ смѣсь разныхъ древнихъ ученій и сказаній о мѣстахъ аристотелевскаго, итломеевскаго, плиніевскаго, восточно-библейскихъ и другихъ. Потому, онъ исполненъ всеми древними заблужденіями и ерессями. Таковы все разсужденія о звѣздномъ небѣ: тутъ примѣшивъ и ученіе объ астральныхъ духахъ, и итломеева астрологическая фізика звѣздъ и планетъ, и все средневѣковыя астрологическія суевѣрія и суевѣрія. Выпишемъ для характеристики ученіе Луцидаріуса о звѣздномъ небѣ. Ученикъ вопроси: како есть небо сотворено? Учитель рече: святое именуется небо твердь есть сотворено, и на всяко время течетъ от стока на западъ; ему супротивъ течетъ солнце и луна и звѣзды. Ученикъ вопроси: откуда есть, еще мы зримъ, солнце и луна отъ востока къ западу течетъ! учитель рече: сіе бываетъ отъ небеси, понеже небо есть сильно, яко солнцу и лунѣ и звѣздамъ съ нощію на западъ теши, и идетъ на камень противу колесъ. Ученикъ рече: чего ради сотвори тако! учитель рече: того ради, небесное твореніе да не сокрушится да не сражается солнце и луна и звѣзды супротиву съ небомъ, сице течетъ вельми, аже то сокрушити. Ученикъ вопроси: откуда есть сіе небо безпрестанно течетъ? учитель рече: подъ небесемъ есть не един твореніе, идѣже оно на версѣ стоитъ, понеже оно кругло есть, и его шмачнь, яко Богъ вельми тако сотворилъ, даже безпрестанно теши и не можетъ стояти. Ученикъ вопроси: каково есть небо? Учитель рече: небо, еже мы твердь именуемъ, то есть сотворено отъ четырехъ составъ и есть подобно зеленѣ водѣ. Ученикъ вопроси: сколько суть небесъ? учитель рече: небеса суть трои: едино есть отъ земли даже до луны, второе отъ луны даже до звѣздъ, третіе надъ твердію, и бѣ именуемо огнемъ небо: на томъ есть Богъ самъ со всеми святыми своими. Ученикъ вопроси: и есть ли на двухъ небесѣхъ что сотворено? Учитель рече: отъ земли даже до луны лукавіи души, идѣже именуются идѣмони, и тѣ суть поставлени, даже человѣки отъ юностихъ дней отъ воздуха прельщъ души, а отъ луны даже до звѣздъ, воздухъ есть, огнянь вельми: пребываютъ святіи ангели; сѣи суть поставлени, да человѣки хранятъ лукавыхъ бѣсовъ... Ученикъ рече: что есть солнце безпрестанно теши

¹⁾ „Не луцидаріусъ, но паче небаріусъ (т. е. тенебаріусъ)“, — такъ называлъ Максимъ Грекъ.

на небеси? Учитель рече: небо есть кругло въ правду, по нему же ходять солнце и звѣзды безпрестани текутъ. И сіе разсуди! аще бо текли обоя по единой улици, и приткнулися бы другъ къ другу, еже имъ и сокрушится. Ученикъ рече: что ради сотвори Богъ тако? Учитель рече: елико отъ земли есть до луны, толико отъ солнца до звѣздъ, и звѣзды имѣють преобладающую часть, зане имъ небо ближе есть, а солнце послѣдуетъ звѣздамъ; улицы суть 12-ть на небеси, по нимъ же то солнце переходитъ въ единъ годъ, знаменующе 12-ть мѣсяцевъ въ коейждо улици теченіемъ, еже Богъ сотвори по изволенію, яко текіи солнце въ коемждо знаменіи, снче непрѣмляется годъ. Ученикъ рече: колицы есть планиты? Учитель рече: планитъ есть 7, противу дней, иже суть въ недѣли; двѣ же служатъ намъ наипаче, еже есть солнце и луна, прочіи же пять текутъ со звѣздами: едина глаголема Сатарнусъ, гречески же Кроносъ, яже выше всѣхъ течетъ, въ 30 лѣтъ исполняетъ теченіе свое: четвертая планита Венусъ, гречески же Афродитосъ, яже есть вечерняя звѣзда, въ два лѣта свое теченіе совершаетъ, едино лѣто предъ солнцемъ течетъ, а другое послѣ солнца; и егда течетъ предъ солнцемъ, тогда есть утренняя звѣзда, егда же послѣ солнца течетъ, тогда есть она вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: коя звѣзда есть утренняя, егда-жь Афродитъ, вечерняя звѣзда? Учитель рече: то есть пятая планита, именуема Марсъ, гречески же Ариссъ, подобно Афродиту, и высока на тверди ходитъ, и не могутъ ея познавати: та есть утренняя звѣзда, егда Афродитъ вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: повѣжда ми о прочіихъ планитахъ? Учитель рече: шестая планита есть Меркуріосъ, по гречески Ермисъ, та течетъ 7 лѣтъ предъ солнцемъ, и содержитъ въ себѣ мудрость. Седьмая планита Петеръ, гречески Зевесъ, та предъ солнцемъ течетъ 12 лѣтъ». Далѣе идутъ вопросы и отвѣты о величинѣ планетъ и звѣздъ, тѣ же самыя, которые выше приведены нами въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей. Затѣмъ, совершенно согласно съ ученіемъ Птолемея, идетъ рѣчь о физическихъ свойствахъ звѣздъ и планетъ и о ихъ физическомъ вліяніи на темпераменты людей. «Ученикъ рече: коего естества суть звѣзды? Учитель рече: сіе вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога преже человѣка вольна бываетъ: снче естя Богъ надъ всѣми звѣздами, и яко убо душу блюдетъ подъ твердію, и бая убо планита ближайши есть ей, отъ тое пріемлетъ человѣкъ свое рожденіе. Ученикъ: откуда тако сіе? Учитель рече: нѣкія планиты и звѣзды есть студены естествомъ, нѣкія волглы, нѣкія сухи: тѣ же самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго естества и сухаго, той молчаливъ и невѣренъ, а который студенаго и волглаго естества, той глаголивъ и вся борзо выскажетъ; а который сухаго и горячаго естества, то есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякія жены и есть непостояненъ въ любви. И того ради пишеть: яко планита Марсъ горячаго и сухаго естества, та дѣйствуетъ брани и нестроенія, и истезуетъ паче всѣхъ нечистоту; а коя горячаго и волглаго естества, та есть проста, милосерда и знатлива, и зѣлю похотлива. Ученикъ: како сіе бываетъ? Учитель рече: небесное естество толь крѣпко, ежъ земляному одолѣваетъ, и луна пріемлетъ мощь отъ солнца; и не дивися, еже

міръ судится по лунѣ: отъ четырехъ бо составъ сотворена. Ученикъ спроси: повѣждь ми о лунѣ. Учитель рече: луна есть меньшая планета и течеть всѣхъ нижайши къ земли. Того ради судится весь міръ по ней. Ученикъ спроси: что ради луна борзо убываетъ и борзо наполняется? Учитель: егда планеты сотворены бѣша, тогда луна воспріять воды много, яко жъ земля отъ солнца имать свѣтъ по себѣ, тако и луна, егда близъ солнца темна бываетъ и отрастаетъ до толѣ, доне лѣтъ солнцу начнетъ пакы послѣдовати и полна бываетъ. Ученикъ рече: почто ради луна приходить въ солнечное знаменіе, а солнце лунѣ послѣдовати не можетъ? Учитель рече: солнце течеть не прямо, а луна прямо, занежъ солнце въ своемъ знаменіи бываетъ и течеть годъ, луна же въ кождо мѣсяцѣ премѣняюща знаменія, и бываетъ въ солнечномъ знаменіи день единъ. Ученикъ спроси: что есть темнота юже видимъ въ солнцѣ? Учитель: егда сотворено бѣ солнце, воспріять водъ много отъ земли, и егда луна бываетъ студена, воспріимлетъ мощь отъ солнца, тогда луна, едина часть во свѣтъ, и темнота есть чернота въ солнцѣ. Ученикъ рече: что тако луна премѣняется? Учитель: сіе случается часто, егда луна станетъ противъ солнца на коей половинѣ, бѣ бо тогда старостию луна 14 дній, и солнце убо воспріимлетъ свѣщеніе лунное и бываетъ луна темна, и егда минеть солнце, пакы свѣтъ бываетъ. Ученикъ: повѣждь ми о звѣздѣ кометѣ? Учитель: звѣзда Комета даетъ блистаніе отъ себе яко лучъ, егда царство премѣнится, хощетъ и брани велицы на странѣ той: та жъ звѣзда Комета течеть съ прочими звѣздами, егда гдѣ божіимъ повелѣніемъ явится и свѣтитъ. Ученикъ рече: что мы видимъ, яко звѣзды спадающе съ небеси? Учитель рече: прежде повѣдахъ ти, яко звѣзда едина падеть, поразитъ весь міръ: нѣсть се звѣзда, но случается часто, зане на аерѣ бываетъ буря велия отъ вѣтровъ и воздуха, одолѣеть и въ воздухѣ огонь испущаетъ подъ звѣздами некры, и егда искра отскочитъ долу по воздуху, и людѣ мнятъ видяще, яко звѣзда падаетъ».

Въ XVI же вѣкѣ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ запада, стали проникати къ намъ и суевѣрія астрологін.

Возникши первоначально, вѣроятно, на востокѣ, у Халдеевъ, Персовъ и Египтянъ, астрологія особенно развилась у Аравитянъ. Этотъ умный и чрезвычайно пылкій воображеніемъ народъ искони любилъ наблюдать звѣздное небо, или караули свои стада по ночамъ, или сопровождалъ караваны въ ночное время. Подвижныя звѣзды съ солнцемъ и луною скорѣ показались ему чѣмъ-то особеннымъ, имѣющимъ могущественное вліяніе на судьбу человѣка. И такимъ образомъ у Аравитянъ естественно выработалась, вмѣстѣ съ божіе опредѣленнымъ сужденіемъ о солнцѣ и планетахъ, вѣра во вліяніе звѣздъ, въ астрологію. Съ этого времени, особенно со времени вымысла аравитяниномъ Мессагалой такъ называемыхъ 12-ти астрологическихкихъ жилищъ, играющихъ главную роль въ составленіи гороскоповъ, — наступилъ блестящій періодъ для астрологін. Она овладѣла всѣми умами, опредѣляла всѣ дѣла человѣка, вмѣшивалась во все. Предъ ней рабски преклонялись государственные мужи, и со страхомъ и благоговѣніемъ внимали ея оракульскимъ вѣщаніямъ. Кардиналы и епископы, государи и государственные люди, профессора, врачи и богословы, словомъ

всѣ представители лучшаго средневѣковаго общества собирались и толпились вокругъ астрологическихъ оракуловъ. Не одинъ разъ, придворные астрологи, по выраженію Шлейдена, какъ настоящіе тайные совѣтники министровъ управляли цѣлыми государствами. Даже знаменитые астрономы, эти, можно сказать, первые колумбы въ области звѣзднаго міра, не могли отрѣшиться отъ астрологическихъ предразсудковъ. Тихо Браге (1546—1601 г.), основавшій въ Давіи знаменитую обсерваторію Уранибургъ, вѣрилъ астрологіи. «Повинуясь истинѣ—говорить объ немъ Араго, мы съ сожалѣніемъ упоминаемъ, что человекъ, принесшій великую пользу наукамъ, не могъ бороться противъ предразсудковъ своего вѣка; онъ вѣрилъ астрологіи и алхиміи. Онъ вѣрилъ даже, что Марсъ предвѣщаетъ ему потерю носа. Вотъ на какомъ основаніи Тихо считалъ гороскопы неподлежащими сомнѣнію: «солнце, луна и звѣзды совершенно достаточны для нашихъ нуждъ, и потому планеты, обращающіяся по удивительнымъ законамъ, были бы твореніями бесполезными, если бы онѣ не имѣли вліянія на судьбу людей, и если бы астрологія не открыла ихъ силы. На томъ же основаніи Тихо допускалъ, что и кометы тайно дѣйствуютъ на землю, потому что въ натурѣ ничто не существуетъ безъ цѣли. Наконецъ, и звѣзды сотворены для того, чтобы поддерживать и возбуждать силу планетъ. По истинѣ, прибавляетъ Араго, грустно видѣть, что такими нелѣпостями наполнена была голова первокласснаго ученаго,—при томъ такого ученаго, который имѣлъ столько силы ума и духа, что освободился отъ предразсудковъ своего сословія, которое думало, что дворянинъ унижется, если напечатаетъ какое нибудь сочиненіе». Кеплеръ былъ мученикъ науки астрономіи, но и онъ вѣрилъ гороскопамъ, по крайней мѣрѣ высоко ставилъ астрологію. Въ одномъ мѣстѣ онъ написалъ: «свѣтила даютъ намъ одинъ только свѣтъ, и, по формѣ ихъ соединенія при рожденіи ребенка, ребенокъ получаетъ жизнь въ той или другой формѣ. Если лучи гармонируютъ между собою, то новорожденный получаетъ прекрасную форму души». Въ другомъ мѣстѣ онъ защищаетъ астрологію, какъ «дочь астрономіи, питающую свою мать¹⁾». Около полутора столѣтій до Кеплера, астрологіей занимались государи. Альфонсъ X Кастильскій, Людовикъ XI, Рудольфъ II, императоръ германскій, были ревностными астрологами и жертвовали большія суммы на успѣхи астрологіи. Какъ нѣкогда у большей части римскихъ и византійскихъ императоровъ астрологи были совѣтниками и даже часто пользовались особеннымъ, исключительнымъ почетомъ, въ званіи придворныхъ астрологовъ, такъ до конца среднихъ вѣковъ, почти всѣ правители, и даже сколько нибудь значительные люди, имѣли при себѣ своихъ астрологовъ, совѣтуясь съ ними въ важныхъ случаяхъ. Начиная съ XVI-го столѣтія, астрологія перешла въ календари и народную политику. Это, впрочемъ, было первымъ поводомъ къ ея распаденію, потому что въ 1699 г. въ первый разъ, рѣшеніемъ имперскаго сейма, въ календаряхъ были запрещены предсказанія (prognostica)²⁾.

¹⁾ См. Біографіи астрономовъ, Араго, Т. 1, стр. 23 и 35.

²⁾ Этюды Шлейдена: Валленштейнъ и астрологія. Для характеристики астрологическихъ предсказаній (prognostica), приведемъ одинъ образчикъ—календарь 1632 г.

Проникши въ XVI вѣкѣ въ русскую землю, астрологія и здѣсь имъ вліяніе на умы, хотя далеко не въ такой степени, какъ на западѣ. Занятый выходецъ-астрологъ, иѣкто Николай Нѣмчинъ былъ въ то вѣроизвѣстнымъ проводникомъ ея у насъ. И вѣроятно, астрологія значителъно овладѣвала у насъ умами многихъ, преимущественно, разумѣется, князей и бояръ. Иначе, строгіе ревнители церкви не находили бы нужнымъ постоянно обличать вѣру во вліяніе звѣздъ и предостерегать русскихъ читателей книгъ отъ «астрологовъ и звѣздочетъ». Въ стоглавѣ прямо сказано о современникахъ: въ «Аристотелевы врата и въ рафли смотря, и звѣздамъ и по планетамъ гадаютъ и смотрятъ днѣи и часовъ, и тѣми дѣяньскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ». Очевидно, что это сужденіе истекало изъ того, что православные русскіе начинали увлекаться этимъ латинскимъ обаяніемъ. Наши церковные учителя безъ разбору и слѣдовали и астрологію, и астрономію и математику. Припомнимъ Стоглавое Домострой и многочисленныя обличенія Максима Грека. Въ многочисленных спискахъ отреченныхъ книгъ постоянно повторялось: «а се мудрованія еретическая, имиже отводятъ отъ Бога и приводятъ бѣсомъ въ пагубу: и первая книга Мартолой, рѣкше *Острологъ*, вторая *Острономія*... Книги, въ нихъ же есть писано о часѣхъ злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено... Еще книги суть еретическія, *Звѣздочтецъ*, *Девятнадцать звѣздъ*, другіи чтецъ, ему же имя шестодневецъ, въ нихъ же безумнии людие вѣрующе волхвуютъ, ищуще днѣи роженій своихъ, саномъ полученія, рока жизни и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и купляхъ и въ ремеслѣхъ»¹⁾ Инокъ псковскаго Елеазарова монастыря Филофей такъ писалъ псковскому намѣстнику, дяку Мисюрю Мунеху (1510—1528 г.) о вліяніи звѣздъ на роженіе и на часы добрые или худы «что говорятъ о злыхъ часахъ, и производять отъ роженія челоуѣка по которой либо звѣздой, или въ часъ доброй или худой богатство и нищету».

Полное заглавіе его такое: Prognosis Astromantica. das ist: gründlicher Bericht ausföhrliche Beschreibung von den himmlischen Constitutionen und contingentische Sachen, so negst göttlicher Allmacht aus dem Lauf. Stand und Qualität der Planeten und andern Gestirn, auch aus den Finsternissen Wirkungen natürlicher Weise zu warten. Auf das Jahr u. s. w. 1633. Mit Fleisse gestellt und beschrieben durch Herrn de Werre, Astronom und Medicus zu Norden in Ostfriesland. Hamb. 1632.

Тѣто.

Оно будетъ печальное, кровавое и страшное не только въ верхней и нижней (солнцѣ, но и въ другихъ земляхъ, гдѣ люди, живя въ мирѣ и спокойствіи, не вѣруютъ въ возможность этого. Настанетъ страшная суматоха, которой иные будутъ очень рады. Какъ кому удастся (Мекленбургъ, Валахія, Юлихъ, Клевер). Одному духовнику угрожаетъ смерть, по крайней мѣрѣ, онъ едва избѣгнетъ смертельной опасности. Знатная дама сдѣлаетъ свое завѣщаніе. Кому нибудь, можетъ быть, придется сложить корону, а какому нибудь potentату и скипетръ, потому что предстоятъ большіе перевороты. Спасен Господи люди твои! О Deus, o Deus, Твоя всевышняя воля 27 іюля. Орлу (нѣмецкая имперія) отрубленъ кривой, слишкомъ длинный клювъ 6 августа. Левъ (Швеція) рычитъ. д. 12 августа. Тѣдятъ треску (Финляндія, шведская армія), какъ кому хочется. д. 27 августа. Орелъ помолодѣть.

¹⁾ Сборн. Солов. библи. № 860, л. 28—29.

добродѣтели и пороки, долготѣство и краткость жизни, то все кощунство ж басни, переданныя халдеями еллинамъ, а еллинами христіанамъ... Богъ управляетъ судьбою міра и людей, а не звѣзды: иначе, за что злые люди дѣлающіе зло подѣ влияніемъ звѣздъ, будутъ подвергнуты мукамъ въ вѣчности? Если бы худые часы сотворить Богъ, то онъ былъ бы виновенъ, что сотворилъ человека злымъ» ¹⁾. Отецъ писалъ сыну въ наставленіи, какъ учиться грамотѣ: «высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй: высочайши убо себе — *небесное измѣреніе*, а глубочайши тебе — *бѣсовское прорицаніе*. Въ томъ же наставленіи, какъ и въ Домостроѣ, *звѣздочетье* приравнивается, какъ тяжкій грѣхъ, къ блуду, къ скаканію и чуждѣнію, конскому уристанію, чарованію и волхвованію ²⁾. Несмотря, однакожъ, на всѣ такія запрещенія, вѣра во влияніе звѣздъ и планетъ овладѣвала умами и въ XVII вѣкѣ. По примѣру западныхъ императоровъ и королей, и московскій царь Алексѣй Михайловичъ приглашалъ Олеарія быть его дворцовымъ астрономомъ и вмѣстѣ астрологомъ. По словамъ современниковъ, онъ честию велію почиталъ альманашниковъ, какъ называли тогда астрологовъ. Московскимъ старовѣрамъ, начитавшимся обличеній противъ звѣздочетья, эта весьма не нравилось. Извѣстный расколоучитель, Ѳеодоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михайловича за то, что онъ «альманашниковъ любилъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «Царю благородный! како времени сего неиспытуешь: имѣши у себя мудрыхъ философовъ, *разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты прииномъ измѣряющихъ*: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени неизгадають. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши, и хоцещи виѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити. Пи ни!»

Извѣстное въ астрологіи соединеніе Сатурна и Юпитера, *Conjunctio major* и *maxima*, игравшее чрезвычайно важную роль въ разныхъ предсказаніяхъ западныхъ астрологовъ и обратившее на себя вниманіе даже Иделера, Гумбольдта и др., смутно отразилось и у насъ. Уже Абумассаръ въ сочиненіи *de magnis conjunctionibus* высказывалъ мечтанія о влияніи большихъ обращеній Сатурна (изъ которыхъ каждое принимается въ 300 лѣтъ) на судьбу сектъ и государствъ. Пресловутый кардиналъ Pierre d'Ailly, писавшій въ 1414 году и старавшійся примирить астрологію съ богословіемъ и исторіей, по примѣру Абумассара, на основаніи невѣрнаго вычисленія большихъ соединеній Сатурна и Юпитера, предсказывалъ политическіе и міровые перевороты, пришествіе антихриста, и, между прочимъ, будто бы указывалъ на 1693 и 1789 годы. Съ этой поры, по его предсказанію, *si mundus usque ad illa tempora duraverit, quod solus Deus novit, multae tunc et magnae et mirabiles alterationes mundi et mutationes futurae sunt et maxime circa leges*. Онъ предсказывалъ также, на основаніи тѣхъ же астрологическихкихъ вычисленій, что антихристъ, *cum lege sua dampnabile*, пришествія котораго Колумбъ ожидалъ уже въ 1656 году, не замедлитъ явиться:

¹⁾ Послан. Филофея. Хроногр. Солов. библ. № 53, л. 343—344.

²⁾ Сборн. Солов. библ. № 925, л. 63—68.

это, если не вполне достоверно, то *verisimilius suspicio per astronomicis indicia*.

Предсказанія d'Ailly имѣютъ, если не прямую связь, то большое сходство съ подобными предсказаніями, существовавшими и въ Россіи съ XV вѣка и до XVIII. Подобно d'Ailly и Колумбу, который изъ трактата *de Concordia astronomicae veritatis cum narratione historica* заимствовалъ идею об опасности большихъ обращеній Сатурна и 7000 годахъ, и ждалъ антихриста въ 1656 году, и у насъ съ XV вѣка распространялось смутное опасеніе 7000 годовъ, ожиданіе съ началомъ ихъ политическихъ переворотовъ, пришествія антихриста и кончины міра. Астрологъ Николай Нѣмчинъ поддерживалъ это суевѣріе, проявившееся за тѣмъ во всей силѣ въ расколѣ. Потомъ, во второй половинѣ XVII вѣка, нѣкоторые, подобно Pierre d'Ailly, по большому соединенію Сатурна и Юпитера, предсказывали гражданскія смуты и перевороты. Такъ, въ 1665 году, какой то «*мужъ мудрый*», на вопрошеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича о хотящихъ быти въ гражданствѣ, слѣдующее предсказывалъ «*по великому слученію высочайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса*»: «яко въ гражданствѣ имутъ быти тайная скипетровъ похищенія, и смерти, яко естественныя, тако напрасныя людей вельможныхъ, имже послѣдуютъ великія молвы и смущенія и различныя постановленія уряду градскаго, ненавистная и въ поносъ и укоризну висящая законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія, и для того великія будутъ сеймы многонародныя и чувствительныя, Богъ да избавитъ, да нѣкое опредѣленное злое оттуду выскочитъ, симъ вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ, гдѣ будетъ судъ и правда, и брани неоскудѣютъ, подданные возстанутъ противъ правителей за то, что сердца ихъ суть опечалены и тоскою наполнены, хотя нѣцы вельможи о упокоеніи уставительномъ и помыслятъ и всяку жилу натянуть, чѣмъ бы колеблемый оный народъ успокоиться могъ бы, обаче мало помогутъ. Къ симъ будутъ сонмища, казни истощатся, и которые мучители зѣлнѣ възсвирѣпѣютъ, погибнутъ, Бога же чтущіи соблюдутся. *Cie предусмотрѣніе сотвори онъ (мужъ мудрый) отъ великаго слученія высочайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса*»¹⁾.

Обратимся теперь къ собственно-народнымъ воззрѣніямъ на звѣздное небо, которыя развивались большею частію совершенно независимо отъ книжныхъ мудрованій о небесномъ мірѣ, и во многихъ отношеніяхъ совершенно отличны отъ нихъ. Обозрѣвая полный кругозоръ самобытнаго народнаго міросозерцанія вообще, — мы примѣчаемъ въ немъ, во первыхъ, преобладаніе непосредственно-натуральныхъ впечатлѣній, естественно-образительныхъ и мифологическихъ воззрѣній надъ разумнымъ знаніемъ явленій природы, во вторыхъ, примѣчаемъ преобладаніе жизненно-примѣнительнаго, естественно-бытового, или природо-гадательнаго взгляда на физическій міръ надъ міросозерцаніемъ отвлеченно-познавательнымъ или теоретическимъ. Всѣ эти отличительные признаки непосредственно-нату-

¹⁾ Лѣтописн. сборникъ, принадлеж. профес. Григоровичу, половинна 2: извѣщеніе о причинахъ протесствій 1682 и слѣд. годовъ.

ьнаго народнаго міросозерцанія обнаруживаются, въ частности, и въ на-
ныхъ воззрѣніяхъ на звѣздное небо.

Теперь необразованный, простой народъ нашъ большею частію пред-
вляеть небо такъ, какъ оно кажется на видѣ, т. е. просто—покровомъ,
лочкой земли, и потому понятіе *небо* *по-так*о часто смѣшивается. Цер-
но-славянскія, библейско-богослужебныя выраженія о небесахъ, какъ
акахъ, подкрѣпляли такое народное представленіе ¹⁾. Въ языческія же
мена, предки наши представляли небо въ олицетворенномъ образѣ, въ
ѣ божества—Сварога. Сварогъ, индійское *coelum indri*, отъ санскр.
рѣ небо и *га* хожденіе, означалъ: 1) небо; 2) небесный свѣтъ, и 3) боже-
ю неба, точно такъ же, какъ у древнихъ Финновъ, по словамъ Кастрена,
*wort Jumala eine dreifache Bedeutung hatte und 1) Himmel; 2) den Gott
Himmels; 3) eine Gottheit im Allgemeinen bezeichnete* ²⁾, или какъ у
головъ *тэнгри* означаетъ: 1) небо (*ciel*) и 2) божество неба (*génie du
l*) ³⁾. Поэтому, какъ финны зывалъ къ своему Юмалѣ или Укко:
umala, taatto vanha taivahinen, — о Gott dort oben, alter Vater in dem
imel, или какъ Бурятъ доселѣ зываетъ къ тэнгри: «тэнгри чи мэдэ—
ю, ты знай: такъ и славянинъ зывалъ нѣкогда въ сохранившихся
нынѣ заговорахъ народныхъ: «ты, небо, видишь, ты, небо, слышишь»!
словицы крестьянскія говорятъ: *небо*—отецъ. Сѣй, разсѣвай, да на *небо*
рай. Не земля хлѣбъ родить, а *небо*», и. т. п.

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жи-
цемъ божества, сохранилось до-нынѣ существующее въ народной поэзіи
дставленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба*, или *лицами* небеснаго Бога.
ическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ
ми неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и
зды называютъ очами неба. Въ образѣ германскаго верховнаго бога—
этана олицетворялось дневное небо, съ высоты котораго солнце, словно
мадное всемірное око божества, озираетъ вселенную (*mit diesem Auge über-
aut die Gottheit die gesamte Welt, sie durchdringt alles*). Тоже пред-
вленіе греки соединяли съ солнцемъ (*ἥλιος*). Какъ по пѣсни Wolf-
п'a 8, 28:

Obe der sunnen dri mit blicke waeren
Sin möhten zwischen si geliuhten:
Alle gestirne blicken auf die menschen hernieder;

къ точно, по изображенію Иліады:

Ὅθι' ἄν νῶϊ διαβράχαι: ἥλιος παρ,
Ὅυτα καὶ ὀφύτιον πέλαται: φάος ἐιστοράσθαι.

¹⁾ Такое простое представленіе такъ естественно было, что одинаково свой-
енно и другимъ народамъ. Der Himmel, скажемъ словами Гримма, deckt die Erde
l das Wort stammt aus der Wurzel *hima* (tego, involvo, vestio: lith. danguscoelum, den-
tego. In Westfalen bedeutet hebenseher umzognen Himmel ohne Regen, ja heben
iekt Wolke aus Sanser. *nabos*, slav. *nebo* (coelum), grec. νέφος, lat. *nubes, nebula*, lett.
bes (coelum) debbes (nubes). D. M. 661—662.

²⁾ Kastren's Vorlesungen über die Finnische Mythologie. 1853. 24.

³⁾ Dictionnaire Mongol-russe-français. t. III, p. 1763.

Или, по изображенію Эсхила: Προφῆτων ἄστρον πυρρός, ὀφθαλμός (Aesch Sept. c. Th. 390).

Подобныя воззрѣнія на свѣтила небесныя образовались и въ славяно-русскомъ народѣ во времена мифологическаго міросозерцанія, и сохраняются отчасти доселѣ. И теперь, напр., въ Восточной Сибири, въ селахъ говорятъ о солнцѣ: *Богъ глядитъ съ неба*. Изстаринное представленіе солнца окомъ или отсвѣтомъ, сіяніемъ лица Божьяго перешло въ народную христіанскую поэзію. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ представляется:

Солнце красное *отъ лица Божьяго*.

Сербы *восходъ солнца* называютъ *прозоромъ Божиимъ*. Въ одной сербской пѣснѣ поется, что Богъ заповѣдалъ тремъ ангеламъ сойти на землю:

Од Божијег прозора
Од сунчевог нетока.

Какъ древній германецъ, по словамъ Тацита, Solem respiciens et cetera sidera vocans, quasi coram interrogabat, velletne intueri inane solum — такъ нѣкогда и славяне поклонялись *солнцу*, въ образѣ божества Хорса-Дажь-бога. Солнце представлялось благотѣльнымъ, животворнымъ земледѣльческимъ божествомъ природы, царемъ ея. Отсюда сохранились эти наивно-дѣтскія эпическія воззванія народа къ солнцу красному, какія приговариваютъ въ селахъ весной, въ первый день пасхи, и когда облака и тучи заволокутъ небо, и день станетъ пасмурный:

Солнышко, солнышко ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ... ¹⁾.

Всѣ инородцы, финскіе и тюрко-монгольскіе, какіе доселѣ обитаютъ въ Россіи и въ Сибири, также представляли и большею частію доселѣ представляютъ солнце и другія небесныя тѣла божествами — самостоятельными хозяевами въ своихъ небесныхъ жилищахъ. Такъ монголы воздавали особенное богопочтеніе солнцу; шаманы ихъ, призывая это божество, дѣлаютъ въ честь его обычныя возліянія изъ молока, или арахы. Тунгусы, по словамъ Георги, чтятъ солнце — *Delatscha* или *Tirgani*; мѣсяць — *Bega* и звѣзды —

¹⁾ У нѣмцевъ было такое же представленіе о солнцѣ. Sonne — говоритъ Гриммъ gleich den andern Göttern als *froh, lieb und gnädig* dargestellt wird. O. IV. 33, 6 nennt ihr „gesiuni *blidaz*, thes sich ioh worolt *frewita*“, und ein Gedicht des 13 Jahr. druckt sich so aus:

Wol dir *frouwe Sunne*
Du bist al der werlt *wunne!*
Sô ir die *Sunnen vrô* sehet
Shoenes *tages* ir *jehet*
Der *êren* ir der *Sunnen* sehet
Swen ir si in *liehtem schine* sehet. Grimm, 668.

Ositka; преимущественно же поклоняются солнцу и смѣшиваютъ его съ верховнымъ божествомъ—*Buga* ¹⁾). Такое же почитаніе солнца, вмѣстѣ съ луной и звѣздами, господствовало у самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ и даже у татаръ. Финны и эсты поклонялись солнцу, мѣсяцу и прочимъ небеснымъ тѣламъ въ ихъ непосредственномъ, матеріальномъ видѣ. *Kuu* у нихъ означалъ мѣсяцъ и божество мѣсяца, *Päiva*—солнце и божество солнца, *Otava*—большую медвѣдицу и божество ея, *Tahti*—звѣзды и божество звѣздное ²⁾). Солнце и у финновъ пользовалось преимущественнымъ почитаніемъ, какъ божество свѣта, тепла и земледѣлія ³⁾). Мордва и чуваша, говоритъ Лепехинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, солнце и луну не только за божество почитаютъ, но и приносятъ жертву солнцу въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячіе, и приносятъ имъ въ жертву овецъ, гусей и проч., съ такою молитвою. Мордва молится солнцу: «кебеди валюги каубавасъ тряда, ванда шибавасъ кубавасъ; вышнее солнце свѣтитъ во все царство: свѣти и намъ и на нашъ міръ!» Новомѣсячію: «кебеди валюги шибавасъ тряда, ванда кубавасъ: мѣсяцъ свѣтитъ во все царство; освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ» ⁴⁾!

Кромѣ міеологическихъ оттѣнковъ, въ народномъ взглядѣ на солнце, мѣсяцъ и звѣзды господствуетъ еще воззрѣніе символическое, образно-загадочное. Не умѣя астрономически, научно разсматривать такія величественныя явленія неба, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — народъ нашъ изстари смотрѣлъ и теперь смотритъ на чудеса звѣзднаго неба безъ всякаго разумаго, отчетливаго пониманія. Не зная, какъ точно описать, обрисовать, изобразить ихъ своимъ словомъ, онъ описывалъ ихъ, въ формѣ загадокъ и пословицъ, образами земными, домашне-бытовыми, земледѣльческими, скотоводными. Иначе, при отсутствіи научныхъ астрономическихъ понятій, умъ и языкъ народный не могъ и выработать отчетливо-выразительныхъ, точныхъ словъ и опредѣленій относительно солнечнаго и звѣзднаго міра, и потому, дѣтски-наивно, такъ сказать, лепеталъ только о солнцѣ и звѣздахъ, въ загадкахъ и пословицахъ. И загадки эти, нѣкогда проистекавшія изъ пытливой любознательности младенческаго ума, теперь большею частію просто служатъ веселой, подъ часъ юмористической забавой—празднаго ума, незнающаго болѣе разумаго и возвышеннаго наслажденія—просвѣщеннаго, раціональнаго созерцанія и познаванія неба. Въ этомъ младенческомъ состояніи астрономическаго міросозерцанія находится нашъ простой народъ и теперь. Онъ, сквозь земные, домашне-бытовые образы, смотритъ на звѣздное небо, и такъ гадаетъ въ своихъ пословицахъ о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ: «Что выше лѣсу? Солнышко.

¹⁾ Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Bd. 1, S. 275.

²⁾ Kastren's, finnische Mythol. 53 и слѣд. см. подробности о *Päiva*, *Kuu*, *Otava*, *Tahti*, о сыновьяхъ и дочеряхъ солнца о проч. 5, 53—61.

³⁾ Es ist sehr wahrscheinlich,—говоритъ Кастренъ,—dass der Sonnengott von den Finnen der Vorzeit auch wegen seiner wärmenden Eigenschaft im Allgemeinen und besonders wegen seiner ernährenden, die Erde befruchtenden Natur verehrt wurde. Finn. Myth., S. 61.

⁴⁾ Полн. собр. путешеств. по Россіи. т. III, стр. 178.

Что краше свѣта? Красное солнышко. По зарѣ зарянской катится шаръ вертянской: никому его не обойти, ни объѣхать (солнце). Красная дѣвушка въ окошко глядитъ (солнце). Красная дѣвушка по небу ходитъ (солнце)¹⁾. Сивый жеребецъ черезъ ворота глядитъ (мѣсяцъ). Лысый меринъ подъ ворота глядитъ (тоже). Бѣлоголовая корова въ подворотню смотритъ (мѣсяцъ). Баранъ въ хлѣвѣ, рога въ стѣнѣ (тоже)²⁾. Шель я мимо, видѣлъ диво: виситъ котелъ въ девяносто ведръ (мѣсяцъ). Безъ крыльевъ летитъ, безъ кореньевъ растетъ (мѣсяцъ). Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка (тоже). У насъ надъ дворомъ краюха виситъ (луна). Надъ дворомъ-дворомъ, стоитъ чаша съ молокомъ (мѣсяцъ). Идетъ лѣсомъ — не треснетъ; идетъ плесомъ — не плеснетъ (тоже). Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастухъ рогатый (звѣзды и мѣсяцъ). Полна печь пироговъ, посреди коровай (звѣзды и мѣсяцъ). Погляжу я въ окошко, стоитъ рѣны лукошко (небо и звѣзды). Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому не собрать, ни понамъ, ни дьякамъ, ни дьячкамъ, ни намъ, дуракамъ, ни серебряникамъ (звѣзды). Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ (звѣзды). Вся дорожка осыпана горошкомъ (звѣзды на небѣ). Разсыпался коверъ по всѣмъ сторонамъ: никому не собрать, ни понамъ, ни дьякамъ, ни серебряникамъ (звѣзды). Шли козы по мосту, увидѣли зорю, попрятались въ воду (звѣзды). Катилися каточки по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, пали въ воду (звѣзды). На избѣномъ конькѣ пестра подушка лежитъ (звѣзды). Безъ огня горитъ, безъ крыль летитъ (солнце)³⁾.

Не имѣя разумнаго, научно-астрономическаго понятія о солнечной системѣ, о суточномъ движеніи земли около солнца — нашъ простой народъ доселѣ руководствуется своеобразными непосредственными впечатлѣніями и наблюденіями и соединенными съ ними суевѣріями. Представленіе о кажущемся суточномъ теченіи и круговращеніи солнца по небу, надъ землей, такъ въкоренилось въ понятія народа, что проникаетъ ихъ бытъ и вѣрованія. У него свои, совершенно особенныя понятія и выраженія о солнцѣ. Напр., солнце представляется ему *колесомъ* и *шаромъ вертящимся*: «на зарѣ зарянской катится шаръ вертянскій, никому его не обогнать, не объѣхать». О свойствахъ солнца гадаютъ: «Что безъ огня горитъ? Солнце. О *солнечно*мъ

1) Представленіе солнца въ женскомъ родѣ ведетъ свое начало изъ языческой мнѳологіи. Самое слово солнце, въ первоначальной, коренной своей формѣ *сѣлънь* (солонь), по мнѣнію Буслаева, женскаго рода. Въ слѣдствіе первоначальнаго женскаго значенія, солнце, по народнымъ сказаніямъ, поворачивая на лѣво, наряжается въ праздничный, *дѣвичій сарафанъ*. Въ Ивановъ день, куклу, представляющую солнце, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Точно также германцы представляли *solem esse deam*, vocans eam *sanciam dominam*. См. подробности о женск. полѣ солнца, по древнимъ понятіямъ у Гримма, D. M. 666.

2) Представленіе мѣсяца въ образѣ животныхъ ведетъ свое происхожденіе изъ зооморфической мнѳологіи звѣроловнаго и пастушескаго быта, когда свѣтила представлялись подъ образомъ разныхъ животныхъ, и особенно подъ образомъ быка и коровы. См. подробности въ статьѣ г. Афанасьева: о зооморфическихъ божествахъ у славянъ. Отеч. зап. 1852 г. Также, арх. Калачева, книги второй половины 2, стр. 19.

3) Поговорки, собр. Далемъ.

лучь загадка говоритъ: «изъ окна въ окно золото веретено». О солнцѣ, когда оно близко къ восхожденію и когда горизонтъ уже освѣтился, говорятъ въ нѣкорыхъ мѣстахъ: *солнышко спорыдасть*, свои лучи оно *брызжетъ* или *разбрызгиваетъ*. Дѣйствіе восхожденія солнца индѣ выражаютъ безличнымъ глаголомъ: «*взрало*», «*взрало солнце*», *разсвѣло*, *взошло красно солнышко* и т. п. Съ восходомъ солнца простой народъ нашъ доселѣ безсознательно соединяетъ первобытное представленіе о дѣйствительномъ выходѣ, какъ бы вытеченіи солнца изъ-за горъ, изъ-за лѣсу, изъ-за моря, такъ же какъ и всѣ народы имѣли такое первоначальное понятіе объ этомъ явленіи. Древне-нѣмецкое выраженіе о восходѣ солнца *agrinnit* такое же понятіе выражаетъ и однозначительно съ латинскимъ *manare diei principium mane, quod tum manat dies ab oriente* (Varro 6, 4) *manare solem* antiqui dicebant, cum solis orientis radii splendorem jacere coepissent. Восходъ солнца и востокъ имѣли религиозное значеніе въ язычествѣ. Встающій отъ сна обращался къ восходящему солнцу и молился. По эпическимъ пѣснямъ и былинамъ народнымъ, всѣ богатыри и герои имѣли обычай молиться на востокъ: «онъ молодецъ отъ сна пробуждается, утренней росой умывается, бѣлымъ полотномъ утирается, на востокъ Богу—молится». (Древн. росс. стихотв., стр. 258). Восходъ солнца давалъ человѣку опознаваться, ориентироваться въ окружающей его природѣ, опредѣлялъ понятіе о правомъ. Отсюда въ одномъ народномъ заклѣтіи выраженіе: «*солнце деснуеть*». ¹⁾ Начиная съ восхода, все дневное теченіе солнца по небу имѣло для нашихъ предковъ не только время — опредѣлительное, но и какое-то особенное, священное значеніе. По солнцу совершались *святые* обряды. И въ церкви должно было ходить непременно *по-солонь*, а отнюдь не противъ солнца. Потому-то старовѣры и подняли такой жаркій споръ о *рожденіи по-солонь*, такъ какъ *солонovanje* было неконнымъ народнымъ обычаемъ, а не греко-восточнымъ установленіемъ. Далѣе, по областнымъ народнымъ нарѣчіямъ, солнце приходитъ на *притинъ*, когда въ полдень подымается до высшей точки на небѣ. Оно *звѣаетъ*, если по временамъ является изъ-за тучекъ, то спрячется, то опять покажется; говорятъ: *солнышко спряталось*. Когда солнце закрывается бѣлыми облаками,—поморцы говорятъ: *солнышко замолодѣло*. О дальнѣйшемъ кажушемся теченіи солнца говорятъ: *солнце съ избы своротило*, т. е. съ лица избы, съ юго-восточнаго угла, гдѣ башнища, перешло, значить, за полдень. Сворачивая съ полдня и опускаясь къ западу, солнце *когится*; и когда въ дали по горизонту тянутся густые сплошные облака, тогда оно садится въ *стѣну* ²⁾. О заходѣ солнца говорятъ: «*солнышко закатилось, съло*» и т. п. Куда оно *закатилось*, нашъ народъ не даетъ никакого отчета. Старинные наши книжники представляли солнце близъ одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей земли: тамъ указывали *солнцевое мѣсто*, откуда оно по-утру восходитъ. Такъ въ космографіи XVII в. писалось: «страна Фарматы нагія подъ самымъ востокомъ солнца, вѣрують же на небо и къ Богу... Да туто

¹⁾ Архивъ Калачова, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 73—55.

²⁾ Буслаевъ, 1, стр. 184.

жѣ подѣ *востокомъ солнца* есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія 4 рѣки райскія... И ту *подѣ востокомъ солнца* человѣкамъ нѣсть жилища» ¹⁾. Въ лѣтописяхъ упоминается какой-то *Солнцевъ градъ* въ индѣйской странѣ. Напр., по случаю мора 1352 г., новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ: «нѣцыи рѣшай той моръ пошелъ изъ индѣйскія страны, отъ *Солнца града*», (Новг. IV, 61). По народнымъ повѣрьямъ, представляется также солнцего мѣсто на морѣ на Океанѣ, на островѣ Буянгѣ. По другимъ славянскимъ повѣрьямъ, солнце склоняется вечеромъ въ воду, въ купальню, чтобы очиститься, и утромъ восходитъ оттуда въ чистомъ лучезарномъ блескѣ. Иначе море представляется матерью солнца, которая ночью склоняетъ и успокаиваетъ его въ своихъ объятіяхъ ²⁾. Такъ-какъ въ языческія времена, солнце почиталось божествомъ жизни, земледѣльческаго богатства и всякаго счастья, вся дневная жизнь нашихъ предковъ, такъ сказать, вращалась по солнцу, по-солонь, — то, съ закатомъ солнца, съ прекращеніемъ его благотворнаго свѣта, дѣлать, или начинать что нибудь, по примѣтамъ нашего народа, значило — какъ бы идти противъ солнца и вредить себѣ. Суевѣрныя примѣты говорятъ: «когда солнышко закатилось, не починай новой ковриги: разстроится богатство. Солнышко закатилось, не бросай соръ на улицу: пробросашься».

Космическія и атмосферныя явленія свѣта небесныхъ тѣлъ доселѣ остаются тайною для темныхъ массъ народныхъ. Простолюдины, да и многіе учившіеся въ среднихъ и высшихъ училищахъ, не только не умѣютъ объяснить такихъ явленій, какъ напр., аберацію свѣта, образованіе голубого цвѣта неба, или различныя комбинаціи и степени отраженія свѣта въ мельчайшихъ водяныхъ пузырькахъ, плавающихъ въ воздухѣ, рефракцію, сверканіе звѣздъ, миражъ, радугу и другія явленія, производимыя преломленіемъ и отраженіемъ свѣта, но не понимаютъ и не могутъ объяснить и закона распространенія обыкновеннаго дневнаго свѣта. Они не знаютъ, напримѣръ, что свѣтъ солнечный пробѣгаетъ въ одну секунду около 42,000 миль, что каждая частица воздуха, или водяныхъ паровъ, или частица пыли и дыма въ воздухѣ, задерживая часть падающаго на нее свѣта, производитъ отраженіе и разсѣяніе свѣта, что это отраженіе и разсѣяніе свѣта внутри атмосферы и есть причина обыкновеннаго дневнаго свѣта, и проч. Простой народъ нашъ довольствуется простымъ представленіемъ, что свѣтъ отъ солнца, что солнце *разбрызгиваетъ* свѣтъ и т. п. Скорость и неуловимость распространенія свѣта онъ представляетъ подѣ образомъ тайнаго, невидимаго, неуловимо-быстраго подкрадыванія. Не умѣя ясно и отчетливо представить и объяснить явленій свѣта, онъ выражаетъ понятіе о свѣтѣ и его распространеніи иносказательно, символически, по обычному приему своего эническаго міросозерцанія. Таковы, напр., слѣ-

¹⁾ Сборн. Сол. библ. № 861. № 274—275.

²⁾ Hanusch, Slavisch. Myth., S. 201, Гриммъ говоритъ: „Wohin aber wendet sich die Abendsonne zur Ruhe, wo ist ihr Gemach gelegen? Nach dem ältesten Ausdruck taucht sie ins Meer, in den kühlen Wogen ihre Glut zu löschen, im ags. . . *on mere gange, under soe suife*“, и проч. По древне-нѣмек. представленію, божество солнца *zu bade geht*. 1). M. 702—704.

дующія загадки и пословицы о свѣтѣ и его явленіяхъ: «Бѣлая кошка лезетъ въ окошко (свѣтъ). Ни стукъ, ни брякъ, къ окну подошелъ (свѣтъ). Изъ окна въ окно золото веретено (лучъ солнечный). Мету не вымету: пора придетъ, самъ уйдетъ (свѣтъ солнца). Чего въ коробейку не спрятать и не запереть? (Свѣта). У тебя есть, у меня есть, у дуба въ полѣ, у рыбы въ морѣ (тѣнь). По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ (тѣнь). Разныя отраженія солнечнаго свѣта на предметахъ областныя нарѣчія наши выражаютъ также просто, по наглядности. Напр. если солнце освѣщаетъ предметъ—это выражаютъ словомъ *освѣтитъ*; если не освѣщаетъ, то говорятъ: *усолонь* или *усолонье*. Дѣйствія атмосферной рефракціи, или разнообразныя странныя явленія, производимыя необыкновеннымъ преломленіемъ свѣта въ сосѣднихъ воздушныхъ слояхъ различной плотности, простолюдны выражаютъ по своему, безъ всякаго пониманія и объясненія. Напр., когда предметъ измѣняетъ видъ свой отъ преломленія лучей въ воздухѣ,—поморцы говорятъ: *временитъ*; *острова временятъ*, т. е. измѣняютъ свой видъ отъ дѣйствія рефракціи. Или, когда воздухъ въ дали представляется какъ бы дрожащимъ отъ дѣйствія рефракціи,—тѣже поморцы, необъясняя этого явленія, говорятъ: *мельзтитъ*. Въ восточной Сибири, въ приленскихъ селахъ, когда видятъ кажущееся лѣтомъ въ дали, въ поляхъ, непрерывное и быстрое передвиженіе или дрожаніе воздуха, происходящее отъ дѣйствія рефракціи и отъ безпрестаннаго движенія неодинаково-плотныхъ воздушныхъ слоевъ,—говорятъ, что то начинающіе цвѣсти хлѣба играютъ.

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма немного звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представляетъ баснословно, нисколько не изображая ихъ истинной космической природы. Именно, изъ всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ видно до 3.250, изъ всѣхъ созвѣздій, передъ взорами нашего простаго народа, какъ и передъ взглядомъ другихъ народовъ, особенно ярко выступаютъ три: Большая Медвѣдица (*Ursa Major*), Оріонъ и Плеяды.

Большую Медвѣдицу, которую, на сѣверномъ небѣ, во всякое время легко можно найти по замѣчательному созвѣздію, содержащему шесть звѣздъ второй и одну звѣзду третьей величины, — наши крестьяне называютъ *Коромыслъ* (Оренбургской губ.), также *Лосѣ* или *Лось* (Олонецъ и Вятской). По этому созвѣздію крестьяне узнаютъ полночь¹⁾. У грековъ Большая Медвѣдица называлась *ἄρκτος* (*ursa*) и *ἄμαξα*, у римлянъ *ursa* и *plaustrum*, также *septentriones*, у нѣмцевъ *Wagen*, у французовъ—*char*, *chariot*, у поляковъ *wóz* (*plaustrum*), у богемцевъ *waz* и *okna*, у иллирійскихъ славянъ *kola* и *kolo*²⁾. Финская мифологія называетъ Большую Медвѣдицу *Otava* и представляетъ ее божествомъ, имѣющимъ дочь *Otarutar*³⁾.

Прекрасную группу ярко-блистающихъ звѣздъ, которую греки назы-

¹⁾ Великорус. областн. словарь, см. означ. слова.

²⁾ Grimm. D. M. s. 688.

³⁾ Kastren, Finnische Mytholog. s. 54. 58.

вали *Оріонюмъ* (*ορίων*), или эти три взаимно-соприкосновенныя звѣзды, образующія поясъ Оріона или жезлъ Іакова, крестьяне наши называютъ *кучки* и *кучиги*. У славянъ Оріоновъ поясъ называется *kosi*, у богемцевъ — *kosy*, у словаковъ *kozzi*, у краинцевъ — *palize*, у босняковъ — *shtupka*, у другихъ славянъ — *babini setari* и *kruzilice*, и т. д.¹⁾

Близъ Тельца, видно густо усеянное, скученное звѣздами мѣсто, въ которомъ распознаются семь большихъ звѣздъ. Это созвѣздіе *Плеядъ*²⁾. крестьяне наши называютъ *кучки* (нижегород.), также *утичы гнѣздо* (вятск. и друг.) *кюччи петровы* (воронежск.), *баби* и *стожаръ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ созвѣздіе плеядъ служить крестьянамъ примѣтой удачнаго промысла за медвѣдями! «Если звѣздисто и стожаръ (созвѣздіе плеядъ) горитъ — иди смѣло на медвѣдей», — говоритъ одна примѣта. Богемцы называли Плеяды *slepices kuratky*, венгерцы — *fiastik*, *fiastyuk* отъ *tik*, *tyuk gallina*. поляки — *babu*, сербы — *klaschitzi*, *klaschnitzi*, нѣмцы — *thaz sibunstirri*. Представленіе плеядъ подъ образомъ утиного гнѣзда или насѣдки съ семью цыплятами, распространено почти во всей Европѣ³⁾.

Ни одна изъ планетъ не подходитъ такъ близко къ землѣ, какъ Венера, которая можетъ приближаться къ нашей планетѣ до 5^{1/4} миллионовъ миль и удаляться отъ нея до 36-ти миллионовъ миль. Кромѣ того, она отличается своей ослѣпительной бѣлизной и яркимъ свѣтомъ отъ всѣхъ прочихъ планетъ. Эта планета можетъ быть уже видна за три часа до восхожденія солнца, или же спустя три часа по захоженіи его, такъ что за явленіями ея можно наблюдать цѣлую ночь. Послѣ верхняго соединенія съ солнцемъ, Венера быстро удаляется отъ него къ востоку, такъ что ея захоженіе происходитъ послѣ захоженія солнца, и, слѣдовательно, планета будетъ видна вечеромъ, почему она въ это время и называется *вечернею звѣздою*. По достиженіи наибольшаго удаленія отъ солнца, Венера сперва медленно, а потомъ быстро приближается къ солнцу. Незадолго передъ нижнимъ соединеніемъ съ солнцемъ, Венера, наблюдаемая въ телескопъ, является узкимъ серпомъ, и потомъ исчезаетъ въ лучахъ солнца, чтобы черезъ нѣсколько времени появиться на западной его сторонѣ. Теперь Венера восходитъ прежде солнца, и потому называется *утреннею звѣздою*. Наши крестьяне вечернюю и утреннюю венеру называютъ *зарицей* (нижегор., оренб.), *зарянкой* (смолен.), *зарикицей* (псков. твер.).

1) Добровск. Slavin p. 425. Скандинавы называли Оріоновъ поясъ *Mariarok*, *Marirrok*, отъ дѣвы *Marin*. Въ другихъ мѣстахъ Германіи назыв. Оріонъ *Pfluoc* (*aratrum*) такъ же *Iakobsstab*, *peterstab*. Grimm, D. M. 690.

2) Греч. *Πλειάδες*, ионич. *Πλῆαδες* — семь дочерей Атласа и Плеоны, подобно тому какъ сѣверныя *Thiassi*, и *Orvandill* — изъ рода ризъ (*Riesengeschlecht*).

3) D. M. Grimm: Zumeist verbreitet unter dem Volk in Deutschland, fast in ganz Europa ist das Bild einer *Henne mit sieben Küchlein*. S. 691. О происхожденіи плеядъ Гриммъ сообщаетъ такую легенду: *Christus gieng an einem Beckerladen vorüber, wo frisches Brot duftete und sandte seine junger hir, ein brot zu erbitten, der becker schlug es ab, doch von ferne stand die beckerfrau mit ihren sechs töchtern und gab das brot heimlich, da für sind sie als sieben gestirn an den himmel versetzt der becker aber ist zum Kukuk geworden*. S. 691.

эпосъ народномъ, въ пѣсняхъ и даже заговорахъ, вечерняя и утренняя изда играетъ важную роль. Видно, что въ языческія времена ей усвоилась религіозная, божественная санкція¹⁾.

Если разсматривать небо, говоритъ Мюллеръ, при совершенно прозрачномъ воздухѣ, въ безлунную ночь, то на темно-синемъ фонѣ, усеянныхъ звѣздами, замѣчаютъ слабую, бѣлую, туманную полосу, коая, при неправильномъ очертаніи, увеличиваясь въ ширинѣ, проходитъ езь весь рядъ созвѣздій. Эта туманная полоса, извѣстная подъ назіемъ *Млечнаго пути*, образуетъ кольцо, раздѣляющее весь небесный дъ на двѣ, не совсѣмъ равныя части. Начиная отъ Лебеда до хвоста юрпіона, млечный путь раздѣляется на двѣ, одна возлѣ другой идущія юсы, окружающія темное пространство, на подобіе острова. Млечный путь относятъ къ разлагающимся туманамъ, на томъ основаніи, при разсматриваніи его въ хорошую зрительную трубу, онъ является тавленнымъ изъ безчисленнаго множества малыхъ, густо расположенныхъ, звѣздочекъ. Видѣ, въ которомъ намъ представляется млечный путь, является предположеніемъ, что звѣзды, составляющія его, образуютъ ыцо, и что солнце, вмѣстѣ съ своими планетами, находится въ среѣ этого кольца²⁾. Простой народъ, не умѣя астрономически объяснить млечный путь, какъ явленіе небеснаго свѣта, представляетъ его по своему. юлогически. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (наприм. нижегородской губерніи) жстьяне называютъ его *мышины тропки*, а голову млечнаго пути—*косари* л.)³⁾. Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли менія земныхъ событій, наши предки называли млечный путь, по нашенію татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ, именно въ млечномъ ги отобразился страшный путь Батыя. Названіе это сохраняется въ которыхъ мѣстахъ и теперь. И вообще, у разныхъ европейскихъ народовъ господствовало подобное миѣическое представленіе о млечномъ пути. пр. венгерцы называли эту группу звѣздъ *путемъ войны*, *via belli* (*hadakitia*), потому, будто бы, что переселяясь изъ Азіи, они слѣдовали этому вѣздію. По эпической сагѣ Видукинда о побѣдѣ саксовъ надъ тюриніи, герой-полубогъ Ирминъ или Принъ мечомъ проложилъ этотъ небесный гъ, *viam ferro faciens*, почему онъ и назывался *iringes wec an dem himl, iringesstrāza*⁴⁾. Кроме того, по средневѣковому сѣвѣрному міросозерію, млечный путь представлялся и назывался *via Sancti Jakobi, chemin saint Jacques, Jakobstrass*. Западные славяне называли его *zesta v'Rim*

¹⁾ Нѣмцы называли вечернюю и утреннюю Венеру *âpantsterno, tagastesrno, indstern, morgenstern*. Финны утреннюю звѣзду представляли божественнымъ существомъ. По сагѣ эстовъ, *Koit*—утренняя звѣзда зажигала солнце, какъ свѣчу, а вечерняя—*Ämmarik* гасила. Kastren, Finn. Myth. 65.

²⁾ Космич. физика, Мюллера, стр. 298.

³⁾ Великор. областн. словарь, подъ этими словами.

⁴⁾ *Mirari tamen non possumus*,—присовокупляетъ Видукиндъ,—*in tantum famam revaluisse, ut Iringi nomine, quem ita vocitant, lacteus coeli circulus usque in praes sit notatus*. Или, по аучебепреконой хроникѣ: *famam in tantum praevaluisse; ut deus coeli circulus Iringis nomine Iringestrāza usque in praesens sit vocatus*. Grimm, 331.

(путь въ Римъ), отъ путешествій пилигримовъ. Финны представляли млечный путь *птичьимъ путемъ* (*linunrata*¹⁾).

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбежно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предсудочнымъ и невѣжественнымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ силъ на земную природу и организмъ человѣка. Такъ, дѣйствительно, есть. Скажемъ сначала о вѣрѣ во вліяніе луны.

Наука теперь убѣдила насъ, что мѣсяцъ, по самой природѣ своей по своему астрономическому положенію, не можетъ имѣть никакого вліянія на землю и организмъ человѣка. «Какъ старый шлаковый шаръ, скажемъ словами Шлейдена, лѣниво вертится онъ вокругъ нашей планеты. Среднее разстояніе его около 52,000 нѣм. миль, вся его орбита простирается не болѣе 326,000 миль, да и это пространство мѣсяцъ проходитъ въ 27 дней и почти 8 часовъ, тогда какъ наша планета пробѣгаетъ въ часъ 14,000 миль. Вся его поверхность заключаетъ 690,330 квад. миль; слѣдовательно почти столько, сколько содержитъ земля на южномъ нашемъ полушаріи или около $\frac{1}{10}$ водяной его поверхности. Орбита мѣсяца дѣлаетъ съ землей уголъ не болѣе какъ въ 5° ; постоянно передвигающіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ называются узлами луннаго пути. Поэтому, въ извѣстное время, онъ совершенно поворачивается къ солнцу спиною; а такъ какъ мѣсяцъ по преимуществу освѣщается солнцемъ, то онъ и кажется намъ совершенно темнымъ». Составляя $\frac{1}{80}$ земной массы, луна еще и въ другомъ отношеніи не болѣе, какъ слабое, невліятельное тѣло. Ни слабый свѣтъ, который она заимствуетъ отъ солнца и ниспосылаетъ къ намъ, составляющій даже $\frac{1}{20000}$ солнечнаго свѣта, ни самые незначительные теплые лучи, доходящіе до насъ вмѣстѣ съ лунными лучами, по точнымъ опытамъ, рѣшительно не оказываютъ никакого вліянія на земную жизнь и природу. Даже сила, присущая всѣмъ небеснымъ тѣламъ безъ исключенія, сила тяготѣнія, весьма незначительна у мѣсяца; она не превышаетъ $\frac{1}{7}$ силы тяготѣнія земли, такъ что камень, падающій на землѣ со скоростью 15' въ первую секунду, на лунѣ падаетъ въ то же время неменѣе болѣе 2'. Мѣсяцъ не въ состояніи приподнять легчайшаго перушка, и не можетъ испарить малѣйшую каплю воды. Если же онъ оказываетъ вліяніе только на движенія воздушнаго океана и на обширные моря, произвождаетъ приливы и отливы, то и это дѣйствіе приходится отчасти насчетъ солнечнаго вліянія по крайней мѣрѣ до $\frac{2}{5}$. Какъ космическая сущность луны, такъ и самыя фазы ея не заключаютъ въ себѣ никакихъ таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ, которыя бы имѣли вліяніе на дѣла земныя и человѣческія, измѣненіе погоды и проч. Это очень простое явленіе: луна сама по себѣ

¹⁾ Grimm. D. M. 331—332. По другимъ сказаніямъ, Weg von Dover nach Cambrige sich erstreckend bildet am Himmel die *milchstrasse*, или—путь пробѣженный Фаэтономъ, сыномъ божій, когда вадумалъ править солнечнымъ поѣздомъ отца, воспламенилъ полосу на небѣ, и это сталъ путь, который называется млечнымъ путемъ. У всѣхъ восточныхъ народовъ онъ называется то путемъ боговъ, то путемъ душъ. Grimm. D. M. 331.

эсть тѣло темное; весь свѣтъ, какой доходитъ отъ нея до насъ, какъ мы сказали, есть отраженный солнечный свѣтъ. Поэтому, когда луна находится въ соединеніи съ солнцемъ, или между землею и солнцемъ, то къ землѣ обращена ея темная сторона, и мы видимъ новолуніе. Затѣмъ, въ среднихъ положеніяхъ луны относительно солнца, мы видимъ, разумѣется, то большія, то меньшія части освѣщенныхъ ея половинъ, начиная отъ серпа до полного круга. Когда луна течетъ передъ нашими глазами, насупротивъ находящагося солнца, и къ намъ, слѣдовательно, обращена вся освѣщенная солнцемъ сторона мѣсяца, эта фаза называется *полнолуніемъ*. Всѣ эти измѣненія или фазы луны суть явленія чисто космическія, ничто иное, какъ различныя степени слабаго отраженія солнечнаго свѣта, и потому не могутъ имѣть никакого особеннаго дѣйствія на землю и на земную атмосферу. Новолуніе или полнолуніе, равно какъ и другія фазы луны, не имѣютъ никакого вліянія, напримѣръ, на измѣненіе погоды. Это доказываетъ постоянная неизмѣняемость погоды во всѣхъ четвертяхъ и фазахъ мѣсяца, въ тропическихъ странахъ, для которыхъ эти четверти и фазы луны имѣютъ такое же космическое значеніе, какъ и для всѣхъ другихъ странъ земного шара, и бываютъ въ одинъ и тотъ же моментъ, какъ и вездѣ.

Не зная физической невозможности никакого особеннаго вліянія мѣсяца на земную планету и людей, различные народы издревле вѣрили въ луну и ея могущественныя дѣйствія. У грековъ полнолуніе, — *πνεζέληρον*, и новомѣсячіе — *νοορηγία*, *ἐν η καὶ νῆα* считались священнымъ временемъ, такъ же какъ у евреевъ; причиной этого было суевѣрное мнѣніе о вліяніи новолунія и полнолунія. Отъ Гезіода, высказавшаго греческія суевѣрія относительно дней въ сочиненіи *Εργα καὶ ἡμέραι* до Варрона и Виргилія, большая часть сельскихъ работъ распредѣлялись по вліянію луны. «Все, что въ сельскомъ хозяйствѣ надобно срѣзывать, срывать, стричь, все это лучше дѣлать во время ущерба мѣсяца, нежели при новолуніи», — говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи, «Только то, что нарастаетъ снова, говоритъ Варронъ о земледѣліи, можно срѣзывать при новолуніи». «Я слѣдую этому примѣру, говоритъ Аграсіусъ, — не только при стрижкѣ овецъ, но, по наставленію моего отца, даже когда самъ стригусь, чтобы не стать плѣшивымъ, остригнусь во время ущерба¹⁾. Въ темные средніе вѣка особенно сильно вѣрили въ удачу или неудачу полевыхъ и всякихъ другихъ работъ въ новолуніе или полнолуніе. Церковные учителя, въ родѣ Елигія, находили нужнымъ въ проповѣди разубѣждать: *pes luna nova quidam timeat aliquid operis accipere*. Пѣмцы называли новолуніе *holder herr*. Новолуніе они считали лучшимъ, самымъ счастливымъ временемъ для браковъ, для постройки новаго дома и переселенія въ него: *novam lunam observasti pro domo facienda aut conjugii sociendis*. Въ новолуніе считали деньги: новый мѣсяцъ умножалъ прибыль. Новолуніе считалось лучшимъ

¹⁾ И даже теперь, замѣчаетъ Шлейденъ въ своемъ чтеніи о лунѣ, 2,000 лѣтъ спустя, это суевѣріе твердо укоренилось у нашихъ кормильцевъ, нянекъ, и даже у многихъ изъ такъ называемаго образованнаго класса. Этюды, 248.

временемъ для приплода скота. Въ новолуніе собирали цѣлебныя травы, потому что вѣрили въ особенное вліяніе новаго мѣсяца на цѣлительныя соки травъ¹⁾. По различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ о лунѣ, производился посѣвъ разныхъ произрастеній. Напримѣръ, полагали за правило — плоды, растущіе надъ землею, сѣять въ новолуніе, а корнеплодные растенія — въ ущербъ мѣсяца²⁾. Полагали далѣе, что луна оказываетъ такое же вліяніе и на организмъ человѣка. Съ новолуніемъ, будто бы, нарастаетъ мозгъ, наполняя весь черепъ, и снова уменьшается съ ущербомъ мѣсяца. Съ фазами луны, то увеличивается будто бы, то уменьшается количество крови въ жилахъ. Въ XIII вѣкѣ врачи выдавали это за несомнѣнную истину. Со временъ Пиннократа и почти до новѣйшаго времени фазамъ луны приписывались причины болѣзней, по фазамъ мѣсяца заключали о методѣ леченія, о дѣйствіяхъ лекарства. Какъ остатки этихъ предразсудковъ, встрѣчаются даже во многихъ календаряхъ нашего столѣтія особенныя календарныя знаки, обозначающіе дни и часы, въ которые можно съ пользою пускать кровь, ставить банки, купаться, или принимать слабительное. Наконецъ, особенно сильно было вѣрованье въ связи различныхъ измѣненій погоды съ фазами луны. Это суевѣріе господство-

¹⁾ Überall herrscht die Vorstellung, — nimmt Grimm, — dass held, eheluck und hausseggen, gleich dem licht des himmels wachsen und zunehmen werden. Nicht anders geschieht haar und nägelsehnitt im neumond (franz. abergl. n. 5, Schütze holzt id. 3, 68) damit sie wieder nachwachsen; vieh wird im zunehmenden licht entwöhnt (no. 757) im schwindenden würde es abmagern; nach lith, abergl. sollen mädchen in abnehmenden, knaben in vollem licht entwöhnt werden, warscheinlich um jenen schlanke, zielliche, diesen aber starke gestalt zu verschaffen. Heilsame kräuter, reiner thau sind in neumond zu sammeln; „tou on des månen niwi gelesen, weil die dann frisch und laute sind... Bei vollmond (im gegensatz zu neumond), d. h. bei abnehmenden licht sind geschäfte zu verrichten, die trennung oder auflösung, fällen oder erlegen beabsichtigen. So würde z. b. eine ehe geschieden, ein haus abgebrochen, eine seuche vertrieben werden müssen im abnehmenden mond, falls ich recht vermute. Hierher gehört die vorschriß holz im wald zu fällen wenn wadel ist, gleichsam damit das gefällte holz trockne in einem strassb. 1511 bei Hupaff gedruckten calender: „es ist gut holz anheben abzuhaue mit des mondes wede“. (So wird noch in vielen neuerer forst-büchern gelehrt, der vollmond heisst darum *Holzwaedel*; bei zunehmendem mond (im bösen wädel) soll man kein holz schlagen.. gras im neulicht nicht zu mähen, sondern im vollmond (lith. abergl. 7) auch schätze sind im vollmond zu heben. Wenn man bei wachsendem mond federn in ein bett füllt, so haften sie nicht; auch dies geschäft fördert abnehmendes licht, gleichsam um die gerupften federn vollends zu ertöden und zur rast zu bringen. Vuk erzählt, dass serbinnen im neumond kein hemd waschen, die ganze leinwand, behaupten sie würde sich im wasser vermonden (omijeniti), d. i. aufbauschen und schnell zerreißen. man könnte auch dafür, dass im abnehmenden mond wasche zu halten sei, der grund geltend machen, gleich dem schwindendem licht solle flecken und unreinheit weggenommen werden. Grimm. D. M. 5, 677--678.

²⁾ Früchte, die über der erde wachsen, sind in zunehmendem, die unter der erde in abnehmendem licht zu säen. (Jul. Schmidt p. 122), у Берендопиа p. 129: dat bove den grond wast, by toenemende maan, dat ander den grond wast, by toenemende maan t zaaien. Gustaf (Wöhhand s. 49) bemerkt, wenn der mond in der faulzeit (im dritte viertel, kus se kul måal) stehe, solle man keine winter-saat säen. См. у Гримма, стр. 67 и въ примѣч. 1.220 и слѣд.

О отъ баснословныхъ временъ Гермеса-Трисмегиста, египтянина, до позднѣйшаго времени.

Такіе предразсудки относительно луны изстари господствовали и элѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Перво-альнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣ-ѣ, какъ въ живое, божественное существо. Въ заговорахъ, отпечатан-тъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунѣ: «мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебрянные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подѣ облака. Моя скорбь ни-а, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей-ѣ перенести», и проч.¹⁾. Отсюда понятно, почему появленіе и различ-и фазы мѣсяца имѣли въ глазахъ нашего народа таинственное, сверхъ-естественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Съ другой стороны, русскіе-одные граматники много предразсудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимство-и изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, ербовъ распространены были подробные громовники или «сказанія о-вотѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе-ны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти-звѣрныя сказанія отъ сербовъ перешли и къ русскимъ. Приведу здѣсь-рывокъ изъ одного неизданнаго сборника громовниковъ сербской ре-кціи, за сообщеніе котораго благодарю В. И. Григоровича: «Тако се-чинаетъ мѣсяца сентевріа, рекоміи руянъ, имать дніи 30 и часовъ 360. на ему свѣтитъ 24 дніи, рождается въ 1 часъ дни. Да еще есть луна-права, то припаси мнози добри, и ведро будетъ; еще ль пологомъ, то-та будетъ: еще ли громъ будетъ растуще лунѣ, всѣмъ изобиліе и здравіе-ловѣкомъ; еще ли оскудѣвающи (лунѣ) возгремитъ, пагуба кажитъ....-говріе, рекоміи листопадъ, часъ 300, луна рождается во 2 часъ дне и-титъ 30 дніи. Да еще ему будетъ луна право, то зима добра и ведро,-етъ; еще ли пологомъ, то дождиви будетъ; еще ли мгла на небо възы-ѣ, то смерть въ людехъ; еще ли луна право будетъ, то великими мужъ-етъ. Ноемврие, рекоміи студени: а часъ 300, луна его свѣтитъ 29 дніи-даетъ 2 часъ ночь; да еще ему будетъ луна право, то дожди; еще ли-огомъ, то слота. Декеврие, рекоміи просеночъ: часовъ 371; луна его-титъ 30 дніи, рождается прежде полунощъ; да еще ему луна будетъ-ва, то зима люта; еще ли пологомъ, вѣтры велики будутъ. Генуаріе,-оміи ловъ заецъ, а часовъ 300, рождается въ полунощъ, да еще ему-а право, то на лѣто плодъ мало. Февруаріе, рекоміи велича, а часовомъ; рождается въ полунощъ; да еще ему будетъ луна права, то всему-ра и ведро будетъ; еще ли пологомъ, то слоти. Мартіе, рекоміи лажу,-асомъ 300; луна его свѣтитъ 30 дніи; рождается прежде пѣтели; да-е ему будетъ луна права, то красти многи, и вѣтры различны, и слота-етъ; еще ли пологомъ, то ведрена многа. Априліе, рекоміи траванъ; а-овъ 307; луна его свѣтитъ 29 дніи; рождается въ первые пѣтели; да-е ему луна будетъ права, то ведро будетъ; еще ли пологомъ, то еза

¹⁾ Сказан. русс. нар. т. 1, кн. II. Чернокнижіе, № 15.

человѣкомъ и скотомъ, и дождевно. Маіа, рекоміи липань; а часовъ 439; луна его свѣтитъ 30 дній; рождается въ часть дне, да еще ему будетъ луна права, то ведро будетъ, еще ли пологомъ, то смерть. Юніе, рекоміи свивань; а часовъ 306; рождается въ 1 часть дни; да еще ему будетъ луна права, то зима, и дождевна; еще ли пологомъ, то ведро и студено. Юліе, рекоміи серпань; а часовъ 454; луна его свѣтитъ 30 дній, рождается въ полдни; да еще ему будетъ луна права, то добро повѣдуетъ: въ тотъ мѣсяць здравіе въ людехъ, къ сему и изобиліе и ведро будетъ; еще ли пологомъ, то пшениць много, и дождей много. Августъ, рекоміи коловозъ; а часовъ 400; луна его свѣтитъ 30 дній, рождается въ 9 часть дне; да еще ему будетъ луна права, то изобиліе всему много будетъ; еще ли пологомъ, то еза въ людехъ и скотіяхъ, и дождеве будетъ¹⁾.

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяць, какъ на живое, божественное существо, предразсудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно по совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности метеорологіи. Таковы напр. слѣдующія крестьянскія примѣты о вліяніи луны: «Навозу не запахивать въ *новолуніе*, а въ *последнюю четверть*. Въ *полнолуніе* назову по полямъ не развозить, сорная трава задушитъ. Посѣвъ на *молодую луну* — къ урожаю. Въ *новолуніе* сѣять — червь поѣстъ. Посѣвъ въ *новолуніе* — червемъ снѣдь. Яровую рожь и пшеницу сѣять въ *полнолуніе* овесъ два дня послѣ, или прежде. Ячмень, на свѣжемъ навозѣ, сѣй въ *полнолуніе*. Ленъ сѣй въ *последнюю четверть*. Въ первые дни *новолунія* сѣй горохъ. Крутой мѣсяць — къ холоду. Рога луны остры и ярки — къ ведрю, круты къ морозу. Круты рога мѣсяца — къ ведрю; пологи — къ ненастью, тусклый мѣсяць — къ мокрети; ясный — къ суху; въ синевѣ — къ дождю; въ краснѣ — къ вѣтру; съ ушами — къ морозу. Ясная, круторогая луна — зима, къ стужѣ, лѣтомъ къ ведрю. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій — къ ведрю. Два такихъ круга, или одинъ тусклый — къ морозу, красный кругъ — къ вѣтру, перерванный — къ снѣгу, молодой мѣсяць обмываетъ (о переменѣ погоды въ новолуніе). Если мѣсяць въ три дня обгладится, то весь будетъ ведрый, а когда три дня дождя, то весь ненастный (Воронеж.). Когда мѣсяць родится внизъ рогами (на югъ), то зимой будетъ теплый, лѣтомъ жаркій; вверхъ (на сѣверъ), зимой холодный, лѣтомъ вѣтряный; рога кверху, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца, зимой холодная, лѣтомъ вѣтряная; если же верхній рога круче, нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца. Ни на новѣцъ, ни на ветху, ни на перекроѣ, ни въ полный мѣсяць (заговоръ). Во время *новолунія*, не какіи лунѣ пустой мощны — вѣкъ пуста будетъ. В

¹⁾ Въ другомъ громовникѣ профессора Григоровича говорится о вліяніи луны на громъ. Но этотъ громовникъ мы приведемъ въ статьѣ объ электрическихъ и атмосферныхъ явленіяхъ.

олуніе дерева не валяютъ (не рубятъ), дрова, лѣсъ, хворостъ рубить въ *полуніе* — сгніеть, червь поточить. Въ *полнолуніе* солени не солить, чего впрокъ не готовить. Строевой лѣсъ руби въ *новолуніе*: вырубленный ущербъ сгниваетъ. Печь класть на *новолуніе* — теплѣе будетъ. На *молодѣ мѣсяцѣ* рыба клюетъ ¹⁾. Какъ Егорьевъ день въ *исходѣ* (луны), пускай ия по волѣ; какъ Егорьевъ день въ *молоду*, держи коня въ поводу. Это чить: когда Егорьевъ день случится въ исходѣ луннаго теченія, то на будетъ холодная, а потому и управа съ яровою работою будетъ прожительна; когда же Егорьевъ день случится въ началѣ луннаго теченія, весна будетъ теплая, а потому управа съ яровыми работами непродолжительна ²⁾. Въ Ярославской губерніи, въ пошехонскомъ уѣздѣ, «во время *олунія*, не кажутъ пустого кошелька мѣсячному свѣту, то есть, не выниютъ кошелька изъ кармана: иначе не будетъ ни копѣйки во весь мѣсяцъ; при новомъ мѣсяцѣ, почти всегда ожидаютъ переменны погоды, обливо сырой, также при ущербѣ и исходѣ луны». (Этнограф. Сборн. кн. II).

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, что на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затменія солнца и луны. Ужъ самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возмущали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; она болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь: сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затменіе, и весь лунный кругъ представляетъ особенный темно-красный цвѣтъ, происходящій отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ болѣе страхъ и изумленіе производятъ суевѣрныя массы, когда бываютъ полныя затменія солнца, то въ когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрытъ луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затменіе, распространяется особая темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ, отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полного солнечнаго затменія все животное царство приходитъ въ тревожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, пади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Невѣроятно поэтому, если это чрезвычайно рѣдкое явленіе всегда приво-

¹⁾ Пословицы, собр. Далемя. Чтен. общ. истор. и древн. росс. 1862, кн. I стр. 9—1048.

²⁾ Этнографическій сборникъ I, стр. 167 и друг. „Увидѣвши новый мѣсяцъ, издаваиниъ, если при немъ есть деньги, показывая ихъ мѣсяцу, говорятъ: „какимъ вы встрѣтилъ, такимъ и оставь“; если же при немъ въ это время нѣтъ денегъ, вѣтъ будетъ терпѣть нужду. Если появившійся молодой мѣсяцъ застилаютъ тучи, поселяне опасаются надежда скота“. Матеріалы для географ. и статист. Бессараб. части. 486.

дило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ. Тогда какъ мы теперь смотримъ на солнечное затменіе просто какъ на тѣнь, которую бросаетъ на насъ новая луна, если узлы луннаго пути (или постоянныя подвижющіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ — мѣсяца и земли) лежатъ на прямой линіи, соединяющей солнце съ луною или безъ всякаго ужаса видимъ лунное затменіе, если земля бросаетъ тѣнь на полную луну, — всѣ младенчествующіе или непросвѣщенные народы смотрѣли на затменіе какъ на болѣзни небесныхъ свѣтилъ, или какъ на попытки какого-то дракона, великана или демона — проглотить небесное тѣло. Индѣйцы, напримѣръ, думали, что змѣй пожиратъ солнце и мѣсяцъ во время затменія или демонъ обвинялъ ихъ ¹⁾. По монгольской сагѣ, затменія солнца и луны причиняетъ миѣическое существо *Aracho*, въ отмщеніе солнцу и мѣсяцу за то, что они открыли богамъ мѣсто его укрывательства отъ ихъ божескаго гнѣва ²⁾. У финновъ были разныя суевѣрія относительно затменій солнца и луны. По однимъ суевѣріямъ, злая сила, въ родѣ *Louhi* или *Kuimet*, ловить эти небесныя тѣла, беретъ въ плѣнъ и заточаетъ въ желѣзныя горы или въ темницы. По другимъ преданіямъ, злое существо *Kareet* по временамъ пожиратъ небесное тѣло, особенно луну, и отъ того бываетъ затменіе. Доселѣ финскіе инородцы говорятъ: *kuu syödä* — мѣсяцъ съѣденъ ³⁾. Эсты также говорятъ о затменіяхъ: «*sonne mond wird gefressen*». По нѣмецкой и скандинавской мнѣологій, два волка, зооморфическія чудовища, изъ рода ризъ, преслѣдуютъ солнце и мѣсяцъ: *sköll*, по шведски *solvarg*, *solulf* (*sonnenwolf*) преслѣдуетъ солнце и производитъ въ немъ затмѣніе, *Hati* или *Månagarmr* преслѣдуетъ мѣсяцъ, и по временамъ поглатитъ его ⁴⁾. Въ Европѣ, въ средніе вѣка солнечныя и лунныя затмѣнія ужасъ наводили на суевѣрные народы ⁵⁾. Въ X вѣкѣ, цѣлая армія Оттона бѣжала внезапно при появленіи солнечнаго затменія, которое страшно перепугало всѣхъ ⁶⁾. Рыданья и вопли раздавались при видѣ затмѣній, слезами и воплями думали возстановить свѣтъ затмившихся свѣтилъ. Ужасъ, возбуждаемый затменіями, исчезъ окончательно не ранѣе XVII

¹⁾ Bopp's Glossar 148.

²⁾ Bergmann's nomadischen Streifereien unter den Kalmücken, B. III, S. 41.

³⁾ Kastren's Finnische mytholog. s. 63—65.

⁴⁾ Grimm, Deutsche myth. s. 224. 668.

⁵⁾ Nichts war den Heiden fürchterlicher, rufohrte Grimm, als die nahende *verfinsterung* der sonne oder des monds, womit sie zerstörung aller dinge und Weltuntergang in verbindung brachten: sie wähten, das ungeheuer habe schon einem theil der leuchtenden gestirns in seinen rachen gefast und suchten es durch lauten zuruf weg zuschrecken. Daher eifert Eligius: nullus si quando luna obscuratur, *rocificare* praesumal dieses geschrei *vince luna!* Grimm, D. M. s. 678—669.

⁶⁾ Sprengel, Hist. de la Medicine II, p. 368.

⁷⁾ *Clamoribus splendorem lunae deficientis restaurare*. Максимъ Турин., церковный отецъ V столѣтія, проповѣдывалъ въ своей homilia de defectu lunae: cum ante die plerosque de vestrae avaritiae cupiditate pulsaverim, ipsa die circa vesperam tanta a coelum, quod eum requirerem, quid sibi clamor hic velit, dixerunt mihi, quod *laborum lunae vestra vociferatio subveniret, et defectum ejus suis clamoribus adjuvaret*. Grimm, D. M. s. 669.

вѣка; во второй половинѣ XVII, они еще возбуждали великій страхъ и во Франціи, и въ Англіи.

Такой же суевѣрный взглядъ на солнечныя и лунныя затменія господствовалъ у славянъ и русскихъ. Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ зооморфическаго міровоззрѣнія, суевѣрію славянъ такъ же, какъ и другимъ новѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа — *волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія. Въ словарь Миклошича находимъ слѣдующее извлеченіе изъ одной Кормчей книги: «облаки гонештеи отъ селянъ вѣлкодлаци нарицаются. Егда убо погыбнетъ луна или слъныце, глаголютъ, *вѣлкодлаци луну изъодоша или слъныце*». Это суевѣріе раздѣляли и русскіе. Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *снѣдено солнце*» ¹⁾. Лѣтописцамъ вообще, затмѣнія казались *погибелію* или уничтоженіемъ солнца и луны они постоянно отмѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце, погибе мѣсяцъ весь* или *быть гибель лунѣ* ²⁾. Христіанское народное суевѣріе то относитъ затменія солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ. «Въ лѣто 6632, читаемъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ, — бысть знаменіе въ солнци, августа 11, въ 9 часть, передъ вечернею нача убывати солнца бывшу ему яко мѣсяцъ малъ, и мало не смерчеся полуденьи, погибе все. О великъ страхъ! И тма бысть, и звѣзды быша, и мѣсяцъ, и паки нача прибывати въ борзѣ, и наполнися, и ради быша вси по граду». «Въ лѣто 6693 мѣсяца маіа въ 1 день, во звоненіе вечернее бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть вельми, яко на часъ и болѣе, и звѣзды видѣтъ и человѣкамъ во очію яко зелено баше, а въ солнци учинися аки мѣсяцъ, изъ рогъ его яко огнь жарящъ исхождаше, и страшно бѣ человѣкомъ видѣти знаменіе Божіе. Въ лѣто 1380 г., восходящу солнцу бысть тма велика, по всей земли мгла. небо баше того отъ утра до третьяго часа, и повелѣ Господь тмѣ уступити, а пришествіе свѣту дарова. Въ лѣто 1471, ноября 27, бысть гибель лунѣ: полунощи на яснѣ бывъ, и аки кровь въ лунѣ, и тма бысть не мало время, и паки помалу просвѣтися» ³⁾, и т. п. Подобными замѣтками исполнены древнія лѣтописи. И въ настоящее время простой народъ сохраняетъ средневѣковое суевѣрное понятіе о затменіяхъ: вмѣсто языческихъ волкодлаковъ, затменія произ-

¹⁾ Ипат. лѣт. 7.

²⁾ Напр. Новгород. IV лѣт. стр. 109, 127, 129 и мног. друг.

³⁾ Новгород. лѣт. IV, стр. 1, 2, 16, 50, 52, 79, 127, 129 и мног. друг. Иногда солнечныя затменія производили какъ-бы отъ сочувствія или состраданія солнца бѣдствіямъ христіанской церкви. Напр. въ той же Новгород. лѣт. IV, 65 читаемъ: разгнѣваясь на крестьяны царь египетскій, посла въ Антиохію и въ Іерусалимъ и въ прочіе грады, имѣнныя крестьянскія огни, и церкви разграбивъ загради каменьемъ, и монастыри синайскія запусти и разори, Михаила патріарха и вся митрополиты разсѣя... Сего не терпя солнце, луча своя скры, авг. 7, въ часть 3-ю, бысть солнце аки три дни мѣсяцъ, ущербившуся ему съ сѣверныя страны, мраку зеленому отъ запада приходящу, и пребысть часъ, обратися роги на полдень, потомъ къ земли, дондеже наполнися.

водятся либо отъ *скрадыванья злыхъ духовъ*, либо отъ *суда Божія*. Напримѣръ, въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ, крестьяне производятъ солнечное и лунное затменіе отъ скрадыванія свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе было имъ уловлять христіанъ ¹⁾. Въ Воронежской губерніи затменіе солнца и луны называютъ «Божьею планидою». А какъ затменіе солнца бываетъ замѣтнѣе луннаго, то крестьяне полагаютъ: «идеть ли страшный судъ» ²⁾. Въ сборникѣ пословицъ, изданныхъ Далемъ, находимъ такія повѣрья: «вѣдьмы мѣсяцъ скрали (т. е. затмѣніе, — повѣрье Украйны и сѣверной Россіи). Затменіе бываетъ отъ того, что злой духъ скрадываетъ свѣтъ Божій и въ потьмахъ ловить христіанъ въ свои сѣти. На лунѣ Каинъ убиваетъ Авеля, братъ закалываетъ брата ялами», и т. п.

Какъ затменія солнца и луны, такъ и всѣ другія свѣтовые видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся непостижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, а на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткимъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба. Необъятный и непонятный сводъ небесный особенно очаровывалъ и изумлялъ суевѣрные массы своими неуловимо-разнообразными и поразительно-необычайными свѣтовыми явленіями. Иногда вдругъ видѣли на небѣ, подернутомъ легкимъ облачнымъ покровомъ, сіяющіе цвѣтные круги около солнца или луны, которые мы теперь причисляемъ къ явленіямъ интерференціи свѣта. То вдругъ показывались какъ будто два солнца, или видѣлись около солнца два большихъ свѣтовыхъ кольца краснаго цвѣта внутри, или чаще одно кольцо, пересѣкаемое горизонтальной свѣтлой полосой, которая часто простирается до самаго солнца: это такъ называемыя *ложныя солнца*. То неожиданно появлялись на небѣ новыя звѣзды, которыя недолго блестѣли и опять исчезали: это такъ называемыя *временныя звѣзды*, принадлежащія къ рѣдкимъ явленіямъ, которыхъ въ послѣднія 2,000 лѣтъ съ нѣкоторою точностью насчитываютъ отъ 20 до 22. Всѣ эти и подобныя явленія небесныхъ тѣлъ намъ теперь болѣе или менѣе понятны. Круги и ложныя солнца намъ объяснили Маріотъ, Фрауенгоферъ, Галле и другіе. Временныя звѣзды на западѣ уже въ XVI и XVII вѣкѣ стали раціонально-астрономически изучать Тихо-Браге и Кеплеръ. Но у насъ, на Руси, и въ это время, и раньше, и послѣ всѣ эти свѣтовые явленія близъ солнца и луны, всѣ эти временныя звѣзды, просто, морочили невѣжественный народъ и

¹⁾ Этногр. сборн. 1, стр. 60, V, этнограф. 9.

²⁾ Воронеж. губ. вѣдом. Очерки, № 32.

возбуждали разныя суевѣрныя и предразсудочныя толкованія. Наши старинныя книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отображеніе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міроправительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе, были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ и проч. Какъ мы теперь сознаемъ необходимость въ наукѣ исторіи естественно-прагматическаго или естественно-историческаго, физико-географическаго и физиологико-этнографическаго объясненія историческаго развитія матеріально-умственной жизни или цивилизаціи земства, такъ въ темныя средніе вѣка въ лѣтописномъ и народномъ міросозерцаніи господствовало какое-то уранологическое, или псевдоастрономическое, астрологическое воззрѣніе на всѣ событія земской народной исторіи.

Такое земско-бытовое, суевѣрно-знаменательное воззрѣніе на звѣздное небо, на затмѣнія или свѣтотѣныя окруженія солнца и луны, въ послѣдствіи мало по малу образовало, изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, или независимо отъ нихъ, систематическіе гадательные мѣсяцесловы, подъ общимъ обычнымъ названіемъ *громовниковъ*. Такіе громовники сообщали русскимъ и юго-западные славяне. Такъ отъ сербовъ перешелъ къ нимъ слѣдующій громовникъ, заимствованный нами изъ вышеупомянутаго сборника громовниковъ В. И. Григоровича: «А се громовникъ, мѣсяца септеврія аще *солнце померкнетъ*, единъ великъ царь загибнетъ и за его ради много земля на востокѣ помянется, потомъ другъ царь изыдетъ и много зла сѣтворитъ, и болѣри и совѣтници его изневѣряются, и другы царь убіетъ его. *Аще луна померкнетъ*, господарь великимъ добро будетъ и жито и овошье много. И коли бици много изыдутъ, но зла не сотворятъ, но ини вещи зли будутъ, и кровь много проліется, и зли людѣ многи погыбнутъ, и бура много будетъ и воды приидетъ, и всѣ раки и ихъ много зло будетъ. *Аще солнце оградится*, единъ царь погибнетъ и господа встанутъ другъ на друга, и кровыпролитіе много, и отъ разбойникъ въ людехъ много зло будетъ, и на посрѣдѣ лѣта будетъ добро. *Аще ли луна оградится*, рѣки и источники изсохнутъ, овошье много, и корабомъ нагруженіе много, и жрѣва много будетъ и зуть и зла не сотворитъ. Аще ли опашати *звѣзда на востокѣ явится*, въ персѣхъ рать будетъ, и въ людехъ злоба многа будетъ. *Аще ли явится (звѣзда) на западѣ*, царь зло творя изыдутъ и земле ему затретъ, послѣди царь возрадуется, и зло творя онога загубетъ. *Аще ли звѣзда просияетъ*, добытку добро будетъ и въ море погружени будетъ аще ли дуга явится на востокѣ, въ персѣхъ зло будетъ и кровь проліется; аще ли на западѣ явится, финици и овѣща много и жито. *Аще коніе явится на востокѣ*, въ людехъ ненависть и рать; аще ли на западѣ явится, дождь будетъ, и гдѣ будетъ дождь, тамо добродѣтель по мѣсту тому и здравія изобильно всему. *Аще ли небо зачръвѣтъ на востокѣ*, на восточныхъ странахъ скупота и кровы пролитіе; *аще ли на западѣ зачръ-*

вить небо, сіе болѣзнь на западъ сбудется. *Аще ли на ерехъ или на обмѣхъ чюдно знаменіе явится, въ людехъ смерть, идѣже покажется то знаменіе, на той странѣ единъ царь загибнетъ, и купцемъ зло и пагуба будетъ»*¹⁾. Въ связи съ этимъ сказаніемъ находится слѣдующій отрывокъ, извлеченный нами изъ сборника Соловец. библіотеки: «*Окруженіе солнцу и лунѣ. Аще окружится мѣсяцъ мартъ, сильніи князи ратятся отъ востока и до запада. Аще окружится мѣсяцъ апрѣль, плоду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ май, великіи грады погибнутъ. Аще окружится мѣсяцъ іюнь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ іюль, звѣрямъ смерть будетъ. Аще окружится мѣсяцъ августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ сентябрь, дождя мало будетъ. Аще окружится мѣсяцъ октябрь, лѣто сухо будетъ. Аще окружится мѣсяцъ ноябрь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ декабрь, гладъ будетъ. Аще окружится мѣсяцъ генварь, дожди величии будутъ. Аще на небеси аки поломя повиснетъ, вельми въ томъ лѣтѣ рать будетъ. Аще небо черно будетъ аки кровь, дождя не будетъ по всей земли, полоны много погибнутъ. Аще небо небесное черно будетъ, то рѣки отъ исхода произсохнутъ, но неотнюдь. Аще небо блѣдно будетъ, бояромъ погибель, и дома ихъ разграблены будутъ*²⁾. Такое воззрѣніе на свѣтовые круги и кольца около солнца и луны проникло въ суевѣрія крестьянъ, и выразилось, напримѣръ, въ слѣдующихъ примѣтахъ: «кольцо вокругъ солнца — къ ненастью. Кольцо вокругъ луны — къ вѣтру. Крутой мѣсяцъ — къ холоду. Рога луны остры и ярки — къ ведру; круты — къ морозу. Круты рога мѣсяца — къ ведру; пологіи — къ ненастью; мѣсяцъ въ краснѣ — къ вѣтру, съ ушами — къ морозу. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій — къ ведру. Два такихъ круга, или одинъ тусклый — къ морозу; красный кругъ — къ вѣтру. перерванный — ко снѣгу. Столбы (солнце съ ушами, пасолнца) — къ лютымъ морозамъ»³⁾. Если въ кругѣ луны покажется красный кругъ немного расширяющійся и вскорѣ потомъ исчезающій, то будетъ ясная и ведряная погода. Два такихъ круга или одинъ, но тусклый — предвѣщаютъ морозъ. Если кругъ луны красенъ, будетъ вѣтеръ; если же онъ перерванъ, будетъ снѣгъ. Если около луны будетъ красный кругъ, то скоро будетъ дождь съ вѣтромъ»⁴⁾.

Ученіе о зависимости судебъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльнаго человека отъ небесныхъ свѣтилъ ведетъ свое начало изъ древности. Та великая идея, которую Риттеръ, Кетле и особенно Гумбольдтъ положили въ основаніе особой, новой науки, имѣющей задачей объяснять различныя національности, относительно организаціи, образа жизни и общихъ чертъ характера, изъ физическихъ условій, подъ влияніемъ которыхъ они развились, — эта великая идея чуть мерещилась гениальному уму одного изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ и естествоиспытателей александрійской

1) Жалью очень, что не успѣлъ выписать изъ сборн. В. П. Григоровича весь этотъ довольно пространный громовникъ. Рукопись хорошая, кажется, XVI вѣка.

2) Сборн. Солов. библи. № 182.

3) Чтен. общ. ист. 1862 кн. 1. стр. 1020.

4) Этнограф. сборн. вып. 2.

школы. Спустя около 100 лѣтъ по Р. Х., Клавдій Птоломей первый пытался изъ физическихъ свойствъ небесныхъ свѣтилъ вывести явленія земной жизни. «Сила солнца, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы согрѣвать и умѣренно сушить, а луны — чтобы увлажнять, потому что она всего ближе къ землѣ и къ влажнымъ испареніямъ; Сатурнъ болѣе охлаждаетъ и нѣсколько сушитъ; онъ всего болѣе удаленъ отъ источника теплоты, солнца, и отъ влажныхъ испареній. Марсъ отличается иссушающею силою; онъ жжетъ, какъ уже показываетъ самый цвѣтъ его. . . . Такъ какъ въ первоначально жидкомъ или въ первоначальныхъ элементахъ, два — теплота и влажность — обуславливаютъ плодородіе и жизнь, потому что изъ нихъ все развивается, соединяется между собою и укрѣпляется; напротивъ двѣ другіе — холодъ и сухость — приносятъ вредъ, смерть и оцѣпенѣніе: отъ нихъ все сохнетъ, пропадаетъ; то на основаніи всего этого, и между небесными свѣтилami два дѣйствуютъ благотворно: Юпитеръ согрѣвая и увлажняя, а Венера болѣе увлажняя, нежели согрѣвая, затѣмъ еще слѣдуетъ луна; два же другія свѣтила, холодный Сатурнъ и сухой Марсъ, дѣйствуютъ разрушительно, непріязненно, зловредно» ¹⁾. Изъ такихъ началъ, путемъ постепеннаго анализа, Птоломей выводитъ изъ физической природы небесныхъ свѣтилъ ихъ вліяніе на земную жизнь. Вотъ изъ элементовъ этой-то, птоломеевой системы, должно полагать, и развились тѣ гадательные мѣсяцесловы, солнечнои и лунники, которые, въ разныхъ передѣлкахъ и мѣстныхъ вариантахъ, сохранились до насъ подъ названіемъ громовниковъ.

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведется съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ. Еще и теперь, овчары, въ половинѣ февраля, окликаютъ звѣзды, испрашивая обильнаго плодородія овецъ: «засвѣтись, звѣзда ясная, по поднебесью на радость, загорись огнемъ негасимымъ на утѣху. Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то уродилось овецъ болѣе того». Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно простиралось не на однѣхъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ народныхъ примѣтахъ яркій блескъ звѣздъ принимается также за предвѣстіе урожая ягодъ, грибовъ, хлѣба, и проч.²⁾ Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально произошло изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями. Въ язычествѣ оно соединено было съ почитаніемъ рожаницъ. Вѣрили предки наши, что можно родиться подъ счастливою или несчастливою (доброю или злою) звѣздою, и, на основаніи этого вѣрованія, гадали о будущемъ человѣка по звѣздамъ. То и другое сохранилось у всѣхъ славянъ доселѣ: есть вездѣ и гаданье по звѣздамъ, и знахари-звѣздохеты, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами (hwezdari), и припѣвы заговорныя, въ родѣ нашего: «звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную». У

¹⁾ Шлейденъ.

²⁾ Архивъ, Катачева, кн. 2 полов. 2, отд. III, стр. 132-133.

чеховъ rodowestnik-rodowestec называется тотъ, kto statny aneb nestatny rod z hvezd hada. Польское rodowieszczek переводятъ: *астрологъ*. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, часто души сближаются съ звѣздами и съ другими небесными свѣтилами и звѣздамъ приписывается вліяніе на рожденіе. Напримѣръ, въ одной пѣснѣ сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила.
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила.

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую». Вѣра въ таинственное вліяніе звѣздъ на рожденіе была повсюду распространена астрологіею. На западѣ, такъ же какъ и у насъ, противъ нея вооружалась церковная проповѣдь. Гримиъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного стариннаго слова: *cavete, fratres ab eis, qui mentiuntur, quod quando quis qui nascitur, stella sua secum nascitur, quia fatum ejus constituitur*. Русскими граматникамъ астрологическія суетвѣрія сообщены были частію изъ Византіи, частію черезъ прочихъ славянъ, но особенно съ запада. По свидѣтельству азбуковниковъ, *рожаницами* «еллинстіи звѣздословцы наричють *седьмъ звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и кто въ кую планиту родится, то и по той планитѣ любопряется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коемъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ*. И того ради рождышагося, якоже они мнятъ, въ планиту Аррисъ—предгаголють тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерзка во бранехъ; а въ планиту Афродиту рождышагося сластолюбива предгаголють быти нудобна на блудное смѣшеніе; сице же и въ прочая планиты рождышихся предгаголють нравы, а не хотять оковынии они звѣздомъ законници разумѣти, яко не по естеству въ челоуѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволению». Подъ словомъ «планиты» въ азбуковникѣ читаемъ: «планиты суть седьмъ звѣздъ, иже на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Аррисъ. 2) Ернисъ, 3) Зевесъ, 4) Солнце, 5) Афродита, 6) Кронъ. 7) Квати, еже есть луна. Сими звѣздами оковынии звѣздословцы мнятъ ся *угадывати челоуѣческіе нравы и счастье*». Въ другомъ мѣстѣ: «Зодіями наричють звѣздословцы дванадесять звѣздъ, ихъ же глаголють суца на седмомъ поясѣ аерномъ. Сими звѣздами и умовреднии астрологи мнятся *угадывати счастья и добродѣйственное и злоденственное житіе челоуѣкомъ*»¹⁾. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и бесплоденъ»²⁾.

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суетвѣрье усвоило вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ

¹⁾ Изслѣд. Срезневскаго о родѣ и рожаницѣ. Архивъ Калачова, кн. 2 полов. 2. III, стр. 131—133. Сахарова, сказ. рус. нар. т. I, стр. 205.

²⁾ Опис. Румянц. муз. стр. 13.

ей-либо смерти. Есть народный рассказ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось вѣсь вѣкъ горѣть на небѣ тремя звѣздами, изъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дѣвчьи зори*. Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти; селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то перъ! или: «чья-то душа покатила»¹⁾. Многіе простолюдины вѣрятъ еще, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, полетѣвшаго за усопую душу; если успѣешь пожелать что-нибудь этой душѣ, пока еще не гасла звѣзда, то желаніе непременно исполнится. Въ старину, толковали же, что падающія звѣзды суть мытарства, что, впрочемъ, тогда же опровергли люди, читавшіе хотъ Галена. Кирилъ Бѣлозерскій, въ своихъ физическихъ выпискахъ изъ Галена, писалъ о *падающихъ звѣздахъ*: «види-я и къ земли падаемыя звѣзды. глаголють челоуѣцы, яко звѣзды суть и дають; инѣи же глаголють, яко мытарства суть лукавая. Но ниже звѣзды суть, ниже мытарства, но отложенія суть огненна небснаго ня, и падають долу, и елико нисходятъ низу, растопляются и ваются наки на воздусѣ. Сего ради ниже на земли видѣ кто гда падшаяся отъ нихъ, но. всегда на воздусѣ сливаются и разсы-ють и глаголются денница, звѣзды же никогда же падають, точию во орое пришествіе Христово... Но якоже рѣхомъ отъ небснаго круга ть преломленія пламенновидна»²⁾. Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напр. въ Симбирской губерніи, падающія звѣзды почитаютъ также огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто-бы летаютъ къ людямъ вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся³⁾. Въ Тульской губерніи, падающую звѣзду называютъ *маньякомъ* — злымъ духомъ: его дятъ будто бы въ концѣ февраля⁴⁾. Падающія звѣзды слынутъ также народѣ за признакъ лишенія дѣвицъ невинности. Надъ чьимъ домомъ адеть звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность. наконецъ, одна примѣта или пословица народная гласитъ: «звѣзда пада-етъ въ вѣтру»⁵⁾.

Всѣ эти и подобныя суевѣрія относительно падающихъ звѣздъ, а также болидовъ и аеролитовъ или метеорныхъ камней, очевидно, проистекли изъ непониманія космическаго происхожденія всѣхъ такихъ феноменовъ. зумъ, просвѣщенный наукой, не достигнувъ пока вполне удовлетвори-тельнаго, аксіоматическаго объясненія этихъ явленій, по крайней мѣрѣ ководствуется тѣмъ научно-раціональнымъ предположеніемъ, что пада-ющія звѣзды, болиды и аеролиты суть массы, вращающіяся около солнца, подобно планетамъ, и упадающія на землю, вслѣдствіе ниспаденія въ сферу земнаго притяженія, что огненные и свѣтовые явленія этихъ нел-пшихъ небсныхъ тѣлъ происходятъ отъ горячаго газа окружающей

¹⁾ Архивъ Калачова 1855. IV, стр. 128.

²⁾ Повѣдка въ Кирилѣбѣлоз. монастырь — Шевырева стр. 24.

³⁾ Этногр. сборн. вып. V, этнографія, 9.

⁴⁾ Областн. великорусск. словарь.

⁵⁾ Сборникъ пословицъ, изд. Далеми: стихин — явленія.

ихъ атмосферы, который, вступивъ въ атмосферу земли, содержащую кислородъ, загорается. Наука теперь раскрыла намъ многія подробности относительно природы падающихъ звѣздъ, болидовъ и аеролитовъ. Мы напримъ знаемъ теперь, что вышина падающихъ звѣздъ содержитъ отъ 34 до 35 миль, что движутся онѣ со скоростью отъ 4 до 8 миль въ секунду, что природа аеролитовъ или метеорныхъ камней совершенно отлична отъ всѣхъ земныхъ ископаемыхъ, что величина и вѣсъ аеролитовъ часто очень значительны: напримѣръ, найденная въ Сибири и описанная Палласомъ масса метеорнаго желѣза вышла въ 1,400 фунтовъ, и т. д. Но въ древнее время въ средніе вѣка, всѣ, а массы простого народа и доселѣ, суетѣнно толкуютъ о падающихъ звѣздахъ, болидахъ и аеролитахъ. Въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, явленіе метеорныхъ камней приписывали волѣ Богородицы, и считали ихъ непосылавшимся свыше наказаніемъ за употребленіе табаку и за нарушеніе церковныхъ обрядовъ. Богородица, будто-бы, являлась сельскимъ женщинамъ, и грозила: «будетъ стануть пить табакъ, много каменіе огненное испущу на землю»¹⁾. Одному нижегородцу, посадскому человѣку являлась будто-бы Богородица съ ангелами (въ 1655 году), подлѣ себя держала камень, и говорила: «въ другой рядъ я де царю вашему много милости своя подала, а ты де для чего въ міръ о преже реченномъ не возвѣстишь: будетъ, да не послушаешь меня, а грѣшныя ко мнѣ вѣры не покажутъ, и всеприлежно безъ всякаго прекословія мнѣ молиться не учнутъ, и въ среду и въ пятки постъ не стануть имѣть, и ты будешь за непознание каменіемъ убитъ, и на весь міръ за безвѣріе будетъ планида каменная туча, ожидайте вскорѣ»²⁾. Для характеристики народныхъ воззрѣній на физическія явленія, приведемъ описанія двухъ метеоровъ, появившихся въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Одно описаніе такое: «1662 года ноября въ 22 день было тихо, небо все чисто, а морозъ лютый. Въ селѣ Новой-Ерги и въ деревняхъ, по захожденіи солнца явилось на небѣ многимъ людямъ страшное знаменіе, о какомъ никогда и не слыхивали. Отъ солнечнаго западу явилась будто-бы звѣзда великая, и какъ молніе, быстро покатила по небу, раздвоивъ его, и протянулась по небу какъ змѣй, голова въ огнѣ и хоботъ, и такъ стояло съ полчаса. И былъ оттуда свѣтъ необыкновенный, и въ томъ свѣтѣ, вверхъ, прямо въ темя человѣку, показалось будто голова, и очи, и руки, и персты, и ноги разогнуты, точно человѣкъ, и весь огненный. И потомъ облакъ сталъ мутенъ, и небо затворилось, а по дворахъ и по хоромамъ, и по полямъ на землю палъ огонь, будто кужли горѣли; люди отъ огня бѣжали, а онъ, будто гоняся за ними, по землѣ катался, и никого не жегъ, и потомъ поднялся въ тотъ же облакъ. Тогда въ облакъ стало шумѣть, и пошелъ дымъ, и загремѣло какъ громъ, или какъ великій и страшный голосъ, и долго гремѣло, такъ что земля и хоромы тряслись, и люди отъ ужаса падали. А всякой скотъ къ тому огню сбѣгался въ груды, и рты свои съ кормомъ зажимая и смотря на тотъ огонь, подымая за нимъ свои головы кверху, рычали каждый своимъ

¹⁾ Сborn. Слов. № 925.

²⁾ Рѣчь Буслаева о народной поэзіи, прилож. стр. 13.

родосомъ. Потомъ съ великою яростію пало на землю малое и великое каменье горячее, а иное въ жару рвало; а людей Богъ помиловаль, и скоты не било, пало на порожнія мѣста; и снѣгъ около таялъ, а которое большое каменье пало, и то уходило въ мерзлую землю». Другое описаніе: «1663 года августа въ 15 день въ субботу, Бѣлозерскаго уѣзда, Робозерской волости, разныхъ помѣстій и вотчинъ люди стояли у обѣдни въ приходской церкви; и какъ стали пѣть молебень, на небѣ учинился великій шумъ; и многіе люди, вышедъ на паперть, увидѣли небывалое зрѣлище: съ сѣверной стороны, отъ свѣтлаго неба, а не изъ облака, вышелъ великій огонь на Робозеро и шелъ на полдень, вдоль озера надъ водою, во всѣ стороны, сажень по 20 и больше, а по сторонамъ того пламени синій дымъ, а впереди его сажень за двадцать, шли два луча огненные-жъ. Потомъ этого пламени не стало, и минувъ малый часъ, опять появилось, и опять померкло. И послѣ того, въ третій разъ подавшись къ западу, явился тотъ же огонь, страшнѣе перваго широтою, и поникнувъ, шелъ на западъ, и стоялъ тотъ огонь надъ Робозеромъ, надъ водою, часа съ полтора, а того озера двѣ версты, а поперекъ съ версту. И какъ тотъ огонь надъ водою шелъ, и за нимъ невѣйгласи (невѣжды, суевѣрные) обстрашилися, ѣхали въ лодкѣ крестьяне, и отъ того де огня пламенемъ опаляло, близъ не подпустило; а въ озерѣ де и до самаго дна свѣтъ былъ въ большой глубинѣ среди озера сажени четыре до дна; и всѣ они видѣли, какъ рыба отъ пламени къ берегу бѣжитъ; и которымъ де мѣстомъ огонь шелъ, тамъ воду палило какъ ржавецъ поверхъ воды, и потомъ вѣтромъ по озеру разнесло, и вода по прежнему»¹⁾).

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Теперь наука объяснила намъ, что кометы суть ничто иное, какъ свѣтила, движущіяся по такимъ же законамъ около солнца, какъ и планеты; существенно отличаются отъ нихъ только по своему виду и по свойству своего параболическаго пути. Мы знаемъ теперь, что большая часть кометъ есть ничто иное, какъ свѣтлое, круглое ядро, окруженное слабѣе свѣтящеюся туманною оболочкою, которая на сторонѣ, противоположной солнцу, удлинняется въ видѣ хвоста; хвостъ этотъ виденъ намъ подъ угломъ отъ 60 до 90, даже до 100°, такъ что онъ растягивается на значительной части небеснаго свода и достигаетъ иногда отъ 9 до 15 милліоновъ миль длины. Наука показала намъ подробности — различные видоизмѣненія развѣтвленія хвоста кометъ, объяснила истинный путь ихъ, параболическій, въ фокусѣ котораго лежитъ центръ солнца, открыла періоды обращенія различныхъ кометъ и приобрѣла разуму неотъемлемое право точно предсказывать время ихъ новаго появленія. Галлей, современникъ Ньютона, первый открылъ періодическое явленіе кометъ, судивъ изъ одинаковыхъ элементы пути прекрасной кометы 1682 года, обращающейся въ періодъ времени отъ 75 до 76 лѣтъ. Клеро путемъ трудныхъ вычисленій дошелъ до непреложнаго убѣжденія въ возможности предсказывать появленіе кометъ. Вычисливъ вліяніе тяготѣнія Юпитера и Сатурна

¹⁾ Акты истр. IV, 330—332.

на движеніе кометы 1682 года, или кометы Галлея, онъ предсказалъ время ея новаго появленія, такъ что ее должно было ожидать только въ срединѣ апрѣля 1759 года. И точно, 19 марта 1759 года галлеева комета прошла черезъ перигелій. «Ни одинъ астрономическій вопросъ, — говоритъ Араго, не возбуждалъ такъ сильно и законно общественное любопытство, которое было удовлетворено саксонскимъ крестьяниномъ Паличемъ. Онъ первый увидалъ комету. Съ этой минуты, отъ одного конца Европы до другого, каждую ночь тысячи телескоповъ направлялись къ созвѣздіямъ, лежащимъ на пути кометы, и заключавшимся въ предѣлахъ, назначенныхъ вычислениями Клеро. Увидали, что предсказаніе Клеро исполнилось и относительно времени, и относительно мѣста; астрономія сдѣлала огромную побѣду и разомъ уничтожила постыдный и закоренѣлый предрассудокъ. Когда увѣрились въ возможности предсказывать возвращеніе кометъ, тогда онѣ потеряли свой характеръ вѣстниковъ несчастій. Самые робкіе умы сдѣлались къ нимъ столько же равнодушными, какъ къ затмѣніямъ луны и солнца. Исполнившіяся предсказанія Клеро произвели на общество болѣе дѣйствія, нежели всѣ хитрыя доказательства философа Бэля»¹⁾.

Но пока не изучена и непонятна была космическая природа кометъ, умъ человѣческій страдалъ разными заблужденіями относительно этихъ небесныхъ тѣлъ. Во время Александра великаго, кометы казались греческимъ философамъ атмосферными метеорами. Въ средніе вѣка не заботились о познаніи ихъ натуры, и смотрѣли на нихъ, какъ на вѣстниковъ бѣдственныхъ событій—войны, чумы, голода, неблагоприятныхъ измѣненій погоды, и т. п. Такое же суевѣрное воззрѣніе господствовало и у насъ. Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменія политическихъ или общественныхъ несчастій. Не зная извѣкорѣнныхъ космическихъ законовъ, обуславливающихъ появленіе кометъ и временныхъ звѣздъ, независимо ни отъ чьихъ расчетовъ, наши невѣжественные книжники думали, что кометы и временныя звѣзды являются по законамъ евангельскимъ. Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такіа сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по многія нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда нѣкая, аки хвостата* и якоже *копѣйнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней тоже многожды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тохтамышево на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахождение на крестьяны». Или: «въ лѣто 1402, въ великое говѣніе, мѣсяца марта, являшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не мала, аки *копѣйнымъ образомъ*, верху же ея аки лучъ сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, ю же видѣхомъ весь той мѣсяць тако восходящу. Се же является грѣхъ ради нашихъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покояться отъ грѣхъ нашихъ; убо, смѣю рещи, сбывается слово еуангельское, якоже самъ спасъ въ еуангеліи рече: въ послѣдніе дни будутъ знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ. Да еже то въ еуангеліи преже Спасъ нашъ глаголаше, то

¹⁾ Биографіи знам. астрономовъ и проч. стр. 203.

И нынѣ въ послѣднія времена все сбывается, а реченныя знаменія на небеси . солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ являются... И се звѣзда, ю же нынѣ **дѣхомъ**, необычныя и незнаемыя звѣзды, о ней же нынѣ **пи-э-мъ** и глаголемъ, продолжающе слово ¹⁾. Въ настоящее время простой **на-дѣ** держится большею частію старинныхъ предрасудковъ и суевѣрій **носительно** кометъ. Еще и теперь крестьяне говорятъ: «*звѣзда съ хвостомъ—къ войнѣ*», и т. п.

Изъ всего набросаннаго нами краткаго очерка народныхъ воззрѣній **е** небо открывается, что небо для нашего простого народа — темная вода **е** облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и **пред-взсудковъ**. Кромѣ суевѣрій славянской мнѳологіи и средневѣковой астро-огіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ **отра-**зились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія. Какъ **чере-пшсы**, напримѣръ, представляютъ небо полнымъ скота и войлоковъ съ **юрмомъ** скотскимъ, такъ и наши крестьяне представляютъ небо полемъ **эойлочнымъ**, на которомъ много всякаго скота. Подобныя финницизмы, **очевидно**, могли быть привнесены въ русское крестьянское міросозерцаніе **грешеными**, обрусѣлыми крестьянами изъ финскихъ инородцевъ, изъ **чере-пшсы** и другихъ. Со временъ Брюса и Ломоносова, стала извѣстна намъ **русскимъ** наука астронмія. Но и теперь, изъ 73 милліоновъ народонасе-**ленія**, едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно **небесный** сводъ. Каждый день и каждую ночь всѣ мы, земнородные, **ви-**димъ грандіозную, неподражаемо-художественную, величественную, **безпре-**дѣльную темно-голубою синеву и глубину неба, днемъ освѣщаемую **вели-**чественнымъ свѣтиломъ—солнцемъ, ночью грандіозно-разсыпчато **устьян-**гую звѣздами, иллюминированную блѣднымъ дискомъ мѣсяца, — и самая **большая** часть изъ насъ, ежеминутныхъ зрителей неба, не имѣетъ **разум-**наго, научнаго понятія о небесномъ сводѣ и его явленіяхъ. Мы не читаемъ **и** не знаемъ самой великой книги мірозданія, которая открыта **передъ** **нами** и день и ночь, и вся исполнена великихъ космическихъ истинъ, **за-**коновъ и красотъ. Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа **блуждаютъ** на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, **коснѣютъ** въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистиче-**ской** уранологіи, астральной пневматологіи и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. Заговоры, извлеченные изъ рукописей старообрядческихъ.

1. Ложуся я рабъ Божій имракъ—Богу помолюся, встаю рабъ Божій **имракъ**—крестюся, умываюся я рабъ Божій имракъ—благословюся водою **бѣлы**, утираются я рабъ Божій имракъ престольною пеленою, **иду** я рабъ Божій имракъ: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою **стоитъ** бѣлая береза-гробница, въ той гробницѣ **лежитъ** Афанасій чернецъ, старецъ Ани-

¹⁾ Новгород. лѣт. IV, 81. 105, 106.

симъ патриархъ и посихомися именемъ, ошашеся каменемъ, и с неговорить; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ м стивый, Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріиль арханг Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святые апостолы, Михайль ар гель, Гавріиль Архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудо рецъ, помолюсь я рабъ Божій имракъ 12-ти апостоламъ, Іоанну Пред Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гавр архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, хаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю свя чудотворцу, одѣваюся я рабъ Божій имракъ небомъ; подпоянуса я Божій имракъ облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ 1 стовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бог помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, пос женъ и посихмененъ, окамененъ, и ошашеся и съ камнемъ въ гробѣ лежа, также и противникъ мой онѣменъ. Крестъ на мнѣ рабъ Бож имракъ, крестомъ я рабъ Божій имракъ ограждаюся отъ сопротиви своего, еретика, еретицы, отъ клеветницы; замыкаюся я рабъ Б имракъ отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колд отъ колдунницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я рабъ Б имракъ съ тѣхъ девяносто позолоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и о на днѣ лежить камень латирь, никому въ кіянѣ не бывать, и клд моихъ не вынимать.

Во имя Отца и Сына и святаго духа аминь. Отъ земли и до не около меня раба Божія имрака стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ 1 породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Іисуса 1 ста, ангела, архангела и великіе архангеліе грозныхъ силъ воевода тый архангелъ Михайль и архангелъ Гавріиль и святой страстотерп Дмитрій, святой и храбрый Георгій, тѣ меня раба Божія имракъ бере со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими; не дають меня раба Б имрака лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоть, ничѣмъ бити копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни меч лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служебника своего ангельск мученическаго раба Божія имрака предъ царемъ Александромъ Маке скимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ святыхъ, вдов умоленіемъ. Стой неходи ко мнѣ рабу Божию имраку умоленіемъ свят апостоловъ и святыхъ отецъ не ходи ко мнѣ рабу Божию имраку, умолен всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божию отъ начала и до сего умоленіемъ вдовицъ, стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу Божию имр черезъ благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, ум ніемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помни загради и заступи и защити раба Божія имрака отъ стрѣлъ лѣтящих отъ всяка желѣза, отъ булату и отъ укладу, и отъ камне, отъ стал отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго д русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воины и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищальки, и отъ самопаловъ, и пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ ка

ныхъ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дробн всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семь свѣтъ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой итицы перья и отъ всякаго погубленія черемшскаго и татарскаго, бухарскаго и крезинскаго (ис), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя, крестъ креста церковнаго, крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утверждение, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святыи великий Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба Божія имрака Продовыхъ 12-ти дочерей и сохрани меня грѣшнаго раба своего имрака душу мою и тѣло цѣло и здорово, до окончанія живота моего, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Читаетъ по утрамъ и зарямъ трижды.*

2. Молитва руду унимать. 1841 года. Шель Господь съ небесъ съ вострымъ коніемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, ручейную, ножевую, топоровую. Выду я въ чисто поле на чистое море; на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаеъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растетъ, у раба Божія имрака руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка руду прикладываетъ, вода не канетъ, не каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа Иисуса Христа сыне Божій помилуй насъ. Аминь.

3. Нягу я рабъ Божій имракъ помолюся, перекрестяся, умоюся святою водою, утреннею росою, утрюся бѣлымъ тканымъ полотенцемъ; пойду я рабъ Божій имракъ изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонску взираючи, крестомъ себя ограждаючи, погляжу я рабъ Божій имракъ въ чистое поле, въ зелено поле, около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ золотая святая лѣстница, и съ той возрачно по святой лѣстницѣ шель Божій ангелъ Михаилъ архангелъ; и пойду я рабъ Божій имракъ помолюся и поклонюся: батюшка Божій ангелъ. Михаилъ архангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату красной мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ золотымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридцать замковъ и въ тридцать ключей, и рече ему рабу своему имраку: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица Богородица; поди рабъ Божій помолись и поклонись, при семь рабъ Божій имракъ помолился и поклонился: заступница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ золотымъ своимъ поя-

сомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему имраку: поди ты рабъ Божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стои апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви престолъ стоитъ самъ Господь сынъ Божій Иисусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое. закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ поясомъ и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей. И рече ему рабу Божию имраку своему Господь нашъ Иисусъ Христосъ сынъ Божій: заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ океанъ-море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба Божія не отмыкать, а кто есть ключъ достанетъ, тотъ тебя раба Божія отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ камнѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покоряются, какъ и льву звѣри всѣ покоряются, такъ бы и тебѣ вси покоряются, покоряются други и недруги, покорялися, что ты говоришь, тебя бы и слушали, и твою волю творити. Во имя Отца и Сына и святаго дѣла. Аминь.

4. Господи благослови! Облекохся въ небеса, одѣяхся въ облако, и помолихъ Бога и свѣтъ Георгія: о свитый Георгіе, умягчивый 7 царей какъ овце, а меня раба Божія (имракъ) якоже льва свирѣпа во имя Отца и Сына и святаго духа, и нынѣ и присно и т. п. Аминь.

5. Пягу я рабъ Божій имракъ помолихъ, встану я рабъ Божій перекрестясь. умоюся святынею, помолюсь спасу и пречистыя Богородице, пойду я рабъ Божій изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратихъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я рабъ Божій Михаилу Архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятыю ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу Божию Михаилъ архангелъ: заслону я тебя раба Божія желѣзною дверью, и замкну тридевятыю замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ; первый Маріи, второй Прасковьи, третій Ериси (sic), возмите ключи, отнесите на небеса, и кто эти ключи достанетъ, тебя раба Божія отмыкать станетъ. Мати Божія пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ Божій къ рабу Божию имраку: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я рабъ Божій хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было, ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ, снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое, ты предо мной еси лютый огонь, а я предъ тобой есмь сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ. Аминь. Боже очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою.

но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и сѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

6. Заговоръ крови. Аминь. На мори на акіане, на островѣ на буянѣ, лежитъ горючъ камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую: вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣтъ, и тебѣ кровь не бѣжать; поговорить: аминь.

7. Стану я рабъ Божій И. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной есть окіанъ сине море, на томъ на окіанѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырь камнѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Исусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я прииду рабъ Божій И. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня раба Божія Ивана тынъ желѣзный. верья бѣлаты на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣтъ; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я рабъ Божій И. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, ото всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? не можетъ злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдунница, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка, бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдунница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

8. Унятіе руды.

Господи Исусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле въ востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану-мору; у окіана-моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырь камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порезы и посѣпки отъ удару

и отъ укладу и булату унимала, и запирала, какъ изъ латыря камня не воды, такожде изъ раба Божія ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба Божія имракъ ни руды, какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба Божія имрака твердо утвердились, рука заключись въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посяжки и удары во вѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь затекись, гуще густаго клею; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь.

9. Господи Иисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Стану я рабъ Божій имракъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ въ восточной сторонѣ, стоитъ буювой островъ; на томъ буювомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ подъ того святого дерева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодеть, ногами скребеть; и какъ у этого булатнаго быка булатные рога крѣпки не гнутся, и не ломаются, и не плющатся, также бы у меня раба Божія имракъ станова я жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, колъ коломъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, коніе копьемъ, ни задъ бы, ни передъ не ломило, ни щепоты и не ломоты, ни въ денныхъ часахъ, и ни въ ночныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полуночныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ. Аминь. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Какъ громъ грянетъ, и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божию, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь.

10. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле въ востокъ въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіанѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубить тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепы летятъ, такожде бы и отъ меня имракъ валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. Трижды.

И тѣмъ замкомъ моимъ словамъ, ключъ въ море, замокъ въ небѣ, отъ нынѣ и до вѣка.

11. Молитва пресвятыя Богородицы.

Спала еси Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Вифлеемѣ Іудейскомъ, во святомъ храмѣ по мартъ мѣсяцъ, и видѣлся сонъ ей страшенъ вельми, и приде къ ней Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и рече ей: мати моя возлюбленная пресвятая Богородице Марія, спиши или не спиши, или что видишь; и рече ему пресвятая Богородице: чадо мое возлюбленное, истинный Господь Иисусъ Христосъ, спала есмь во святомъ градѣ во Вифлеемѣ на мартъ мѣсяцъ, и видѣлся сонъ мнѣ про тебя вельми страшенъ, что

тебя Игемоны Пилаты взявши и приведоша къ Понтійскому Пилату, и удариша по ланитѣ, и на главу твою святую терновъ вѣнецъ возложенъ, и ребра Твоя святыя копіемъ прободены, сице кровь и вода святая изтече на изцѣленіе христіаномъ, и желчію напоиша, тростію по главѣ удариша, и на крестъ пригвожденъ и воскресъ. И рече истинный Іисусъ Христосъ, воистину тако будетъ; аще которой человекъ сонъ твой на себѣ носитъ въ чистотѣ, или въ домѣ своемъ держитъ, или по всякъ день прочтетъ, и тотъ человекъ избавленъ будетъ муки вѣчныя, отъ діавольскаго навожденія во дни и въ нощи, въ яденіяхъ и питіяхъ избавленъ будетъ; **который человекъ пойдетъ, при царѣ или при вельможѣ, и сонъ твой съ собою возьметъ или прочитаетъ трижды, и утолится супостатъ отъ васъ аще на службѣ умретъ, или разбойники убьютъ, и того человека душу ангели Божіи отъ всякія скверны очистятъ, и возьмутъ душу его ко престолу Господню на небеса, поставятъ у престола Господня съ праведными душами, избавленъ и злыхъ человекъ и вѣдуновъ и отъ ведунницъ, отъ трясовицъ летающихъ и отъ всякаго сатанина мечтанія, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.**

12. Господи Іисусе Христе сыне Божій. помилуй мя грѣшнаго раба Твоего имракъ, аминь, на мнѣ рабъ Божіемъ имракъ грамата отъ града Господня, придетъ ко мнѣ рабу Божію имракъ, — и ту сію грамоту возму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ имракъ на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святой, аще на сію ночь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ, а во очи появлюсь я рабъ Божій имракъ предъ князя боярина и предъ судьями и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабъ Божіемъ радуются и веселятся и съ мѣста встаютъ, какъ же станеть около меня раба Божія тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ ученицъ, отъ калика переходящаго, отъ и отъ всякаго злаго человека, какъ снидетъ ко мнѣ рабу имракъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами Матвѣемъ, съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и ту вѣтку сладкую сорветъ около главы моей, трижды обнесетъ отъ князя и боярина, отъ судей, и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ, бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ со всѣмъ я рабъ Божій имракъ сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключъ и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ царю небесному. Аминь. День пройдетъ, ночь настанетъ, ложится спать рабъ Божій имракъ, печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятая Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста, на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ

врага прогоняетъ, враги ему заклиняются, мнѣ тутъ не бывать на рабѣ Божіемъ, не стояти, учинили храмины печать Петръ и Павелъ, Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи. Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

13. Молитва архангелу Михаилу. Аще человѣкъ котораго дни гоголетъ, то непріидетъ на него никакое зло, ниже діаволь, но вся изчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ. Господи Иисусе Христе сыне Божій, великій царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на престолѣ со Отцемъ и Сыномъ и со святымъ духомъ, славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой. Господи архангела своего Михаила на помощь, мнѣ грѣшному рабу имракъ. избави мя враговъ моихъ видимыхъ и не видимыхъ, великій господине архангеле Михаиле излей море благо на раба твоего имракъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избави мя отъ бѣсовскихъ козней навѣта и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имракъ и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и невидимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра и великій святой архангелъ Михаилъ первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, и на расходныхъ и на морѣ, и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани, спуты сохрани, укрьши у всѣхъ человѣкъ въ чести, избави мя прелести діавольскія и проч.

II. Сказаніе, кѣмъ святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны, и когда памяти ихъ.

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ, молитися.

О изцѣленіи болѣзни очныя.

О томъ же.

О томъ же.

О изцѣленіи отъ главныя болѣзни.

О изцѣленіи отъ зубныя болѣзни.

О изцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни.

О томъ же.

О изцѣленіи отъ грызной болѣзни.

О разрѣшеніи неплодства и безчадія.

О томъ же.

Пресвятой Богородицѣ Казанской. іюля 8-го.

Мученику Минѣ египтянину, ноября 11-го.

Мученику Таврентію архидіакону, августа 10-го.

Мученику Логину сотнику, октября 16-го.

Святому пророку Іоанну Предтечи. августа 29-го.

Священномученику Антипѣ, августа 11-го.

Преподобному Марю, февраля 14-го.

Мученицѣ Фотиніи самарянницѣ, марта 20-го.

Великомученику Артемію, октября 20-го.

Преподобному Роману чудотворцу. ноября 27-го.

Преподобному Игнатію иже въ Рүфиѣхъ, марта 31-го.

Объ освобожденіи отъ труднаго рожденія женъ.

О томъ же.

Аще возненавидитъ мужъ жену свою неповинно.

О сохраненіи здравія младенцевъ.

О томъ же.

О избавленіи младенцевъ отъ родни-мца.

О исцѣленіи младенцевъ отъ оспы.

О просвѣщеніи разума къ ученію гра-мотъ.

О наученіи иконнаго писанія.

О сохраненіи отъ внезапныхъ безъ по-каянія смерти.

О томъ же.

О томъ же.

О избавленіи отъ муки безъ покая-нія.

О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ че-ловѣкъ и скотовъ.

О томъ же.

О избавленіи отъ блудныхъ страсти.

О томъ же.

О томъ же.

О избавленіи отъ виннаго запойства.

О томъ же.

О сохраненіи отъ пожара или молніи.

О томъ же.

О бездожіи и ведрѣ.

О избавленіи отъ потопленія на водѣ, и бѣдъ и печаль.

О избавленіи отъ скотскаго падежа.

О томъ же.

О избавленіи отъ падежа конскаго.

О сохраненія скота отъ съѣденія звѣ-рей.

О обрѣт. украденныхъ вещей и бѣ-жавшихъ рабовъ.

О томъ же.

О сохраненіи отъ злаго очарованія.

Пресвятѣй Богородицѣ Θεодоровской, августа 16-го.

Великомученицѣ Екатеринѣ, ноября 24-го,

Св. мученикамъ Гурію, Симону и Авиву, ноября 15-го.

Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26-го.

Праведнику Симеону Богопріимцу, февраля 3-го.

Св. великомученику Никитѣ, сентября 15-го.

Мученику Конону соврѣпскому, мар-та 5-го.

Св. безребникамъ Косъмъ у Даміану ноября 1-го.

Св. апостолу Іоанну Богослову, сен-тября 26-го.

Священномученику Садофу, октября 19-го.

Великомучен. Варварѣ, декабря 4-го.

Священномученику Харлампію, фев-раля 10-го.

Преподобному Паисію великому, іюня 19-го.

Преподоби. Нифонту, декабря 23-го.

Святителю Марофу, февраля 16-го.

Преподоби. Мартіану, февраля 13-го.

Преподоби. Іоанну многострадатель-ному, іюля 18-го.

Св. мучен. Θεомайдѣ, апрѣля 14-го.

Мучен. Внифантію, декабря 19-го.

Преподоби. Моисею Мурину, августа 28-го.

Пресвятой Богородицѣ неопалимой купинѣ, сентября 4-го.

Святителю Никитѣ Новгородскому, января 31-го.

Св. пророку Іліи, іюля 20-го.

Святителю Николаю чудотворцу, де-кабря 6-го.

Святителю Модесту, декабря 18-го.

Священномученику Влассію, февраля 11-го.

Мученикамъ Флору и Лавру, авгу-ста 18-го.

Св. великомученику Георгію, апрѣля 23-го.

Мученику Θεодору Тирону, февраля 17-го.

Мученику Іоанну воинственнику, іюля 30-го.

Священномученикамъ Кипріану и Іеритипіи, октября.

III. Орывки изъ легендъ, взятыя изъ соловецкихъ рукописей.

1. Въ рукописныхъ житіяхъ сѣверо-поморскихъ святыхъ много легендъ о помощи туземныхъ святыхъ поморскихъ весновальникамъ въ морскихъ промыслахъ, въ укрощеніи бушующихъ стихій морскихъ. Напр. въ житіи Иринарха игумена соловецкаго читаемъ: «въ лѣто 7137 весною, пріѣхавъ единою въ соловецкій монастырь помолитися всемилостивому Спасу и препод. отцамъ Засимѣ и Савватію молебная пѣти, Двинской земли жители, иже исповѣдаша повѣсть сицеву: «ходили они въ море на веснованье для промысла морскихъ звѣрей, кожъ и сала, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человѣка нарицаемые юровщики, си есть, въ томъ промыслѣ свѣдущіе и искусные люди, прочіе же въ ромшахъ, и иные вси во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море спустишася, внезапно возвѣяша вѣтры велицы зѣло, отъ берега ихъ со льдомъ занесе въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дни. И начаша святыхъ на помощь призывати. И ночью во снѣ явился одному изъ юровщиковъ нѣкій старецъ, браду имѣя довольну и сѣдинами украшену, во священническомъ подобіи, въ десной своей руцѣ крестъ держай, и глагола: востаните и молитесь Богу и соловецкихъ чудотворцевъ на помощь призывайте, и будетъ вамъ милость всѣмъ вскорѣ. И абіе возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко берегу. Первіи, имъ же явился старецъ, присташа на нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ зимняя сторона, и обрѣтоша близъ берега на льду множество звѣрей морскихъ, ихъ же всѣхъ избивше ту, возвратишася во свое си съ корыстію многою». Подобный случай рассказывали варзужскіе весновальники: «ходили они на веснованье для добычи морскихъ звѣрей и плавали по морю многое время, и добычи никакой не нашли, и въ отчаяніи пошли было домой, когда льдины уже исчезли и приближалось лѣто; долго плыли они по морю, нашли одну льдину, недалеко отъ берега, длиною съ версту или немного болѣе, перебрались на нее, затащили съ собою суда и, вкусивъ не много хлѣба, легли спать. Ночью одному изъ нихъ явился старецъ (Иринархъ соловецкій) и сказалъ: встаньте! Богъ даетъ вамъ добычу. И на завтра видятъ артельщики многое множество звѣрей: тотчасъ въ однѣхъ рубашкахъ и чулкахъ сходятъ на льдину и начинаютъ бить звѣрей, избивли столько, сколько имъ нужно было!» Другіе видѣли на морѣ знаменья отъ святыхъ. Напр. одинъ пятидесятникъ архангельскій, рассказывалъ про чудо, случившееся съ нимъ отъ Никодима кожезерскаго чудотворца: «бывши ми на морѣ, весною въ великій постъ, якоже обычай и до нынѣ поморскихъ странъ людямъ, и ходивши по льду за звѣрьми, и не вѣмъ, како разлучихся отъ дружины моея, не имый съ собою хлѣба ни малого куса, ходящу ми по льду и невѣдущу камо идущу, льды же разно расходящася, несоша мя въ море три дни и три ночи, азъ же отъ глади и отъ многого хожденія вельми изнемогъ и житія отчаяхся, но токмо ожидахъ смерти и сѣдохъ подъ нѣкую льдину опочинуть и молихся всемилостивому Богу и пречистой его Богоматери и всѣмъ святымъ со многими слезами

о избавленіи горькія смерти своея, и мало поклонихся опочити. Солнцу же вельми сіяюще, и абіе внезапно узрѣхъ нѣкоего старца при возглавіи моемъ стояща и церковь на воздусѣ стоящу о пяти главахъ. И рече ми явлейся старецъ: человекѣ! обѣщайся иди въ обитель св. Богоявленія Господня, иже есть на Кожеезерѣ—помолитъся всемилостивому Спасу. Азъ же рѣкохъ ко старцу: которая есть сія отче церковь, юже азъ вижду на воздусѣ? Старецъ же рече ко мнѣ: сія чадо церковь, юже видиши, св. Богоявленія Господня, иже на Кожеезерѣ. И паки азъ рѣкъ къ старцу: а ты, отче святой, коея обители и что ти есть имя, и како сѣмо пришелъ еси? Онъ же рече: азъ есмь тоеже св. обители, и имя мое Никодимъ. Азъ же паки рекохъ ему: помолися честный отче, о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу, да помилуетъ мя окаяннаго отъ горькой смерти сея. И положихъ обѣщаніе иди во святую оную обитель. И въ томъ часѣ церковь на воздусѣ невидима бысть, и старецъ бысть невидимъ, и въ томъ часѣ прииде съ моря вѣтръ силенъ зѣло и понесе мя на льду ко берегу, и принесе вскорѣ къ берегу. И тако ходатайствомъ и молитвами препод. отца Никодима избавленъ быхъ отъ горькой смерти». «Сія же той пятидесятникъ повѣда самъ о себѣ», — замѣчаетъ собиратель повѣстей о чудесахъ Никодима кожезерскаго. Святые поморскіе, по туземному представленію, извергали звѣрей изъ моря, въ случаѣ нужды и молитвы къ нимъ поморцевъ. Такое чудо показали пертоминскіе чудотворцы Вассіанъ и Іона, когда въ пустынѣ былъ голодъ, и трудники монастырскіе стали роптать на игумена за неплатежъ заработанныхъ денегъ: тогда, по молитвамъ общежителей, море извергло большого кита, и «дивившася зѣло о несбыточномъ томъ чудеси, и прославиша Бога и преподобныхъ похвалиша, и измѣривше же звѣря того глаголемаго кита, обрѣтоша саженой осемъ великихъ, и пріемши орудіе, разсѣкоша звѣря онаго на части и обрѣтоша жиру 230 п., цѣны же собраша сребра на немъ яко до 500 гривенъ, и тако промысломъ Божиимъ и молитвъ ради преподобныхъ Вассіана и Іоны отъ скудости богатство пріяша и наемникомъ мзду даша довольну». И на сушѣ были такія же матеріальныя чудеса святыхъ. «Бѣ нѣкто трудникъ именемъ Никита, труждашеся въ обители преподобныхъ Вассіана и Іоны пертоминскихъ. Во едино время, молящуся ему, якоже обычай баше, и призывающе преподобныхъ въ потребѣ своей помощь подати въ прекормленіи скота монастырскаго сѣнною кормлею, еще бы ему препитати оной скотъ безгладно, понеже вельми умалися сѣнная кормля, и печалышеся о томъ зѣло. Днемъ и ношю молящуся ему преподобнымъ помощь подати въ прекормленіи скота, таже уклоньшуся ему ко сну, и абіе явишася преподобнии отци Вассіанъ и Іона, глаголюще ему: что убо наю желая просить еси, не бывшимъ намъ здѣ въ обители своей, быхомъ убо мы въ оной веси, промысляхомъ съ купляющими сѣна на пищу скотамъ нашимъ, и нынѣ же придохомъ паки и здѣ есмы въ своемъ мѣстѣ обрѣтаемъся, исполняяще прошеніе твое, дается ти отъ Бога вскорѣ довольное прокормленіе скоту, сѣна, о семъ болѣе не сѣтуй, но паче радуйся; шедъ повѣдай братіи, дабы посланы быша трудники въ оную близъ лежавшихъ всеей купити сѣна на прокормленіе скоту нашему уже мы купихомъ малою

цѣною.... и егда начаша куповати у жителей веси тоя порицаемыя унскія, бысть чудесно вельми промысломъ и помощію преподобныхъ, яко купиша до девяносты возилъ сѣна, цѣною же вельми малою, никогда тако куповашеся кормля скотская о тѣхъ временахъ, зане точію по 6 денежекъ приеши за возъ продающіи». Множество подобныхъ легендъ въ сѣверопоморскихъ сказаніяхъ о тамошнихъ чудотворцахъ. Извлеченія наши изъ ркп. солов. библ. № 182. Приведемъ еще одно сказаніе изъ житія Макарія унженскаго: возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпою народа, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался преподобный съ сущими съ нимъ христіанами, яко до пересилиться ему на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весемъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако; Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, ако присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжалася, занеже мѣсто то Уньжа отстояніе имать отъ темныхъ водъ глаголють не мало яко двѣсти чотыредесать или множае поприщъ, идеху же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ и не обрѣтаху что ясти, тающе голодомъ. Господь же прослави угодника своего, и абіе божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивое животное, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бяше тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще 3 дня. Святый же возбраняше имъ глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаеъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣштити ухо лосю и отпустить его, и яко же хочетъ Богъ, въ день той животное и будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю и отпустиша его, и отойдя въ пустыню. Преподобный же видя ихъ томимыхъ голодомъ, и зѣло печашеся о нихъ; народъ же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, да незлѣ голодомъ погибнуть въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада мое, но паче уповайте на благодѣ Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ чотыредесать лѣтъ въ пустыни манной, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ апостолъ верховныхъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю тя Господи Исусе Христе, благословенный Боже, призри съ высоты святая твоя, всяко дыханіе благословить тя, всяка тварь славить тя, милостивый Боже царю! Призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапно во утрѣи праздника св. апостолъ урани животное то дивій лось, обрѣтеся въ народѣ, и познася его яко той же бѣ лось, ухо имѣя отрѣшенно, и вѣдоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя». Сборн. солов. библ. № 826.

Святые считались стражами домашняго скота и вообще всякаго вещественнаго имущества. Въ случаѣ потери чего иибудь, они помогали отыскивать. Напр. въ житіи Зосимы и Савватія соловецкихъ есть повѣсти о томъ, какъ эти чудотворцы отыскивали потерявшихся лошадей. Такое повѣрье существуетъ и теперь. Напр. въ Казани намъ рассказывалъ одинъ

крестьянинъ изъ села Кавалей, какъ другой крестьянинъ — изъ дер. Тарлыши, Ондреянъ Александровъ Сазановъ, по случаю падежа или потери 20 лошадей, ходилъ въ седмюзерную пустынь молиться святымъ; строитель пустыни, какъ передавалъ крестьянинъ, говорилъ ему: попустишь двѣ недѣли—потинью, «т. е. съ эпитиміей, Господь тебѣ возвратитъ 20 лошадей». Въ старину даже по случаю потери пуговицы, призывали святого. Такъ въ житіи Даниїла переяславскаго читаемъ: бысть тогда (ок. 1540 г.) въ Переяславѣ намѣстникъ князь Ондрей Олександровичъ, зовомый Оленинъ. Нѣкогда же у сего князя Ондreja изгибе отъ пристѣжія срачицы его золотая пуговица съ драгимъ жемчугомъ, и невѣріе имѣя на малыя отроки своя, и хотяху нѣбзи мучими быти, и воспомяну князь святаго Даниїла, и призва его въ молитвѣ глаголя: о преподобне Даниле, молитвою си помози намъ и о погибшей пуговицѣ смущеніе мое утоли, да не постраждутъ нѣчто домоладцы мои. Чудотворецъ помогъ найти пуговицу и рабовъ избавилъ отъ побоевъ и пытокъ князя. Сборн. слов. библ. № 182.

Наконецъ, самый даръ грамоты и ученія техническаго и всякаго испрашивали у особыхъ святыхъ. Патронами каллиграфіи и всякаго полезнаго ученія признавались Іоаннъ Богословъ, безсребренники Косма и Доміанъ и особенно пророкъ Наумъ. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка сказано: «есть обычай многимъ (учащимся) совершати молебная святымъ безсребникамъ Космѣ и Доміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать». (Чтен. моск. общ. истор. и древн. рос. 1861 кн. IV, стр. 23). Въ прописяхъ азбуковниковъ XVII в. находится такой стихъ:

Святый апостоле и евангелисте *Іоанне богослове*,
 На тайной вечери возлегій на персѣ Христовѣ,
 Вразуми мя и научи добрѣ писати,
 Якоже онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
 Святый пророче Божій, *Науме*, вразуми ми и накажи своею
 Милостію и благодатію, добрѣ руководство навывати.

Обычай этотъ заимствованъ у грековъ, которые Косму и Доміана также почитали помощниками въ обученіи, и есть свидѣтельство, что для испрошенія этой помощи, приходили именно въ храмъ этихъ святыхъ. Въ сочиненіи Дюканжа: Constantinopolis christiana, lib. III, p. 122 помѣщены слѣдующіе стихи, написанные Іоанномъ епископомъ евхаитскимъ ко храму Космы и Доміана:

Καὶ ἦν ὁμοῦ σὺναίνον οἱ γεγραμμένοι
 Ἀναγγέλιος μὲν ὁ τρόπος τοῖς συγγένεσι,
 Τέχνη δ' ἱετροῖ, θιαυματονργοῖ τε πλέον,
 ἦν οὖν θέλεις ἀμισθον ἑξαίτου χάριν.
 Θεία γὰρ ἐγγίς αὐτοῦχῃς δε καὶ τέχνη.

Обычай служить молебень пророку Науму предъ началомъ ученія дѣтей и доселѣ ведется между крестьянами. Думая научить сына грамотѣ или какой-нибудь механической работѣ, крестьянинъ идетъ спрашивать цер-

ковнаго причетника: когда бываетъ день пророка Наума! Узнавши, онъ служить въ тотъ день молебень пророку Науму, и потомъ ведетъ сына къ учителю. Откуда образовалась простонародная поговорка: «одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ».

2. Восточно-византійская санктологія напечатлѣлась не только на всемъ житейскомъ міросозерцаніи древне-русскихъ людей, но и на самыхъ именахъ ихъ. До крещенія Руси, имена давали или волхвы, вѣдунны, или какъ хотѣла родители назвать свое дитя, такъ и называли. Имена давались въ родѣ такихъ: Богданъ, Бажень, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсофѣдъ, Подрогъ и другія, которыя послѣ обратились въ прозвища (Опис. рукоп. рум. муз. стр. 2, 6—7). Природныя или самопроизводныя славяно-русскія имена большею частію выражали качества и предметы естественныя и бытовые. Но со времени крещенія Руси Владиміромъ великимъ, имена стали давать въ честь святыхъ. Впрочемъ, многіе изъ простого народа до позднѣйшаго времени носили дѣтей своихъ къ волхвамъ и чародѣямъ, и тѣ нарекали имъ имена. Такъ особенно было на финскомъ сѣверѣ, гдѣ сельскіе жители, въ XVI в. призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*, которые и давали имена новорожденнымъ. Въ казанскомъ краю тоже, въ XVI вѣкѣ и послѣ, новокрещенные чуваша, черемисы и вотяки призывали къ родильницамъ и къ дѣтямъ не поповъ, а бабъ; тоже было въ XVII вѣкѣ въ Сибири. (Доп. къ А. И. т. II. А. А. У. 438, А. И. т. IV. № 35). Противъ всѣхъ этихъ обычаевъ, книжники церковные, на основаніи восточно-византійской санктологіи, возставали. Въ старинныхъ алфавитахъ читаемъ: прежде убо славяне еще суще погани, немѣяху книгъ, понеже неразумѣху писанія, и того ради и дѣтямъ своимъ даяху имена якоже восхоцетъ отецъ или мати дѣтищу, яже суть сія: Богданъ, Бажень, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища именуются. Добра суть и та. Но обаче ноци невѣрія ихъ мимошедшей свѣту же истиннаго богоразумія въ нихъ возсіявшу..., Славяне, приѣмше святаыя книги, послѣдоваша во всемъ преданію святаы и соборныя и апостольскія церкви, и отъ толѣ любяще и почитающе святаы угодники, начаша и дѣтемъ своимъ даяти имена во имя святаго настоящаго времени, въ неже дѣтищъ родителю. И того ради неудобъ вѣдома намъ нынѣшнихъ именъ нашихъ толкованія, или по коему языку каждо насъ наричется, не бо ни единаго греческаго языка нареченію наричемся, но многихъ языкъ (въ слов. сборн. № 925, л. 25—26 прибавлено: «ова еврейска, ина же египетска, ина римска и прочихъ языкъ, протолкована же взята быше отъ древнихъ святаыхъ любомудрецъ, нѣкая же и послѣ отъ Максима грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянѣхъ составлять тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ въ руси сватымъ»)... сего ради убо потребно есть и съ прочими языкъ рѣчьми здѣ толкованіемъ изобразити, да увѣмы, что есть коегождо святаго и праведнаго тезоименная похвала... А бѣсовская нарицанія толкованы сего ради, понеже мнози отъ человекъ приходяще къ волхвамъ и чародѣямъ, и приѣмлютъ отъ нихъ нѣкая бѣсовская наузы и носятъ ихъ на себѣ» и проч. Въ другомъ спискѣ полѣбе: «мнози отъ человекъ приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, и приѣмлютъ отъ нихъ

бѣсовская *обонанія и ниузы* и носятъ ихъ на себѣ. Иная бѣсовская *имена* призывающе волхвы и чародѣи надѣ бѣствами и питіемъ, и та дающе нѣкимъ простымъ (простой чади) вкушати, яко ради здравія, и тѣмъ губятъ души многихъ простыхъ чади. И сего ради та здѣ объяснена, да отъ неразумія пріемлюще таковая, или на харатіяхъ написаны носящи, погубимъ душу своя, вмѣсто божественныхъ именъ пріемлюще *бѣсовскія имена*». Ркп. алфав. солов. № 13, л. 28—29. (Сборн. солов. № 925).

3. Любопытна слѣдующая легенда, какъ въ XV вѣкѣ чудотворная икона появилась въ древнѣйшемъ дремучемъ лѣсу Оковскомъ и помѣшала татамъ воровать чужой скотъ — лошадей и коровъ, и какъ отъ нея будто бы произошли разныя благотворныя физическія явленія: «Въ Оковской волости (въ Тверской области) промежду деревень есть деревня Дрепки, а другая Ключки. Имѣ же тѣхъ деревень лѣсъ дичь, а по тому лѣсу течетъ рѣка Пырышка, а на той рѣкѣ есть городище маленько на клочковской сторонѣ рѣки, и была тутъ боярщина Подадина, жили въ ней два татя, а въ Ключкахъ жили два же татя, Ивашкомъ зовутъ, что пономаремъ прослави, да дядя его родной, Ермолкою зовутъ, а приѣзжали они изъ Рясны. И совѣщались два татя Ивановы боярщины съ клочковскими татями съ Иваномъ и съ Ермолкою, а совѣтъ у нихъ былъ таковъ: привести имъ съ Ключковъ украдчи двое лошадей, а Ивановы боярщины привести было украдчи коровы, а мѣнѣ было у нихъ быти лошадямъ на коровы по сроку, на томъ на пырыщскомъ городищу. Ивановы боярщины тати покрадчи коровы напередъ поспѣли къ ихъ сроку, клочковскимъ татамъ неулучилось украсти двоя лошадей по ихъ сроку, и прежніе тѣ тати поставили коровы отъ городища того въ верхъ по Пырыщкѣ рѣкѣ за ключемъ въ лѣсѣ, да сами по прежнему ихъ совѣту, гдѣ бѣло мѣнѣ быти лошадей на коровы, взошли на то городище Пыршинское и узрѣли прежь всѣхъ икону, а не знаютъ, что крестъ честный, и рѣкоша другъ ко другу: се на насъ подковъ, побѣжимъ отъ мѣста сего: не чужими намъ животами мѣна, но своими головами пріяти бѣда. И бѣжаша они отъ мѣста того и увидѣ лѣсъ нѣгдѣ того жъ дни съ тѣмъ Ивашкомъ и дядею Ермолкомъ, и рекоша: что у васъ на насъ за подковъ — икона стоитъ на городищѣ, а не лошади: то ли ваша правда къ намъ. Они жъ начаша клятися и ротитися, глаголюще: «ничто же на васъ зла помыслихомъ, ниже на городищѣ иконы вѣдаемъ, но токмо мы отъ многихъ людей отъ полѣсовныхъ и отъ мимоходящихъ слышаемъ, многи де звоны бывають на городищѣ томъ, а мы ничего не вѣдаемъ на мѣстѣ томъ, что вы говорите. И турышины разошлись коихъ по себѣ. И учалъ говорити Ермолко ко Ивану: дойдемъ и видимъ, что ся есть на городищѣ томъ и станемъ стереги, *любо ся кладѣ* на мѣстѣ томъ является, и стерегоша они, и не бысть ничтожь, развѣ единъ крестъ къ соснѣ пригвожденъ стоитъ, и сказали они въ деревни въ Ключкахъ. И шедъ *всею деревнею* досмотрѣли, что есть на томъ мѣстѣ на соснѣ иконѣ, да не знаютъ которая, занежь простые люди, а пречистые чудотворные иконы никтожь не вѣда на городищѣ томъ занежь лѣсъ часты, и послали они Исидора Ѳедорова сына деревни той Ключковской отъ городища того 10 верстъ къ свѣту на погостъ по попы, а поповъ

дома ся неулучило, въ волость разѣхались по конономъ. Исидоръ позвалъ Стефана черница Крылошанина, Стефанъ пошелъ въ самый Троицынъ день въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, и снялося съ нимъ 4-хъ деревень болѣе 100 душъ, и пошли отъ креста, что на соснѣ по городищу тому смотрѣти, занежъ мѣсто красно и дивно и угодно ко всему, и Стефанъ чернецъ нашелъ предъ многими людьми икону на соснѣ, на сучку, а отъ крестовые сосны до тое 10 сажень промежу ихъ, а съступилъ съ нею съ колоды на землю... А тогда жилъ въ Ключкахъ нѣкто Мартемьянъ, а прозвище Гребень. А та чудотворная пречистая икона прежъ явленья была въ того Мартемьянова имени, стояла у него въ дому, и для тое чудотворныя иконы поставили того Мартемьяна пономаремъ, и пономарилъ у пречистые и честнаго креста 6 лѣтъ, и вельми забогатѣлъ, и учалъ воровати, разбой сталъ отъ него великъ, и многожды поимывали его въ разбоѣ, и до Государева слуха дошелъ, Государь же милость надъ нимъ показалъ, велѣтъ его понаказавши отпустить опять на пономарство. Онъ же не оста стараго своего воровства, и въ томъ своемъ воровствѣ и пропалъ неподобною смертію. А та чудотворная икона собою невелика, *воротная*, письмо старинное. Чюдно Богъ чловѣколюбецъ показа милость свою, учало людей прощади отъ тѣхъ чудотворныхъ образовъ, отъ пречистые Богородицы Одигитрія и отъ честнаго креста... Лѣта коего явился икона пречистые Богородицы на Оковцѣ и крестъ честной, хлѣбъ былъ дешевъ, кады ржи кунили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено, а не засушливо, и красно и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ». Всѣ эти чисто физическія явленія происходили будто бы именно вслѣдствіе явленія иконы. (Сборн. солов. библ. № 857, л. 176).

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII.

Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распростра-
ненія русскаго раскола ¹⁾).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Расколъ старообрядства составляетъ характеристическое явленіе въ историческомъ развитіи русскаго народа, особенно его низшихъ классовъ. Въ немъ сохранился, такъ сказать, окаменѣлый отколокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра Великаго и XVIII столѣтія, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная. Старая вѣра, старые обряды, старыя книги раскола — это характеристическій символъ, выраженіе умственной жизни большей части нашего народа, мѣра, заповѣдный, заколдованный кругъ его мыслительности; это такъ сказать, апоэоза, освященіе той неподвижной, во вѣки «неминуемой» старины, которая имѣла такое важное значеніе въ народномъ быту древней Россіи, въ обычаяхъ, нравахъ и понятіяхъ народа, о которой онъ изстари говорилъ въ своихъ пословицахъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то неминется, ветхое лучше есть!» Церковно-гражданскій демократизмъ раскола, подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, отрицаніе реформы Петра Великаго, возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни, вошь противъ Имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей «и даней многихъ», противъ рекрутства, крѣпостного права, областнаго начальства и т. п. — это многозначительное выраженіе народнаго взгляда на общественный

¹⁾ Напечатано отдѣльною книгой подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8°, стр. 4 нен. +548+2 нен. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе на второе изданіе отъ 1 мая 1859 г.

и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства низшихъ классовъ народа, плодъ болѣзненнаго, страдательнаго, раздраженнаго состоянія духа народнаго. Поповщина и безпоповщина, подъ общей формой старообрядства — образованіе съ одной стороны ложнаго священства, бѣглопоповщины, съ другой — совершенное отрицаніе священства, ненависть къ духовенству, и обобщеніе той и другой противоположности подъ одной оболочкой мертвой обрядности, — это характеристическое явленіе церковной жизни нашего народа, плодъ и выраженіе взаимныхъ отношеній духовенства и народа; это — особенно многозначительный, характеристическій фактъ въ исторіи нашего духовенства. Наконецъ, эти степановщины, акулиновщины, пастуховы согласы, и множество подобныхъ взаимно-враждебныхъ сектъ раскола, въ которыхъ «что мужикъ, то вѣра, что баба — то толкъ», отрицаніе въ нѣкоторыхъ сектахъ раскола начала общественности, принадлежности къ обществу, отрицаніе нравственныхъ началъ семейной жизни, освященіе такихъ грубыхъ пороковъ, каковы напр., самоубійство, блудъ и т. п. — это темная сторона нравственнаго и общественнаго развитія нашего народа, плодъ и выраженіе крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствія народнаго просвѣщенія и воспитанія. Вотъ главные пункты, точки, съ которыхъ мы пытались разсмотрѣть русскій расколъ старообрядства, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII. Основная мысль нашего опыта — раскрыть историческую основу раскола старообрядства, этого многосложнаго явленія въ русской исторіи, показать тѣ элементы въ исторической жизни народа, изъ которыхъ онъ сложился.

Предлагаемое сочиненіе не болѣе, какъ первая попытка — раскрыть историческія причины появленія и распространенія въ Россіи раскола старообрядства. И издается оно собственно не для ученыхъ специалистовъ, а больше для неученой публики. Потому, мы желали бы отъ критики не столько строгаго суда о недостаткѣ въ нашемъ сочиненіи новыхъ фактовъ и выводовъ, объ его необработанности и неразвитости высказанныхъ въ немъ мыслей, сколько исправленія ошибокъ, восполненія недостатковъ, указанія опущенныхъ нами сторонъ и фактовъ.

Къ сочиненію будетъ присовокуплено, въ особомъ приложеніи, нѣсколько неизданныхъ рукописныхъ памятниковъ русской жизни и литературы XVII вѣка.

«Насѣялъ небесный Домовладыка плодovitую ниву нашей православной державы пшеницею чистаго благочестія», — съ глубокою скорбію говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ на Московскомъ соборѣ въ 1667 году — но завистливый врагъ, въ то время, какъ мы, поставленные отъ Бога тражами надъ ней, дремали, всѣялъ куколь душевредный. Куколь тотъ — душепагубные нынѣ насѣянные расколы, которыхъ тлѣтворное розябеніе тщится искоренить чистую пшеницу слова Божія истинной эолической вѣры. Вотъ уже богохульное ихъ плодonoшеніе не только бносится по различнымъ странамъ, городамъ и весямъ врученнаго намъ ть Бога царства, но и въ самый сей городъ вомчалось и дошло до нашихъ рукъ въ свиткахъ и коснулось нашихъ ушей словесно. Многіе кудноумные, заразившись симъ душеубійственнымъ злоплодіемъ, какъ-бы тѣ ума были, заблудились отъ церкви въ новопрозябія сонмища, от- ергли крещеніе, грѣховъ своихъ іереямъ Божиимъ не исповѣдали, Тайнамъ животворящимъ не причащались, кратко сказать, весьма отъ церкви и ть Бога отчуждались» ¹⁾. Эти скорбныя слова царь Алексѣй Михайло- ить говорилъ по поводу русскаго раскола старообрядства, который съ 1666 года уже ясно и окончательно отпалъ отъ церкви. Съ этого времени до конца XVII столѣтія, расколъ весьма быстро распространялся, такъ то къ половинѣ XVIII столѣтія проникъ уже почти во всѣ концы Рос- іи. Еще при жизни расколoначальниковъ, около 1676 года, по словамъ одного изъ нихъ, въ Великороссіи насчитывалось до 100,000 однихъ гото- ыхъ умереть за расколъ, только скрытыхъ «страха ради властелинска» ²⁾ На сѣверѣ, изъ небольшихъ пустынь и скитовъ, устроенныхъ Соловецкими ыходцами въ Олонецкихъ и Архангельскихъ дебряхъ, плевелы раскола ьспространились по всему Бѣлому поморью; на рѣкѣ Выгѣ, въ 1694 году, ьсвалось сильное гнѣздо, средоточіе безпоповщинскаго раскола, — скить ьаниловскій. Въ этомъ скиту сначала было только до 150 братій и сестеръ ³⁾; ьтомъ число раскольниковъ умножилось до такой степени, что Выговскій ьить на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ мужескаго пола ты-

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 102, стр. 445, слово великаго Государя Царя ѣ освященному Собору.

²⁾ Щитъ Православія — соч. попа Лазаря, гл. 28.

³⁾ Словарь Рус. свѣтскихъ писателей, Митр. Евгенія, ч. I, стр. 162.

сячь до двухъ, да женскаго до тысячи и болѣе душъ¹⁾. Отъ Выговскаго секта въ 1706 году отдѣлилась секта Ѳедосѣевцевъ. Въ короткое время эта секта, болѣе всѣхъ прочихъ отраслей раскола, размножилась въ наш отечествѣ, пустила корни свои въ Петербургъ, Москвѣ, Новгородѣ, Пск и даже проникла за границу въ Польшу, на берега Дуная, въ Пруссію, стрію и Турцію. Въ 1675 году бѣжалъ изъ Москвы зараженный расколескими мыслями попъ Косма съ 20 человѣками и поселился въ городско-сѣверской области, на одномъ небольшомъ Стародубскомъ чинцѣ, Понуровкѣ; здѣсь изъ посѣяннаго имъ сѣмени образовалось 170 бодѣ расколесическихъ, и въ нихъ было до 50,000 обоого пола²⁾. Изъ родубскихъ слободъ нѣкоторые расколесники, преслѣдуемые правительствомъ въ правленіе Софін Алексѣевны, убѣжали въ Польшу и тамъ селились на такъ называемомъ островѣ Вѣткѣ; число расколесниковъ здѣсь возросло до 40,000 человѣкъ; за невмѣщеніемъ на Вѣткѣ, они на окрестности 20 или 30 верстъ населили болѣе 14 слободъ³⁾. — Перейдемъ Волижскія страны Россіи. Здѣсь въ Нижегородской епархіи, въ чернораескихъ лѣсахъ Юрьевскаго и Балахнинскаго округовъ, спустя 35 или 40 лѣтъ послѣ перваго появленія племени раскола, въ 1716 году считали однихъ записныхъ расколесниковъ до 40,000 душъ⁴⁾. Далѣе къ югу р. Иргизѣ, поселились сначала только 60 человѣкъ, выходцевъ изъ Полс державшихся раскола. Но когда разнеслась по всему приволжью с знаменитаго Успенскаго монастыря на Иргизѣ, тогда чуть не весь Д Уралъ и почти все приволжье вошли съ нимъ въ сообщеніе по дѣлу раскола. Всѣ казаки, Елецкіе и Яицкіе, большая часть изъ 20,000 рескихъ казаковъ заражены были расколомъ и даже ратовали за раск давший просторъ буйному разгулу ихъ воли⁵⁾. Въ предѣлахъ Астраескихъ, въ Елисаветградскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ цѣлыя слободы селены были расколесниками, державшимися Соловецкой челобитной⁶⁾. 1692 году расколесники распространились по рѣкамъ Кумѣ, Сулакѣ, Кум и Аграхани. Въ 1698 г. многіе поселились за Терекомъ, въ горахъ и ущьяхъ большой и малой Кабарды, а нѣсколько времени спустя, основали 5 станицъ по эту сторону Терека⁷⁾. На востокъ за Уральскимъ хребтомъ въ предѣлахъ Сибирскихъ, еще со временъ патріарха Никона, поселилось множество расколесниковъ при желѣзныхъ заводахъ и казенныхъ и чныхъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ втайнѣ сохраняли свои повѣрья: здѣсь число ихъ возросло, въ одно столѣтіе, до 100,000 человѣкъ всякаго

¹⁾ Истор. Россійск. Іерарх., ч. III, стр. 626.

²⁾ Полн. истор. извѣст. о расколѣ, ч. III, стр. 14, 15.

³⁾ Тамъ же. стр. 42. Въ такомъ числѣ населись расколесники на Вѣткѣ полникъ Сытинъ въ 1735 году. Но тогда еще многихъ не было дома: разошлись, по вамъ Іоаннова, съ проповѣдью о расколѣ по Россіи.

⁴⁾ II. С. З., указъ 1762 г.

⁵⁾ Ист. Пугач. бунта, Пушкина, ч. I, гл. 2. — Ист. о Донескихъ казакахъ. Чтен. Моск. Общества исторіи и древн. Россіи. 1846 г., № 4, стр. 83, 95, 109.

⁶⁾ Отвѣты Преосв. Никифора, Архіеп. Слав. и Херсон. Москва, 1854 (предупл. 2 и 3. Также см. Словарь о духов. писат. М. Евгенія о Никифорѣ Ѳеотокіи.

⁷⁾ Акт. Ист., т. V, №№ 215, 220, 221, 241, 254.

ня: купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ ¹⁾. Мѣнѣ чѣмъ въ полстолѣтіе съ 1658 по 1688 годъ, мы видимъ расколъ распространившимся во многихъ мѣстахъ западной и восточной Сибири: въ Екатеринбургѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Томскѣ, Енисейскѣ. Однимъ словомъ: расколъ такъ сильно распространялся по Россіи при патріархѣ Никонѣ, и послѣ него, въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, что по всей справедливости можно сказать словами одного раскольническаго писателя: отъ распространенія раскола «звѣропаственные мѣста населились и вмѣсто деревъ умножались люди» ²⁾.

Какія были причины такого быстрого распространенія раскола по Россіи?

Историческія причины происхожденія и распространенія раскола заключались: а) въ духѣ времени, въ которое возникъ и распространился расколъ старообрядства, именно въ томъ, что съ XVI вѣка до патріарха Никона, многіе въ русскомъ народѣ питали суевѣрную привязанность къ одной виѣшней обрядности церковной безъ духа вѣры, и будучи слѣпо привержены ко всему, что имѣло видъ какой бы то ни было, только русской старины, обнаруживали недовольство церковными исправленіями и гражданскими преобразованіями, начавшимися въ царствованіе Алексѣя Михайловича при Никонѣ, и особенно усилившимися въ царствованіе Петра Великаго: здѣсь заключается главный и первоначальный источникъ раскола; б) въ духовно-нравственномъ состояніи русскаго народа во время возникновенія и распространенія раскола: здѣсь находится самая почва, въ которой развился, возросъ и распространился расколъ; в) въ самомъ расколѣ, особенно въ расколоучителяхъ и въ духѣ и въ направленіи раскола: здѣсь заключаются внутреннія силы и способы, посредствомъ которыхъ расколъ самъ собою развивался, возрасталъ и распространялся, какъ определенное общество, отдѣльное отъ православной церкви; г) въ уклоненіяхъ отъ церковнаго или церковноіерархическаго порядка, допускавшихся нѣкоторыми православными лицами, и въ другихъ недостаткахъ относительно благоустройства церковнаго, и д) въ разныхъ гражданскихъ безпорядкахъ и недостаткахъ того времени, когда возникъ и распространился русскій расколъ: это, такъ сказать, была атмосфера, подъ вліяніемъ которой развивался расколъ.

I. Главный, первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола старообрядства.

Нѣкоторые русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій, говоря объ исправленіи церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, выражаютъ мысль, будто это самое исправленіе книгъ было причиною раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, будто «ревностная поспѣшность Никона въ

¹⁾ Расколъ, облич. своею истор., стр. 328. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если брать показанія самихъ Сибирскихъ раскольниковъ, ихъ было въ губерніяхъ Оренбургской, Пермской и Тобольской болѣе 150.000.

²⁾ Истор. о бѣгствующемъ священствѣ, л. 8 на об. (Рукоп. А. А.).

исправленіи книгъ произвела раскольниковъ» ¹⁾. Раскольническіе писатели признають также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви ²⁾. Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ было не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола. А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе времени патр. Никона. Русский расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогласная съ православною церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; во-вторыхъ, изъ начала гражданского, или противогосударственнаго, какъ секта, возставшая, по собственному выраженію раскольниковъ, противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ времени когда расколъ зачался, развився и распространился.

1. Отъ чего въ церкви нашей произошелъ расколъ, во-первыхъ, изъ за богослужебной обрядности, именно по поводу исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно и

¹⁾ Такъ Голіковъ (Дѣян. Петра Великаго т. XIII стр. 40 изд. 1840 г.) говоритъ „Ревностная попѣшность Никона въ семь (исправленіи и изданіи книгъ) произвелъ раскольниковъ“. „Такое первопреостольника церкви Россійскія попеченіе по истинѣ koliko было похвально, тоliko и нужно: но ревностная попѣшность, съ каковою онъ за сіе принялся ежеси, смѣю сказать, не соображена была съ умоначертаніемъ не просвѣщеннаго тогдашняго народа, готоваго за малость, ничего незначущую, отторгнуться отъ сообщенія церкви и отъ своихъ единовѣрныхъ соотечественниковъ; и по сему надлежало таковому народу издали приуготовить къ сему вразумленію о нуждѣ исправленія такового“. „Первая книга „Служебникъ“, съ поправленіемъ напечатанная, привела народъ къ отпаденію отъ церкви“. Арцыбышевъ (повѣств. о Россіи т. III кн. VI, стр. 423.) такъ выражается о началѣ раскола: „Онъ (старописанныя книги, привезенныя Арсеніемъ Сухановымъ съ востока) разсмотрѣны были на соборѣ въ Москвѣ и найдены совершенно сходными съ древними славянскими; въ сѣдствіе чего и опредѣлено соборомъ исправить по нимъ новопечатныя Московскія. Отъ этого произошли расколы, продолжающіеся до нынѣ“.

²⁾ Такъ, напримѣръ, извѣстный раскольническій исторіографъ Денисовъ въ своемъ „Виноградѣ Россійскомъ“ говоритъ: „Аще всеподательніи слышателие всеусердно познаги восходятъ, откуда убо таковая всепреужасная и лютая насташа въ Россіи (расколы) и на какаа вина всепрезлѣйшихъ схизматосмущеній. И кто сихъ многочисленныхъ церковныхъ трясеній новосодѣтель; не отъ инуду куду врагъ и непріятель пришедый, не варваръ, ниже скифъ, толь прелютыми скорбми неисцѣльно уязвивый россияская чада: но свой своея Россіи воспитанный неблагодарный многодосадительный членъ (Никонъ глаголю Патріархъ), человекъ елико многокозненнаго ума, тоliko всепрдерзостнаго напращества, и огнеопальныя ярости, и многоколебамого непостояства, по винамъ и мятежамъ радуися присно, уготованный отъ издревле на время оное и часъ. . . Оный всю ризу церковную пребезстудно растерзаа“ (См. статью о патр. Никонѣ въ Виноградѣ Россійскомъ). Тоже говорятъ Аввакумъ въ своемъ словѣ „о измѣненіи богочестноты церковной“. Рукоп. библ. Каз. Акад. Л. 25 ор-

эзпристрастно, нужно рассмотреть: какое значеніе имѣла издревле въ христіанской жизни нашихъ предковъ церковнобогослужебная обрядность въ послѣднія два или полтора столѣтія предъ патриархомъ Никономъ, и какъ выражалась она въ нравственной, церковной жизни многихъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

Исторія христіанской жизни русскаго народа показываетъ, что предки наши искони особенно любили богослуженіе христіанской церкви, такъ что и самая христіанская жизнь ихъ искони имѣла характеръ преимущественно церковнообрядовый, какъ у греческихъ христіанъ она преимущественно имѣла характеръ догматическій, духовносозерцательный. Предки наши, по обращеніи къ вѣрѣ и Церкви Христовой, прежде всего плѣнились, вслѣдъ за послами Владиміровыми, внѣшнимъ благолѣпіемъ и обрядностію христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, въ продолженіе всей древней русской исторіи, вѣра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественно церковно-богослужебное, обрядовое, какъ и нынѣ оно еще господствуетъ въ русскомъ народѣ. Не занимая ума своего, подобно греческимъ христіанамъ IV—XV вѣковъ, или подобно западнымъ схоластикамъ среднихъ вѣковъ, тонкими ученосозерцательными изслѣдованіями христіанскихъ догматовъ, часто доходившими до сухой, отвлеченной діалектики, древне русскіе христіане большею частію питали свою вѣру и благочестіе посредствомъ церковнаго богослуженія и посредствомъ богослужебныхъ книгъ. Въ храмахъ Божіихъ, во время богослуженія, учились они истинамъ вѣры Христовой и дѣламъ благочестія ¹⁾. Къ священникамъ, своимъ учителямъ, прибѣгали они не за разрѣшеніемъ какихъ либо богословскихъ вопросовъ и недоумѣній, а приходили спрашивать: что намъ ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить и т. п.? ²⁾ А церковную святиню, въ особенности св. иконы, такъ глубоко любили и чтили благо-

¹⁾ Храмъ для народа былъ главнымъ, почти единственнымъ училищемъ. „По вся дни,—читаемъ въ одномъ русскомъ поученіи XIII вѣка,—аще умѣши книги, прави ночные и дневные часы, вечерню и утрению, или литургію, аще ли неумѣи кто, да ходите по все дни къ церкви въ годъ пѣнія“ (Измарагдъ, ркп. Соловец. библиот. № 270, поуч. 127). Въ другомъ поученіи, находящемся тамъ же: „Въ церковь вѣрнии приходяще слышати святая, Божественная ученія и прореченная пророки, и отечская сказанія. Житіе же святыхъ и мучениче, та вся слышаще Богобоязнии просвѣщаютъ душа своя“ (поуч. 139). „Вонми въ церкви Божественная ученія, читаемъ въ третьемъ поученіи, и внесете въ домъ свой, еже слышасте въ церкви, да домъ вашъ церкви же творитея“ (Тамъ же, поуч. 138). См. также въ поученіи Кирилла Туровскаго—Памяти. XII вѣка изд. Калайдовичемъ, стр. 53—55, „Якоже дождь раститъ сѣмя,—писалъ еще св. Симонъ, Епископъ Владимірскій, въ посланіи къ черноризцу Поликарпу,—такъ и церкви влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо елико творити въ вѣдѣніи, ни во что же суть, аще и неатири чтеши, или обанадесять псалми, песни или единому Господи помилуй подобится соборному пѣнію“. Потер. Печер. ркп. Сол. № 629—634. Построеніе храма принадлежало къ важнымъ событіямъ въ древней Руси: летописи наполнены извѣстіями о построеніи или украшеніи храмовъ. А повгородская 8-я летопись вся только изъ этихъ извѣстій и состоитъ. См. П. С. Р. Л. т. III

²⁾ См. слово о постѣ, изд. въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1858. кн. I.

честивые русскіе люди, что самые дома свои старались наполнять и украшать ими ¹⁾. Богослужебнымъ книгамъ усвоили почти такое же общественное значеніе въ дѣлѣ спасенія, какъ самому слову Божію и вѣрѣ Христовой ²⁾. Богослужебныя книги съ благоговѣйнымъ усердіемъ и любовью списывали, переписывали и читали «въ честь и въ слава Отцу и Сыну и Святому Духу, «или» себѣ на здравіе и на спасеніе и поющимъ ихъ» ³⁾. Нѣкоторые даже всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книгъ ⁴⁾,

¹⁾ Домострой, который, по замѣчанію ученыхъ изслѣдователей русской старины, вѣрно отразилъ въ себѣ нравственно-христіанскій характеръ древняго быта нашего, такъ изображаетъ домъ христіанина: „Въ дому своемъ всякому христіанину, во всякой храмѣ свѣтые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставятъ на стѣнахъ, устроивъ благоутѣно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи, предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи; и по пѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли... и всегда чистымъ крылышкомъ смѣтати и мягкой губкою вытирати ихъ; а къ святымъ образамъ касатися достойнымъ, въ чистой совѣсти, и на славословіи Божіи, и на св. пѣніи, и молитвѣ, свѣчи вжигати“ и пр. Врем. Моск. общ. Ист. и Древ. Росс. кн. I. Домостр. стр. 8. Съ особеннымъ благоутѣіемъ украшались священными изображеніями царскія палаты. См. „Домашній бытъ Русскихъ царей“, Забѣлина, „Отечеств. Зап.“, 1851. № 2 и 3. Маржеретъ: „иконы украшаютъ жилище каждого русскаго въ весьма большомъ количествѣ“. Сказ. Совр. о Дим. Самозв. т. III, стр. 36.

²⁾ „Сицевыми книгами,—говорили предки наши—благоугодили Богу все святыя и чудотворцы, просіявшіе отъ начала земли“. Въ нихъ, церковнослужебныхъ книгахъ,—говоритъ Никонтъ Патріархъ, возстановитель древняго церковно-богослужебнаго чина,—святѣи Божіи челоувѣцы и величьи ихъ творцы восточнии богословцы и учителя Афанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинскій, и Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, Московскіи чудотворцы, и прочіи святѣи поучающесея, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу не зазорны оставише и невредны блюсти повѣща“. Опис. кн. царск. т. II, стр. 156.

³⁾ Опис. ркп. Синод. Библ. л. 224, 335.

⁴⁾ Весьма любопытны приписки писцовъ къ списываемымъ ими церковнымъ книгамъ. Изъ нихъ видно, что нѣкоторые писцы всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книгъ, и съ теплою молитвою къ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ совершали это благочестивое дѣло. Такъ, напр., въ Псалтири съ покаянными тропарями и молитвами, писан. кѣ 1296 г., читаемъ въ подписи: „Влѣто 1084 въ великѣй день бысть благовѣщенія и вісіюсть причтесе, повелѣ собѣ боголюбивая княгыня Марина списати книги сія, псалтырю съ покаянными молитвами. Захарія же писецъ о Господѣ Бозѣ вседержителю моляся Господеву и пречистѣй Его Матери, имѣя издѣтска обычая много написавъ богословія святыхъ книгъ уже при старости ему бывшу списа на волоцѣ Еоуангеліе апракос Боголюбивому анѣтонию игоумеву, къ покрову святѣй Богородици, і сию Псалтырю написахъ много трудився о Господѣ Бозѣ вседержителю усердно моляся пречистыя Его Матери яко ми дастъ Богъ даръ свои не... скоростью охулити дѣла, аще кому и медленно сѣтворило абы по скончаніи что видѣти і слышати сладко“. Опис. слав. ркп. М. Синод. Библ. л. 184. Въ нѣкоторыхъ припискахъ съ сердечною простотою высказывается любовь къ церковнымъ книгамъ, желаніе почерпнуть изъ нихъ назиданіе для ума. Такъ наприм. говоритъ писецъ въ припискѣ къ псалтырю, писан. полууставомъ XVI в., послѣ 10 пѣсни пророка Захарыи отца предтечева: „словеса оубо писанная придоша вконечъ. Оуму же да nebudeтъ когда пріятѣи конечъ въ любителей душеспасительныхъ словесъ: коубо когда будетъ благыхъ насыщеніе“. Опис. ркп. Руск. муз. л. 465. Большою же частію писцы въ послѣсловіи смиренно сознавались и просили прощенія, если гдѣ въ чемъ либо описались. См. напр. Опис. ркп. Рум. Муз. л. 721, 725, 727.

и этимъ благочестивымъ трудомъ занимались не только иноки, священники и міряне, но и сами архипастыри и князья¹⁾. Списывая или покупая церковнобогослужебныя книги, благочестивые люди, князья, архипастыри, вообще всѣ духовные и міряне усердно приносили ихъ въ церкви или монастыри для вклада «во отпущеніе грѣховъ своихъ, за здравіе и спасеніе, или въ память родителей, родственниковъ и друзей»: особенно любили полагать на престолѣ Евангеліе²⁾. Вообще изъ множества свидѣтельствъ и примѣровъ видимъ, что самымъ главнымъ, высшимъ попеченіемъ древнихъ русскихъ христіанъ, особенно же князей и царей, было попеченіе о распространеніи церковнослужебныхъ книгъ, о устроеніи и благоуукрашеніи храмовъ Божіихъ, о снабженіи ихъ священною утварью: это былъ по понятію ихъ «душенполезный путь, возводящій къ Богу»³⁾. Лѣтописи наши почти о каждомъ благочестивомъ князѣ русскомъ говорятъ: «церковные уставы любить, церкви созидать и украшать ихъ св. иконами и книгами наполнять»⁴⁾. Равнымъ образомъ въ рѣдкомъ послѣсловіи, въ старинныхъ церковно-служебныхъ книгахъ, мы не прочитаемъ такихъ отзыовъ: «святые храмы благовѣрный царь украшаше, честными иконами и святыми книгами и сосуды и ризами и прочими церковными вещами»; или: многу вѣру и любовь ко Христу Богу и Пречистой Его Матери и ко всѣмъ святымъ показа, и вѣру христіанскую исполняя, многія церкви Божія воздвиже, и честными святыми иконами украси, и божественными книгами изнаполни, и всякими лѣпотами преудобри, и еще не преостая распалаяся божественною любовію и ревностію ко всѣмъ святымъ Его, умысли сія пѣснословныя и молебныя книги учинити, въ нихъ же зрятся господскіе праздники полные и съ предъпразднѣствы, и богородицины и животворящаго креста»⁵⁾.

¹⁾ См. Истор. древн. Русск. словесн. Шевырева. Его же обзорѣніе Русск. слов. въ XIII вѣкѣ въ Извѣст. II отд. Импер. Акад. Наукъ т. III стр. 67—105. Таковъ напр. былъ князь Волынскій Владиміръ Васильевичъ, собственноручно списавшій апостолъ и Евангеліе апракосъ въ 3-хъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, трюди, октоихъ, промологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечерними молитвами. Также св. Алексѣй, митрополитъ всероссійскій, въ 1355 г., написалъ собственною рукою Евангеліе, которое хранится до нынѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

²⁾ Благочестивые князья и княгини, бояре и боярыни и всякаго чина люди дорогою цѣною покупали церковно-богослужебныя книги, или нанимали писцовъ для списыванія ихъ: отцы семействъ покупали богослужебныя книги „съ женою своею и съ богоданными чадами своими за отпущеніе грѣховъ“. Это видно изъ приписокъ и замѣтокъ, часто встрѣчающихся въ древнихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ. См. напр. опис. ркп. Рум. Муз. л. 408, 715, 721. Опис. ркп. Синод. Библ. л. 298, 324, 299 и мн. др. Благочестивый князь Галицкій Владиміръ за одинъ молитвенникъ заплатилъ „8 гривенъ кунъ“, т. е. болѣе 11 руб. сер. См. также вкладныя подписи въ Опис. ркп. Рум. Муз. стр. 175, 397, 408, 409, 468. Опис. ркп. Моск. Синод. Библ. стр. 229, 230, 279, 296.

³⁾ Лаврент. лѣт, стр. 187.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 65, 85, 129, 131, 149, 156, 157. Т. II. стр. 111, 112, 154, 155 и мн. др.

⁵⁾ Въ старопечатныхъ книгахъ весьма часто встрѣчаются такіе отзывы въ послѣсловіяхъ. См. напр. опис. кн. Царскаго, Строевымъ.

При такомъ направлеіи христіанскаго благочестія въ русскомъ народѣ, древніе предки наши, впрочемъ, несмотрѣли такъ на церковно-богослужебную обрядность, какъ смотрятъ на нее мнимые старообрядцы. Полагая сущность христіанскаго богослуженія не въ одной внѣшней обрядности, но и въ его духовномъ знаменованіи, въ сущности вѣры Христовой, древніе русскіе христіане, во-первыхъ вовсе не чуждались внѣшнимъ улучшеній и исправленій въ церковно-богослужебной обрядности, какъ мнимые старообрядцы¹⁾. Напр. они не думали, какъ мнимые старообрядцы XVII вѣка, будто введеніе въ церквахъ благоустроеннаго, благогласнаго пѣнія противно Православію: мы знаемъ, что кромѣ церковнаго пѣнія принесеннаго въ землю русскую пѣвцами отъ Славянъ болгарскихъ, съ 1053 года, когда прибыли въ церковь русскую «тріе пѣвцы гречестія сроды своими», въ землѣ русской введено было при богослуженіи «изрядное осмогласіе — по 8 гласамъ октоиха, наипаче же и присоставное сладкогласованіе» — пѣніе съ прибавленіемъ верхнихъ и нижнихъ тоновъ или на три голоса, столько не нравящееся ныне мнимымъ старообрядцамъ и «прекрасное демественное пѣніе» — пѣніе гармоническое, хоровое, управляемое придворными и патриаршими domestиками — регентами²⁾. Древніе русскіе христіане не спорили о количествѣ просфоръ, потребныхъ для евхаристіи, а проникали въ сущность, значеніе божественнаго таинства. Кирикъ спрашивалъ Нифонта, можно ли служить на одной просфорѣ. Нифонтъ отвѣчалъ: «если это будетъ далеко въ селѣ, а взять другой просфоры негдѣ, достоинъ служить: если же будетъ близко торгъ, гдѣ можно купить, то недостоинъ»³⁾. Такъ пастырь новгородскій понималъ сущность таинства, т. е., что для евхаристіи необходимъ собственно одинъ хлѣбъ: ибо, по слову апостола «единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы, вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся». Желалъ ли кто построить или украсить храмъ Божій, а этого тогда желали всѣ отъ пастыря и князя до послѣдняго простолюдина, и этимъ собственно тогда выражалась вѣра и благочестіе, — для построенія и украшенія храма Божія не считали за грѣхъ, какъ нынѣ мнимые старообрядцы, призывать иностранныхъ художниковъ — нѣмецкихъ и греческихъ: напротивъ говорили: «приведе Богъ изъ всѣхъ земель мастера»⁴⁾. Святыи крестъ наравнѣ съ Евангеліемъ былъ тогда предметомъ особеннаго благоговѣнія. Но крестъ тогда чтли одинаково и четвероконечный, и шестиконечный, и осьмиконечный; поелику сознавали, что не въ деревѣ и не во внѣшнемъ видѣ креста сила, но въ самомъ крестѣ Христовомъ, или вѣрнѣе, въ самомъ Христѣ, распятомъ на крестномъ древѣ⁵⁾. Евангеліе и другія церковныя книги, какъ мы сказали, списывали съ любовью и благоговѣніемъ. Но списывая Еван-

1) П. С. Л. т. I, стр. 57.

2) Стенен. кн. ркп. л. 178.

3) Памят. Русск. словесн. XII в. стр. 194.

4) П. С. Р. Л. т. II, стр. 150.

5) См. статью «о видѣ креста на основаніи рукописей Императорской публичной бібліотеки XI—XVI вѣковъ» въ Христ. Чтен. 1835 г. ч. 2. Тамъ въ статьѣ о богослуженіи церкви русской во дни Ярослава В. стр. 446—448.

геліе и другія церковныя книги, не думали, что замѣнить одно неясное или неточное слово другимъ и болѣе точнымъ означаетъ грѣхъ. «Свято-славъ, державный владыка», — говоритъ дьякъ Святослава Ярославича, писавшій для него книги, — «возжелавъ сильнымъ желаніемъ открыть сокровенный смыслъ въ глубинѣ сихъ трудныхъ книгъ, (писанныхъ на болгарскомъ языкѣ), повелѣлъ моею немудрости сдѣлать перемѣны въ рѣчахъ съ удержаніемъ того же смысла»¹⁾. Драгоценнымъ памятникомъ глубокаго разумаго благоговѣнія къ св. Евангелію, состоящаго не въ ревности по буквѣ, но въ любви къ истинѣ Христовой, служить Евангеліе святителя Алексія, писанное собственною рукою его въ 1355 году. «Сей подвигъ святителя», говоритъ Филаретъ, митрополитъ московскій, «важенъ между прочимъ потому, что чрезъ него святитель, Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличалъ неправое мнѣніе людей, которые даже до нынѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ — непозволительно и противно православію... Онъ повѣрялъ и исправлялъ, и потому очевидно не такъ разсуждалъ»²⁾. Разсмотрѣніе и описаніе древнихъ рукописныхъ книгъ церковныхъ также представляетъ многочисленныя и непререкаемыя доказательства того, что древняя церковь наша никогда не стѣснялась буквою, но всегда дорожила чистымъ смысломъ церковныхъ книгъ и постоянно стремилась къ тому, чтобы имѣть книги въ совершеннѣйшемъ видѣ³⁾. Вообще истинные ревнители церковно-богослужебной обрядности старались, по возможности, проникать въ самыя спасительныя истины церковно-богослужебныхъ книгъ и въ духовное знаменованіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ, или, если по простотѣ ума своего не проникали въ эти истины и въ знаменованіе обрядовъ вполне съ яснымъ сознаніемъ, то, водясь духомъ смиренія и послушанія церковной власти, усваивали эти истины сердцемъ и жизнью своею. Когда встрѣчались какія либо недоумѣнія относительно богослужебныхъ обрядовъ, или замѣчались неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ, низшіе изъ клира спрашивали епископовъ, которые рѣшали обрядовые вопросы и исправляли неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ: раскола изъ-за этого никакого не происходило. Только въ половинѣ XII в. возникъ-было споръ о постѣ въ среду и пятокъ; но и этотъ споръ занесенъ былъ въ Россію изъ Греціи и окончился безъ раскола. Въ XIII в. митрополитъ Кириллъ II, обозрѣвая свою обширную митрополію, хотя и замѣчалъ уже разности въ обрядахъ богослуженія, но, исправляя ихъ, онъ не встрѣчалъ также никакого сопротивленія. Видно, что еще преобладалъ духъ истинной вѣры и жизни христіанской, а не привязанность къ одной буквѣ. Такова была церковно-обрядовая жизнь народа русскаго въ старину, въ

¹⁾ Изборникъ Святослава Калайдовича—объ Іоаниѣ, Экзархѣ болгарскомъ. М. 1820, стр. 102, „повелѣ мнѣ прѣмѣною сътворити рѣчи инако, набѣдяща тожѣство разямъ его“.

²⁾ Слово въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія, говор. въ 1837 г.

³⁾ См. доказательство на это въ опис. рук. Синод. библ. сост. Горскимъ и Невоструевымъ.

первые вѣки церкви русской. Итакъ, совершенно несправедливо утверждаютъ раскольники, что они «остальцы древне-церковнаго благочестія, отъ православныхъ праотцевъ происшедшіе и научившіеся»¹⁾; потому что они совѣмъ не такъ смотрятъ на церковно-богослужебныя книги и образы, какъ смотрѣли на нихъ древніе русскіе христіане.

Настали времена упадка духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Съ одной стороны постигло его нашествіе монголовъ, на долго оставившее у насъ развитіе просвѣщенія, увеличившее грубость нравовъ, и безъ того сильно распространившуюся въ темныя времена княжескихъ междоусобій. Съ другой стороны съ удѣльною, гражданскою, территориально-вотчинною раздробленностію Россіи, стало обнаруживаться нѣкоторое разнообразіе въ самой церковной обрядности, какъ напр. въ новгородской и псковской церкви. А при отсутствіи, или крайнемъ недостаткѣ въ народѣ богословскаго, догматико-теологическаго просвѣщенія, всегда оживляющаго и просвѣщающаго церковно-обрядовое направленіе, при постоянномъ, почти исключительномъ, сосредоточеніи вниманія древнихъ русскихъ христіанъ и самихъ русскихъ пастырей-учителей церкви болѣе на обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ, чѣмъ на изъясненіи и изложеніи слова Божія и нравственно-догматическаго ученія христіанства²⁾. — Преобладающее въ русскомъ народѣ церковно-обрядовое направленіе христіан-

1) Предисл. къ Поморск. отвѣт. и Винограду Россійскому.

2) Церковно-обрядовое содержаніе, какъ извѣстно, преобладаетъ почти во всѣхъ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ на вопросы частныхъ лицъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно-обрядовыя наставленія, напр., о постѣ вообще, и въ частности о Филипповомъ, Петровомъ, Успенскомъ и Великомъ, о покаяніи, исповѣди и эпитиміяхъ, о постѣхъ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ празднованіи праздниковъ, хожденіи въ церковь и благоприличномъ поведеніи въ ней, и т. п.; или же обличались грубые пороки времени въ поученіяхъ подъ общимъ заглавіемъ: слово якоже жити христіаномъ, или: слово о спасеніи души, или: слово душеполезно и т. п. Вопросы догматическихъ или нравственныхъ, которые бы вызывали къ дѣятельности христіанскую, богословскую мысль, — поученій, въ которыхъ бы раскрывалась теоретическая, созерцательная сторона христіанства, въ древне-русской духовной литературѣ до XVI в. мы почти вовсе не встрѣчаемъ. Что касается до догматическаго ученія вѣры, то пастыри русской церкви считали вполне достаточнымъ сказать русскимъ христіанамъ въ двухъ-трехъ словахъ въ началѣ своего нравственно-обрядоваго или нравственно-назидательнаго поученія о вѣрѣ въ Пресвятую Троицу, въ жизнь вѣчную и проч. большею частію такъ: прежде всего, братіе, вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать: вѣровать во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Святого Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: вѣруемъ во единого Бога (до конца); вотъ и все ученіе вѣры (см. образецъ такихъ поученій въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. мѣсяцъ Январь, слово о постѣ). Если же кто хотѣлъ подробнѣе знать догматы христіанства, въ такомъ случаѣ вполне довольствовались такими догматическими твореніями св. отцовъ, каковы краткіе вопросы и отвѣты о Св. Троицѣ Кирилла Александрійскаго и изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ св. Макасіа, еже вопрошаши и отвѣщаши всякому христіанину православному*. — Впрочемъ о характерѣ и направленіи древней церковно-поучительной литературы нашей, особенно въ XVII вѣкѣ, будетъ подробнѣе сказано въ четвертомъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія.

кой жизни, въ большей части народа мало по малу неизбежно стало переходить въ одностороннее, мертво-обрядовое направлѣніе. Ибо мало было духа оживляющаго, живой, богословски-просвѣщенной мысли христіанской, разумнаго, болѣе или менѣе глубокаго знанія догматическаго ученія христіанства. Не зная догматическаго христіанскаго ученія, а между тѣмъ постоянно воспитываясь подѣ вліяніемъ строгой церковной обрядности, народъ сталъ смотрѣть на самые обряды церкви, какъ на догматы христіанства. На самыя не важныя, даже мелочныя, разности обрядовыя стали обращать слишкомъ большое вниманіе. Лѣтописцы вносили въ лѣтописи, какъ замѣчательные церковныя факты, даже самыя мелочныя обрядовыя разногласія, напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: «той же зимы (1476 года), говоритъ новгородскій лѣтописецъ, нѣкоторые философы начаша пѣти: «о Господи помилуй» а друзѣи: «Господи, помилуй»¹⁾. При такомъ взглядѣ на обрядовыя разности, когда стали обнаруживаться несогласіе или разнообразіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и неисправности въ богослужебныхъ книгахъ, то люди, привыкшіе строго соблюдать обряды церковныя, но не знавшіе существеннаго, т. е. духа и ученія христіанской вѣры, стали между собою жарко спорить и раздѣляться по поводу самыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Въ первый разъ, сколько извѣстно изъ лѣтописей, это открылось въ XV вѣкѣ, по поводу перваго спора о сугубой аллилуіа²⁾, и о хожденіи посолонь³⁾. Въ спорѣ объ этихъ предметахъ нѣкоторые уже довольно ясно обнаруживали раскольническую привязанность къ буквѣ и обряду: ибо о неважныхъ обрядовыхъ предметахъ спорили много, спорили жарко, и не хотѣли подчиниться голосу пастырей, говорившихъ истину. Какъ ни жарки были споры о хожденіи посолонь, но «истины не обрѣтоша», говоритъ лѣтописецъ. Впрочемъ, такъ какъ новыя мнѣнія еще далеко не были повсемѣстны, то споры утихли, и голосъ истиннаго старообрядства, опредѣлявшаго достоинство обряда достоинствомъ христіанской мысли, до времени восторжествовалъ надъ мнѣніями мнимаго старообрядства⁴⁾.

Съ наступленіемъ XVI вѣка, частію въ слѣдствіе оскудѣнія, съ упадкомъ училищъ, церковнаго просвѣщенія и живой церковной проповѣди, существенно необходимыхъ для уясненія народу истиннаго смысла и зна-

¹⁾ 4 Новгород. лѣт. стр. 130.

²⁾ См. Истор. Русск. раскол. стр. 5—12. Истор. ерес. и раскол. стр. 191—216.

³⁾ Софійск. Временн. ч. 2 стр. 202 и 224. М. 1821. Также вышеупомян. Истор. ерес. и раскол.

⁴⁾ Архіепископъ Новгородскій Геннадій, обращая вниманіе на значеніе, на смыслъ аллилуіа, а не на двукратное или трикратное произношеніе ея, такъ говорилъ, повторяя слова Димитрія Толмача: о трегубней аллилуіа иные убо одинако судятъ: занеже трегубое аллилуіа, а четвертое слава Тебѣ Боже являетъ Тріипостаснаго Божества и нераздѣльнаго; а сугубое аллилуіа являетъ въ двухъ естествахъ едино Божество (единое лице Богочеловѣка). Ино какъ молвить человѣкъ тою мыслию, такъ и добро“. И. Р. Ц. т. III, стр. 183. А споръ о хожденіи посолонь, порѣшили такъ, „якоже бысть въ старину“, т. е. не посолонь, а противъ солнца. Соф. Временн. ч. 2 стр. 224.

ченія церковно-богослужебной обрядности ¹⁾), частію въ вслѣдствіе распространенія въ многочисленныхъ сборникахъ мнѣній суетвѣрныхъ, ложныхъ и въ томъ числѣ настоящихъ раскольническихъ, — отъ истиннаго, православно-церковнаго старообрядства видимо и рѣзко начало отдѣляться старообрядство мнимое, невѣжественное, одностороннее. По причинѣ «недостатка разумѣнія», какъ говоритъ преп. Максимъ Грекъ, или несмотрѣнія, или забывчивости древнихъ, достойныхъ уваженія переводчиковъ или же отъ грубаго невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ церковно-богослужебныя книги вкралось множество ошибокъ и странностей, часто весьма грубыхъ, даже еретическихъ по смыслу. А своеволие темнаго, суетвѣрнаго смысла только этими странностями и питалось, не обращая вниманія ни на вѣру чистую, ни на обряды лучшіе: оно составляло сборники пѣсней и молитвъ, по чувству набожности, а часто только по подражанію набожности, но безъ сознанія набожнаго; точно также вводило въ церковное употребленіе сочиненія, не имѣвшія значенія церковнаго и даже недостойныя его ²⁾). Смотра на церковно-богослужебныя книги, какъ на книги богодуховныя, темные ревнители буквы твердо убѣждены были, что въ нихъ не должно измѣнять или поправлять и самую поврежденнаго текста. Казалось ужаснымъ что либо загладить въ церковно-богослужебной книгѣ: это значило—«загладить великій догматъ премудрый». «Дрожь великая поимала и ужасъ напасть на меня», говорилъ писецъ Михаилъ Медоварцевъ, когда преподобный Максимъ Грекъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ ³⁾. Умножилось темное, мнимое благочестіе, думавшее получить спасеніе однимъ пристрастіемъ къ наружной святынѣ. Образовалось много суетвѣрныхъ и невѣжественныхъ толковъ о церковно-богослужебныхъ обрядахъ и вещахъ. Одни напр. говорили, что «не быти прочее божественной литургіи, не поснѣвшимъ къ чтенію божественнаго Евангелія» ⁴⁾. Другіе слыша во время богослуженія ектенію: «о свышнемъ міръ», соединяли съ сими словами значеніе міра ангельскаго и молились за ангеловъ и проч. ⁵⁾).

Раздвоеніе и рѣзкая противоположность двухъ направленій, направленія живого, истинно церковно-обрядоваго и направленія мертво-обрядоваго, раскольническаго, уже видимо обнаружилось, какъ въ жизни, такъ и въ церковной письменности. Съ одной стороны мы видимъ людей, которые «живутъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молитвами преподобныхъ молятся по вся дни, чающе спасенія получить, живутъ въ лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны всякими различными пѣснями

¹⁾ О состояніи просвѣщенія въ это время см. Акт. Историч. т. I, № 105. Стоглавъ гл. 25, 26.

²⁾ Ист. Русск. Церк. пер. III. стр. 155 Востоков. Опис. Рум. Муз. № 438, 440.

³⁾ Прѣніе Данила Митроп. Московскаго съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ, стр. 10, М. 1847.

⁴⁾ Восток. ркн. Румянц. Муз. стр. 378.

⁵⁾ Истолковат. слово Максима Грека на слова: о свышнемъ міръ. Рук. сборн. его сочин. Солов. Библ.

угождати чають» ¹⁾; или полагая всю силу и все существо спасенія въ болѣе или менѣе точномъ и строгомъ соблюденіи обрядовъ, измѣряютъ временемъ спасительное значеніе, напр., божественной литургіи ²⁾; либо беспокоятся недоумѣніями, съ чего «пошли неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день» ³⁾. Съ другой стороны стоитъ просвѣщеннѣйшій мужъ церкви русской и греческой въ XVI вѣкѣ, строгій блюститель истинно-древняго и истинно-православнаго чина, преподобный Максимъ Грекъ, и сильно обличаетъ такую мертво-обрядовую жизнь, и такой ограничивающійся одною буквою образъ мыслей, пиша то «сказаніе живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся по вся дни, чающимъ спасенія получитьи», или: «словеса аки отъ Пресвятыя Богородицы и сквернымъ и всякими различными пѣснями угождати чающимъ», то «посланіе къ нѣкому князю, просившему у него съ чего пошло неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день», и другіе подобныя отвѣты и опроверженія. Съ одной стороны жалкіе ревнители буквы силятся, во чтобы ни стало, возвести на степень божественной тайны сугубую аллилуіа, стараются распространить свое жалкое мудрованіе («о Святѣй Троицѣ, сирѣчь аллилуіа» ⁴⁾), разсуждаютъ, спорятъ «о божественной аллилуіа» крайне невѣжественно, даже богохульно, сами того не сознавая ⁵⁾. Съ другой стороны архіепископъ новгородскій Макарій обличаетъ такихъ невѣжественныхъ толковниковъ буквы: «иже поютъ мнози по дважды аллилуіа, а не трегубо, говоритъ онъ, на грѣхъ себѣ поютъ и на осужденіе. Тако подобаетъ пѣти: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже,—первое аллилуіа во славу Отца, второе во славу Сына, третіе во славу Духа Святаго; а слава Тебѣ Боже—единосущному Божеству» ⁶⁾. Съ одной стороны слышимъ крики темныхъ ревнителей обрядовой внѣшности, которые, всю силу крестнаго знаменія полагая въ двуперстномъ знаменіи его, вопіютъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія—да будетъ проклятъ, отцы рѣкоша». Съ другой стороны, мужи просвѣщенные, показывая неразумнымъ ревнителямъ внѣшности, какое истинно-древнее и истинно-православное крестное знаменіе, раскрываютъ имъ самый «разумъ» крестнаго знаменія ⁷⁾. Или еще: темные приверженцы буквы, находя въ

¹⁾ Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 376.

²⁾ Опис. ркп. Рум. Муз.

³⁾ Тамъ же стр. 378 и др. вышеназванныя.

⁴⁾ Такъ ктиторъ обители Св. Николая Аѳанасій написалъ посланіе въ соборы священникамъ о Св. Троицѣ, сирѣчь, аллилуіа, гдѣ утверждаетъ, что надобно удвоить аллилуіа.

⁵⁾ Такъ разсуждаетъ клирикъ Василій, сочинитель житія Ефросина о сугубой аллилуіа.

⁶⁾ Указъ Макарія о сугубой аллилуіа въ его Вел. Мин. за Августъ мѣсяцъ. Бесѣды къ глаголему старообр. стр. 122, 123. Истор. раскол. и ерес. Руднева стр. 198, 199.

⁷⁾ Сие долженъ есть кійждо творити благочестивый христіанинъ крестъ свой, говоритъ знаменитый сочинитель Домостроя, Благовѣщенскій священникъ Сильверстъ: первѣе убо да совокупитъ три персты своя за Святую Троицу: великій перстъ и другіе два, сущіе близъ его. Первѣе убо да положить ю на челѣ своемъ, второе на чре-

нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ 8 членѣ сѣмвола вѣры вкра-
шенное изъ сербскихъ книгъ слово: «истиннаго» вмѣсто: «Господа», почи-
тають его глубокою мудростію самыхъ древнихъ св. отцевъ. Блаженный
Зиновій, ученикъ препод. Максима, имъ отвѣчаетъ: «если кто говоритъ
(слово: истиннаго или слово: Господа) съ правою вѣрою и нелицемѣри-
е не много тутъ разности, хотя слова не одинаковы. Я видѣлъ правилъ
древняго письма, написанныя при кн. Ярославѣ, сынѣ Владиміра, и при
епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей страны; тамъ въ изображе-
ніи св. вселенскаго собора не написано: и въ Духа Святаго истиннаго, но
написано: Господа». Клирошане симоновскіе возражали, чтъ Василій Ве-
ликій въ словѣ о вѣрѣ не написалъ: «и въ Духа Святаго Господа», а на-
писалъ: «истиннаго Духа». Зиновій отвѣчаетъ: «для Македоніанъ не на-
писалъ онъ: Духа Св. Господа; иначе они бросили бы книгу его; а онъ
хотѣлъ, чтобы прочли ее, и другими словами научились, что Духъ есть
Богъ» ¹⁾. И всѣ эти жаркіе споры о неважныхъ обрядовыхъ предметахъ,
о различныхъ словахъ и выраженіяхъ въ церковныхъ книгахъ, нѣсколько
не нарушающихъ единства христіанской мысли и вѣры, неразумная го-
рячность и раздраженіе однихъ изъ-за нѣсколькихъ обрядовыхъ мелочей,
и слишкомъ горячія обличенія и опроверженія другихъ,—ни къ чему дру-
гому не вели, какъ только увеличивали раздвоеніе двухъ направлений и
развивали расколъ.

Въ XVII вѣкѣ въ церковныхъ книгахъ оказалось уже «многое нѣкое
и прензатншнее разгласіе, еже и къ заповѣдемъ Господнимъ не сличное
стихословіе», отъ котораго возникало уже «всякое несогласіе и несостояніе
въ церковномъ соединеніи», какъ замѣчали самъ царь Михаилъ Ѳеодоро-
вичъ и патріархъ Филаретъ ²⁾. А между тѣмъ, по словамъ знаменитаго
Епифанія Славеницкаго, до п. Никона, «мысленный камень неявленства,
паче же невѣжества въ умѣ многихъ лежалъ и закрывалъ отъ нихъ мы-
сленный таинственныхъ священнодѣйствъ кладязь и пренятствовалъ сло-
веснымъ овцамъ Христовымъ чистаго извѣстнаго священнодѣйствитель-
ныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти» ³⁾. Даже нѣкоторые
честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, «служаще въ свя-

въ своемъ, третіе на правомъ рамѣ, и четвертое на лѣвомъ рамѣ. Егда творить тако-
тогда знаменуетъ истинный крестъ. И слышите кій есть разумъ креста: яко Господь
нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій бѣ, и есть, Богъ; убо нашего ради спасенія и да
вѣруемъ мы въ Него, сице съ небесъ долу, на землю и паки иде дальнѣйше отъ
земли, снѣ рѣчь: въ муку, и свободи тамошнія мучимыя души. Егда же паки, по снѣхъ
положимъ ю на десномъ рамѣ, таже на лѣвомъ: хожемъ рещи, яко, отнележе свободи
души праведныхъ отъ муки, вознесся на небеса, и съде одесную Бога и Отца; и
паки имать пріити, судія всего міра, поставити праведныя убо одесную своєю страны,
грѣшныя же отъ лѣвыя: сего ради молимъ Его, да не поставитъ насъ въ лѣвой
странѣ своєю; но да поставитъ насъ стати въ десной своєю странѣ со святыми. Сіе
знаменуетъ крестъ, егда творимъ и на лицѣ нашемъ: и сего ради должны есмы, яко
есть лѣбно творити и да дѣйствуетъ и сила его, ино по существу воображенъ крестъ
Христовъ». Временн. Моск. Общ. Истор. кн. Л. стр. 19.

¹⁾ Итинны показаніе, слово 45.

²⁾ Увѣщ. преосв. Платона м. московскаго стр. 22, 23.

³⁾ Опис. кн. Царскаго, Строевымъ стр. 303, 304.

тыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добръ разумѣли глаголемое и читаемое»¹⁾. Дѣти получали отъ своихъ родителей чисто внѣшнее, мертво-обрядовое воспитаніе: ихъ учили только земнымъ поклонамъ и двуперстному или трехперстному кресту, а никогда необъясняли, въ чемъ состоитъ духъ христіанскаго поклоненія *духомъ и истиною*, въ чемъ состоитъ искупительное значеніе креста; имъ преподавали подробныя до малочности правила, какъ вкушать просфоры, какъ уламывать ихъ на кусочки и проч., а возвышенныхъ истинъ евангельскаго ученія и кратко никогда не преподавали²⁾. При такомъ мертво-обрядовомъ направленіи издѣлства, весьма многіе православные жили до глубокой старости безнечно и нераскаянно во грѣхахъ, а надѣялись спастись тѣмъ, что подъ конецъ своей жизни, въ тяжкой болѣзни, изъявляли желаніе, дабы ихъ погребли близъ церкви. Погребеніемъ близъ церкви надѣялись спастись такіе люди, которые въ продолженіе 40, 50 и даже болѣе лѣтъ своей жизни, никогда не имѣли у себя отцовъ духовныхъ, не были у исповѣди и св. причастія. Самая жизнь подвизническая, которая въ старину составляла украшеніе церкви русской и сильный нравственный оплотъ для самаго общества, теперь, ко времени раскола, у многихъ обратилась въ одну мертвую внѣшность, въ фарисейство, и даже жалкое, возмутительное для истиннаго чувства благочестія лицемеріе. «Иные ходятъ», жаловался п. Іоасафъ I въ 1636 году, «въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы»³⁾, «иже, дополнивъ словами отцовъ собора 1667 года, — «мнятся благовѣйни быти, не суть же такови, живутъ посреди градовъ и сель въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ монашеской свитцѣ; иные жъ въ желѣзахъ скованы, такожде наги и босы ходятъ по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспріимуть славу отъ народа и да почитаютъ ихъ за святыхъ ко прелести простымъ и невѣждамъ»⁴⁾. И люди, увлекаемые внѣшностію, дѣйствительно обольщались мнимою святостію подобныхъ лицемѣровъ⁵⁾.

¹⁾ Посланіе старца Арсенія боярину Борису Михайловичу Салтыкову, бывшу тогда во Дворцѣ Большомъ. Рук. Сол. Библ. № 897.—Суздальскаго собора попъ Никита, не даромъ прозванный пустоесвятомъ, бывшій справщикомъ книгъ при п. Іосифѣ, и сдѣлавшійся потомъ, какъ увидимъ, однимъ изъ главныхъ расколоучителей, по словамъ Симеона Полоцкаго, долгое время священнодѣйствовалъ, не вѣдѣя времени пресущественія даровъ въ тѣло и кровь Господню и несмысленнѣ вървавъ еще въ предложеніи на проскомидіи тѣло быти и кровь Христову дары уготованныя, а хлѣбъ и вино, *тавари покланяеся, аки Творцу Божію честь дающе хлѣбу и вину, не самъ томо, но и прочіихъ тако* наставляше творити. Жезлъ правленія. Ч. I. л. 41, 42. изд. 1.

²⁾ Справедливъ слѣдующій отзывъ иностранца, Олеарія, бывшаго въ Россіи въ исходѣ первой половины XVII вѣка, о воспитаніи русскихъ людей того времени: *L'ignorance du petit peuple est si grossière, qu'il fait consister toute la religion dans les honneurs, et la veneration qu'ils rendent à ces images; aussi est-ce la seule instruction qu'ils donnent à leurs enfans, qui pour toute dévotion n'apprennent qu'à se tenir avec grand respect devant ces images pour faire leur prière. Voyages du S. Adam Olearius, traduits par de Wicquefort. Amsterdam. p. 330.*

³⁾ А. А. Э. т. III, стр. 402.

⁴⁾ Дополн. къ А. Истор. т. VIII, стр. 464, 474.

⁵⁾ Даже многіе священники, впадая въ самые тяжкіе грѣхи, думали загладить

При такихъ обстоятельствахъ открылась явная борьба ревнителей истины въ богослужебныхъ книгахъ и ревнителей мертвой буквы, и при горячности съ той и другой стороны, неизбежно сталъ развиваться расколъ. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка, когда препод. Максимъ Грекъ, усмотрѣвъ, до чего затемненъ и даже извращенъ былъ смыслъ церковныхъ книгъ неразумною ревностію по буквѣ, призналъ славяно-русскія зинги требующими исправленія: тогда темные приверженцы мертвой буквы съ громкимъ воплемъ возстали противъ него. «Велію», кричали они, «велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ (исправленіемъ книгъ) прилагаеши въ земли нашей чудотворцемъ: они бо сицевыми книгами благоугодиша Богови». Напрасно препод. Максимъ говорилъ темнымъ ревнителямъ буквы, что церковь Христова никогда не чуждалась даже исправленія книгъ св. писанія, что «и бывшимъ во времена гоненій святымъ архіереямъ и мученикамъ ни единъ поносъ или досажденіе прибысть отъ бывшихъ послѣ ихъ различныхъ исправленій св. писанія Ветхаго Заветъа Симмахомъ, Θεодотіономъ, Акилою и Лукіаномъ, пресвитеромъ антиохійскимъ, коемужду исправляющу презрѣнное прежде его бывшимъ переводчикомъ»¹⁾. Темные ревнители буквы не хотѣли допустить никакого исправленія въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. «Онъ» говорили, «отмѣняетъ слова по своему разумѣнію, извращаетъ вѣру», — и осудили его какъ «еретика богодухновенныя книги растлѣвающа». Такимъ образомъ препод. Максимъ первый палъ въ борьбѣ съ зарождавшимся расколомъ. Съ этихъ поръ начинается въ русской церкви печальная вѣковая борьба двухъ противоположныхъ стремленій: стремленія церкви—исправить церковно-богослужебныя книги и обряды и оживить, возстановить во всемъ народѣ русскомъ истинную церковно-богослужебную жизнь, и стремленія противо-церковнаго, раскольническаго — не допустить исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и такимъ образомъ дать силу и господство мертвой буквѣ и обрядности. Въ 1551 году, на московскомъ Стоглавомъ соборѣ, который, какъ извѣстно, созванъ былъ, между прочимъ, для рѣшенія многихъ обрядовыхъ вопросовъ, тогда такъ сильно занимавшихъ умы, ясно высказалось столкновение этихъ двухъ противоположныхъ направленій. Сторона мнимо-старообрядческая явно обнаружила свой духъ противорѣчія и рѣшительной неуступчивости, и если окончательно не превозмогла поборниковъ истины, то и нисколько не уступила имъ, напротивъ, еще больше укрѣпилась въ своей фанатической горячности. Позже (въ 1554 г.) бывшій троицкій игуменъ Артемій свидѣтельствовалъ, что на стоглавомъ соборѣ былъ жаръ

ихъ одной легкой епитиміей и безъ зазрѣнія совѣсти, послѣ тяжкаго грѣхонаденія, приступали къ совершенію божественной литургіи. Патр. Іосифъ, внушая іереямъ, въ своемъ окружномъ поученіи, благоговѣнно совершать литургію, прибавляетъ: «мнози бо невѣгласи іереи падшу въ каковой либо грѣхъ, повелѣвають служити, давъ епитимію». А грѣхи указаны весьма тяжкіе. (Поученіе Іосифа, патр. московскаго и всія великія рускія архіереямъ, священноинокамъ и мірскимъ іереямъ и проч. Ркз. В. И. Григоровича).

¹⁾ Ист. русск. церкви т. III. стр. 167.

кій споръ о крестномъ знаменіи, но окончился тѣмъ, что «не dospѣли ничего» ¹⁾. Такъ уже усилилось это раскольническое, о буквѣ ревновавшее направленіе, когда противъ него ничего не могъ dospѣть даже соборъ пастырей. Послѣ стоглаваго собора пущены были въ ходъ кѣмъ-то изъ поборниковъ раскольническаго направленія, вѣроятно участвовавшимъ въ спорахъ на стоглавомъ соборѣ, черновыя записки подъ именемъ книги Стоглавникъ, и въ этой книгѣ подробно изложены были всѣ, до того времени образовавшіяся и созрѣвшія раскольническія мнѣнія.

По поводу исправленія книгъ препод. Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкой Сергіевой лавры, и его незабвенными сподвижниками, опять открыто выступили люди вполне раскольническаго направленія, совершенно подобныя Аввакуму, Лазарю, Никитѣ, явные зачинщики раскольническихъ мыслей ²⁾. Въ борьбѣ съ ними препод. Діонисій и его сподвижники явились, подобно препод. Максиму Греку, исповѣдниками истины церковной. Вотъ какъ характеризуетъ этихъ ревнителей мертвой буквы старецъ Арсеній въ своей челобитной къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову: «Есть, государь, Борисъ Михаловичъ, иные таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва азбуку умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбучѣ письма гласныя и согласныя и двогласныя, а еже осьмочастія слово разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не была, ея же кто въ искусствѣ не былъ, удобъ можетъ погрѣшати не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. Есть, государь, обычай нѣкіихъ сихъ во искусствѣ не бывшихъ не точію на едину строку зря, но на едину токмо рѣчь смотря и разсуждати: се есть тако, обрѣтается же то всяко не тако.... Зри, государь, сего, како у насъ славится имя Пресвятыя Троицы безсловеснѣ и неразумнѣ: какъ кому на умъ взбрело, тако концы у молитвъ и совершаютъ... И что мы концы у таковыхъ молитвъ переимѣнивали, и то намъ въ ересь поставили, и наше государство, самъ ты вѣдаешь, дѣло въ міръ не пошло, а дѣлали его мы не своею волею, а царскою властію. Аще бы они добрѣ разумѣли и о благодѣтели поистину болѣли, добрѣ бы и судили... Не глаголомъ точію чтущему или поощему подобаесть внимати, но разума нужда блюсти. А они точію единѣмъ рѣченіемъ вся глаголемая судятъ, и единому глаголу точію внимаютъ и глаголютъ сей глаголь нагъ ³⁾ и срамословенъ.... разума не внемлютъ. Не глаголу точію единому достоинъ внимати, ниже единѣмъ рѣченіемъ, судити вся глаголемая, ниже убо чернилу и письменемъ вѣрити, но отвѣту писавшаго письмена паче достоинъ вѣрити. Злословящей же насъ точію черниламъ вѣрятъ, и письменемъ единѣмъ внемлютъ, и тѣмъ въ конецъ добрѣ не свѣдѣтъ, и красныхъ глаголовъ ищутъ, азъ же

¹⁾ А. А. Э. т. I. № 239, стр. 253.

²⁾ Исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ, издѣд. г. Казанскаго. См. въ чт. моск. общ. ист. 1848.

³⁾ Такъ стоитъ въ рукописи.

тебѣ, государю, скажу красные глаголы и риторскій слогъ, но исполъ
сущъ злаго еретическаго мудрованія. И до нынѣ у насъ сей злый плевокъ
во святыхъ церквахъ славится, и якоже здраво нѣкое пріемлется отъ на-
наученныхъ подобныхъ мнѣ... Не смѣю, государь, дерзновенно рещи о гл-
голющихъ на насъ не правая, что не знаютъ ни православія, ни креще-
славія точію божественныя писанія, но чернилу проходятъ, разума же
сихъ не нудятся свѣдѣти»¹⁾. При такомъ крайнемъ ослѣпленіи, при такой
фанатической ревности по буквѣ, можно ли было ожидать, чтобы эти не-
разумные приверженцы буквы образумились, почувствовали потребность
исправленія книгъ и уступили голосу и желанію церкви? Напротивъ, слу-
чилось такъ, что, когда при п. Іосифѣ предпринято было новое изданіе
церковныхъ книгъ, эти самые вожди раскольническаго направленія яви-
лись при этомъ дѣлѣ главными и совершенно самоуправными дѣятелями.
«И явишася въ та дѣла», пишетъ преосвящ. Игнатій, м. тобольскій,
«зліи челоувѣцы: Аввакумъ протопопъ, Назарь, суздальскій попъ, Федоръ
діаконъ, Григорій Нероновъ, съ ними же и протіи невѣжди: иже полу-
щеніемъ Божиимъ быше и духовникъ царскій протопопъ Стефанъ Вои-
фатьевъ. И сія злая сонмища веліе въ оно время пмаху дерзновение въ
самодержцамъ: и превѣйша злобы своея, арменскаго ученія преданіе. Въ
та же времена печатный дворъ быше вѣдомъ въ приказѣ царева двора,
правительствуемъ нѣкимъ княземъ, по реклу Львовымъ. Святѣйшій же
патріархъ московскій, Іосифъ, мужъ престарѣлый, все оно исправленіе
книгъ возложилъ на совѣтъ вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ, и
ничтоже о семъ печашеся, вѣбришася убо ему»²⁾. Эти люди, всѣ мыслив-
шіе уже чисто по раскольнически, о томъ только и заботились, чтобы
какъ можно скорѣе успѣть внести раскольническія мнѣнія въ печатныя
церковныя книги, запечатлѣть ихъ такимъ образомъ церковною печатію и
распространить и окончательно утвердить въ народѣ: это была главная
мысль, главная цѣль ихъ десятилѣтней дѣятельности на печатномъ дворѣ.
Но кромѣ собственно-раскольническихъ заблужденій, они заражены были
еще и другими мыслями, противными ученію православія. Напр. въ про-
логѣ, напечатанномъ при п. Іосифѣ, они съ особенною настойчивостію
старались доказать, будто не должно ходить для молитвы въ церковь, а
должно молиться дома; будто «аще намъ грѣшнымъ св. писаніе и муками
претитъ, но Господь Богъ милости своей ради, созданія своего не погу-
бить»³⁾. Здѣсь высказывается мысль о невозможности вѣчныхъ мученій
при благодати Божіей—мысль противная Евангелію и ученію православія.
Въ особенности главный изъ расколо-учителей, протопопъ Аввакумъ, за-
раженъ былъ противо-христіанскими мыслями, высказывалъ богохульныя
мысли о Св. Троицѣ, о воплощеніи, о погребеніи и сошествіи Іисуса Хри-
ста во адъ, о душѣ челоувѣческой и объ ангелахъ⁴⁾. Всѣ они и вели себя

¹⁾ Ркп. посланіе Арсенія Глухаго Сбор. Солов. библ. № 897, л. 115.

²⁾ 3-е посланіе Игнатія, митр. сибирскаго, въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1855 г. кн. 2.

³⁾ Книга Кириллова л. 9 въ акростихидѣ (въ началѣ книги).

⁴⁾ Розыскъ ч. I.

а печатномъ дворѣ при п. Іосифѣ какъ люди, уже готовые произвести въ русской церкви и въ русскомъ государствѣ расколъ, питали мысли, противныя духу православной церкви, распространяли въ народѣ суевѣрыя, ложные мистико-апокалипсическіе толки о судьбѣ русской церкви, юсѣвали въ народѣ сомнѣніе, предубѣжденія относительно церковныхъ исправленій, и даже распоризались на печатномъ дворѣ самоуправно, прогнѣвъ волю царской. Вотъ что сообщаетъ объ нихъ, между прочимъ, современникъ и очевидецъ ихъ дѣйствій на печатномъ дворѣ, келарь троицкаго монастыря Симонъ Азарыинъ, ученикъ препод. Діонисія, Архимандрита троицкаго, извѣстный по своей любви къ просвѣщенію и собранію рукописей: «Въ оно время (около 1647 г.) изволеніемъ Самодержца Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, препод. Сергія житіе повелѣно бысть напечатати: сія же, яже отъ насъ быша написана. Самодержецъ ту же повелѣ напечатати: печатницы жъ, иже на печатномъ дворѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ яко тридцать и пять главизнъ напечаташа съ сергіеву книгу, яже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ въ небреженіи положиша. И якоже они возгордѣвшися и небрегоша о чудесѣхъ святаго, аще ибѣцы отъ нихъ и сами въ небреженіи животъ свой препроводиша, истину бо глаголаху ложь быти и вѣрнѣху въ случай, а те въ чудеса, якоже о источницѣ новоявляшагося кладязя, иже у церкви Третицкыя Богородицы у паперти, небрегоша по истинѣ напечатати, и юсѣди уже напечатана съ понужденіемъ, но не по истинѣ, но ибкую южъ отъ своего вымыслу приложише... яко совѣстію своею зазираеміяху, и нынѣ отъ чудесъ святаго изринуша и напечатати небрегоша»¹⁾.

Такимъ образомъ еще при п. Іосифѣ раскольническія заблужденія распространились по всей Россіи посредствомъ книгъ, напечатанныхъ въ 1642—1652 годахъ, и заразили въ особенности молодое поколѣніе. «И бысть всѣхъ книгъ, говоритъ митрополитъ тобольскій Игнатій, вкупѣ 6000. И всю Россію тако арменскій оный смрадъ надхне и зарази, яко едини точію зѣло престарѣлыя люди того ученія не пріяша и едва спасошася, и не внимаху прелести нововводнаго сего армено-подражательнаго двое-перстнаго сложенія, но троичнаго въ перстѣхъ сложенія крѣпѣ державхуся. Новѣи-же секрати сирѣчь младиі начаша на оныхъ книгахъ въ хулѣ арменско велемудрствовати. Ересъ же армено-подражательства зѣло воскурѣшася и многихъ понали»²⁾. Это предварительное распространение раскольническихъ мѣбній приготвило весьма плодотворную почву для послѣдующаго распространенія раскола.

Между тѣмъ, какъ въ невѣжественныхъ умахъ раскольническія заблужденія такимъ образомъ окончательно дозрѣвали и утверждались, въ нравственной жизни людей, зараженныхъ фарисейскою ревностію о буквѣ и вѣрности обрядовъ, расколъ также предварительно развивался самъ собою, путемъ жертвообрядоваго направленія ихъ сердца. Иенѣ это можно

¹⁾ Времен. моск. общ. ист. и древн. росе. кн. X смѣсь, стр. 5, 6. Предисл. троицкаго келаря Симона Азарыина къ сказ. о новоявл. чудесѣхъ препод. Сергія.

²⁾ 3-е посланіе Игнатія тобольскаго, въ Прав. Собес. за 1855 г. кн. 8.

видѣть въ примѣрѣ. Вотъ какъ митроп. тобольскій, Пгнатій, изобра: постепенный внутренній, нравственный переходъ современнаго ему и Капитона, одного изъ первыхъ расколо-учителей, отъ фарисейскойности объ обрядахъ къ фарисейской гордости и презорству, а отсю расколу. «Сперва убо крѣпцѣ нудяшеся (онъ чернецъ Капитонъ) в жанми, да ни въ праздникъ рождества Бога Господа и Спаса и Иисуса Христа хотяше сыра и масла и рыбы вкушати, ниже на С Пасху, ниже въ день св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла, ни день успенія Пресвятыя Богородицы разрѣшаше когда развѣ точі сѣмень и ягодичія и прочихъ растущихъ земли. На святую же Пас обычаю христіанскому ни яицъ обогреннихъ, сирѣчь красныхъ, во братіи предлагати, аще и высокоторжественное праздника Пасхи въ красномъ яйцѣ образуется. И таковаго христіанскаго о Христѣ весе: восхотѣ творити и яицъ братіи взаимъ премѣняти, но вмѣсто того п имъ червленаго горькаго цибула, сѣричь луковницы: и вмѣсто яи: премѣну христіанскія любви имѣти. И сіе убо начало ереси отъ ра: ныя души его нача являтися. Потомъ же діаволъ прельсти его і стнымъ помысломъ; мя же бо себе уже велика подвижника и сове: наго постника, и начатъ погордевати освященнымъ чиномъ. Егд когда увидѣлъ бы священника мало себѣ въ пици попустивша и шася до веселія: тогда и ко оному священнику, аще и правосла: сущу, потомъ къ благословенію нехождаше, аще и трезва его ви. И тако мало по малу творяше его діаволъ отступати отъ церкви. же повелѣ нѣкоему изографу, да напишется ему образъ, иже глаго: предста царица одесную Тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и пре: шенна. Иконописцу же, написавшу подобіе святыя иконы, яко ж шется Спасителевъ образъ на престолѣ, яко великій архіерей; Пресе же Богородицы образъ въ царскихъ одѣяніяхъ и въ вѣнцѣ, яко ц: небесе и земли, и прочія подобія образа того. Видѣвъ же той зем: прочія подобія образа того. Видѣвъ же той Капитонъ Пресвятую Бо: дицу написанну въ царскихъ одеждахъ, начатъ яко невѣжда сый: ляти иконописца глаголя: почто написалъ еси такъ Богородицу як: рицу? на Пресвятой убо Богородицѣ багряницы царскія не быст: когда же: и того ради и не покланяшеся окаянный Капитонъ образу: святому. Къ сему же обрѣтъ его діаволъ въ противленіе на святую: ковь готова суща, вложи ему мысль: егда бы видѣлъ Пресвятую Бо: дицу на иконѣ написанную, аще и подписаніе имющую Мати Б: руце же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Х: не написана: тогда и той иконѣ не покланяшеся. Видѣвъ же діавол: това его суща ко пріятію козней его, вложи ему помысль, яко не: баеть новописаннымъ иконамъ поклонятися: аще бы Спаса Христа Пресвятыя Богородицы, или святыхъ; но точію какого ветхаго пис: стараго и зачадѣлаго, аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ: даше, аще видяше икону новописану, и сіяющую новописаніемъ, тогд: како же не покланяшеся той святой иконѣ. Христіане же, видѣвш: врага Божія въ житіи жесточество, мняху его свята суща. Егда же

аль бѣаше вышенисанныя четыре книги ¹⁾ съ катихизисомъ абіе діалѣ совершенно воспріять его себѣ во область: и начатъ отъ того армен-аго сложенія и самъ креститися, и отъ слышанія чтенія и люди учити: мнози юнѣйшіи послѣдоваша ему. И се убо вашей любви азъ възвѣстихъ, включаетъ м. Игнатій, каково бѣаше сквернаго того и проклятаго Капитана Колесникова начало, да увѣсте, откуда начало еретиковъ раскольниковъ и капитоновъ» ²⁾).

Чтобы очистить церковь русскую отъ возникавшихъ и все болѣе и лѣе умножавшихся плевелъ раскола и пресѣчь дальнѣйшее развитіе о, нужно было, во первыхъ, очистить отъ примѣси раскольниковскихъ блужденій самые источники или руководства церковно-обрядовой жизни—церковно-богослужебныя книги, и разсѣять главныхъ вождей и представителей раскольниковскаго направленія; во вторыхъ, ввести, по возможности, всѣхъ православныхъ чадъ церкви русской въ самый духъ церковно-богослужебной обрядности, объяснить имъ смыслъ, внутреннее значеніе церковно-обрядовой внѣшности. И вотъ въ это время Господь воззвалъ на патриаршій престолъ церкви русской пастыря, которому предназначено было совершить это великое дѣло: явился патриархъ Никонъ.

Приступая къ совершенію своего великаго призванія, п. Никонъ, яко бодрый Христова всероссійскаго стада пастырь и неусыпный стражъ», по словамъ м. Игнатія, положилъ пресѣчь раскольниковское направленіе въ самомъ его источникѣ, равнымъ образомъ и возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь въ ихъ первоначальной истотѣ. Дѣятельно, съ дальновидною ревностію и истинно-пастырскимъ разгоразуміемъ, началъ онъ исправлять церковно-богослужебныя книги, и посредствомъ людей ученыхъ, каковы: Елифаній Славеницкій, Арсеній Рязанскій, Дамаскинъ Птицкій и другіе, по древне-славянскимъ и греческимъ рукописямъ, послѣ предварительнаго совѣщанія съ русскими пастырями на соборѣ 1654 года, съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича, по согласію съ патриархомъ константинопольскимъ и при соучастіи антиохійскаго патриарха Макарія и сербскаго Гавріила. Зачинщиковъ раскола, каковы были извѣстные уже намъ справщики книгъ при п. Іосифѣ, онъ отправилъ отъ книгопечатнаго двора, какъ людей не только не способныхъ къ исправленію книгъ, но и явно неправильно-мыслящихъ и зло-

¹⁾ Кириллову книгу: книгу о правой вѣрѣ, — псалтирь учебную и малый катихизисъ.

²⁾ Третіе посланіе бл. Игнатія, м. сибирскаго и тобольскаго. Правосл. Собесѣд. 55 г. кн. 2 стр. 97—99. Достойно замѣчанія, что и другіе современники признавали первымъ виновникомъ раскола монаха Капитона. Шуперинъ въ жизнеописаніи Никона говоритъ: «во оно время насташа раскольникы церковные и умножишася изъ низкаго ересеначальника чернеца Капитона». (Ркп. Сол. библ. № 235, л. 33) какъ возсталъ, по всей вѣроятности, не одинъ Капитонъ, глава раскола, а и съ нимъ многіе другіе. П. Іосифъ съ глубокою горестію жаловался: «возстали лицемеры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвершися». (Пост. ист. изв. о раскол. ютоіер. Іоаннъ ч. 1, стр. 60). Это можно сказать только о людяхъ, подобныхъ Капитону. Митроп. ростовскій Іона, въ 1652 г., въ окружной грамотѣ своей также предостерегалъ уже паству свою отъ раскольниковъ. А. П. т. IV, стр. 174.

намѣренныхъ, насѣявшихъ уже столько плевелъ въ церкви русской. А потомъ, когда встрѣтилъ отъ нихъ пререканіе и противодѣйствіе въ дѣлѣ исправленія книгъ, разсѣялъ ихъ въ ссылку и заточеніе по разнымъ мѣстамъ, какъ «явныхъ, самомудрыхъ, паче же суетумудрыхъ безчинія ревнителей, воздвигавшихъ прю, расколъ», и какъ явно показавшихъ уже, по суду п. константинопольскаго Паисія, «знаменія ереси и раздора, чуждыхъ православныя нашея вѣры» ¹⁾. Такимъ образомъ п. Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно законными, истинно-церковными мѣрами. Всѣ главные зачинщики его были разсѣяны ²⁾. И издатели «Служебника» 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ п. Никона и царя Алексѣя Михайловича «служество изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ» ³⁾. Въ прекращеніи раскола п. Никономъ сознавались сами зачинщики раскола. Напр. Нероновъ, въ письмѣ къ духовнику Вонифатьеву отъ 27 Февраля 1654 г., писалъ: «увы мнѣ, яко погибе благоговѣйный отъ земли и справляющаго въ челоуѣцѣхъ нѣсть», т. е. нѣтъ болѣе зачинщиковъ и защитниковъ раскола ⁴⁾. И самъ Нероновъ, бесполезно возставлявшій самого царя противъ Никона, наконецъ являсь къ патр. Никону, объявилъ: «если патріархи собственноручно написали, что надобно креститься тремя перстами и непокорныхъ подвергаютъ осужденію, я не желаю быть подъ осужденіемъ вселенскихъ патріарховъ». Патріархъ Никонъ со слезами умиленія принялъ заблудшаго въ лоно церкви. Точно также онъ готовъ былъ съ любовію простить всѣхъ расколо-начальниковъ, находившихся въ ссылкѣ, только ожидалъ, какъ увѣдомлялъ протопопа Неронова духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, «прощенія и истиннаго покаянія» отъ непокорныхъ протопоповъ и поповъ, въ неправдѣ своей грубо упорствовавшихъ и возмущавшихъ народъ, даже готовъ былъ предоставить имъ служить по старымъ книгамъ. Потому несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто Никонъ былъ слишкомъ неуступчивъ къ немощи жалкихъ приверженцевъ буквы, не оставлялъ имъ служить по старымъ книгамъ, и отъ того будто бы произошелъ расколъ. Въ раскольниковской біографіи протопопа Іоанна Неронова разсказываются слѣдующіе замѣчательные факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ Никонъ, необыкновенно строгій къ упорнымъ противникамъ и возмутителямъ церковнаго порядка, былъ снисходителенъ и уступчивъ въ отношеніи къ расколо-начальникамъ, не возмущавшимъ

¹⁾ Скрижалъ напеч. въ 1655 г. л. 711—713. См. подробности въ истор. русск. раскола, стр. 138—172.

²⁾ Тамъ же стр. 164, 165.

³⁾ Опис. книгъ Царскаго, стр. 165, 167.

⁴⁾ Собраніе писемъ Неронова, ркп. библ. казан. акад. Денисовъ, прославляя расколъ, пишетъ: «никто же оная новшества возражающъ кромѣ Павла, доблаго епископа коломенскаго и великоревностнаго протопопа Аввакума и прочихъ малыхъ». И эти были разсѣяны: Нероновъ изъ ссылки (въ Вологдѣ) въ письмѣ къ царицѣ отъ 2 Мая 1654 г. писалъ: «ревнителие благочестія, ихже реку отца епископа Павла и братію Даниїла, протопопа костромскаго и Аввакума протопопа юрьевскаго,—изгнаны ради проповѣди закона и ради ученія и за еже понуждати имъ челоуѣки».

мира церкви, и какъ онъ готовъ былъ простить всѣхъ расколо-начальниковъ: «во иные дни», говоритъ біографъ Неронова, старецъ Григорій (т. е. Нероновъ) «о юзникахъ патріарху воспоминалъ, чтобъ ихъ разрѣшилъ, страждущихъ его ради. Патріархъ же по всѣмъ повелѣ грамоты послати тотчасъ, и письма, кои на него патріарха писали къ царю и къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, всѣ старцу Григорію отдать, глаголя: возьми старецъ Григорій твои письма, и ярославскаго протопопа Ермила въ то же время простилъ и письма ему отдать... Вопросы нѣкогда старецъ Григорій патріарха, рече: иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все равно, по какимъ хочешь, по тѣмъ и служишь... И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братіей въ соборной церкви на клиросахъ, чтобы не четверить аллилуіа; тѣмъ же послушаша старца, говорили аллилуіа по дважды, въ третіе слава Тебѣ Боже: патріархъ же ничто же имъ глагола, точію подъякъ, псалтирь говоря, заповѣданіе патріархово творилъ, четверилъ аллилуіа». Такъ умный пастырь Никонъ, прекративъ расколъ ссылкой въ заточеніе мятежныхъ и упорныхъ расколо-начальниковъ, возмущавшихъ народъ, въ то же время старался окончательно, внутренне примирить съ церковію находившихся въ Москвѣ расколо-начальниковъ, но не производившихъ мятежа, благоразумнымъ дозволеніемъ имъ оставаться при старыхъ обрядахъ. Сдѣлавши столь успѣшное начало, Никонъ для предупрежденія новаго, дальнѣйшаго развитія раскола, старался возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь русскаго народа, въ ихъ первоначальной чистотѣ. Для сего, какъ только онъ предпринялъ исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и издалъ первую важнѣйшую въ церковномъ богослуженіи книгу «Служебникъ», въ то же время призналъ нужнымъ издать толкованіе церковныхъ обрядовъ и таинствъ, чтобы ввести православныхъ чадъ русской церкви, по возможности, въ самый духъ и смыслъ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. «Богоизбранный святѣйшій патріархъ московскій Никонъ», говоритъ, Епифаній Славеницкій въ предисловіи къ скрижали, «Богоданный въ свѣтоводительство всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи свѣтоводитель и благотчливый пастырь словеснаго стада Христова, пастырству его врученнаго, питая оное благовонною евангельскаго ученія пажитіи, напоая животворными водами богопріятныхъ поученій и на правую стезю богоугоднаго житія наставляя,... благоусердно печется о томъ, чтобы весь священный Россійскій причетъ церковный привести къ ясному знанію, пониманію священнодѣйствій: ибо какъ древле патріархъ Іаковъ, для напоенія овецъ безсловесныхъ, отвалилъ вещественный камень отъ вещественнаго кладезя, такъ онъ нынѣ потщился отвалить мысленный камень непониманія и невѣжества, лежащій въ умахъ многихъ, для того, чтобы словеснымъ овцамъ Христовымъ напоеннымъ быть чистою водою яснаго разумѣнія священнодѣйственныхъ образовъ; ибо по его священноначальническому, богоугодному, ревностному, благопослѣдственному и душеполезному старанію, благополезная книга, содержащая въ себѣ толкованіе божественной литургіи, ясное изъясненіе таинствен-

ныхъ священнодѣйствій и всѣхъ священныхъ вещей знаменованіе, переведена съ греческаго на славянскій языкъ и въ великую духовную пользу всего священнаго причта православной російской церкви напечатана.¹⁾ Вслѣдствіе такихъ энергическихъ, умныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, былъ бы совершенно остановленъ, но крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта религіозно-обрядовая и возстаніе некихъ непокорныхъ протопоповъ и поповъ, или по крайней мѣрѣ не распространился бы въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ это случилось, если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло. Но въ это-то время, къ величайшему несчастію, многочисленные и сильные враги Никона при дворѣ, о которыхъ будетъ сказано подробно въ другомъ мѣстѣ, общимъ заговоромъ съ расколочальниками, возстали лично противъ самого Никона, совершенно лишили его прежней свободы дѣйствованія, даже благорасположенія и содѣйствія царя Алексѣя Михайловича, и принудили удалиться изъ Москвы, а зачинщиковъ раскола, воиновъ и поборниковъ его возвратили изъ ссылки въ Москву, и подъ видомъ будто ревности къ старой вѣрѣ, а въ самомъ дѣлѣ для успѣшнаго выполнения своихъ замысловъ касательно п. Никона, дали полную свободу и просторъ распространенію раскола. Такимъ образомъ въ продолженіи 8-ми лѣтънаго междупатріаршества, мятежные зачинщики раскола успѣли докончить свое дѣло, отторгли отъ церкви суевѣрныхъ ревнителей обрядовъ и образовали особое скопище мнимыхъ старообрядцевъ²⁾.

1) Строева опис. кн. Царскаго, стр. 303—305.

2) Нѣкоторые говорятъ, будто Никонъ жестоко обходился съ виновными, и оттого произошелъ расколъ. Это если въ нѣкоторомъ отношеніи и правда, то отнюдь не такъ, какъ обыкновенно представляютъ, и отнюдь не въ отношеніи къ виновнымъ раскола. Пламенная, высокая любовь Никона къ церкви, точно, до такой степени, если можно такъ выразиться, была ревнива, нетерпѣлива, что онъ не терпѣлъ никакого церковнаго отступленія, и въ пылу ревности, которую лучшіе, просвѣщеннѣйшіе современники сравнивали съ ревностію Иліною, могъ дать и дѣйствительно давалъ иногда тяжело почувствовать, что значить нарушать порядокъ церковный. Но съ другой стороны, сердце его было обильно любовью милующею, отечески-пастырскою. И приводя другихъ примѣровъ его любви, вспомнимъ, какъ онъ принялъ расколочальника Неронова, когда тотъ пришелъ къ нему съ раскаяніемъ. Никонъ забылъ все оскорбленія, какія причинялъ ему Нероновъ предъ царемъ; грубый Нероновъ тогда, какъ явился съ раскаяніемъ, дѣлать патріарху жестокія укоризны въ ея строгости. Никонъ смиренно просилъ прощенія: „по грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ; прости Господа ради“, отвѣчалъ Никонъ на грубости Неронова. Возвращая Неронова церкви, Никонъ плакалъ. Такъ пишетъ даже одинъ изъ друзей расколочальниковъ. Другіе обвиняютъ Никона за то, что онъ въ 1656 году велѣлъ отозвать служебники. Говорятъ: это крутая мѣра, раздражившая народъ. Напротивъ скажемъ словами преосвященнаго Филарета: а) это естественная мѣра: б) п. Филаретъ не только отозвалъ уставъ 1649 года, но велѣлъ сжечь его. Вообще, говорятъ, ревностная поспѣшность Никона не соображена была съ умственнымъ состояніемъ тогдашняго непросвѣщеннаго народа: надлежало таковой народъ издала предупредить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія книгъ. Но народъ русскій и былъ приготовляемъ къ тому при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, въ теченіе 60 лѣтъ, чѣмъ подустотѣтія. И виноваты ли Никонъ въ томъ, что предшественники е

Итакъ, безпристрастный судъ исторіи, или послѣдовательный историческій ходъ дѣла показываетъ, что вовсе не патріархъ Никонъ былъ виною нашего раскола и не ревностная поспѣшность Никона въ исправленіи книгъ произвела раскольниковъ, а они произошли сами собою, вслѣдствіе предварительнаго, вѣковаго развитія въ нѣкоторой части русскаго народа особаго, мнимо-старообрядческаго направленія. Ясный свѣтъ исторіи русской церкви показываетъ, что расколъ глаголемаго старообрядства произошелъ вовсе не отъ прямого истинно-древняго и истинно-православнаго направленія нашей церковной жизни, а отъ направленія противъ-церковнаго, уклонившагося съ прямого пути церкви Христовой еще въ XVI вѣкѣ, и показываетъ намъ даже отъ начала до конца самыя, такъ сказать, изгибы, самый путь, по которому шло это противъ-церковное направленіе, и наконецъ неизбежно пришло къ расколу. Какъ нѣкогда мертво-обрядовое, о буквѣ законной только ревновавшее іудейство, въ главѣ котораго стояли книжники и фарисеи, потому отпало отъ церкви Христовой, что остановилось на одной буквѣ законной, не созерцало, не понимало въ обрядовомъ законѣ моисеевомъ истины Христовой: такъ и въ нашей церкви въ XV вѣкѣ возникшее и постепенно возраставшее, мертво-обрядовое, раскольническое направленіе нѣкоторой части русскаго народа, во главѣ котораго стояли, по выраженію Симеона Полоцкаго, «новые книжники и фарисеи», потому отдѣлилось отъ живого единства церкви русской, что также остановилось на одной буквѣ церковно-богослужебныхъ книгъ и на одной мертвой внѣшности церковно-богослужебныхъ обрядовъ, и такимъ образомъ ожестѣло, омертвѣло и отпало отъ церкви Христовой, какъ іудейство. Между тѣмъ, что касается заслугъ Никона въ исправленіи книгъ, то по случаю изданія первой исправленной книги — Служебника, благомыслящіе люди, понимавшіе потребности церкви русской, призывали весь народъ благодарить Господа Бога за то, что Онъ даровалъ имъ такого попечительнаго архипастыря, каковъ Никонъ патріархъ, и такого помощника его, каковъ царь Алексѣй Михайловичъ. «Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ православнымъ народомъ, восхвалити же и прославити всѣхъ добрыхъ вину Бога, яко великаго ради и естественнаго своего милосердія избра въ начальство и снабдѣніе людямъ своимъ, сію премудрую и въ заповѣдѣхъ его пребывающую двойцу, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, и великаго государя святѣйшаго Никона,

не умѣли, или не успѣли, или не могли приготовить къ исправленію книгъ, а при патр. Іосифѣ даже допущено было поврежденіе книгъ и распространены были посредствомъ печатныхъ книгъ раскольническія мнѣнія. И умѣли еще нужно было на полвѣка, или даже на цѣлый вѣкъ отложить исправленіе книгъ, нужду котораго такъ глубоко чувствовала русская церковь, когда книги были уже весьма повреждены, и поврежденіе это и не прекращалось, напротивъ все болѣе и болѣе умножалось, входило въ жизнь народа, въ его вѣрованія? Да и правда ли, что ревностная поспѣшность Никона не соображена была съ состояніемъ народа? Народъ, горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностью принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмущили расколоучители, въ свою очередь бывшіе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, личными врагами. и также орудіями личныхъ и сильныхъ враговъ п. Никона.

патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи, иже воистину Богомъ избрани и того въ себѣ исполненіемъ заповѣдей его носяще, законно и преимудро данную имъ отъ Бога власть строить потщашася.. Не ко инымъ бо вещемъ прежде тѣхъ свое государское приложіиша, и точію да церковь Христова, сирѣчь православный христіанскій народъ, въ мирѣ и благоденствіи здравствуя, здѣ многолѣтнее, онамо же безконечное во благихъ себѣ гобзаніе уготовитъ.... Воистину бо ихъ благочестнымъ повелѣніемъ лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребишъ, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ. Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ Святѣй поемый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый» ¹⁾). Вселенскіе патріархи также всѣ единодушно и единогласно одобрили и утвердили великое дѣло п. Никона, и самого его признали великимъ ревнителемъ церкви православной. Вотъ напр., отзывъ о немъ п. константинопольскаго Іакова «ни яко осужденъ винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, и елика отъ архіерейства благодать впредь безъ воззванія ону чуждати, имѣя естество и исцѣленіе невоспріемное творя, ниже надъ божественная догматы благочестій согрѣши; пбо не иде въ совѣтъ нечестивыхъ, ниже ста въ путь грѣшникомъ, ниже на сѣдалищи губителемъ седѣ, пѣснословно рещи, столпъ бо благочестій непоколеблемъ знаемъ бысть, и божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель присноискуснѣйшій, отеческихъ догматъ повелѣній же и преданій неизреченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій» ²⁾).

2. И такъ первый зародышъ, первый основной элементъ раскола старообрядства заключается собственно въ характерѣ религіозной жизни русскаго народа, въ вѣковомъ, историческомъ развитіи въ большой части народа односторонняго, мертво-обрядоваго направленія, въ преобладаніи внѣшности, обрядности надъ живою христіанскою мыслию, и въ открывшейся съ XVI вѣка борьбѣ этой живой христіанской мысли, духа съ мертвою буквою и обрядностію. Но сущность и сила русскаго раскола старообрядства заключается далеко не въ одной упорной ревности о старыхъ обрядахъ, изъ которой развился только общій, внѣшній характеръ раскола, какъ секты религіозно-обрядовой. Сила русскаго раскола заключается главнымъ образомъ въ его *религіозно-гражданскомъ демократизмѣ*.

¹⁾ Строева, опис. кн. Царскаго, стр. 165. 167.

²⁾ Собр. госуд. грам. ч. IV, стр. 425. Не излишне, думаемъ, напомнить старообрядцамъ, что и единоплеменики наши—православные славяне южные, признавали необходимымъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и исправляли. Такъ въ рел. (XV в.) „словеса вкратцѣ избрана Константина философа костентьскаго, бывшаго учителя сръбскаго во дни благочестиваго Стефана деспота“ читаемъ: „Се бо писанія вса растлѣхася соуть, не точію въ странѣ единой, но въ романіи всеи, и до бѣлграда и солуна. Трѣновѣстїи бо исправишеся благодатию Христовою, и поспѣшеніемъ державнаго. Се хотятъ и сръбстїи исправитися“ (р.кн. Григоровича). Въ болгарской церкви, приславшей къ намъ во дни Владиміра и Ярослава „іерей учены и книги довольны и демественники“, особенно два патріарха, подобно патр. Никону, заботились объ исправленіи книгъ: Іоакимъ въ XIII стол. и Евѣмій въ XIV столѣтіи.

мъ духъ и направленіи, какое онъ получилъ во время самага возста-аскольниковъ противъ п. Никона, и особенно послѣ Никона, когда перешелъ изъ сферы собственно церковной въ сферу гражданской жизни. Посмотримъ теперь, какъ развился этотъ новый элементъ раскола, всего болѣе оживляющій и поддерживающій его.

Расколъ возникъ въ патріаршество Никона, сначала въ низшемъ дѣствѣ, и возсталъ, во первыхъ, противъ церкви и особенно противъ арха Никона; потому что исправленія, нетерпимыя людьми, безразлично привязанными къ старинѣ, начались, во первыхъ, въ церкви. Каса прежде всего духовенства и совершены были п. Никономъ. Патріархо Никона въ исторіи русской церкви составляетъ ту многознаменательную переходную эпоху, когда, послѣ вѣковыхъ споровъ о древне-церковной старинѣ, послѣ вѣкового сознанія лучшими пастырями необходимости исправленія и улучшенія внутренняго порядка въ русской церкви, необходимость истинной, основательной повѣрки, исправленія и усовершенствования внутренняго церковнаго порядка и устройства сдѣлалась главною, настоятельною потребностію, господствующею, живою мыслию русской церкви, когда должно было положить предѣлъ вѣковой борьбѣ убивающую духовную жизнь буквализма и мертваго обряда съ живою идеею, живящимъ духомъ христіанства; борьбѣ тьмы со свѣтомъ, порядка съ безпорядкомъ, и тьма и безпорядокъ наконецъ должны были или исчезнуть при свѣтѣ просвѣщенія и порядка, или отдѣлиться отъ церкви, какъ совершенно несовмѣстныя съ ея существомъ. Для прекращенія этой вѣковой борьбы въ недрахъ нашей древней церкви, для обновленія, освѣженія внутренней жизни церкви, божественный Промыслъ нарочито восприимчивъ и воззвалъ изъ среды народа знаменитаго пастыря, патр. Никона... Или вообще великіе гении, далеко опережающіе вѣкъ свой, вездѣ и повсюду встрѣчаютъ сильныя противорѣчія и противодѣйствія со стороны отсталыхъ, запоздалыхъ людей, часто даже падаютъ жертвами въ борьбѣми, то удивительно ли, что и нашъ великій пастырь Никонъ, этотъ гениально замѣчательный гений своего вѣка, «свѣтоводитель богоданный свѣтоводительство всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи», какъ вали его лучшіе, просвѣщеннѣйшіе современники, *vir prudentia et citate egregius*, какъ отзывались о немъ иностранные наблюдатели внутренней жизни Россіи второй половины XVII вѣка, удивлялись ли, что и великій Никонъ долженъ былъ испытать то же, встрѣтакже упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины? — Разсмотримъ безпристрастно въ какомъ духѣ и какого рода исправленія совершилъ въ русской церкви п. Никонъ, и по какимъ причинамъ возбудилась противъ него оппозиція раскола. «Намъ должно есть», говорилъ п. Никонъ о охраненіи истинной христіанской старины, «отъ Спаса нашего Господа Іисуса Христа преданныя заповѣди и св. апостолами отцами, возсіявшими на святѣмъ никействѣ вселенствѣмъ соборѣмъ святымъ и осмюнадесяти богоносными отцами, и въ послѣдующихъ вселенскихъ соборѣхъ, даже до седьмаго, второе въ Никен собравшагося,

также и между седми вселенскими въ различная времена собравшихся помѣстныхъ православныхъ соборѣхъ хранить; понеже убо совершеніе пріять православныхъ церковь не токмо по богоразумію и благочестію догматовъ, но и священному церковныхъ вещей уставу, праведно есть и намъ всяку церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ новину всегда виновнымъ бывать церковнаго смятенія и разлученія, но уставомъ послѣдовати святыхъ отецъ»¹⁾. Въ такомъ духѣ сохраненія подлинной христіанской старины, началъ п. Никонъ исправлять, благоустроить внѣшній чинъ и порядокъ церкви русской, не столько вновь что либо измышляя и созидая, сколько возстановляя истинно-древнюю церковную старину, завѣщанную св. отцами, или согласную съ ихъ духомъ, и устраняя старину мнимую, имъ противную. Суевѣрные ревнители старины, уже искаженной, къ сожалѣнію, этого не соображали и не соображаютъ: имъ хотѣлось сохранить старину, и притомъ грубую русскую старину. — Патр. Никонъ, глубоко любя христіанское богослуженіе, и по чувству собственного сердца, и по ближайшему опыту и наблюденію надъ другими благочестивыми русскими людьми, и изъ безчисленныхъ примѣровъ исторіи русской церкви, можетъ быть, лучше всякаго другого современнаго историка русскаго понимать, какъ важно въ духовно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа, особенно простаго народа, благоустроенное, благолѣпное церковное богослуженіе. Кромѣ того, возвышаясь своимъ умомъ надъ неподвижностію дряхлой, отжившей старины, онъ ясно сознавалъ всю возможность и необходимость живого развитія христіанскаго богослуженія изъ вѣчно-живой и всеоживляющей идеи христіанства, необходимости развитія христіанскаго духовно-эстетическаго элемента въ благолѣпное богослуженіе, на примѣръ въ пѣніи, въ иконописаніи. И потому прежде всего обратилъ свое вниманіе на исправленіе и усовершеніе церковнаго богослужебнаго чина и порядка, разстроеннаго главнымъ образомъ небреженіемъ и невѣжествомъ незначительнаго къ богослуженію духовенства. Такъ онъ не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужебное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со временъ монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно, церковно-служители наши до п. Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее «ангело-подобное пѣніе, изрядное осьмогласіе, и трисоставное сладкогласованіе, и самое красное демественное пѣніе», какое, послѣ болгарскаго и простаго демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій²⁾, и «совершали пѣніе Божіе зѣло по скору»³⁾. Патр. Никонъ, зная изъ примѣровъ церковной исторіи, что развивалось въ восточной церкви богослужебное пѣніе, что святые отцы съ IV по VII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять

1) „Воглашенія“ патр. Никона царю Алексѣю Михайловичу и всему священному собору. Печ. Скрижалъ 1655 г. л. 6-7.

2) Степ. кн. т. 1, стр. 224. изд. въ Москвѣ 1775 г. ст. 2. гл. 2.

3) А. А. Р. т. 3, № 264.

древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣснопѣніе, исправляя и возстановляя что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ — въ соборной церкви греческое и кievское пѣніе пѣти... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибавѣ крылосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго и такового пѣнія, яко же у него, ни у кого не бывало» ¹⁾. А когда въ 1652 году онъ возведенъ былъ на патриаршій престолъ, то еще болѣе усовершилъ церковное пѣніе. Вышеупомянутый жизнеописатель его свидѣтельствуесть, что онъ любилъ разные напѣвы, а особенно греческій и кievскій. Съ патр. Никона началась въ русской церкви новая эпоха церковнаго пѣнія. Въ то же время онъ старался ввести въ церкви русской внятное и благоговѣйное чтеніе при богослуженіи, ибо отъ лѣности и небреженія церковно-служителей укоренился обычай — читать въ церкви весьма поспѣшно, невнятно и даже неблагопристойно, вычитывать, голоса въ два или въ три за разъ, кафизмы, каноны и разныя молитвословія и стихословія во время пѣнія, про себя, а не вслухъ для всѣхъ православныхъ ²⁾. Никонъ ввелъ и благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утваряхъ, чтобы сдѣлать церковное служеніе достойнымъ высокаго назначенія; приучалъ священно и церковно-служителей къ сохраненію внѣшняго благоприличія, и самъ божественную службу совершалъ съ отличнымъ благоговѣніемъ ³⁾. Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не могъ равнодушно видѣть, что многіе неразумно, даже и не по христіански почитали св. иконы, молились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома принесенной, иконѣ, называя ихъ своими богами, и кланялись въ церкви въ разныя стороны. Поэтому онъ велѣлъ снять съ западныхъ стѣнъ въ церквахъ отъ частныхъ людей поставленныя иконы, дабы молящіеся не стояли ни къ нимъ, ни къ алтарю спиною и не производили въ церквахъ безчинія, какъ это было дотолѣ ⁴⁾. Для церковнаго благолѣпія и благоуукрашенія, патр. Никонъ покровительствовалъ и художествамъ, особенно церковной живописи и архитектурѣ, насколько, разумѣется, это было возможно въ то время, и употреблялъ ихъ какъ средства для благоуукрашенія церквей ⁵⁾. При дворѣ его, по словамъ алепскаго архидіакона Павла, были

¹⁾ Житіе Никона, — Шустерина, ркп. сол. библ. 235, л. 11. Историч. разсужденіе одревнемъ христіанскомъ богослужб. пѣніи, и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нужными примѣчаніями на оное. Спб. 1804 г. Въ Генварѣ 1652 приглашены были изъ Кіева въ Москву 12 человекъ кievскихъ пѣвчихъ. Въ Мартѣ того же года прибыли изъ Кіева 8 пѣвчихъ. Въ 1656 г. царь, конечно, по внушенію Никона, вызвалъ изъ Кіева старца братскаго монастыря Іосифа Загвойскаго „для ученія партескаго пѣнья“. Въ Ноябрь того же года пріѣхалъ въ Москву съ грамотою отъ цареградекаго патриарха іеродіаконъ Мелетій, для ученія греческому пѣнью діаконъ и подьдіаконъ (см. замѣч. для ист. пѣнья въ Россіи. Ундольскаго въ 3 № чтен. Импер. общ. ист. 1846).

²⁾ Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано подробно.

³⁾ Житіе Никона, — Шустерина ркп. Сол. библ. № 235 л. 10 и 11.

⁴⁾ Майербергъ. Словарь о духовн. писател. въ Россіи, II. стр. 120.

⁵⁾ Но въ художествахъ, какъ и во всемъ церковномъ чинѣ, патр. Никонъ строго наблюдалъ духъ православія. Напр. относительно живописи Алепскій архидіаконъ

свои художники и ремесленники по всѣмъ частямъ¹⁾. Точно также и Воскресенскій монастырь, для устройства храма, по подобію іерусалимскаго, онъ вызвалъ разныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ, и звалъ тамъ цѣлыя мастерскія; отсюда же въ 1668 году вызывалъ мастеровъ для себя даже самъ царь Алексѣй Михайловичъ²⁾. Символизмъ въ церков. изображеніяхъ Никонъ оживлялъ духовнымъ христіанскимъ смысломъ. Такъ, глубже современниковъ понимая духовное знаменованіе библейскихъ и церковныхъ символовъ, онъ возстановилъ въ церковныхъ изображеніяхъ древніе, но забытые символы евангелистовъ. До него евангелисту Іоанну усвоился символъ льва, а Марку — орла. Со времени патр. Никона евангелиста Іоанна стали изображать съ орломъ, а Марка со львомъ, какъ это дѣлалось при равноапостольномъ Владимірѣ и Ярославѣ Великомъ³⁾; при св. Лукѣ и Матѣѣ оставлены прежнія знаменія тельца и человѣка. Точно также патр. Никонъ, послѣдуя примѣру свящ. древности, велѣлъ дѣлать на каждой церкви по 5 главъ, въ ознаменованіе средняго Іисуса Христа, а четырьмя боковыми четырехъ евангелистовъ⁴⁾. Въ то же время патр. Никонъ всемѣрно заботился о нравственномъ усовершенствованіи и образованіи духовенства. Отъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія въ Великороссіи до патр. Никона, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, весьма умножилось число священно и церковно-служителей недостойныхъ, нерачительныхъ, весьма мало просвѣщенныхъ: много было священниковъ почти безграмотныхъ. На все это горько жаловался, какъ извѣстно, еще въ XVI вѣкѣ, Геннадій архіепископъ новгородскій, въ первой половинѣ XVII вѣка старецъ Арсеній Глухой, патриархи: Іоасафъ I и Іосифъ. Приведемъ здѣсь только жалобу предшественника Никона, патр. Іосифа: «Видя», говоритъ онъ, «въ себѣ и въ другихъ множество всякихъ пороковъ, чистители іерей, приставники стражіе, дѣлатели винограда Божія не исправляютъ и не обличаютъ, область принѣше искореняти и насаждати, не лѣчатъ и не исправляютъ, и не пекутся и не постанутъ о Бозѣ ревнуя за истину, и іерейство держитъ каждо, тоцію временную потребу снабждаетъ, не усердуютъ о духовныхъ, чтобы получить мзду вѣчнаго живота, но паче печется о погибающихъ мечтѣхъ и чрева ради все творить и глаголетъ»⁵⁾. «По горо-

Павелъ пишетъ слѣдующее: „Въ Москвѣ многіе иконописцы переняли было живописать иконы на манеръ Франковъ и Полюковъ. Вельможы покупали иконы новой живописи. Патр. Никонъ, узнавъ объ этомъ, отобралъ оныя и издалъ указъ, что кто впредь будетъ живописать ихъ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію. Такія иконы, собранныя по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, зарыты были въ землю, а пишущіе въ духѣ новой школы, преданы анаѣмѣ и. Никонѣмъ и Макаріемъ“. П. М. Д. кн. 1 стр. LXVII.

¹⁾ Пам. моск. древ. кн. 11, стр. 199.

²⁾ Истор. обозр. финифтян. и ценн. дѣлъ въ Россіи, соч. Забѣлина.

³⁾ Снегирева, памяти. 1. LXIV.

⁴⁾ Тамъ же. LXIV.

⁵⁾ Поученіе къ духовному и мірскому чину. Ркн. Григоровича. Поученіе это, впрочемъ, не сочинено п. Іосифомъ, а только нѣсколько измѣнено, дополнено и предложено имъ, какъ подходившее къ нравственному состоянію духовенства и народа въ его время. Первоначальный составъ поученія — древній.

ъ и селамъ во множествѣ блуждали священники и діаконы безмѣстные и го безчинства чинили великіе»¹⁾. Патр. Никонъ не могъ терпѣть такой юрядочной жизни въ духовенствѣ. Стараясь привести въ уваженіе священный чинъ, онъ собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ всему овенству имѣть бдительный надзоръ надъ своею нравственностію, а къ адивымъ былъ взыскателенъ, къ непослушливымъ и злымъ, по словамъ биоописателя его, «яростію являшеся», и всякое нарушеніе церковнаго за обуздывалъ силою своей власти²⁾. Безмѣстныхъ священниковъ онъ терпѣлъ, строго воспрещалъ имъ бродить по городамъ и селамъ, п ста- ся совершенно прекратить ихъ умноженіе³⁾. Чтобы заставить священ- ковъ быть внимательными къ себѣ и своимъ обязанностямъ, онъ вы- шивалъ и безпристрастно удовлетворялъ справедливыя жалобы чело- чиковъ на духовныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей гудыхъ поступкахъ духовенства, даже изъ самыхъ отдаленныхъ епархій, юрочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священно-служителей строго яралъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, заключалъ въ тем- цы. Когда кто либо подавалъ Никону челобитную на священниковъ, юсилъ объ ихъ неисправностяхъ и худомъ поведеніи, то Никонъ велѣлъ ихъ поповъ «брать за приставовъ». Такъ въ Маѣ 1657 года Никонъ залъ къ костромскому воеводѣ, велѣдствие доноса священника ко- юмского собора на своеволие и безчиніе городскихъ и сельскихъ приход- ихъ поповъ костромской области: «которые попы въ городѣ Костромѣ зъ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородкахъ, протопопу костромского со- я съ братією учнутъ быть сильны, вѣчныхъ знамянъ по указу пла- гъ не стануть, и тыбъ ему протопопу съ братью на тѣхъ поповъ велѣлъ зать приставовъ, сколько человекъ пригоже»⁴⁾. По словамъ протопопа ронова, одна теща на зятя своего, попа Лаврентія, подала Никону че- йтную о томъ, что зять обокралъ ее. Никонъ за это виновнаго попа лалъ въ Іосифовъ монастырь. Воевода муромскій донесъ на тамошняго топопа, Логина, что онъ ругался надъ иконою Спасителя и Богородицы. конъ тотчасъ велѣлъ протопопа Логина «отдать за пристава». Черни- ского протопопа Михаила Рогова, издателя Кириловой книги, онъ про- ялъ и снялъ съ него скуфью за то, что тотъ, издавая Кирилову книгу, въ двоестрочіи не дѣломъ положилъ, что христіанамъ мученія не будетъ». оеволие монаховъ, злоупотреблявшихъ своимъ вотчиннымъ управленіемъ,

¹⁾ Грамота о учрежденіи поповскихъ старость и о церковномъ благочиніи въ севѣ, лѣта 7102 Іюня въ 1-й день. Врем. москов. общ. истор. книга XIV, смѣсь стр. 24

²⁾ Житіе Никона—Шушерина. Словарь М. Евгенія: о Никонѣ.

³⁾ Чтобы не было лишніхъ и безмѣстныхъ священниковъ, и чтобы въ точности ать число священниковъ, патр. Никонъ ввелъ точную ежегодную записъ о ставлен- лахъ, кто, гдѣ, кѣмъ и куда ставился въ священники. Такъ въ переписной книгѣ мовой казны патр. Никона, между разными переписными книгами, упоминаются: 165 (1655) года книга записная ставленникомъ, что ставилъ въ попы сербскіи митро- лить; 164 (1656) книга записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ; 165 (1657) ага записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ. Времен. моск. общ. истор. XV, матеріалы, стр. 81.

⁴⁾ А. И. IV, № 159.

онъ также строго обуздывалъ. Такъ въ 1664 году онъ писалъ властямъ иверскаго монастыря: архимандриту Филоею, намѣстнику іеромонаху Паисію и строителю іеромонаху Максиму съ братією: «Впредь отнюдь васъ жиѣнъ къ городской стѣнѣ не было бы... и на городню ходитъ впрѣдъ не велѣтъ: стыдно и слышать отъ стороннихъ людей, что всѣ стѣны города... Да мнѣ же новгородскіе дворяне честные (раненые), ѣдучи изъ полковъ, били челомъ и говорили, что де отъ насильства иверскихъ старцевъ житія не стало, многими де нашими землями завладѣли, а которые де нами старинные крѣпостные крестьяне и полоненики бѣгають, и тѣ живутъ въ ихъ монастырскихъ вотчинахъ, и въ монастырѣ ихъ они, вѣдаючи, держать; а кто побьетъ челомъ, не отдаютъ: да мы изъ того кровъ свою проливаемъ, а они де старцы живутъ, ни въ какую службу государю не помогаютъ. И буде впрѣдъ станете чужихъ крестьянъ или полоненковъ съ Москвы увозить, или бѣглыхъ принимать, а намъ будетъ про то вѣдомо, или кто будетъ челобитчикъ, и впрямъ про то сыщется: и вамъ за то будетъ жестокое смиреніе, и всѣхъ головами отошлю къ государю, а онъ великій государь учинитъ вамъ указъ противъ вашего непослушанія и плутовства... А буде нашего указу не послушаетесь и станете въ оплошку ставить, отпишу къ Великому Государю, чтобъ и вамъ какого дворянина добраго послать надсматривать всякаго худа» ¹⁾. Желая по крайней мѣрѣ въ Москвѣ окружить себя лучшимъ духовенствомъ, которое бы не противорѣчило его высокимъ пастырскимъ желаніямъ, онъ отрѣшалъ отъ мѣстъ старыхъ протопоповъ и поповъ, и на мѣста ихъ ставилъ новыхъ, по своему усмотрѣнію и выбору. Особенное, строгое вниманіе обратилъ онъ на выборъ ставленниковъ. Въ своей патріаршей области онъ началъ самъ лично и строго испытывать ставленниковъ. Въ то же время (около 1654 г.) онъ издалъ и разослалъ по епархіямъ «указъ о ставленникахъ, кому ставиться въ поны или въ діаконы, чтобы посадскіе люди, или въ волостѣхъ волостные люди приносили выборы и челобитье за руками; а выборы писали бѣ, что онъ грамотѣ умѣлъ и смиренъ, и церковному правилу искусенъ, и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ и не пьяница и не зерникъ, и не тать, и не разбойникъ и не душегубецъ, и креста на судѣ не цѣловать, и въ боярскомъ судѣ въ холопѣхъ и крестьянѣхъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ, по закону, на дѣвицѣ съ вѣнчаніемъ, а лѣты бѣ былъ въ 30 лѣтъ, а дьяконъ въ 25 лѣтъ; да сверхъ того выбору, чтобъ того дьячка отецъ его духовный свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ священства» ²⁾. Таковы, по понятію Никона, нужны были па-

¹⁾ А. II. т. 4 № 178. Достойнъ замѣчанія выговоръ Никона властямъ иверскаго монастыря за пристрастный ихъ розыскъ, по дѣлу объ обидѣ иконника Артемья монастырскими крестьянами: «Вы пишете про своихъ лишь, писалъ къ нимъ Никонъ, а его (иконника Артемья) кто билъ, про то никакого сыску нѣтъ, а сами свидѣтельствуєте, что билъ и гораздо билъ, а кто билъ того нѣтъ, кромѣ его распросныхъ рѣчей: а знамо то, мужики виноваты, зазвавъ въ гости, да стали подчивать, и нестать шить и они его начали бить, а вы его жъ сковали безъ ума (Ак. II. IV. № 179).

²⁾ Акт. Арх. Эксп. т. IV. № 331.

тыри для Русской церкви. И действительно Никонъ старался образовать акихъ пастырей. Для того онъ усердно изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщенія. Онъ, можно сказать, первый юстъ препода. Максима Грека раскрылъ богатые церковныя книгохранилища наши и библіотеки и привелъ въ движеніе съ XVI вѣка почти совершенно остановившуюся въ великороссійской церкви церковно-письменную дѣятельность. «Кгда богоизбранный и христілюбивый и премудрый сей великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ Московскій и всея Великія и Малыя Россіи», читаемъ въ предисловіи къ служебнику 1655 года, «воли Божіей и царскому и всего священнаго собора прошенію повинуся и на престолъ великія и святыя церкви возшедь, не иныхъ мірскихъ богатыхъ касается разсмотрити, но яже надлежитъ пастыреви, яко же глаголетъ божественный апостолъ: подобаетъ епископу безъ порока быти, яко Божію строителю, пособствующу по вѣрнѣмъ словеси ученія, да силенъ будетъ утѣшати въ здравѣмъ ученіи и противящіяся обличати. И сія внушивъ, упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранилищу, со многимъ трудомъ, мнози цю въ разсмотрѣніи положи» ¹⁾. По своему многообъемлющему уму и по всей обширной начитанности нашедши патріаршую книгохранилищу недостаточною для церкви русской, онъ обратился за церковными книгами къ первоначальному источнику нашего церковнаго просвѣщенія, къ церкви греческой. На востокъ посланъ былъ за книгами іеромонахъ Арсеній Сузановъ. И пріобрѣтеніемъ книгъ на востокѣ наша церковная письменность богатилаcь множествомъ греческихъ рукопис. книгъ, писанныхъ на пергаментѣ и бумагѣ съ X до XVII вѣка. Въ то же время собраны были въ Москву древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ изъ новгородскихъ монастырей, изъ Кирилло-Бѣлоозерскаго, изъ Троицко-Сергіева, изъ Волоколамскаго, изъ казанскихъ и другихъ, всего изъ 39 монастырей ²⁾. Между церковными книгами собраны были также и книги необходимыя или полезныя для гражданскаго просвѣщенія Россіи. Никонъ не чуждался и того ³⁾. Для изданія и распространенія книгъ, онъ приглашалъ въ Москву юстойныхъ дѣятелей церковнаго просвѣщенія—ученыхъ иноковъ юга: на великороссійское духовенство онъ не полагался, потому что въ немъ даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухова, много было такихъ, «кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ не разнествовали отъ невѣжды и поселянина». Еще при патр. Іосифѣ, по вліянію Никона, какъ ближайшаго и просвѣщеннѣйшаго совѣтника и друга

¹⁾ Строева, опис. Царскаго, II, стр. 148. 149.

²⁾ Снегирева, Памят. М. Др. II, стр. 179. Прежде всего указомъ патр. Никона отъ 11 Января 1661 (1553 г.) вытребована была опись книгамъ степенныхъ монастырей, на тотъ конецъ: «чтобы было вѣдено, гдѣ которыя книги взяты, книгъ печатнова была исправленія ради». По этой описи значится этихъ книгъ 2673. Библиограф. статья—Ундольскаго.

³⁾ Въ переписной книгѣ домової казны п. Никона, въ библіотекѣ его описано болѣе 1000 томовъ, въ томъ числѣ много греческихъ и латинскихъ печатныхъ и письменныхъ, и на бумагѣ и на пергаментѣ.

царя Алексѣя Михайловича, приглашены въ Москву ученые иноки кіево-печерской лавры: Елифаній Славеницкій, мужъ, по тогдашнему времени, весьма ученый, хорошо знакомый съ греческою и латинскою словесностію, старцы Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій. Сдѣлавшись патріархомъ всероссійскимъ, Никонъ не переставалъ призывать просвѣщенныхъ иноковъ юга. Собравши так. обр. около себя просвѣщенныхъ иноковъ, преданныхъ его духовно-ученымъ стремленіямъ, патр. Никонъ устраивалъ въ Москвѣ духовныя училища. По свидѣтельству Мейерберга онъ, для искорененія невѣжества, открылъ въ Москвѣ училища языковъ латинскаго и греческаго ¹⁾. Патріаршее училище въ Чудовѣ монастырѣ, основанное прежде него, около 1633 года, — при попеченіи Никона получило новую жизнь и подкрѣпленіе. Главнымъ начальникомъ въ немъ патр. Никонъ сдѣлалъ Елифанія Славеницкаго. Въ то же время онъ поддерживалъ духовное училище св. Андрея, устроенное, по всей вѣроятности, по его вліянію, другомъ его, бояриномъ Ѳ. М. Ртищевымъ, близъ Москвы. Въмѣстѣ съ симъ патр. Никонъ умножалъ и улучшалъ типографіи для изданія и распространенія духовныхъ книгъ по церквамъ. Такъ, еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, онъ въ 1650 году завелъ типографію въ новгородскомъ Хутиѣ-монастырѣ. Потомъ, когда возведенъ былъ въ патріаршество, перевелъ изъ упраздненнаго тогда въ Бѣлоруссіи Оршанскаго кутейнскаго монастыря тамошнюю типографію въ Иверскій монастырь. Первая, напечатанная въ иверскомъ монастырѣ (въ 1658 г.) книга, была учебный часословъ; другая въ слѣдующемъ 1659 г., для назидательнаго чтенія — Стефана Святоторца: «мысленный рай», съ присовокупленіемъ исторіи объ основаніи иверскаго монастыря ²⁾. Но особенно Никонъ улучшилъ и возвысилъ московскую типографію, московскій печатный дворъ, этотъ, можно сказать, главный въ то время разсадникъ церковнаго просвѣщенія. Разсѣявъ невѣжественныхъ справщиковъ книгъ, собравшихся и составившихъ на печатномъ дворѣ при патр. Іосифѣ, по словамъ Игнатія, м. тобольскаго, злое сонмище, насѣявшее столько плевелъ въ нѣдрахъ русской церкви, патр. Никонъ образовалъ на московскомъ печатномъ дворѣ изъ ученыхъ иноковъ юга благонамѣренное и православно-ученое духовно-цензурное общество, подъ начальствомъ Елифанія Славеницкаго. Но Никонъ самъ непосредственно наблюдалъ за всѣмъ на печатномъ дворѣ и каждая книга и назначалась къ изданію и выходила въ свѣтъ по его непосредственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ патр. Никонъ,

¹⁾ Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, изд. Аделунгомъ см. 251.

²⁾ М. Евгения, Словарь о духовн. писателяхъ, въ ст. Іоаннъ Федоровъ, діаконъ гусситск. церкви въ Москвѣ, стр. 271, 272. Ист. Іер. гл. IV, стр. 246. По словамъ архим. Аполлоса, въ иверской типографіи напечатаны были сочиненія самаго Никона: «сказаніе о иверскомъ монастырѣ на св. Аѳонской горѣ и портыянской иконѣ; окружное посланіе или поученіе къ духовнымъ и мірскимъ всякаго чина и состоянія людямъ; посланіе или окружная грамота о созданіи онежскаго крестнаго монастыря; канонъ молебень о соединеніи вѣры православныя и молебное пѣніе о умирненіи церкви съ восточныя. Аполл. стр. 22. Здѣсь же напечат. была въ 1661 г. псалтырь съ канонами, въ 1662 г. двѣ псалтири брачныя.

жно сказать, первый послѣ препод. Максима Грека ввелъ у насъ благодѣйный способъ цензуры или рецензій церковныхъ книгъ. Главный, существенный недостатокъ рецензій церковныхъ книгъ, отъ котораго и происходили при прежнихъ патріархахъ неудачи исправленія книгъ, заключался именно въ томъ, что при исправленіи ограничивались однѣми только славянскими рукописями, и то не всегда древними, и весьма несправными,— съ греческими же рукописями почти никогда не случали славянскихъ. Патр. Никонъ понялъ, что исправить славянскія церковныя книги иначе и нельзя, какъ сличивши ихъ съ подлинными греческими книгами и съ древнѣйшими славянскими. По сему онъ ввелъ въ московскую типографію рецензію греческую и древле-славянскую. Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ усовершенствованіи патріарха Никона, именно возобновленіи въ великороссійской церкви живой, церковной проповѣди. До него на сѣверѣ не слышно было живой проповѣди. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка Іовій писалъ, что Москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей ¹⁾. Потомъ въ началѣ XVII вѣка, около 1600 г., Маржеретъ тоже говорилъ, что «въ Россіи въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ» ²⁾. Патр. Никонъ уничтожилъ тотъ обычай. Одаренный отъ природы силою и увлекательностію слова, обладая обширными познаніями священнаго писанія, церковной исторіи и в. отцевъ, п. Никонъ самъ по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, при совершеніи божественной литургіи, всегда сказывалъ поученія, слушать которыхъ охотно стекались многіе, даже изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, и часто слушали со слезами ³⁾. Онъ благословилъ также произносить проповѣди и просвѣщеннаго Епифанія, и Епифаній произносилъ. Но разрѣшая называть проповѣди такимъ благонадежнымъ, просвѣщеннымъ людямъ, какъ Епифаній, навывкшій къ сочиненію и сказыванію проповѣдей еще а югѣ, гдѣ въ это время была даже особая должность проповѣдника, Никонъ не довѣрялъ высококачественнаго дѣла церковной проповѣди духовенству великороссійскому, которое въ то время было весьма мало образовано. Такъ, когда муромскій протопопъ Логинъ, а по примѣру его и другіе муромскіе священники стали говорить проповѣди, не представляя ихъ на экзаменъ, патр. Никонъ запретилъ имъ это и строго наказалъ ихъ за самовольное проповѣданіе, и подтвердилъ въ церквахъ читать народу только поученія св. отцевъ, издревле переведенныя на славянскій языкъ, въ которыхъ до того времени уже напечатанныя особыми книгами подъ названіемъ Соборниковъ, Маргаритовъ, Бесѣдъ и проч. ⁴⁾.

¹⁾ Библиот. иностран. писат. о Россіи, кн. I, отд. IV, стр. 43. Герберштейнъ: *Doctores, quos sequuntur, sunt: Basilius Magnus, Gregorius et Ioannes Chrisostomus: quem laeunt Slatoustia, id est. aureum os. Concionatoribus carent. Satis esse putant interfuisse scriptis, ac Evangelii, epistolarum, aliorumque doctorum verba, quae vernacula lingua sapientius, audivisse: ad hoc, quod varias opiniones ac haeresees, quae ex concionibus plerumque oriuntur, sese effugere credunt etc.* Ber. Mosc. Comment, p. 42. То же говорятъ бывшіе въ Россіи въ первой половинѣ XVII в. иностранцы.

²⁾ Сказан. соврем. Дим. самозв. III, стр. 26.

³⁾ Шустеринъ, Чтен. моск. общ. истор. гл. III, № 5 „Никонъ“.

⁴⁾ Логинъ въ словарѣ м. Евгенія.

Такія исправленія и измѣненія совершалъ въ церкви Никонъ въ то время, когда въ большей части духовенства и почти во всемъ народѣ рускомъ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ всякаго рода преобразованій и нововведеній, тѣмъ болѣе противъ нововведеній и исправленій въ церкви. Большая часть духовенства убѣждена была, что церковная старина русская ни въ чемъ непогрѣшима и неизмѣнна, «не точи въ вѣрѣ но ни въ малѣйшей, чертицѣ канононъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву азъ». Самъ престарѣлый патр. Іосифъ былъ ревностный приверженецъ и защитникъ старины. Такъ ему весьма не нравилось, когда Никонъ, будучи еще митрополитомъ въ Новгородѣ, началъ вводить въ тамошнихъ церквахъ партесное пѣніе и внятное, раздѣльное чтеніе, и, часто пріѣзжая въ Москву, всякій разъ служилъ въ придворной церкви, въ присутствіи самого государя, съ своими новыми, кіевскими пѣвчими и по новому порядку пѣнія и чтенія. «На сіе (превеліе прилежаніе Никона до пѣнія и добраго порядка) благочестивый царь зря», говоритъ жизнеописатель Никона, «и нача онъ великій государь о единоголасномъ и нарѣчномъ пѣніи въ церквахъ прилежати и учрежденіе творити, ему же въ семъ благоначинаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ, а святѣйшій Іосифъ, патр. Московскій за обыкновеніе тому доброму порядку прекословіе творяше, и никако же хотѣ оное древнее неблагочиніе премѣнити» ¹⁾. Престарѣлый патриархъ высказывалъ свое неудовольствіе даже въ слухъ своихъ приверженцевъ—протопоповъ и поновъ, которымъ онъ исполнилъ ввѣрилъ книгопечатный дворъ. Такимъ образомъ эти неблагомыслящіе и неблагонамѣренные протопопы и попы, неблагопріятными отзывами патр. Іосифа о церковныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ Никона еще болѣе и заранѣе предубѣждены были противъ послѣдняго и противъ тѣхъ исправленій и усовершеній, какія Никонъ долженъ былъ ввести въ русской церкви. Потому они заранѣе, еще при патр. Іосифѣ, стали предостерегать народъ отъ всякихъ переменъ и нововведеній въ церкви. Это предубѣжденіе противъ всякихъ церковныхъ исправленій еще болѣе усиливалось тѣмъ, что послѣ смуты Уніи и самозванства у насъ особенно опасались отпаденія отъ древне-церковнаго православія и вторженія въ церковь русскую латинства, папства. А суевѣры, кромѣ того, какъ-бы смутно, инстинктивно предчувствуя по духу времени приближеніе эпохи совершеннаго преобразованія Россіи, ждали еще скорого наступленія царства антихристового. Это безотчетное, суевѣрное опасеніе породило частію религіозныя волненія въ Малороссіи во время Уніи и усилившіяся въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка покушенія папы обратить и Великороссію къ католицизму, частію страшныя смуты и потрясенія въ Великороссіи во время самозванства и междоусобицы и почти постоянныя войны съ Польшею и Швеціею, частію умноженіе на сѣверѣ Россіи выходцевъ изъ Польши, Литвы, Швеціи и другихъ западныхъ

¹⁾ Шумаринъ въ житіи Никона.

странъ и распространеніе вѣрованій и обычаевъ латинскихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ. Легкомысленные, неразсудительные русскіе люди видѣли въ этомъ послѣднія времена, признакъ паденія древне-русской православной вѣры и скорого пришествія антихриста. Въ сборникахъ того времени ¹⁾ помѣщались и распространялись статьи объ антихристѣ, гдѣ по апокалипсису вычислялось время пришествія антихриста, и время это, по недалковидному счету суевѣровъ, падало именно на то время, когда должны были начаться въ церкви русской и въ русскомъ государствѣ исправленія. Въ книгѣ о вѣрѣ, напечатанной при патр. Іосифѣ, книжники русскіе читали такое предостереженіе: «по тысячѣ лѣтъ отъ воплощенія Сына Божія Римъ отпаде отъ восточной церкви; въ 595 лѣто по тысячѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе оторваніе христіанъ отъ церкви. Оберегая сіе пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да чтобы отъ прежнихъ винъ зло нѣкако и намъ не пострадати». Еще до патріаршества Никона и до исправленія имъ книгъ пущена была въ народъ какая-то книга «Орелъ отъ ездриныхъ книгъ, «въ ней же, по словамъ суевѣровъ, писано явно, при которомъ царѣ и патріархѣ превращена будетъ вѣра въ Москвѣ» ²⁾. Во время самыхъ исправленій патр. Никона суевѣры распространяли разные толки и лжемистическія вычисления по апокалипсису, дѣлали напр. такія вычисления: «5733 Христосъ нашего ради спасенія во адъ сошеде и связалъ сатану на тысящу лѣтъ и какъ минуло 1733, тогда пущень бысть, и тому 837, съ нынѣшнимъ 167, а егда исполнится отъ развѣзанія 666, (не гли) тогда явится власть сына погибели, иже апокалипсисъ указываетъ» ³⁾. Въ то время, какъ одни предубѣждены были противъ исправленій Никона, съ ложно-религіозной точки зрѣнія, находя ихъ противными древне-церковной православной русской старинѣ, другимъ, особенно духовенству, весьма не нравились исправленія и нововведенія Никона съ практической точки зрѣнія, потому что полагали предѣлъ своеволю, безпечности, и грубому невѣжеству большей части духовенства, привыкшаго въ безпорядкахъ церковныхъ жить по своей волѣ. Въ этомъ отношеніи большая часть духовенства вообще тяготилась образомъ управленія патріарха Никона. Потому что управленіе его по строгости въ отношеніи къ духовенству рѣзко отличалось отъ управленія предшествовавшихъ патріарховъ, особенно патр. Іосифа, также какъ строгій характеръ Никона рѣзко отличался отъ характера прочихъ патріарховъ. Предшествовавшіе патріархи, хотя и признавали необходимость нравственнаго исправленія духовенства, но никто изъ нихъ не приступалъ рѣшительно, энергически къ самому дѣлу исправленія. Они иногда даже болѣе поощряли духовенству. Такъ одинъ современникъ ⁴⁾ говоритъ о патріархѣ Филаретѣ: «боляръ же и всякаго сана царскаго синклита зѣло томяше частыми не-

¹⁾ См. напр. Строева опис. рукоп. Царскаго, по указат. подъ словомъ „антихристъ“. Факты на эту мысль будутъ приведены въ другомъ мѣстѣ настоящаго объясненія.

²⁾ Письма Нероссова—рук. библ. Казан. Дух. Академіи.

³⁾ Опис. Русск. Муз. стр. 550.

⁴⁾ Въ Хронографѣ митропол. Пахомія 1639 г.

обратными и иными наказаниями: къ духовному же сану милостивъ былъ. А о патр. Іосифѣ, митроп. тобольскій Игнатій прямо говоритъ, что ему «ввѣрились окружавшіе его протопопы и попы, и самъ онъ ничто же не чашеся». Между тѣмъ большая часть духовенства привыкла жить по своей волѣ, бродить съ мѣста на мѣсто, безнаказанно нарушать порядокъ и чинъ церковный: акты XVII вѣка исполнены жалобъ на это. Кромѣ того и малая часть духовенства, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ нашего сочиненія, обнаруживала даже явный духъ противленія и самоуправства и даже явное стремленіе освободиться отъ власти и суда архіерейскаго. Въ XVII вѣкѣ, предъ временемъ раскола, неоднократно случалось, что низшее духовенство иногда цѣлой области или нѣсколькихъ уѣздовъ не хотѣло подчиняться своему архіерею, усиливалось освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ суда митрополичьяго или епископскаго. А иногда являлись, еще до раскола, такіе священники, которые проникнуты были уже явно раскольническимъ духомъ непокорности и самоуправства, питали «гордость—высокую мысль» и презирали архіерейское благословеніе ¹⁾. При такомъ нравственномъ направленіи и самоуправствѣ духовенства, послѣ слабаго надзора за нимъ при предшествовавшихъ Никонову патріархахъ, особенно послѣ большой поблажки патр. Іосифа сильной сторонѣ духовенства окружавшаго престарѣлаго святителя, понятно, какъ тяжкимъ казалось необыкновенно—строгое управленіе и. Никона, строгій, внимательный надзоръ его за нравственностію духовенства, строгія, рѣшительныя мѣры его для обузданія своеволія и неблагопріистой жизни духовныхъ. Глубоко проникнутый сознаніемъ высокаго достоинства и значенія патріаршей власти и своего назначенія, имѣя строгій, высоконравственный характеръ, Никонъ не могъ терпѣть грубыхъ пороковъ духовенства, сильно раздражался, когда узнавалъ о проступкѣ какого либо духовнаго лица: «нетерпѣливъ я, не могу терпѣть того, что противно Господу», — такъ сознавался онъ самъ ²⁾, и потому, при вспыльчивомъ сердцѣ и высоконравственномъ, твердомъ до суровости и непреклонности характерѣ, иногда въ самомъ дѣлѣ былъ уже слишкомъ строгъ, тяжелъ для духовенства: казался ему вторымъ папою. Это возбуждало въ духовенствѣ страхъ и ропотъ. Имя Никона было грозно, и для многихъ ненавистно. Духовные, подвергавшіеся справедливой строгости его, съ злобой говорили другъ другу: «знаете ли кто Никонъ: звѣрь ли лютой, или левъ, или волкъ». Множество было недовольныхъ въ духовенствѣ строгимъ управленіемъ Никона и желавшихъ свергнуть его. Озлоблены были на него тѣ протопопы и попы, которыхъ онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ, и на мѣста которыхъ поставилъ новыхъ. Недовольны были, конечно, и многіе изъ ставленниковъ, потому что Никонъ самъ лично и весьма строго испытывалъ ихъ и недостойныхъ не посвящалъ въ священный санъ. Ненавидѣли Никона и тѣ изъ духовенства, которые строго наказаны были имъ за свои

¹⁾ См. напр. А. А. Э. т. 3. № 198. № 123. А. И. т. 5. № 75.

²⁾ Главнѣйшій объ немъ говоритъ: Homo vates et a natura callidi ingenii. Прим. 130 въ Аделунговомъ издан. Мейерберга.

проступки и пороки, заключаемы были въ тюрьмы въ цѣпяхъ и колодахъ, или сосланы въ монастыри на смиреніе и въ заточеніе. Особенно весьма многихъ соблазняла свобода духа, съ какою Никонъ измѣнялъ, уничтожалъ старые суевѣрные обычаи и вводилъ новые, разумно-благочестивые: за это, по словамъ Мейерберга, всѣ ненавидѣли, всѣ желали изгнанія его ¹⁾. Но всѣхъ болѣе озлоблена была на него самая сильная сторона низшаго духовенства, тѣ протопопы и попы, которые, еще при патріархѣ Іосифѣ, какъ мы видѣли, предубѣждены были противъ него, и теперь еще болѣе озлоблены были на него за то, что онъ съ безчестіемъ согналъ съ книгопечатнаго двора, строго наказалъ за распространеніе въ Россіи раскольническихъ мнѣній и вмѣсто ихъ поставилъ просвѣщенныхъ иноковъ кievскихъ и старца Арсенія Грека.

При такомъ настроеніи умовъ, при этомъ почти общемъ недовольствѣ духовенства управленіемъ Никона и предварительномъ, фанатически-суевѣрномъ предубѣжденіи почти всего народа противъ церковныхъ исправленій, еще болѣе усиленномъ и распространенномъ неблагонамѣренными справщиками, слѣдовало только возстать кому-либо изъ недовольныхъ Никонѣмъ въ духовенствѣ или въ народѣ,—и расколъ неминуемо долженъ былъ возникнуть. И вотъ прежде всѣхъ возсталъ сильная сторона низшаго духовенства — извѣстные уже намъ протопопы и попы, которые ближе всѣхъ стояли къ Никону и прежде всѣхъ испытали на себѣ справедливую строгость его патріаршей власти. За ними возстали многіе изъ низшаго духовенства, сначала въ Москвѣ, а потомъ и по разнымъ городамъ и селамъ. «Мнози отъ священнаго чина, по словамъ исторіографа раскольническаго Денисова, явственно воспротивилися Никону въ новоперемѣнахъ» ²⁾. Изъ исторіи первоначальнаго распространенія раскола примѣчаемъ, что почти вездѣ первые, главные расколочальники были изъ духовенства,—протопопы, попы, архимандриты и простые иноки. За духовенствомъ уже возставалъ народъ. «Имъ же возбужденный и того ради ихъ (первыхъ расколочальниковъ - протопоповъ) лжесловія», говорили отцы собора 1667 года, «священники вознерадѣша о всякомъ церковномъ благочестіи и благочиніи, и книгъ новопечатныхъ, яже печаташася при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и послѣ его отшествія, начаша гнушати... И такового ради священническаго многаго невѣжества и нерадѣнія о врученнѣмъ Христовѣ стадѣ и неприлежанія дѣлѣ и непеченія о церковномъ всякомъ благочиніи и растлѣннаго ради и безчиннаго и запойственнаго житія. мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы; могущіи же по

¹⁾ Народу сказали (враги его), говоритъ Мейербергъ, что введеніемъ во вновь учрежденныхъ имъ школахъ ученія греческаго и латинскаго языковъ, измѣненіемъ разныхъ церковныхъ обрядовъ, строгостію, съ какою возставалъ противъ разныхъ обычаевъ народа и многими другими новизнами онъ старается потрясти православную вѣру. Сими способами умѣли навлечь на него всеобщее негодованіе". Мейерб. въ изд. Аделунга, въ рус. перев. стр. 251. *Suspiciosus Moschovitarum animis et priscae consuetudinis tenacibus haud obscura conceptae in religionis dogmatibus innovationis indicia simulaverat.* 16. прим. 151.

²⁾ Виноградъ Россійскій.

домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ, безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго, инѣи же изъ тѣхъ священниковъ мнози не патріарши области, но иныхъ епархій, и мнози подъ запрещенными и изверженными оставльше своего архіерея, служатъ по домамъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, угождающе непокорникомъ святѣя восточныя церкви и нехотяще слушати въ церквахъ гнѣнія» ¹⁾. «Не мы сами разлученіе отъ церкви содѣяхомъ», говоритъ исторіографъ раскольниковъ Денисовъ, «но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отцовъ соловецкія обители, священніи протопопы, пресвитеры и прочіи церковнаго причта, пустыннѣи иноцы и прочіе многочисленнѣи крестіане російскаго царствія, бывшии во времена Никона, патріарха московскаго, иже въ древле-церковномъ благочестіи устоявшии».

Что же особенно взволновало духовенство и народъ, какой первоначальный источникъ раскола, и почему прежде всего возстало духовенство? Вслушиваясь терпѣливо, безпристрастно въ признанія самыхъ первыхъ расколочающихъ, въ ихъ протесты и жалобы, мы находимъ, что первоначально два главныхъ начала руководили оппозиціей возставшаго противъ патр. Никона духовенства и народа. Первую причину, подвигнувшую къ возстанію собственно духовенство, со всею ясностію раскрылъ одинъ изъ главныхъ расколочающихъ, протопопъ Нероновъ. Въ 1654 годъ онъ писалъ въ письмѣ къ царскому духовнику, протопопу Стефану Вонифатьеву, «своему союзнику», какъ онъ называетъ его, отъ лица своей братіи, прочихъ протопоповъ и поповъ, — своихъ единомышленниковъ: «вѣсть наша брань къ плоти и крови, вѣсть вседержитель, владыка Христосъ, но азъ облазнихся и братія, т. е. прочіе протопопы и попы, о патріархѣ не вѣры бо отпадохъ, но облазнихся, яко патріархъ мучительскій санъ на ся воспріять, и братію церковныя уды мучить, поруганія надъ ними творить, овыхъ убо остриже, овыхъ прокля... Разсмотри добръ, превозделѣние, себе ли ради то гворю? Не буди то: но церкви ради и братіи, и въ лѣпоту ти къ подвигу мя поощрати. А еже намъ быти у него, патріарха, въ послушаніи и безъ разсужденія не прекословити ни въ чемъ, самое беззаконное се дѣло... А еже реклъ еси, яко Никонъ патріархъ ожидаетъ отъ насъ прощенія и истиннаго покаянія, долженъ убо самъ той просити отъ насъ прощенія. А еже реклъ еси, о возлюбленне, яко Царь Государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу, не буди ему Государю тако мудрствовати». Потомъ, по возвращеніи изъ заточенія въ Москву, протопопъ Нероновъ еще яснѣе объяснилъ лично самому патріарху Никону эту же причину своего возстанія: «со вселенскими патріархами», говорилъ онъ Никону, «нѣсмь противень, яко же глаголеси ты: но тебѣ единому непокоряюся... мы тебѣ противны въ церковныхъ вещѣхъ. Патріархи тебѣ писали, что креститися тремя перстами подобаетъ, непокорящихся же подъ клятвою и запрещеніемъ устроить заповѣдаша: аще ты съ ними соглашался, азъ сему не противень; азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быти не хочу: да кая тебѣ честь, владыко святѣй, что всякому еси стра-

¹⁾ Дополн. къ А. Ист. т. 5, стр. 459, 460.

пень, и другъ другу грозя глаголютъ: знаете ли кто ты, звѣрь ли лютой, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся: государевы-царевы власти уже не слышать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны, и никто же съ ними смѣетъ глаголати что; аще силою тѣ озлобляеми кѣмъ, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха? Не знаю, который образъ или званіе пріять еси. Такъ ты и черниговскаго протопопа Михаила проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ за то, что онъ въ книгѣ Кирилла іерусалимскаго не дѣломъ положимъ въ двоестрочіи, что христіанамъ мученія не будетъ». Въ писемѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, писанномъ изъ заточенія въ 1654 г., Нероновъ также прямо высказываетъ, что онъ стоитъ за свою братію — наказанныхъ Никономъ виновныхъ протопоповъ и поповъ, ратуетъ противъ того, что напр. Никонъ слишкомъ строго судитъ и наказываетъ духовенство. Но особенно ясно выразился духъ возстанія, оппозиціи первыхъ расколочальниковъ духовныхъ противъ п. Никона на соборѣ, созванномъ Никономъ въ 1653 или 1654 году, въ патріаршей крестовой палатѣ, изъ низшихъ духовныхъ властей — архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, по случаю суда надъ муромскимъ протопопомъ Логиномъ, вслѣдствіе доноса на него муромскаго воеводы. Здѣсь протопопъ Нероновъ и другіе его товарищи горячо заступались за Логина и сильно, даже грубо упрекали Никона за то, что онъ слушалъ всѣ доносы на духовенство. Никонъ, какъ передаетъ Нероновъ, предъ лицомъ собора, сказалъ: «я, кромѣ Евангелія, ни почему не сужу». А протопопъ Нероновъ возразилъ ему: «во святомъ Евангеліи написано: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, а тебѣ кто и добра хочетъ, а ты тѣхъ ненавидишь; а кто тебѣ огласитъ кого, хотя за пять сотъ верстъ, или за тысячу, и ты вѣру имешь, послушавъ клеветы: такъ де они дѣлають, такіе де нечестивые, а Стефанъ де протопопъ и Іоаннъ имъ ворами потакають. Ты развѣ тамъ самъ былъ, своими очами видѣлъ, что такъ извѣщаешь на соборѣ». Патріархъ на этотъ дерскій упрекъ отвѣчалъ: «я сужу по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ». Протопопъ Нероновъ возразилъ: «въ правилахъ написано: клеветникамъ вѣры не яти, а сыскавъ истинными свидѣтелями клеветниковъ, наказанье чинити имъ безъ пощаденія. А тебѣ клеветники въ явѣ клевету на добрыхъ людей, а ты имъ вѣру имешь. Вотъ въ то время былъ крестовый протодіаконъ Григорій съ своими совѣтниками, Божій страхъ забывъ, многими укоризнами меня укорялъ, будто жена моя неистова, а сынъ мой будто у чудотворнаго образа казанскія Богородицы серьги укралъ, а тѣ де серьги прикладъ государыни царицы, и ты говоришь: такіе де вы воры. Такіе у тебя нынѣ въ крестовой палатѣ на соборѣ совѣтники». Возставая противъ того, что п. Никонъ слушалъ всякіе доносы о худыхъ поступкахъ духовенства и окружилъ себя особыми надзорщиками надъ его поведеніемъ, Нероновъ возставалъ также и противъ того, что строгій патріархъ отрѣшалъ отъ мѣстъ и почетныхъ должностей прежнихъ протопоповъ и поповъ, и на мѣста ихъ ставилъ новыхъ, и что онъ не уважалъ голоса московскихъ протопоповъ и поповъ, а слушалъ совѣты «чужестранныхъ», какъ онъ выражается, т. е. кievскихъ иноковъ и Арсенія Грека. Здѣсь высказывается личное оскорбленное самолюбіе

Неронова и его братіи—единомышленниковъ, бывшихъ до того великими и влиятельными московскими протопопами и занимавшихъ почетныя въ то время должности справщиковъ книгъ на печатномъ дворѣ. «Прежде сего»,—говоривалъ онъ лично самому Никону,—«ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ, и любезно о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, а которые боголюбцы посланы государемъ блаженныя памяти къ патр. Іосифу, чтобы ему поставить по его государеву совѣту, овыхъ въ митрополиты и въ архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословишь нигдѣ, и на поставленіи ихъ не говоришь анаксіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, и протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь: до селѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ. А кои ты раззорилъ, на ихъ мѣсто построилъ иныхъ; а коихъ ты отставилъ, вины на нихъ положишь, что они людей мучатъ, «такъ де ненадобно дѣлать», говоришь. Властемъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь, потому что государь тебѣ волю далъ». Заступаясь такъ открыто, ясно за братію—отрпшенныхъ отъ книгопечатнаго двора справщиковъ и вообще за вольность всего низшаго духовенства, Нероновъ, также какъ и прочіе товарищи его, возставалъ въ тоже время противъ новыхъ замѣнившихъ ихъ ученыхъ сотрудниковъ Никона—кіевскихъ иноковъ и ученаго Грека Арсенія. «Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ пріемлешь», говорилъ онъ Никону: «нынѣ у тебя то и святые люди: Гречане и изъ малыя Руси и порочный Арсеній Грекъ, котораго благочестивый царь сослать въ соловецкій монастырь, совѣтовать съ бывшимъ прежде тебя патр. Іосифомъ, а ты его взялъ изъ соловецкаго монастыря и устроилъ того, яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя». Напрасно Никонъ говорилъ ему въ защиту просвѣщеннаго старца Арсенія Грека, что на него несправедливо наклеветалъ по ненависти старецъ Арсеній Сухановъ. Неронову досадно было видѣть на прежнемъ своемъ мѣстѣ и на мѣстахъ своихъ товарищей, великороссійскихъ протопоповъ, Арсенія Грека и кіевскихъ иноковъ. Онъ жаловался царю: «нынѣ онъ, Арсеній Грекъ, взятъ къ Москвѣ и живетъ у п. Никона въ келліи, да и Никонъ его свидѣтеля врага представляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельствомъ отмѣняетъ. Охъ, увы! благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни одну отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотятъ и сложенію перстовъ блядословно противятся, на колѣни же поклонитися Господеву отъ покоя ради не хотятъ». Точно также и протопопъ Аввакумъ и Ѳеодоръ дьяконъ протестовали противъ Арсенія Грека и кіевскихъ иноковъ, досадуя на то, что Никонъ предпочелъ послѣднихъ имъ. И такъ изъ всѣхъ

ихъ жалобъ и протестовъ первыхъ расколочальниковъ ясно открывается печальная, но строгая, безпристрастная историческая истина, что первоначально, при Никонѣ, расколъ возникъ въ духовенствѣ изъ чисто духовно-иерархическаго начала, изъ стремленія весьма значительной части низшаго духовенства освободиться главнымъ образомъ изъ подъ власти, суда управленія, по ихъ мнѣнію слишкомъ строгаго п. Никона, казавшагося зшему духовенству вторымъ папою. Вотъ почему коренной, основной инципъ раскола и особенно его первоначальной проповѣди по годамъ и селамъ составляетъ ненависть къ п. Никону. Духовный клерикальный или религіозный демократизмъ—вотъ первая ближайшая, первоначальная причина происхожденія раскола именно отъ низшаго духовенства.

Другая причина, почему не только духовенство, но и народъ такъ фанатически взволновался и возсталъ противъ новаго церковнаго порядка, введеннаго Никономъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ религіозномъ направленіи умовъ и понятій вѣка, которое мы выше показали. Именно—въ томъ мистико-религіозномъ заблужденіи, что реформа Никона была начало давно ожидаемаго отпаденія великороссійской церкви, въ вѣдъ за Малороссією и древнимъ Римомъ, отъ православія къ латинству, этому, по убѣжденію русскихъ XVI и XVII вѣковъ, антихристову учению, начало того самаго отпаденія, какое предсказано было въ книгѣ о рѣ, и которое, по апокалипсическимъ вычисленіямъ книжниковъ того вѣка, падало на время между 1660 и 1666 годами. Что именно это жюно-религіозное, суевѣрно-мистическое мнѣніе вѣка главнымъ образомъ одушевляло первоначально суевѣрный народъ къ возстанію, это опять же видно изъ всѣхъ возгласовъ и фанатическихъ воплей первыхъ раскольниковъ. «Вся сія быша», вопіяли они всѣ единогласно, повторяя одно и то же, «да сбудется писаніе, яко по тысячѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же ига о вѣрѣ глаголетъ, и по 600 лѣтѣхъ малая Русь отступи къ Риму, по 60 лѣтѣхъ и великая Русь превратится въ разная нечестія и пероры многи»¹⁾. «Никонъ, кричали изуверы, совершенно остави вѣру истинскую и возлюбил ересь бого-отметную римскую и равенъ есть патрѣхъ съ папою Петромъ Гугнивымъ еретикомъ, яко христонменную вѣру всемъ съ латыною соедини, и лавный есть христіанъ гонитель и палежій ревнитель»²⁾. Одно за другимъ появлялись сочиненія объ антихристѣ прилагались къ Никону и его великимъ дѣламъ, такъ какъ и папу зывали антихристомъ, а слугъ и проповѣдниковъ его—проповѣдниками

¹⁾ Собр. соч. и писемъ первыхъ расколочальн. ркп. Каз. Д. Акад.

²⁾ Допол. къ Акт. истор. V, стр. 449. Въ одной новой повѣсти о Никонѣ тоже держится, что онъ „едино точію въ разумѣ имѣлъ—древнее отеческое благочестіе требити, а инославное римское нечестіе утвердити“. Эта мысль общая въ расколѣ. развивали Аввакумъ, Денисовъ и другіе расколочители. Въ книгѣ Собраніе отъ писанія сказано: „последнее отступленіе третіаго Рима при Никонѣ воздвижеся: мѣ же отъ того времени и прореченный антихристъ, отступленіе нареченный, пойдный уже временствуетъ“. Истинно-древняя и истинно-православная церковь Христова. Изд. 3. ч. II, стр. 3.

антихристовыми ¹⁾. Это-то ложное, мистико-фанатическое воззрѣніе исправленія Никона, какъ на уклоненіе въ латинство, какъ на новш римское, антихристіанское, проистекшее единственно отъ непониманія православнаго духа реформы Никона и отъ незнанія латинства, отъ безотчетной, фанатической ненависти къ латинству, какая развилася въѣковой съ нимъ борьбѣ, и сбило съ толку народъ и взволновало, вѣсти его религіозное чувство, не просвѣщенное разумнымъ христіанскимъ сознаніемъ, «зане», какъ говорили отцы собора 1667 года, «отъ мнѣ отъ народа вниде мнѣніе, яко ересьми многими и антихрисловою скверною осквернены церкви и чины и таинства, и послѣдованія церковныя». Сбившіеся съ пути здравомыслія суевѣры, утвердившіеся въ томъ мистико-фанатическомъ убѣжденіи, что исправленія Никона суть уклоненіе православія въ латинство, суть новшество антихристіанское, отсюда начали развивать всю систему раскола и раскольническаго ученія объ антихристѣ, и терялись въ мистико-фантастическихъ гаданіяхъ о послѣдующихъ временахъ русской церкви. Другъ друга съ недоумѣніемъ спрашивали, другъ другу писали о духѣ новаго времени, о имѣющихъ болѣе или менѣе перемѣнахъ въ русской церкви и русскомъ государствѣ. «До меня доходятъ слухи», такъ писалъ напр. одинъ суевѣръ изъ ч. первыхъ раскольниковъ къ расколочальнику Пєронову въ 1653 или годахъ, — «что скоро будутъ еще нѣкоторыя новыя раздоры: мнѣ кажется, что обудется то, что предсказано въ книгѣ о вѣрѣ, въ которой пишется о отпаденіи запада и объ отступленіи Уинтовъ отъ св. восточной церкви къ западному костелу, по числу лѣтъ антихристовыхъ: ибо въ этой книгѣ повѣщено и намъ опасаться того же, когда исполнится отъ вошлѣ Сына Божія 1666 лѣтъ. Вотъ это число лѣтъ нынѣ исполняется, а раздоры, какіе предсказаны въ упомянутой книгѣ, вводятся» ²⁾. Этотъ образъ мыслей проникаетъ рѣшительно всѣ раскольническія сочиненія, начавшіеся отъ Аввакума и до позднѣйшаго времени. Отсюда развивалось то мистико-фанатическое направленіе раскола, тотъ ложно-православный мистико-апокалипсическій образъ мыслей, который съ этого времени, сейчасъ увидимъ, будетъ исходнымъ пунктомъ, оболочкой всего раскольническаго ученія и раскольнической оппозиціи, и который доселѣ поддерживаетъ расколъ. — Такимъ образомъ религіозный, клерикальный демократизмъ низшаго духовенства и суевѣрный, ложно-апокалипсическій взглядъ на исправленія Никона, какъ на давно предсказанное уклоненіе церкви русской отъ ея древняго православія къ латинству — вотъ два основныхъ элемента, выразившіеся въ расколѣ при п. Никонѣ, подъ моею религіозно-обрядовой сектой.

3. Но возникши первоначально въ сферѣ религіозной, церковной расколъ, однакожъ, не остановился на этомъ; потому что духъ вре-

¹⁾ Такъ діаконъ Феодоръ разсылалъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристе монаху Феоктисту сочинилъ слово объ антихристѣ.

²⁾ Дополн. къ А. II. т. V, стр. 460.

³⁾ Письмо одного изъ первыхъ раскольниковъ къ Пєронову — въ ркп. К. Академіи.

включалъ въ себѣ много элементовъ для дальнѣйшаго развитія и усиленія его. Вскорѣ послѣ паденія Никона, въ то-же царствованіе Алексѣя Михайловича, особенно съ 1666 года, этого роковаго года, по мистико-апокалипсическимъ понятіямъ суетѣрныхъ русскихъ людей XVII вѣка, расколъ перешелъ въ сферу гражданской, народной жизни, и здѣсь получилъ новую жизнь, силу и направленіе, и принялъ характеръ уже не просто духовно-демократическій и мистико-фанатическій, какой принялъ онъ съ самаго начала при патр. Никонѣ, но уже чисто народно-гражданскій. Послѣ роковаго 1666 года, когда на великомъ патріаршемъ соборѣ московскомъ окончательно довершено и утверждено было великое дѣло Никона, начались народные гражданскіе бунты, подѣ знаменемъ раскола. Съ этого времени расколочальники подняли свой мятежный голосъ уже не противъ одного напр. Никона, но и противъ царя Алексѣя Михайловича. И сами раскольническіе писатели съ этого времени полагаютъ вторую, такъ сказать, эпоху въ исторіи раскола. «Отъ лѣтъ по числу 1666-му, говорятъ они, конецъ пріяша пророчества: егда по тысящи лѣтъ развязанъ бысть затана отъ темницы своея, нападе на великую монархію Римскую, и поколеба и разруши оныя седмистолпныя утвержденія; и паки на второй Римъ приде въ 1600 году, а въ 66 лѣто и Русія тому же паденію поревновала, и тако исполнися число звѣрья 1666 лѣтъ: царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, и всю церковь Божию отъ всего благолѣпія обнажи и бысть вмѣсто владыки мучитель». Сбившись однажды съ прямого историческаго, истинно-церковнаго пути, утвердившись въ томъ ложномъ мистико-фантастическомъ убѣжденіи, что новый духъ времени, характеризующійся стремленіемъ церковнаго и гражданского правительства къ исправленію и улучшенію внутренней жизни Россіи, ознаменовавшійся въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича рѣшительными, церковными исправленіями Никона, утвердившись, говоримъ, въ той ложной мысли, что этотъ новый духъ времени есть духъ не православно-христіанскій, латинскій, антихристіанскій, отсталые, суетѣрные поборники стараго духа времени, и во всемъ дальнѣйшемъ развитіи, усиленіи и проявленіи новаго, преобразовательнаго духа времени видѣли дальнѣйшее развитіе, усиленіе и проявленіе духа антихристіанскаго, латинскаго, противъ-церковнаго. И такимъ образомъ все съ большимъ и большимъ фанатизмомъ усиливались и возставали уже не только противъ церкви, но и противъ государства, и не противъ однихъ церковныхъ исправленій Никона, но и противъ гражданскихъ преобразованій и нововведеній. Первые сѣмена такого направленія раскола положены были также самими первыми расколочальниками, главными, передовыми зачинщиками многосложной оппозиціи, поднятой расколомъ. Главный расколочитель протопопъ Аввакумъ съ горестію восклицалъ: «охъ, бѣдная Русь, чего-то тебѣ -захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ». Въ сочиненіи «о паденіи благочестія» онъ вопіетъ противъ ереси и уклоненія отъ древняго благочестія и обличаетъ ее словами свѣц. писанія: «почти себѣ, говоритъ онъ, пророка Софонію, третію главу: онъ тебѣ возвѣститъ, что случится отъ Юга измѣняющимъ ризы». Въ отвѣт-

номъ посланіи къ Андрею Плещееву онъ возстанетъ противъ иностранныхъ латинскихъ и греческихъ книгъ, какія приобрьлъ Никонъ для расширенія круга духовнаго просвѣщенія въ Россіи, и какія переводимы были въ царствованіе Алексѣя Михайловича для гражданскаго образованія. «Нынѣ, жалуется онъ, расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венецовъ, прочее умолчу до времени». Ѳеодоръ дьяконъ въ «посланіи отъ заточенія о нуждахъ надлежащихъ ко спасенію» также оплакиваетъ конецъ древней Россіи, въ предчувствіи приближавшагося преобразования Россіи Петромъ Великимъ и его преемниками: «инога отступленія, говоритъ онъ, уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царь не благочестивыми». «О прелесте», восклицаетъ онъ въ «отвѣтномъ посланіи» по вопрошенію къ другу нѣкоему о познаніи антихристовой прелести: «о прелесте! понеже еси пестра: скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи приемяются и честію велию почитаются, сиделись западные съ восточными». Точно также расколочальники возставали противъ того, что при дворѣ царя Алексѣя Михайловича нѣкоторые русскіе и иностранцы занимались западными науками; напр. астрономіей, философіей, медициной и даже противъ того, что царскіе дѣти, особенно царевичъ Петръ и царевна Софія, воспитывались уже въ новыхъ понятіяхъ, въ понятіяхъ преобразования, и подъ вліяніемъ иностранцевъ. Ѳеодоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михайловича за то, что онъ будто бы «саманашниковъ любитъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадають. Государь! таковыхъ ли въ чести имали и различными брашны питаеши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити! Ни, ни! Вѣтхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога приимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаеъ ти, Царю, заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки неотступно». Такъ ясно; еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при самыхъ первыхъ расколочальникахъ, расколъ возставалъ уже противъ новаго, западно-преобразовательнаго духа, все болѣе и болѣе обнаруживавшагося въ гражданской жизни Россіи.

Причина такого новаго, гражданскаго направленія раскола въ царствованіе Алексѣя Михайловича, очевидно, заключается въ гражданскомъ состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ и особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ XVII вѣкѣ гражданское правительство наше путемъ вѣкового опыта дошло до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство и общеніе съ ними, необходимо заимствованіе плодовъ западно-европейской гражданственности для послѣдующаго болѣе

рнаго, всесторонняго самостоятельнаго развитія умственной, гражданской, промышленной жизни русскаго народа,—словомъ, необходимо тороннее духовное и матеріальное развитіе Россіи, только такъ, чтобы ное начало старинной русской жизни, православно-церковное, ожив- все это, проникало, всему давало свой духъ и силу. Но къ сожа- ю, эту необходимость всесторонняго просвѣщенія и развитія Россіи, одимость заимствования благоустроенной западно-европейской граж- твенности въ XVII вѣкѣ сознавало только правительство, мудрые дари московскіе и немногіе лучшіе, передовые люди XVII вѣка. А а, народъ коснѣлъ въ своей старинной исключительности и односто- ости. Въ многозначительное въ исторіи русской царствованіе Бориса нова, такъ сказать, прообразовавшее царствованіе Петра Великаго, лось было преобразование Россіи, вызывались просвѣщенные евро- ы для наученія русскихъ западно-европейской гражданственности, ли вводиться новыя, лучшіе обычаи въ жизнь русскую; но русскіе е, духовенство и народъ, мыслившіе совершенно въ духѣ старины, авили оппозицію, возопили противъ того, будто бы Борисъ хотѣлъ тожить, подавить русскую вѣру и народность иноземными началами ¹⁾. преобразования, давно признанная правительствомъ, не была переве- предварительно въ народное сознаніе. Глубокое сознаніе недостат- умственной, нравственной, общественной, государственной жизни ии въ XVII вѣкѣ, такъ громогласно высказавшееся въ многочисленныхъ ительствственныхъ актахъ, далеко не проникало весь народъ. Націо- ное сознаніе массы, народа почти всецѣло проникнуто было духомъ ины и устремлено было не впередъ, а назадъ, къ преданіямъ древней ии XV или XVI вѣка. При такихъ обстоятельствахъ, въ многозначи- ное царствованіе Алексѣя Михайловича, когда при п. Никонѣ и на соборѣ года окончательно, глубоко признана и выражена была необходимость пол- , всесторонняго испоравленія церковнаго порядка, а въ соборномъ уложе- Алексѣя Михайловича и во многихъ знаменитыхъ актахъ явственно выра- сь идея новаго государственнаго порядка и устройства, когда въ слѣдъ за вичемъ Петромъ, лучшіе люди эпохи воспитывались уже въ началахъ бразованія, въ это царствованіе начались съ особенною силою съ жи- энергіею, нѣкоторыя преобразования и нововведенія, по образцамъ дно-европейскимъ, вопреки духу русской старины, въ которой коснѣлъ одъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII вѣка въ русскомъ народѣ господство-) глубокое предубѣжденіе противъ иностранцевъ; смотря на нихъ, какъ ретиковъ, «поганныхъ, зловѣрныхъ», русскіе за грѣхъ почитали даже и пить съ ними изъ одной посуды ²⁾; не смотря на то, въ царство-

¹⁾ Буссовъ.

²⁾ Иностранцевъ называли зловѣрными, безбожными и т. п. см. патр. П. С. Р. Л. т. III, 83—305; т. V, стр. 52 и 73. Петрей (бывшій въ Россіи въ 1600—1612 г.) говоритъ въ i Chronic. Moscovitic. p. 311: Die Reusser in ihren Sinn und Herzen so aufgeblasen und trahent seyn, das sie alle andere Nationen verachten. Буссовъ (бывшій въ Россіи 1601—1617) говоритъ въ своей хроникѣ, p. 39: Die Reussen fremde Nationen paganische heissen. му-то бояре, князья и народъ, когда увидѣли вокругъ Бориса и особенно вокругъ

ваніе Алексѣя Михайловича общеніе съ иностранцами, уже значительно развившееся къ предшествовавшимъ царствованіямъ ¹⁾, все болѣе и болѣе возрастало; и приливъ служилыхъ иноземцевъ: докторовъ, аптекарей, женеровъ, офицеровъ, фабрикантовъ, увеличивался съ каждымъ годомъ. Иностранцы обучали регулярному европейскому строю возникавшее въ царствованіе Алексѣя Михайловича постоянное русское войско; иностранцы давались привилегіи для учрежденія фабрикъ и заводовъ и проч. По старинному воззрѣнію, русскіе люди знаніе иностранныхъ языковъ постигали въ тѣсной связи съ вѣрою, такъ что когда царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ ввести въ Россію не только училища, но и университеты, для преподаванія разныхъ иностранныхъ языковъ, и съ сею цѣлію приглашалъ въ Москву ученыхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, то думавшее въ то время правительство, по словамъ Буссова и Петрея, представило царю, что если въ Россіи настанетъ разноразличіе, то нарушится старое единовѣріе ²⁾. Въ царств

Димитрія Самозванца Нѣмцевъ, Поляковъ и другихъ иностранцевъ, возненавидѣнныхъ за это. Палицынъ также съ предубѣжденіемъ говорить объ иностранцахъ о Москвитянахъ, имѣвшихъ съ ними общеніе: „содружничество Москвитянъ съ еретическими проповѣдниками съ Поляками и съ Тюрками всѣмъ языкомъ на земли емѣхъ бысть“. Сказаніе Араама Палицына стр. 38. Буссовъ въ своей хроникѣ говоритъ также о предубѣжденіи монаховъ и священниковъ противъ иностранцевъ. Въ половинѣ XVII вѣка были даже народныя возмущенія противъ проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ.

¹⁾ Приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскихъ, сталъ возрастать въ царствованіе Бориса Годунова. Буссовъ пишетъ о Годуновѣ: „Den Teutschen, (so bey des Iwan Basilowiz Zeiten aus Liefland dahin ins Land gefänglich verführt, und an einem lustigem Orte bald eine halbe deutsche Meile von dem Kayserlichen Schlosse ab zusammen wohnten und gute Nahrung hatten, ihrer viel dem Kayser Felde dienten und darum mit guten Landgütern begabet waren), gab Boriz frey ihren Gottes-Dienst in ihren Häusern zu halten. Und damit er unter seinen Unterthanen künftig auch mögte weise und verständige Leute haben, hat er dem ganzen Lande die Gnade und Freiheit angeboten, dass er wollte aus Teutschland, Engeland, Spanien, Frankreich, Italien etc. gelehrte Leute verschreiben und in allerlei Sprachen Schulen halten lassen... Anno 1600 verschreibt der Kayser aus Teutschland etliche Doctores medicinae und Apothecare. Ихъ выписано было числомъ 6. So wurden auch die Herren Doctores von Kayser in hoher Estimation gehalten, als der grösste Knees und Boyar... 12 Decembr. (1601 Ir.) wird den neuen Teutschen in ihrem besten Habit auf den morgen den Tag kayserliche Augen zu sehen“. Борисъ велѣлъ имъ явиться къ нему неперемѣнивъ ихъ національной одеждѣ. Bey euerm glauben, Religion und Gottes-Dienst wollen wir, говоритъ онъ имъ, euch lassen, so frey als es ihr in euerm Vaterlande gehabt habet“. Bussovii Chronicon p. 9, 10, 11, 14. Димитрій Самозванецъ, по словамъ Буссова, также die Teutschen liebt und Heerführer die Fremden liebt mehr, als seine Reussen. Ausländer, замѣчаетъ онъ, allzu viel waren eingelassen p. 6, 33, 44. Русскимъ въ то время весьма не нравилось: они думали, по словамъ Буссова, что подлѣ Нѣмцевъ и Поляковъ, alle Russen müssten verschwinden. Въ царствованіе Михаила Феодоровича въ Россію болѣе и болѣе призываемы были въ Россію служилые иноземцы. См. набр. Собр. Госуд. грам. ч. III, № 81. А. II. т. 3 № 225, 226, 228, 236, 242, 244 и др.

²⁾ Дополн. къ А. Нет. т. III, № 2, № 49, № 65, № 69, № 121, т. IV № 49. II. 3. т. III, № 226, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 239, 246, 293, 301.

³⁾ Die Geistlichen wollten, говоритъ Петрей, es durchaus nicht verstaten und darenin verwilligen, sondern brachten vor, ihr Land wäre weit und gross, einig in der Religion, Sitten und Sprachen: würden die Moscoviter andere Sprachen und Zunge

зованіе Алексѣя Михайловича, не смотря на это предубѣжденіе, нѣкоторые начали учиться иностраннымъ языкамъ. Знаменитый бояринъ Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій и нѣкоторые другіе; у боярина А. С. Матвѣева сынъ, по словамъ Лизека, учился у иностранцевъ языкамъ и разнымъ наукамъ. При п. Никонѣ уже существовали въ Москвѣ училища не только греческаго, но и латинскаго языка. Въ посольскомъ, иноземскомъ и аптекарскомъ приказахъ служили русскіе переводчики, которые также болѣе или менѣе знакомы были съ европейскими языками. По вѣковой русской старинѣ, въ русскихъ домахъ и семействахъ господствовали обычаи и правила Домостроя; и народъ ихъ свято чтить, какъ «законъ христіанскаго жительства»; перенимать «иноземскіе извычаи» или «нѣмецкіе скверные обычаи», какъ тогда выражались, считалось противнымъ православію, грѣхомъ; кто перенималъ иностранные обычаи, того называли поганымъ¹⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ, при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являлись новыя, западныя обычаи, — напр. украшеніе комнатъ картинами и портретами, театральныя представленія, оркестръ музыки, танцы, болышая простота, мягкость и непринужденность свѣтскаго обращенія и угощенія, исключавшаго прежнюю грубую восточную обрядность и формализмъ и т. п.; домъ А. С. Матвѣева былъ въ то время училищемъ новаго европейскаго, велико-свѣтскаго образованія.—Въ XVI и XVII вѣкѣ народъ нашъ ни за что не хотѣлъ промѣнять на нѣмецкія или вообще иноземныя свои старинныя одежды: кафтаны, полукафтаны, кожаны, опашни, сѣрмяги, ферязи, однорядки, кокошники, накидки, повойники и т. п. Русскіе хотѣли отличаться отъ иностранцевъ въ самой одеждѣ, на томъ основаніи, что ихъ вѣра и нравы отличны отъ вѣры и нравовъ «поганныхъ иноземцевъ». Въ одномъ сборникѣ соловецкой бібліотеки XVII вѣка находится длинное обличительное поученіе русскимъ людямъ того вѣка, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «братія моя возлюбленная, бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому: отлучився вѣры православныя, измѣнивше благовѣрному царю и государю своему, и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру и позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычаи: и то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадымъ, а послѣ тому со слезами поработимъ; а Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычаи вѣрнымъ человекомъ взирати и завидѣти: понеже Богу мерзко незаконное шитье ихъ и обычаи ихъ мерзокъ и непріятенъ»²⁾. Несмотря на то, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, нѣкоторые московскіе бояре стали «носить платье, кафтаны и шапки съ иноземскихъ образцовъ»³⁾. Равнымъ образомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторые бояре, по примѣру иностранцевъ, начали

lernen, dürfte grosser Zank und Uneinigkeit unter ihnen erwachen und dadurch von ihrer alten griechischen Religion abfallen, und dess Landes Untergang hieraus erfolgen. Petre Chron. Moscovit. x. 156.

¹⁾ Bussowii Chron. p. 46.

²⁾ Сборн. Солов. Библ. № 923 въ концѣ.

³⁾ П. С. З. т. I, № 607.

себѣ брить бороды и стричь волосы, также вопреки господствовавшему въ народѣ суевѣрному предубѣжденію противъ брадобритія ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ въ большей части русскаго народа еще господствовало отвращеніе отъ употребленія табаку, какъ богомерзской травы: въ сборникахъ того времени помѣщались иногда статьи «о богомерзской и проклятой и бѣсовской табакѣ» ²⁾; рассказывались повѣсти, какъ самъ всемилостивый Спасъ и святая Богородица являлись будто бы даже женщинамъ и грозно говорили: «будетъ христіане почнуть пити табакъ, будетъ на землю каменій много испущу съ небесъ, молніе огненное, ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время» ³⁾. Но въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вопреки такому предубѣжденію противъ табака, не смотря даже на строгое запрещеніе сѣянія и продажи табака въ Россіи (послѣдовавшее въ 1661 году), табакъ болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе: куреніе его, по свидѣтельству Гюмьежа, было распространено даже въ простомъ народѣ и служило для него любимымъ развлеченіемъ. А въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича даже дозволялось продавать его ⁴⁾. Всѣ эти и подобныя новизны, переходившія къ намъ съ запада, весьма не нравились закоренѣлымъ приверженцамъ русской старины, привыкшимъ жить по вѣковому порядку и смотрѣть на всѣ старинныя русскіе обычаи, какъ на освященные вѣрою, казались ересью, признакомъ уклоненія отъ православія. Народъ, по этимъ признакамъ новаго духа времени, предчувствовалъ тотъ переворотъ, который долженъ былъ скоро совершиться во всемъ нашемъ гражданскомъ образованіи, во всемъ нашемъ обществѣ: нерассудительные русскіе люди, привыкшіе жить въ своей національной замкнутости и исключительности, думали, что подлѣ набѣжавшихъ въ Россію иностранцевъ, немцевъ, латиновъ, они не могутъ остаться прежними, православными русскими людьми, что съ новыми иноземными обычаями общенія должны исчезнуть старыя благочестивыя, религіозныя русскіе нравы и обычаи. Духовенство и глава духовныхъ, престарѣлый святитель, патр. Іосифъ съ болѣзнію сердца смотрѣли на это и предостерегали духовенство и народъ отъ новыхъ чужестранныхъ обычаевъ: «въ коейждо странѣ свои обычаи, писалъ патр. Іосифъ въ окружномъ поученіи духовенству и мірянамъ, и приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держить» ⁵⁾. Даже весьма умные свѣтскіе люди не совсѣмъ благопріятно смотрѣли на иноземныя обычаи. Знаменитый Ордынъ-Нащокинъ говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ; ихъ платье не наша, а наше не по нимъ». Само правительство, видя неразумное предубѣжденіе народа противъ иноземныхъ обычаевъ и новинъ, останавливая иногда людей, слишкомъ предавшихся западнымъ новизнамъ и обычаямъ: ⁶⁾

¹⁾ Берхъ, царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 289.

²⁾ Опис. Рум. Муз. стр. 426.

³⁾ Сборн. Солов. Библ. № 925 л. 42 чюдо съ женою Ѳеклы Спиридоновой дочери, бывшее въ 1641 г.

⁴⁾ Допол. въ А. Ист. т. III, № 10. 38.

⁵⁾ Ркп. В. И. Григоровича.

⁶⁾ П. С. З. т. I, стр. 1007.

лько правительство и люди благомыслящіе отвергали не всѣ иноземные визны, а только нѣкоторыя, излишнія и безполезныя или даже вредныя я народа. Такой общенародный взглядъ на иноземныя новизны сильно сподвигалъ народъ къ расколу старообрядства, когда расколочальники ошогласно возстали противъ этихъ иноземныхъ нововведеній и объявили ъ предъ народомъ противными православной вѣрѣ и древле-церковному сскому благочестію. Такимъ образомъ расколъ съ быстрымъ успѣхомъ спространялся, и къ концу XVII вѣка, еще до преобразованія Россіи тромъ Великимъ, уже составилаь многочисленная секта мнимыхъ ста- обрядцевъ. Въ концѣ XVII вѣка одинъ за другимъ возникали бунты рѣленкіе, поджигаемые раскольниками, и въ этихъ бунтахъ мятежные знители старины громогласно высказывали, чѣмъ они были недовольны, что они ратуютъ: «будто бы въ Россіи устлавлена новая вѣра, велеть аняться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать сскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, и проч., за что бы, конечно, стрѣльцамъ гупиться, а паче за вѣру свою православную» ¹⁾).

Наступилъ XVIII вѣкъ. Въ царствованіе Петра Великаго, по поводу) преобразованій въ Россіи, расколъ еще болѣе усилился, осложнился и но и окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демокра- ческій ²⁾. Петръ Великій, посланный Провидѣніемъ довершить давно лаемое московскими государями, необходимое для блага Россіи сбли- ніе ея съ западною Европою, дать народу русскому болѣе живое и ширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и икально устроить Россію по началамъ и образцамъ западно - европей- й гражданственности, и требовалъ, чтобы народъ русскій подражалъ мъ образцамъ. Но великій преобразователь отнюдь не хотѣлъ чрезъ это олебать или измѣнить господствующаго начала духовной жизни Россіи— ны, христіанства. Онъ оставлялъ это начало неприкосновеннымъ въ сво- ь преобразованіяхъ. Но неразумные ревнители старины не обращали на вниманія, не понимали этого. Они не знали и той непрерывкаемой ины, что церковь и христіанство отнюдь не исключаютъ ни полезныхъ жданскихъ преобразованій, ни просвѣщенія, напротивъ еще возвы- ютъ, освящаютъ, облагораживаютъ ихъ своимъ животворнымъ влія- мъ, что христіанскія общества даже должны стремиться къ благо- роенію самой внѣшней, гражданской жизни своей, только все это гражданскихъ обществахъ должно быть основано на краеугольномъ мѣтѣ христіанства—на Евангеліи, только все просвѣщеніе должно быть рево истинною Христовою. Не зная этой истины, отсталые, запоз- лые ревнители старины смотрѣли съ своей ложно - религіозной, ми- ко-апокалипсической точки зрѣнія. Потому окончательное, всестороннее ообразование древняго національнаго порядка и устройства Россіи Петромъ лкимъ возбудило въ нихъ окончательное, рѣшительное, фанатическое

¹⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. № 7, 1846, стр. 81. и исторія о донскихъ казакахъ.

²⁾ Гражданско - демократическій элементъ раскола будетъ раскрытъ съ воз- ную полнотою въ пятой главѣ настоящаго сочиненія.

упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, но ихъ ложно-апокалипсическому, мистико-фантастическому воззрѣнію, проявленіе новаго, преобразовательнаго, антихристіанскаго духа, начавшаго господствовать въ Россіи съ времени Никона. Въ 1700 году въ Москвѣ поднялся ропотъ противъ преобразованій Петра Великаго: раскольники распространили молву, что настало время антихристово, что Москва—Вавилонъ, а жители—Вавилоняне, слуги антихристовы, сыны погибелн. Суевѣрные вѣрили такимъ нелѣпымъ раскольническимъ толкамъ, и толпами бѣжали изъ православныхъ городов и селъ, какъ изъ царства антихристово, въ скиты и пустыни раскольническія, какъ въ мѣста спасенія. яко бы чуждыя еретическихъ новинъ и иноземныхъ, и проидѣвшихъ древле-церковнымъ благочестіемъ. Въ 1701 году возсталъ и возбуждалъ народъ къ бунту раскольникъ Талицкій, распространялъ ложныя письма о пришествіи антихристовъ «съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ» ¹⁾. Въ первые годы царствованія Петра Великаго раскольники постоянно возбуждали бунты противъ Петра между стрѣльцами и донскими казаками, и въ этихъ бунтахъ раздавался крикъ, что Петръ будто бы «увѣровалъ въ нѣмцевъ». Однимъ изъ главныхъ замысловъ ихъ было «нѣмецкую слободу разорить и иноземцевъ всѣхъ порубить» ²⁾. Раскольники неоднократно покушались даже на жизнь великаго преобразователя. Вообще, всматриваясь въ дѣйствія раскольниковъ при Петрѣ Великомъ и вслушиваясь въ ихъ протесты противъ реформы Петра, мы находимъ, что при Петрѣ Великомъ расколъ, подъ формой религиозно-обрядовой секты, явно, окончательно принялъ религиозно-мистическій характеръ *національно-гражданскаго демократизма*, религиозно-народной оппозиціи противъ новаго правительства, противъ устроенной по западно-европейскимъ началамъ Имперіи, это послѣдняя фаза его много-сложнаго развитія, какой онъ достигъ въ первой половинѣ XVIII вѣка съ 1666 года и со времени реформы Петра. Выслушаемъ терпѣливо слѣдующую челобитную раскольниковъ XVIII вѣка противъ реформы Петра Великаго, въ которой ясно высказывается этотъ духъ раскола. «Мы», говорили раскольники XVIII вѣка, «смаляюще не дремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666-му конецъ пріяша пророчествія, и совершенное всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда исполнилось число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никонъ отступилъ отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ воцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанныковъ и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови; уничтожи патриаршество, дабы ему единому владѣть, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титулу патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава

¹⁾ П. С. З. т. VI, стр. 495.

²⁾ П. С. З. т. III. № 1648.

Церкви Россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году собора весь свой поганый синклитъ въ 1-й день Генваря мѣсяца и постави ирамъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подѣ видомъ фавмазин, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣ праждновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праждновати новое лѣто въ 1-й день Сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріять за Императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно пражднуете новый годъ? Всѣ Господніи лѣта истреблени, а сатанины извѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби Христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ, тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисля вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми велими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той Императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за Императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранятьи и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдатися не хоцѣмъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есмы христіане единаго исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего Императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшіи въ благочестіи до Никона патріарха, яко сии вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мерт-

выхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судъ правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы и вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кѣхъ лѣтѣхъ жительствоуемъ, и кто нынѣ обзаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, яко же свидѣтельствуемъ книга: кабинетъ Петра великаго: ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи и немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко же свидѣтельствуемъ книжка: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка призываетъ «изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона» ¹⁾.

И вотъ они пошли въ пустыни, затвердивши одно, что новое время — время антихристово, что новый духъ, вдохнутый въ жизнь Россіи Петромъ, духъ антихристовъ, что европейское устройство монархической имперіи, созданное Петромъ, есть противонародное уклоненіе къ римскому владычеству, что русскіе цари со времени Петра стали древле-римскими Императорами, божествами народа. При такомъ мистико-демократическомъ направленіи, расколъ быстро и чрезвычайно умножался и усиливался со времени Петра, потому что, какъ увидимъ подробно въ своемъ мѣстѣ, было множество недовольныхъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, новымъ порядкомъ и устройствомъ Россіи со времени Петра Великаго. Духъ старины, раскольниковскій, старообрядческій, такъ сказать, образъ мыслей проникалъ еще большую часть духовенства, дворянства и почти весь простой народъ. Онъ такъ былъ силенъ, живучъ, упоренъ, что самъ Петръ Великій не могъ преодолѣть его никакою силою, ни казнями въ срубѣхъ, ни ссылкой, ни поголовнымъ посѣченіемъ и расстрѣлианіемъ мятежныхъ защитниковъ старины, и вообще никакими мѣрами, и даже долженъ былъ самъ принести ему тяжкую, горестную жертву — своего сына, наслѣдника, упорнаго приверженца старины, сочувствовавшего болѣе расколу, чѣмъ преобразованіямъ Петра, и павшаго жертвой за старину ²⁾. При такомъ упорствѣ духа старины, въ первой половинѣ XVIII вѣка, естественно, оппозиція раскола противъ реформы Петра Великаго и въ защиту старины все болѣе и болѣе усиливалась.

¹⁾ Раскольник. рукопись, подъ заглавіемъ: „челобитная или исторія Петра Великаго“. Списокъ словъ библиот.

²⁾ Едва сошелъ съ своего поприща великій преобразователь Россіи, какъ во главѣ даже правительства послышались голоса о возвращеніи Россіи къ старинѣ. При Петрѣ II. одинъ изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта князь Голицынъ говорилъ: къ чему намъ заморскіе обычаи! дѣды наши обходились и безъ нихъ, а мы развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ? А кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, фельдмаршалъ, ревностный защитникъ старины и правъ наслѣдства Алексѣя Петровича, предложилъ даже избрать на престолъ старицу Евдокію. О придворной партіи противъ иностранцевъ при Петрѣ II см. въ запискахъ Дюка Тиріекаго. Спб. 1845 г., стр. 15, 157 и д. р.

Главная причина такого усиленія и религіозно-національно-демократическаго направленія раскола со времени реформы Петра Великаго заключается въ ложномъ религіозномъ возрѣніи массы, народа на чуждо-національную, западно-европейскую гражданственность, введенную въ Россіи Петромъ Великимъ, въ превратномъ непониманіи духа и цѣли преобразованій Петра. Отсталые, запоздалые русскіе люди, мыслившіе въ духѣ ограниченныхъ понятій и началъ древней Россіи, привыкшіе жить исключительно-религіозною жизнію, но не тою живою, истинно-религіозною жизнію, какою отличались древніе истинно благочестивые русскіе люди, а мертво-обрядовою религіозною жизнію, эти отсталые ревнители старины, во-первыхъ, не могли вмѣстить въ своихъ неразвитыхъ умахъ идеи Петра отдѣлить въ Государствѣ Русскомъ Божіе отъ кесарева, религіозное отъ гражданскаго, церковное отъ государственнаго, и основать вмѣсто древняго московскаго государства, Всероссійскую Имперію, и потому возстали противъ того, что Петръ Великій „восхити будто бы на себя святительскую и царскую власть. Императоръ наречется, патріаршество уничтожи“ и т. п. Они отстаивали, такъ сказать, древнюю Русь до XV или XVI вѣка, когда церковь была главною, господствующею силою всей общественной жизни Россіи, не только духовно-нравственной, но и самой внѣшней, матеріальной, гражданской, главнымъ, почти единственнымъ народно-соединительнымъ, нравственно-образовательнымъ и просвѣтительнымъ началомъ, когда высокія идеи ея, безмѣрно превышавшія грубыя понятія того времени, проникали, оживляли, просвѣщали бытъ общественный и частный, бытъ юридическій, нравственный, когда церковный Номоканонъ имѣлъ могущественное и обширное вліяніе на развитіе гражданскаго законодательства, когда самое территоріальное, вотчинное владѣніе, самая земля тянула, такъ сказать, главнымъ образомъ къ церкви, въ силу той религіозной идеи времени, что вся земля Господня, когда верховные правители русской земли князья, часто безпрекословно подчинялись вліянію митрополитовъ и епископовъ. Но отсталые, запоздалые поборники старины не видѣли, не замѣчали въ ходѣ русской исторіи той новой идеи, которая начала развиваться и направлять ходъ исторіи нашей со времени образованія московскаго государства. Они не понимали, что съ XV вѣка, со времени сосредоточія земли русской и образованія московскаго государства, государи московскіе и даже всѣ лучшіе представители церкви русской сознали ту великую идею, что главная, высокая обязанность церкви — заботиться о духовно-нравственномъ христіанскомъ развитіи и совершенствованіи народа, а внѣшнее, гражданское, матеріальное развитіе и совершенствованіе Россіи составляетъ дѣло государства, и стремились къ разграниченію этихъ великихъ задачъ между церковію и государствомъ, къ отдѣленію Божіяго отъ кесарева, религіознаго отъ гражданскаго, церковнаго отъ государственнаго, впрочемъ не раздѣляя ихъ существенно; отсталые, запоздалые русскіе люди XVII и XVIII вѣка не сознавали далѣе того, какъ постепенно, послѣдовательно совершался этотъ великій историческій процессъ, во-первыхъ, въ постепенномъ сосредоточеніи и утвержденіи верховной государственной власти и разграниченіи правъ

царя-самодержца московскаго и правъ главы русской церкви — сначала митрополита, потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ разграниченіи пространства церковнаго суда и управления и сферы гражданскаго суда и администраціи, въ третьихъ, въ постепенномъ самостоятельномъ развитіи гражданскаго законодательства, отдѣльно, независимо отъ церковнаго Номоканона; въ четвертыхъ, въ постепенномъ ограниченіи территоріальнаго, вотчиннаго владѣнія и управления церкви, давно сознаваемаго несовмѣстнымъ съ духовнымъ значеніемъ церкви самими лучшими ея правителями и представителями. И вотъ, при Петрѣ Великомъ, когда окончательно завершился этотъ необходимый, послѣдовательный историческій процессъ отдѣленія Божіяго отъ кесарева, церковнаго отъ государственнаго, эти отсталые русскіе люди, смотрѣвшіе назадъ, а не впередъ, подъ знаменемъ раскола, возстали противъ государственной реформы Петра, противъ строгаго, точнаго разграниченія начала духовнаго, церковнаго, религіознаго, отъ начала чисто гражданскаго, государственнаго, какъ противъ посягательства на права древней церкви. Отсюда развилась вся система раскольниковскаго возрѣнія на новый государственный порядокъ и устройство Россіи. Во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни они хотѣли отстаивать древнее преобладаніе церковнаго элемента. Такъ напр. раскольники отстаиваютъ древнее судопроизводство: «Прежде были благочестивые суды», говорятъ они, «и присутственныя мѣста такимъ порядкомъ и по закону судили и распоряжались: какъ придеши въ Приказъ, во первыхъ, узриши на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или св. икону, а судіи сидятъ въ порядкѣ, хотя и князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, а промежу ихъ законъ Божій, сирѣчь Евангеліе и Кормчая, и прочія богослужебныя книги, св. Кирилла, Іоанна Златоуста, преп. Ефрема Сирина и проч. Такъ судили по закону, сирѣчь по небесному, т. е. по писанію; и аще кто противится сему суду, яко самому Христу противится, и повиненъ будетъ вѣчному суду»¹⁾.

Во вторыхъ, отсталые запоздалые русскіе люди XVII и XVIII вѣка, заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, односторонности, и сознававшіе свою народность единственно въ этой своей религіозной исключительности, особенности, отчужденности отъ другихъ христіанскихъ націй, эти отсталые, запоздалые ревнители національной русской старины не могли никакъ примириться съ высокой идеей Петра, съ высокимъ стремленіемъ его внести въ сферу древне-русской народной жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ его у западно-европейскихъ націй, гдѣ оно было несравненно болѣе развито, чѣмъ въ древней Россіи, чтобы чрезъ то возбудить и просвѣтить природныя силы и дарованія русской народности, разширить кругъ ея развитія и просвѣщенія, поставить ее на путь общечеловѣческаго совершенствованія. Не понявши этой высокой идеи Петра Великаго, отсталые ревнители національной русской старины возстали, по своему обычному мистико-апокалипсическому образу мыслей, противъ западно-европей-

¹⁾ Раскольник. рукопись: „Тюменскій Странникъ“.

гражданственности, введенной Петромъ, какъ противъ антихристскаго юношества. Чтобы понять это мистико-религіозно-національное возмущеніе раскола противъ европейскаго устройства Россіи, было вспомнить, каково было тогда русское національное сознаніе.

преобладающемъ религіозномъ направленіи русской народности въ нѣи всей древней исторіи нашей, національное сознаніе русскаго на- имѣло характеръ исключительно религіозный. Понятія: свое, на-

ое, русское и православное въ сознаніи нашего народа были нераз- ны, тождественны. Самъ народъ нашъ не давалъ другого отличител-

свойства своей національности, не зналъ другого національнаго ичія, кромѣ вѣры православной. Себя онъ искони называлъ людомъ

ославленнымъ, крещенымъ, и тѣмъ отличалъ себя отъ другихъ евро- кихъ націй, не находя въ нихъ той же вѣры, той же церкви. Въ

комъ національномъ движеніи русскаго народа въ началѣ XVII вѣка, ремя наводненія Россіи Поляками и Литовцами, русскій народъ воз- ь за свою народность, или, какъ тогда говорили русскіе люди, «за

прироженіе», во имя православныхъ вѣры, и только спасая свою православ- вѣру, спасалъ свое прироженное. Это исключительное религіозное

нальное сознаніе, при неразвитости вообще народнаго сознанія, при ствѣи общечеловѣческаго, всесторонняго, живого просвѣщенія, въ

сей части русскаго народа доходило до религіозно-фанатической не- жности, исключительности, и иногда отзывалось уже почти гордостію,

лавіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Въ Кормчихъ, «въ видѣ зѣди св. апостолъ и св. отцевъ», постановлено было: «аще въ суднѣ

гъ латина бѣла, измывши молитва сотворити и у латинской церкви не ги»¹⁾. Такой религіозный пуризмъ въ отношеніи къ чуждымъ евро-

кимъ національностямъ особенно рѣзко сталъ обнаруживаться въ рус- ь людяхъ въ XVI и, особенно, въ первой половинѣ XVII вѣка; въ

поху, когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католи- омъ, и все болѣе и болѣе возрастали столкновенія Россіи съ Запа-

. Мы уже видѣли, что въ это время народъ нашъ иностранцевъ, ченно исповѣдывавшихъ латинскую вѣру, иначе и не называлъ, какъ

чуждыми, зловѣрными, безбожными, антихристовыми проповѣдниками и

Не различая, по своему національно-религіозному, но темному, не зѣщенному воззрѣнію, европейскія національности отъ ихъ вѣроиспо- ній, смотря на все иностранное, какъ на свое русское, съ православно-

гіозной точки зрѣнія, все западно-европейское оцѣнивая по началамъ

славной вѣры и церкви, русскіе люди боялись заимствовать у евро-

зкихъ націй даже самые житейскіе, чисто внѣшніе обычаи и общече-

ческія науки и искусства, считая ихъ противными православію, опа- ь перенять въ западныхъ наукахъ, искусствахъ и обычаяхъ самый

гіозный, неправославный духъ европейскихъ націй, и такимъ обра-

искоренить, изгладить свой народный, религіозный духъ, православно-

1) Собрн. Кормчей сол. библ. № 858 л. 367.

церковный характер своей народности¹⁾. Это религиозно-национальное предубѣжденіе противъ иностранцевъ и всего иноземнаго, западно-европейскаго доходило уже до чистаго суевѣрія. Напр. только съ своей родиной, съ своимъ отечествомъ, съ своею народностію соединяли самую возможность спасенія души и самое христіанство. «Россіяне, особливо знатнаго рода», пишетъ Беръ, «согласятся скорѣе умерить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скопчаетъ жизнь свою на родинѣ». Тоже говоритъ Кошихинъ. При такомъ одностороннемъ, религиозно-національномъ возрѣніи русскаго народа, при этой религиозно-національной нетерпимости и пуримѣ, понятно, почему расколъ, поднявшій знамя защиты, сохраненія всего стараго русскаго народнаго, какъ православнаго, древне-церковнаго, съ такимъ фанатизмомъ и ожесточеніемъ возсталъ противъ всего новаго западно-европейскаго устройства русской гражданственности. Для неразвитаго народнаго религиозно-національнаго сознанія, цѣлые вѣка, такъ сказать, заключеннаго въ тѣсной сферѣ религиозно-національной исключительности и нетерпимости, казалось въ высшей степени неестественнымъ, болѣзненнымъ это внезапное, невольное воспринятіе, введеніе, такъ сказать, въ народную жизнь русскую чуждонаціональных, по понятію народа, неправославныхъ, зловерныхъ антихристіанскихъ элементовъ, вдругъ неудержимымъ приливомъ вторгавшихся въ русскую народность, столько вѣковъ замкнутую въ своей исключительности. Что именно это ложное, религиозно-національное начало руководило народно-демократической оппозиціей раскола во время реформы Петра Великаго, это утверждаютъ сами раскольники. «Не Никонъ», говорятъ даже нѣкоторые изъ нихъ, «былъ причиною нашего отдѣленія отъ прочихъ братій нашихъ русскихъ, но Петръ Великій, по своей безмѣрной любви къ Западу, по своему противонародному, противоотечественному направленію»²⁾

Но кромѣ того, что раскольники не понимали духа и цѣли преобразованій Петра Великаго, справедливость требуетъ раскрыть еще другую причину усиленія раскола. Расколъ особенно усилился со времени Петра Великаго отъ того, что въ это время новый, преобразовательный духъ, съ

¹⁾ Боялись, напримѣръ, принимать иностранную монету, въ той мысли, что другія націи—чуждой вѣры, отличной отъ русской. Петрей говоритъ о русскихъ XVII вѣка: Ihre Muntze hat ein Stempel wie ein Ey, aut dass unter ihrer und anderer Potentaten Muntze solle ein unterschied seyn. und dieselben denken sollen, als werer sie so kluge und verstendige Leute, dass ihnen nicht nöthig, einer andern form nach zu folgen, sondern weit sie von allen anderen Nationen in der Religion, Sitten und Gebrauchen abgesondert, so wollen sie gleichfalls auch in der Muntze abgesondert seyn.

²⁾ Такъ признавался даже одинъ умный раскольникъ извѣстному путешественнику по Россіи Гакетраузену: Etudes sur la situation interieure la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen, p. 314 1847 г.

особенною силою и неудержимостію вѣдряясь въ жизнь русскаго общества, часто доходилъ до печальной крайности, до злоупотребленія, искоренялъ такое старое, что дѣйствительно тѣсно связано было съ древнимъ духомъ русской христіанской вѣры, и вводилъ новое, иноземное, въ самомъ дѣлѣ противное древнецерковному русскому благочестію. Съ одной стороны иностранцы, призванные Петромъ Великимъ единственно съ тою цѣлію, чтобы возвысить Россію лучшимъ гражданскимъ просвѣщеніемъ, а не бесполезными, суетными обычаями и пороками Запада, стали во зло употреблять свое вліяніе на русскій народъ, стали даже колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви. Тогда, по идеѣ управленія, движаемаго иноземными началами, въ обществѣ унижено было духовенство, которое вслѣдствіе того стало и нравственно слабѣть, упадать; утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ и законсѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ-бы отдѣльной отъ общества, кастѣ. Это униженіе духовенства народъ, волнуемый расколуучителями, называлъ «восхищеніемъ власти церковной, святительской» гражданскою правительственною властію. Тогда многіе христіанскіе обычаи русскаго народа, обычаи, непротивные просвѣщенію, уничтожались и измѣнялись по иноземнымъ идеямъ, казавшимся чуждыми духу русскаго народа. На это съ глубокою скорбію сердца смотрѣли не одни суетвѣрные ревнители старины, но и сами православные пастыри: «Виждѣте, о благоразсудные людѣ», говорилъ напр. просвѣщенный пастырь, Стефанъ Яворскій, противъ неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, «виждѣ, православный народъ, кін между вами распространяются, величаются и почествуемы бываютъ, имъ же ниже радоватися рещи подобаетъ. О, дабы отсѣчени были развращающіи васъ (Гал. 5, 12). Азъ же глаголю: о дабы сіи мытари и язычницы, развращающіи православныхъ и неслушающіи церкви божественной, отсѣчени и всеми истреблени были!... Приидите; припадемъ и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, преклонимъ колѣна предъ всеми Его угодниками святыми. да сей вредъ, сія злохульные плевелы исторгнутся отъ насъ, аще не обратятся и покаются» ¹⁾. Особенно тяжело и возмутительно было для религіозно-національнаго чувства народа вредное вліяніе иностранцевъ по смерти Петра Великаго и Екатерины 1-й, при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ: когда Дворъ, Коллегіи, Академія наукъ, гвардія, армія, флотъ были въ распоряженіи иностранцевъ - протестантовъ; когда по словамъ Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, «сіи внутренніе и сокровенные враги Россіи людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли и все искореняли, а равныхъ

¹⁾ Собр. проповѣдей Стеф. Яворск. ч. 1. слово въ недѣлю 7 по Пасхѣ. Подобныя же горькія жалобы и неудовольствія противъ иностранцевъ выражали: Патр. (Дух. п. Іоак. въ Древн. Росс. Вивлію. ч. III, мѣс. Мартъ 1774 г.) патр. Адріанъ (чтен. Моск. общ. ист. и др. рос. обш. Адріанъ). Св. Митрофанъ, еп. воронежскій, въ предсмертной грамотѣ своей завѣщать: «Епархіи своей великому числу православныхъ христіанъ съ еретиками и иновѣрцами, съ Латыны, Люторы и Кальвины и злобными татарами, общеніе и содружество не имѣти». Пам. Моск. Древ. кн. II, стр. 191.

себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, жаловали и награждали; только тѣмъ, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали, всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, изъ Россіи за море выслали и проч.» ¹⁾ «Только и благополучія нашего было», — съ глубокою скорбію говорилъ объ этомъ бурномъ, темномъ времени въ 1741 году архимандритъ Иконостасскаго монастыря Кирилль Флоринскій, ректоръ Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ словѣ въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны: «погребли мы преславныхъ монарховъ (Петра Великаго и Екатерину I), погребли и благоденствія наша, по смерти оныхъ за беззаконія и неправды наша наказа насъ Господь частыми переменами; а въ таковыхъ вредительныхъ переменѣхъ коликимъ претерпѣхомъ злая, въ коликое было Россія пришла безобразіе, вспомнати болѣзнь утробу пронзаетъ. А таковыя частыя переменѣ видяще, противники наши добрую дорогу, добрый ко утѣшенію насъ сыскали способъ, показывали себѣ, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они оберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій адъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули! Коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру составили! Ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А во-первыхъ тщались дражайшее дѣло нашихъ сокровище, неоцѣненное спасенія нашего богатство, благочестіе отнять, которое намъ нече тысящей злата и сребра: не златомъ и сребромъ, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа намъ куплено безъ котораго бы мы Содому и Гомору уподобилися, безъ котораго бы мы были горше турокъ, жидовъ, арабовъ! А такъ то они придумали, какъ же благочестіе у нихъ отнимемъ, тогда же и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ насъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плебейная ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушнии, а нече которые возлюбиха тму нече свѣта, возлюбиха нече славу человѣческую нежели Божію, чада на мать свою встали, ихъ же крещеніемъ роди, ихъ же кровію Христовою воспита, ихъ же догматами православными утверди, аки змія порожденія ехиднова утробу ся терзали. И что бѣдственнѣе! догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли, ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую помощницу, Покровъ и Прибѣжище, на помощь не призывали, и заступленія ея не требовали, святыхъ угодниковъ ея не почитали, иконамъ, святымъ не покланялися, знаменія креста святаго гнушались, преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали, добрыя дѣла, ими же вѣчная мзда сыскуется, отменяли, въ посты святыя мяса пожирали а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, поминовенію усопшихъ смѣялись и гееннѣ быти не вѣрили, не помнили оныхъ Христовыхъ словесъ: «огнь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не скончается». И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели,

¹⁾ Слово Амвросія въ день рожденія императрицы Елисаветы 18 Декабря 1741 г.

что мнози и въ Епикурская мнѣнія впадали: «лжѣ, пій, веселися, по смерти же никакого утѣшеніе нѣсть». И которые такъ бредили, таковыя-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковыя и въ чины производились. А которые истинныя чада Церкви и истинныя Христовы наслѣдницы, такихъ прелестниковъ не слушали, право вѣру непорочную отъ Христа, отъ апостолъ, отъ св. отецъ проповѣданную и утвержденную хранили, коликія имъ руганія, поношенія враги благочестія чинили! мужиками, грубіянами называли. Кто посты хранилъ, о томъ говорили: ханжа; кто въ молитвѣ съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ; кто иконамъ покланяется—суевѣръ; кто языкъ отъ пустословія удерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ; кто милостыню любви ради ко Христу и ближнему подаетъ неоскудно, тотъ, говорили, не умѣетъ, куда имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось; кто въ церкви часто ходитъ, въ томъ пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самихъ благочестія защитителей, на самихъ священныхъ таинъ служителей чинъ, глаголю, духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали. Непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ куда, за чѣмъ отправлялись! монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ, въ дальныя сибирскіе города въ Охотскъ, въ Камчатскъ, въ Оренбургъ отвозятъ, и тѣмъ такъ устранили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали, и устъ не могли о благочестіи отверсти... Что же еще узнали враги наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простого человѣка какъ мушку задавить: принялись они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ видѣли благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали» ¹⁾ и проч. При такомъ гоненіи, воздвигнутомъ иностранными на православную церковь, по смерти Петра Великаго, особенно при Биронѣ, удивительно ли, что расколъ еще болѣе утвердился въ своемъ фанатическомъ убѣжденіи, что со времени Петра Перваго въ Русской церкви и въ русскомъ государствѣ въ самомъ дѣлѣ будто бы временствовалъ, царствовалъ антихристъ, какъ они выражались, что русскіе подружились съ еретиками—латинами, люторами и кальвинами. Удивительно ли, что тогда и весьма многіе православные бѣжали изъ православныхъ городовъ и селъ въ раскольническіе скиты и пустыни, какъ мѣста спасенія древне-русскаго православія. Да, то время было самое благопріятное для усиленія и распространенія раскола. Тогда особенно во время господства грубаго, жестокаго, кровожаднаго временщика Бирона, многія тысячи народа принимали расколъ и бѣжали въ Польшу, Молдавію и Валахію.

Съ другой стороны, сами русскіе особенно въ высшемъ классѣ общества также весьма часто вдавались въ крайность въ усвоеніи западной новизны. Это также сильно отталкивало любителей русской старины отъ православной церкви въ расколъ. Въ нововведеніяхъ русскіе первой половины XVIII вѣка были слишкомъ рьяны, нетерпѣливы, поспѣшны, нераз-

¹⁾ Слово Кирилла Флоринскаго рукописн. Оно, кажется, было тогда же напечатано въ изд. Акад. Наукъ.

борчивы. Не важныя, не необходимыя новизны, напримѣръ: нѣмецкое платье, бранобрітіе, заставляли непремѣнно принимать даже крестьянъ, и позорно издѣвались надъ тѣми, кто не хотѣлъ усвоить этихъ новизнъ; противъ воли собирали народъ на общественныя гулянья по барабанному бою и т. п. вмѣстѣ съ добрыми обычаями перенимали много худыхъ. Вводи новыя, европейскіе обычаи, безпощадно и неразумно осмѣивали и искореняли многіе хорошіе старыя русскіе обычаи, свято чтимые народомъ, основанные на нравственно-религіозномъ началѣ и нисколько не препятствовавшіе улучшенію и облагороженію внѣшнихъ формъ общежитія. Вообще должно сказать, что главная внутренняя причина, почему въ XVIII вѣкѣ расколъ особенно усиливался и возрасталъ, заключается именно въ чрезвычайно рѣзкомъ и быстромъ переходѣ русскаго общества отъ старинной русской жизни, имѣвшей преимущественно характеръ церковный, къ жизни новой, европейской, имѣющей преимущественно характеръ мірской, внѣшней, житейской. Напримѣръ: въ XVIII столѣтіи, замѣчаетъ одинъ писатель, по характеру образованности этого столѣтія, плафоны и стѣны во дворцахъ и палатахъ вельможъ покрывались преимущественно мнѳологическими изображеніями, гдѣ языческія божества полуобнаженные, представленныя со всею свободою древняго классическаго искусства, должны были олицетворять мысли и чувства современниковъ. Совершенно иное встрѣчаемъ мы въ жизни нашихъ допетровскихъ предковъ. По характеру своего образованія христіанско-церковнаго, древній русскій человѣкъ любилъ олицетворенныя притчи и церковныя бытія, изображеніями которыхъ и украшалъ свои хоромы: въ нихъ онъ желалъ видѣть болѣе всего назиданіе, поученіе, душевную пользу въ христіанскомъ смыслѣ, а не услажденіе взора прекрасными образами, которые относились къ соблазну и всегда заботливо устранились. Такимъ образомъ древняя комнатная живопись носила въ себѣ тотъ же характеръ, имѣла ту же цѣль, какъ и церковная стѣнопись, отъ которой она почти ничѣмъ и не отличалась ¹⁾. Въ старину правилами русскаго общежитія требовалось, при входѣ въ чужой домъ сначала «святѣмъ иконамъ поклонитися и молитва сотворити». Препод. Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, обнижая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ другому приходимъ, говоритъ онъ, то достоитъ намъ поклоненіе сотворше до земля и связавше руцѣ аки рабоу Божию быти предъ ними. И повелѣно ни е' (есть) другому толики чести даяти смиренія ради, имже добродѣтельна вѣнца оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися другоу своему и руцѣ долоу повѣсити, то неродивыхъ моужъ и лѣнливыхъ и в оумѣ ярящихся» ²⁾. Въ XVIII же вѣкѣ обычай не только стояти съ сложенными руками, но и молиться предъ иконами при входѣ въ чужой домъ или выходѣ изъ него въ тогдашнемъ образованномъ кругу, уже началъ вытѣсняться такъ называемыми свѣтскими

¹⁾ Забѣлина: Домашн. бытъ русскихъ царей прежняго времени, ст. 2 Отеч. Записк. 1851 г. Сент. № 9.

²⁾ Въ пятокъ 3-й недѣли поста, св. Ѳеодосій: о трыпѣнии и смиреніи.

приличіями, основанными, большею частію, на подражаніи французскому обществу иногда доходившими до предосудительной крайности, которую даже осмѣивали нѣкоторые писатели того времени. Въ старину народъ нашъ, воспитываемый въ строгомъ религіозномъ духѣ, свято соблюдалъ посты православной церкви; а въ XVIII вѣкѣ, «въ постъ святыи за курочку душу готовы были промѣнивать», какъ говорилъ вышеприведенный нами проповѣдникъ первой половины XVIII вѣка. Вообще, не умѣя совмѣстить, породнить религіозное воспитаніе древняго русскаго человѣка съ потребностями новаго европейскаго образованія, безпощадно, неразумно осмѣивая и искореняя многіе хорошіе старые русскіе обычаи, нисколько не мѣшавшіе новымъ хорошимъ обычаямъ, неразумительные «новолюбцы», какъ называли тогда раскольники всѣхъ ревнителей иноземной новизны, скосыри, обрившіе себѣ бороды и надѣвшии нѣмецкое или французское платье, безразсудно и съ жадностію перенимали изъ европейской жизни, большею частію, только дурное, чувственное, суетное. При усилившейся въ то время страсти тщеславно щеголять европейскимъ образованіемъ, пустотой легкаго поверхностнаго свѣтскаго образованія, призывали изъ западной Европы цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣянныхъ Фонъ-Визинымъ, вральмановъ — учителей и гувернеровъ — лагеевъ, парикмахеровъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ. Отъ нихъ думали учиться западнымъ наукамъ и искусствамъ, и только уродовали свое образованіе, на что жаловалась сама императрица Елисавета въ именномъ указѣ 1755 года, которымъ утверждено основаніе Московскаго университета. вмѣсто просвѣщенія разума и смягченія и облагороженія грубой нравственности, перенимали у парижскихъ расточительныхъ «жантиловъ» времени Людовика XV безумную роскошь, безмѣрную расточительность на 500 рублевые балы и пиршества, страсть къ издержкамъ по 14000 рублей въ годъ на одинъ столъ, страсть къ картежной игрѣ цѣлыя ночи, за которою часто проматывали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми, на которыхъ прѣзжали; перенимали утонченный, прикрытый лоскомъ французской призрачной образованности, развратъ, невѣріе, кощунство и богохульство, въ которомъ, по словамъ Фонъ-Визина, молодые воспитанники Запада находили особенное удовольствіе и полагали лучшее препровожденіе времени; вообще перенимали всю ту грубую чувственность, тотъ индифферентизмъ и глумленіе надъ христіанскимъ благочестіемъ, какія господствовали въ то время при французскомъ дворѣ, въ правленіе Людовика XIV, Регента и Людовика XV¹⁾. вмѣсто хорошихъ произведеній литературы, перенимали французскія «соблазнительныя и сладострастныя пѣсенки», да страсть «писать по молодости и по французскому духу»; оставляли свой русскій языкъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ его образо-

¹⁾ Huth, Kirchengeschichte des 18 Jahrh. Bd. 116, 263. Am Hofe (des sittenlosen Herzogs von Orleans) eine grobe Sinnlichkeit herrschte, die sich von hier aus in weiteren Kreisen verbreitete. Religion wurde am Hofe meist nur in leeren Ceremoniendienste und als Formalität ausgeübt. Auch der beklagenswerthe Ausgang des jansenischen Streites trug dazu bei, das Sinken des Religiosität und den Spott über Frömmigkeit zu befördern и пр. Alzogs Kirchengesch. Bd. III. 6. 902. Auflage 6.

ваніи и развитіи, и, хотя ничего не знали и не могли хорошо и правильно выразить по-русски, однако первымъ качествомъ хорошаго образованія считали умѣнье говорить по-французски, и непременно говорили по-французски, хотя бы безъ всякой нужды и притомъ въ высшей степени уродливо, смѣшивая областныя, простонародныя слова и обороты съ французскими словами и выраженіями, и того, кто не говорилъ по французски, непременно признавали «худо-воспитаннымъ». Вмѣсто изученія наукъ и искусствъ, вмѣсто приобрѣтенія средствъ къ полезной дѣятельности, къ труду, который считали «подлымъ», перенимали разные переменные французскіе покровы платья, уборы и приборы для украшенія своей наружности, учились завивать кудри буколь въ 20 и болѣе, просиживая за такими занятіями часа по 3 и по 4; вмѣсто хорошихъ книгъ, покупали парики, опашала, душистыя пудры, эссенціи, уксусы, парижскія мази, налѣпны нимушки и т. п., разнообразные предметы безумной и смѣшной роскоши, замѣшавшіе только пустоту душевную, услаждавшіе только чувственность, тщеславіе и вѣтренность; или перенимали у французовъ, какъ говорить всякія трогательныя бездѣлки, какъ при походкѣ ступать ногами плѣнительно, какъ дѣлать сладострастныя движенія глазъ во взглядахъ, какъ дѣлать жесты, мины и движенія рукъ и т. п., и въ этомъ полагали всю науку русскіе петиметры XVIII вѣка. До такой мелочности доходила въ большей части русскаго общества XVIII вѣка безотчетная, вѣтренная подражательность западно-европейской жизни и презрѣніе къ своимъ стариннымъ народнымъ русскимъ обычаямъ. Любителямъ старины, даже разсудительнымъ и достаточно образованнымъ, больно было видѣть такой духъ новаго общества. Даже передовые люди прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣры, а люди горячо преданные европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, Сумароковъ, Щербатовъ, Волтинъ, Новиковъ и сама императрица Екатерина признавали такое направленіе русскаго общества нравственнымъ зломъ, уклоненіемъ отъ нормальнаго развитія нравовъ. Что же сказать о темныхъ, суевѣрныхъ ревнителяхъ русской старины, о безусловныхъ противникахъ европейской новизны? Они, въ этомъ духѣ нововведенія, безпощадно изгонявшемъ все старое и безотчетно вносившемъ въ жизнь русскую все иноземное худое, даже противохристіанское, видѣли прямое, ясное, видимое проявленія духа антихристового. «Седмоглавный змій», читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка. «видя въ христіанѣхъ невоздержаніе, наводитъ *иностранные обычаи*, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адаво. Присмотрися, возлюбленне, вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвицы. Аще хочеть благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся *иностранные обычаи*, сѣрѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе, и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбцы, егда исполнится осьмья тысящи 290 лѣтъ, когда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе и плѣнятся обычаи невѣдѣніемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ *иностранное любленіе*, еже есть: *глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе, о, горе!* ¹⁾

¹⁾ Сборникъ разныхъ раскольническихъ статей. ркн. библи. Казанской Академіи.

Таково было, въ общихъ чертахъ первоначальное, многосложное торическое развитіе русскаго раскола старообрядства въ XVII вѣкѣ и VIII, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности. Обнаружившись еще въ XVI вѣкѣ и особенно въ первой половинѣ въ XVII вѣка, въ видѣ религіозно-обрядовой партіи при московскомъ книгопечатномъ дворѣ, упорно отстаивавшей старыя книги и обряды и не хотѣвшей исправленія ихъ по греческимъ подлинникамъ, — при патриархѣ Никонѣ расколъ открылся явно, окончательно, и съ самаго начала принялъ характеръ не просто религіозно-обрядовый, мнимо-старообрядскій, но главнымъ образомъ религіозно-демократическій, какъ оппозиція большей части низшаго духовенства противъ патр. Никона, казавшагося въ вторымъ римскимъ папою, противъ его слишкомъ строгой власти, суда управленія. Потомъ, съ 1666 года, расколъ, сохраняя первоначальный религіозно-обрядовый и духовно-демократическій характеръ, перешелъ изъ сферы церковной въ сферу гражданской народной жизни, и здѣсь, сообщивъ съ гражданскимъ состояніемъ Россіи, принялъ характеръ народно-демократической оппозиціи противъ преобразованія Россіи въ европейскую имперію, противъ новаго европейскаго устройства и направленія внутренней жизни Россіи. При Петрѣ Великомъ завершилось его религіозно-гражданское развитіе: онъ окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демократическій и, какъ отколокъ древней отжившей Россіи, окончательно отпалъ отъ новой, Петромъ Великимъ устроенной Россіи. «Вездѣ есть *послѣдняя Русь*. Здѣ бо и отъ сего часа на *горшая измѣненія* будетъ свосходити Русь царями неблагочестивыми», — такимъ послѣднимъ, предертнымъ воплемъ въ устахъ раскольниковъ второй половины XVII вѣка явилась внутренне изжившая, истощившаяся историческая жизнь древней Россіи. — Разсмотримъ теперь, какъ эти внутренне изжившія, исщившіяся начала исторической жизни древней Россіи сосредоточились въ расколѣ старообрядства, отстаивающемъ древнюю Россію со всеми ея недостатками.

. Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, неблагоприятствовавшіе происхожденію, развитію и распространенію раскола.

Господствующій духъ XVII и первой половины XVIII вѣка, характеризующійся рѣзкимъ раздвоеніемъ и борьбой двухъ противоположныхъ началъ въ русской жизни, — начала мѣртваго обрядового религіозности и застойной старины и начала церковнаго и гражданскаго исправленія, ученія, преобразованія, — этотъ господствующій духъ времени заключать въ себѣ главный, первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола старообрядства. А нравственная жизнь большей части русскаго народа, предъ появленіемъ раскола и во время распространенія, къ прискорбію, во многихъ отношеніяхъ представляла почву самую благоприятную и удобную для распространенія раскола.

Обыкновенно всего чаще ереси и расколы возникают и распространяются въ церкви тогда, когда народъ, входящій въ составъ ея, находится не совсѣмъ въ благоустроенномъ нравственномъ состояніи, когда въ обществѣ истинный, законный, нравственный порядокъ находится въ борьбѣ съ ложнымъ, превратнымъ нравственнымъ направлениемъ. Общество русское, въ періодъ распространенія въ немъ раскола, находилось именно въ такомъ нравственномъ состояніи. Въ XVII столѣтіи, во внутренней, нравственной жизни русскаго народа совершалась тяжкая, болѣзненная борьба между свѣтомъ возникавшаго просвѣщенія и мракомъ стараго, грубаго невѣжества и лжеумудрствованія, между истиннымъ, благоустроеннымъ нравственнымъ порядкомъ, насаждавшимся на почвѣ русской, подъ благотворнымъ вліяніемъ церкви, просвѣщенною благопопечительностію царей Михаила, Алексѣя и Θεодора, и между старымъ, отъ злоупотребленія и неустройствъ укоренившимся нравственнымъ безпорядкомъ. Печаленъ, прискорбенъ этотъ жалобный вопль, съ какимъ пастыри церкви, правительство и всѣ лучшіе люди XVII столѣтія вопіють противъ нравственныхъ недостатковъ общества, безпощадно, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, указывая на нравственные болѣзни, требуя излечить ихъ ¹⁾. Въ самомъ началѣ XVII столѣтія, изъ стана знаменитыхъ борцовъ 1612 года, которые первые провозгласили необходимость нравственнаго очищенія, слышимъ горестный вопль о нравственныхъ болѣзняхъ русскихъ людей: «мы внали, жаловался напрімѣръ Авраамій Палицынъ, во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и неправды, въ обьяденіе и шянство и блудъ. За вся же сія злая и лукавая дѣла, егда наказа насъ Господь, мы не токмо еже къ нему обратитися, но и злѣйше гордостію возвышающесе въ горшая и злѣйшая впадохомъ... Всякъ отъ своего чину выше начаша восходить. Раби убо господіе хотяху быти и невольнии къ свободѣ прескачуще; сильнии же разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху, и ничто же по нихъ несмѣюще рещи. Царемъ же играху яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяше ²⁾. Въ исходѣ первой половины XVII вѣка сильно, безпощадно обличали нравственные недостатки духовенства и народа патріархи: Іоасафъ I ³⁾ Іосифъ ⁴⁾, митрополитъ Ростовскій Іона ⁵⁾ и многіе другіе. Во второй половинѣ XVII столѣтія, тотъ же горькій, жалобный вопль противъ нравственнаго зла и безпорядка повторяетъ, во имя церкви, великій Никонъ, который положилъ главной задачей своего патріаршества «очищать, просвѣщать, совершать»: «священники и люди», — писалъ этотъ знаменитый іерархъ въ своей окружной грамотѣ 1665 года.

¹⁾ См. прекрасную общую нравственную характеристику XVII вѣка въ соч. проф. Соловьева: 1) „Древняя Россія“ въ Русскомъ Вѣстникѣ № 1, 1856; 2) Рѣчь о Шуваловѣ, произнесенн. по случаю столѣтн. юбилея Моск. университ. 12 Январ. 1855; 3) Взглядъ на исторію установленія въ Россіи государств. порядка до Петра Великаго. Публ. лекц. 3. 1852 г.

²⁾ Сказан. объ осадѣ Троицко-Сергіева монаст. стр. 18. 35, 36 1784 г.

³⁾ А. А. Э. т. III. № 264.

⁴⁾ Увѣщаніе къ духовному и мірекому чину. Вышеупом. рук. В. И. Григоровича.

⁵⁾ А. И. т. IV. № 62.

но случаю свирѣдствовавшей тогда моровой язвы, — «отступихомъ вкупѣ вси, уклонихомся вкупѣ и нетребѣ быхомъ, нѣсть творяй судъ и правду, о семъ убо мой страхъ и слово, и еще азъ болю къ язвѣ и сиѣ молкося молитвою, юже и приложу реченнымъ: согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечестивахомъ», — и потомъ послѣ молитвы къ Богу, призываетъ православныхъ чадъ русской церкви къ покаянному, всеобщему нравственному очищенію ¹⁾. Жестка, груба была нравственность въ большей части духовенства и народа въ XVII вѣкѣ: потому жесткія, крутыя иногда и мѣры употреблялъ этотъ высоконравственный архипастырь для исправленія современной нравственности. Единодушно съ пастырями церкви, и гражданское правительство, въ многочисленныхъ государственныхъ грамотахъ, также сильно, безпощадно обличало, поражало нравственные недостатки отсталыхъ людей, несовмѣстные съ нравственнымъ благоустройствомъ государства. Знаменитымъ «Уложеніемъ» царя Алексѣя Михайловича полагалось прочное, незыблемое основаніе нравственного порядка. Въ исходѣ XVII столѣтія слышимъ тоже твердое, рѣшительное, глубоко-сознательное требованіе народнаго нравственного очищенія, совершенствованія, благоустройства, въ дѣяніяхъ великаго патріаршаго собора 1667 года, въ соборныхъ отвѣтахъ 1681 года на предложенія царя Θεодора Алексѣевича, въ посланіи патр. Іоакима къ митрополиту Новгородскому Корнилію ²⁾, въ окружномъ посланіи Аѳанасія Холмогорскаго и въ запискахъ частныхъ людей, — Кошихина, Желябужскаго и другихъ. Однимъ словомъ: и церковное и гражданское правительство сильно, безпощадно возставало въ XVII в. противъ нравственныхъ недостатковъ общества, съ лопатою, такъ сказать, въ рукѣ очищало, отребляло гумно Божіе — церковь русскую и православный народъ отъ нравственныхъ плевелъ. И вотъ плевелы эти, вслѣдствіе такого очищенія, отребленія, сами собою отдѣлились отъ пшеницы, и произрастили расколъ. Ибо, при благоустроившемся все болѣе и болѣе нравственномъ порядкѣ, имъ нельзя было болѣе расти на почвѣ русской церкви и нравственно-благоустроеннаго русскаго общества вмѣстѣ съ пшеницею. Такимъ образомъ расколъ въ нравственномъ отношеніи есть не иное что, какъ плодъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые заражали въ XVII вѣкѣ, къ прискорбію, большую часть русскаго народа. И раскольники, поэтому, суть вовсе не «остальцы древне-церковнаго благочестія», какъ они себя называютъ, а болѣею частію нравственные отверженники общества, отщепенцы, не имѣвшіе доброй христіанской и гражданской нравственности, не хотѣвшіе подчиниться благоустроенному нравственному порядку и слѣдовавшіе своимъ похотямъ и склонностямъ. Такъ смотрѣли на расколъ и лучшіе пастыри русской церкви того времени. «Грѣхъ ради нашихъ, говорили отцы собора 1667 года, мнози невѣжды не точию отъ простыхъ, но отъ священныхъ, ови отъ многого невѣдѣнія бо-

¹⁾ Начерт. житія Никона, — Аполлоса, стр. 136, 137.

²⁾ Это очень длинное посланіе находится въ Собрн. Солов. библ. № 885. Въ немъ сильно обличаются современные пороки, особенно притѣненіе сильными слабымъ, и указывается, какъ на кару гнѣва небеснаго, на нападеніе Турковъ на Малороссію, говорится также о раскольникахъ.

жественныхъ писаній и житія растлѣнна, ови же и во образѣ благоговѣнїи и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющесе быти постыи и добродѣтели, полни же всякаго несмыслста и самомнѣннаго мудрованїа, вжмнящесе быти мудри, обѣ юродѣша... возмущаи многихъ души неутвержденныхъ ¹⁾. «Отъ стремнинъ горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша отступники отъ истинной церкви русской», читаемъ въ настольной грамотѣ данной митрополиту нижегородскому Филарету въ 1672 году, «насадиши винограды по своимъ похотямъ, услаждающїи гортани своя временной сладостїю лъстиваго ученїа, послѣди же въ горестъ души обращающїеся» ²⁾. Чтобы безпристрастнѣе и яснѣе показать внутреннее, нравственное отпаденїе отъ церкви и государства недостойныхъ, нравственно-худыхъ русскихъ людей, рассмотримъ подробнѣе, изъ какихъ именно нравственныхъ недостатковъ развился расколъ, и подъ влїяніемъ какихъ нравственныхъ недостатковъ распространился.

Во-первыхъ, нравственная жизнь русскаго народа, въ рассматриваемое время, представляла весьма обильную почву для возрастанїа и разнуженїа племель раскола потому, что она не оживлена, не озарена была и достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенїа. Въ умственной жизни русскаго народа, также какъ и въ жизни церковно-богослужобной, въ XVI в. и въ первой половинѣ XVII вѣка все болѣе и болѣе обнаруживалось видимое раздвоенїе и борьба двухъ направленїй: съ одной стороны, направленїа истиннаго, просвѣщеннаго, стремившагося къ болѣе разумному и отчетливому познанїю христіанскаго ученїа и къ развитїю духовнаго просвѣщенїа; съ другой—направленїа невѣжественнаго, умственно-неподвижнаго, противодѣйствовавшаго всякому разумному движенїю мысли и развитїю просвѣщенїа; это былъ періодъ *борьбы тмы со свѣтомъ*, какъ справедливо замѣтилъ Штраль въ своей исторїи русской церкви ³⁾. Люди перваго направленїа съ жаждой искали просвѣщенїа, были «тщаливы къ наукѣ желали навыкати писанїа», и если не имѣли достаточныхъ способовъ для просвѣщенїа, съ благороднымъ, искреннимъ смиренїемъ сознавались въ недостаточности своего образованїа и глубоко сожалѣли о томъ, что «училища николѣ же видѣли». А люди темнаго, невѣжественнаго направленїа, «мнящїеся быти учителя», какъ жаловался Курбскїй, «говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ наукѣ, хотящихъ навыкати писанїа съ прещенїемъ заповѣдывали имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ и указывали на тѣхъ, кто «ума изступилъ, а онсица въ книгахъ зашолелъ а онсица въ ересь впалъ». «О бѣда», восклицаетъ Курбскїй: «отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другїе исправляются и врачевство смертноснымъ ядомъ называютъ» ⁴⁾. «Аще кто ни премудръ, ни разуменъ есть нехотѣй научитися, — жаловался неизвѣстный русскїй писатель хронографа первой половины XVII вѣка на русскихъ людей своего

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 459.

²⁾ Древн. Русс. Библиот. ч. XVIII, стр. 111—113.

³⁾ Strahls Beiträge zur russischen Kirchengeschichte.

⁴⁾ Опис. Рум. Муз. стр. 357.

времени, — той нехощеть отъ тмы и частыя мглы къ свѣту воззрѣти; мнози суть мнящесе умѣюще грамоту и мудры себе глаголющихъ быти малая нѣкая отъ писанія разумѣюще, и не хотятъ научити себе, но егда молвять псалмы Давыдовы, или чтуть святое писаніе, не вѣдятъ убо что глаголють и чтуть, мнящесе мудри быти «бъюродѣша»¹⁾. Люди благомыслящіе понимали все невѣжество, всю ограниченность пониманія русскихъ грамотниковъ XVII в., мнящихся быти учителями, и стремились къ изученію твореній лучшихъ, знаменитыхъ учителей грековосточной церкви. «Или Логину (головщику, востававшему противъ исправленія книгъ при патр. Филаретѣ) вѣрити»? говорилъ старецъ Арсеній Глухой, бывшій справщикомъ книгъ при томъ же патриархѣ «не буди сего: ибо паче достоинъ вѣровати Василию Великому и Іоанну Златоусту... Богоносніи отцы и учителя, исполнь суще премудрости и разума духовнаго, съ великимъ опасеніемъ блюли (чистоту и неповрежденность текста свящ. книгъ), у насъ же печатныя книги и письменныя отъ неискусныхъ писцовъ перепорчены отъ невѣдѣнія»²⁾. Приверженцы умственно-неподвижнаго, невѣжественнаго направленія, напротивъ, коснѣя въ невѣжествѣ, чуждались, отвращались ученія великихъ учителей христіанства. Когда препод. Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры, ввелъ читать въ храмѣ Божіемъ бесѣды Златоустаго, Логину это «море сладости, яко лужа негодная вмѣняшеса». Люди, стоявшіе за просвѣщеніе, вникали въ смыслъ церковныхъ книгъ, въ истины ими возвыщаемыя. «Ибо не глаголомъ единѣмъ», — говорилъ старецъ Арсеній, «достоитъ внимати, ниже чернилу и письменомъ вѣрити, но отвѣту писавшаго паче достоинъ вѣрити». Постѣдователи враждебнаго просвѣщенію направленія были слѣпо привязаны къ одной буквѣ. «Злословящии насъ, говоритъ тотъ же поборникъ просвѣщенія, точію чернилу вѣрятъ и письменомъ единѣмъ внимають, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ; не знаютъ ни православія, ни кривославія, божественная же писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти: священная же философія и въ рукахъ небывала». Наконецъ, люди свѣта, просвѣщенія, стремились къ расширенію круга духовнаго ученія, къ оживленію и просвѣщенію преобладавшаго доселѣ односторонняго церковно-обрядоваго направленія русской жизни и литературы свѣтомъ живой мысли, разумнаго знанія вѣры, стремились ввести въ кругъ русскаго просвѣщенія знаніе не одного часослова, но и языковъ латинскаго и греческаго, и стали приобрѣтати не одні церковныя книги, но и книги необходимыя и полезныя для гражданскаго просвѣщенія, книги греко-латинскія. А люди темныя съ ненавистію смотрѣли на всѣ эти новыя знанія и книги, какъ на еретическія противъ православныя, и занимающимся греческимъ и латинскимъ языками или, говоря ихъ словами, «ханающими за чужіе языки», угрожали проклятiемъ вселенскаго собора³⁾. *(Старыя книги, старыя поня-*

1) Сборн. начинающейсѣ хронографомъ рукоп. Солов. библ. № 864, л. 12.

2) Челобитн. Арсенія Глухова къ боярину Салтыкову. Сборн. Солов. биб. № 897, л. 110, 111.

3) Строева — описаніе книгъ Царскаго, стр. 253.

тія, и никакой новой свящей мысли, никакой новой книги, даже никакого новаго изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги! Вотъ жалкій дѣнь умственной жизни большей части нашего народа въ XVII вѣкѣ. Старыя книги все болѣе и болѣе оскудѣвали отъ времени, сгнивали: напримѣръ, въ половинѣ XVII вѣка, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «былъ велій недостатокъ божественныхъ книгъ слова Божія въ Великороссіи, ниже бо рукописныя отнюдь обрѣтахуся а также егда гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ обрѣстися, имъ же отъ многа времени оскудѣти». А между тѣмъ и этихъ, существенно-необходимыхъ христіанскихъ книгъ, нельзя было издать вновь безъ возмущенія народнаго. «Народи же къ сему усомнѣвахуся, говорить Епифаній Славеницкій, мняще неистинны быти (вновь изданныя библейскія книги съ греческихъ подлинниковъ), за порабощеніе страшихъ. Предпріятіемъ же и обычаемъ паче влекущися на древнее нравъ своего склоняхуся, первыя изданныя книги похваляху, настоящія же презираху, глаголють бо: *ветхое лучше есть* ¹⁾. Вообще предубѣжденіе противъ просвѣщенія въ XVII вѣкѣ въ самой большей части русскаго народа было крайне сильное и поражало всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію. «О преблагословеніи россійстѣи людіе, — говорили патріархи восточныя, бывшіе въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: вы Божимъ милосердіемъ и благодатию ниже ига работы страждете, ниже дани съ насиліемъ кесареви даете, но свободно жительствуете и велій покой имѣете, обаче ученія чуждаетея волею, малоцѣннѣе и мудрость предстоящу Богу, не добръ о ней держите, презираете ее» ²⁾. При такой холодности къ просвѣщенію, невѣжество доходило до крайности. Духовное просвѣщеніе было самое скудное и одностороннее, и то только въ самой небольшой части народа. Книги свящ. писанія, которыя бы могли просвѣщать умъ разумнымъ знаніемъ вѣры, весьма рѣдкіе читали: «погибоша поучающіися въ божественныхъ догматахъ», какъ жаловался п. Іосифъ. И изъ тѣхъ, которые читали духовныя книги, большая часть читала безъ всякой пользы и разумѣнія, «нынѣ убо сія, завтра же иная священная писанія читали напрасно! Мнози окаяніи пребываютъ, яко по толицѣмъ прочитаніи ниже имена вѣдаютъ святымъ книгамъ», жаловался въ XVII вѣкѣ одинъ неизвѣстный составитель сборника разныхъ статей XVI и XVII вѣка ³⁾. Такія жалобы на лѣность къ чтенію книгъ и безнечность о просвѣщеніи весьма часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ и сборникахъ XVII в. Безчисленное

¹⁾ Предисл. къ изд. библии 1663 г. Солов. библ. № 197.

²⁾ Въ словѣ въ день Рождества Христова Прибавл. къ твор. св. отц. 1845 кн. 2 Петрей in chronie Moscovitic. Das russische Volk grob bäurisch, tolpisch und unhöflich, darzu sie selbst Ursach seyn... Wollen keine Zucht und Ehrbarkeit lernen. 6. 3111. Оларіиъ писалъ: Ils (Moscovites) n'apprennent point d'art ni de science, et ils n'appliquent point leur esprit à l'étude; au contraire ils sont si ignorens qu'ils croyent qu'il faut être Sorcier pour faire un Almanach, et qu'on ne sauroit prédire les revolutions de la lune, ni les eclipses, que l'on n'ait communication avec le Daimon. Cest pourquoi tous les Moscovites murmurent de la resolution que le Grand Duc avoit prise de m'arreter à son service en qualité d'Astronomes et de Mathemaciens au retour de notre voyage de Perse et ils firent courir le bruit que leur prince alloit etablir un Magicien dans sa cour p. 203.

³⁾ Рук. Солов. библ. № 889.

множество въ народѣ было такихъ, которые не только не знали истинъ христіанскаго ученія, не различали, напримѣръ, въ своемъ сознаніи Бога отъ иконы, но и не знали даже краткой молитвы Господней. Самые книжки, вмѣсто того, чтобы уяснять и усвоить высшія истины священнаго писанія, Евангелія, занимались самыми мелочными вопросами, напр. въ родѣ того: како имя древу тому, на немъ же обѣсися Іуда? толкъ: сирѣнахи; или: коего мѣсяца сотвори Богъ Адама? толкъ: Марта мѣсяца въ 15 день; и проч. и проч. или: Іоаннъ рече: что суть ризы Господня? Григорій рече: восходъ и исходъ. Василиій рече: что есть стихарь? Григорій рече: семь небесъ. Іоаннъ рече: что суть патрахель? Василиій рече: патрахель есть желѣзные столпіе, на немъ же земля плаваетъ и проч. или рѣшали споры между жизнію и смертію, или истощали свою мудрость въ вымысленіи «азбуки о воскресеніи Христовѣ», «азбуки о воззваніи Божіи», азбукъ покаяльных и т. п. Отсутствіе серьезнаго умственнаго занятія, презрѣніе къ просвѣщенію и исключительное сосредоточеніе мысли на однихъ мелочныхъ обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ до такой степени ослабляло самую даже мыслительность, способность пониманія, что весьма многіе не могли понимать простыхъ учительныхъ книгъ, такъ что напр. нравоучительныя бесѣды Златоуста на Евангеліе на посланія Ап. Павла и дѣянія апостольскія казались «неразумительными слушающимъ и читающимъ», казались «иностраннымъ языкомъ» ¹⁾. А крайняя неразвитость, застой или ослабленіе силы мысли и разумнія породили въ умахъ большей части русскихъ людей, особенно невѣжественныхъ грамотниковъ, грубую напыщенность, самоувѣренность въ сужденіяхъ, безотчетное, грубое упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, хотя бы то самыхъ нелѣпыхъ, презрѣніе къ словамъ и мнѣніяхъ другихъ, особенно нетерпѣніе противорѣчій, или обличеній, хотя бы то самыхъ полезныхъ и основательныхъ. Къ большей части русскихъ людей XVI и XVII вѣка можетъ быть отнесенъ слѣдующій отзывъ иностранца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI вѣка: «какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы они, считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчій въ разсужденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются туда и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать другихъ, перебиваютъ слова» ²⁾. Точно тоже говорилъ Кошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Россійскаго государства люди въ государствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не приѣмлютъ... и не наученіемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности» ³⁾. При такомъ умственномъ состояніи большей части русскаго народа въ XVII вѣкѣ, при такомъ рѣзкомъ вѣковомъ раздвоеніи и борьбѣ людей свѣта, просвѣщенія, и людей тьмы и грубаго невѣжества, можно ли было ожидать, чтобы рѣшительное, энергическое стремленіе къ просвѣщенію людей пер-

¹⁾ Опис. Руск. муз. стр. 632.

²⁾ Ulfeld. p. 17.

³⁾ Кошихинъ стр. 71.

ваго направленія, такъ живо и сильно возбужденное духовно-просвѣтительною дѣятельностію Никона и особенно гражданско-просвѣтительною общественно-образовательною реформою Петра Великаго, не возбудило такого же сильнаго, энергическаго противодѣйствія со стороны людей противнаго направленія, и окончилось безъ борьбы и раздѣленія этихъ двухъ существенно-противоположныхъ, несовмѣстныхъ между собою направлений, уже болѣе столѣтія боровшихся между собою? Весьма трудно и даже невозможно было этого ожидать. И вотъ, когда Никонъ, «свѣтоводитель, богоданный въ свѣтоводительство русской церкви» XVII вѣка, сталъ разсѣвать мракъ невѣжества и исправлять книги, испорченныя невѣжествомъ, противники просвѣщенія, по словамъ Елифанія, «омрачившеся дебелиаго невѣдѣнія мракомъ, и мысленная очеса своя, еже на свѣтлоу лучу исправленій взирати, смѣживше, на первопрестольнаго священноначальника — свѣтоводителя злокозненно начали роптать» ¹⁾, и произвели расколъ. Сталъ свѣтоводитель Никонъ расширять кругъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи, и съ сою цѣлюю приобрѣлъ чрезъ Грека Арсенія до 1000 книгъ греческихъ и латинскихъ, въ томъ числѣ даже твореніе Гомера, Геродота, Гезіода, Софокла, Демосоена, Фукидида и другихъ древнихъ греческихъ писателей: противники просвѣщенія, подъ знаменемъ раскола, подняли фанатическій крикъ противъ внесенія въ Россію такихъ книгъ, какъ противъ книгъ еретическихъ. Расколочальникъ Феодоръ-дьяконъ писалъ «къ нѣкому другу своему Максиму»: «латинцы печатають книги въ трехъ градѣхъ своихъ въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи, и тѣ прокаженныя книги греко-латинскія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысячи сребра. Арсеній Грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія: онъ преводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ сотворили во всей русской землѣ, и пагубы навели противными книгами и чужими догматы нововводными» ²⁾. Тоже самое, какъ мы видѣли, говоритъ Аввакумъ, что «нынѣ расколъ творять книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ и другихъ странъ». Такимъ образомъ въ умственномъ отношеніи, въ отношеніи къ просвѣщенію, расколъ былъ не что иное, какъ отрицаніе просвѣщенія, какъ слѣдствіе крайне-ограниченнаго, односторонняго образа мыслей невѣжественныхъ поборниковъ русской народности XVII вѣка. Потому-то раскольники, возставая противъ патр. Никона, сильно, злобно возставали и противъ просвѣщенныхъ сотрудниковъ его — Арсенія Грека и ученыхъ иноковъ кievскихъ — Елифанія Славеникаго, Арсенія Сатановскаго и другихъ, дѣятельно занимавшихся при Никонѣ переводомъ и исправленіемъ книгъ. Они подавали даже челобитныя царю, чтобы онъ не давалъ книгъ этимъ, по ихъ выраженію, иностраннымъ инокамъ, ересей вводителемъ и прогналъ бы ихъ изъ Москвы ³⁾.

¹⁾ Предисл. къ Скрижали 1655 года

²⁾ Сочин. Феодора дьякона, ркп. библи. Казан. Дух. Академ.

³⁾ Такъ Нероновъ въ 1653 или 54 году писалъ изъ заточенія царю, какъ отчасти мы и выше видѣли, «отноудь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ преводить, ниже вручити, яковъ же оный лукавый чернецъ Арсеній Грекъ... Охъ, увь, благочестивый

А упорство раскола въ своихъ очевидно ложныхъ мнѣніяхъ есть ни что иное, какъ слѣдствіе того мрачнаго умственного недостатка русской народности XVI и XVII вѣка, о которомъ говорятъ Ульфелдъ и Кошинъ, то есть,—грубаго упрямства въ своихъ мнѣніяхъ, нетерпѣнія противорѣчій, презрѣнія къ словамъ другихъ, «говоренія отъ ненаученія многихъ рѣчей къ противности». На расколъ, какъ на слѣдствіе крайне-ограниченнаго и узкаго взгляда русскихъ людей XVII вѣка на книжное учение и просвѣщеніе, смотрѣли и просвѣщенные современники его происхожденія и первоначальнаго распространенія. «Понеже, — говоритъ бывший переводчикомъ посольскаго приказа Авраамій Фирсовъ въ припискѣ къ переведенной имъ въ 1683 году псалтири, — понеже нашъ російскій народъ грубый и неученый, не только простые, но духовнаго чина истинныя вѣдомости, и разума, во святомъ писаніи не ищутъ, и ученыхъ людей поносятъ, и укоряютъ и еретиками ихъ называютъ, вѣрятъ токмо тому писанію, которое въ недавнихъ лѣтѣхъ напечатано, лѣтъ около 40, 50 и 70, а болѣе ста лѣтъ—таковымъ книгамъ не вѣрятъ; а которыя новоправленныя книги со старыхъ, истинныхъ, свидѣтельствованныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, правлены при нашемъ житіи, аще и лучше гдѣ въ разумѣ и въ нарѣчій грамматическаго чина, исправлено: обаче за невѣжество свое тому не вѣрятъ, новыми книгами и ересію называютъ ихъ... И такого ради ихъ невѣжества бываютъ нынѣ въ Россійскомъ Государствѣ несогласія, расколы, междоусобія, и въ церкви Божіи великій мятежъ» ¹⁾. Невѣжество породило расколъ, невѣжество и способствовало его распространенію. «Простресея тое ученіе яко же въ Россіи, тако и въ Сибири, говоритъ Игнатій, митроп. тобольскій: понеже нѣцыи невѣдяху истины, что есть православная вѣра, и уклоняхуся въ нечестіе» ²⁾. Отцы собора 1667 года также говорили, что многіе и сами приняли расколъ и другихъ совратили въ него по причинѣ многого невѣдѣнія божественныхъ писаній ³⁾. «Мнози и отъ благочестивыхъ за скудость ума своего послѣдовали расколу», замѣчаетъ патріархъ Іоакимъ ⁴⁾.

Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое *легковѣріе и суевѣріе*. Такъ было и въ русскомъ народѣ въ разсматриваемое время. При «гладѣ душевномъ при оскудѣніи пищи духовной, сирѣчь проповѣди слова Божія въ насыщеніе душъ христіанскаго народа», какъ говорили

царю! стани добръ церковное чадѣ. И пакы молимъ тя, Государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ непринимай: зримъ бо въ нихъ, Государь, ни едину отъ добродѣтелей». Самого Никона лично Нероновъ упрекалъ: „иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь, и обычаи тѣхъ приемишь... А мы прежде сего у тебя же слышали, что многжды ты говаривалъ намъ: гречане де и малые. Россіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ правовъ нѣтъ у нихъ. А нынѣ у тебя то и святые люди и законоучители... порочнаго чернеца Арсенія ты взялъ изъ соловенскаго монастыря на смуту, и устроилъ того яко учителя, паче же къ тишенію печатному правителя“.

¹⁾ Опис. славян. рукоп. москов. синод. бібліотеки стр. 191, 192.

²⁾ 3 послан. въ Правосл. Соборѣхъ. 1855, кн. 2.

³⁾ Дополн. къ А. Н. т. V, стр. 459.

⁴⁾ Увѣст. л. 10, об.

нѣкоторые пастыри русской церкви XVII вѣка ¹⁾, духъ народа считалъ и жилъ большею частію суевѣріями. Вѣра истинная, живая, не имѣя твердой животворной пищи и разумнаго основанія, при отсутствіи живого бого-словскаго просвѣщенія, вѣра безъ знанія, истощалась, изживала, мертвая обращалась въ суевѣріе, искала себѣ пищи только въ старыхъ русскихъ повѣрьяхъ, сохранившихся отъ временъ язычества, да въ новыхъ вымыслахъ невѣжества и суевѣрія, какія въ XVI и XVII вѣкѣ распространились въ многочисленныхъ «толстыхъ сборникахъ». Праздная, суевѣрная мысль, не почерпая изъ слова Божія возвышенныхъ, глубокихъ истин христіанства для своего питанія, обогащенія, занятія, не зная болѣе возвышенныхъ предметовъ для размысленія и познанія, занималась мистическими, религиозными толками, безотчетной, ни на какомъ разумномъ началѣ и основанной аналогіей отъ предметовъ вѣры и церкви къ явленіямъ физическимъ и житейскимъ. Напримѣръ, занимались такими сближеніями: «аще будетъ рождество Христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождена, жатва суха, меду пооскудно, язя скотомъ, и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру, потомъ дожди велики будутъ. а будетъ язя трясавичная и напрасная смерть многимъ и т. д.» по всѣмъ днямъ, въ какія случится праздникъ рождества Христова, предсказываются разныя хозяйственно-домашнія и физическія явленія или перемѣны ²⁾. При господствовавшемъ въ то время въ большей части народа безотчетномъ, мертво-обрядовомъ направленіи христіанскаго благочестія, и при крайнемъ недостаткѣ живого богословскаго просвѣщенія, суевѣрные русскіе люди днями, мѣсяцами и годами измѣряли силу и дѣйственность молитвъ, постовъ. Напримѣръ, въ сборникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаются такіе представленія: «Іоанна Златоустаго молитва Господу нашему Іисусу Христу: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ся глаголетъ, яко изъ ноздри дыханіе,—по первѣмъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій; по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый; по третьемъ лѣтѣ приидетъ къ нему Отецъ и вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворить, и пожретъ молитва сердце, и сердце пожретъ молитву, и начнетъ кликати безпрестанно молитву сію день и ночь» ³⁾. Или: «мѣсяца Марта аще кто постится человекъ 4 дни: недѣлю, понедѣльникъ, среду и пятокъ, да причтется четверемъ на десять родомъ Авраамлиимъ» ⁴⁾. Или: думали избавиться отъ разныхъ непредвидѣнныхъ бѣдствій однимъ произнесеніемъ имени или воспоминаніемъ какого-либо святого, иногда и вымышленнаго, невѣдомаго церкви. И такъ на всякой случай придуманъ былъ какой либо святой: напримѣръ, въ сборникѣ Соловецкой бібліотеки подъ № 889 читаемъ такую статью: азъ, Гри-

¹⁾ Древн. Росс. вивліюв. ч. XVIII, стр. 111—113. Строева—опис. книгъ Царскаго стр. 248.

²⁾ Сборн. Солов. бібл. XVII в. № 889.

³⁾ Сборн. Солов. бібл. № 890.

⁴⁾ Опис. Рум. муз. стр. 514.

горій рече,—придохъ ко ангелу, и рѣкъ ему сіе: скажи ми, Господи ангеле: аще плаваеши въ ладіи, помяни святаго ангела Гавріила, и избавить тя отъ всякаго зла; аще хоцещи иди по горамъ, или по пустынямъ, помяни святаго ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святаго Ноѣля; егда ложася спати, помяни святаго ангела Помайла, той бо есть ющій стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аонаяла: той бо есть утѣшитель ангеломъ и человѣкомъ; егда стяжеши догъ и храмъ ставиши, помяни св. ангела Мисаила, той убо есть утвержденіе храму; егда наліеши пиво или медъ или иное что, помяни св. ангела Рахаила: споро ти будетъ; егда идеши тягаться, помяни св. ангела Уриила, скоро потяжеши; егда идеши на путь, помяни св. ангела Русаила: супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ, помяни св. ангела Панеараона». Предметы священные, церковные, какъ напр. Евангеліе и крестъ, и имена святыхъ употребляли въ колдовствѣ и заговорахъ ¹⁾; сочиняли «лживыя молитвы о трясовицахъ, о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясовичныя писали на просфорахъ и на яблокахъ болѣсти ради» и невѣжи все это заучали, вмѣсто того, чтобы изучать истинныя церковныя молитвы; даже извѣстное апокрифическое посланіе Христово къ Авгарю неразумные носили на шеѣ, и имъ заговаривали больныхъ отъ болѣзней ²⁾. Изъ вышеупомянутомъ сборникѣ солов. библиот. есть такой заговоръ надъ бѣглецомъ или заблудившимся, въ видѣ молитвы тремъ исповѣдникамъ: «Святіи Божіи исповѣдницы: Гуріе и Самоне и Іавиве: якоже есте возвратили дѣвицу погибшую въ градъ свой во Едесъ, тако и сего возвратите погибшаго прекъ: Аврааме свяжи, Исааче пожени, Іакове путь ему замети и путь ему сотвори темень, ангель пожени, во имя Отца и Сына и Свят. Духа, ѿмѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» ³⁾. Въ этомъ же сборникѣ предлагаются суевѣрнымъ еще слѣдующіе темныя мистическіе совѣты, отзываются еще чѣмъ-то міеологическимъ: «се умолвити: червь въ человѣцѣ или въ винѣ: какъ зайдетъ солнце, плюни на камени, или на рану глаголя: ся падма си; или надъ солію, да примолви сице: сѣдла гремятъ, а узды звачуть, порожныя мѣхи ѣхати (sic)» ⁴⁾. И много подобныхъ нелѣпыхъ вымысловъ невѣжества, которыми питалось суевѣріе, можно бы привести изъ однихъ сборниковъ одной соловецкой библіотеки; но достаточно и приведенныхъ, чтобы видѣть, какъ возможно было возникновеніе и развитіе раскола со всѣми его совершенно такими же суевѣріями и нелѣпостями. При недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣрія эти въ народѣ особенно поддерживались колдунами и чародѣями, этими вѣковыми хранителями языческихъ суевѣрій. Древнія языческія суевѣрія въ XVII вѣкѣ какъ будто снова оживали въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и пракъ этихъ суевѣрій до такой степени окружалъ, отемнялъ умственную жизнь народа, что правительство церковное и гражданское находилось

¹⁾ Архивъ Калачева кн. 2.

²⁾ Въ прилож. къ ркп. Солов. библ. Аввы Дороея.

³⁾ Сборн. Солов. библ. № 889.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, въ рукописи недонисанъ этотъ наговоръ.

вынужденнымъ дѣйствовать противъ суевѣрій особенно, систематически указами и грамотами. Въ XVII вѣкѣ неоднократно возникали даже процессы о колдовствѣ ¹⁾. Въ одномъ сборникѣ XVIII вѣка сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и предрасудковъ, которые омрачали умственную жизнь самой большей части русскаго народа въ XVI, XVII и даже XVIII вѣкѣ, и между прочимъ здѣсь сказано, что многіе «волхвы и еретицы и богомерзкія бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ и ложная вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ». Волхвы, чародѣи, сумасброды и лихія бабы прельщали простой народъ ворожбой, гаданьемъ, колдовствомъ и различными суевѣрными наговорами, заговорами и чарами. А легковѣрные любили съ услажденіемъ слушать бредни такихъ суевѣровъ и вѣри въ волхвованіямъ чародѣевъ, благоговѣли передъ ними, какъ передъ истинными учителями и пророками. Вотъ что напр. писалъ объ этомъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Сибири, въ Тобольскѣ и иныхъ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ, мірскіе великихъ чиновъ люди, и жены ихъ и дѣти, въ воскресенье и въ господскіе дни, и великихъ святыхъ, во время святого пѣнія въ церкви Божіи ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество; и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанахъ учинилось многое неистовство: многіе люды забывъ Бога и православно-христіанскую вѣру, тѣмъ прелѣстникомъ с морохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся.... въ родахъ и уѣздахъ, бываютъ со многими чародѣйствомъ и волхвованіемъ иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ, и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правотъ всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» ²⁾. Замѣтимъ, что здѣсь именно въ Сибири, и являлись расколоучители—чародѣи. «Вѣкъ тогдашній говоритъ Болтинъ о XVII столѣтіи, благовременемъ былъ пустосвятскій обману и подлогамъ; ханжи и лицежбы чудесамъ не вѣрили, но по своему въ томъ обрѣтали: большая часть народа вѣрили и обманщиковъ обогащали; нѣкоторые, видѣвъ обманъ, говорить не смѣли, и таковыхъ было не много. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія, уваженія» Даже дворъ царицы Параскевы Феодоровны, по словамъ Татищева, съ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ; между многими такими былъ знатный Тимофей Архиновичъ, съумазброды подъячій, котораго суевѣры почитали за святаго и пророка ³⁾. Въ пере

¹⁾ См. два акта XVII вѣка о волшебствѣ въ архивѣ историко-юрид. свѣдѣній Россіи кн. 2. пол. 2. отд. VI, стр. 57—61. Дворц. Разряды т. III, стр. 1288. 1428. А. юрид. № 30: судн. дѣло о кореньѣхъ и травахъ. Арцыбаш. повѣсть о Россіи т. III, кн. стр. 445. ст. Аванасьева «о колдовствѣ въ старину на Руси». Соврем. 1851. № 4.

²⁾ Акт. ист. т. IV. № 35. стр. 124 и 125. А. А. Э. т. III. № 264.

³⁾ Замѣч. на Леклерка т. I, стр. 550. Дьяк. Петра Великаго, Голикова. т. 13 стр. 1.

⁴⁾ Въ 50 пр. кн. XII тл. 1-й кн. своего свода Лыбшисей, Татищевъ, по повѣ Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Негровъ, замѣчаетъ: «у насъ многіе и

половинѣ XVII вѣка бывали примѣры, что даже простыя женщины — по селянски являлись народными учительницами, всенародно объявляя, что имъ были божественныя видѣнія и откровенія, напр. о томъ, чтобы православные «христіане табаки не пили». Простой народъ при грубомъ невѣжествѣ, до того былъ легковѣренъ и суевѣренъ, что готовъ былъ вѣрить всякому нелѣпому слуху, всякой хитросплетенной лжи. Вотъ что, уже въ дни возникающаго раскола, писалъ, напр., Никонтъ въ окружной грамотѣ, по случаю мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Россіи въ 1656 году: «мнози куюно и особѣ собирающесе, о насѣ глаголаху неподобная, и грѣхи напаче понимающе, ихъ же мы не точію не содѣлахомъ, но ниже во снѣ помыслихомъ.... и ложная отъ лукаваго сердца видѣнія и сонія предъ очи простѣйшихъ предлагаху, простіи же и ненаученіи невѣдуще полезнаго, и внимаютьъ наснемъ ихъ крамольнымъ и бѣсовскимъ и ложнымъ ихъ пророчествамъ. Мнози бо тогда не внимающе правому велѣнію и оныхъ крамольныхъ лживыхъ баснословій налившеся клеветаху овъ на сего, овъ же на инаго, яко повинныхъ творяще моровому повѣтрію, и мнози бѣсомъ прельщеніи пророчествоваху ложная, и о нихъ же всемъ явно, яко ничто же отъ глаголь ихъ сбытсѣя, точію себѣ губяще и братію свою, и на Бога хуляще, аки имъ извѣщеніе бысть се и се отъ Бога, лживѣ вопіяху къ людямъ, неутвержденныхъ сердца своимъ лукавымъ помышленіемъ возмущающе и глаголюще: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщеніе се, и сіе пріяхъ отъ Бога, дабы въ слѣдъ себѣ многихъ отторгнули, и мнози тому послѣдующе по ихъ сказанію погибша» ¹⁾. Съ XVI вѣка, кромѣ того, въ настроеніи русскихъ умовъ особенно усилилось еще какое-то странное-мистико-апокалипсическое воззрѣніе не только на церковныя, но и на гражданскія событія и перемѣны въ Россіи. Объ немъ мы отчасти уже сказали, и теперь только дополнимъ сказанное нѣсколькими фактами. Это мистико-апокалипсическое воззрѣніе развилось частію вслѣдствіе преобладавшаго въ старину, почти исключительно религіознаго настроенія духа, по которому на все, даже въ самомъ мірскомъ, гражданскомъ быту и во внѣшней, физической природѣ, смотрѣли съ религіозно-мистической точки зрѣнія, но главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка надлежащаго, разумнаго богословскаго просвѣщенія. При религіозно-мистическомъ настроеніи духа, гадая о судьбѣ Россіи, особенно во времена бѣдствій и сильныхъ ея потрясеній, въ таинственной книгѣ — апокалипсисѣ, какъ богооткровенной, пророчественной книгѣ судьбъ міра, искали рѣшенія вопросовъ о значеніи того или другаго политическаго явленія или переворота въ Россіи. Особенно великое, бѣдственное потрясеніе Россіи въ началѣ XVII вѣка открывало людямъ религіозно-настроен-

весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладавшие сему твердо вѣрять. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавшіе довольно вѣрили.... Одна баба тоже о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилась. А. II. 1. стр. 192.

¹⁾ Окружное посланіе патр. Никона по случаю моровой язвы: см. Начерт. житія Никонова — Аполлоса стр. 129—132.

нымъ, но легкомысленнымъ, непросвѣщеннымъ, широкій просторъ для разныхъ мистико-апокалипсическихъ толковъ и гаданій, которые, распространяясь въ народѣ, возбуждали въ немъ суевѣрные ожиданія скорыхъ свѣтопреставленій, безотчетныя опасенія за цѣлость и сохранность православной русской вѣры и церкви и древняго порядка и устройства Россіи. Подъ вліяніемъ мистико-апокалипсическихъ воззрѣній, въ каждомъ обыкновенномъ лицѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ русскихъ людей, или возмущавшемъ старый порядокъ вещей, или вводившемъ что-либо новое, видѣли образъ антихриста. Напр. папу, который въ то время особенно старался обратить Россію къ католицизму, иначе и не называли какъ *антихристомъ*. Явился самозванецъ, бывший чернецъ Григорій Отрепьевъ, и въ немъ видѣли воплощеніе антихриста, говорили: «се образъ антихристовъ», и мученическою кровію запечатлѣвали такое свое убѣжденіе. Другіе ждали какихъ-то міровыхъ перемѣнъ, скорой кончины міра и второго пришествія Христова. Еще въ концѣ XV вѣка, въ новгородской пасхалии противъ послѣдняго года (1492) 7-й тысячи лѣтъ написано было: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, въ сіе лѣто чаемъ и всемірное твое пришествіе: тоже сказано было въ лѣтописи ¹⁾. Роковой 1492 годъ прошелъ, но неразумительные люди все еще толковали о какихъ-то міровыхъ перемѣнахъ: въ XVI вѣкѣ какой-то Николай пишетъ дьяку великаго князя Мисюрю Мунехину «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вселенныя страны и царства и областемъ и градомъ и обычаемъ и достоинствамъ и селомъ и бѣлугамъ морскимъ вкупѣ всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное преизмѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто не узрится солнце, по російскому счету лѣта 7032 отъ начала міра» ²⁾. Въ первой половинѣ XVII вѣка не только суевѣры, но и люди достаточно по тому времени образованные, всматриваясь въ смуты своего времени, въ переворотъ государственный, съ тревожнымъ чувствомъ ожидали исполненія роковыхъ временъ, предсказанныхъ въ апокалипсисѣ, и предуготовляли къ тому народъ: «не у еще время временъ и полвремени исполнися, по откровенію Іоанна Богослова, говорили они: того ради намъ зрящимъ подобаетъ внимати» ³⁾. При такомъ настроеніи умовъ, могъ ли не имѣть успѣха расколъ, который, въ религіозномъ отношеніи, и есть не что иное, какъ окончательное проявленіе, утвержденіе, освященіе всѣхъ мнѣній и суевѣрій XVI и XVII вѣка. Ложно-апокалипсическій взглядъ раскола на церковныя исправленія Никона и гражданскія преобразованія Петра Великаго, главная и существенная причина повѣдь его о воцареніи будто-бы въ Россіи антихриста съ 1666 года суть прямое слѣдствіе, окончательное развитіе и выраженіе мистико-апокалипсическихъ мнѣній и ожиданій XVI и первой половины XVII вѣка. И такъ какъ эти мнѣнія сильно, глубоко занимали въ то время духъ народа, то не удивительно, что расколъ, раскрывшій, освятившій эти мнѣнія, встрѣтилъ живое сочувствіе въ большей части народа и сильно распро-

¹⁾ Соф. Врем. II, 65.

²⁾ Хронографъ Сол. библ. № 53, л. 341.

³⁾ Сказ. Авраамія Палицына.

нялся. Какъ сильно дѣйствовала на духъ народа и совращала въ олъ проповѣдь расколоучителей о кончинѣ міра и пришествіи анти-та, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія митрополита пьскаго: «нынѣшніи еретицы, говоритъ онъ, ужасъ осатанинскій по-це: яко уже настойтъ день втораго Христова пришествія и кончина оящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дне смущающе народы, и іій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ сквернаго ученія, гоі нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови убо оставили дома, італи за ними, яко овцы за волками, и погублени быша отъ нихъ: огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, ови же и донынѣ еще ѡватіи скитающесе и помирають безъ таинѣ божественныхъ» ¹⁾. Не имѣть уже о послѣдующемъ ужасномъ развитіи въ расколѣ мистико-апокалипсическаго представленія о воцареніи въ Россіи антихриста и инѣ міра, особенно въ XVIII вѣкѣ, когда суетвѣры ложились даже въ ѡ, съ часу на часъ ожидая втораго пришествія Христова, неопровер-) будучи убѣждены, что антихристъ проникъ не только въ гражданское ство, но и въ самыя стихіи — огонь, воду и землю... Утвердившись и ившись такимъ образомъ посредствомъ мистико-апокалипсической ѡвѣди своей обѣ антихристѣ и кончинѣ міра, совершенно согласо- ейся съ суетвѣрными мнѣніями и ожиданіями XVI и XVII вѣка, ѡлѣ, не менѣе того, освятилъ, такъ сказать, и употребилъ въ свою зу, для своего успѣха, и другія суетвѣрія народа. Такъ уже самы- ые расколо-начальники, чтобы лучше обмануть простой народъ, пред- іялись предъ нимъ духовидцами, сподоблявшимися будто-бы свыше ственныхъ откровеній; во время язвы они распускали слухъ, будто ебесномъ видѣніи велѣно остановить печатаніе исправленныхъ и. Пи- мѣть книгъ. И удивительно ли, что люди суетвѣрные на слово вѣрили мѣ, по выраженію и. Никона, «небылиннымъ зракамъ», и приставали расколо-учителямъ ²⁾. Равнымъ образомъ и послѣдующіе расколо- ели, чтобы съ большимъ успѣхомъ увлекать въ свои сѣти легковѣр- ѡ, нерѣдко выдумывали различныя будто-бы богодухновенныя, сно- нія, пророчества и чудеса: «овъ, говоритъ патр. Іоакимъ, глаголетъ анъ чрезъ явленіе самаго Бога; другій чрезъ явленіе ангела, иные ѡ иныхъ святыхъ, ради истины проповѣданія» ³⁾. Нѣкоторые изъ оло-учителей, для успѣшнѣйшаго совращенія православныхъ въ расколъ, вѣгали даже и къ чародѣйству, волхвованію и лживымъ чудесамъ, въ рья народъ сильно вѣрилъ, и такимъ образомъ весьма успѣшно рас- гранияли расколъ ⁴⁾. Такъ, напр., въ концѣ XVII столѣтія, на пути отъ

¹⁾ 3 послан. въ Правосл. Собесѣдникъ, стр. 165.

²⁾ Дополн. къ акт. ист., т. III, стр. 446—447.

³⁾ Слово благодарств., л. 68.

⁴⁾ Въ 1708 г. св. Димитрій Ростовскій писалъ къ государынѣ царицѣ Параскевин ювиѣ, ходатайствовавшей за попа села Курбая, Давида, что попу этотъ отставленъ авиламъ за его нечестовство и раскольническое противленіе церкви православной, лженіе книгъ православныхъ, за развращеніе людей простыхъ въ предѣсть рас- ическую и за *лживыя его чудеса* и пр. Древ. Росс. Вавіон., ч. XVII, стр. 67.

города Вологды къ Каргополю, въ одномъ пустынномъ мѣстѣ посещать расколо-учитель, волхвъ и чародѣй, который, между прочимъ, училъ вращать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «Слыша о такомъ родѣ, многи»—говоритъ Дмитрій Ростовскій, «пришедши сожителю ваху тому, имуще его себѣ учителя и наставника». Когда этотъ въ расколоучитель переселился съ своими учениками въ предѣлы вѣд. Новгорода и поселился въ монастырѣ Палеостровскомъ,—«къ нему начали собираться послѣдователи со всѣхъ мѣстъ, учениемъ его легко прельщаемы, и волшебствомъ привлекаемы» ¹⁾. Такимъ образомъ расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространялся по причинѣ суевѣрія давняго въ XVII и даже въ XVIII стол. умами многихъ православныхъ. II пастыри нашей церкви справедливо называли его прямо суевѣріемъ.

Не менѣе суевѣрія благопріятствовала, какъ происхожденію, умноженію раскола, и крайняя *холодность и невнимательность* къ также сильно господствовавшая въ немалой части русскаго народа расколомъ и во время распространенія его. Многіе православные, и внутренняго чувства благочестія, не чувствуя и не сознавая нравственныхъ потребностей и благотворности для души христіанскаго богослуженія, инстинктивно вѣры, весьма охладѣли къ церкви, стали жить почти въ шенномъ отчужденіи отъ нея, стали нерадѣть объ исполненіи существующихъ христіанскихъ обязанностей, почти вовсе перестали освящать таинства церкви, и жили какъ невѣрные. Такъ въ 1650 годъ Алексѣй Михайловичъ писалъ въ грамотѣ, посланной въ Свѣяжскъ домо намъ, что въ городахъ и селахъ и въ деревняхъ христіане много безъ отцовъ духовныхъ, многіе и помираютъ безъ покаянія, а о томъ мало не радѣютъ, чтобы имъ исповѣдаться грѣхъ свои, и Тѣлу и Господней причащаются» ²⁾. О томъ же писалъ Государь, въ 1660 въ Новгородъ, но еще сильнѣе: «есть нѣкіе православные, говорятъ именуются все православные христіане, разныхъ вслкихъ чиновъ отъ простоты ума своего и своимъ неразуміемъ и нерадѣніемъ, горю ради о душахъ своихъ нисколько попеченія не имѣютъ и безъ покаянія всегда пребываютъ, отцовъ духовныхъ у себя николи не имѣютъ исповѣданіемъ грѣховъ своихъ душами своими погибаютъ и во мѣ грѣсѣхъ нечувствомъ бывають, и многіе въ совершенныхъ лѣтахъ тридцать, и въ чотыредесять и въ пятьдесятъ и выше, а иные терпѣніемъ Божіимъ и до старости дошли, а къ покаянію еще не шли и отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ никогда, и таковыя по шимъ горѣше невѣрныхъ: а когда таковыя въ болѣзни телеснѣ и впадуть тогда они, боящися Бога, хотятъ, дабы ихъ у церкви погребли, и выхъ покаяніе невольное при смерти вмаѣ пріятно Богу, а когда с

¹⁾ Розыскъ. ч. III, гл. 12. см. также посл. Пигатія тобольскаго во 2 кн. II Собор. дн. за 1855 г.

²⁾ См. напр. II. С. З., т. VI, стр. 492.

³⁾ Полн. Собр. зак. т. I, стр. 246.

болѣзни возстають, тогда покаяніе свое забываютъ, а у отцовъ духовныхъ самоизволеніемъ своимъ и до смерти не бываютъ и во многихъ грѣсѣхъ безъ покаянія и до старости пребываютъ, аки чужды вѣры Христовы, а иные многіе просто безъ покаянія помирають незапною скорою смертію»¹⁾. О богослуженіи и соблюденіи нравственно-благотворныхъ постановленій церкви крайне нерадѣли и не заботились. Такъ попы и дьяконы, а по примѣру ихъ и прочіе церковники и всѣ прихожане, дворяне и всякіе служилые люди, не ходили въ церковь не только въ воскресные дни, но и въ большіе Господскіе и Богородичные праздники, и въ великій постъ не говѣли²⁾. Холодность къ богослуженію такъ была сильна въ народѣ въ періодъ появленія и распространенія раскола, что не только въ XVII в. цари Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, но и въ началѣ XVIII в. Петръ Великій многократными указами своими побуждали народъ ходить къ богослуженію, исповѣдываться и причащаться. «Великому Государю вѣдомо учинилось», читаемъ въ именномъ указѣ Петра Великаго отъ 17 февр. 1718 года, «что многіе разночинцы и посадскіе и поселяне обыкли жить празды, и нетомко что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе Господскіе праздники николи въ церковь къ службѣ Божіей не ходятъ и не исповѣдываются. Для того указалъ, по именному своему Царскаго Величества указу, подтвердить указомъ и прибить по городамъ и по селамъ и деревнямъ печатные листы, дабы всѣ вышеописанные люди въ Господскіе праздники и воскресные дни ходили въ церковь къ вечернѣ, къ заутренѣ, а паче же къ св. литургіи и по вся годы исповѣдывались; и то надзирать въ приходахъ самимъ священникамъ и причащикамъ и старостамъ, гдѣ случатся»³⁾. Чрезъ эту нравственную холодность къ христіанскому богослуженію сердце такихъ людей дѣлалось жестокимъ, грубымъ; духъ охлаждвалъ къ высокимъ нравственнымъ внушеніямъ церкви, подавлялъ въ себѣ чистыя, возвышенныя, живыя нравственные чувства и помыслы, подвергался внутренней мертвенности, ожесточенности, не получая въ церкви нравственного освѣженія, подкрѣпленія, очищенія и оживленія. Отсюда происходила холодность ко всему церковному и равнодушіе при совершеніи всякаго рода преступленій. Къ храму многіе не оказывали никакого благоговѣнія: такъ священники «корчемствовали въ церквахъ; вмѣстѣ съ прихожанами торговали церквами и продавали ихъ какъ вотчины»⁴⁾; много было между православными святотатцевъ, которые вторгались въ самое святилище храмовъ — въ алтарь, не только ночью, но и днемъ, и святотатственно похищали сосуды, одежды и другую церковную утварь⁵⁾. Во время богослуженія весьма многіе православные стояли въ храмахъ безъ всякаго чувства благочестія

¹⁾ Акт. археогр. экзекд. т. IV, № 115.

²⁾ А. А. Э. т. IV, № 188, 321, 324. Къ таинствамъ церкви оказывали холодность и неблагоговѣніе. II. С. З. т. I, стр. 249, 629. — Опис. староп. кн. Царск. стр. 136. — Доп. къ Ак. Ист., т. V, стр. 47.

³⁾ Полн. Собр. Зак., т. V, № 3169.

⁴⁾ Полн. собр. зак., т. I, стр. 690.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 776.

и благоговѣнія; не рѣдко даже ругались и дрались до крови, чувствуя въ душѣ потребности искренней, теплой, животельной для духа молитвы, «божественныя пѣнія и чтенія и благочинновныхъ священниковъ наказаніе вотще презирали, о благостояніи въ святыхъ Божіихъ церквахъ поученія не принимали, а еще болѣе о томъ самихъ священниковъ поносили и укоряли»: такъ жаловался п. Іосифъ въ 1636 году одному поповскому старостѣ¹⁾. Такой духъ охлажденія къ храмамъ, къ богослуженію, очевидно, питалъ, развивалъ въ сердцахъ такихъ прамъ славныхъ духъ раскола. Холодность, невнимательность къ церкви, ея постановленіямъ, таинствамъ и богослуженію во многихъ доходила до такой степени, что они сами, по доброй волѣ, не хотѣли соблюдать уставовъ православной церкви и правилъ христіанскаго благочестія, потому что чувство любви къ церкви и духъ христіанскаго благочестія въ нихъ совершенно охладѣли; а когда напоминали имъ объ этомъ заботливые пастыри, побуждая ихъ соблюдать уставы церкви и правила христіанскаго благочинія, они дерзко роптали противъ сихъ пастырей. «Вѣдомо намъ учинилось отъ князь Иванъ грамотокъ Хованскаго», писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ одномъ письмѣ своемъ къ п. Никону, «что будто они пропасть, а пропастъ свою пишеть, что будто ты его заставляешь съ собою у правила стоять ежедень... и потомъ и я тебя, Владыко святыи, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставляй у правила стоять: добро, Государь Владыко святыи, учить премудра, премудрости будетъ, а безумному мозоліе ему есть»²⁾. Другой бояринъ, по имени Василій Отяевъ, писалъ къ друзьямъ своимъ: «лучше бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ князь Иванъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ, какъ детаць, что сильно заставляеть говѣть, никого де силою не заставишь вѣровать»³⁾. Многіе, какъ увидимъ еще ниже, любили жить на просторѣ, совершенно независимо отъ благоразумныхъ и благотворныхъ постановленій церкви, которыя для нихъ казались невыносимо-тяжкимъ бременемъ. Такъ изъ заказной грамоты Маркелла, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго (данной въ 1658 году) видимъ, что многіе крестьяне жили не по правиламъ церкви, держали у себя наложницъ, безъ молитвы и благословенія церковнаго⁴⁾; «женились въ роду и племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ и при жизни первыхъ женъ»⁵⁾; и множество другихъ нравственныхъ недостатковъ проистекало отъ невнимательности и холодности къ нравственно-воспитательнымъ постановленіямъ церкви⁶⁾. Въ такихъ-то отношеніяхъ находилось безчис-

¹⁾ А. А. Э., т. III, № 264. См. также т. IV, № 188 и 321. Ак. Пет., т. IV, № 151, стр. 296, т. V, № 152, стр. 263. Дополн. къ Ак. истор., т. V, стр. 461, 468. А. И., т. V, стр. 115, 117, 413, 465.

²⁾ Начертаніе житія Никона, стр. 117.

³⁾ Тамъ же стр. 118.

⁴⁾ Ак. Археогр. Экспед., т. IV, № 105, стр. 146.

⁵⁾ Древн. Росс. Вивліон., ч. XV, стр. 384, 385, 386. Грам. и Ак. Ряз. края, стр. 131. Ак. Арх. Эксп., т. IV, № 42, стр. 62.

⁶⁾ Грам. и Ак. Рязань. края, собр. и изд. Пискаревымъ, стр. 132. А. А. Э. т. IV, стр. 498. П. С. З., т. I, стр. 254 и т. II.

ное множество русских христіанъ къ церкви, когда среди ихъ и изъ-
ды ихъ же самихъ появились лжеучители и стали проповѣдывать во
услышаніе, что на землѣ нѣтъ истинной церкви, что та церковь, ко-
ая называется православною, не церковь, таинства ея — не таинства,
кверны, храмы—не храмы, а конскія стоялища, и что потому не должно
идти въ церковь, не должно принимать таинствъ, можно вступать въ
къ безъ благословенія церкви, не должно поклоняться иконамъ и чет-
оконечному кресту, а слѣдуетъ прервать всякую связь съ церковію ¹⁾.
жно себѣ представить, какъ радостно слышали эту проповѣдь, и съ
ую охотою ее приняли всѣ тѣ православные, которые носили только
ю имя православныхъ христіанъ, а въ душѣ своей давно готовы были
азаться отъ церкви, которые, еще числясь въ церкви православной, въ
лѣ истинно-православныхъ, уже давно въ сердцѣ своемъ отреклись
нея, совершенно охладѣли къ ея постановленіямъ, Богослуженію и
нствамъ ²⁾. Раскольники сами откровенно сознавались, что они
шлись въ расколъ, именно отъ церкви. Такъ, когда къ стародубов-
къ перевезена была съ Вѣтки брусная церковь покровскаго монастыря,
и прямо сказали: «на что намъ церкви, вѣдь мы отъ церкви-то и изъ-
хъи бѣжали» ³⁾. А о безпоповщинской сектѣ можно утвердительно
звать, что она чрезвычайно распространилась по Россіи всего болѣе по
причинѣ, что совершенно согласовалась съ духомъ и нравственную
троенностію всѣхъ тѣхъ православныхъ, которые любили жить совер-
вно независимо отъ вліянія церкви, внѣ всякой связи съ нею.
юе выраженіе, которое мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ истори-
кихъ, въ жалобахъ пастырей на холодность и невнимательность хри-
анъ къ церкви еще прежде патр. Никона, выраженіе: «христіане жи-
тъ безъ отцовъ духовныхъ» — уже само по себѣ буквально намекало на
поповщину, чуждающуюся отцовъ духовныхъ. Для образованія насто-
ей безпоповщины изъ тѣхъ православныхъ, которые жили безъ отцовъ
овныхъ, недоставало только одного слова какого нибудь монаха Ка-
гона или дьячка Данилы Викулина, что священство для христіанъ
ершенно не нужно. Сказано было это слово, — и вотъ оно встрѣтило
юстный приѣмъ, нашло себѣ обильную почву въ душахъ, уже давно
адѣвшихъ, давно отдѣлившись отъ церкви: сказано было это мятежное
во, — и расколъ распространился.

Холодность къ церкви естественно влекла за собою непослушаніе,
отвлеченіе власти церковной и вообще недовѣрчивость и *неуваженіе къ*
товенству, и даже стремленіе совершенно освободиться отъ суда и вліянія
товенства: вотъ еще печальная, по своимъ постѣдствіямъ, черта нрав-
венной жизни нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ христіанъ XVII вѣка,
ставлявшая новую нравственную причину происхожденія и распростра-
нія раскола. Народъ русскій изстари отличался уваженіемъ и привя-

¹⁾ Благодарств. слово п. Іоакима.

²⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.

³⁾ Полю. Истор. извѣст. о расколѣ.

занностию къ своему духовенству; это уваженіе къ церковной іерархіи немѣ глубоко вскоренялось и утверждалось самимъ воспитаніемъ¹⁾. издавна также, частію худое поведеніе нѣкоторыхъ изъ самихъ духовныхъ частію еретики, особенно возстававшіе противъ православнаго духовенства, мало-по-малу ослабляли, потрясали въ народѣ русскомъ это уваженіе къ духовной іерархіи. Уже во второй половинѣ XIV столѣтія ересь стрижиновъ сильно потрясла довѣренность къ духовенству не только низшаго и высшему²⁾. Худая, неблагопавная жизнь многихъ духовныхъ, увидимъ въ другомъ мѣстѣ, еще болѣе подкрѣпляла и увеличивала не уваженіе къ духовенству. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ XVII столѣтіи противленіе церковной іерархіи и стремленіе освободиться отъ нравственнаго вліянія духовенства обнаруживалось весьма часто и разнообразно. Одни недовольны были, во первыхъ, вотчиннымъ управленіемъ и судомъ церковной власти, и потому стремились освободиться отъ духовенства. Злоупотребленія церковнаго вотчиннаго владѣнія и управленія, все чаще и чаще обнаруживавшіяся въ XVI и XVII вѣкахъ, болѣе усиливали это стремленіе и неповиновеніе церковной власти. Такъ напр. псковскій митрополитъ, Маркелъ писалъ къ великимъ государямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу (въ 1685 г.): «въ Псковѣ и городѣ въ уѣздахъ 160 церквей, и надъ тѣми церквами архіереи воли не имѣютъ владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами владѣютъ и себя полнятъ и корыстуются сами, а архіерею непослушны, о чемъ убо пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церковь казна за ними пропадаетъ отъ давнихъ лѣтъ»³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно въ Псковѣ и Новгородѣ, иногда возникали даже открытыя мущенія противъ суда и правительства церковнаго, обнаруживались стремленія освободиться отъ власти церковной. Такъ напр. въ 1685 году новгородскій гость Семенъ Гавриловъ, какъ самъ не повинно духовному суду митрополита, «преслушалъ указъ великихъ государей причинилъ многое посягательство дому премудрости Божіа, и стырямъ и священному чину упорствомъ своимъ», такъ поощряя на такое же упорство и многихъ другихъ градскихъ людей и подавъ въ новгородскомъ приказѣ, на имя всѣхъ новгородскихъ посадскихъ людей, челобитную о неподсудности духовному суду. Другіе тяготились нравственнымъ вліяніемъ духовенства, и потому тяготились наставленіямъ пастырей и желали освободиться отъ духовной подчиненности имъ. Такъ про Никона, когда онъ былъ еще митрополитомъ новгородскимъ, многіе бояре, тяготившіеся тѣмъ, что онъ заставлялъ соблюдать церковныя обязанности, перешептывали: «николи де тѣ

¹⁾ См. напр. наставленіе отца къ сыну, въ „Московитиниѣ“ 1852. № 12; такъ Домостр. Сильвестра: родители постоянно, въ числѣ первыхъ правилъ, внушаютъ имъ — почитать духовенство.

²⁾ Акт. Ист. т. I, стр. 9, 10, 11, 13.

³⁾ А. И. т. V, № 122, стр. 200. См. еще Доп. къ Акт. Ист., IV, № 205.

⁴⁾ Акт. Ист., т. V, № 186, стр. 323.

честія небыло, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ»¹⁾. Въ 49 году дошло до свѣдѣнія самого царя Алексѣя Михайловича, о въ Сибири многіе православные христіане уклоняются «къ бѣсовскимъ елестямъ и къ пьянству, а отцовъ духовныхъ и приходскихъ священниковъ и учительныхъ людей наказанія (увѣщанія) не слушаютъ, а за наказаніе отцомъ духовнымъ, попамъ приходскимъ и учительнымъ людямъ поганіе и укоризну и безчестіе и налогъ дѣлають»²⁾. Въ Новгородѣ и жовѣ, давно лишенныхъ вѣчевой вольности, но еще не отвыкшихъ отъ ка самоуправства и мятежа, особенно часто обнаруживалось противленіе церковной власти. Здѣсь чернь въ неистовствѣ своемъ не разъ публично самымъ грубымъ образомъ позорила пастырей, унимавшихъ ее отъ мятежей. Дѣти духовные своихъ духовныхъ отцовъ, а иногда даже самихъ старшихъ пастырей подвергали не только безстыдному поруганію, но и поимъ и даже умерщвляли³⁾. Извѣстно, какъ поступили новгородцы съ митрополитомъ Никономъ, во время бунта 1650 года, когда онъ съ пастырскою кротостію сталъ унимать ихъ отъ мятежа: «всеи крикнуша, говорить изнеописатель Никона (Клирикъ Шушеринъ): сей естъ заступникъ извнничей и хранитель, и начаша его немилостивно бити, овые дреколѣмъ, иныя каменіемъ... и многія хотѣша его до смерти убить»⁴⁾. Точно также во Псковѣ въ 1650 году бунтовщики напали на священника Оброма, унимавшаго ихъ отъ мятежа, позорно обругали его, ударами осыпавъ, по двору его стрѣляли изъ пищалей, домъ его разграбили и совершенно разорили, и самого вмѣстѣ съ женою хотѣли убить. Предъ самымъ обнаруженіемъ раскола, духъ противленія духовной власти, и пошени и оскорбленія церковной іерархіи такъ усилился въ народѣ, что архіерейскіе пастыри, какъ напр. Іона митрополитъ Ростовскій, находившійся вынужденными «готовиться» дѣйствовать, какъ уже противъ явныхъ жольниковъ, противъ тѣхъ, «кто гдѣ въ градѣхъ или въ селахъ отъ кественнаго писанія поученію учнетъ соперникъ быти, или кто истиннаго пастыря и учителя, архимандрита или игумена, или попа. или дьяка поносити начнетъ»⁵⁾. При такомъ духѣ противленія церковной власти іерархіи, при явномъ стремленіи многихъ освободиться отъ церковной власти и суда, могла ли не имѣть успѣха проповѣдь раскола о противленіи церковной власти и іерархіи? Если многіе православные явно проявились церковному правительству, презирали пастырское ученіе, если многіе міряне ни во что ставили не только священниковъ, но и епископовъ, митрополитовъ: то неудивительно, что возникъ даже особый расколъ безпоповщинскій, который совершенно отвергъ церковную іерархію съ презорствомъ отвратился и доселѣ отвращается отъ православныхъ

¹⁾ Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону.

²⁾ Акт. Истор. т. IV, № 35, стр. 125.

³⁾ Въ 1672 г. жители Астрахани убили своего архипастыря, митрополита Іосифа, ославъ его постѣ многихъ тяжкихъ мукъ съ раскату. Собр. Госуд. Грам. ч. IV, № 77. (Въ участвовали уже и раскольники.

⁴⁾ Жит. Никона — ркп. Сол. библ.

⁵⁾ А. II. IV, стр. 174.

священниковъ и іерарховъ. Крайній недостатокъ нравственнаго вліянія духовенства на народъ и порочная жизнь, какъ увидимъ, еще болѣе увеличивали возможность появленія и усиленія безпоповщины. Естественно то, что расколъ преимущественно утвердился и распространился на сѣверѣ въ новгородскихъ погостахъ, ибо здѣсь неизгладимо сохранялись еще остатки ереси стригольниковъ, тоже возстававшихъ, какъ извѣстно противъ церковной іерархіи и духовенства; и здѣсь, въ XVII вѣкѣ особенно сильно и часто проявлялся духъ противленія церковной власти и неуваженія къ служителямъ церкви. Вообще, всѣ, нехотѣвшіе повиноваться церковной власти, тѣмъ охотнѣе принимали расколъ, что онъ открыто, прямо проповѣдывалъ противленіе церковной іерархіи и освобождалъ отъ ея вліянія и власти. Потому-то пастыри православной церкви, подвизавшіеся въ борьбѣ съ распространявшимся въ ихъ время расколомъ, большею частію не иначе называли расколъ, какъ «церковною противностію»¹⁾, а раскольниковъ — «церковными противниками, архипастырскаго повелѣнія преслужниками и презрителями, архипастырскому повелѣнію во всемъ воспротивившимися»²⁾. Такія названія раскольниковъ и ихъ послѣдующій образъ дѣйствій по отношенію къ церковной іерархіи вполне подтверждаютъ церковно-демократическое направленіе раскола, особенно безпоповщинскаго.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на развитіе и направленіе безпоповщинскаго раскола имѣли отчасти вліяніе и нѣкоторые идеи протестантизма, только слишкомъ грубо, безсознательно и односторонне усвоенныя русскими проповѣдниками безпоповщины. Вліяніе протестантизма на русскій народъ, при всемъ предубѣжденіи русскихъ противъ нѣмцевъ, въ XVII вѣкѣ было очень возможно. Извѣстно, что на сѣверѣ Россіи идеи протестантизма стали распространяться еще въ XVI вѣкѣ. Такъ эти идеи ясно высказались въ ереси жидовствующихъ, и еще яснѣе въ ученіи Матѣя Башкина и Θεодосія Косого, ученіи чисто раціоналистическомъ, которое, по словамъ крылошанъ старорусскихъ, «многими было похваляемо, любимо и приемено и отъ многихъ познаваемо яко истинное»³⁾. Въ XVII вѣкѣ протестантизмъ и систематически старался, не менѣе панства, распространять свое ученіе въ сѣверной Россіи. Въ Стокгольмѣ заведена была даже славянская типографія, въ которой два раза изданъ былъ Лютеровъ катихизисъ на славянскомъ языкѣ. Въ Москвѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ было уже множество нѣмцевъ-протестантовъ, и русскіе, находясь у нихъ въ услуженіи, по словамъ Майерберга, невольно принимали ихъ обычаи, отвергали напр. духовныхъ отцовъ. Въ высшихъ слояхъ общества, между боярами, являлись уже даже вольнодумцы, глумившіеся надъ свящ. писаніемъ, и чистые протестанты⁴⁾. Пастыри церкви, какъ напр. Іона, митр. ростовскій, и Аѳанасій холмогорскій въ окружающихъ

1) А. А. Э. VI, (стр. 421), № 284. 1685 г. Апрѣля 7 указныя статьи о раскольникахъ.

2) Древ. Росс. Вивліонъ. ч. VI, стр. 347. Прощальн. грам. патр. Іоасафа.

3) Истинны показанія рки. Солов. библ. № 603, л. 19.

4) А. А. Э. т. III, № 147. А. Н. т. IV, стр. 174, 175 и др.

ланіяхъ своихъ считали нужнымъ предохранять свою паству отъ тѣхъ вольнодумцевъ, лютеровъ и кальвиновъ, также какъ и отъ латинъ, прямо указывали на умноженіе ихъ въ Россіи. «Видѣхъ бо нѣкія,—алъ напр. Аѳанасій холмогорскій въ окружномъ посланіи къ сѣверно-горской паствѣ—кромѣ закона и заповѣданія и преданія ходящія въ кестранныя нѣкія обычаи, паче же прелести еретическія, и приобщаются ѿ... Нововводныя чужестранныя обычаи по малу вкрадываются тайно святую нашу православную восточную церковь отъ еретичества латинъ юторовъ и кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое» ¹⁾. Замѣтимъ, что это орить архіепископъ холмогорскій своей паствѣ, на сѣверѣ Россіи, гдѣ юзникъ безпоповщинскій расколъ. При такомъ общеніи русскихъ съ тестантами на сѣверѣ, весьма могло быть, что такія начала русскаго кола, каковы—отрицаніе іерархіи, священства, мысль, что всякій непопощенный во священники христіанинъ можетъ совершать таинства, разиись отчасти и подъ вліяніемъ протестантскихъ идей. И есть положительныя факты, которые подтверждаютъ эту мысль. Между первыми коло-учителями безпоповщинской секты были нѣкоторые протестанты. говъ, напр. былъ ревностный помощникъ перваго расколо-учителя—аха Капитона, нѣкто Вавила. О немъ Денисовъ говоритъ: «бысть родомъ земець, *отъры лютерскія*, глаголати и писати учився довольно времени славнѣйшій парижстѣй академіи, искусень бысть въ реторикѣ, логикѣ, іософіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и вянский». Этотъ расколо-учитель—лютеранинъ не могъ не передать скимъ лютеранскаго, протестанскаго ученія объ іерархіи, о священствѣ, аинствахъ. Впослѣдствіи, между расколо-учителями являлись чистые тестанты по образу мыслей, напимѣръ Денисовцы. И митрополить ольскій, Игнатій, также примѣчалъ въ русскомъ безпоповщинскомъ колѣ вліяніе протестантовъ. Говоря о сибирскихъ расколо-учителяхъ поповщинской секты—венгерскомъ чернецѣ Авраамѣ, Яковѣ Лепихинѣ ругихъ, онъ замѣчаетъ объ нихъ: «суть проклятій лютере; чтеніе свянаго писанія все злѣ и растлѣннѣ толкуютъ, и яко же кальвини и гере вся церковная преданія отмѣтаютъ; мнящеся сами собою, не іереи це, крестятъ дѣтей: явственнѣ еретицы—кальвины и лютере суть» ²⁾. по духу отрицанія безпоповщинскаго раскола, который отрицаетъ почти о церковность, и по духу свободы, какую онъ проповѣдуетъ, расколъ ть, особенно нѣкоторыя секты его, напр. нѣтовщина, отвергающая имую церковь на землѣ, представляютъ въ себѣ грубое, одностороннее, сознательное, неосмысленное выраженіе протестантскаго духа отрицанія вободы. Разумѣется, русскій умъ XVII вѣка, умъ какого либо Данилы кулина или простого поселянина не могъ вмѣстить въ себѣ и развитіе ціоналистически-отвлеченной, философской идеи протестантизма,—и вотъ разилъ ее по своему такъ односторонне и грубо, какъ это мы видимъ нашей безпоповщинѣ. Только Денисовы и нѣкоторые образованные

¹⁾ Окружн. послан. Аѳанасія холмогорскаго: ркп. Солов. библ.

²⁾ I посл. въ Правосл. Собесѣд за 1855 г. 1 кн. стр. 27, III посл. стр. 61.

раскольники XIX вѣка являются болѣе похожими на протестантовъ, а масса коснѣтъ въ чисто русскомъ старообрядствѣ.

Говоря объ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ недостаткахъ русскаго народа въ XVII в., благопріятствовавшихъ развитію раскола, мы не можемъ, наконецъ, умолчать еще объ одномъ мрачномъ недостаткѣ, который впрочемъ свойственъ былъ большей части нашего народа не только въ XVII вѣкѣ, но и всегда. Это *склонность его къ грубой, необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и праздности* ¹⁾. При недостаткѣ постоянного, вполне обеспеченнаго, усерднаго труда, особенно же при господствѣ въ XVII вѣкѣ безпорядочнаго бродяжничества народа, необразованный русскій человѣкъ, въ своей праздной, бродячей разгульной жизни, или предавался нелѣпымъ толкамъ, отсюда легко переходилъ къ расколоученію, къ вымыслу какого-либо раскольническаго толка, или всего чаще предавался грубому разврату, отъ него также доходилъ до раскола. Исторія показываетъ, что для простого народа нашего самой сильной, почти единственной нравственной сдержкой, главнымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ въ древнее время была церковность, нравственные постановленія церкви. Забывая, оставлялъ онъ эту послѣднюю нравственную сдержку, это послѣднее самое сильное средство нравственнаго самохраненія, что, какъ мы видѣли, и было въ немалой части русскаго народа въ XVII вѣкѣ,—и вотъ его грубыя страсти, плотскіе, чувственные инстинкты его не развитой, не смягченной просвѣщеніемъ природы, проявлялись во всемъ своемъ дикомъ, необузданномъ разгулѣ. Если въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII вѣкѣ, при грубости, жесткости нравовъ, при совершенномъ отсутствіи просвѣщенія, смягчающаго, облагораживающаго народную нравственность, эта склонность къ необузданной свободѣ, разгулу жизни выходила даже изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Грубый русскій человѣкъ, когда уже увлекался потокомъ своихъ плотскихъ наклонностей и предавался разгулу грубыхъ матеріальныхъ силъ, то позволялъ себѣ все, не стѣсняясь ни стыдомъ, ни нравственнымъ закономъ. Среди буйной, разгульной веселости своей, вполне предавался разврату; тутъ совершалось «и мужемъ и отрокомъ великое прельщеніе: паденіе женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе». Благочестивые пастыри церкви вопіютъ противъ такого преобладанія въ народѣ грубыхъ чувственныхъ наклонностей—надъ высшими нравственными требованіями. «На праздники Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ», писалъ патр. Іоасафъ въ 1637 году въ памяти тіуны благочинному,—«въ праздники, въ нихъ же бо суть подобаетъ православнымъ христіанамъ праздновати и веселитися духовно и приходя къ церкви Божіей молитися и духовная словеса божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати; на се бо созываютъ божественніи праздники и писаніи повелѣваютъ духовно веселитися и удивлятися милосердію Божію, отъ невидимыхъ бо существъ сошеде не приступнаго дому Житель, человѣкъ».

¹⁾ О бродяжничествѣ будетъ особо сказано въ пятой главѣ этого сочиненія.

зволи быти человѣка ради; въ насъ же сія пренебрегома и яко что не истинно дѣло презираемо и вся противно творимъ и ругательно праздничаемъ Господнимъ; вмѣсто радости духовной, въздѣланіе творять радости бѣсовской и воспріимши непразньственные праздники, ходяще по воли сердца своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе, маругающиеся праздникамъ святымъ Божиимъ; вмѣсто духовнаго торжества воспріимше игры и кощуны бѣсовскія... и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся многіе люди, нетокмо что младые, но и старые люди, въ толпы ставятся и бывають бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ, и всякаго беззаконнаго дѣла умножалось, еллинскихъ блядословій и кощунъ; да еще другъ друга лають позорною бранію, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ» ¹⁾. Этотъ грубый, кичливый разгулъ еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ грубымъ развратомъ, который господствовалъ въ XVII вѣкѣ особенно въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ впоследствии преимущественно развился расколъ и принялъ также особенно развратный, грубый характеръ: «Вѣдомо намъ случилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири», писалъ патр. Филаретъ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1922 году, «что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилацкіе люди живутъ некрестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотѣмъ; многіе де русскіе люди... съ татарскими и съ остяцкими и съ вагулицкими поганскими женами, смѣшаются и скверная дѣють; а иные живутъ съ татарками съ некрещеными, какъ есть съ своими женами, и дѣють съ ними противность; а иные и горше того творять, понимаютъ за себя въ жены въ сродствѣ сестры свои родныя и двоюродныя и названныя и кумы крестныя, а иные де и на матери своя и на дщери блудомъ посягаютъ и женятся на дщеряхъ и на сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается, о нихъ же не точію писати, и слышати гнусно, и въ такомъ пребеззаконномъ дѣлѣ многіе и дѣти съ ними приживають. А иные де многіе служилые люди посылають къ Москвѣ и въ иные города для дѣлъ, жены своя въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и отдаютъ тѣхъ своихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами, и тѣ люди у которыхъ онѣ бывають въ закладѣ, съ ними до срока, покамѣсть которыя жены мужъ не выкупить, блудъ творять беззакорно; а какъ тѣхъ жены на сроки не выкупаютъ, и они ихъ продають на воровство же (блудное) и въ работу всякимъ людемъ, не бояся праведнаго суда Божія, и тѣ люди, покупая тѣхъ женъ, также съ ними воруютъ и замужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства къ себѣ емлютъ сильно, и у мужей убогихъ работныхъ людей жены отнимають и держатъ у себя для воровства, и крѣпости на нихъ емлютъ воровскія за очі. А попы сибирскихъ городовъ тѣмъ ворами не запрещають, а иные де попы черные и бѣлые тѣмъ вся-

¹⁾ А. А. Э. т. III, № 264.

кихъ чиновъ людямъ и молитвы говорятъ, а иныхъ и вѣнчаютъ бѣ-
 знаменъ не по хрестіянскому обычаю: а иные многіе люди, мужи и жены
 въ болѣзньхъ постригаются въ иноческій образъ, и потомъ оздравѣ-
 живуть въ домѣхъ своихъ по прежнему, и многія изъ нихъ постригши
 жены съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ и дѣтей прижи-
 ваютъ, а иные многіе и разстригаются и платье чернеческое съ себя счи-
 тываютъ; а въ которыхъ де городѣхъ монастыри мужескіе и дѣвчьи
 устроены, и въ тѣхъ де монастырѣхъ старцы и старицы живутъ съ мѣ-
 скими людьми съ одного въ однѣхъ домѣхъ и ни чѣмъ отъ мірскихъ лю-
 дей не рознятся. А которые де сибирскіе служилые люди прїѣзжаютъ въ
 Москвѣ съ государевою денежною и соболиною казною, и тѣ де служилые
 люди въ Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ русскихъ подговариваютъ многіхъ
 женокъ и дѣвокъ, и привозятъ ихъ въ сибирскіе города и держатъ въ
 за женъ вмѣсто, а иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ емлютъ сильно,
 и инныя всякія беззаконныя дѣла дѣлають, чего нетокмо писати, и слы-
 шати жалостно и Богу мерзко» ¹⁾. Такой развратъ господствовалъ въ го-
 родѣ и внутри Россіи. И даже женщины нисколько не уступали въ
 развратѣ мужчинамъ. Нравственное состояніе и общественное положеніе
 женщины въ Россіи XVII и даже первой половины XVIII вѣка до Ека-
 терины великой, служить лучшимъ мѣриломъ нравственнаго состоянія
 всего тогдашняго русскаго общества. Иностранцы, какъ напр. Олеарій и
 Кемпферъ, самыми мрачными красками изображаютъ нравственный харак-
 теръ русской женщины XVII вѣка ²⁾. Безнаказанное сожителство муж-
 чинъ и женщинъ въ XVII в. распространилось до чрезвычайности. Благо-
 честивые пастыри сильно на это жаловались, и жалобы ихъ не слушались.
 Не сознавая возможности высшей, чистой нравственной связи съ женщи-
 ною, не возвышаясь надъ плотскими, чисто-животными инстинктами,
 весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали и законности и необхо-
 димости высшаго нравственнаго, церковнаго освященія союза мужа съ
 женою посредствомъ таинства брака. И въ концѣ XVII вѣка Желябужскій,
 оставившій намъ въ своихъ запискахъ мрачную картину нравственнаго
 растлѣнія русскихъ людей подъ конецъ древней Россіи, и тѣмъ ясно
 показавшій, какъ необходимо было почти все цѣлое нравственное обновле-
 ніе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравствен-
 ной тины, посредствомъ реформы Великаго Петра, Желябужскій записалъ
 въ своихъ запискахъ и самыя черты грубаго разврата, какой растлѣвалъ
 русскіе нравы въ послѣднее время древней Россіи: растлѣніе дѣвъ, блудо-
 дѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ, и проч. ³⁾. — Когда мы

¹⁾ Собран. Госуд. грам. ч. III. № 60.

²⁾ Напр. Олеарій пишетъ: Nous avons vu à Moscou des hommes et des femmes sortir des étuves publiques tout nus, de s'approcher de notre jeunesse, et exciter leur passion par des mots sales et lascifs... Ils sont paresseux et abandonnés à la luxure, и проч. р. 214. Намъ Кошихинъ не менѣе мрачными чертами изображаетъ русскихъ женщинъ XVII вѣка. См. его соч. о Россіи стр. 44. 92.

³⁾ Такъ, напр. онъ пишетъ, между прочимъ: въ 7192 году учинено наказаніе Петру Васильеву, сыну Кикину, за то, что онъ дѣвку растлѣлъ; 7262 Іюня приведены

бращаемъ вниманіе на такое нравственное растлѣніе многихъ людей VII в., пренебрегавшихъ нравственными постановленіями церкви, на эту привычку къ грубой, ничѣмъ не сдерживаемой свободѣ жизни и разврату, а это нравственное отрицаніе необходимости высшаго церковнаго освященія союза мужчины и женщины,—намъ становится понятнымъ, почему въ русскомъ расколѣ старообрядства, почему въ скитахъ и монастыряхъ раскольническихъ такъ сильно былъ развитъ развратъ, и такъ приманчивъ былъ для многихъ грубыхъ, русскихъ людей. Расколъ освятилъ и этотъ явный недостатокъ народной нравственности русской стараго времени. Протопопъ Аввакумъ училъ: «молю васъ, не прикасайтесь ихъ ересямъ, т. е. ересямъ священниковъ православной церкви... аще вѣнчаеми бывають у нихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи. Аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто, т. е. блудно ¹⁾. И многіе послѣдователи раскола стали жить такъ. Безпоповщина въ главнѣйшихъ своихъ толкахъ расторгаетъ и запрещаетъ бракъ и позволяетъ, какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвижающимся въ общинахъ или монастыряхъ, блудное сожитіе. Многія секты, какъ напр. стефановщина, филиповщина и другія, блудъ считаютъ любовію. Мы видѣли также, какъ склонны были къ разврату русскія женщины XVII вѣка,—и вотъ даже простыя бабы основываютъ секты, гдѣ блудъ признается любовію: такъ простая баба Акулина основала секту—акулиновщину, гдѣ мужины и женщины, черницы и черницы, безъ разбора и стыда живутъ блудно. Мы видѣли, какъ развратъ господствовалъ въ Сибири; и вотъ тамъ, по словамъ Игнатія, митр. тобольскаго даже и жены проповѣдывали блудъ, называя это любовію Христовою. Въ 1694 году новгородскіе раскольники на общемъ сходбищѣ сами говорили о своей жизни, что «въ келліяхъ на уединеніи они жили съ зазорными лицами и съ духовными дочерьми, съ дѣвками и женами, юноши или мужи брали къ себѣ женъ на сожительство и единокелейное пребываніе и приживали дѣтей съ тѣми женами и дѣвками» ²⁾.

Доселѣ мы рассматривали главнымъ образомъ нравственное состояніе мірскаго общества въ XVII столѣтіи, и нашли въ немъ почву самую благоприятную для распространенія раскола. Теперь посмотримъ ближе на ту часть русскаго духовенства, изъ среды которой вышли расколо-учители, и особенно на нравственную жизнь неблагонаправленныхъ священниковъ, такъ какъ отъ нихъ прежде всего произошелъ расколъ и изъ нихъ образовалась даже особая секта въ расколѣ—поповщина.

Духовенство наше въ XVII вѣкѣ явно представляло два различныя направленія ³⁾. Одна часть духовенства проникнута была истиннымъ ду-

въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ да Данила Ларіоновы съ дѣвкой въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнокъ; 7205—бить кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартемей за то, что бралъ женокъ и дѣвокъ на постелю, и т. д. Въ другихъ документахъ конца XVII и начала XVIII вѣка также часто встрѣчаемъ подобныя семейныя сцены.

¹⁾ Сборн. соч. Аввакума.

²⁾ Иоаннов. истор.: изв. о раскол. стр. 89—97.

³⁾ Эти два различныя направленія нашего духовенства въ XVII столѣтіи особенно ясно обнаружили при П. Гермогенѣ, около 1618 года., въ борьбѣ исправителей

хомъ христіанскаго священства, стремленіемъ къ духовному просвѣщенію и ревностію къ точному исполненію каноническихъ законовъ церкви. «Извѣстно сотворися святому собору, говорили отцы собора 1667 года, да яко нынѣ Божіею благодатію, въ руссійскомъ народѣ обрѣтаются священники и діаконы, имущіи разумъ божественныхъ писаній, еще же вѣдущіи и православныя вѣры и житіе имущіи чистое» ¹⁾. Въ этой части духовенства постепенно насаждалось въ большей или меньшей мѣрѣ и возрастало церковное просвѣщеніе и развивалась истинно-христіанская жизнь церкви, въ правильномъ чинѣ и благоустройствѣ церковномъ. Представителями этой части духовенства были все тѣ пастыри и учителя русской церкви, которые вполнѣ чувствовали нужду въ исправленіи церковнаго чина и обрядности, благонамѣренно и дѣятельно заботились о немъ и даже страдали за истинно-христіанскій порядокъ церкви отъ недостойныхъ братій своихъ, ревновавшихъ за мнимую старину. Въ средѣ этой части духовенства воспитался и великій Никонъ, пастырь, со времени управленія котораго церковь русская, можно сказать, вступила въ новый періодъ своего историческаго, духовно-нравственнаго развитія и преуспѣянія въ духѣ христіанства. Въ сферѣ этой части духовенства возбудилась и къ концу XVII вѣка окончательно созрѣла потребность основанія духовной славяно-греко-латинской академіи — перваго высшаго расадника просвѣщенія въ Россіи. — Другая, къ прискорбію, самая большая часть русскаго духовенства XVII в. чужда была сознанія высокой важности священства и священнослуженія, проникнута была духомъ противленія высшей церковной власти и каноническимъ уставамъ церкви, и стремленіемъ къ свободной, праздной, сочувственно-спокойной жизни на счетъ народа. Эта-то часть духовенства представляла нравственную почву, самую благопріятную для развитія и распространенія раскола, особенно поповщины, возрастила сѣмена его и дала первыхъ главныхъ расколо-учителей, и главнымъ образомъ поддерживала и усиливала поповщину. Много въ этой части духовенства было воспримчивости и склонности къ расколу.

Во первыхъ, весьма благопріятствовало распространенію раскола въ этой части духовенства, какъ и въ народѣ, *крайній недостатокъ просвѣщенія*. Высокая ревность къ духовному просвѣщенію, такъ живо одушевлявшая наше древнее духовенство, обильно пользовавшееся плодами греко-восточнаго духовнаго просвѣщенія, теперь давно погасла. Еще митрополитъ Симонъ писалъ о священникахъ около 1499 года: «суть же инни, неученіемъ разума, вышшими хулити имя Божіе творять, въ

книгѣ, архимандрита троицко-сергіевскаго монастыря Діонисія, священника клемѣтьевского Ивана Насѣдки, старцовъ троицкихъ — Арсенія Глухаго и Антонія Крылова и другихъ, участвовавшихъ съ ними духовныхъ, — съ невѣжественными и злонамѣренными обвинителями ихъ, между которыми, кромѣ ризничаго дьякона Маркелла, уставщика Сергіева монастыря Филарета и головщика Логгина, были нѣкоторые архимандриты и попы, и во главѣ которыхъ стоялъ даже митрополитъ сарскій и подонскій Іона. Чтен. моск. общ. ист. и древн. росс. № 8, отд. 1 Прибавл. къ твор. св. отцовъ ч. III, кн. 2, стр. 153.

¹⁾ Дополн. къ Акт. истор. V, стр. 493.

и въ пищахъ и въ мірскихъ вещѣхъ, въ лѣности, въ неравнѣи, и безстрашіи ученія разумъ погубивше, ини вопросите не хотѣть, ни учатся, о утробнѣхъ гладѣ сѣтуются и вретятся, а о душевнѣхъ гладѣ никакоже не попекущеся, и не понимаютъ апо-стола глаголюща: «готови будите къ отвѣту благу вопрошающимъ васъ»¹⁾. Съ наступленіемъ XVI столѣтія, когда въ Россіи исчезли послѣдніе доселѣ еще существовавшіе по мѣстамъ училища для приготовления пастырей церкви²⁾, мракъ невѣжества почти совершенно подавилъ умственную жизнь и дѣятельность большей части духовенства, особенно въ сѣверо-восточной Россіи, удаленной отъ вліянія западно-европейскаго, греко-восточнаго и южно-славянскаго просвѣщенія. Даже въ монастыряхъ, древнихъ расадникахъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ прежде часто являлись старцы умные и весьма образованные, теперь предъ временемъ раскола, иногда въ цѣлой области или уѣздѣ нельзя было найти и одного старца, который-бы зналъ грамоту. «Нынѣ въ софійскомъ дому ризничаго нѣтъ,—писалъ въ половинѣ XVII вѣка митр. новгородскій Аѳфоній соловецкому игумену Меркеллу,—а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы *перевелись*, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а *грамотъ не умѣютъ*»³⁾. Стали посвящаться въ попы и діаконы «*мужики*»—совершенные невѣжды, неумѣвшіе ни читать ни пѣть, и не хотѣвшіе даже учиться⁴⁾. А другіе ду-

¹⁾ А. И. т. I, стр. 161.

²⁾ О недостаткѣ духовныхъ училищъ въ XVI и XVII в. будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

³⁾ Собран. архіерейск. грам. ркп. сборн. Солов. библ. подъ №№ 20, 62 и 64.

⁴⁾ Такъ жаловался около 1500 г. новгородскій архіепископъ Геннадій митрополиту Симону: «вотъ приводить ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть кто бы умѣлъ грамотъ. Вотъ и обругать всю землю, будто нѣтъ челоуѣка на землѣ, кого-бы ставить въ священство. Вѣютъ мнѣ челоуѣ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить актенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они не много поучившись азбукъ, просятъ прочъ, не хотятъ учить се. А у меня духа недостаетъ ставить такихъ неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотъ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру каша да гривна денегъ, за утрению тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ,—едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ». Акт. истор. т. I, № 104. Точно также было въ половинѣ XVI столѣтія во дни стоглаваго собора, какъ видно изъ 25 главы стоглава. Такіе же малообразованные и невѣжды составлялись въ священники и діаконы въ продолженіи всего XVII столѣтія особенно до патр. Никона. Этотъ незабвенный іерархъ, какъ мы видѣли, издалъ строгій указъ о ставленникахъ, чтобы они «грамотъ умѣли, и смиренны были, и церковному правилу искусны и отъ божественныхъ писаній сказательны» (акт. экспед. археол. IV, № 331), и даже самъ въ своемъ патріаршемъ домѣ испытывать желавшихъ принять священническій санъ въ чтеніи. «Въ одну изъ палатъ въ патріаршемъ домѣ, пишетъ Алеппскій діаконъ Павелъ, присутствовавшій антиохійскому патр. Макарію, являются желающіе быть священниками съ свидѣтельствомъ отъ жителей околотка: они ставятся всѣ въ ряду. Патріархъ даетъ имъ читать книги, каждому по очереди, утверждая того, кто бѣгло читаетъ, и отказывая читающимъ несправно». Смотр. памяти. моск.

ховные хотя и умѣли хорошо читать и писать, но по невѣжеству, любя лучше заниматься разными нелѣпыми сказаніями, повѣстями и баснями, чѣмъ приобрѣтеніемъ богословскихъ познаній и обогащеніемъ русской церкви произведеніями святоотеческой письменности. «У насъ, — съ глупою скорбію жаловались тогда люди благомыслящіе, понимавшіе долгъ духовенства и потребности своего времени — у насъ и ни десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣніемъ властелей нашихъ, ибо нынѣшняго вѣка мнящіеся учителя больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитають похваляють ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются»¹⁾. Вмѣсто того, чтобъ заниматься изученіемъ Слова Божія, святоотеческихъ твореній и обогащать умъ свой познаніемъ истинъ вѣры, нѣкоторые духовные, особенно праздношатающіяся дѣти священно-церковно-служителей занимались чернокнижіемъ, звѣздохетствомъ и волшебствомъ, составляли разныя суевѣрныя тетради, и такимъ образомъ упражнялись въ невѣжествѣ и суевѣріи, и въ простомъ народѣ распространяли невѣжество и суевѣріе и между своими братіями духовными²⁾. А между тѣмъ, что особенно нужно было духовнымъ изучать и знать, каковы священныя и церковныя книги и науки, того они почти вовсе не знали и не понимали. Вспомнимъ, какъ отзывался въ этомъ отношеніи сотрудникъ препод. Дюнисія, архимандрита троицкаго, старецъ Арсеній въ своей челобитной боярину Салтыкову даже «о лучшихъ архимандритахъ и попахъ, которые часто «ничимъ же разнствовали невѣжду и поселянина». Вспомнимъ, каковы были даже отборные книжники ХХІІ вѣка, справщики церковныхъ книгъ до п. Никона, избиравшіеся большею частію изъ духовенства: объ нихъ тотъ же Арсеній говоритъ, что это были люди, «незнавшіе ни православія ни кривославія, и божественная писанія точію по чернилу проходящіе». Эти духовные книжники ХVІІ вѣка не только не въ состояніи были сами сочинять и издавать полезныя книги для духовнаго просвѣщенія русскаго народа, но и не умѣли надлежащимъ образомъ усвоить себѣ и перевести на русскій языкъ, безъ грубыхъ грамматическихъ, а часто и догматическихъ ошибокъ, богословскихъ сочиненій, появившихся въ ХVІ и ХVІІ стол. въ юго-западной Россіи. Они часто по своему невѣжественному, ограниченному мудрованію искажали весьма умныя и здравыя сочиненія просвѣщенныхъ писателей³⁾. Въ церковно-богослужебныхъ кни-

древн. кн. II, стр. 197. Но мы знаемъ, какой ропотъ подняли противъ Никона невѣжественные духовные за такое нововведеніе.

¹⁾ Восток. опис. Рум. Муз. № СХСІІІ, стр. 242.

²⁾ Дополн. къ Акт. Ист. I, № 151; IV, № 99. Арцыбаш. повѣств. о Россіи т. III, кн. VI, прим. CLXXVI: «отъ патріарха Филарета... въ Нижній-Новгородъ, печерскаго монастыря архимандриту Раваилу... извѣщалъ тебе старецъ Варсонофей на церковнаго дьячка на семейку Григорьева, что тотъ дьячокъ держитъ у себя книги недобрыя, ересныя, да приговоры... Рафли, тетради гадательныя... и выбъ того дьячка взяли и велѣли его сковати въ ножныя желѣза и быть въ монастырскихъ черныхъ службахъ годъ». Это было въ 1628 г.

³⁾ Такъ напр. въ 1649 г. внесены были нашими необразованными духовными издателями книгъ при патр. Іосифѣ грубыя догматическія погрѣшности въ малыя

гахъ крайній недостатокъ просвѣщенія нашихъ духовныхъ XVII вѣка оставилъ свои темные слѣды, обнаруживъ въ нихъ незнаніе иногда самыхъ важныхъ истинъ вѣры, самыхъ простыхъ и общезвѣстныхъ событій церковной исторіи, а иногда даже отсутствіе простого здравого смысла. При крайнемъ недостаткѣ всесторонняго, научнаго, живого богословскаго просвѣщенія, при ограниченномъ, рутинномъ образѣ мыслей и понятій, священники, діаконы и дьячки ничего не знали и не хотѣли знать кромѣ буквы церковной книги, по которой «едва брели», которой не въ состояніи были надлежащимъ образомъ понять и съ толкомъ прочитатъ. Не углубляясь мыслію своею въ смыслъ церковнаго чтенія и пѣнія, или не понимая его, они безсознательно, безотчетно произносили въ нѣкоторыхъ церковныхъ молитвословіяхъ самыя грубыя, часто бессмысленныя прибавки невѣжественныхъ писцовъ, — искаженныя слова и цѣлыя предложенія, грубыя ошибки догматическія, историческія и грамматическія. Напр. говоря отпуски на праздники Богородичныя, священники весьма странно упоминали въ нихъ и самыя празднуемыя событія, какъ бы приписывая и имъ, какъ самой Богородицѣ и святымъ, молитвы за насъ; напр. въ праздникъ введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы говорили: Христосъ истинный Богъ нашъ, *молитвами* пречистыя Его Матери *честнаго и славнаго Ея введенія*, и всѣхъ святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ; такъ же точно въ праздники Благовѣщенія, Рождества Богородицы и др. ¹⁾ Или: нерѣдко въ молитвословіяхъ упоминали вымышленныя имена, читали липнія, суевѣрныя молитвы, изъ апокрифическихъ сборниковъ—сельскихъ канукаунцевъ и молитвенниковъ внесенныя въ церковныя книги. И много подобныхъ грубыхъ и невѣжественныхъ ошибокъ безсознательно, не понимая, произносили невѣжественныя попы, діаконы и дьячки, совершая бо-

катихизисъ митрополита кіевскаго Петра Могилы, и въ нѣкоторыя другія учительныя книги. Въ составъ сочиненій Максима Грека кто-то изъ духовныхъ же перной половины XVII вѣка внесъ слово о двуперстіи, содержащее въ себѣ такія грубыя погрѣшности и противъ догматики и противъ простого здравого смысла, какія совершенно недостойны препод. Максима, весьма просвѣщеннаго богослова, и невозможны для его ума.

¹⁾ Ист. Русск. раск., пр. Мак. стр. 129. Или: а) въ числѣ 5 молитвъ, которыя произноситъ священникъ предъ началомъ проскомидіи, тогдашніе священники читали молитву надъ виномъ, *хотящимъ служити*; б) въ великой эктеніи говорили: о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ... о патриархѣ нашемъ, имя рекъ, честнаго пресвитерства, еже о Христѣ діаконства и всего причта, и о людѣхъ; в) въ эктеніи по Евангеліи: о благовѣрномъ и Богохранимомъ князѣ имя рекъ, о державѣ и побѣдѣ пребыванія мира, здравія, спасенія и оставленія грѣховъ его и т. д. Мы выписали эти несправности въ церковныхъ книгахъ, чтобы видѣть, до какой степени доходило ослѣпленіе или невниманіе нашихъ священниковъ въ XVII столѣтіи, которые рѣшились еще защищать и оставить навсегда неизгладимыми эти жалкіе слѣды своего невѣжества. Послѣ этого можно понять всю справедливость словъ преп. Діонисія, пострадавшаго за духовное просвѣщеніе въ борьбѣ съ невѣжественнымъ духовенствомъ, что въ его время и лучшіе архимандриты и попы „инныя едва и азбуки умѣли, а еже омы частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь, роды, и числа, и времена и лица, званія же и залози, то имъ ниже на разумъ не всхаживало, священная же философія и въ рукахъ не бывала“.

гослуженіе по книгамъ большей частию ихъ же невѣжествомъ испорченнѣ. Непонимая богослужебныхъ книгъ, многіе священники и діаконы еще не понимали внѣшнюю церковную обрядность. «Что святая, соборная, апостольская одушевленная церковь съ вещественною церковію, въ ней же Божественныя тайны совершаются, говоритъ Елифаній Славеницкій, что божественный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная же всеблагому Богу приносится; что каталетасма трапезная, литонъ священный, оміатонъ съ оміамаы и священно-начальническія съ священскими ризы, въ нѣже священники облекшеся таинственнѣ свяще дѣйствуютъ; что хлѣбъ и вино, яже въ пречистое Тѣло Христово і пречистую кровь Христову пресуществляются дѣйствіемъ Св. Духа; символъ церковной, алтарь божественный, священные сосуды,—не священніи православныя Россійскія церкви причетницы извѣстно вѣ ствуютъ» ¹⁾. Это непониманіе предметовъ Богослуженія доходило до е ности. «Поны препростіи, съ глубокою скорбію жаловался святитель митрій ростовскій, не знаютъ быти сущаго въ пречистыхъ тайнаго ис наго Христа Бога, ниже вѣдятъ, нарицати Тѣла Христова Тѣломъ і стовымъ. Случися бо намъ мимошедшаго 1702 г. во градъ Ярославль душимъ, внити въ единой веси въ церковь, идѣже по обычному мол азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати пречист. Христовымъ тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть живо рящія Христовы тайны? Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко я мысляй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? Попъ же ни словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусе іереевъ рече къ нему: гдѣ заповѣсть? Тогда онъ вземъ отъ угла сосу зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь въ святыню, на нюже ангели смотрять со страхомъ. Удивися о семъ в восклицаетъ святитель, и земли ужаснитеся концы. О, окаяніи іереи! сами Христа Бога въ пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ не знаете: то в простыхъ людей истиннаго богознанія научите» ²⁾. При такомъ крайн незнаніи церковности, непониманіи богослужебныхъ книгъ и обряд что сказать о богословскихъ познаніяхъ этой невѣжественной, и, къ с лѣнію, большей части духовенства? «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, ловался тотъ же святитель Димитрій ростовскій, знаетъ порядокъ биб. ской исторіи, что когда происходило. Одинъ игуменъ спрашивалъ м когда жилъ Ілія пророкъ, по Рождествѣ ли Христовомъ, или до Ро зства Христова? и еще: маккавей жили послѣ апостоловъ? ибо учил ихъ Еліазаръ на судищѣ предъ мучителемъ приводилъ слова апостолы и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день Авг. И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чин. Напримѣръ слѣдующее: «которымъ ножемъ св. Петръ уцѣкъ Малково тѣмъ впоследствии св. Ілія перерѣзала жрецовъ вааловыхъ» ³⁾. Д

¹⁾ Предисл. къ Скрижали напечат. въ 1655 г.

²⁾ Древн. Росс. Вѣстникъ. ч. XVII стр. 86, 87.

³⁾ Тамъ же стр. 51.

крестьянинъ Посошковъ говорилъ о русскихъ священникахъ своего времени: «нынѣ такихъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра» ¹⁾. Вотъ на какой степени духовнаго просвѣщенія стояла большая часть нашихъ священно-церковно-служителей, пастырей и учителей народа, въ XVII столѣтіи, въ тотъ печальный періодъ исторіи русской церкви, когда возникъ и распространился въ Россіи расколъ! При такомъ крайнемъ невѣжествѣ духовенства, самихъ учителей народа, какъ могъ не распространиться расколъ? если слѣпецъ слѣпца водить, очевидно, оба легко могутъ пасть въ яму. И отцы собора 1667 года прямо говорятъ, что расколъ отъ того возникъ и распространился, что „во священство поставляются сельскіе не-тѣжи, иже нини ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей: *тѣмъ же убо бывають въ церкви Божіи мятежи и расколы*“ ²⁾. Невѣжество, по суду просвѣщеннѣйшаго современника, Епифанія Славеницкаго, было причиною возстанія московскихъ расколоучителей: Аввакума, Даніила, Логгина и другихъ духовныхъ: «дебелаго невѣжества мракомъ душевреднѣ омрачившеся, говоритъ онъ, дебелымъ невѣжествомъ помраченіи, въ нагубную роптанія злобу устремляются» ³⁾. Жалкая поповщина есть печальное слѣдствіе нравственнаго паденія и умственного невѣжества недостойныхъ поповъ, изверженіе, отдѣленіе, какъ плевець отъ пшеницы, худой недостойной половины духовенства отъ лучшей части его и отъ православнаго общества.

Во вторыхъ, въ большей части низшаго духовенства весьма много благоприятствовала распространенію раскола *закоренная лѣньность исправлять церковныя службы, холодность къ церкви, невнимательность къ своему званію*. Многіе недостойные священники, діаконы и причетники готовы были промѣнять трудное, благонравное и дѣятельное служеніе церкви на праздную,

¹⁾ Соч. Посошкова.

²⁾ Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 473.

³⁾ Въ Скрижали 1656 г. И дѣйствительно, первые расколоучители духовные были совершенные невѣжды и по невѣжеству ратовали за расколъ. Вотъ какъ напр. были ложны и невѣжественны понятія главнаго расколоучителя протопопа Аввакума. О Святой Троицѣ онъ лжеумствуетъ: „Зри Игнатій Соловьянинъ, и вѣруй тріеущую Троицу, несѣкомую съки по равенству, не бояся, едино существо на три существа тожде и естества. На-тое течеть источникъ Божества, не рцы по Арію три естества не равные, а равные три естества или существа добръ, не шевели больше того. Комуждо особое сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Духу Святому, не спрятаяся сидятъ три царя небесніи. Христосъ сидитъ на особомъ престолѣ, равно царствуя Святой Троицѣ. Во всѣхъ подобныхъ лжеумствованіяхъ протопопъ Аввакумъ, по замѣчанію св. Димитрія ростовскаго, обличаетъ себя въ жалкомъ невѣжествѣ, показываетъ, что онъ и не зналъ догматовъ вѣры, и не читалъ со вниманіемъ и толкомъ церковно-богослужебныхъ книгъ, и не смыслилъ исторіи церковной. Розыскъ. ч. I, гл. 17. Невѣжество попа Никиты полянѣ обличилъ Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, показавъ, какъ онъ дерзавъ во богословскія глубины умъ свой пуцати, на брезѣ грамматическаго разума, и въ мелкости ея утопая (ч. I. № 23), и прагомъ богословія ниже матѣйшимъ прикоснуса перстомъ“ (л. 23 об). Не выписываемъ уже невѣжественныхъ лжеумствованій попа Никиты. Такое же невѣжество обличаетъ въ себѣ и попп Лазарь своимъ обличеніемъ: напр. облич. 58, 70. см. въ Жезлѣ Правленія.

матеріально-выгодную жизнь раскола, особенно поповщинскаго, съ рстію принимавшаго бѣглаго попа или діакона. Частію по причинѣ мріальной необезпеченности, о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія или неразвитости живаго нравственнаго сознанія пастырскихъ обязанностей,—стремленія матеріальныя, чувственныя въ самой большей части священниковъ преобладали надъ духовно-нравственными стремленіями, и не только убивали въ всякую мысль о развитіи и распространеніи духовнаго просвѣщенія, погружали ихъ въ крайнюю лѣность и безпечность объ исполненіи положительныхъ уставовъ церкви — прямыхъ обязанностей ихъ службы. Вотъ какъ описываетъ лѣность и нерадѣніе о духовныхъ обязанностяхъ даже столичнаго, московскаго духовенства въ памяти, данной въ 1636 поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію: «Вѣдомо великому господину святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому и всея Русіи, многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ каменномъ, и въ древянномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и въ приходскихъ святыхъ Божіихъ церквяхъ чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыхъ и православныхъ христіанскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божіихъ церквахъ: по-скору пѣніе Божіе, не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.... сами священники суть бесѣдующе и безчинствующе, и мірскія утвары творяще, и вся яже святыхъ апостолъ и св. отецъ преданія вотще прорающе, и мірскимъ людемъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанскаго благопробыванія не наказующе и сами безчинствующе, а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпускомъ начинаютъ; а во святые дни святого великаго поста, въ нихъ же должны суть православніи христіане, яко въ великое время. съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтели собирать въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы церковныя священники совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, ни преданію святыхъ отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нерадіемъ великимъ изнуряють время постное; а инии же бо суть, по обѣдни на святой недѣли и вечерни отпѣвають, для своихъ пьяныхъ нравовъ и лѣностію содержащихся. Такожде и въ воскресные, и во Владычны и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники заутрени священники поють гораздо по-позду и для поздняго ради имени поють зѣло по-скору же, и чтенія, иже учинено прочитати на праздники учительныя народомъ евангелія и иныя св. апостолъ и св. отцы поученія житія, то все оставляють, а православнымъ христіаномъ ничего не прочитають, а которымъ чести хотящимъ и они такожде браняють, рекуще поздаго ради времени» ¹⁾.... Не рѣдко бывало, что священно-церковно-служители, еще будучи въ православіи, поступали уже чуждо по раскольнически. Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ діаконъ дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такіа службы, въ которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ съ

¹⁾ Акт. Археогр. Эксп. т. III. № 264.

шать, и читать въ послѣдованіяхъ тайно-дѣйствій такія молитвы, которыя также непременно самъ священникъ долженъ читать, и по лѣности не читать¹⁾. Или: многіе священники, которымъ, по закоренѣлой лѣности, нѣжело было совершать службу въ церквахъ, въ продолжительное стояніе, молились по служебнику, обыкновенно или вовсе оставляли положенныя уставомъ богослужебныя послѣдованія и молитвы, или прочитывали ихъ напередъ, дома, съ такою скоростію и сокращеніемъ, съ какою только можно, а въ церквахъ просто стояли у престола, бесѣдовали о мірскихъ дѣлахъ и говорили только одни возгласы²⁾. Вообще о чрезвычайной холодности къ церкви немалой части духовенства нашего въ XVII столѣтіи свидѣтельствуемъ, съ одной стороны, то, что въ это время чрезвычайно много было разстригъ, распопъ, съ другой—то, что благопопечительные архипастыри, при своемъ вступленіи на паству, находились вынужденными умолять духовенство—любить церковь³⁾. Если же такъ холодно было къ церкви духовенство, если такъ много было священно-служителей нерадивыхъ, то удивительно ли, что многіе священно и церковно-служители бѣжали отъ православно-церковной службы въ расколъ? Совершенное заглушеніе совѣсти, подавленіе всякаго чувства и сознанія того высокаго священнаго обязательства предъ Богомъ и церковію, какое дается священно-служителямъ при рукоположеніи во священство, оправдывало въ глазахъ такихъ недостойныхъ служителей церкви богопротивную измѣну церкви и бѣгство въ расколъ. А закоренѣлая лѣность, безпечность о церковныхъ обязанностяхъ невольно внушала имъ мысль—какъ нибудь освободиться отъ церковнаго порядка и устава. И вотъ они съ радостью обращались въ расколъ, который обольщалъ ихъ полною свободою отъ строгихъ уставовъ церкви, отъ частыхъ службъ, богатія вознагражденія, да еще, можетъ быть, обѣщалъ почетное и выгодное мѣсто расколоучителя, большака. А церковь православная такимъ образомъ болѣе и болѣе лишалась чадъ и съ материнскою скорбію сѣтовала объ умноженіи раскола.

Въ третьихъ, весьма многихъ изъ низшаго духовенства, какъ и мірянъ, увлекалъ въ расколъ *духъ непокорности іерархической власти и самоуправленія*. Этотъ духъ свободы и своеволія проявлялся и въ приходскомъ причтѣ и въ монахахъ. Говоря о возстаніи духовенства противъ патр. Никона, мы замѣтили, что въ XVII вѣкѣ низшее духовенство иногда цѣлою областью или нѣсколькихъ уѣздовъ неоднократно обнаруживало стремленіе освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ суда митрополичьяго или епископскаго, и даже противилось самому царю. Здѣсь укажемъ нѣсколько фактовъ. Такъ въ 1622 году митрополитъ новгородскій Макарій подалъ царю Михаилу Федоровичу челобитную, въ которой писалъ слѣдующее: «По государскому указу велѣно ему колмо-

1) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 469.

2) Древн. Росс. Вивліов. ч. XVII, стр. 101, 102.

3) Акт. Ист. т. IV, стр. 177. Митрополитъ Іона пишетъ къ своему ростовскому духовенству: „Понужаю васъ, пресвитери и діакони и вси церковніи причетницы, любити матеръ общую, церковь Божию и яже въ ней“.

горскихъ, и важскихъ, и каргопольскихъ, и тѣхъ городовъ въ уѣ новгородской митрополіи, по монастыремъ архимандритовъ и игум и по мірскимъ храмомъ поповъ и діаконъ и церковныхъ причет и земскихъ людей судити и вѣдати ему богомольцу государеву и е казнымъ людямъ и десятильникомъ, кого онъ богомольецъ пошлетъ де колмогорскіе, и важскіе, и каргопольскіе, и тѣхъ городовъ въ уѣ по монастырямъ архимандриты и игумены, и по мірскимъ храмомъ и діаконы, и церковные причетники, и земскіе люди, его государева мольца и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ е шають и во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ подъ судъ не даются и е сильны, и духовныхъ дѣлѣ судными и всякими пошлинами владѣи архимандриты и игумены и попы владѣють и корыстуются сами себя, а въ царское богомолье, въ софейскую казну, не платятъ». въ 1657 году священникъ костромского собора Андрей съ товарищамъ ловався, что попы въ костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ странахъ, и въ ромскихъ пригородахъ и уѣздахъ святятъ церкви сами собиралися, а ихъ рянь не призываютъ и указныхъ пошлинъ не платятъ; да они же попы стромѣ на посадѣ и въ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородахъ и въ уѣз на Плесѣ на посадѣ и во всей плесской десятинѣ, государева указа не с ютъ, чинятся сильны; вѣбчають отроковъ и двоеженъ и троеженцов нечныхъ пошлинъ имъ не платятъ¹⁾. Многіе приходскіе и сельскіе свяще не слушались архіерейскихъ приказаній и презирали ихъ запрещеніи архіерейскаго благословенія и безъ грамотъ служили въ домахъ у всяки новъ людей, и отказывались платить слѣдовавшія съ нихъ церковныя повинности²⁾. Такое своеволие и самоуправство иногда доходило до что высшія власти находились вынужденными прибѣгать къ гра скимъ мѣрамъ, чтобы своевольныхъ поповъ, діаконъ и причет привести къ послушанію³⁾. А иногда являлись уже за долго до р такіе священники, которые уже явно проникнуты были раскольниче духомъ непокорности и самоуправления. Такъ напр. въ 1632 году по былъ въ корельскій никольскій монастырь на смиреніе нижегоро, воскресенскаго дѣвичьяго монастыря попъ Іоаннъ *за гордость и в. мысль*, и за то, что людей училъ *безъ архіерейскаго благословенія*, и сн никовъ лаялъ и еретиками называть⁴⁾. Въ монастыряхъ, какъ и о ломъ духовенствѣ, также очень господствовало своеволие, ненокор роптаніе⁵⁾. Простая братья «повыкла жить по своей волѣ». Та царской грамотѣ, посланной въ соловецкій монастырь въ 1621 г., чи «Вѣдомо намъ учинилось, въ соловецкомъ монастырѣ нѣкоторые отъ держаютъ житіе имѣти не по божественному уставу и не по прав св, апостолъ и богоносныхъ отецъ соборная повелѣнія и преп. отец

¹⁾ А. А. Ѳ. т. III, № 123.

²⁾ Акт. Пет. т. V, № 75, стр. 114.

³⁾ Акт. Археогр. Ѳкен. т. III, № 316.

⁴⁾ А. А. Ѳ. т. III, № 198.

⁵⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 461.

Симы и Савватія уставъ и преданіе во многихъ мѣрахъ презираютъ: и мы слыша о томъ удивляемся, что въ такой честной лаврѣ и въ чудотворномъ мѣстѣ такое ослабное житіе имѣти начинаютъ и отеческія преданія презираютъ и ни во что полагаютъ»¹⁾. Въ другой царской грамотѣ, данной соловецкому монастырю въ 1636 году, читаемъ, что «монахи самовольно выбирали себѣ келарей и казначеевъ-потаковниковъ, чтобы жить самоуправно, а старцовъ, постриженниковъ старыхъ и благочестивыхъ безчестили и на соборахъ говорить имъ не давали, и жили монахи отъ того въ раздорѣ, кельями и заговоромъ»²⁾. Такимъ же своеволіемъ и самоуправствомъ заражены были многіе монахи и въ другихъ монастыряхъ³⁾. Вообще, господство духа непокорности и самоуправства, въ XVII столѣтіи, какъ между монахами, такъ и въ бѣломъ духовенствѣ, видно еще, во 1-хъ изъ того, что высшія церковныя власти, архіереи, когда издавали какой нибудь указъ о благочиніи церковномъ, то въ немъ большею частию находили нужнымъ прописывать и мѣры или угрозы противъ непокорныхъ духовныхъ⁴⁾, и во 2-хъ изъ того, что отцы собора 1667 года, заботившіеся, по возможности, объ искорененіи всѣхъ грубыхъ недостатковъ въ духовенствѣ, разсуждали, между прочимъ и «о непокоряющихся священницѣхъ и діаконѣхъ своимъ ихъ архіереемъ, и непокорящихся іеромонашѣхъ своимъ ихъ наставникамъ, архимандритамъ и игуменамъ»⁵⁾. Этотъ то духъ непокорства и самоуправства и побуждалъ теперь, когда въ Москвѣ мятежные игумены и попы возстали противъ патр. Никона, именно по духу самоуправства и противленія патріаршей власти Никона, непокорныхъ священниковъ, діаконѣвъ и причетниковъ—покидать свои приходы и епархіи, чтобы освободиться отъ епархіальнаго начальства. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ своихъ письменныхъ предложеніяхъ собору, бывшему въ Москвѣ въ ноябрѣ 1681 г., подъ предѣдательствомъ п. Іоакима, ясно указываетъ на эту побудительную причину принятія раскола монахами: многіе монахи, писалъ онъ, мужеска пола и женска, *не готя быти у наставниковъ своихъ подъ послушаніемъ*, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсахъ, и по малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ и устрояютъ часовни и проч.⁶⁾. Особенно многіе священники и діаконы, по непокорности церковной власти, убѣгали въ поповщинскую секту, потому что тамъ они «жили по своей волѣ», не имѣя надъ собой никакихъ благочинныхъ іереевъ, «кои бы имъ отъ епископовъ были предпоставлены, и сами, кто какъ хотѣлъ, такъ и самовластвовалъ»⁷⁾.

¹⁾ Тамъ же, т. III, № 331.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. т. III, № 262.

³⁾ Тамъ же, т. IV, № 325. «Въ Царицынѣ бунтовщику Стенькѣ Разину бытъ любимой приходъ въ троникомъ монастырѣ къ казначею Аарону, и шель и ѣтъ воръ Стенька съ нимъ за одно» А. II. т. V, стр. 400.

⁴⁾ Акт. Арх. Эксп. т. III, № 264, стр. 405.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 489.

⁶⁾ Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 117. Патр. Іоакимъ также говоритъ, что многіе монахи не хотѣли жить подъ монастырскимъ началомъ и хотѣли быти въ народѣ законоучителями, сами приняши и другимъ проповѣдывали расколъ.

⁷⁾ Зеркало для старообрядства стр. 60, 1799 г.

Такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ, при п. Никонѣ, такъ и повсюду въ епархіяхъ, возстаніе низшаго духовенства и уклоненіе его въ расколъ происходило изъ клерикально-демократическаго стремленія освободиться отъ высшей іерархической власти и, главнымъ образомъ, отъ суда и тяжкихъ пошлѣнъ и даней архіерейскихъ.

Наконецъ, весьма много содѣйствовала распространенію раскола въ духовенствѣ сильно укоренившаяся между духовными *привычка жить нечестно, по влеченію своихъ страстей и похотей, а не по духу вѣры и христіанской нравственности*. Самою важною болѣзнію въ духовенствѣ нашемъ въ XVII столѣтіи были два порока: корыстолюбіе и пьянство. Недостойные священники, недуговавшіе іудинымъ сребролюбіемъ, за деньги продавали таинства, продавали Тѣло и кровь Христову недостойнымъ, «мзду нѣкую получивъ», а деньги совершали незаконные браки, воровски утаивали казенный доходъ¹⁾. Священники и дьяконы «неподобнаго ради прибрѣтенія» владѣли иногда двумя церквами, и также зачисляли за собою причетническія мѣста²⁾. Заботясь только о прибыткахъ и богатствѣ, попы, дьяконы и причетники занимались разными неприличными пастырямъ церкви промыслами, напримѣръ винокурениемъ³⁾, даже чернокнижіемъ и воровствомъ. Но особенно страшную заразу нашего духовенства, въ XVII столѣтіи и послѣ, составляло пьянство. Маржеретъ, бывшій въ Россіи въ 1600—1606 г., писалъ «духовенство русское въ порокѣ пьянства, самаго неумѣреннаго, не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ»⁴⁾. «Видимъ въ простыхъ человѣцѣхъ, писалъ митрополитъ ростовскій Іона въ 1652 году, но и паче же въ духовыхъ чинѣхъ укоренилась злоба сатанинская, безмѣрнаго хмѣльна упиванья, и таковое сатанинское ухищреніе многихъ челоуѣкъ отлучаетъ отъ Бога»⁵⁾. Въ монастыряхъ, даже нѣкогда самыхъ знаменитыхъ, прославленныхъ святостію ихъ основателей и подвижниковъ, много было иноковъ, преданныхъ пьянству, плотоугодію, сребролюбію. «Егда мало отдохнуша отъ великихъ бѣдъ,—съ глубокою горестію писалъ Авраамій Палицынъ⁶⁾ объ инокахъ троицко-сергіевой лавры, тогда забывша спасающаго ихъ, часто входядаху утѣшаться сладкими меда, отъ нихъ же породнишася блудныя бѣды, отъ повседневныхъ же вылазокъ всѣхъ, проходящихъ побѣдахъ и по крови «пьянствомъ утѣшахуся, отъ того же вся страсти тѣлесныя возрастаху... еще же и сіе зло приложиша, сребролюбственная въ ровъ убо глубокъ блуда впадоша вси отъ простыхъ чади даже и до священствующихъ». Въ отдаленномъ бѣломъ поморьѣ, въ соловецкой обители, многіе иноки, кажется все болѣе и болѣе удалялись отъ святаго образа жизни Зосимы и Савватія и глубже и глубже повреждались въ нравственности. Въ 1636 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ жаловался, что въ

¹⁾ А. А. Э. т. II, № 61. Доп. къ А. II. т. V, стр. 463 А. А. Э. т. IV, № 42, стр. 62 также № 105 и Древн. Росс. Вивлію. ч. XV, стр. 395.

²⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 446.

³⁾ А. А. Э. т. IV, № 116. Востоков. опис. Рум. Муз. стр. 654.

⁴⁾ Арцыбаш. III примѣч. CXII.

⁵⁾ Акт. Ист. IV, стр. 176.

⁶⁾ Сказан. объ осадѣ троиц. сергіев. монастыря стр. 125, 167.

оловецкій монастырь съ берега привозять вино горячее; и монахи, желая необузданно предаваться пьянству и своеволію, нарочно, сами собою, безъ соборнаго совѣта добрыхъ и благочестивыхъ старцевъ, избирали келарей и казначеевъ—потаковниковъ, которые бы имъ молчали, и на погребѣ бы имъ безпрестанно квась поддѣльный давали» ¹⁾. Въ 1647 г. послана была въ соловецкій монастырь отъ царя Алексѣя Михайловича грамота о запрещеніи старцамъ держать по кельямъ хмѣльное питье, въ которой напоминалось, что «многіе братья охочи пьянаго питья пить, своихъ мѣръ за столомъ не пьютъ, и носятъ по кельямъ и квасятъ въ кельяхъ, и напиваются до пьяна, и отъ того де пьянства бываетъ многая вражда и мятежи, а шны священники и крылошане и простая братья въ томъ обычаѣ закосѣли, и отъ того нестроенія и игуменомъ бываютъ перемѣны частыя, и безъ игуменовъ въ монастырѣ проходило время многое, и повыкли жить ю своей волѣ» ²⁾. А въ послѣднее время, предъ бунтомъ соловецкимъ, нравственность нѣкоторыхъ недостойныхъ иноковъ сѣверной обители представляется уже въ высшей степени мрачною и грязною ³⁾. Также своевольно и невоздержно жили иноки и во многихъ другихъ монастыряхъ ⁴⁾. Стремленіе къ пустыножительству, пронстекавшее въ XIV и XV вѣкахъ изъ живого нравственно-религіознаго начала, служившее могущественнымъ мотивомъ къ распространенію по сѣверо-восточной Россіи, въ слѣдъ за монастырями и пустынями, народонаселенія, гражданственности и просвѣщенія, это стремленіе въ XVII вѣкѣ проистекало только изъ склонности къ бродяжничеству, изъ неуживчивости въ старыхъ монастыряхъ подъ строгими древними монастырскими уставами, изъ стремленія освободиться отъ общественныхъ обязанностей, налагаемыхъ новыми строгими постановленіями Уложенія и церковныхъ правилъ. И между тѣмъ духъ стремленія изъ общества, духъ пустынножительства, противообщественный и противокерковный, никогда такъ не усиливался, какъ въ XVII вѣкѣ: въ XVII в. вновь возникло до 220 монастырей и пустыней, тогда какъ въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи, въ XIV вѣкѣ, ихъ возникло только до 80, въ XV до 70. Отсюда понятно, почему монастыри въ XVII в. наполнены были людьми порочными, и тамъ господствовали пороки всякаго рода въ высшей степени. Пьянство и съ нимъ тѣсно сопряженные пороки такъ сильно господствовали тогда въ монастыряхъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, постоянно и дѣятельно заботившійся о водвореніи нравственнаго порядка во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ самомъ началѣ своего царствованія, «слышавъ таковое о своихъ царскихъ богомольяхъ, въ монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣность, и прензlishнее пьянство и нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданія и чинъ монастырскій небрегомъ, и о томъ зѣло возжалѣся, указалъ послать во всѣ города, по монастыремъ, свои государевы указныя грамоты, чтобы

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. т. III, № 202.

²⁾ Ibid. т. IV, № 322.

³⁾ Акт. Ист. т. IV, № 248.

⁴⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 64.

во всѣхъ монастырѣхъ хмѣльное всякое питье, вино и медъ, и пиво, хмѣльные квасы, оставили и впредь не держали», также патріарху Іосифу «велѣлъ послать по всѣмъ монастырямъ грамоты таковыяжъ, чтобы отнюдь въ монастырѣхъ хмѣльнаго никакого питья небыло и жили бѣ по преданію древнихъ св. отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобы отъ таковаго воздержанія его царскія богомолья не оскудѣли и запустѣнья бѣ монастыремъ не было» ¹⁾. Необузданно предаваясь пьянству, весьма многіе монахи совершенно забывали свои иноческіе обѣты, не ходили на богослуженіе, такъ что церкви въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не рѣдко стояли безъ пѣнія,—и предавались такимъ безмѣрнымъ житейскимъ заботамъ, какіе предосудительны даже и въ благочестивомъ мірянинѣ. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 году въ кириллобѣззерскій монастырь, что въ московскихъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ, въ степенныхъ и въ нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, и игумены, и келари, и строители, и казначен и священники, и братья, на монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмѣльное питье, вино и пиво и медъ, и про монастырскій обиходъ и про себя въ монастырскихъ вотчинахъ вина сидятъ, и пива варятъ, и меды ставятъ, и въ монастыри возятъ, и отъ того хмѣльнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ пѣнья, да священники жъ и дьяконы и братья ѣдятъ за трапезою и изъ за трапезы изъ за столовъ носятъ хлѣбъ и колачи и рыбу къ себѣ въ кельи и за монастырь, а когда на братію въ посты и не въ посты, въ понедѣльники и въ среды, трапеза не поставляется, и въ тѣ дни братьямъ участки даютъ; да архимандриты жъ, и игумены, и келари, и казначен, и соборные старцы, во всѣхъ монастырѣхъ, держатъ у себя дѣтей, и братію, и племянниковъ, и внучатъ своихъ, и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякой запасъ и изъ монастырскіе казны деньги; да они жъ власти отпущаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ тѣ слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжаютъ и съ нихъ емлютъ власти, и дѣти и племянники и внучата, посулы и поминки, деньгами и виномъ, и медомъ, и кунницами, и всякими гостинцами, а кто ихъ не почититъ, и къ нимъ приметываясь для мзды чинятъ побой и изгони большіи, также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣтъ и не отъ дѣтъ, посулы и поминки емлютъ же, и тѣмъ крестьяномъ изгону и напрасные убытки чинятъ» ²⁾. Это мало: многіе монахи, вслѣдствіе нетрезвой жизни и невнимательности къ своимъ обѣтамъ, совершенно отвыкали отъ иноческаго уединенія, не хотѣли жить въ монастырскихъ стѣнахъ, пускались въ міръ и бродили по улицамъ въ городахъ и селахъ, входили въ худыя дома, къ соблазну православныхъ. Такъ въ 1639 году писалъ вологодскій архіепископъ Варлаамъ: «бываютъ на Вологдѣ пришлые и въ Вологодскихъ монастыряхъ безчинные старцы, живутъ въ мірскихъ домахъ и по кабакамъ пьютъ и бразничаютъ, и бродятъ въ мірѣ съ великимъ безчинствомъ, а иные старцы ѣдятъ, покупая въ харчевняхъ пироги

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. т. IV. № 325.

²⁾ Ibid.

съ мясомъ и всякія мясныя яствы; а продають имъ не вѣдая, для того, что бродятъ безъ чернеческаго платья» ¹⁾. На Москвѣ и въ городахъ, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 г. въ грамотѣ кирилло-бѣло-озерскому монастырю, священники и простые старцы по торгамъ и по ули-камъ ходять и на крестцахъ сидять, и въ томъ иноческому чину пору-жаніе чинять» ²⁾ Точно такъ же онъ писалъ въ одной грамотѣ въ 1660 году, что «въ монастыряхъ старцы, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, живутъ безчинно, по вся дни по мірскимъ дворамъ ходять, а иные на дворахъ и ночуютъ, и съ дѣтьми своими и съ братьями и съ сродники и съ иными мірскими людьми въ кельяхъ пьютъ до-пьяна, и изъ монастыря питье, медъ и пиво и квасъ, и съѣстное выдаютъ, а иные и продають, для того, что ѣствы въ монастыряхъ плохи, недопечены и недоварены, и продавъ изъ монастыря такіе ѣствы, покупають себѣ по-требнѣе тѣхъ ѣствъ, и отъ того безчинія и нерадѣнія имя Божіе хулится и монастырь и иноческій чинъ отъ многихъ иноземцевъ въ поносъ и въ укоризнѣ» ³⁾. Черные попы и дьяконы переходили изъ однихъ монастырей въ другіе безъ вѣдома своихъ епископовъ и безъ грамотъ архіерейскихъ ⁴⁾. Въ келліи монашествующихъ иногда свободно входили женщины, а въ женскихъ монастыряхъ держались лица мужескаго пола ⁵⁾. Многіе монахи, совершенно забывая обѣтъ нестяжательности, оставляли попеченіе о своей душѣ и заботились только о пріобрѣтеніи и увеличеніи собственнаго иму-щества, и нерѣдко для пріобрѣтенія денегъ и вообще для удовлетворенія своихъ чувственныхъ и своекорыстныхъ потребностей рѣшались даже на низкіе и богопротивные поступки. «Нынѣ, писалъ митрополитъ суздальскій Иларіонъ въ 1694 году въ грамотѣ Флорищевой пустыни, нестяжательное жителство по преданію св. апостолъ и св. отецъ стало у васъ изгубля-тися, многіе отъ братіи стали особое имѣніе держать и предпочитаеми стали быть, тщетная совѣтующи себѣ и хотящи развратити прежнее обще-жителство... Нынѣ у васъ есть многіе памятухи тому прежнему обще-жителству, да и то помнятъ же, которые восхотѣли то общежителство разрушить при мнѣ грѣшнемъ, и я тѣхъ имѣнія огню предавалъ, отъ нихъ же сіи суть: Іосифъ бѣлоградскій, Филонъ швецъ, Ілія пономарь, и иные многіе; также и то помните, Филарета инока Янушевскаго, какъ онъ тайно держалъ сребро, и того ради бѣсъ въ него вошелъ и наустилъ его на убив-ство отца своего духовнаго» ⁶⁾. Иногда обнаруживались даже въ монасты-ряхъ предательство и измѣна ⁷⁾. Казначей монастырскіе принимали къ себѣ въ монастыри разбойниковъ и измѣнниковъ государственныхъ. Худые мо-нахи нерѣдко дѣйствовали за-одно съ разбойниками, точно также, какъ

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. т. III, № 285.

²⁾ Тамъ же т. IV, стр. 490.

³⁾ Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 116.

⁴⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 466.

⁵⁾ Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 313, стр. 463.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Акт. Ист. т. IV, № 178, стр. 339.

и недостойные попы и поповскіе дѣти¹⁾. Вотъ какова была не малая часть духовенства нашего въ то время, когда возникъ расколъ и распространился по Россіи! Какая обильная почва для возвращенія и распространения раскола! Мы видимъ въ духовенствѣ невоздержность, которая, по словамъ м. ростовскаго Іоны, подавляла въ духовныхъ все доброе; удивительно ли послѣ этого, что многіе монахи и священники убѣгали въ расколъ для свободной, невоздержной жизни. Такъ въ 1668 году многіе монахи, не хотя жить въ монастырѣ, но хотя пить хмѣльное питье, выбѣгали изъ Ниловой столбенской пустыни къ раскольникамъ, унося съ собою платье и правильныя книги²⁾. У раскольниковъ же, въ скитахъ и монастыряхъ, по собственному ихъ сознанію, пьянство, вмѣстѣ съ развратомъ, было весьма обыкновенно, особенно въ XVIII вѣкѣ. Извѣстно также, что первые расколоучители—попы Никита и Лазарь—были весьма заражены страстію къ пьянству и даже въ пьяномъ видѣ ратовали за расколъ³⁾. Мы видимъ, далѣе, въ духовенствѣ бродяжничество; попы и монахи бродятъ по улицамъ въ городахъ и селахъ: а кто прежде всѣхъ принялъ расколъ, кто были большею частію расколоучители?—«Черницы—бродяги, и рострпги, отвѣчаетъ намъ патр. Іоакимъ, вси по мірскихъ дворѣхъ волочащися и по многихъ монастырѣхъ бродящии своевольно, иже отнюдѣ не видятъ, что есть монашество или отѣчєніе своея воли, яко подѣ началомъ въ монастырѣ нигдѣ не живяху»⁴⁾. При стремленіи къ пустынножительству и бродяжничеству монаховъ, неоднократно являлись еще за долго до раскола Капитоны, Данилы Викулины, люди съ явнымъ раскольниковымъ духомъ. Такой предтеча раскольниковъ явился напр. въ сѣверномъ поморьи, около 1630 года. Въ житіи преп. Никодима кожезерскаго читаемъ: «нѣкій іеромонахъ именемъ Θεодосій поживе съ преподобнымъ отцемъ Никодимомъ въ пустыни два лѣта, и потомъ же много моляше преп. отца Никодима, яко да благословитъ его итти во внутреннюю далечайшую пустыню, и жити бы тамо единому въ уединеніи. Преподобный же возбраняше ему о томъ многократно и не благословляше его на такое дѣло дерзати выше мѣры своя, понеже бо вѣдый преподобный извѣстно жестоту житія сего пустыннаго. Той же іеромонахъ Θεодосій не послушалъ наказанія преп. отца, аще же хотя и не благословилъ его въ такомъ намѣреніи ему быти, обаче же онъ невоздержнымъ своимъ и нравомъ своевольнымъ произволеніемъ отъиде въ пустыню, и вселися тамо при той же рѣцѣ Хозегѣ: и потомъ абіе не по мнозѣмъ времени вскорѣ прельщенъ бысть отъ діавола и впаде въ вещи не удобы постижныя: созда убо себѣ жертвенникъ и начать въ немъ литургисати единъ божественную службу въ томъ неосвященномъ храмѣ»⁵⁾. При появленіи на сѣверѣ такихъ пустынножителей—

1) Тамъ же, т. IV, № 202, стр. 401.

2) Акт. Ист. № 178, стр. 330.

3) Увѣтъ, Жезль правленія.

4) Увѣтъ духовный. „Если бы не было бѣглыхъ поповъ, не было бы и поповщины, и не умножалась бы она“. Замѣч. преосвящ. Игнатія Воронежскаго въ одномъ словѣ противъ поповщины.

5) Собр. житій святыхъ солонечскихъ и поморскихъ, ркн. Сол. библ. № 192.

поповцевъ за долго до открытія раскола, въ первой половинѣ XVII вѣка, и вѣроятно ли, что здѣсь именно, на сѣверѣ образовалось главное гнѣздо поповщины въ концѣ XVII вѣка? Наконецъ, мы видимъ, что въ духовенствѣ сильно господствовало корыстолюбіе: а что побуждало болѣею стію приходскихъ поповъ и діаконѡвъ, особенно бѣдныхъ, убѣгать къ скольникамъ?—«Не для старообрядства, отвѣчаетъ намъ одинъ обравшійся отъ старообрядства, развѣ очень немногіе, но наипаче ради притѣа бѣглые попы къ онымъ прилѣпилися. Ибо имѣя приходы малые и дные, и зная, что старообрядцы щедро платятся за требы, то, подѣ виѣ привязанности своей къ старымъ обрядамъ, приобѣгаютъ къ онымъ, гая свою паству»¹⁾).

Таковы были внутреннія качества той нравственной почвы, на которой въ XVII вѣкѣ возникъ и распространился расколъ²⁾. Излишне повторѣть, что на такой худой нравственной почвѣ, которая по словамъ самихъ ажаемыхъ мнимыми старообрядцами исправителей книгъ при п. Іосифѣ, ла бы яко Содомъ и яко же Гомору уподобилась бы, если бы Господь дать Россіи мудраго царя Алексѣя Михайловича³⁾, излишне повторять, о на такой почвѣ сами собой могли произрасти и умножиться плевелы жюла, этотъ мнимый виноградъ Россійскій, который такъ восхваляетъ горіографъ раскольниковскій Денисовъ, а отнюдь не древлецерковный, гинно-православный виноградъ церкви русской. *Не можетъ древо злое оды добры творити*, также какъ доброе древо не можетъ приносить хуихъ плодовъ. И такъ, хотя рѣзко, но справедливо говорили русскіе паыри XVII вѣка, что «отъ стремнины горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша ступники православной церкви русской, насадиша винограды по своимъ хотѣямъ, услаждающія гортани своя временною сладостію льстиваго учеа». Больно, прискорбно было намъ разоблачать нравственныя болѣзни и бхи нашихъ предковъ, по естественному ходу событій, за насъ болѣвнихъ и страдавшихъ. Пастыри церкви, правительство и всѣ лучшіе люди VII вѣка, какъ въ мірскомъ обществѣ, такъ и въ духовенствѣ, вполне знавали ихъ и громко объявляли о нихъ, дѣятельно ища въ то же время едствъ для ихъ излеченія. Только одни отсталые, запоздалые люди не знавали, не чувствовали своихъ нравственныхъ болѣзней и хотѣли жить старыхъ порокахъ. Не порицать бы мы должны XVII вѣкъ за упадокъ авственности; напротивъ, съ живымъ участіемъ обязаны мы слѣдить за имъ напряженіемъ нравственныхъ силъ церкви русской и государства сскаго въ борьбѣ съ многочисленными препятствіями, которыя они встрѣли при водвореніи общественнаго нравственнаго порядка⁴⁾. Но пусть зустыдятся наши заблуждающіе братія—потомки тѣхъ же предковъ на-

¹⁾ Зеркало для старообрядцевъ, стр. 27, 23.

²⁾ Другіе нравственно-гражданскіе недостатки русскаго общества XVII вѣка и ввой половины XVIII, благопріятствовавшіе развитію раскола, будутъ показаны въ слѣднихъ двухъ главахъ настоящаго сочиненія.

³⁾ Въ послѣд. къ Сборнику, издан. въ Москвѣ въ 1647 г. Строева—опис. книгъ рекаго, стр. 248.

⁴⁾ Соловьевъ въ рѣчи о Шуваловѣ.

шихъ XVII вѣка глаголемые старообрядцы, — пусть устыдятся; что они сами не понимая, доселѣ еще хотятъ намѣренно, упорно болѣть тою нравственною болѣзнію, которою болѣли наши предки невольно, по духу и обстоятельствамъ времени, и отъ которой искренно желали избавиться все лучшіе, коренные русскіе люди, какъ видно изъ единодушнаго, сердечнаго стремленія всѣхъ такихъ людей XVII вѣка. Пусть вникнуть они въ исторію безпристрастно, благонамѣренно; — они узнаютъ, что внѣшнее отдаленіе ихъ отъ православной церкви произошло и распространилось большею частію отъ нравственного зла и безпорядка, отъ предварительнаго внутренняго, нравственного отпаденія отъ церкви, а не отъ древле-церковнаго благочинія и благочестія.

III. Внутреннее развитіе раскольниковской общины.

Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка заключали въ себѣ начала, элементы, изъ которыхъ организовался, сложился расколъ. Какія же были орудія, силы и способы въ самомъ расколѣ, послѣ окончательнаго отдѣленія его отъ церкви, посредствомъ которыхъ онъ развивался въ такую сильную и многочисленную общину? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, обратимся теперь къ исторіи самаго раскола, прослѣдимъ его собственное, внутреннее общинное развитіе.

Главными орудіями образованія и распространенія раскола, очевидно, прежде всего были расколо-учители. Это были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, недовольной новымъ порядкомъ вещей, люди, къ которымъ примыкали все недовольные въ томъ или другомъ отношеніи церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, которые развивали и проводили въ народъ демократическія идеи раскола. Если бы расколо-начальники не возстали и не возмущали народъ, раскола въ церкви русской, по всей вѣроятности, не было бы. Но крайней мѣрѣ не было бы раскола, какъ секты церковно-обрядовой, ревнующей только о буквѣ и мертвой обрядности¹⁾. Пестинная церковная жизнь, все болѣе и болѣе развивавшаяся въ церкви русской, и животворный свѣтъ просвѣщенія, начавшій озарять русскій народъ съ половины XVII вѣка, послѣ вѣковой умственной тьмы, рано или поздно, можетъ быть, еще оживили бы это мертвообрядовое направленіе большей части русскаго народа, особенно при такой дѣятельной и благотворной попечительности, какую оказывали и. Никонъ и нѣкоторые другіе наши архимонастыри XVII вѣка. Но, мятежное движеніе, произведенное первоначально расколо-учителями въ сферѣ собственно-церковной, скоро перенесено было ими въ сферу гражданской, народной жизни, и во главѣ его стали являться и дѣйствовать уже, чисто въ духѣ демократическомъ,

¹⁾ Раскольники сами говорятъ; „не мы сами разлученіе отъ церкви содѣяхомъ, но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отецъ словесскія обители, священникъ протопопъ, пресвитеры и прочіи церковнаго причта, пустынный иноцы, и прочіи многочисленные крестіане всероссійскаго царствія, бывшіи во времена Никона патріарха московскаго, иже въ древле-церковнѣмъ благочестіи устоявши“. Поморск. отвѣты отв. 102.

возмутители народные, партизаны противо-государственные, каковы напр. Хованской, Стенька Разинъ, Денисовы и другіе. Расколо-учители стали являться изъ всѣхъ сословій и пошли проповѣдывать по Россіи расколъ по тѣмъ разнымъ нравственнымъ и народно-демократическимъ побужденіямъ, которыя мы видѣли и еще увидимъ господствующими во внутренней жизни большей части русскаго народа XVII и первой половины XVIII вѣка: расколо-учители изъ духовенства — по своимъ религіозно-демократическимъ побужденіямъ и стремленіямъ, расколо-учители изъ стрѣльцовъ и солдатъ — по своимъ стремленіямъ къ старинной вольности и т. д. Общее начало было одно — противленіе, во имя старой вѣры, новому государственному порядку, демократическое недовольство церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ въ разныхъ отношеніяхъ, и преимущественно недовольство новымъ порядкомъ и направленіемъ внутренней жизни Россіи, послѣ исправленій Никона и преобразованій Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. На сколько было справедливо это народное недовольство — это мы покажемъ въ слѣдующихъ главахъ нашего сочиненія.

Со стороны расколо-учителей, первую и непосредственную причину быстрого распространенія раскола почти по всей Россіи была уже эта самая чрезвычайная многочисленность ихъ, быстрое разстѣпаніе съ проповѣдью о расколѣ по всей Россіи и постоянное, неунынное проповѣданіе раскола. Уже въ продолженіи 8 лѣтъ, пока п. Никонъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ церковныхъ, и церковь русская оставалась безъ патріарха, расколъ успѣлъ распространиться въ Россіи почти повсюду. Судь надъ Никономъ, осужденіе и паденіе его въ глазахъ людей неразсудительныхъ и суевѣрныхъ служили очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и неправды Никона. Расколо-начальники торжествовали, и расколъ быстро, успѣшно распространялся. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современное «объявленіе о низложеніи п. Никона», гдѣ прямо сказано объ удаленіи Никона отъ патріаршества: «яко оставленіемъ престола сотвори церковь святую въдовствовать осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, въ неже между — патріаршества время блазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы православно-россійскія церкви, лестными учении своими многихъ души людей погубившія» ¹⁾. Въ какой мѣрѣ справедливо это обвиненіе Никона, мы это увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; но то несомнѣнно, что именно въ этотъ періодъ времени расколо-учители успѣли разсѣяться по всѣмъ краямъ Россіи и вездѣ положить начало раскола. Съ 1667 года, когда расколъ окончательно осужденъ и отсѣченъ былъ отъ церкви на московскомъ соборѣ, расколо-учители еще болѣе умножились, и съ тѣхъ поръ ученіе старообрядства непрерывно распространялось. «Овѣи крыяхуся, овѣи же покаившеся, писалъ п. Іоакимъ, паки послѣжди своя ученія разсѣваша, и отгуду вся злоба сія урасте, изъ нихъ же овѣи умроша, овѣи же доселѣ пребываютъ» ²⁾. Открывшіеся въ слѣдъ за соборомъ 1667 года унты — соловецкій (1666—1677 г.) и стрѣлецкій (1682 г.), въ которыхъ

¹⁾ Древн. Россійск. Вивл. ч. III, 404.

²⁾ А. И. V, стр. 340.

принимали живѣйшее, почти главное участіе раскольники, весьма благопріятствовали умноженію расколо-учителей и распространенію раскола. Во время соловецкаго бунта многіе чернецы бѣжали изъ соловецкаго монастыря въ олонекское поморье и въ нижегородскіе предѣлы и тамъ основали раскольническіе скиты. Семенъ Денисовъ, написавшій «исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», восхваливъ многихъ мятежныхъ чернецовъ, разсѣявшихся во время соловецкаго бунта по сѣверному поморью, заключаетъ: «прочіи же отецъ соловецкихъ, ови во время раззоренія по странамъ Россійскимъ во оземствіа, ови же и прежде изшедше странствованіемъ разсѣяшася и идѣже аще во градѣхъ и въ сѣхъ, аще въ пустынныхъ скитахъ многи на стези древле-благочестивыхъ церковныхъ законовъ навратиша»¹⁾. Также возникшій въ 1682 г. стрѣлецкій бунтъ представлялъ благопріятное, удобное время для усиленія и распространенія раскола. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ, пишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ, многіе раскольники, *получа своему зломыслию удобное время*, начали совѣтывать: какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить и православную церковь, ихъ еретичеству противную, раззорить и правовѣрныхъ побить. Того ради избрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ пустосвята, и чернецевъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ»²⁾. «Изверженный попъ Никита пустосвятъ, пишетъ м. тобольскій Игнатій, *обрѣте время смущенія на святую церковь, и началъ паки ядъ свой изрыгати* (онъ принесъ-было покаяніе, но лицемерное) и собравъ себѣ поборниковъ, нѣкоторыхъ чернецвъ, нѣкую шестерицу, и прочихъ съ ними: *понеже въ народъ того лѣта злѣное бѣше колебаніе, о нѣкихъ вещехъ воинства, сирѣчь, безчиніе въ нѣшихъ полцѣхъ*»³⁾. Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, или, какъ говоритъ Крекшинъ въ своихъ запискахъ «*луча своему зломыслию время*», раскольники подъ предводительствомъ Хованскаго и Никиты пустосвята, «подговорили въ свой совѣтъ много народъ, купцовъ и промышленниковъ и чернь, и тако утвердили твердо въ ономъ возмутительномъ народѣ расколъ, что готовы на смерть и на вся мученія. и возжеся едва не весь народъ»⁴⁾. Бунтъ стрѣлецкій былъ усмирень, но раскольники, какъ замѣчаетъ Матвѣевъ, «изъ сердецъ злобы своей отнюдь не искоренили»⁵⁾. А по свидѣтельству патр. Іокима, «многіе, по окон-

¹⁾ Ист. объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецк. ркн.

²⁾ Записки Матвѣева, изд. Сахаровымъ, стр. 38, Спб. 1841.

³⁾ III посл. стр. 148, 149, Правосл. Собесѣд. 1855 г. кн. 2.

⁴⁾ Записки Крекшина, стр. 41, изд. Сахаровымъ. «Видя стрѣleckую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, пишетъ Медвѣдевъ, враги св. церкви раскольники, нарицаемые Капитоны, начали на св. церковь ратовати, народъ простой возмущати, присовокупивъ лѣстными глаголаніи къ тому своему начинанію многихъ служилыхъ людей, грамотъ неумѣющихъ, къ нимъ же и изъ посадскихъ людей, нѣцыи неискусныя, паче же и прельщенные пристава... Еще они раскольники такое дерзновеніе взяли, невѣжди, ничтоже знающіи и грамотъ неумѣющихъ, по улицамъ и по площадямъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, яко нѣкіи проповѣдники ходяще, людей простыхъ учили». Записки Медвѣдева, стр. 17, 18.

⁵⁾ Записки Матвѣева, стр. 40.

нія бунта, разбѣжались» ¹⁾. Эти бѣглецы въ пылу мятежнаго фанатизма ожесточенія, разумѣется, въ мѣстахъ убѣжища не молчали, а еще съ пышею энергіею продолжали проповѣдывать расколъ. Вообще, пользуясь утами во время суда надъ п. Никономъ, во время соловецкаго и стрѣдскаго бунтовъ, когда вниманіе церковнаго и гражданскаго правительства занято было главнымъ образомъ возстановленіемъ нарушеннаго мира упокойствія, расколо-учители повсюду въ Россіи ходили и проповѣдывали расколъ. «Какъ пламень при бурномъ вѣтрѣ, по выраженію протоіея Іоаннова, всюду разливались они и ядъ своего нечестія сообщали: и разсыпались по городамъ, куда кто могъ и вездѣ простой народъ ушали и къ своему единомыслію приводили» ²⁾. Расколъ такъ много изанъ своимъ существованіемъ и распространеніемъ расколо-учителямъ, второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка его проповѣдывали, что послѣдователи его доселѣ ублажаютъ память этихъ расколотелей, какъ своихъ апостоловъ, первоучителей, мучениковъ, отцевъ и радальцевъ. Поморскій исторіографъ Андрей Денисовъ сохранилъ намъ мять главныхъ дѣятелей безпоповщинскаго раскола. Въ 1755 году разльникъ Иванъ Алексѣевъ написалъ «исторію о бѣгствующемъ священѣ» и исчислилъ главныхъ насадителей раскола поповщинской секты. числимъ имена первыхъ и главныхъ сѣятелей старообрядческаго ученія разныхъ краяхъ Россіи, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго, такъ какъ они были главными, непосредственными орудіями и виновниками распространенія раскола.

Въ предѣлахъ владимірскихъ, въ уѣздахъ костромскомъ, вязниковскомъ и кинешемскомъ проповѣдывалъ расколъ извѣстный уже намъ сая первый расколочальникъ Капитонъ. Онъ началъ проповѣдывать сколъ еще съ тѣхъ поръ, какъ вышли книги, изданныя при патр. Іосифѣ вѣстными единомышленниками его—протопопомъ Аввакумомъ, Стефаномъ иифатьевымъ, Іоанномъ Нероновымъ и другими ихъ сообщниками, и оповѣдывалъ расколъ болѣе 20 лѣтъ. Онъ такъ много содѣйствовалъ роженію и усиленію раскольническаго общества, что во 2-й половинѣ VII вѣка и даже въ началѣ XVIII послѣдователи его составляли особую щину и назывались по его имени Капитонами ³⁾. Капитону ревностно могали распространять расколъ ученики его: Прохоръ, Вавила, родомъ юземець, люторскія вѣры, искусный въ логикѣ, философіи и богословіи, эонидъ и другіе ⁴⁾. А одинъ изъ послѣдователей его, поселянинъ Подрѣтниковъ основалъ неподалеку отъ Костромы, въ предѣлахъ кинешемскихъ, оное раскольническое общество ⁵⁾. Въ самомъ посадѣ Вязникахъ съ особен-

¹⁾ Увѣтъ духовный.

²⁾ Полн. истор. извѣстіе о раскольникахъ, ч. I, стр. 72.

³⁾ Денисовъ пишетъ о Капитонѣ; «тому мнози ученицы бяху. . . Егда новинъ ря окружи церковь, смяте грады, поколеба села и веси: тогда сей Капитонъ все- ошь проповѣдникъ благочестія и всеревностнѣйшій обличитель Никоновыхъ нов- ствъ показуется, свободно древнее заступаше благочестіе, свободно и новины по- заше». Вин. Росс. л. 135.

⁴⁾ Тамъ же, л. 141.

⁵⁾ Игнат. III посл. стр. 112. 113. Правосл. Собесѣд.

ною ревностью насаждалъ расколъ ново-поставленный священникъ Симеонъ¹⁾. Въ Муромѣ при Окѣ свободно проповѣдывалъ расколъ архимандритъ спасскаго монастыря Антоній;—во Владимірѣ залѣсскомъ нѣкто о. Іоаннъ, бывший борщикомъ печатныхъ книгъ при патр. Іосифѣ, и первый писарь въ канцеляріи города Владиміра—Никита²⁾.—Въ предѣлахъ новгородскихъ и псковскихъ съ большимъ успѣхомъ распространять расколъ старецъ Варлаамъ, бывший протопопъ псковскаго собора, а потомъ постригшійся въ монашество въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ. «Онъ, по словамъ Денисова, ставившійся съ проповѣдью о расколѣ по многимъ мѣстамъ, доходилъ до предѣловъ велико-новгородскихъ, былъ въ самомъ Новгородѣ, и вездѣ свободно старопечатныхъ книгъ проповѣдывалъ догматы, и многихъ огласилъ, многихъ утвердилъ въ своемъ ученіи»³⁾. Вмѣстѣ съ Варлаамомъ распространяли расколъ въ новгородскомъ краю ученики его: Іоаннъ Дементьевъ, великолукскій купецъ, который, «во градѣ и въ селахъ и въ весехъ и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ, по выраженію поморскаго ритора неистинно простираше слово»⁴⁾; дворянинъ Димитрій, изъ рода Хвостовыхъ, съ двумя родными сестрами⁵⁾; Василій Лисицынъ, поселянинъ изъ села Крестецкаго; Григорій, бывший казначей Антоніева новгородскаго монастыря; Самсонъ поповичъ, сынъ священника крестецкаго села Пилипъ и братъ его Кирилъ⁶⁾; Лаврентій, купецъ, торговавшій харчевыми припасами: Василій и Симеонъ псковскіе, Андрей и Ефимій, Евсеvій Простой по выраженію Денисова, невѣжда въ челоvѣкахъ, о. Іоасафъ Чаплинъ и многіе другіе⁷⁾. Въ предѣлахъ олонекскихъ и архангельскихъ еще, какъ кажется, болѣе было расколо-учителей: сначала тамъ проповѣдывалъ еп. коломенскій Павелъ, сосланный въ монастырь Палеостровскій: онъ, по словамъ Денисова, яснымъ гласомъ свободно проповѣдывалъ⁸⁾. Потомъ проповѣдывали расколъ въ сѣверномъ поморьѣ: Досифей, бывший игуменъ Никольскаго Бесѣдовскаго монастыря, неподалеку отъ Тихвина, скитавшійся съ проповѣдью о расколѣ по разнымъ мѣстамъ; въ городѣ Олонѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, и клирикъ Елеазаръ; въ Каргополѣ безграмотный поселянинъ Леонтій, его дѣти Авраамій и Андрей въ обществѣ со многими другими; также Іоаннъ Іуліанинъ⁹⁾, и особенно по-

1) Виногр. Росс. л. 150.

2) Тамъ же, л. 155, об. 156, 158—172.

3) Тамъ же л. 172—174.

4) Тамъ же л. 180 об. 181.

5) Тамъ же л. 191, 194, 200, 202, 205.

6) Виногр. Росс.

7) О Лаврентіи купцѣ Денисовъ писалъ л. 199: «иже харчевыми припасами купляе дѣяше . . . Аще и неучень быше книгамъ, но книги въ дому имѣя и отсюду собираше челоvѣки на книгочтеніе и спасит. о словесехъ Божіихъ бесѣды». О Андрѣи Ефиміи л. 203 об. и 204: «не токмо сами древле-церковное православіе крѣпче и благоревнованно сохраняша, но и прочія сосѣды и окрестножители всежелательно и братолюбиво научающа добро-ревнованно совѣтоваша, еже повинъ и Никоновыхъ новоправленій весьма отбѣгати.

8) Денисовъ о Павлѣ Колотом.

9) Объ Іуліанинѣ л. 311—319: «свободнымъ языкомъ и устнами древлецерк. по-

сарь прикупной палаты въ городѣ, Козма Прокопьевъ¹⁾, и многіе другіе. Кромѣ того, въ олонекской области распространяли расколъ еще вышедшіе изъ соловецкаго монастыря иноки: Елифаній, Савватій, Германъ, Иосифъ, по прозванію Сухой,—діаконъ Игнатій и нѣкоторые другіе²⁾. Здѣсь же, въ заонежскомъ поморьѣ скитался по пустынямъ съ нѣкоторою братією бывшій шумскаго погоста дьячекъ Данила Викулитъ, и повсюду проповѣдывалъ расколъ «мѣсто отъ мѣста перемѣняя, и наконецъ около 1694 года поселился съ товарищами своими на Выгѣ рѣкѣ и здѣсь основалъ скитъ, извѣстный подъ именемъ анилова, поморскаго, выгорѣцкаго, дѣлавшійся вскорѣ средоточіемъ безпоДповищны. Далѣе на сѣверѣ, въ соловецкой обители и ея окрестностяхъ, распространяли расколъ, кромѣ со- сланныхъ туда съ княземъ Лъвовымъ, іеромонахъ Θεоктистъ, старецъ Герасимъ Фирсовъ, старецъ Елифаній. Въ окрестностяхъ соловецкихъ бродили съ проповѣдью о расколѣ соловецкіе выходцы, каковъ напр. Іоаннъ по прозванію Пахабный. Въ предѣлахъ архангельскихъ, холмогорскихъ, кандалашскихъ распространяли расколъ при п. Никонѣ старцы Сила, Алексѣй и Θεодоръ: на проповѣдь ихъ стекалось множество народа. Вообще въ Вѣломъ Поморьѣ расколоучителей было чрезвычайно много, и успѣхъ ихъ проповѣди былъ необыкновенный. Здѣсь уловленъ былъ на нѣсколько времени въ сѣти раскола даже знаменитый Ломоносовъ³⁾.

Въ предѣлахъ нижегородскихъ распространяли расколъ: монахъ Арсе- ній, бѣжавшій изъ осажденнаго царскими войсками соловецкаго монастыря и по прибытіи въ семеновскій уѣздъ, положившій начало въ керженскихъ лѣсахъ скиту шарпанскому; игуменъ Бизюковскаго монастыря Сергій Салтыковъ; постриженникъ того же монастыря монахъ Ефремъ Потемкинъ, который, по словамъ отцевъ собора 1667 года, «многія христіаны, живя въ пустыни въ нижегородскомъ и ветлужскомъ уѣздахъ, на козлецкихъ бѣлахъ, прельстилъ бѣше и отъ церкви отлучилъ»⁴⁾; іеромонахъ Авраамій изъ монастыря казанскія Божія матери села Лыскова⁵⁾; того же имени старецъ, постриженникъ Іосифова волоколамскаго монастыря. Здѣсь же распространяли расколъ: монахъ соловецкаго монастыря Софонтій, бѣ- жавшій оттуда во время осады и потомъ посвятившійся въ поны, ученіе котораго распространилось въ скитахъ оленевскомъ, ростовскомъ, рахили- номъ, фотинномъ и другихъ; Онуфрій, преемникъ бѣжавшаго изъ соло- вецкаго монастыря Арсенія, основавшій скитъ близъ города Семенова и деревни Хвостиновой и распространявшій расколъ съ 1682 г. если еще не раньше, по 1735 годъ.

Въ южной украинѣ Россіи, внизъ по Волгѣ, по рѣкамъ Дону, Кубани, Медвѣдицѣ, за Астраханью, въ глубокой степи, по рѣкамъ Сулакѣ и

хвалыше благочестіе, аще на бесѣдахъ, аще на торжищахъ, аще во градѣ или гдѣ случашеся, ясно разглагольствоваше.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Истор. о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

³⁾ Рѣчь Погодина о Ломоносовѣ, по случаю юбилея моск. универ.

⁴⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 452—453.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.

Кумѣ, близѣ Черкасовѣ, также близѣ Тамбова и Козлова распространяли расколъ, увлекая за собою цѣлыя шайки бѣглыхъ и вольницъ, преимущественно два старца: Іовѣ, шляхетскаго рода, котораго вывезъ съ собою изъ плѣна п. Филаретъ, въ качествѣ келейника, и потомъ посвятилъ въ іеромонахи, и Доснѣей, Тихвинскій игуменъ, съ двумя священниками Парфутіемъ и Θεодосіемъ, пришедшій изъ сѣвернаго поморья ¹⁾).

Въ предѣлахъ калужскихъ, въ городѣ Боровскѣ особенно дѣятельно и успѣшно распространялъ расколъ священникъ Поліевкѣ. «Егда Никонovýchъ нововведенныхъ догматовъ, повѣствуетъ поморскій риторъ съ обычнымъ напыщеннымъ преувеличеніемъ, многосмущенный мятежъ Россійскую колебати нача церковь, и архіереи и ереи преослабѣвшие, трепетомъ объяти омрачишася: тогда дивный Божій священникъ стадо свое яко добрый пастырь, всегданими поученьми присно и всебодно утвержающе да въ древле-отческомъ православіи непоколебимо пребываютъ, да новопрозябшихъ многосмущенныхъ новинъ стрегутся. И не токмо до сихъ Поліевкѣтова языка всекрасный умножается плодъ, но еще сугубо доброплодствуетъ, и по смерти яко розга процѣтаетъ; по того бо блаж. скончаніи, того стада овцы пакостностію православія утвердившеся, познавше гласъ добраго пастыря, ко инымъ пастыремъ чуждая и новая учащимъ послѣдовати или прибѣгнути весьма не восхотѣша» ²⁾). Были и многіе другіе расколоучители въ калужскихъ предѣлахъ, которые основали нѣсколько скитовъ въ калужскихъ лѣсахъ.

Въ предѣлахъ черниговскихъ, около Стародубскихъ казачьихъ слободъ, распространилъ расколъ попомъ Козма, бѣжавшій (послѣ собора 1667 г.) изъ московской церкви. Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишахъ, съ 20 чело-вѣками ³⁾).

На востокѣ, въ Сибири, распространяли ученіе старообрядства: Аввакумъ, во время проѣзда своего въ заточеніе за Байкалъ; лже-чернецъ Іосифъ Истоминъ, который, проѣзжая черезъ сибирскіе города Верхотурье, Туринскъ и Тюмень, дорогою вездѣ проповѣдывалъ свое ложное ученіе и вездѣ успѣлъ увлечь многихъ простыхъ людей, и сѣялъ расколъ въ продолженіи 24 лѣтъ; попомъ Домитіанъ, увлекавшій народъ изъ городовъ и селъ въ тюменскіе лѣса и горы; Яковъ Лепехинъ, бывший въ Верхотурѣ служилымъ атаманомъ и преимущественно распространявшій расколъ въ верхотурскомъ уѣздѣ, и Василій Шапошниковъ, сѣявшій плевелы раскола въ тюменскомъ уѣздѣ. «И не бысть мѣста, прибавляетъ преосв. Игнатій тобольскій, идѣ же бы арменоподражатель не вселился, и уже и жени скверныя учаху, и дѣвы видѣніемъ, такожде и скверныя блудодѣицы».

Мы представили этотъ краткій перечень первыхъ расколо-учителей съ тою цѣлію, чтобы видѣть, какъ неминуемо расколъ долженъ былъ повсюду распространиться съ чрезвычайнымъ успѣхомъ уже вслѣдствіе того одного, что почти съ самаго начала его вдругъ вездѣ проповѣдывали многочисленные

¹⁾ Полн. собр. зак. т. II, № 1310.

²⁾ Виногр. Росс. л. 131—133.

³⁾ III посл. м. Игнатія, стр. 130, въ Правосл. Собесѣдн. 1855 кн. 2.

расколо-учители, и проповѣдывали непрестанно. Мы перечислили еще только некоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, — и то большею частію только первыхъ расколо-учителей; но сколько было неизвѣстныхъ! Самъ исторіографъ сколннческій Денисовъ сознается, что онъ въ своемъ Росс. Виногр. Олчалъ еще о весьма многихъ расколо-учителяхъ. Чрезвычайное умноженіе проповѣдниковъ старообрядства и почти повсюдное разсѣяніе ихъ проповѣдью о расколѣ, естественно, какъ мы сказали, сопровождалось сильнымъ умноженіемъ и распространеніемъ по Россіи раскола. Гдѣ не было расколо-учителей, куда не проникала ихъ проповѣдь, тамъ, само собою разумѣется, не могло быть и небыло раскола. Но гдѣ появлялся хотя одинъ расколо-учитель, тамъ очень легко могъ распространяться и распространялся расколъ. Надобно замѣтить и то, что успѣхъ первоначальной сколннческой проповѣди весьма много зависѣлъ еще отъ того, что первые расколо-учители распространяли свое ученіе съ особеннымъ фанатическимъ жаромъ и энтузіазмомъ. «Для распространенія раскола они не цдили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни» ¹⁾. Нѣкоторые расколотители съ умиленіемъ, со слезами и съ рыданіемъ преподавали ученіе школы и умоляли православныхъ спасать свои души принятіемъ его ²⁾. а горячность, одушевленность и сила проповѣди, соединенная съ религиознымъ фанатизмомъ, который на первой порѣ во всякомъ сектантѣ или изматикѣ всегда бываетъ чрезвычайно пламененъ, силенъ, неудержимо-ремителенъ, много содѣйствовали успѣху расколоучителей. Могжно-религиозное воодушевленіе, пылавшее фанатическою ревностію будто бы къ евангелію-церковному благочестію, а въ самомъ дѣлѣ бывшее, по рѣзкому, но характеристическому выраженію православныхъ пастырей русской церкви, ровшихся тогда съ расколомъ. «шештаніемъ сатаны, бѣснованіемъ» ³⁾, пыщенно-восторженный учительный, либо мнимо-исповѣдническій тонъ, торый принимали на себя первые расколоучители, привлекали къ нимъ иманіе и сочувствіе толпы, неумѣвшей различить духа истины отъ дувъ лестчихъ, воодушевленія истиннаго, возвышеннаго, отъ воодушевленія ложнаго, изувѣрнаго. Фанатическая горячность и ревность легко пересвалились, такъ сказать, отъ расколоучителей въ воспріимчивыя, мягкія по иродѣ своей сердца русскихъ простолюдиновъ, особенно благочестивыхъ, остодушно-набожныхъ, но перазсудительныхъ. «Таковымъ своимъ бѣснованіемъ, говорили Пилтиримъ, епископъ нижегородскій о расколоучителяхъ, лие въ благочестивыхъ содѣлали смущеніе и мятежъ, наче же простѣйшихъ и ненаученыхъ множайшихъ и въ слѣдъ себѣ до ада отведоша» ⁴⁾. смосожигательство — естественный плодъ этой фанатической горячности. лтѣе, страсть къ учительству, которая по словамъ патр. Іоакима ⁵⁾, и

¹⁾ Полн. истор. извѣст. о расколнн. ч. I, стр. 83.

²⁾ Таковъ, напр. расколоучитель Іоаннъ Дементьевъ, купецъ великолукскій, распространявшій расколъ въ предѣлахъ новгородскихъ. Дек. л. 180.

³⁾ Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 483. Пращица л. 2. III постъ Игнатія тобольскаго въ Правосл. Собесѣдн. стр. 137 и др.

⁴⁾ Пращица л. 2 об. печ. 1725 г.

⁵⁾ Слово благодарственное: во многихъ мѣстахъ.

побуждала главнымъ образомъ многихъ книжниковъ, грамотеевъ и расколоучителями, возжигала въ проповѣдникахъ раскола «огнь фанатической ревности»—проповѣдывать, учить простой народъ, а равносильная страсти жажда многихъ набожныхъ простолюдиновъ послушать слово ховнаго утѣшенія, назиданія или душевнаго спасенія въ минуту глубокой возмущенной грѣховности, въ глубокой старости, или во дни болѣзней, скорби, бѣдствія отверзали для нихъ проповѣди свободный входъ въ сердца людей набожныхъ, простодушныхъ, мягкосердечныхъ. Русскій грамотчикъ, книжникъ, выдающійся надъ толпой своими знаніями, съ мудростію, любитъ поучить другихъ, сказать имъ что-либо отъ божественнаго; а русскіе простолюдины, съ своей стороны, по своей мягкой, простой душной природѣ, по своей природной, простосердечной расположенности послушать на досугъ «что-нибудь о божественномъ отъ писанія», съ увлеченіемъ и съ живымъ участіемъ слушаютъ ихъ и потому всегда внимательны, уважаютъ тѣхъ людей, которые учатъ ихъ «темныхъ людей называютъ ихъ не иначе, какъ «учителями, законниками»¹⁾. Что удивительнаго, если расколоучители, особенно книжные, начитанные, даровитые, нравились простому народу, казались истинными учителями, радящими его спасенію. Они расколоучители, въ фанатической ревности и горячемъ своей, предлагали свое ученіе, повидимому, съ самымъ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ душевному спасенію ближнихъ, съ глубокими вѣхами сокрушенія о грѣховности міра, часто со слезами умиленія, почти во всю старую церковную книгу въ рукахъ, говорили о предметахъ самыхъ трогательныхъ для простодушно-набожнаго сердца, глубоко потрясающаго душу вѣрующаго, какъ-то: о наступленіи послѣднихъ временъ, о близкомъ концѣ міра, о пришествіи антихриста, о приближеніи второго пришествія Христова, и страшномъ судѣ и т. п. Простолюдины, особенно благочестивые, простодушно-набожные, невольно умилялись, умягчались сердцемъ, и восклицая, отъ такой проповѣди, и сворачивались въ расколъ. Рѣзко, но выразительно сравнивали тогдашніе пастыри русской церкви фанатическую горячую и ревность расколоучителей въ увлеченіи православныхъ въ сѣти раскола съ алчностью хищныхъ звѣрей, жадно поглощающихъ свою добычу, какъ «дивныя звѣри», по словамъ отцевъ собора 1667 года, «пшеницу сытными зубами пожати и пожрати хотѣи»²⁾. При такой горячнѣ

¹⁾ Какимъ почетомъ пользовались въ народѣ въ XVII вѣкѣ люди, елико знавшіе писанное ученіе, это можно видѣть отчасти изъ слѣд. словъ русской во о горѣ и збогаченіи, писан. въ XVII в., если не раньше:

А что видять молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведеть онъ все по повѣрованію писанію,
смиють его люди добрые подъ руки,
сидить его за дубовымъ столомъ и пр. Сб. 1856 г. № 3 (Мартъ).

²⁾ Дополн. къ Акт. Пет. V, стр. 446. Также III посл. Игнатія тобольска Правосл. Соборѣ, стр. 156 и др.

ргической, неусыпной дѣятельности проповѣдниковъ старообрядства ъ ли не распространиться расколъ» ¹⁾).

Кромѣ этого общаго свойства—фанатической горячности, одушевлен-ти и силы проповѣди первыхъ расколо-учителей, многіе изъ нихъ имѣли ѣшюй успѣхъ въ дѣлѣ распространенія раскола, по своимъ особеннымъ, *жизнь свойствамъ*. Одни изъ нихъ, напримѣръ, внушали къ себѣ полное ѣріе своимъ высокимъ священнымъ саномъ и авторитетомъ. Таковъ р. былъ епископъ коломенскій Павелъ, котораго Денисовъ съ гордостію *зываетъ* «священно-начальникомъ своего добраго воинства, т. е. общества *гольническаго*, сравнивая его съ Моисеемъ и Аарономъ. Онъ, когда ѣ сосланъ въ заточеніе въ палеостровскій монастырь въ олонецкомъ ѣѣ, то, по словамъ Денисова, «тамо не малое время препроводить, и *имъ* гласомъ древле-церковнаго благочестія свѣтлость свободно про-ѣдывалъ» и, разумѣется, его, какъ епископа, народъ съ благоговѣ-ѣ и полнымъ довѣріемъ слушать и принималъ его ученіе. Расколь-ѣ его авторитетомъ подтверждали свое ученіе о перекрещиваніи, ѣвершеніи таинствъ людьми неосвященными, о непринятіи отъ русской ѣви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій, равно какъ и новопо-ѣленныхъ въ ней священниковъ ²⁾); а послѣдователи поповской секты него производили благословеніе своихъ бѣглыхъ поповъ и благосло-ѣ это признавали непреходящимъ, непрерывно продолжающимся, всегда ѣственнымъ ³⁾. Въ одной раскольнической рукописи сказано даже, ѣо коломенскій епископъ Павелъ имѣлъ въ Куроженской обители съ ѣавшими изъ соловецкаго монастыря соборъ, на которомъ читаны были ѣюты Макарія 3-го, митроп. новгородскаго, Маркелла, епископа воло-ѣжаго, и Александра, епископа вятскаго, «о томъ, что отъ велико-ѣйской церкви точно должно отдѣлиться, и что всѣхъ, отступающихъ ѣея въ старообрядство, должно перекрещивать». Не смотря на всю ѣюсть ⁴⁾ этого сказанія, расколъ однакоже вѣрить ему и въ немъ на-ѣтъ для себя подкрѣпленіе. Не меньшимъ почетомъ, по своему сану и ѣю, и слѣд. довѣріемъ пользовались въ народѣ и совѣтники Павла ѣкопа, бывшіе справщики книгъ при патр. Іосифѣ, каковы: придвор-ѣ протопопъ и духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ ѣкумъ, протопопъ Іоаннъ Нероновъ, протопопъ Лонгинъ, протопопъ Да-ѣъ, попъ Назаръ и Никита,—все протопопы ⁵⁾, да священники, и при-

¹⁾ Въ сѣверномъ поморьи, расколоучитель Васяка Заяцъ въ одинъ день крестить ѣ человека. Многихъ насильно обратилъ въ расколъ. А. II. V, стр. 391. 392.

²⁾ Сказаніе о страданіи и скончаніи Павла колом. соч. раскольникъ.

³⁾ Напр. сочинитель исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, о первомъ бѣгломъ ѣ, Софонтіи, поставл. уже по исправл. книгъ, такъ говоритъ: «благословеніе про-ѣдять и по нынѣ отъ правосл. прежде бывшаго еписк. Павла коломенскаго, кото-ѣ бытъ въ заточеніе за правосл. христ. вѣру во дни гоненія отъ Никона сосланъ, ѣкъ пречестнѣйшіе отцы приняли оттого правосл. епископа благословеніе».

⁴⁾ Истинно-древн. и ист. правосл. церковь Христова, ч. I, стр. 260, изд. 3.

⁵⁾ Надобно замѣтить, что въ прежнія времена званіе протопопа пользовалось ѣннымъ почетомъ. Донынѣ сохранилось въ простомъ сельскомъ народѣ мнѣніе, ѣгородскій соборный протопопъ даже не ниже будто архіерея.

томъ еще справщики книгъ. Справщики книгъ, какъ мы уже замѣч
тогда считались въ народѣ самыми высшими мудрецами, богослов
законниками. И потому можно себѣ представить, какимъ довѣріемъ и
зовались въ народѣ и какое вліяніе могли имѣть на народъ всѣ эти
сколо-учители. Раскольники называютъ ихъ «мудрыми наставни
благоговѣйными справщиками»¹⁾. Вообще расколо-учители — прото
священники, архимандриты, игумены не могли не имѣть большого влі
нія на народъ, потому что простой народъ у насъ искони отличался
большимъ довѣріемъ къ духовнымъ особамъ, къ своимъ пастырямъ, особ
такимъ высокостепеннымъ по сану пастырямъ, каковы протопопы, а
мандриты, игумены. Когда протопопъ Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ
мныхъ энергическихъ поборниковъ раскола, убѣжалъ изъ заточенія и яв
въ Москву: «христолюбцы, по словамъ жизнеописателя его, яко зѣ
ока или яко отца, Іоанна храняху, и въ домѣхъ своихъ яко Божія а
державу и любезно въ сладость послушаху; егда ввиде въ царствѣ
градъ Москву, всѣми духовными братію въ царствующемъ градѣ лю
пріемлемъ, яко отецъ предпочитаемъ всѣми»²⁾. Другіе расколо-уч
имѣли большой вѣсъ въ народѣ по своей близости ко двору и по с
связямъ съ высшими сановниками, князьями и боярами. Самыя гла
ересіархи — протопопы Аввакумъ, Логгинъ, Даниилъ, поны Лазарь и
кита, по свидѣтельству Игнатія, митр. тобольскаго, при натр. І
«имяху дерзновение къ самодержцемъ»³⁾. Аввакума ласкали кня
бояре⁴⁾. Таковъ же былъ ученикъ Аввакумовъ, расколучитель
дворецкій слуга боярина Салтыкова. «Сей, пишетъ Денисовъ, за
ство разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ, помѣстьями
господина своего обладаніе, любезный своему господину и присни
вѣтникъ бѣше, и не сіе токмо, но и самому царскому величеству з
горазуміе познаваемъ бѣше». Пользуясь такимъ вліяніемъ, этотъ у
старообрядства совратилъ въ свою общину и своего господина, и мн
изъ своихъ родственниковъ и близкихъ, а управляя помѣстьями б
Салтыкова полновластно, легко могъ совращать въ расколъ и кре
его. Когда его судили за упорство въ старообрядствѣ граждански
домъ, то, по словамъ Денисова, «многочеловѣчное множество слезопл
проводило его», и онъ, какъ исповѣдникъ старообрядства, ограждая
вождавшихъ его людей двуперстнымъ крестомъ, умолялъ ихъ «крѣ
безбоязненно стояти въ исповѣдуемомъ ими древне-церковномъ б
стѣи»⁵⁾. Таковъ былъ Спиридонъ, архимандритъ покровскій, проис
шій изъ боярскаго рода Потемкиныхъ: «онъ, по словамъ Денисова
псея (помощника — покровителя) нмѣше въ царскихъ палатахъ вод

¹⁾ Денисовъ, Виногр. Росс. № 23, и др.

²⁾ Жизнеоп. Неронова — соч. раскольническое.

³⁾ III посл. стр. 91. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г. кн. 2.

⁴⁾ О содѣйствіи многихъ придворныхъ бояръ раскольникамъ мы скажемъ
рѣшѣ въ другомъ мѣстѣ.

⁵⁾ Виногр. Росс. т. 104 — 108.

дся и сродники имяше многомогущія у монарха» ¹⁾. Такіе проповѣдники старообрядческаго ученія, знавшіеся съ князьями да боярами, чего не могли сдѣлать, особенно когда враги п. Никона — бояре, имѣли нужду во словахъ его; уже и санъ первыхъ расколоучителей, большею частію протопоповъ, архимандритовъ, игуменовъ, самъ по себѣ внушалъ къ нимъ довѣріе въ простомъ народѣ, а содружество ихъ съ придворными князьями и боярами еще больше располагало въ ихъ пользу людей легкомысленныхъ, особенно искательныхъ. — Многіе увлекали народъ въ старообрядческую общину своимъ богатствомъ. Таковъ напр. былъ велико-луцкій купецъ Іоаннъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разѣзжая по торговымъ дѣламъ по новгородскому краю, купецъ этотъ, по словамъ Денисова, «всеулыбчивъ, презобильный плодъ усугубилъ не въ тридцать токмо и шестидесять, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ и въ селѣхъ и въ весяхъ и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ неѣмственно слово простираше. Откуда убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ ревнѣправославномъ стояти благочестіи! Колики научи новопредавшихся истинѣ догматъ! И не простіи токмо люди, но и честныя и благородныя персоны и фамильная и славная лица, въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быти» ²⁾. Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, имѣніемъ, по словамъ Денисова, изобильный ³⁾, и многіе другіе. Такіе богатые расколоучители могли весьма много обольщать и преклонять къ принятію своего ученія однимъ своимъ богатствомъ. Бѣдные люди, не имѣвшіе чѣмъ кормить и одѣвать свое семейство, иной разъ по неволѣ соглашались на убѣжденія богатаго расколоучителя, чтобы сходно, а можетъ быть и даромъ, получить отъ него удовлетвореніе своихъ необходимыхъ, насущныхъ домашнихъ потребностей. Главнымъ образомъ и люди богатые, знатные и благородные иногда потому соглашались въ образѣ мыслей съ богатыми старообрядцами, чтобы прочтѣе были ихъ взаимныя связи, представлявшія много матеріальныхъ выгодъ. — Были и такіе расколоучители, которые увлечены въ сѣти раскола своимъ гражданскимъ, юридическимъ вліяніемъ на народъ. Таковы были особенно расколо-учители изъ писарей, приказныхъ — докладчиковъ, разказчиковъ или стряпчихъ, дьяковъ, подъячихъ и т. п. Извѣстно, какое большое, какое важное значеніе имѣли въ народѣ всѣ эти приказные люди въ то время, когда грамотность между частными лицами была еще слишкомъ мало распространена. Эти приказные люди, занимавшіеся дѣловодствомъ, были въ то время единственные дѣловые люди, которые имѣли возможность усвоить себѣ нѣкоторыя познанія въ законахъ, приобретали умѣнье очинять дѣловыя бумаги и акты и ходить по дѣламъ въ судахъ. Эта

¹⁾ Тамъ же л. 113.

²⁾ Виногр. Росс. л. 180.

³⁾ Когда онъ возмѣщалъ расколъ, то, пишетъ Денисовъ, утверждахуся мнози въ благочестіи и ревноваху его усердно... Откуда слава о оного ревности происхождше, л. 243.

исключительность знанія давала имъ значительныя выгоды и пршества: они пріобрѣли рѣшительное вліяніе на ходъ административной и судебныхъ дѣлъ; они также пользовались большимъ почетомъ и частными лицами, которыя ежечасно должны были прибѣгать къ познаніямъ и помощи. Къ сожалѣнію, эти подкупные и хитрые искусники часто употребляли во зло свое вліяніе¹⁾. Вотъ таковъ и былъ, напримѣръ, расколо-учитель Никита, писарь Владимірскій. пишеть Денисовъ, въ канцеляріи града Владиміра бѣше первый отъ царей, почтенный отъ гражданъ, почтенный отъ народа, почтенны воеводѣ, искусенъ былъ зѣло, аще въ народныхъ, аще въ гражданъ аще въ приказныхъ обхожденіяхъ». Имѣя такую силу и пользуясь т почетомъ въ обществѣ, онъ съ полною свободою и съ большимъ успъ распространялъ весьма выгодный для него расколъ. Денисовъ же и про него: что «онъ вездѣ, есть ли въ канцеляріи, есть ли въ дому ли на гражданствѣмъ позорищи, всюду всекрасно разглагольствова предметахъ старообрядства. Глаголющу тому мнози честніи му изрядніи кунцы, и отъ простаго народа сладостно послушаша, всепри глаголемыхъ внимаху, и яко самага добляго честна и премудра въ данскихъ совѣтѣхъ имѣяху, тако и словеса его и совѣты о древковномъ благочестіи честны и вождельны вмѣняху»²⁾. Съ такимъ успѣхомъ пользовался для распространенія раскола своимъ юридическимъ или гражданскимъ вліяніемъ на народъ въ городѣ Каргополѣ писарь кунной палаты Козма Прокопьевъ: и онъ, по словамъ Денисова, «в себѣ народы наче магнита привлекалъ, понеже всемъ приходящимъ ему сладокъ и полезенъ бѣше совѣтникъ и наставитель, коеждо и божественныхъ и градскихъ законовъ пресвѣтлыми рѣшая словеса. куду любимъ и честенъ всемъ познавашеся и бываше, яко воеви приказнымъ и благороднымъ, тако градожилеямъ и селообитате понеже вси по премногу пользовахуся дивнымъ того благоразуміемъ»³⁾. Тѣмъ болѣе имѣлъ вліянія, что былъ большой начетчикъ въ старыхъ ковныхъ книгахъ. Таковъ же былъ приказный писарь Іоаннъ Красоу первый отъ писарей, изъ города Свѣяжска⁴⁾. Преимущественно же и лощители оболыщали простаковъ и невѣждъ своимъ учительскимъ комудрствованіемъ, своею грамотностію и начитанностію въ стѣ церковныхъ книгахъ и рукописяхъ. Эти расколоучители, проповѣдъ расколъ болышею частію по страсти къ учительству, по преимущъ были книжники, которые твердо стояли за букву старопечатныхъ б и странствовали съ проповѣдію о расколѣ съ книгами. Таковъ напр.

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1853 г. отд. II. о ходѣ закоповѣднія въ Россіи-Станиславскаго. стр. 20—22.

²⁾ Виногр. Росс. л. 158 об. 160.

³⁾ Когда онъ ушелъ изъ Каргополя въ деревню, сюда къ нему, по словамъ писова, мнози стекахуся людѣ богатыя разума сладости словесъ древа поучревнители тому показывахуся. Отсюда и слова далече исхождаше, яко до с града Чаронды дойде и проч. л. 323, 324.

⁴⁾ Тамъ же л. 332.

ладиміръ Залѣсскомъ о. Іоаннъ, бывшій еще наборщикомъ печатнаго при Іосифѣ. Исправляя столь почетную въ то время должность, онъ этимъ самымъ приобрѣлъ себѣ въ народѣ, вмѣстѣ съ справщиками при п. Іосифѣ, извѣстность ученаго, знатока Божественныхъ наукъ, богослова. И потому, когда злобясь на то, что п. Никонъ устранилъ этой должности, поставивъ на мѣсто его ученаго старца Арсенія, онъ пустился странствовать съ проповѣдью о расколѣ: его весьма охотно слушали съ удовольствіемъ и полнымъ довѣріемъ, какъ мудреца, который ужъ непременно древле-церковную истину проповѣдуетъ, потому считался старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ на печатномъ дворѣ. еже мужъ вѣдѣнія довольна и книгочтенія многа бѣше, и яко древо оплодно при спасительныхъ источницѣхъ книжныхъ напоенъ бѣше, у благочестія древняго, т. е. раскола, сѣмена сѣяше, вездѣ утверждаше оставныя въ древнемъ благочестіи неизблемо стояти. Откуда и славы и ученія въ окрестныя народы и до архіерейскихъ сѣдачъ происхождаше»¹⁾. Подобныхъ книжниковъ, начетчиковъ между расколо-учителями было весьма много, и часто встрѣчались между ними весьма умные, даровитые. надѣленные богатымъ даромъ слова и божественностію хорошо сочинять. Такіе книжники, начетчики тѣмъ съ своимъ успѣхомъ распространяли расколъ, что они своею мудростію, глупостію въ книгахъ ослѣпляли, изумляли простой народъ. При отсутствіи народнаго просвѣщенія, при крайней малораспространенности грамотности²⁾, всякой книжникъ, грамотей, какъ мы уже замѣтили, слылъ въ народѣ мудрецомъ, законникомъ, оракуломъ, кому безмолвно внимали простаки и легковѣрные. А начетчикъ въ расколахъ церковныхъ, старопечатныхъ, душеспасительныхъ, учитель, читавшій народу старинныя церковныя книги, по которымъ спаслись, какъ и до сихъ поръ, предки и всѣ святыя русской церкви до патр. Никона, пріобрѣтавъ въ народѣ безграничное довѣріе.—Многіе расколо-учители обольщали народъ еще своею наружною святостію, своимъ строгимъ выполненіемъ обрядовыхъ правилъ церкви. Въ то время, когда живая вѣра и тѣлесное благочестіе у многихъ перешли въ одну мертвую обрядность, — любили нѣкоторые и «власы растить, ризы черныя носить, ни ходить, носить вериги», чтобы прослыть въ народѣ за святыхъ, говорили предъ пустынножителями, не разбирая того, истинные ли были подвижники пустыни. Расколоучители большею частію принимали на себя именно такой видъ святошей, лицемѣровъ — пустынниковъ, манывали простой народъ своею мнимою святостію и своимъ наружнымъ подвижничествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно самоотвержены были своею святостію; отъ того и являлись строгими ревниками, проповѣдниками мертвообрядоваго благочестія. Таковъ напр. уже неоднократно упомянутый нами расколоучитель Капитонъ: онъ своимъ своимъ мнимымъ подвижничествомъ, кажется, тысячи народу увлекъ

¹⁾ Виногр. Росс. л. 156 об.

²⁾ О чемъ будетъ еще сказано подробно въ другомъ мѣстѣ.

въ лѣса вязниковскіе. Таковъ же былъ одинъ изъ московскихъ раучителей, Кипріянъ «юродивый». «Сей, повѣствуетъ Денисовъ, толтаго и великаго житія бѣше, яко и самому монарху того знати премногую добродѣтель зѣло любити. Многажды ѣздящу царю на цѣ колесницѣ съ царскимъ дароношеніемъ, дивный Кипріянъ, во едино ходий, прибѣгъ на колесницу востекая съ царемъ ѣздыше, мужъ конь безстрастія и пророческаго дарованія исполненъ». Когда патр. Н сталъ издавать новоисправленные книги, тогда по сказанію Ден этотъ юродивый будто бы смѣло востекалъ, при проѣздѣ государя, колесницу и умолялъ его твердо держать старообрядство. А какъ даръ отвергалъ его неразумный совѣтъ, то онъ началъ ходить по ул Москвы, и по торжищамъ всюду свободнымъ языкомъ возвѣщая старообрядства и «дерзновенно новины Никоновы потязая» ¹⁾. И понять, съ какимъ легковѣріемъ простой народъ слушалъ проповѣдь расколѣ изъ устъ такого, повимому, святаго, Христа ради юродь мужа, исполненнаго духа премудрости и прозорливости. Точно когда попъ Дометіанъ убѣждалъ изъ Тюмени въ горы и лѣса: тогд шеть Игнатій м. тобольскій, «собравшася къ нему мнози отъ посѣ еже есть слобожанъ, аки къ пустыннику, и мужи и жены и дѣт: тысяща и семьсотъ» ²⁾. Въ пути нѣкоемъ отъ града именуемаго Во въ Каргополи, къ морю, — пишеть тотъ же историкъ раскола, — а учитель нѣкій врагъ Божій, волхвъ и чародѣй промысли себѣ имя ну ника, — и нѣции поселяне изъ домовъ своихъ изшедше послѣдоваш яко мняху его въ добродѣтеляхъ изрядна» ³⁾. Такъ внѣшность ослѣ умы и обольщала сердца людей, приковавшихъ живой духъ христіан: благочестія къ одной мертвой внѣшности, и такъ наружное подв: чество обольщало суетвѣрныхъ.

Вообще же, расколоучители потому весьма успѣшно проповѣд: расколъ, что всегда умѣли искусно дѣйствовать на умы и сердца слуша и приспособляться къ ихъ умственному и нравственному, а иногда и : зическому состоянію. Хитрость, ловкость въ обращеніи, находчивость : брѣтательность въ средствахъ, приспособительность къ обстоятельства: мѣста и времени и къ нравственнымъ потребностямъ тѣхъ лицъ, кот они желали совратить въ расколъ, наконецъ необыкновенное терп: неутомимость въ проповѣди, — вотъ характеристическія и почти черты дѣйствованія старообрядческихъ учителей на поприщѣ распр: ненія раскола. Патріархъ Іоакимъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ бражаетъ образъ дѣйствованія расколо-учителей: «не престалъ прелест: лукавый діаволъ чрезъ рабовъ своихъ лукавыхъ чловѣкъ, яко чрез: кое ему орудіе къ его служенію угодное, на св. церковь Божию рат не спить, но присно яко левъ рыкая ходить. Выну рабы своими и жители ему угодными церковными раскольники простыи и ихъ пре:

¹⁾ Виногр. Росс. л. 117.

²⁾ III посл. м. Игнатія.

³⁾ Тамъ же.

не могуцій познати многъ народъ не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, но и въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія и многоковарная разная прельщенія умышляетъ. Иже его послушники лжеименни христіане, и душъ христіанскихъ губители, ходяще въ селѣхъ и во градѣхъ, тайно по домамъ, являются человѣкомъ яко бы истинные христіаны постниками великими, сокровища и сребра нестяжательными, хмѣльнаго питія не піющими, мало спящими и много молящимися; а въ нихъ прелестницѣхъ, ни вѣры, ни любви, но все только лезть, лукавство и лицемѣріе: яко же таковыхъ нелицемѣрный праведный Судія Христосъ Богъ нашъ, во святомъ своемъ благовѣстіи обличая, глаголетъ: Горе вамъ книжники, фарисеи и лицемѣри... Тако и они... Еще же мнози отъ нихъ прелестниковъ нѣкоимъ человѣкомъ на вищую прелесть и душъ ихъ погибель, яко бы за совѣсть, о своемъ трудолюбіемъ, великомъ жителствѣ проповѣдываютъ: но при томъ и о семъ имъ извѣствуютъ: яко бы они отъ Бога въ міръ нарочно посланни: овъ глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самага Бога, другій — чрезъ явленіе ангела; иный чрезъ иныя святыя, ради истины проповѣданія, и на спасеніе душъ правовѣрныхъ отъ новыя вѣры: ея же въ Россіи нѣсть и не было, но точію едина православно-христіанская восточная, издревле пріятая вѣра аже и нынѣ во всякой цѣлости крѣпцѣ хранится. Иѣщы же отъ нихъ прелестниковъ притворяющеса, во еще бы имъ неискусныхъ удобно увѣрити, и со многими слезами, и съ великимъ воздыханіемъ къ нимъ глаголютъ: дабы они ихъ, яко Божьихъ рабовъ посланныхъ на спасеніе ихъ душъ, послушали, и глаголютъ имъ неискуснымъ, яко аще не хотятъ они своихъ душъ погубити, то дабы отъ святыя соборныя и апостольскія церкви, въ ней же и истинная есть древняя вѣра, а не новая, отступили, и съ нею имущео извѣстное спасеніе, аки съ неимущео того, не общались, и тайны святыхъ, отъ Господа Бога на спасеніе душъ христіанскихъ въ ней установленныхъ, и іереевъ не принимали. И на большую прелесть человѣкомъ и усумнѣніе глаголютъ они бѣсовѣстіи споспѣшницы: яко аще кто ихъ въ томъ нынѣ, яко бы отъ Бога посланныхъ не послушаетъ, и отъ церкви святыя соборныя и апостольскія и отъ архіереевъ и іереевъ, церкви Божіей покоряющихся, тѣ тайны и иныя святыни и благословеніе будетъ принимать: и того душа погибнетъ, и будетъ со антихристомъ вѣчно во огни мучиться. И то свое прелестное проповѣданіе простому народу утверждаютъ: чтобы онъ имъ въ томъ, убояся отъ слышанія ихъ словесъ, конечно, вѣритъ, глаголюще: яко уже нынѣ въ церкви правыя вѣры нѣтъ, а вмѣсто той правой вѣры въ церкви нынѣ вѣра антихристова: и все въ ней скверны, церкви не церкви, и тайны уже людямъ не суть на освѣщеніе, но на оскверненіе. И приводятъ неискуснымъ на большое утвержденіе тоя своя прелести свидѣтельства отъ божественнаго писанія, и отъ святыхъ отецъ многая, все ложно: ово не въ томъ разумѣ, въ которомъ Духъ Святыи написалъ, полагаютъ. ово точію слова начало емлютъ, ово средину, ово конецъ, ово на святое писаніе и на святыхъ отецъ, яко бы тако писано, лгутъ. И всячески о томъ безпрестанно прелестницы тщатся, како бы имъ возмощи невинныхъ людей прельстити. Къ тому же

и се они окаянїи прелестницы народу на злѣйшую прелесть повѣдуютъ, яко бы они и се все дѣлають и правую вѣру старую проповѣдуютъ, и для славы или каковы либо своея отъ человѣкъ корысти, но ради себѣ за то отъ Бога милости, и народу ради душевнаго спасенія: «тѣмъ же и бѣды, гоненія и страданія они терпятъ. И то себѣ за великое спасеніе они прелестницы полагають: аще кто изъ нихъ кого отъ святыя соборныя церкви отъ послушанія како-нибудь, хотя волхвованіями, отторгнетъ, и непослушныхъ имъ и смерти предати не сомнѣваются, и въ грѣхъ того себѣ не вмѣняють, но наче во спасеніе. Иніи же изъ нихъ, яко бы злѣйшіи души, нѣкакими волхвами прельстивше невинныя простыя души, сжигати самихъ себѣ повелѣвають, и глаголють имъ таковую злоковарную лесть на ихъ погибель: яко уже нынѣ антихристъ въ мірѣ; друзіи же глаголють, яко уже и царствуетъ: иніи глаголють яко вскорѣ имать правѣрныхъ рабовъ Христовыхъ мучити. И простой народъ, увѣря имъ прелестникомъ, душъ христіанскихъ губителямъ, яко бы истиннымъ Христовымъ рабомъ и вѣчнаго спасенія имъ желателямъ, желающе себѣ со Христомъ и со всѣми святыми вѣчное царствіе небесное наслѣдити, и надеяшеся, что то имъ прелестницы говорятъ правду, ихъ прелестниковъ многоковарною лестію прельщени бывше, тако яко же они губители душъ ихъ повелѣвають имъ, тако они и творятъ, и мнози сами себе предають мучительнѣй смерти добровольнѣ. И не токмо таковыя, и ина безчисленная они, губители душъ христіанскихъ, на прелестное душъ человѣческихъ погубленіе непрестающе вымышляютъ, и яко словесы, тако и лестными писаніи, и многообразными волхвованіи несмысленныхъ прельщаютъ»¹⁾. Или, вотъ какъ изображаетъ образъ дѣйствованія расколоучителей въ домахъ православныхъ св. Дмитрій ростовскій: «во первыхъ они усматриваютъ домовъ нескудныхъ, богатыхъ: въ убогія же и нищія дома не входятъ... Еще не усматриваютъ и лицъ удобопреклоняемыхъ къ прелестямъ ихъ, каковы суть простолюдины, а наипаче полъ женскій. Таже, вселеніе въ кой домъ, являютъ благоговѣнство велие, и словомъ и нравомъ показующееся быти Божіи рабы, святы, праведны и преподобны. Приносятъ съ собою свой хлѣбъ, и ничтоже хотить вкусити отъ предлагаемыхъ имъ снѣдѣй, дондеже прельстятъ на зловѣріе свое жителей дому того. Не вкушаютъ убо брашенъ ихъ, ово акы сквернами гнушающееся, ово же постыженье свое являюще, и постятся до вечера, или чрезъ день и болѣе мало вкушающе отъ принесеннаго съ собою хлѣба. Продолжаютъ молитву свою прилежную къ Богу со умиленіемъ, да видими будутъ челоуѣки. Предлагають чтеніе книжное, и оттого простирають ученіе свое, не да спасенному пути научаютъ, но да на свое единомысліе прельстятъ. Бесѣдуютъ же къ слушающимъ ихъ со вздыханіемъ и умиленіемъ и слезами. Людіе же, препрости суще, ни разумѣюще ихъ коварства, удивляются таковому оныхъ житію, пощенію, молитвамъ, кроткому нраву, и почитаютъ ихъ яко великихъ Божіихъ угодинокъ, и отверстыми устами слушаютъ ученія ихъ въ сладость. Тогда они, углаженъ уже путь къ челоуѣку-

¹⁾ Слово благодарственное л. 64—80.

кимъ невѣжествующимъ сердцамъ имуще, начинаютъ своя еретическія вѣсвати плевелы. И тако прельщаютъ незлобныя души, и отъ церкви Христовы отдѣлаютъ я, въ свое же зловѣріе приводятъ» ¹⁾).

Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильно распространяли свои мысли старообрядческіе учителя, представляло имъ не мало удобствъ для успѣшнаго распространенія и усиленія старообрядческой общины. Они преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ географическія условія мѣстности благоприятствовали успѣшному и безпрепятственному распространенію ихъ мыслей. Въ сѣверномъ поморѣѣ, въ предѣлахъ олонецкихъ и каргопольскихъ, безпрепятственному и успѣшному распространенію раскола весьма много благоприятствовали частію лѣсистость, пустыньность и малонаселенность этихъ мѣстъ, частію малодоступность ихъ для правительственнаго надзора, частію торговыя пути сообщенія, которыя изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ и селъ пролегали въ южныя и внутреннія города Россіи. Большіе, непроходимые лѣса представляли самыя удобныя мѣста для укрывательства и поселенія расколо-учителей и ихъ многочисленныхъ послѣдователей: болота и озера ограждали ихъ отъ городовъ, откуда имъ угрожала опасность. Въ олонекскомъ поморѣѣ погостъ отъ погоста отстоялъ большею частію весьма далеко, верстъ въ 60, 80 и даже въ 100; между многими погостами простирались обширныя, непроходимыя лѣса, верстъ 80, 90, 100 и болѣе; селенія также разбросаны были на далекомъ одно отъ другаго разстояніи ²⁾. Расколоучители обыкновенно поселялись въ этихъ лѣсахъ, и отсюда ходили въ близлежащія православныя села и погосты для уловленія православныхъ въ свою общину. Такъ, напр., въ олонекскомъ уѣздѣ расколоучитель Емельянъ Ивановъ собралъ свое сборище «за озеромъ Онегою, промежъ челможскаго погоста и повѣнецкаго рядку, на лѣсу, въ пустыхъ мѣстахъ, отъ озера Онеги верстахъ въ 30; и отсюда въ 1687 г. многія христіанскія души отъ церкви Божія прельстилъ и отлучилъ»; а въ 1689 году поучалъ народъ расколу въ толвуйскомъ и иныхъ погостахъ, и весьма многихъ прельстилъ и изъ домовъ, подговаривая, вводилъ въ свое сборище ³⁾. Лѣсамъ удобнѣе наполнялись раскольниками, что здѣсь и посланные отъ правительства сыщики не могли ихъ отыскивать. Когда въ 1689 году для сыска и поимки раскольниковъ посланы были въ олонекскій уѣздъ, въ олонекскіе погосты и волости, въ княжскую половину, прапорщикъ Аникій Портновскій, да приказной избы подъячій Семенъ Анапѣинъ съ стрѣльцами: то ходя по лѣсу, съ трудомъ сыскали въ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ, у озеръ, отъ волости верстъ за 80 три пристанища, а людей въ нихъ

¹⁾ Розыскъ стр. 559—560. 1847.

²⁾ Село тогда, и не въ поморскомъ краю только, обыкновенно состояло изъ весьма ограниченнаго числа дворовъ, а деревня, составлявшая большею частію отдѣльный жеребій, заключала въ себя 1, 2, 3, и рѣдко болѣе 4 дворовъ. См. напр. Новгор. оклад. кн. времен. М. общ. ч. 1851, т. II, А. II. т. III, № 149. Доп. къ А. II. т. I, № 160. О сельской общинѣ въ Россіи Чичерина „Русс. Вѣстн.“ кн. III, стр. 392.

³⁾ А. II. V, № 151.

никого не сыскали: все до ихъ приходу разбѣжались по лѣсамъ»¹⁾. Кроме того, въ поморскомъ краю и вообще въ сѣверо-восточной области благоприятствовали распространенію раскола торговые и транспортные пути сообщенія и сѣзды изъ всехъ городовъ московскаго государства. Такъ напр. въ чарондскомъ округѣ, гдѣ, по писцовымъ книгамъ 1624 года, было лѣсу и болоту поверстнаго вдоль на 271 версту, поперегъ на 150 верстъ, было гдѣ укрыться расколоучителямъ и ихъ послѣдователямъ; кроме того въ кортецкой волости искони была судовая пристань на Ухтомѣ р., «изъ поморск. городовъ прїѣздъ судовой и приходъ соляной изъ всехъ уседей и сухимъ путемъ къ морю изъ всехъ городовъ московскаго государства къ той судовой пристани приставали и прїѣзжали, и многіе товарные анбары по той пристани подлѣ Ухтомы рѣчки стояли, больше 100 анбаровъ, и для промысловъ на той пристани стояли промышленныя людей дворы»²⁾. Слѣд., въ чарондскій округъ расколъ легко могъ быть занесенъ или выходцами изъ соловецкаго монастыря, или изъ какого-либо поморскаго города, погоста или села, или даже изъ внутреннихъ городовъ Россіи. Поэтому неудивительно, что въ чарондскомъ округѣ были многочисленныя проповѣдники старообрядства, и молва о расколоучителяхъ поморскихъ, каргопольскихъ доходила до Чаронды³⁾. Равнымъ образомъ и наоборотъ, изъ чарондскаго округа и изъ всего поморья съ обратнымъ торговымъ транспортомъ, съ торговцами возвращавшимся изъ кортецкой волости въ разные города, расколоучители легко могли проникать и въ другіе города и села московскаго государства: даже между самими купцами и ихъ прикащиками могли быть расколоучители; ибо купцовъ—раскольниковъ уже во второй половинѣ XVII вѣка было много, какъ это мы отчасти видѣли. Въ предѣлахъ владимірскихъ, вологодскихъ и ярославскихъ также мѣстныя условія представляли раскольникамъ много удобства для распространенія раскола. Вологодскій край въ XVI и XVII вѣкахъ покрытъ былъ большими дремучими лѣсами: здѣсь и нынѣ еще лѣсныя и ненаселенныя мѣста простираются верстъ на 160 и болѣе, и изъ всего пространства 35,113.680 десятинъ занято лѣсами 32,000,000 десятинъ. Селенія въ древней Россіи здѣсь разбросаны были на весьма далекомъ разстояніи одно отъ другаго. Слѣдов., и здѣсь было гдѣ укрываться раскольникамъ, было куда уводить народъ изъ городовъ и селъ.—Во владимірскомъ округѣ, за р. Клязьмою, въ предѣлахъ вязниковскихъ, гдѣ, какъ извѣстно жилъ и распространялъ расколъ Капитонъ, въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, также тянулся большой, непроходимой лѣсъ на далекомъ протяженіи, болѣе чѣмъ на 70 верстъ: и въ этомъ-то лѣсу чернецъ Капитонъ устроилъ свою пустыню, и къ нему стекалось безчисленное множество бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованія правительства. «Во оно время Никонова смущенія, пишетъ Денисовъ, наипаче отъ градовъ и монастырей

¹⁾ Тамъ же стр. 236.

²⁾ Москвит. 1834 г. № 8, стр. 158.

³⁾ Какъ говорить Денисовъ въ своемъ Росс. Вингоради. въ главѣ о чарондскихъ учителяхъ старой вѣры.

бѣгающе мнози иноцы и мірстїи, въ пустыняхъ крыяхуся, въ горахъ и въ пропастьяхъ земныхъ, откуда и оная пустыня паче жителями наполняшея» ¹⁾. Въ пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, вдали отъ православныхъ городовъ и селъ, расколоучитель Капитонъ и его многочисленные послѣдователи жили безопасно, удобно и привольно. Худокачественность почвы вязниковскаго, ковровскаго и частію шуйскаго уѣздовъ владимірской губерніи и также нѣкоторыхъ уѣздовъ ярославской была причиною происхожденія въ этомъ краю особеннаго класса торговцевъ, издавна извѣстныхъ офеней или ходебщиковъ, которые круглый годъ, также какъ и нынѣ, бродили съ коробкой за спиною почти по всей Россіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка очень часто было, что эти ходебщики, съ одной стороны, сами гдѣ нибудь во время странствованія заражались расколомъ, съ другой стороны, расколоучители представлялись такими офенями или ходебщиками, а иногда и дѣйствительно были ими, и такимъ образомъ странствовали по Россіи съ проповѣдью о расколѣ ²⁾. Такъ, напр., сочинитель «Историческаго собранія о градѣ Суждалѣ», ключарь Ананія Ѳедоровъ, въ половинѣ XVIII вѣка писалъ о жителяхъ дорской десятины суздальскаго уѣзда: «въ той десятинѣ обыватели, иные торговые, торгъ отъѣздомъ и не токмо въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границею въ Персіи, въ Польшѣ и въ поморскихъ странахъ имѣющіи; другіи же работные, сіи есть коновалы, шерстобиты, отъ труда рукъ своихъ питающіеся, года по два и по три въ домахъ своихъ не бывають, но по многимъ странамъ съ пашпортами странствуютъ, люди безпечальны, но какъ о нихъ на родинѣ обносится, болѣе упрямства въ себѣ содержаще, и нѣкоторые изъ нихъ старовѣрцы называющіеся, но самымъ дѣломъ суевѣрцы, и болѣе въ нихъ вкореняется сіе злочестіе душевредное отъ времени до времени отъ странствованія и отъ домовъ отлученія; странствующе бо по различнымъ мѣстамъ, какъ-то въ Сибири, въ Польшѣ, въ Вяткѣ, и Керженцѣ гдѣ лжеучителей раскольническихъ не мало, съ тѣми лжеучителями имѣють сообщеніе, и въ благочестіи аки листъ древесный колеблются» ³⁾. Эта же странническая, бродячая жизнь, круглый годъ, вѣроятно, была одною изъ причинъ того, что здѣсь именно, во владимірской, ярославской и частію костромской губерніяхъ получила начало и особенно усилилась секта такъ называемыхъ странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагають христіанскій спасительный подвигъ. Кромѣ того, распространенію раскола въ предѣлахъ ярославскихъ, владимірскихъ, а также и вологодскихъ весьма много могъ способствовать чрезвычайный наплывъ въ эти края торговаго и промышленнаго народонаселенія, начиная съ 1649 по 1684 годъ: въ этотъ періодъ времени во множествѣ стекались сюда со всѣхъ сторонъ крестьяне помѣщичьи и вотчинные съ отпускными и безъ отпускныхъ, и «здѣсь всякими торговыми и руководѣльными промыслами промыслили и торговали» ⁴⁾. Въ городѣ Вологдѣ въ XVII в. была ярмарка: на эту ярмарку

¹⁾ Виногр. Росс. л. 134, 135.

²⁾ П. С. З. т. X. № 9155.

³⁾ Времен. Имп. Москов. Общ. Ист. кн. 22, стр. 102.

⁴⁾ А. И. т. V. № 226.

сбѣзжались торговые люди съ разными товарами изъ отдаленныхъ городовъ и селъ, не только сѣверныхъ, напр. Холмогоръ, Архангельска и поморскихъ селъ рѣками Двиною и Сухоною, но даже и изъ южныхъ, напр. изъ Воронежа ¹⁾. Этотъ наплывъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи торгового и промышленнаго народонаселенія въ такомъ краю, гдѣ расколъ былъ въ большой силѣ, представлялъ для расколоучителей обильную жатву: обширное поприще для распространенія ихъ ученія и одинъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ для распространенія его по разнымъ городамъ и селамъ Россіи. Весьма могъ способствовать распространенію раскола также торгъ, учрежденный въ 1657 году близъ Суздаля, гдѣ проповѣдывалъ расколъ известный расколоучитель попъ Никита пустосвятъ въ селѣ Ковровѣ, на большой дорогѣ изъ Суздаля въ казанскіе города ²⁾. Расколоучители, которыхъ въ это время въ сѣверо-восточной Россіи вездѣ было множество, не могли не воспользоваться стеченіемъ на этотъ торгъ народа въ такое время, когда они съ жаромъ и всемѣрно старались распространять расколъ. А по большой дорогѣ изъ Суздаля въ казанскіе города, вмѣстѣ съ торговымъ транспортомъ, или другимъ какимъ либо способомъ, расколъ весьма легко могъ распространяться и въ суздальскомъ краю, и на пути въ казанскіе города, и въ казанскихъ предѣлахъ,—и расколоучители, съ одной стороны, владимірскіе и суздальскіе, съ другой, нижегородскіе весьма удобно могли распространять расколъ по этому пути. Посему неудивительно, что еще въ XVII вѣкѣ въ поморскихъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ расколоучителей изъ какого-либо казанскаго города, напр. изъ Свияжска, и наоборотъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Казани видимъ расколоучителей поморскихъ или выходцевъ соловецкихъ. На югѣ, и во первыхъ, въ предѣлахъ нижегородскихъ, кажется, еще болѣе было географическихъ удобствъ для укрѣпленія расколоучителей и распространенія раскола. Здѣсь, особенно въ Заволжьи, въ то время тянулись огромные, непроходимые лѣса. Въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, еще и нынѣ простирающихся верстъ на 150 въ длину и верстъ на 100 въ ширину, есть, какъ говорятъ, такія мѣста, куда чрезъ трясины и болота еще никто никогда не пробирался. Здѣсь простирались глухіе никѣмъ не посѣщаемые лѣса салавирскіе (въ ардатов. и горбатов. уѣздахъ), отрасль знаменитыхъ поморскихъ лѣсовъ, лѣса полоумскіе (въ семенов. уѣздѣ), лысковскіе (въ томъ же), керженскіе (въ макарьев. уѣздѣ), каменскіе (тамъ же), дорогучинскіе и ветлужскіе (на границахъ макарьев. и васильев. уѣздовъ), гнилицкіе (балахнинск. уѣзда) и другіе. Въ этихъ лѣсахъ раскольники и нашли себѣ притонъ, и доселѣ еще гнѣздятся. По раскольниковымъ преданіямъ, въ царствованіе Алексея Михайловича прибылъ въ керженскіе лѣса соловецкій выходецъ монахъ Арсеній и основалъ здѣсь на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій: отъ этого скита произошло множество новыхъ скитовъ въ заволжскихъ лѣсахъ, въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ керженскихъ,

¹⁾ Древн. Грам. Воронеж. губерніи. Изъ Воронежа торговые люди отправлялись также для промысловъ на Донъ, гдѣ также, какъ мы видѣли, были расколоучители.

²⁾ А. А. Э., т. IV, № 96.

чернораменскихъ, салавирскихъ, полоумскихъ, лысковскихъ и другихъ. Изъ этихъ лѣсовъ расколуучители пробирались въ близъ лежащія села, и множество народа увлекали въ свои лѣсныя обиталища: къ нимъ туда укрывались всякаго рода бѣгле, толпами стекавшіеся со всѣхъ концовъ: келліи находились «въ великихъ болотахъ и тоняхъ, гдѣ и пѣшему ходить съ нуждою: оттого сыскать никакъ невозможно было» ¹⁾. Раскольническія сказанія о невидимыхъ монастыряхъ, населенныхъ пустынниками, здѣсь оправдываются дѣйствительностію. Приливу и умноженію раскольниковъ въ нижегородской области, а также успѣху проповѣди расколуучителей, много способствовали еще макарьевская ярмарка и географическое положеніе нижегородскаго края, находящагося на перепутьи изъ внутренней Россіи въ восточныя края и въ Сибирь. На макарьевскую ярмарку въ XVII вѣкѣ «сѣзжались торговые люди въ первыхъ числахъ іюля, а иные и ранѣе того, со всякими товарами и съ деньгами со всего московскаго государства и иныхъ государствъ иноземцы и торговали двѣ недѣли ²⁾. Какъ былъ нижегородская ярмарка весьма способствуетъ наплыву и умноженію раскольниковъ въ нижегородской губерніи и распространенію раскола по другимъ губерніямъ: такъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ XVII вѣкѣ макарьевская ярмарка, при большомъ стеченіи народа изъ разныхъ областей и городовъ, благопріятствовала расколо-учителямъ нижегородскимъ распространять расколъ, и способствовала распространенію его по разнымъ другимъ мѣстамъ, внѣ нижегородской губерніи. Кромѣ того «изъ Нижняго-Новгорода ходили въ Астрахань паузки, струги со всякимъ хлѣбнымъ запасомъ и на тѣ суда наймывались всякіе рабочіе люди, и изъ Астрахани шли вверхъ на судахъ, со учугомъ, съ рыбою и съ икрою, и со всякими рыбными обиходы и съ солью» ³⁾. На этихъ судахъ, иногда въ числѣ рабочихъ, расколуучители нижегородскіе могли проникнуть въ Саратовъ, въ Астрахань и другіе приволжскіе города и села, а съ половины XVIII столѣтія раскольники сами приняли дѣятельное участіе въ этой мѣнновой торговлѣ Нижняго съ Саратовымъ и Астраханью, и пользовались этимъ для распространенія раскола. Южная, степная Украйна Русскаго царства въ XVII вѣкѣ представляла также широкое поприще не только для убѣжденія и населенія раскольниковъ, но и для буйнаго разгула ихъ мятежныхъ стремленій и дѣйствій. Это была страна малонаселенная и пустынная; обширныя степи ея служили притономъ для бѣглыхъ людей различнаго званія: холопей, солдатъ, казаковъ, бездомовныхъ бобылей и вообще всѣхъ такъ называемыхъ въ актахъ «гуляющихъ людей», бродягъ, которые тамъ обыкновенно занимались разбоемъ и грабежами. «Около Саратова, — читаемъ въ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка, въ отрывкѣ изъ чьего-то описанія Поволжья, — пошла степь во всѣ стороны, отъ Саратова на 200 верстъ до Камышенки рѣчки; а надъ рѣчкою стоитъ высокій острожекъ: тутъ стоитъ по 500 и по 700 стрѣльцовъ казанскихъ при-

¹⁾ П. С. З. т. XI. № 8175.

²⁾ А. А. З. т. VI, № 157.

³⁾ П. С. З. т. I, № 93.

городныхъ съ весны до осени; а какъ осенью пойдутъ съ осеннимъ астраханскимъ товаромъ, тогда острожекъ сожгутъ: а тою рѣчкою Камышенкою ходятъ на Донъ, а ходу Камышенкою рѣчкою 3 версты въ степь, а тамъ волоку 20 верстъ, казаки струги волочатъ, а тамъ рѣчка Илака потекла въ степь, и вышла въ Донъ»¹⁾. По этому пути, отдѣльно и вмѣстѣ съ стрѣльцами и казаками, между которыми также много было раскольниковъ, расколоучители пробирались изъ саратовскихъ степей — одного изъ главнѣйшихъ притоковъ бѣглыхъ раскольниковъ въ XVII вѣкѣ на Донъ, и тамъ съ большимъ успѣхомъ распространяли расколъ. С Дона проникали въ Воронежъ и обратно. Здѣсь, отъ Воронежа, по южнорусскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по приточнымъ мѣстамъ, какъ и в другихъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, также еще незначительно было народонаселеніе и не былъ водворенъ строгій гусударственный порядокъ, а господствовали еще остатки старого безнарядья, противогосударственнаго своеволія. Въ этомъ краю и расколъ принялъ характеръ по преимуществу буйный, мятежный, и нанесъ себѣ привольный, просторный притонъ въ разбойничьихъ шайкахъ, наполнявшихся отъ постоянного перекочевыва сюда всякаго рода вольницъ, не хотѣвшихъ подчиниться законному гражданскому порядку. Въ сѣверо-западной Россіи, расколъ особенно распространился на Вѣткѣ, за границу, въ польской области, въ дачахъ польскихъ пановъ. Здѣсь расколъ совершенно свободно распространялся уже по тому одному, что Вѣтка тогда не принадлежала Россіи. «Сосѣдственная на малороссійскихъ земляхъ граница, говоритъ протоіерей Іоаннъ, не токмо не препятствовала, но и весьма къ тому способствовала. Малороссійскіе паны, ни мало не предвидя потери своей, наперерывъ одинъ передъ другимъ старались бѣглецамъ нашимъ благопріятствовать, дѣлать выгоды и отводить лучшую землю, дабы чрезъ то приманить ихъ въ чужинѣ со временемъ сдѣлаться надъ ними вѣчными владѣльцами»²⁾. Въ черниговскихъ предѣлахъ расколъ особенно сильно умножался въ стародубскихъ лѣсахъ, и также бѣглецами всякаго рода. По лѣсамъ, по киевской и тульской дорогамъ, пробирались раскольники въ Малороссію въ стародубскіе лѣса³⁾. Дѣйствительно было гдѣ укрываться бѣглымъ, и было къ чему бѣжать: стародубскіе лѣса, по свидѣтельству иностранцевъ посѣщавшихъ Россію въ XVI вѣкѣ, изобиловали горностаями, бѣлками, куницами и медомъ. Въ новгородско-сѣверскомъ наместничествѣ находилась дремучій лѣсъ, простиравшійся верстъ на 160 слишкомъ; слѣдоват. раскольникамъ, любившимъ лѣсное уединеніе, можно было здѣсь укрываться. Наконецъ, о географическихъ удобствахъ распространенія раскола, на востокъ, въ Сибирь, излишне и говорить: здѣсь былъ полный просторъ расколу.

¹⁾ Сб. Солов. библи. № 905. Орывокъ изъ какого-то путевого описанія за восточнаго края, весьма интересный въ географическомъ отношеніи: только къ составленію неизвѣстно чье это описаніе. Рукоп. безъ начала.

²⁾ Полн. истор. изв. о расколѣ, ч. III, стр. 18.

³⁾ П. С. З. т. III, № 1953.

Когда такимъ образомъ расколъ распространился по всѣмъ краямъ сси, вслѣдствіе неусыпной и энергической дѣятельности многочисленныхъ расколуучителей, когда онъ сыскалъ для себя удобныя въ географическомъ отношеніи мѣста и утвердился на нихъ въ многочисленныхъ стыняхъ, скитахъ, монастыряхъ и слободахъ: то почувствовалъ въ себѣ и больше силъ и стремленій. Для его дальнѣйшаго усиленія, развитія распространенія представились новыя, внутреннія, домашнія средства и юбы. Начало этого новаго періода развитія раскола приблизительно можно отнести къ послѣднему десятилѣтію XVII столѣтія, когда на сѣѣ, въ поморьѣ, основанъ былъ безоповщинскій скитъ «выгорѣцкій», на ѣ въ нижегородскихъ лѣсахъ поповщинскій скитъ Онуфріевъ, въ черовскихъ лѣсахъ старообрядческія слободы мглинскаго, новозыбковаго и стародубскаго уѣздовъ. Съ этого времени расколъ окончательно получилъ характеръ церковно-гражданской общины, стремившейся только отстоять свой образъ мыслей, но и, если можно, сдѣлать его поддвующимъ во всей Россіи. Съ этого времени въ немъ ясно обнаруилась внутренняя, самостоятельная общинная жизнь и послѣдовательное, аническое развитіе его чрезъ развитыіе и раздѣленіе, посредствомъ ихъ внутреннихъ, весьма многообразныхъ силъ, средствъ и способовъ. «оргнись отъ цѣлаго, всенароднаго, всеобъемлющаго единства церкви, зумаго христіанскою всепримиряющею любовію, и начавши свою осоную жизнь, въ совершенной отрѣшенности отъ общей жизни русской кви, раскольническая община, неизбѣжно скоро почувствовала и испытала въ себѣ признаки разложенія, раздѣленія, оскудѣніе внутренняго всеаго единства и умноженіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ частей. Отчужіе раскола отъ церковной іерархіи, отсутствіе этого церковно-соединіаго начала въ нѣдрахъ самой раскольнической общины, оскудѣніе послѣдователяхъ старообрядства истиннаго, разумно-сознательнаго знаі христіанства, и истинной церковной жизни, вслѣдствіе всецѣлаго, ключительнаго сосредоточенія ихъ на одной безжизненной, мертвой квѣ и обрядности, — вотъ прямая, естественныя внутреннія причины паденія раскола сначала на безоповщину и бѣглопоповщину, а поѣ на многочисленные частныя секты¹⁾. А это постоянное внутреннее

¹⁾ Ни одна секта не доказала собою такъ ясно, какъ доказала секта русскихъ жолыниковъ той истины, что ложь вводитъ съ собою только раздоръ и раздѣленія. прошло и 25 лѣтъ послѣ 1665 года, какъ русскій расколъ раздробился на толки, и естественно. Опустивъ изъ вниманія евангельское ученіе христіанства: русское еволіе обратилось къ одной внѣшности, къ однимъ обрядамъ; а здѣсь, при недостаткѣ умѣнья вникать въ смыслъ обряда, мысли зрители волнуются только впечатліями случайными и вліяніями чувства, и отесѣ одинъ выбираетъ то, другой другой, одинъ хвалить то, что другой бранитъ: разнообразіе предметовъ, представляемыхъ обрядностію, еще болѣе умножаетъ несходство въ выборѣ предметовъ уваженія. Р. Ц. IV, стр. 220. Протоіерей Іоанновъ, самъ бывшій некогда въ расколѣ, открывая, его словамъ, хаосъ разныхъ сектъ расколы. въ чернорам. лѣсахъ и на Керженцѣ ѣчаетъ: «злора и ожесточеніе ввергли ихъ въ сію бездну: а отвращеніе отъ влацерковной всему тому есть главною причиною». Ч. III, стр. 2. Замѣчательно деніе самихъ расколыниковъ о причинѣ раздоровъ и раздѣленій въ старообряд-

раздѣленіе, распаденіе раскола на разные толки, какъ естественный и въ тоже время новый, неизсякаемый источникъ внутренней борьбы внутренняго несогласія и безпорядка, естественно, порождало и усиливало одну только борьбу, несогласіе и раздоръ, именно борьбу и раздоръ господствующей церковью, и слѣд. еще болѣе усиливало расколъ, это мы сейчасъ увидимъ. Съ другой стороны, общность главнаго перчаткаго стремленія раскола — національнаго церковно-гражданскаго демократизма, была существенною причиною живучести и постояннаго витія раскола въ одну упорную русскую демократически-старообрядскую общину. Какъ одна опредѣленная община, одушевляемая однимъ, общимъ недовольствомъ новымъ порядкомъ въ Россіи, движимая единодушнымъ противленіемъ церковной и государственной власти, расколъ, не смотря на разрозненность своихъ частей, употреблялъ теперь все свои общія силы и средства къ тому, чтобы еще болѣе усилиться и умножить кругъ своего господства. Получивъ постоянную осязательную послѣдствію первоначальной неустановленности и бурнаго, хаотическаго броженія, раскольники чрезъ это укрѣпленіе и сосредоточеніе въ слободахъ, монастыряхъ и пустыняхъ, приобрѣли свои собственные, домашніе, такъ сказать, средства и способы къ распространенію раскола. Обратимъ же теперь вниманіе на эти способы.

Первымъ такимъ средствомъ распространенія раскола было *уже построеніе и умноженіе въ разныхъ мѣстахъ раскольническихъ пустынь, монастырей и слободъ*. Какъ на причину усиленія и возрастанія раскола, на умноженіе лѣсныхъ скитовъ и монастырей указываютъ на раздоръ Алексѣевичъ отцамъ собора 1681 года. «Многіе монахи, гонимыя, мужеска пола и женска, нехотя быти у настоятелей своихъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсахъ помалу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ, и устроивъ общины, и служатъ молебны... и именуютъ тѣ мѣста пустынями, и въ новоустроенныхъ пустыняхъ церковное илѣніе отираютъ не по старымъ книгамъ, и для того приходятъ къ нимъ многіе люди и сближаются къ нимъ, и имѣютъ ихъ за страдальцевъ, и отъ того уростаетъ святую церковь противленіемъ» ¹⁾. И дѣйствительно, исторія распространенія раскола показываетъ, какъ сильно способствовали распространенію раскола устраившіеся въ лѣсахъ скиты и монастыри. Они имѣли ка-

ствѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ: «иже убо явственно плоды раздора древлѣросійскихъ христіанъ испыташеся. Ижесть убо того христіанина, не обрѣтѣнаго мужа, не сыщется благоговѣишия жены, которая бы съ горестію износила вздохъ свои о сей раздорной бурѣ, и способствовать же кому и чѣмъ возмозаемо учиниши. Понеже ижесть нынѣ высочайшихъ духовныхъ властей, вспомогательныхъ государей нашей истинѣ, не имѣется удобныхъ мѣстъ. Къ сему и устѣла вся теплота къ ревности благочестію и добродѣтели и всѣхъ Россійскихъ христіанъ, только единымъ духомъ братоненавистныхъ наполнилися тѣхъ сердца, и не можетъ во иныхъ покониться духъ соединенія»⁴ О началѣ раздора Федосѣево-выгорьичскимъ общежителемъ и о причинѣ того, чего ради оный бы...

¹⁾ А. II. т. V, № 75, стр. 117.

обенную, могучую притягательную силу. Едва устроился гдѣ-либо въ уѣзѣ лѣсовъ раскольнический скитъ какимъ либо расколо-учителемъ, къ тотчасъ же разносилась объ немъ молва по окрестностямъ,—и сотни, тысячи суевѣрныхъ стремились въ эти пустыни, думая обрѣсти тамъ покоеніе или спасеніе своей души. а бродяги и гулящіе люди, люди бездомные, праздношатающіеся, не хотѣвшіе трудиться, работать, служить цѣству, коковыхъ тогда было множество по всей Россіи, рассчитывали эти здѣсь безопасный притонъ, даровую, готовую хлѣбъ-соль. Лѣсныя эти наполнялись такимъ образомъ хижинами и шалашами такихъ отшельцевъ. Поселялся гдѣ-либо въ лѣсной пустынѣ расколо-учитель—инокъ, арецъ съ нѣсколькими людьми, устраивалъ небольшую часовню, заводилъ доколь». Жители окрестныхъ мѣстъ слышали вдругъ, въ необыкновенномъ дотошѣ мѣстѣ, звонъ колокола, спѣшили на этотъ призывный звъ, встрѣчали старца, молящагося въ чашѣ дебри, съ участіемъ внимали его рассказамъ о преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергалась праотцевъ, о пришествіи антихриста, о близкомъ концѣ міра. Имена кона и Никоніанцевъ произносились съ проклятіями, сѣтованія объ нѣмъ православія сопровождалась слезами, и простодушные поселяне съ благоговѣніемъ взирали на отшельника, потомъ возвращались къ нему, чтобы слушать его поученія, приносили ему посильные дары, требуя за то только его благословенія, и понемногу совращались въ расколъ. Эти поселялись вокругъ своего учителя, оставляя вмѣстѣ съ жилищами свои семейства, имущества, все обольщенія житейскія»¹⁾. Такъ наполнился народомъ во многихъ мѣстахъ монастыри или скиты раскольнические, центры ученій, направленныхъ противъ православной церкви. Такъ, когда бѣглый дьячекъ Шумскаго погоста Данило Викулинъ основалъ первый безпоповщинскій скитъ на Выгѣ рѣкѣ въ олонецкомъ уѣздѣ и неслась о немъ молва по заонежскому поморью, къ нему сначала наплось до 49 человекъ, потомъ начали стекаться цѣлыми семействами жны, жены и дѣти всякаго возраста, и вскорѣ число отшельниковъ возшло болѣе 150, не считая около нихъ жившихъ еще въ отшельничествѣ другихъ скитахъ. Вотъ сюда же поступать съ отцемъ, матерью, братьями и сестрами знатный молодой человекъ, по имени Андрей Денисовъ,²⁾ происходившій изъ рода Новгородскихъ князей Мышецкихъ, которому съ томъ Семеномъ суждено было болѣе четверти столѣтія быть самою мощественною опорой раскола и славою своею наполнить все раскольнические скиты, разсѣянные во всехъ концахъ Россіи³⁾. Слава Даниловскаго эта еще болѣе умножилась и распространилась по Обонежскимъ окрестностямъ. Народу еще болѣе стремилось сюда. Прошло 7 или 8 лѣтъ; въ ниловскомъ скиту стало тѣсно. Съ 1703 года, по рѣкѣ Выгѣ и другимъ камъ и озерамъ, основалось уже множество другихъ, частныхъ скитовъ, живавшихся ученія Даниловскаго, гдѣ селились нѣкоторые по одиночкѣ,

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1856 г. кн. 8 Правленіе Царевны Софій.

²⁾ Ему тогда было не болѣе 17 лѣтъ.

³⁾ Словарь Рус. свѣтк. писателей м. Евгенія о Денисовѣ.

другіе цѣлыми семействами, и устроили часовни. Въ половинѣ XVIII столѣтія Выгорѣцкій монастырь уже на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ до 2000 человѣкъ мужескаго пола и болѣе 2000 женскаго. Близъ Волги, въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ керженскихъ лѣсахъ поселился, какъ мы видѣли, выходецъ изъ Соловецкаго монастыря, монахъ Арсеній, и основалъ здѣсь въ лѣсной чащѣ, на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій. Лишь только разнеслась молва въ Семеновскомъ уѣздѣ и по другимъ окрестностямъ, что въ пустынной глуши, въ глубокой чащѣ керженскихъ лѣсовъ, живетъ подвижникъ, иннокъ изъ знаменитаго соловецкаго монастыря, какъ тотчасъ же къ нему потекли сотни, тысячи людей со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ въ 30 или 40 лѣтъ столько стекалось сюда народу, что вмѣсто одного шарпанскаго монастыря въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской и сопредѣльной съ нею костромской губерніи появилось до 94 скитовъ, и большая часть изъ нихъ произошла отъ первоначальнаго, Арсеніева скита. Въ началѣ XVIII столѣтія въ однихъ нынѣшнихъ балахнинскомъ, семеновскомъ и макарьевскомъ уѣздахъ считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляетъ гораздо болѣе третью тогдашняго общаго населенія; въ 1719 году считалось раскольниковъ въ предѣлахъ нижегородской епархіи уже 86,000 об. пола, слѣд. на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольникъ. Въ Сибири лѣсныя пустыни расколическія утекали изъ городовъ и селъ также тысячи православныхъ. Въ 1682 году верхотурскій воевода Иларіонъ Лопухинъ писалъ къ краснопольскому прикащику: «въ нынѣшнемъ—де въ 191 г. (1683) вѣдомо ему въ Тобольску учинилось, что выѣзжаютъ изъ городовъ и изъ слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покиая дворы и животы свои, и скотъ и хлѣбъ, на Тоболь въ Утецкую слободу къ слободчику Ѳедкѣ иноземцеву, и заводится де пустыня такаяжъ, что и прежь сего сбирывались вверхъ по Тоболу рѣкѣ, на Березовѣ рѣкѣ на прелестъ православнымъ христіанамъ» ¹⁾. Тоже самое было на Вѣткѣ и въ стародубскихъ лѣсахъ: на Вѣткѣ отъ одной или двухъ слободъ произошло до 14-ти, а въ Стародубѣ до 17 слободъ. Такое множество народа привлекали расколическіе монастыри, пустыни и слободы! И не только къ себѣ они привлекали народъ, но и заражали окружающіе ихъ православные города и села. И чѣмъ ближе находились города и села къ расколическимъ монастырямъ и пустынямъ, тѣмъ сильнѣе въ нихъ распространялся расколъ. Такъ въ олонецкомъ уѣздѣ, въ близлежащихъ къ выгорѣцкому скиту деревняхъ, весьма многіе дома и семейства наполнены были раскольниками. Въ пудожскомъ и другихъ погостахъ, гдѣ въ лѣсахъ находились расколическія пристанища и пустыни, расколомъ заражены были весьма многіе дома въ деревняхъ и волостяхъ: въ деревнѣ Строкиной разъ заперлись раскольники въ 4-хъ избахъ, въ числѣ 800 человѣкъ, и, когда ихъ начало отыскивать правительство, сожглись ²⁾. Въ деревнѣ Коловской заражено было расколомъ до 15 домовъ, въ Ноженской до 12-ти. Въ другихъ до 10 или

¹⁾ А. II. т. № 101, стр. 162.

²⁾ А. II. №№ 223, стр. 387.

больше, и между прочимъ домъ старосты. Въ деревнѣ Коловской расколочитель Василій Емельяновъ съ товарищемъ своимъ Ильею Ѳеодоровымъ въ 1693 г. въ Петровъ постъ и послѣ Петрова дня каждый день служилъ по найму въ часовнѣ Николая Чудотворца вечерню, заутреню и часы, и крестьянъ «воровскому прелестному богомерзкому ученію непрестанно училъ» ¹⁾. Когда надменный своею святостію Капитонъ поселился въ пустынь, въ лѣсахъ вязниковскихъ, то «отсюда, повѣтствуетъ Денисовъ, градъ Вязники сіяше пресвѣтлаго древняго благочестія догматами, т. е. старообрядствомъ, отсюда ближнія веси и села утверждахуся въ отеческихъ законѣхъ непоколебимо пребывать и вся вязниковскія предѣлы превлеотеческаго православія свѣтъ осіяваше толико, елико во окрестныя луку о семь велегласно пронестися, и до самаго царствующаго града, до архіерейскихъ сѣдалищъ» ²⁾. Тоже было и въ Малороссіи вокругъ раскольниковскихъ слободъ. Въ 1728 г. въ бывшемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ Гетманъ Апостолъ съ старшинами и съ полковыми представлялъ, что «раскольниковскаго суевѣрія люди, въ малой Россіи не малыми слободами пожившіеся, ересей своихъ сѣютъ плевеи и прельщаютъ народъ малороссійскій,—гдѣ между сущимъ православіемъ такового суевѣрія не бывало» ³⁾. Подобное распространеніе раскола изъ раскольниковскихъ селеній, монастырей и пустыней въ близлежащіе православные города и села замѣчалось и въ недавнее еще время. Такъ напр. чѣмъ ближе города и селенія въ иргизскимъ монастырямъ, недавно бывшимъ раскольниковскими, тѣмъ болѣе было въ нихъ раскольниковъ, а чѣмъ отдаленнѣе, тѣмъ менѣе. Въ Волгскѣ, ближайшемъ къ Иргизу, находилось 5,123 раскольника, въ Саратовѣ 3,183, въ Камышинѣ 261, въ Царицынѣ 46. Волгскъ отъ нижнеиргизскаго монастыря отстоитъ въ 60 вер., Саратовъ въ 197, Камышинъ въ 376, Царицынъ въ 562 верстахъ ⁴⁾. Отсюда, обратно, можно заключать и о прежнемъ, первоначальномъ распространеніи раскола по окрестностямъ раскольниковскихъ слободъ, скитовъ и монастырей.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему раскольниковскіе скиты, монастыри и церкви привлекали къ себѣ множество православныхъ изъ простаго народа, заключается въ томъ, что въ нихъ необыкновенно строго соблюдалось внѣшнее церковно-обрядовое благочиніе. «Главная причина, скажемъ словами преосвящ. Митр. Григорія,—главная причина сохраненія и распространенія раскола въ самомъ расколѣ состоитъ въ строгомъ соблюденіи въ немъ собственно внѣшности вѣры, что и почитается достаточнымъ для спасенія. А какъ соблюденіе внѣшности вѣры не требуетъ большихъ и тяжкихъ пожертвованій, особливо не требуетъ глубокаго наблюденія за состояніемъ души и за разными склонностями ея и плоти: то она очень внимательно вездѣ и держится» ⁵⁾. Выдавая себя за старую

¹⁾ А. И. V, № 223, стр. 387.

²⁾ Виногр. Россійск. № 1. 136 об.

³⁾ П. С. З. т. XI, стр. 398.

⁴⁾ Рукопись о Саратов. раскольникахъ библ. Каз. Дух. Акад.

⁵⁾ Истинно-древняя и Истинно-православная церковь Христова. II стр. 311, 1855 г.

вѣру, за древне-церковное благочестіе, твердо стоя за старые обряды и уставы. расколъ всегда вѣрнѣе старался поддержать въ своихъ скитахъ и монастыряхъ весь блескъ, всю внѣшность старинной церковной обрядности, чтобы доказать православнымъ, что онѣ дѣйствительно есть длинная старая вѣра, подлинное старообрядство. Если православные входили въ раскольническій монастырь, или въ раскольническую часовую молельню, въ какомъ-либо богатомъ скиту, — ихъ кругомъ поражало лѣпнѣе внѣшности. Они видѣли множество иноковъ, чинно одѣтыхъ древнее монашеское одѣяніе, съ степенно-суровымъ видомъ, низко кланяющихся, выставляющихъ впередъ иноковъ-стариковъ, покрытыхъ сѣдинами, нерѣдко уважаемыхъ ими схимниковъ, часто весьма привѣтливыхъ, ласково-разговорчивыхъ. Если они ходили въ раскольническую часовую или молельню во время богослуженія, и особенно всенощнаго, — чувствованіе благоговѣнія обнимало ихъ: предъ ними открывался богатый иконостасъ украшенный старинными, часто драгоценными иконами, десятки и сотни лампъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раскольниковъ «какъ лице Божіе»; въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно; на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по сѣтку, по два и болѣе громогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо, большею стѣною протяжно-заунывно пѣли церковныя пѣсни по старинному столпопѣеву; сотни иноковъ по правую и лѣвую сторону стояли степенно вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди ихъ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ, тѣмъ болѣе не смѣялся, взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Чтецы читали не спѣшно, внятно, благоговѣя. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось одинъ въ одинъ и въ одно вѣдѣти тихимъ, полнымъ и неспѣшнымъ двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ и на чреслахъ, съ возгласомъ очеи горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 часовъ сряду. Что при видѣ такой благолѣпной церковно-богослужебной внѣшности долженъ былъ чувствовать въ душѣ набожный, благочестивый русскій простолподникъ, и вообще нашъ простой народъ, большею частью только въ однихъ благочестивыхъ обрядахъ и обычаяхъ и выражающій свою вѣру и благочестіе? Безъ сомнѣнія, уваженіе, привязанность къ старинному. Глубоко дѣйствовало на сердце благочестивыхъ, набожныхъ русскихъ людей такое церковное благолѣпное старообрядческое часовое и вотъ они охотно причислялись къ монастырямъ и общинамъ раскольническимъ. Удивительно ли послѣ этого, что когда на Вѣтку построена была новая, Покровская церковь и великолѣпно украшена по старинному, народъ со всѣхъ концовъ толпами устремился на Вѣтку. «На толпу славу новоосвященныя церкви, нишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторіи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на вѣтъю отсюду приходяще людѣе, оставляху дома, и въ толикій путь тѣ

примаху. Господіе честніи о зданіяхъ вознерадиша, и госпожи честніи счяху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуда вчисленными народы наполнися вѣтковское жительство, и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явился» ¹⁾. Кромѣ благолѣпія часовенной обрядости, расколъ многихъ обольщаль еще наружностью благочестія и мною богоугодностію и спасительностію своею. Люди набожные, видя въ искомыхъ пустыняхъ старцевъ отшельниковъ, изможденныхъ, пощидному, подвигами и постомъ, исхудалыхъ, блѣдныхъ на видъ, думали, го въ скитахъ раскольническихъ господствуетъ древній суровый, строгій укъ истиннаго подвижничества и отшельничества, и сокрушаясь о грѣхахъ своихъ, удалялись въ нихъ для подвиговъ поста и покаянія. Въ подтвержденіе этого замѣчательный случай рассказываетъ преосвященный [гнатій, митр. тобольскій. «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополѣ, къ морю, говоритъ онъ, аки бы учитель нѣкій, рабъ Божій, вохвъ и чародѣй, примысли себѣ пустынника имя. И нѣмніи поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, поспѣдоваша ему, яко мняху въ добродѣтелѣхъ изрядному... нѣкій же человекъ отъ града Вологды, тягченъ сый многими грѣхи, и вшедъ въ совѣсть свою каяшеся предъ Богомъ: и положи обѣтъ Господеву Богу, во еже пожити въ чистотѣ, и птти въ пустынная мѣста: яко да въ безмолвіи поживъ, получить отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустынника людіе собравшеся живутъ, восхотѣ тамо понти. Пришедшу же ему ко оному, иже мняшеся пустынникъ быти, молитъ его, да повелитъ ему при себѣ жити въ пустыни, яко же и прочимъ. Онъ же глагола ему: брате любимый, добре пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкви Божіа, вси бо уклонишася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поють и чтутъ по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не приємлемъ, и крестимся по преданію блаж. Феодорита: ты же добръ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный человекъ слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, придохъ къ святини твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустынникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искутитися, да не яси, ниже цѣиши дни нѣкіа, дондеже намъ извѣстити о тебѣ Господь Богъ, и тогда ты приємемъ съ радостию. Онъ же общася вся поселенная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевнаго спасенія. Пустынникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю едину отъ келлій своихъ храмину, яже бѣше присовокуплена къ келліи его идѣже самъ живяше, и скверная своя мольбища творяше» ²⁾. Съ другой стороны, раскольническіе скиты, пустыни, монастыри и слободы льстили свободой въ мірской жизни, давали полный просторъ буйному звоелію и чувственности, укрывали виновныхъ отъ отвѣтственности за разныя преступленія. «Держащіеся раскола, скажемъ словами митроп.

¹⁾ Полн. Истор. Извѣст. о расколн. ч. III, стр. 8.

²⁾ III Посл. въ „Правосл. Собесѣд.“ стр. 116--118.

Платона, еще въ томъ нашли свои выгоды: строя сами себѣ служебныя дома и выбирая бѣглыхъ поповъ, и отрѣшная ихъ по своему изволенію и распоряжая всѣмъ, имѣли удовольствіе въ томъ, что они сдѣлались самовластители по церковнымъ дѣламъ, не завися ни отъ какого духовнаго правительства» ¹⁾. Многіе бѣжали въ раскольническія слободы, скиты и монастыри изъ шляхетства, или изъ знатнаго московскаго и другихъ городовъ купечества, или изъ подрядчиковъ, забравъ государственной казны въ подряды большую сумму ²⁾. Бѣглыми преступниками наполнены были скиты нижегородскіе, стародубскіе лѣса и Вѣтка. Расколъ давалъ свободу и убѣжище отъ рекрутчины, какъ увидимъ еще въ другомъ мѣстѣ. Такъ въ началѣ XVIII столѣтія (около 1723 г.) на однихъ, заводахъ Демидова, бывшихъ, можно сказать, гнѣздомъ и рассадникомъ раскола для своего края, найдено было до 150 бѣглыхъ рекрутъ ³⁾. Во многихъ раскольническихъ монастыряхъ расколъ льстилъ и своимъ ученіемъ и своею жизнью даже грубому плотоугодію и чувственности, какъ это мы видѣли уже. Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, присоединеніе къ раскольническимъ слободамъ и монастырямъ, льстило корыстолюбію и доставляло разныя матеріальныя, житейскія выгоды.

Во вторыхъ, самое *раздѣленіе, распаденіе раскола на многочисленныя секты*, повидимому, должноствовало содѣйствовать къ ослабленію и упадку раскола при разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ мы замѣтили выше, усиливало расколъ, способствовало его распространенію. Раздѣлившись сначала на двѣ главныя секты, поповщину и безпоповщину, раскольники какъ бы раздѣлили между собою жребій распространенія раскола по частямъ: поповщина преимущественно осѣлась, утвердилась и начала распространять свое ученіе на юговостокъ и югозападъ отъ Москвы, безпоповщина преимущественно на сѣверовостокъ, разсылая, впрочемъ, въ то же время повсюду своихъ расколоучителей. Каждая часть раскола, каждая секта непрерывно одна передъ другою, усиливалась какъ можно болѣе, приобрѣсти себѣ послѣдователей, разсылая своихъ многочисленныхъ проповѣдниковъ, придумывала, гдѣ успѣшнѣе и удобнѣе можно было посѣять и укоренить мнѣніе безпоповщины, или мысли поповщинскаго ученія, изобрѣтала разные способы для уловленія православныхъ въ свою общину. А когда и эти двѣ главныя секты распались на безчисленное множество частныхъ толковъ, усилія раскола—распространить свое господство еще болѣе, увеличились, миссіи раскольническія и расколоучители еще болѣе умножились, происки продѣлки раскольниковъ еще болѣе утончились и оразнообразились. По свидѣтельству одного изъ старообрядцевъ, обратившихся къ православной церкви, всѣхъ толковъ, несогласныхъ съ православною церковію и между собою, въ русскомъ государствѣ образовалось болѣе 100: если положить на каждый толкъ по одному расколоучителю, то и тогда, при фанатической ревности раскольниковъ, удобно было весьма

¹⁾ Церковная Исторія ч. II, стр. 238, С. II. 1823.

²⁾ П. С. З. т. XI. № 8845.

³⁾ Историч. Обзор. Сибири Словцова, ч. I стр. 394.

успѣшно и далеко распространить расколъ. Но ихъ приходилось на каждый толкъ не по одному, не по два, а по десятку и болѣе. Духъ соревнованія и взаимной непріязненности побуждалъ каждый толкъ умножать свою общину, чтобы дать ей болѣе нераздѣльности и прочности, а, если можно, и перевѣсъ надъ другими толками. Духъ фанатизма, столь свойственный сектамъ всякаго рода, особенно въ началѣ ихъ распространенія, а въ нашихъ раскольникахъ доходившій иногда до безумнаго, неукротимаго изступленія, возбуждалъ въ каждомъ сектантѣ, особенно въ началѣ распространенія секты, какую-то особенно-энергическую, изступленную горячность, жажду, ревность—распространять свое ученіе ¹⁾. Отъ того каждый раскольнический толкъ или согласъ, въ началѣ своего существованія, всегда имѣлъ особенно ревностныхъ и многочисленныхъ распространителей своего ученія. Такъ, когда въ 1706 году отдѣлился отъ выгорѣцкаго согласія Ѳедосѣевскій толкъ, ученіе этого послѣдняго толка, распространяли 26 расколоучителей въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ предѣлахъ ²⁾. По смерти Ѳедосѣя, ученики его, по указу, получили для жительства мѣсто Ряпино, и жительства ихъ, какъ говоритъ сочинитель статьи о началѣ раздора Ѳедосѣевцовъ съ Выгорѣцкимъ общежителемъ, «многочисленствомъ обоюго пола распространено бысть» ³⁾. Или, когда одинъ мужикъ выдумалъ христовщину, у него было, по словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, «12 лжеапостоловъ, иже ходяще по селамъ и деревнямъ, проповѣдывали Христа, аки истиннаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельщали, приводили къ нему на поклоненіе» ⁴⁾. Обыкновенно сначала каждый новоизмышленный толкъ разширился, распространялся въ окрестности своей, и вездѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ на простой народъ. «Толки,—пишетъ святитель Дмитрій Ростовскій о разныхъ мелкихъ сектахъ русскаго раскола,—того ради зовутся, яко всякъ въ себѣ Божественная писанія по своему злоумному мудрствованію толкуетъ инако, несогласно инѣмъ, и во окрестныхъ селѣхъ и деревняхъ толки своя распространяють, каждо своея вѣры людей препростыхъ учаще, и къ своимъ толкамъ преклоняюще» ⁵⁾. Такимъ образомъ расколъ посредствомъ

¹⁾ Умъ русскаго сектанта, простолюдина, не имѣвшій твердой точки опоры—положительныхъ, точныхъ знаній христіанства, во тѣмъ заблужденіи, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумывалъ, въ слѣпотѣ заблужденія принимая ихъ за настоящую истину. А сердце, искавшее сочувствія, согласія въ мысляхъ и вѣрованіяхъ съ другими (ибо истина должна быть одна у всѣхъ), чувствовало потребность раздѣлится съ кѣмъ-либо возникшія въ умѣ мысли. И вотъ сектантъ, въ головѣ котораго родилась новая мысль, казавшаяся ему подлинною искомою истиною, съ жаромъ пускался распространять эту мысль. А желаніе учительства, желаніе стоять во главѣ послѣдователей, очень естественное въ сектантахъ—фанатикахъ, подстрекало, воспаляло еще болѣе огонь фанатич. ревности распространять свое новоизобрѣтенное ученіе.

²⁾ Полн. Истор. Павѣст. о расколѣ. ч. 17, стр. 21.

³⁾ Рукоп. о началѣ раздора Ѳедос. съ Выгор. общежит. л. 66 об.

⁴⁾ Розыскъ 1847 г. стр. 599.

⁵⁾ Розыскъ, стр. 598.

распаденія на разные толки и ученія только развѣтвлялся, дѣлался много-сложнѣе, а не ослабѣвалъ, и по мѣрѣ развѣтвленія, осложненія своего, онъ болѣе и болѣе увеличивался, разрастался чрезъ постепенное наращеніе и разрастаніе каждой отдѣльной вѣтви; отъ каждой вѣтви происходило нѣсколько новыхъ вѣтвей: эти вѣтви въ свою очередь чрезъ постепенное наращеніе увеличивались, росли и пускали новые отростки: каждая вѣтвь стремилась одна другой шире, дальше раскинуться, и такъ далѣе. Новые сектанты, новые учителя изыскивали и привлекали новыхъ послѣдователей, и произошло такимъ образомъ многовѣтвистое, многообъемлющее дерево раскола, которое, развившись изъ незначительнаго, небольшого сѣмени, разрослось и распространило вѣтви свои по всей Россіи. Вѣрно; выразительно изобразить этотъ внутренній, органическій способъ развитія и распространенія раскола преосв. Теофилактъ Тверской, представивъ исчисленные въ 37 толковъ раскола подъ образомъ дерева, корень котораго, по его словамъ, скрывается въ началѣ всякаго зла—древнемъ змѣѣ, и вѣтви котораго во болѣе и болѣе умножались и разширялись, по мѣрѣ развитія самаго дерева раскола. «Всѣ сѣи плоды злобы,—заключаетъ онъ свою перечень раскольниковскихъ толковъ,—противницы церкви Христовы, пепеломъ посыпанные злобы, израстоша отъ лѣта 666 до лѣта 725, и иныхъ еще ихъ много, что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ: въ нынѣшнее де время, приговаривая такую рѣчь, овца овцу паси, сама себя овца паси» ¹⁾.

Причина, почему самое виѣшнее распаденіе раскола, раздробленіе его на множество толковъ не препятствовало, а еще способствовало распространенію раскола, заключается главнымъ образомъ во *внутренней, органической связи, общности всего раскола*. Не смотря на всю раздробленность раскола, онъ составлялъ одно цѣлое, органическое; его одушевляла и развивала одна сила, у него было одно коренное, исходное начало, только проявившееся въ разнообразныхъ видахъ. Это—общность вражды раскольниковскихъ сектъ къ правительству и Церкви, которая онѣ называли Никонианскими, или растлѣнными Никонианскою ересью. Этимъ-то внутреннимъ, основнымъ единствомъ раскола скрѣплялась и держалась его общность, единичность, совокупность. И здѣсь-то, въ этой внутренней общности раскола, заключается новая причина его быстрого, успѣшнаго распространенія. Съ самаго начала недовольные патр. Никономъ протопопы и попы образовали союзъ, партію, называя себя «братією, союзниками», будучи отъ левлены однимъ духовно-демократическимъ чувствомъ или стремленіемъ — единодушною личною ненавистію къ п. Никону. Общими силами, дружнымъ единодушнымъ заговоромъ, при помощи сильныхъ покровителей при дворѣ, стремились они свергнуть п. Никона; находясь въ заточеніи, тайной перепиской поддерживали другъ друга и поощряли на возстаніе и возмущеніе низшаго духовенства и народа. И, благодаря неразрывному единодушію и общности своей ненависти къ п. Никону, какъ нельзя болѣе, успѣшно достигли своей цѣли: п. Никонъ, бывший

¹⁾ Облич. неправды раскольников. послѣдній листъ. См. также на предыдущихъ листахъ рисунокъ, изображающій расколъ въ видѣ многовѣтвистаго дерева.

имнемъ преткновенія для нихъ, уроненъ, низвергнуть; первые расколотели, пользуясь его паденіемъ, какъ мы видѣли, успѣли насадить роду начатки раскольническаго демократизма. Изъ первоначальной, малочисленной партіи раскольниковъ въ Москвѣ мало по малу образовалась въ концѣ XVII вѣка сильная, многочисленная община, составившаяся изъ чрезвычайной многочисленности приверженцевъ въ разныхъ городахъ и селахъ Россіи. Съ увеличеніемъ раскольнической общины, въ ней увеличались, расширились и замыслы и стремленія, осложнились и оразнообразились способы дѣйствія: личная вражда къ Никону первыхъ расколотчиковъ перешла въ наслѣдственную, общую вражду раскольническихъ сектъ къ гражданскому Правительству и Церкви. Вновь устроились и еще болѣе расширились связи съ подкупными властями, при помощи хитрыхъ происковъ и продѣлокъ, какъ это мы увидимъ. Съ увлеченіемъ въ свои сѣти богатыхъ купцовъ, раскольническая община пріобрѣла матеріальныя средства, мало по малу образовала свои капиталы, богатства. Такъ было уже въ концѣ XVII столѣтія. Раскольники не остановились на этомъ; напротивъ, продолжали еще болѣе усиливать и распространять свою общину, употребляя всѣ возможныя мѣры, не щадя никакихъ находившихся у нихъ подъ руками средствъ. Общность вражды раскольническихъ сектъ къ православному Правительству и православной церкви связала всѣхъ вообще раскольниковъ, не смотря на различіе ихъ толковъ, въ одно братство, которое хотя и представлялось какъ будто-бы распавшимся на части, но всегда единодушно стремилось къ одной общей цѣли—къ большому расширенію, и если можно, къ господству въ Россіи. Отъ того чуть только представлялся какой нибудь удобный случай расширить кругъ своей общины, увеличить ее, дать ей силу и господство,—раскольники забывали различіе сектъ и толковъ, собирались въ одинъ союзъ. Такъ было уже отчасти въ концѣ XVII вѣка, въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Уже въ теченіе первыхъ 47 лѣтъ, по отдѣленіи или отсѣченіи своемъ отъ церкви православной, старообрядческая община успѣла весьма сильно умножиться, увеличиться и окрѣпнуть, вслѣдствіе своей внутренней, постоянной самососредоточенности, благодаря общности всѣхъ своихъ демократическихъ дѣйствій и стремленій. Но съ 1714 года, когда изданъ былъ указъ о записи всѣхъ раскольниковъ въ двойной окладъ, съ обезпеченіемъ ихъ свободнаго гражданскаго существованія, общинѣ раскольниковъ открылось еще больше возможности увеличиваться и возрастать ¹⁾. Получивъ теперь оскѣдность, свободное, безпрепятственное гражданское бытіе, раскольники, для большаго увеличенія и усиленія своей общины, начали устроить и развивать свой внутренній, торговый, коммерческій союзъ, начали своими просками, особенно при помощи своего богатства, еще болѣе, чѣмъ прежде заводить связи съ лицами чиновными, правительственными, вообще со всѣми лицами, которыя могли имѣть и имѣли какое нибудь вліяніе на расколъ. Губернаторы, воеводы, началь-

¹⁾ Нѣкоторые раскольники сами просили о записи ихъ въ расколъ подъ двойной окладъ. П. С. З. т. VII, № 4981, и 5.

ники волостного правления—старосты и прикащики, какъ видно изъ жалобъ и указовъ Правительства и какъ это мы увидимъ въ главѣ о гражданскомъ состояніи Россіи въ разсматриваемое время, были легко подкупаемы богатыми раскольниками, или ловко, искусно обманываемы хитрыми предводителями раскола. Освобожденіе раскольниковъ отъ разныхъ общественныхъ повинностей еще болѣе способствовало увеличенію и укрѣпленію раскольнической общины въ первой половинѣ XVII вѣка. «Хотя раскольники и положены были въ двойной окладъ, — сказано въ указѣ 1738 г. декабря 11, но отъ прочаго всего освобождены: а кунечество и крестьяне, сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго платежа, по нарядамъ рекрутъ, и лошадей и работниковъ конныхъ и пѣшихъ ставить и подводы подъ всякіе казенные припасы даютъ, что имъ противъ раскольниковъ весьма тягостно; иные же раскольники великіе промыслы и торги имѣютъ и богатятся и постоевъ въ домахъ своихъ не содержатъ, потому что чрезъ тѣ мѣста полкамъ маршевъ и другимъ служилымъ людямъ проѣзда не бываетъ; и видя ихъ такую льготу, многіе купцы и крестьяне въ ихъ раскольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристають, иные не для обученія ихъ суевѣрія, но для того, что ихъ оттуда въ родовую службу и въ рекруты не возьмутъ, и ничего иного, кромѣ двойнаго оклада, съ нихъ требовать не могутъ» ¹⁾. Пользуясь такими льготами раскольники быстро обогащались. Скиты, расположенные въ лѣсахъ олонечскихъ, нижегородскихъ и стародубскихъ, вырубали лѣса, обрабатывали пашни, заводили многочисленный скоть, строили мельницы, содержали рыбныя ловли, вели торговлю ²⁾. Богатые раскольники, съ одной стороны, чтобы задобрить Правительство мнимымъ усердіемъ своимъ къ общественному делу, а главное — чтобы обезпечить свое положеніе и свои матеріальныя выгоды, усилятъ свою общину, занялись городской и заводскою промышленностью. На многихъ заводахъ промышленники и ихъ приказчики были одни раскольники. Въ 1736 году тайный совѣтникъ Татищевъ доносилъ Правительству о старообрядцахъ на уральскихъ заводахъ: «что раскольниковъ де въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче, что на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не все, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники, и ежели оныхъ выслать, то конечно имъ заводовъ содержать некъмъ и въ заводахъ Ея Императорскаго Величества будетъ не безъ вреда: ибо тамъ при многихъ мануфактурахъ, яко жестянной, проволочной, стальной, укладной, и почитай все харчами и прочими потребностями торгуютъ Олончане, Туляне и Керженцы... Увѣдомился же онъ, что у Демидова въ лѣсу есть пустыня, и гдѣ корень онаго суевѣрія находится» ³⁾. Съ 1762 года раскольнической общинѣ еще болѣе представило удобства для развитія и усиленія. Въ это время изданы были постановленія: 1) о вызовѣ раскольниковъ изъ-за границы, и объ отпѣнѣ указѣ

¹⁾ П. С. З. т. X, № 7702.

²⁾ Полн. Истор. Изв. о расколѣ. А. II. т. V, № 151, стр. 236. Даже въ незначительныхъ лѣсныхъ пристанищахъ раскольниковъ въ пудожскомъ погостѣ было значительное имуществъ, всякая рухлядь, и припасы, скоть и хлѣбъ. А. II. V, № 233.

³⁾ П. С. З. т. X, № 7663, стр. 625.

Петра Великаго о бородахъ и указномъ платьѣ¹⁾; 2) объ уничтоженіи раскольнической конторы, при чемъ повелѣно вѣдать раскольниковъ въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ²⁾; 3) объ уничтоженіи двойного оклада, который платили раскольники³⁾; о дарованіи раскольникамъ права судебного свидѣтельства⁴⁾; 5) о дозволеніи выбирать ихъ въ должности⁵⁾. Эта гражданская свобода, дарованная раскольникамъ Екатериной II, сильно способствовала увеличенію числа раскольниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличенію раскольнической общины, особенно въ нижегородской и саратовской губерніяхъ и въ новороссійскомъ краѣ. Въ нижегородской, на-примѣръ, губерніи съ этого времени раскольники начали устроиться въ городахъ и слободахъ, при судоходныхъ рѣкахъ Окѣ и Волгѣ и по торговымъ дорогамъ, и мало по малу прибрали въ свои руки мѣстную издѣльную промышленность и торговлю. Начались торговые сношенія раскольниковъ нижегородскихъ съ губерніями саратовскою, астраханскою, симбирскою, костромскою, владимірскою, ярославскою, калужскою, смоленскою, съ Сибирью и многими отдаленными краями Россіи. Такимъ образомъ богачи раскольническіе еще начали богатѣть, союзъ коммерческій между ними еще болѣе расширился и крѣпче завязался, а съ тѣмъ вмѣстѣ еще удобнѣе, чѣмъ прежде, стало опутывать разными происками и подкупами гражданское начальство и духовенство⁶⁾. Такъ знаменитый предводитель раскольниковъ едосѣвской секты, московскій купецъ Илья Алексѣевъ Ковылинъ, какъ извѣстно, имѣлъ большіе кирпичные заводы въ окрестностяхъ столицы, поставлялъ кирпичъ въ Москву на многія постройки, и чрезъ это вошелъ въ обширное знакомство съ людьми почетными, начальствующими. Товарищемъ его былъ тоже извѣстный раскольникъ — богатый купецъ Федоръ Зенковъ, который завелъ первыя суконныя фабрики въ Москвѣ: онъ помогалъ Ковылину денежными средствами. Оба они были самыми ревностными и сильными помощниками раскола и, при посредствѣ своихъ обширныхъ, сильныхъ связей, весьма успѣшно содѣйствовали къ усиленію старообрядческой общины. Съ ними за-одно дѣйствовалъ третій московскій купецъ Петръ Юрьевъ, хотя онъ былъ толка поповщинскаго, а тѣ — безпоповщины. При частыхъ своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ умѣлъ Ковылинъ и здѣсь привлечь къ себѣ зажиточныхъ посредниковъ и купцовъ, чтобъ умножить общія силы для пользы раскола. Записные раскольники изъ купечества умножились въ весьма многихъ городахъ, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ расколъ преимущественно утвердился⁷⁾. Такъ образовалась и постепенно усилилась раскольническая община.

¹⁾ Ук. 1762 г. Окт. 11 и Дек. 14, 1763 Янв. 20.

²⁾ Маниф. 1763 Дек. 15.

³⁾ Ук. 1782 г. Нояб. 8.

⁴⁾ Ук. 1769 г. Февр. 17.

⁵⁾ Ук. 1755 Окт. 11.

⁶⁾ Разумѣется тѣхъ въ гражданскомъ начальствѣ и духовенствѣ, для которыхъ частныя, личныя выгоды были дороже общественнаго благосостоянія и порядка.

⁷⁾ П. С. З. т. VIII, № 6149.

Образованіе и усиленіе старообрядческой общины во время существованія раскола въ высшей степени способствовало распространенію его. Во первыхъ въ высшей степени способствовало распространенію раскола это общее, дружное, совокупное сосредоточеніе въ общинѣ всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для поддержанія и распространенія раскола. Не смотря на все различіе сектъ, раскольники, какъ мы выше замѣтили, всегда единодушно и общими силами старались какъ можно болѣе распространять и поддерживать расколъ. Болѣе сильная и многочисленная секта въ раскольнической общинѣ дѣлилась своими средствами и способами для поддержанія и распространенія слабѣйшей, малочисленной секты. Нуждалась ли какая либо секта въ вождѣ, учителѣ и проповѣдникѣ раскола или въ церковныхъ книгахъ, инокахъ, сосудахъ, или въ другомъ чемъ либо къ ней съ радостію присылали ихъ прочіе толки. Такъ въ Выговской пустыни, школа искусныхъ писцовъ распространяла раскольническія книги для пользованія всѣхъ сектъ и для распространенія раскола; школа писцовъ снабжала ими раскольническія часовни и молитвенные дома; школа живописцевъ приготовляла иконы стариннаго изображенія и снабжала проповѣдниковъ раскола, какого бы они толка ни были, разными раскольническими книгами, картинами для удобнѣйшаго прельщенія простаго народа. Такими же средствами для распространенія и усиленія раскола снабжали раскольниковъ разныхъ сектъ московскій купецъ Ковылинъ. Выгорѣцкій монастырь далъ уставъ московскому преображенскому кладбищу, не смотря на всю непріязненность взаимныхъ отношеній между выгорѣцкими раскольниками и едосѣвцами. Представитель выгорѣцкихъ, поморскихъ скитовъ, Андрей Денисовъ, во время частыхъ, почти постоянныхъ странствованій своихъ по Россіи, былъ едва ли не во всѣхъ мѣстахъ жителства раскольниковъ и въ монастыряхъ поповщинскихъ и безпоповщинскихъ, и вездѣ имѣлъ авторитетъ, поддерживалъ расколъ, давалъ способы для поддержанія и распространенія его. Будучи представителемъ безпоповщины, онъ составилъ для керженскихъ раскольниковъ — послѣдователей бѣглопоповщины отвѣты для состязанія съ епископомъ нижегородскимъ Питиримомъ. Для большаго распространенія раскола, раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ расколу, какъ напр. старыя книги, лубочныя картины и т. п. и тутъ продавали. Угрожала ли какому нибудь сектанту старообрядческой общины опасность, раскольники другъ друга укрывали, утаивали. Богатые, или зажиточные изъ нихъ содержали у себя въ домахъ постоянные дворы для раскольническихъ странниковъ. Таковы, напр. были въ олонекѣ поморѣ Нѣтъ Іерофей и жена его Евдокія: «домъ ихъ, по словамъ Денисова, былъ открытъ всѣмъ пришельцамъ близкимъ и дальнимъ, сосѣдямъ и незнаемымъ, убогимъ и странникамъ» ¹⁾. Таковъ же былъ, при жизни Андрея Денисова, въ Москвѣ купецъ Ковуровъ; къ нему иногда издалека приходили раскольническіе странники—старцы, иногда въ одинъ разъ человекъ по 20 и болѣе.

¹⁾ Виногр. Росс. л. 282.

и онъ принималъ послѣдователей всѣхъ сектъ ¹⁾. Подобное взаимное вспомо­ществованіе раскольниковъ, очевидно, не могло не способствовать уси­ленію и умноженію раскола. Еще болѣе содѣйствовало укрѣпленію и умноженію его взаимное вспомо­ществованіе старообрядцевъ способами матеріальными—деньгами, пмуществомъ. Какъ ни различны были между собою раскольническіе толки и секты, не смотря на то, послѣдователи ихъ весьма охотно, дружно помогали другъ другу деньгами, милостынею, и т. п. Когда въ 1735 году полковникъ Сытинъ разсѣялъ Вѣтковское гнѣздо раскольниковъ, — раскольники восточной Россіи общео помощью чрезъ годъ или два помогли снова распространить расколъ на Вѣткѣ. «Россійскіе суевѣры», говоритъ протоіерей Іоанновъ, — «слѣпо привязанные въ Вѣтковцамъ своею любовію, изъ всѣхъ мѣстъ бѣглецамъ симъ, яко го­ненія претерпѣвшимъ, великое подаваніе и милостыню присылали, чѣмъ больше новыхъ своевольныхъ къ населенію Вѣтки приучили... Вседневныя присылки денегъ изъ всѣхъ мѣстъ на милостыню богомоламъ симъ умно­жили ихъ доходы, а своевольство и безопасность рождали въ нихъ прихоти и пороки» ²⁾. Такимъ образомъ, вслѣдствіе радушнаго содѣйствія Велико­русскихъ старообрядцевъ, Вѣтка, совсѣмъ было опустѣвшая, снова сдѣ­лалась и убѣжищемъ и рассадникомъ раскола: въ ней скоро набралось раскольниковъ до 20,000, и въ томъ числѣ однихъ монаховъ до 1,200, кромѣ непостриженныхъ бѣльцовъ и послушниковъ. Когда Вѣтковцы задумали имѣть своего архіерея, чтобы еще болѣе упрочить, усилить, увеличить ра­скольническую общину, московскіе купцы—старовѣры и въ этомъ случаѣ опять съ радостію помогали ихъ такому предпріятію. Весьма многихъ изъ православныхъ увлекала въ расколъ зажиточность членовъ раскольниче­скаго общества. Богачи раскольники, захватившіе въ свои руки, особенно со второй половины XVIII столѣтія, многія отрасли торговли и промыш­ленности и завладѣвшіе торговлею и предметами мѣстной промышленной производительности, чрезъ то держали въ своихъ рукахъ значительную часть мѣстнаго народонаселенія. Бѣдные крестьяне, поставленные въ такую неизбежную зависимость отъ торговыхъ раскольниковъ, иногда по неволѣ принимали расколъ, чтобы не лишиться средствъ безбѣднаго существова­нія; они или нанимались къ богатымъ раскольникамъ въ работники, или продавали имъ свои произведенія, и чтобы въ томъ и другомъ случаѣ пользоваться выгодами, одинаковыми съ раскольниками, всегда предпочи­таемыми у нихъ православнымъ, соглашались на расколъ. Такъ московскія и около-московскія фабрики сдѣлались училищами и рассадниками раскола. Такъ уральскіе желѣзные заводы, гдѣ, какъ мы видѣли, сами промышлен­ники и особенно ихъ приказчики почти всѣ были раскольники, распростра­няли расколъ между приходившими сюда со всѣхъ сторонъ рабочими ³⁾.

¹⁾ Рукоп. о началѣ раздора Федосеев. съ Выгорѣцк. общежит. и о причинѣ того, чего ради оный бысть л. 70 об. 11.

²⁾ Полн. истор. изв. о расколѣ, ч. III.

³⁾ II. С. З. т. X, № 7663. Слыша, что богатые промышленные раскольники на за­водахъ уральскихъ, пермскихъ и другихъ дорого платятъ рабочимъ изъ раскольниковъ, многіе изъ православныхъ приходили туда даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ

Въ нижегородской губерніи, горбатовскія прядильни, прирѣчное судостроеніе по Волгѣ и Окѣ и другіе промыслы также представляли много удобствъ для распространенія раскола. А сильное зараженіе расколомъ народа въ каждомъ нижегородскомъ уѣздѣ, отличающемся многочисленностію раскольниковъ, объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что предметы тамошней производительности, съ усиленіемъ раскола, начали скупаться для оптовой торговли раскольниками. Наконецъ общинное сосредоточеніе, братство, общинная связь раскола тѣмъ еще способствовали его развитію, что если когда-либо случались какія нибудь невзгоды, неудачи въ дѣлахъ раскола, раскольники общими силами устраняли ихъ. На это у нихъ всегда было вѣрное средство: подкупъ, протекція, запасная сумма, а въ послѣднее время особый оброкъ, назначаемый для полиціи. Такимъ образомъ расколъ неоднократно устранялъ благотворныя дѣйствія миссіонеровъ и правительства, и продолжать распространяться.

Здѣсь нужно правду сказать, что при большей свободѣ и обезпеченности труда, при большемъ развитіи общиннаго кредита у раскольниковъ и по другимъ причинамъ, почти вездѣ въ Россіи лучшее и даже богатое гражданское состояніе болѣе замѣчается въ старообрядческихъ обществѣхъ, чѣмъ въ православныхъ селеніяхъ. Это преимущественное сосредоточеніе у нихъ богатства и матеріальнаго благосостоянія сильно склоняло и донинѣ склоняетъ православный народъ къ вступленію въ ихъ общину. Куда мы не взглянемъ, почти вездѣ раскольники съ половинѣ XVIII вѣка занимаютъ лучшія мѣста. Такъ, замкнувшись еще въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII въ олонеккой губерніи, въ Выгорѣцкомъ скиту, они мало-по-малу распространили отсюда свои владѣнія далеко во всѣ стороны, и донинѣ пользуются всякими хорошими угодьями; по ихъ землѣ протекаютъ рѣки, судоходный Выгъ и сплавная Лекса, съ разными ручьями: эти рѣки и нѣсколько озеръ снабжаютъ ихъ достаточною рыбою. Около дапиловскаго общежительства издавна находятся три прекрасно-обработанные поля, поспѣвающимъ каждое, по показанію жителей, отъ 60 до 80 четв. Тутъ же видны и обширные луга. Около Лексинскаго также большое хозяйство, хотя поля больше песчаны, и у каждого другого, менѣе значительнаго жительство, называемаго скитомъ, какихъ устроено около 10 въ разныхъ мѣстахъ, обрабатываются также обширныя поля, которые въ урожайные годы приносятъ много хлѣба не только для самихъ старообрядцевъ, но и для продажи. Впрочемъ и въ неурожай они легче другихъ олонеккихъ жителей достаютъ хлѣбъ, имѣя капиталъ, свою пристань при заливѣ онежскаго озера, свои суда и хорошія дороги. Скотоводство, по показанію, простирается у нихъ въ рогатомъ скотѣ до 300 головъ и въ лошадахъ до 100. Небольшіе заводы, кирпичный, кожевенный, лесопильный и мучная мельница обезпечиваютъ всѣ хозяйственныя нужды общежителей ¹⁾. Во владимірской губерніи старообрядцы также еще съ

внутреннихъ губерній Россіи и занимались въ рабочіе, здѣсь заражались расколомъ П. С. З. т. VIII, № 4699.

¹⁾ Опытъ опис. олонек. губерніи — Бергштрессера. С.П.Б. 1838 г. стр. 49.

вой половины XVIII вѣка, живя въ промышленныхъ мѣстахъ, стали атѣть и богатствомъ своимъ завлекали другихъ въ расколъ. Напримѣръ, о старообрядцахъ города Шуи вышеупомянутый составитель истор. рання о градѣ Суздаль говоритъ: «городъ Шуя не весьма великъ, только гелми доволенъ, купечество торгомъ славно, а наипаче заводами мыльни, которыхъ заводовъ есть довольно. Обыватели нѣкоторые въ вѣрѣ весьма тверды, но многіе изъ нихъ держатся раскольниковскихъ обывѣ, двуперстнаго сложенія, старопечатныхъ неисправныхъ книгъ и чихъ суевѣрныхъ мнѣній. Того ради нѣсколько и въ двойномъ числятся адѣ и погребаются близъ города въ роцѣ безъ церковнаго пѣнія» ¹⁾. нижегородской губерніи до 20-тыхъ годовъ XVIII в., раскольники загал (лучшія для промышленности и торговли мѣста, въ числѣ 86,000 г. Потомъ, хотя и уменьшилось это число до 5,000 душъ, въ слѣдствіе требленныхъ противъ нихъ мѣръ правительства и особенно епископа хегородскаго Пителима, но со второй половины XVIII в. они опять яли лучшія торговыя и промышленныя мѣста нижегородской губерніи. явѣ, по обѣимъ сторонамъ, берега Волги, на пространствѣ 265 верстъ, ерега Оки, на пространствѣ 170 верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ, — кольники завладѣли судоходствомъ по этимъ рѣкамъ, мѣстною торговь и издѣльною промышленностію, каковы: судостроеніе, дѣланье поды, пряденіе льна и т. п., и важнѣйшими пунктами нижегородской торговли и промышленности, каковы: Городецъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ, внѣшняя пристань верховаго нижегородскаго судоходства по Волгѣ, суда вверхъ по Волгѣ отправляются хлѣбъ и другіе запасы, а внизъ ныя лѣсныя издѣлія, куда раскольники саратовскіе зимою привозятъ омыный запасъ соленой рыбы для мѣстнаго потребленія и дальнѣйшаго воза по разнымъ верхне-волжскимъ губерніямъ, гдѣ, однимъ словомъ, значительно развита торговая и промышленная дѣятельность; Горбаль, торговый уѣздный городъ съ прядильными заводами: знаменитыя торговыя и промышленныя села Павлово, Лысково и другія. Кромѣ того, кольники заняли всѣ главнѣйшія торговыя дороги, идущія по нижегородской губерніи въ окружныя губерніи: по торговымъ дорогамъ ихъ нѣ живетъ болѣе 64,000 душъ. — Жители великорусскихъ старообрядчихъ слободъ мглинскаго, повозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ униговской губерніи, извѣстные подъ именемъ *слобожанъ*, поселившіеся въ еще въ концѣ XVII вѣка, также знамениты своею промышленностію торговлею. Они завели у себя въ посадѣ Клищахъ до 22 суконныхъ, рстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. и же ведутъ торгъ пенькою и разнымъ прасольскимъ товаромъ, который отпускаютъ даже за границу, и который собираютъ по всей Украинѣ новороссійскому краю. Способъ ихъ торговли изстари быть преимущественно прасольскій. У одного хозяина обыкновенно ходятъ по Россіи товаромъ до 100 и болѣе коробейниковъ или коробочниковъ. Слободіе прасола ходятъ далѣе всѣхъ, въ земли войска азовскаго и черномор-

¹⁾ Времен. кн. 22 стр. 111.

скаго, до самой кавказской-линии, откуда, между прочимъ, привозятъ тину и заячьи и русачьи шкуры. Слободскіе старообрядцы принимали дѣятельное участіе въ украинскихъ ярмаркахъ, каковы: кролевещая черниговской губерніи, крещенская въ харьковской, маслянская и вассенская въ Ромнахъ, полтавской губерніи и другія ¹⁾. Такъ почти во всѣхъ мѣстахъ Россіи раскольники издавна, особенно съ половины XVIII вѣка дѣятельно занимались торговлею и промышленностію и, сравнительно были большею частію зажиточнѣе и богаче православныхъ. Это-то все многихъ старообрядцевъ и удерживаетъ въ расколѣ и православныхъ буждаетъ обращаться въ расколъ. Раскольники сами говорятъ: «Держась старой вѣры живутъ гораздо богатѣе держащихся вѣры новыя» это показываетъ, что Богъ благословляетъ не новую, а старую вѣру.

Весьма много способствовало также распространенію раскола предѣлительство сильныхъ по своему вліянію на простой народъ вождей («заводчиковъ» раскольнической общины ²⁾). Не имѣя высшаго церковнаго соединительнаго начала, законной іерархической власти, раскольническая община, въ замѣнъ того, весьма сильно возрастала, усиливалась и увеличивалась подъ вліяніемъ этихъ вождей раскольнической оппозиціи. много можно насчитать въ XVII и XVIII вѣкѣ сильныхъ, замѣчательныхъ заводчиковъ раскола, но за то нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайнаго сдѣлали для усиленія и распространенія раскола. Уже при концѣ нѣкоторые изъ придворныхъ бояръ и боярынь, сдѣлавшись жаркими учениками и послѣдователями раскольниковъ, стали во главѣ раскола своимъ вліяніемъ при Дворѣ оказывая значительную помощь его большою силою содѣйствовали его распространенію. Таковъ напр. вышеупомянутый нами бояринъ Салтыковъ, одинъ изъ ближайшихъ вѣтниковъ, или, какъ называетъ его раскольническій исторіографъ, соловей, «сигклитикъ царя Алексѣя Михайловича». Онъ столько былъ съ царемъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищать дворянскій крестъ. Во дворѣ своемъ онъ держалъ самыхъ жаркихъ защитниковъ и распространителей раскола, каковы: вышеупомянутый нами двоюродный и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ Аввакума и другіе. Этотъ бояринъ и нѣкоторые другіе («вѣрные») Аввакуму придворные имели столько силы имѣли при дворѣ, что сумѣли представить въ несколько времени дѣло Аввакума правымъ, возвратили его изъ ссылки, даже снискали къ нему благорасположеніе и ласковость кроткаго. А это и помогло въ началѣ распространенію раскола. Подъ покровительствомъ боярина Салтыкова и другихъ «вѣрныхъ своихъ» Дворѣ, протопопъ Аввакумъ и другіе расколоучители довольно долго ходили въ Москвѣ и, какъ мы видѣли, весьма дѣятельно распространили

¹⁾ Украинскія ярмарки — статья П. Аксакова въ «Русской Бесѣдѣ» за 1874 г. ч. I, стр. 147.

²⁾ Истинно-древняя и истинно-православная церковь ч. II стр. 277.

³⁾ П. С. З. II, стр. 943. Подъ предводителями раскола мы разумѣемъ одни лица, управлявшія раскольническими общинами.

⁴⁾ Виногр. Русс. л. 105 об.

олю и успѣли распространить его. Они тѣмъ смѣлѣе и смѣшнѣе процѣдывали расколъ, что въ то же время имъ покровительствовали нѣкоторые, также сильныя при дворѣ, боярыни. Таковы были ревностныя ученики Аввакума, Авраамія, Лазаря и Никиты-Пустосвята боярыни: Ѳеодор Морозова, вдова извѣстнаго боярина Глѣба Морозова, урожденная Социна, сестра ея Екатерина, княгиня Евдокія Урусова, Марія Данилова, ее родная тетка царицы Наталіи Кирилловны, Евдокія, жена думнаго янина Ѳедора Полусвѣтловича Нарышкина. О первой Денисовъ пишетъ: «что она была великая въ ревности благочестія, великая въ снѣжнѣ, яже богатствомъ премногимъ тако кипящая, яко крестьянъ до 8,000, а до 400 слугъ имущи; славою толь премногою сіяючи, яко кравчая цѣля державы быше и повседневно въ царскихъ дворѣхъ бываючи, но водворяшеся въ домѣ монаршестѣмъ»¹⁾. Понятно, что такая знатносуевѣрная ревнительница раскола употребляла въ пользу его и свое богатство. «Сія вдова,—пишетъ преосв. Игнатій, м. тобольскій, тако возгнѣ, яко никого же почиташе, ниже самого того святѣйшаго патріарха: яже тогда святѣйшій патріархъ Киръ Іоакимъ»²⁾. Отсюда видно, что Марія Морозова была ревностною покровительницею раскола не только при п. Никонѣ, но и при п. Іоакимѣ, а можетъ быть даже и до самаго стрѣльцкаго бунта, когда явился новый предводитель раскола—князь Хованскій. Покровительствуя и содѣйствуя такимъ образомъ расколу, перемѣнили предводители раскола, придворные бояре и боярыни, успѣли лгать въ пользу его, въ 1-хъ то, что, при содѣйствіи другихъ придворныхъ князей и бояръ—нераскольниковъ, но тоже враговъ Никона³⁾, свергли и дали послѣдняго, и такимъ образомъ устранили самаго сильнаго покровителя православія, который почти только и могъ въ то время пресѣчь расколъ; во 2-хъ то, что возвратили въ Москву расколоучителей, развѣяли расколъ Никономъ, для новаго распространенія раскола, и такимъ образомъ новою силою возстановили, возобновили совѣтъ было уже пресѣченный Никономъ расколъ. Въ теченіе 8 или 9 лѣтъ, до собора 1667 года, дѣйствіе такого содѣйствія придворныхъ бояръ и боярынь, расколъ быстро шло въ сильную многочисленную общину.

Прошло 15 лѣтъ послѣ собора 1667 года, расколъ нашеть для себя новую опору, новаго вождя въ лицѣ предводителя стрѣльцкаго бунта князя Хованскаго. Стрѣльцы, представители стараго полугражданскаго быта старой Руси, предводительствуемые княземъ Хованскимъ, представители стараго противогосударственнаго начала боярщины⁴⁾, во имя старинной церковной, подъ знаменемъ раскола, подняли бунтъ. И раскольники, ранее ратовавшіе за старину церковную и вмѣстѣ гражданскую, съ фанатическимъ буйствомъ стали въ ряды мятежныхъ стрѣльцевъ, подъ знаменемъ

¹⁾ Денисовъ. Виногр. Росс. съ 108—113.

²⁾ III посл. въ Правосл. Собесѣд. стр. 136.

³⁾ О которыхъ мы еще будемъ имѣть случай сказать подробнѣе.

⁴⁾ См. соч. Павлова: историч. знач. царств. Бориса Годунова и соч. Медовицкаго: о значеніи царствован. Алексѣя Михайловича.

немъ Никиты Пустосвята, въ надеждѣ водворить въ Россіи мнимое с обрядство. Князь Хованскій явился главнымъ вождемъ, предводителемъ заводчикомъ раскольниковческаго движенія. Онъ тѣмъ смѣлѣе поддержи расколъ, тѣмъ сильнѣе утверждалъ, усиливалъ его, что подстрекаемъ къ тому честолюбивыми замыслами царевны Софін, которая сама, какъ ложительно можно сказать, покровительствовала расколу изъ е честолюбивыхъ видовъ ¹⁾. О помощи расколу князя Хованскаго Мап пишетъ: «содержалъ онъ князь Хованскій тайно у себя капитонскаго тическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума, бывшаго прот казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ город Москвѣ» ²⁾. Другой современникъ, Медвѣдевъ, пишетъ: «пом въ то время тѣмъ раскольникамъ, бывшій въ Стрѣлецкомъ Пр бояринъ, князь Иванъ Хованскій. Отступники надѣялись на князя Ивана, яко на крѣпкаго имъ въ томъ помощника» ³⁾. Безъ в сомнѣнія эта помощь расколу князя Хованскаго не осталась безъ ствія. По его наущенію, въ пылу мятежнаго духа, расколуучители стали съ новою энергією и фанатизмомъ возмущать народъ против вительства и Церкви. Онъ оживилъ, съ новою силою возбудилъ и дилъ въ расколѣ духъ злобы противъ православной церкви и пра наго правительства; а этотъ духъ неукротимой злобы далъ новую крѣпость расколу, и всегда былъ самымъ сильнымъ побужденіе: него—во что бы то ни стало твердо стоять на своемъ, стремиться в все болѣе и болѣе распространять свою силу и господство. Вну: усиленіе раскола, усиленіе его основного начала, злобы против славной церкви и православнаго правительства, естественно способ ло и внѣшнему усиленію и распространенію раскола.

Прошло еще 10 или немного болѣе лѣтъ послѣ стрѣлецкаго въ сѣверномъ поморѣ, въ выгорѣцкомъ скиту явились двое еще сильныхъ предводителей раскола. Это—два брата Андрей и Семен: совы, происходившіе, какъ мы выше уже сказали, изъ рода князей родскихъ, Мышенскихъ. Эти предводители раскола болѣе 40 лѣтъ г лись для пользы и распространенія раскола. И никто столько не с для него въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в., никто столько дѣйствовать его усиленію и распространенію, какъ эти два зназ вожди раскола. Оба они одарены были отъ природы богатыми с стями, проницательнымъ умомъ и хорошимъ даромъ слова, и п прилежною начитанностію книгъ довольно обширныя свѣдѣнія і ностякъ Россійской церкви. Во время странствованій своихъ по они разными хитростями успѣли даже приобрести нѣкоторыя науч: знанія: Андрей, подъ видомъ кушца, «грамматическому и риторі: разуму училися» частію въ кievскихъ школахъ, частію въ Москвѣ; также «грамматику, риторіку, нитику и часть философіи доволѣ

¹⁾ Рус. Вѣстн., 1856 г. № 7, о царевнѣ Софін.

²⁾ Записки Медвѣдева.

³⁾ Ibid.

. Кромѣ того, при своихъ дарованіяхъ, отъ частыхъ сношеній съ имъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, они приобрѣли много житейской юсти, хитрости, изворотливости. И все это — и способности, и все бы, какіе находили, Денисовы употребляли въ пользу раскола, для ржанія и распространенія своего общества. Они содѣйствовали раненію раскола и своимъ словомъ и дѣломъ, и разными хитрыми ками, и для большаго успѣха прибрали себѣ многочисленныхъ дѣяыхъ и ловкихъ помощниковъ ¹⁾. Андрей Денисовъ странствовалъ съ вѣдью о расколѣ не по одному поморскому краю, но и по всей Рос-сточной и западной: въ однихъ мѣстахъ онъ вновь насаждалъ рас-въ другихъ поддерживалъ, укрѣплялъ его, всюду собиралъ подаянія лзу Выгорѣцкихъ скитовъ, закупалъ старыя книги, досматривалъ я иконы, кресты, мощи и ихъ перстосложенія въ доказательство ла. И такимъ образомъ безчисленное множество душъ увлечалъ въ секту, и самъ обогащался, и расколу, особенно безпоповщинскому, влялъ прочныя силы и средства для дальнѣйшаго существованія и остраненія. Странствуя по Россіи, Андрей Денисовъ вездѣ знакомился гатыми купцами, раскольниками, поощрялъ ихъ способствовать об-юльзѣ раскола, обуздывалъ, пресѣкалъ по возможности самый раз-и несогласія между различными сектами, чтобы разрозненность и а не довели ихъ до отпаденія отъ раскола, давалъ совѣты своимъ смъ, особенно когда дѣло касалось общихъ выгодъ раскола. «Нѣкогда Андрею Діонисовичу пріѣхавшу въ царствующій градъ Москву, ради хъ орудій, — пишетъ сочинитель раскольниковческаго сказанія о началѣ ра Феофановъ съ Выгорѣцкимъ общежитиемъ, а вставшу въ юмъ селѣ, бывше съ нимъ и согласуя и весьма говѣя къ нему ку-прозваніемъ Ковуровъ, къ нему же изъ Старой Руси пріѣха Евстратъ ѣвъ съ двадесятію стариками и со онымъ Ковуровымъ не нача об-зя, за то, что онъ единственъ бѣ со отцемъ Андреемъ. Отецъ же ве-ушный вопрошае оного, что обществуетъ ли съ нимъ Евстратъ,

) Въ одномъ мѣстѣ исторіи Выговской обители перечислены слѣдующіе пособ-пастоятели Данила Викулина, Андрея и Семена Денисовыхъ: «предреченнымъ ителемъ пособствоваху въ общежитіи благочестіи мужи: Исакій, Ефи-ахарій Стефановъ, Леонцій Феофановъ, Трифонъ Петровъ, Гавріилъ и Никифоръ овы, Лука Федоровъ, Іаковъ Повѣнецкій, Иванъ Германовъ, Маркъ Феофиловъ, ль Павловъ; да иноцы: Пафнуцій Колеской, Прокопій Нижегородскій, Серапіонъ ѣ, Феофанъ Устюжскій: Антоній, Симеонъ и Гавріилъ; сии три старцы отъ са-первыхъ лѣтъ пришедши, двое съ Тылвуйскаго села, а третій съ Фоймогубы, идъ и Іосифъ поморскія пустынно-жители... И въ скитахъ же духовному сему знію сильнѣи бяху помощники иноцы: Сергій помянутый, и Серапіонъ Мос-ѣ, Варлаамъ и Павелъ Торжевскій и Питиримъ помянутый; и бѣлыи Петръ ѣвъ, Іосифъ и Иванъ Давыдовы Тихвинцы, Леонидъ Чертопорожской инокъ, нинъ Евстафій Яковлевъ, и Ладженнинъ, Москѣй Ивановъ Толвуйскій, Даниилъ въ, Семенъ Ефремовъ, Олончанинъ Захарій Моводѣвъ съ сыномъ итомъ, Анкидиновъ, Симонъ Іовлевъ, Иванъ Бѣлоустовъ, Гавріилъ Ефремовъ съ бра-Михаилъ Шелеховъ, Иванъ Дмитріевъ Сумлянинъ въ Ладожскомъ скитѣ, Феофанъ».

онъ же объяви Евстратово, прїѣхавши съ нимъ на общество. Андрей рече ему: еще онъ не общается и ты съ нимъ не общайся, еще ли въ неразынствуетъ, и ты неразынствуй. Сицевый бѣше,—заключаетъ сочельникъ сказанія,—въ богомудромъ отцѣ каѳолич. церкви учителѣ каѳоскій духъ, таковое великодушное творяше къ раздорствующимъ снисхожденіе» ¹⁾. Никто, кажется, такъ ловко не умѣлъ оболыцать простаковъ, обращать въ расколъ, никто такъ не управлялъ толпами простаковъ. Андрей Денисовъ съ своимъ братомъ Сименомъ. Изобрѣтательности на способы обезпеченія, укрѣпленія и распространенія раскола — и тельна. Андрей Денисовъ, кажется, внимательно слѣдилъ за всѣмъ государствѣ и умѣлъ вкрадываться, можно сказать, въ самыя темныя мысли и побужденія людей, стоящихъ во главѣ государства. Почти можно положительно сказать, что онъ угадалъ честолюбивыя стремленія царя Софіи, и умѣлъ сблизиться съ нею, чтобы, при помощи раскольниковъ общины, служить ей видамъ и чрезъ то еще болѣе усилить, умножить расколъ. Протоіерей Іоанновъ, хорошо знавшій тайны раскольниковъ, говоритъ, что Андрей Денисовъ имѣлъ даже переписку съ царевною Софіею, и что письма ея сохранились въ цѣлости у Выгорѣцкихъ раскольниковъ, и раскольники хвалятся ими ²⁾. Весьма вѣроятно поэтому, Денисовъ чрезъ эту переписку уполномоченъ былъ царевною поддѣлывать и распространять расколъ, въ видахъ ея политическихъ замысловъ. Не даромъ онъ такъ свободно странствовалъ по Россіи. Въ 1703 годъ бытность Петра Великаго въ Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, Денисовы успѣли хитрыми просками своими выхлопотать себѣ у Государя у свободно отправлять свое богослуженіе въ выговской пустыни. Слѣдствіемъ этой льготы было то, что по рѣкѣ Выгѣ и другимъ рѣкамъ и озерамъ въ короткое время появилось нѣсколько новыхъ частныхъ скитовъ. Въ томъ же 1703 г. выговскіе раскольники причислены были къ работамъ на новозаводившихся тогда повѣнецкихъ желѣзныхъ заводахъ подѣдомствомъ олонецкихъ петровскихъ. Денисовы употребили всѣ мѣры, чтобы если не свергнуть совершенно, то по крайней мѣрѣ облегчить положеніе на поморцевъ, и имъ удалось это, какъ нельзя лучше. Въ переписи чиновники разными продѣлками почтенныхъ скитниковъ дошли до того, что «капитанъ Герасимовъ отъ страха не смѣяше ни съ монастыря въ скиты ѣздити». И скиты остались безъ переписи, монастырѣ записаны были тѣ, которыхъ хотѣли записать Денисовы. (Слѣдствіемъ этой продѣлки было то, что бродяги еще охотнѣе стали стекаться къ Денисовымъ и записываться въ число раскольниковъ, гдѣ имъ было жить. Прошло три года, и этихъ бродягъ столько набралось въ выговскіе скиты, что для поселенія ихъ нужна стала земля. Денисовы опять успѣли было обмануть Правительство: на ихъ имя утверждена была покупка земли въ каргопольскомъ уѣздѣ на 16 верстъ во всѣ

¹⁾ О началѣ раздора Ѳеодосѣевъ съ Выгор. общежит. по причинѣ того, чего оной быть, ркн. л. 70, об. 71.

²⁾ Полн. истор. изв. о раскольникахъ.

роны, и уже готовился лѣсъ для постройки скитовъ на новой землѣ. По этому случаю, кажется, въ первый разъ постигла было неудача хитрыхъ предводителей безпоповщинскаго раскола. Но не на долго: черезъ 4 года Денисовы обработали и это дѣло. Нѣмецъ Геймангъ, завѣдывавшій заводами, отправилъ нарочнаго къ Петру I съ великолѣпною похвалою бродягамъ, и Государь приказалъ прекратить дѣло. Въ 1722 г. Святѣйшій Синодъ послалъ въ олонецкіе петрозаводскіе заводы для увѣщанія раскольниковъ іеромонаха Неофита, съ инструкціею въ 17 пунктахъ. Хитрые Денисовы, хорошо знавшіе, что разговоры керженскихъ раскольниковъ съ епископомъ нижегородскимъ Питиримомъ сильно потрясли расколъ, и что другихъ слѣдствій нельзя ожидать, если кто нибудь изъ поморцевъ допущенъ будетъ до бесѣды съ Неофитомъ, не допустили своихъ подчиненныхъ къ собесѣдованію съ посланнымъ къ нимъ миссіонеромъ, а вмѣсто того написали отъ себя, съ общаго совѣта своихъ братій, отвѣты на 100 вопросовъ Неофита ¹⁾. И эти отвѣты, пущенные съ того времени въ народъ, послужили, какъ мы увидимъ, еще новымъ орудіемъ къ уловленію простаковъ въ сѣти раскола и у самихъ раскольниковъ сдѣлался какъ бы классическою книгою, такъ же какъ и многія другія сочиненныя ими и ихъ учениками расколучительныя тетрадки, разсылавшіяся къ единомышленникамъ по всей Россіи. Кромѣ того, какъ мы и выше имѣли уже случай замѣтить, они заботились объ умноженіи и улучшеніи способовъ для распространенія раскола по всей Россіи и снабжали ими всѣ раскольническіе толки: образовали въ Выговскомъ монастырѣ школу искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольническихъ книгъ, школу пѣвцовъ для снабженія ими раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, школу иконописцевъ для приготовления иконъ въ раскольническомъ духѣ. Во время странствованія по Россіи, посредствомъ покупки и обмѣна и чрезъ подарки они собирали въ свои скиты въ короткое время множество старыхъ рукописныхъ книгъ, лѣтописей, иконъ, крестовъ на престольныхъ, Евангелій старинныхъ съ надписями лѣтъ, богатою утвари, какимъ, по замѣчанію протоіерея Іоаннова, не можно индѣ быть, какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ, изъ коихъ нѣкоторыя были сдѣланы царями, нѣкоторыя иждивеніемъ знатныхъ, благочестивыхъ бояръ ²⁾. Наружнымъ видомъ и блескомъ такихъ вещей и ложными притомъ разказами, будто бы оныя вещи нынѣ въ Великороссійской церкви не почитаются и вовсе отвержены, всякаго новоприходящаго невѣжду легко прельщали, и въ свою пагубу приводили. «Поелику же скитъ ихъ, скажемъ словами митрополита Евгенія, имѣлъ по своему устроиванію искусныхъ живописцевъ, книгописцевъ, писцовъ, пѣвцовъ, знатокъ древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительныхъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, старинныхъ иконъ, церковныхъ утварей, и прочихъ древностей, похищенныхъ и выкупленныхъ изъ разныхъ мѣстъ, то гнѣздо сіе было, такъ сказать, главнымъ разсадникомъ

¹⁾ И. Р. Ц. пер. V, стр. 140, 141.

²⁾ Полн. Истор. изв. о расколѣ.

раскола»¹⁾. Такъ способствовали обезпеченію, усиленію и умноженію раскола поморскіе предводители Денисовы, и особенно Андрей Денисовъ. И столько сдѣлали они въ пользу раскола! Не даромъ раскольники безгранично ублажаютъ и восхваляютъ память ихъ, особенно Андрея Денисова²⁾.

Таковы были извѣстные намъ вожди, предводители или заводчики раскольнической общины въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII. Сознаемъ, что мы весьма недостаточно, далеко неполнѣ изобразили предѣлки и уловки этихъ управителей раскола. Но и изъ нашего краткаго очерка можно отчасти видѣть, какъ неизбѣжно община раскольническая должна была возрастать и усиливаться въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII, когда ею всегда управляли люди ловкіе, искусные, сильные, всю свою жизнь, все свои средства и умственные и матеріальныя посвящающіе на пользу раскола. Не даромъ раскольники, нехотѣвшіе подчиниться никакой законной власти, охотно предавались на волю этихъ предводителей раскола. Они составляли душу раскольнической партіи. Ихъ управление и неусыпная, энергическая заботливость объ успѣхахъ раскола были весьма полезны для раскольнической общины. Хитрые, ловкіе, необыкновенно изворотливые, проницательные, весьма опытные въ житейскихъ дѣлахъ, они часто, подобно іезуитамъ, взыскивали всевозможные способы къ расширенію своей власти и къ увеличенію своей общины, и умѣли находить ихъ: не щадили для сего своего богатства, заводили связи съ другими богатыми раскольниками, связи съ людьми чиновными; всячески

1) Митр. Евгенія словарь свѣтек. писат. объ Андрей Денисовъ.

2) Они сравниваютъ его съ Іоанномъ Златоустомъ и т. п. Приведемъ здѣсь слѣдующее раскольническое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Стихи воспоминательныя о кинновіарѣ выгорѣцкаго общежителства Андрей Денисевичъ“.

Европа ты славнѣйшая,
Мужа сего нанесшая,
Въ Россійскомъ царствѣ хранящи,
Возрастивши его младца
Въ предѣлѣ Олонца града
Рождася въ селѣ посадекомъ,
Въ славномъ рядкѣ Повѣнецкомъ,
Иже домъ оставь юности,
Шедъ въ пустыню ревности,
Вселися въ ней младотѣтень,
Сей семнадцатилѣтень.
Тогда, тогда проявился.
Пустыни выговска открылся.
Во всю бо Русь пропозвуде
И концы ея обыде,
Еже и много народъ собралъ
Зря въ себѣ пастыря добра.
Отъ всѣхъ Богомъ предызбрана
И во всѣхъ имъ одаренна.
Сего отца пречестнаго.
Учителя всеблагаго,
Поморію пресладчайша.

Выгорѣцкимъ же дражайша
Горы и холмы въ ней чистиль.
Храмы молитвъ тамъ ставиль,
Кинновіи двѣ сооряди,
Аки красны вертограды.
Многія скорби, многи бѣды.
Сперва подъя многолѣтны:
Гладь, наготу съ нищетою,
Во всемъ и всего скудотомъ:
Сего ради во страны ходя.
Христороубцевъ сонмы водя.
Въ пустыни населяя,
Въ древней вѣрѣ насталяя,
Тѣмъ же вездѣ объявися
Учительствомъ уясненія
По всемъ краямъ пронесенія.
Во всякій слухъ внесенія,
И въ царскихъ устнѣхъ вѣщаема,
И въ синодскихъ обношаема,
Яко церковный рачитель.
Старовѣрцевъ всѣхъ учитель *)

*) Ркп. библ. Каз. Дух. Акад.

разузнавали дѣла гражданскія, происками, ласкательствомъ и т. п. средствами скискивали себѣ расположеніе лицъ, имѣющихъ власть. И такимъ образомъ, то подкунами и ласкательствомъ, то хитрыми уловками и обманомъ, то лицемѣріемъ и пронырствомъ, то другими какими либо происками распространяли и усиливали свою общину.

Не менѣе дѣйствительнымъ способомъ распространенія раскола были *раскольническія миссіи*, особенно усилившіяся въ концѣ XVII и въ теченіе VIII столѣтія, когда раскольники, съ основаніемъ скитовъ, пустыней и слободъ, получили осядлость. Первые расколоучители, которыхъ раскольники называютъ своими апостолами, святыми отцами и страдальцами, въ началѣ XVIII столѣтія почти всѣ уже перемерли, и только немногіе доживали еще остатокъ дней своихъ. По слѣдамъ ихъ теперь ходили по всей Россіи съ проповѣдью о расколѣ раскольническіе миссіонеры, наставники и учителя. Главными исходными пунктами раскольническихъ миссій были: выгорѣцкій монастырь, московскіе монастыри—Рогожскій и преображенскій, керженскіе скиты, иргизскіе монастыри, Вѣтка и стародубскія слободы. Всѣ эти раскольническія общежительства служили какъ бы пропагандой, откуда въ безчисленномъ множествѣ выходили расколоучители и странствовали по разнымъ городамъ, селамъ и деревнямъ съ проповѣдью о расколѣ. Въ выговскомъ скиту самъ Андрей Денисовъ, который въ свою очередь съ Семеномъ также странствовалъ по Россіи съ проповѣдью о расколѣ, образовалъ для распространенія раскола нарочитыхъ многочисленныхъ миссіонеровъ, раскрывъ имъ ученіе раскола во всей подробности, до самыхъ послѣднихъ основаній. И эти миссіонеры, особенно нѣкто Трифонъ Петровъ, Мануилъ Петровъ, и иконники Даниилъ и Никифоръ Самсоновы, по примѣру своихъ наставниковъ странствовали по разнымъ мѣстамъ съ проповѣдью о расколѣ, и насадили сѣмена своей секты во многихъ городахъ Россіи. Изъ выгорѣцкаго монастыря особенно много выходило раскольническихъ проповѣдниковъ въ XVIII столѣтіи. «Изъ того монастыря,—писалъ въ половинѣ XVIII столѣтія обратившійся къ православію выговскій историкъ Алексѣй Родіоновъ,—всегда выходили и донинѣ выходятъ лжепророки и лжеапостолы, преобразующеся въ апостоловъ Христовыхъ, учаще яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка». Первый изъ таковыхъ учителей былъ самъ строитель того монастыря Даниилъ Викулинъ, бывшій шумскаго погоста церковный дьячекъ; онъ «ходя по погостамъ и волостямъ, всѣ дома развратилъ ученіемъ бѣсовскимъ, весь олонекій уѣздъ уловилъ и поглотилъ и много богатства собралъ» ¹⁾. Въ сенатскомъ указѣ 1745 г., данномъ вмѣстѣ съ синодскимъ, читаемъ: «чрезъ принесенныя святѣйшему правительствующему синоду представленія оказывается, что раскольниковъ изъ выгорѣцкаго называемаго ими Данилова и изъ другихъ скитовъ будто бы для промысловъ и прокормленія въ разныя мѣста не мало распустили, съ данными отъ старостъ паспортами, изъ которыхъ одинъ поимѣ-

¹⁾ Ист. Росс. іерарх. ч. III, стр. 623 о выгор. монастырѣ. См. также о семъ монастырѣ у протоіерея Іоаннова.

манъ, и при осмотрѣ явились у него въ сумкѣ раскольническія книжицы и тетрадки и раскольническое причастіе, и ножницы со стриженными волосами, да въ домѣ крестьянскомъ сыскали панагію съ причастіемъ и притомъ уставъ ихъ, какъ они по раскольнически причащаются; а по слѣдствію то причастіе получено изъ раскольническаго жилища, изъ оного Данилова скита, и вышедшіе де изъ погостовъ обыватели въ расколъ изъ домовъ своихъ бѣжали въ недавнихъ годахъ, и приняты нынѣшними содержателями раскольническими» ¹⁾. Изъ Керженскихъ скитовъ еще въ концѣ XVII в. ходили миссіонеры съ проповѣдью раскола по нынѣшнимъ губерніямъ нижегородской, пермской, оренбургской и другимъ восточнымъ губерніямъ и здѣсь распространили свой расколъ, отъ чего раскольниковъ въ этомъ краю до нынѣ называютъ «керженцами, кержаками». Изъ Брынскихъ лѣсовъ также выходили многіе раскольническіе миссіонеры. «Якоже змій во апокалипсѣи видѣнный, говоритъ Димитрій Ростовскій, хоботомъ своимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и повержесе на землю, такъ и брынская пустыня, какъ хвосты свои распростираетъ, посылая учителя во грады и веси, отторгаетъ отъ церковнаго неба, яко звѣзды, души людей православныхъ, и повергаетъ въ свою пропасть» ²⁾. Еще болѣе, кажется, высылала миссіонеровъ въ Россію для проповѣди раскола Вѣтка, которая почти вся наполнена была людьми бѣглыми, слѣдъ привыкшими къ странничеству и бродяжничеству. «Прелести ея, говоритъ протоіерей Іоанновъ отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Бѣглецы, черные поны: Іовъ, Игнатій, Варсонофій, Макарій муромскій, Іосифъ Боровской, Иванъ изъ Бѣлева, Димитрій изъ Муромъ, и бѣлые: Василій, Мардарій Донской, Лаврентій, въ постриженіи Лазарь, Іоакимъ, въ монашествѣ Іаковъ, и другіе волокиты — монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду и простой народъ вездѣ развращали, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковой церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилася. Грамотные черницы и черницы отбѣжали часто въ Россію, развозили отъ церкви своей тайну причащенія, просфоры, благословенные хлѣбы, и освященную воду, — чѣмъ вездѣ простаковъ обольщали. Къ сему еще простые монахи и старухи черницы тайну исповѣди и причащенія вездѣ по городамъ и деревнямъ подъ видомъ нужды отправляли, и оное таинство на смертный случай всякому мужу и женѣ оставляли. Сии же самые бродяги въ мірскихъ домахъ новорожденнымъ молитвы чистительныя давали, младенцевъ крестили, и умершихъ по ночамъ отпѣвали. Такимъ всякую святыню отъ Вѣтковой церкви разнося, съ довольною добычею на Вѣтку возвращались» ³⁾. Вообще надобно сказать, что раскольническіе проповѣдники и учителя всегда бродили по Россіи въ безчисленномъ множествѣ, особенно въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII. Въ городахъ, селахъ и де-

¹⁾ П. С. З. т. XII, № 9155.

²⁾ Розыскъ, стр. 69.

³⁾ Полн. Пет. Изв. о расколн. ч. III, стр. 16 и др.

деревняхъ «являлись раскольническіе чернецы, и жили въ мірскихъ домахъ, и христіанъ отъ православной вѣры своимъ злохитрствомъ и ученіемъ отвращали» ¹⁾. Всего болѣе миссіонеры раскольническіе ходили по деревнямъ, и «людей, которыя въ совершенныхъ и въ малыхъ лѣтахъ, перекрещивали» ²⁾. Они, какъ видно изъ синодскаго указа 1722 г. Апрѣля 3 дня, тайно содержались по домамъ, раскольническимъ и лживымъ своимъ ученіемъ прельщали простой народъ, съ великою святѣй церкви тщетою, и предъ такими прельщенными и прельщающимися показывали себя мудрыми, и въ знаніи и толкованіи свягъннаго писанія довольными, весьма невѣжды суще» ³⁾. Раскольническіе учителя были двухъ родовъ: явные и потаенные ⁴⁾. Чтобы свободнѣе и безопаснѣе странствовать по городамъ и селамъ съ проповѣдію о расколѣ, хитрые раскольническіе миссіонеры принимали на себя различныя личины: иногда ходили подъ образомъ нищихъ, съ котомкою на спинѣ, въ которой между подаваніемъ часто скрывались раскольническія книги и тетрадки; иногда принимали видъ странниковъ, богомольцевъ; иногда странствовали, какъ офени или ходебщики съ ящичками на спинѣ, въ которыхъ также не рѣдко скрывались расколоучительныя книжки и тетрадки. Скрытно, незамѣтно вкрадывались въ деревню и обольщали простой народъ: «якоже нетопири, пишетъ св. Димитрій Ростовскій, отъ свѣта дневною по щелямъ, сиче они въ тайныхъ мѣстѣхъ отъ насъ хоронящися, учать или паче рещи прельщаютъ простой народъ» ⁵⁾. Притворяясь такимъ образомъ, они входили въ дома православныхъ простолудинокъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали слово ученія въ духѣ раскола. Чтобы сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать на сердца своихъ слушателей, особенно безграмотныхъ и поселянъ, они, по примѣру первыхъ расколоучителей, употребляли разныя хитрости: особенно часто указывали въ подтвержденіе своихъ словъ на старинныя церковныя книги, тетради и картины. «Простѣи же и малоумѣющіи божественныхъ писаній, чтенію же и истинному разумѣнію, говоритъ преосв. Игнатій тобольскій, видяще яко въ печатныхъ книгахъ показываютъ имъ, мняху истину быти, не вѣдуще ихъ арменскаго еретичества, но тако просту вѣру емлюще, яко не злобиви суще» ⁶⁾. Проповѣдь странствующихъ миссіонеровъ раскольническихъ такъ много способствовала умноженію и распространенію раскола, что архипастыри наши въ XVIII вѣкѣ особенно настаивали на поимку и искорененіе расколоучителей, какъ главныхъ виновниковъ умноженія раскола. Такъ напр. святѣйшій синодъ докладывалъ государю Петру I въ 1721 г. Ноября 19: «къ поимкѣ раскольническихъ учителей, которые ходя тайно по домамъ, а индѣ и долгое время пребываніе имѣя, раскольническую свою прелесть размножаютъ, и простонародныхъ отъ церквей отвращаютъ, потребенъ зѣло видится такой указъ, дабы посылаемыхъ отъ

¹⁾ П. С. З. т. III, № 1612, стр. 410.

²⁾ А. А. Э. т. IV, № 284, п. 4.

³⁾ П. С. З. т. VI, стр. 3225.

⁴⁾ Тамъ же, № 3870, п. 10.

⁵⁾ Розыскъ, стр. 100.

⁶⁾ 3 посл. въ „Правосл. Собесѣд.“ за 1855 г. кн. стр. 158.

духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ, къ вымысли оныхъ чинено было безпрепятственное послушаніе, и не требовался бы свѣтскими послушныя отъ командировъ ихъ указы... И ежели къ поимкѣ оныхъ лжеучителей такой вольности синоду дано не будетъ: то не токмо оныхъ изыскать и искоренить будетъ неудобно, но и вѣще подъ укрывательствомъ и защищеніемъ безъ боязни приумножатся, и многихъ къ своей прелести привращать могутъ, что будетъ съ великою святѣй церкви тщетою: ибо по вѣдомостямъ изъ Москвы, такое оныхъ раскольниковъ значится размноженіе, что въ нѣкоторыхъ приходахъ и никого, кромѣ раскольниковъ не обрѣтается, но всѣ по запискѣ подъ двойнымъ окладомъ явствуются въ расколыщикахъ» ¹⁾).

Равнымъ образомъ весьма много способствовало распространенію раскола умноженіе расколынической письменности и *распространеніе въ народѣ разныхъ расколыническихъ книгъ и сочиненій*. Едва только открылся расколъ въ Москвѣ, какъ тотчасъ же расколоучители начали писать и распространять въ народѣ различныя сочиненія и посланія, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, разсѣивали въ народѣ свои заблужденія, съ другой—возбуждали ненависть къ патріарху Никону и православной церкви. «Мнози невѣжди не точію отъ простыхъ, но и отъ освященныхъ, говорили отцы собора 1667 года, ови устно, ови же письменно, возмущаши многихъ души неутвержденныхъ, глаголюще и пишуще, яко же имъ возшепта сатана» ²⁾, Протопопъ Аввакумъ написать нѣсколько посланій и статей, исполненныхъ самаго жалкаго невѣжества и самой злобной ненависти къ п. Никону ³⁾. Сочиненія его имѣли большой успѣхъ ⁴⁾. И не только при п. Никонѣ сочиненія его были въ ходу и способствовали распространенію раскола, но и послѣ него. Съ 1682 г. по 1735 годъ, по причинѣ распространенія въ нижегородской губерніи Аввакумовыхъ писемъ, основалось здѣсь даже нѣсколько новыхъ скитовъ поповщинскихъ. Именно старецъ Онуфрій, преемникъ бѣлаго соловецкаго монаха Арсенія, какъ то случайно получить отъ другого старца Сергія нѣкоторыя догматическія письма Аввакумовы. Перечитывая ихъ со всѣмъ своимъ братствомъ, Онуфрій увлекся мыслями Аввакума, и другихъ за собою увлекъ и распространить это Аввакумово ученіе не только близъ города Семенова и деревни Хвостиновой, гдѣ устроенъ былъ особый скитъ онуфріевскій, но и въ скитахъ шарпанскомъ, голендухинномъ, оленевскомъ и другихъ. Точно также ученіе Аввакума, распространявшееся посредствомъ его сочиненій, произвело особую секту, извѣстную подъ именемъ Аввакумовщины. Сочиненія Аввакума тѣмъ болѣе имѣли успѣха, что особенно приходились по вкусу простому народу: написаны были простонароднымъ мужицкимъ и отчасти шутивымъ языкомъ. Кромѣ Аввакума, при п. Никонѣ разсѣивали мысли раскола посредствомъ писанія и многія другія лица: діаконъ Ѳеодоръ разсы-

¹⁾ П. С. З. т. VI, № 3854, докл. 13.

²⁾ Дополн. къ Акт. Пет. V, стр. 483.

³⁾ Сборникъ сочин. его въ библи. Каз. Дух. Акад.

⁴⁾ Доп. къ Акт. Пет. т. V, стр. 448.

палъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристѣ; монахъ Оеоктистъ сочинилъ слово объ антихристѣ; большую извѣстность въ народѣ получила книга о правой вѣрѣ московскаго архимандрита Спиридона (1665 г.) съ полемикою на поправки въ церковныхъ книгахъ. Поны Лазарь и Никита прислали изъ своихъ приходоѡ, одинъ въ 30, другой въ 70 пунктахъ, челобитныя, также излагавшія ученіе раскола. Всѣ эти сочиненія, пущенныя въ народъ, ходили по рукамъ, читались, а нѣкоторыя изъ нихъ даже были изучаемы всѣми, ревностно принимавшими расколъ, какъ книги символическія. Когда расколъ проникъ въ соловецкій монастырь, тамошніе предводители его, келарь Азарій и черный попъ Геронтіій написали отъ себя челобитную, въ которой также подробно изложили мысли раскола, и одинъ экземпляръ послали къ царю, а нѣсколько экземпляровъ пустили въ народъ. И эта челобитная въслѣдствіи далеко распространилась и сдѣлалась у раскольниковъ символическою книгою. Въ XVIII стол. соловецкая челобитная распространилась даже въ южной Россіи, особенно въ елисаветградскихъ и бахмутскихъ слободахъ, и служила здѣсь основаніемъ раскола ¹⁾. Вездѣ, гдѣ только появлялись грамотные расколуучители, они не только устно проповѣдывали расколъ, но и для большаго успѣха распространяли свои писанія. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говорить п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простыи и ихъ прелести не могуцій познати многъ народъ прельщали, яко словесы, тако и злоудкавными лестными писаніи» ²⁾. Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII раскольническая письменность такъ умножилась и сдѣлалась столь вѣрнымъ способомъ распространенія раскола, что у раскольниковъ открылась даже своя книжная продажа, образовались свои книжныя лавки и библіотеки, особенно въ выгорѣцкомъ скиту, гдѣ жили два знаменитыхъ раскольническихъ писателя Андрей и Семень Денисовы. Уже въ 1681 году, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ созванъ былъ соборъ русскихъ пастырей въ Москвѣ, благочестивый царь Оедоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе отцовъ сего собора на распространеніе и продажу раскольническихъ сочиненій, какъ на одну изъ причинъ усиленія и распространенія раскола. «Въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди,—говорилъ онъ собору,—пишутъ въ тетрадахъ, и на мѣстахъ и въ столбцахъ выписки, именуя изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у спасскихъ вратъ и въ иныхъ мѣстѣхъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святѣй церкви книги является многая ложь; а простолудины, не вѣдая истиннаго писанія, приѣмлютъ себѣ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, паче же вырастаетъ изъ того на святую церковь противленіе» ³⁾. Особенно въ XVIII вѣкѣ начала сильно умножаться и распространяться раскольническая письменность, направленная въ защиту раскола и противъ православной церкви. Изъ сочиненій безпоповщинской секты этого времени особенно имѣли большое вліяніе на распространеніе

¹⁾ Истина соловец. обители, на первыхъ страницахъ.

²⁾ Слово благодарств. № 65, 80 и др.

³⁾ А. И. т. V.

и утверждение раскольниковскихъ мыслей сочиненія выгорѣцкихъ писателей—братьевъ Денисовыхъ, и изъ нихъ преимущественно отвѣты поморскіе. Съ 1722 года главные лжеучители выгорѣцкихъ скитовъ, какъ читаемъ въ одномъ указѣ 1740 года, похвалая свои «отвѣты, въ народъ пустили, и оными малоразсудныхъ колеблють, и къ своей прелести развращаютъ» ¹⁾. Сочиненія Денисовыхъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Наныщенно-восторженный тонъ, цвѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишенная нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ—все это сильно дѣйствовало на умы и сердца не рассудительныхъ читателей. Читая, напримѣръ, въ «россійскомъ виноградѣ», или въ «исторіи отцевъ и страдальцевъ соловецкихъ» напыщенно-восторженное, хитросплетенное описаніе мнимыхъ подвиговъ и чудесъ расколуучителей, которые въ этихъ сочиненіяхъ не иначе называются, какъ священно-мучениками, всечестными страдальцами, святыми отцами и т. п., полутрагичный, легковѣрный и не рассудительный простолюдинъ вѣрилъ такимъ баснямъ такъ же, какъ четіямъ-минеямъ, или стариннымъ соборникамъ, торжественникамъ, гдѣ въ старину обыкновенно помѣщались житія святыхъ: ибо хитрый и, надобно сказать, весьма даровитый сочинитель этихъ раскольниковскихъ исторій умѣлъ поддѣлаться во внѣшнемъ ихъ видѣ подъ тонъ четій-миней, старинныхъ соборниковъ и торжественниковъ, только отъ себя прибавилъ нѣсколько учености и риторическихъ прикрасъ. Другаго рода раскольниковскія сочиненія, распространявшіяся въ народѣ особенно въ XVIII столѣтіи, направлены были главнымъ образомъ противъ правительства не только церковнаго, но и гражданскаго. Такъ напр. въ 1701 году раскольникъ Талицкой, «ради возмущенія людей, писать письма плевельныя и ложныя о пришествіи антихристовъ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали» ²⁾. «Многія являются подметныя письма, пишетъ Петръ Великій въ именномъ указѣ Генваря 25, 1715 г.,—въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольниковскихъ вымысловъ, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изливаютъ» ³⁾. И подобныя сочиненія раскольниковскія также сильно дѣйствовали на народъ. Извѣстно, что въ народѣ русскомъ въ то время, особенно при Петрѣ Великомъ, множество было недовольныхъ гражданскими и церковными преобразованіями, какія производило Правительство. Многіе до того одержимы были духомъ злобнаго негодованія на Правительство за нарушеніе старины, что осмѣливались на дерзкіе мятежническіе поступки. Раскольники съ своей стороны еще болѣе поддерживали, возбуждали этотъ мятежный духъ своими противоправительственными сочиненіями, и такимъ образомъ усиливали и умножали расколъ ⁴⁾.

¹⁾ П. С. З. т. XII, № 9046.

²⁾ П. С. З. т. VI, стр. 495.

³⁾ П. С. З. т. V, № 2877.

⁴⁾ Раскольниковскія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны были

Не мало способствовало распространению раскола также рождение и воспитание дѣтей въ расколѣ, усыновленіе и записъ въ расколъ подъ двойной окладъ дѣтей бѣдныхъ, сиротъ безпріютныхъ. Чрезъ постоянное народоженіе и воспитаніе въ расколѣ дѣтей, община раскольническая естественно все болѣе и болѣе приобрѣтала себѣ новыхъ членовъ: ибо постоянно нарождалось и воспитывалось въ расколѣ молодое поколѣніе. Равнымъ образомъ и усыновленіе и записъ въ расколъ подъ двойной окладъ чужихъ дѣтей бѣдныхъ, несостоятельныхъ православныхъ родителей также естественно способствовали умноженію раскольнической общины. Это въ XVIII вѣкѣ между раскольниками такъ было обычно, что церковное и гражданское правительство находилось вынужденнымъ неоднократно издавать противъ этого запретительные указы ¹⁾. «Нынѣ, — читаемъ въ указѣ, данномъ по сему случаю въ 1732 году, въ докладныхъ отъ раскольнической конторы пунктахъ показано, что у раскольниковъ имѣются многія въ расколѣ дѣти малолѣтнія, которыя записаны ими подъ платежъ окладу, въ бывшемъ приказѣ церковныхъ дѣлъ въ 720 году, изъ которыхъ де въ Москвѣ въ контору раскольническую сысканъ былъ малыхъ лужниковъ Федора Никитина пасынокъ Иванъ Ивановъ, и показалъ отъ роду себѣ 16 лѣтъ, а расколу наученъ и записанъ въ двойной платежъ обще отъ онаго вотчина своего, съ братьями своими и сестрою въ малыхъ лѣтахъ, которымъ де отъ роду нынѣ одному 14, другому 13, сестрѣ 15 лѣтъ» ²⁾.

Наконецъ, весьма много способствовало распространению раскола бѣгство и бродяжничество раскольниковъ изъ одного мѣста въ другое. Бѣгство и скитальчество раскольниковъ особенно сильно было во второй половинѣ XVII вѣка и долго не прекращалось въ XVIII столѣтіи. Бѣглыми иноками соловецкими, какъ мы уже и выше видѣли, расколъ насажденъ былъ по всему сѣверному поморью и даже въ странахъ волжскихъ. «Егда воинство осадити и разорити киновію готовляшеся, пишетъ Денисовъ, тогда отъ отецъ киновійскихъ обще соборнымъ совѣтомъ мнози на брегъ моря отѣхавше иноцы и бѣльцы, по пустынямъ поселишася: и яко авраамле сѣмя многоплодни, и многожительни и во благочестіи древле-церковномъ и житіи отечествѣмъ крѣпкожительни показашася, и не токмо пустыни, дебри и блата, но и окрестъ прилежащія грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше, сториченъ плодъ принесоша» ³⁾. Когда въ Москвѣ (послѣ бунта 1682 года) послѣдовала законная расправа съ буйными, мятежными стрѣльцами и раскольниками: то, какъ замѣчаетъ п. Іоакимъ, «мужики грубіи и воры мятежники расбѣгошася». «Многіе раскольники притворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ выманивались и уходя изъ монастырей, куда были сосланы за упорство въ расколѣ, въ иныя мѣста, чинили противности горше перваго» ⁴⁾. Въ 1684 и 1685 годахъ «изъ

для народа, что въ 1724 году указомъ Свят. Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольник. рукописныя книги. II. С. З. VII № 4578.

¹⁾ Таковы напр. указы 1722 года Мая 15. 1728 Іюля 14.

²⁾ П. С. З. т. VIII. № 6149.

³⁾ Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

⁴⁾ А. А. Э. т. IV, № 284.

разныхъ волостей и погостовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне и бобыли въ расколѣ бѣжали, безвѣстно, за свѣйскій рубежъ»¹⁾. «Многіе раскольники, читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года, не хотя объявить, кроются и переходя живутъ по городамъ и селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли и дворцы и прочія жилища, дабы познаваемы не были; и такими способы не точію отъ двойного оклада отбываютъ, но и лживымъ раскольнической прелести ученіемъ нѣкоторыхъ простого народа людей приводятъ къ подобному себѣ заблужденію»²⁾. Особенно, одною изъ главныхъ причинъ размноженія раскола въ предѣлахъ заволжскихъ, уральскихъ и въ Сибири было именно бѣгство туда раскольниковъ. Сюда бѣжали раскольники со всѣхъ сторонъ: изъ Москвы, изъ соловецкаго монастыря, Поморья, Твери, Ярославля, Новгорода и другихъ мѣстъ. Въ Сибирь особенно во множествѣ пробирались раскольники послѣ 1682 и 1683 годовъ, чрезъ предѣлы верхотурскаго и тобольскаго уѣздовъ. Въ указѣ 1722 года октября 15 сказано, что, по свидѣтельству епископа нижегородскаго Питирима, раскольники описные и неписные бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городахъ³⁾. Дорога, по которой раскольники пробирались въ Сибирь и за Уралъ, черезъ степь, до сихъ поръ слыветъ «сироткою». Изъ Великороссіи расколъ занесенъ былъ бѣглыми раскольниками въ Малороссію. «Когда въ Великороссіи елико день, толико умножишася на старовѣрцы гоненія, — пишетъ сочинитель исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, — тогда многія народы, оставляюще своя природныя мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область и тамо пустыни поселяюще откуду населися Бѣлый кладязь, и Синій, Замшнево, Шеломы слободы»⁴⁾. Изъ стародубскихъ лѣсовъ изъ Великороссіи раскольники бѣжали въ Вѣтку, и тамъ расплодили расколъ. Это было въ правленіе Софіи, когда стародубскому полковнику приказано было бѣглыхъ раскольниковъ въ Стародубѣ обращать къ православію. «Таковому указу разгласившуся, повѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій, ревнители древнихъ преданій бѣгаяшася, по разнымъ мѣстамъ разляшася. Гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствование, паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ, и спичевыми народы пустая мѣста и звѣропащевная населяхуся, и вмѣсто деревъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обратилася, гради вторіи показашася населеніемъ челоувѣкъ, ими же населилася Косецкая, Романово, Леонтіево»⁵⁾. Когда старцы Іовъ и Досифей посѣяли плевеи раскола по рѣкѣ Дону, то отсюда онъ чрезъ бѣгство и бродяжничество раскольниковъ распространился по р. Кумѣ, Сулакѣ, Кубани и

¹⁾ А. Н. т. VI, № 127, стр. 220.

²⁾ П. С. З. т. VI, № 4052.

³⁾ П. С. З. т. VI, № 4100.

⁴⁾ Исторія о бѣгствующемъ священствѣ л. 7.

⁵⁾ Тамъ же, л. 8 об.

Аграхани и проникъ даже за границу, въ Крымъ. Изъ 100 станицъ донскихъ казаковъ, большая часть которыхъ заражена была расколомъ, въ концѣ XVII столѣтія, по случаю разныхъ политическихъ движеній, цѣлыя станицы раскольниковъ, разбѣжавшись въ разныя стороны, образовали цѣлыя раскольническія общины, которыя еще болѣе умножились въ числѣ съ наплыва бѣглецовъ изъ внутри Россіи. Такъ между гребенскими казаками, по р. Тереку, въ большой и малой Кабардѣ, въ урочищахъ Голлаго Гребня, въ ущельѣ Павловомъ, при гребнѣ и ущельѣ Кошлаковомъ и при Нимоновомъ Дубѣ распространяли расколъ старообрядцы, бѣжавшіе съ Дону въ 1688 и 1698 г. Когда казачій атаманъ Некрасовъ съ товарищами своими, Гавриломъ чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Вориновыми, набравъ на Дону воровъ и разграбя селенія около Царицына, Дмитриевска и Саратова, ушелъ съ оными на Кубань, отдавшись въ подданство Крымское въ 1708 году, — то раскольники толпами побѣжали туда изъ Россіи и съ Дону, изъ голубинской, чирской и другихъ станицъ и иныхъ разныхъ мѣстъ, и поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ¹⁾. Такъ вездѣ разносили и распространяли расколъ бѣглые раскольники.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, внутреннее развитіе раскольнической общины. Какъ, впрочемъ, ни разнообразны и ни сильны были внутреннія средства и способы развитія раскольнической общины, но она кажется, не усилилась бы, не развилась бы въ огромныхъ размѣрахъ, если бы въ самомъ православномъ обществѣ не было обстоятельствъ и условій, благопріятствовавшихъ ея развитію. Разсмотримъ теперь, что благопріятствовало развитію раскола въ самомъ православномъ обществѣ, во-первыхъ, въ состояніи церковнаго благочинія и управленія, во-вторыхъ, въ гражданскомъ состояніи Россіи.

IV. Состояніе управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространія раскола.

Какъ оппозиція ложной старины противъ новаго, лучшаго устройства русской церкви, введеннаго п. Никономъ, соборомъ 1667 года и Духовнымъ Регламентомъ, расколъ въ старыхъ церковныхъ безпорядкахъ находилъ для себя и начала жизни, силы, подкрѣпленія и развитія. Церковь русская, также какъ и общество гражданское, въ XVII вѣкѣ, подъ благотворнымъ управленіемъ патріарховъ, при попеченіи дѣятельныхъ царей — Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, постепенно благоустроилась въ управленіи и въ іерархіи. Но, при этомъ благоустройеніи своемъ, она должна была еще бороться со многими старыми безпорядками. Недостатки эти, къ прискорбію, были еще весьма значительны; ибо невозможно было вдругъ исправить и искоренить того, что вѣками укоренилось. Между тѣмъ расколъ, какъ начало противо-церков-

¹⁾ См. Истор. о донскихъ казакахъ въ Чтен. Моск. Общ. Истор.

ное, враждебное внутреннему благоустроенному порядку православной церкви, этими-то старыми недостатками и несовершенствами церковно-правительственного устройства и пользовался для своего подкрѣпленія и развитія и распространенія. Онъ извлекалъ для своего развитія изъ сомнительнаго состоянія русской церкви не тѣ животворныя начала лучшей и совершеннѣйшей церковной жизни, каковы были, напримѣръ, начала, видѣвшіяся въ церковь русскую соборами 1654, 1655, 1667 годовъ, или какіе изложены были въ Духовномъ Регламентѣ: расколъ все это отвергалъ какъ противное ему новшество. Но онъ извлекалъ изъ тогдашней церковной жизни для своего подкрѣпленія и развитія одни безпорядочныя и противно-церковныя начала мнимой церковной старины — старыхъ церковныхъ безпорядковъ, и подъ вліяніемъ ихъ развивался. Къ сожалѣнію, умноженіе въ православной церкви такихъ неустройствъ, особенно въ XVII вѣкѣ, представляло для него атмосферу, во многихъ отношеніяхъ обильную необходимыми для его существованія и развитія средствами, претворенную для его свободнаго и обширнаго распространенія. По этой причинѣ, онъ тамъ преимущественно и искалъ себѣ убѣжища, силы и подкрѣпленія, и тамъ дѣйствительно находилъ все это, гдѣ сильнѣе преобладали старый церковный безпорядокъ надъ вновь-водворявшимся во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка порядкомъ. Разсмотримъ безпристрастно всѣ тѣ старые недостатки и несовершенства внутренняго іерархическаго и духовно-правительственнаго быта русской церкви въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ расколъ развивался и возрасталъ и умножался.

Въ церковно-правительственномъ отношеніи, во первыхъ, происхожденію и распространенію раскола при п. Никонѣ весьма много содѣйствовало *возстаніе вѣснотъ съ расколочальниками бояръ противъ Никона*, главнаго благоустроителя внутренняго порядка русской церкви въ XVII вѣкѣ и низложеніе его ¹⁾. Церковь русская никогда, кажется, не имѣла столько

¹⁾ Думаемъ, здѣсь неизлишне будетъ сказать подробнѣе объ этомъ, важномъ дѣлѣ раскола, событіи. Извѣстно, что въ XVII вѣкѣ, когда, по мысли п. Филарета по примѣру гражданскихъ приказовъ, учреждены были на патріаршемъ дворѣ духовные приказы, въ нихъ главными производителями духовныхъ дѣлъ поставлены были гражданскіе чиновники: бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскія дѣти, дворяне, дяки и подьячіе. Такихъ чиновниковъ въ патріаршихъ приказахъ, по сказанію Алеппскаго діакона Павла, находилось „великое множество“. Нѣтъ сомнѣнія, что при тогдашней обширности и многосложности дѣлъ въ патріаршей обители и въ епархіяхъ, эти свѣтскіе чиновники были весьма полезны и даже необходимы для облегченія многотруднаго дѣлопроизводства въ духовныхъ приказахъ. Нельзя, по всей справедливости, не пожалѣть о томъ, что они часто забывали свое настоящее назначеніе и преступали границы дозволеннаго для нихъ участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. До собора 1667 г., который, предположивъ, по возможности искоренить въ русской церкви все, что благопріятствовало усиленію раскола, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на этотъ предметъ, — свѣтскій судъ въ патріаршихъ приказахъ, кажется, совершенно преобладалъ надъ духовнымъ. Въ самомъ высшемъ духовномъ приказѣ, въ патріаршемъ Разрядѣ, прежде патр. Никона не видно, чтобы былъ кто-нибудь изъ духовныхъ лицъ, кромѣ патріаршаго боярина съ дяками и подьячими. См. грам. 1628, 1632 и 1633 г. А. Э. III, стр. 260, 284, 337. Въ самыхъ патр.

ужды въ единствѣ и согласіи дѣйствій церковнаго и гражданскаго правительства, какъ при п. Никонѣ, когда она совершала весьма важное и даже, можно сказать, послѣ принятія христіанства, самое великое дѣло исправленія церковнаго порядка и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и тогда, между тѣмъ, противъ нее возстали противники церковнаго порядка и власти, ревновавшіе за старый церковный безпорядокъ. Къ несчастію, въ это-то самое время бояре монастырскаго Приказа, за одно со многими членами боярской думы, напрягали почти всѣ усилія къ тому, чтобы огра-

дѣйствій патріаршихъ грамотахъ до п. Никона боярамъ патріаршимъ усвоилась распорядительность, какъ бы совершенно равная съ патріархомъ, или распорядительная власть патріаршихъ бояръ сопоставлялась съ распорядительною властію самого патріарха: а кто сторонніе люди учнутъ бить челомъ того монастыря на игумена и на братію на слугъ, и на служебниковъ и на крестьянъ, о судѣ намъ патріарху или боярамъ своимъ, и того монастыря игуменъ и братья и слуги и крестьяне учнутъ на нихъ стрѣшно искать, и сторонніе всякіе люди отвѣчаютъ тутъ же *передъ нашими бояры передъ приказными людьми*“. А. Э. III, № 178. Завѣдываніе духовными дѣлами въ патріаршихъ грамотахъ до п. Никона приписывается однимъ только боярамъ, о духовныхъ властяхъ не упоминается, какъ будто онѣ вовсе не участвовали въ духовныхъ приказахъ. Такъ въ 1628 г. исправляющими духовныя дѣла въ патріаршемъ чинѣ показываются только: князь Андрей Васильевъ, Хилковъ, бояринъ Пв. Алексѣевъ, Колтовскій, да дьяки Ѡ. Рогозинъ и Гавр. Леонтьевъ. (А. Э. III, № 177): въ 632 г. тотъ же князь Хилковъ и тѣ же дьяки, да еще бояринъ Семенъ Васильевъ, Колтовскій. Такъ и въ друг. патріаршихъ приказахъ, напр. въ дворцовомъ—завѣдывалъ дѣлами дворецкій съ дьяками. (А. Э. IV, № 304). — Патріаршіе дворяне и дѣти боярскія, завѣдывая въ городахъ и уѣздахъ патріаршей области духовными дѣлами и сборомъ духовной дани, такъ много производили безпорядковъ и безчинія, что въ 675 г. соборнымъ опредѣленіемъ найдено было пужнымъ постановить слѣдующее: „въ патріаршую епархію, въ города и уѣзды, управленія ради церковнаго и всякихъ духовныхъ дѣлъ и ради церковныхъ даней и вѣчныхъ пошлинъ и всякихъ патріаршихъ сборовъ, патріаршіе дворяне и дѣти боярскія да не вѣзжаютъ, для того, что еликому государю царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху вѣдомо чинилось, что отъ владычныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объявилось всякое безчиніе, ко освященному чину налоги и обругательство и убытки“. (А. А. Э. IV, № 204, 4). Усиліе бояръ къ преобладанію въ духовныхъ приказахъ, къ независимому отъ высшей церковной власти управленію церквами и монастырями съ особенною силою обнаружилось при п. Іосифѣ. Въ это время своеволіе бояръ въ отношеніи къ духовной власти возросло уже до такой степени, что они въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ слухъ перешептывали: „николи де такого безчинія не было, что вынѣ государь насъ выдать митрополитомъ, что лучше де на новой землѣ за Сибирью пропасть, чѣмъ покориться какому нибудь новгородскому митрополиту“. (Письмо Алексѣя Михайловича къ Никону. А. Аполлоса — житіе Никона стр. 117 и 118). Прилабомъ и удрученномъ старостію п. Іосифѣ, когда, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, составлена была коммиссія для сочиненія Уложения, стольники, стряпчие, дворяне Московскіе и городовыя дѣти боярскія подали государю челобитье объ учрежденіи особаго монастырскаго приказа съ правомъ разсматривать жалобы на духовныхъ и даже съ правомъ полнаго завѣдыванія монастырями и церквами сель монастырскихъ. И князь Одоевскій внесъ въ Уложеніе 7 статей о монастырскомъ приказѣ, который составленъ былъ изъ бояръ, дьяковъ и подъячныхъ, и вѣдалъ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы, монастыри, и попы,—во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ, и съ монастырскихъ дѣлъ вѣдать подати“. Кошкинъ, гл. VII, ст. 24: „Монастырскій приказъ; а въ немъ ситъ окольничей, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго госу-

ничить власть церковнаго правительства и низвергнуть п. Никона. Боярамъ, желавшимъ совершенной независимости отъ патріаршей власти, господства надъ духовенствомъ и обладанія церковными и монастырскими имѣніями, нужно было, во что бы то ни стало, низложить сильнаго защитника правъ и величія высшей церковной власти, п. Никона, по примѣру п. Филарета, безпощадно преслѣдовавшаго и обуздывавшаго ить своеволие, особенно противное канонамъ церковнымъ вмѣшательство въ дѣла чисто духовнаго вѣдомства. Монастырскій приказъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи лучшимъ орудіемъ. Виновникъ учрежденія монастырскаго Приказа, кн. Одоевскій былъ личнымъ врагомъ Никона; потомъ въ 1660 году мы видимъ въ монастырскомъ Приказѣ окольничаго Ивана Ѳеодоровича большаго Стрѣшнева ¹⁾; а это тоже, по всей вѣроятности, былъ врагъ Никона, какъ и прочіе Стрѣшневые, Семенъ и Родіонъ; въ 1665 году въ монастырскомъ Приказѣ бояриномъ былъ кн. Иванъ Андреевичъ Хилковъ ²⁾; и этотъ бояринъ, когда былъ при дворѣ, также толпился около враговъ Никона, а въ 1669 году, за свою слабость и неисправность по гражданской службѣ, заслужилъ опалу царя Алексѣя Михайловича ³⁾. Кромѣ того, между завѣдывавшими духовными дѣлами въ монастырскомъ Приказѣ находились еще люди не совсѣмъ добросовѣстные, дѣйствовавшіе не по правдѣ и не по закону, какъ видно изъ «челобитной монастырскаго приказа подъячаго Евтихей Алексѣева на дьяка Ивана Калитина въ неправыхъ дѣлахъ» ⁴⁾. Жаль, что намъ неизвѣстенъ ближе и обстоятельнѣе личный составъ монастырскаго Приказа. Но кто бы и каковы, впрочемъ, ни были бояре, дьяки и подъячіе монастырскаго Приказа при п. Никонѣ, несомнѣнно то, что образъ мыслей и дѣйствій монастырскаго приказа при Никонѣ, по причинѣ злоупотребленій бояръ, казался довольно опаснымъ для внутренняго мира церкви русской, не сообразнымъ съ духомъ древняго каноническаго устройства русской церкви, близкимъ къ протестантскому образу управленія, который на западѣ почти въ это же самое время утверждался германскими князьями, принимавшими протестантизмъ. Бояре монастырскаго приказа, дѣйствуя за одно съ враждебными Никону боярами царской думы, которые, по словамъ умнаго современника Богдана Хмѣльницкаго, «ничего путнаго Его Царскому Величеству не присовѣтывали», напротивъ еще, по словамъ другого очевидца

дарства всякой духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы, и монастыри, и попы, во всякихъ дѣлахъ, и съ властелинскихъ, и съ монастырскихъ крестьянъ подати; и соберется тѣхъ податей въ годъ больше 20,000 рублей; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ куды понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ“ Это весьма стѣснило кругъ дѣйствій патріаршаго суднаго приказа или разряда, а при злоупотребленіяхъ бояръ, возставшихъ противъ Никона, произвело жалкій безпорядокъ, который и былъ едва ли не главною причиною паденія Никона и полнаго успѣха раскола.

¹⁾ А. А. Э. IV, стр. 115.

²⁾ Дворцов. разряды, т. III, стр. 604.

³⁾ Ригельмана истор. о донскихъ казак. стр. 60, въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. год. 2, № 3.

⁴⁾ Акт. Ист. V. № 263, стр. 481.

арча Алексѣя Михайловича Коллинса, «самыя добрыя его намѣренія направляли ко злу»¹⁾; эти бояре «причиняли церковной власти всякія обиды, Закона Божія не исполняли и въ духовныя дѣла и во святительскіе суды вступались, церковными и монастырскими имѣніями распоряжались, какъ хотѣли и дѣлали всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ, а церковное правительство дѣлали для себя орудіемъ, патріарха заставляли служить себѣ»²⁾. Образъ правленія, похожій на протестантскій³⁾. Никонъ, строгій, жаркій ревнитель правъ русской церкви, видѣлъ такой порядокъ церковнаго управленія не соответственнымъ съ древнимъ каноническимъ устройствомъ русской церкви, и потому не утерпѣлъ, съ твердостью и энергіею жаркаго защитника правъ церкви возсталъ противъ монастырскаго приказа, возсталъ особенно противъ непомѣрнаго самоуправства бояръ въ не-принадлежавшей имъ сферѣ церковнаго правленія⁴⁾. Но, къ прискорбію,

1) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 1. ст. 13. II. Р. II. IV, стр. 41.

2) Собр. госуд. грам. IV стр. 128.

3) Слич. напр: у Альцого, ученика знаменитаго Мёллера, въ его *Universalgeschichte der christlichen Kirche* II, s. 807 (Mainz, 1855).

4) Никонъ особенно сильно выразилъ свое неудовольствіе противъ монастырскаго приказа въ 26 и 27 возраженіи своемъ на 30 вопросовъ, предложенныхъ бояриномъ Борисомъ Сем. Стрѣшневымъ Пансію Лигариду (Слов. дух. пис. II, 139). Также говорилъ онъ противъ монастырскаго приказа боярамъ, посланнымъ къ нему въ 1663 г. въ Воскресенскій монастырь для допросовъ, по поводу доноса стольника Романа Бабарыкина (Собр. гос. грам. IV, стр. 128). Татищевъ (въ примѣч. своихъ на судебникъ царя Ив. Васильевича), за нимъ Голиковъ (Дѣян. Петра В. ч. XIII. стр. 71, 144, 339), Берхъ (Царств. Алекс. Михайл. I, 399 и д.) и нѣкоторые другіе выставляютъ Никона, какъ мятежника, весьма опаснаго для самодержавія, высокомерно возставшаго противъ царской власти и хотѣвшаго поколебать ее. Это намъ кажется преувеличеніемъ, основаннымъ на преувеличенномъ, неблагонамѣренномъ судѣ враговъ Никона—бояръ, судѣ, къ сожалѣнію, еще до нынѣ не раскрытомъ въ настоящемъ свѣтѣ. Безпристрастные современники Никона все единогласно свидѣтельствуютъ, и мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что бояре давно уже злобною ненавистію дышали къ Никону, по многимъ причинамъ и, между прочимъ, за то, что царь допустилъ Никона къ боярской думѣ обуздывать произволъ боярскій, и дать ему право называться „Государемъ“ и самъ называть его „своимъ возлюбленнымъ, собинымъ содруженникомъ и другомъ“. И вотъ по этой-то ненависти бояре взялись за козни, общимъ заговоромъ задумали представить Никона въ глазахъ царя преступникомъ, злоумышляющимъ противъ самодержавной власти, и такимъ образомъ низвергнуть его. Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, они желали, какъ сами высказывались, и даже покушались убить Никона; но это не удалось. И потому лучшимъ признали постепенно чернить Никона въ глазахъ царя, какъ противника царской власти, и на это употребили, по словамъ самого Никона, 9 лѣтъ. Бояринъ Стрѣшневъ (Семень), злобный врагъ Никона, вмѣстѣ съ Пансіемъ Лигаридомъ, обласканнымъ боярами, сочинилъ 25 вопросовъ о власти царской, патріаршей и правилахъ, по которымъ патріархъ можетъ быть судимъ и низложенъ. Стольникъ Бабарыкинъ, подкупленный боярами чрезъ монастырскій приказъ, отдавшій ему землю, купленную патріархомъ для воскресенскаго монастыря, наклеветалъ царю на Никона, что будто онъ проклиналъ его царское величество въ церкви и дома. Чрезъ такія-то и подобныя козни образовался клеветливый, недобросовѣстный судъ боярскій о Никонѣ, какъ посягателѣ на права самодержавной власти! Самый вѣрный судъ исторіи о томъ, что сдѣлалъ или высказалъ Никонъ предосудительнаго въ отношеніи къ самодержавной власти, должно приписать соборному опредѣленію, хотя и противъ этого Никонъ оправдывался. А въ

тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ. «Бояре, скажемъ словами преосвященнаго Филарета, бояре чрезъ монастырскій приказъ мало по малу стали дѣлать распоряженія не только мимо патріарха, но и съ открытымъ намѣреніемъ оскорблять Никона; отъ духовныхъ имѣній переходили къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игуменовъ именемъ царя, безъ всякаго сношенія съ пастыремъ церкви. Никонъ показывалъ несправедливость въ новомъ порядкѣ дѣлъ; восточные патріархи въ слѣдствіи тоже самое говорили царю, и несчастный приказъ былъ за-

этомъ опредѣленіи только сказано: „досаждать государю“ (Слов. дух. писат. П, стр. 125). Но какъ досаждать? По безпристрастномъ и внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что вся вина Никона въ отношеніи къ государю состояла въ томъ, что онъ, по сильной вспыльчивости и горячности своего сердца, раздраженнаго самоуправствомъ бояръ, и по необыкновенно-пламенной, иногда уже слишкомъ горячей ревности своей къ правамъ церкви и къ достоинству высшей церковной власти, сильно досадовалъ и гнѣвался на царя за то, что онъ допустилъ бояръ до такого необузданнаго самоуправства въ дѣлахъ церкви и государства. Гнѣвъ непростительный, потому что гнѣвъ на кроткаго государя; но гнѣвъ отчасти справедливый, благородный, потому что гнѣвъ пастыря, ревнующаго за право церкви, незаконно нарушаемое произволомъ бояръ! Это — не гнѣвъ злобы высокомерной противъ государя, а невольная досада души сильной, пламенной, горячей, желавшей добра и зломъ уязвленной. Это — отнюдь не возстаніе подданнаго противъ государя, а недовольство „возлюбленника, собиннаго друга“ государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя и церкви и государству, охладили къ нему сердце царя — друга его, какъ самъ царь называлъ себя въ письмахъ своихъ къ п. Никону. Здѣсь вполне высказалась слабость великой души Никона! Но и только. Какъ ни сильно Никонъ досадовалъ на царя за незаконное самоуправство бояръ, но онъ самъ, какъ подданный, боялся гнѣва царскаго. Никонъ самъ сознавался, что для него грозенъ, страшенъ гнѣвъ царя, хотя онъ несправедливо возбужденъ былъ боярами: „се вижу, писалъ онъ въ письмѣ къ царю, на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ во св. церкви лишамъ. Азъ же пришлецъ есмь на земли. И се нынѣ, поинмая заповѣдь, для мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего“. Какъ ни сильно прогнѣвали его бояре, онъ однако же былъ гораздо осмотрительнѣе, гораздо болѣе дорожилъ честію царя, чѣмъ враги его — бояре. Бояре нѣкогда въ слухъ роптали на царя и словъ его не слушались, какъ сознавался самъ Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ Никону: а Никонъ и въ гнѣвъ на царя сохранилъ къ нему подобающее уваженіе. Такъ, когда царь поставилъ кн. Трубецкаго спросить Никона, — зачѣмъ онъ оставилъ церковь и удалился въ Воскресенскій монастырь, Никонъ отвѣчалъ, что ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, и смиренно въ письмѣ своемъ просилъ у царя прошенія за скорый свой отъѣздъ изъ Москвы. Еще прямѣе и искреннѣе высказалъ Никонъ свои вѣрно-подданичeskія чувства и благоговѣніе къ власти царя въ 1663 г. и гнѣвъ только на бояръ, когда, по просямъ бояръ, стольникъ Бабарыкинъ ложно донесъ царю, будто Никонъ проклиналъ его словами псалмовъ въ церкви и дома, и когда отъ царя посланы были по сему случаю слѣдователи. Никонъ отвѣчалъ на допросъ посланныхъ, что онъ точно, Юлія 25 дня, на литургіи, по заамвонной молитвѣ, со всемъ соборомъ молебствовалъ и государеву жалованную грамоту прочиталъ всѣмъ, и подѣ крестъ и подѣ образъ пресвятыя Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на стольника Бабарыкина, а отнюдь не на великаго государя, а за великаго государя на эктепіяхъ Бога молилъ“. На такой же, повторенный ему боярами, допросъ, Никонъ клятвенно свидѣтельствовалъ: „буду я анаѣма, если относить псаломъ къ царю!“ Прибывъ въ Москву въ 1664 г., въ надеждѣ увидѣться и помириться съ царемъ, Никонъ хотя и не допущенъ былъ къ царю боярами, но сказать чрезъ кн. Одоевскаго, что принесть миръ и благословеніе великому государю и пастырю. Гдѣ же высокомерное воз-

крыть. Но мысли Никона выставляли то сомнительными, то несправедливыми потому, что предлагалъ ихъ Никонъ; а рѣзкія выраженія, въ какихъ отзывался о приказѣ Никонъ, только радовали бояръ, враговъ Никона, которые умѣли понять протестантскій порядокъ правленія, но не хотѣли знать порядка православной церкви. Мало по малу бояре дошли уже до того, что стали открыто ругаться надъ патріархомъ. Стрѣшневъ столько былъ наглъ, что называлъ именемъ Никона свою собаку и ненависть къ Никону доводилъ до открытаго кощунства надъ благословеніемъ святи- тельскимъ¹⁾. Явное и открытое неуваженіе и противленіе патріаршей власти придворные бояре начали выражать въ грубыхъ оскорбленіяхъ патріаршихъ бояръ и чиновниковъ²⁾. Никонъ видѣлъ въ этомъ несомнѣнный знакъ общаго заговора и возстанія противъ него царскихъ бояръ, видѣлъ возстаніе боярскаго самоуправства противъ высшаго церковнаго правитель- ства, видѣлъ явное преступленіе клятвы, какую дали ему бояре тор- жественно въ храмѣ при избраніи его въ патріархи — «почитать его какъ

станіе Никона противъ самодержавной власти? И, кажется, никто кромѣ бояръ и еди- номышленниковъ ихъ, враговъ Никона не думалъ, чтобы Никонъ имѣлъ виды, про- тивные единодержавію. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на всѣ клеветы бояръ, до конца жизни пребылъ внутренно благосклоннымъ къ Никону: посылалъ ему подарки, а передъ смертію своею даже самъ просилъ у него прощенія и разрѣшенія, называя его „отцомъ своимъ духовнымъ, великимъ господиномъ, свѣтѣйшимъ Никономъ, іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ“. Сынъ Алексѣя Михайловича, царь Федоръ Алексѣевичъ, когда уже не было козней боярскихъ противъ Никона, когда ненависть ихъ и злоба успокоилась, и правда Никона стала яснѣе, — еще болѣе былъ располо- женъ къ Никону, и хотѣлъ даже снова возвести его на патріаршій престолъ. Могло ли бы это быть, если бы Никонъ былъ опасенъ для самодержавной власти? Восточ- ные патріархи, приславъ въ 1682 году разрѣшительныя грамоты патр. Никону, при- чиною неудовольствія между патр. Никономъ и царемъ признавали также не высоко- мѣрное возстаніе его противъ царской власти, но то, что онъ „человѣческимъ нѣ- кімъ малодушіемъ и гнѣвомъ побужденъ бытъ, и оставилъ паству свою и патріар- шеское достоинство презрѣвъ, далеко отшедши живе, не хотя возвратитись, которыхъ ради винъ явился тяжекъ и безпріятенъ бытъ“, и вполне признали его заслуги и за- конность образа мыслей. Наконецъ, такіе просвѣщенные мужи, каковы епископъ чер- ниговскій Лазарь Барановичъ, знаменитый ученый сотрудникъ Никона Епифаній Сла- веницкій, умный архимандритъ полоцкій Игнатій Іовлевичъ и нѣкоторые другіе, не осмѣлились бы подать царю голосъ въ защиту Никона, и царь не внялъ бы ихъ го- лосу, если бы Никонъ въ самомъ дѣлѣ опасенъ былъ для самодержавія и виновенъ въ высокомѣрномъ возстаніи противъ царской власти. — Замѣтимъ наконецъ: если Ни- конъ и ошибся въ своихъ отношеніяхъ къ царю, то вся ошибка его — есть ошибка не- воляная, историческая: она развилась изъ не совсѣмъ вѣрнаго постановленія и по- ниманія въ древней Россіи вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Не изъ личнаго властолюбія Никона, а изъ его идеи званія патріаршаго, идеи, исторически разившейся, протекли и его отношенія къ боярамъ и непріятности съ царемъ.

¹⁾ Ист. Русск. цер. IV, стр. 40, 41.

²⁾ Извѣстно, какъ придворные бояре поступили съ бояриномъ Никона, княз. Ди- митріемъ, во время встрѣчи Теймураза. Дѣло съ Теймуразомъ, царемъ Грузинскимъ, имѣло не только государственныя, но и церковныя интересы, и потому Никону необ- ходимо было участіе въ немъ; однакожъ патріархъ, по ковамъ бояръ, не допущенъ былъ къ совѣщанію; да, кромѣ того, бояринъ его еще грубо оскорбленъ былъ боярами царскими.

архиерея и отца и не препятствовать ему устроить церковныя дѣла¹⁾ и потому самъ отказался отъ дѣлъ церковнаго управленія. Такимъ образомъ, въ церкви русской, въ то самое время, когда возникли плевы скола и не разумные ревнители мнимой церковной старины уже начали раздоръ съ церковію, произошелъ бѣдственный разрывъ между патріархомъ и боярами, возникла открытая борьба высшей церковной власти боярскимъ своеволіемъ, и продолжалась цѣлыя 8 лѣтъ. И вотъ, во въ этого-то жалкаго раздора, расколъ, поднятый другою, духовно-демократическою оппозиціею протопоповъ и поповъ также лично противъ п. Никиты строгаго въ церковномъ судѣ и управленіи духовенствомъ, въ это-то въ расколъ особенно усилился и распространился, принявъ сторону боярской оппозиціи п. Никона, строгаго ревнителя правды и законности, и въ своей думѣ безпристрастно и открыто обличавшаго несправедливость злоупотребленія боярь. Объ этомъ впоследствии свидѣтельствовали бояре, когда должны были дать отчетъ народу, оставшемуся въ церкви и Никону, о причинахъ осужденія Никона. Они въ свое оправданіе передъ народомъ, любившимъ Никона, такъ обвиняли его: «яко оставленіемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовать осьмь лѣтъ и бѣ сѣцевъ: въ леже междупатріаршества время блазнишася его ради мы и явишася раскольницы и мятежники православныя Россійскія церквистными учении своими погубившии многія души»²⁾. Такъ говорили бѣ

¹⁾ Чтен. Моск. Общ. Нет. № 3, въ ст. о Никонѣ.

²⁾ Древн. Россійск. Вивлію. ч. III. 404. Также въ Собран. госуд. грам. IV. стр. 182—183. Это объявленіе, изъ котораго мы привели слова, признавши его рѣшительно за боярское объявленіе, по справедливому мнѣнію митроп. Платона (Цер. 2. 239), митроп. Евгенія (Слов. дух. шест. II, стр. 125) и преосвященнаго Филарета (Пет. Русс. Церк. IV, стр. 53), должно различать отъ опредѣленія, найденнаго митроп. Платономъ въ одной рукописи съ именемъ соборнаго опредѣленія. „Это послѣ соборное опредѣленіе, замѣчаетъ митроп. Евгеній, должно признать самымъ вѣрнымъ для насъ историческимъ свидѣтельствомъ о винахъ Никона, но въ немъ коня не обвиняется въ томъ, яко бы удаленіемъ своимъ отъ престола открылъ роковую дверь расколу и былъ виною его усилія“. Митр. Платонъ справедливо мѣтилъ, говорить преосвященный Филаретъ, что другое, найденное имъ прострѣнное обвиненіе Никона (изъ котораго мы привели слова и которое напечатано въ Вспом. и въ Собр. Грам.), не было собственно опредѣленіемъ собора, а только манифестъ гражданскимъ. Причина послѣднему была въ обстоятельствахъ. Народъ уважалъ Никона, не смотря на проски боярь, и послѣдніе боялись—не сдѣлалось бы волненіе Никона въ народѣ. Посему-то когда послѣ собора удалили Никона изъ Москвы, жили его многочисленною стражею. По той же причинѣ сочли нужнымъ объяснить съ народомъ о Никонѣ, какъ можно пространнѣе и рѣзче. Самое содержаніе боярской грамоты показывается тоже. Ибо въ ней къ винамъ Никона отнесено не мало то, въ чемъ Никонъ принесъ справедливое оправданіе и въ чемъ не могъ его обвинить патріаршій соборъ. Не выписываемъ этихъ обвиненій боярскихъ и оправданій Никона: объ нихъ въ Слов. дух. шест. II. 125—128 и въ Церк. Нет. Филар. IV, примѣ. Прибавимъ къ этому, что прострѣнное обвиненіе Никона, которое удаленіе его и разлитіе причинною распространія раскола, и которое мы признаемъ боярскою гонимостью, по самому духу своему, только боярами и могло быть составлено: оно исполнено злобною ненавистію и бранью противъ Никона, совершенно недостойною патріаршьяго опредѣленія. Обвиненіе это какъ бы не находить даже и словъ, какими бы очер

въ свое оправданіе предъ народомъ тогда, когда они достигли уже своей цѣли—низложили Никона, и когда слѣдовательно имъ болѣе почти не нужна была помощь раскольниковской партіи. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Вовсе не Никонъ былъ виноватъ въ томъ, что, во время осьми-лѣтней борьбы его съ боярскимъ самоуправствомъ, особенно усилился и распространился расколъ, а виноваты всего болѣе сами бояре. Они, во первыхъ, стѣснивъ чрезъ монастырскій приказъ дѣятельность патріаршаго суднаго разряда, которому принадлежали дѣла по отношенію къ преступленіямъ противъ вѣры и къ расколу, не дали Никону докончить его великое дѣло очищенія церкви отъ плевелъ раскола, заставивъ его невольно отречься отъ церковнаго управленія своимъ дерзкимъ, грубымъ поруганіемъ надъ патріаршимъ саномъ Никона, своими кознями и клеветами при дворѣ и своимъ недобросовѣстнымъ преступленіемъ добровольно, даже вопреки воли Никона, данной ему клятвы—не препятствовать ему исправлять церковныя дѣла; во-вторыхъ, положивъ главною цѣлію низвергнуть Никона, беспощаднаго обличителя ихъ въ царской думѣ и въ монастырскомъ приказѣ, приняли сторону возставшихъ противъ него протопоповъ и поповъ ¹⁾. Раскольники, по крайней мѣрѣ главные и опаснѣйшіе изъ нихъ, были уже, какъ мы видѣли, совершенно усмирены силою ума и воли Никона, пока онъ дѣйствовалъ единодушно съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: бояре опять дали имъ полную возможность дѣйствовать и распространять расколъ. Такъ, по ходатайству бояръ, возвращенъ былъ осужденный Никономъ и сосланный въ Сибирь главный протопопъ—личный врагъ Никона, Аввакумъ. «И егда въ царствующій градъ прииде, пишетъ исторіографъ раскольниковскій, князи и бояре тако любезно его пріяша, яко ангела Божія, и самому царю возвыстима, вси царскія крове превысочайшія персоны, князи и бояре прензобильно того имѣніемъ награждаху». По пропоскамъ бояръ, чрезъ боярина Продіона Стрѣшнева, ему даже предоставлено было право—о себѣ яко гоцетъ, да содѣяетъ, т. е. право свободного распространенія своихъ мыслей ²⁾. При такомъ покровительствѣ боярскомъ, чего

Никона предъ народомъ, что свойственно было только злобѣ боярской, а не суду патріаршаго собора. Оно приписываетъ, напр., Никону глумленіе надъ свитыней, ругательство надъ божественнымъ, злодѣйство, коварство и лукавство, продержость, священнокрадство и песьетство, и къ неправдамъ пригвожденъ и въ хищеніяхъ упражнявся, и мучительствами содержащеся и пр. Такое бранное обвиненіе патріарха недостойно патріаршаго собора, и совершенно противорѣчитъ истинному суду о Никонѣ восточныхъ патріарховъ, произнесенному въ 1682 г. Патріархи прямо говорятъ, что Никонъ осужденъ „не винъ ради каковыхъ либо душевныхъ и тѣлесныхъ“, и называли его „столпомъ благочестія непоколебимымъ и божественныхъ и священныхъ канонъ сберегателемъ присно-искуснѣйшимъ и отеческихъ догматовъ и повелѣній и преданій неизреченнымъ ревнителемъ и заступникомъ достойнѣйшимъ“. Собр. гр. IV, стр. 425.

¹⁾ Сюда вполне можно отнести отзывъ современнаго Украинскаго лѣтописца о боярахъ при Никонѣ: „аже жадной ереси по патріарху не показалось, только съ не-навистью тое учинили бояре, и послѣ того великая стала мѣщанина на Москвѣ“. См. въ Истор. Русск. Церк. пер. 4-й о Никонѣ.

²⁾ Денисовъ, Виногр. Росс. л. 50—55.

не могъ сдѣлать изступленный расколочальникъ Аввакумъ для успѣха своей поповской оппозиціи противъ патріарха? Онъ, упоенный боярскими ласками, поддержанный ихъ вельможнымъ авторитетомъ, до того тѣплымъ смѣлъ въ дѣлѣ раскола, что подалъ «чрезъ вѣрныхъ своихъ при дворѣ» просьбу самому царю, чтобы Никонъ врагъ его и братиѣ его—протопоповъ и поповъ раскольниковъ—скорѣе былъ низложенъ¹⁾. Бояре того же требовали. И Никонъ низложенъ: паденіе Никона, побора истины, было вожделѣннѣйшимъ торжествомъ раскола! Въ то время, какъ многочисленные князья и бояре ласкали Аввакума, кн. Хованскій, который, можетъ, быть, не могъ еще простить Никону того, какъ онъ, въ время побѣдки въ 1652 году въ соловецкій монастырь за мощами св. Филіппа митр. Всероссийскаго, заставлялъ его исполнять христіанскій долгъ говѣнія²⁾, содержалъ у себя въ домѣ Аввакума и его сообщниковъ раскольниковъ³⁾, какъ уже было сказано нами выше. У стольника Салтыкова, какъ тоже мы видѣли, во дворѣ жили самые изступленные распространители ереси: дворецкій и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ Аввакума и другіе⁴⁾. Расколоучитель Спиридонъ Потемкинъ, происходившій изъ боярскаго рода Потемкиныхъ, имѣлъ между боярами *сродники много имѣющія у монарха*, и эти то сродники бояре защищали его отъ власти архіерейской, когда онъ распространялъ плевеы раскола⁵⁾. Въ числѣ ревностныхъ покровительницъ раскола были еще, какъ тоже мы выше сказали, нѣкоторые придворныя боярыни, духовныя дщери протопопа Аввакума изъ рода Морозовыхъ, Соковниныхъ, Урусовыхъ⁶⁾, и съ ними вмѣстѣ, вѣроятно, сочувствовали и содѣйствовали раскольниковъ изъ ненависти къ Никону и сами бояре этихъ фамилій, особенно Морозовы⁷⁾. Такимъ образомъ ясно, что въ продолженіе осмилѣтнихъ козней бояръ противъ Никона, раскольники помогали боярамъ, а бояре помогали раскольниковъ, и оттого расколъ особенно въ это время усилился и распространился. Участію, виновности бояръ въ дѣлѣ раскола при Никонѣ удивляться и должно. Исторія русская, въ XVI и XVII столѣтіи, не разъ обличаетъ бояръ въ народныхъ возмущеніяхъ и бунтахъ, и именно тогда, когда у нихъ были какіе либо замыслы, напр. хотъ во время самозванцевъ. При Никонѣ у бояръ былъ одинъ общій замысль низвергнуть Никона, строгое преслѣдовавшаго ихъ произволъ и самоуправство въ думѣ царской и въ дѣлахъ церковныхъ и нарушеніе обрядовъ православной церкви. Изыскивая чрезъ монастырскій приказъ все, что только могло служить къ осужденію и низложенію Никона, бояре не посовѣстились и изъ раскольниковъ

1) Денисовъ, Виногр. Росс. гл. 55.

2) Если только мы не ошибаемся, что это тотъ самый князь Иванъ Хованскій.

3) Записки гр. Матвѣева, стр. 38. Изд. Сахарова 1841 г.

4) Денисовъ, Виногр. Росс. гл. 7. л. 104, 105.

5) Онъ же и тамъ же л. 113—116.

6) Тамъ же гл. 8; о боярыньѣ Феодосіи Морозовой и княгини Евдокіи Урусовой съ прочими см. выше л. 108—113.

7) Бояръ изъ фамилій Морозовыхъ, Урусовыхъ, Соковниныхъ при дворѣ тогда было много. См. Дв. разр. III. стр. 515—760.

въ образованіи себѣ партію, тѣмъ болѣе, что многія фамиліи ихъ заражены были самимъ расколомъ. У бояръ была борьба съ высшею церковною астію, борьба вельможной боярской гордости съ авторитетомъ высшей церковной власти—патріарха. Слѣдовательно, чтобы восторжествовать надъ икономъ, боярамъ нужно было образованіе для себя партію церковную, горячая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучреждаемаго церковнаго порядка. И вотъ, когда Никонъ приступилъ къ исправленію книгъ и обрядовъ, они внушили простолюдинамъ, будтобы онъ дрыгаетъ православіе, разрушаетъ старый церковный порядокъ, старую ру. И тѣ самые, которые почитали сокровищемъ книги, исправленные Іосифомъ, возстали противъ Никона, какъ противъ врага церкви. При жизни любили они нововведеніе; при Никонѣ объявили себя старообрядцами. Видно, что не своимъ умомъ они дѣйствовали, но увлекались внушеніями навітниковъ, и навітниковъ—враговъ Никона, каковы именно и были бояре. И не даромъ же расколочальникъ Аввакумъ называлъ ихъ, покровительствовавшихъ расколу, *вѣрными своими, Никодимцами* ¹⁾. напрасно исторіографъ раскольниковъ такъ восхваляетъ «князей и иереевъ», которые были *добрыми и преподобными крестителями* Аввакума. Не напрасно, наконецъ, и самый достовѣрный историкъ раскола, современникъ и очевидецъ первоначальныхъ смутъ его, Игнатій, митр. тобольскій, гласилъ, говоря о началѣ раскола: «кѣмъ же и отъ царева двора кѣмъ изъ *иста.ли*» ²⁾.

Во вторыхъ, въ церковно-іерархическомъ отношеніи не мало благотворительствовали, какъ происхожденію, такъ и распространенію раскола причащаемый во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII вѣкъ недостатокъ церковно-правительственнаго надзора. Исторія отечественной церкви, глася всѣ неоцѣненныя заслуги и благодѣянія нашей іерархіи въ періодъ патріаршій, и вполне оцѣнивая ихъ, замѣчаетъ также, къ сожалѣнію, недостатокъ общаго, единодушнаго и вполне внимательнаго попеченія пастырей русскихъ объ удовлетвореніи общимъ тогдашнимъ нуждамъ и потребностямъ русской церкви. А это и было, по свидѣтельству безпристрастныхъ свидѣтелей-современниковъ, одною изъ причинъ происхожденія распространенія раскола. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ на соборѣ 1667 г., предъ лицомъ пастырей русской церкви: «врагъ завистный, *ящичи намъ, имъ же Богомъ вручиси стражъ ея, всѣя куколь душевредилъ*» ³⁾. Отцы сего собора тоже прямо указывали, какъ на причину происхожденія и распространенія въ русской церкви раскола, на то, что пастыри русскіе не имѣли общаго, единодушнаго попеченія о благочиніи и порядкѣ русской церкви, не собирались на соборы для совѣщанія объ общихъ нуждахъ и потребностяхъ народно-церковной жизни, о поведеніи и исправленіи духовенства. «Подобаеть, говорили они, якоже повелѣвають правила св.

¹⁾ Письма Аввакума. Денисовъ, Всп. Росс. т. 55.

²⁾ 3-е посл. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г., кн. 2-я, стр. 108.

³⁾ Допол. къ Ак. Ист. т. V, стр. 445: это, очевидно, всего болѣе идетъ къ пастырямъ церкви, главнымъ стражамъ ея.

апостоловъ, и вси вселенстїи и помѣстїи св. соборы, яко да въ коєйже странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужди ради поединощи, церковныхъ ради вещей исправленія ¹⁾. Обаче, за еже нѣздѣшнихъ странахъ Великороссійскаго Государства не обыкоша архіереи собиратися часто и соборы творити и исправляти священническія распри и прочія, учинишася толки раскольники и мятежники и возмущающе всемъ Государство, и многія души погибоша, и вѣмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ безмѣстному дѣломъ и еретическимъ мудрованіямъ» ²⁾.

Особенно епархіальное управленіе русской церкви, въ періодъ распростираненія раскола, представляло много неурядицъ и недостатковъ, которые были очень благоприятны для успѣха раскола. Исторія отдаетъ полную справедливость такимъ благопопечительнымъ епархіальнымъ архипастырямъ, каковы были наприм. во 2-й половинѣ XVII столѣтія и отчасти началѣ XVIII: Іона, митроп. ростовскій и ярославскій, Іона архіепископъ вятскій и великопермскій, «имѣвшій, по словамъ Любарскаго, такія свойства, какія пастырское званіе и тогдашнее состояніе какъ времени, такъ и новоучрежденной епархіи отъ него требовали, и, хотя, кромѣ славянскаго руссійскаго грамоты, ничему болѣе неученый, однако къ собранію хорошихъ печатныхъ и писемныхъ книгъ, какія токмо сыскать тогда можно было, имѣвшій усердное раченіе, установившій такой изрядный въ причтѣ и чинѣ монашескомъ порядокъ, который соблюдался и въ XVIII вѣкѣ и служившій общую любовь и память въ народѣ вятскомъ»; Аѳанасій томскій, Игнатій тобольскій, святитель Димитрій ростовскій, Питиримъ нижегородскій, ревностно заботившіеся объ обращеніи раскольниковъ въ православную церковь, въ 1-й половинѣ XVIII вѣка; Іовъ новгородскій, первый основатель въ своей епархіи духовныхъ училищъ и богоугодныхъ заведеній для призрѣнія бѣдныхъ и незаконно-рожденныхъ дѣтей: Маркелль псковскій и изборскій, потомъ казанскій, «кромѣ ревности пастырской, по словамъ Любарскаго, весьма ученый, разговоръ умѣвшій греческій, латинскій и нѣмецкій»; Иларіонъ и Лука, архіепископы казанскіе, которыхъ ревность о духовномъ просвѣщеніи и благочиніи мы даже увидимъ, и многіе другіе архипастыри, незабвенные въ исторіи русской церкви. Съ другой стороны, исторія свидѣтельствуетъ также, что, въ это время были и такіе архипастыри, которые, къ сожалѣнію, мало заботились о спасеніи душъ своей паствы и объ удовлетвореніи самымъ важнымъ потребностямъ своихъ епархій. Такъ въ 1739 г. Императрица Анна Іоанновна жаловалась, какъ на закоренѣлый недостатокъ въ епархіальномъ управленіи, на то, что нѣкоторые епархіальные архіереи «безъ продолженія времени не поставляли, гдѣ нужно было, священниковъ, и сіе важное и человѣч-

¹⁾ Да и въ самой церкви русск. въ концѣ XV в. было правило, чтобы архіереи собирались къ главному іерарху Россійскому ежегодно для соборнаго разсужденія дѣлахъ церкви (А. II. т. I, № 101). Но это правило не соблюдалось, равно какъ и правило, тоже издавна существовавшее, чтобы духовныя лица по временамъ собирались къ своему епархіальному архіерею для совѣщаній съ нимъ (А. II. т. I. 1499 г.).

²⁾ П. С. З. т. I, стр. 700.

скому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предавали, а между тѣмъ, люди безъ покаянія и безъ причастія св. таинъ помирали»¹⁾. Такая медленность въ поставленіи священниковъ въ праздные приходы, очевидно, была весьма благопріятна для распространенія раскола. Если архипастыри долго не поставляли священниковъ, гдѣ было нужно: то туда приходили раскольническіе наставники и учителя, или бѣдные раскольническіе поны, — и совращали православныхъ. Съ другой стороны, были въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такіе архипастыри, которые хотя и нелѣпно поставляли священниковъ, куда нужно было, но посвящали иногда уже слишкомъ много, сверхъ потребности. Такъ наприм. «въ извѣстіи о Вятской епархіи» преосвящ. Платона Любарскаго читаемъ про 3-го тамошняго архіепископа Діонисія, что «какъ самъ онъ, кромѣ російскія грамоты, ничему не ученъ былъ, такъ и отъ епархіальныхъ своихъ учености и дальней въ чтеніи славяно-россійскихъ книгъ исправности не требовалъ; умѣяше какъ-нибудь прочитатъ псалмы Давидовы, по его разсужденію, къ произведенію на всѣ степени священства и въ другіе духовные чины были достойными; исполненія правилъ благочинія, воздержанія, трезвости въ одчиненныхъ взыскивалъ не строго, а трудолюбія и раченія въ приумноженіи оныхъ по себѣ не оставилъ ни малѣйшихъ знаковъ»²⁾. Отцы собора 667 года также жаловались, что епархіальные архіереи не рѣдко посвящали во священники безъ разбору людей всякаго рода: «бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, безъ отпусковыхъ и безъ свидѣтельствъ»³⁾. «Прежее архіерейское слушаніе ставленниковъ, говоритъ Посошковъ, весьма ми епонравилось; понеже архіерейскіе служителие у новоставленниковъ принимаютъ дары, и, принявъ дары, дадутъ ему затвердить по псалтири нѣкоторые псалмы, и заложя дадутъ при архіереѣ тому ставленнику прочести. Архіерей, видя твердо читающа псалтирь, возмнитъ яко-бы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство»⁴⁾. Это опять тоже для церкви вредно было, а для раскола, напротивъ, благопріятно. Мало-способные, безграмотные и недостойные священники и діаконы сами легко совращались въ расколъ, да и другихъ за собою увлекали, а многіе, безмѣстные, какъ это мы увидимъ, часто потому одному принуждены были бѣжать въ расколъ, что были безъ мѣста и не имѣли чѣмъ пропитываться. Исторія свидѣлствуетъ еще, что нѣкоторые архипастыри, вмѣсто того, чтобы все свое вниманіе обращать на благоустройство своихъ епархій, иногда вѣшивались въ дѣла гражданской власти, и въ то самое время, когда въ ихъ епархіяхъ сильно распространялся расколъ, заводили ссоры съ гражданскими лицами. Такъ напр. было въ нижегородской епархіи въ по-

¹⁾ П. С. З. т. X, № 7734.

²⁾ Чт. М. Общ. Ист. и Др. Росс. т. III, № 7, отд. IV, стр. 50. Любарскій же говоритъ про вятскаго еписк. Александра, бывшаго, какъ извѣстно, нѣсколько времени въ расколѣ, что онъ „знаковъ никакихъ трудолюбія и никакихъ по своей должности въ Вятской епархіи учрежденій не оставилъ, и былъ мало ученъ славяно-россійской грамотѣ, и ничему болѣе не ученъ“.

³⁾ Дополн. къ Ак. Ист. стр. 490, V-го т.

⁴⁾ Соч. Посошкова, стр. 18.

слѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка (около 1699 г.)¹⁾, т. е. въ то самое время, когда здѣсь сильно распространялъ расколъ извѣстный расколоучитель здѣшняго края Онуфрій съ многочисленными учениками. Подобное обстоятельство случилось и въ нижегородской епархіи, при Петрѣ Великомъ, при архіеп. Ѳеодосіи²⁾, и это было въ такое время, когда въ новгородской епархіи весьма сильно распространялась Ѳеодосѣвищина. Такія соблазнительныя для народа ссоры и тяжбы епархіальныхъ архіереевъ съ губернаторами въ XVIII в. случались, къ прискорбію, весьма часто. Вспомнимъ, наконецъ, еще то, что до Петра Великаго епархіальные архіереи, кажется, вовсе не представляли никакихъ отчетовъ о состояніи своихъ епархій. Да и послѣ того, какъ предписано было³⁾ представлять эти отчеты, они не всегда представлялись исправно и благовременно⁴⁾. Оттого внутреннее состояніе многихъ епархій, поведеніе въ нихъ духовенства, нравственный бытъ православныхъ—все это было весьма мало извѣстно. А для раскола какъ это было благопріятно! При неизвѣстности или малоизвѣстности внутреннего состоянія епархій, онъ, какъ червь, втайнѣ явился и подтачивалъ православную паству русской церкви. И тѣмъ успѣшнѣе онъ распространялся въ такихъ епархіяхъ, особенно въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ благочинные-старосты поповскіе, десятскіе священники, или ихъ закащики не всегда также были добрые, благонамѣренные и благопопечительные; напротивъ, почти всегда многое утаивали и не обращали надлежащаго вниманія на состояніе своихъ благочиній или округовъ⁵⁾. Архимандриты и игумены, которымъ, по силѣ опредѣленія стоглаваго собора, также иногда поручалось наблюденіе за приходскими церквами въ городахъ и селахъ, часто не имѣли возможности смотрѣть за своими монастырями и вотчинами монастырскими, не только что за другими городскими и сельскими приходами⁶⁾. Притомъ, бывали случаи, что архимандриты, вмѣстѣ съ свѣтскими чиновниками-десятильниками архіерейскими, за взятки прикрывали раскольниковъ. Такъ напр. когда донесли нѣкоторые православные о хулахъ томскаго расколоучителя Васьки Шапошникова архимандриту

¹⁾ Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 167.

²⁾ П. С. З. VII, № 4717, стр. 473.

³⁾ П. С. З. X, № 7450.

⁴⁾ П. С. З. VI, № 3914.

⁵⁾ О неачителности благочинныхъ въ XVII в. свидѣлствуетъ, напр., то, что въ 1605 г. ігуны патріаршій извѣщаютъ п. Іова; „по государеву де и цареву и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Руси указу по соборному уложенію вѣлно въ поповской избѣ сидѣти старостамъ поповскимъ для церковнаго всякаго благочинія и поповъ и діаконовъ отъ всякаго безчинія унимати, а старосты де и десятскіе поповскіе изъ избъ не приходять и поповъ и діаконовъ отъ безчинства не унимаютъ“ (Времен. Моск. Общ. Ист. кн. XIV, смѣсь, стр. 24; Грамоты о учрежденіи поповскихъ старостъ и церков. благочин. въ Москвѣ). Тоже можно видѣть и изъ инструкцій старостамъ поповскимъ или благочиннымъ смотрителямъ отъ п. московскаго Адріана. П. С. З. т. II, № 1612 Неблагопопечительные благочинные тѣмъ чаще должны были встрѣчаться, что выборъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предоставлялся самимъ священникамъ изъ среды ихъ же самихъ. П. С. З., № 1612, стр. 35—49.

⁶⁾ А. А. З. III, № 331. IV, №№ 19, 37, 121, 161, 163—165, 225, 253, 281, 311, 324 326—328, 331, 335. А. II. VI, № 151, 178, 203; V, № 65, 171, 177, 244, стр. 112.

тамошняго Алексѣевского монастыря Варлааму и десятильнику сибирскаго митрополита, («нѣкому мірянину»): то архимандритъ тотъ, говоритъ Игнатій митр. тобольскій, призвавъ расколоучителя и вопросивъ, обрѣтаетъ его утаившася въ ереси своей, якобы клеветная ему на ня возвѣщена быша, и моли его отпустить себе свободна, давъ ему нѣкій отъ сребреницъ подарокъ: той же окольный лжеархимандритъ, яко сребролюбецъ сый, воспріять подарованіе, и согласися съ подобнымъ себѣ десятильникомъ отпустить его свободна, и возвѣстившимъ же на него пристрастиша, во еже въ тому на него Ваську ничего же да повѣдаютъ: се же сотвориша мздоиманія ради ¹⁾. Духовные фискалы, которые при Петрѣ Великомъ посылались въ епархіи для изслѣдованія, нѣтъ ли гдѣ какихъ безпорядковъ, также, какъ сказано въ духовномъ регламентѣ, «друзья своимъ благодѣтелямъ, или мзду емля, много утаивали ²⁾». Явно, что при такихъ благочинныхъ расколъ весьма удобно могъ распространяться, легко могъ пользоваться утайкой и покровительствомъ.

Въ-третьихъ, въ церковно-іерархическомъ отношеніи весьма много благоприятствовали распространенію раскола—*малочисленность и обширность епархій, отсутствіе епископскихъ кафедръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, были совершенно необходимы* ³⁾. Расколъ особенно свободно и успѣшно распространялся въ самыхъ большихъ епархіяхъ, которыя, по чрезмѣрной обширности своей, весьма неудобны были для епископскихъ обзрѣній. И преимущественнымъ поприщемъ его распространенія здѣсь были отдаленнѣйшіе, крайніе предѣлы, которые почти совершенно лишены были епископскаго надзора, и въ которыхъ, по ихъ обширности и отдаленности, слѣдовало быть особымъ епархіямъ. Такова напр. была сибирская епархія и нѣкоторыя Великороссійскія. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ объ этомъ такъ говорилъ собору 1681 года: «архіерейское вновь прибавленіе потребно и нужно, для того, что сибирская страна пространна и въ ней множество народа Христа незнающаго, такожде и нныя грады отъ архіерейскаго пребыванія имѣютъ дальнее разстояніе, и именно въ сибирстѣй странѣ отъ столичнаго града той епархіи до Даурскихъ и Нерчинскихъ и Албазинскихъ остроговъ и до иныхъ тѣмъ же подобныхъ мѣстъ во едино дѣто, и въ полтора, и въ два едва преходятъ, и въ тѣхъ дальнихъ мѣстахъ христіанская вѣра не расширяется, развратники же святія церкви тамъ умножаются ⁴⁾, да не токмо въ такой дальней и про-

¹⁾ См. 3-е посл. Игн. въ Прав. Собесѣд. 1855 г. кн. 2, стр. 131, 132.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Дух. регл. ч. II. п. 17.

³⁾ При вступленіи Никона на патріар. престолъ, въ Великороссійской церкви, кромѣ патріаршей области, считалось только 15 епархій, въ конхъ было 4 митрополита, 9 архіепископовъ, 2 епископа. Въ 1656 г. учреждена была еще вятская епархія. Ист. Росс. Іер. ч. 1, стр. 33. Послѣ 1700 г. было 23 епархій.

⁴⁾ Предѣлы тобольской епархіи въ XVII в. и въ началѣ XVIII столѣтія простирались: на сѣверъ до Ледовитаго моря, на востокъ до Восточнаго океана, на югъ до земель подвластныхъ китайскому императору, т. е. до Даурии и Киргиз-кайсацкихъ степей, а на западъ до Урала, и далѣе его, внутрь европейской Россіи, или до крѣпостей Бисерекой и Ачинской, словомъ: тобольская епархія тогда простиралась на

странной странѣ, но и въ иныхъ многихъ градѣхъ, именно въ Путивлѣ, въ Сѣвскѣ, въ Галичѣ, въ Костромѣ, и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ развратники умножились, за немѣніемъ себѣ возбраненія, за разстояніемъ дальнимъ, понеже въ епархіяхъ градъ отъ града и мѣсто отъ мѣста и разстоянія не малая» ¹⁾. Города Путивль, Сѣвскъ, Галичъ, Кострома и Нижній-Новгородъ принадлежали къ московской патриаршей епархіи. Эта епархія, послѣ сибирской, была самая обширная: она заключала въ себѣ въ началѣ распространенія раскола нынѣшнія епархіи— московскую (исключая коломенской области), костромскую, вятскую, нижегородскую, курскую и орловскую, нѣкоторые приходы и цѣлые уѣзды въ епархіяхъ— архангельской, владимірской, новгородской и тамбовской ²⁾. По описи 1702 года въ патриаршей епархіи считалось 3750 церквей. Очевидно, что одному патриарху весьма трудно было усмотрѣть за всѣмъ въ такой обширной епархіи тѣмъ болѣе, что онъ, въ то же время, занятъ былъ дѣлами всей русской церкви и управленіемъ монастырями своей патриаршей епархіи, и многими численными записными домовыми монастырями, разбѣянными по разнымъ епархіямъ, но изъятыми изъ вѣдомства и управленія мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. И потому неудивительно, если въ московской епархіи расколъ весьма сильно распространялся и особенно въ дальнихъ ея प्रदेशахъ, владимірекихъ, нижегородскихъ, мезенскихъ, холмогорскихъ и архангельскихъ. Причиною сильнаго распространенія раскола въ нижегородскомъ краю, въ настоятельной грамотѣ, данной въ 1672 году первому митрополиту нижегородскому Филарету, прямо признается отсутствіе въ этой странѣ епископской кафедры, епископскаго надзора. Такъ читаемъ въ этой грамотѣ: «таковые престолники развратники умножались наипаче въ великомъ княженіи низовскія земли, въ преименитомъ и начальнѣйшемъ тоя страны градѣ, именуемомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ окрестными ея грады и весми. *Не сущу бо тамо пастырю*, оскудѣша овцы отъ пищи сущія тамо, немущія скотопажитнаго пропитанія, сирѣчь духовныя пищи, проповѣди слова Божія, въ насыщеніе душъ христіанскаго народа. Окрестъ же непрестанно навѣтующимъ злохитнымъ волкомъ и расторгнутому стаду Христова велетчательно подвизающимся. Убо избранное стадо священныхъ овецъ начало малѣтися, волки же злохитныя умножились» ³⁾. Послѣ патриаршей, московской епархіи весьма обширная епархія была новгородская: она до 1682 года обнимала, безъ малаго, нынѣшнія епархіи— с.-петербургскую, олонеккую, архангельскую, нѣкоторые уѣзды и приходы изъ вологодской и другихъ сѣверо-восточныхъ епархій. По описи 1702 года

пространствѣ слишкомъ 300,000 кв. миль, на пространствѣ нынѣшнихъ 6 епархій: тобольской, иркутской, томекой, значительной части камчатской, оренбургской и пермской (Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XX, статья священника Сулоцкого; „Философъ Левицкий“).

¹⁾ А. Н. т. V, № 75, стр. 109, 110.

²⁾ Снѣгиревъ. Пам. Моск. Древн. стр. 197, 198. II. С. 3. 1. № 201. Здѣсь подробно перечислены десятины, волости и города, входящіе въ составъ патриарш. епархій съ 1626 по 1656 г.

³⁾ Древн. Росс. Вивлію. ч. XVIII, стр. 111—113.

и считалось 1017 церквей¹⁾. Следовательно, опять очень естественно, и въ новгородской епархіи расколъ нашелъ для себя большой про- . . . Не удивительно, что олонекіе и бѣломорскіе предѣлы, вообще все рье, вся обонежская пятина, до 1682 г. почти совершенно лишеные попскаго надзора, сдѣлались главнымъ и самымъ сильнымъ гнѣздомъ повщины. Точно также было отчасти и въ епархіяхъ казанской и ханской, которыя обнимали тогда всю южную, заволжскую страну и²⁾. Монастыри и пустыни казанской епархіи въ XVII и 1-й поло- XVIII вѣка, находились не только въ отдаленныхъ предѣлахъ казан- епархіи, но и въ предѣлахъ нынѣшней вятской епархіи: въ Елабугѣ, гулѣ, Уржумѣ, въ Кукарской Слободѣ, въ Яранскѣ, въ Царевосан- ѣ; въ предѣлахъ нынѣшней пермской губерніи—въ г. Осѣ, въ пре- ѣ костромской губерніи—въ гор. Варнавинѣ; въ Нижнемъ-Новгородѣ силь-городѣ, въ Самарѣ, въ предѣлахъ нынѣшней сибирской губерніи— азрани и Каширѣ. Отдаленнѣйшіе изъ этихъ монастырей и пусты- не подлежавшіе вѣдомству мѣстныхъ архипастырей, оставались почти всякаго надзора: иноки жили, какъ хотѣли, и бродили, куда хотѣли ѣдко обращались въ расколуучителей. Кромѣ обширности епархій, а важное неудобство въ управленіи ими заключалось еще въ томъ, что предѣлы ихъ были весьма перепутаны: не было точной писцовой ииченности³⁾. Отсюда нерѣдко возникали между архіереями споры и предѣловъ епархій и вмѣшательства одного архіерея въ епархію го. А духовенство пользовалось этими случаями и не хотѣло пови- ся ни тому, ни другому изъ спорящихъ архіереевъ; даже въ это обнаруживало духъ вольности и стремленія къ совершенному осво- нію отъ суда, расправы и пошлинъ архіерейскихъ. Такъ напр. въ г., когда шли споры за границы епархій новгородскаго и вологод- архіереевъ, именно изъ-за уѣздовъ Двины, Каргополя, Холмогоръ, сова, Ваги, которыя пзстари принадлежали новгородской архіепис- —м. новгородскій Макарій жаловался въ челобитной къ царю Миха- едоровичу, что «тѣ де коломгорскіе и важскіе и каргопольскіе, и городовъ въ уѣздѣхъ, по монастырямъ архимандриты и игумены, а рскимъ храмамъ попы и діаконы и церковные причетники, и земскіе его (митрополита) и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ не слушаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ подѣ судъ не даются вятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами тѣ андриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами межъ а въ софійскую казну всякихъ нашихъ пошлинъ не платятъ⁴⁾.

1) По чрезмѣрной обширности этой епархіи, въ ней въ 1681 г. предполагалось митрополиту новгородскому 5 епископовъ, каведры которыхъ долженствовали въ Великихъ Лукахъ, въ Городцѣ, въ Холмогорахъ, на Олонцѣ и на Вагѣ. П. П., стр. 363.

2) Казанская епархія заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи казанскую, сибир- уфимскую; астраханская—астраханскую и саратовскую. П. С. З. П. стр. 363.

3) См. напр. А. А. Э. т. IV, № 204, стр. 263. А. И. т. V, 243, 225.

4) А. Э. т. III, стр. 171.

Точно также въ 1675 году, по неопредѣленности, по неразграниченности предѣловъ рязанской и коломенской епархій, архіереи этихъ епархій прили между собою о новопостроенномъ городѣ Богородицкѣ въ ескомъ уѣздѣ, и священники этого города не подчинялись рязанскому митрополиту, хотя енисейскій уѣздъ причисленъ былъ къ рязанской епархіи ¹⁾. Вообще надобно замѣтить, что недостатокъ епархій и епархискаго надзора, а также споры за границы епархій, дававшіе просторъ ности духовенства, столько благопріятствовали распространенію раскола, что церковное и гражданское правительство наше во 2-й половинѣ XV столѣтія весьма заботилось, по возможности, устранить то и другое, воспрепятствовать распространенію раскола. На этомъ основаніи, съ цѣлію воспрепятствовать распространенію раскола, отцы собора ²⁾ назначили епископовъ для Холмогоръ, Томска, Енисейска, Устюга, Нежа, Тамбова, Углича, Каргополя, Бѣлоозера, Дмитрова, Ржева ³⁾. И въ 1681 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ предввести степеніи между пастырями, съ тѣмъ, чтобы въ вѣдѣніи 13 епископовъ было 25 архіепископовъ и епископовъ, именно 6 архіепископовъ и 19 епископовъ ⁴⁾. Но къ сожалѣнію, въ оба раза затрудненія въ епископствѣ были причиною того, что новыхъ епархій было открыто менѣе, чѣмъ признавали нужнымъ ⁵⁾. И потому многія мѣста, гдѣ епископскій надзоръ, по-прежнему оставались проприцѣмъ безпрепятственнымъ стороннымъ для распространенія раскола. Такимъ образомъ расколъ е и безпрепятственно распространялся «за немѣніемъ возбраненія себѣ за отсутствіемъ епископскаго надзора: въ нижегородскихъ предѣлахъ въ 1672 года, въ холмогорскомъ, вожскомъ, устюжскомъ и тотемскомъ въ тамбовскомъ и воронежскомъ краю до 1682 года, во владимірскомъ въ 1742 года, въ Галичѣ и Костромѣ до 1745 г., въ словенскихъ и енисейскихъ предѣлахъ до 1775 г., въ саратовскомъ краю до 1799 года ⁶⁾».

Къ сожалѣнію, и тѣ епархіи, какія существовали во 2-й и 3-й половинѣ XVII и 1-й половинѣ XVIII столѣтія, во время распространенія раскола оставались безъ архіепископовъ, «вдовствовали». Это и иногда продолжалось довольно долгое время и также было благопріятно для распространенія раскола. Здѣсь опять съ сожалѣніемъ должны мы упомянуть печальную участь п. Никона и послѣдовавшее за нею 8-лѣтнее вдовство русской церкви. «Яко оставленіемъ престола сотвори церковь вдовствовать 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ», какъ сказано въ извѣстномъ уложеніи о винахъ Никона: «въ неже между-патріаршества времѣни».

¹⁾ А. Ряз. края стр. 105.

²⁾ П. Соб. Зак. т. I. № 412, 707 и 708.

³⁾ П. С. З. т. II. № 898.

⁴⁾ Только соборнымъ опредѣленіемъ 1675 г. опредѣлены были нѣсколько границы епархій повгородской, ростовской, коломенской и рязанской, такъ же было вмѣшательство одного архіерея въ дѣла епархій другого архіерея писано было владѣть церквами и приходами по писцовымъ книгамъ.

⁵⁾ Истор. Росс. Іерар. ч. I. стр. 22—25 и др.

шлася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы православно-россійскія церкви, лестными ученими своими многихъ души людей губившии»¹⁾. Во время 8-лѣтняго вдовства церкви русской, по удаленіи Никона, расколъ тѣмъ успѣшнѣе распространялся, что въ это время церковное и гражданское правительство занято было дѣломъ Никона, дѣлами патріаршими, скажемъ словами преосв. Филарета, «самовольно являлся управлять неспособный ими м. крутицкій Нитиримъ»²⁾. Потомъ, когда расколъ распространялся по разнымъ епархіямъ, успѣхъ его здѣсь также нерѣдко зависѣлъ отъ того, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, во время распространенія, не было архипастырей, и потому не кому было предупредить православныхъ отъ раскола. Такъ въ корельской епархіи, учрежденной въ 1593 г., по смерти перваго епископа Сильвестра, не было преемниковъ болѣе полустолѣтія, т. е. съ 1616 по 1685 годъ. Въ вологодской епархіи, во время самого сильнаго, первоначальнаго распространенія раскола, не было архипастыря въ продолженіе 9 лѣтъ, именно съ 1636 г., когда скончался здѣшній архіепископъ Маркелъ, и до 1665 года³⁾. Въ то же самое время, когда открылся расколъ въ епархіи рязанской и муромской, откуда произошелъ и куда за расколъ сосланъ былъ Никонъ, вѣстный расколоучитель протоп. Логгинъ, но было архипастыря въ продолженіе 2 лѣтъ, по убіеніи тамошняго архіепископа Мисаила въ Мордвѣ и проповѣдь Евангелія. Не напрасно и Никонъ, по этому случаю, сильно опасался, чтобы православные тамошніе не заблудились и не повредились духовно. «Нынѣ же святѣйшая архіепископія, писалъ онъ въ настольной грамотѣ м. Иларіону, законнаго лишается пастыря и архіерея. Не мало ю попеченіе имѣть смиреніе наше обрѣсти тояжде предстательство и пастырскій священный чинъ воспріяти хотящаго безъ предстателя пребыти церковнымъ ея службамъ нерадивѣ и всеу носитися и тамошнимъ господствомъ христоименнымъ людямъ духовно вредитися»⁴⁾. Епархія архангельская и холмогорская, въ предѣлахъ которой расколъ успѣлъ пустить глубокіе корни еще тогда, когда здѣсь не было вовсе архипастырской казды, въ 1702 г. лишилась своего перваго архіепископа Аѳанасія, извѣстнаго поборника православія, и послѣ того оставалась безъ архипастыря до 1705 года⁵⁾; а въ это время, надобно замѣтить, расколъ здѣсь со дня на день возрасталъ и вообще такъ быстро и сильно размножился въ сѣверномъ поморьѣ, что въ слѣдующемъ, 1706 году, возникла тамъ еще новая, опаснѣйшая секта—Ефодосѣвщина и быстро распространялась по всему северу⁶⁾. Въ астраханской епархіи въ 1655 году архіеп. Пахомій скончался въ моровое повѣтріе, а новый архіеп. Іосифъ поставленъ былъ уже въ 1663 г., т. е. чрезъ 8 лѣтъ⁷⁾; между тѣмъ въ это время раскольники

¹⁾ Древн. Росс. Вивліон. ч. III, стр. 404.

²⁾ Ист. Русс. Цер. преосв. Филар. (о Никонѣ прим. 86).

³⁾ Ист. Росс. Іерархій ч. I, стр. 186.

⁴⁾ Грам. рязан. края, стр. 81.

⁵⁾ Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 193.

⁶⁾ Полн. Истор. извѣст. о раскол. ч. I.

⁷⁾ Ист. Росс. Іерарх. I, стр. 105.

проникли и сюда, и скоро до такой степени усилились въ астраханскомъ краю, что въ 1671 г., вмѣшавшись въ шайку буйныхъ мятежниковъ-казанцевъ, также большею частію раскольниковъ, произвели кровопролитный мятежъ въ Астрахани и умертвили самаго архіеп. Іосифа ¹⁾. Въ новгородской епархіи, послѣ 19-лѣтняго епископствованія здѣсь просвѣщеннаго и благопопечительнаго архипастыря Іова, скончавшагося въ 1716 году, на было архипастыря въ продолженіи 5 лѣтъ, до 1721 года; между тѣмъ учителя секты Ѳеодосѣвской въ это время непрестанно ходили по городамъ и селамъ съ проповѣдью ученія Ѳеодосѣва. Въ 1721 г. на Новгородскую кафедру поступилъ архіеп. Ѳеодосій Яновскій, но чрезъ 4 года этотъ архіепископъ лишенъ былъ сана и посланъ въ заточеніе въ никольскій корельскій архангельскій монастырь, въ то самое время, когда весьма сильно распространялась въ новгородской епархіи Ѳеодосѣвщина. На его мѣсто поступилъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ и управлять новгородскою паствою 10-ть лѣтъ, но послѣ его смерти (въ 1736 г.) въ Новгородѣ опять цѣлые 4 года не было мѣстнаго архіерея ²⁾. Такимъ образомъ, въ то время, какъ преемственный рядъ православныхъ архипастырей въ новгородской епархіи неоднократно пресѣкался въ началѣ XVIII столѣтія, и иногда довольно на долгое время, Ѳеодосѣвщина и другіе толки безпоповщины здѣсь непрестанно продолжали умножаться и распространяться. Въ воронежской и елецкой епархіи, по смерти архіеп. Арсенія въ 1712 г. Іюля 8 дня, новый архипастырь, м. Нахомій прибылъ уже въ 1714 г. Апрѣля 25 дня. А когда этотъ скончался въ 1723 г. Сентября 23, новый прибылъ опять чрезъ два года, въ 1725 г. Октября 31; между тѣмъ и въ этой епархіи расколъ также очень сильно распространялся, особенно между казаками Елецкими ³⁾. Въ Сибири, въ то самое время, какъ сосланъ былъ туда со всемъ своимъ семействомъ главный расколоучитель Аввакумъ и разсѣвать тамъ плевелы раскола съ 1656—1662 г., архіеп. тобольскій Симеонъ, въ 1658 г., неизвѣстно за что, былъ подъ запрещеніемъ цѣлый годъ, и не могло было ему служить даже литургіи ⁴⁾. Потомъ, въ началѣ XVIII столѣтія, когда въ Сибири расколъ чрезвычайно сильно распространялся, не смотря даже на сильное противодѣйствіе архипастырей послѣ кончины м. Игнатія, сочинителя 3 посланій противъ раскольниковъ, въ Тобольскѣ архіерсе не было болѣе 2 лѣтъ ⁵⁾. Вообще надо замѣтить, что въ то время, когда въ церкви русской особенно сильно распространялся расколъ, на бѣду многія епархіи нерѣдко довольно долгое время оставались безъ пастырей.

¹⁾ Собр. госуд. грам. и указ. ч. IV.

²⁾ Ист. Росс. Іерарх. 1, 8 П. С. З. VII, 4717, стр. 473.

³⁾ Опис. жизн. и подвиг. Тихона, св. ворон. и елецк. стр. 5, изд. 7. 1843.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири: Ж. М. Н. Пр. 1854 г. Февраль, стр. 30.

⁵⁾ Тамъ же, Мартъ, стр. 40. Между тѣмъ, по причинѣ даже такого недолговременнаго отсутствія архипастыря, возникли здѣсь большіе безпорядки. М. Филоф. Лещинскій, вскорѣ по прибытіи въ Сибирь (въ 1702 г.), писать къ Петру I въ частной: „пришедъ въ сибирскія страны, въ церквахъ Божіихъ усмотрялъ я великое нестроеніе. (Врем. М. Общ. Ис. кн. XX. Филоф. о Лещин.).

или имѣли такихъ, которые по дряхлости своей уже почти неспособны были управлять епархіями. «Во многихъ епархіяхъ, доносили государю Петру I Ноября 20 д. 1718 г., м. рязанскій Стефанъ, архіереевъ нѣтъ: въ кievской, въ новгородской, въ тобольской, въ смоленской, въ коломенской, а престарѣлые на Устюжѣ, на Вяткѣ, и отъ вдовствующихъ епархій присылають ко мнѣ всякія дѣла съ великою трудностію, дальняго ради разстоянія и стужають мнѣ, прося о рѣшеніи дѣлъ, и я на тѣхъ дѣлахъ почитаю: ждать своего архіерея, и нынѣ у нихъ премногое множество накопилось дѣлъ, и ставленниковъ и нестроений церковныхъ много, и безъ архіереевъ пробыть у нихъ не возможно»¹⁾. Если такимъ образомъ въ праздныхъ епархіяхъ, за небытіемъ архипастырей, возникла во множествѣ всякаго рода безпорядки: то очень естественно если и расколъ, этотъ главный безпорядокъ русской церкви въ то время, находилъ для себя во время совершеннаго отсутствія епископскаго надзора особенно безпрепятственный путь и просторъ: ибо расколоучителямъ легко было расхищать овецъ православнаго церковнаго стада, гдѣ не было пастырей. Какъ легко и удобно было расколоучителямъ распространять расколъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не было главныхъ пастырей—блюстителей единовѣрія, это можно видѣть уже изъ того опасенія, какое высказывали въ это время патріархи въ настоящихъ грамотахъ, которыя давали новымъ архіереямъ, поступавшимъ на празднаыя кафедры. Такъ напр. въ настоянной грамотѣ, данной п. Адріаномъ м. Стефану Яворскому, при поступленіи его на кафедру рязанскую и муромскую, читаемъ: «сущая тамо церковь остаея вдовственна, не имѣюща свойственнаго пастыря, и людѣ насущій тамо руководительства никоего же стяжеваетъ. () семъ мѣрность наша презельнѣ потчавшися, да не похитится оная паства коимъ злаго плевосѣятельства вредомъ и пороку блаженну подпадетъ кромѣ пастыря»²⁾.

Еще болѣе благопріятствовала распространенію раскола *малочисленность храмовъ*. По описи 1702 г. всѣхъ храмовъ въ Велико-російской церкви

¹⁾ П. С. З. т. V. № 3230 2, 5. Кромѣ того, при Петрѣ В. архіереи перѣдко должны были отлучаться изъ своихъ епархій и пріѣзжать по очередно въ Петербургъ, а нѣкоторые и долго проживали въ столицѣ, управляя отсюда дѣлами своей епархій. Поимая, какъ это неудобно и даже вредно для порядка церковнаго, м. рязанскій Стефанъ такъ доноситъ объ этомъ Петру I: „буде здѣсь въ С. Петербургѣ жить вовсе, у какихъ дѣлъ быть, какъ епархію рязанскую въ толкомъ разстояніи управлять, какъ запасы изъ такой дальности возить, кому епархію патріаршую и церковь соборную и духовныя дѣла вѣдать, кому ставленниковъ обѣихъ епархій ставить, кому школьные порядки вручить“.

²⁾ Грам. ряз. края, стр. 162. Какъ скоро и сильно вкрадывались безпорядки, когда не было въ церкви верховныхъ пастырей—блюстителей порядка, доказательствомъ этого служатъ также слова изъ письма п. Алексе. Михайловича къ Никону, послѣ смерти Іосифа: „Мати наша, соборная и апостольская церкви, вдовствуетъ, было слезно и вельми сътуетъ по женихъ своему, и какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія: такъ же и она, не имый жениха своего, печалуетъ: и все переимѣнилось не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ, духовнымъ дѣламъ злые разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтемъ жить“. Аполлос. стр. 113.

считалось 12,076. а по вѣдомости 1739 г. 16,000 ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, ч этого числа церквей было бы вполне достаточно для русской церкви 2-й половинѣ XVII вѣка, когда всего русскаго народонаселенія было болѣе 11,000,000, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда наро населеніе возрасло до 15,000,000 ²⁾, если бы только это число храм распредѣлено было правильно, сообразно съ мѣстными нуждами и обст тельствами русской церкви. Потому что даже въ настоящее время, ко православнаго народонаселенія въ Россіи болѣе 48,539,510,—церковь русск кажется, довольствуется 35,838 храмами ³⁾. Но, къ сожалѣнію, въ преж время, когда въ Россіи распространялся расколъ, приходы по епархі болышею частію такъ неудобно были распредѣлены, что во многихъ стахъ церквей или вовсе не было, или было крайне недостаточно, т какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ было слишкомъ много, такъ что пр тельство находило нужнымъ ограничивать построеніе новыхъ храм Недостатокъ храмовъ преимущественно замѣтенъ, опять, въ тѣхъ мѣст гдѣ особенно сильно распространялся расколъ. Такъ, въ поморскомъ кѣ въ олонецкомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ извѣстно, особенно сильно распростр лась беспоповщина, и гдѣ утвердилось первое гнѣздо ея—выгорѣцкій ск по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, было около 35 приходов. Между тѣмъ этотъ уѣздъ обнималъ кругомъ около 5895 верстъ ⁴⁾, 1473 версты въ каждую сторону. Слѣдовательно, на каждый приходъ ходилось среднимъ числомъ болыше 672 кв. верстъ, по 168 верстъ лишнимъ въ каждую сторону. Очевидно, что православнымъ, жившимъ своихъ приходовъ за 168 верстъ, прѣзжать въ церковь было неудобн приходить совершенно невозможно. Если число посадскихъ и уѣздн олонецкихъ дворовъ 9984, показанное въ выпискѣ изъ окладной кѣ 1681 г. полное, что, впрочемъ, не вполне вѣроятно ⁵⁾, то и въ этомъ к чествѣ дворовъ въ олонецкомъ уѣздѣ приходилось среднимъ числомъ 285 дворовъ, или на 1120 (если положить среднимъ числомъ по 4 д въ каждомъ дворѣ), по 1 церкви. Конечно, одной церкви на 285 двои или для 1120 душъ, можетъ быть, и достаточно. Но надобно замѣт

¹⁾ И. С. З. т. X. № 7734.

²⁾ Голицков. Дѣян. Петра В. т. XII, стр. 661.

³⁾ Отчетъ оберъ-прок. св. синода за 1853 годъ.

⁴⁾ Невольнѣ „О пятинахъ и погостахъ повгородскихъ. Прилож. VI: книга нежекія пятины, за-онежекія половины, письма Ондreja Васил. Плещеева и подья Семейки Кузьмина, 7091 (1501—1583 г.). Въ XVII стол. едва ли увеличилось это ч храмовъ въ олонецкомъ уѣздѣ, послѣ частыхъ и опустошительныхъ нападений этотъ край поляковъ и шведовъ.

⁵⁾ Полагая среднимъ числомъ на каждый погостъ заонежск. пятины, по р сленію Невольна, по 1310⁸⁷ кв. верстъ. А всѣхъ погостовъ въ олонецк. уѣздѣ, по писанію 1649 г. считалось 18. Слѣд. на всѣ 18 погост. приходилось около 23, 68 верстъ.

⁶⁾ А. А. Э. т. IV. № 250, стр. 347. Здѣсь означено, кажется, только число ок ныхъ дворовъ, съ поторыхъ слѣдовали данныя и оброчныя и полонянничныя ден Кромѣ того, надобно и то замѣтить, что писцы часто скрывали, не записывали и торыхъ дворовъ, какъ это мы увидимъ далѣе.

что тогда деревни въ сѣверномъ поморьи, вообще, большею частію были не большія, состояли изъ 1, 2, рѣдко 10 дворовъ, и разбросаны были по окрестностямъ погоста, или главнаго селенія, гдѣ находилась приходская церковь, иногда на весьма большое пространство ¹⁾, а къ погостскому приходу иногда причислялось 100, 150, даже 200 и болѣе деревень ²⁾. Кромѣ того, сообщенія съ главнымъ селеніемъ или погостомъ, гдѣ была церковь, въ олонецкомъ краю для многихъ деревень, какъ и вообще во всемъ поморьи, были крайне неудобныя, по лѣсистости и болотистости тѣхъ мѣстъ. «Дороги съ Олонца во всѣ погосты, пѣшія и конныя, какъ сказано, въ воеводской отпискѣ 1649 г., зашли мхи, и озера и перевозки чрезъ озера многія, а тѣлежныхъ дорогъ нѣтъ ³⁾. Точно также, игуменъ соловецкій Макарій писалъ около 1629 года митрон. новгородскому Кипріану: «что живутъ на ихъ монастырской землѣ на рѣкѣ на Выгѣ надъ порогомъ воецкимъ ихъ (соловецкаго) монастыря крестьяне, а то мѣсто пришло пусто, отъ иныхъ монастырскихъ волостей, въ которыхъ церкви Божіи есть, поудалѣло верстъ по 70 и по 80 и больши; а мѣста пришли непроходимыя мною и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живетъ, и многіе крестьяне въ болѣсти безъ покаянія, и младенцы безъ крещенія умирали, и неотпѣвъ, погребали, потому что вскорѣ священниковъ для бездорожицы добыть немочно» ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ погостахъ, напр. въ пудожскомъ, были «лѣса не проходимые» ⁵⁾. Слѣдоват. изъ нѣкоторыхъ дальнихъ селъ не только приходило пѣшкомъ, но и пріѣзжать въ тѣ погосты, гдѣ были приходскія церкви, было неудобно. Потому весьма могло быть, что многіе православные въ олонецкой области весьма долго, а нѣкоторые, можетъ быть, даже и никогда не бывали въ храмахъ. Между тѣмъ, когда въ олонецкихъ лѣсахъ, вблизи тѣхъ православныхъ селъ, которыя далеко находились отъ своихъ приходскихъ церквей, появились раскольническіе монастыри и часовни,—православные этихъ селъ, за немѣніемъ или отдаленностію своихъ православныхъ храмовъ стали входить въ общеніе съ раскольническими монастырями и часовнями, и такимъ образомъ чрезвычайно легко были совращаемы въ расколъ; другіе же, долго не бывая въ церквахъ, до

¹⁾ Неволнина—0 пятинахъ и погостахъ новгородскихъ. И вообще на сѣверѣ Россіи населенность деревень была самая малая. Такъ напр. въ 3-хъ уѣздахъ Вотекой пятины—Ладожскомъ, Орѣховскомъ и Корельскомъ изъ 2710 деревень въ 1419 деревняхъ было въ 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ въ 58 деревняхъ, отъ 30 же, до 45 дворовъ только въ 4-хъ селахъ, и наконецъ—только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ. Оклады. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. Времен. за 1852 г.

²⁾ Напр. по писцовымъ книгамъ 7091 г. въ воскресенскомъ важскомъ погостѣ олон. уѣзда было 202 деревни живущихъ, да 28 пустыхъ, а въ рождественскомъ погостѣ на Олонцѣ 2 сельца, да 354 деревни живущихъ, да 22 деревни пустыхъ, въ пудожскомъ погостѣ того же уѣзда 160 дер. и проч. А церкви, кромѣ главной погостской, находились въ рѣдкихъ селахъ.

³⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 64, стр. 230. Неволнинъ „О пятинахъ и погостахъ новгород.“ Прилож. VI стр. 154.

⁴⁾ Сборн. архіер. грам. Сол. монаст. ркп. Сол. библ. подл. № 20, 40.

⁵⁾ А. И. т. V, стр. 256.

того охладѣвали къ церкви и православной вѣрѣ, что сами охотно принимали раскол¹⁾. Нѣкоторые погосты, или церковные приходы обих

1) Въ главномъ олонецкомъ погостѣ, рождественскомъ, до 1649 г. не видно, чи была церковь: по крайней мѣрѣ, въ писцовой книгѣ 1582—1583 г., здѣсь государевой отчинѣ, заключавшей въ себѣ до 156 деревень живущихъ, означены пустыя мѣста церковныя и сказано, что церкви пожжены нѣмцами. Новостин: О питин. и погост. новгор. Прилож. VI, стр. 154: „погостъ рождественскій на Олѣ на усть р. Олонца и на уст. р. Пиемы. А на погостъ отъ острова вверхъ р. по Олѣ и по р. Пиемѣ на правой сторонѣ на матеромъ берегу мѣсто церковное, что : церковь теплая Рождество Пречистые: да на острову м. церковное, что была цер теплая Николы чудотворца. А церкви пожгли нѣмецкіе люди въ 87 году“. Въ 1649 (въ этомъ же году на Олонцѣ построенъ былъ городъ) былъ здѣсь одинъ при при 2-хъ церквахъ, изъ коихъ одна Троицкая деревянная, кѣтъцки, съ 2 предѣ сооружена была въ 1649 г. въ самомъ городѣ Олонцѣ, другая, — во имя Одигитр. || Богородицы, находилась ниже города, усть рѣчки Мегречи, на островкѣ, въ 20 женияхъ отъ города. (Доп. къ Ак. Пет. т. III, № 64, стр. 228 и 230). Приходъ : какъ видно изъ отписки воеводы князя Федора Волконскаго, заключалъ въ себѣ близости, до 800 дворовъ, (Доп. къ А. И. III, № 64, стр. 230) въ которыхъ было, не до 3,200 душъ, полагая по 4 души на дворъ, то по крайней мѣрѣ никакъ менѣе 2,400 душъ, если положить, по меньшей мѣрѣ, по 3 души на дворъ. Изъ солдатъ и крестьянъ олонецкаго погоста отъ гор. Олонца сѣдѣли разными кими деревнями“, въ двѣ стороны на протяженіи 15 верстъ, а прочіи стороны 3 до 7 верстъ. (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230). Это были ближніе приходы: олонеч погостской церкви. Но кромѣ этого, за олонечскимъ погостомъ числились еще : нечскаго погоста выставки“, въ которыхъ невидно, чтобы были особыя церкви. А выставки, по отпискѣ воеводы кн. Волконскаго, отъ города такъ удалены, чѣ случавъ повѣстки въ осажденное время посѣтить ли кто въ городъ, или нѣтъ, того дать было немощно“. Слѣдъ онѣ находились отъ олонечской приходской церкви близко. Эти выставки „Алонечскаго погоста сѣдѣли по разнымъ мелкимъ озерамъ города въ верстахъ 70 и болѣе“. (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230, 231). По писцовой к 1582—1583 г. въ рождественскомъ погостѣ на Олонцѣ, въ отчинѣ государевой, тогда не было ни одной церкви, было 156 деревень живущихъ, а съ вотчинной дыки повгородскаго, гдѣ было, кажется, 2 церкви, считалось 2 сельца, да 354 дер живущихъ (О пит. и погост. новгор. прилож. VI, стр. 154). Изъ всѣхъ этихъ пока и соображеній можно заключить, что и въ самомъ олонечскомъ погостѣ не всѣ православные могли съ полною удобностію и легкостію посѣщать храмы: потому что которые изъ нихъ, особенно жители тѣхъ выставокъ, въ которыхъ не было св особыахъ церквей, жили очень далеко отъ церквей олонечскаго погоста, къ котор онѣ были причислены. А потому неудивительно, если и въ Олонечскомъ рождес ескомъ погостѣ нѣкоторые православные, живя вдали отъ своихъ погостскихъ цер и не исполняя необходимыхъ христіанскихъ требъ, мало по малу до того охладѣ церквѣ, что, по внушенію расколуучителей, отверглись отъ нея и уклонились въ ересь. Другой погостъ въ олонечскомъ уездѣ, Пудожекой, во время проникновѣ въ немъ во 2-ю половинѣ XVII столѣтія митрекой раскольническихъ, тоже былъ однимъ приходомъ, при 2 церквахъ, какъ видно изъ тѣхъ о Пудожекихъ раскол кахъ (А. И. V, № 223). Между тѣмъ въ этомъ погостѣ по крайней мѣрѣ по пи вымъ книгамъ конца XVI столѣтія, считалось до 145 деревень живущихъ (О пг погост. новгор. Прилож. VI, стр. 171 и 172), и отстоялъ отъ другихъ соседнихъ и еговъ довольно далеко: отъ Шальскаго въ 28 верстахъ, отъ Волдоозерскаго въ отъ Челможекаго въ 60 же (Доп. къ Ак. Пет. т. III, № 64, стр. 231). Въ этомъ пог сообщеніе дальнихъ православныхъ сель съ погостскою церковію тѣмъ было труд что между нѣкоторыми деревнями были, какъ сказано въ Актахъ, „лѣса непр димые“. (А. И. т. V, стр. 236, также № 222), гдѣ и скрывались во 2-й половинѣ !

цѣлую волость или станъ¹⁾). Не лучше, даже, быть можетъ, еще хуже было положеніе православныхъ приходовъ во многихъ погостахъ другихъ новгородскихъ пятинъ. Пѣкоторые погосты и церквей своихъ вовсе не имѣли, а между тѣмъ отъ другихъ погостовъ, гдѣ были церкви, и куда бы могли православные обращаться, за неимѣніемъ своихъ приходовъ, отстояли иногда весьма далеко, верстъ за 60, за 100 и даже болѣе. Таковы напр. были по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, въ Вотской пятинѣ: Заверьяжье, Малая Лопца, также, вѣроятно, погосты Паозерскій и Каргальскій²⁾. Если были погосты безъ церквей въ концѣ XVI столѣтія: то, повсей вѣроятности, были такіе погосты и въ XVII столѣтіи, во время распространенія раскола. Кромѣ того, должно замѣтить и то, что во многихъ погостахъ въ концѣ XVI столѣтія и въ 1-й половинѣ XVII храмы были «спожжены нѣмцами или литовскими людьми», какъ не рѣдко замѣчается въ писцовыхъ книгахъ этого времени³⁾. Здѣсь нельзя не вспомнить еще слѣдующаго извѣстія Авраамія Палицына, писавшаго въ началѣ XVII столѣтія о смутахъ междоусобицы: «тогда святые Божіи церкви, говоритъ онъ, огнемъ истреблены быша. Бысть же тогда разореніе свят. Божіимъ церквамъ и отъ самѣхъ православныхъ, якоже капищамъ идольскимъ прежде отъ великаго Владимира, тогда на славу Божию, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ лютери злѣйшими того содѣяша внуци ихъ, мы и братія наша»⁴⁾. Если еще въ началѣ XVII столѣтія были такіе православные, которые уже до того охладѣли къ храмамъ Божіимъ, что вмѣстѣ съ лютеранами разоряли ихъ и чрезъ то лишали церковнаго богослуженія прочихъ православныхъ: то удивительно ли, что такіе православные, послѣ разоренія храмовъ Божіихъ, еще болѣе охладѣли къ православному церковному богослуженію, и наконецъ дошли до того, что начали открыто ругаться надъ нимъ и надъ православными храмами, называя ихъ не храмами, а стойлами и т.п. На югѣ Россіи, преимущественно мало было храмовъ въ заволжскихъ предѣлахъ, опять именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма сильно распространялся расколъ. Здѣсь и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ заволжской части нижегородской епархіи, народъ живетъ въ небольшихъ деревняхъ, заключающихъ въ себѣ отъ одного до 10 дворовъ, большею же частію по 5 или 6 дворовъ. Отъ того къ приходу причислено бываетъ иногда по 60, по 70 и даже по 80 деревень, и это замѣчается особенно тамъ, гдѣ рас-

стол. раскольники, производившіе грабежи въ православныхъ селахъ и гдѣ были ихъ пристанища и часовни. Раскольническіе наставники тѣмъ легче уловляли въ свои пристанища правосл. Пудожскихъ христіанъ, что въ это время въ пудожскомъ погостѣ священники были безпечные.

¹⁾ А. П. л. III, № 151: Оболенскія пятинны Выгозерскаго стану Егорьевскаго погосту“. А. А. Э. т. III, № 293 и др.

²⁾ О пятинахъ и погостахъ новгор. стр. 96, 105.

³⁾ Кромѣ того, надобно замѣтить еще, что тогда церкви строились большею частію деревянныя; оттого онѣ скоро ветшали и разваливались и часто сгорали, — о чемъ въ писцовыхъ книгахъ также весьма часто замѣчается. А постройка новыхъ храмовъ часто долго не разрѣшалась правительствомъ и не предпринималась за недостаткомъ средствъ.

⁴⁾ Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Троицкой-Серг. лавры и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятѣжахъ, стр. 39, 40.

когда болѣе распространены. Въ такихъ приходахъ деревни отъ церкви отстоятъ иногда на 20 и болѣе верстъ, а въ приходѣ считается иногда по 3, по 4 и даже по 5000 душъ. Что же сказать о прежнемъ времени, когда здѣсь только что распространялся расколъ? Тогда тѣмъ менѣе здѣсь было храмовъ, что крестьяне въ то время только-что селились въ этихъ мѣстахъ, во множествѣ переселяясь изъ дворцовыхъ вотчинъ, изъ подъ Москвы, изъ владимірскихъ предѣловъ и изъ другихъ мѣстъ. Слѣдовательно, пока эти переселенцы сами обзаводились домами на новыхъ мѣстахъ, они, конечно, не могли построить себѣ церквей въ достаточномъ количествѣ. А помѣщики, къ сожалѣнію, заботясь больше объ оброкѣ и объ умноженіи народонаселенія въ своихъ помѣстьяхъ, не всегда заботились сооружать для новосельцовъ церкви. Пастыри же раскольническихъ скитовъ и монастырей нѣлѣзностно приходили къ нимъ и записывали ихъ въ свое согласіе. Въ Казанскій край, во 2-й половинѣ XVII вѣка, постоянно прибывали новые переселенцы изъ Нижняго и другихъ мѣстъ и селились цѣлыми деревнями подлѣ казанскихъ монастырей и пустыней¹⁾; а между тѣмъ эти бѣдныя пустыни часто не имѣли чѣмъ построить и содержать даже въ своихъ стѣнахъ церквей. Такъ напр. въ 1689 г. архимандритъ козмодемьянскаго спасо-юнгинскаго монастыря Мисаилъ былъ челомъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, что «у нихъ церкви стали ветхи и сгнили, а построить имъ новыхъ церквей за скудость нечѣмъ, потому что отъ города стало въ дальнемъ разстояніи, и къ монастырю де у нихъ никакихъ угодій и рыбныхъ ловель нѣтъ». Въ 1695 г. и эти церкви «погорѣли безъ остатку», и архим. Мелетій былъ челомъ ц. Петру Алексѣевичу, «что крестьяне ихъ оскудѣли и многіе разбрелись врознь, и нынѣ де имъ святыхъ церквей, иконъ и книгъ и всякихъ утварей по-

¹⁾ Не указывая на издаваемые акты, мы приведемъ здѣсь слѣдующее свидѣтельство о переселеніи крестьянъ въ завожскія страны въ нынѣшнюю Казанскую губернію изъ челобитной иноковъ Ранской пустыни Петру Великому, хранящейся въ архивѣ этой пустыни: «дано къ той Ранской пустынѣ (пар. Алексѣемъ Михайловичемъ) для всякихъ потребъ земли по Казанской дорогѣ до Осиновой долины до долгаго боярака, а отъ долгаго боярака къ Волгѣ рѣкѣ до матерого кряжу, а матерымъ кряжемъ чрезъ Сумку рѣчку вкругъ до того же долгаго бояраку и съ новоросченною землею, на которой поселились пришлые русскіе люди на ясаки, и учинены по межѣ грани и амы и всякіе познаки, и въ тѣхъ де ихъ межахъ и урочищахъ на отводной новоросченной землѣ не въ давнихъ лѣтѣхъ утѣны ихъ схожіе русскіе люди изселеніи дворами вновь, и монастырскую ихъ землю распахиваютъ». Въ 1670 г. иноки Ранской же пустыни писали царю Алексѣю Михайловичу: «по Зюрейской дорогѣ новая пустошь надъ Камою рѣкою урочище евинныя горы поросли дикимъ лѣсомъ отъ устья Вятки рѣки по Камѣ рѣкѣ до рѣчки Кострѣвки, и отъ тое рѣчки въ гору прямо до Костреневскаго озера по татарскія пустоши верхняя межа къ Вяткѣ рѣкѣ по черемнскіе лѣса, по Мамашевскія дуга, а на томъ мѣстѣ вновь поселились пришлые люди крестьяне на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ рощищали и распахивали». Такимъ образомъ образовались деревни: Свинныя горы, село Костренѣво съ ясачными новокрещенными, деревня Яковлева и другія. А храмовъ во всѣхъ этихъ новыхъ селахъ не было (списки съ актовъ изъ архива Ран. пуст. находящ. въ библ. Каз. Дух. Академіи).

строить нечѣмъ»¹⁾. Въ Свіяжскомъ писцовомъ перечневомъ спискѣ 7159 (1651) года замѣчено, что послѣ писцоваго перечневаго списка 155 года (1647), слѣдов. въ 3 или 4 года, вновь населили пришлые крестьяне на монастырскомъ поверстномъ лѣсу 3 деревни, въ числѣ 382 душъ одного мужескаго пола: деревню Курочкина на ключѣ—180 душъ, деревню Ломовку—81 душа, деревню Гоголиху—121 душа; всѣ эти новонаселенныя деревни оставались безъ церкви, да къ нимъ еще примыкало до 20 старыхъ починовъ и деревень также безъ церквей²⁾. О недостаткѣ храмовъ въ Казанской епархіи въ 1719 г. доносилъ святѣйшему Синоду іером. Алексѣй, казначей Казанскаго митрополита и управитель духовныхъ дѣлъ по отношенію къ обращенію инородцевъ Казанской епархіи: «новокрещенцы жителъство имѣють отъ церквей разстояніемъ верстъ по 20 и больше, и между ино-вѣрными, просятъ, чтобы въ близости селъ церкви вновь построить. Которыя малолюдныя новокрещенныя деревни, въ дальнемъ разстояніи отъ церквей, верстъ по 30 и больше, а за неудобнымъ путемъ лѣтнимъ временемъ для крещенія и усопшихъ погребенія къ церкви ѣздить имъ бываетъ весьма нужно, просятъ, чтобы для того построить въ удобныхъ мѣстахъ въ близости часовни»...³⁾. При такомъ недостаткѣ храмовъ во многихъ мѣстахъ Казанской епархіи, особенно въ деревняхъ, вновь населенныхъ пришлыми крестьянами во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, неудивительно, что расколуचितели успѣли здѣсь записать въ свои скиты многихъ поселенъ: во многихъ деревняхъ казанскихъ, такимъ образомъ населявшихся во второй половинѣ XVII вѣка бѣглыми и пришлыми изъ Нижняго-Новгорода, изъ-подъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ, въ числѣ выходцевъ приходили и селились и раскольникки, бѣжавшіе отъ православныхъ храмовъ въ мѣста, гдѣ не было ихъ. Точно также распространялся расколъ въ Саратовской губерніи, на луговой сторонѣ Волги по берегамъ рѣки большаго Иргиза, послѣ того какъ сюда прибыли въ 1762 году раскольники изъ Польши. Въ то время и сюда также во множествѣ переселялись крестьяне изъ разныхъ губерній, а храмовъ на новонаселенныхъ мѣстахъ не было. Православные, за неимѣніемъ православныхъ церквей, иногда, обращались для исправленія необходимыхъ христіанскихъ требъ къ раскольниковымъ монастырямъ, иногда по внушенію раскольниковыхъ настоятелей, а иногда даже и насильно были принуждаемы къ тому раскольниками. Такимъ образомъ весьма многіе совращались въ расколъ⁴⁾. Наконецъ, въ третьей мѣстности особенно сильнаго распространенія раскола, въ Сибирской епархіи, храмовъ, судя по обширному пространству, было также весьма недостаточно для православныхъ, хотя, по числу тогдашней населенности Сибири, ихъ, повидимому, и довольно было. Именно, по описи 1702 года, въ Сибирской епархіи считалось

1) Списки съ актовъ изъ архива спасо-юулиг. монастыря, принадлежащ. Каз. Дух. Академіи.

2) Выписка изъ свіажекихъ писцовыхъ книгъ, находящаяся въ числѣ другихъ выписокъ изъ архивовъ казанск. монастырей и пустыней въ библ. Каз. Дух. Академіи.

3) Свѣдѣнія о монаст. Каз. епархіи, рукопись Каз. Дух. Акад.

4) Рукоп. о Саратов. раскольникахъ, л. 193, 394.

160 церквей¹⁾, а народонаселеніе православное къ іюлю 1709 г. простиралось до 229,227 душ²⁾, исключая впрочемъ новокрещенныхъ изъ туземныхъ народовъ, которыхъ, вѣроятно, было не менѣе 15-ти или 20,000 душъ. Слѣдовательно приходилось на 1432 души однихъ русскихъ переселенцевъ по 1 церкви. Конечно, для такого числа душъ одной церкви, можетъ быть, и достаточно при сосредоточенномъ народонаселеніи. Но надобно замѣтить, что въ Сибири тогда народонаселеніе умножалось, а главное—разсѣяно было на пространствѣ болѣе 300,000 квадр. миль (2,100,000 кв. верстъ.) Безъ всякаго сомнѣнія, многіе приходы простирались на нѣсколько сотъ верстъ³⁾; потому деревни отъ церквей часто отстояли чрезмѣрно далеко, и притомъ нерѣдко отдѣлялись отъ нихъ лѣсами, озерами и большими рѣками. Если нынѣ есть еще въ Сибири много такихъ приходовъ, въ которыхъ православные живутъ отъ церквей своихъ верстъ за 30, за 50 и даже за 100; то въ XVII столѣтіи такіе приходы должны были еще чаще встрѣчаться. Тогда православные русскіе только что селились тамъ и селились малыми деревнями, въ разныхъ мѣстахъ, смотря по удобству мѣста для жительства. Оттого деревни были, болѣею частью, разрознены между собою, разбросаны на обширномъ протяженіи прівольной Сибирской земли. Очевидно, что во всѣхъ этихъ деревняхъ нельзя было вдругъ построить церквей. Къ тому же, въ то время, когда въ тобольской епархіи особенно сильно распространялся расколъ, тамъ многія церкви часто сгорали. Такъ въ 1677 г. въ Тобольскѣ отъ молніи сгорѣли соборная церковь со всею утварью и 7 приходскихъ церквей, да въ знаменскомъ монастырѣ 3 церкви. Въ 1680 г. въ Тобольскѣ же сгорѣла Вознесенская церковь и церковь Живоначальная Троицы. Въ 1681 г. въ Абалацкомъ селѣ сгорѣли отъ молніи двѣ деревянныя церкви⁴⁾. Въ 1693 г. сгорѣла въ Верхотурѣ соборная церковь Живоначальная Троицы⁵⁾. Иногда, по злобѣ, раскольники сожигали православныя церкви. Такъ, въ 1636 г. въ 1-й день Пасхи, во время заутрени, въ селѣ Каменкѣ (тюменскаго уѣзда) сгорѣла Покровская церковь съ людьми, и въ то же время старая, пустая церковь, отъ пороха, подожженная раскольниками. Въ томъ же году, 25 апрѣля, вмѣстѣ съ гор. Тюменью сгорѣли отъ поджога раскольниковъ 2 соборн. церкви, также церкви Иліи Пророка, Спасская, Знаменская⁶⁾. А на мѣсто сгорѣвшихъ новыя церкви иногда весьма долго не строились. До 1726 года и нельзя было построить церкви безъ разрѣшенія высшаго церковнаго Правительства, или даже самого царя. Только съ этого года, св. Синодъ, видя крайнюю нужду скорѣйшаго построенія церквей во многихъ мѣстахъ, разрѣшилъ: «просителямъ о построеніи церквей, обязывая ихъ въ надлежа-

¹⁾ Матеріалы для истор. христіанск. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г. Мартъ отд. V, стр. 40.

²⁾ Словцовъ, истор. обзоръ Сибири. стр. 323, 1838 г.

³⁾ Временникъ Моск. Общ. Ист. кн. XX свѣщ. Сулоцкого о Филоевѣ Лещинскомъ.

⁴⁾ Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г.

⁵⁾ А. II. т. V, № 121.

⁶⁾ Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. Февраль.

щемъ письменно съ рукоприкладываніемъ, не отписываясь въ св. Синодъ, о строеніи церквей давать позволеніе синодальной области въ Духовной Дикастеріи, а въ епархіяхъ архіереямъ, чтобъ отъ нестроенія, гдѣ конечная въ томъ имѣется нужда, и долговременно за письменною о позволеніи того пересылкою, во всякихъ церковныхъ исправленіяхъ по закону христіанскому въ тѣхъ мѣстахъ обывателями, никакой нужды не происходило»¹⁾. Между тѣмъ православные, живя долго безъ храмовъ и безъ церковнаго богослуженія, невольно дѣлались холодными къ православной церкви и наконецъ отпадали отъ нея. Вообще, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православныхъ церквей было весьма мало, или даже вовсе не было, а между тѣмъ вблизи находились раскольническіе монастыри и часовни,—расколъ весьма сильно распространялся. Расколоучители, коль скоро примѣчали, что гдѣ нибудь нѣтъ церкви, или она по какому-либо случаю упразднилась, тотчасъ являлись въ такихъ приходахъ и дѣйствовали на народъ. Православные, въ которыхъ еще не погасло чувство благочестія, не охладѣло желаніе ходить въ церковь молиться Богу и исполнять необходимыя христіанскія требы, за неимѣніемъ вблизи православной церкви, охотно соглашались посѣщать хоть эти раскольническіе монастыри и часовни. А тамъ легко совращались и въ расколъ: часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала ихъ, плѣняла простое, вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ, обрядовымъ благолѣпіемъ, сладостію тихаго стариннаго, столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностію внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія. А тѣ изъ православныхъ, въ которыхъ не было чувства благочестія, и совершенно охладѣло желаніе посѣщать храмъ Божій, охотно принимали расколъ, потому что онъ поблажалъ лѣности ходить въ церковь, и даже прямо училъ не ходить въ церковь.

Подобнымъ образомъ расколъ уловлялъ въ свои сѣти многихъ православныхъ и въ тѣхъ приходахъ, гдѣ хотя храмы и были, но не было священниковъ, или ихъ было мало, не соразмѣрно съ числомъ душъ въ приходѣ. Такихъ приходовъ въ русской церкви, въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія, было не мало, и опять, къ сожалѣнію, они были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расколъ особенно былъ развитъ. Въ писцовыхъ книгахъ пятины и погостовъ новгородскихъ многократно замѣчается, что тамъ во многихъ погостахъ и часто «церкви стояли безъ пѣнья пусты, или дворы поповы были пусты»²⁾. Изъ актовъ историческихъ видно также, что у

¹⁾ П. С. З. т. VII, № 4988.

²⁾ Такъ напр. въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, заонежской половины 7091 г. (1583) читаемъ: «погостъ Ондреевскій Грузинскій, село Грузино, а въ немъ церкви Ондрей первозванный, каменная, да въ предѣлѣ Покровъ пресв. Богородицы, стоятъ безъ пѣнья пусты (Невол. О пят. новг. Прилож. VI, стр. 140); погостъ Васильевскій на Волховѣ, на погостѣ церкви Василій Кесарійскій стоитъ безъ пѣнья (стр. 147); погостъ Богоявленскій на Сяси, а на погостѣ церковь Богоявленіе Господне стоитъ безъ пѣнья, въ томъ же погостѣ на никольской землѣ Медвѣжницкаго монастыря на р. на Сяси стоитъ церковь пресв. Богородицы безъ пѣнья (стр. 144); погостъ

нѣкоторыхъ церквей въ пятинахъ новгородскихъ, во время самаго сильнаго распространѣнія тамъ раскола, не было священниковъ ¹⁾. «Въ погостахъ Вотской и Шелонской пятинъ, читаемъ въ актахъ историческихъ въ близости границъ Польши и Швеціи, *скудости ради іереевъ*, церкви искореняются... тѣхъ градовъ архіерей въ тѣ зарубежныя мѣста іереевъ не поставляютъ, и оттого и достальные христіане, будучи за рубежомъ, искореняются» ²⁾. И это, надобно замѣтить, было въ томъ краю, гдѣ еще скрывались остатки древней ереси стригольниковъ, предтечи мнимыхъ старообрядцевъ безноповщинской секты. Въ другихъ епархіяхъ, гдѣ также весьма сильно распространялся расколъ, также во многихъ мѣстахъ ощущеніемъ были недостатки въ священникахъ. Въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ, равно и въ селахъ, многіе приходы лишились священниковъ въ 1656 г., по случаю мороваго повѣтрія. «Мнози, писалъ тогда патр. Никонъ, *за умаленіе іереевъ*, ниже спутника добраго нашего, Пречистаго Тѣла и Крови Христовы сподобншася» ³⁾; а въ это же время, какъ извѣстно, и расколъ началъ распространяться. Вологодскій архіепископъ Маркелль доносилъ царю въ 1650 г., что въ Капитоновской Княгини-

Рождественскій на Сяси, Ладужской присудъ (уѣздъ), на погостъ церковь Рождество Христово, другая церковь Рождество Іоанна Предтечи, стоятъ *безъ пѣнья*; погостъ Никольскій на р. на Иногжѣ, а на погостъ церковь Никола чудотворецъ, да на погостъ же *дворъ поповъ пустъ*, дьячка церковнаго (дворъ) пустъ. (Времен. М. Общ. Пет. и Древн. Росс. кн. VI, стр. 58, 59); въ Никольскомъ же погостѣ на Иногжѣ на порогъ церкви великія Христовы мученицы Парасковіи деревянная стоитъ *безъ пѣнья*, да *дворъ пустъ поповъ*, да дворъ дьячковъ пустъ, да дворъ пономаревъ пустъ (16 стр. 61); въ Никольскомъ же погостѣ на Иногжѣ въ монастырѣ Середокоротномъ двѣ деревянныя церкви стояли *пустыя безъ пѣнья* (16 стр. 61); погостъ Кожельскій, а на погостъ церковь Егорей страстотерпецъ, да церковь теплая Покровъ пресвятыя Богородицы, да церковь Живоначальная Троица стоятъ *безъ пѣнья*, да двѣнадцать дворовъ пусты церковнаго причета (стр. 69); погостъ Никольскій на Явоимѣ рѣкѣ, а на погостъ церковь деревянная Никола чудотворецъ, да другая церковь деревянная же съ трапезою Бориса и Глѣба стоятъ *безъ пѣнья* (стр. 75); погостъ Спасскій на Шугозеро, а на погостъ церковь Преображенія Спасова деревянная, да на погостъ дворъ поповъ пустъ, дьячка пустъ (стр. 77); погостъ Егорьевскій въ Кайвушахъ, а на погостъ церковь деревянная страстотерпица Христова Георгія, стоитъ безъ пѣнья, погостъ Михайловскій въ озерахъ, а на погостъ Михайло Архангель безъ пѣнья, да на погостъ жъ дворы церковнаго причета пусты (стр. 85). Равнымъ образомъ изъ дозорныхъ книгъ Деревской пятины 128 г. (1620), г. видно, что стояли безъ пѣнья: на погостъ Лажинскомъ два храма деревянныя Борисъ и Глѣбъ, на погостъ Молвяжнскомъ храмъ Егорей страстотерпецъ, на погостъ Пошновскомъ—Никола чудотворецъ, каменный. (О пятин. и погост. новгор. Прил. VIII). Если въ концѣ XVI и въ 1-й половинѣ XVII стол. во многихъ погостахъ Новгородскихъ церкви стояли пусты, безъ пѣнья, дворы поповъ были пусты, а православные жили безъ отцовъ духовныхъ, безъ церковнаго богослуженія и назиданія; то, по всей вѣроятности, много было такихъ погостовъ въ пятинахъ Новгор. и во 2-й половинѣ XVII стол., когда тамъ распространялся расколъ, какъ это отчасти и показываютъ акты историч. Весьма жаль, что мы не имѣемъ подъ руками самыхъ писцовыхъ книгъ, во всей ихъ полнотѣ. Особенно хорошо бы пересмотрѣть эти книги XVII столѣтія.

¹⁾ А. II. т. V, № 244, стр. 451.

²⁾ А. II. т. V, № 75, стр. 114.

³⁾ Апостола, жит. п. Ник. стр. 129. Окруж. посл. п. Никона.

ской пустыни Вологодскаго уѣзда 3 церкви, а *попа* де чернаго въ той пустыни *нѣтъ*, а братья у нихъ многія помираютъ безъ даровъ и безъ покаянія, *и тѣ церкви стоятъ безъ пѣнныя. пусть, десять лѣтъ*» ¹⁾. Въ XVII стол. священники еще часто «высылались изъ своихъ приходовъ къ суду въ Москвѣ, въ приказы на патріаршѣ дворѣ»: здѣсь они, какъ сказано въ соборномъ опредѣленіи 1675 г., волочилися иногда долгое время, а «у приходскихъ церквей, между тѣмъ. въ городѣхъ и уѣздѣхъ, *безъ священниковъ происходило всякое церковное неисправленіе, а православные христіане оставались безъ всякаго церковнаго просвѣщенія*» ²⁾. Въ началѣ XVIII стол., въ Ростовской епархіи, по описи 1702 г., считалось 731 церковь, но приходы этихъ церквей, по числу душъ, въ нихъ числившихся, были чрезвычайно неравномѣрны: священниковъ было мало. «Нѣкоторые іереи, жаювался св. Димитрій Ростовскій, имѣли подъ собою многую душу члвческихъ паству, и *не могли досмотрѣти всѣхъ*» ³⁾. Въ 1711 г. билъ челомъ м. Рязанскому и Муромскому Стефану кн. Василій Лукинъ, сынъ Долгоруковъ, «что де въ его новоселебной вотчинѣ въ селѣцѣ Никольскомъ въ приходѣ у крестьянъ его приходскаго попа нѣтъ, и безъ приходскаго попа они крестьяне его бывають въ великихъ нуждахъ по долгое время. и о новой церкви Божіей о строеніи ходитъ и радѣтъ не кому, потому что крестьянамъ такое дѣло не заобычность» ⁴⁾. Въ нижегородской епархіи, съ 1736 по 1738 годъ, по случаю вызова духовныхъ въ нижегородскія училища, при градскихъ и уѣздныхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ, оказалось въ недостаткѣ 3 протопопа, 135 поповъ, 187 диаконовъ, 972 дьячка и пономаря, всего 1297 священно-церковно-служителей. Недостатокъ этотъ опредѣлено было замѣнить 473 духовными воспитанниками, — окончившими ученіе и еще учившимися въ школахъ: остальныхъ 824 священно-церковно-служителей не доставало ⁵⁾. Въ указѣ в. Синода Ноября 23, 1725 г. сказано: «многія уѣздныхъ церковныхъ приходовъ деревни обрѣтаются отъ церквей въ дальномъ разстояніи, и одному священнику въ надлежащихъ со священными потребамъ дѣйствовать и справиться весьма невозможно, а приходскимъ людямъ конечная приключается нужда, и можетъ быть, что нѣкоторые и помираютъ безъ покаянія и безъ причастія» ⁶⁾. Въ 1739 году Императрица Анна Іоанновна, въ указѣ своемъ отъ 8 января, писала в. Синоду: «нынѣ де извѣстно Ея Императорскому Величеству есть, что не токмо учительныхъ священниковъ, но *при многихъ церквахъ, а наипаче въ уѣздахъ, и никакихъ нѣтъ*, и многія церкви стоятъ празды. понеже бывшіе при церквахъ священники померли, а другіе за выпы и непорядочное жи-

¹⁾ А. П. т. IV, № 37, стр. 127.

²⁾ А. А. Э. IV, № 204, п. 6.

³⁾ Древн. Росс. Визитат. ч. XVII, стр. 83

⁴⁾ Грам. Рязан. края, стр. 167.

⁵⁾ Времен. М. Общ. Ист. кн. XVII: 1738 г. дек. 24 инструкция, данная по именному указу, изъ нижегород. архіерейской домовоі консисторіи славяно-греко-латинскихъ школъ изучившимся ученикамъ.

⁶⁾ П. С. З. т. VII, № 4804.

тіе отлучены, вмѣсто которыхъ надлежало тогда же архіереямъ, въ епархіяхъ своихъ выбравъ, достойныхъ опредѣлить безъ продолженія времени, однакожъ сіе важное и человѣческому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предано, а между тѣмъ люди безъ покаянія и безъ причастія святыхъ таинъ помираютъ, слѣдственно того надлежитъ и тому быть, что въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ люди принуждены жить безъ принятія отъ церкви брака, и тако многія души погибаютъ напрасно¹⁾. Если такимъ образомъ во многихъ приходахъ православные въ то время, какъ между ними распространялся расколъ, жили безъ пастырей, слѣдовательно не только безъ поученія, но и безъ требъ, и жили такъ иногда долгое время: то кто же могъ предохранить ихъ отъ раскола? И долго ли было при такомъ долговременномъ, а иногда можетъ быть и постоянномъ житіи православныхъ безъ священниковъ, долго ли было возникнуть безпоповщинѣ? Мы видѣли выше, что въ Княгининской пустыни братія 10 лѣтъ жили безъ священниковъ, и церкви у нихъ въ продолженіе этого времени стояли впустѣ, безъ пѣнья. Удивительно ли послѣ этого, что въ этой-то именно пустыни и получила свое начало безпоповщина отъ монаха Калитона, по имени котораго сначала нѣсколько времени и самый расколъ назывался калитоновскою ересью, а раскольники—калитоновцами, и именно въ то самое время, какъ въ этой пустыни 10 лѣтъ не было священниковъ? Отъ долговременнаго пребыванія православныхъ безъ священниковъ, отъ привычки жить и обходиться въ духовной жизни безъ поповъ быть весьма недалекій и легкій переходъ къ совершенной безпоповщинѣ, какъ это мы отчасти видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Какъ недостатокъ священниковъ въ однихъ приходахъ особенно благоприятствовалъ происхожденію и умноженію безпоповщины, такъ *излишекъ ихъ въ другихъ приходахъ и множество священниковъ безмѣстныхъ, бродячихъ и запрещенныхъ* особенно благоприятствовали умноженію безпоповщины. Въ XVII столѣтіи и въ 1-й половинѣ XVIII штатъ священно-церковно-служителей при соборныхъ и приходскихъ церквахъ былъ весьма неопредѣленный. Часто въ небольшихъ приходахъ священниковъ было много, отъ 3 до 6 и даже до 8, а въ большихъ не болѣе одного, а иногда и того не было. Такъ напр. во Владимірскомъ уѣздѣ, въ Ярополчевской волости у церквей поповъ было по 8, по 6, и по 4 и по 3,—и тѣ лѣнились совершать Богослуженіе²⁾. Въ 1711 г. пошъ Шатскаго уѣзда сазъ Ласина Рязанской епархіи Аванасій Михайловъ при допросѣ сказывалъ, что въ томъ приходѣ, гдѣ онъ служилъ, было только 15 дворовъ, а поповъ въ нихъ было 2, и «двумъ де имъ понамъ у такого малаго приходу кормиться нечѣмъ»³⁾. Въ прибавленіи къ Духовному Регламенту читаемъ: «въ Россіи хотя не ставятся священники и діаконы просто (безъ назначенія къ какому либо приходу), однакожъ многіе ставятся къ единой церкви, свыше potreбы, и многіе, оставивъ свою церковь, въ которой по-

¹⁾ П. С. З. т. X, № 7734: между тѣмъ какъ въ друг. мѣстахъ иногда церкви были лишніи. П. С. З. т. V, 2083.

²⁾ А. И. т. IV, № 326.

³⁾ Грам. Ряз. края стр. 168.

влены были, волочатся сѣмо и овамо»¹⁾. Излишекъ священниковъ то происходилъ оттого, что при выборѣ и посвященіи ставленниковъ обращали строгаго вниманія на достоинства ставленниковъ и на нужды квей. «Нѣкоторые ставленники, какъ видно изъ грамоты м. новгородскаго Макарія (1654 г.), приходили въ архіерейскій домъ и пролыгались, жазывали, что попа у церкви нѣтъ; а они скупали прихожанъ немного, да архіерею о поставленіи и били челомъ. и о томъ у нихъ вражда огая бываетъ, а у того храма попъ есть»²⁾. Оттого много было священниковъ недостойныхъ; всякаго рода люди облекались въ священныя. «Умножися, говорили отцы Собора 1667 г., бѣглыхъ изъ рабства, крестыянства, ставятся въ попы и діаконы не священства ради, пошгають ся не духовнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ и крестыяне крестыянствѣ быть»³⁾. И въ самомъ духовенствѣ, обыкновенно, священо-служительскія мѣста переходили по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ, а отцы между тѣмъ весьма мало заботились о должномъ приголеніи своихъ дѣтей къ священно-служенію: они иногда «оставляли ихъ, словамъ отцовъ Собора 1667 г., наслѣдниками мамонтъ, а церковь Христову корчемствовали»⁴⁾. «При многихъ церквахъ, читаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, попъ не припускаетъ въ церковники чужихъ, но своими сынами или сродниками мѣсто того служенія занимаетъ, гда и вяще потребности, и не смотря, угодны ли суть и грамотѣ искусства. Сіе, кромѣ иныхъ благословныхъ винъ, и для того наипаче вредно, что тако удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ не дѣбѣтъ, и расколыщиковъ покрывать»⁵⁾. Въ царствованіе Петра Великаго, огіе посвящались во священники и діаконы для избѣжанія военной нужды. «Освященному Собору и Правительствующему Сенату вѣдомо шилось, — читаемъ въ указѣ 1711 года Апрѣля 25, — отнележе начаса указу Великаго Государя, брать на службу Его Государеву людей молодыхъ (въ томъ числѣ и лишнихъ дѣтей духовнаго чина) къ воинскому у годныхъ; и о томъ услышавше дѣячки, пономари и сынове поповіе и діаконскіе, различными коварными образами и лжесоставными чечетными, похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно, неправедно, овогда лѣтъ, подобающихъ таковому чину немуще, овогда прибыль въ другіе попы, либо въ діаконы посвящающесея, которымъ поженіемъ веліе бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священ-

¹⁾ П. С. З. т. VI, стр. 706.

²⁾ А. А. Э. т. IV, № 331.

³⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 490. «Мнози читаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, въ священнической чинъ вдираются не для чего иного, только для болѣе свободы и пропитанія, а никакого званію своему должнаго искусства не имѣють...» «Многіе ставились въ попы и въ причетъ причислялись, бѣжа со службы» П. С. З. т. VI, стр. 699, 700.

⁴⁾ Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 473.—Отцы не учили своихъ дѣтей: оттого бѣглихъ занимались воровствомъ, чернокнижествомъ и другими неподобными дѣлами. П. С. З. т. I, № 291.

⁵⁾ П. С. З. т. VI, стр. 701.

нымъ чинѣмъ»¹⁾. При такомъ множествѣ лишнихъ священно-церковъ служителей, естественно, много было разстригъ, запрещенныхъ, безмѣстныхъ бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и другихъ церковныхъ причетниковъ. Всѣ отверженные, недостойные священники и діаконы, не имѣя прихода своихъ, бродили по городамъ и селамъ, или, какъ сказано въ прибавкѣ къ Духовному Регламенту, «оставивъ свою церковь, къ которой поставлены были, волочились сѣмо и овамо». Обычай нѣкоторыхъ мірянъ, особѣ вельможъ, держать у себя въ домахъ священниковъ, происшедшій часъ изъ суевѣрія, частію отъ вельможной гордости, весьма много также (согнѣпствовало) умноженію лишнихъ и бѣглыхъ священниковъ. «Бывали же по многимъ дворамъ поны бѣглецы, порочніи и отъ архіереевъ сво запрещенніи, самозванцы; и иныхъ же вдовы держатъ подѣ образомъ требъ церковныхъ не безъ подозрѣнія, яково неоднократно явилось духовныхъ дѣлахъ: отъ таковыхъ поповъ, скрыто живущихъ по дворамъ многая дѣются беззаконія, браки безправильныя вѣнчаются и прочая. Если же такъ много было священниковъ лишнихъ, запрещенныхъ, мѣстныхъ, бѣглыхъ: то удивительно ли послѣ этого, что такъ съумножилась бѣгло-поповщина? Всѣ эти безмѣстные, запрещенные, лишніе священники, не находя себѣ мѣстъ въ православныхъ приходахъ, обѣжались къ раскольникамъ, которые принимали ихъ съ честію и платили большіе деньги. «Если бы не было бѣглыхъ поповъ, скажемъ вами преев. Игнатія Воронежскаго, не было бы и бѣгло-поповщины».

Впрочемъ, многіе священники, діаконы и причетники обѣжались православнои церкви въ расколъ отъ того, что въ православныхъ шридахъ имъ иногда *было весьма тяжело жить*. Они находились въ слишкомъ большей зависимости отъ мірскихъ лицъ, отъ свѣтскихъ чиновниковъ и рейскихъ приказовъ, отъ гражданскихъ областныхъ управителей, и даже отъ своихъ прихожанъ. Особенно часто притѣсняли ихъ архіерей чиновники²⁾. Такъ при поставленіи ихъ во священники и діа-

¹⁾ П. С. З. т. IV, № 2352.

²⁾ П. С. З. VI, стр. 705. Вообще должно замѣтить, что духовное сословіе XVII в. и въ началѣ XVIII в. слишкомъ умножилось. Какъ ни старался Петръ сократить число его записью низшихъ церковно-служителей въ подушный окладъ, военную и гражданскую службу, размѣщеніемъ въ служители архіерейскихъ делъ въ приказники помѣщикамъ, — не смотря на то въ 1739 г. послѣ генеральной переписи, оказалось, что число лишнихъ духовныхъ, какъ сказано въ указѣ, «не уменьшилось, но и прибыло слишкомъ 57,000 человекъ». П. С. З. X, № 7734.

³⁾ Духовенство давно начало тяготиться стѣсненіемъ со стороны мірскихъ. Еще м. Кириллъ въ посланіи своемъ къ Нековичамъ писалъ (1359 г. Май 12): «есть слышати, ажь въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вѣщахъ, ино то есть кромѣ хрестіанскаго закона» (А. П. т. I, № 9). Туже мысль развитъ позже и м. Фотій въ посланіи своемъ въ Святгорскій монастырь. Іюня 27 дня (ib., № 26). Калачева о Кормчей. Чт. М. Общ. Ист. и древн. Росс. № 3, стр. 97. Въ началѣ XVI столѣтія само низшее духовенство жаловалось, что оно подчинено полной волѣ свѣтскихъ лицъ. Такова напр. жалоба Ростокирева Георгія (Ист. Русс. Цер. Филар. пер. III, 26). «Господа священноначальники не благоугодно надсматриваете за вѣрными людьми... называете церковь по царскому земнаго царя—боярами, дворецкими, педѣльщиками, подводщиками, для с

удѣліе казеннаго приказа и другія свѣтскія лица, принимавшія со ставленниковъ пошлінныя деньги. вмѣстѣ съ ниподіаконами брали съ нихъ сверхъ надлежащаго большія денежныя взятки, истязали ихъ и доводили до крайняго разоренія» ¹⁾. Поступали они въ приходъ: здѣсь архіерейскіе чиновники, управлявшіе въ епархіяхъ финансовою и полицейскою частью, съ нихъ строго взыскивали оброкъ ²⁾, при чемъ нерѣдко поступали съ ними весьма жестоко и несправедливо. Изъ соборнаго постановленія 1675 г. видно, что «ко освященному чину часто объявлялось всякое безчестіе, налоги, обругательство и убытки отъ архіерейскихъ дворянъ и дѣтей царскихъ ³⁾». Архіерейскіе сборщики дани часто «на поповъ и церковныхъ причетниковъ дань накладывали и вѣчныя пошліны и всякіе окладные и неокладные доходы собирали съ прибавкою, не противъ того, какъ дань накладывается и неокладные всякіе денежныя доходы собирались святѣйшаго патріарха въ казенномъ приказѣ. и оттого неравенства церковному чину чинились убытки лишніе» ⁴⁾. Эти сборы и расправа, съ ними соединенная, были весьма тягостны для приходскаго духовенства, особенно въ бедныхъ приходяхъ ⁵⁾, а отъ него простирались и на прихожанъ, и конечно, оставляли его въ непріязненное отношеніе къ пастырѣ. Тѣмъ болѣе тягостны имъ были, что тогда сельскіе священно-церковно-служители во многихъ мѣстахъ не имѣли ни особо отведенныхъ пахатныхъ земель, ни сѣнныхъ покосовъ, ни другихъ какихъ-либо угодій, равно не получали и руги отъ своихъ прихожанъ. Если кто-нибудь изъ духовныхъ хотѣлъ заниматься земледѣльствомъ, то долженъ былъ платить съ своихъ полей въ казну пятую часть добытаго хлѣба ⁶⁾. Матеріальное обезпеченіе священно-церковно-

прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіе олтарю въ олтаремъ содѣляются. И вамъ достоятъ части церковъ священникъми благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ» Соборы 1551 и 1667 г. старались прекратить стѣсненія духовныхъ со стороны мірскихъ лицъ (А. II. т. I, № 153, стр. 272. II. С. З. т. I, № 412, стр. 672, 673 и 677. Калач. о Кормч. въ Чт. Ист. стр. 98, 99), но они все-таки продолжались.

¹⁾ II. С. З. т. IX, стр. 303. О пошлинахъ со ставленниковъ см. напр. А. II. I, 276, 278. А. А. Э. I, № № 95, 103, 176, 233, 287, 382. Древн. Росс. Вивл. XV, 214, 215. См. также устав. грам. п. Адріана. Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XI.

²⁾ Извѣстно, что тогда приходское духовенство, равно какъ и монастыри, платили архіерейскій оброкъ 3 раза въ годъ,—на Рождество Христово, Великій день и Пасху, а не въ весенній. Поэтому приходскія церкви раздѣлялись на „тяглыя“ и „не-тяглыя“, также и бѣлое духовенство: упоминается напр. „тяглый попъ“. Оброкъ этотъ собирали особые архіерейскіе свѣтскіе чиновники, служившіе въ духовномъ казенномъ приказѣ, каковы были до 1675 г. десятильники-дворяне и дѣти боярскіе. См. подробности въ статьѣ Лохвицкаго: „очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи“. Русс. Вѣстн. за 1857 г. кн. 2.

³⁾ А. А. Э. т. IV, № 204.

⁴⁾ А. II. т. V, № 172, стр. 303.

⁵⁾ Бывали примѣры, что архіерейскихъ чиновниковъ били и даже убивали.

⁶⁾ II. С. З. т. т. III, № 1594, п. 23, № 1670, п. 14. Врем. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. XX, Ст. священ. Сулоцкого о Филоновѣ Лещинскомъ,—Изъ царской грамоты Псковскому воеводѣ Петру Головину видимъ что въ Псковской епархіи „посаженные люди священниковъ и діаконовъ у церквей держали и ружили собою, сколько хотѣли, ма-ло ругою“. А. II. V, № 172.

служителей «церквей мірскаго поставленья» всегда находилось въ болѣе зависимости отъ міра, отъ прихожанъ, съ которыми они заключали «рядную» или контрактъ, предъ которыми часто вынуждены бывали стыдно унижаться, чтобы получить деньги или ругу, и которые обидѣли ихъ. Отсюда въ корыстолюбивыхъ священникахъ и причетникахъ развивалось стремленіе—переходить отъ одной церкви къ другой.—исъискать выгоднаго мѣста, какое многіе изъ нихъ рѣшались искать и въ монастырскихъ скитахъ. Не обезпечиваемые въ содержаніи ни отъ прихожанъ, ни отъ правительства, священники часто должны были съ кѣмъ погружаться въ матеріальныя хлопоты, чтобы пріобрѣтать средства, а это часто отвлекало ихъ отъ духовныхъ обязанностей и обременяло самихъ. «Жалованья Государева имъ нѣтъ, говоритъ умный Посошокъ отъ міра никакого подаенія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться—нѣтъ: ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмынены: мужикъ соху, и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая духовная паштва остается въ сторонѣ» ¹⁾. Кромѣ того, еще вмѣшавъ въ дѣла духовнаго вѣдомства воеводы съ товарищами, и также причетными духовнымъ обиды и притѣсненія, налагали на нихъ, по своему произволу, «для своей корысти, большіе сборы» ²⁾. Случалось, что духовенство епархіи общимъ голосомъ, архимандриты и игумены съ братіею, старцы съ крестьянами, поны съ причетниками принуждены были являться на притѣсненія воеводъ и ихъ товарищей своимъ епархіальнымъ архіереямъ, а эти доносили царю ³⁾. Нерѣдко священники жаловались на своихъ архіереевъ,—будто они отнимали у нихъ вѣчные пошлыныходы. Такъ, когда въ 1618 году по челобитной Свияжскаго соборнаго попа Владиміра съ братіею объ отнятіи у нихъ вѣчныхъ пошлынъ м. скимъ Матѣемъ произведенъ былъ сыскъ, то архимандритъ Свияжскаго Богородицкаго монастыря, всѣ соборные старцы и иноки и бѣлое духовенство въ числѣ 13 священниковъ и 4 діаконъ, единогласно жаловались при дованіи дѣла: «то мы вѣдаемъ, что при прежнихъ казанскихъ архіепископахъ и митрополитѣхъ свияжской протопопъ съ братіею на соборѣ вѣчную пошлыну со всякихъ людей ималъ по Государеву указу, а казанскіе архіепископы и митрополиты въ Свияжскомъ свою вѣчную пошлыну имали по Государеву указу со всякихъ людей, а у Свияжскаго протопопа съ братіею ихъ вѣчную пошлыну не отымывали и не вступались, и то мы вѣдаемъ, что и пошло въ 124 г., Матвѣй митрополитъ Казанскій и Свияжскій у со церкви и у протопопа Володимера съ братіею ихъ вѣчную пошлыну имали по Государеву указу, отняли, а велѣтъ собирать на себѣ пошлыну своему въ Свияжскѣ» ⁴⁾. Такой же случай былъ въ Псковѣ, водилось ли кому изъ священно и церковно-служителей подвергаться

¹⁾ Соч. Посошкова о скудости и богатствѣ гл. I.

²⁾ А. А. З. т. III, стр. 159.

³⁾ А. А. З. т. IV, № 176.

⁴⁾ Списокъ съ наказу сыщику Нехорошему Губастому о годовой Свияжской пошлыне ругъ и о вѣчныхъ деньгахъ, и подлинной обыскъ его сторонними по сему наказу хранится въ арх. Свияж. Рождеств. собора.

удебная расправа съ ними была весьма тяжкая. Вспомнимъ, что до Собора 667 г. священниковъ, діаконовъ и вообще всѣхъ духовныхъ «волочили въ мірскія судилища и одни мірскіе люди судили освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта» ¹⁾. Вспомнимъ, что иногда сами воеводы, мимо Государевы жалованныя грамоты, «сильно судили духовенство за своей корысти, и причиняли имъ убытки великіе» ²⁾. Во время суда на тяжбы съ боярами, окольничими, думными, стольниками, стряпчими другими мірскими чиновниками, духовные терпѣли отъ нихъ большія утѣсненія, обиды, протори и исторы. Прежде сего времени, сказано въ борномъ опредѣленіи 1675 г., при прежнихъ Святѣйшихъ Патріарсахъ «павали челомъ на Москвѣ Святѣйшимъ Патріархомъ и имали зазывныя замоты съ Патріаршаго двора изъ Приказовъ бояре, и окольничіе, и думные, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы, и всякаго чину люди во всякихъ дѣлѣхъ, по архимандритовъ, и по игуменовъ, и по проителей, и всякаго монашескаго и священническаго чина, и по церковныхъ причетниковъ, къ суду къ Москвѣ, въ Приказы на Патріаршъ дворъ, тѣ люди всякаго духовнаго чину по грамотамъ къ суду къ Москвѣ выдвигались, и волочась долгое время, проѣдались и протори подымали съ великими убытками, а челобитчики имывали грамоты въ болышихъ нескѣхъ многое время не искали, а иные многое время волоча чинивали сдѣлки маломъ въ чемъ непротивъ неку, и оттого всякаго духовнаго чина людемъ бывало утѣсненіе великое, а душевредство, и убытки, и волокита прасная» ³⁾. Наконецъ, даже мужики, — посадскіе люди иногда обходились съ священниками и причетниками «какъ съ рабами, и священники ворить противъ нихъ ничего не смѣли» ⁴⁾. При такой стѣсненности низшаго духовенства, удивительно ли, что весьма многіе священники, діаконы причетники бѣжали изъ православныхъ приходоу къ раскольникамъ? Удивительно ли, что такъ сильно умножилась бѣглопоповщина? Слишкомъ большая зависимость низшаго духовенства отъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ въ отношеніи къ суду и управленію, и отъ народа въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ жизни, тяжкая расправа отъ мірскихъ дей, въ архіерейскихъ приказахъ, въ случаѣ суда или тяжбы духовныхъ; притѣсненія со стороны нѣкоторыхъ воеводъ, излишніе налоги и сборы архіерейскихъ сборщиковъ, дани, особенно тягостныя для бѣдныхъ простыхъ поповъ и причетниковъ, служившихъ въ бѣдныхъ приходехъ. — все это невольно иногда вынуждало нѣкоторыхъ церковно-служителей оставлять православную церковь и бѣжать въ раскольническіе скиты и монастыри.

Съ другой стороны, къ уклоненію православныхъ въ расколъ, особенно въ беспоповщину, и къ упорству въ расколѣ, къ несчастію, иногда подавали поводъ многіе изъ служителей православной церкви тѣмъ, что не заучали народа вѣрѣ и благочестію. Многіе православные священники почти

¹⁾ П. С. З. т. I, № 412, стр. 672.

²⁾ А. А. З. т. III, № 130.

³⁾ А. А. З. т. IV, № 204, п. 6.

⁴⁾ А. П. V, № 122.

вовсе не имѣли благотворнаго нравственнаго вліянія на свою паству, и от нихъ прихожане уклонялись въ расколъ. Чтобы предохранить православіе отъ раскола и поддержать въ нихъ единомысліе въ вѣрѣ,— для этого ну было, во-первыхъ постоянно поучать ихъ истинамъ христіанской вѣры, свѣщать ихъ мысли здоровыми религіозными понятіями и познаніями, чать ихъ отъ суевѣрій и предразсудковъ. Умственное состояніе православнаго Русскаго народа въ то время, когда въ немъ особенно сильно распространился расколъ, требовало особеннаго духовно-нравственнаго просвѣта и руководства, требовало особеннаго поученія со стороны пастырей. Лучшіе, благомыслящіе Русскіе люди того времени глубоко чувствовали ясно выражали эту существенную нравственную потребность Русскаго народа ¹⁾. Многіе православные, по свидѣтельству п. Іоасафа I, «гладные приходили въ церковь Божию съ жаждою духовнаго назиданія и наученія» ²⁾. Прихожане Московской церкви Іоанна Богослова, движимыя этимъ благочестивымъ желаніемъ познанія истинъ вѣры и благочестія, принуждены были сами просить у Восточныхъ Патріарховъ священныя «учительныя, могущія учить народъ» ³⁾. Простой народъ съ простодѣчнымъ довѣріемъ, готовъ былъ принимать и слушать всякаго ученика приходившаго къ нему съ словомъ Божиимъ и во имя Христова. Посомъ

¹⁾ Особенно живо и глубоко чувствовали эту потребность нравственно-религіознаго просвѣщенія народа нѣкоторые просвѣщенные архипастыри Русской церкви. Воплотивъ постигая, какъ необходимо было для народа познаніе истинъ вѣры и чести, они умоляли православныхъ читать или слушать слово Божіе, а священныя внушали какъ можно прилежнѣе и чаще учить народъ. Такъ напр. м. Ростиславъ Іона писалъ своей паствѣ и духовенству въ 1652 г. въ своемъ окружномъ посланіи: *«молю любовью вашу укрѣпляетесь духовнаго свѣта образомъ: аще ли жее обогатитесь Божественныхъ словесъ поученіемъ, не токмо безгрѣшны будете, но и паче прехвотите себѣ судьбы. Любо есть еже отемѣти не наученіемъ въ Божественныхъ писаніи... А вамъ бы со служебникомъ нашего смиренія, архимандритомъ и игуменомъ протопопомъ и попомъ и діакономъ, о томъ о всемъ, съ Божіею помощію потшатисъ своихъ духовныхъ оградѣхъ, надъ своими стадами, гдѣ кто нарекае пастыремъ, учили бы есте люди Божія, кто ни прилучится у церкви Божіа, на всякъ деи прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитати отъ Божественнаго Писанія поучити, тогда бѣ единъ почитати, а другой за нимъ толковать, или кто можетъ чести, толкуеть самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ»* (А. II. IV. N. М. Новгородскій Іовъ писалъ въ 1710 г. Февраля 23 къ Римскому-Корсакову: *«ничего иного желаю и прошу о силѣ точію, да будетъ у насъ вѣрному народу церковнаго согласія и плодъ Богоугоднаго богословія»* (С. П. В. Вѣд. 1855 г. N. Были и между свѣтскими такіе умные люди, которые сильно желали христіанскаго просвѣщенія народа и, по возможности, заботились о немъ. Таковъ напр. былъ и коменитый помѣщикъ Пермскій Димитрій Строгоновъ, *«зѣлный благочестія рачкъ, который бысть всѣмъ росейскимъ вельможамъ и многоименнымъ богатинамъ и свѣтло къ благочестію, якоже годѣ слышати во всѣхъ концы росейскія»*. Онъ-то дѣлъ Пермскаго священника въ городѣ Орлѣ предлагати народу въ церкви поученія воскресныя и другія чрезъ весь годъ: *«убѣди мя, говорить ототъ священныя повѣщу сущаго въ церкви Божіи люди учить, зѣло бо онъ любяше поученія Божественнаго закона слушати, азъ же по его Богоумному позволенію и любительному рачку началъ проповѣдывать»* и пр. (Опис. Рум. Муз. стр. 631).

²⁾ А. А. З. т. III. N. 264.

³⁾ Пет. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 240.

лица простого народа настоятельно высказывалъ Петру В. и просвѣщенному пастырю Стефану Яворскому, что для ученія народа нужны священники просвѣщенные, кассически образованные ¹⁾. Такъ ощутительна и настоятельна была потребность церковнаго духовно-назидательнаго ученія народа въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, когда въ церкви Русской распространился расколъ! Къ прискорбію, главные, ближайшіе учителя народа Русскаго, поставленные нарочито учить его истинамъ христіанства, священники весьма мало удовлетворяли, или даже почти вовсе не удовлетворяли этой существенной духовной потребности православнаго народа. Въ то печальное время, когда повсюду ходили расколоучители съ неумолною проповѣдію о расколѣ, многіе православные священники, какъ сами не имѣли надлежащаго богословскаго образованія, такъ и паству свою оставляли въ совершенномъ невѣдѣніи истинъ вѣры. Живая проповѣдь церковная замолкла на сѣверѣ Россіи еще въ XVI столѣтіи. Въ XVII в. многіе священники не только сами не составляли и не предлагали народу церковныхъ поученій, но оставляли и тѣ, которыя положено было предлагать въ храмахъ народу церковнымъ уставомъ. На это такъ жаловался п. Иоасафъ въ 1636 году: «чтенія, какія учинены прочитати на праздници учительныя народомъ Евангелія и ныня святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ писанія, то все поны оставляютъ, а православнымъ христіаномъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они также возбраняютъ, рекуще позднаго ради времени: и таковыя ради тѣхъ на воскресные дни и на праздници учительныя Евангелія и святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ поученія и житія отъ тѣхъ свѣдѣвшихъ священниковъ на заутреняхъ вотще оставляемы бывають, но приходящіе бо людѣ православные христіане, исходяще отъ церкви Божіа яко гладни, иже бо слова Божія прочитаемаго и св. Апостолъ и св. отецъ поученія и житія не слышаще и заповѣдей Божіихъ и св. Апостолъ и св. отецъ преданія не доумѣвающе творити; и видя то православные христіане въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе, и оттого имъ смущается умъ и скуდება душа» ²⁾. Во 2-й половинѣ XVII столѣтія, благодаря попеченіямъ великаго Никона, начала, правда, возобновляться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповѣдь церковная ³⁾. Такъ около 1684 года явился учительный священникъ въ городѣ Орлѣ, Пермской губерніи, который по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сказывалъ въ церкви поученія народу и составилъ рядъ такихъ поученій подъ названіемъ: «статирь». Онъ свидѣтельствовалъ еще, что «слышалъ, яко въ Россіи по многихъ градѣхъ премудріи священницы отъ устъ поученія читаютъ, а не съ книгъ, и людѣ зѣло любезно послушаютъ ихъ» ⁴⁾. Но всѣ эти полезныя предначинанія, къ сожалѣнію, были

¹⁾ Сочин. Посошкова, изд. Погодинымъ, гл. I, о духовности и въ концѣ допущеніе Ивана Посошкова митропол. Стефану Яворскому.

²⁾ А. А. Э. т. III, № 264.

³⁾ Примѣръ церковной проповѣди священникамъ подавали п. Никонтъ, Елифаній Славеничскій и, особенно, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій.

⁴⁾ Опис. Рум. Муз. № CCCCXI, стр. 629—632.

весьма недостаточны и далеко не повсемѣстны. Тогда какъ немало благомыслящіе священники постигали всю важность и необходимость ж проповѣди, и, по возможности, старались преподавать народу истины и благочестія, большая часть священниковъ оставались въ совершенн безмолвны, и оставляли народъ коснѣть въ невѣдѣніи спасителя истинъ христіанскаго ученія, «мірскимъ людямъ о благочиніи и о уленіи христіанскаго благопробыванія не наказывали и ко всякому блдѣлу ихъ не научали» ¹⁾. Въ томъ же самомъ городкѣ Орлѣ, когда въ упомянутый священникъ началъ сказывать церковныя поученія, и торые неразумные прихожане стали роптать, — «откуда онъ неудобная дить», — собратія его священники, вмѣсто того, чтобы поддерживать защищать его истинно-настырское начинаніе, молчали и оставляли одного бороться съ невѣжествомъ ²⁾. Свят. Дмитрій Ростовскій, видя какомъ упадкѣ было церковное поученіе народа священниками, и оттого въ самомъ народѣ охладѣвала даже любовь и пріемлемость къ ковымъ поученіямъ, съ глубокою горестію восклицалъ въ одномъ поученіи своихъ: «сле окаянному времени нашему, яко отнюдь пренебѣ сѣяніе слова Божія, весьма оставися слово Божіе: сѣятели не сѣи земля не пріемлетъ, іереи не брегуть, а людіе заблуждаютъ; іереи не у а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдаютъ, а людіе слушаютъ, ниже слушати хотятъ» ³⁾. При такомъ крайнемъ оску церковнаго ученія и проповѣдыванія народу слова Божія, долго ли возникнуть и распространиться расколу? Православные священники учили народа истинамъ вѣры и нравственности, не приводили е познаніе истинъ ученія церкви, — и вотъ онъ возмущался всякимъ вѣ ученія, скитался во лжи чловѣчествѣ, въ коварствѣ козней льще слушалъ всякихъ расколоучителей. Мы видѣли, что народъ крайне нуж въ христіанскомъ просвѣщеніи, но крайней мѣрѣ весьма многіе правные чувствовали глубокую потребность въ церковномъ ученіи и називс весьма желали познания истинъ вѣры и благочестія, а между тѣмъ и славные священники не удовлетворяли этой благороднѣйшей, ду нравственной потребности ихъ, даже иногда возбраняли «хотящимъ ч Удивительно ли, что многіе изъ этихъ православныхъ, не получая а маго назиданія и наставленія въ истинахъ вѣры отъ своихъ настоя учителей — священниковъ, обращались къ учителямъ и наставникамъ кольническимъ? А хитрые, ловкіе расколоучители, между которыми были люди весьма начитанные и даровитые, уже умѣли совратить т въ расколъ, умѣли завлечь ихъ своимъ обольстительнымъ сладкогласніемъ. Православные священники не всегда прилежно посѣщали своихъ прихожанъ, чтобы не только въ церкви, но и дома поучати спасительнымъ истинамъ вѣры и благочестія, а раскольническіе наставнепрестанно ходили по домамъ и оглашали православныхъ своею и

¹⁾ А. П. т. IV, № 151. А. А. З. III, № 264.

²⁾ Востокова. опис. Румянц. Муз. стр. 632.

³⁾ Сочин. св. Дмитрія ч. II, стр. 389, 390.

дію о расколѣ. Люди преклонныхъ лѣтъ, день ото-дня все болѣе и болѣе иближавшіеся къ гробу, больные, находившіеся на одрѣ смертномъ, несчастные, удрученные какимъ-либо горемъ, бѣдствіемъ, превратностями житейскими, тщетно ожидая посѣщенія, утѣшенія и назиданія отъ своего стыря-священника, охотно приглашали въ свой домъ раскольниковскаго ставника и рады были его посѣщенію и утѣшенію: ибо въ минуты тяжкаго бѣдствія, глубокой скорби, или сильной болѣзни, душа агочестиваго христіанина жаждетъ, ищетъ, проситъ одного утѣшенія, которое только и можетъ удовлетворить ея духовной природѣ: именно утѣшенія въ словѣ Божіемъ, въ словѣ Христовомъ. Исторія азываетъ, что раскольниковскіе наставники много душъ уловили, свои сѣти именно въ такіа тяжкіа минуты жизни. Наконецъ, многіе православные священники вовсе не заботились увѣщевать, вразумлять ономъ истины заблудшихъ въ расколѣ чадъ своихъ и нисколько не гѣли живого, дѣйствительнаго нравственно-просвѣтительнаго вліянія на ихъ ны и сердца, чтобы смягчить, просвѣтить и обратить ихъ къ истинѣ. А сколоучители между тѣмъ десятки, сотни, тысячи православныхъ оболѣали своимъ ученіемъ и совращали въ расколѣ. Такъ напр. мы знаемъ, о на Демидовскихъ заводахъ почти всѣ рабочіе заражены были раско-мъ, а отъ чего? «Отъ того, отвѣчаетъ намъ прикащикъ сихъ заводовъ ядилловъ въ своемъ докладѣ правительству, что по силѣ указа *никакого ищанія отъ духовныхъ персонъ имъ не было*; а ежели бы оныя люди отъ ховнаго чина, по силѣ указа, увѣщеваны были, тобъ уповаемо было, югое бы число людей къ познанію истинной вѣры возвратилось отъ то заблужденія, и спасеніе себѣ получили, и двойнаго платежа не пла-либъ, къ тому же де и толкаго множественнаго числа людей, впад-ихъ въ расколы, при тѣхъ заводахъ не уповаемо, ибо де изъ Сибирской ьбернской Канцеляріи въ 727 г. декабря 17 дня въ контору раскольниковскую отвѣтствовано, что при тѣхъ заводахъ раскольниковъ нѣтъ, и къ въ краткое время онаго множественнаго числа впасть въ расколѣ уповаемо быть» ¹⁾. Посошковъ говоритъ: «Отъ пресвитерскаго небреже-я уже много нашего російскаго народа въ погибельныя ереси уклони-сь: большая бо часть уклонилась въ погибельный путь; въ древнемъ же агочестіи уже малая часть остается: ибо въ Великомъ Новгородѣ едва сотая часть обряцется ли древняго благочестія держащихся... А вся 1 гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютеранъ или отъ тинянъ ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола, не знаютъ чѣмъ оп-вити себя, и ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ про-сти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или смѣютъ, или на пенязи склоняются, не брегутъ о семъ... Аще бы попы, ю градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то никоими дѣлы рас-льникомъ въ простомъ народѣ множитися бѣ было не возможно, и ни-ло возникнуть былобъ некако» ²⁾.—Во вторыхъ, чтобы предохранить

¹⁾ Н. С. З. т. X. № 7663.

²⁾ Соч. Посошкова, стр. 4—10.

православныхъ отъ раскола, надобно было утверждать ихъ въ тѣмъ общеніи и единеніи съ церковію чрезъ Богослуженіе, чрезъ таинства и другія церковныя средства; также заботиться о поддержаніи ихъ живою вѣрой и благочестія и наблюдать за ихъ нравственною жизнью. А священники, на которыхъ лежало это высокое дѣло, къ несчастью большаго частію не имѣли никакого попеченія объ этомъ. Многіе изъ нихъ совершенно не наблюдали за своими прихожанами, не знали и не старались узнавать ихъ душевнаго состоянія, не заботились объ ихъ христіанской жизни; напротивъ, иногда даже еще сами потворствовали своимъ прихожанамъ жить противно духу православной церкви. Такъ и. Никогда еще былъ митрополитомъ Новгородскимъ (именно въ 1650 г.), ждался царю Алексѣю Михайловичу, что «въ Попскихъ погостахъ крест межъ собою женятся въ роду и въ племени, и въ кумовствѣ, и въ товествѣ и крестномъ братствѣ, а попы на нихъ не извѣщаютъ ему. Весьма многіе священники нисколько не заботились о нравственно-христіанскомъ настроеніи и воспитаніи душъ своихъ прихожанъ, о поддержаніи и утвержденіи въ нихъ христіанской вѣры и доброй нравственности; не внушали имъ ходить по праздникамъ въ церковь, въ установленныя посты говѣть, очищать свою совѣсть и нравственность покаяніемъ и покаяніемъ, и приобщаться Св. Таинъ. Напротивъ, священники сами часто оставляли своихъ прихожанъ безъ Богослуженія, опускавъ церковныя службы даже по воскресеньямъ, по Господскимъ и Богородичнымъ праздникамъ, и не исправляли христіанскихъ требъ. Такъ въ 1659 г. «въ учинилось святѣйшему п. Іосифу, въ Володимірскомъ уѣздѣ, въ Ярославской волости, у церковей поповъ по осми, и по шестн, и по четыр по три и по два, и что тѣ попы на свѣтлой недѣлѣ служатъ въ Свѣтлое Воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во Владычныя праздники и въ Богородичныя праздники службы бывають»²⁾. Въ 1661 г. донесено было м. Новгородскому Макарію, «на Тихвинѣ на посадѣ и около Тихвина въ нагорной десятинѣ, въ настырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ, а въ пѣснѣхъ Георгіевскомъ на Кожетѣ, въ Дмитровскомъ, въ Капецкомъ, Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Пашезерскомъ, Шюгозерскомъ, въ Лучинскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пелушскомъ, въ Ичужскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ, и тѣхъ погостовъ въ выставкѣ у поповъ и у діаконовъ и у причетниковъ церковныхъ по праздникамъ Господскимъ и по воскресеніямъ, для ихъ лѣности, молебны не пою а индѣ въ тѣ дни по святымъ Божьимъ церквамъ и Божественныя службы не бывають; и православные христіане по Господскимъ праздникамъ и по воскресеніямъ къ церквамъ Божіимъ не приходятъ; во святыя ликіе посты, въ четьредесятницу, мужи и жены ко отцомъ своимъ ховнымъ не приходятъ и Божественныхъ и Пречистыхъ таинъ Тѣхъ Крови Христовы не причащаются, и отцы ихъ духовные ихъ православныя

¹⁾ А. А. Э. IV, № 42, стр. 62.

²⁾ А. А. Э. IV, № 326.

христіанъ, а своихъ дѣтей духовныхъ ко всякому благому дѣлу не поучаютъ, и которые дѣти духовные не слушаютъ, и отцы духовные на нихъ не шпуть къ нему, митрополиту» ¹⁾. Въ 1672 г. дошло до свѣдѣнія Новгородскаго же митрополита Питирима, что «на Вагѣ въ Шенкурскомъ острогѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастырямъ игумены и строители и черные попы съ братією, а по погостамъ и по выставкамъ попы и діаконы и церковные причетники по Господьскимъ праздникамъ и на Государскіе ангелы и въ воскресные дни молебновъ не пѣли, а индѣ, въ тѣ дни вовсе и Божественной службы не было, а православные христіане ю Господскимъ праздникамъ, и въ воскресные дни къ церкви не приходили, во святую чотыредесятницу и въ другіе посты не постились, не приходили къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь, не причащались Тѣла и Крови Христовой, а священники не поучали, и ко всякому благому дѣлу не приводили» ²⁾. Въ 1685 г. Псковскій архіеп. Маркеллъ, жалуюсь царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на самоуправство и безпечность старостъ церковныхъ—посадскихъ людей, писалъ также, что въ его епархіи у пѣиныхъ поповъ на Господскія праздники и на Государскіе ангелы погожды церкви стоятъ пусты безъ пѣнья» ³⁾. Правственное вліяніе ельскаго духовенства на народъ тѣмъ было слабѣе, что сельскіе священнослужители, необезпеченные въ матеріальной жизни, заняты были болѣе китейскими хлопотами, чѣмъ попеченіемъ о паствѣ. «У насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, говоритъ Посошковъ, и того ради неако пекутся о служеніи церковномъ, яко о нашихъ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быти, и того ради многое множество христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія Тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры люди самые простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ... Нынѣ вси сельскіе попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ... даже на святой недѣли больше одной обѣдни не бывало... А у юихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслужить: понеже аще нашии ему не пахатъ, то голодную бытъ; гдѣ было итти въ церковь на словословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить, а православные христіане умираютъ ничѣмъ не отѣбно отъ скота» ⁴⁾. Такое небреженіе нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ о совершеніи Богослуженія въ воскресные и праздничные

¹⁾ А. Н. т. IV, № 151.

²⁾ А. А. Ѳ. IV, № 188.

³⁾ Въ началѣ XVIII в. св. Димитрій Ростовскій жаловался: «еще же и сіе вѣстно сотворися, яко пѣщны отъ нерадивыхъ не малую подѣ собою паству душъ человеческихъ имуще, не пекутся, якоже пещица подобаетъ о спасеніи, и лѣнныя ходити къ больнымъ, еже исповѣдывати и причащати ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо къ больнымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ и многіе нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причащенія Божественныхъ таинъ умираютъ». (Древн. Росс. Вивліон. ч. XVII, стр. 82).

⁴⁾ Сочин. Посошкова стр. 25, 27, 28.

дни, о говѣніи, исповѣданіи и причащеніи православныхъ въ четыредесятницу или въ другіе посты и объ исполненіи христіанскихъ требъ, весьма вредно было для православныхъ, невольно доводило ихъ до отчужденія отъ церкви и склонности къ расколу. Во все время ничего такъ не поддерживало вѣры и благочестія въ народѣ рускомъ, особенно въ простомъ народѣ, ничто такъ не прикрѣпляло его къ церкви, какъ усердное хожденіе въ воскресные, Господскіе, Богородичные и другіе праздники въ храмы къ Богослуженію и постоянное, живое участіе въ священно-дѣйствіяхъ Богослуженія. Но теперь, если въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ не только въ прѣстные дни, но въ праздники Господни и Богородичны и по воскресеніямъ часто не было богослуженія; если священники по лѣности, или по неводержкой жизни, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не служили; то удивительно ли, что въ такихъ приходахъ у православныхъ чувство вѣры и благочестія мало-по-малу охладѣвало, и наконецъ многіе изъ нихъ дѣлались вовсе холодными къ церкви. Посошковъ, глубоко понимавшій нравственныя потребности и духъ русскаго народа, справедливо разсуждаетъ о томъ, какъ вредно для нашего народа въ нравственномъ отношеніи отчужденіе отъ богослуженія, отъ храмовъ. «Пресвитеровъ еще и много, говоритъ онъ, обаче не пекутся о томъ, они бы отъ таковаго (раскольническаго) погубленія народъ отвратити и на правый путь направить: но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви все уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ необрѣтается. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко св. церкви. Гдѣ бывало человѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впрѣдъ еще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходятъ по церквамъ не будутъ; велики бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ»¹⁾. По нерадѣнію неблагопопечительныхъ священниковъ православные, не ходя въ церковь, не исповѣдываясь во грѣхахъ своихъ, не приобщаясь Божественнаго Тѣла и Крови Христовой, чрезъ то неизбѣжно отчуждались отъ духа церкви Христовой, постепенно прерывали внутреннее тѣснѣйшее общеніе и живую связь съ духовнымъ тѣломъ Христовымъ-церковію, а чрезъ отчужденіе отъ жизни церковной, особенно чрезъ лишеніе себя Божественной пищи св. Тѣла и Крови Христовой, естественно, неизбѣжно доходили, наконецъ, до такого нравственно-духовнаго омертвѣнія, что неминуемо отпадали отъ Тѣла Христова—церкви, какъ мертвые члены, неимѣвшіе въ себѣ жизни Христовой. «Многіе, не ради о своемъ спасеніи, угождая же лѣности своей—читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1737 года Апрѣля 16, не имѣя душеспасительнаго въ себѣ дара, т. е. сообщенія Тѣла и Крови Христовы, и впадающе въ грѣхи различныя, отходятъ въ крайнее заблужденіе и оттого же происходятъ склонность и рождаются самое раскольнической прелести прегрѣ-

¹⁾ Сочин. Посошкова, стр. 10.

женіе, а тому виною можетъ быть нечто иное, точію пастырей о паствахъ ихъ небреженіе» ¹⁾. «Въ 1693 году Августа 1 дня въ олонеккой Приказѣ избѣ явился пзъ пудожскаго погоста крестьянинъ раскольникъ Ѳедоръ ексѣевъ и подалъ мірскую челобитную, за руками старосты пудожскаго госта Семена Леонтьева раскольника же, и мірскихъ людей, имяномъ 1) человекъ, того же пудожскаго погоста на поповъ на Семена Петрова, на Онтипа Михеева, а въ той ихъ челобитной, между прочимъ, напишу: что они попы къ нимъ мірскимъ людямъ, къ болящимъ, для исповди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, шогіе де болящіе и родильницы безъ покаянія и безъ причащенія поминать; а какъ они мірскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родильцамъ молитвы давать, и они де попы ихъ мірскихъ людей не слушали, забывъ страхъ Божій пили и бражничали, и многія родильницы умирали въ молитвы и безъ покаянія» ²⁾. Такъ жаловались прихожане пудожскаго госта, гдѣ цѣлыя деревни заражены были расколомъ и гдѣ самые лѣса полнены были раскольниковыми пристанищами. Какъ больно слышать подобныя жалобы на пастырей отъ ихъ же и по ихъ же допущенію заблудившихъ пасомыхъ! Еще больнѣе, прискорбнѣе то, что нѣкоторые священники не только не предотвращали своихъ прихожанъ отъ раскола ни первыми наставленіями, ни пастырскимъ попеченіемъ о ихъ духовно-авственной жизни, но еще сами потворствовали расколу. «И нынѣ, — тяжкою болѣзнію сердца жаловался св. Дмитрій Ростовскій, — суть ози таковѣи, отъ нихъ же нѣцыи попы оставивше церкви своя и дома, утѣ въ раскольниковскія жилища: друзіи же, аще и при церквахъ своихъ вутѣ, и правовѣрными быти лицемѣрно сказуются: обаче съ раскольниками мудрствуютъ и согласуются онымъ, и прихожанъ своихъ, кѣи отъ жольниковъ прельщены, укрываютъ и потакаютъ имъ» ³⁾. «Попы нѣкіи, — гаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, — утаявая раскольниковъ, притворяютъ, будто они большаго сообщаютъ св. тайнамъ наединѣ, бы раскольникъ, таковымъ причастія притворомъ утаенъ былъ» ⁴⁾. «Попы, купленные отъ раскольниковъ, сказано также въ прав. 17, пріемлютъ въ младенцевъ къ крещенію, и не крестивъ отсылаютъ» ⁵⁾.

Нѣкоторые пастыри православной церкви обходились съ православными иногда жестоко, не по отечески и не по пастырски, и тѣмъ удаляли, тапчивали православныхъ отъ себя и отъ церкви въ расколъ. Въмѣсто того, обы съ отеческою любовію и кротостію обращаться съ своими прихожанами, и съ пастырскою попечительностію и безкорыстною благожелательностію, заботиться объ ихъ душевномъ благѣ, нѣкоторые недостойные священники притѣсняли своихъ прихожанъ, обижали, оскорбляли ихъ оею неблагопристойною притязательностію, и излишнею, непомѣрною сбовательностію, истязывали у своихъ прихожанъ большія платы за требы

¹⁾ П. С. З. X, № 7226.

²⁾ А. Н. т. V, № 223, стр. 384.

³⁾ Розыскъ ч. 2, гл. 16.

⁴⁾ П. С. З. т. IV, № 4022, п. 15.

⁵⁾ П. С. З. VI, № 409, п. 25, 26.

и только деньги брали, а требъ не исполняли. Это весьма многихъ православныхъ отчуждало отъ православной церкви и располагало ихъ къ принятію беспоповскаго раскола. По этой причинѣ совратились въ расколъ многіе жители пудожскаго погоста, какъ видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ. Вотъ какую жалобу они приносили на своихъ священниковъ Семена Петрова и Антипа Михеева въ вышеупомянутой нами челобитной (если только вѣрить ихъ свидѣтельству): «которыхъ тѣла умершихъ мірскіе люди къ церкви привозили, они попы съ тѣмъ умершихъ имали по два и по три и по пяти рублей, а съ иныхъ де просили и пятнадцать рублей, а дать де было нечего, и тѣ умершихъ тѣла лежать безъ погребенія, а что молитву давали родильницамъ, и свадьбы вѣнчали и младенцевъ крестили, и которые младенцы умирали, и они де поны имали отъ молитвы, и отъ вѣнчанія, и отъ крещенія, и отъ погребенія, все передъ прежнимъ вчетверо; а какъ мірскіе люди приходили ихъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій, пили и бражничали и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія: а ругу де они попы съ нихъ мірскихъ людей смлютъ накладную передъ прежнимъ втрое, да какъ поны Семенъ тигался съ пономаремъ съ Иваномъ Матвѣевымъ, и взялъ съ мірскихъ людей угрозами денегъ десять рублей»¹⁾. При такой неблагопріистой притязательности пудожскихъ священниковъ, неудивительно, что во 2-й половинѣ XVII вѣка въ пудожскомъ погостѣ весьма многіе, совратившись въ расколъ, бѣжали въ непроходимые пудожскіе лѣса, тамъ устроили себѣ пристанища и оттуда дѣлали нападенія на православныя церкви пудожскаго погоста и на самихъ священниковъ, которыми были недовольны²⁾. Если прихожане пудожскаго погоста во 2-й половинѣ XVII вѣка весьма недовольны были, между прочимъ, тѣмъ, что священники не отиѣвали у нихъ умершихъ и за отиѣванье требовали слишкомъ большую плату, то не менѣ возбуждали противъ себя неудовольствія въ своихъ прихожанахъ и тѣ священники, которые брали съ православныхъ большія платы за поминновеніе ихъ усопшихъ родственниковъ и близкихъ, а заупокойныхъ службъ и сорокоустовъ въ

¹⁾ «Податели этой челобитной въ оленецкой приказной избѣ спрашивали столыничъ и воевода Леонтій Стрѣшневъ и дякъ Ивановъ, и въ распросѣ онъ сказалъ слѣдующее: «въ прошломъ де 201 году (1693) по глѣту Божіимъ изволеніемъ, въ пудожскомъ погостѣ учалъ скотъ пасть и люди умирать скорою смертію и для исповѣди людей и для причащенія Христовыхъ Таинъ поповъ Семена и Антипа пудожскаго погоста жители въ дома призывали, и они де поны для исповѣди и причащенія Христовыхъ Таинъ къ тѣмъ людямъ не приходили и не исповѣдывали и не причащали, а иныхъ въ землю не погребали, и такихъ де умершихъ тѣла есть не отиѣты, а прощали де они попы за исповѣдь, и за причащеніе, и за отиѣваніе и за погребеніе, съ такихъ людей съ человека по 15 рублей и меньше, а съ иныхъ людей имали за отиѣванье съ человека по пяти и по три и по два рубля; а умершаго де крестьянина Матюшки Козмина у братья его просили они попы за отиѣванье 15 рублей, и онъ де Матюшка не отиѣтъ, да за отиѣванье же де онъ попы взяли умершаго Якимки Яковлева у братья у Терешки да у Гришки Яковлевыхъ пять рублей... у дѣтей за отиѣванье же его Аврамки взяли три рубля».

²⁾ А. Н. V. № 223, стр. 378 и дал.

правляли. Такъ напр. читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ: «за сороко-
ты великія цѣны попы домогаются, хотя бы ихъ не прошено о томъ,
и сами они часто сорокоуствоу служатъ не думаятъ, и насильно платы,
то пошлины, за смерть истязуютъ¹⁾». А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ро-
зовской епархіи были даже такіе недостойные священники, которые
еславно превозносились предъ прихожанами своимъ священствомъ и съ-
мѣстою угрожали Богомъ данною имъ властію вязать и рѣшить²⁾. Такой
все не свойственный пастырямъ церкви духъ превозношенія, гордости,
рыстной и высокоумной требовательности, очевидно, весьма неблаго-
приятно дѣйствовалъ на духъ православныхъ и невольно заставлялъ ихъ
ждать такихъ священниковъ, которые заражены были имъ. Прихо-
жане боялись ихъ, и лучше соглашались быть безъ священниковъ, чѣмъ
быть подъ руководствомъ такихъ лжепастырей, и вотъ многіе бѣжали
изъ такихъ поповъ, нетерпимыхъ и православною церковію, и причисля-
лись къ сектѣ беспоповщинской.

*Неблагопрістойное поведеніе нѣкоторыхъ церковно-служителей и право-
славныхъ во время богослуженія, и безпорядки въ нѣкоторыхъ православныхъ
жизли* еще болѣе подавали повода къ уклоненію многихъ православныхъ
расколъ. Прискорбно читать въ увѣщательныхъ грамотахъ попечитель-
ныхъ архипастырей жалобы, въ коихъ они вопіютъ противъ господство-
вавшихъ тогда въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ безпорядковъ и
злоупотребленій. Такъ п. Иосафъ въ памяти, данной въ 1636 г. тіуну Ма-
йлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекра-
щеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребле-
ній, пишетъ: «вѣдомо убо великому господину, святѣйшему Іосафу, па-
пѣ арху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ цар-
ствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ
женномъ, и въ Древляномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и
иждивскихъ святыхъ Божьихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и
рушеніе нашея святыхъ и православныхъ христіанскія непорочныя вѣры,
о во святыхъ Божьихъ церквахъ зѣло поскору ибнѣе Божіе, не по пра-
вамъ св. апостолъ и св. отецъ, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть
больши, со всякимъ небреженіемъ; а православные христіане, иже суть
истинныя людие, приходяще ко святымъ Божиимъ церквамъ, стоятъ въ
рѣвѣ Божіи съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во
имя святаго ибнѣи бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотворе-
ніемъ, а божественныя ибнѣи и св. апостолъ и св. отецъ преда-

¹⁾ П. С. З. т. VI. стр. 706.

²⁾ Древн. Росс. Визлѣов. ч. XVI, стр. 73. Св. Димитрій Ростовскій жаловался: «до-
носится слухъ нашему о нѣкихъ понахъ нескусныхъ и злоправныхъ, иже дѣтей
иныхъ духовныхъ неповѣданныя грѣхи изъясняютъ, обличаютъ и въ прилучающихся
суду людми бесѣдахъ, егда бывають пьянии, хвастають тщеславно дѣтми духов-
ными, сказующе, которые лица къ нимъ на неповѣдь приходятъ. Егда же за что
заговѣваются на духовныхъ дѣтей, абіе съ укоризною поносятъ имъ, глаголюще: «ты
иже духовный сынъ (или духов. дочь), не вѣси ли, яко вѣмъ грѣхи твоя сія, абіе
глаголю ты предъ всѣми, и прочіе безумныя глаголы».

ніи, еже суть поученія. вотще презирающе и благочинныхъ священна наказанія. иже во святыхъ Божіихъ церквахъ о благосостояніи поучающе не приѣмлюще, но и наки же о томъ и самимъ священникомъ поношающе и ихъ укоряюще; а нини же бо священницы и сами суть бесѣдующи безчинствующе, и мірскія угодія творяще; а обѣдни служатъ безъ чистоты только отпущомъ начинаютъ; а во святые дни святаго великаго поста нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ жатвенное въ сѣ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собиравати въ житницу душевную. а въ тѣ великіе дни службы церковныя священницы совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, ни по преданіи отцевъ, но по своему умышленію, и лѣнностію и нерадѣніемъ великии изуряютъ время постное; а нини же бо суть, послѣ обѣдни на свѣтло дѣлаи и вечерни отпѣвають, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащихся. Такожде и въ воскресные дни, и во Влadyч Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники, заутрени священники поютъ гораздо по позду и для поздаго ради времени поютъ зѣло по-же... и видя то православніи христіане иже въ церквахъ Божіихъ и въ ставницѣхъ неисправление и оттого имъ смущается умъ и скудѣетъ потому что вожди ослѣпоша лѣнностію и нерадѣніемъ исправленіе и правленіе церковная погасиша. А пономари по церквамъ молодые, жонѣ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мірскихъ людей во время святыхъ службъ во олтари безчинствуютъ; и во время жатаго пѣнія ходять по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, челоуѣкъ и сятку и больши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ. церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а нини полагають полевныя блюдѣхъ и свѣчи и собирають, рекуще, на созиданіе церквамъ; ни творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а нини ходя образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, и на павъ власы; а нини во время святаго пѣнія въ церквахъ ползають, творяще и великыя соблазнѣ полагаетъ въ простыхъ челоуѣцѣхъ»

1646 г. разосланъ былъ по церквамъ окружній патріаршій наказъ; ному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія, и изъ недимъ, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени безъ ризъ, а по церквамъ во время Божественнаго пѣнія въ вечеръ въ заутреню и въ литургію ходили иноки и прокураты съ образами блюдыми и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни проси отъ ихъ крику и писку православнымъ христіаномъ Божественнаго и чтенія не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили акбойники съ палками, а подъ тѣми палками у нихъ были копѣйца и ния, и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная»²⁾. хіальныя архіерен также почти повсюду и постоянно вопіяли при разныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ церквахъ. «Въ прошлы дѣхъ посыланы наши грамоты,—писалъ м. Ростовскій Іона въ Ки

¹⁾ А. А. Э. т. III, № 264.

²⁾ А. А. Э. т. IV, № 321.

Озерскій монастырь въ 1657 г.—нашея Ростовскія митрополіи въ го-
 ла къ протопопомъ и къ попомъ и къ діакономъ, а въ уѣзды по селамъ
 эти, не по одно время, чтобы они попы и діаконы пѣли и говорили
 церквахъ Божіихъ единогласно, и часы говорили передъ обѣднею..., и
 въ намъ вѣдомо учинилось, въ нашей митрополіи въ городѣхъ и уѣз-
 дѣ по селамъ попы и діаконы заутрени говорятъ и поютъ поздно, и
 рано говорятъ въ заутреннее пѣніе, зашедъ въ олтарь, не слышавъ
 соборнаго пѣнія, и часы говорятъ постѣ.заутрени, не выходя изъ церкви,
 и единогласно, и обѣдни начинаютъ пѣть рано, на первомъ часу
 1). Въ 1661 г. Новгородскій м. Макарій пишетъ Тихвинскаго мона-
 ху архимандриту Іосифу: «вѣдомо учинилось намъ великому госпо-
 ду Преосвященному Макарію, Митрополиту Великаго Повгорода и Ве-
 ликихъ Лукъ, что на Тихвинѣ на посадѣ, и около Тихвина въ Нагорной
 дѣтинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ по-
 повъ, а въ погостѣхъ въ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ, въ
 Пещкомъ, въ Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Па-
 черскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучаньскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пе-
 чскомъ, въ Койгушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашиѣ, и тѣхъ погостовъ
 выставкахъ, у поповъ и у діаконѣхъ и у причетниковъ церковныхъ, по-
 томъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе: поютъ и
 ораютъ не единогласно; православные христіане въ церковь пришедъ, во
 имя святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ несмирно, межъ собою говорятъ
 смѣются, и жены ихъ въ церковь приходятъ въ бѣлилахъ» 2). Изъ па-
 ти, данной въ 1672 г. Августа 11, по указу новгородскаго же м. Пити-
 ла верховажскаго стана пречистенскимъ успенскимъ попамъ Максиму
 кнову и Ѳеодору Ѳеодорову и діакону Якову Иванову съ причтомъ, объ
 юрененіи вкрапившихся безпорядковъ по церковному благочинію, видно,
 что такое же точно «многое церковное неисправленіе было въ церквахъ
 Вагѣ въ шенкурскомъ острогѣ и во всей важской десятинѣ, во всѣхъ
 чрехъ четвертяхъ» 3). Въ грамотѣ м. рязанскаго и муромскаго Павла,
 шеной въ 1683 г. архимандриту богословскаго и келарю солотчинскаго
 монастырей «о исправленіи церковныхъ благочинныхъ дѣлъ и о согласіи
 священнослуженіи» читаемъ, что когда сей архимастырь объѣзжалъ
 всю епархію, то усмотрѣлъ «въ рязанскомъ округѣ въ монастырѣхъ и въ
 селахъ во святыхъ Божіихъ церквахъ у архимандритовъ и у игуменовъ и
 священниковъ и у діаконѣхъ божественную службу и всякіе церковные
 чины и благолѣпіе не состоящими съ соборной и апостольскою церк-
 овью и съ новоизданными московскаго государства книгами» 4). И не только
 епископы жаловались на такіе безпорядки въ церквахъ, но вмѣстѣ съ
 ними и багочестивые Государи. Такъ въ 1651 г. самъ царь Алексѣй Ми-
 коловичъ составилъ соборъ и особое «уложеніе о благочиніи церковномъ,

1) А. А. О. т. IV, № 335.

2) А. И. т. IV, № 151.

3) А. А. О. IV, № 188.

4) Грам. Рязан. край, стр. 127.

совѣтовавъ съ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы и съ архимандриты, всѣмъ своимъ синклитомъ, что въ его московскомъ государствѣ Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и въ монастырѣхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелось отъ небреженія многоглаголаніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре»¹⁾. Изъженія этого собора видно, какъ, напримѣръ, дьячки читали въ черняхъ и утренияхъ псалмы, борзо, вдругъ въ нѣсколько досовъ, рѣшительно безъ всякаго вниманія, и при чтеніи стояли небластойно, лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ, или на сторону, или пѣвцы пѣли, псаломщики читали, діаконы говорили эктеніи, а священники возгласы, не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, всѣ въ одинъ голосъ. Коснѣя въ закоренѣлой лѣности и помышляя только о своемъ тѣлѣ покоѣ, нерадивые служители олтаря дѣлили службу Божию на части, скорѣе кончить ее. Въ Духовномъ Регламентѣ читаемъ объ этомъ дующее: «худый и вредный и весьма богопротивный обычай службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, та утрения или вечера на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется или три молебна вдругъ отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ соверш. Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира, и вошло во обычай, и конечно д. есть перевести таковое богомоленіе»²⁾. Нарушая уставъ и порядокъ коваго богослуженія, недостойные священники и діаконы нерѣдко д. совершать божественную литургію и прочія церковныя службы въ евомъ видѣ, и во время богослуженія въ олтарѣ производили всякаго безчиніе и соблазнъ, ссорились, бранились сквернословно. Такъ въ номъ отвѣтѣ (1681 г.) на третье предложеніе царя Ѳеодора Алексѣича читаемъ: «въ нынѣшнее время многіе попы и діаконы живутъ безъ ушиваются безмѣрнымъ пѣанствомъ, и дерзають безстрашіемъ неизтрек. служить божественную литургію и прочія церковныя службы, у вечера, молебны, панихиды, такожъ и церковныя тайны, св. крестомуропомазаніе, и благословеніе брака, и исповѣданіе, св. причащеніе надъ болящими елеосвященіе, дѣйствуютъ пьяные, и отъ такого б. наго пѣанства въ покаяніе не приходятъ и не престають, и божественныя писанія не внимають, а архіерейскія запрещенія презирають»³⁾. безпорядки господствовали въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, во время сильнаго распространенія въ церкви русской, и такъ неблагоговѣйно вели себя многіе церкви

¹⁾ А. А. Э. т. IV, № 327.

²⁾ П. С. З. VI, стр. 320. Дух. Реглам.

³⁾ А. А. Э. т. V, № 75, стр. 114. «Болѣзную сердцемъ, писалъ св. Димитрійскій въ одномъ увѣщаніи къ своимъ іереямъ, яко о нѣкѣихъ понахъ (по доносамъ доношенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи, не протрезвивши пріуготовившеся къ служенію, дерзають литургиясти, еже людямъ есть на се, а самѣмъ таковымъ іереямъ на погибель. Други же злоправн священники и святомъ олтарѣ сквернословятъ, (матерно бранищеся), и творятъ Божій вертепомъ разбойниковъ». Др. Рос. Вислѣн. XVII, стр. 103.

гели и православные при церковномъ богослуженіи. Понятно, какъ мутительно-прискорбно было для благочестиваго чувства ищущихъ дунаго назиданія въ дому Божіемъ видѣть такіа безчинія въ храмахъ кихъ. Въ воскресеніе Христово, или въ какой-либо Господскій, либо ородичный праздникъ шелъ напр. благочестивый простолюдинъ въ мѣ Божій къ литургіи, съ благочестивымъ настроеніемъ духа, съ однимъ реннимъ желаніемъ, затепливъ свѣчу предъ иконою, теплою молитвою колятся Господу Богу, шелъ въ церковь, истинно какъ въ домъ Божій, полною вѣрою, что тамъ Самъ Господь Богъ присутствуетъ. Какъ же ьно было его сердцу, когда онъ находилъ здѣсь совершенно не то, чего ждала и ожидала его душа, когда, входя въ храмъ Божій, онъ слышалъ ьсь одно грубое пѣніе святыхъ пѣсней литургіи, пѣніе, заглушавшее боко-поучительные и трогательные для души набожнаго христіанина щенническіе возгласы, вѣщавшіе иногда глаголы Христовы, глаголы ва Божія; слышалъ грубое, необыкновенно-поспѣшное, совершенно не птное чтеніе Евангелія, апостола, блаженствъ, съ пропусками; видѣлъ томъ соблазнительныя безчинства церковно-служителей въ олтарѣ и на просѣ; видѣлъ, какъ многіе православные переходили съ мѣста на мѣсто, ько разговаривали, смѣялись, а иногда вдругъ врывались въ церковь ьіе, иноки и прокураты, безчинно ходили по церкви съ блюдыми и леленами, такъ что отъ ихъ крику и ниску православнымъ христіанамъ се не слышно было божественнаго чтенія и пѣнія, и происходила между и драка до крови и лая сирадная! При видѣ въ храмъ Божіемъ та о непристойнаго поведенія неблагоустроенныхъ церковно-служителей равославныхъ, при видѣ богопротивнаго, святотатственнаго искаженія, сокращенія пѣннвыми церковно-служителями Божественной литургіи и другого какого-либо Богослуженія), смущалась душа этого богобоя знаго простолюдина, и въ другой разъ въ немъ уже не было желанія— и въ тотъ храмъ, гдѣ въ прошедшій праздникъ онъ видѣлъ одно пре реженіе святыни, превращеніе дома Божія въ богопротивный вертелъ. ьду тѣмъ примѣчали это раскольническіе наставники и приглашали въ свою моленную. И вотъ простосердечный поселянинъ шелъ въ ькольническую часовню, плѣнялся ея внѣшнимъ благолѣпіемъ, плѣнялся ьшнимъ благоговѣніемъ предстоящихъ и молящихся, и охотно посѣщала ькольническую часовню въ другой, третій, четвертый разъ, и наконецъ ершенно уклонился въ расколъ. Такъ совратились въ расколъ весьма ьгіе изъ православныхъ¹⁾.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на домашнее поведеніе право вныхъ священниковъ, на образъ жизни ихъ въ мірѣ, между прихожа ии: то здѣсь еще болѣе увидимъ такого, что отталкивало многихъ вославныхъ отъ общенія съ православными священниками и побуж

¹⁾ Не удивительно послѣ этого и то, что, какъ свидѣтельствовали отцы собора ' г., „во многихъ отъ народа мнѣніе вышло, яко ересыми многими и антихристовою зрною осквернены православныя церкви, чины и таинства, и посѣдованія церков ные. Допол. къ А. II, V, стр. 484.

дало принимать расколъ безпоповщинскій. Не сознавая ни досто-
священнаго сана, ни духовныхъ обязанностей, не зная часто ни че-
стыда, коснѣя въ грубыхъ наклонностяхъ, ничѣмъ не отличаясь
въждей поселянъ,—многіе священно и церковно-служители русскіе
дѣлились публично, предъ народомъ выставлять себя въ самомъ грѣ-
шнѣ, и унижать самое священство. Такую напр. жалобу на священ-
никовъ приносили въ XVII вѣкѣ патриарху Іову: «саждаются безмѣстные
дѣятели у Фроловскаго моста (въ Москвѣ) и безчинства чинятъ в
межъ себя бранятся и укорижны чинятъ скаредныя и смѣхотвор-
ныя межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются; а которые
боятся обѣдни служить и они съ своею братьею, съ которыми бран-
не простятся Божію литургію служили»¹⁾. Такой публичный со-
производило столичное, московское духовенство не только въ XVII
и въ теченіи почти всего XVIII столѣтія, пока не обратился на нег-
маніе митрополитъ московскій Платонъ. Прискорбно читать въ
историческихъ многочисленныхъ жалобы на то, какъ весьма многіе
священники необузданно предавались невоздержанію «чревоугодію
послѣдовали, пьяные бродили по улицамъ, валялись въ кабакахъ
улицамъ бродя, безчинно шумѣли, ложились спать на дорогѣ, на
у своихъ прихожанъ ссорились «по мужичью» истязали въ домахъ
подчиванья, въ гостяхъ являлись сильны и храбры къ питью²⁾.
становили, церкви Божіи продавали и корчемствовали³⁾, дрались, у-
другъ друга и впадали во всякія другія уголовныя преступленія⁴⁾.
также безъ прискорбія вспомнить, какъ иногда провинившіеся
ники въ XVII вѣкѣ по зазывнымъ грамотамъ всякаго чина людей,
тались изъ ихъ приходоу на судъ въ Москву, въ Приказы
ріаршъ дворъ, и здѣсь владели ихъ изъ палаты въ палату, изъ
суда въ другой иногда долгое время⁵⁾. Какое впечатлѣніе произ-
на православныхъ такіе священники, что объ нихъ говорили ихъ
жане! Или: могъ ли народъ любить и уважать такихъ священно-
телей, которые вмѣсто того, чтобы водворять между своими прихо-
миръ, любовь и согласіе, какъ свойственно духовнымъ отцамъ и
рямъ, сами заводили съ своимъ причтомъ и прихожанами

¹⁾ Памяти. Моск. Древн. ч. II, стр. 335.

²⁾ А. Н. IV, № 62, стр. 176; № 151 V, № 186. — А. А. Э. III, № 264; IV, 2

³⁾ П. С. З. VI, стр. 707.

⁴⁾ Дополн. къ А. Н. V, стр. 462, 473.

⁵⁾ Въ церковныхъ приказахъ много было дѣлъ о самыхъ мрачныхъ, и
ныхъ поступкахъ духовенства. Такъ напр. думный разрядный дьякъ В. Г. Се-
инсалъ къ кн. Вас. Вас. Голицыну: «въ разрядъ ни откуда вѣстовыхъ писемъ.
Только есть отписки съ Коширы о *чудесахъ* поца Савы, и то отписку да
послалъ къ тебѣ Государю моему. А въ отвѣтъ кн. Голицынъ: отписку о Се-
посылаю къ тебѣ и ты пошли объ указъ стой отписки на патриаршъ дворъ
чтобъ указъ ему учинили *за то воробейство* на патриаршъ дворъ». Врем. М. I
кн. 4, стр. 65.

⁶⁾ А. А. Э. IV, № 204, п. 6.

жбы и даже драки, доходившія до рѣзни ¹⁾. Не смягчили, не улучшили нравовъ духовенства и государственныя мѣры XVII вѣка: ни реформы Петра Великаго, ни постоянныя заботы Правительства о разборѣ, переселеніи и распредѣленіи по церквамъ священно и церковно-служителей, ни заботы о недвижимыхъ имѣніяхъ, ни жестокія тѣлесныя наказанія, ни школастическія училища и семинаріи XVIII вѣка. Напротивъ, въ XVIII вѣкѣ духовенство подверглось еще большей деморализаціи, сдѣлалось работѣннымъ, вѣдалось въ касту, почти приравнялось къ *подлому народу* ²⁾, какъ тогда говорили, унизилось предъ аристократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда возлагались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и, въ чувствѣ своего самоуниженія и работѣнства предъ обществомъ, при отсутствіи средствъ возвыситься на высоту общественнаго положенія, стало нравственно падать, упадать, заколебало въ безсознательности своего общественнаго значенія, и, свыкшись съ худымъ мнѣніемъ объ немъ общества, особенно высшихъ классовъ, свыклось и съ грубымъ образомъ жизни, и часто безъ разсудка и совѣсти стало позволять себѣ безчинія всякаго рода. Эта деморализація духовенства въ XVIII вѣкѣ, особенно въ первой половинѣ его, до того дошла, что послѣ этого уже и гуманныя мѣры, какія Правительство мало-по-малу стало употреблять для исправленія и улучшенія нравственнаго быта духовенства и возстановленія его общественнаго положенія въ концѣ XVIII вѣка, оказывались почти недѣйствительными. Такъ въ указѣ 1772 г. Ноября 19 читаемъ: «Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ своемъ разсужденіи, что указами его 1767 г. Мая 21 (Юня 7) и 1780 года Мая 13 (20) въ духовныхъ командахъ не велѣно чинить священникамъ, монахамъ, протодіаконамъ, іеродіаконамъ и діаконамъ никакихъ тѣлесныхъ наказаній по тому резону, дабы они чрезъ то не могли терять должнаго по характеру своему отъ общества почтенія, и не было бы отъ того соблазна ихъ соблазна и причины къ презрѣнію, и исправлять бы ихъ приличными духовными трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода въ разсмотрѣнію. Каковое Св. Синода къ священно-служителямъ снисхожденіе и уваженіе сана ихъ и подавало Св. Синоду надежду, что священно-служители, тому соотвѣтствуя, будутъ вести себя исправнѣе, сходственно въ должностію ихъ пастырскою. Но при всемъ томъ изъ дѣлъ въ Святѣйшемъ Синодѣ усматривается, что нѣкоторые священно-служители ведутъ себя непорядочно, а особливо пьянствуя, во многія впадаютъ безчинія, и тѣмъ на чинъ духовный наводятъ нареканіе, а пастырь своей бываютъ не примѣромъ добрымъ, но однимъ соблазномъ» ³⁾. При такомъ нравственномъ состояніи и общественномъ положеніи духовенства русской церкви, когда въ ней распространялась секта старообрядцевъ, возмущавшихъ народъ

¹⁾ Допол. къ А. П. т. II. № 70. А. П. V, стр. 384. См. также одинъ изъ любопыт. документ. церкви св. Филиппа въ Новгородѣ С. Петерб. Вѣдомост. 1856 г. № 93. Указъ Бориса Федоровича: о ссорѣ поповъ съ прихожанами и объ обидахъ ихъ прихожанамъ. Или: Акт. Юрид. № 70.

²⁾ П. С. З. т. XVIII. № 12909, XXIV, 17, 624.

³⁾ П. С. З. т. XIX, № 13. 905.

противъ духовенства, какъ же могъ не распространяться расколъ, особѣ непоповщинскій! Могли ли эти священники, предъ всѣми чернившіе поведеніе самыми мрачными дѣлами, заслужить уваженіе отъ всѣхъ ихъ прихожанъ? Очевидно, нѣтъ! Православные, которые желали въ своихъ пастыряхъ живой образъ благочестивой христіанской жизни, желали учиться изъ ихъ примѣра всему нравственно доброму и благоличному, невольно чуждались такихъ неблагоуравненныхъ пастырей, гнушались ими, съ презрѣніемъ отвращались отъ нихъ и уклонялись безпоповщину. А расколоучители безпоповщинскіе еще болѣе поддвигали и распространяли въ народѣ предубѣжденіе противъ такихъ небуравныхъ священниковъ, а изъ-за нихъ и противъ всего православнаго священства: они ходили по православнымъ приходамъ и, на основаніе какого-нибудь мнимаго Ипполитова предсказанія, распространяли въ нихъ нечестную молву, — будто всѣ уже православные священники возлюбили, будто они суть яко волцы, а молитвы ихъ суть мерзость предъ Богомъ. «Такимъ лжеумствованиемъ своимъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій его епархіи отъ пустынь брыскихъ волцы исходящія овцы Христосъ прельщали и похищали¹⁾».

Были, впрочемъ, важныя причины, почему духовенство въ XVIII до такой степени было доморализировано, что не имѣло почти никакаго нравственнаго вліянія на народъ, и даже отталкивало отъ себя массу православныхъ въ расколъ. Мы не будемъ раскрывать того, какъ XVIII вѣкъ духовенство непомѣрно подчинено было свѣтской власти, при Остерманѣ и Биронѣ, «не щадили духовныхъ персонъ, жестоки нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ подвергали»²⁾, или, выражаясь словами одного современника, «священниковъ и монаховъ, какъ муравьевъ давили»; какъ священнослужителей наказывали жестокими побоями и плетьюми и кнутомъ³⁾; какъ «въ губерніяхъ губернаторы, а въ горь воеводы духовныхъ персонъ били, тиранили, и увѣчили, или издѣлывали надъ ними⁴⁾»; какъ «помѣщики священно и церковно-служителей только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляли, а обиженные отъ свѣтскихъ командъ удовлетворенія не получали, а другіе по недостатку своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицались»⁵⁾ въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже долго во второй, священники «по силѣ полицмейстерской инструкціи, должны были дневать и ночевать въ сѣбѣзжнихъ дворахъ, являться къ офицерамъ въ дома для работъ и ложекъ, ходить на караулы къ рогаткамъ и на пожары»⁶⁾; какъ священно-церковно-служители, не получая жалованья, лишались и помѣйи положенной Правительствомъ пропорціи земли и претерпѣвали нищету

¹⁾ Розыскъ, стр. 233, 234, 259.

²⁾ П. С. З. т. XI, № 8506, XVII, 12, 618.

³⁾ П. С. З. т. XVIII, № 12. 303. XXIV, 17, 624. Священниковъ наказывали по закону казнью не за уголовныя преступленія. IV, № 1860.

⁴⁾ П. С. З. т. XII, № 9079, XIV, 10, 750. XV, 10, 988.

⁵⁾ П. С. З. т. XVIII, № 13, 286.

⁶⁾ П. С. З. т. IX, № 6957, XI, № 8546.

ду тѣмъ долго должны были еще нести повинности постоянныя, ретскія, госпитальныя, подможныя для полковыхъ поповъ ¹⁾ и проч. Не прерывая всѣхъ этихъ важныхъ причинъ нравственнаго ослабленія и состоятельности духовенства удержать, спасти народъ отъ раскола, мы обратимъ вниманіе на внутреннюю причину—на способы и систему воспитанія и просвѣщенія духовенства нашего, въ періодъ распространенія раскола. Известно, что училищъ духовныхъ, также какъ и свѣтскихъ, отъ начала XVIII столѣтія и до половины XVII в., въ Великой Россіи вовсе не было. Пастыри народа, избравшіеся въ древней Россіи изъ людей всѣхъ состояній, и всего чаще изъ крестьянъ, а не рѣдко изъ холоповъ, болѣе чужды сами почти совершенно лишены были просвѣщенія, или имѣли весьма скудное образованіе, какъ это мы видѣли. Приготовленіе къ святому служенію было самое недостаточное, особенно до п. Никона. Отцы, бывшіе посвятити дѣтей своихъ во священники или діаконы на свое званіе, обыкновенно, или сами учили ихъ грамотѣ, или нанимали для сего грамотныхъ, такъ называемыхъ «мастеровъ»; а отцы эти и мастера, какъ справедливо замѣтили еще пастыри Стоглаваго собора, часто и сами «мало умѣли, и силы въ Божественномъ Писаніи не знали ²⁾». И все ученіе, все приготовленіе къ священству состояло только лишь въ томъ, чтобы умѣть читать церковныя книги и писать. Лучшіе просвѣщеннѣйшіе архипастыри Руской церкви давно начали чувствовать всю недостаточность такого приготовленія пастырей и необходимость духовныхъ училищъ для образованія священниковъ, учительныхъ священно-служителей ³⁾. Но только съ 30-хъ годовъ XVII вѣка начали появляться въ сѣверо-восточной Россіи духовныя училища, и то въ одной только Москвѣ; и, до паденія патр. Никона, было не болѣе двухъ ⁴⁾. При томъ, какія это были училища? Чему учили? Справедливое свидѣтельство даетъ Олеарій: «Les Moscovites, говоритъ онъ, n'apprennent dans leurs écoles qu'à lire et à écrire en leur langue, et ils n'en apprennent point d'autre; mais depuis quelques années on a établi une école publique à Moscou, du consentement du Patriarche, où on enseigne le grec et le latin» ⁵⁾. И такъ, умѣнье читать и писать по-славянски, и греческій и латинскій языкъ—вотъ все, что на первый разъ учили весьма немногіе воспитанники первыхъ московскихъ училищъ. А удаленіи п. Никона отъ церковно-просвѣтительной дѣятельности, и эти лицапали. Между тѣмъ, при отсутствіи духовныхъ училищъ, распадъ въ народѣ истиннаго церковнаго ученія, и при недостаткѣ священниковъ учительныхъ, просвѣщенныхъ, расколъ все болѣе и болѣе усилился. Отсутствіе училищъ, по свидѣтельству просвѣщенныхъ современ-

¹⁾ XVIII, 12, 925, XX, 14, 377 XIII, 9314, X, 7169.

²⁾ Стогл. гл. 25.

³⁾ Известно, какъ глубоко сознавать необходимость училищъ Геннадій, архіепископъ повгородскій, и какъ настоятельно побуждалъ митр. Симона просить Государя московскихъ, чтобы велѣли училища устроить для образованія ставленниковъ.

⁴⁾ См. «о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи» въ прибавл. къ св. отц. годъ 3 кн. 2.

⁵⁾ Voyages du Adam Olearius, par Viequefort. 1727, p. 333.

никовъ, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ происхожденія и распространенія раскола. Бывшій въ Москвѣ (съ 1660 г.) Пансіій Лигаридъ, Газскій, получившій образованіе въ Греческой Коллегіи въ Римѣ, маясь, по порученію царя Алексѣя Михайловича, опроверженіемъ извѣстной челобитной Соловецкой, въ заключеніи своего обширнаго труда обращеніе на причины смятеній, производимыхъ въ Россійской церкви расколомъ и на средства къ уврачеванію сего недуга, и вотъ что вырывается изъ пера: «искахъ и азъ корене сего духовнаго недуга, происходящаго нынѣ отъ христоименитомъ царствѣ, и тщахся обрѣсти, *откуда бы сіе грѣшеніе истекало и возрастало, на толику нашу общую пагубу?* Напостылюмъ обращаю, *обрѣтохъ изъ двоя истекшее, си еже есть: отъ лишней немощи народныхъ училищъ*, такожде отъ скудости и недостатка святаго книгохранилища» ¹⁾. Восточные патріархи, Пансіій Адрійскій и Макарій Аптіохійскій, приходившіе въ Москву въ 1666 году, въ день Рождества Христова (въ словѣ предложенномъ отъ нихъ въ день Рождества Христова) также съ особенною настоятельностью вали пастырей церкви Русской къ устроенію духовныхъ училищъ и образованію просвѣщенныхъ и учительныхъ священниковъ, и въ учрежденіи духовныхъ училищъ полагали надежду искорененія раскола и заложества истины. «Видимъ,—говорили они,—яко во многѣхъ отъ насъ имѣеть премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Сотворитесь тѣли въ виноградѣ Христовѣ, искореняюще терніе, и куколь душевъ извергающе. *Можете бо отъ плесель очистити гумно, аще точіи воза* за неже бо имѣете всяко благополученіе и довольство изобильное кахъ вашихъ. Сотворите вамъ вмѣсто сокровища тлѣннаго, души божественныя сокровиществовавъ. Обѣщаемъ бо яко сіи не малую пользу рятъ вашимъ монастыремъ и епархіямъ и митрополіямъ, егда сподобитесь, наче и наче растуще въ премудрости, достигнуть вышней мудрости, спасающе себе и прочія» ²⁾. Чрезъ 19 лѣтъ, дѣйствительно въ Москвѣ основана была учеными Греками братьями Лихудами знаменитая славяно-греко-латинская академія. Но очевидно, что въ концѣ XV и въ 1-й половинѣ XVIII одной Московской академіи было весьма недостаточно для того, чтобы приготовить учителей, просвѣщенныхъ пастырей на всю церковь русскую, болѣе чѣмъ для 12,000 церквей, раскинутыхъ въ народѣ русскомъ свѣтъ истиннаго ученія церкви и разсвѣтленія и предрасудки, посягаемые расколомъ. Притомъ, и науки, какія тогда преподавались въ московской академіи, далеко не вѣдѣствовали потребностямъ духовнаго и народнаго просвѣщенія. Въ 1701 г. обученіе въ московской славяно-греко-латинской академіи состояло изъ преподаванія грамматики, нѣтъ (на греч. языкъ) и философіи (на греч. и латин. язык.), а богословія, главнаго и самаго необходимаго въ духовномъ образованіи предмета не было.

¹⁾ Прибавл. къ твор. св. отц. г. III, кн. 2, стр. 160.

²⁾ Прибавл. къ твор. св. от. стр. 163—165.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія, когда пастыри русской церкви, при видѣ большаго и большаго усиленія и распространенія раскола, еще глубже и живѣе почувствовали потребность духовнаго образованія, начали появляться духовныя училища и внѣ Москвы, въ другихъ епархіяхъ, при архіерейскихъ домахъ¹⁾. Въ 1721 г. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено было въ обязанность каждому епархіальному архіерею имѣть при домѣ своемъ школу для обученія дѣтей, въ надежду священства²⁾, предначертаны были правила для духовныхъ семинарій и положено было заводить семинаріи по епархіямъ. Съ этого времени, дѣйствительно, начали мало-помалу появляться въ разныхъ городахъ при архіерейскихъ домахъ духовныя училища и семинаріи. Но устроеніе этихъ епархіальныхъ духовно-учебныхъ заведеній, частію по недостатку средствъ, а частію и по недостатку усердія, шло весьма медленно, такъ что часто выходили подтвердительные указы объ учрежденіи духовныхъ училищъ и семинарій. «Хотя объ учрежденіи семинарій многіе указы изъ Святѣйшаго Синода въ епархіи посланы были, — читаемъ въ Синодскомъ указѣ, данномъ 8 Февраля 1739 года, — однако раченіе въ нѣкихъ мѣстахъ является быть не токмо слабое, но почти и мало нѣтъ; а чего ради такое небреженіе чинится, неизвѣстно, что все относится иначе на главную духовную команду, а тому виновные, хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувствительно пребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ ни мало не зависить»³⁾. Только нѣкоторые, весьма немногіе изъ епархіальныхъ архипастырей первой половины XVII вѣка незабвенны своимъ попеченіемъ объ учрежденіи семинарій и училищъ, о прискананіи способовъ для обученія духовнаго юношества⁴⁾. Но, съ другой стороны, были такіе архипастыри

1) Такъ, около 1700 г. основаны были славяно-латинскія духовныя школы въ Черниговѣ. Въ 1706 г., въ то время, когда въ новгород. епархіи расколъ до такой степени усилился, что возникла (въ этомъ году) новая секта Федосеевцовъ, митр. новгород. Іовъ, вызвавъ изъ заточенія грековъ Лихудовъ къ себѣ въ Новгородъ, займелъ при помощи ихъ. при архіерейск. домѣ двѣ школы, одну греко-славянскую, другую латинскую, а потомъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ своей епархіи основалъ до 14 училищъ. Въ то-же время св. Димитрій Ростовскій заводилъ духовныя училища въ своей епархіи.

2) Дух. Регл. ч. II, (объ епископахъ) п. 9, 10 и дал.

3) Большихъ трудовъ стоило собирать духовныхъ дѣтей въ училища: родители весьма неохотно отдавали ихъ, роптали на учителей, на великій коштъ по содержанію своихъ дѣтей, также на покупку книгъ, на пропитаніе своихъ дѣтей, далеко отъ домовъ ихъ учившихся. Многіе церковно-служители не отдавали своихъ дѣтей въ училища духовныя, а отдавали ихъ въ подъячіе по канцеляріямъ и въ другіе чины. Ученики постоянно разбѣгались. «Изъ губерній и провинцій рапортами объявили, сказано въ указѣ 1276 г. Окт. 31, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722 годъ 1389, изъ того числа выучено 93 человека, за тѣмъ оставшіе едва не все синодальной команды бѣжали». (П. С. З. т. VII, № 4975.)

4) Такъ архіеп. казанскій Платонъ (1732—1735 г.), по словамъ Любарскаго, заложивъ каменную семинарію въ Казани, требовалъ въ 1732 г. изъ кievской академіи людей, способныхъ для заведенія въ своей епархіи училищъ: по этому требованію прибылъ въ Казань просвѣщенный Веніаминъ, впоследствии бывшій архіепископомъ казанскимъ, воспитанникъ кievской академіи, изучившій тамъ богословскія науки,

которые замедляли устройство семинарій и училищ и даже не сочувствовали учрежденію ихъ. распускали по домамъ учениковъ, собранныхъ ихъ предшественниками—заботливыми архипастырями. Такъ наприм. безпристрастный и правдивый историкъ казанской и вятской іерархіи архимандритъ Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казанскомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ людей, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время размѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности. почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вмѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи небывалое истребить безъ остатку»¹⁾. Такіе архипастыри, неблаговолившіе учрежденію семинаріи, были въ XVIII вѣкѣ и въ другихъ епархіяхъ: но не будемъ упоминать имена ихъ.—Между тѣмъ недостатокъ въ священникахъ учительныхъ, просвѣщенныхъ такъ былъ

языки греческій, латинскій и польскій и математику; и съ 1733 г. по 1746 годъ, по словамъ Любарскаго, «обучать духовныхъ дѣтей въ Казани, производя учениковъ по порядку изъ самаго низшаго класса до богословія съ изряднымъ успѣхомъ, трудился усердно, обучая между тѣмъ греческому языку и нѣкоторымъ частямъ математики, а въ учрежденные дни, какъ ученикамъ, такъ и народу публично толковалъ катихизисъ и сказывалъ проповѣди». Приведемъ слова Любарскаго о другомъ, еще болѣе незабвенномъ архипастырѣ казанскомъ, Лукѣ (1738—1755 г.) воспитаникѣ кіевской академіи, бывшемъ учителѣ въ московской академіи: «при семъ преосвященномъ, говоритъ Любарскій, построена на зачатомъ при преосвященномъ Платонѣ Рогалевакомъ фундаментъ каменная семинарія о двухъ департаментахъ, учреждена не малая библіотека, и снабжена многими знатныхъ авторовъ разноязычными, а особливо латинскими книгами: имъ же построены не безъ успѣха въ татарской слободѣ при церкви Захаріи и Елисаветы школы деревянныя новокрещенскихъ учениковъ. Въ семинаріи своей учредилъ онъ хорошій порядокъ, снабдивъ оную изрядными и разумными учителями, кои кромѣ обыкновеннаго на славяно-латинскомъ діалектѣ преподаванія, обучали другимъ языкамъ и нужнѣйшимъ частямъ математики: щедротою и раченіемъ своимъ до такого училища свои довели цвѣтущаго состоянія, что какъ кіевскимъ, такъ и московскимъ ни мало не уступали». (Истор. казан. іерарх.—Любарскаго ркн. казан. библ.). Въ вятской епархіи ревностно заботился объ учрежденіи семинаріи и распространеніи духовнаго просвѣщенія просвѣщенный еп. Лаврентій Горка (1733—1737 г.), воспитаникъ кіевской академіи: «онъ первый, говоритъ Любарскій, вызвавъ изъ кіевской академіи учителя именемъ Михаила Евстафьева Финитскаго, завелъ славяно-латинскія училища, въ кои способныхъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей набирать почти не безуспѣшно, къ искорененію прежняго суевѣрія и грубости, омерзения къ наукамъ и къ вкорененію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самъ первоначально, почти ежедневно посѣщалъ училища, поощрялъ, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписывалъ состоящую изъ весьма полезныхъ и знатныхъ авторовъ книгъ библіотеку; неученыхъ и по крайней мѣрѣ чтеніемъ книгъ непроевѣтившихся, какового бы они званія ни были, чина и состоянія, гнушались, обхожденія съ ними не имѣлъ; таковыхъ изъ своихъ подчиненныхъ не только въ священство и на другія степеня, но ниже даже въ причтъ перковный не производилъ; свящ. писаніе, исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе публично самъ изъяснял, ревностно желая вліять просвѣщеніе». (Жизн. преосвящ. архіереевъ вятскихъ и велико-пермскихъ, Плат. Любарскаго. Ркн. Каз. Д. Академ.).

¹⁾ Истор. Казан. Іерарх. Ркн. Каз. Дух. Акад. Въ дѣлахъ казанской семинаріи есть дѣло о роспускѣ учениковъ архіеп. казанск. Гавріиломъ.

тителенъ; необходимость церковнаго наученія народа, при сильномъ возженіи раскола, такъ была настоятельна, что для удовлетворенія этой потребности въ 1739 году нужно было прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ: неже того долго ждать,—сказано въ синодскомъ указѣ 1739 г. Геня 16,— доколѣ семинаріи по всеѣмъ епархіямъ заведены и въ доброе тояніе приведены будутъ, а между тѣмъ впредь, чтобы церкви не истощить, а и недостойныхъ поповъ, чтобы по прежнему не наставить: того ради имѣть Синодъ во всеѣ епархіи къ архіереямъ изъ учительныхъ священниковъ или изъ іеромонаховъ по 1 или по 2 учителями определить съ надлежащимъ жалованьемъ, выбравъ изъ вышнихъ наукъ и оубъ были добродѣтельнаго сами житія; должность же ихъ въ томъ состоятъ, чтобы они ставленниковъ и прочихъ поповскихъ и діаконскихъ и ичетническихъ дѣтей съ крайнимъ прилежаніемъ обучали, приводя къ вершенному познанію должности священнической, выбирая изъ священного писанія, такоужъ и изъ вселенскихъ соборовъ и прочая, что долженъ священникъ знать, и какъ имѣть правильно по своему званію поступать, накомъ притомъ имѣть Синодъ и о томъ наиприлежнѣйшее и ревновое попеченіе имѣть, дабы во всеѣхъ епархіяхъ впредь неотмѣнно настояща учреждены были семинаріи¹⁾.

Со второй четверти XVIII вѣка, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мало по лу учреждались духовныя училища и семинаріи. Съ 1721 г. по 1765 г. новано было до 28 духовно-учебныхъ заведеній, и въ нихъ въ 1765 году италось около 6,000 учениковъ²⁾; въ 1784 г. число семинаристовъ возсло до 11,329 человекъ³⁾. По внутреннее устройство духовныхъ семинарій и училищъ и система духовнаго образованія были самыя безпорядчныя: во многихъ изъ нихъ со всеѣ епархіи было не больше 20 или 30 ениковъ; въ другихъ учениковъ было много, но не было способныхъ ителей; въ нѣкоторыхъ, за недостаткомъ учителей и содержанія, а иногда по нерадѣнію епархіальнаго начальства, для избѣжанія хлопотъ, ученивъ распускали по домамъ. Въ ученіи господствовала схоластика и ланъ. Весь курсъ ученія большею частію ограничивался букваремъ, славянской, латинской и греческой грамматиками, да какими-нибудь латинскими, риторическими и пѣитическими экзерциціями и оккупациями *de loco, rane, de calceis* и т. п.; въ немногихъ семинаріяхъ присовокуплялось е къ этому объясненіе блаженствъ, десятословія, седми таинствъ ркви, да часословъ, псалтырь и нотное пѣніе. Ученики проходили «по епенямъ» инфиму или информаторію, фару, грамматику, синтаксиму, съ торыми иногда соединялась еще ариѣметика и наконецъ — риторику и ттику; «затверживали на-изусть буквари, толкованіе грамматики, орѣоафій, этимологіи, просодіи и осьмъ частей грамматики, склоненія и спряенія». Знаніе латинскаго языка во всеѣхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ считалось первою необходимостію, а богословіе, составляющее

¹⁾ II. С. З. т. X, № 7734.

²⁾ Ист. Рос. Іерарх. ч. I, стр. 448.

³⁾ II. С. З. т. XVIII, № 15,978.

первую и существенную потребность въ образованіи пастырей церкви, во многихъ семинаріяхъ вовсе не было преподаваемо. Недостаточность, односторонность такого училищнаго образованія духовныхъ дѣтей, готовившихъ быть пастырями и учителями народными, сознавали лучшіе архипастыри XVIII в. «Нынѣшнее ученіе,—говоритъ просвѣщенный архіепископъ казанскій Лука,—далѣе реторики не происходитъ, а необходимая нужда требуетъ, а паче тѣмъ, которые впредь изъ оныхъ школьниковъ въ священный чинъ по достоинству производимы быть могутъ, дабы оныя въ наукахъ высшихъ школъ философіи и богословіи довольное обученіе имѣли, а безъ онаго тѣ школьники достаточнаго совершенства въ своемъ ученіи имѣть и въ состояніи быть не могутъ преподавать слово Божіе съ надлежащимъ усѣхомъ»¹⁾. И въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ съ половины XVIII вѣка введено было въ курсъ преподаванія богословіе, приняты были за норму схоластическія системы западныхъ богослововъ среднихъ вѣковъ, которыя возбудили тамъ противъ себя справедливую реакцію въ XV и XVI вѣкахъ, а у насъ утвердились, и дали схоластическое направленіе нашему духовному образованію. Всѣ эти наши богословскія системы XVIII вѣка, *commentariis et disputationibus scholasticis illustratae, didactico-polemice et theorematata et quaestiones expositae, disputationibus theologicis speculative et controversae illustratae, in varios tractatus et paragraphos divisae* и т. п.,—почти нисколько не раскрывали духовнымъ воспитанникамъ — будущимъ пастырямъ народа высокаго ученія христіанства, какъ *живого и дѣйствительнаго слова Божія*, для живого и дѣйствительнаго преподаванія народу, а только давали юнымъ умамъ одностороннее холодно-разсудочное, безжизненное, утонченно-схоластическое направленіе, убійственное для живой богословской мысли и живаго нравственнаго христіанскаго чувства. Своими почти безчисленными, до мелочности утонченными квестіонами, въ родѣ, напр., такихъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ будущей жизни, и т. п. вопросамъ, наши богословскія системы XVIII в. только отвлекали мысли воспитанниковъ отъ прямого и нравственно-назидательнаго и умственно-просвѣтительнаго ученія христіанства — самаго существеннаго въ богословіи, и доводили ихъ до мелочности въ мышленіи. Своими схоластическими рубриками догматовъ, параграфами, этими сухими схоластическими богословскими силлогизмами, диспутаціями, пунктами, вопросами, да пустыми латинскими терминами, въ родѣ напримѣръ: *abstractio, entitas, quidditas, tuturitio, aseitas, essentia Dei physica et metaphisica* и т. п.,—богословскія системы прошедшаго столѣтія только затемняли и обременяли юные умы. Наконецъ, своими полемическими диспутаціями и контроверзіями, тезисами и антитезисами, по справедливому замѣчанію Ѳеофана Прокоповича, питали въ ученикахъ духъ пустого любопытствія и

¹⁾ Докосеніе архіепископа казанскаго Луки въ кабинетъ Императрицы Анны Іоанновны въ 1739 г. Спискокъ съ подлинн. въ библ. Каз. Академ.

поселяли въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости ¹⁾. «Разныя системы богословскія,—справедливо также говорилъ митроп. Платонъ, — нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ чело-
вѣческимъ; а богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препрѣтельныхъ словесѣхъ, но въ явленіи силы и духа» ²⁾. При такомъ направленіи воспитанія въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ XVIII в., могли ли изъ нихъ выходить пастыри церкви, съ полнымъ нравственно-
дѣйственнымъ и духовно-просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ. Очевидно, нѣтъ. Императрица Екатерина Великая вполне справедливо изобразила несовершенство и недостаточность духовныхъ семинарій и училищъ XVIII вѣка для духовнаго и народнаго просвѣщенія: «хотя до сего времени въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и заведены школы и семинаріи, писала она въ ин-
струкціи, данной 29 Ноября 1762 г. комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ: но оныя своими учрежденіями весьма различествуютъ отъ того устано-
вленія, которое предписано въ Духовномъ Регламентѣ. Премудрый Госу-
дарь, дѣдъ нашъ, Императоръ Петръ Великій, по согласію со всѣмъ духо-
венствомъ, тако написалъ въ Духовномъ Регламентѣ: разумѣть де надобно о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, то нельзя быть и церкви
доброму поведенію и нельзя не быть и нестроенію и многимъ смѣха до-
стойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. А
ны еще къ тому дополняемъ, когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспи-
танію и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ цер-
квямъ добрые пастыри и учителя опредѣляемы были, то и нынѣ въ про-
стомъ народѣ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ,
нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ... По сіе время
архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и
надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ
содержаніи, семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не
знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія
латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучитель-
ныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія
круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ,
живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше не-
волею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а
иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневною должность
отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ, не
взирая на то, что науки требуютъ челоѣка по выбору способнаго, и себѣ
однимъ во всѣ дни и часы житія своего преданнаго и посвященнаго» ³⁾.—
При такомъ состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ,
неудивительно, что священники не имѣли столько нравственнаго и про-
свѣтительнаго вліянія на народъ, чтобъ просвѣщать его свѣтомъ истины

¹⁾ Epist. Theoph. Procopov. Mosq. 1776. Epist. VI, p. 21.

²⁾ Жизнь моск. митроп. Платона — соч. Снегирева. Москва 1856 г. стр. 32.

³⁾ П. С. З. т. XVI, стр. 121.

и разсѣвать заблужденія раскола. Неудивительно, что нѣкоторые священники не только не въ состояніи были отвергнуть нелѣпыхъ мнѣній расколовъ, но и сами сдавались на доводы расколоучителей. Такъ напр. въ 1736 г. тайн. совѣт. Татищевъ, производившій перепись раскольниковъ въ сибир. заводахъ Демидова, доносилъ правительству, что на частныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ «расколъ произошелъ и сильно умножился отъ незнанія законовъ: *учителей, кои бы ихъ, раскольниковъ, проживавшихъ въ этихъ заводахъ, исправить могли, не достаетъ*; но которые и есть попы. тѣ непорядными поступки своими ихъ паче отгоняють, или *сами не умѣли той разсудить, согласуютъ* и тайно утверждають», и потому просилъ, «чтобы прислать туда хотя одного священника искуснаго, чтобъ ученіемъ могъ отъ суетвѣрія отвратить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію не допускать вкореняться»¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о церковной литературѣ русской XVII вѣка, объ отношеніи ея къ народнымъ понятіямъ и народной литературѣ. И здѣсь мы примѣчаемъ предварительный разладъ, раздвоеніе между книжной церковной литературою и рукописной — народной литературой, разладъ, который также не остался безъ вліянія на развитіе раскола. Главный недостатокъ нашей древней духовной литературы, какъ мы уже прежде замѣтили, составляетъ почти совершенное отсутствіе богословскаго догматическаго изложенія ученія христіанскаго и народо-поучительныхъ, катихизическихъ книгъ, въ то время особенно необходимыхъ для сельскаго духовенства и народа. Ученіе о церкви, о таинствахъ, о священствѣ, составляющее камень преткновенія для раскола, народу почти совершенно было неизвѣстно и никогда не было преподаваемо въ церквахъ. Народъ крайне нуждался въ назидательныхъ книгахъ. «Мнози отъ благочестивыхъ, говорили Варлаамъ Ясинскій, съ воздыханіемъ жалаху, дабы когда сподобится такихъ книгъ свойственнымъ съ славяно-россійскимъ языкомъ православно и достовѣрно изданныхъ дождати»²⁾. Чрезвычайно мало было въ Великороссіи даже самыхъ главныхъ книгъ духовнаго христіанскаго просвѣщенія — книгъ священнаго писанія; между тѣмъ, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «были въ Велицѣй Россіи имущіи и хотящіи имѣти я»³⁾. Творенія св. отцовъ, которыя могли бы въ достаточной мѣрѣ сообщать народу истины христіанскія, въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли выше, священникамъ не читались въ церквахъ, хотя и положены были уставныя чтенія изъ нихъ. Московскій книгопечатный дворъ при п. Іосифѣ сталъ-было издавать и распространять учительныя книги по церквамъ, какъ напр. малый катихизисъ, кириллову книгу и другія. Но эти книги изданы были расколо-учителями, искажены были ихъ заблужденіями, и вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ церкви, распространили ученіе

¹⁾ П. С. З. т. X, № 7663. Такъ было въ Сибирѣ, въ тобольской епархіи. См. ст. свѣд. Сулоцкого во Времен. кн. XX о Филофѣе Лещинскомъ, митр. сибир. и тобольск.

²⁾ Предисл. къ библии 1663 г. въ Солов. библи. № 197.

³⁾ Описан. книгъ Царскаго стр.

раскольническое. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда расколъ вынуждалъ пастырей церкви обращать особенное вниманіе на народное ученіе, и необходимость поученія народа глубже сознана была, пастыри церкви начали издавать полемическія сочиненія противъ раскола. Но горячіе споры, почти одинаково раздражительные съ той и другой стороны, только раздражали фанатическія головы расколуучителей. Спокойнаго, тихаго увѣщанія, поученія, убѣжденія, прямого, положительнаго изложенія истины, отъ незнанія которой и происекали ложныя религіозныя убѣжденія расколоучителей, — такого изложенія истины, которое бы, не раздражая расколоучителей за мелочныя ихъ убѣжденія и понятія, въ самомъ корнѣ подрывало ихъ убѣжденія, не было. Не было у народа твердыхъ, вѣрныхъ руководствъ для познанія истины, и не было систематическаго, церковно-правительственнаго изданія и распространенія общепоучительныхъ духовныхъ книгъ. Рѣдко, и то случайно, попадались дѣльныя, поучительныя книги въ нѣкоторыя церкви и къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Такъ во 2-й половинѣ XVII вѣка проповѣди Симеона Полоцкаго и учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона попались пермскому священнику въ въ городѣ Орлѣ, и онъ сталъ, по словамъ его, «многотрудіемъ составлять на каждаго недѣльная Евангелія бесѣды съ нравоученіемъ, ово въ мысли сограждалъ, ово же писалъ на малыя тетрадки и на свитки, вельми прісѣдѣ книзѣ Кирилла Транквелліона, много же словеса отъ поученій его устно навывкъ и зѣло любезно читалъ; и нѣщии жители, — прибавляетъ онъ, — въ дому ея имѣша читающе». Но такія книги были даже еще и не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечера душевная люботруднаго и мудраго мужа отца Симіона Полоцкаго слогу, говоритъ тотъ же священникъ, и тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло неразумительно, не точію слышащимъ, но и чтущимъ, вельми бо пренпрости страны сея жители, въ ней же мы обитати, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху»¹⁾. Очевидно, простому народу нужно было простое, удобопонятное катихизическое изложеніе истинъ вѣры и нравственности. За отсутствіемъ такихъ книгъ, народные грамотники, книжники только и читали старые рукописные сборники. И эти сборники всего болѣе были распространены въ народѣ. Но что заключалось въ нихъ? — За исключеніемъ немногихъ отрывковъ изъ твореній святыхъ отцовъ, и то большею частію въ искаженномъ переводѣ, и разныхъ церковно-историческихъ статей, также не всегда вѣрныхъ, въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣка большею частію заключались такія статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола, или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ ученія его. При совершенномъ отсутствіи богословскаго, догматическаго ученія, рукописные сборники XVI и XVII вѣковъ во первыхъ наполнены были статейками обрядоваго содержанія, въ которыхъ ревность

¹⁾ Описан. Рум. Муз. стр. 632.

объ обрядахъ доходить до мелочности, даже въ ущербъ истинной вѣрѣ и христіанской мысли. Наприм. мы весьма часто встрѣчаемъ въ сборникахъ XVI и XVII вѣка статейки въ родѣ слѣдующихъ: 1., подробныя правила о томъ, что ѣсть въ тотъ или другой день того или другого поста; 2., изъясненіе о томъ, чтобъ св. воду Богоявленія соблюдать честиѣ самихъ пречистыхъ св. таянъ, чтобы если уканеть или проліется, — мѣсто то изжещи углѣмъ горящимъ, или истесать и въ воду вметать, или, если на ризу уканеть, ризу изрѣзать¹⁾ и проч.; 3., или причту о кадилѣ, еже како подобаеъ кадити предъ Богомъ²⁾, и разныя мелочныя обрядовыя истолкованія. При постоянномъ чтеніи такихъ статей, естественно, должна была развиваться въ Русскихъ людяхъ XVI и XVII вѣка такая неразумительная, мелочная ревность объ обрядахъ, какая выразилась въ расколѣ. Да и самыя мнѣнія раскольническія, еще за долго до открытія раскола, уже изучались, усваивались русскими людьми, какъ догматы вѣры: потому что они занесены были уже въ сборники того времени³⁾. Кромѣ обрядовыхъ статей рукописная, народная литература особенно наводнена была такъ называемыми «отреченными книгами». Не имѣя истинныхъ книгъ, грамотные люди брались за эти книги. Эти книги еще болѣе отчуждали понятія и духъ простыхъ грамотниковъ отъ истиннаго ученія. Вотъ какія ложныя, апокрифическія книги того распространялись въ народѣ, по сборнику Соловецкой бібліотеки XVII вѣка: «составленіи мирстѣи псалмы, грядите вси вѣрніи, другіе грядите кресту твоему въ друждешуся на земли, Адамъ о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, патріарси, Сиѡова молитва, Адамъ завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеѡъ, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исавно видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстѣи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша челоуѣка орюща волю и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и приидѣ съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу: Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы, Иоракманехъ, Зосимохождение, паралипомени что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремию пророку. Суть же и ина многа отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана Богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Авраама праотца въспросы, тогоже Івана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши праведный Іване Варѡломѣевы въспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епископы о недѣле, О дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ поны ставили, и что Христосъ плугомъ ораль, еже Еремия попъ болгарскій изогаль, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта, и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила крести, и что рабы по суху ходили, Дѣтство Христово, хожденіе Богородицы по мукамъ; о Адамовѣ лѣѣ что

¹⁾ Сборн. Сол. библ. № 813, п. 542.

²⁾ Опис. Рум. Муз. стр. 521.

³⁾ См. напр. опис. Рум. Муз. стр. 521, 569, 707.

сѣдмѣ церквѣ въ немѣ сѣдѣло; Павлово хождение по мукамъ, имена ангеломъ, о службѣ таинъ Христовъ что опоздять служити обѣдно, врата небесная являються, и ангели попа кленуть; и еже съ Христомъ діаволе прѣние, о пустынникѣ о Макаріе римѣстемъ, что три черныи нашла его, что двасати поприщъ отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе притчи, пѣсни и кошуны, все лгано, не бывалъ китоврскъ на земли, но елтиньстїи философи ввели; Авгарево посланіе на шею носятъ неразумни; о двоюнадесяти іаковличахъ глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса живо складена, а не тако, яко же истинна ихъ писанна въ чтеніихъ и въ мнѣяхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя мученъ, Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимъ—янова царева, еже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; Евпатіево мученіе, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго мученіе, и нѣхъ многихъ; единою убо вси святїи спасени умроша, помножихъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли кошемъ прободени, ли ножемъ заклани, ли огнемъ сожжени, ту конецъ прияша; многаяж и иная сложена чтенія ложная, Давидови пѣсни, Соѡннино обавленіе, о Василиѣ кесарійскомъ, и о Иване златоустѣ, і о Григоріе богослове, въспросы и отвѣты о всемъ лгано; о всей твари чтеніе, куръ стоитъ въ мори, 300 ангелъ солнце воротять; о двоюнадесяти пятницяхъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елюеріемъ; слово Меѡдія епископа паторимскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что записани цари Александромъ царемъ Макидонскимъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ видѣ столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Авраама возноситъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣють и судятъ имъ, но лгано суть не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлявая лживыя о трясавицы, Еремїя попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаанный, сѣдѣшу святому отцу Сисѣнїю на горѣ синайстѣй, и видѣ седмѣ яконъ исходящихъ отъ моря и ангела Сихаила именуеть, и иная изыдоша седмѣ ангелъ, седмѣ свѣщъ держаще, седмѣ ножевъ острящи; карастар о (70) именихъ Богу же то еретици списали. Суть же между божественными писаними ложная списана отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и дьякономъ лстивые сборники сельскыи, худыи манакаунци по молитвенникомъ у неразумныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недужехъ, и грамоты трясавьскыя пишутъ на просѣирахъ и на яблонецъ болѣсти ради, все убо то невѣжды дѣють, и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ неразумни гинуть. А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себѣ отлучаютъ о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой рекше острологъ, остроумїя, землемѣрія, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся глаголемы стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птицъ, еже есть тѣло свое хранить мертво, и лѣтаеть орломъ, и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаеть змиемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молъникъ, мѣсяцъ окружится, колядникъ, метанїя, мысленикъ, сонникъ, волховникъ, волхующе птицами, и звѣрьми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, вранограй, бурокликъ, окомигъ, огонь-бучить, несъ-выеть, мышепискъ, мышъ порѣты-

изгрызеть, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражать, сонъ страи слѣща-стряцеть, изгоритъ нѣчто, огонь пищитъ, искра изъ огня, бжмьявкаеть, падеть человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на иптичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумитъ, дрѣво, съ и листъ шумитъ, сорока пощечочетъ, дятель, жона, волкъ выетъ, гость ѣдетъ, стѣнощелкъ, полатничикъ, волхвованіа разноличная,—путникъ и и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днѣхъ о луны что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть ерн написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама; и сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныя. Адама сотвори въ пятый день; како хочещи навѣгласе въ единъ день рождение аи съ луною исповѣдати, почто неразумне вѣруещи еретическимъ лжа оставя Божіе писаніе, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и чая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтецъ, звѣздъ, и другій звчтецъ, ему же имя стоднецъ, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе и вуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-жити бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей. и казней, и въ службахъ и купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безуміемъ, а оставя Божію мощь, и призывать бѣсовъ на помощь, а невѣдуще Божіихъ судьбъ. Одно перечисленіе этихъ книгъ, которыя распространялись въ народѣ XVI и XVII в. въ толстыхъ сборникахъ. уже достаточно показываетъ, кой мракъ невѣжества, суевѣрій и заблужденій распространялся въ нашъ народъ въ то время. Для примѣра выпишемъ еще нѣсколько строкъ апокрифической «бесѣды трехъ святителей Григорія Богослова, Ивана тоуста и Василия Великаго»: «Григорій рече: кто первѣ Бога нареч Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси, прежде созданія ади за гордость наречеса сатана дьяволъ. Василий рече: что есть высота иная, широта земная, глубина морская? И, рече: Петръ пріинкъ видѣ и едины лежаща и сударь иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ особъ свить на единомъ мѣстѣ. Г. рече: сударь бѣ два плата служеб на блюдѣ, а ризы его верхніе небо и пренисподняя, вездѣ стоитъ яко стихарь шестаго неба его, а поясъ—желѣзное столпѣ около великаго и на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясъ земля: толстота ея яко отъ востока и до запада, и повелѣ его Господь ангелъ согнати пену морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ на тридцати малыхъ китѣхъ заляжетъ тридцать околъ морскихъ, а д ихъ третія часть райскія воня, идуть рыбы на ту воню и тѣмъ сытываютъ, а глубина жъ того моря великаго 5 ротогъ, толщина какъ же толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному стол того же моря дно стоитъ на семи тысящехъ столпехъ: туто же есть и адъ жилище, туто жъ и антихристъ связанъ... того моря столпѣ стоитъ на и не угасимомъ. подъ тѣмъ огнемъ тутожь есть денница, яже прежь сол сотворена, и ту есть людие крплаты, летаютъ яко паутина мыслию, а сме

вѣту имъ: то же иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держить, то тѣ звѣзда яко риза. В. рече: гдѣ первѣ Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? . рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ агнецемъ тутю есть царь, а свѣту нѣтъ конца. Г. Протолкуй ми Троицу. И. рече: въ тѣхъ шарехъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ свѣтъ есть, а другій свѣтъ огонь. В. рече: отъ чего суть ангели сотворени? Г. рече: отъ Духа Господня, въ свѣта и отъ огня. И. рече: отъ чего солнце сотворено есть? В. рече: отъ цутренія ризы Господни. Г. рече: отъ чего луна сотворена бысть? В. рече: отъ аера и отъ Престола Господня и отъ воздуха. В. рече: еста ангела юмная еленскіи (sic) старецъ Перунъ. Нахоръ есть жидовинъ; а два еста иже ла молниина... В. рече: посла Господь ангела и взя единою на востоцѣ на западе ѓ, на сѣверѣ а, на юзѣ м: то есть адамъ», и проч. ¹⁾. Такія мнматическія и космогоническія понятія распространялись въ нашемъ народѣ изъ ложныхъ книгъ. Замѣтимъ, что большую часть такихъ понятій заимствуетъ расколъ, и въ простомъ народѣ и донынѣ передаются такія сказанія—о происхожденіи міра и челоуѣка. Вообще, читая въ сборникахъ VI и XVII вѣка разные рассказы и толкованія русскихъ грамотниковъ чарой Россіи, читая напр. эти апокрифическія повѣсти о томъ, какъ изгнанная изъ рая Евва по случаю впаденія Адама въ чревную болѣзнь, изсказываетъ предъ 6000 домочадцевъ о паденіи своемъ и о похожденіи, по изгнаніи изъ рая, или «разговоры Адама со Христомъ», или Христа съ Іосифомъ благообразнымъ», или Іоанна Θεолога съ Авраамомъ о кончинѣ лѣта и живота», или эти «толкованія о Иисусѣхъ, и повѣсти 12 пятницухъ» и т. п., или эти мистическія загадки и «притчи толкованныя», въ формѣ которыхъ большею частію излагается вся сумма знаній древнихъ нашихъ грамотниковъ, эти чрезвычайно-произвольныя мистическія толкованія библейскихъ текстовъ, событій и даже лицъ ²⁾, мы выносимъ изъ всего этого самую грустную мысль: какъ скудно, даже во многихъ отношеніяхъ невѣрно было христіанское умственное развитіе нашего древняго народа въ древней Россіи, какъ мало онъ зналъ истинное ученіе христіанства, и подлинныя сказанія св. писанія, и какъ между тѣмъ много усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ. Напримѣръ, въ сборникахъ XVII вѣка почти постоянно встрѣчаемъ толкованія въ родѣ слѣдующихъ: вопросъ: что есть милость Іліина? Толкъ: не пощадѣ Авраамъ сына своего Исаака, хотя заклати Богу на жертву, и вземъ ножъ отъ Авраама сына его Исаака и вдаде ему овенъ мѣсто сына его Исаака: то есть плоть Іліина. Вопросъ: что есть внукъ рече бабе положи мя у себѣ, и рече ему баба, како ты положу у себе, ты ми отецъ. Толкъ: внукъ есть христосъ, а баба земля» ³⁾. Или еще вопросъ: «егда распятся Господь, и сифъ снемъ со Креста тѣло Христово и ко гробу несоша, что ему глаголаше Христосъ? Толкъ: Христосъ рече: Іосифу, пой Святой Боже» ⁴⁾.

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 925.

²⁾ Сборн. Сол. библ. № № 861, 889, 923 и др.

³⁾ Сборн. Солов. библ. № 925, л. 169.

⁴⁾ Сборн. № 923.

Въ этихъ толкованныхъ притчахъ, которыми исполнены Сборники 1 вѣка, часто встрѣчаются самыя нелѣпыя мысли, напр. въ родѣ слѣдующей: «Афродита Пирсѣянина богородицино подобіе и т. п. 1). Множество вопросовъ самыхъ пустыхъ, мелочныхъ, которые излагались тогдашней народной письменности. Напримѣръ, силы ума испытаны такими загадками: «еще творишися мудръ, скажи мнѣ слову сему: неродивыйся умре, а родивыйся не умре, умершій не истлѣ, Моисей торзѣ, Павелъ въ Делвахъ, Соломонъ на войну пошелъ, Давидъ ся же Адамъ въ сватѣхъ: рѣка среди моря течеть, животъ во огни скачетъ отъ смерти погибъ, а смерть отъ дьявола, а дьяволъ безъ вести по бысть; рѣка подъ землею, среди моря крестъ, верху горы градъ, и солнце, на горѣ мертвіи возсташа, а живи падоша. ядомъ отъ ядоу Или: стѣло ли есть въ образѣ, или образъ въ тѣлѣ? Толкъ: образъ тѣлѣ. Паки: премудрость ли есть въ челѣ, или душа въ мудрости. Трость есть въ души» и т. п. 2). Не говоримъ уже объ особомъ разрядѣ вѣрныхъ статей въ древне-русской народной литературѣ: это цѣлый произведеній, въ родѣ чародѣйскаго травника или зелейника и т. п. библейская форма загадки, вопросовъ, въ которыхъ русскіе книжники няго времени большею частью излагали свои богословскія понятія какъ-бы еще самый первый, младенческій лепетъ въ богословско-христомъ ученіи, выраженіе той умственной жажды, той пытливости, какою они искали, желали духовнаго просвѣщенія полнаго, разу всесторонняго, истиннаго знанія. И, не находя его истинныхъ источниковъ, творили свой міръ идей, почерпая часто ихъ изъ ложныхъ книгъ. . удивительно ли, что при такомъ наплывѣ въ умственной жизни нашего рода въ XVII в. всѣхъ суевѣрій и заблужденій, какими наводняли эти ложныя книги; удивительно ли, что вся эта мгла, весь этотъ суевѣрій и заблужденій, когда началъ озарять Россію первый лучъ

1) Сборн. Сол. библ. № 925, л. 105.

2) Тамъ же. За то,—замѣтимъ мимоходомъ,—часто встрѣчаются въ сборн. и XVII в. «притчи толкованныя», пелишенныя поэзіи. Напр. слѣдующія: «Стои на дву холмѣхъ, среди горы кладязь глубока, на верху горы лежатъ два камня цвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: Гора—человѣкъ на двухъ ногахъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладязь гортань и чрево». ить древо злато, а на немъ листвіе златое, подъ тѣмъ древомъ стоить лоханя; при голубь, листвіице щиплетъ, да мечетъ въ лоханю; лоханя не полна и листвіе не есть. Т. древо злато—небо, а листвіе люди, а голубь—смерть, а лоханя земля. градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, полъ цвѣты прекрасныя, а около ихъ пчелы ярыя. Толкъ: Градъ—изба, а гора а поле—скатерть, а цвѣты—яди различныя, а пчелы—люди». Или: «въ тепломъ стоить пещера каменная, а въ пещерѣ лютой змій лежитъ, а какъ бываетъ въ томъ стужа, змій раскручинится, и начнетъ у него и зо рта пламень огненный дити, и изъ ушей—кудрявъ дымъ метается, а изъ очей—искры сыплются. То: лое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а земля—дрова горятъ до вечера. Вопросъ: Сбѣяте ли два, десять жителей, угобзися нива и соты коблы. Толкъ: 4 Евангелиста, 12 Апостолъ, три коблы—Троица, Отецъ и Сынъ тый Духъ». Или еще: «рибъ поимитъ, зоветъ дѣти, ихъ же не родитъ. Т. второе Христово пришествіе вострубятъ ангели, и возстанутъ мертвіи отъ гр.» (Сборн. Сол. библ. № 923.)

щенія, скопились въ одну темную массу и выразились въ расколѣ? Въ тѣхъ всецѣло сохранился и утвердился тотъ ложно-библейскій, или частѣе, ложно-апокалипсическій мистицизмъ, который господствовалъ въ рукозной духовной литературѣ русской XVII в., особенно въ статьяхъ апофифическихъ. Мысль объ антихристѣ, о кончинѣ міра, о страшномъ судѣ въ сборникахъ XVII вѣка почти также часто встрѣчается, какъ и въ сочиненіяхъ раскольническихъ, и большею частію почти совершенно въ томъ же видѣ, какъ и у раскольниковъ. Расколъ только довелъ ее до значительнаго развитія, и далъ ей особенное направленіе, первоначальнѣйшій источникъ котораго, какъ мы видѣли, также заключался въ религіозномъ духѣ XVI и XVII в. Русскіе книжники XVII в., также какъ и жольники, находили эту мысль въ такихъ мѣстахъ св. писанія, гдѣ и вовсе не заключатся. Напр. въ сборникѣ начала XVII вѣка читаемое толкованіе текстовъ: «вопросъ: престолъ его на земли поверженъ, умалилъ еси дни времени его, и облиялъ еси его студомъ. Толкъ: егда ѣдетъ антихристово царство три лѣта, а три лѣта яко три мѣсяцы, а три мѣсяцы аки три недѣли, а три недѣли аки три дни, а три дни аки три часа... Вопросъ: окропиши мя уссономъ и очищуся, омыеши мя и се снѣга убѣлюся. Толкъ: егда земля начнетъ горѣти и выгоритъ 1000 ютъ въ глубину, и не будетъ горь, и будутъ четыре вѣтры сошлетъ съ: востокъ, сѣверъ, югъ, западъ, и развѣютъ всю скверну на земли, и ѣдетъ земля чиста, яко дѣвица нескверная, и убѣлится яко трапеза и опіетъ земля къ Богу» и проч.¹⁾ Подобныя толкованія текстовъ и чуждыя мысли точь-въ-точь повторяются въ раскольническихъ рукописяхъ.

Въ другомъ сборникѣ находимъ длинное мистико-пророчесственное изображеніе послѣднихъ временъ и царства антихристова. Здѣсь сначала предъизываются различныя беззаконныя царствованія предъ пришествіемъ Христа, въ томъ числѣ царствованіе жены блудницы, при которой будетъ господствовать развратъ въ высшей степени, богохульство, иконоство и всѣ грѣхи: потомъ предсказывается явленіе отъ Бога архистратѣа Михаила, который «посѣчетъ эту львицу серпомъ, обернетъ аки жерномъ, ударитъ скипетромъ и тако погрузитъ ее въ глубину морскую». Потомъ родится антихристъ отъ черницы: «черница дѣвою сѣдѣ въ келліи ей, услыша потку (птицу) поющую во градѣ своемъ тако, яко ни умъ ювѣчь не иметъ, не смыслитъ: она жъ уклонитъ оконца, хочетъ узги потки той, поткажь возлетѣвъ зашибется въ лицѣ черницы той, въ тѣхъ часѣхъ зачнется сынъ пагубы, антисотона». «Тогда царь Михаилъ возігнетъ руки на небо, и воздастъ царство христіанское Богу и Отцу... егда обличится сынъ погибели, родившійся отъ племени Данова, по проречеству Іакова патріарха, иже рече: видѣхъ змія, имающа коня за пята, и конь на ногу заднюю... Что есть конь? Послѣдній день... тогда антихристъ начнетъ храпѣть... сядетъ въ церкви, яко Богъ, человекъ сый въ колѣна Данова: будетъ же царства ему три лѣта, а три лѣта аки три

¹⁾ Сборн. Сол. библ. № 913.

мѣсяцы, а три мѣсяцы аки три недѣли» и проч.¹⁾ Подобныя мистическія апокалипсическія толкованія о послѣднихъ временахъ міра, о пришествіи и царствѣ антихриста, часто встрѣчающіяся въ сборникахъ соловцы XVI и XVII в., читавшіяся тогда съ живымъ увлеченіемъ, съ трепетнымъ ожиданіемъ предсказываемыхъ послѣднихъ временъ, безъ сомнѣнія, мало благопріятствовали развитію раскольнической мысли объ антихристѣ развитію того ложно-апокалипсическаго направленія, или мистическаго символизма, который лежитъ въ основаніи раскольническаго міровоззрѣнія. Наконецъ, въ рукописной литературѣ XVII вѣка, задолго до появления раскола, распространялись и другія суевѣрныя понятія расколу наприм. «о бѣсовской и проклятой табакѣ». Такъ въ сборникѣ Соловецкой библіотеки подъ № 925 рассказывается нѣсколько чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 году, какъ самъ Всемилостивый Спасъ и Пречистая Богородица явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ жителямъ и велѣли «росписи росписывать и разсылать и по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане нюдь табаки не пили; а будетъ стануть пить табакъ, за ихъ непослушаніе будетъ на землю каменіе много испущено огненное» и проч.²⁾

Такимъ образомъ въ самой рукописной литературѣ русской XVII вѣка, которая всего болѣе была доступна народу, заключались элементы для развитія раскола. Отчужденность, отрѣшенность народной духовной литературы отъ живого, истиннаго ученія церкви, отсутствіе богословскаго, догматико-теологическаго элемента, преобладаніе обрядовыхъ элементовъ, и наконецъ развитіе раскольническихъ идей, вотъ недостатки рукописной, народной литературы XVI и XVII вѣка, благопріятствовавшія развитію раскола!

Въ XVIII вѣкѣ, когда ясно обнаружилась недостаточность старой церковной литературы и односторонность чисто внѣшне-обрядоваго направленія христіанской жизни народа, глубоко сознаана была необходимость изданія поучительныхъ, нравственно-догматическихъ книгъ для распространенія въ народѣ возвышенныхъ, нравственныхъ и догматическихъ истинъ христіанства. Въ Духовномъ Регламентѣ положено было слѣдующее: «По малому числу, противу толикаго Россійскаго церковнаго многонародія, таковыя пресвитеры, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и заповѣди Священнаго Писанія: то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія простыя для простыхъ людей уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и эти книжицы прочитывать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви предъ народомъ. А хотя и есть таковыхъ книгъ довольное число, Омологія или Исповѣданіе Православное, такожъ и нѣкихъ святыхъ учителей святыхъ толковательныя бесѣды и слова нравоучительныя: обаче се есть неудобное всему, наипаче простому народу ученіе. Книга Исповѣданія Православнаго не малая есть, и для того въ памя-

¹⁾ Сборн. Сол. библи. № 889.

²⁾ Сборн. Сол. библи. № 925. гл. 35-45.

простыхъ человѣкъ неудобъ вмѣщаема и писано не просторѣчно, и для того простымъ не вельми внятна. Такожъ и книги великихъ учителей, Григориюстаго, Теофилакта и прочихъ писаны суть еллинскимъ языкомъ, и съ томъ токмо языкѣ вняты суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ темень и съ трудностію разумѣтся отъ человѣкъ и обученныхъ, а простымъ невѣждамъ отнюдь непостижаемый есть. И сверхъ того толковательныя бѣдѣды учительскія много имѣють высокихъ богословскихъ таинъ; тако же не мало сказуютъ, что тогда сказывать подобало по приклонности разныхъ народовъ, и по обстоятельству оныхъ временъ, чего нынѣ невѣжливый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не умѣетъ. А простому народу поучать часто подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственнѣ, по своему званію должное... И таковое приходитъ разсужденіе, аще бы вѣдали вси самыя главнѣйшія вѣры нашея догматы, и кое есть устроенное отъ Бога спасенія нашего смотрѣнія; и аще бы вѣдали заповѣди Божія, еже уклонитися отъ зла и творити благое: то довольное бы имъ было наставленіе. (А если бы кто и при таковомъ вѣдѣніи развращенъ пребылъ)... И того ради нужно есть сочинить три книжицы небольшія. Первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ Вѣры нашея, тако жъ и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ Десятословіи заключенныхъ. Вторую о собственныхъ всякаго чина должностяхъ. Третію таковую, къ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго чина. Первая и вторая книжица имѣтъ будетъ доводы своя отъ самаго священнаго писанія, но внятыя всѣмъ и краткія. Третія жъ отъ святыхъ отецъ то сежъ, что въ первой и во второй поучающая. Чтеніе же книжицъ оныхъ таковымъ порядкомъ пойдетъ изрядно. Въ день воскресный или праздничный на утрени прочесть часть малую отъ первой, а въ другой рядъ часть отъ второй книжицы, а въ тотъ же день по обѣдни прочесть слово отъ третей книжицы о томъ же самомъ о чемъ чтеніе было и на утрени. И такое единое и тоеже ученіе, слышанное на утрени и подтвержденное на обѣдни можетъ лучше въ памяти слышащихъ затвердиться. А такъ вся оныя чтомыя части раздѣлить, чтобъ всѣ три книжицы могли быть прочтены въ четверть года. Ибо тако услышитъ народъ вся нужная своя наставленія четырежды въ годъ, и возможетъ слышанная добрѣ памятовать» ¹⁾. Къ сожалѣнію, духовная литература русская XVIII вѣка, чуждая живого, яснаго, общенароднаго изложенія христіанскаго ученія, пропитанная схоластицизмомъ, облеченная въ грубыя и тяжелыя формы латини, особенно нетерпимой нашимъ народомъ, особенно старообрядцами, была почти нисколько недоступна для народа. И потому онъ оставался съ преданіями своей заветной, старинной рукописной литературы.

¹⁾ II. С. 3, т. VI, стр. 321—322.

V. Гражданское состояніе Россіи во время появленія и распространія раскола.

Гражданское состояніе Россіи во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, не менѣе церковнаго состоянія ея, заключало въ себѣ элементы, благопріятствовавшихъ развитію раскола. И въ государствѣ Московскомъ, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовывалось въ *Имперію Всероссийскую*, совершалась борьба разрозненныхъ силъ—началь старой и новой Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества много было внутреннихъ противорѣчій, разрозненности, разлада, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ. Соединительная, централизирующая сила государства стремится сосредоточить, примирить разрозненные народные элементы въ государственномъ единствѣ, въ крѣпости общественной, въ единствѣ законодательства и управленія, уничтожаетъ старую подвижность, расходчивость, расплывчивость народонаселенія, укрѣпляетъ его къ государственной землѣ, короче—стремится *собрать разсыпанныя злачины*, по выраженію Великаго Петра: а большинство народа, масса, движимая еще средневѣковыми стремленіями къ разобщенію, не сознающая государственныхъ идей правительства, не покоряется этой соединительной силѣ государства, упруго стремится удержать старое положеніе, или по характеристическому выраженію актовъ *бредеть врознь*. Правительство, укрѣпивъ народонаселеніе, стремится дать ему надлежащее государственное разграниченіе, распредѣленіе, стремится раздѣлить смѣшанныя, соединить разрозненные однородныя части народонаселенія: изъ прежнихъ, исключительно поземельныхъ, раздробленныхъ хаотическихъ общинъ, неимѣвшихъ ни внутренней крѣпости и общиннаго, союзнаго единства, ни юридической опредѣленности общинныхъ правъ и общинной дѣятельности, образуетъ общины сословныя, союзныя, основанныя уже не на поземельномъ или земскомъ тяглѣ только, а на юридическихъ началахъ общинныхъ правъ и обязанностей, на государственномъ разграниченіи общественной дѣятельности, на развитіи государственно-союзнаго духа. Между тѣмъ разные члены русскихъ общинъ XVII вѣка привыкшіе жить въ общинахъ только до поры до времени, отъ Юрьева да до Юрьева дня, привыкшіе жить особняками, своими особенными огороженными участками, во многихъ мѣстахъ даже совершенно отдѣльными дворами, удаленными отъ другихъ дворовъ, привыкшіе «брести врознь»—люди русскихъ общинъ XVII вѣка были еще, по самому характеру своему, чужды этого союзнаго духа; вѣковое внѣшнее поземельное разобщеніе шло, развивало въ немъ и разобщеніе, разъединеніе внутреннее, нравственное: въ самыхъ сословныхъ общинахъ, уже разграниченныхъ, обозначенныхъ правительствомъ, нѣтъ еще внутренняго согласія, союзнаго духа: раздоръ часто раздѣляетъ членовъ сословныхъ общинъ, еще не сжившихся внутренне, послѣ вѣковой разрозненности и хаотической запутанности общинныхъ интересовъ и стремленій, послѣ вѣкового отсутствія

ознаго духа ¹⁾. Разграничивая сословія, образуя стройные государственные союзы въ народонаселеніи, правительство, далѣе, обращаетъ строгое вниманіе на наличныя рабочія, производительныя силы народонаселенія: а этого, вмѣсто прежней писцовой переписи земли и дворовъ, вводитъ репись подушную, ревизію душъ, и государственное тягло и государственную службу переноситъ съ земли на лицо, каждому назначаетъ службу, боту въ своемъ опредѣленномъ общинномъ кругѣ, съ каждаго требуетъ кже опредѣленной подушной подати: такимъ образомъ каждый членъ и или другой сословной общины строго, окончательно подчиняется, рѣшается къ государству. Тяжкимъ казалось большей части народа, литаннаго въ средневѣковой вольности, это строгое личное подчиненіе служба государству, эта личная, подушная зависимость отъ него. И вотъ ожестово было недовольныхъ этимъ, такъ сказать, личнымъ тяготѣніемъ государству, личнымъ укрѣпленіемъ къ общинамъ, невозможностію по жнему исключиться изъ списка податныхъ и служилыхъ. Наконецъ, правительство, ясно сознавшее потребность государственнаго благоустройства и равленія народонаселенія, издаетъ новые законы для водворенія общеннаго порядка, полагаетъ предѣлы старому беззаконію и своеволію, чтождаетъ жалованныя грамоты, исключенія, изыятія изъ общаго права и издаетъ общіе указы и законы, проводитъ въ жизнь народа закъ, какъ зиждательное и благоустроительное начало государственнаго ядка. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича открываетъ собой періодъ заго законодательства, составляетъ введеніе уже въ кодексъ новыхъ юновъ, которые суть «органическое порожденіе уложения» ²⁾. 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій Петра Великаго и извѣстные намъ 2902 аза его съ 1700 по 1725 годъ суть зиждательное начало новой Россіи, раженіе той творческой идеи Петра, по которой онъ созидаль европейское устройство Россіи. Но понимаютъ ли народъ эти законы? Отсталые юди, привыкшіе жить не по законамъ, а по жалованнымъ и т. п. грамотамъ, по старинѣ, по земскимъ обычаямъ, упорно противятся новымъ заамъ: многіе законы не исполняются, какъ часто жаловался самъ Петръ илкій. Это неисполненіе и постоянное нарушеніе новыхъ законовъ, осопно законовъ Петра Великаго, было не частнымъ, случайнымъ исключеніемъ, какое всегда бываетъ въ большой или меньшей степени и въ агоустроенныхъ государствахъ, но рѣшительное упорство народнаго духа, примиреніе съ новыми законами народнаго умопредставленія, разладъ родныхъ понятій и стремленій съ законодательными идеями Петра Векаго. «Се бо нынѣ,—говоритъ Посошковъ, колико новыхъ статей изно, а не много въ нихъ дѣйства: ибо всѣхъ ихъ *древностная неправда олѣвается*» ³⁾. При такомъ гражданскомъ состояніи Россіи, во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII, при этомъ хаосѣ ста-

¹⁾ Напримѣръ, о купечествѣ Посошковъ говоритъ: «купечество у насъ.. между ою *союзства* ни малаго не имѣетъ, другъ друга ѣдятъ». О скудости и богатствѣ.

²⁾ По выраженію извѣстнаго юриста—Морозкина.

³⁾ Сочин. Посошкова, стр. 96.

рыхъ и новыхъ началъ и стремленій, понятно, какъ много было благопріятнаго для развитія раскола. Расколъ жилъ, развивался подъ вліяніемъ стараго духа, старыхъ началъ, и былъ главной, самой сильной оппозиціею народнаго духа противъ новаго порядка и устройства Россіи. Онъ открылся и развился въ самый разгаръ борьбы старой и новой Россіи, и возсталъ противъ самыхъ коренныхъ началъ новаго устройства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича расколъ призналъ и до нынѣ признаетъ противнымъ вѣрѣ Христовой. До 160 человекъ, недовольныхъ Уложеніемъ, посланы были въ Соловецкій монастырь, и тамъ, вмѣстѣ съ государственными мятежниками—донскими казаками, произвели раскольническій бунтъ. Расколъ отвергъ также законы и регламенты Петра Великаго: противъ Великаго Преобразователя раскольники XVIII вѣка съ злобой вопіяли за то, что онъ «новыя законоположенія полагая по духовному и по гражданскому положенію, состави многіе регламенты, разосла многіе указы съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, цѣлѣ сенаѣ» и проч. На площади кремлевской, гдѣ окончательно рѣшался въ концѣ XVII в. споръ между древней и новой Россіей, между государствомъ и полугражданскимъ бытомъ древней Россіи, между государями, твердо рѣшившимися на реформу государственную, и мужиками горланами, кричавшими о сохраненіи старины и народной вольности, между истинными пастырями церкви и бѣглыми попами,—на кремлевской площади, во главѣ стрѣleckаго бунта, стояли раскольники и громкогласно, окончательно высказали свое противогосударственное направленіе. И съ тѣхъ поръ расколъ образовалъ противогосударственную общину, въ которой скоплялись всѣ недовольные въ какомъ-либо отношеніи правительствомъ. Въ антипатіи раскола правительству, въ оппозиціи его противъ новаго государственнаго порядка и устройства Россіи сходились всѣ частныя противогосударственныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволя законами, и тягость податнаго состоянія, и проч. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала утѣхи и чрезъ то сама росла. И нужно сказать, что XVIII вѣкъ, особенно первая половина его, эта тяжелая година народнаго стѣнанія отъ податей и повинностей, година преобладанія сильныхъ иностранцевъ-тирановъ и варварства публичныхъ казней, эпоха взяточничества живыми душами, развитія аристократическаго барства въ ущербъ другимъ сословіямъ и проч.—это было время едва ли не самое тяжелое для нашего народа, особенно для его низшихъ классовъ. «Когда мысленно воззрѣть на минувшее время—говорили въ 1767 г. депутаты, избранные отъ всего народа, для сочиненія новаго уложенія, въ рѣчи Императрицѣ Екатерины Великой,—духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе Имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы православную нашу вѣру, священный источникъ всѣхъ благъ, союзъ общаго блаженства, единомыслія и добродѣтели, подверженную презрѣнію и ругательству, яснымъ двумя предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе

и сохраняющие, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое ея основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, жоры, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и наконецъ, вездѣ неурядица торжествовала, гдѣ слѣдовало царствовать порядку»¹⁾). При такихъ обстоятельствахъ, понятно, почему много народа присоединялось къ демократической партіи раскольниковъ.

Во-первыхъ, раскольниковская община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противогосударственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. А такихъ людей въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII было много. Какъ строгій, систематическій государственный порядокъ въ XVII вѣкѣ не проникъ еще весь многосложный организмъ, все устройство Московскаго государства, такъ и идея государственнаго порядка далеко не проникла еще въ сознаніе народное, во всѣ части народонаселенія. Какъ въ государственномъ устройствѣ повсюду были еще исключенія изъ общаго правила, рядомъ съ чисто-государственными правительственными учрежденіями господствовало еще мѣстное, земское самоуправленіе, гдѣ члены общины жили и управлялись по средневѣковому, «*лежи себи*», а не правительственными, государственными органами и законами: такъ и въ духѣ народномъ сильно, глубоко коренились еще противогосударственныя стремленія къ исключенію изъ общаго, государственнаго порядка, къ освобожденію отъ строгаго подчиненія единой государственной власти, къ своеволію и самоустройству. Самая идея верховной власти, самодержавія, достигшая своего полнаго развитія въ Имперіи, не проникла еще во всю массу народную. Народъ сколько благоговѣлъ предъ своимъ царемъ, сколько любилъ его, столько же любовь эта въ большей части народонаселенія была непостоянна, нетверда. Не даромъ возможно было появленіе 14 самозванцевъ въ XVII вѣкѣ и въ томъ числѣ 4 въ одно царствованіе Алексѣя Михайловича. Не даромъ они являлись и въ XVIII вѣкѣ. Въ народѣ много было такихъ людей, которые дотолѣ только были послушны и преданы царю, пока онъ жаловалъ ихъ, снисходилъ ихъ желаніямъ и челобитнымъ, не касался ихъ внутренняго быта. Но если онъ являлся строгимъ, дѣлалъ что-либо не по нраву народному, издавалъ новые, ощутительно касавшіеся вольности и старыхъ обычаевъ народныхъ, законы; то тотчасъ же поднимали ропотъ, даже бунтъ, и «*чинились непослушны государеву указу*». Царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ, пока благодѣтельствовалъ народу и не касался его внутренняго быта, былъ любимъ; но когда сталъ вводить новые порядки и обычаи, то, по словамъ Авраамія Палицына, «*въ ненависть бысть всему міру ради таковыхъ нововводныхъ*

¹⁾ П. С. З. т. XVIII, № 12978.

дѣлъ». Когда царь издавалъ какое-либо распоряженіе или указъ не по нраву черни, то чернь возмущалась, бунтовала, не понимая благихъ намѣреній правительства. Напр., царь Алексѣй Михайловичъ предписалъ—въ Псковѣ закупать хлѣбъ для Швеціи: псковитяне взбунтовались, «государеву указу и повелѣнію учинились противны, и преступя его крестное государеву цѣлованіе, про него Великаго Государя износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали»¹⁾. Въ актахъ историческихъ весьма часто говорится о томъ, какъ многіе «чинились сильны и непослушны государеву указу»²⁾. Чернь съ буйнымъ неистовствомъ требовала у царя, чего хотѣла, и Государь долженъ былъ иногда уступать ей своевольно, чтобы избѣжать мятежа и кровопролитія³⁾. Духъ мятежа до такой степени овладѣлъ чернью, что каждая безпокойная, буйная голова способна была взбунтовать народъ, всякій нелѣпый толкъ о правительствѣ разъярялъ чернь. Это показали бунты, многократно бывшіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ⁴⁾. Послѣ этого понятно, какъ возмутительные толки и письма раскольниковъ о правительствѣ сильны были къ возмущенію народа противъ правительства. Тѣ же самые люди, которые до 1666 года были преданы царю, называли его «христоробинымъ и благочестивымъ царемъ, самимъ Христомъ почетнымъ и превознесеннымъ, даче же и соблюдаемымъ, управляющимъ царство свое благочестіемъ и правдою», которые въ своихъ челобитныхъ, испрашивая у царя позволенія сдѣлать по своему, а не по опредѣленію всей русской церкви и царя, клонившемуся ко благу всего государства, лѣстиво говорили царю: «егда изволи Господь Богъ воспріяти тебѣ царствіе, и церковь воспріять свою лѣпоту и единогласное пѣніе и всякое благочиніе строяшеся тобою—Государемъ» и проч.—эти же самые люди, не получивъ отвѣта на свои челобитныя, возстали противъ царя, и распространили въ народѣ клевету, «яко царь Алексѣй Михайловичъ отстунн отъ церкви и бысть врагъ Божій». И суевѣрная чернь повѣрила и взбунтовалась.

Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противогосударственной воли и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ

¹⁾ Дополн. къ А. Н. т. III, № 74; стр. 271.

²⁾ А. Н. т. IV, № 171. А. А. Э. т. IV, № 202. № 206 и друг.

³⁾ Дворцовые разряды: т. III, стр. 93: «1556 (1648) мѣсяца Мая въ 26 день грѣхъ ради нашихъ учинилося междусобство отъ земскихъ людей, просили у государя земскаго приказа судью Леонтыя Степанова сына Плещеева, и Государь указалъ имъ Леонтыя Плещеева по ихъ по прошенію отдать, и они междусобствомъ учинились быти въ непослушаніи, а Леонтыя Плещеева убили, и посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья чистаго убили, и дома ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе дома и стольниковъ и гостиные разграбили. И назавтрея Мая въ день учинилася большая смута, и учали всею землею просить у государя убить околыничаго Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велѣлъ Государь имъ отдать, и они на площади Петра казнили». См. также у Кошкина. VII, стр. 81. Собран. госуд. грам. IV, 76.

⁴⁾ Кошкинъ, VII, стр. 79—82. А. А. Э. т. III, № 43: «въ нынѣшнемъ во 156 г. Іюня во 2 день учинилася на Москвѣ и по городамъ брань междусобная и до нынѣ по городамъ мятежъ». Дополн. къ А. Н. т. III, № 74: О псковскомъ бунтѣ. Собр. Государ. грам. и договор. ч. IV, стр. 76: О коломенскомъ бунтѣ.

и казакахъ, преимущественно по украинамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей¹⁾. Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своей воли и буйству, по уѣздамъ опустошали и разоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству, задерживая государственную казну²⁾. Известно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20,000 ч., въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. А объ нихъ вотъ что говоритъ Кошихинъ: «люди они породой Москвичи и иныхъ городовъ и новокрещенные Татары, и запорожскіе казаки, и Поляки и Ляхи, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и въ татинныхъ и въ иныхъ дѣлахъ, и покрадчи и пограбля бояръ своихъ уходять на Донъ, и бывъ на Дону, хотя одну недѣлю или мѣсяць, а лучится имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впредь дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни своровать, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить воля своя»³⁾. Эти-то Донцы избрали себѣ въ атаманы государственнаго мятежника Стеньку Разина, и подъ его предводительствомъ волновали всю юго-восточную Россію. «И стало у казаковъ непостоянство большое и Великаго Государя указу учинились непослушны»⁴⁾. Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ Булавины и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ, это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элементовъ, къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся на Украинѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства, и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ, для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглые дворяне, оставшіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, нехотѣвшіе служить своимъ по-

¹⁾ Дополн. къ А. Н., т. III, стр. 274: также № 16. А. Н., т. IV, стр. 200. Дополн. къ А. Н., т. IV, № 74.

²⁾ А. А. Б., т. III, № 44. Въ хронографѣ начала XVII в., находящемся въ сборникѣ соловецкой библ. подъ № 878, читаемъ о казакахъ: «казацкаго чина тогда бысть воинство многочисленное, и впадоша въ прелесть велику, вдавшееся блуду, питію и зерни, пропивше же и проигравше вся своя имѣнія, и насилующе въ воинствѣ многимъ, паче же православному христіанству, исходяще изъ царствующаго града во вся грады, села и деревни на пути грабятъ и мучаще немилостивно сугубѣйше перваго десятирицею... И бысть во всей Россіи мятежь великъ и нестроение злѣйшее. Бояре же и воеводы невѣдуше, что сотворити, зане злѣю ихъ множество бѣ и самовольны быша и блядяху паче нечестивыхъ».

³⁾ Кошихинъ IX, 7.

⁴⁾ А. Н., т. IV., стр. 393.

мѣщикамъ; и всякаго рода люди, одержимые противогосударственнымъ духомъ, бѣжали туда, къ взбунтовавшимся донскимъ казакамъ. И вотъ, среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ нашель подкрѣпленіе, и они, подъ его знаменіемъ, ратовали противъ Государства. Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII вѣка были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Съ Дону буйные казаки—раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать соловецкихъ монаховъ противъ Правительства. Такъ пишетъ м. Тобольскій Игнатій въ своемъ 3-мъ посланіи о соловецкихъ мятежникахъ: «прибѣгоша въ тую же обитель донского казака и атамана Стеньки Разина съ помощники воры изъ Астрахани; и егда въ обитель внидоша, тогда бо уже и братству, инокомъ и бѣльцемъ волю всю отъяша, и поставиша себѣ начальникомъ Ѳадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти во всемъ противны, не только св. церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотѣша себѣ въ Государя имѣти. Тѣмъ же отступницы. донскіе казаки подтверждаху ихъ, льстиво глаголюще: постоите, братіе, за истинную вѣру, и не креститесь тремя персты: то есть, рѣкоша, печать антихристова» ¹⁾. И тутъ вполне высказался противогосударственный духъ раскола: «воры сотники съ товарищи, читаемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ, про Великаго Государя говорили такіа слова, что не только написать но и помыслить страшно» ²⁾. Стрѣльцы, нехотѣвшіе разстаться съ своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, стали подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ-за сугубой аплітуріа и не за двуперстный крестъ: «се явно, говоритъ п. Іоакимъ, что ради возмущенія противъ Государя сіа сотвориша». Движимые противогосударственными замыслами Хованскаго и другихъ расколоводителей, — они замыслили основать старообрядческое государство или раскольническую демократію ³⁾. Петръ Великій казнилъ и разсѣялъ большую часть этихъ мятежныхъ стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ, подымавшихъ буйныя головы подъ знаменемъ раскола; но никакою силою, никакими мѣрами онъ не искоренилъ гнѣздившихся въ народѣ демократическихъ движеній. Даже Посошковъ помышлялъ о *народо-совѣтѣ*. Но раскольники шли далѣе въ своихъ демократическихъ замыслахъ: они при Петрѣ Великомъ неоднократно подымали пашвили противъ монархической власти Петра. По поводу такихъ писемъ въ 1722 году издана была особая книга: «Правда воли монаршей», которою утверждалась Имперія и Монархическая власть въ Россіи. Несмотря на то, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго опять появились демократическія подметныя письма, направленныя противъ Верховной власти и Имперіи ⁴⁾. И раскольники въ теченіе всего XVII вѣка упорно стояли на своемъ, и съ злобнымъ ропотомъ вопіяли противъ того, что Петръ Великій «Императоръ наречеся»: «Устави Сенатъ, говорили они, и тако нача той глаго-

¹⁾ 3-е посланіе Игнатія, стр. 139, 140.

²⁾ А. П., т. IV, стр. 532, 533.

³⁾ Записки Медвѣева у Сахарова, стр. 21.

⁴⁾ П. С. З. т. VII, № 4870.

лемый богъ паче мѣры возвышати, Императоръ или Монархъ наречеся сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, и паки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуеть книжка кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія». Опираясь на этотъ основной пунктъ своего противогосударственнаго ученія, расколъ возсталъ противъ всѣхъ законовъ, указовъ и преобразованій Петра Великаго, особенно относившихся къ народному быту. Тягость обременительной на первый разъ для народа реформы Петра Великаго, смуты общества отъ рѣзкихъ мѣръ, отъ крутого переворота, — еще болѣе способствовали усиленію народно-демократической оппозиціи, раскола.

Петръ I, великій строитель государственнаго порядка Россіи, призванъ былъ Провидѣніемъ дать европейское значеніе Россіи, довершить окончательно, въ одно свое царствованіе то, что отчасти начато было прежде, только созидалось медленно, вѣками, перестроить, преобразовать то, что было въ древней Россіи внутренно неустроено, нетвердо, или совершенно неправильно, несостоятельно само въ себѣ, вновь построить, создать то, чего вовсе не было въ древней Россіи. Слѣдовательно ему нужны были великія рабочія силы и огромныя матеріальныя средства. И вотъ, онъ исчисляеть людъ, чтобы узнать рабочія производительныя и вспомоگательныя силы государства, въ видахъ подушной подати и образованія войскъ, предпринимаются точныя народныя переписи, подушныя, вмѣсто прежнихъ писцовыхъ или пососныхъ и подворныхъ переписей, производившихся чрезъ долгое время и не дававшихъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣятельныхъ и полезныхъ въ государствѣ силъ. Напередъ исчислены были всѣ чиновники: бояре, окольничіе, думные, ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне и проч. Въ 1710 г. (6 марта) Петръ Великій велѣлъ по губерніямъ переписать всѣхъ дворянъ, и которые окажутся негодными въ драгунскую и солдатскую службу, тѣхъ обложить денежными окладами ¹⁾. Въ 1718 г. ноября 26 вышелъ именныи указъ: 1) «взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобы правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола, объявля имъ о томъ, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ; 2) росписать, на сколько душъ солдатъ рядовой съ долею на него роты и полковаго штаба, положя средній окладъ, или чего болѣе невозможно и чего меньше не надлежитъ» ²⁾. Въ слѣдующемъ 1719 году именнымъ указомъ отъ 22 Генваря, наряжена была цѣлая экспедиція, подъ начальствомъ бригадира Зотова, которой поручено было ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства, брать во всѣхъ губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ, патриаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ одиноворцамъ, татарамъ и ясачнымъ, безъ всякой утайки, не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписки, но учиня самимъ переписки правдивыя, сколько гдѣ, въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2257.

²⁾ П. С. З., т. V, № 3245.

крестьянъ, бобылей и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) и именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, необходи отъ стараго до малаго послѣ него младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ» Въ то же время земскимъ камерирамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ да быть «наказъ», которымъ предписывалось «исправлять и свидѣлствовать *переписную книгу*»: «и якоже, сказано по сему случаю въ указѣ, вѣная и исправная переписная книга всѣмъ деревнямъ, дворамъ и въ иш людямъ, такожь землямъ и надлежащимъ угодьямъ, съ которыхъ государевы подати берутся, въ началѣ главнѣйшее есть основаніе, на которъ всѣхъ земскихъ комиссаровъ счеты и потомъ земская книга основаны имать: того ради повиненъ впредь земскій камериръ по вся годы переписную такую книгу, купно съ землею же своею книгою въ Камеръ Коллегіумъ отдавать, на крѣпко усматривая, чтобъ ничего того, съ чѣ податямъ быть надлежитъ проронено изъ оной переписной книги не было всѣхъ, какого бы званія оныя ни были, въ оную книгу вносить и такимъ образомъ вышесказанную переписную книгу и съ поданнымъ извѣстіемъ вѣрно учинить, понеже оную держать вмѣсто основанія, на которую всѣ комиссарскіе счеты и всѣ предыдущіе окладные и не окладные сборы и подати впредь основаны имѣютъ» Такимъ образомъ, Великій Строитель государства Русскаго, Петръ погалъ предѣлъ прежнему укрывательству отъ государственной службы, датей и повинностей старинными жалованными грамотами и привиллегіями и разными другими способами. Въ переписныя книги записано было именно до 6,000,000 душъ мужескаго пола податного сословія; неподатныхъ состояній считалось до 2 милліоновъ душъ м. п., въ томъ числѣ 500 тысячъ дворянъ, а всего съ женскимъ поломъ около 20,000,000. понравилось большей части русскаго народа это строгое, точное государственное росписаніе народонаселенія, какого доселѣ не бывало. Люди, мыслявшіе о государственныхъ и народно-экономическихъ интересахъ объ умноженіи народнаго богатства и благосостоянія, съ этой точки зрѣнія возставали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ пишетъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; душа вещь неосязаемая умомъ непостижимая, и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи готованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, съ тысячь десятка два-три истощилось, обаче чаю я, что она вся пропала. Крестьяне, никогда доселѣ не подвергавшіеся подушной переписи, еще вѣрнѣе неотвыкшіе переходить съ мѣста на мѣсто, привыкшіе къ опашатной и сѣнокосной земли и жилыхъ дворовъ, а не къ ревизіи души, привыкшіе къ личной свободѣ во время господства поземельнаго устства сельскихъ общинъ, — крестьяне изъ опасенія новыхъ государственныхъ налоговъ и повинностей утрашились переписной книги: цѣлымидесяте

¹⁾ П. С. З., т. V, № 3287.

²⁾ П. С. З., т. V, № 3296, п. 3, о переписной книгѣ.

³⁾ Посошковъ, стр. 185. Волынский, въ инструкціи данной крестьянамъ 1724, т. возстаетъ противъ «поголовщины», отетанная систему писцовыхъ, окладныхъ кн

тысячъ укрывались, убѣгали или откупались отъ подушной переписи. Цѣлые разряды людей, доселѣ привилегированные изъятые отъ общаго государ. тягла и службы, также недовольны были подушною переписью, отнятіемъ прежнихъ жалованныхъ, исключительныхъ правъ, и причисленіемъ къ податнымъ или служебнымъ классамъ населенія. Дѣти духовнаго чина, которыхъ было чрезвычайное множество, привыкли жить въ праздности, безъ ученія, безъ службы и дѣла, — и также уклонялись отъ переписи, подтвержденной указами Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ, множество было недовольныхъ подушною переписью или ревизіею душъ. И вотъ это недовольство въ низшихъ классахъ народа выразилось въ расколѣ. Расколъ объявилъ подушную перепись, ревизію душъ «антихристіанскою», и училъ народъ не записываться въ переписныя книги. «Куда той Императоръ или Монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, — говорили раскольники XVIII вѣка, — *народное описаніе учини*, называя то *ревизіею или исчисленіемъ душъ человеческихъ*, которыя приняли его за Императора и за единовластнаго Правителя, мы отъ Христа Спаса научимся законъ и заповѣди его сохранять и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдаться нехощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есмьмы христіане единаго исповѣданія вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего Императора и его законоположенія о ревизіи не пишемся; ибо мы отъ крещенія записаны есмьмы въ книги животныя у царя небеснаго; поже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Россіи благочестиви цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Михаилъ Теодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего обще человечества не творили и оставляли то въ судьбу Правительства Всемогущаго Бога. Зрите, человѣцы, и вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кѣихъ лѣтѣхъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами! И народъ съ радостію внималъ этому ученію раскола, и во множествѣ бѣжалъ отъ переписи въ скиты раскольническіе, въ лѣса, гдѣ избавлялись отъ всякой переписи.

Подушная перепись введена была Петромъ Великимъ главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы вѣрнѣе получать государственныя подати, необходимыя для устройства арміи и флота. До Петра Великаго въ Россіи взымались подати поземельныя и подворныя, и платились большею частию общинной раскладкой: извѣстная община платила за все количество земли и дворовъ, принадлежащихъ ей округу, хотя бы много земли было незанятой, много дворовъ было пустыхъ. Это было весьма тягостно для общинъ; потому что, при чрезвычайной подвижности, расходчивости народонаселенія, поземельная община весьма часто должна была раздѣливаться податями и повинностями за множество пустыхъ участковъ и дворовъ. Далѣе, подати были чрезвычайно неравномѣрно разлагаемы на народона-

селеніе: цѣлые разряды людей, цѣлыя общины жалованными грамотами освобождены были отъ платежа весьма многихъ, или даже всѣхъ податей и повинностей. И послѣ того, какъ государственными указами и, окончательно, Уложеніемъ крестьяне укрѣплены были къ землѣ, и вмѣсто поземельной, введена была подворная податная система, народъ по прежнему продолжалъ уклоняться и отъ этой дворовой подати, умножились бобыли, бездомовые люди,—и весьма многіе, чтобы не платить податей, уходили въ тѣ общины, которыя, по привилегіямъ, ихъ не платили, уходили въ монастыри и на монастырскую службу и въ вотчины церковныя. Оттого монастыри наполнены были монахами изъ крестьянъ «тунеядцами, какъ говорилъ Петръ Великій, бѣжавшими отъ тройной данн: т. е. дому своему, Государству и помѣщику»¹⁾. Въ концѣ XVII в. въ нѣкоторыя церковныя вотчины, въ нѣкоторые приписные архіерейскіе и другіе монастыри, послѣ переписныхъ книгъ 186 (1678 г.) и 187 годовъ по 194 годъ, вновь прибыло 4.179 дворовъ, въ томъ числѣ за одними монастырями зачислилось 333 дворовъ:²⁾ и всѣ эти пришлые люди, проживая въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ дворами, не платили подворной подати, пользуясь жалованными грамотами, данными этимъ вотчинамъ. Точно такъ многіе купцы, торговые и промысленные люди, чернослободцы и пріѣзжіе изъ городовъ, живя въ слободахъ и у бѣломѣстцевъ, податей никакихъ не платили³⁾. Уже царь Алексѣй Михайловичъ сознавалъ всю несовмѣстность несообразность съ государственной системой такой старинной, средневековой особенности, исключительности цѣлыхъ общинъ и разрядовъ изъ податного состоянія, во вредъ или въ тягость другимъ общинамъ. Петръ Великій окончательно полагалъ предѣлъ этому исключенію, изъятію большей части народонаселенія изъ податного состоянія. Въ 1705 г. онъ указомъ повелѣлъ, «смотря по состоянію», брать личную пошлину съ торговыхъ людей, большихъ и малыхъ, доселѣ укрывавшихся отъ общихъ пошлинъ⁴⁾. Въ 1722 году онъ установилъ всенародную подушную подать на содержаніе войска съ дворовыхъ людей и крестьянъ казенныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ, по 8 гривенъ съ души, съ посадскихъ подушную подать по 40 алтынъ съ души. Въ 1723 году, Петръ Великій предписалъ для сбора съ крестьянъ подушныхъ денегъ выбирать каждогодичныхъ земскихъ комиссаровъ изъ лучшихъ помѣщиковъ самимъ помѣщикамъ, на общемъ съѣздѣ⁵⁾. Этимъ же земскимъ комиссарамъ предписано было собирать недонмки, росписавъ по частямъ на 4 года, такъ чтобы въ каждомъ году при платежѣ подушныхъ денегъ платили опредѣленную часть и изъ недонмки⁶⁾. Когда началась, въ слѣдъ за переписью душъ, раскладка подушныхъ податей и повинностей, народъ, сильно тяготившійся и прежде, особенно въ царствованіе Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича,

¹⁾ И. С. З., т. VII, № 4450, стр. 230.

²⁾ И. С. З., т. II, № 1206.

³⁾ И. С. З., т. III, № 1697.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, № 2084.

⁵⁾ Тамъ же, т. VII, № 4224.

⁶⁾ И. С. З., т. VII, № 4339.

многочисленными и разнообразными сборами, утрашился новой податной системы, тѣмъ болѣе, что при ней труднѣе было уклоняться отъ уплаты податей, чѣмъ прежде при подвижности народонаселенія. Петръ Великій видѣлъ это, а также предвидѣлъ и то, что тягость податей еще болѣе увеличится отъ злоупотребленій сборщиковъ, еще неотвыкшихъ отъ кормленія. Потому указы о сборѣ подушной подати, раздѣленной по третямъ, предписалъ публиковать въ городахъ и уѣздахъ и разсылать по селамъ священникамъ для прочтенія ихъ «во всенародное свѣдѣніе священникамъ по церквамъ, чтобъ всякъ о томъ сборѣ подлинно былъ свѣдомъ, и никому бы нельзя было ничего прибавить, или убавить»¹⁾. Потомъ положивъ, по крайней необходимости, въ 1723 году, пока не окончена была перепись въ подушной окладъ, собирать на содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ подушныя деньги за двѣ трети, вдругъ со всѣхъ тѣхъ, которые уже положены были въ подушный окладъ, и кромѣ того еще собрать къ провіантному и фуражному сбору по 35 к. съ души — въ то же время, для успокоенія народа, велѣлъ «печатными указами публиковать въ народъ, что въ слѣдующемъ 1724 году, возмется съ крестьянъ еще только послѣдняя треть въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, а кромѣ того другихъ никакихъ сборовъ съ нихъ брать и въ лѣтнее время, чтобы въ работѣ помѣшательства не было, посылать къ нимъ не будутъ, а если явится переплата, и тѣ переплатныя деньги зачтены будутъ имъ на послѣднюю треть того 724 года неотмѣнно»²⁾. Такъ отечески старался великій отецъ отечества, по возможности, соразмѣрять и уменьшать обременительные народные налоги. Но не такъ, къ сожалѣнію, дѣлали исполнители его воли. Злоупотребленія и притѣсненія народа при сборѣ податей были чрезвычайны, особенно послѣ смерти Великаго Петра. Еще въ 1717 году онъ писалъ въ именномъ указѣ Сенату: «господа Сенать! понеже, какъ я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносныя правежа чинятся, въ чемъ мнѣ за такою дальностію, а въ своемъ государствѣ будучи, за настоящею тяжкою войною, усмотрѣть не можно, отъ чего неточію разореніе Государству, но отъ Бога не безъ гнѣва»³⁾. Не такъ совершался самый сборъ подушныхъ податей, какъ хотѣлъ Петръ. Полковники, штабъ-офицеры и гренадеры, приставленные къ земскимъ комиссарамъ, какъ сказано въ указѣ, «токмо для новости дѣла», развѣзжали, однакожь, своевольно по селамъ и деревнямъ и сильно правили съ крестьянъ подушныя деньги»⁴⁾. Земскіе комиссары и подъячіе часто болѣе собирали на себя, чѣмъ въ казну. Такъ, напримѣръ, было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно народъ бѣжалъ изъ селъ въ раскольническіе скиты и лѣса. Въ обонежской, напримѣръ, пятинѣ, въ 1724 году комиссары Арцыбашевъ и Баровъ и подъячій Волоцкій, у сбору денежной казны, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 1725 г. (Генвари 24), «явились въ презрѣніи

¹⁾ Тамъ же, т. VII, № 4311.

²⁾ П. С. З. т. VII, № 4390.

³⁾ Тамъ же т. V, № 3080.

⁴⁾ Тамъ же т. VII, № 4729.

указовъ и въ похищеніи казны и въ излишнихъ сборахъ и во взяткахъ имъ велѣно было брать на первыя двѣ трети 1724 года по 38 к. съ души, а они брали по 54 коп. Такимъ образомъ комиссаръ Арцыбашевъ набралъ себѣ подушныхъ денегъ 2,039 рублей съ лишнимъ, другой комиссаръ Баровъ 607 руб. 43 коп., подъячій Волоцкій 132 руб. 42 коп.: это въ одной обонежской пятинѣ. Кромѣ того, они насильно брали у крестьянъ подводы для развѣзду по селамъ и деревнямъ» ¹⁾. Въ 1719 г. Петръ писалъ инструкціи или наказъ земскимъ камерирамъ: «понеже его подданные, при долговременной сей войнѣ (съ Швеціей и Турціей), тяжкія по се время многія тягости носили, которыя еще многимъ тягчае стали отъ того, что нѣкоторые подданные, пыскивая себѣ прибыль, подарками и подлогами себя отъ общихъ тягостей весьма или отчасти освобождали, и тако большія отягощенія на другихъ свою братію неправдиво налагали, такожъ и отъ того, что обрѣтались многіе невѣрные сборщики и управители» ²⁾. Если великій отецъ и попечитель отечества, самъ для него работавшій, самъ вынужденный въ сборъ податей, жаловался на притѣсненія народа сборщиками: то послѣ него еще болѣе было такихъ притѣсненій. «Партикулярные люди, какъ жаловалась Императрица Екатерина I, государственными деньгами корыстовались, а бѣдное крестьянство и народъ за нихъ терпѣвали» ³⁾. Особенно жестокими экзекуціями истязались недоимки по податямъ. Недоимокъ этихъ было множество; уже по смерти Петра, ихъ считалось болѣе милліона. При Императрицѣ Екатеринѣ I учреждена была особая доимочная канцелярія, завѣдывавшая взысканіями недоборовъ. Милостивая Императрица сострадала тягостямъ народнымъ, и была снисходительна къ подушнымъ недоборамъ, запрещала строго взыскивать ихъ. Не смотря на то, воеводы и камериры посылали въ уѣзды солдатъ для правежа недоимокъ, и солдаты часто поступали съ крестьянами чрезвычайно грубо, и заставляли бѣжать ихъ изъ селъ ⁴⁾. Но особенно жестоко взыскивались недоимки при временщикѣ Биронѣ. Въ началѣ царствованія Анны, казна считала въ недоимкѣ до 7 милліоновъ тогдашнихъ, или до 40 милліоновъ по нынѣшнему. При Биронѣ учрежденъ Доимочный Приказъ, и всѣ эти недоимки взыскивались безчеловѣчно,—потому что при взысканіи, всѣ они обращались въ пользу временщика, хотя и выставлялись въ расходъ на содержаніе двора. Если воеводы неуспѣшно взыскивали недоимки, то посылались гвардейскіе офицеры, которые заковывали воеводъ въ кандалы, ставили крестьянъ голыми ногами на снѣгъ, били ихъ палками по пятамъ и т. под. пытками истязали ихъ; помѣщиковъ и старостъ ихъ держали въ городахъ подъ стражею по нѣскольку мѣсяцевъ, такъ что многіе умирали съ голода и отъ тѣсноты въ жилищахъ. Такою жестокое взысканіе недоимокъ еще болѣе отягощало народъ. Послѣ этого понятно, съ какою радостью многіе изъ людей податного состоянія услы-

¹⁾ П. С. З. т. VII, № 4826.

²⁾ Тамъ же т. V, № 3296 п. 4.

³⁾ П. С. З. т. VII, № 5017.

⁴⁾ Тамъ же -- № 4674.

ли возгласы раскола противъ податей, и бѣжали въ лѣса, гдѣ укрывались раскольники. Фанатики расколоучители не замедлили распространить народѣ превратное, фанатическое толкованіе о подушной подати, и носили хулы на установителя ее. Раскольники XVIII вѣка, сказавъ въ своей исторіи Петра Великаго или «челобитной» о переписи душъ, датѣ юбно отзываются и о податяхъ: «Петръ, говорятъ они, исчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и благая ихъ даньми велиими, не точю на живыхъ, но и на мертвыхъ, тако правство учини, и съ мертвыхъ дани востребова... Говорить: отдай подушное съ новаго года, и еще нѣтъ ли иныхъ недоимокъ: ибо на моей землѣ живешь. О яма глубока погибели рода человѣча! удалитися и бѣгати имъ подобаетъ во антихристово время». И вотъ тысячи народа, слушая это ученіе, бѣжали отъ податей при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, особенно по причинѣ жестокосердаго взысканія податей и недоимокъ при Бироновѣ. Множество народа бѣжало въ Польшу, Молдавію и Валахію: отъ учительства Биронова, какъ полагаетъ Болтинъ, бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужеска пола. По всей вѣроятности, тогда-то особенно и умножалось число раскольниковъ въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи.

Много нужно было великому благоустроителю Россіи средствъ, много нужно было рабочихъ силъ, чтобы устроить ее. Для того, чтобы образовать регулярное войско во 180,000, какое оставилъ Петръ, нужно было до 1,180,770 рублей на содержаніе его; чтобы создать флотъ изъ 32 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ военныхъ судовъ, кромѣ галернаго флота, нужно было по крайней мѣрѣ около 1½ милліона. Далѣе нужно было устроить до 200 фабрикъ и заводовъ, которые съ самаго начала большею частію и содержались также казною¹⁾. Нужно было построить крѣпости Кронштадтскую, Азовскую и др.; нужно было соединить Балтійское море съ Каспійскимъ посредствомъ вышневолоцкой системы и провести ладожскій каналъ. На все нужны были рабочія силы и средства. И вотъ Петръ Великій заставить, такъ сказать, весь народъ работать и налагать различные сборы. Народомъ совершались, во-первыхъ всѣ государственныя работы. Для постройки Петербурга приходили ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей до 40,000 работниковъ, изъ коихъ многіе погибали отъ трудовъ и болѣзней²⁾. Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ Генерала 16. 1712 года требовалось 3,000 работниковъ³⁾; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на островъ Котлинъ «къ городовымъ дѣламъ» со всѣхъ губерній 34,000 человѣкъ⁴⁾. Вызывались каменщики въ Азовъ изъ самыхъ отдаленныхъ, противоположныхъ краевъ, напр. изъ архангелогородской, сибирской и другихъ губерній⁵⁾. Въ 1719 году вышелъ указъ о на-

¹⁾ П. С. З. т. V, №3294, п. 9.

²⁾ П. С. З. т. IV, № 2488.

³⁾ Тамъ же, № 2467, п. 13, № 2479.

⁴⁾ Тамъ же, т. V, № 2744.

⁵⁾ Тамъ же, т. IV, № 2380.

чатин прорытія ладожскаго канала на 104 версты, и собрались работники со всего Государства, даже съ своимъ провіантомъ и съ своими орудіями¹⁾. Однимъ словомъ отъ русскаго народа Петръ требоваль такой работы, какой прежде сего онъ никогда не испытываль и не представляль. «Вся Россія представлялась тогда, скажемъ словами одного иностранца, какъ бы однимъ заводомъ; повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокровища до того сокровища; повсюду слышны были стукъ молотовъ и стѣкиръ, ковавшихъ мечи, якоря и всякія орудія и сооружались корабли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; повсюду ткались сукна, всякаго рода полотна, и при всѣхъ такихъ работахъ видѣнь былъ самъ Монархъ, какъ мастеръ и указатель». Воззваніе къ такому всеобщему труду, къ работѣ для Государства устранило большую часть русскаго народа, привыкшаго жить или въ совершенной лѣности и праздношатательствѣ, или нести трудъ самый умѣренный, обезпечивавшій только насущное пропитаніе. Оставлять невольно, по требованію Начальства, дома, семейства, и идти за нѣсколько сотъ или даже тысячъ верстъ на казенную работу, куда-нибудь на островъ Котлинъ или подъ Азовъ, и при томъ безъ надежды возвратиться домой.—это было ужасно для русскихъ крестьянъ, привыкшихъ сидѣть дома и обрабатывать только свою пашню. Другіе, которые не ходили на работу, тяготились частыми сборами на государственныя потребности. Кромѣ подушной подати, съ народа собирався провіантъ для содержанія войска²⁾, лошади для образованія конной милиціи и фуражъ³⁾, деньги на изготовленіе амуниціи; по домамъ крестьянскимъ размѣщались полки во всѣхъ губерніяхъ, и крестьяне должны были ихъ продовольствовать дровами и проч.⁴⁾. Городскіе обыватели также были обложены разными сборами. Всѣ эти сборы, какъ бы ни были они часты при Петрѣ Великомъ, были бы, можетъ быть, не слишкомъ тягостны для народа, еслибы они правильно налагались и собирались. Но та бѣда, что сборщики и областные управители злоупотребляли сборами и тѣмъ сильно отягощали народъ. Иногда они неровно раскладывали налоги по дворамъ по прежнимъ переписнымъ книгамъ, взывая сборныя доли за опустѣвшіе дворы, съ жилыхъ дворовъ, и примечая еще кромѣ того другія доли⁵⁾. Сборы часто налагались неравномерно съ состояніемъ: на богатыхъ меньше, на бѣдныхъ больше. Самъ Петръ Великій писалъ въ 1706 году надзирателямъ и бурмистрамъ посадскимъ:

¹⁾ П. С. З. т. V, №№ 3228, 3233, 3235.

²⁾ П. С. З. т. IV, № 2376 и 2465, т. V, № 2631.

³⁾ Тамъ же, т. V, № 2634 и 2707.

⁴⁾ — т. VII, № 4299.

⁵⁾ Такъ напр. въ нижегородской губерніи, какъ сказано въ указѣ 1717 года, по отдѣленіи и по роспискѣ отъ казанской губерніи доль, учинено противъ онаго неравенство такое, что по переписи 1710 года явилась въ той губерніи противъ старыхъ переписныхъ 186 года книгъ не малая пустота: а въ доли не только одно дворовое число русскихъ положено по тѣмъ переписнымъ книгамъ, а не по новымъ, но еще къ тому и ясачныхъ инвѣрцевъ, ясакъ въ тѣхъ доли приложены, и отъ такого неравнаго расположенія оная нижегородская губернія противъ казанской во всемъ многія понесла трудности, возникшія съ отягощеніемъ. П. С. З. т. V, № 3106.

Вѣдомо ему Великому Государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ, въ окладныхъ тяглахъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ, налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ убогихъ разсмотрѣнія), платежи тяжкіе, яко бы забывая Его Государевы приказы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравниеніе: въ иныхъ же городахъ то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чиня тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшее уравниеніе, именно оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ равныя съ собою подати числомъ дворовымъ а такіа числами дворовъ къ нимъ убогимъ явныя обиды случалось имъ чинить и во времена солдатъ у работниковъ и подводныхъ поборовъ» ¹⁾. Эта обременительность, неравномѣрность и тягость сборовъ часто, особенно до подушной раскладки податей и повинностей, происходила отъ урывательства многихъ отъ сборовъ и налоговъ. «Которые слободскіе и посадскіе люди, не хотя въ слободахъ жить и съ посадскими службу служить и податей платить, вышли изъ слободъ и написались въ приказъ артиллеріи въ извозчики, въ кузнецы и въ другія службы и въ села Покровское, Ботемское, Измайлово и другія мѣста, подобныя тому, такъ же за архіереи (высшихъ и низшихъ всякихъ чиновъ за людей, вымысломъ своимъ, чѣмъ значить въ доношеніи изъ Московской губерніи, яко бы за долги, ю крестьянство, а иные и просто въ закладчики, и живутъ въ помянутыхъ селахъ, а иные и въ прежнихъ слободахъ, и живучи съ слободскими подьями, никакихъ податей не платили и нынѣ не платятъ, отъ чего на оставшихъ слободскихъ людяхъ умножились положенныхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ многія доимки» ²⁾. Но всего болѣе обременительность, тягость сборовъ увеличивалась грабительствомъ и неправдами приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ и выборныхъ. Эти отягощенія были «въ сборахъ и отпускахъ рекрутскихъ, въ приѣмѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, въ сборахъ провіантскихъ, въ сборахъ денежныхъ съ Государства, съ дворовъ купецкихъ людей и иныхъ чиновъ и крестьянъ, въ сборахъ таможенныхъ и кабацкихъ и во всякихъ откупахъ; въ сборахъ лошадиныхъ и фуражныхъ, въ сборахъ и наймѣ подводъ и на учрежденіе ратей и на строеніе мундирное» и проч. Въ именномъ указѣ 25 Августа 1713 года о пресѣченіи грабительствъ въ народныхъ сборахъ читаемъ: «Великій Государь, милосердую о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственныя казны, понеже извѣстно Ему Великому Государю учинилось, что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ приобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительство; а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ людей, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность» ³⁾. Множество было сборовъ

¹⁾ П. С. З. т. IV, № 2127.

²⁾ Тамъ же, т. V, № 2812.

³⁾ П. С. З. т. V, № 2707.

незаконныхъ, вымышленныхъ. «Нынѣ многіе вымышленники, жалуются Посошковъ, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные съ судовъ водныхъ, посаженныя, мостовныя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятины и называютъ то собраніе мелочными сборы: обаче ни тѣми поторжными сборы наполниться казна можетъ, только людямъ трубащія великая. Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ въ оскудѣніе; потому что koliko разныхъ сборовъ есть, толкико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кон люди въ службу выбраны тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми же государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и неспоры, а люди всѣ томяются» ¹⁾. Если при Петрѣ Великомъ, который самъ во все вникалъ и строго каралъ неправду и грабительство, такъ тягостно было положеніе посадскихъ людей и крестьянъ: то еще тягостнѣе было оно, когда, по смерти Петра многіе законы его не исполнялись, даже отменялись. По указамъ Петра напр. по крайней мѣрѣ строго расчислено было по душамъ размѣщеніе и продовольствіе полковъ въ губерніяхъ на крестьянскихъ квартирахъ. И тутъ, одна кожъ, солдаты съ своими офицерами часто притѣсняли крестьянъ. «На квартирахъ солдаты и драгуны, говоритъ Посошковъ, такъ несмирно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, такъ того горше чинятъ... И того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко достигать его; понеже далеки отъ простыхъ людей» ²⁾. А при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, во время жестокаго господства Бирона, полки наущены были на села безъ всякихъ правилъ и инструкцій; каждому изъ нихъ назначена была деревня, и предоставлено было самимъ править себѣ съ крестьянъ продовольствіе, и солдаты брали что хотѣли и могли. Такимъ образомъ очень естественно, что отъ такого отягощенія и разорѣнія множество народу бѣжало изъ селъ и деревень. Повергаемые въ нищету частыми и разнообразными сборами, обремененные недоимками, угрожаемые безпощадными наказаніями за недодачу податей и повинностей, притѣсняемые солдатами, многіе, по словамъ сочиненія: *Das veränderte Russland*, въ отчаяніи оставляли свои дома и уходили въ лѣса, гдѣ приставали къ раскольникамъ, а раскольники своимъ ропотомъ противъ «даней многихъ» еще болѣе привлекали такихъ обремененныхъ множествомъ и тягостію сборовъ людей. Императрица Анна въ одномъ своемъ указѣ писала: «купечество и крестьянство великіе тягости несутъ, а именно: все войско на своемъ коштѣ содержать, работниковъ и подводы ставить, а сверхъ того и своихъ собственныхъ господъ довольствуютъ» ³⁾. Неудивительно поэтому, что изъ купечества и крестьянства всего болѣе было людей, — съ ропотомъ на Правительство, оставлявшихъ православное общество и записавшихся

¹⁾ Соч. Посошкова, стр. 219, 221.

²⁾ Соч. Посошкова гл. II о воинскихъ дѣлахъ.

³⁾ П. С. З. т. X, № 7364.

раскольническую общину ¹⁾: весьма многіе купцы и крестьяне бѣжали къ раскольникамъ въ стародубскія слободы, въ Польшу и Литву. тѣ, свободные отъ податей и поборовъ, они разживались и богатѣли. ные раскольники тамъ живутъ въ 14 слободахъ.—сказано въ Сенатскомъ изъ 1761 г. о стародубскихъ раскольникахъ,—и тѣ слободы разселены, сѣ превеликіе города, гдѣ прेमное число изъ разныхъ городовъ бѣглые атые купцы, называя себя раскольниками, укрываются отъ положенхъ на нихъ податей и рекрутскихъ поборовъ» ²⁾).

Наконецъ, Петръ Великій—учитель и просвѣтитель народа русскаго, боваль отъ него ученія и службы. Для ученія дворянъ, духовенства всякаго чина людей заведены были школы въ обѣихъ столицахъ, провинціальныхъ городахъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Петербургъ и Москву постоянно набирались дворянскія дѣти и вызысь люди всякаго чина для изученія наукъ и искусствъ. Въ 1714 году гръ объявилъ Сенату именнымъ указомъ: «во всѣхъ губерніяхъ дворянхъ и приказнаго чина, дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, ичъ однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторой части геометріи, и для того нья послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ ерніи къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домахъ монастыряхъ отвести имъ школы» ³⁾). Этотъ указъ неоднократно былъ тверждаемъ ⁴⁾. Въ 1715 году Петръ указомъ предписалъ: «которые въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше лать въ школу въ Санктпетербургъ, и чтобы оные недоросли высланы пи нынѣшнею зимою» ⁵⁾. Въ 1713 году велѣно было набрать учениковъ инженерную школу ⁶⁾. «Въ 1720 году предписано было выслать изъ одовъ приказно-служительскихъ дѣтей для ученія арифметикѣ и георіи ⁷⁾. Въ то же время, Петръ Великій однихъ вызывалъ въ школы, гихъ посылалъ учиться за границу. Въ 1716 году велѣно было высъ молодыхъ подьячихъ въ Кенигсбергъ для наученія нѣмецкому ку ⁸⁾. Другихъ дворянскихъ дѣтей посылалъ въ Венецію, Францію, мію для изученія морской службы ⁹⁾ и проч. Такъ великій учитель ода русскаго заботился о просвѣщеніи его, призывалъ русское юноство къ изученію необходимыхъ въ гражданской жизни наукъ. Но тно ли шли учиться русскіе люди, по зову своего великаго учителя—удара? Нѣтъ. Они по прежнимъ, стариннымъ своимъ предубѣжденіямъ, старой привязанности къ беззаботному, праздному невѣжеству, боялись свѣщенія и бѣжали отъ наукъ. Кантеміръ оставить намъ въ своихъ

¹⁾ П. С. З. т. X, № 7702. XI, № 8845.

²⁾ Тамъ же. т. XV, № 11.205, 11.179.

³⁾ П. С. З. т. V, № 2778.

⁴⁾ Тамъ же, № 2971.

⁵⁾ Тамъ же. № 2968.

⁶⁾ Тамъ же. № 9739.

⁷⁾ Тамъ же, т. IV, № 3703.

⁸⁾ Тамъ же. т. V, № 2997.

⁹⁾ Тамъ же, № 2999.

сатирахъ самую мрачную, но вѣрную характеристику тѣхъ старыхъ русскихъ невѣждъ времени Петра Великаго, которые непоколебимо убѣждены были, что «сѣмя наукъ вредно». Старые русскіе дворяне сочувствовали болѣе суевѣріямъ раскола, чѣмъ свѣту наукъ. И не удивительно послѣ этого, что при Петрѣ Великомъ не мало дворянъ бѣжало отъ грамоты къ раскольникамъ и скрывались въ скитахъ нижегородскихъ, морскихъ и слободахъ стародубскихъ. Люди, которые, кромѣ часословъ ничему не учились и твердо убѣждены были, что ѣхать за границу учиться — значитъ погублять свою душу и лишаться вѣчнаго спасенія, что математика и геометрія, которымъ предписывалъ учиться Петръ, суть книги «отрѣченныя», ложныя, — такіе люди никакъ не могли примириться съ свѣтомъ распространяемаго Петромъ Великимъ ученія. Вотъ бѣжали туда, гдѣ какой-либо Капитонъ, фанатикъ-расколочитъ «съ чотками въ рукахъ» читалъ часословъ и «ворчалъ и кричалъ, что сѣмя наукъ вредно».

Заставляя однихъ учиться, отъ другихъ Петръ Великій требовалъ дѣятельной службы государству. Онъ требовалъ службы во первыхъ отъ дворянъ. Въ старину, дворяне и ихъ дѣти привыкли уклоняться отъ службы: дѣти, братья, племянники и другіе родственники стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, достигши полнаго возраста, преспокойно жили у своихъ отцовъ и родственниковъ, «а государевой службы не служили, родители ихъ укрывали, въ чины не приписывали и въ полкову службу не писали» ¹⁾. Петръ потребовалъ ихъ всѣхъ на смотръ въ Петербургъ, чтобы, смотря по способностямъ, опредѣлить въ военную или гражданскую службу; указъ за указомъ выходилъ о высылкѣ въ Петербургъ недорослей, дворянскихъ дѣтей на смотръ или на службу. Дворяне не упорствовали: какъ сами часто не являлись на службу, по намамъ «лѣнью и огуртвомъ» ²⁾, такъ и дѣтей своихъ укрывали, убавляли имъ лѣта, только бы избавить ихъ отъ службы ³⁾. Напрасно царь угрожалъ отписывать у нихъ въ казну вотчины и помѣстья ⁴⁾; они упорно уклонялись отъ службы ⁵⁾, не являлись на смотръ ⁶⁾. «Се, говоритъ Посошковъ, колико послано указовъ во всея города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и хотя коего дворянина и на имя указомъ выслать, то и того не скоро высылаютъ. И въ такомъ ослушаніи и упорствѣ Царскаго Величества въ презрѣніи иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали. Въ устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Мокеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ никакой и одною ногою не бывалъ; и какія высылки по него жестокия не бывали, никто взять его не могъ: оныхъ деревнями угобить, то притворить себѣ тяжкую болѣзнь, или возложить на

¹⁾ П. С. З. т. I, № 297, т. II, № 747.

²⁾ П. С. З. т. III, № 1555.

³⁾ Тамъ же, т. III, № 1702, т. IV, № 1960.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, № 1960.

⁵⁾ Тамъ же, IV, № 2497.

⁶⁾ Тамъ же, т. V, № 2652.

и родство и въ озерѣ по бородѣ попустить; а домой прѣхавъ, яко рыкаетъ! И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ такъ вѣкъ проживаютъ» ¹⁾. При осмотрѣ явившихся на службу дворянъ, множество оказывалось «нѣтчиковъ», и тѣ, которые являлись на грѣ, часто убѣгали изъ Москвы или Петербурга ²⁾. Купцы также тяглись службой, въ какую ихъ выбирали. До 1714 г. они выбирались счетчики въ канцеляріяхъ и въ губерніяхъ при приѣмѣ и расходахъ ихъ государственныхъ податей и доходовъ. Это особенно тяготило; потому что «какъ отъ выбору въ счетчики, такъ и отъ многихъ чечетовъ» они терпѣли большіе убытки ³⁾. Началь Петръ Великій юзть регулярное войско, и 20 Февраля 1705 г. издать первый указъ оборѣ рекрутъ съ 20 дворовъ по человѣку ⁴⁾, и встрѣтили въ народѣ болѣе сильное, непреклонное упорство. Правда, при Петрѣ Великомъ ма часты и обременительны были для народа рекрутскіе наборы: всѣхъ мѣстныхъ и общихъ наборовъ, если не ошибаемся, было до 40, въ томъ гѣ однихъ общихъ со всего Государства 5. Но главная причина, почему юзты и солдаты постоянно уклонялись отъ службы, заключалась ѣко въ народномъ предубѣжденіи противъ войны и солдатчины, столько и въ дурномъ обращеніи командировъ и военныхъ начальниковъ екрутами и солдатами. Вотъ что напр. читаемъ въ указѣ, данномъ Военной Коллегіи 20 Октября 1719 года: «Его Царскаго Величества ны (въ 1711 и 1716 году данные) по большой части не исполняются акъ въ сборахъ по губерніямъ, такъ и во отправленіи и въ приводѣ юзть всякіе непорядки и понышѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продолтсся, отъ чего происходитъ немалое Государству раззореніе и въ полѣ неисправность, а именно: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ собе-, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ го-, держать въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не помалу ени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнутивъ, и потомъ отправять, азсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ и то не-ымъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча чловѣкъ была, ѣ нужнымъ пропитаніемъ, къ томуужъ поведеть, упуская удобное вре-жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія бо-и, и умирають безвременно, а всего зтѣе, что многіе безъ покаянія, іе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ ахъ, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отъ чего такіа великіа государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ ихъ бѣгдцовъ. Другіе, хотя бѣ и съ охотою хотѣли въ службу иди, видя сначала такой надѣ своею братіею непорядокъ, въ великой страхѣ ходять» ⁵⁾. По такимъ причинамъ оказалось множество бѣглыхъ, укло-вшихся отъ рекрутчины. Никакіа строгія мѣры не могли прекратить

¹⁾ Сочин. Посошкова, стр. 90.

²⁾ П. С. З. т. V, № 2805.

³⁾ Тамъ же, т. V, № 2652.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, № 2036.

⁵⁾ П. С. З. т. V, № 3443.

бѣгство отъ рекрутскаго набора и солдатской службы. Пойманных бѣлыхъ рекрутъ и солдатъ жестоко наказывали, въ примѣръ другимъ, и полкахъ вѣшали, били кнутомъ нещадно и ссылали въ вѣчную каторгу бѣглымъ рекрутамъ накалывали на лѣвой рукѣ крестъ съ пороховомъ, обязывали взятыхъ въ рекруты круговой порукой въ томъ, чтобы никъ изъ нихъ не бѣгать, разыскивали за побѣгъ одного со всѣхъ прочихъ. Въ 1710 году выбраны были нарочные сотскіе, пятидесятскіе и десяти для наблюденія, чтобы бѣглые солдаты и всякіе пришлые люди и не росли нигдѣ не укрывались, и сыщикамъ этимъ велѣно было брать у повъ приходскихъ церквей за руками сказки помѣсячно, что въ придахъ ихъ такихъ бѣглыхъ солдатъ и недорослей нѣтъ ¹⁾). Никакъ не могли удержать отъ бѣгства и переловить бѣглыхъ солдатъ, рекрутъ, матросовъ и недорослей. Они бѣжали къ украинамъ Россіи и за границу: внѣ Россіи они присоединялись къ шайкамъ воровъ и разбойниковъ: «по мнѣнію мѣстамъ, какъ сказано въ указѣ 1719 года, явились многіе люди и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ, которые разбойничали вмѣстѣ съ ворами и разбойниками и съ отправленными противъ нихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ офицерами всѣ пали въ бой» ²⁾). Милостивый Царь пытался и кроткими мѣрами привлечь къ службѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ. Съ 1711 по 1719 г. ежегодно назначались сроки для добровольной явки бѣглыхъ бѣ всякаго опасенія казни, съ полнымъ общеніемъ прощенія. Ничто дѣйствовало: явились весьма немногіе. Наконецъ, Царь принужденъ былъ явить всю строгость, далъ чрезъ Военную Коллегію Окт. 30, 1719 г. указъ, которымъ предписывалось «отправить во всѣ губерніи знатныя партіи для искорененія всѣхъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, матросовъ рекрутъ, яко злодѣевъ отечеству, и гдѣ пойманы будутъ, въ томъ мѣстѣ казнить ихъ разными казнями безъ всякаго милосердія» ³⁾). «Понеже І Царское Величество, какъ сказано въ указѣ, милосердуя о народѣ своемъ многими своими милостивыми указами въ предшедшихъ годахъ въ напечатанныхъ, отечески призывалъ къ обращенію всѣхъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ съ такимъ обнадеживаніемъ, да только обратились и вины свои принесли, то во всемъ будутъ прощены безъ всякаго наказанія, что и прямымъ дѣломъ показано (надъ тѣми, которые явились)... Другіе же, не смотря на такое Его Царскаго Величества отеческое милосердіе, наче же не ужасаяся прещенія Божіа, тѣмъ І Царскаго Величества милостивымъ указомъ весьма непослушны чинятъ, но еще того злѣе чинятъ, бояся являться въ домахъ своихъ, вѣдая, что гдѣ ни будутъ пойманы, яко злодѣи будутъ перевѣшаны, вѣщающее зло не ножаютъ, пристава къ воровскимъ и разбойническимъ компаніямъ, и вмѣ-

¹⁾ II. С. З. т. IV. № 2079.

²⁾ Тамъ же, т. IV. № 2467, п. 8.

³⁾ — № 2281.

⁴⁾ — № 2271.

⁵⁾ — № 3477.

⁶⁾ II. С. З. т. V. № 3445.

стнаго солдатскаго званія, съ охотою пріемлютъ на себя воровское имя, тѣмъ чинятся, вмѣсто Его Царскаго Величества вѣрныхъ подданныхъ честныхъ солдатъ, злодѣи своему Государству и отечеству, и кроются такихъ же себѣ подобныхъ воровъ» и проч. ¹⁾ При такомъ множествѣ орныхъ противниковъ государственной службы, бѣглыхъ недорослей, пцовъ, уклонявшихся отъ городской службы, солдатъ, матросовъ и крутъ, можно себѣ представить, сколько новыхъ послѣдователей съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ должно было присоединиться къ шинѣ раскольнической! И гдѣ всего лучше было укрываться этой рковно-государственной вольницѣ, какъ не въ противогосударственной шинѣ раскольнической? И вотъ многіе бѣглые солдаты, рекруты, недосли и купцы, нехотѣвшіе нести городовую службу, укрывались въ лѣхъ, гдѣ жили раскольники, и въ скитахъ, монастыряхъ и слободахъ скольническихъ ²⁾. Этотъ духъ раскольническаго противленія Правильству еще болѣе поддерживали въ бѣглыхъ рекрутахъ и солдатахъ братые стрѣльцы, съ злобой въ сердцахъ во множествѣ разбѣжавшіеся, какъ вѣстно, по разнымъ мѣстамъ Россіи послѣ стрѣленческихъ бунтовъ. Изъ глыхъ солдатъ являлись даже расколоучители. Такъ бѣглый солдатъ илиппъ основать особую секту филипповщину въ то самое время, когда чались первые рекрутскіе наборы, и училъ главнымъ образомъ тому, обы противиться Государю и не молиться за него. Нѣтъ сомнѣнія, что, его сектѣ присовокупилось много другихъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, солтъ и рекрутовъ. Бѣглые солдаты и рекруты, движимые духомъ раскольческой оппозиціи противъ православныхъ церквей, также вмѣстѣ съ скольниками и по ихъ наущенію нападали на православныя церкви, ибо чрезъ многіе случаи явилось,—сказано въ указѣ 30 Октября 1719 года о поимкѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ,—что отъ нихъ нетокмо чинятся якія разорѣнія и смертныя тиранскія или мучительскія убійства, но и ятыя церкви въ ничто обращаются безстрашнымъ, наглымъ воровскимъ паденіемъ, не токмо обнаженіемъ всего церковнаго сокровища, но и стыя стѣны не оставляются». Бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ было чрезвычайно много на Вѣткѣ, въ нижегородскихъ лѣсахъ, въ стародубскихъ слободахъ и другихъ раскольническихъ пристанищахъ. «Живущіе въ стародубскихъ слободахъ раскольники, доносили въ 1761 г. тамошній управитель Халкидонскій,—яко при самой Польской границѣ, не имѣя, (за отдаженіемъ волостнаго правленія) никакого страха, Россійскихъ бѣглыхъ загунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми мьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу: эти зглые солдаты, живши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ въ скольническія слободы, называясь раскольники» ³⁾.

¹⁾ П. С. З. т. V, № 3445.

²⁾ П. С. З. т. VII, № 3701, п. 3. Т. X, № 7702: «многіе купцы и крестьяне въ раскольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристають для того, что ихъ туда въ городовую службу и въ рекруты не возьмутъ».

³⁾ П. С. З. XV, стр. 651.

Видя въ подданныхъ своихъ упорное уклоненіе и бѣгство отъ душевной переписи и податей, отъ государственной службы, работы и уче и желая дать русскому обществу болѣе правильную и крѣпкую государственную организацію, Петръ Великій всемѣрно заботился искоренить рускомъ народѣ бродяжничество—остатокъ древняго быта народа. Въ 1719 г. онъ издалъ указъ, чтобы всемъ отлучающимся изъ города городъ и изъ села въ село имѣть отъ начальниковъ своихъ паспорта, проѣзжія письма ¹⁾. Воеводамъ данъ былъ наказъ, чтобы гуляющихъ лю безъ проѣзжихъ писемъ по провинціямъ не пропускать ²⁾. Въ плае (1724 г. іюня 26) предписано было не иначе отпускать крестьянъ на ра въ другіе уѣзды, какъ съ выдачей паспортовъ отъ помѣщиковъ за ру приходскихъ священниковъ, и отъ земскихъ комиссаровъ и полковник и при томъ отпускать крестьянъ съ такими паспортами не далѣе, какъ 30 верстъ отъ ихъ мѣста ³⁾. Между тѣмъ склонность, страсть къ пере изстари глубоко вкоренилась въ духъ русскаго народа, по характеру роднаго хозяйственнаго быта въ древней Россіи и по другимъ важн историческимъ причинамъ. Не смотря на то, что переходъ крестьянъ одного мѣста жительства въ другое при Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновъ Василю Ивановичу Шуйскомъ рѣшительно былъ воспрещенъ, и они о чательно были закрѣплены за землевладѣльцами,—склонность къ перею къ бродяжничеству господствовала въ народѣ въ высшей степени и время распространенія раскола. Пересматривая государственныя грам и указы второй половины XVII в., мы весьма часто встрѣчаемъ ме ними царскія грамоты городскимъ воеводамъ и общіе наказы всяк чиновъ людямъ, то о наказаніи за пріемъ и передержательство бѣгль людей и крестьянъ ⁴⁾, то о сыскѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ ⁵⁾, то о сылкѣ дворянъ для сыску бѣглыхъ и о повелѣніи бирючамъ кликать уѣздамъ и торгамъ, по многіе дни, о крестьянскихъ приходцахъ бѣгль людяхъ ⁶⁾, то о поимкѣ бѣжавшихъ со службы ⁷⁾. Склонность къ брод ничеству до того была сильна въ русскомъ народѣ во время распрост ненія раскола, что по всей Россіи было чрезвычайное множество всяк рода бродягъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей. Крестьяне и раз даточные люди, не хотя платить тягла и податей, своевольно перебѣг изъ одного помѣстья въ другое, переходили изъ вотчины въ вотчину, р бродились врознь ⁸⁾. Боярскіе холопы, обокравши своихъ господъ, убѣг

¹⁾ П. С. З. т. VII, № 3445 и 3477 п. 8.

²⁾ Тамъ же, т. V, № 3294 Воен. Инстр. п. 19.

³⁾ Тамъ же, т. VII, № 3533, отд. I, о полков. п. 12, 13, 14, 16, № 4827.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 556.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, 1651-1654, Акты о сыскѣ и выводѣ прежніе участки бѣглыхъ крестьянъ заонежск. и лопекскихъ погостовъ. П. С. З. т. № 333, стр. 577, т. II, № 997 и др.

⁶⁾ П. С. З. т. I, стр. 551.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 593.

⁸⁾ А. А. З. т. IV, № 158, А. Н. г. IV, стр. 66 и 67, т. V, № 60, стр. 155 и 1 Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 32, стр. 113, № 65, стр. 238. Выраженіе „разбѣг

ить ихъ и скитались по разнымъ мѣстамъ ¹⁾; иногда разомъ сбѣгало холо-
дъ съ боярскаго двора человекъ 20 или 30 ²⁾. И въ XVII вѣкѣ, также
какъ и при Петрѣ Великомъ, весьма многіе убѣгали отъ службы, особен-
но отъ военной, и потомъ бродили по городамъ и по селамъ, занимаясь
бродячествомъ и грабежемъ ³⁾. Съ Дону въ 1645 или 1646 г. много бѣжало
мужилыхъ и вольныхъ людей польскихъ и украинскихъ городовъ въ за-
онежскіе погосты ⁴⁾. Въ 1660 году бѣглые солдаты укрывались въ пого-
стахъ: никольскомъ шуйскомъ, въ спасскомъ кижскомъ, въ никольскомъ
кунскомъ, въ спасскомъ выгозерскомъ, въ главномъ притонѣ безпоповщин-
наго раскола ⁵⁾. Кромѣ того по разнымъ мѣстамъ Россіи бродили такъ назы-
ваемые офени или ходобщики, мелочные торговцы, преимущественно изъ
крестьянъ Владимірской губерніи Вязниковскаго, Ковровскаго и частію
Шуйскаго уѣздовъ, люди гулящіе, нетяглые, составлявшіе также особое зва-
ніе, бобыли или бездомные, неосѣдлые крестьяне. Кромѣ своевольныхъ бѣглыхъ
бродягъ, многіе перебѣгали съ одного мѣста на другое, вынуждаемые фи-
нскими бѣдствиями ⁶⁾. При господствѣ празднаго бродяжничества, мно-
жество скиталось повсюду нищихъ. Однихъ московскихъ нищихъ бродило
по міру, по словамъ англичанина Флетчера, *неисчетное множество*: въ концѣ
XVII в. ихъ насчитывается отъ 500 до 1000 ⁷⁾. Такимъ образомъ, въ то
время, когда въ Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ
и, среди коренного туземнаго народонаселенія, находилось множество
людей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулящихъ. Особенно много было такихъ людей
въ сѣверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ
онъ преимущественно распространился. Въ новгородской области и въ нѣко-
рыхъ псковскихъ уѣздахъ по сыску, произведенному въ 1651 — 1654 г.,
казалось до 690 семействъ бѣглыхъ или сошлыхъ изъ однихъ онежскихъ
или лопскихъ погостовъ ⁸⁾. Въ 1664 году дана была грамота Новгород-

ровъ" сдѣлалось какъ бы техническимъ терминомъ въ актахъ. О смыслѣ даточныхъ
подей царск. грам. 1661. А. А. Э. т. IV. № 128

¹⁾ А. А. Э. т. IV. № 70. П. С. З. т. I. стр. 340, 359.

²⁾ П. С. З. т. I, стр. 360.

³⁾ А. II. т. V, № 36, стр. 56, т. IV. № 6, стр. 30. А. А. Э. т. IV, № 10. Доп. къ
А. Э. И. т. III, № 21, IV. № 160.

⁴⁾ Такъ въ 1646 в. донесено было царю: „что вольные люди, которые посланы
были на Донъ, и на дорогу получили казенное денежное жалованье, начали убѣгать
съ Дону, а вольные люди прибору ключника Василія Угрюмова побѣжали мало не все
на тѣхъ бѣглецовъ смотря бѣгутъ и иные вольные люди разныхъ городовъ без-
престанно... да съ Дону же побѣжали шацкіе и танбовскіе новопріобрѣтенные люди съ
отнятками и съ товарищами, а сговорясь между собою, поднявъ знамена, съ Дону
отъ войска пошли“. (Допол. къ Акту. Ист. т. № IV, № 90).

⁵⁾ П. С. З. т. I, стр. 487. А. А. Э. т. IV, № 106. А. II. т. IV, № 6.

⁶⁾ Допол. къ А. II. т. III, № 67, стр. 247 т. IV, № 34. А. II. т. V, № 60, стр. 166.

⁷⁾ И. Г. Росс. т. X, 283 „Истор. Царств. Феодора Алексѣевича“, Берха. Спб. 1835,
86 и дал.

⁸⁾ Росинскіе сошлыхъ Заонежскихъ Лопскихъ Государевыхъ крестьянъ: въ Нов-
городѣ и въ новгородскомъ уѣздѣ ихъ было 267 сем. въ Старорусѣ и въ старорус-
скомъ уѣздѣ 50 сем.; въ Городецкомъ уѣздѣ и въ Бѣжецкомъ Верху 22 сем.,
въ Осташковѣ 2 сем., въ Псковѣ и Гдовѣ 5 сем., на Устюжки желѣзномъ, за двѣи-

скому воеводѣ князю Рѣпнину о посылкѣ дворянъ въ Новгородскія пятъ для сыску бѣглыхъ людей и крестьянъ ¹⁾. Въ Соловецкихъ «солянъ промыслахъ, въ служкахъ и служебникахъ, и во всякихъ монастырскихъ трудникахъ жили люди всѣ пришлые Государевы державы со всея изъ разныхъ городовъ» ²⁾. Много также было людей въ средней Рязани въ Московскомъ, Нижегородскомъ и Казанскомъ уѣздахъ. Въ Москвѣ въ дворцовыхъ, черныхъ и ямскихъ слободахъ, въ харчевняхъ, квасныхъ и торговыхъ баняхъ жили пришлые и гулящіе люди безъ порукъ и поручныхъ записей ³⁾. Изъ Московскихъ предѣловъ множество бѣглыхъ народу въ понизовые города и въ заволжье. Такъ въ 1658 году Іоаннъ Алексѣевичъ писалъ воеводѣ нижегородскому Бутурлину. «Замосковныхъ разныхъ городовъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всѣхъ служилыхъ людей люди и ихъ крестьяне разоряють, животы ихъ грабятъ и ихъ дома пожигаютъ, а иныхъ и самихъ, и женъ и дѣтей до смерти побиваютъ, а разоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣглыхъ и живутъ въ бѣгахъ въ Нижнемъ и въ Арзамасѣ, и на Курмышѣ, Алаторѣ, также и Нижегородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди и крестьяне разоряють, и отбѣгая отъ нихъ живутъ въ Казани и въ иныхъ понизовыхъ городахъ за всякихъ чиновъ людьми» ⁴⁾. Поэтому ⁵⁾ съ 1658 по 1661 годъ дано было нѣсколько наказовъ сыщику Плещеву о сыскѣ бѣглыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и нижегородскомъ и балахнинскомъ уѣздахъ ⁶⁾, гдѣ, какъ извѣстно, образовалось изъ этихъ бѣглыхъ множество раскольниковъ. Изъ сенатскаго указа 1723 года видно, что «въ нижегородскомъ уѣздѣ явилось сходствъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ помѣщичьихъ и дворцовыхъ и синодальнаго вѣдѣнія и помѣщичьихъ крестьянъ и бобылей и гулящихъ 954 двора» ⁷⁾. Наконецъ, множество бѣглыхъ въ Сибирь, въ третьей мѣстности особеннаго сосредоточенія и разномыслия раскольниковъ ⁸⁾. Изъ поморскихъ городовъ переходили въ сибирскія слободы многіе тяглые и крѣпостные люди, вольные и гулящіе

чьимъ монастыремъ, что на Тихвинѣ, 2 сем., въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ 23 сем., въ Вологод. уѣздѣ 14 сем., въ Каргополѣ и въ каргопол. уѣздѣ 28 сем., въ Сумѣ и Комскомъ острогахъ и въ Усольяхъ 13 сем., въ Угличскомъ уѣздѣ 1 крестьянинъ въ Олонекскомъ уѣздѣ въ разныхъ заонежскихъ погостахъ 26 сем. Всего заонежскихъ государственныхъ сошныхъ крестьянъ въ разныхъ городахъ, которые въ писцовыхъ книгахъ написаны, oprичъ еще безвѣстныхъ крестьянъ, которые сошли безвѣстно 580 семействъ. Да Дюпскихъ бѣглыхъ государственныхъ крестьянъ, которые бѣжали изъ Дюпскихъ погостовъ въ разныя другія мѣста, 110 семействъ. Такимъ образомъ выходитъ всего 690 сем., не считая еще тѣхъ, которые безвѣстно сошли и не знаютъ куда дѣвались. Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, стр. 291, № 67.

¹⁾ П. С. З. т. I, стр. 593.

²⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 33, стр. 114.

³⁾ А. А. Э. т. IV, № 307.

⁴⁾ П. С. З. т. I стр. 445. А надобно замѣтить, что въ нижегородской и казанской области расколъ также чрезвычайно распространялся и размножался.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. IV, № 48.

⁶⁾ Акт. Ист. т. V, № 271.

⁷⁾ П. С. З. т. VII, № 4307; смотр. также № 4162, п. 2.

⁸⁾ Акт. Ист. т. IV, № 3, стр. 19.

царскаго указу, безъ подлиннаго сыску ¹⁾. Хотя Петръ Великій строго предписалъ досматривать у гулящихъ и пришлыхъ людей паспорта, однако множество было бродягъ безпаспортныхъ и съ «ложными паспортами, писанными гулящими же людьми» ²⁾. Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно ли, что сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустыничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страсти къ бродяжничеству. Поучая, что паспортъ есть печать антихристова, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: «града настоящаго неимамы, но грядущаго взыскуемъ». По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю Михайловичу. Слова эти повторяются и въ сочиненіяхъ Аввакума: «отвѣты заключеннаго отъ старцевъ архіереевъ новаго изранія за имя Исусъ Христово». Можно себѣ представить, какъ правилось такое ученіе тѣмъ русскимъ людямъ, которые любили бродить по бѣлому свѣту, и которыхъ было такое множество въ періодъ самаго сильнаго распространенія раскола. Въ половинѣ XVIII вѣка возникла въ расколѣ, какъ извѣстно, даже особая секта *стрижниковъ*, которая бродяжничество признавала спасительнымъ подвигомъ и учила, что паспортъ есть печать антихристова.

Доселѣ мы разсматривали, какъ развились главныя народно-демократическія и противогосударственныя начала раскола въ противоположность государственнымъ началамъ, и въ особенности государственнымъ идеямъ и учрежденіямъ Петра Великаго. Теперь посмотримъ, не было ли всего благопріятствовавшаго развитію раскола въ самомъ новоустроенномъ государствѣ русскомъ, въ самыхъ гражданскихъ отношеніяхъ общества, и укажемъ коротко только главныя черты.

Какъ оппозиція чисто народная, демократическая, расколъ возставалъ и противъ самаго устройства и состоянія государственнаго управленія, начиная съ Сената и до областного начальства, вездѣ въ управленіи указывалъ стороны, противныя благу народа, и неустройствами, какія прикибалъ въ областяхъ, пользовался для своего подкрѣпленія и распространенія. Таковы были: злоупотребленія гражданскаго начальства, притѣсненія народа помѣщиками, слабый надзоръ и корыстное потворство областного начальства, помѣщиковъ, фаярикантовъ и частныхъ лицъ и т. п. Гражданское начальство Россіи въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Ибо гражданскіе правители большею частью не столько заботились о благѣ народа, сколько угнетали его. Во первыхъ народъ часто не находилъ правды на судѣ, и страдалъ невинно. «Хотя на посулы положено наказаніе, говорилъ еще Кошихинъ, и судьи (бояре, окольничіе, стольники,

¹⁾ А. А. Ѳ. т. IV, № 159.

²⁾ П. С. З. т. VII, № 4827.

дворяне и дьяки) чинять о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жесткимъ проклинательствомъ, что посуловъ неимати и дѣлати въ правѣ по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинаніе и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержи не могутъ и руки свои скоро допускаютъ, хотя не сами собою, одѣ по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоніемъ, въ пучину огня негасимаго, и токмо вреждаютъ своими дѣлами и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми словами и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходить къ и видѣти часто отъ простыхъ людей?» ¹⁾ Умный крестьянинъ Посохъ хорошо знавшій бытъ и положеніе своей братіи — крестьянъ, также рече: «до судьи дойти худосильному (челобитчику) немочи... Насая колодниковъ множество, а рѣшенія имъ нечинять, да перековавъ, распу по улицамъ мпlostыню просить... Безъ взятокъ нельзя ничего сдѣлать и за гривенное дѣло полтину берутъ» ²⁾... «Не велико, кажется, чинъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ вельможъ людей, и дѣла прямого еще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошло то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а по рублевъ десять учинять убытку, и тѣмъ людей божіихъ весьма убытъ. Хотя малая какая справка приказная, но нехотятъ подождать до времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно: и того не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять письменное вѣдѣніе о чемъ надлежитъ взять на письмѣ исповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отвѣдью въ городѣ. Кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ другомъ, то и путь рубль два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шести случится, то и съ двумя рублями врядъ изнятыся. А приказные люди людскихъ убытковъ не считаютъ: они только свою тягость нечисляютъ, а людская ни. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; таковыхъ посылокъ весьма много и людямъ пакости чинится, а о семъ попеченія ни мало не имѣютъ, чтобы имъ людей Государя въ чемъ побережъ и до убытка какого не допустить. А и сіе: или господа судьи разуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ городской канцеляріи по три и по четыре присылки были жестокимъ Новгородскимъ служителямъ, кои были въ бурмистрахъ и въ вальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчету; и ѣздили по три и по четыре и больше. А пріѣхавъ, да тамъ поживутъ и десятокъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсорить, да и не. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотни ѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту.

¹⁾ Кошихинъ стр. 93.

²⁾ Соч. Посохова гл. 3: о правосудіи.

о людехъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе... Въ нѣмецкѣ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купецкіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нimalo людей берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ: ибо коемъ царствѣ люди будутъ богаты, то царство то богато; въ коемъ жствѣ люди будутъ убоги, то и царству тому не можно слыть богатому. сего не могу познать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего прокъ государству непрочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на то, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рубль теряютъ» и проч. Горькія жалобы народа на притѣсненія областного начальства раздавались во все время первоначальнаго сильнаго распространения раскола. И жалобы эти такъ многочисленны и разнообразны, что мы затрудняемся даже, которыя изъ нихъ выбрать для примѣра. Такъ напр. крестьяне Сумерской волости жаловались въ 1649 году на псащика Димитрія Мякинаина, который бралъ съ нихъ кормы. «Да онъ Димитрій посылалъ по нихъ крестьянъ съ приставы людей своихъ, иные люди его для своей корысти ѣздить по нихъ и безъ приставовъ ихъ крестьянъ грабятъ, ходятъ во дворахъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насильствомъ платья и иное, что попадетъ, и какъ они въ томъ насильствѣ на людей его ему Димитрію били челомъ о управѣ, и онъ ихъ за то побитые сажалъ въ тюрьму и держалъ въ тюрьмѣ день по пяти и по пяти и по недѣли, и они изъ тюрьмы выкупались; да въ прошломъ де году послѣ Ильина дни. Димитрій ѣздитъ съ людьми своими для своей корысти по деревнямъ, и ихъ крестьянъ билъ и мучилъ и по дворомъ по лѣсомъ за ними гонялся, и вымучилъ на нихъ немѣрною мукою на ювѣкѣ рублевъ по пяти и больши; да онъ же де Димитрій звалъ ихъ себѣ на пиръ, и которые крестьяне у него на пиру были, и онъ съ тѣхъ спонно взять, сажалъ въ тюрьму, и они изъ тюрьмы у него выкупались, давали рубли по два и больши, а которые у него на пиру не были, для того, что люди не достаточные поклоннаго дати нечего, и онъ по тѣхъ зылатъ съ пристава людей своихъ и правили на нихъ поклоннаго человѣка по два алтына по двѣ деньги и по гривнѣ и больши, да онъ Димитрій умысли и стакався съ совѣтники своими, а съ ихъ горланы съ ябедники, въ дѣловую работную пору, для своей корысти, загнавъ къ себѣ на дворъ просилъ у нихъ поровенной — и они ему били челомъ, чтобы онъ далъ имъ сроку, покажеть дѣловая пора минется, какъ дѣловая пора минется, и они межъ себя поровняются и поровенную ему принесутъ, и Димитрій доправилъ на нихъ отъ поровенной 15 р.: да онъ же де Димитрій старосту Аникейка Семенова билъ ослопомъ до мусмерти, и въ тюрьмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него 10 рублевъ; и отъ того де Димитріева насильства они Сумерскіе волости крестьяне въ конецъ погибаютъ и совѣтъ до основанія разорены. бредутъ познь и у многихъ изъ нихъ напня залегла» ¹⁾. Въ 1676 году крестьяне

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. III. № 65, стр. 237, А. А. Э. т. IV № 94.

Вѣницкаго погоста, разоренные Шведами и обремененные налогами, жаловались Царю на начальныхъ людей и подъячихъ: «что для Великаго Государя данныхъ о оброчныхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ пріѣзжамъ къ нимъ въ погосты съ Олонца начальные люди и подъячіе, со многими стрѣльцами, на многихъ подводахъ, и ихъ достальныхъ бѣдныхъ сиротъ смертнымъ боемъ, многими правежи и мукою мучать... И тѣхъ лишнихъ окладовъ и кабацкихъ и таможенныхъ новыхъ сборовъ и олонецкихъ расходовъ, и праветчиковъ, начальныхъ людей и подъячихъ многіе деревенскіе участки запустили... и отъ тѣхъ обидъ и многосборовъ мы сироты и достальные, въ конецъ разорились и деревенскіе свои участки отбыли». Посадскіе люди и купцы также со стороны гражданскаго начальства чрезвычайно много терпѣли притѣсненій и несправедливостей. Еще на Азовскомъ соборѣ въ 1642 году купцы говорили: «а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздахъ вѣдали губныя старосты, а посадскіе люди сносили сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было ¹⁾. А между тѣмъ Государевы дѣянія и подъячіе, какъ сказали на томъ же соборѣ дворяне и боярскіе разныхъ городовъ,—обогатѣвъ многими богатствомъ несправедливостию своимъ издоумствомъ и покупили многія вотчины и дома свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобъ сказаемыя». Въ 1662 году тѣ же г. Шуй жаловались на воеводу Трегубова, что онъ «имъ чинитъ тѣсноту и налогу большую, стакался съ подговорщиками и ябедниками, и притѣсняется къ старостамъ и къ выборнымъ и ко всякимъ посадскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти и бьетъ насъ сиротъ твоихъ и посадскихъ людей и продаетъ напрасно» ²⁾. Въ 1665 году они же жаловались на воеводу Боркова: «будучи онъ воевода почалъ намъ сиротамъ твоимъ посадскимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя дажки и убытки; бьетъ насъ, сиротъ твоихъ посадскихъ людей безъ вины и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вынимая изъ тюрьмы бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины, и въ плѣнъ въ 172 году убилъ онъ воевода, заперши у себя на дворѣ, тамъ наго ларешнаго цѣловальника Володьку Селиванова до полусмерти. Многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей,—соляныхъ и рыбныхъ промышленниковъ примѣшивается къ нимъ для своихъ корыстей, убытчалъ и разорилъ, въ тюрьму сажалъ; и многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей разогналъ и тѣхъ разбилъ; а насъ сиротъ твоихъ, выборныхъ людей, въ конецъ погубилъ своею великою тѣснотою и налогомъ и продажей и убійствомъ, и въ нѣшнемъ, Государь, во 173 году онъ же воевода убилъ, заперши у себя на дворѣ, выборнаго посадскаго человека до полусмерти, и нынѣ тотъ

¹⁾ Собр. госуд. грам. т. III, № 113. Какъ воеводскіе люди поступали въ уѣздъ Петра Великаго въ первой половинѣ XVIII вѣка см. Записки майора артилл. М. В. Данилова, стр. 45.

²⁾ Описание Шуй, № 35.

на отъ его воевоцкихъ побой изувѣченъ», и проч. ¹⁾. А Енисейскій во-
да Голохвастовъ, какъ видно изъ челобитной, поданной на него въ
5 году, не только грабилъ, мучилъ и въ тюрьму сажалъ посадскихъ лю-
дѣй, «да онъ же для своихъ пожитковъ отдавалъ на откупъ помѣсячно
нѣ и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того бралъ себѣ от-
купу рублей по 100 и больши, и тѣмъ блуднымъ женкамъ велѣлъ наго-
ивать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, для
тѣхъ, а которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей оставались въ до-
стѣ жоны, во время отъѣзда мужей, воевода, свѣдавъ ихъ пожитки,
нѣ ихъ бралъ въ застѣнокъ ночью, и пыталъ и спрашивалъ серебрян-
кѣ денегъ, и тѣмъ примѣтами и мученіемъ разорялъ ихъ до конца» ²⁾.

лучше было посадскимъ, торговымъ и промышленнымъ людямъ отъ
казныхъ чиновниковъ и при Петрѣ Великомъ. «Вѣдомы они гости и
ищущіе, и промышленные люди, читаемъ въ именномъ указѣ Генваря 30,
9 года, и купецкими расправными и всякими дѣлами и Его Величества
ударя окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ,
извѣстно Ему Вел. Государю учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя
ни и всѣмъ посацкимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ во
огихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ и разныхъ чи-
нѣ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ
пышіе убытки и разореніе, и иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ
ыли и оскудали» ³⁾. Не прекратились притѣсненія посадскихъ людей
супцовъ чиновниками и послѣ того, какъ въ 1699 году учреждена была
бурая бурмистрская палата для самостоятельнаго вѣдомства всякихъ рас-
чныхъ дѣлъ между купецкими и посадскими людьми, и во всѣхъ го-
дахъ учреждены были для нихъ земскія избы «по причинѣ многихъ къ
мъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидѣ и налоговъ и поборовъ и
итокъ». Напр. въ 1716 г. Двинскіе посадскіе люди приносили жалобу
рю: «у архангельскаго города канцелярскіе и таможенные подъячіе,
горые есть не изъ тамошнихъ жителей, стоятъ на посадскихъ дворахъ
гъ найма и займуютъ подъ себя многія особыя избы, и дрова берутъ
искаго съ земскаго двора, въ чемъ есть посадскимъ людямъ тѣснота и
малое разореніе, а мочно тѣмъ подъячимъ купить свои дома, или наня-
тъ повольно, понеже канцелярскіе опредѣлены Вашимъ Царскаго Ве-
чества жалованіемъ, а таможенные берутъ съ купецкихъ людей за ра-
гу денегъ немалое число» ⁴⁾. Въ Уставѣ Главнаго Магистрата ⁵⁾ читаемъ:
отъ судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и въ
дѣніи подлежатъ въ Юстицъ Коллегіи, однакожъ понеже купецкіе и
меленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетокмо въ
комъ призраженіи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній не-
ышанныхъ едва не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось, и

¹⁾ Тамъ же. № 39.

²⁾ А. Н. т. IV, № 182.

³⁾ П. С. З. т. III, № 1674.

⁴⁾ П. С. З. т. V, № 3037.

⁵⁾ 1721 г. Генв. 16.

уже то есть не безъ важнаго государственнаго вреда» ¹⁾. Губернаторы первой половины XVII в., какъ видно изъ жалобъ Петра Великаго, были не лучше воеводъ и приказныхъ XVII вѣка ²⁾. Были изъ нихъ даже такіе, которые только издѣвались надъ народомъ. Напр. въ 1728 г. митрополитъ Казанскій Сильверстъ въ своей длинной запискѣ о дѣйствіяхъ Казанскаго губернатора Волынскаго, пишетъ между прочимъ; «онъ губернаторъ ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волгою рѣкою, и пріѣхавъ въ городъ Чоксары и вышедъ изъ струговъ своихъ на берегъ, и по согласію съ чоксарскимъ воеводою Алексѣемъ Заборовскимъ велѣли изъ пушекъ стрѣлять и въ то время отъ потѣхъ ихъ пушку разорвало и побило мужеска и женска пола человекъ съ пятнадцать... Оной же губернаторъ лѣтомъ зимою со псовою охотою многочисленнымъ ѣздитъ по полямъ и сѣннымъ покосамъ, и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ архіерейскаго дома и монастырскій лошадьми и собаками и людьми своими толочеть необычайно и въ деревняхъ съ боемъ и неволею съ крестьянъ архіерейскихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.... Священники, діаконы, пѣвчіе и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищіе, всѣ безъ исключенія принуждены по указамъ со излишнимъ отягченіемъ чрезъ 4 сажени поставить столбъ и ели и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церковныя праздники не по указу, но по прихотямъ его губернаторскимъ, во всякое празднество, по три дня сряду на каждый столбъ навѣшивали по три фонаря въ которыхъ свѣчи горятъ зимою по 8 часовъ ночи непременно, а напротивъ московскаго дѣйствія чрезъ 10 сажень столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю: нѣкоторые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому размѣру ставили фонари и столбы. И оттого священнослужителямъ и неимущимъ великое разореніе нанесено. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его Волынскаго, ходили со многими людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворовыхъ и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣно тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возить, невѣдая для чего», и т. д. исчисляются разныя тиранническіе поступки и потѣхи губернатора Волынскаго въ Казани ³⁾. Весьма тяжело также обходились для уѣздныхъ жителей проѣзды и почты чиновниковъ. «Извѣстно Правительствующему Сенату учинилось, такъ читаемъ напр. въ указѣ 1716 года (Іюня 1), что въ губерніяхъ ландтаги, которые опредѣлены въ доли, ѣздятъ по уѣздамъ, и ставятся въ селахъ и деревняхъ на крестьянскихъ дворахъ, и берутъ подводы, также и себѣ при нихъ общимъ людямъ кормъ, а лошадямъ фуражъ, и живутъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ по недѣлѣ и больше, отъ чего крестьянамъ чинится

¹⁾ П. С. З. т. IV, стр. 296.

²⁾ Тамъ же, т. IV, №№ 2483, 2493, 2467, т. V, № 3078.

³⁾ Допом. митр. Сильвестра Св. Синоду въ рукопис. Казан. Духов. Акад.

зореніе и убытки великіе»¹⁾. При такомъ отношеніи къ народу гражданскаго начальства, понятно, какъ много должна была усилиться народная позиція, поднятая расколомъ противъ правительства. Не даромъ чернь того озлоблена была противъ бояръ, окольныхкихъ и другихъ чиновниковъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала бунты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать повниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль раздавался въ бунтѣ стрѣльцкомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ южнскихъ казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Наконецъ, не безъ причинъ раскольники доселѣ питаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ, и нападаютъ даже на внѣшніе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемыя народу чиновниками, какъ на прямые знаки господства антихристового. Купцы и крестьяне того болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: потому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна донинѣ раскольническая злоба противъ начальства. Поэтому основателей раскольническихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и дьячковъ, всего болѣе шло изъ кушцовъ и поселянъ. Такъ и на Вѣткѣ между раскольниками бѣхъ болѣе было кушцовъ и посадскихъ.

Бѣдные крестьяне страдали не отъ одного областного управленія, но также и отъ крѣпостного состоянія. Ревизіями первой половины XVII вѣка крестьяне окончательно укрѣплены были за помѣщиками. И это крѣпостное положеніе ихъ было самое тяжкое. Кромѣ подушныхъ податей, крутчины и разныхъ указныхъ сборовъ, они должны были платить рокъ помѣщикамъ и отправлять разныя работы, при чемъ требованія помѣщиковъ часто не имѣли никакихъ границъ и контроля²⁾. При худомъ тройствѣ и неразвитости сельскаго хозяйства, помѣщичьи крестьяне дествовали и во множествѣ скитались по міру, особенно въ неурожайные годы. Хотя помѣщикамъ неоднократно предписывалось указами вспомогать бѣднымъ крестьянамъ и прокармливать ихъ во время хлѣбнаго недорода, но они большею частію объ этомъ нисколько не заботились. Бѣдные крестьянскіе оставались незащѣнными, за неимѣніемъ сѣмянъ, и неспасуемо ими отъ помѣщиковъ, крестьяне бродили по міру³⁾. Много страдали помѣщичьи крестьяне еще отъ слишкомъ дробнаго раздѣленія гнѣній отцами дѣтямъ: ибо, по разсужденію Петра, на мелкія имѣнія пали большія подати и оброки, и отъ такого раздѣленія, какъ говорилъ этръ, казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ простымъ зореніе⁴⁾. Но всего болѣе страдали крестьяне отъ несправедливости и

1) И. С. З. т. V, № 3025.

2) И. С. З. т. VII, № 4566. Т. IX, № 6453 XV, № 11,205.

3) Тамъ же, т. IX, №№ 6570, 6653, 6682.

4) И. С. З. т. V, № 2789. То же говоритъ Посошковъ. См. гл. VIII: о дворянѣхъ, крестьянѣхъ и о земельныхъ дѣлахъ.

угнетенія помѣщиковъ. Когда напр. предписывалось помѣщикамъ плати известную сумму въ казну изъ своихъ пожитковъ—они, хотя имѣли полную возможность заплатить эти деньги, однакожь брали ихъ съ крестьянъ своихъ ¹⁾. «Есть нѣкоторые непотребные люди, жаловался Петръ I липкій на помѣщиковъ, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго жити вотчины свои не токмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ, разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ то ихъ бьютъ и мучать, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгутъ и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножаетъ доимка» ²⁾. «А и сіе не весьма право зрится, говоритъ Посошковъ, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобносімая: ибо ес такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единого дня, чтобы ему на себя что сработать. И тако хатную и сѣнокосную пору всю и теряютъ у нихъ; или что наложатъ на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забрали еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ малю посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ рядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до года. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ и пустошатъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды крестьяне дома свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣстныя жъ и въ Украинныя, а иныя — и Зарубежныя; тако чуждыя страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. Крестьянамъ помѣщики невѣковыя владѣльцы: того ради они не весьма ихъ и берегутъ а прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Не говоримъ уже о томъ, какъ часто совершенно безчеловѣчно обращались помѣщики съ крестьянами, какъ напр., по словамъ Кошкина «надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми творили блудныя дѣла, или у женки выбивали ребенка ³⁾, или какъ по словамъ Посошкова, помѣщики, не хотя возвратить, кому слѣдуетъ пришлыхъ людей, «потопляли ихъ въ водѣ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли» или какъ отдавали крестьянъ, какъ цѣнную вещь, чиновникамъ въ подарокъ, или вмѣсто взятки, и т. п. ⁴⁾. При такомъ положеніи крестьянъ и помѣщиковъ, очень естественно, что многіе изъ нихъ недовольны были помѣщиками, ожесточались противъ нихъ, поднимали бунты или бѣжали отъ нихъ. Такъ въ 1713 году взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ крестьяне Царя Арчила Вахтангеевича, нижегородскаго уѣзда села Лысы

¹⁾ Тамъ же. т. II, №№ 750 и 799.

²⁾ Тамъ же, т. V, № 3294. Посошкова гл. VII о крестьянствѣ, стр. 182—183.

³⁾ Кошкинъ стр. 114.

⁴⁾ Посошкова о скудости и богатствѣ стр. 85.

⁵⁾ Записки артиллеріи майора М. В. Данилова, Москва. 1842 г. стр. 34.

, Ростовскаго архіерея ростовскаго уѣзда села Порѣчья, иноземца Вах-
мея Меллера верейскаго уѣзда Вышгородской волости, и бобыли села
Знесенскаго воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ,— «учинились,
къ сказано въ именномъ указѣ вышеписаннымъ владѣльцамъ своимъ
пушны, и отъ нихъ отложились» ¹⁾). Выходя изъ терпѣнія крестьяне
сто нападали на дома помѣщиковъ, разоряли ихъ имѣнья, и убѣгали ²⁾).
це въ самомъ началѣ появленія раскола, именно въ 1658 г. Царь Алексѣй
ихайловичъ жаловался, какъ мы выше видѣли, что многіе крестьяне
московныхъ дворянъ—помѣщиковъ, ограбя ихъ имѣнья, сожигая ихъ
мы и не рѣдко самихъ помѣщиковъ своихъ съ семействами убивая, убѣ-
ли въ понизовые, приволжскіе и заволжскіе города и села ³⁾). При Петрѣ
ликомъ, бѣглые крѣпостные люди, соединяясь съ другими бѣглыми—
естьянами, рекрутами и солдатами, цѣлыми вооруженными станицами
падали на имѣнія помѣщиковъ. «Нынѣ по всѣмъ вѣдомостямъ и доно-
ніямъ въ Коллегію Юстиціи, читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1712 года
иуста 12, изъ Новгородскаго, изъ Можайскаго и Мещевскаго уѣздовъ
разбойникахъ тѣхъ показано, что они по 100 и по 200 человекъ и
пыши верхами, вооруженною рукою, съ порядкомъ регулярнымъ, не токмо
тѣхъ вышеозначенныхъ уѣздахъ, но и у многихъ помѣщиковъ и у вот-
никовъ многолудныя деревни разграбили прїѣздомъ своимъ деннымъ и все
конца пожгли и людей и крестьянъ вырубилъ» ⁴⁾). Вслѣдствіе такихъ не-
стройствъ и было между помѣщичьими крестьянами много такихъ, которые
дучи недовольны своими помѣщиками и тяготясь крѣпостнымъ состояніемъ,
отно присоединялись къ раскольническимъ общинамъ, и увеличивали ихъ со-
авъ и усиливали оппозицію. Расколъ открывалъ убѣжище всѣмъ недоволь-
имъ крѣпостнымъ состояніемъ. Оттого въ старообрядческихъ селеніяхъ, лѣс-
ихъ скитахъ и обителяхъ, раскольники болѣею частію были «пришлые
оровые, синодальные и помѣщичьи крестьяне» ⁵⁾). Такъ и на Вѣткѣ много
ло помѣщичьихъ крестьянъ, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго
клада Сената 1735 г. 4 Сент. ⁶⁾). Такъ въ Стародубскихъ слободахъ, по
несенію управителя черниговскаго полка Халкидонскаго, крестьяне,
икогда раскольниками не бывшіе, только для единой вольности, укры-
аясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записывались». Такъ
Выгорѣцкихъ лѣсахъ — средоточіи безпоповщинскихъ скитовъ весьма
юго было бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ ⁷⁾). А въ бунтахъ Разина и
угачева, какъ извѣстно, раскольники изъ помѣщичьихъ крестьянъ чрез-
чайнo свирѣпствовали противъ помѣщиковъ, не своихъ только, но и
ѣхъ вообще.

¹⁾ П. С. З. т. V, № 2668, п. 24.

²⁾ Тамъ же, т. IV, № 1820, п. 11, 12, 19, 20, № 2310, т. V, № 3414.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 445.

⁴⁾ П. С. З. т. XV, № 205.

⁵⁾ П. С. З. т. V, № 3415, п. 1.

⁶⁾ Тамъ же, т. VII, № 4162.

⁷⁾ Тамъ же, т. IX, № 6802.

Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщики своими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общества и невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой стороны, многіе гражданскіе начальники и помѣщики изъ-за корыстныхъ видовъ потворствовали расколу, и тѣмъ способствовали его распространенію. Въ первыхъ, расколу часто потворствовали разныя начальствующія лица, особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрывались раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, они, къ сожалѣнію, находили между неблагонамѣренными мѣстными управителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особенно въ окраинахъ Россіи, напримѣръ въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, въ Заволжскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Такъ въ примѣръ, когда расколуучитель попъ Козма бѣжалъ изъ Москвы послѣ 1667 года съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край: «бѣже еси на той часъ, -- какъ говоритъ исторіографъ поповщинской секты Иванъ Алексѣевъ, — стародубскій полковникъ зѣло знаеиъ и другъ Гавриилъ Ивановичъ, его же въ нѣкихъ напастѣхъ укрываше. Полковникъ, видѣвъ Козму поиа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и въ прошенія ихъ написа листъ, посла ихъ ко атаману Курковскому. Паллакъ повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку, и тамо вси пришедшіе съ Козмою числомъ 20 поселишася при рѣкѣ Ревкѣ въ лѣто 7173» ¹⁾. Пользуясь такимъ покровительствомъ своего друга — полковника, попъ Козма положилъ основаніе знаменитымъ въ исторіи раскола 17 Стародубскимъ слободамъ, тѣмъ самымъ проложивъ путь раскольникамъ на Вѣтку. Были и послѣ покровители Стародубскихъ раскольниковъ между гражданскими начальниками. Напр. въ 1737 году кіевскій архимандритъ Иларіонъ приносилъ жалобу, что Стародубскіе раскольники, поселившіеся на монастырской землѣ въ двухъ слободахъ, обижали и грабили прочихъ монастырскихъ крестьянъ. Маіору Хрипунову велѣно было произвести слѣдствіе, и онъ окончилъ дѣло въ свою пользу и въ пользу раскольниковъ. Въ Олонецкомъ краю, въ первое время распространенія раскола, ему покровительствовали и воеводы и земскіе старосты. Извѣстные уже намъ страннопріимцы и покровители бѣглыхъ раскольниковъ нѣкто Іерофей и супруга его Евдокія своею услужливостію такъ умѣли задобрить всѣхъ мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ, что когда наконецъ потребованы были къ суду за поддержаніе и распространеніе раскола, то, по словамъ Денисова, «вси градожителі, простіи и славніи начальницы и подначальніи ходатайствовали за нихъ предъ воеводою, и воевода уступилъ многонародному прошенію» ²⁾. Равнымъ образомъ, когда въ 1693 году раскольники, въ числѣ болѣе 209 человекъ, подъ руководствомъ какого-то чернеца, силою распространяли свое ученіе въ Обонежской пятинѣ, нападая на священниковъ пудожскаго погоста, — то земскіи

¹⁾ Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Т. 1. об.

²⁾ Винogradъ Россійскій: о Іерофѣѣ и Евдокіи.

староста пудожскаго погоста Семень Леонтьевъ Журавицкій «отъ такихъ воровъ и раскольниковъ никакой обороны и помощи не учинилъ, и прямо отказалъ имъ, когда они просили у него защиты; а онъ староста Семень съ ними раскольниками былъ вмѣстѣ въ томъ же расколѣ»¹⁾. Какъ иногда сильно и многозначительно было корыстное потворство и покровительство раскольникамъ со стороны областного начальства, особенно можно судить по жалобамъ нижегородскаго епископа Питирима, извѣстнаго поборника противъ раскола въ первой четверти XVIII вѣка. Въ то время, какъ Питиримъ ревностно подвизался въ обращеніи къ православію нижегородскихъ раскольниковъ, губернскіе управители, городскіе начальники, волостные прикащики и старосты, подкупленные раскольниками, держали сторону послѣднихъ: начали преслѣдовать самого Питирима и посылаемыхъ отъ него для увѣщанія заблуждающихся православныхъ священниковъ; запрещали ему входъ въ дома раскольниковъ, а православнымъ священникамъ возбраняли учить раскольниковъ правотѣрю. Вотъ какъ доносилъ объ этомъ епископъ Питиримъ Петру Великому: «Вашего Величества по указу и по благословенію Преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго съ прошлаго 1707 года въ Балахонскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ велѣно мнѣ богомольцу Вашему обращать и въ соединеніе ко святѣй церкви приводить раскольниковъ. И помощію Божіею по прошлой 1714 годѣ духовнаго и мірскаго чина обоихъ половъ изъ раскола обратились и пришли въ соединеніе ко святѣй церкви болѣе 2000 человекъ. А нынѣ тѣ вышеозначенные города и съ уѣзды опредѣлены правленіемъ въ нижегородскую губернію; и отъ градекихъ начальниковъ и отъ волостныхъ прикащиковъ и отъ старостъ тому обращенію стало быть препятіе и остановка крайняя, что уже къ тѣмъ раскольникамъ въ кельи и въ дома и входъ мой тѣ начальники отняли, да и священникамъ учить возбраняють, и тѣмъ вмѣсто благія помощи учинили раскольникомъ и пущее къ развращенію дерзновеніе безстрашное. Отъ чего тѣ замерзѣлые раскольщики, видя себѣ такое попусценіе, въ душепагубную свою глупую прелесть души простыхъ людей отъ согласія св. церкви отторгиваютъ непрестанно; и тѣмъ, по закоснѣлому своему безстрашію, между простымъ народомъ чинятъ великій развратъ. И такіе противники пакы множатся, которыхъ и такъ зѣло много²⁾». Послѣ этого не удивительно, что въ нижегородской епархіи въ 1719 году раскольниковъ считалось до 86,000; и въ однѣхъ Чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ, когда умноженію ихъ такъ содѣйствовало само мѣстное гражданское начальство. На поблажку раскольникамъ начальниковъ въ нижегородскомъ краю жаловался и самъ Петръ Великій. Въ именномъ указѣ, данномъ въ Октябрѣ 1718 года, читаемъ, что капитанъ поручикъ гвардіи Ржевскій, которому поручено было переписать и положить въ окладъ раскольниковъ нижегородской губерніи (Керженской, Друковской и друг. волостей), съ тѣми людьми, которые за знатными людьми жили, поступалъ слабо, чего

¹⁾ А. И. т. V, № 223.

²⁾ Исторія нижегородской іерархіи — архимандрита Макарія стр. 46—47.

ему вѣдно было беречься и дѣлать прямо по указу ¹⁾. Въ казанской губерніи раскольникамъ потворствовалъ губернаторъ Волынскій. Такъ митрополитъ казанскій Сильвестръ въ 1730 г. доноситъ Святѣйшему Синоду: «Въ прошломъ 1729 году въ казанской губернской канцеляріи симбирскаго уѣзда, вотчины князя Василія Петрова сына Хованскаго села Вехта крестьянка раскольница Ѳедосья Евдокимова дочь на допросѣ показала вѣдаетъ де она въ казанской губерніи въ разныхъ мѣстахъ со многими мужеска и женска пола людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общежителство и равновѣрство имѣла, а именно: первый въ... (въ рукописи пропущено) поповщинскій; второй въ симбирскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Терсѣ въ мѣсту; третій въ мѣсту же въ вотчинѣ Богородицкаго монастыря въ свѣяжскомъ уѣздѣ близъ деревни Харины. И живучи де въ тѣхъ скитахъ Св. Танинъ, какъ Восточная церковь по преданію св. Апостолъ и богодухновенныхъ отецъ повелѣваетъ, не пріобщалась, а причащалась де молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ по ихъ раскольническому ученію, о которыхъ ея къ церкви святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ живущихъ противностяхъ оный Волынскій не слѣдовалъ, и о всемъ заведомо умолчалъ, въ духовную команду къ намъ по указу, для подлиннаго отъ раскола направленія и вышесказанныхъ скитовъ изысканія, ту жену и прислалъ, отъ котораго его губернаторскаго поущенія и пущую раскольникамъ свободу подаетъ, на что взирая и болѣе такихъ суевѣровъ и скитовъ умножаться будетъ, понеже за ними раскольники въ скиты посылаемы не было и уничтожено все за знаемо» ²⁾. При такомъ потворствѣ раскольникамъ областныхъ правителей въ началѣ распространенія раскола, нечего и говорить, какъ успешно долженъ былъ распространяться расколъ. Разумѣется, не нужно было и преслѣдовать, притѣснять раскольниковъ, но не слѣдовало и потворствовать распространенію суевѣрія.

Весьма много также способствовало распространенію раскола корыстное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на заводахъ и ихъ управляющихъ и прикащиковъ. Раскольники, чтобы жить свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажиточные крестьяне — раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богатые раскольники охотно платили даже лишняго оброку, лишь бы имъ жить было льготно, свободно въ помѣстьяхъ ихъ господъ. Потому помѣщикамъ выгодно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и вотъ они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола. «Великій грѣхъ есть и нетерпящій молчанія духовныхъ, читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ, — что нѣции мірстїи господа, въ своихъ областяхъ вѣдая раскольниковъ, покрываютъ для мзды, имъ подаемой». И такъ дѣлали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчинники ³⁾. Господа эти, какъ сказано въ Регламентѣ, сильно не допускали священниковъ въ приходамъ тѣмъ, гдѣ были раскольники, или и посланныхъ архіерейскихъ

¹⁾ П. С. З. т. V. № 3232.

²⁾ Доношеніе Сильвестра — въ епископъ чин. въ библиот. Каз. Д. Академіи.

³⁾ П. С. З. т. VI. стр. 342.

сыскивать и обличать раскольниковъ, въ вотчинѣ ихъ пребывающихъ» ¹⁾. Пользуясь такимъ покровительствомъ помѣщиковъ, раскольники, не стѣсняясь, умножали свою общину за вѣдомо отъ своихъ помѣщиковъ, прикащиковъ, старостъ сельскихъ. Управители помѣщичьи, посадскіе бурмистры и прикащики, кажется, еще больше помѣщиковъ потворствовали раскольникамъ. Бурмистры даже были иногда предводителями раскольниковъ, а иногда и сами раскольники выбирались въ бурмистры. «Хотя по именному Его Царскаго Величества указу, Февраля 17 числа 1718 года состоявшемся, — читаемъ въ докладѣ Святѣйшаго Синода, поданномъ Царю въ 1721 году (Ноября 19), — какъ въ городѣхъ, такъ и въ селахъ, въ бурмистры и во всякія службы повсягдно исповѣдающихся, и со свидѣтельствомъ отцевъ ихъ духовныхъ, выбирать велѣно, а неисповѣдающихся запрещено; однакожъ въ нѣкоихъ мѣстахъ обывателями такое чрезъ духовниковъ свидѣтельство, до архіерейскихъ приказовъ надлежащее, и не требуется, и реэстры выбираемымъ во службу людямъ, къ такому свидѣтельству во оныя приказы не присылаютъ; отъ чего дается сумнѣніе, не употребляются ль въ оныя службы и неисповѣдающіеся; а наипаче не бывають ли и въ расколѣ подозрительные, ибо обрѣтаются въ разныхъ службахъ многіе съ бородами, что не малымъ есть къ расколу подозрѣніемъ» ²⁾. Но всего болѣе раскольники пользовались потворствомъ и содѣйствіемъ со стороны тѣхъ помѣщиковъ, которые были сами раскольники. А такихъ въ первое время распространенія раскола было не мало. Напр. въ нижегородской губерніи весьма многіе помѣщики были раскольники, и потому въ 1718 г. капитанъ-поручикъ гвардіи Ржевскій спрашивалъ у Государа, какъ поступать съ раскольниками — помѣщиками, и Государь въ своемъ именномъ указѣ повелѣлъ ему всѣхъ раскольниковъ, кто бы какого званія ни былъ, переписать и положить въ окладъ ³⁾. Промышленники также держали на своихъ заводахъ раскольниковъ. Имъ нужны были рабочіе, и вотъ они принимали всякаго рода бѣглыхъ и пришлыхъ, въ томъ числѣ и раскольниковъ. Скопище раскольниковъ на заводахъ много увеличивалось еще отъ того, что старосты и управляющіе на нихъ часто сами были раскольники. Такимъ образомъ раскольниками наполнены были особенно заводы уральскіе и сибирскіе, казенные и частные, какъ это мы уже видѣли въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

Вообще, надобно замѣтить, что все разсматриваемое нами время распространенія раскола, въ помощникахъ и покровителяхъ раскольниковъ не было недостатка во всѣхъ сословіяхъ православныхъ. «Мнози суть, — жаловался преосвященный Питиримъ нижегородскій, обращаясь съ бесѣдою къ раскольникамъ, — мнози суть, иже вами противниками прельщеніи въ дома своя васъ пріемлютъ и радоватися вамъ глаголютъ и тако всѣмъ вашимъ злымъ дѣломъ пріобщаются. Иніи же не рассуужии неточію въ

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 342.

²⁾ П. С. З. т. V, стр. 458.

³⁾ Тамъ же, № 3232.

домы своя приѣмлють и радоватися глаголють, но и укрываютъ и снабждаютъ отъ имѣній своихъ. Не диво убо сіе о онѣхъ, тако творящихъ, иже вашему злему ученію неразумнѣ вняша и послѣдуютъ: но сіе наша насъ удивляетъ. яко иже суть сынове святыя Восточныя и Великороссійскія Церкви ученію вашему злему не вникаютъ и вамъ не послѣдуютъ, но точію сквернаго ради своего прибытка помогаютъ вамъ, защищаютъ и укрываютъ васъ безумнѣ: и весьма таковы обьюродѣвши (ихъ же умны очеси ослѣпишася златомъ, серебромъ и различныхъ вещей дароношеніемъ) спомогатели безумніи сообщаются всемъ вашимъ дѣломъ злымъ ¹⁾. Многіе «всякихъ чиновъ люди, какъ видно изъ указныхъ статей о раскольникахъ, держали у себя раскольниковъ, творя къ нимъ милость, а сами прелестнаго ихъ ученія не держались, а вѣдая про нихъ не извѣщали, и видя въ нихъ раскольство и церковную противность, не понимали и не приводили, или отъ того съ нихъ имали взятки какіе, или нѣкоторые приходили про нихъ провѣдывать или приносятъ питье или яству, или приносили отъ кого какія либо писъма подсылкою, а по розыску въ томъ, что они того прелестнаго ученія не держались, очищались» ²⁾. При такомъ укрывательствѣ и потворствѣ, какимъ пользовались раскольники отъ самихъ православныхъ, очевидно, расколъ по необходимости долженъ былъ весьма усилиться и умножиться.

Говоря о корыстномъ потворствѣ раскольникамъ областного начальства и помѣщиковъ, не можемъ умолчать и о томъ, какъ часто укрывали раскольниковъ переписчики при производствѣ народныхъ переписей. Тутъ помѣщики и областные управители также участвовали. Не говоримъ уже о подворныхъ переписяхъ второй половины XVII вѣка, какъ тогда помѣщики и писцы, подкупаемые ими, утаивали при переписяхъ множество народа въ томъ числѣ и раскольниковъ ³⁾. При Петрѣ Великомъ, когда введена была правильная система переписей, ревизія душъ, долженствовавшая сообщать Правительству подробныя и точныя свѣдѣнія о числѣ и движеніи народонаселенія, и при Петрѣ Великомъ народныя переписи производились, однакожъ, въ высшей степени неисправно. Во-первыхъ, производились онѣ чрезвычайно медленно, такъ что много народу могло уклоняться отъ переписи въ самый промежутокъ времени, когда производилась перепись. Далѣе, ревизскія сказки долго не представлялись правительству. «Указныхъ сказокъ о душахъ мужескаго пола, жаловалось правительству въ 1719 году,—не токмо по первосостоявшемуся именному Его Царскаго Величества и печатными листами еще въ Генварѣ сего настоящаго года публикованному во всехъ губерніяхъ указу, но потомъ и по третямъ въ Апрѣлѣ, въ Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ посланнымъ въ подтвержденіе указамъ свѣ которыхъ, а именно въ двухъ послѣднихъ, это съ такимъ прещеніемъ объявлено, ежели вскорѣ оныя въ Санкт-петербургъ не будутъ присланы съ подъячими или особо съ тѣми, на кого

¹⁾ Пращина, л. 9, печ. 1725. Спб.

²⁾ П. С. З. т. II, стр. 650.

³⁾ См. напр. А. З. IV, № 14, 21. П. С. З. т. II, № 847, 1073, 1175 и др.

то дѣло положено, которыхъ велѣно выслать и за карауломъ, то взыскано будетъ яко на преступникахъ жестоко, по Его Царскаго Величества указу), однакожь и за такимъ прещеніемъ ни откуда присылки нѣтъ и по сіе время, кромѣ что изъ немногихъ мѣстъ присланы. и то явились больше не исправные; а въ такое великое время, котораго отъ Генваря по нынѣшній Декабрь мѣсяць прошло уже 10 мѣсяцевъ и взятіемъ, присылкою и отдачею помянутыхъ сказокъ въ Санктпетербургъ бригадиру Зотову, давно уже бы исправитися было можно каждой губерніи, заблаговременно, но того во оныхъ не сдѣлано, и толикое время отъ управителей губернскихъ упущено, оставя въ презрѣніи Царскіе указы» ¹⁾. И тѣ вѣдомости, какія на первый разъ были представлены, оказались весьма неполными, съ большими пропусками и утайкой. Именнымъ указомъ 1720 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ предписано было собрать дополнительные сказки и выслать въ Санктпетербургъ къ бригадиру Зотову къ 20 Іюля того же года, о чемъ до срока еще неоднократно было подтверждаемо: въ то же время велѣно было къ тѣмъ пополнительнымъ сказкамъ присовокупить особыя росписки о попахъ и діаконахъ. «А по поданнымъ въ сенатъ онаго бригадира Зотова доношеніямъ явилось, что тѣхъ пополнительныхъ уѣздныхъ и градскихъ сказокъ изъ многихъ городовъ и понынѣ не прислано, а именно градскихъ» ²⁾. Переписчики брали взятки, и большое число людей исключили изъ переписи. Такъ напр. читаемъ въ именномъ указѣ, объявленномъ отъ Сената Октября 16, 1720 года о розыскѣ по дѣламъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ: «понеже Его Царскаго Величества опубликованными въ народѣ въ прошломъ 1719 и въ нынѣшнемъ 1720 годахъ указами повелѣно, въ губерніяхъ и провинціяхъ брать сказки о дворцовыхъ, патриаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщичьихъ и вотчинническихъ крестьянахъ и о всѣхъ подданныхъ ихъ, которые живутъ въ деревняхъ, и о прочихъ, безъ великой утайки, съ такимъ подтвержденіемъ, что ежели отъ кого въ томъ какая утайка явится: то за тое утайку учинена будетъ прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ смертная казнь, и отнятіе всего, что утаено будетъ, а прочіе жестокіе штрафы... однакожь, не смотря на помянутыя сказанныя казни и штрафы, чрезъ нѣкоторыя доношенія явилась въ тѣхъ сказкахъ утайка» ³⁾. «Нынѣ, — сказано въ докладныхъ пунктахъ генералъ-маіора Чернышева, поданныхъ Царю въ Генварѣ 1723 года, —нынѣ при свидѣтельствѣ являются изъ гражданскихъ чиновъ такіе, которые посланы были изъ городовъ отъ воеводъ для взятія пополнительныхъ о душахъ мужескаго пола доношеній, и по согласіи въ вотчинахъ съ попами и старостами, утайку чинить велѣли сами, и за то брали взятки, въ чемъ по разспросамъ и винились» ⁴⁾. Особенно помѣщики скрывали отъ переписи многихъ своихъ крестьянъ ⁵⁾. Въ именномъ указѣ 1723 года

¹⁾ П. С. З. т. V, № 3460.

²⁾ П. С. З. т. IV, № 3707.

³⁾ П. С. З. т. VI, № 3660.

⁴⁾ Тамъ же, т. VI, №№ 4145 и 4520.

⁵⁾ — т. VII, № 4267

Ноября 5 сказано, что въ прежнихъ сказкахъ оказались «многія приписки и утаенныя души, которыя помѣщики умышленно сами таили и прибавляемъ и старостамъ своимъ велѣли утаивать, и неточію такихъ прописки и утаенныхъ и на указные сроки не объявляли, но и отъ нынѣшняго генералитета и штабъ-офицеровъ свидѣтельства укрывали» ¹⁾. Въ Нижегородской губерніи помѣщики «сказки сами сочиня, подавали, и въ тѣ сказкахъ своихъ и свойственниковъ крестьянъ таили, а подателями писали заочно, тѣхъ свойственниковъ своихъ и съ крестьянъ, а не сами се и не своихъ крестьянъ» ²⁾. Вообще, утайка душъ при переписяхъ производилась въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ указа 15 Марта 1721 года видно, что число прописныхъ превышало 20,000 душъ.—При такомъ укрывательствѣ, допускавшемся производителями народной переписи, очевидно, раскольники весьма легко могли укрываться отъ взоровъ правительства и въ тайнѣ все болѣе и болѣе умножались. И они всѣхъ болѣе подкушали переписчиковъ, чтобы совершенно выключиться изъ списка православныхъ и избѣжать подушной переписи и податей. Не даромъ переписчики, которымъ правительство поручило переписывать въ разныхъ мѣстахъ раскольниковъ, весьма долго не представляли переписныхъ вѣдомостей о раскольникахъ, или если представляли, то съ большими пропусками и утайками. Такъ напр. въ 1715 г. Петръ Великій жаловался на переписчиковъ, которымъ поручено было переписать раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и чернецовъ и черницъ: «въ прошломъ 1714 году, въ Февралѣ мѣся посланъ къ вамъ указъ, дабы раскольниковъ, какъ мужеска пола, такъ и женска, переписать, и переписавъ положить на нихъ окладъ противъ настоящаго платежа (почему купечество съ посадовъ, а крестьяне съ тяглы своихъ жеребьевъ платятъ); вдвое а которые по описи явятся вдвое а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить примѣняя къ тому жъ, а женска пола вдвое и двѣнокъ противъ онаго вполы, а ч по тому указу учинено, о томъ не пишете» ³⁾. Въ половинѣ XVIII вѣка по донесенію поручика Халкидонскаго, — «управитель стародубскихъ раскольническихъ слободъ, ассессоръ Морозовъ, находясь 8 лѣтъ въ расколическихъ слободахъ, въ ревизіи не написалъ многое множество раскольниковъ, для своего собственнаго прибытка» ⁴⁾. По причинѣ утайки строообрядцевъ при переписяхъ, много было раскольниковъ потаенныхъ, оскободенныхъ отъ платежа податей и вовсе невѣдомыхъ расколическ конторѣ ⁵⁾. Такіе раскольники, вовсе невѣдомые Правительству, въ тайнѣ распространяли свое ученіе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры противъ раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, не столько уничтожали расколъ, сколько иногда е

¹⁾ П. С. З. т. VI, № 4343.

²⁾ — № 4707.

³⁾ П. С. З. т. V, № 2996.

⁴⁾ П. С. З. т. XV, № 11,205.

⁵⁾ Тамъ же, т. VIII, № 6149, п. II.

тѣ способствовали его усиленію и распространенію. Жестокія преслѣванія и гоненія только вынуждали раскольниковъ на самоожженіе. Такъ напр. въ 1760 г. въ оренбургской губерніи, въ исетскомъ острогѣ, деревнѣ Кузиной сгорѣло ихъ 150 душъ. А почему? Предъ самоожженіемъ раскольники прямо говорили: «что де предають себя сгорѣнію въ присылаемыхъ командъ грабительства и разорѣнія, для того, что де югіе между раскольниками безвинные взяты въ Тобольскъ, и въ заключеніи претерпѣвають голодъ и мученіе, и никому де свободы нѣтъ, при которомъ де сгорѣніи собравшіеся многіе обыватели и во многихъ мѣстахъ сгорѣнію себя приведуть; а между тѣмъ де дошло извѣстіе, что изъ Тобольска паки слѣдуетъ команда не малая, человекъ до 100, и ежели де паче иная какая команда туда пришлется, то де и спору, чтобъ въ руки не тѣся, учинить не кѣмъ, ибо де крестьяне и разночинцы все стоятъ великомъ страхѣ и многіе дома учинились послѣ того сгорѣнія пустые» (проч. ¹⁾). Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подлагали раскольниковъ, и которыя только сильнѣе раздражали, озлобляли, источали ихъ, и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола,—самая злоба раскольниковъ не мало способствовала распространенію раскола. Сами же, самою началъ, какъ только открылся расколъ, Царь Алексѣй Михайловичъ «многихъ раскольниковъ послать во оземствованіе и въ темницы ючи» ²⁾. Многіе изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ извѣстно, были первыми расколотелями. Многіе раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри: здѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались, и уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили отивность горше перваго ³⁾. Въ 1683, въ 1702 году сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ Южную Россію и на Яикъ: отъ нихъ все заразились расколомъ донскіе и яицкіе казаки ⁴⁾. А ссылка раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовала распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 году Петръ Великій по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима, издалъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу ⁵⁾. По силѣ этого указа, тогда же назадъ возвращены были отправленные въ Сибирь съ капитаномъ Сверчковымъ раскольники, между которыми находился тогда «злой раскольникъ и учитель» Василій Асовъ. «И впредь, сказано было въ указѣ, раскольниковъ въ Сибирь несылать: ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много, а велите ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлають новый гавань». По той же причинѣ правительство признало неумѣстною ссылку или переселеніе въ южно-русскую Украину. «На Украинѣ при украинской линіи раскольниковъ

¹⁾ П. С. З. т. XV, № 11,277.

²⁾ Предислов. къ увѣщ. дух. л. 360 об.

³⁾ А. П. т. IV, № 284.

⁴⁾ Чтен. моск. общ. истор. кн. 4, стр. 81.

⁵⁾ П. С. З. т. VI, № 4109.

селить не разсуждается, --- сказано въ Высочайше утвержденномъ докл Сената (1737), — для того, что около тѣхъ мѣстъ находятся казаки ; скихъ городковъ. изъ которыхъ многіе склонны къ расколу. отъ ' опасно, дабы тѣ вновь поселившіеся раскольники не могли тыхъ казаковъ паче въ расколъ привести, или и за границу перейти. сему явной примъ что многіе изъ раскола великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу. живутъ тамъ и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» ¹⁾

Земство и раскол¹⁾

I

Земская рознь великорусских областных общинъ, въ смутное время, по согласію всѣхъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, кончилась общимъ рѣшеніемъ ихъ — *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*; кончилась, слѣдовательно, земско-областной федераціей. Результатомъ федераціи областей и взаимнаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ былъ *сборъ всей земли, сходъ всѣхъ городовъ* подь Москву. Вънцомъ, результатомъ общаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, схода всѣхъ городовъ, сбора всей земли подь Москву, былъ *совѣтъ всей земли, земскій соборъ* 1613 года. На этомъ соборѣ избранъ былъ царь *всею землею, по записи, какова уложена была по совѣту всей земли*. «И возрадовались — по словамъ государственной книги о земскомъ соборѣ 1613 года — и возрадовались всякихъ чиновъ люди московскаго государства, и выборные, и не выборные, всѣ земскіе люди, отъ мала до велика, что у всѣхъ Богъ вложилъ въ сердца одну мысль».

Къ прискорбію народному, недолго продолжалась эта радость земская. Черезъ пять лѣтъ обнаружилась *скорбь конечная*. Общинно-областной челобитный голосъ народный скоро дошелъ до слуха новоизбраннаго царя и побудилъ его, въ 1619 году, созвать соборъ для обсужденія различныхъ *вопросовъ о земскомъ устройствѣ и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государствѣ многія статьи поправить къ покою и къ строенію людямъ*. На этомъ соборѣ самъ царь изобразилъ печальное состояніе народа въ такомъ видѣ: «Судьбами божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло; а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренія посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ, за иными легко, а за другими, по недружбѣ, тяжело. И отъ того всякимъ людямъ московскаго государства скорбь конечная... Изъ нѣкоторыхъ заукрайныхъ городовъ

¹⁾ Напечатано отдѣльною брошюрой подь такимъ же заглавіемъ. Спб. 1862, in-16, стр. 162. Цензурное дозволеніе отъ 10 октября 1862 г.

посадскіе и всякіе люди быють челомъ о льготѣ; а иные многіе ли быють челомъ на боярь и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать велѣть отъ сильныхъ людей оборони. Такимъ образомъ, тяглые земскіе люди, на первой же порѣ, послѣ изнѣя царя, почувствовали скорбь и тяготу отъ тягла *государевой казны*, злоупотребленій государевыхъ чиновниковъ, писцовъ и дозорщиковъ, насилія боярь. На первой же порѣ они подали и голосъ свой объ этѣ Мошь, энергія юной, кипучей, свободной жизни народа не терпѣла влія, произвола и сдержки. А избраніе царя волей народа, всею землею записи совѣта всей земли, жизненная народная потребность новаго диненно-областнаго *земскаго строенія*, на свободныхъ, излюбленныхъ мимъ народомъ началахъ любви, совѣта и соединенія, естественнаго народною требуемое и выработанное, право на мѣстные земскіе совѣты и на общіе земскіе соборы, наконецъ изстаринное, жизненное родное право общинно-областной земской челобитной гласности пед правительствомъ — все это, естественно, неотъемлемо уполномочи областныя общины смѣло вопіять къ избранному народомъ царю, пестовать противъ произвола, насилія и стѣсненій; представлять различныя интересы и потребности мѣстной областной жизни; сообщать мѣстныя, жизненно-народныя матеріалы для законодательства; подавать мѣстно-областные совѣты общему земскому совѣту и царю; требовать живые, свободные, прямые вопросы жизни прямыхъ, свободныхъ, живыхъ отвѣтовъ царя, правительства.

И вотъ, областныя общины, втеченіи всего XVII столѣтія, неумолчно и смѣло вопіали къ царю въ своихъ общинныхъ, земскихъ челобитныхъ. Смѣло и неумолчно высказывали онѣ все разнообразныя, земско-областные неурядицы, разладицы свободы земства съ приказнымъ произволомъ, свободы земскихъ *животовъ и промысловъ съ запросами и прибылью государственной казны*, льготы съ тягломъ, свободы торговли съ таможенными рамни и заставами, и проч. Все великорусскія областныя общины по старинному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной общинной гласности и требовательности, смѣло и откровенно высказывали въ своихъ земскихъ, общинныхъ челобитныхъ все неудовольствія, сдѣланія, протестаціи, нужды и просьбы, сообщали правительству мѣстные, жизненные матеріалы для земскаго строенія. По временамъ, голосъ ства смѣло раздавался и на земскихъ соборахъ.

При обилии и разнообразіи вопросовъ новаго соединенно-областного земскаго строенія, и самыя земско-областные челобитныя были п безчисленны и повсемѣстны, и вопросы, ими поднимаемые, чрезвычайны разнообразны, какъ разнообразны были мѣстныя особенности и интег областныхъ общинъ. Повсюду, въ областяхъ, волостные и городскіе люди тогда еще жившіе земско-общинною жизнью, по изстаринной колоніальной связи, по нераздѣльности и свободной выборности городского сѣльского поселенія и промысла, по общинности и тождественности бы интересовъ — повсюду, говоримъ, въ областяхъ, городскіе и волостныя люди, посадскіе и крестьяне, вмѣстѣ сходились на земскіе совѣты

рода. Здѣсь они составляли общинно-областные челобитныя, выбирали излюбленных, довѣренных ходяковъ *во всякъ мѣсто*, и посылали ихъ съ челобитными въ Москву, къ царю. Акты XVII вѣка наполнены этими общинно-областными челобитными, такъ же, какъ ими наполнены были московскіе приказы, и въ особенности, нарочно для того устроенный въ XVII вѣкѣ *Челобитный Приказъ*. И сколько въ этихъ земскихъ челобитныхъ высказалось энергіи народной жизни, смѣлой протестаціи и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконецъ, практической способности областныхъ общинъ къ представительству своихъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, къ подачѣ практическихъ, жизненныхъ совѣтовъ правительству въ дѣлѣ земскаго устроенія. Вотъ, напримеръ, ямскіе охотники, поселившіеся отъ Перми до Верхотурья, для управленія государственной ямской гоньбы, для перевозки припасовъ, балонистовъ и приказныхъ людей въ Сибирь, безпрестанно шлютъ къ царю челобитныя *во всякъ мѣсто*. Они сильно протестуютъ противъ неправильнаго распредѣленія ямовъ, пространства ямскихъ разгоновъ, противъ несообразности ихъ съ мѣстными топографическими условіями, откровенно выставляютъ правительству на видъ его несообразительность съ мѣстными областными условіями и даже совершенное незнаніе этихъ мѣстныхъ особенностей; раскрываютъ правительству, какъ лучше, удобнѣе, сообразнѣе съ мѣстностью устроить отправленіе ямской гоньбы; чрезвычайно изобразительно описываютъ несправность, неудобства дорогъ и мостовъ, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для нихъ ямской гоньбы, вопіютъ, что она «не въ мочь имъ и ихъ лошадямъ, которыя на дорогахъ издыхаютъ», что, просто, имъ остается только *брести врознь*. Вотъ, земскіе люди древней вольной новгородской колоніи, земли ямской, шлютъ въ Москву съ земско-областной челобитной мирскихъ посильщиковъ «*во всякъ важанъ* — шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети — *крестьянъ мѣсто*». Жалуются, протестуютъ они противъ того, что царскіе приказчики и ихъ тѣны завели у нихъ на Вагѣ некогда небывалую прежде пошлину, не даютъ имъ свободно ѣздить въ Холмогоры съ хлѣбомъ, сермяжными сукнами, съ овчинными и съ масломъ, и навадь не даютъ свободнаго проѣзда съ солью, — берутъ съ нихъ, съ сѣбѣ, съ скотины и со всякъ товаровъ пошлину на Вагѣ, во всякъ четвертяхъ и по волостямъ, и оттого-де у нихъ и промыслы стали; никто, чѣмъ, ни откуда, ни съ какими товарами къ нимъ не ѣдетъ, и имъ остается только *всѣмъ брести врознь*. А тамъ, другія областныя общины шлютъ къ царю челобитныя на воеводъ и приказныхъ людей, прямо протестуютъ противъ приказнаго управленія, во имя земскаго самоуправленія и самосуда. Они, сожалья о старинномъ правѣ излюбленнаго самоуправления, требуя возстановить его, пишутъ царю, что у нихъ, въ областяхъ, по московскаго разоренья, приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мирскіе выборные судьи, и жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ стали у нихъ быть приказные люди, имъ отъ тѣхъ приказчиковъ причиняются больше налоги, убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи страшныя — и тѣ тѣхъ посуловъ, налоговъ и насильствъ отъ приказныхъ людей они.

посадскіе и крестьяне, оскудѣли, не имѣютъ чѣмъ платить царскихъ податей и *хотятъ брести врознь*. Областные общины готовы были ежегодно платить казнѣ откупу отъ приказныхъ властей рублей по 1,000 и болѣе, только требовали, чтобъ царь освободилъ ихъ отъ приказнаго начальства и предоставилъ имъ право избраннаго мірскаго выборнаго самоуправления и самосуда. А вотъ еще областныя общины шлютъ челобитныя царю, протестуютъ противъ приказно-правительственной писцовой отписки или приписки одной мѣстной общины къ другой, для совокупнаго отпущенія государственныхъ податей и повинностей, требуютъ земской территории и мірскаго, общиннаго особности и самораспорядительнаго мірскими розмѣтами и розрубамъ; выставляютъ правительству на видъ мѣстную географическую несообразность, неестественность, неудобство писцовой отписки или приписки; жалуются, что такая насильственная отписка или отпись нарушала извѣстный, естественно-историческій законно-народный колонизаціонный строй областной общины, и т. п. безчисленное множество подобныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ оглашало слухъ царя въ XVII вѣкѣ. Всего же чаще, общинныя областныя челобитныя были протестаціей земства противъ воеводъ и другихъ приказныхъ властей, и воплемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ и нуждъ противъ централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ земскія общины, и въ концѣ каждой своей челобитной, какъ-бы страдая государя, прибавляли: «и оттого и скіе люди обнищали и оскудѣли до конца, долги свои бросаютъ и бреду врознь».

Вопія разнообразными областными челобитными, земскія общины, временамъ, — какъ мы сказали, — выражали свои протестаціи и требованія на земскихъ соборахъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 года, выборные общинники громко, сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построившихъ на счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень «палаты каменные такія, и неудобъ сказасмыя»; вопіяли противъ *лежачей домовой казны* патриарховъ, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей; вопіяли противъ царскихъ дьяковъ, приказчиковъ, разбогатѣвшихъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, съ жалованныхъ вотчинъ, отъ приказныхъ службъ, отъ разныхъ поборокъ съ народа; вопіяли противъ всѣхъ привилегированныхъ чиновъ, разбогатѣвшихъ и *отяжѣлавшихъ* отъ богатства, на счетъ жалованныхъ имъ земель и крестьянскихъ деревень. Вопіяли общинно-областные выборные на земскомъ соборѣ противъ всѣхъ этихъ жалованныхъ привилегированныхъ властей и чиновъ, и требовали, чтобы и на нихъ на всѣхъ наложили государственные сборы, наравнѣ съ тяглымъ земствомъ. Далѣе земскіе выборные вопіяли на соборѣ и противъ безпрестанныхъ и разныхъ приказныхъ службъ городовыхъ, отвлекавшихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ торговъ и промысловъ; вопіяли противъ разныхъ обременительныхъ сборовъ и повинностей, противъ разныхъ казенныхъ работъ и дѣлъ, и почти отказывались отъ новыхъ ратныхъ сборовъ; вопіяли противъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣстѣ народныхъ податей

и сборовъ, и требовали мѣстнаго контроля надъ казной выборными отъ тяглыхъ земскихъ людей.

Наконецъ, особенно сильно вопіяли на соборѣ гости всѣхъ сотенъ и торговые люди всѣхъ городовъ противъ воеводскаго управленія въ городахъ, противъ ихъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла торговли и промысловъ; прямо говорили царю: «а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли». Протестуя противъ воеводъ, выборные отъ городовъ напоминали царю про свое прежнее городское право самоуправления и самосуда, говорили: «а при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судились сами промежь себя, а воеводъ въ городахъ не было». Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ на земскомъ соборѣ тяглые земскіе люди, и въ заключеніе своихъ рѣчей, опять говорили вслухъ царя: «и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ служебъ и сборовъ всякіе тяглые люди *оскудѣли и обнищали до конца, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди разбѣглись разнѣ, и дворянники свои бросаютъ*. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка, бѣглыхъ, гулящихъ людей, избылыхъ отъ тягла, бродившихъ врознь, обнищавшихъ, оскудѣлыхъ до конца въ великорусской землѣ стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о ссыль бѣглыхъ*, также какъ ими наполнены были и Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Разбойный.

На земскомъ соборѣ 1648 года выборные отъ областныхъ общинъ еще разъ подали царю земскую челобитную. Въ челобитной этой они сильно протестовали противъ экономическаго неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономическихъ правъ для всего земства; требовали, чтобъ «всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготѣхъ *внѣсть равно съ тяглыми черными общинами, — чтобъ во всемъ народѣ мятѣжа и розни не было*.

На вопль земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ, на голосъ земскихъ соборовъ вторили тоже и частные люди, помышлявшіе о земскомъ устроеніи, о недостаткахъ и потребностяхъ земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Такъ напр., въ *Словѣ о правдѣ*, приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «Если царь нашъ вѣроу правъ, то онъ долженъ нелѣпно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пецись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы: отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всякой благи*. Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена: то даютъ денежныя оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ

царскаго указа и себѣ много собирають съ земледѣльцевъ; также и которые посылаются для прокорма коней; *на ямскіе расклады много съезжаются*. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, когда царскіе землеѣры-писаря ѣздятъ по своему землеѣрному дѣлу, *отнимая царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю яри* и отъ того много медятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О *этихъ* царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямскій порядокъ* должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города *и тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богаты и имъ должно носить этотъ яръ между всеми городами: ибо владѣть большими прибытками. Кроме же этого яра, никакимъ другимъ лицамъ не подвергаются, но пусть во всехъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится или уменьшится, сборы сократятся и взятокъ не будетъ»*¹⁾. Извѣстно такъ въ какомъ поучительномъ видѣ изобразилъ состояніе Московскаго сударства Котошихинъ. Извѣстно, равнымъ образомъ, и замѣчательное политико-экономическое сочиненіе «О Московскомъ государствѣ» Крыжанича, въ которомъ онъ подробно изобразилъ недостатки и полноту всего земства — торговцевъ, посадскихъ и крестьянъ; смѣло и рѣшительно, между прочимъ, о *поправленіи тиранства и злаго владѣнія*; указывающа средства для этого въ политической свободѣ, или, какъ онъ выражается *въ слободинахъ*, то-есть въ льготныхъ и вольностяхъ народныхъ; сильно нападаетъ на *лакомость или людодерство приказнаго начальства, жившаго по его словамъ, — отъ продаванія правды*, и проч.

И дѣйствительно, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ 17 вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Московская центрація начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, вмѣсто прежняго выборнаго самоуправления и самосуда. Вольнонародная колонизация и свободное самоуправство городскихъ и сельскихъ общинъ окончателъно замѣнились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ, указнымъ устройствомъ городовъ, остроговъ, и т. п.* Равноправное, свободное экономическое развитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ единеніемъ земства на тяглыя и льготныя общины; неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и частныхъ лицъ порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ: порождя множество *опустѣвшихъ, обнищавшихъ, оскудѣвшихъ до конца людей* рядъ съ *отяжелѣвшими* отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государственныхъ казны; доходы народные стягивались тягломъ, податями, или тягломъ и разными сборами въ государственную казну. Сильно развивалась монополия казны, напр. въ кабацкихъ откупахъ, во многихъ промыслахъ, особѣ

¹⁾ Та же цитата приведена въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви“ В. С—ва.

сибирскихъ и поморскихъ. Господствующимъ мотивомъ, принципомъ казны въ распоряженіи земскими доходами стало правило: *какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе*. Истязательность, запросливость казны доходила до такого воззванія къ земскимъ людямъ: «хотя нынѣ промысловъ своихъ имѣйте, да дайте денегъ казнѣ». Народъ, недовольный кабацкими откупными и сборами въ пользу казны, переставалъ иногда пить царское вино, какъ что кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацкихъ сборовъ, доносили царю: «а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ итуховъ мало»; а царь строго упрекалъ воеводъ за недостатокъ кабацкихъ юровъ въ такомъ, напримѣръ, тонѣ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало». Началось, дальше, сословно-записная, или сословно-разъединительная систематизация и разсортировка земства. Вольныя народоправныя *черныя волости*, къ концу XVII вѣка, окончательно раздѣлены были на классы крестьянъ — помѣщичьихъ, казенныхъ и дворовыхъ. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое раздѣленіе; различіе между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городскимъ торгово-ремесленнымъ и сельскимъ земледѣльческимъ трудомъ. Крестьяне окончательно прикрѣплялись къ сельской государевой и помѣщичьей землѣ, посадскіе — къ посадской, городской землѣ. Крестьянамъ запрещалось имѣть осѣдлость въ городахъ, на посадахъ, устраивать, покупать и нанимать лавки въ рядахъ, и позволялось только *наѣздомъ* продавать свои товары, съ возовъ и струговъ, на гостининомъ дворѣ. Крестьянъ, свободно, самовольно селившихся въ городѣ, на посадѣ, для промысла или торга, велѣно *свозить* въ деревни; посадскихъ, свободно, самохотно селившихся въ селахъ и деревняхъ, велѣно *свозить на посадки*, кто гдѣ жилъ. Вмѣстѣ съ начаткомъ постоянного, регулярнаго войска, начало организоваться и военное сословіе, солдатство. Вслѣдствіе признанія преступленіемъ прежняго свободного поставленія въ попы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ, вслѣдствіе строгихъ указовъ о ставленникахъ и «записныхъ книгъ новоставленнымъ попамъ и дьяконамъ» совершалось сословное прикрѣпленіе духовенства къ церкви, систематическое отдѣленіе, обособленіе его отъ земства, какъ особой сословной касты. Вслѣдствіе раздѣленія земскаго и церковнаго элемента духовенство теряло нравственную силу и вліяніе на земство, нравственно падало; земство отдѣлялось, обособлялось отъ духовенства, предавалось больше умственному и религіозному вліянію своихъ *народныхъ грамотниковъ*, чѣмъ попамъ ¹⁾ и монахамъ. Наконецъ, образовалось особое сословіе служилого и приказнаго городского дворянства. Бояре, дѣти боярскіе и приказные люди въ приказныхъ службахъ и въ помѣстьяхъ владычествовали надъ народомъ, обогащались на счетъ народа; боярство стремилось пріобрѣсти перевѣсъ надъ земствомъ. Московскіе знатные бояре дѣлались временщиками при дворѣ царя. «Царь молодой —

¹⁾ Срв. въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви“ замѣчаніе объ упадкѣ нравственнаго вліянія духовенства XVIII вѣка. В. С.-в.

говорили тогда нѣкоторые земскіе люди — смотрѣть все изъ рта бояр Морозова и Милославскаго». Такимъ образомъ, *земское устройство къ намъ людямъ*, обѣщанное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на соборѣ 1619 год не ладилось, или ладилось большею частью не въ духѣ земства. Произшло даже раздѣленіе между *государевыми, царственными* и *народными, земскими дѣлами*, — раздѣленіе официальное, высказанное самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этотъ царь не далъ и той записи, какова учине была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; по словамъ Котошихина, «государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писал *самодержцемъ*; въ его волѣ, чего хотѣлъ, то и могъ сдѣлать». Изда «Уложеніе», онъ дозволилъ выборнымъ земскимъ, въ числѣ 315 человекъ только выслушать его, да подписать. Въ «Уложеніи» (скажемъ слова графа Завадовскаго) написаны были законы не для свободныхъ гражданъ а для рабовъ; кнутъ, избранное орудіе во исправленіе судей и тяжущихъ и ко извлеченію по дѣламъ истины, полагаемъ, былъ дѣйствительнымъ принадлежностью суда. Для поддержанія суевѣрія установлены тамъ нелѣшъ предписанія, и для праздныхъ людей и обитающихъ въ печальныхъ изувѣства убожищахъ, узаконены за учиненную ими самомалѣйшую обиду перчасто приводившія въ нищету немущихъ и обогатившія отрেকшихся «міра». Неудивительно послѣ этого, что до 160-ти человекъ протестовала противъ «Уложенія» и заточены были въ Соловецкій монастырь.

Вмѣсто *земскаго строенія*, въ духѣ народномъ, по волѣ, по общине областнымъ, земскимъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ *всякія дѣла, великія и малыя* — по словамъ Котошихина, — *по своимъ мысли учинялъ, какъ хотѣлъ*; первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ — московскихъ государей, сталъ вводить, какъ тогда говорил *иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины и новыя, нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодѣвъ, прикималъ и честію вели почиталъ*. Это учиненіе по мысли и волѣ царя Алексѣя Михайловича, безовѣта съ *земскими душными людьми*, вопреки естественно-историческимъ жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ *земскаго строенія*, — э учиненіе чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, силы возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно-иностранцевъ, европейцевъ; напротивъ, гости, торговые русскіе люди сами ѣздили въ XVII вѣкѣ за границу, въ Голландію и Англію; немного спустя, да между расколо-учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшіе *лутскую въру*, французскій и нѣмецкій языки. Но русскіе земскіе люди возмущались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенія*, не *сочнявшагося отвѣченно*, а создававшася жизнью всего народа, цѣлаго *земства*, своеобразно развивавшагося изъ духа народнаго. Вотъ почему, по словамъ одного хронографа, — въ 1665 г. къ царю Алексѣю Михайловичу приходилъ какой-то *мужъ мудрый* и совѣтовалъ ему «не вводить, и учинять въ гражданствѣ иноземскіе обычаи, чины и суды иночиновны». «Что будетъ въ гражданствѣ?» спросилъ его царь. «Въ гражданствѣ, отвѣчалъ *мужъ мудрый*: — будутъ тайныя похищенія скипетровъ людей вельможныхъ будетъ постигать какъ естественная, такъ и напрасная смер

Затѣмъ послѣдуютъ великія молвы, смущенія и различныя постановленія *уряду* городского, послѣдуютъ ненавистныя, въ поношеніе и укоризну учиненныя, законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія. А изъ-за этого, будутъ великія скопища, сходы многонародные чувствительные. Богъ да избавитъ, чтобъ не выскочило оттуда какое-нибудь зло определенное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца! Подданные возстанутъ противъ правителей за то, что сердца ихъ сильно опечалены и тоскою наполнены. Хотя нѣкоторые вельможи и помыслятъ объ упокоеніи уставительномъ, и всяку жилу натянуть, чѣмъ бы колеблемый народъ могъ успокоиться, но мало помогутъ. Притомъ, будутъ сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно возсвирѣпѣютъ, погибнутъ».

Наконецъ, въ добавокъ къ общимъ мотивамъ недовольства, простой народъ отягощенъ и раздраженъ былъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, повышеніемъ акцизной пошлины на самую жизненную потребность — на соль. Безсовѣстные чиновники, въ родѣ главнаго судьи въ Земскомъ приказѣ, Плещеева, и управляющаго Пушкарскимъ приказомъ, Траханиотова, страшно обижали и притѣсняли простой народъ до крайняго разоренья. Бояре задерживали народныя челобитныя. Въ приказахъ судныхъ не было правосудія, а къ царю простой народъ не допускали.

Все это вызывало громкій челобитный вопль земства, а за воплемъ — недовольство, раздраженіе и возстанія. Вопіяли, вопіяли, такимъ образомъ, земскіе люди и на земскихъ соборахъ, и въ общинно-областныхъ, земскихъ, и въ частныхъ челобитныхъ. Не услышали они жалованнаго слова; не получили успокоительнаго отвѣта на свои челобитныя; не получили правительнаго, цѣльнаго и прочнаго земскаго стросенья. И вотъ, вслѣдствіе разединенія, раздѣленія *государева и земскаго дѣла*, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья, — въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII-го столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинялись противны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали...» А тамъ, далѣе, ужъ глухо слышалось страшное слово: «Антихристъ!»

Взбунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди *всю землю*. «1648 года мѣсяца мая въ 25-й день — сказано въ дворцовыхъ разрядахъ, — грѣхъ ради нашихъ учинилося междоусобство отъ земскихъ людей: просили у государя Земскаго приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенію отдать, и они междоусобствомъ учинялись быть въ непослушаньи, а Леонтья Плещеева убили, и Посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили, и дома ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе дома, и стольниковъ, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая въ 26-й день учинилась большая смута, и учали *всю землю* просить у государя убить окольного Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велѣлъ государь имъ отдать, и они на пло-

щади Петра казнили.» Разъяренный народъ останавливалъ самого государя на поѣздѣ, схватывалъ за узду его лошадь, держалъ царя за пуговицы, и кричалъ: «На кого же намъ надѣяться, какъ не на тебя, царь!» Отъ разъяренности массы, — по словамъ Котошихина, — «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидѣли въ хоромѣхъ въ великомъ страху и боязни».

Вслѣдъ за московскимъ бунтомъ — бунтъ коломенскій, бунтъ въ Псковской землѣ, бунтъ въ Новгородской землѣ, бунтъ въ Устюгѣ, бунтъ въ Сольвычегодскѣ... Словомъ, *миръ весь закачался*, — какъ говорили тогда одинъ изъ бунтовщиковъ. Бунты произошли во многихъ городахъ. По словамъ одного акта, «учинилась на Москвѣ и по городамъ брань междоусобная, и донынѣ по городамъ мятежь».

По географической раздѣльности областей, по разрозненности мѣстовъ, разрозненные мѣстные бунты не могли объединиться въ одну общую оппозицію недовольнаго земства. Потому они скоро, одинъ за другимъ, были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

Въ это время, въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ, возникаетъ первый толкъ, первое согласье *раскола*.

Никто тогда не думалъ, не гадалъ, что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя — церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія всѣхъ бывшихъ дотошъ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее оппозиціонное согласіе недовольнаго земства, для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ, челобитныхъ воплѣй, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестанцій и вѣрованій массы народной въ одну оппозиціонную *общинно-согласную*, церковно- и гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частные толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напримѣръ, Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя *великорусскія* мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе — *иноземное, нѣмецкое учиненье, нѣмецкіе обычаи и чины*. Но никто тогда не зналъ, что съ тѣхъ поръ, со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича расколъ будетъ вѣковымъ отрицаньемъ греко-восточной, *никоніанской* церкви и государства, или имперіи Всероссийской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія *государева* и *земскаго дѣла*, расколъ возьметъ на себя *земское дѣло* продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо *государева дѣла*, великорусское земское строенье новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ *своенороднымъ* началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

А изъ малаго зерна началось развитіе раскола. Сначала небольшое согласье *великорусскихъ, московскихъ* протопоповъ и поповъ возбудило *клерикально-іерархическое, поповщинское* движеніе противъ *греко-нѣвскаго испра-*

иленія старыхъ великорусскихъ церковныхъ книгъ и противъ суроваго, строгаго патріаршества Никона. Многіе попы, дьяконы, дьячки, особенно такъ называемые *тяглые*, съ радостью приняли новое *поповщинское* ученіе.

Вопросъ о старыхъ церковныхъ книгахъ, по которымъ народъ издревле учился грамотѣ въ своихъ земскихъ училищахъ, которыя предки завѣщевали дѣтямъ, скоро сталъ вопросомъ народнымъ, земскимъ. Это тѣмъ скорѣе, что изстари вопросы и дѣла церковныя на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областные общины, какъ, напримѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, по *мірскому уложенію*, сами собою устанавливали для себя религіозныя *заповѣди*, узаконенія; новгородско-поморскія общины, вмѣстѣ съ псковскою, особенно отличались этимъ общиннымъ земскимъ внимательствомъ въ церковныя дѣла. На этомъ основаніи, и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ. И тѣмъ болѣе онъ получилъ земское значеніе, что расколъ скоро представить передъ народомъ царя Алексѣя Михайловича—Антихристомъ; отвергъ «Уложеніе», по многимъ узаконеніямъ тяжкое для земства, и сталъ за изстаринныя великорусскіе земскіе обычаи противъ иноземскихъ, нѣмецкихъ нововведеній. При томъ же, одинъ изъ сильныхъ расколочающихъ, духовникъ царя, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, — какъ мы видѣли, — заступался за массу земства, за крестьянъ, защищалъ ихъ отъ вельможей, бояръ, писцовъ, ямскихъ сборовъ и расходовъ.

Проникнувъ въ массу земства, вопросъ, поднятый расколомъ, глубоко затронулъ грамотниковъ народныхъ. Начались *толки* грамотниковъ и стали появляться разные *толки* раскола, комбинируясь, обобщаясь въ согласья. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь простой народъ: слушали земскіе люди, гости, купецкіе и посадскіе люди, крестьяне, стрѣльцы, казаки, и обращались въ согласья раскола. И сталъ расколъ, такимъ образомъ, *ученьемъ, толкомъ, согласьемъ* земскимъ, народнымъ, жизнью и исторіей массы народной. *Старина* религіозная и мірская, гражданская, была основой этого ученья.

Изъ Москвы, изъ столицы древняго *московскаго государства, царства*, расколъ быстро распространился по всемъ великорусскимъ областямъ и сталъ принимать *областное* направленіе и устройство. Онъ сталъ осѣдаться, устанавливаться, путемъ новой колонизаціи пустынныхъ мѣстъ, *лѣсовъ*—въ новые областные скиты, общины *поморскія: стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія, саратовскія*, и т. д. по изстаринному обычаю, называя московскую раскольниковую общину *Москвою*. Главнымъ центромъ и исходнымъ пунктомъ децентрализаціи, областности, мѣстнаго земско-общиннаго, религіознаго и гражданскаго саморазвитія раскола, была *Поморская область*—древняя колонія вольнаго Великаго-Новгорода, боярскихъ фамилій, боровшихся съ Москвою за областную свободу, колонія вольныхъ казаковъ и бобылей, средоточіе народоправныхъ *черныхъ волостей*. Въ ней возникло демократическое ученье — *не молиться ни московскаго государя-царя*. Въ поэзіи поморскаго раскола изображается борьба Поморья съ Москвою.

Изъ московской клирикально-іерархической *поповщины*, проникну въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись, помимъ поповъ, *безъ поповъ*, толкомъ грамотниковъ народныхъ, расколъ скоро сталъ *безпоповщиной*. И это направленіе онъ выразилъ опять прежде всего тамъ же, на сѣверѣ, въ Новгородско-поморской области, гдѣ давно стали являться безпоповщинскія ученія; гдѣ земскіе люди изстари привыкли жи *безъ поповъ*, ограничиваясь мірскою *часовенною* религіозностью: почему писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы попусты*. Притомъ, поморскія черныя волости изстари имѣли псковско-и городскую привычку къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, и кромѣ того, съ XVI-го вѣка находились подъ вліяніе протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшись великорусскимъ народнымъ ученіемъ, расколъ сталъ отрицаніемъ *грецизма*, или того, что называется *византизмомъ*. Это потому, что XV-го вѣка, со времени паденія Византіи, въ Великороссіи стали невидѣть, гнать грековъ. Извѣстна печальная участь ученыхъ грековъ, начиная отъ Максима Грека и до Арсенія Грека, противъ котораго московскіе расколоначальники особенно вооружились, такъ же, какъ и противъ *ма-россійскихъ* кіевскихъ ученыхъ, такъ что въ имени Арсенія Грека, вмѣстѣ сѣ именами Никона и царя Алексѣя Михайловича, находили число анхристово—666. По словамъ одного раскольникяго сочиненія, про грековъ въ половинѣ XVII-го вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою говорилъ, что имъ же нужно учиться у русскихъ, а не учить русскихъ.

Съ того момента, какъ расколъ сталъ толкомъ, ученіемъ массы родной, во всѣхъ классахъ ея появились расколоучители. Богатые госкупечкіе и посадскіе люди, не только сами распространяли расколъ, но своими капиталами поддерживали, усиливали и устроивали раскольные общины, согласья. Таковъ, напримѣръ, былъ великолукій купецъ Иванъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгородскаго протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по Новгородскому краю, купецъ этотъ,—по словамъ Денисова,—«всебогатый, преизобильный плодъ усугубилъ не въ тридцать токмо и шестьдесятъ, но и во сто и зябаемый, яко и во градѣ, и въ селахъ, и въ весяхъ, и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ нетѣпостно слово простираше. Откуда убо и богато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древне-православномъ стояти благочестіи! Колики научи новопредаанныхъ блжстися догма. И не прости токмо люди, но и честныя и благородныя персоны, и фамильныя и славныя лица въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быхъ. Таковъ точно былъ новгородскій купецъ Лаврентій, «иже—по слову Денисова—харчевыми припасами куплю дѣяше: аще и неучень быше кгамъ, но книги въ дому имѣа, отовсюду собираше челоуѣки на книженіе и спасительныя о словесѣхъ божіихъ бесѣды». Таковъ же былъ Олонѣцъ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, «имѣніемъ—по слову Денисова—изобильный и многихъ утвердившій въ благочестіи, отъ слава о ревности онаго происходаше». И множество, во всѣхъ городахъ явилось подобныхъ купеческихъ и посадскихъ людей-расколоучителей.

рестьяне, въ родѣ восхваляемыхъ Андреемъ Денисовымъ, Василѣя лна, изъ села Крестенскаго, Евсевія Простаго, каргопольскаго Леонтья ихъ, также «свободнымъ языкомъ похваляли древнюю вѣру, аще въ сѣ, аще на торжищахъ, во градѣ, въ селахъ, или гдѣ случалось, изглагольствовали, и прочихъ сосѣдовъ и окрестножителѣй всежелати братолюбно, доброревностно научали новинъ и Никоновыхъ новиій весьма отбѣгать».

шло до сельскихъ грамотниковъ сильно распространившееся тогда «яко бы по тысячѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣрѣ глагола по 600 лѣтѣхъ Малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и я Русь превратися въ разныя нечестія и пестроты многи; послѣдупленіе третіяго Рима при Никонѣ подвижеся». И вотъ сельскіе, инскіе грамотники по своему взяли это мнѣніе въ толкъ, будто отпадала триста лѣтъ и, наконецъ, въ ихъ время, отпала». И стали мыслить свою, новую, русскую *крестьянскую* вѣру, такъ какъ и ая вѣра прежде въ актахъ часто называлась *крестьянскою вѣрою*. анства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ яхъ, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли. что они,—по словамъ исковскаго архіепископа Маркелла,—какъ зѣло простые», отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились именамъ: Христосъ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и осили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнью, «елико о умѣюще». Притомъ, самая большая часть великорусскаго народа е что иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, ювина крестьянскаго населенія еще менѣ могла познакомиться съ нствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ. По этимъ амъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ при вопросахъ на судѣ прямо лись: «прямаго-де христіанскаго ученія, какъ проповѣдуетъ восточрковъ, и отъ рожденія своего они не слыхали». И вотъ, зная только иста, да слыша изъ апокрифическихъ народныхъ сказаній, будто сь иногда ходитъ по землѣ, является людямъ даже на поляхъ. рые крестьяне стали искать Христа, чтобъ онъ показалъ имъ себя

Сила вѣра много лѣтъ
И стала вѣра отпадать
И отпадала триста лѣтъ.
И изъ тѣхъ людей—были люди умные,
И, соединясь между собою тѣсно,
Послали людей на святое мѣсто.
И пришли тѣ люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога съ неба на землю:
„Господи, Господи, явиися намъ.
Въ крестѣ или въ образѣ
Было бъ чему намъ молиться и вѣрити“.
И бысть имъ гласъ изъ-за облака:
„Послушайте, вѣрные мои:
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю.“

Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее.
 Буду я по плоти человекъ, а по духу Богъ.
 Приму я распятый крестъ,
 Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя.
 Пролью слезы горючія.
 Станете ли ко мнѣ въ темницы приходить.
 И узы съ меня снимать.
 Десятую денежку подавать?¹

И вотъ, какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы *разъигрывался* игрой въ самозванцы-цари, такъ точно, простой крестьянинъ Владимірска губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѣевъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически назва себя Господомъ-Христомъ. И съ тѣхъ поръ самозванцевъ-Христовъ явилось нѣсколько.

Сосетъ Господь съ неба на землю
 И рожденъ ему было въ стародубской сторонѣ.
 А житіе его было въ бѣлокаменной Москвѣ.
 Спознали про него люди на землѣ,
 Предали его на муку, на страданье ¹.

Нельзя видѣть въ этомъ религіозномъ самозванцѣ грубаго богоуства. Скорѣе тутъ выразился мнѣологическій антропоморфизмъ. Въ время, когда вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ помѣщикъ и съ появленіемъ *иночинныхъ званій, отличій и чиновъ*, съ усиленіемъ вѣльможества, *боярства*, личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство съ высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободнымъ крестьянамъ до XV вѣка,—въ то время расколъ, во имя религіознаго и гражданскаго характера своего, возвышалъ личность крестьянъ. Расколъ прославлялъ, величилъ *простыхъ поселянъ, неважѣ въ поселянахъ*, въ родѣ Евно Простаго; возводилъ ихъ въ святые, такъ же, какъ до XVII вѣка, дикіе крестьянъ, наравнѣ съ дѣтьми князей и бояръ, достигали самаго высокаго почета, прославлялись святыми, чего съ XVII, и особенно съ XVIII вѣка, крестьяне не сподоблялись. Только расколъ возводилъ личность крестьянъ до апотеозы. Впослѣдствіи, когда личность крестьянская была подавлена, поработана крѣпостнымъ правомъ, окончательно нанесено было старинное юридическое равенство крестьянъ съ высшими городскими классами земства; когда народныя ученія назывались *дурацкимъ расколомъ*, слово *мужикъ* и *дуракъ* стали синонимическими и образовалась поговорка: *мужикъ-дуракъ*; когда, вообще, простой народъ назывался *глупымъ народомъ*—тогда это религіозное самозванство *христами-искупителями* такъ называемыя *христовщины*, выражали не что иное, какъ мнѣическую религіозно-антропоморфическую персонификацію крестьянскаго народности, мнѣическое возвышеніе нравственнаго человѣческаго достоинства.

¹ Сусловъ былъ пойманъ, для разспросовъ и пытокъ привезенъ въ Москву патриарху Никону и князю Одоевскому, и посаженъ въ тюрьму.

бянской личности, мнѣнческое возведеніе ея до апотеозы. Эта мысль жена въ слѣдующемъ народномъ стихѣ:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Какъ и эти дураки.
*Словно съ медомъ дураки;
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ.*

Расколъ затронулъ, возбудилъ своеобразную, русскую прстонародную изію и мыслительность. Вездѣ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, на ихъ, на торжищахъ, въ хоромахъ купецкихъ, въ избахъ крестьянскихъ голки *о постыдномъ времени*. Словно наступала новая эпоха въ жизни, здѣсь массѣ. Сходились на пиръ, на бесѣду, и здѣсь толковали о днѣмъ времени. И было, впрочемъ, о чемъ толковать, когда началось иное гоненіе на расколъ.

Какъ у насъ было на семь свѣту—во святой Руси,
Во славной матушкѣ каменной Москвѣ,
Во мѣщанской третьей улицѣ,
Не два солнышка сокатилися—
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филиповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимошеевичъ.
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися.
Поклоняется Иванъ Тимошеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филиповичу:
„Ты добро, сударь, пожаловать
Въ мою царскую палатунку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, разставлены,
На столахъ скатерти накрыты,
Изготовлены яствы сахарныя
Со нивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлѣба съ солью покушати!
И я радъ твоихъ глаголовъ слушати
Про твоѣ время постѣднее
И про твой божій престрашный судъ“.

Начались гоненія на расколъ. Стали раскольниковъ вездѣ отыски- и ловить.

И когда то времячко пришло,
То до праведныхъ дошло.
Стали праведныхъ ловить,
Въ города возить стали и ковать,
Вязать, въ земляны тюрьмы сажать,
Карауны приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денегъ на выкупъ своихъ евре-
мышленниковъ изъ тюремъ и изъ темницъ.

Ужъ какъ по морю, по морю, по синему морю.
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Ерусалиму граду—каменной Москвѣ.
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:
„Ай вы, гой еси, караульщики!
Что это у васъ за темницы стоятъ?
Что въ темницахъ за невольники сидятъ?
Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?
Что на нихъ пытаете, чего спрашиваете?“
Тутъ отвѣтъ держать караульщики:
„Ахъ вы, братцы, корабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ божью истинную.
На нихъ спрашиваютъ самого Бога Христа.“
Стали гости между собою оглядываться.
Выкупать стали, выручать.
И на волю выпускать.

Между тѣмъ, какъ въ земствѣ усиливался расколъ, то-есть оти-
земскихъ людей, какъ тогда говорилось, *отъ государева московскаго и*
ства, и началась энергическая, рѣшительная борьба раскола съ сило-
вительственной, на югѣ, въ степяхъ Донской Украины, на Волгѣ, с-
лись народные борцы—казаки и всѣ недовольные царствованіемъ А.
Михайловича. Собирались всѣ тѣ *обнищавые, оскудѣлые до конца и*
двигавшіеся врознь люди, которые такъ долго, неумолчно и напрасно во-
въ своихъ земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ; противъ го-
ственно-экономическаго неравенства земскихъ общинъ и людей. Соби-
тѣ голутвенные, обнищавые люди, которые протестовали противъ и-
чительной привилегированности и льготы отъ тягла однихъ богачей
гавѣвшихъ отъ жалованныхъ имъ вотчинъ, на счетъ тяглаго зе-
отяжелявшихъ богатствомъ многихъ отъ лежачей домовою казны,
строившихъ на посулы, на счетъ жалованныхъ крестьянскихъ де-
на счетъ служебнаго приказнаго кормленья, *каменные палаты, та*
неудобъ сказанныя. Собирались всѣ эти голутвенные люди на Донскую Ук-
выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ и
дителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы. И стали они избивать
бояръ, воеводъ, всѣхъ приказныхъ людей, всѣхъ богачей, разживши
счетъ льготъ и привилегій. Стенька Разинъ объявилъ массамъ: «Я н-
быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и
казныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными!»

Тутъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, расколъ явился ужъ объедин-
силой, душой движенія. Бунтъ Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ
томъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его, такъ
донское казачество тогда уже обратилось въ раскольничью общину

или даже свои казачьи *рады*, *круги* до религиозной санкции въ образѣ *религіозныхъ радъ* или *радъникъ* и *святыхъ круговъ*. Въ честь своего вожды-ободителя отъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей донскіе аки въ своемъ кругу воспѣвали пѣснь:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
Ходить съ нами
Во святомъ онъ во кругу.

Взбранный воевода, нашъ еударь, батюшка!
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль.
Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,
Во лодочкахъ вѣрны царски дѣтушки.
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разинъ хотѣлъ сдѣлать, въ противоположность Москвѣ, московскому государству, царствомъ казачества и раскола, къ чему и послѣ, со второй половины XVIII столѣтія, емились раскольники, особенно *бѣгуны*. Въ религиозно-общинномъ разлаичьемъ духѣ, Стенька Разинъ свирѣпо убилъ астраханскаго архіепископа и также покушался поступить и съ астраханскимъ воеводой.

Изъ Украины, Донской, изъ царства казачества, расколо-казачье движеніе отозвалось въ Сѣверно-Поморской области, въ средоточіи религиознаго гражданскаго раскола. Тамъ казаки-раскольники, вмѣстѣ съ монахами соловецкими,—по словамъ митрополита тобольскаго Игнатія—«начали быть всемъ противны не только хулами св. церкви, но и благочестиваго царя захотѣли признать своимъ государемъ». «Воры-сотники—читаемъ далѣе, дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ,—про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкій бунтъ былъ раскольниковымъ протестомъ, антагонизмомъ Поморской области противъ Москвы. Потому онъ и изображается въ одномъ раскольничьемъ стихѣ, какъ борьба Поморья съ Москвою, съ московскимъ государствомъ.

Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ соловецкій, также какъ и поморскія дожскія движенія Емельяна Иванова, Власки «слихаго вора» и другихъ, ли прекращены... Но расколъ остался и живучъ и силенъ. Въ бою каземъ, въ бунтахъ народныхъ онъ еще больше укрѣнился, закалился, съ-сказать, слился съ кровью массъ.

Между тѣмъ горе народное скопилось все больше и больше. «Сердца родныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Недаромъ къ XII столѣтію относятся многознаменательную народную повѣсть о *горь-частьи*. Съ XVII столѣтія, въ одно время съ умноженіемъ голытьбы бацкой, простой народъ особенно позналъ горе-злочастіе и выразилъ въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ челобитныхъ. Это всего въ разбродился врознь, убѣгать, но отъ горя-злочастья, по словамъ пѣсни, могъ укрыться «ни въ чистомъ полѣ, ни въ дѣсахъ темныхъ, ни въ немъ морѣ».

«Въ лѣто 1682—читаемъ въ хронографѣ—во время зимнее, начали ль сильно тужить по причинѣ неправдъ и нестерпимыхъ обидъ. Особо начали злѣбиться на временщиковъ, главныхъ судей, за то, что они жимствомъ ослѣпили себѣ очи. Повсюду тогда, не только между мужчинами и между женщинами, шли рѣчи объ обидахъ, о неправомъ рѣшеніи дѣлъ. А тѣ, ближніе предстатели царя, только вымышляли миниморазумное съ собой, а не на совѣтѣ многихъ людей, презирая людей искусныхъ, мудрыхъ старцевъ, покусились вводить въ государствѣ всякія новыя дѣла, въ гданствѣ—чины для дарованія чести и суды иночиновные, подражая чаямъ иноземскимъ. Забыли они писанное, что отнюдь не слѣдуетъ въводить вновь иностранные обычаи, чины предѣдательства, отппочести, званія, неслыханныя въ своемъ государствѣ, также перемѣны одеждахъ, въ обувяхъ, въ пищѣ и питъѣ, и—въ совѣтѣ о государственныхъ дѣлахъ не пущать иноземцевъ, потому что отъ перемѣнъ и новыхъ дѣлъ въ государствѣ бывають большія и страшныя смуты... Не того не слѣдуетъ принимать иноземцевъ въ думу или въ совѣтъ, чотнимать у нихъ честь, или чтобъ ихъ ненавидѣть, но для того, что по совѣту иноземцевъ не произошли въ государствѣ перемѣны по обычаямъ и дѣламъ ихъ страны, перемѣны несогласныя съ нуждами государя. Больше же всего надобно беречься того, чтобъ отъ обычаевъ иноземныхъ не произошли въ житъѣ народномъ, т. е. въ яствахъ и платѣѣ, проли и убытки. Пбо если какое дѣло скоро входитъ въ государство, и здѣло примутся люди, то уже большое происходитъ зло, а затѣмъ слѣдуютъ страшныя ненависти, является жадность къ чужому имѣнію. А когда жадность дотронется до чужихъ животныхъ, тогда не будетъ единомысли и любви между житейскими людьми. Тутъ ужъ происходитъ въ государствѣ смута и мятежъ».

«Вотъ и въ это время—продолжаетъ хронографъ—голосъ народа траздавался: какъ можетъ быть въ мірѣ многое множество людей, е въ судахъ нѣтъ правосудія, и, если правосудія не будетъ, то, конечно, государствѣ предстоитъ переворотъ... Пбо вотъ уже, въ царствующемъ городѣ начали возгораться гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальнически неправедныхъ судовъ, а отъ того и мысли у людей начали возмущати. Огонь ярости на начальниковъ, на обиды, налоги, притѣсненія и несправедліе больше и больше умножался, и гнѣвъ, и свирѣпства воспалились. Такъ было до 15 мая 1682 года.

Мрачный и бурный былъ этотъ день въ Москвѣ. Сильный вѣтеръ дулъ съ страшнымъ воемъ и визгомъ. Все небо подернулось темными тучами. Загремѣла гроза... И, въ это время, раздался ударъ въ бѣл кремлевскій колоколъ. Забили въ набаты и барабаны. Стрѣльцы взувались. Поднялись полки всѣхъ приказовъ, вмѣстѣ съ бутырскими солдатами, и двинулись въ Кремль, «воинскимъ строемъ», съ знаменами и барабанами, съ мушкетами, съ бердышами и съ копьями и даже съ нѣскими пушками, сбивши съ Ивановской площади боярскія кареты вмѣстѣ съ лошадьми... Начались стрѣленскіе бунты, ознаменовавшіе конецъ московскаго государства и начало всероссійской имперіи.

Расколъ и тутъ поднялъ свое знамя. Онъ воодушевлялъ, возбуждалъ стрѣльцкіе бунты. Стрѣльцы, какъ и казаки, большею частью были раскольники. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ—пишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ—многіе раскольники, и, получа своему зломыслию удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой вновь утвердить и противную имъ православную церковь разорить. Для того избрали они хѣбъ предводителемъ Никиту - роспопа, прозваньемъ Пустосвята». Въ Гравитой Палатѣ, гдѣ нѣкогда бывали и земскіе соборы, въ присутствіи равительницы Софьи, на соборѣ высшей и низшей іерархіи церковной, сего царскаго синклита, бояръ, окольныхъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ, расколъ, вооруженный силою стрѣльцовъ, въ послѣдній разъ торжественно объявилъ орбу и споръ съ верховною властью и съ архіереями грекороссійской церкви. Въ послѣдній разъ, въ челобитной своей на соборѣ, онъ торжественно провозгласилъ свой догматъ, съ тѣхъ поръ неизмѣнный: «царя внемогоша, архіерей падоша!» Датѣ, стрѣльцы, подобно казакамъ, возстали, юдъ знаменемъ раскола, во имя равенства, противъ князей, бояръ и начальныхъ людей. По собственнымъ словамъ ихъ, они шли казнить бояръ и вельможъ, уничтожать чины, званія и отличія. Раскольничьи поны съ образами ободряли имъ въ этомъ движеніи. Наконецъ стрѣльцы, вмѣстѣ съ расколомъ, возстали противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній: они шли взять слободу нѣмецкую, истребить ее до тла, передушить и перерѣзать иностранцевъ. Всѣ эти движенія стрѣльцкія расколъ сдѣлалъ движеніями народными. По словамъ Крекшина и Матвѣева, раскольники, «видя стрѣльцкое смущеніе въ государствѣ, начали простой народъ возмущать, подговорили въ свой совѣтъ много народу, купцовъ, посадскихъ людей, промышленниковъ и чернь, и возжегся едва не весь народъ»...

И стрѣльцкіе бунты, наконецъ, были подавлены, и самые даже стрѣльцы были уничтожены. Но расколъ остался живучъ и силенъ, и сталъ еще сильнѣе.

Въ то время, когда въ Москвѣ совершалась надъ стрѣльцами страшная казнь въ восьмидневныхъ кровавыхъ актахъ мучительнѣйшихъ побоевъ, съ 10-го до 31-го октября 1698 года... въ то время въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ области древняго вольнаго Новгорода, собирается новое народное согласіе раскола. Оно возводитъ въ догматъ: «не молиться за царя и быть съ нимъ равными». Это—согласіе поморское, выгорѣцкое, даниловское. Съ тѣхъ поръ на вопросъ: «Кто вы?» послѣдователи этого согласія даютъ отвѣтъ вопрошающимъ: «Мы христіане евангельскаго проповѣданья... священства не имѣемъ и бѣглыхъ поповъ не приедемъ... За царя Бога не полимъ... всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ... единого же згласія Данилова поморскаго».

Какъ живучъ былъ въ стрѣльцахъ, до послѣдней капли крови, духъ возстанія, какъ въ кустахъ обезглавленныхъ тѣлъ стрѣльцкихъ на кремлевской площади,—по словамъ очевидца Корба,—долго трепеталась жизнь въ ужаснѣйшей агоніи, такъ живучъ былъ жизнью раскола стрѣльцкій духъ демократическаго антагонизма. Онъ пережилъ самихъ стрѣльцовъ.

Бѣглый стрѣлецъ Филиппъ основалъ новое религіозное и гражданское согласіе, доселѣ живущее. Это согласіе, гораздо упорнѣе, рѣшительнѣе, Даниловцевъ, возвѣстило догматъ — не молиться за царя, отрицать всѣ повелѣнія и установленія власти; лучше сожигаться, чѣмъ покоряться Антихристовой волѣ. Изъ-за этого собственно догмата стрѣлецъ Филиппъ основалъ свое особое согласіе.

Такимъ образомъ, изумительно, загадочно и многознаменательно, какъ «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей большей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласія на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе XVII вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласія — началось непризнаніе, отрицаніе царя...

Такъ кончилась древняя Россія. «Здѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо, отъ сего часа, на горшая измѣненія будетъ превосходить Русь царями неблагочестивыми». Съ такой печальной, панихидной рѣчью расколъ шелъ за старою Россіею, на кровавыхъ похоронахъ ея, совершавшихся Петромъ Первымъ.

Непрерывнымъ рядомъ народныхъ бунтовъ ознаменовался конецъ старой московской и земско-областной народной Россіи. Ужасами кровавой народной борьбы отмѣтилось въ лѣтописи народной введеніе старой народной Россіи во Всероссійскую имперію. Первому новоизбранному всею землею царю народъ мирно, громогласно высказалъ въ своихъ общинно-областныхъ челобитныхъ всю свою правду, всѣ вопросы жизни; далъ всѣ жизненно-народныя, общинно-областные матеріалы для земскаго строенія, для реформъ. Громко сталъ высказывать онъ то же и второму царю новоизбранной династіи. Но когда царь Алексѣй Михайловичъ не далъ записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; когда рѣшеніе вопросовъ народной жизни и земское строеніе пошло по *его одной волѣ*, — какъ говоритъ Котошихинъ, — и по пночиновному учиненію, а не по народнымъ земско-областнымъ челобитнымъ: когда *сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены*, когда появилось *горе-злочастье*, тогда вспыхнули бунты городовые, особно-областные, угрожавшіе было новою разрывкою областей, и земскіе люди учинились сильны и непослушны государю. Явился Стенька Разинъ и пошелъ противъ царя Алексѣя Михайловича и противъ князей, бояръ, воеводъ и всѣхъ приказныхъ людей — явился расколъ и возопилъ: «Антихристъ!..» Кровь старой народной Россіи полилась рѣкою... Расколъ все недовольство народное, все *горе-злочастье* ¹⁾, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласія, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ, воплотился въ живущую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола.

¹⁾ Потому поэзія раскольниковъ исполнена стихами о *горѣ-злочастьѣ*: любимымъ постояннымъ мотивъ ея вдохновенія — *горе, грусть, плачь, рыданіе*.

И чѣмъ такъ изумительно-живуча, могуча, энергична была старая юдная Россія, когда богатырски, героически умирала въ Москвѣ Стенькой Разинымъ, когда была вѣшана, рѣзана, изрубляема, сжигаема, линяема... въ эту адскую годину стрѣленихъ побойщъ, и все-таки алась живою въ расколѣ? Что хотѣла завѣщать намъ, воспитанникамъ зой, петровской Россіи, старая народная Россія, когда послала по змъ концамъ, по всемъ областямъ свою могучую, живучую пропаганду игіозныхъ и граждански-народныхъ согласій? Какое добро или зло і завѣщала низшимъ массамъ земства — крестьянству, мѣщанству, купе-тву, солдатству, когда завѣщала расколу уловлять въ свои согласія і массы народа и, по началамъ изстариннаго земскаго строенія, разви-тъ въ согласіяхъ братство, совѣты, сходы, соборы, выборное самоупра-вље, принципъ сводныхъ браковъ, общиннаго употребленія капиталовъ проч.? Что дорогаго, святаго было для огромной массы народа въ ста-і Россіи, когда она въ расколѣ возвела до святости, до апотеозы ста-ну, и, подъ знаменемъ раскола, подняла вѣковую народную оппозицію, анъ съ Антихристомъ?»

Теперь намъ не рѣшить всехъ этихъ вопросовъ, пока расколъ самъ раскроетъ свою таинственную, заколдованную, мистико-апокалипси-скую тайну, завѣсу, которою прикрыто его полнोजизненное, горько-мное, горько-слезное прошедшее и невѣдомое будущее. А если бы раз-тъ могилы — архивы старой народной Россіи; еслибы разгадать, чего гѣль, что закладывалъ, слагалъ въ своемъ свободномъ земскомъ строе-и въ былыя вѣчевыя времена, что пережили и что дважды хоронили подъ конецъ съ горемъ-злостью схоронили земскій великорусскій зль—народъ въ своей старой народной земско-областной Россіи, то, быть-жетъ, поняли бы мы отчасти эту могучесть, энергію и жизненность рбы народной, выразившейся въ расколѣ. Видно, много ужъ неволи горя прожилъ народъ, когда онъ читалъ въ XVII вѣкѣ повѣсть о горѣ-очастѣ, когда сталъ обращаться въ расколъ. Сначала онъ лишился мородныхъ принциповъ, зачатковъ особно-областной свободы и федера-внаго устройства, мірскаго и вѣчеваго самоуправления и саморазвитія, слѣ вѣковаго богатырскаго труда колонизаціоннаго самоустройства среди ди, *Лопи дикой, среди черныхъ дикихъ лѣсовъ*. Потомъ лишился онъ чатковъ свободного, соединенно-областнаго, федеративнаго саморазвитія самоуправления *въ любви и въ совѣтъ*, лишился свободныхъ мірскихъ одовъ по селамъ и волостямъ, свободныхъ людскихъ собраній или схо-въ на думы по городамъ, свободныхъ сходовъ городскихъ волостныхъ идей выѣстѣ или областныхъ земскихъ совѣтовъ и земскихъ соборовъ—лишился всего этого онъ въ самой первоосновѣ, закладкѣ — въ эпоху явленія постоянныхъ указовъ, въ эпоху учрежденія до 100 приказовъ, 40 воеводствъ, а тамъ— въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія— губерній. Наконецъ, лишился онъ, ни за что, многихъ талантливыхъ, цалыхъ и добрыхъ молодцовъ, сложившихъ головы за народное, земское блю... И вотъ, позналъ онъ въ XVII вѣкѣ горе-злостью, и пошелъ *голытьбою со кабакою* за Стенькой Разинымъ, а со стариной народной—

въ расколъ... И съ тѣхъ поръ великорусскій расколъ также плакалъ и плачетъ о *мірскомъ смущеніи*, или о разстройствѣ великорусскаго зѣства, міра, о великорусской старинѣ, о старинныхъ уставныхъ правахъ городскихъ, и старинныхъ соборахъ, какъ Украина плакала надъ своею «розрытой могилой» исторической. Расколъ, вспоминая старину, воіпѣлъ и воіпѣтъ:

Не могу быть безъ рыданья.
 Страхъ Антихристовъ *міръ* утратить,
 Милость съ лестію въ міръ пометать.
Законы градскіе все истребить,
Временны соборы въ конецъ низложить...
 Вѣрныхъ соборы истреблены.
 Соимы мерзостей умножены.
Неокрещенцы завладѣли нами.
 Въ сѣстолюбіи которые, — тѣхъ почтили всехъ,
 На сѣдалищахъ первыми учинили.
 А соборъ нищихъ возненавидѣли...
 Тихонмцы все грады содержатъ,
 Немилосердые — въ городахъ первые.
 На мѣстахъ злые приставники...
 Ко обычаямъ странъ поганныхъ все преклонились...
 Взирай, душе, къ горамъ, равно облакамъ.
 Постыжай *соборъ мать оставшихъ христианъ*...

Какъ бы ни была дорога большей части народа старая Россія, пришла и она, похоронена Петромъ Первымъ. Но расколъ остался, и живутъ и сѣленъ, и по своему встрѣчаютъ XVIII столѣтіе.

II

Непривѣтлива, безотраднѣе была для большей части народа встрѣча новаго столѣтія. На площадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были слѣды крови народной. Ужасныя стрѣлечкіе розыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытки, дыбы, костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ... Повсюду, по городамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ кабакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже въ далекихъ темныхъ лѣсахъ, страшное, постыдное — *слово и дѣло*! И все новыя и новыя жертвы Преображенскаго приказа и Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи: безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней... Таковы были знаменія реформы Московскаго государства во Всероссійскую имперію. «Пытки и казни — выразимся словами Карамзина — служили средствами нашего славнаго преобразования государственнаго».

Мрачно и грустно встрѣчали новый 1700-й годъ въ самой Москвѣ и по городамъ купечскіе люди, посадскіе, оставшіеся въ живыхъ и разосланные по провинціямъ стрѣльцы, старожилы-старики и все, кто любитъ русскую старину. Съ самаго начала 1700 года разнеслась молва, будто съ новаго года «настали лѣта сатанины, «Антихристово время», будто Москва — надшій Вавилонъ!» Весь тотъ годъ ходили въ низшихъ слояхъ народа какіе-то недобрые, зловѣщіе, мрачные, мистическіе слухи про царя

Петра Алексѣевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ народѣ стала ходить молва о какихъ-то бунтовскихъ листахъ и тетрадкахъ. Разыскивали вино-
вника...

Въ одной изъ глухихъ улицъ Москвы, на Кисловкѣ, въ бѣдныхъ хоромахъ, почти постоянно сидѣлъ въ это время у стола мрачно-задумчи-
вый книгописецъ. Передъ нимъ на столѣ лежали «бытейскія и пророческія книги» и какіе-то листы, столбцы и тетрадки. На другомъ концѣ стола сидѣлъ его племянникъ и переписывалъ ему «Письма о послѣднемъ вре-
мени и объ Антихристѣ». Взялъ онъ бытейскія книги, лѣтописи и хроно-
графы, и по нимъ «считалъ московскихъ царей». И что же? По его счету выходило, что «государь Петръ Алексѣевичъ осьмой царь и Антихристъ!..» Утвердившись въ этомъ убѣжденіи, книгописецъ сталъ писать на столб-
цахъ и тетрадкахъ письма: «Настало-де нынѣ послѣднее время, и Анти-
христъ въ миръ пришелъ, а Антихристомъ, — въ томъ письмѣ, ругаясь, — писалъ великаго государя, также и инныя многія статьи ему, государю, въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступитъ велѣтъ и слушать его, государя, не велѣтъ, а велѣтъ разыскать князя Михаила, чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе... А князь-
Михайлово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ для того: которые-де стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ государь пойдетъ изъ Москвы на войну, и они стрѣльцы собрався будутъ въ Москвѣ, чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, для того, что онъ человекъ добрый».

Написавъ эти письма «въ тетрадкахъ и столбцахъ», книгописецъ сталъ читать и раздавать своимъ друзьямъ и знакомымъ, и распространять въ народѣ «для возмущенія бунту». Жадно ихъ у него покупали, списы-
вали, читали и слушали. На домъ къ нему приходили слушать эти бун-
товскіе листы и тетрадки люди всякаго званія — и попы, и раскопы, и дьяконы, и пономари, и посадскіе — кожевники, иконники, садовники, крѣпостные люди и прочіе. Онъ самъ хаживалъ съ своими тетрадками и столбцами ко всѣмъ этимъ людямъ, и къ монахамъ въ Чудовъ мона-
стырь, въ мѣщанскую слободу, за курекія ворота, къ иконнику Иванкѣ Савину, къ садовникамъ, къ портнымъ мастерамъ, и проч. Вездѣ онъ «чолъ свои письма и тетрадки о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣщѣ, и объ Антихристѣ, и въ разговорѣ говорилъ: «нынѣ-де послѣднее время пришло, и Антихристъ народится, а приводемъ называть государя Анти-
христомъ, а сказывалъ отъ бытейскихъ и пророческихъ книгъ: «въ апо-
калипсисѣ-де Іоанна-Богослова въ 17-й главѣ написано: «Антихристъ будетъ осьмой царь,» и считалъ московскихъ царей, и говорилъ: «а по нашему-де счету осьмой царь онъ, государь, и Антихристомъ его, государя, называлъ». Въ хоромахъ у книгописца жили стояльцы — подъячій патриар-
шей площади съ женой. Подъячій этотъ сказывалъ про книгописца: «слышалъ-де отъ него про государя всякія непристойныя слова, чего и слышать невозможно, да онъ же рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣ-
завъ хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ. И уже вырѣзалъ онъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ сталъ печатать листы... тѣ

листы стали раздавать народу безмездно». Но тутъ его схватили въ Преображенскій приказъ...

Это тотъ виновникъ подметныхъ бунтовскихъ листовъ, котораго отыскивали въ Москвѣ въ 20-хъ числахъ іюня 1700 года. Это былъ извѣстный раскольникъ, Григорій Талицкій. Онъ, какъ было сказано, вычиталъ въ апокалипсисѣ, что восьмой царь будетъ Антихристъ. Потомъ онъ читалъ русскія лѣтописи, и по нимъ считалъ московскихъ царей, начиная съ Ивана III-го и съ сына его, Василія Ивановича, который, — по словамъ лѣтописи, — первый повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ польскихъ грамотахъ и въ исторіяхъ, и принялъ на себя *областные титула*. Талицкій началъ свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣтописей, гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Москвою, съ московскими царями, за земскую самообытность и вѣчевую свободу. На этихъ грустно-трогательныхъ страницахъ областные лѣтописцы сами смотрѣли на московскихъ царей, завоевателей, централизаторовъ областей, съ такою же злобою и антипатіей, и съ той же точки зрѣнія, какъ современники Талицкаго, раскольники, смотрѣли на императора всероссійскаго Петра Перваго, устроителя новой политико-географической, петербургско-губернской централизаціи областей. Въ Псковской лѣтописи, выразившій энергическій протестъ противъ московскаго завоеванія, Талицкій читалъ рассказъ о завоеваніи Пскова московскимъ царемъ, читалъ трогательный плачъ Пскова о лишеніи вѣчевой свободы, и за нимъ, — слѣдующую апокалипсическую жалобу псковскаго лѣтописца: «Занеже писано въ апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не убо пришелъ; шестое бо царство именуется въ Руси скиѣскаго острова; его бо именуется шестый, а седьмый потомъ еще, а *осьмый Антихристъ*. Се бо приде на ны зима. Сему бо царству расширитися, и злодѣйству умножитися. Охъ, увы!» Прочитавши такое предсказаніе въ великорусской, областной, народнои лѣтописи, что восьмой царь изъ московскихъ государей будетъ Антихристъ, Талицкій пересчиталъ по московскимъ лѣтописямъ московскихъ царей и убѣдился, что государь Петръ Алексѣевичъ, какъ восьмой царь, по его счету, Антихристъ. И вотъ, онъ хотѣлъ поднять разосланныхъ по областнымъ городамъ стрѣльцовъ противъ Москвы, какъ противъ царства Антихристова. И для этого, — какъ сказано въ одномъ указѣ 1701 года, — «ради возмущенія людей, писалъ онъ письма о пришествіи Антихристовъ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали». Съ этого времени, ученіе раскола объ Антихристѣ окончательно получило историко-политическій смыслъ и во всей полнотѣ выразилось въ раскольниковъмъ сочиненіи «Объ Антихристѣ, еже есть Петръ I-й». Такимъ образомъ, какъ въ первыхъ московскихъ царяхъ, централизаторахъ, завоевателяхъ, собирателяхъ великорусскихъ земель, областей, царствъ и государствъ, разрушителяхъ особно-областнаго земскаго строенія и общинновѣчеваго самоуправленія великорусскихъ областей, областныя общины, особенно сильныя сознаніемъ вѣчевой самообытности, свободы, видѣли предшественниковъ государя-Антихриста, такъ точно въ Петрѣ Первомъ, разрушителѣ, уничтожителѣ созданной област-

ными общинами въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на общемъ земскомъ соборѣ 1613 года соединенно-областной федераціи и земскихъ соборовъ, уничтожителѣ общинно-областной челобитной совѣщательности, гласности передъ правительствомъ, нововодителѣ губернскаго и провинціального росписанія областей, великомъ централизаторѣ земско-областной администраціи, экономіи мѣстныхъ рабочихъ силъ, и проч. — въ Петрѣ Первомъ расколъ признать давно предсказаннаго областными лѣтописями московскаго государя-Антихриста.

Согласно съ Талицкимъ, всѣ земскіе люди, недовольные реформами Петра, утвердились въ томъ убѣжденіи, что съ 1700 года окончательно утвердился въ Великороссіи, въ лицѣ Петра I-го, Антихристъ; что Москва стала надшимъ Вавилономъ; что нужно бѣжать въ пустыни, въ лѣса изъ царства Антихристова и основывать свои новыя согласья и общины. Вездѣ — въ Москвѣ, въ областныхъ городахъ, въ селахъ, въ домахъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ лавкахъ, въ кабакахъ, по дорогамъ, въ далекихъ дремучихъ лѣсахъ, вездѣ шель говоръ, что царь Петръ Алексѣевичъ — Антихристъ. Вотъ, въ Москвѣ, идетъ солдатъ Розстригинъ съ званымъ гостемъ, служилымъ человѣкомъ Левнымъ, домой и дорогой говоритъ о Петрѣ: «Я не знаю что дѣлать, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ Антихристъ». — «Я давно знаю, — отвѣчаетъ Левинъ: — что онъ не прямой царь, а Антихристъ». Вотъ духовникъ князя Меншикова, крестовый попъ, прозваньемъ Лебедка, того же убѣжденія, о томъ же ведетъ разговоръ съ Левнымъ и другими знакомыми: «Петръ — Антихристъ, онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что государь его убилъ»... Солдаты говорили Левину, что «привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить Антихристовымъ клеймомъ, и самъ государь по нихъ ѣздитъ и привезены въ Котлинъ» Особенно самъ этотъ Левинъ, до болѣзненной экзальтаціи и энтузіазма, до умопомѣшательства убѣжденъ былъ и вездѣ и всѣмъ проповѣдывалъ, что Петръ — Антихристъ. Въ Пензѣ, въ церкви, онъ кричалъ народу: «Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ!.. Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубить!.. будетъ пятнать ихъ и стануть они въ его вѣрвать!» Въ пустынѣ Жадовской игумену онъ говорилъ тоже: «Нынче послѣднее время, Антихристово пришествіе... Привезены въ Санктпетербургъ печати... хотятъ людей печатать... Государь — Антихристъ!» На базарѣ, толпѣ народной, онъ кричалъ: «Послушайте, христіане, послушайте!.. Въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а Антихристъ!.. Антихристъ!.. И весь народъ мужеска и женска пола онъ будетъ печатать... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите, скройтесь куда-нибудь!.. Послѣднее время... Антихристъ пришелъ!.. Антихристъ!..» Тамъ, далеко, въ лѣсахъ керженскихъ, тоже шель разговоръ о Петрѣ-Антихристѣ. «Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра?» — говорилъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ на рѣчн казака Левшутина: — «въ книгахъ писано, что онъ, Антихристъ, лукавъ... А чоль ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева? Лихо на него Петра въ тетрадѣ по-

казано». Раскольникъ Никита Никифоровъ привелъ на это доказательство:—«Нынче былъ у насъ съ Починокъ человекъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человекъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ поругательство! Да что, полно говорить: страшно: называемъ его Антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу? Видите вы и сами, какое смятеніе и между нами». Тутъ перебилъ рѣчь другой: «Что мотаться! Антихристъ онъ, да и все тутъ!» и т. д. шли разговоры. Такъ говорили многіе, и весьма многіе, во всѣхъ концахъ Россіи, и поминали Талицкаго...

И вотъ, многочисленныя массы земства, движимыя убѣжденіемъ, что въ Великороссійскомъ государствѣ, въ губерніяхъ и провинціяхъ, поновъ росписанныхъ по указу, изъ «ближней канцеляріи, изъ кабинета царскаго величества», царствуетъ богоборный Антихристъ-Петръ, отшатнулись отъ имперіи и пошли во *измѣстованіе*, въ пустыни, въ горы, въ лѣса, устроить для себя новыя, свободныя отъ власти Антихриста, области. На основаніи убѣжденія, что православныя городскія и сельскія общины, росписанныя Петромъ на губерніи, провинціи и уѣзды, повинующіеся Антихристу и представителямъ его,—губернаторамъ и прочимъ властямъ,—суть области царства Антихристова, расколъ сталъ развиваться, на новыхъ мѣстахъ, свои народныя общины, не раздѣляя ихъ на города и села. По общинному значенію ихъ, расколъ называлъ ихъ *согласіями*, сообразно съ сельскими *мірскими согласіями*, какъ назывались крестьянскіе *мірскіе сходы* (напримѣръ, писалось въ первой половинѣ XVIII вѣка: *по описи по мірскому согласію* отдали и т. п.). Какъ демократизмъ донскихъ казаковъ возводилъ до религіознаго значенія, освященія, казачьи *рады*, *круги*, такъ великорусскій расколъ, расколъ массы земства облекъ въ религіозно-демократическую форму крестьянскія *мірскія согласія*. По мѣрѣ развитія раскола, согласія разнообразились и умножались. Такъ, при Петрѣ, пастухъ или скотникъ даніловскаго согласія, при Андрѣѣ Денисовѣ, основалъ *пастушье или овчмантовое согласіе*, которое учило, что воцарившійся Антихристъ даетъ свои печати наипаче въ паспортахъ, посему должно отрицать паспорта. — прикрѣпленность къ мѣсту или къ согласію. Это ученіе приняли всѣ согласія раскола, такъ какъ всѣ они отрицали принисъ, прикрѣпленность къ Антихристову мѣсту или къ словію. Всѣ они уже при Петрѣ-Первомъ, несмотря на страшныя пренія и полную гражданскую безправность, стали стремиться къ выходу изъ Антихристовыхъ областей и къ новому свободному территориальному, земскому, колонизаціонному устройству. Каждое согласіе стремилось основать свою область или федерацію, союзъ нѣсколькихъ мѣстныхъ общинъ. Такъ въ общихъ чертахъ началось колонизаціонное общинно-областное самоуправство раскола во время гоненія и бѣгства староверовъ изъ Антихристова царства въ лѣса, пустыни и горы.

На сѣверѣ, въ Новгородско-Поморской области, въ 1705 году возникаетъ новое согласіе—оедосѣевское—и также учитъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—Антихристъ, что отнюдь не должно признавать его власти надъ собой. Велѣдствіе такого ученія,—по свидѣтельству раскольникъей Выгов-

кой Лѣтописи,—постоянно собирались въ Поморье отъ гоненія Антихри-
ста старовѣры, отовсюду приходили всякаго рода люди, и поморскій
расколъ стремился къ закладѣнію всею древнею *Поморскою областію*, или
вѣрнымъ Поморьемъ, къ самостоятельному, общинно-областному само-
стройству, экономическому и народному саморазвитію и къ общинному
исборному самоуправленію. Въ царствованіе Петра, въ Сѣверномъ Поморьѣ
разовалась уже федерація изъ 13-ти скитовъ, или становъ, общинъ, на-
добіе старинныхъ посадовъ, или селъ, гдѣ селились мужчины и жен-
ины, и свободно занимались торгомъ, папнею, рыболовствомъ и разными
ошмыслами. Колонизаціонная связь и совокупность всѣхъ поморскихъ
итовъ и примыкавшихъ къ выгорѣцкому общежителю по рѣчной
стемѣ Выга и по расколу погостовъ, образовала одно цѣлое федератив-
ное или союзное согласіе, наподобіе одной волости или области. Расколь-
ничья колонизація Поморья была сильная: отовсюду бѣжали туда крестьяне,
жидскіе, бобыли, солдаты, казаки и всякихъ чиновъ люди. Тамъ искали
спасенія отъ Антихриста. Къ 1729 году поморскій расколъ завладѣлъ боль-
шею частью олоонецкихъ волостей, которыя встарину были новгородскими
приими, народоправными. Въ этомъ году число поморско-олоонецкихъ рас-
кольниковъ дошло до 12,448 человекъ.

Въ то же время, въ Псковско-Новгородской области распространилось
ученіе, что Антихристъ пришелъ въ міръ уже въ 1688 году и живетъ онъ
духовнѣ по дѣйству» въ Велико-Россіи. Въ связи съ новгородско-помор-
скою раскольничьею областію и псковскія, и новгородскія общины выра-
жали свою мѣстную религіозную автономію, антагонизмъ Москвѣ, какъ
царству Антихристову. Въ царствованіе Петра, новгородско-поморскіе рас-
кольничьи историографы, въ укориизну Москвѣ и наперекоръ московскому
царю 1667 года, внесли въ свою исторію сѣвернаго, псковско-новгородско-
морскаго раскола извѣстную, любимую раскольничью, повѣсть «*О ново-
городскомъ блгоумѣ клобучкѣ*», и въ историческомъ сборникѣ своемъ поставили
на ряду съ «Исторіею объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ», въ
числѣ которыхъ были псковскіе и новгородскіе страдальцы, и вмѣстѣ съ
амениною «Соловецкою челобитною». Достойно также замѣчанія, въ
этомъ отношеніи, что въ 1722 г. посланный отъ синода монахъ Неофитъ,
изъ разглагольствія съ выговцами о церковномъ несогласіи и устроеніи,
привлечъ вниманіе на древнюю самобытную жизнь Сѣверно-Поморской
области, до покоренія ея Москвѣ, до XVI вѣка, когда Сѣверное Поморье
было независимо отъ Москвы, московской епархіи и московскаго право-
славія, когда св. Софія Новгорода и Соловецкій монастырь, независимо отъ
Москвы, распространяли тамъ христіанство и когда Сѣверно-Поморская
область отличалась своеобразнымъ, преимущественно мірскимъ, часовен-
нымъ религіознымъ устройствомъ. Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «До
царя Ивана Васильича православную ли имѣли вѣру?»—«Всѣ православные
россіяне, — отвѣчали поморцы: — отъ начала крещенія и до царя Ивана
Васильича, яко же о семъ многія исторіи засвидѣтельствуютъ».

Изъ Поморской области, а отчасти изъ московско-волжскихъ городовъ,
религіозно-гражданское ученіе объ Антихристѣ распространилось въ *Низо-*

воиъ краю, въ Поволжьѣ. Тамъ въ темной, дремучей глуши лѣсовъ керженскихъ, за трясины и болотами. въ скитахъ и починкахъ лѣсныхъ. около 1713 года, училъ новопрішельцевъ мужичокъ Кузьма Андреевъ. Онъ проповѣдывалъ, что «царь Петръ Алексѣичъ—Антихристъ, отъ гданова колѣна, архіереи—еретикъ, а господа всѣ, которые при милости государевой,—Антихристовы слуги!»... Утверждая такое вѣрованіе, Кузьма Андреевъ заботился о распространеніи новой раскольникѣе области въ керженскихъ лѣсахъ, въ противоположность Антихристовымъ населеннымъ мѣстностямъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, учрежденныхъ Петромъ. Онъ увлекалъ жителей изъ окрестныхъ городовъ и селъ и увѣщевалъ новопрішельцевъ оставаться у нихъ въ лѣсной общинѣ, гдѣ ужъ много было всякихъ чиновъ людей. «Внѣ лѣсовъ — говорилъ онъ — нынѣ царство Антихристово... Я шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ Антихристъ есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ!»... И дѣйствительно, при Петрѣ была сильная раскольникѣе колонизація Нижегородской лѣсной области — лѣсовъ керженскихъ, поломокскихъ, каменскихъ, салавирскихъ, лысковскихъ, дорогучинскихъ, гнилицкихъ и другихъ. Въ этихъ лѣсахъ уже тогда насчитывалось до 94-хъ скитовъ, которые съ починками образовали федерацію, союзъ разсѣянныхъ въ лѣсахъ дворовъ и келій. Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ трехъ только уѣздахъ: Балахнинскомъ, Семеновскомъ и Макарьевскомъ, считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляло гораздо больше трети тогдашняго общаго населенія тѣхъ уѣздовъ. Въ 1719 году раскольниковъ въ Нижегородскомъ краю считалось уже 86,000 обоого пола, такъ что на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника.

Въ древнемъ Астраханскомъ царствѣ, уже послѣ 1698 года, распространилось раскольникѣе ученіе о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ. Здѣсь Петра называли «Антихристомъ», «неочесливымъ» и не желали ему здоровья. Стрѣльцы и казаки, подъ знаменемъ раскола, снова замыслили идти противъ Москвы. Атаманъ Носовъ, заводчикъ астраханскаго бунта, раскольникъ, говорилъ посадскому Бородулину и его товарищамъ: «Идите и управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами: а на весу и мы къ вамъ будемъ». Астраханская раскольникѣе пропаганда находилась въ связи съ донскою.

Точно также, ученіе о пришествіи и воцареніи въ Великороссіи Антихриста въ лицѣ Петра I-го распространилось въ лѣсахъ стародубскихъ въ Оренбургскомъ краю, по всей Уральской области и за Ураломъ въ Сибири. И въ эти области бѣжали тысячи вѣрившихъ ученію о Петрѣ-Антихристѣ, бѣжали изъ царства Антихриста, и основывали, въ лѣсахъ и въ горахъ, новыя общины, согласія; стремились собраться, сосредоточиться въ новыя вольнонародныя, религіозно-гражданскія областныя общины. «Когда въ Великороссіи, — читаемъ въ исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, — что день, то умножались гоненія на старовѣрцевъ, тогда многіе народы, оставляя свои природныя мѣста, сродниковъ и друзей, текли въ Стародубскую область и тамъ населяли пустыни: такъ населился Бѣлый-

Кладязь, Синій-Кладязь, Замшнево, Шелома Слободы. Такъ населили они 17-ть богатыхъ, промышленныхъ слободъ, образовавшихъ особую, въ XVIII-мъ вѣкѣ, хорошо-устроенную раскольниковую федерацію. «И тѣ слободы, по словамъ одного указа, расселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число бѣглыхъ изъ разныхъ городовъ богатыхъ купцовъ». На Уралѣ, около частныхъ заводовъ, въ лѣсахъ, собирались Олончане, Туляне, Нижегородцы и другіе великорусскіе люди; устроились въ пустыни, и мало-по-малу закладывали уральскими заводами и мануфактурами—жестяной, проволоочной, стальной, укладной и прочими. Богатые промышленные раскольники на заводахъ уральскихъ, пермскихъ и оренбургскихъ нарочно дорого платили рабочимъ изъ раскольниковъ, чтобъ перезвать отовсюду какъ можно больше приверженцевъ своихъ согласій, общинъ для колонизаціи Уральской области, для независимаго, самобытнаго территориальнаго общинно-областнаго самоуправления и самоуправленія. И вольные охочіе люди изъ дальнихъ мѣстъ приходили къ нимъ. Въ Сибири тысячами душъ выѣзжалъ народъ изъ правительственныхъ городовъ и изъ тяглыхъ слободъ въ пустыни, оставляя дворы, животы, скотъ и хлѣбъ; устроился въ новыхъ, вольныхъ слободахъ, въ родѣ Утянкой слободы, и стремился устроить новую, самостоятельную, свободную область по рѣкѣ Тоболу съ притоками, устроить свое общинное самоуправленіе и свободное общинное экономическое саморазвитіе.

Короче сказать, мысль о воцареніи Антихриста въ Великороссіи со времени Петра, мысль о мірскомъ смущеніи отъ *страха Антихриста* такъ была нестерпима для большей части народа, такъ мучила духъ народный, что многочисленныя массы земства забывали всѣ свои страдальческіе, вѣковые историческіе труды, работы въ великомъ дѣлѣ первоначальной древней колонизаціи, обстройкѣ Россіи городской и сельской: оставляли свои города и села, и шли въ лѣса, въ горы, въ пустыни, снова устроить, колонизовать свою любимую Россію по плану стараго земскаго строенія. Словно рай потерянный искали они свою *старую Россію въ пустыняхъ, въ лѣсахъ*. Недаромъ съ XVIII-го вѣка любимѣйшими стихами раскольниковъ были стихи о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ, на крутыхъ горахъ, и т. п. А сколько труда положить, какую богатырскую, страдальческую, или именно, какъ говорили наши предки, *страдальную* работу совершилъ нашъ простой народъ въ древней Россіи, когда шелъ, проторгался черезъ всѣ лѣса и рѣки Великорусской земли съ своимъ топоромъ, косой и сохой; поставлялъ, путемъ торга, такіе цвѣтущіе встарину города, какъ Славно-Торгъ или Великій-Новгородъ, Новый-Торгъ и Торжокъ, Вологда и Холмогоры; поставлялъ, путемъ гостыбы въ Чуди, въ Лопи, погосты; посажалъ на черномъ дикомъ лѣсу починки, деревни, села и черныя, народоправныя общины; путемъ этихъ безчисленныхъ *иваньковыхъ починковъ, сенькиныхъ сподній*, и потомъ, въ-добавокъ, несъ на себѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до народогубительной постройки Петербурга, тяжелую повинность *городового дѣла*. Древнія писцовыя книги, всѣ изукрашенныя, испещренныя, наполненныя именами мужичковъ-колонизаторовъ, строителей, культоровъ Русской земли, служатъ нагляднымъ памятникомъ этой вели-

кой исторической работы и заслуги древне-русскихъ гостей, купцовъ, посадскихъ и особенно крестьянства. И теперь всё эти труженики, строители древней Россіи, городской и сельской, считая грѣхомъ быть записанны не въ писцовыя старыя книги, а въ подушную *переписную книгу* Петра I въ книгу ревизіи душъ, притяженія, прикрѣпленія личности, души на отвлеченной идеѣ государства, оставляютъ свое старое земское строеніе подвергаются добровольно *оземствованію*, бѣгутъ въ лѣса, въ горы и въ пустыни, чтобъ спасти души отъ Антихриста и вновь колонизовать области, устроить посадки, слободы вольныя, свободныя, на началахъ свободнаго общиннаго самоуправленія и общиннаго самоуправленія. По собственнымъ словамъ ихъ, *страсъ Антихристовъ возвѣялъ на міръ*, произвелъ *мірское щенье*, побуждалъ ихъ бѣжать изъ міра въ пустыни. И вотъ почему, пустыня, въ Антихристовы лѣта гоненія, была для гонимыхъ старовѣръ прекрасною матерью, любезною дружиною. Вотъ одинъ изъ любимѣйшихъ стиховъ:

Прекрасная мати пустыня,
 Любезная моя дружина!
 Пришелъ изъ тебя соглядати,
 Потщися мя воспріяти,
 И буди мнѣ яко мати,
 Отъ смутнаго міра пріими мя,
 Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
 Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
 Пойду по горамъ, по вертепамъ,
 Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
 Поставлю въ тебѣ малую хижу,
 Полезное въ ней азъ увижу.
 Кукушка въ тебѣ воскокуеть,
 Умильный гласъ испущаетъ,
 И та мене поучаетъ.
 Пойду изъ въ лѣса разгуляться,
 Людовитыя древа соглядати,
 И тѣ мнѣ пользу показываютъ,
 Труды любить прообразуютъ.
 На которомъ деревѣ плода нѣту,
 И тѣ мене поучаютъ.
 Прекрасная мати пустыня!
 Отъ смутнаго міра пріими мя.
 Аще изъ тебя и погонять,
 Прекрасная мати пустыня,
 Любезная, не изжени мя.
 Не знаю себѣ, что и быти,
 Да гдѣ мнѣ главу подлѣжити.
 Понеже Антихристовы дѣти
 Всюду простирають на насъ сѣти,
 Хотятъ они насъ уловити.
 Антихристу покорити,
 А вѣру Христову перемѣнити.
 Прекрасная мати пустыня!
 Отъ сего лукаваго изми мя,
 Потщаеся въ тебѣ убѣгати.

И такъ одинъ за другимъ сбѣгались старовѣры въ пустыни, и мало-малу заселяли ихъ. По собственнымъ словамъ, стекались они въ пустыни, на новыя мѣста, «изволяюще странствіе, оземствование паче утѣшенія своимъ мѣстами, отъ которыхъ отступались, и сицевыми народами пустыя мѣста и звѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе оказася, трава и терніи растущія въ вертограды и садовія обратишася, ради вторіи показашася населеніемъ чловѣкъ». И все это стремленіе ихъ къ новому колонизаціонному, общинно-экономическому самоустройству протекало изъ одного убѣжденія, что въ прежде населенныхъ городахъ и селѣхъ великорусскихъ, въ имперіи, водворился «Антихристъ, иже есть Петръ І-й». Это внутреннее, непреодолимое убѣжденіе твердило имъ, вошіяло въ нихъ: «Удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во Антихристово время отъ эстетическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна-Богослова, въ главѣ 12-й, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи рабы Христовы, побѣжать въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лстити и искореняти останокъ Русіи, своя новыя мысли уставляя... Господь чрезъ Іеремию пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя изъ Вавилона!»

Что жъ, однако, какая магическая сила увлеченія была въ этомъ убѣжденіи раскола? Ужели тутъ мотивировало массы одно отвлеченно-религіозное, религіозно-фантастическое или мистико-апокалипсическое вѣрованье? Нѣтъ, не думаемъ, да и нельзя думать такъ. Народъ русскій до того практиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности, до того неспособенъ оторваться отъ земли за облака, что землю взялъ за основу всего своего общиннаго устройства, социальную гражданственность называлъ *земскимъ строеньемъ*, людей называлъ *земскими людьми*, ихъ собранія и думы *земскими совѣтами*, *земскими соборами*, статистическія таблицы *землянымъ вѣдомъ*; единицы измѣренія и исчисленія у него были непосредственно-натуральныя, напримѣръ: стрѣляніе лука, выть, обжа, вода и т. п. Естественность возрѣнія до такой степени была въ духѣ народномъ, что, вотъ, только-что возникшее новое *согласье* раскола—*пастушье*, учить, что должно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: мостовая-де каменная Антихристова выдумка. Такъ точно и всѣ массы раскола, крѣпко держась, по старинѣ, за *землю*, за *земство*, за *земское устройство* и, подвергшись, въ Антихристово время, *оземствованію*, пошли на новыя земли, въ лѣса и горы, искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земскаго устройства. Если тутъ есть что-нибудь мистико-идеалистическое, такъ это только идеальное умозерцаніе и исканіе свободнаго *соціального, народоправнаго самоустройства, саморазвитія и самоуправления*, но реальной идеѣ крестьянскаго *міра, мірскаго согласья, мірскаго слога* и крестьянской общины.

Какіе же, однако, были эти реальныя, практическіе, положительныя, непосредственно-жизненные мотивы эмиграціи, *оземствования* раскола и стремленія къ новому самостоятельному, независимому земскому устройству? Поищемъ, спросимъ, не скажетъ ли намъ объ этомъ кто-нибудь изъ *самыхъ* раскольниковъ или изъ современниковъ Петра, а потомъ и всѣ

согласія раскола петровской эпохи. Поищемъ въ архивахъ собственно раскольничьихъ сочиненій, ихъ историческихъ сказаній о состояніи рода во времена Петра. Въ то же время письменность раскольничья лучала широкіе размѣры и самое либеральное направленіе. У раскольниковъ же были талантливые писатели, въ родѣ исторіографовъ Денисовъ. У нихъ были свои библіотеки, и даже ужъ возникали первыя въ Россіи книжныя лавки. «Въ Москвѣ — читаемъ еще въ соборномъ актѣ 1681 г. — всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ и въ столбѣ выписки, именуя отъ книгъ божественнаго писанія и продаютъ у Скихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданъ святой церкви книги является многая ложь; а простолудины, не вѣ истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину, и вырастаетъ оттого святую церковь противленіе». Мысль, ученіе раскола такъ были жизненны полны вопросовъ, что и слово его изливалось обильно. Въ царствованіе Петра раскольничья литература сильно распространилась и получила только противоцерковный, но и гражданско-демократическій смыслъ. Многое бы можно было узнать изъ этой раскольничьей письменности петровскаго времени, еслибъ перечитать ее. Къ сожалѣнію, гоненія, воздвигнутыя на раскольничьи книги и рукописи, истребили ихъ. По Первому, указомъ 1701 года января 31, запретилъ монахамъ держатъ кельямъ чернила и бумагу. А съ 1720 года, октября 5-го, является уже *цензура*, или предварительный просмотръ рукописей, по слѣдующему воду: «Содѣлалось извѣстнымъ — говорить указъ — что въ типографіи черниговской и свято-троицкой-ильинской и въ кіево-печерской печатаютъ со многою противностью восточной церкви, напримѣръ, въ первой изъ напечатанъ учебный часословъ съ ересью раскольническою и книга богмы гдѣ явилась многая лютеранская противность. Вслѣдствіе того, указъ не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги безъ дозволенія духовной коллегіи». Затѣмъ слѣдовалъ указъ 1721 г. марта 20, которымъ прещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и книги писанныя и печатныя безъ дозволенія, подѣ страхомъ жестокаго отъ и безпощаднаго штрафованія. Затѣмъ, въ 1724 г., указомъ Синода пребрано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольничьи рукописныя книги. Такимъ образомъ, выходятъ справедливыя слѣдующія слова давно вышедшей раскольничьей «Церковной Исторіи»: «Старовѣры грядутъ, кому неизвѣстенъ духъ Петра I-го, какой былъ ненавистникъ религии. Всѣ, со временъ Алексѣя Михайловича, памятники истреблены при Петрѣ! Впрочемъ, хотя многіе современные памятники вѣчному забвенію преданы, и старообрядцамъ въ Россіи, подѣ строгимъ наказаніемъ отъ свѣтъ Никона, да и до нынѣ совершенно уста заключены писанія церковныхъ перемиѣнахъ: но, однако, у старовѣровъ малыя нѣкія тетради изъ рукъ въ руки переписки влекутся».

Воспользуемся и мы этими «тетрадными переписками», какія сохранились подѣ руками, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь уяснить тайныя, сокровенныя мотивы земскихъ стремленій раскола съ XVIII-го столѣтія. напередъ, попытаемся, не найдемъ ли какое-нибудь *подметное писаніе*

сторонниковъ земства и раскола противъ Петра и его нововведеній. Подѣльныхъ же писемъ, послѣ Талицкаго, являлось множество. Самъ Петръ писалъ въ именномъ указѣ 1715 года января 25: «Многія являются подѣльные письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничьихъ вымышлений, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой излияютъ». Въ этомъ же, 1715 году, въ Петербургѣ, у симеоновской церкви, динъ старикъ подкинулъ противное Петру письмо, «не для чего иного, только соболѣзнуя о народѣ, къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей». Потомъ, въ Москвѣ, приходскій попъ Авраамъ брать у того же тарика какія-то «сочиненныя имъ воровскія о возмущеніи народа противъ царскаго величества тетради, брать ихъ на домъ, читать и держать больше недѣли». Потомъ, возвращая эти письма старику, попъ говорилъ, что то онъ дѣлаетъ хорошо». Что это за «воровскія письма въ возмущеніи народа противъ его величества писанныя къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей?» Не найдется ли въ нихъ чего-нибудь для объясненія раскольничьяго ученія о послѣднемъ времени и объ Антихристѣ, же есть Петръ I-й, для объясненія этого неудержимаго бѣгства многочисленныхъ массъ народа, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣсныя согласія, отъ чужаеи многихъ и новшествъ» Петра? И кто сочинялъ и подкидывалъ всѣ эти письма? Поищемъ и рассмотримъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ 1718 г., въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ одной палатѣ своей, сидѣлъ съ листомъ въ рукѣ, старикъ, глубоко задумавшись. Передъ нимъ на столѣ разбросана была кина тетради. Въ одной тетрадки, въ четвертую долю, на 18 страницахъ, «выпиано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова, ко признанію мужа практика, дѣло гражданина, при смѣшеніи судіи и законоположника: погѣднѣаго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе». Въ концѣ этой тетрадки — приписка старика о характерѣ, о дѣлѣ гражданина, въ намекомъ на характеръ Петра I-го: «а той образъ такой же внезапно иде на насъ» приписалъ старикъ, сказавши «о злыхъ и горькихъ многихъ видахъ того характера». Возлѣ лежали выписки изъ апокалипсиса, изъ псалмовъ Давида, изъ другихъ библейскихъ книгъ и изъ твореній Григорія Богослова и Григорія Назіанзина. Далѣе, въ четвертой тетрадки, ромѣ выписокъ изъ Григорія Богослова, приписано самимъ старикомъ въ началѣ какое-то «моленіе къ великимъ господіемъ, сопрестольнымъ удіамъ и вождямъ», а въ концѣ — «къ архипастыріемъ всея вселенныя, еликія Россіи учителіемъ». Въ концѣ такая, между прочимъ, приписка тарика: «написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чьимъ свыше повелѣніемъ въ мноаой туги и скорби своей видѣтъ озлобленіе и преткновеніе израиловыхъ людей, за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ нещощинно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню... у земнаго царя прилежно упросите, чтобъ онъ за великимъ страхомъ своимъ не повелѣлъ вамъ и предати духовной казни». И много другихъ бумагъ лежало на столѣ.

Старикъ держалъ въ рукѣ письмо, которое начиналось текстомъ такъ: Божественное писаніе глаголетъ, слушателие православные; что есть че-

ловѣкъ, яко помниши его... Славою и честію вѣнчать еси его, постави еси его надъ дѣлы руку твою, вся покорилъ еси подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорена, покорена ему суть всяческая, сотвори его Богъ по образу и по подобию своему и самовластну повелѣнію быти». Подлѣ, столѣ, лежалъ особый листъ, на которомъ написанъ былъ отдѣльно этотъ текстъ. На глубокия и выѣстъ грустныя думы наводилъ старика этотъ стихъ, которымъ начиналось письмо. Онъ думалъ о высокомъ достоинствѣ человека, о его естественномъ правѣ на личную свободу, на полное самоуправленіе, даже на покореніе себѣ природы. И потомъ, вдругъ посреди этой думы, старческой лобъ его нахмуривался, напрягался глубокими морщинами, какъ бы нависая надъ глазами, а глаза нѣсколько взатылись, впадали въ глубь подлѣбья. И мрачная туга, скорбь, грустная думка отражались въ эту минуту на лбу старика. Отъ идеала текста мысль переносилась къ мрачной, грустной дѣйствительности въ судьбѣ русскаго человека. Отъ высокаго идеала текста старикъ перенесся къ печальному состоянію всего русскаго народа, въ то тяжелое время казни стрѣльцовъ жестокихъ рекрутскихъ наборовъ, непрерывнаго увеличенія налоговъ сборовъ съ міру, безчеловѣчныхъ правей, гибели посылаемаго на тысячи въ Петербургъ, жестокаго гоненія раскола, и проч. Отъ идеала текста дума старика пронеслась по всей широкой землѣ Великорусскій по вѣмъ городамъ и селамъ, по вѣмъ хижинамъ горя-злочастья, и даже по лѣсамъ заповѣднымъ... И вдругъ, морщины на лбу у него сгладились, глаза сверкнули огнемъ, и тяжелая туга души, боль сердца облегчилась восторженной, твердой рѣшимостью... И пятидесяти-семилѣтній старикъ бывший подъячій въ Артиллерійскомъ Приказѣ, старообрядецъ Докукинъ, шедшій прибить въ Петербургъ, на площади у Троицкой церкви, возлѣ двора Петра, сочиненное имъ возмутительное письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ. Изъ этого-то письма мы узнаемъ, что тогда, кромѣ много другого, мучило, *раскалывало* пополамъ земство, не только развѣивало, расщепляло его на сословія, но и отторгало, отщепляло отъ него огромную массу народа въ расколъ. Какъ многочисленныя мажоры бѣжали, вѣдѣ за расколомъ, въ лѣса и пустыни, откались отъ государства по тому убѣжденію, что настало послѣднее время Антихристово, такъ и Докукинъ хотѣлъ взбунтовать народъ также «признавая, яко бы *нынешнее послѣднее время*». Съ этой толкованіемъ онъ раскрылъ намъ многія жизненныя причины, побуждая народъ бѣжать въ лѣса и пустыни, для новаго самоустройства и торговаго промышленнаго обзаведенія. Вотъ то письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви:

«Божественное писаніе глаголетъ, слушатели православные: что е человекъ, яко помниши его, или сынъ человѣческой, яко посѣщаеши е и умалиши еси его малымъ чѣмъ отъ ангель, славою, честію вѣнчать еси его и постави еси его надъ дѣлы руку твою, вся покорилъ еси е подъ нозѣ его, ничто же остави ему не покорено, покорена же суть е всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобию своему и самовластну ему повелѣнію быти.

«Что смѣемъ отвѣщать противу слова сего, мы, отъ новаго Израиля Іерусалима, живущіе во Христовѣ вѣрѣ царствующаго града Москвы и очихъ россійскихъ градовъ жительствоующіе? речемъ ли что противу оного божественнаго писанія, или оставимъ? Если *нынѣ* вѣрно намъ ово сіе, или *ни отащася* ли что, или *положили* устомъ своимъ хранило, *неже* тако противу роженя прати...

«Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живѣе на землѣ, отъ оного божественнаго дара многіе отрѣзаемъ и свободѣй жизни лишася, гонимъ изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ ада во градъ, оскорбляемъ, озлобляемъ, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и руководѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле тавленныхъ законовъ лишилися; о суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лестнѣхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и звнія нашего славянскаго шка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и нерсоны свои ругальски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты разнствія съ иновѣрными языки... послѣдуемъ ихъ нравамъ и законамъ... Смѣшася языкомъ дѣломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскіе обѣты опровергоша... и правый путь у насъ исчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ поидоша... и неубной и стремнинной путь себѣ многими трудами и потоми пріобрѣтоша, бодныя власти и чести отпадоша, по оному божественному писанію мѣ дарованныя, видимъ дѣломъ совершаемо, а не писмѣ сему послѣзъмъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы ша, рыбныя ловли и торговые и завоцкіе промыслы отняты многіе и идѣ бѣдами погружаемы, на правезехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ цатей и не... оброковъ налагаемыхъ, голодомъ истаеваемъ и многіе отъ то умерщвляемъ, дома и приходы заустѣли, святія церкви обетшали, зводѣлей и каменосѣтцевъ отгнали, плиноы на созиданія церквей и довъ дѣлать заказали, на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами ѣ тамошняго пути не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ дро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприняли и всѣми благами ѣ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правезахъ и съ податей оихъ голодомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество ше пресловущіе грады... опустошили. И чтѣ иное рѣщи! И писанія не-обно изнести: удобнѣе устномъ своимъ ограду положить. Но вельми рдце ми болитъ, видя опустошенія новаго Іерусалима и людѣ въ бѣдахъ вленъ нестерпимыми язвами»...

Вотъ какіе горькіе мотивы, между прочимъ, двинули многочисленную массу земства въ расколъ, въ лѣса... Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ подумаемъ...

Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вошіали при Петрѣ, воровыхъ, противъ *лишенія свободной жизни*, и многіе отъ того бѣжали въ сколъ. Этотъ вопль былъ не только выраженіемъ естественнаго права роднаго, но и пронстекалъ изъ историческихъ, изстаринныхъ воспоминаій приверженнаго къ старинѣ народа. Встарину всѣ земскіе люди, сти посадскіе и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ житейской

свободы. жили на *всей своей воле*. Горожане назывались *вольными мужиками*; крестьяне тоже—*вольными, охочими людьми*. Свобода была основой земского, территориального устройства народной жизни. Принципомъ свободного перехода земскихъ людей было правило: *вольнымъ воля*. Въ самомъ названіи усадьбы, оѣздности, ассоціаціи вольнаго, свободного труда выразилась идея свободы: свободное торгово-промышленное поселеніе называлось *слободой*—отъ слова *свобода*; писалось: *ослѣбодилъ слободу поставить*. Вслѣдствіе сильной, несдержимой, полной воли развился въ народѣ могучій колонизаціонный духъ, широкій разгулъ, просторъ воли. Новгородскій *ушкунникъ* и волжскій *бѣгунъ, бѣглець* древней Россіи—вотъ типы этой воли и свободного колонизаціоннаго духа. Вслѣдствіе исконной, естественной свободы жизни, земскіе люди привыкли къ свободному выбору поселенія—на посадѣ, или въ селѣ, или въ лѣсномъ починкѣ; привыкли къ свободному выбору труда—торга, промысла, ремесла или земледѣлія: не знали какихъ-нибудь ратушныхъ стѣснительныхъ ограниченій и условій, кому торговать и промышленяты при какихъ условіяхъ; не знали паспортовъ—прикрѣпленности къ мѣсту или сословію, цеховой корпоративной замкнутости и крѣпостности, и т. п. И вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской—земскіе люди постоянно *избывали отъ тягла, стремились жить на льготѣ, на волю, не хотѣя быть въ тяглы, считались сильны и государеву указу непослушны, бѣжали на волю, самохотью селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы*. Въ XVII вѣкѣ образовался такимъ образомъ огромный классъ народонаселенія такъ называемыхъ *вольныхъ гулящихъ людей и избытковъ отъ тягла*. Эти *вольные гулящие люди* саможизненно, фактически выразили реакцію, протестацію противъ правительственнаго *лишенія* народа *свободной жизни*. Точно также, въ слѣдствіе естественнаго стремленія земства, вольныхъ, охочихъ людей къ свободному колонизаціонному и экономическому самоустройству, въ XVII столѣтіи, во всѣхъ областяхъ, около всѣхъ городовъ, заселились большія богатыя торгово-промышленныя *слободы*. Развиваясь на льготѣ, на свободѣ, эти слободы легко богатыли, процвѣтали торговлей и промышленностью, тогда какъ рядомъ съ ними тяглыя, несвободныя общины постоянно *бѣднѣли, оскудѣли и разорялись*. «Нынѣ (читаемъ въ актахъ про свободныя слободы) на Москвѣ и около Москвы и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, заведены слободы... а въ тѣхъ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городахъ торгуютъ и промышленяютъ, и многими лавками и амбарами и соляными варницами посадскими владѣютъ... а живутъ они всегда во льготѣ». Это свободное, колонизаціонное, самоустройство слободъ выразило жизненно-народную реакцію противъ указно-правительственной колонизаціи, противъ *лишенія свободной жизни* въ казенныхъ, тяглыхъ общинахъ; выразило естественное стремленіе народа къ свободному общинному самоустройству. А это живое экономическое процвѣтаніе свободныхъ торгово-промышленныхъ слободъ, въ противоположность *обѣднѣнію, обнищанію* несвободныхъ тяглыхъ общинъ, выразило

естественный результатъ, законъ свободнаго экономическаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло живой, фактическій протестъ противъ всякаго стѣсненія народной торгово-промышленной жизни. Отсюда видно, что сама жизнь народа естественно просилась къ свободному территориальному самораспределенію и экономическому саморазвитію. А какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всеиародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались *государевыми*, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ. Вольные *слободскіе люди*, привыкшіе жить въ своихъ слободахъ на льготѣ, на свободѣ, несмотря на всѣ запретительные указы съ 1648 по 1710 годъ, упорно продолжали жить въ слободахъ, не платя тягла. А когда Петръ сталъ ихъ сильно преслѣдовать и принуждать нести тягло и службы вмѣстѣ съ тяглыми посадскими людьми, многіе изъ нихъ бѣжали въ лѣса, къ раскольникамъ, въ Малороссію, въ Сибирь, и тамъ заселяли и основывали новыя *раскольничьи слободы*. Къ нимъ туда съ охотой бѣжали и изъ тяглыхъ посадовъ купцы и посадскіе, жаждавшіе свободной жизни. Точно также поступали и вольные гулящіе люди. Петръ Первый указомъ 1 іюня 1722 года рѣшительно уничтожалъ классъ свободныхъ, вольныхъ гулящихъ людей: они должны были идти въ солдаты, а если въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ, или поступать въ полные холопы къ частнымъ лицамъ: они уже не могли оставаться безъ службы, или, въ противномъ случаѣ, ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Несмотря на этотъ указъ, вольные гулящіе люди оставались и послѣ Петра. А при немъ отъ военной службы, отъ холопства и отъ галерной работы они бѣжали въ расколъ. Пока не было еще согласія *бѣгуновъ*, они приставали ко всякой странствующей пропагандѣ раскола, и въ расколѣ, по старинѣ, оставались вольными гулящими людьми, привольно бродили отъ Польши до тобольскихъ раскольничьихъ слободъ, отъ поморскихъ скитовъ до керженскихъ лѣсовъ.

При Петрѣ всѣ лишались свободной жизни. Ревизія 1719 года каждую душу отыскивала, записывала въ «переписную книгу», дѣлала крѣпостною государству. Паспортъ прикрѣплялъ къ мѣсту или сословію. Фискалы на каждомъ шагѣ слѣдили за гражданами, тайно подслушивали подъ окнами ихъ домовъ, привязывались къ зажиточнымъ крестьянамъ и посадскимъ, къ богатымъ купцамъ. Каждый, дворянинъ ли, крестьянинъ ли, купецъ ли, долженъ былъ то-и-дѣло ждать «жестокой приказной присылки» изъ Губернской Канцеляріи, изъ Губернскаго Приказа. Вдругъ наѣзжали солдаты, сковывали и «за пустую справку приказную» отрывали отъ семьи, отъ работы, волокли со всякою отповѣдью въ городъ, за 500, за 600 верстъ, недѣль на 10. Молодой крестьянскій парень только-что женился, а тутъ вдругъ наѣзжали офицеры съ командой, сковывали его, въ цѣпяхъ, въ страшную распутицу, вели въ городъ забрать въ рекруты и сажали въ тюрьму или въ острогъ. А крестьяне, въ силу крѣпостнаго состоянія, лишались даже и права жениться безъ дозволенія помѣщика.

Плачется, напимѣрь, и «бьетъ челомъ государю своему Ивану Прокофьевичу крестьянишко его Панька Кузминъ: волею Божіею женишка у меня умерла, а послѣ ее остались трое робятъ; и я, сирота твой, другой годъ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ рубль по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, есть въ твоёмъ государевомъ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутинѣ, дѣвка у Мишки Абрамьева; и ты пожалуй меня, сироту твоего, Иванъ Прокофьевичъ, *ослбоди* меня на той дѣвкѣ жениться. А Мишка Абрамьевъ жеребей земли свой совсѣмъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ, Мишка, и съ дѣвкой хочетъ брести изъ твоего государева помѣстья прочь». Точно также и посадскимъ людямъ запрещено было жениться на волостныхъ дѣвкахъ и выдавать замужъ дочерей своихъ безъ увольнительныхъ видовъ. Такіе бзиправные, даже и въ семейномъ отношеніи, посадскіе и крестьяне охотно бѣжали въ скиты раскола, гдѣ и браковъ вовсе не было, а была «любовь Христова», женщины были эманципированы расколомъ, или бракъ основывался только на взаимномъ согласіи, на любви, да много-что иногда на благословеніи родителей. Крестьяне, признавая несвободный бракъ, или союзъ мужчины съ женщиной, не истиннымъ, сами отправляли дочерей своихъ въ расколыничьи скиты, какъ напр. говорилъ одинъ поморскій крестьянинъ: «нынѣ-де истиннаго брака нѣтъ; а нынѣ-де онъ большую дочь свезъ въ Выгорѣцкое общежительство, да и младшую дочь хочетъ туда же отдать». Равнымъ образомъ туда же, въ мірскія согласья раскола, бѣжали и крестьяне, которыхъ тогда, — по словамъ указа Петра, 15 апрѣля 1721 года, — *продавали какъ скотовъ, врознь!* Бѣжалъ въ расколъ всякій, кто тяготился угнетенностью, порабощенностью личности, желалъ свободнаго исхода, свободной жизни. Расколъ всѣхъ принималъ. Онъ возвышалъ въ своихъ ученіяхъ нравственное, человѣческое достоинство простыхъ людей: возводилъ ихъ въ почетныя выборныя должности, въ бородѣ видѣлъ образъ и подобіе Божіе, знакъ естественнаго равенства всѣхъ людей. Расколъ, хотя и самъ подвергался при Петрѣ жесточайшимъ гоненіямъ, но былъ оппозиціей за свободу жизни и равенство правъ. Это направленіе его особенно обозначится со второй половины XVIII столѣтія.

Далѣе, Докукинъ въ листѣ своемъ вопіялъ: «Гонимы изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишились... Рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты». Дѣйствительно, если только вспомнить, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ царствованіе Петра крестьянъ и посадскихъ постоянно *возили, вывозили, перевозили* съ мѣста на мѣсто, съ посада на посадъ, изъ деревни въ деревню, или изъ селъ на посады, съ посадовъ въ села, иногда за нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ, то можно себѣ представить, какъ крестьяне и посадскіе, въ самомъ дѣлѣ въ этой постоянной вознѣ и передвижкѣ лишались торговъ и промысловъ, земледѣлія и рукодѣлій. Посадскіе и крестьяне, по естественному стремленію къ благосостоянію, по старинному праву свободнаго перехода, искали себѣ мѣстъ, гдѣ было жить льготнѣе, свободнѣе, промыслять или торговать выгоднѣе. И только-что

ужоренялись они въ такихъ мѣстахъ, обзаводились торгами или промыслами, начинали на льготѣ разживаться, какъ наѣзжали сыщики, воеводы съ солдатами и вывозили ихъ на прежнія, покинутыя ими, мѣста; или «бивъ кнутомъ нещадно по торгамъ, ихъ ссылали въ Сибирь на Лену», съ корнемъ разоряли. Между тѣмъ крестьяне и посадскіе, естественно, желая жить, торговать, промыслять свободно, не имѣя *могуты* или не *хотя* *платить* *государевыхъ доходовъ*, и презрѣвъ *всѣ* *прежніе великихъ государей указы*, опять неудержимо бѣжали. Въ 1682 г. всѣ помѣщики и вотчинники въ общей челобитной своей жаловались царямъ Іоанну и Петру, что «*и*хъ *крестьяне*.—подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великаго государя *всякія* подати,—отъ нихъ многіе разбѣжались». Опять жестокіе сыски, перевозки крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Тѣ же сыски, отвозы да перевозки крестьянъ, по указамъ 1683, 1698, 1706 и 1707 годовъ—и постоянно крестьяне лишались торговъ и промысловъ. Лишая крестьянъ свободно-выбранныхъ ими мѣстъ жительства, пахотныхъ земель, рыбныхъ и другихъ промысловъ, не давали имъ и въ городахъ свободно жить и торговать. Указомъ 1700 года 11-го марта предписано было: крестьянъ, жившихъ въ городахъ и платившихъ тягло, *взять* въ посады; а которые изъ нихъ въ посады не хотѣли, тѣмъ запрещалось вовсе и жить въ городахъ и торговать: запечатывали и конфисковали ихъ лавки, кожевенные и другіе заводы, и продавали. Князь Щербатовъ, хотя рѣзко, но справедливо выразился о такихъ поступкахъ съ крестьянскими промыслами, что «*худо* поступили съ крестьянами. когда вдругъ лишали ихъ промысловъ городскихъ». Далѣе, указомъ 29 октября 1707 года, крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные и кабацкіе сборы потому только, что они вѣдались не въ ратушѣ и изъ нихъ, въ это время, набирались въ драгуны, солдаты и рекруты. Между тѣмъ многіе промыслы, прежде принадлежавшіе крестьянамъ, теперь отдавались на откупъ заводамъ и другимъ монополистамъ, напримѣръ, рыбныя ловли въ Архангельской губерніи. Крестьяне уходили артелями на заработки, наприм. въ низовые города и въ другіе—кормиться красивнымъ промысломъ или другимъ какимъ-либо, торговать, и ихъ по причинѣ правейшей съ міра тягла, отрывали отъ заработковъ и промысловъ, тащили на тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны. Въ плакатъ 1724 года іюня 26 предписано было отпускать крестьянъ на работу съ паспортами не далѣе какъ на 30 верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Между тѣмъ сколько народу сгоняли на казенныя работы и промыслы за тысячи верстъ!! Для постройки Петербурга пригоняли ежегодно, втеченіи многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей, до 40.000 работниковъ! Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ 16-го января 1712 года требовалось 3,000 работниковъ; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на Котлинъ—«къ городовымъ дѣламъ»—34.000 человекъ! Тысячи народа сгонялись въ Азовъ; для прорытія Ладожскаго канала на 104 версты, на казенныя заводы. Устроивъ болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, Петръ приписалъ къ нимъ тысячи крестьянъ! Смотрители заводскіе наживались, въ ущербъ самой коронной казнѣ, а крестьяне изнурялись отъ заводской

работы, безъ домашняго хозяйства. Всѣ эти работы, очевидно, отрывали народъ отъ торговъ, ремеслъ, заводскихъ и другихъ промысловъ. Докукинъ жалуется, что *древодѣлей и каменщиковъ отгнали*. И точно, съ 1712 года по 1718 постоянно переводили, стояли въ Ингерманландію каменщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ, и такимъ образомъ лишали крестьянскія волости нужныхъ людей; плотники изъ дворцовыхъ волостей были наряжаемы въ 1716—18 годахъ для заведенія русскихъ слободъ около мызы Сари. Въ 1702 году даже изъ Кунгура,—по указу правительства,—высылали плотниковъ для строенія города Затона, а кузнецовъ на Таганъ-Рогъ! Такія казенныя отлучки и работы естественно отрывали крестьянъ отъ заработковъ, промысловъ и ремеслъ, да и крестьянскія волости лишали хорошихъ каменщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей. Затѣмъ Докукинъ жаловался, что земскіе люди «на правехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ, съ голоду помирали и до основанія разорялись; что на правехъ ихъ били нещадно! Все это вопиющая истина, которую изображалъ Посошковъ, въ которой сознавался самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ. Въ именномъ указѣ сенату въ 1717 году онъ самъ писалъ: «Господа Сенатъ! Я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносные правехи чинятся. Правехи тиранили народъ, подати и безчисленные и разнообразныя поборы не только поземельные и подушные, но и хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовшинные, съ подводчиковъ десятыя и тому подобныя вымышленныя сборы просто разорали народъ, или причиняли *людямъ тѣсноту великую*,—какъ выразился Посошковъ. Оттого расколъ и возсталъ противъ *даже многихъ*».

Какъ крестьянъ, такъ и торговыхъ людей отрывали отъ торговли. Напримѣръ, изъ городовъ Европейской Россіи посылали купцовъ на службу, въ головы и цѣловальники, въ отдаленныя сибирскіе города. Кромѣ того, многіе гости всѣхъ сотенъ, купецкіе, посадскіе и промышленные люди всѣхъ черныхъ сотенъ, *отъ волокитъ и притѣсненій приказныхъ людей вовсе отбыли своихъ торговъ и промысловъ*,—какъ писалъ самъ Петръ въ указѣ 30 января 1699 года. Далѣе, Берг-Коллегія и Мануфактуръ-Коллегія, централизуя въ казенное вѣдомство мѣстнообластные естественныя матеріалы и условія народной промышленности и раздавая привилегіи большею частью однимъ иностранцамъ, лишали тысячи народа вольныхъ ремеслъ, заводскихъ и руководѣльных промысловъ! Между тѣмъ и для видовъ самого правительства, Мануфактуръ-Коллегія—по словамъ Щербатова—«разными злоупотребленіями не только полезна, но и вредна учинилась». Затѣмъ, были цѣлые разряды людей, напримѣръ, служилые, которымъ рѣшительно воспрещались какіе бы то ни было торговые промыслы. Наконецъ, за одно брадобритіе, за старую вѣру, лишали права на подрады, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣжки Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ, въ Сибирь. Отрывая отъ собственныхъ промысловъ, гнали ихъ на работу въ казенныя заводы. Отъ этого гоненія старообрядцы оставляли свои дома и промыслы и разсѣивались по лѣсамъ. Такъ было, напр., послѣ 1702 года

огда выговцевъ заставили работать на желѣзныхъ заводахъ повѣнецкихъ. И отъ того времени—говорить лѣтописецъ ихъ—Выговская пустынь быти ача подъ игомъ работы у повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на петровскомъ заводѣ. И начаша людѣ съ разныхъ городовъ,—старовѣрства ради,—отъ гоненія собиратися и поселятися по блатамъ, по лѣсамъ, между горами и ертепами и между озерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собственнo келіями, гдѣ возможно». Во внутреннихъ великорусскихъ областяхъ, старовѣры скитались изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ села въ село, чтобъ только укрыться отъ гоненія. «Многіе раскольники—и таемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года—не хотя себя объявить, кроются, переходя жить по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ кривательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли, дворы и прочія жилища, дабы познаваемы не были». Безпрестанные допросы и строгіе розыски также заставляли старообрядцевъ скитаться изъ мѣста въ мѣсто. Напримѣръ, когда въ Поморьи попъ Космозерскаго села Феофанъ отпиской въ Олонецъ, что «изъ Выговской пустыни соловецкіе старцы для ученія народа ходятъ по волостямъ и изъ оныхъ старцевъ много, именемъ Питирима, поймали и послали за карауломъ въ Олонецъ», то происшествіе возбудило дѣятельные и строгіе розыски. «И бысть въ то время всѣмъ старовѣрамъ страхъ великъ и въ Суземскѣ бысть страхъ великъ боящимся гонителей, и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ оныхъ келій»—говоритъ «Исторія Выговской пустыни». Даниилъ Викулинъ, за которымъ послана «погоня и сыскъ», принужденъ былъ скитаться по пустыннымъ мѣстамъ, по островамъ въ Онежской Комсогубѣ, скрываясь въ шалашахъ у рыбаковъ. На Саро-озерѣ раскольникъ Харитонъ сжегъ жилище «того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людѣ гониміи сгорѣша». Жена испуганныхъ раскольниковъ скиталась всю весну въ чащахъ лѣсовъ. Точно такъ было въ стародубскихъ лѣсахъ, когда стародубскому мѣщанину приказано было тамошнихъ раскольниковъ обращать въ православіе. «Таковому указу разгласившуся—повѣствуетъ историкъ бѣглопловщинскій—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разліяшася; гоненію въ Великороссіи на старовѣрцылежащу, вози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствование паче утѣшенія своихъ мѣстъ». А Дону то же было при Петрѣ. Казачій атаманъ Некрасовъ, съ товарищами своими: Гавриломъ Чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Авельмъ Вориновыми, набралъ на Дону кружокъ людей, и, разграбивъ жилища около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ ними на Кубань, отдавшись въ подданство крымское, въ 1708 году. Къ нему туда массами побѣжали гонимые въ Россіи раскольники, оставляя дома и промыслы, побѣжали казаки съ Дону, изъ Голубинской, Чирской и другихъ станицъ. Тамъ всѣ эти бѣглые раскольники поселились цѣлыми общинами между станицъ казачьихъ.

Вслѣдствіе такихъ гоненій, по причинѣ разоренія многихъ купеческихъ, посадскихъ и крестьянскихъ домовъ, торговъ, сельскаго хозяйства, мельницъ и заводскихъ промысловъ, естественно многочисленныя массы

должны были искать новыя, свободныя отъ гоненій и запрещеній, мѣста поселенія, вновь заводить торги и промыслы. И вотъ, раскольникыя скиты и слободы, несмотря на все гоненія, уже при Петрѣ мало-по-малу обстроивались въ лѣсахъ новыми *починками*, расчищали изъ-подъ лѣсовъ пашни и огороды, обзаводились торговыми и промыслами. Съ *починковъ* начиналась раскольникыя колонизація въ лѣсахъ, какъ и въ древней Россіи было, при первоначальной колонизаціонной расчисткѣ и обстройкѣ Велико-русской Земли. Такъ въ керженскихъ лѣсахъ *починками* назывались первоначальныя раскольникыя поселенія, состоявшія изъ одного двора или изъ одной кельи. Какъ въ древней Россіи,—по словамъ одного памятника XIV вѣка,—земледѣлецъ *наче долу любитъ пустыню*, сначала одинъ забирался въ темный, дремучій лѣсъ, и *посажалъ починокъ на лѣсу*, потомъ къ нему приходили другіе вольные, охочіе люди и ставили новые починки, такъ и при Петрѣ, одинокій старецъ углублялся въ лѣса, ставилъ *хижу* или келью, «пахалъ пашню кочерюгою и сѣялъ подъ гарью». Потомъ къ нему приселялись другіе, третьи и т. д. Лѣсная скитская колонизація и культура раскольникыя совершалась точно также, такъ въ древней Россіи шла колонизація и культура, подъ вліяніемъ монастырей и пустынь. Вотъ напримѣръ, пришелъ въ Сѣверное Поморье, около 1691 года, старецъ Корнилій, сынъ земледѣльца изъ Тотмы. Долго скитался онъ изъ пустыни въ пустыню; наконецъ, поселился на рѣкѣ Выгѣ, въ особомъ скитѣ, на верховскихъ лѣсахъ. Около него приселился скитникъ, старецъ Сергій, съ молодою дѣвушкою, сестрою своею, и помогать въ работахъ старцу Корнилию. Слухи объ отшельникѣ старцѣ-Корниліѣ распространились въ Поморьѣ.

«И начали люди—говорить «Исторія Выговской пустыни» — къ отцу Корнилию приходити отъ градовъ и волостей отъ гоненія; онъ же изъ учаше древле-церковное благочестіе хранити, а отъ Никоновыхъ новинъ бѣгати и удалятися». И вотъ стали къ нему собираться выходцы изъ онежскихъ погостовъ, изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы и изъ другихъ мѣстностей Россіи, гонимые преслѣдованіемъ старой вѣры, поселились по р. Выгѣ, на рѣкѣ Ковжѣ, у Таго-озера, около погоста Маселы, у Воло-озера, у Тамбичь-озера, у Кодо-озера, у Викмозера. Пришелъ въ пустыню Выговскую и знаменитый въ исторіи раскола Андрей Денисовъ, изъ Повѣнца, и поселился съ товарищемъ своимъ Иваномъ Бѣлоутовымъ, между озерами Таго и Бѣлое. «Въ чащехъ лѣса скитающесе—такъ рассказываетъ «Исторія Выговской пустыни» о первоначальномъ поселеніи Андрея Денисова—богородное оно и самоизлюбленное начинаютъ житіе: ни стѣны, ни покрова отъ зимня студени имуще, огненнѣй точію пресѣдѣще нуди и отъ принесенныхъ съ собою потребъ мало вкушающе. Зимнему же пришедшу времени и весеннимъ солнцемъ озаряемымъ днемъ начинающимся, келью себѣ малу соградиша, между двѣма озерами, ею же едино Тагозеро именуется, другое же Бѣлое нарекается. На таковомъ пустомъ вселившемся мѣстѣ, гору точію сожительницу и ручей себѣ сосѣда избраша. Потомъ, соединившись въ одинъ скитъ съ Даниломъ Викулиннымъ, Андрей Денисовъ съѣздилъ домой, увезъ отъ отца своего «вещь честну же и тяжко-

цѣнну, сестру свою любезнѣйшую дѣвицу Соломонію». Начались въ кружкѣ собравшейся братіи новые труды: постройка жилищъ, расчистка лѣса подъ пашню. Услышавъ объ этомъ неподалеку жившій скитникъ Захарій Степановъ и явился къ нимъ на лыжахъ приглашать къ себѣ. Этотъ скитникъ удалился съ отцомъ своимъ, матерью и сестрами въ пустыню «отъ гонительнаго мученія и мірскаго смущенія» еще въ 1691 году. Онъ былъ житель прежде Толвуйской волости. Мѣсто на р. Выгѣ, гдѣ поселился Захарій, было покрыто густо лѣсомъ: сосною и ельникомъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Весною они обрубали сучья у деревьевъ по берегу на значительное разстояніе и зажгли; время было сухое, лѣсъ разгорѣлся, деревья повалились, и новые жители на огнищѣхъ начали хлѣбъ сѣять, мѣшая рожь съ ячменемъ. Захарій перезвалъ къ себѣ все общество Данилы Викулина. «И собрашася всѣ на мѣсто—говоритъ Выговская Лѣтопись,—и помолившися Богу и пѣша молебень на мѣстѣ и начаша бревень сѣщи вальнягу, около того мѣста». Началась въ широкихъ размѣрахъ обстройка Выговскаго общежительства. Данила Викулинъ былъ «собирагель братству». «И проживши зиму и лѣто—продолжаетъ та же лѣтопись—труждахуся и на осень начаша бревны сѣщи... И начаша къ нимъ люди приходити изъ разныхъ мѣстъ и градовъ и оныя же отцы Даниилъ и Андрей принимающе ихъ съ любовію и учаше... Но въ то время еще весьма скудно живуще, нужнымъ и скуднымъ пустыннымъ житіемъ... и съ волостей къ нимъ въ пустыню тогда еще не было дорогъ, —на лыжахъ съ кережами хождаху. И потомъ придоша два мужа съ Москвы вѣдущая писанія: единъ именемъ Прокопій Макарьевъ, другій Василій, иже послѣди въ иноческомъ чину Варлаамъ наречеса и изъ другихъ мѣстъ иныя многія... начаша къ нимъ людіе приходити и умножатися, и пашни пахати по кряжамъ и по лѣсамъ, суки сѣщи и палы прятати и хлѣбы не одни по кряжамъ имающе и кормящеся съ великою скудостію и нуждою пашнею своею, и начаша скотъ держати и двory скотскіе поставили: конской дворъ на братской сторонѣ, а коровей на другой сторонѣ у сестеръ... И бысть въ то время гладъ и хлѣбный недородъ и частыя зябелы и годы зеленые не соспѣвали, и бысть у нихъ велия хлѣбная скудость и гладъ. И поставиша на Выгу мельницу, отъ монастыря за шесть поприщъ вверхъ рѣки, мелею и толчею, и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку, и начаша хлѣбы соломянные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь весь соломянной муки; хлѣбы въ кучи не держалися, помеломъ изъ печи пахали властяжные бураки и коробки. и начаша такой хлѣбъ ясти, и такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, многожды и безъ ужина жили. И бысть велия скудость и нужда. Того ради и обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено было, деньги и серебряныя монеты и платья, и послаша Андрея Денисіева и съ нимъ своихъ людей, для промыслу хлѣбнаго въ Нижній, по Волгѣ, понесе въ то время тамо вельми хлѣбъ дешево былъ,—четверть въ двѣ гривны, тамо промышляюще хлѣбъ чрезъ добрыхъ людей въ милостыню просили и водою привезоша въ Бадуги, изъ Бадугъ перевезоша на Вытегру, а съ Вытегры въ Ингматку лѣтомъ на суднѣ,

а изъ Инigmatки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь и носящіе рожь пареную ядыху. И бысть въ то время въ монастырь велія скудость и нужда хлѣбная и всякихъ потребъ, а братство убо умножашеся уже числомъ, до полуторыхъ сотъ человекъ и больше было мужска пола и женска и малыхъ ребятъ, съ отцами и съ матерями изъ міру приведенныхъ». Такъ сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ все болѣе и болѣе устроялась. Она называлась *монастыремъ* по старинному обычаю, когда *монастырями* назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ». Въ существѣ же, Выговская община имѣла характеръ чисто-мірскаго согласія, похожа была на раскольничьи *слободы* — стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея — по словамъ Выговской Исторіи — *житейскимъ житіемъ живи*. И дѣйствительно, уже въ началѣ XVIII-го столѣтія весь матеріальный бытъ общины имѣлъ мірское житейско-хозяйственное устройство. Въ Выговской обители были особыя кельи или строенія для «работныхъ людей», особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная швальня», особыя больницы — «немошнымъ людямъ и старымъ», особая «портнымъ швалямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ людей мѣдниковъ. Было скотоводство, и конскіе скотные двory. Были кирпичные заводы. Женскій скитъ, устроенный въ 26-ти верстахъ отъ выгорѣцкаго, на рѣкѣ Лексѣ, хотя былъ «съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ въ общепитомствѣ», но имѣлъ и свое хозяйство, свои пашенныя и луговыя поля, своихъ работниковъ человекъ съ 30. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше устроялась Выговская община въ экономическомъ быту. Въ голодные годы, въ случаѣ хлѣбнаго недорода, Выговцы, какъ древніе Новгородцы и Поморцы, съ общаго совѣта, посылали надежныхъ людей на Низъ и въ другія мѣстности промышлять хлѣбъ и деньги. Андрей Денисовъ съ братомъ поѣхали въ Нижній и въ Москву, другіе поѣхали въ Новгородъ, въ Псковъ, въ низовые города, въ Архангельскъ, другіе поѣхали на Мурманскій берегъ на рыбный промыселъ, закортомили выгорѣцкія рыбныя ловли и въ другихъ озерахъ... Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Чаженькѣ, взяли въ оброкъ пашенную землю, мѣрою шестнадцать верстъ во всѣ стороны. Промышленность развилась, и Выговцы стали богатѣть. У нихъ не только не было недостатка въ хлѣбѣ, но они стали продавать его. Андрей Денисовъ неумоимо путешествовать по дѣламъ торговымъ, прибрѣлъ кредитъ, занималъ «на торгъ» деньги, закупалъ хлѣбъ и отсылалъ для продажи въ Петербургъ. На петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ Выговцы имѣли свои постоянныя двory и амбары и «своихъ людей держаша для торгу и приѣзду всѣхъ».

Такъ уже въ первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка, несмотря на всѣ гоненія и невзгоды пустыня стала богатѣть. Такъ точно и другія раскольничьи общины, скиты и слободы, мало по малу получали экономическое благоустройство. Но цвѣтущее саморазвитіе ихъ начинается собственно съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда капиталы и торговопромышленное процвѣтаніе раскольничьихъ общинъ прибрѣтаютъ даже перевѣсъ надъ экономическимъ благосостояніемъ многихъ православныхъ общинъ. Объ

мъ въ свое время будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что еще стали люди старой вѣры при Петрѣ.

Лишаясь многихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ шался при Петрѣ и многихъ естественныхъ матеріаловъ для промышленности. Казенное строительство имперіи развивало казенную монополію въ пользованіи естественными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ къ народу, что *дерева самыя нужныя въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣны быша*. Это вопль земскихъ людей противъ лѣсныхъ законовъ Петра. Петръ Первый, какъ извѣстно, называя государство «своимъ, великаго сударя, государствомъ», смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріалъ для «своихъ государевыхъ дѣлъ» и преимущественно для кораблестроенія. Отсюда явились *заповѣдныя* государевы лѣса, и все вниманіе Петра обращено было на сбереженіе этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запретельная система, на которой основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ. Въ 1703 году Петръ велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, въ большихъ рѣкахъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, славныхъ, задающихъ въ большія рѣки, на 20 верстъ. И вышло, такимъ образомъ, какъ найдено было по смерти Петра Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, что если пространство заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить въ натурѣ, то, по изкому разстоянію рѣкъ между собою, едва ли находилось мѣсто, гдѣ не было заповѣдныхъ лѣсовъ. Дубъ, кленъ, пльмъ, вязъ, карачагъ, ливеницу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ ключенія и за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей. За дубъ же, даже за одно дерево, и за большую рубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, назначена смертная казнь. Лишаясь, такимъ образомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревъ, народъ естественно былъ недоволенъ указомъ Петра, потому что онъ не былъ сколько сообразенъ съ хозяйственными потребностями и обычаями рода; во многихъ случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и другихъ заповѣдныхъ деревъ; крестьянину нужны на телѣги. сани, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, ливеница. И вотъ народъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были заповѣдныя. Зато — смертныя казни, кнуты, вырыванія ноздрей, и проч. порное нарушеніе закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ съ жизненными хозяйственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ шелъ-таки дальше. Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмейстерская инструкція, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣдныхъ лѣсахъ, опредѣлены и заклеимены заповѣдныя породы деревъ, опять самыя нужныя для хозяйства народнаго, распределены для храненія заповѣдныхъ лѣсовъ вальдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдныя лѣса разделены на звенья, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а если ихъ не было, пригонялись крестьяне для стороженія заповѣдныхъ лѣсовъ, и проч. Результатомъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа. Многие заповѣдныя лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ флотомъ, а народу строго запрещено было ими пользоваться. Вальдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафовъ

денегъ, бравшихся за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ, притѣсняли народъ и назначали часто большіе штрафы за такія порубки. за которыя по і струкціи вовсе не слѣдовало взыскивать. Самое запрещеніе рубить лѣ безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, вело къ притѣсненіямъ народа, потому что крестьяне, въ случаѣ нужды въ лѣсѣ, должны были бросать съ работы и ѣхать къ вальдмейстерамъ; а вальдмейстеры своими проволками вводили крестьянъ только въ убытки. Вотъ почему и люди ставѣры, люди народа, горько жаловались на то, что деревья самыя нужны въ хозяйственныхъ постройкахъ и дѣлахъ повсюду были заповѣда Старовѣрамъ просторъ дремучихъ, темныхъ лѣсовъ и свободный входъ имъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что ихъ въ то время гнали, имъ нужно было снова, какъ было встарину, идти въ лѣса съ топоромъ, косой и со снова сажать, «поставлять починки на лѣсѣхъ».

Инаясь свободной матеріальной жизни, земство съ XVII вѣка и окончательно при Петрѣ, лишалось свободного земскаго самоуправленія городского и сельскаго. На это указывалъ Докучкинъ народу, когда писалъ что *издревле установленныя градскіе законы лишились, свободныя вѣла и чести отпадоша*. Это вопль о тѣхъ старыхъ временахъ, когда областныя общины, дѣлаясь, на колонизаціонномъ основаніи, по городамъ жили и развивались, вмѣстѣ съ волостями, на всей своей волѣ, наприкладъ, *нравы отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли*, когда—по словамъ писемъ — *Новгородцы изначала, и Смоленскіе, и Кіевляне, и Полоцкіе во вѣдѣнии, яко же на оуду, на вѣча свободились*, когда *вѣчевыя записи и грамотскія уложенія и заповѣди* были народными законами. Далѣе, вопль Давыдова, вопль народный о свободныхъ властяхъ — это грустное воспоминаніе о свободныхъ выборныхъ земскихъ властяхъ, о выборныхъ посадникахъ объ избранныхъ головахъ и старостахъ, о выборныхъ земскихъ судахъ. Наконецъ, вопль объ *издревле установленныхъ градскихъ законахъ* есть частности, вопль о тѣхъ *установкахъ грамотахъ*, какія въ XVI-мъ вѣкѣ выпросили себѣ областныя общины, по которымъ онѣ свободно управлялись и судились межъ себя своими выборными головами, старостами и судьями «кого сами межъ себя избрали и выбрали», управлялись такъ, *и любя была справа всей ихъ земль*. Съ тѣхъ поръ какъ не стало этихъ уставныхъ грамотъ въ городахъ, а повсюду управляли воеводы, съ тѣхъ поръ торговые и посадскіе люди съ сожалѣніемъ вспоминали про прежнюю свободу городского самоуправления. Говорили самому царю: «Прежде въ твоихъ государевыхъ воеводахъ не бывало, а посадскіе люди судились межъ себя». Въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го торговые, и посадскіе люди еще больше должны были вспоминать о древнихъ уставныхъ грамотахъ, потому что съ умноженіемъ приказовъ они терпѣли много бѣдъ и убытковъ отъ разныхъ приказныхъ властей и вѣдомствъ. Самъ Петръ писалъ въ указѣ 1699 года января 30-го, учреждая Бурмистрскую Палату: «Вѣдомыя гости и купецкіе и промышленные люди, купецкими расправными всякими дѣлами, и его, великаго государя, окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ, и извѣстно великому государю учинилось, что имъ, гостямъ и гостинной сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ

и промышленнымъ людямъ. во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ, отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». При такихъ страданіяхъ отъ приказныхъ властей и учреждений купецкіе и посадскіе люди поневолѣ должны были сожалѣть о старыхъ уставныхъ грамотахъ городскихъ, о своихъ свободныхъ выборныхъ властяхъ. И вотъ почему расколь, устроивъ новыя мірскія, общинныя согласія, слободы и скиты, по стариннымъ народнымъ обычаямъ, по образцу сельскихъ мірскихъ согласій и сходовъ, организовалъ у себя свободное, выборное самоуправленіе и самосудъ. Въ согласіяхъ раскольниковъ были «по выбору старосты и выборные съ переменною ежегодно», выборные излюбленные наставники, выборные всѣ должностныя лица, были сходы, на которыхъ всѣмъ согласіемъ «судавше межъ собою», устанавливали что-нибудь. Въ важныхъ случаяхъ, въ раскольниковъ согласіяхъ были общіе *соборы* или *общіе совѣты*. Все это внутреннее устройство самоуправленія уже слагалось при Петрѣ Первомъ и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, несмотря на то, что въ это время раскольничьи общины подвергались часто разореніямъ. Для примѣра послушаемъ разсказъ выговскаго лѣтописца о выговскомъ раскольниковъ совѣтѣ, бывшемъ въ 1738 году по случаю самаринской комиссіи: «И составиша совѣтъ между собою... и собрашася со всего Суземска лучшіе люди во общежительство, начаша думати, что сотворити, овію и ко страданію глаголаша готовитися... огню предаватися, а которые не хотятъ страдати, тѣмъ разбѣжати, а въ руки имъ (слѣдователямъ) не даватися, кои еще хотяху пожити, а овію лучшіе люди о семъ начаша отъ писанія разсуждати и препятствовать, что страдати не за что, и начаша въ писаніи рассматривати, и розыскивати, и читати всѣмъ вслухъ... и уговаривати, чтобы не безсловесно страдати и упрямствовать, а въ чемъ можно отвѣтствовать и показати о своемъ житіи ясно, какъ кое мощно оправдатися, чтобы не навести на себя и на прочихъ старовѣрцевъ безсловеснаго отъ ея императорскаго величества и напраснаго гнѣва прежде времени, и начаша думати и условишася всѣ лучшіе старцы Ѳеодосій, Варлаамъ и Іосифъ грамотные и писанія вѣдущіе Симеонъ Діонисіевъ, Трифонъ Петровъ и проч., и березовцы Иванъ Ивановъ, иконникъ Алексѣй, Ѳеодоръ Семеновъ и проч., и желтопорожскіе Ефремовы, Ѳеодоръ Леванидовъ, Ѳеодоръ Петербурхской, и проч., и боровскіе жители Иванъ Давыдовъ, Венедиктъ Петровъ, Василій Даниловъ и проч., и салатозерскіе... и Ладожскаго скита Наумъ и Севастьянъ и прочіе многіе выборные и десятскіе, и изъ простыхъ грамотные и неграмотные жители, и положивша, что и въ тропаряхъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ ея императорское величество помянуть по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцовъ се просто было. что о томъ нужды не было до сего времени, и о томъ не спрашивалось ни отъ кого, а въ нынѣшнее время нужда повела, о семъ по клеветамъ спрашиваютъ и истязуютъ, что тѣми клеветами хотятъ всѣхъ старовѣрцевъ искоренити, того ради и писанія искати и почитати и творити, дабы церкви не вредити и на христіанъ на всѣхъ не навести напраснаго и без-

словеснаго гнѣва и конечнаго всѣмъ разоренія и искорененія, и гонительства, и мучительства... И положиша у всѣхъ, что написать къ ея императорскому величеству челобитная, и отписать все свое житіе, какъ и сей пустыни первые отцы завелися жити... дабы было за что и страдал Тое всѣмъ пустыннымъ жителямъ было любо». На совѣтѣ этомъ всѣ Вововцы общимъ приговоромъ *заповѣдаша* постъ и молебны всѣмъ жителямъ также какъ встарину бывало, *староста и всей волости крестьяне*, на искомъ сходѣ, *обговорися сами промещъ собою, учиняли заповѣдь*, наприимъ три года въ воскресенье «не дѣлать никакого дѣла чернаго, ни угодъ въ воскресенье не угадовати, ни бѣлки не лѣсовати», и т. п.

Наконецъ, Докукинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется на то, что *слова и званія нашего славянскаго языка измѣнились*, и упрекаетъ современное, петровское поколѣніе, въ *лестныхъ ученіяхъ*. Это прежде всего нападки на иностранныя, нѣмецкія названія чиновъ при Петрѣ, а потомъ и вообще на тогдашнюю порчу русскаго языка нѣмецкими и латинскими словами и оборотами. На русскій слухъ, въ самомъ дѣлѣ, дико звучатъ всѣ эти бергъ-коллегии, мануфактуръ-коллегии, ратгаузы, магистрат-регламенты, табели о рангахъ, губерніи съ провинціями и губернатора ланд-гевдинги, оберкоменданты, оберланд-рихтеры, камергеры, ланд-ланд-секретари, бухгалтеры, вальдмейстеры, ланд-рендмейстеръ, ланд-и обер-фискалы, ланд-мейцы, профоссы, ланд-шрейберы, кирхшпильфохъ и т. д. Кромѣ того, самый языкъ указовъ Петра—словно копія или переводъ съ нѣмецкаго—тяжелъ, теменъ, совершенно отличенъ отъ языка только живаго народнаго, но и отъ языка грамотъ и указовъ XVI и XVIII столѣтій: то былъ языкъ точный, выразительный. Не даромъ при Петрѣ и авторъ «Трѣязычнаго Лексикона», Поликарповъ, жаловался на примѣкъ къ славяно-русскому языку множества иностранныхъ словъ.

А что касается до вопля Докукина противъ *лестныхъ ученій*, то нападки на то ученіе, къ которому Петръ Первый принуждалъ нѣкоторые классы народа. Это нападки не одного Докукина, а большей части народа. Отъ ученія при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколъ. Весело, однакожъ, узнать причины, почему народъ не сочувствовалъ самому главному благу, какое хотѣлъ ему дать Петръ—ученію, просвѣщенію Народу, кромѣ свободныхъ правъ ничто такъ не нужно было, какъ ученіе просвѣщеніе. По причинѣ отсутствія науки, просвѣщенія, разумной деятельности въ древней Россіи, и многіе жизненнонародные, плодотворно-закладательные зачатки земскаго строенія не получали рациональной, органической организаціи, просвѣщенной, сознательной осмысленности, ясности и выражались въ грубыхъ формахъ. Таковы, наприимъ принципы вѣчей, мірскихъ сходовъ, земскихъ совѣтовъ, земскихъ соборовъ, земскихъ училищъ, земскаго значенія вопросовъ религіозныхъ, областнаго автономіи и федераціи, общинно-областной гласности, писцовой окладной системы, избраннаго выборнаго самоуправленія и самосуда, круто-поручки, суда въ присутствіи *судныхъ мужей* и выборныхъ отъ міра, и т. д. Выразивши такой самородно-закладательный архитектурно-строительный табу земскаго строенія, земскій міръ, народъ—нуждался въ научномъ просвѣщеніи.

щеніи и осмысленіи своего непосредственно-натуральнаго жизненнаго творчества. А вотъ онъ бѣжитъ въ расколъ отъ науки Петра. Почему же, однако? Взглянемъ, хоть бѣгло, на школы Петра.

Петръ Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, смотрѣлъ на науки чисто съ государственно-устроительной точки зрѣнія, какъ на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей объ имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. Онъ не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его частной и общественной жизни, а заботился объ образованіи искусныхъ слугъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, образованіи русскаго *человѣка*, а ему нужно было образовать себѣ изъ русскаго прежде всего *служилаго* челоуѣка, напр. инженера, морехода, мастера, дьяка, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д. — всѣхъ для службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: *духовныя* — для образованія церковниковъ *въ надежду священства*, для службы церковной; *инженерная школа*, основанная въ 1712 г. въ С.-Петербургѣ для образованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; *цифирныя школы* для обученія «цифри и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцовъ», для образованія служилыхъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; *навигационныя школы* — для образованія моряковъ; *медицинскія и хирургическія школы* — для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полковыхъ. Для изученія этихъ же наукъ, и съ тѣми же служебными государственными цѣлями, Петръ посылать молодыхъ людей за границу.

Утѣшаясь строительствомъ кораблей на Балтійскомъ морѣ и пированьемъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, Петръ мечталъ о будущемъ переселеніи всѣхъ наукъ въ Россію. «Кто бы могъ подумать, братцы — говорилъ онъ въ 1714 году въ Ригѣ, осушая чару вина на новопущенномъ кораблѣ — кто бы могъ думать назадъ тому 30 лѣтъ, что вы, русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? Историки — прибавилъ онъ — полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перенесли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но необразованность нашихъ предковъ помѣшала имъ проникнуть дальше Польши, хотя и поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ... Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ челоуѣкѣ: и мнѣ вѣрится, что онѣ опять когда-нибудь покинутъ свое мѣстопробываніе въ Англіи, Франціи и Германіи и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію».

Между тѣмъ какъ Петръ мечталъ о далекомъ, несбыточномъ будущемъ, въ свое время, для образованія русскаго народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, онъ ничего не сдѣлалъ. Учредивъ школы по городамъ, и то не по всѣмъ, для образованія только церковниковъ въ надежду священства, для образованія касты духовной, да дворянъ и дьяковъ для образованія касты дворянской, военно-служилой, чиновничей, Петръ

не основалъ школѣ по селамъ или волостямъ, не основалъ школѣ грамотности народной, школѣ для разсѣянія въ народѣ мифологическихъ суевѣрій, византийска-восточныхъ понятій семейныхъ и общественныхъ для распространенія въ массѣ народной элементарныхъ, общечеловѣческихъ, естественныхъ и гуманныхъ понятій. Умственная жизнь массы народной прошла черезъ всю петровскую эпоху совершенно тою же, какою была въ XVII вѣкѣ. Европейски-просвѣтителное вліяніе Петра нисколько не существовало и не существуетъ для огромной массы крестьянства, мѣщанства и даже большей части купечества. Въ этомъ отношеніи вполне справедливы слѣдующія слова Тургенева о Петрѣ: «Il fit peu pour l'instruction populaire, et l'on ne voit pas qu'il se soit beaucoup occupé d'établir des écoles de differents degrés destinées à l'enseignement des masses».

Вслѣдствіе этого, и народъ не сочувствовалъ школьному ученію Петра. Главныя причины этому были двѣ. Во-первыхъ, не давши народу свободныхъ правъ матеріальнаго обезпеченія, отрывая его отъ торговъ и промысловъ на казенныя работы и службы, обременяя податями и разными сборами, Петръ хотѣлъ силой заставить учиться цифири, нѣкоторой части геометріи, и т. п. Онъ велѣлъ брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15-ти лѣтъ, безъ всякаго согласія родителей, черезъ военный приказъ. Если родители противились, то ихъ сажали подъ караулъ, либо въ тюрьмы, заковывали въ кандалы, а дѣтей съ солдатами отправляли въ школы. Положимъ, что при грубомъ невѣжествѣ народа, эти слишкомъ крутыя мѣры при Петрѣ могли казаться неизбѣжными. Однакожъ, справедливость требуетъ и то сказать, что жизнь народная была правѣ Петра: родители часто не отдавали своихъ дѣтей въ школы просто по естественной невозможности, по крайней бѣдности. Крестьянинъ Посошковъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» начерталъ намъ печальную картину тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра поглощали у него и доходы и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ изображалъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономическій бытъ народа, особенно при тогдашнемъ ненасытимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ приказнаго начальства. При бѣдности народной, естественно, не всегда-то сносно было родителямъ лишаться лишнихъ рабочихъ силъ, отдавая дѣтей безъ пользы въ школы. Вотъ почему, напримѣръ, въ 1720 г. посадскіе люди Вологды, Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ представляли Сенату, что отбираніе дѣтей изъ круга семейнаго подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности и разрушаетъ благосостояніе домовъ дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ, а бѣдныхъ лишаетъ и послѣднихъ силъ добывать содержаніе семействъ.

Другая причина безплодности петровскихъ школъ для народа та, что система ученія въ нихъ была отвлеченна отъ жизни, отъ живыхъ, насущныхъ потребностей народныхъ. Главное: ученіе въ нихъ было военное, да чиновничье; если и преподавались «нужныя механическія хитрости», такъ преподавались не для собственно-хозяйственной жизни народа, а главнымъ образомъ для видовъ государства, правительства. Казенность правительственнаго школьнаго образованія отталкивала отъ него земскихъ людей.

Казенная корпоративная раздѣльность, замкнутость и отвлеченность школъ отъ жизни, тоже не располагали къ нимъ народъ. Потомъ, во всѣхъ этихъ училищахъ преподавался съ особеннымъ предпочтеніемъ латинскій языкъ, какъ языкъ *единоначальствія*, *lingua Imperii*, по словамъ Поликарпова. Между тѣмъ, до 1721 года, въ школахъ петровскихъ не было грамматики не только русскаго народнаго языка, но и славянскаго; значить, непочему было и грамотѣ учиться. Только въ 20-ыхъ годахъ Петръ велѣлъ издать, хотя старую, славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго. Издатель ея, Поликарповъ, такъ говорилъ въ предисловіи о причинахъ неуспѣховъ народнаго обученія: «Оставляя премудрымъ о пользѣ, силѣ и дѣйствѣ грамматическаго художества витійствовать, нынѣ вины отъ многихъ пѣнія сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ простымъ словомъ изъясляю вашему любомудрію. Первая, понеже непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога, изволился любомудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и высокихъ дѣлъ первому, чрезъ неусыпное его царскаго величества тщаніе, преславное и православное свое государство, якоже и *иными военными* высокими науками и всякими нужными механическими хитростями украсить и обогатити, тако и *седьми свободныхъ наукъ еллино-греческа и латинска* діалектовъ училищами наполнити. А славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподававшаяся за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависить учащимся не малая. Вторая: яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози нынѣ различныхъ ученій цѣлѣ, изъ нихъ же бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ на словенскомъ діалектѣ сотѣ, переводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ, представить, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишаящеся, и *сами мнозицею того не получаютъ* и иныхъ не удостоять оныхъ наукъ доброту и силу видѣти» и проч. Изъ этихъ немногихъ словъ издателя грамматики при Петрѣ можно судить и о томъ, почему народъ, съ своимъ простымъ, богатымъ, естественнымъ, живымъ языкомъ, не могъ вовсе и грамотѣ учиться по такимъ обветшалымъ, ненароднымъ, славянскимъ грамматикамъ, какъ Смотрицкаго, и притомъ въ такомъ тяжеломъ, варварскомъ по языку изданіи Поликарпова.

Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученью живому, своимъ однокровнымъ, доморощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученіемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простаго народа — для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взялъ на себя миссію, пропаганду учительства народнаго. И путь ученья, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ нельзя болѣе споспѣшествующій цѣли — путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всѣмъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующие грамотники, наставники раскола, несравненно съ большимъ успѣхомъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученье, чѣмъ пра-

вительственные учителя казенныхъ, замкнутыхъ, корпоративныхъ школъ, потому что они сами выходили изъ того же самаго народа, который училъ, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученіе ихъ было прямо жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно возводило въ доктрину не отвлеченно-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ. Оно хотя въ то же время поддерживало суевѣрія, занимало народъ пустыми религиозно-обрядовыми вопросами, но все это въ ученіи раскола получало своеобразную народную переработку. Расколъ развивалъ свою догматику, допускалъ полную свободу мнѣній, толковъ, согласій. Онъ не чуждался и западно-европейскихъ идей и ученій: у него были расколоучители иноземные. Таковъ, напримѣръ, нѣкто Вавило, о которомъ Денисовъ писалъ: «бысть родомъ иноземецъ, вѣры лютерскія, глаголати и писати учися до вольновремено въ славнѣй парижскѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій». Расколъ будилъ, вызывалъ своеобразную народную мыслительность. Въ то время какъ въ православныхъ общинахъ весьма мало было грамотныхъ, въ раскольничьихъ общинахъ рѣдкій былъ неграмотный. Много было грамотныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ то время какъ православный мужичокъ мало думалъ, почти ничего не зналъ, не писалъ, не сочинялъ, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть что бы тамъ ни было на первый разъ. Изъ высшей степени многозначительный фактъ въ народной исторіи, что расколъ возвышалъ, поднималъ нравственное человѣческое достоинство мужичковъ нашихъ; возводилъ ихъ на степенъ учителей, наставниковъ, писателей въ то время, когда у нихъ отнимали прежнія права, продавали поодиночкѣ, отрывая отъ семействъ. Точно такъ же и женщины расколъ возводилъ, равноправно съ мужчинами, въ достоинство *наставницъ*. Расколъ далъ имъ знать, въ лицѣ многихъ своихъ наставниковъ, что богатые, могучія дарованія, таланты, или, какъ говорить народъ, *самородки* нашего крестьянства и всего простаго народа просились къ проявленію своихъ силъ, и нигдѣ не находили простора, исхода, кромѣ раскола, и что вообще въ массахъ нашихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ глуши, въ захолустьяхъ широкой имперіи, подъ гнетомъ житейскимъ и государственнымъ, гибло множество Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, которые только въ расколѣ и находили себѣ хоть какую нибудь дѣятельность: недаромъ и самъ Ломоносовъ, преобразователь умственной жизни Россіи, создатель русской науки и литературы, «родитель» перваго русскаго университета — московскаго, борецъ съ Нѣмцами въ російской академіи, и Ломоносовъ съ молода былъ въ расколѣ.

Взявъ на себя миссію учительства народнаго, раскольничьи согласія, по возможности, учреждали у себя и школы. Напримѣръ, въ «Исторіи Выговской Пустыни» читаемъ: «И начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и городовъ, а оныя же отцы Даниилъ (Викунинъ) и Андрей (Денисовъ) принимающе ихъ съ любовію, и учаще, и наказующе . . . *молодыя и дѣтей обоюго пола учашу грамотъ*». Въ Выговской же пустынѣ была школа искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольничьихъ

книгъ, школа пѣвцовъ для снабженія ими раскольниковыхъ часовень и молитвенныхъ домовъ, школа искусныхъ живописцевъ и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, учительныхъ и историческихъ, книгъ, лѣтописей, сборниковъ, и т. п. Всѣ эти способы ученія—библіотеки и разныя школы—особенно стали развиваться у раскольниковъ со второй половины XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го столѣтій. Въ согласіяхъ, скитахъ, слободахъ раскольниковыхъ на первой же порѣ появилось много людей *искусныхъ писанью*, весьма даровитыхъ, начитанныхъ, самородныхъ, своеобразныхъ народныхъ писателей. Были свои богословы, какъ напримѣръ, протопопъ Аввакумъ, смѣло и своеобразно разсуждавшій о Троицѣ, народнымъ, крестьянскимъ языкомъ писавшій свои догматическія письма. Были свои полемики, какъ московскій архимандритъ Спиридонъ (ск. 1655 г.), попы Лазарь и Никита, соловецкій келарь Азарій и черный попъ Геронтій и другіе. Были свои историки, какъ Андрей и Семень Денисовы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и богословами и полемиками; Иванъ Филипповъ—авторъ «Исторіи Выговской Пустыни». Были даже свои поэты. И нужно сказать, что въ XVIII-мъ столѣтіи народная поэзія только у однихъ раскольниковъ почти и развивалась. И послѣ пѣсенъ казачьихъ и разбойничьихъ, въ которыхъ тоже есть старовѣрскіе элементы, пѣсни раскольниковъ—самыя поэтическія пѣсни. У меня подъ руками есть нѣсколько раскольниковыхъ стиховъ, которые современемъ будутъ ¹⁾ напечатаны. Съ 1655 года до Петра Перваго и даже до половины XVIII-го вѣка, въ раскольниковей письменности преобладаетъ религіозно-полемическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ-повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII-го столѣтія, когда раскольничьи согласія получаютъ территоріальную сосредоточенность, осядлость, начинаютъ немного свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненные данныя и силы; отвлеченно-религіозный элементъ ослабѣваетъ, и вырабатывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими. *Но объ этомъ послѣ.* А теперь, для характеристики раскольниковыхъ писателей первой половины XVIII столѣтія, петровскаго времени, приведемъ слова выговскаго лѣтописца, Ивана Филиппова, о заслугахъ и достоинствахъ Андрея Денисова: «Все житіе свое въ сей пустынѣ препроводя въ добродѣтеляхъ богоугодно, изучивъ божественнаго писанія, прошедъ философское и риторское ученіе, и велиій сказатель бысть словесъ божіихъ безъ книги изъ устъ, свободнымъ уча гласомъ всю братію: и толь сладостно бѣ ученіе его, яко всѣ послушающе прилежно внимаху. На праздники же всѣ по совершеніи всенощныхъ пѣній, простираше праздничная златоструйная словеса ученія, яко хитрориторски преизобильно украшаше и все богато свѣтлыми словесы и дивными обогащаше. Все ученіе его достойно было бы писанію предати. Егда же о праздницѣхъ краснослав-

¹⁾ Срв. выше обѣщаніе автора говорить о перевѣсѣ съ 80-ыхъ гг. XVIII в. многихъ раскольниковыхъ общинъ надъ экономическимъ благосостояніемъ общинъ православныхъ. В. С—ев.

ная и пресладкая сотворши бесѣды: тогда наконецъ прилагаше нравоученіе презрѣдное... Ими же всякій умъ жестокий, всякую нечувствительную и каменную душу къ Богу возводя, тѣмъ же и языкъ его пресладкій чуднѣйшій ореевы баснословляемыя цѣвницы показася, небо, горы и каменіе привлекаше къ себѣ, но каменно-сердечные человѣки отъ земли на небо славно влечаше: воспоминаше бо въ нравоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, какъ подобаетъ праздновати и каковымъ быти христіанамъ, яко не именемъ именоватися точію достойтъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалитися, отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити. блуда бѣгати, сквернъ плотскихъ удалитися, и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и въ умиленіе влагая и на покаяніе согрѣшающихъ понуждая: толико бо хитръ и сладостенъ бѣ словомъ, яко никто инъ таковъ обрѣтается въ нынѣшнихъ христіанѣхъ... яко и впредь не чается таковъ быти... Въ юности же своей егда ѣздяше въ Москву и въ Санктпетербургъ и въ Кіевъ, тогда тамъ изучился добрѣ грамматическому и риторскому ученію, также и прочихъ учаше, брата своего Симеона и Трифона Петрова и иконника Данила и Никифора Симеонова и прочихъ, иже изучишася отъ него тому же художеству, кійждо по силѣ своей, чтобъ право писати и добрѣ глаголати, знати силу святаго писанія и догматы церковныя и укрѣпляти и прочихъ и братію въ православной христіанской вѣрѣ... Того (Андрея) всѣ слади славиху и дивляхуся и гражданскія персоны и отъ виѣшнихъ славныи мужи риторы похваляху и въ славѣ словесъ прелюбезно восхваляху и бесѣдовати съ нимъ желалху: и нѣкогда въ бесѣдѣ высокія персоны другъ съ другомъ послѣ смерти Андреевой бесѣдоваша объ немъ и восхваляюще и вопрошающе у прилучившагося ту общежителя Андреевой киновіи: «Еще ли у васъ другой Андрей остался таковъ, въ разумѣ и въ книжной премудрости и въ ученіи? И сами другъ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать и во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ!»

Земство и расколъ

II

Бѣгуны ¹⁾

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу Петръ великій, радикально измѣняли на все послѣдующее время и истинный, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ ой русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское державіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней и дальней, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колонизационную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного строя и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ окончательно уничтожало гражданскую и духо юридическую самобытность областей, слабые признаки которой охранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкцій, уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣсняло, исключало всякую свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго саморазвитія областного земства, устанавливая для него всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія правила или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разложения исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократическаго, централизационнаго строя государства, въ формѣ имперіи всероссійской. Она, во-первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, заставляя каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во-вторыхъ, раскалывала такъ сказать цѣльный общинный составъ, организмъ на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военно-гражданскія. Вотъ главные начала, которыя по волѣ Петра великаго въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Время“ за 1862 г. № 10, стр. 319—363 и № 11, стр. 1—7 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ: № 10-го—отъ 11-го, № 11-го—отъ 12 ноября того же года; редакція М. Достоевскаго). Статьи о бѣгунахъ и нѣкоторыя другія работы Шапова, появились въ искаженномъ цензурою и въ какомомъ перепечатываются и въ настоящемъ изданіи за неизмѣнимъ рукописнаго оригинала. В. С—въ.

имперіи, и которыя потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно отличались въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины, по общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства прѣшведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала возни доселѣ возстають главнымъ образомъ противъ всѣхъ указанныхъ чашъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донынѣ свою историко-дѣятельную полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I. что каждое историко-обличительное сочиненіе федосѣевцевъ, бѣгу начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихриста есть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учрежденій: сената, синода, регламентовъ, ревизіи душъ, подушной подати, раздѣла челоуѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ основъ началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола развили все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ разрывнымъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особеннымъ витіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742, характеризующаяся тяжелой для народа постройкой имперіи, была въ немъ самого болѣзненнаго и напряженнаго хаотическаго движенія пленныхъ, служилыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ немъ сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, беззаконнымъ божествомъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣпостного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, за границу. Эпоха слѣдующихъ двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда начался поворотъ къ установленію образованію русскаго сословно-разъединеннаго общества, ознаменовалась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агитаціями крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ преимущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣлъ въ сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой половинѣ XVIII столѣтія и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничествомъ. Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравственныхъ силъ податного, крѣпостного и служилаго народа составляла — местное угнетеніе и жажда воли. Въ это время, подъ знаменемъ раскола, гонимая пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и питатель душъ крестьянскихъ, съ мистическимъ предчувствіемъ, въ мѣстныхъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія для народныхъ, возвѣщалъ «отъ странъ иркутскихъ до сѣверной страны терской». Въ это же время, подъ знаменемъ безпоповщинскаго раскола, явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицаніе ревизской, военно-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ имперіи и великороссійской церкви и порабощенности ихъ властями учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ о происхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласія бѣгуновъ, касаясь впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугачевщины почти не видно, не видно на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціального народа. А горемычные, — онѣ тогда страшно стонали. Но отдаленный тонъ народный, по словамъ Щербатова, не былъ внушаемъ и слышенъ еднѣ роскошей столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не зналъ правительства и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостного права и проч. «Россія, говоритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, — Россія не какъ другія страны, гдѣ правительство тѣмится обнаруживать свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны. Знаетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство какой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его висятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудовольствіи, иногда и понапрасну. Желашіе научиться способу не имѣютъ. Разышленія остановлены. Ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаются». Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, *peuple des esclaves*, по выраженію англійскаго посланника того времени, Сирлея. Императрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла имперію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ руссін, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ статскъ-канцеляріи менные указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполненные. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 миліоновъ, изъ которыхъ 40,000,000 почитали вышедшими изъ имперіи вонъ и натурою отпавленными, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два миліона. 60,000,000, кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Масальска занимало при слушеніи моемъ на престолѣ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли приказаніе сената, что въ пословицушло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не сполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились вое-

воды и воеводскія канцеляріи. Онѣ не получали жалованья, и позволѣно было кормиться отъ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Но опредѣлять воеводъ, по числу городовъ въ имперіи не знали. Когда требовала реестры городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ, и карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ сенатъ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ придала правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, я подавъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила къ Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семь каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 миліоновъ. При коронаціи у меня было три секретаря, у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ іюнь мѣсяцъ 1763 года поѣхала я въ сенатъ. Слушало дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безъ числа воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизіи за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уста говорить замолчали. Тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и гостинныя суммы для казны. Нельзя ли иначе? Мнѣ сказали: такъ дѣлалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ такъ, публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличности душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четь сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безчисла. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Наки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями много множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ доднесъ прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе рассказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, едва конченъ былъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Завискихъ крестьянъ непослушаніе увидели посланные генераль-майоры князь Александръ Алексѣичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, рассмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не единожды и нуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблагодатскіе заводы за двѣ миліонныя казни долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также воронцовскіе, чернышовскіе, ягужинскіе и нѣкоторые иные заводы по таковымъ же причинамъ накіи въ казенное поступили въ ведомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ

и петербургскія старообрядскія народныя собранія XIX вѣка. Не говоримъ покуда о политической письменности старообрядческой. Со времени Петра великаго большая часть кунечества и посадства признала лучшимъ устроить, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнутое, но самобытное, безусловное, братское, богатое общество, съ соборно-общиннымъ и выборнымъ самоуправленіемъ. чѣмъ соединиться, слиться съ православнымъ обществомъ, разъединеннымъ кастально-сословнымъ антагонизмомъ, управляемымъ какъ машина не своими общественными силами. Къ тому невольно вела купцовъ и посадскихъ историческая обстановка, политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправления, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голосъ ихъ не былъ уваженъ. Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ классовъ, также какъ и крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-государственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные люди были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ великій, сожалея объ *оскудѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*, по томъ, что «сего великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ недоимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»: самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостиной и суконной сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе бурмистрской палаты, московской ратуши и городскихъ земскихъ избъ, съ ихъ приказно-купеческимъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, обер-инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, подъячими, надсмотрщиками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, — ни одно изъ этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцовъ и посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самосудной свободы торгова и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учреждений, торговыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свободное торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему были рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенныхъ, кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подъячихъ. Не охранялъ ихъ отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосудіемъ юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ положеніе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-колегіи, однакожъ, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ высокомъ презрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній слышанныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и убо

есть не безъ вящаго государственнаго вреда». Точно также мало благо-
троивали быть купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его
главнымъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоста-
вить купцамъ нѣкоторыя права самосуда и самоуправленія, чтобъ обезпе-
чить ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. Въмѣсто предоставленія
уличеству и ремесленнымъ классамъ свободнаго торгово-промышленнаго
развитія тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлало да
подраздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опеку аль-
дерменовъ, старостъ. Какъ матеріально и нравственно вредны гильдіи, объ
нихъ будетъ рѣчь дальше. Въмѣсто свободнаго выбора промысла, прави-
тельство подробно опредѣляло самыя стѣснительныя, кастально-корпора-
тивные способы пріобрѣтенія регулярнаго гражданства, торговаго и ре-
месленнаго состоянія. Напримѣръ, въ родѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ масте-
выхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное
правленіе ремесла; безъ предъявленія цеховому альдермену и безъ клейма,
ремесленникъ не имѣетъ права продавать свое издѣліе», и т. п. Такой при-
вно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный
дѣ самоуправленія былъ нисколько не легче и не лучше приказно-адми-
стративнаго управленія. Да и тотъ былъ уничтоженъ при преимникахъ
тра. Въмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ горо-
вые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ.
послѣ, когда были возстановлены, не выходили изъ-подъ контроля гу-
бернаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ началь-
ки губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это
сылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напе-
танной въ «Чтеніи общества исторіи и древностей русскіихъ» за 1859 г.
слѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія—магистраты,
послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспоря-
тельности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ кан-
цларій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица, пре-
зиденты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія
казаннаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чи-
нниками-деспотами. Ужасно читать, какіе были во второй половинѣ
XVIII столѣтія президенты городскихъ магистратовъ, избравшіеся иногда
военныхъ. Напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ графъ Салты-
въ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата прези-
дентъ Дмитрій Дубровинъ купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи
смертоубійства, также и казни похищенія, за что главнымъ магистратомъ
былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то правилъ ту долж-
ность своевольно. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца
Знецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной ра-
ботники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ, Кузне-
въ, въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находяще-
ся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему,
иде съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата
утатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ со-

заводовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щедрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмиллионный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятая отъ казны деньги въ столицѣ».

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ податнымъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служилымъ массамъ народа?.. Въ глуши провинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ родѣ Тутолминыхъ, Гудовичей, Трескиныхъ, подъ игомъ ландратовъ, ландрихтеровъ, ландкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ оберъ-ландрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, станowychъ. И вѣковымъ путемъ тяжело-прожитыхъ опытовъ стали они невольно доходить мало-помалу до того фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанія, какое несдержимо и однажды навсегда выразилось въ демократически-отрицательной оппозиціи всѣхъ федосѣевскихъ согласій раскола и въ особенности въ согласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжело испытывали горько-жизненное недовольство, и вотъ, во всѣхъ слояхъ его, недовольные доходили до такого отрицанія... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на быть податного, крѣпостного и служилаго народа, на быть купечества, мѣщанства, крестьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія бѣгуновъ и передъ ней.

Былинный эпосъ и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселый, широкій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совсѣмъ представляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская заботность, крайній недостатокъ духа инициативы, предприимчивости, недостатокъ просвѣщенной раціональности при здоровомъ, практическомъ русскомъ смыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего купечества и вообще торгово-промышленнаго класса. По происхожденію сродное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ историческихъ обычаевъ сель, наше купечество туго поддается и европейскимъ понятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ какую-то социально-оппозиціонную реакцію, могучую, плотную, сдерживающую силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и городскимъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя начала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. Тутъ, въ этой бытовой, тяжело-прожитой самовыдержанности не все самодурная рутина, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, исторически-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Большая часть купечества и посадства или мѣщанства, вмѣстѣ съ крестьянами, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, пошла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самодѣятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоуправленія. Доказательство на это представляютъ между прочимъ московскія

общниками взять подъ караулъ. для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ двинуть, и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ похоть выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ, какъ и прежде въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смер и убѣчаютъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны» (и такъ далѣе и разсказомъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не только провинціальныя, городовыя магистраты, но и петербургскій главный магистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустроенъ. Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ крестьянъ, чѣмъ заботился о безпрепятственномъ развитіи торговли; больше грабилъ купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышленную производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, должностующее бы быти ищитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбоковъ, гдѣ ихъ грабятъ и угѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я и торые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записаны въ цехи; а состояніе російскаго государства требуетъ, чтобъ благородныя имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпостнаго права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удерживать, нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужны сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещать крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торятъ или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ теряется великое число денегъ, которыя нынѣ въ обращеніи и въ а не исключить, то купечество разоряется; законы старые пребываютъ вы печатаются, другіе невѣдомые указы именныя магистрату одаются. Не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть, и чемъ можно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позвонить крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя и дѣла о банкротствѣхъ, а полнаго вексельнаго устава нѣтъ, круткаго и не бывало; два или три были сочинены, всѣми же апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Последній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ ли пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстомъ, ненавидящимъ комерцію; ибо князь Вяземскій, генераль-прокуроръ, сіе мѣсто видѣтъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ сивиламъ торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ набытокъ и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя реправки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ и комиссіи о комерціи императрицы въ 1774 году подалъ. Но какъ въ кабинетѣ своемъ хотѣтъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространное уложеніе, то сего устава не апробовала, а между тѣмъ время государство и торговля терпятъ».

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи купцы и мѣщане терпѣли обиду въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Они много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря на ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ жаловались купцы во второй половинѣ прошлаго столѣтія—и нынѣ тоже всѣми тѣми монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ оныхъ притѣсненіе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же наче когда совсѣмъ канцеляріямъ отдано подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобъ никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать дома и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе». По чрезмѣрной често-придирчивой, корыстолюбивой истязательности, чиновники чрезвычайно медленно вели купеческія дѣла, пока не получали взятки, или запугивали и рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ насильно, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавые судьи формальными допросами запугивали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству причиняли обиды и побои; за забранные товары не отдавали денегъ. Дворянство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческихъ дѣтей, какъ «въ грубости рожденныхъ», за то, что они попадали въ дворянство. «Чрезъ это—по словамъ князя Щербатова—чины умодлялись, а служащій кортунъ дворянскій терпался». Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссіи 1767 года, находилось «въ крайнемъ презрѣніи», такъ же какъ и мѣщанство. Поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссіи, созданной для сочиненія проекта новаго уложенія, представляли между прочимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; 2) о нечиненіи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; 5) о незабираніи насильно изъ суда въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленіи купечества отъ службы при сборѣ казенномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для приѣма и отдачи вина, такъ какъ это купечество считало самую большую «конфузіей для себя», и т. п.

Въ коммерческомъ отношеніи купечество и вообще торгово-промышленный классъ страдалъ отъ монополіи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ принципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Петръ великій, перестроивавшій московское государство въ имперію, неуспынно хлопоталъ о доходахъ и прибыли казны, и потому о «денежныхъ сборахъ» старался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губерніи, управлялъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При немъ впрочемъ казенная монополія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ отношеніи къ фабричной и заводской промышленности и производительности, была поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правитель-ство и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще годъ отъ году

усиливало систему казеннаго монополизма, такъ что къ концу XVII къ началу XIX столѣтія монополія возрасла до крайности и стала оди-
 тяжелымъ стѣсненіемъ для торговли и промышленности. Мордвинъ
 признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства фи-
 совъ въ Россіи и объединенія торговаго класса. «Казна присвоила
 единоторжіе, писалъ онъ: а) Чрезъ отстраненіе торговаго класса и
 отъ казенныхъ поставокъ. Симъ отстраненіемъ и посылкою, въ за-
 того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей изъ
 выхъ рукъ, ослаблена необходимая для общественнаго благосостоянія
 имная связь между производителями, торгующими и потребителями; б) ч
 ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки ка-
 ныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ ка-
 торговому классу людей, самое даже производство на оныя торгов
 безмѣрности затруднено, какъ обрядами самаго производства ихъ, та
 мѣрами обезпечивающими исправность поставокъ: ибо требуются за-
 (не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) не только по-
 кимъ обязательствамъ, кои для выполненія своего требуютъ доволъ
 времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея,
 по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и о-
 ление самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательствъ
 казною, во-первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣснені-
 именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними за-
 ченныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продол-
 расчетовъ съ ними и т. п.; и во-вторыхъ чрезъ примѣры появленія
 гихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищенс-
 состояніи». Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торго-
 сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи особенно жалко было положеніе
 земельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно
 шено всенародное, всесословное значеніе земли, или землевладѣніе.
 цамъ и цеховымъ ремесленникамъ — посадскимъ, мѣщанамъ запре-
 наравнѣ съ дворянами, покупать земли не только съ деревнями, но и
 деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное земл-
 дѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и
 стьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало не-
 юридическое, но и поземельное разьединеніе земства, нарушена поземел-
 общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ
 ческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обр-
 . Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крест-
 скія повинности и подушныя подати, не имѣя правъ свободнаго промъ-
 мѣщане лишены были и главнаго источника обезпеченія и дохода — зе-
 Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчаст-
 тружениковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и
 Педаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обраща-
 въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами, и
 ромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и **и**щане терпѣли несносныя стѣсненія и лишенія въ самыхъ насущныхъ источникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ **в**ременъ,—скажемъ словами Мордвинова,—содѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковывала **с**ебѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, **о**жи-
мая отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ **к**азначейство могли бы стяжать великія богатства». Оттого и города **в** Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города **п**окою въ лучшее состояніе приходятъ, но паче ослабѣваютъ за недо-
статкомъ купечества, а которое остается, то вѣдущую тягость должно **б**ести». И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный **б**ишанинъ, труженикъ горемычный, не находя въ городѣ ни работы хоро-
шей, обезпечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слез-
ное горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шель куда-нибудь въ бѣгуны,
рустно утѣшаясь словами ихъ ученья: «града настоящаго не имамы, но
будущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была по крайней мѣрѣ надежда,
или стремленіе основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ,
всю область.

Изъ города пойдемъ по селамъ. Вотъ средневолжскія села. Въ XI и
XIII вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, они боль-
шую частью только еще устроились, заселялись вновь, путемъ доброволь-
ного свободного перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ
мирной земледѣльческой культуры, куда ходилъ топоръ, коса и соха,
въ слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ *путей, ухажавъ и становъ*. Тутъ
повсюду перезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ
жили мирные *жилицкіе люди*—крестьяне. До половины или до конца XVI
вѣка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *калики перекожеіе*
ходили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами.
До конца XVI или до начала XVII столѣтій тутъ, какъ и по всей сель-
ской Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ
что-то жень мало-по-малу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный пере-
ходъ крестьянскій. Вслѣдствіе вѣкового систематическаго прикрѣпленія
крестьянъ къ сельской, землевладѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ
людей—къ городамъ, къ посадамъ,—началось повсюду, по всей землѣ
великорусской, вмѣсто свободного перехода, неудержимое, непрерывное,
бѣговое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь,
въ этихъ средневолжскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Вте-
ченіе полутора ста лѣтъ, правительство энергически преслѣдовало бѣглыхъ
бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься,
но не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневолжскихъ селахъ ярослав-
ской, владимірской и костромской губерніи, вмѣсто свободного перехода и
бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*. особое общин-
но-демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципі бѣгства воз-
водитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ
зываетъ *путь спасенный*. Исходный пунктъ его—село Сопѣлки, хотя осно-

ватель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто старинныхъ хозяйственныхъ путей и ухажавъ средневожскихъ областей, здѣ бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои маршруты путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ далѣе приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожиловъ* и *жилицъ* и *мирянъ* людей являются такъ называемые *жиловые* или *мирянскіе бѣгуны* т.-е. осѣдлые и пристанодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгуновъ. Вмѣсто старинныхъ *становъ* и *миръ дворовыхъ* являются и у бѣгуновъ свои пристанища, которыя также называются *станомъ* и *мистами*. Такой историческій переворотъ произошолъ въ одной области сель! И изъ средневожской области бѣгуны быстро распространились по селамъ по во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибирь. Основанное бѣглецкимъ солдатомъ изъ мѣщанъ, согласіе бѣгуновъ скоро охватило большую часть крестьянства. Что-же за причины, отчего крестьяне стали обращаться только въ согласіе филиповцевъ, федосѣевцевъ, поморцевъ, но и въ согласіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, вмѣстѣ бѣгства, къ бѣгунству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизовомъ заволжьи, пролегла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, въ старую преданіе называетъ *сиротскою дорогою*. Черезъ все XVIII столѣтіе по ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юго-восточное приуралье и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была бѣглые солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ много изъ нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерніи и въ концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы, между прочимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣевку, Хвостянку и многія другія, а также весьма значительно заселили гор. Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашевъ, Аткарь, Сердобъ и самый Саратовъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти бѣглые крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего искали они—воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, загорались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготило!.. Да и бы путешникъ XVIII столѣтія ни пошелъ по Велико-россіи, по селамъ, въ что-то было неладно въ крестьянскомъ міру. Съ 1729 года по 1772 вплоть до пугачевщины почти не утихали бунты: то здѣсь, то тамъ вспыхивали взрывами, предвѣщавшими страшное вулканическое движеніе пугачевщину. Прошла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались крестьянскія движенія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были недовольны? Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло на тогдашнее положеніе крестьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г., въ это происходила первая формальная поголовная перепись или ревизія душъ. По указу 1719 года января 22 повсюду разъѣзжали по Россіи разсылашки и офицеры съ командами для отобранія сказокъ. О крестьянахъ, дворцовыхъ, патриаршихъ, монастырскихъ, однимъ словомъ, не помыслили.

ихъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ вѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки собирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающагося на этихъ земляхъ, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣщики, и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказывались за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощады», конфискація, цѣпи, «розыски» или слѣдствія съ пытками—вотъ что принесла съ собою первая ревизія. Сколько земли отошло къ росписчикамъ, офицерамъ, доносчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколько тысячъ крестьянъ должны были переимѣнить владѣльцевъ, и вышедши изъ-подъ власти законныхъ, старинныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, неожиданныхъ владѣльцевъ! И несмотря на такую строгость, крестьяне упорно утаивались отъ ревизіи, и ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ странно-нелюба, противна была народу поголовная перепись! Многіе переходили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хотите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы писаны въ книги животныя небеснаго царя» и т. п. Многіе бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкли къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ подворнымъ переписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматривались какъ люди свободные, съ перваго разу увидѣли, что новая ревизія совершалась помимо крестьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ выборныхъ. Они хорошо поняли, что ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственнаго единоправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительство посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. На основаніи ревизіи помѣщикъ получилъ право, обезпеченное силой закона, воспрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостнаго права, явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были приобрѣсти крестьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчал за ихъ состоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало зависѣть отъ паспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай рекрутства и т. д. (1). Эта сдержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова „Русск. Вѣстн.“ ок. 1861 г.

качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и общинамъ по паспортамъ и т. п., страшно тяготила крестьянъ, и многи выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгуны возвѣстили свободу отъ ревизіи и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпости состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала и всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостного права. Помѣщики стали насилу прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуется находящаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслуженнаго служилаго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ по всей силѣ обнажился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «Есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутно разорители суть, что ради нѣяства, или иного какого непостояннаго житія, вотчины свои нетокмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ не разоряютъ, налагаютъ на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ то ихъ бьютъ и мучатъ, и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгали и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножаетъ доимка.» Сплось и рядомъ были такіе помѣщики, которые не давали крестьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посошкинъ видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свое время, и между прочимъ вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работѣ пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что сработали. Такъ нахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то положеніе заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ изливствомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ мало-по-малу посылѣ быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и коня не оставляютъ. Отъ таковой нужды крестьяне дома свои оставляютъ бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же и въ украинныя, а иные и въ зарубѣжныя: такъ чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспитывало въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно задолго приготовляло къ бѣгунству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе усилилось бѣгство крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгуновъ, погибла церковь, и сохранилась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. Послѣ второй ревизіи увеличились и тягость крѣпостного права. Теперь и свободный бѣднякъ-крестьянинъ по закону, долженъ былъ ужъ самъ искать себѣ господина, долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удостоилъ его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за него подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по своему произволусылать крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отдавать в солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если находили выгодныхъ покупателей, отдѣляя дѣтей отъ родителей. Крѣпостное

естьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля 61 года крестьянамъ запрещено обязываться векселями и вступать въ ручительство, да и подѣ заемныя письма имъ дозволялось брать не иначе, кѣ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ прещалось прежнее свободное право торга въ селѣ ли, или на посадѣ. Въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «которые естьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи естьяне не иначе могли отправиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги, кѣ съ дозволенія приказчика и подѣ надзоромъ десятскаго или выбор-о. Крестьяне не могли, по прежнему свободному праву, вступить въ купече-о безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г. елѣнно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпко подтвердити, бы онныя мѣста дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастыр-хъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указныхъ отпускныхъ и увольни-ьныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ купечество отнюдѣ не ысывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ кре-янъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несносно-отеческомъ кунствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспоряди-ьности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ ѣхался продать лишніе или ненужные ему курицу или поросенка; помѣ-екъ требовалъ, чтобъ у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ, падей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отда-гъ его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о кѣ варварскихъ ужасахъ крѣпостного права въ XVIII столѣтіи, про-орые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣ-пное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы. чему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія ызаветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно проси-сь въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь», авали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу-зато бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «учинено имъ на-ощади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые подавали-юбитныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ нуціе къ-гу заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно», проч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ? тѣ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, работъ-ричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года, крѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами-авители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ оренбургской, своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего про-шло, — замѣчаетъ кн. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей-а приписана къ заводамъ, работники часто должны были ходить рабо-ь отъ близкаго завода къ другому по 700 верстѣ, и крестьяне были-ными пронырствами заводчиковъ разоряемы, такъ что при началѣ цар-

ствования императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія «крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Екатерины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, угнѣвая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ.» Вслѣдствіе такого злоупотребленія крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія стали бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на воровскихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ угнали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выходить изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разныхъ мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы на примѣръ были крестьянскія движенія: въ февралѣ 1729 года по поводу расцущеннаго народа небыватаго указа о волѣ отъ 19 февраля 1728 г., движенія въ 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ службу*, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Царицынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ вольному самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движенія въ 1760 г. въ арзамаскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п. Отрицаніе крѣпостного права крестьяне попрежнему выражали бѣгствомъ и исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 января 1758 г. читаемъ: «Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщиковъ изъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оныя бѣгли собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу и порывъ землянкъ живутъ и принимаютъ будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгъ что они идутъ на поселеніе въ Царицынѣ и Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ Парберъ». Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ, дѣйствовали съ непростительною неосторожностью, безчеловѣчно. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ неведь куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, несмотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что онъ послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался; стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убоженій а послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую разорила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крестьянъ въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской грамотѣ крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себя воли отъ службъ помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные владѣльцы. Еще крестьянинъ Посошковъ говоритъ: «Крестьянамъ помѣщики и вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно». Такъ думали и все крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали, что

и они тогда же получать свободу. Носились слухи, будто новый государь, даровавший свободу отъ службы дворянамъ и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотчасъ повели ужъ и къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи (Манифестъ 19 іюня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скоплялись элементы крестьянскаго недовольства и повременамъ глухо ужъ взрывались движеніями, предвѣщающая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ ужъ пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлить народъ «и волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порохомъ, и свинцомъ...»

Между тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей проходило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII столѣтіе и глубоко отмѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генераціяхъ. Оно много побило, подавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморализаціи энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натурѣ русскаго народа, буйной, размашистой, сбойчатой волѣ его, много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только матерьяльно, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но и нравственно. Оно отмѣтилось не только въ исторіи народной, не только въ житейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, фамиліальныхъ преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ пѣснѣ народной...

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Во-первыхъ, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ и иноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. Въ южныхъ, напримѣръ, областяхъ удобныя земли оставались во власти у короны, многія лежали вкупѣ, а другія отдавались въ наемъ для паствы, тогда какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не смѣли и по осмыслѣ на работника высылать. Казенные крестьяне были тѣ же крѣпостные рабы казны и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими управляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Начальство это было тогда не въ мочь тягостно для крестьянъ, какъ докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ общемъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдата до штана и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ нѣкоторые не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ... мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и однихъ командировъ, колыми же паче страшны праведъ и экзекуція, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей недостаетъ, и что крестьяне не только

скотъ и пожитки продають, но и дѣтей своихъ закладывають, а нынѣ и врознь бѣгутъ». Самые выборные крестьянскіе головы, старосты, соские и т. п., невольно усвоивъ подѣ влияніемъ приказнаго, капральскаго значенія всякой службы, стали больше міроѣдами, придиричивыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, засѣдателей, стеновыхъ, писарей — все это были новые, не столько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры административныя. Скоро волостныя начальства — исправники, засѣдатели, становые секретари сильно надоѣли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ, негодованіе, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ; того накопилось въ сердцахъ крестьянъ со второй половины прошлаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности престопадной вопіющими раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такія сатиры. Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ крестьянской сатирической «просьбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, низжайшія твари,
Однородцы и экономическіе крестьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

- 1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлять нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копейкѣ съ души выходило,
- 2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе вѣры
Поминутно дѣлають поборы,
Поступають съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно...
Прежде тиранили, ненавиди христовой вѣры,
А сѣи мучать, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибитки и доходы
Потребляють земскому суду на расходы.
- 3) Суди насъ, владыко, по человѣчеству;
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день курнаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна

Исправнику, секретарю и приказнымъ,
 Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ,
 Съ каждаго домишку
 Берутъ по полупуду льнишку,
 И сверхъ того для своей чести
 Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти:
 Даже со двора по мотку и нитокъ,
 Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
 И какъ они вѣзѣжаютъ,
 То плутъ-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
 А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
 Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
 Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
 Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
 Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
 Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
 Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда;
 Избавь насъ, господи, отъ земскаго суда.

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія казенное
 стѣянство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Мордвиновъ такъ
 бразилъ «крайнее обиженіе земледѣльческаго сословія» въ это время:
 въ Россіи 18 миліоновъ мужскаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ, чтобъ про-
 жить 2 или 3 миліона остальныхъ затѣмъ жителей... Дабы при такихъ
 чныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти
 во всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть, раз-
 ваться, то долженствовали бы по крайней мѣрѣ облегчать оное вся-
 ки въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное
 ась болѣе другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями,
 екрутскими наборами, и дальне-срочнымъ служеніемъ въ полкахъ. Что
 надлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь,
 имаемая въ російскомъ государствѣ 12 миліонами сихъ мужскаго по-
 лскаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяй-
 а, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состояніи.
 гъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 палыца, гдѣ рабо-
 гъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ
 жай даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или
 го 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ
 инный, конечно, владыкѣ сихъ 12 миліоновъ душъ достаточнаго стѣ-
 ія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семь великомъ удѣлѣ, соста-
 ющемъ 4-ю почти часть пространнаго російскаго государства и могу-
 ть вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоуст-
 нныхъ усадебъ. ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней,
 удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни руководѣльныхъ заведеній, ни
 гащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго,
 лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и началь-
 ь даже учрежденій къ возрожденію впродъ благоустройства. Какое непыпо-
 зное великой части имперіи состояніе. Но въ сей дикости она и на
 и остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 миліоновъ пахарей и

пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, *оставляемы будутъ* безъ всякаго урядства и просвѣщенія ихъ во всемъ, что потребно къ благоденствію народному». Таково было положеніе крестьянства въ теченіи всего XVIII столѣтія. Въ началѣ XVIII столѣтія, именно въ 1713 году, самъ Петръ Великій сознавался: «что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ приобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительство, а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приходя въ разоренье и бѣдность.*» Въ началѣ XIX столѣтія Мордвиновъ изображалъ въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». Въ статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и мѣщанское, сіи два величайшія сословія, на коихъ лежатъ подати, составляющія главныя статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сословій стѣснены и лишены способовъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ бѣдности, при этой равной избитости, безправности крестьянъ и мѣщанъ очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремленіяхъ. Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестьянъ—это братья-близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга и равно способны на одну и ту же инициативу. Удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь солдатъ изъ мѣщанъ переяславскихъ и крестьянинъ пошехонскій идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ въ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согласіе бѣгуновъ, и въ ихъ согласіе бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьянъ, и мѣщанъ, и солдатъ, и все равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стало, у всехъ на сердцѣ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства,—солдатство, не менѣе крѣпостного народа. тяготилось своимъ крѣпостнымъ положеніемъ въ службѣ царской! ¹⁾ Теперь народъ уже попривыкъ къ рекрутчинѣ. Да и то, надобно быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборъ, чтобъ слышать не въ домахъ только, а по всемъ улицамъ раздающійся плачъ и рыданіе надъ живымъ погребаемымъ молодцомъ... Что же было въ ту пору, когда въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, указъ 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, когда народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоутлublеннѣе, патриархальнѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и даже проклятія, какія изливались въ слезныхъ причитаньяхъ надъ рекрутами на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рекрутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны для семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, молодое, здоровое, могучее рабочее поколѣніе земства, продерживая его въ солдатствѣ подъ палочной дисциплиной, въ казарменной удушливой средѣ лѣтъ двадцать пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужъ было

¹⁾ По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова. „солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“.

всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ—до пяти. Тутъ поглощено было народу, по крайней мѣрѣ, до 180,000 человѣкъ на одно регулярное войско, что очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человѣкъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1.132,000 рекрутъ, т.-е. шесть человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной коллегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведши въ городъ, держать въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнутивъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человѣкъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведутъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братіею непорядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. вмѣсто того, чтобы этихъ бѣднѣйшѣхъ, и безъ того безутѣшно изобинженныхъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали «тягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забранные рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. п. Отраднѣе ли было родителямъ видѣть въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ братьевъ? Пріятнѣе ли, сноснѣе ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученіе? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложились особыя молодецкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжко претерпѣлъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ, напримѣръ, одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсенъ:

Пошла, головушка, пила, погуляла,
За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
За братыны и за невѣстыны легкія работы.
Со радости, со веселья кудерюшки вяются,
Со печали русыя съкутся,
Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды:
Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,

Вечоръ-то меня, молодца, вечеръ понимали,
 Рѣзвы ноженъки во желѣзы сковали,
 Бѣлы рученьки назадъ завязали,
 Посадили добраго молодца въ легкія сани,
 Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
 По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
 Поставили добраго молодца на мірскую фатеру,
 Поутру добраго молодца рано поднимали,
 Повели-то добраго молодца меня ко приему,
 Поставили подъ казенную мѣру.
 Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышель.
 И только вышель русыми кудрями, черными бровями".

Служба солдатская нелегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутскаго набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиги и заслуги въ походахъ Петра, и въ то же время такъ смотрѣли на мяго иго учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народнаго возмущенія ихъ, какъ прочувствовали, пострадали, перенесли реформу Петра на плечахъ своихъ податныя, крѣпостныя, рабочія и служилыя массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народная исторія, оцѣнивая ихъ неотвѣтственно, не по предзанятымъ идеямъ и чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современнаго Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «подметное писмо солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. исто. древн. рос.» за 1860 г. во II книгѣ:

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война со шведами, мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и понынь не видимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жонъ и дѣтей видимъ, насъ какъ нарочно мучать, кругомъ обводятъ Москву, что чуждую Москву ближе было итѣтить въ Питербурхъ нежели чрезъ Псковъ. Сравня насъ съ посохою; уже пришелъ изъ коньпани, изъ лѣсу дрова на себѣ носить и ночь упокою намъ нѣтъ и деньги, старой окладъ, отнимають, и въ намъ добра ждать нечего; хоть кого и отъ службы отставятъ, однакъ не покой, такъ служба. И въ Питербурхѣ: уже мы вѣдаемъ, то неоднократно говорено, что дамы отдохнуть, а именно послѣ турецкой акціи и полской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не ангелы, что пятнадцать лѣтъ службы безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома и уже замужъ вышли. Будетъ то, какъ насъ, гдѣ ни есть, въ морю потопили или гдѣ взойдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберутъ. Уже вить двѣ причины было въ перьво нарьвенскомъ походѣ, въ другой — въ турецкую акцію смотри и третей причины, либо полошь дворъ, либо корень вонъ; чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю, чево неслыхано въ свѣтѣ, а и также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ съ голоду и съ холоду помирають. А государство свое все разорилъ, уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево большаго Бога хотѣлъ, что въ Помераніи и славу велию показали, тако-жъ и другихъ мѣстахъ завоевали; потомъ было отдохнуть и Богу благодаря

Воздаты, и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить Сирыхъ нашихъ, въ томъ бы угодно Богу и слава во всѣ страны произошла; а то, хотя и была фортуна на пятнадцать лѣтъ, а иногда сдѣлается въ пятнадцать минутъ худо и слава вся пройдетъ: въ одной фортунѣ человекъ не можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть: сдѣлаемъ мы такъ: смолвимся человекъ 1000 или 2000; хотя и не похотятъ которые дворянчики, а иные есть на нашу руку, а въ другихъ полкахъ мы со многими говаривали, всѣ готовы, такожь и черныи народъ, и они такожь говорятъ; отъ такова распорятку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости: по такихъ-де, щастливыхъ побѣдахъ, не далъ отдохнуть; таперь пошло, и невѣдамо докуль, одно воевать только и вытвержено. А хотя, де надъ нами нещастье будетъ, то мы и пошли прямо въ швецкія войска: коли-де, онъ неумѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ служить и муку терпятъ, а надъ нами уже такъ дѣлаютъ, что не можно человеку вытерпеть. Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повинною, примутъ насъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что пятнадцать лѣтъ, и уже отдыху нѣтъ! Вить мы не постриглись въ монастырь! Что говорятъ: «умная голова, умная голова!» Коли-бъ умная голова, могъ бы такую человѣческую нужду разсудить: какъ такъ долго служить, и безъ грѣха прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводить, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства. Только полюбился Питербурхъ, развѣ тово ждаты, какъ въ тюрьму посадить? Уже въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей, напрасною смертію, человекъ больше миліону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаетъ надъ нами: какъ шведъ зашелъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь заведетъ, либо въ морѣ потонить, или заведчи гдѣ въ камняхъ съ голоду поморить; а ужъ намъ Котлинъ адъ злой? Во гдѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что при были? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хотъ у одного чело- битчика, рѣшили-ль хотъ одному безволонитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хотъ одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ не- бралъ», и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII столѣтія, да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и солдатъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя солдатскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами...

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ доводилось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло о бѣгломъ солдатѣ-раскольникѣ. Доводилось и слышать многое о бѣглыхъ солдатахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, какъ увидимъ дальше. Главной причиной ихъ бѣгства очевидно было дурное положеніе солдатства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ эпоху развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все

мутило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — естественному спасенію въ безвыходно-тяжеломъ, стѣсненномъ, крѣпостномъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неудержимое повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣгство было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственныя способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чтобы возвести бѣгство въ доктрину, въ догматы, назвать спасеннымъ путемъ. Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикломъ пѣсеней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпосѣ. И какой-то широкій, необъятный, неудержимый, богатырский разпросторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гуляльная, нежное стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокскую жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чистомъ полѣ — вотъ что выливается въ молодецкой, разгульной пѣснѣ. Изъ Спб. добрый молодецъ рвется въ великую Россію, поетъ:

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Въхать во Ростовку гулять...

И здѣсь попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поетъ пѣсню сокола во пониманіи.

Съ молодцу закалялась въ крови молодецкая жажда гулянья, склонность къ бѣгству. Про мальчуга пѣсня поетъ:

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжать,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буинные молодцы, вольные, гулящие люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь саратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное недовольство Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась вавая борьба съ Москвой буинаго Стеньки Разина и утихла; только Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народнымъ эпосомъ про Степана-свѣта Тимофѣевича, и пѣсни эти вторились на ты голосомъ, на разнообластные варіанты и мотивы черезъ все XVIII столѣтіе и въ тяжкую петровщину, и въ страшно-кровавую бироновщину, и въ буиную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто свѣжниковъ Стеньки Разина — казаковъ, эти разгульные пѣсни прилагались къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буинымъ молодцамъ, къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина, сквозъ все сдержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буинская удалъ все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и въ оренбургское Приуралье. Какъ ни преслѣдовали Петръ великій и его сменившие стародавнихъ вольныхъ гулящихъ людей, а они все-таки разгуливали по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня недаромъ слагалась про бѣглыхъ молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грудью прострѣленную.

Не былинущи въ чистомъ полѣ зашаталися,
 Зашатася, загулялся доброй молодецъ
 На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскимъ.
 Его бѣла грудь прострѣлена,
 Миткальная рубашечка вся кровью забрызгана.
 Прикачнулся добрый молодецъ, привольнулся,
 Привольнулся къ тиху Дону и проч.

экруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боязь
 я домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые
 ы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣ-
 всякаго рода бѣглые люди. И не рекрутчина только могла гнать
 III вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской,
 юй, когда быть народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ.
 юносовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и
 ся въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже
 ы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало-
 сного погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложи-
 собыя, народныя пѣсни. Напримѣръ, вотъ. пѣсня «про смерть мо-
 въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
 Не туманъ-то съ моря подымается:
 Подымалися гуси, лебеди,
 Гуси, лебеди, утки, сѣрыя.
 Не сами собою они подымалися,
 Яснаго сокола они испужалися.
 За ѣмъ летить старъ сизой орелъ,
 Закричалъ онъ, позгаркнулъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Ужь ты стой, постой младъ ясенъ соколъ!
 Я не бить лечу, я спросить хочу:
 Ужь и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?
 Я гулялъ-погулялъ во дикой степѣ,
 Во дикой степѣ во саратовской;
 Налетали мы на диковинку,
 Тамъ диковинка не малая:
 Лежить тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, молодецкое.
 Не убить лежитъ онъ, ненарѣзанный,
 Вострымъ копьемъ онъ весь исколотый.
 Кругъ его вьются три ласточки:
 Первая ластушка родной батюшка,
 А вторая ластушка -- родная матушка,
 А третья ластушка -- молодая жена.
 Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ,
 А гдѣ мать плачетъ -- Волга матушка прошла,
 А гдѣ жена плачетъ -- роса утренняя;
 Солинышко взойдетъ, вся роса спадетъ.

послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и до-
 ть отцовъ и матерей. Пристанодержатели бѣгуновъ скрывали ихъ
 также гостепріимно, какъ и разбойниковъ. Разбойники -- это особый,

многозначительный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединявшихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ пическое новгородское отличіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеньки Разина и его сподвижниковъ казаковъ которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеньки Разина мошниками -- до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣнъ совершилось въ духѣ народномъ, также какъ много переменъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣчевой воли до государственной сдержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и чернорабочихъ массъ народа въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное правительственное деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія (какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеніемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кипѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, сознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ элементы, которые послѣ вызвали согласіе бѣгуновъ и пугачевщину. Разбойничество первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то рѣвно-метительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ примѣръ, бирюковщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ отрицаніемъ противно-свободныхъ, противно-народныхъ элементовъ государства. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгунствомъ. «Лѣсныя разбойничьи компаніи» первой половины XVIII столѣтія, -- лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринѣ, просто проникнутыя разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежъ. Оттого послѣ и пристанодержатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристаняхъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, и было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военное и гражданско-служилыхъ дворянъ, духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учить «въ надежду и спасеніе», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на посадскихъ крѣпостныхъ и на казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей, крестьянъ, вмѣстѣ съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чиновно-службнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Отсюда уже неизбежно развивался сословный антагонизмъ, шедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полного развитія, до открытія непріязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго раздѣленія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ боковъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченныя общими, непонятными для массы народной интересамъ имперіи, казенны

естественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины. Вѣковымъ сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣковой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи въ другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая федеративно-территориальная областная стройность, цѣльность, естественно-историческая привычная расположенность земства, данная всѣмъ вѣковымъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ са-моустройствомъ и самораспредѣленіемъ народа, опредѣленная физико-географическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ земствоустроеніемъ, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшанъ сложившійся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произведена насильственная хаотическая смѣсь въ составѣ ихъ населенія. Однимъ словомъ, въ земствѣ происходилъ расколъ, и кастально-сословный, и политико-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣдствіе этого раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ, и расколъ старообрядства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще сильнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія человѣкъ на чины или на сословія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской, и сталъ питать пуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и къ православнымъ мірянамъ, убогалъ *изъ міра*, боялся *омірскаго*. Вслѣдствіе того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбежно происходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ образомъ произошло въ земствѣ бродяжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе люди отъ міра, изъ земской общины, потому что, по выраженію раскольниковъ, духъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, согласье, разрознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшія производительныя рабочія силы, въ самой свѣжей ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, материально, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала отъ семьи родной, для войнъ, пользы которыхъ на себѣ вовсе не испытывалъ народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ налоговъ, отъ податей и повинностей, потому что они въ первой половинѣ XVIII вѣка были особенно несносны, притомъ подрывали частное благосостояніе земства, земское экономическое самоуправленіе и самораспоряженіе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостного ига, потому что не было мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя церковническія дѣти изъ бурсъ семинарскихъ, потому что больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ подобное житіе». Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напимѣръ, горемычныя студенты александровской семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсъ, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или срод-

дниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣть. Руководѣліемъ кормиться. Но того не обучались. Куплями ли промыслять? Но и на двѣ лепт почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ насъ родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣть: какъ и кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣт надѣется помощи, станетъ. При семинаріи уже ни слякъ ни такъ оставаты и тридцати лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдственна школьническое житіе паче мѣры наскучило, вѣ котораго можетъ бы давно уже иные честное себѣ заслужили прокормленіе. Итакъ мы, и жайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадцатилѣтніе награжденія, бог вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; священники, безъ всякаго изыятія, по тридцати лѣтъ требуется; въ дѣ коны желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дѣлчкн же и пономая стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткамъ отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены, живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житія станѣ. больше нѣ чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ классахъ обучаются, уповательно, что охота къ ученію крайне ослабѣтъ». При такомъ положеніи духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множество изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсъ. Въ учительскихъ каталогахъ первой половины прошлаго столѣтія часто отмѣчалось: *semper fugitiosi*. Если и въ наше время еще сильно было въ обычаѣ такъ называемое «классическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ представить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то, что во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостными людьми, поднимали бунты за то, что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщикамъ или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣду свѣту всякихъ чинныхъ люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собирались эти бѣглецы въ разныя компаніи, согласья, скопища. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи бѣлшія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладавъ нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои вольно-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-государственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія. собирались въ свои мирныя общины, въ *согласья*, стремились къ особно-областному самоуправленію и самоуправленію. Первые, во имя Стенекъ Разныхъ, во имя Пугачевыхъ, собирались въ *воровскія и разбойничьи компаніи* или въ *многолюдныя и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, крѣпостныхъ и казаковъ*, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разночинцами, помогали въ пугачевщину, поколебать существующій порядокъ. Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устроенія, подъ знаме-

земь религіозно-обрядовой старины, стремились наибольше путем мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласья, привести ихъ всѣ, по выраженію федосѣвскаго собора 1751 года, въ любовь и соединеніе, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія расколъ только охранялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бироновщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускоряли появленіе пугачевщины, озлобляли и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя оковы не исправляли разбойниковъ, не вырывали изъ сердецъ ихъ накопившей закостѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и станахъ своихъ, какъ гласить старинная пѣсня:

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
 Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
 Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
 Лѣса наши всѣ порублены,
 А кусты наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 Рѣзвы ихъ поженъки въ кандалахъ заклепаны.
 У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
 Грозные сторожи, brave солдатушки,
 Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
 Ты возмой, возмой туча грозная,
 Ты разбей-ко, разбей земляныя тюрьмы.
 Чтобы разбойнички-друзья разбѣжались.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпъ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей за границу, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ, напримѣръ, такое сказаніе «о мучительствѣ въ станицахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе російской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изъятія къ новопредааннымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, принять самыя жестокія мѣры. начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая по одному каждое семейство разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на берегъ Дона и избирать изъ двухъ едино—или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать,

и все согласились умереть. Неизъяснимым ужасом преисполнено было зрѣлище, когда изъ каждаго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ неизъяснимымъ воплемъ и рыданьемъ на берегъ Дона торжественно шли за вѣнцомъ, и другъ друга объемиюще, отецъ сына, а мать дочь, утопая въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ,—и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ плывущими мертвецами возвѣститъ и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе близъ съ прїѣзда обѣ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подъ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова съ елико-возможною поспѣшностью и легкостью въ одну ночь свелісь и поднялись въ бѣгство всего 40,000 самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, оставя на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самые божскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокунились. Тако сей благочестивый народъ, подъ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова, единственно направлялся проиствомъ божіимъ съ немалымъ пренятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешелъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О такомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣтельствуя со стороны даже самихъ гонителей подлинныя слова изъ печатнаго изданія, подъ названіемъ историческій, политическій и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биронова, по словамъ Болтина, бѣжало за границу не менѣе 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь по крайней мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ неточно по російскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частію и Азіи для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя дебри. Населились отъ вѣковъ нечеловѣческія отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились російскимъ народомъ области: малороссійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Наполнились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіатская. Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все таковое безчисленное множество російскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и некатъ прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ».

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II графъ Петръ Пв. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣлающія донинѣ попользованіе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) стро-

ность духовенства и разные какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстные градоначальническія приметы къ затвердѣвшимся людямъ въ раскольничьемъ суевѣріи; 2) поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причѣмъ и заведшее посползованіе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятые на убійство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и нетолько незначительное содержаніе рекрутъ до отправленія въ полки, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя примѣтки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились примѣтками ихъ обирать и употреблять въ партікулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набирывали, нежели имъ квартиры приготавливали, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступить, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущее для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходятъ примѣры ближнихъ иностранныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ способности человеческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго иностраннаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому подлый русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣть; а при продажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взтокъ; а строгость во взысканіи вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣть. 6) Донынѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и пощеніямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ».

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Вслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, позволявшаго всѣмъ бѣглымъ иностранцу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокъ Великороссіи,—многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, выходили изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

Въ августѣ 1772 года пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долготѣй, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдъ глаза каріе, выразительныя; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. вопросъ: кто? онъ назвался раскольниковъ и бывшимъ прежде пензенскіимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ и велѣли явиться въ симбирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошелъ прямо. Тамъ,—гласить старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
 Во прекрасной ли во пустынюшкѣ, во зеленой во дубравушкѣ,
 Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
 При древахъ этихъ мелки пташечки.
 Они райскія поютъ пѣсенки,
 Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскихъ и всѣхъ трудниковъ.
 Что возговорить имъ игумень рѣчь,
 Наставляя всѣхъ ко спасенію:
 Вы отцы святыи соборныи
 Вы послушайте моего гласу,
 Что и надо намъ признаватися,
 Какъ мы жизнь истеряли
 Всю и во многомъ во смятеніи.
 Возведемъ очи свои къ вышнему,
 Подіемъ слезы, какъ источники,
 Мы просить будемъ самого творца,
 Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
 Онъ управитъ бы жизнь полезную.
 Вы пѣвцы мои златострунные,
 Воспѣвайте пѣсни пресладкія какъ архангелы.
 Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ..
 Мы игумену покоряемся,
 Какъ древа вси преклоняемся.
 А мы вышли вси во долинушку.
 Во зеленую во дубравушку.
 А мы смотримъ вси во зеленой садъ.
 Какъ при той ли. да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
 Протекла рѣка пребогатая;
 Отъ нея же мы все питаемся,
 Рыболовствомъ все занимаемся.
 Какъ при той же, да при рѣчушкѣ.
 Молодые все вышли иноки,
 И при правныхъ все при лодочкахъ,
 Рыболовнички все держатъ неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ оставился, и былъ принятъ ласково игуменомъ Филаретомъ, который не пренебрегъ дать ему наставленіе въ духѣ старообрядства.

Гостя въ монастырѣ иргизскомъ, странникъ ходилъ по окрестнымъ селамъ: особенно часто ходилъ въ мечетную слободу малыковской вѣсти. гдѣ крестьяне были раскольники, и знакомился съ крестьянами. Игуменъ иргизскій и не зналъ, какъ и куда потомъ дѣвался незнакомый пришлецъ.

Любопытно вообще, какъ тогда, въ эпоху появленія бѣруновъ, бѣглые саживали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглець былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольниковъ мечетной слободы Сеномъ Филипповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса Янкова. Тутъ разъ хозяинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикъ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя въ Царицынѣ поймали, да онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другого.

— Какъ этому можно статся! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ мнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглець: — онъ также спасся и въ Петербургѣ въ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и молчалъ. Но бѣглець былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ продолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терпите такое итѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожъ дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ: — такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглець: — выйти на Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглець прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то въ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглець: — я заграничный торговый! и сталъ дальше говорить на ту же тему:

— Когда вы выйдете за границу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ турецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, дастъ еще хоть и до пяти миліоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглець каждый день ходилъ на базаръ, и все думалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣгца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Капшъ-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ су трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнакомаго бѣгльца собралось человѣкъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же человѣкъ раскольниковыхъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою сторону яицкихъ казаковъ, во время плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять цѣлый городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣгльца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти

верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, въ жпчьемъ платѣ; при немъ было ружье, котеть мѣдный и мѣшечекъ съдобными лепешками. По приѣздѣ въ уметь, содержателю его, пахтаню солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максиму Оболѣеву, по народному прозванью—Еремина-курица, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ: «былъ де онъ въ яницкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и та оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ лошади, взбѣсясь, разбили телѣгу»; а пото и просилъ уметчика пробыть у него, пока дождется свой обозъ, обѣщая за то заплатить. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ принявъ за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ питался кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ радъ жильцу промышленному, особенн когда увидѣлъ, что жилецъ старообрядецъ,—крестится двуперстнымъ знаменіемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, выстривалъ, да вынытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю онъ конецъ рѣшилсѣ откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманулъ, сказался пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскій каза и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманія на эти сѣ жильца, а заботилсѣ главнымъ образомъ объ обозѣ, рассчитывая вѣроя поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и сѣ силъ онъ.

Довкій бѣглець, смекнувъ тотчасъ корыстолюбіе уметчика, и не же вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его сѣ ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ жпцомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительность бѣглецамъ, рѣшилсѣ наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ двѣ дѣли, по приѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани, за разговоръ стороной, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, давнѣе ты былъ со мной въ банѣ, и мѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какіе знаки? я ихъ отроду не только не видывалъ, да и слыхивалъ.

Бѣглець теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику можно говорить.

— Этакая ты простая курица, сказалъ онъ: — ужъ царскихъ знаков не слыхивалъ! я тебѣ ихъ когда-нибудь при яницкихъ казакахъ покажу.

— Что же это, Петръ Ивановичъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затронутъ нѣсколько любопытствомъ: — къ чему ты это говоришь? какимъ на тебѣ бѣ царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглець: — ужъ того-то не догадалъ

— Чему я это говорю! Вѣдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ ска-
зався, а государь вашъ Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца
за простаго человѣка, однакожъ, осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказалъ бѣглецъ: — Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ;
ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ
Россію прошедшаго года. И услыша, что яицкіе казаки приведены всѣ въ
разоренье, такъ нарочно для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу,
если Богъ допуститъ, опять вступить на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался
съ нимъ попросту. Спустя нѣсколько дней, къ уметчику пріѣхалъ знако-
мый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣдлалъ за
плетнемъ лошадь, уметчикъ подошелъ къ нему, и указывая на бѣглеца,
который виднѣлся изъ сарая, спросилъ полушепотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ
человѣкъ?

— Почему я могу знать, что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною
торжественностью: — вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ,
что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда на выручку къ вамъ
пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобъ ты открывалъ о немъ военно-
вой руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглецъ-самозванецъ вышелъ изъ са-
рая и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ: — рассказывай
обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки, да смотри объясняй по
тайности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской
руки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска
человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что
надо сдѣлать.

Накормя Закладнова на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ
проводя его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, и самъ
съ ними пріѣзжай. Да проворь скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за про-
паганду пугачевщины.

Такіе между прочимъ бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ
бѣглыхъ, и потомъ мало-по-малу выдвигались на отчаянные подвиги или
самозванства, или разбойничества, или религіозно-политической пропа-
ганды. И вотъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошелъ черезъ
скиты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы,
раскольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ*. И съ ка-
кимъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ

Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ уральское заволжье, въ этотъ необъятный, въковой притонъ, омутъ сброднаго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣглецы, послѣдніе вольные, гулящіе и голутвенные люди цикла и закалу Стеньки Разина, гдѣ сконплялись все элементы, вся накинъ, наболь народного недовольства, и раскольникыяго, и крѣпостного, и заводскаго, и проч. Бѣглецы могучей натурой идетъ къ своимъ же сброднымъ бѣглецамъ, къ якимъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Разина, закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сбродные, удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы сбѣжались на Янкъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружились Ермака Тимофѣича или Степана Разина, удалствомъ и разбоями промышляли по Каспійскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшившись вдоволь удалыми разбоями, въ волю нагулявшись по широкому раздолью степи саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшили наконѣцъ основать вольную острѣдную общину: «собрався учинили совѣтъ» и предались подъ власть Россіи при царѣ Михайлѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная грамота на рѣку Янкъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодами отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго рода, вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общину. Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, что съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнію военной коллегіи, до 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Борьба эта достигла высшей степени разгара, когда въ яницкій городокъ пришелъ Пугачевъ. Казаки раздѣлились тогда на двѣ партіи: на *несогласныхъ*, или казаковъ *войсковой руки*, и на *согласныхъ*, т.-е. сторонниковъ старшинъ и правительства, или *старшинной руки*. Пугачевъ сразу понялъ силу и значеніе первой чисто-демократической партіи, и съ нею-то пошелъ въ походъ. И зашевелился, задвигался весь юго-восточный край имперіи, зашевелились русскіе и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральскіе заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительные листы, манифесты, не многоглаголивно-краснорѣчивые, а затрогивающіе самое сердце и все въковыя помыслы, желанія и ожиданія народа: «дарю волей и земель и рѣкой, и травами, и морями, и хлѣбнымъ провіантомъ, и крестомъ, и бороною, и свинцомъ, и порохомъ». И слова эти, какъ самая горячая, пламенная искра, просто производили пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пугачевщины пылало. Крѣпостная, тяжко-податная, рабски-служебная, тяжко-чернорабочія основы имперіи заколебались. А буйные, давшіе волю физической силѣ казаки говорили: то ли еще будетъ, такъ ли еще тряхнетъ Москвой», т.-е. государствомъ. И ужаснулось правительство. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужасно», писалъ ей Вябииковъ: «ухъ, дурно!.. Но Пугачевъ важнѣе и не воры казаки, а важно общее негодованіе».

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ въ часахъ молодой солдатъ и пѣлъ такую пѣсню:

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее,
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
 На жолтымъ пескѣ, разсыпчатымъ,
 На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ.
 Да первая рѣчушка течетъ Самарушка,
 Другая рѣчушка — Яикъ рѣка,
 Третья рѣчушка — Уралъ рѣка.
 По Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ-Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
 „Не дають-то мнѣ, доброму молодцу,
 Волюшку во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить, *Пугача убить*“.

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до
 капли крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгуль моло-
 децкой силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зарился Пугача убить, въ то
 самое время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ,
 даже изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ нача-
 лась въ Россіи рекрутчина, скиты и слободы старообрядческія, глухія
 провинціальныя захолустья, даже помѣщичьи имѣнья наполнены были
 бѣглыми солдатами и рекрутами. Полное собраніе законовъ первой поло-
 вины и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ
 солдатахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ
 солдатъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооружонныя
 компаніи», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдатъ
 по сто, по двѣсти и больше, верхами, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ
 разѣзжали по многимъ уѣздамъ и грабили помѣщичьи имѣнья. Лѣса напол-
 нены были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда
 и къ «разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣти-
 лись по ночамъ огни: вокругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпаспортные.
 Или собирались они, «сходились на полянушку, на широкую». И старая,
 гремучая, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по
 лѣсамъ:

Ты взойди-ко, взойди солнце красное,
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
 Солдатъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ“.

II

Въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка преобирались по
 галицкимъ лѣсамъ Костромской губерніи трое бѣглыхъ солдатъ съ крестъ-
 янкой и крестьяннинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи

и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 годъ, о спасеніи пути, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдаты говорили, а спутники больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Егоръ Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ шелъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣглый, что за спутница съ нимъ шла и чему онъ наставлялъ бѣглыхъ странниковъ? спросимъ старожиловъ-старовѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ городахъ мѣщанамъ, посадекимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было худо, трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣсненность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя мочи переносить это горе, негодуя на свое жалкое, податное и цеховое устройство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей части происшедшими изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, по-неволѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свободныя, трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитывались такимъ образомъ ужъ въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи правительственныхъ училищъ и учителей для простого народа старообрядческіе грамотники, наставники были почти единственными учителями молодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ потребностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяславскаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безоповщинскому толку отъ федосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамотой, ученіемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мыслей, знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ неодолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до Калцова. Недаромъ и старообрядческій стихъ выражаетъ эту жажду удовлетворенія умственныхъ потребностей:

Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолить.
Потщися душу свою гладу не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ вопросовъ, въ порывѣ пылливости, любознательности, въ молодомъ увлеченіи и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго, изъ Переяславля Залѣскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у старцевъ филипповскаго согласья, въ то время только-что появившагося въ Москвѣ. Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не молиться за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни гражданскимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ гражданскую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфимія поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество отдало его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна для

Евфимій, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время клонялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ: ученіе такого раскольничьяго согласья, которое основано было бѣглымъ мѣлатомъ, зналъ ученіе филиповскаго толка, что солдатская служба — есть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, мать пришелъ къ своимъ въ Москву. Федосѣевская община преображенскаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой большой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ своихъ агентовъ-наставниковъ, областныя, мѣстныя общины. Въ этой общинѣ Евфимій нашелъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ былъ наставникомъ въ поморской скитъ филиповскаго согласья. Здѣсь-то, въ Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу филиповскаго же толка, бѣгую крестьянку Тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то была его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. Здѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, нѣкто Адріанъ. Въ юность свою въ Ярославлѣ, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпашпортный, и лишенъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся отъ полиціи и пришелъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ не ладылъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана жалобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться Адріану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій ушелъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго объясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь не нашелъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился и отправился съ Ириной Федоровой въ Ярославскую губернію. Въ это-то время, послѣ всѣхъ странническихъ переходовъ, въ душѣ Евфимія окончательно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою пропаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгствующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ замкѣ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича зародился въ великороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, послѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристовъ порядка: ревизіи душъ, раздѣленіи людей на чины и сословія, неравносѣрнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со второй ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣглыхъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, облачающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отъ юда Евфимій, — вотъ одинъ спасенный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его властей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ не только отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ подданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и родниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена поганого согласья, посѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малы-

шевой Ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлкахъ, въ четыре верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положили начало и паганды бѣгуновъ, приобрѣли нѣсколько странствующихъ наставниковъ, самъ, съ крестьянкой Приной Федоровой и съ крестьяниномъ Егоромъ Егоровымъ, пошелъ показывать на дѣлѣ примѣръ бѣгунства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками и брался по галицкимъ лѣсамъ Костромской губерніи. Опъ шелъ съ стринцей Приной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ галицкіе лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго союза и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгуновъ. Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую келью, поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евфимій обдумывалъ основныя мысли своего «спичевого апокалипсиса» и «цвѣтника».

Такъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества екатеринскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить расколъ для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ неслышимо невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократическо-оппозиціонныя согласія раскола. Въ глуши провинціальныхъ захолустьевъ въ глуши лѣсовъ, бѣдные солдаты и крестьяне думали свою думу, по мѣрѣ по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возникъ и согласье бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала уче Евфимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евфимій пребываетъ въ лѣсу и обдумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно останавливается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, ознаменовавшихся семидесятыи и восьмидесятыи годами прошлаго столѣтія.

Въ то время какъ въ высшемъ, образованномъ классѣ народа, вѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристократическая попытка Панина и Дашковой, и подготавливалась или начиналась уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Пювикова и его общества съ матеріально-отрицательнымъ направленіемъ, въ то время и массахъ простого, податнаго народа видимъ тоже двоякаго рода движенія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терпѣливаго непосредственно-натуральнаго буйнаго движенія накинѣваго, наболѣвшіе въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто рыцарско-бойчатый, мятежный порывъ несносно-сдержанныхъ могучихъ силъ рода къ выходу изъ-подъ вѣковаго гнета; это *пугачевщина*. Другое движеніе тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзненное выраженіе угнетеннаго, наболѣваго сердца, духа народнаго, выраженіе страдальческихъ чувствъ народа крѣпостнаго, поработеннаго, оставленнаго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи: экзальтація болящихъ сердецъ, мечтанія и грезы больныхъ, разгоряченныхъ, экзальтированныхъ фантазій. Это общество *людей божіихъ, селивановщина*, и вообще такъ-пазываемыя мистическія *пророчествующія* секты.

Въ Петръ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ждали почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостнаго ига. Разскажи въ то время даже толки, будто Петръ III ужъ и далъ указъ

одѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что народъ самъ долженъ надѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и шли въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончились. Послѣ Петра III вступилъ на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного народа не бывало. Въмѣсто того вышла при Екатеринѣ жалованная грамота о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на Петра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа не отчаялись въ своихъ ждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванные провозвѣстники свободы. Одни мечемъ возстали о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалистической пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ массъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А рядомъ съ пугачиной, подъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ истинной, вождѣльной свободѣ, движеніе духовнонравственное. Кондратій Иванковъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ Орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шелъ за свободу, но не съ мечомъ, а съ пророчесвенной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ народныхъ*. Онъ не обѣщалъ народу матеріальныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призывалъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и юславно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-мифологическою настроенностью народнаго міросозерцанія, шелъ путемъ мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ образахъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человѣка, народа. Проповѣдуя о *ресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забытый, деморализированный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ то оживленіе, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ

Вмѣсто вооруженной силы, вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его послѣдователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчетными, беззаботными, даже веселыми пророчесвенными пѣснями объ оживленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *полковникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ истины*, въ которомъ онъ былъ *кормчимъ*. Въ мифическомъ образѣ боярина или полковника силы духовной представляетъ Селиванова пѣсней божіихъ:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такіа чуда:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной

Надъ пророками пророкъ сударь гремить,
 Нашъ батюшка покатывается.
 Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
 Хорошо его конь убралъ
 Золотыми подковами подкованъ.
 Ужь и этотъ конь не простъ:
 У добра коня жемчужный хвостъ.
 А гривушка позолоченая,
 Крупнымъ жемчугомъ унизанная.
 Во очахъ его камень маргарить.
 Изъ-устъ его огонь-пламя горить.
 Ужь на томъ ли на храбромъ на конѣ
Искритель нашъ покатывается,
 Онъ катаетъ со златыми ключами
 По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ.
 По инымъ землямъ французскимъ,
 Французскимъ и иркутскимъ.
 Набираетъ полки премудрые -
 Кавалерію духовную.
 А теперь то, други милые,
 Прикатилось красно солнышко,
 Во сѣверну сторонушку,
 Во сѣверну, во питерекую.
При батюшкѣ искритель.
 При второмъ спасителѣ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
 Ужь сталъ нашъ батюшка родной
 Государь нашъ полковникъ дорогой
 Своими полками полковать, и проч.

 Спѣшитъ батюшка, катаетъ
 Онъ со страшнымъ судомъ,
 Со рѣшенемъ и прощенемъ.
 Со златыми со трубами
 Съ богатырекими конями.

 Не помогутъ мои други
 Сего свѣту вамъ князья.
 И цари-то всѣ земные
 Пойдутъ они подъ землю.
 И накроетъ ихъ земля,
 Что горючія каменья
 За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.
 Ваша воля, ваша власть,
 Что угодно, то устрой.

Глубоко задумаешься, и разгадать не можешь, что за тайна ру народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историче метаморфозахъ или персонификаціяхъ народнаго духа. *Снизу, изъ народныя*, выходили, цѣлыя полтора столѣтія, *самозванцы-цари*, по теристическому выраженію лѣтоисп XVII вѣка, *играли царемъ*, и и свободы, льготъ матерьяльныхъ, житейскихъ, магически увлекали и громко заявляли о массѣ народной передъ всею Россіей, будили, и

Сѣхъ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, **служилыя** массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидны, не слышно **было** въ исторіи со временъ Стеньки Разина, вдругъ и громко выступаютъ **в** сцену исторіи, вращаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, идутъ съ своимъ **самозваннымъ** царемъ — бѣглымъ казакомъ-раскольникомъ, и ужасають **правительство!** Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являются **другіе** самозванцы—христы, пророки, искупители, освободители, пастыри, **читатели** и проч., и отрицая многія библейскія книги, византійскія или **православно-восточныя** преданія, отрицая великороссійскую церковь съ ея **эпархіей**, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя **религіозныя** мнѣнія, распространяють демократизмъ и религіозный и **гражданскій**, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также **сильно** затрогиваютъ церковь православную и духовное правительство! Да, **что-нибудь** да значать въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросозерцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значать такія **удовищныя** явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селивановщина, **самозванство** политическое и самозванство религіозное...

Въ то время какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ движеніи, когда и пугачевщина не завоевала имъ воли, и мистико-идеалистическая, мистически-пророчесвенная селивановщина не облегчала земной, **жизненной**, деннонощной, злой неволи. — въ это время возникло согласіе **бѣгуновъ**. Оно не заносилось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, **не** носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророчесвенныя секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *ладѣхъ земли, рѣкахъ и усадьбахъ* — въ пользу народа. Оно указывало **податнымъ**, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а *чисто земной*, и притомъ ужъ указанный **народной** исторіей путь *бѣгства, странничества, скрываетія*. Бѣгство и скрываетіе было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ **всѣхъ** сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ и не мистико-созерцательнымъ, а **реальнымъ**, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и **казенной** и казенно-податной и церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключеніемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, податныхъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Равнымъ образомъ, **не** надѣясь, подобно пугачевщинѣ, разомъ трянуть Москвою, **не**спровернуть несправившійся политическій и церковный порядокъ, согласіе **бѣгуновъ** возвѣстило принципъ постепеннаго и постоянного, личнаго и общесообщаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ **странствующей** пропаганды, странствующихъ наставниковъ **массъ** народныхъ. «Братся подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до времени открытой брани съ нимъ братся нельзя, а подобаетъ только братся **противленіемъ** его волѣ и неисполненіемъ его законовъ; а когда придетъ

время открытой брани, тогда всякъ, иже убіенъ будетъ, получить вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ». Таковы главныя, общія сужденія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пропаганды и самъ Евфимій, основатель согласья бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положилъ основаніе и догматикѣ ихъ. Черезъ два года Евфимій съ Ириной Федоровой возвратился изъ костромскихъ лѣсовъ въ Ярославль, и снова началъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ то же время для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ 1784 г. онъ издалъ *лицевой апокалипсисъ* съ картинами и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно для простаго народа изобразилъ свое ученіе: *антихристъ* съ короной у него означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные въ лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служащую антихристу. Незадолго передъ смертью Евфимій написалъ *Цѣтникъ*. Здѣсь онъ довольно подробно изложилъ свое ученіе—сущность и основаніе согласья бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ послѣдователи согласья бѣгуновъ каждый годъ, въ день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цѣтника».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ російскомъ государствѣ царство антихриста. Патріархъ Никонъ лжепророкъ антихриста, имя его Никита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 20, 8, 300, 10, 70, 200=666) ¹⁾, означаетъ число звѣрино 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 года священнослужители суть демоны, демонскія тѣlesa, уста звѣрпы: духовная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то псалтырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижаль, увѣтъ, пращца и другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ первымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ I». На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколо-учители федосѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства и ученія. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ російскомъ государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *императоръ* и заключаетъ въ себѣ число звѣрино. Въ семь гордостномъ князѣ міра сего заключается быть первый тейтанъ, презлѣбшій и преисподній бѣсъ. Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеены его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ еретики. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ

¹⁾ Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

адамъ¹⁾. Вѣсовскіе полки воинскія и гражданскія власти исполнили скіе указы отъ 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ».

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы царского вѣдѣнія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца вніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, грѣшныя поганскія вѣрѣ обычаи, какъ-то: бритые бороды, народныя пени, раздѣленіе челоуѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и сѣдѣбъ, завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давая ничего; учрежденіе цеховъ и гильдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ и латынскихъ и нѣмецкихъ странъ установленій, чѣмъ возстановилъ междуоусобную брань, сварь и бой».

Со времени Петра I, училъ далѣе Евфимій, царская власть—икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Инскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть разъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами челоуѣческими, принуждающія въ погнѣбную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего».

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ свой основной догматъ о необходимости спастись бѣгствомъ отъ антихриста и отъ его властей и порядковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не дерзнетъ противиться власти антихриста и спастись отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ сѣменемъ для послѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько религіозно-политическихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя далѣе будутъ разсмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполне достаточно, убѣдительно. Умы и сердца народныя оно за живое затрогивало. Массѣ не нужно было многословное изложеніе близкихъ ей сердцу и быту предметовъ, ненуженъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теологическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣть, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испыталъ, тяжело почувствовалъ, претерпѣлъ. — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего тяготящаго въ государствѣ, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, о освобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка подданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, служилыхъ имперіи, — однимъ этимъ всеобъемлющимъ гматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удушливо-снѣжающихъ обстановку горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, мѣщане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ

¹⁾ Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. з. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласіе бѣгуновъ. Горько-думная житейская искушенность, горько прочувствованныя, горько прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семейнаго прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственности, замкнутости, помѣщичьяго ига, чиновничьихъ нападокъ, обидъ и грабительствъ, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяжелаго приобрѣтанья средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ затронута было ученіемъ Евфимія и согласія бѣгуновъ. Все это и прежде такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на дѣлѣ всего того, что тяготитъ жизнь, — единственный путь спасенія и свободы. Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котораго тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шелъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, молодой, работающій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и женившійся, только-что обзаведшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, наѣздомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забранный въ рекруты, бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва кормившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что едва смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекрутчины, бѣжалъ въ бѣгуны. Купецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажившій капиталецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, кругомъ испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлинъ, придирчивое насильственное закрытіе лавокъ, торга, безгласный въ шестигласной думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія купечества отъ рекрутства долженствовавшій за себя поставить рекрута, терпѣвшій отъ начальниковъ и военнотружениковъ чиновъ ругательства, побои и проч., купецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мірскіе жиловые* и становился самъ покровителемъ, *пристанодержателемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помощникомъ ихъ пропаганды. Солдатъ, оторванный отъ родины, отъ жены и дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ словомъ, согласіе бѣгуновъ возвѣстило, открыло широкій, просторный путь для всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и служилыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласіе бѣгуновъ молодымъ кипучимъ натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что сдерживало жизнь, давило широкую грудь молодца — все бѣгунство сбрасывало. Изъ душной мастерской или фабричной онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ лѣсъ отдохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Я сокровѣсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями.
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ.
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи воды журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ пустыню.

Съ гори, со кручины,
 Я пойду же разгуляюсь,
 Во прекрасной во пустынь.
 Моя матушка вторая,
 Ты прекрасная пустыня!
 Принимь меня пустыня
 Со премногими грѣхами,
 Со горячими слезами...
 Принимаетъ же пустыня
 На свои-то бѣлы руки,
 Яко мати свое чадо...
 И отвѣщаетъ мать-пустыня
 Архангельскимъ своимъ гласомъ:
 И охъ ты, гой еси, молодой юношъ!
 Тебѣ въ кельѣ не сожити,
 Черна платя не сносити.
 У меня же во пустынь
 Нѣту сладкіе-то пищи,
 У меня же во пустынь
 Нѣту питія медвина,
 У меня ли во пустынь
 Нѣту свѣтнаго-то платя.
 У меня ли во пустынь
 Нѣту свѣтлыя палаты,
 У меня ли во пустынь
 Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
 У меня ли во пустынь
 Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
 Что возговорить молодой юношъ:
 Охъ ты матушка вторая,
 Ты прекрасная пустыня!
 Примь меня къ себѣ жити
 Мнѣ-ка сладкая-то пища
 Мнѣ гнилая-то колода,
 Мнѣ-ка питія медвина
 Мнѣ горька вода болотная,
 Мнѣ-ка цвѣтное-то платье
 Эта черна схима,
 Мнѣ-ка свѣтлая палата
 Эта мала хата,
 Мнѣ-ка слово-то промолвить
 Съ тобою же пустыня.
 Я пойду же, разгуляюсь
 По зеленой по дубравѣ.
 Отвѣщаетъ мать-пустыня
 И архангельскимъ своимъ гласомъ:
 Ой, ты юношъ, какъ стоскуешься, молодой.
 Придетъ тогда весна красна,
 Налетятъ тогда съ моря пташки,
 Горемычныя кукушки.
 И онѣ стануть куковати,
 Жалобы стануть причинати,
 А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила юношу пустыня. Тяжело, несносно было молодому юноѣ сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжелъ, противенъ бы монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ былъ отеческій деизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ черный подрясникъ, и бѣжа бѣгуномъ изъ монастыря.

Една сосенка стоитъ,
А подъ сосенкой при той
Молодой инокъ лежитъ.
Ничего не говорить.
Токмо плачетъ какъ рѣка,
Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
Что игумень гнѣвъ имѣтъ.
И соборомъ онъ смирялъ...
Не нечаянно пришла
Нестерпимая бѣда.
Куда же мнѣ и дѣтися,
Ой лучше разгулятися.
Какъ, идти мнѣ въ монастырь?
И прощенія просить?
Не хочу я у нихъ жить...
Прѣбжали къ судьямъ,
Объявили мой побѣгъ.
Что я тайно у нихъ убѣгъ.
Вы прощайте, мои други.
Пѣвцы славны-крылошане.
Не хочу я у васъ жить.
Со всѣми съ вами я прощусь.
И на вѣки разлучусь.
Прощай, славный монастырь,
Не хочу я въ тебѣ жить!...

Находился человѣкъ въ состояніи мистической экзальтаціи, мучил его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгуномъ предавалъ подвигу странства. Онъ пѣлъ:

Ничто же можетъ воспретити,
Отъ странства ми отлучити.
Пищи тако не акаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ явлюся.
Токмо странства не минуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай снѣжно Сіона.
Тебя путемъ къ горню граду.
Плачи, душе, о томъ время.
О грѣховномъ своемъ бремя,
Какъ будешь отвѣщати.
На судъ страшномъ предстати.
Уже часъ дне сокращается,
Смертный часъ приближается!...

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласье бѣгуновъ, но и возводило въ демократическій догматъ горьковатые выводы народной горемычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Подданныя, крѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ своей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до тѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теоріи, раціональныхъ соображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, по непосредственному опыту, массы дознавали многія политико-экономическія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдничествомъ, путемъ горькихъ протестацій, выразили эти истины, основали особые согласія, пропаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и распространенія этихъ истинъ. Ихъ самородки-наставники, даровитые начитанные грамотники, только откликнулись на горько-жизненный вопль и стонъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и пошли проповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ наукѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра двѣ-три такихъ идеи Евфимія бѣгуна.

Вотъ, напримѣръ, Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій*. А кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооружался и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у насъ не вооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордвиновъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконяемое гдѣ-либо отъ правительства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во все время и отъ всѣхъ народовъ, опытами дознаваемо было за главнѣйшую препону къ народному обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ позволять одному промышленя гѣмъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать предѣлы уму и дѣятельности человѣческой: учреждать частную каждому пользу, ему одному могущую быть извѣстною, тѣсясь волею, обстоятельствами измѣняемую и зависящую отъ обладаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, содѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ человѣка измѣняется и не удерживается въ постоянствѣ ни естественнымъ ходомъ вещей, ни правительственными законоуслѣіями? Не есть ли тоже самое, что позволять одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему умъ, и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго разряда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждого пользъ. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учрежденно было между-прочимъ съ намѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведеннымъ здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ торговля и внутренняя промышленность не получаютъ совершенной свободы съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа, безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притязанія, до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. Мордвиновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышленности раздѣленія на цехи и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба

тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учрежденія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Ремесленные управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои требованія о запискѣ въ цехѣ не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдескихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженные льготными свидѣтельствами и даже непризнанныя фабрики, по тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно разнужали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько сходныхъ производствъ ¹⁾ не только ремесленные, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричское положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерей времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ удовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матеріально, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивъ размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опредѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ, во-первыхъ, удаляютъ многихъ чуждыхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая, напримѣръ, для нихъ заграничную торговлю; во-вторыхъ, приучаютъ купца смотрѣть свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными путями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздадутъ почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій богатствомъ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, введенною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности налога, стѣсняютъ чрезмерно мелкихъ торговцевъ и чрезмерно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Отсюда происходитъ неравномѣрность: купецъ торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на нее 20% (600 р.), отдаетъ ¹⁾ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія чина на разные чины*. Это нападки на *табелю о рангахъ* или на чиновную іерархію.

1) Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при с.-петербургской ремесленной управѣ, между прочимъ, поименованы цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный внесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчица и ваксельное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же причисленіе самыхъ разнородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было и въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

жую градацію и раздѣленность народа, и вообще на *сословное раздѣленіе земель*. Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшаяся въ прошломъ столѣтіи *подлаго народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собою высшихъ сословій—военнаго офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ *сословный*, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ гачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началъ и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, не терпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, росписаніе русской земли казалось нарушеніемъ *изстаринныхъ земскихъ правъ*.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ тѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ только къ государству, но и къ личности помѣщиковъ, понялъ лишеніе *крестьянъ воли* ¹⁾. Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенациональное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею.

XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купить или не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей, — въ крайне трудно и даже невозможно было приобрѣсти землю, хотя бы и тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, не имѣя постоянного, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могла приобрѣтать насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видѣли, мѣщане страдали и донынѣ страдаютъ отъ безземелья. Понятно слѣдъ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ *шленія земли*.

III

Основанное Евфиміемъ согласіе бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибирь. Оно открыло *податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа* новый, широкій путь *противо-церковной и противо-правительственной оппозиціи*, стало своеобразнымъ и сложнымъ *народомъ и скопленіемъ новыхъ, народныхъ*

¹⁾ Бѣгунъ Евфимій въ своемъ „Цвѣтникѣ“ отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизію душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ этомъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согласья бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ раскола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно происшедшихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ, или торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были—село Сопелки, на берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Ярославля ¹⁾, и деревня Матышева, въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, ученика его Ирина Федоровна поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра Семенова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначала она окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ его Севастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, происшедшаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери Крайнева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жители села Сопелокъ—крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филиппъ Курочкинъ съ матерью и женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжали изъ Ярославля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагринъ, поселился въ селѣ Сопелкахъ у Крайнева и былъ имъ перекрещенъ въ согласье бѣгуновъ, подъ именемъ Мокея. Этотъ Чагринъ странствовалъ впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ деревнѣ Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край за непризнаніе царя, за дерзкія выраженія противъ церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ вывернулся изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія Евфимія. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ Евфимія, и Севастьянъ Крайневъ стали главными распространителями толка бѣгуновъ въ Ярославской губерніи. Скоро явилось и много другихъ наставниковъ по обѣимъ сторонамъ Волги.

Подъ влияніемъ этихъ и другихъ учителей страннической толкѣ распространился въ самой большой части ярославскихъ селъ. Напримѣръ, въ приходѣ села Сопелокъ это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярцевъ*—вотчинѣ Кокошкина и въ деревнѣ *Алексеевой*—Арнаутова. Изъ Сопелокъ, по правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимущественно въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ Мятлевой, что въ восьми верстахъ отъ села Сопелокъ, въ деревняхъ: *Голенищевъ*, *Кочаевъ*, *Тимохинъ*, *Борисовъ* и *Телищевъ*, гдѣ оно смѣшалось съ федосѣевскою сектою, во всемъ кра-

¹⁾ Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертеневъ. Теперь жители его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ. Промышленностью особенной они никакой не занимаются: только семейства Пановыхъ, Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крестьянъ, Курочкинъ и Полетаевъ, записались въ купечество и очень богаты. Жители Сопелокъ всѣ безъ исключенія придерживаются странническаго согласья, и всѣ занимаются пристанодержательствомъ. До 1850 года, т.-е. до начала дѣйствій слѣдственной комиссіи о бѣгунахъ, скрывалось въ Сопелкахъ до ста челоуѣкъ бѣглыхъ раскольниковъ и въ томъ числѣ до двадцати военныхъ дезертировъ.

сопелскомъ приходѣ, въ которомъ господствующая секта—филиповщина. Село Красное находится близъ границъ Костромскаго и Нерехтскаго уѣздовъ, въ сорока-пяти верстахъ отъ г. Ярославля. Въ приходѣ этомъ появились бѣгуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа Киселева—въ селѣ *Красномъ*, въ деревняхъ: *Исаковъ*, *Лобастовъ* и *Усковъ*, въ вотчинѣ графа Мамонова—въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковъ*, *Гридинъ*, *Мигачевъ*; въ вотчинѣ Хомутова и Лукьянскаго, въ деревняхъ: *Ченцовъ*, *Кстовъ*, *Павловскій*, въ вотчинѣ Толбучина, въ деревнѣ *Мячковъ*, въ приходѣ села Новаго, въ вотчинѣ Ольхиной, въ деревняхъ: *Гашкавъ*, *Дубкавъ*, *Борисовъ*, *Тимоновъ*, и въ приходѣ села *Туношны*—въ вотчинѣ графа Воронцова. Группа деревень, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села Туношны въ городъ Нерехту, и составляющихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *Михайловскаго*, представляютъ особый пунктъ сопелковской пропаганды бѣгуновъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено въ вотчинѣ генерала Кокоскина, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя Юсупова, въ деревнѣ *Облецовъ*, въ которыхъ всѣ жители занимаются пристанодержательствомъ; точно также въ деревнѣ *Измайловой*, вотчинѣ того же князя Юсупова, въ деревнѣ *Федоровой*—вотчинѣ Кокоскина, въ деревняхъ *Погорьскъ* и *Муровскъ*, вотчинѣ Сорохтина, въ деревнѣ *Скородукъ*, вотчинѣ Хомутова, въ деревнѣ *Шаруниной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сеславинъ*, Комаровскаго, въ селѣ *Бурмакинъ* и въ деревнѣ *Щипцовъ*, вотчинѣ Воронцова. Наконецъ, по той же линіи, ученіе Евфимія распространилось въ казенной кобыльской волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкинъ*, *Харловъ*, *Тружнинъ*, *Жилинъ*, *Рыковъ*, въ селѣ *Вышеславскѣ*, въ деревнѣ *Прошенинъ* и др.—По лѣвой сторонѣ. Волги ученіе сопелковской секты распространилось въ Ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ Даниловскаго и Романово-Юрисоглѣбскаго уѣздовъ, въ деревняхъ прусовскаго прихода, находящихся противъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги—въ деревнѣ *Филимоновъ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Терентьевской*, вотчинѣ Патрикѣева и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчинахъ Васильева и Властьевой, въ деревняхъ прихода Городицы: *Боркавъ*, *Невтрѣвъ*, *Павловской* и *Бичетниковъ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно въ деревняхъ *Вахрушевъ* и *Игнашинъ*, наконецъ, въ деревняхъ казенной григорьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, преимущественно въ деревняхъ *Дудкинъ*, *Скомороховъ*, *Бычковъ*, *Островкавъ*, *Арафенинъ*, въ селѣ *Гавишникавъ*, въ дер. *Юркинъ* и другихъ.

Такъ въ одномъ Ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьмидесяти-трехъ селъ и деревень стали пріютомъ согласья бѣгуновъ. Судя по этому, можно отчасти представить степень распространенія его и въ другихъ уѣздахъ и станахъ Ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ Костромскую губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ Евфиміемъ. Потомъ около 1812 г. прибыли въ село Сопелки изъ села Краснаго, Костромскаго уѣзда, вотчины князя Вяземскаго, бѣглые раскольники филиповской секты—Родионъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, и были крещены и приняты въ согласье бѣгуновъ

Мокѣемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки изъ Костромской губерніи крестьянинъ села Сидоровскаго, Кинешемскаго уѣзда, по отцу Андріановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и на начитанности скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени туда же прибыли изъ костромскаго села Краснаго двѣ женщины Авдотья и Анна, для узнанія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщаній съ сопелковскими старцами онѣ пригласили къ себѣ въ Костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласье много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Плеса: цѣлыя семейства, поголовно, сманивали онѣ въ новое согласье. Такимъ образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ Костромскому, Нерехтскому и Кинешемскому.

Изъ Нерехтскаго уѣзда согласье бѣгуновъ проложило себѣ дорогу Владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространилось Шуѣйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ Нижегородскую губернію, въ лахнинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сектская пропаганда приобрѣла послѣдователей въ Алатырскомъ уѣздѣ (Алатырской губерніи, въ селѣ Левлевомъ, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ Сызранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковский кукурочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристани села Мокшанъ эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозили бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовѣ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ славскаго уѣзда, деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ Шубникъ. Поживши съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ предложить Ирину Федорову, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославца Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Хайлову и его отцу Сергію Тихонову перейти на жительство въ садовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика въ пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Брюкова, а Родіонъ Хайловъ и отецъ его скрывались въ бѣракахъ у филиповцевъ. Тамъ скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловичъ возвратились въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ Астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродила и, наконецъ, поселилась на жительство въ кельѣ, въ кійской волости.

въ Томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны занесли ученіе Евфимія въ понизовый, прикаспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ Тверской губерніи ученіе Евфимія-бѣгуна распространилось преимущественно съ 1835 года. Первымъ проповѣдникомъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ Кочевского уѣзда, деревни Завражья, вотчины Васильчиковой, Степанъ, по переименованіи Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ Ярославской губерніи, проповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ Калязинскаго уѣзда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кимрѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной и другихъ. Кононову помогали въ распространеніи ученія крестьянинъ казенной деревни Клетина Осипъ Федоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, крестьяне Корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили къ себѣ въ наставники Ергогена Кузьмина, жившаго въ то время въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батылева. Ергогенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ уже дѣйствовать систематически, приобрѣлъ много пристаней или *мѣстъ*, по выраженію бѣгуновъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ. Въ то же время онъ распространялъ сопелковское согласіе и въ Московской губерніи. Сюда онъ приглашенъ былъ богатымъ крестьяниномъ Дмитровскаго уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ему на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ Кленкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ евфимово или сопелковское ученіе распространилось съ самаго начала его появленія въ Ярославской губерніи. Въ Москвѣ преимущественно усвоили его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ крестьянъ Ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ярославскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласія бѣгуновъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати человѣкъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ первые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфиміѣ. Въ Новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою первую общину въ колотиловскомъ лѣсу, Устюжскаго уѣзда. Наставникомъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не имѣвшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрестностямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ лѣсу двадцать пять человѣкъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покающихся и прощенныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, послѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ Устюжскаго уѣзда ученіе бѣгуновъ распространилось въ чаромскую волость Череповецкаго уѣзда, въ деревню Назарово.

Около 1813 года бѣглый раскольникъ филипповскаго согласія, изъ Краснаго, Костромскаго уѣзда, Василій Петровъ, перекрестивъ самъ себя и переименовавшись Иваномъ, пошелъ съ проповѣдью ученія о бѣгствѣ и странствѣ въ Вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать

общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Ярославской губерніи, только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ сопелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ казенной устьинской волости — Вахрушевой и Елданкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черневой, Матковой и Микулинѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова ученіе ефиміево или сопелковское перешло изъ Вологодской губерніи въ Онецкую, въ Каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому-что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынь Архангельской губерніи, на Тимозерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтникъ» Евфимія и самъ себя окрестилъ въ сѣверномъ сѣверномъ поморьѣ въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣялъ здѣсь новыя сѣмена согласья бѣгуновъ.

Въ Сибирь ефиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскѣмъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославскою шанкой Домникой Душиной и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, кѣйма вытрапливали разными средствами, иногда выставляли ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иначе еще на пути въ Сибирь бѣгуны имѣли возможность разсѣивать свой толкъ, напримѣръ, Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласья — Мокшею Федоровымъ и Праскою Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устроили пристани. Такимъ образомъ они посѣяли ученіе Евфимія и устроили пристани, напримѣръ, въ Курганѣ, Пермской губерніи въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, Тобольской губерніи, также на заводовскихъ и топчинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣстной, сибирской пропаганды согласья бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ Томской губерніи, въ кіеиской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ хитрыхъ лѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны сибиряки даже со всѣми удобствами устраиваютъ свои кельи въ лѣсу: имѣютъ поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ, полное хозяйство. Странствуя бѣгуны кормились и кормятся подаяніями богатыхъ поселенцевъ съ нихъ соль и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые прииски. По статку наставниковъ сибирскіе странники часто переименовываются почему въ народѣ называются *самокрещанцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта—села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странствованія распространилось ефиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибирь. Сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ вытекало его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ—бѣгство, странство и рытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста. Единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпости, крѣпости правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, учебной, помѣщичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанность всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и рытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ и странниковъ—обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ еніи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о томъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ страну. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязанности странства и необходимости его для распространенія ученія бѣгуновъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе странствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость бѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласье странниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ, мірскихъ*, пристанодержателей, и бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выполняли обязанность *скрытія*, укрывательства и покровительства, вторые—*избѣжанность* *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья бѣгуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, болѣею частію богатые купцы и зажиточные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ, вмѣстѣ съ православными въ своихъ домахъ. Для исполненія заветнаго догмата евфиміева странствія они или только съ самаго начала, до перекрещенія въ католическое согласіе, предаются недолговременному и недалекому странству, или на старости лѣтъ передъ смертью просто только переселяются изъ дома въ домъ. Странство, бродяжничество для нихъ—одна только формальность. Главную же, священную обязанность ихъ составляетъ скрытіе и пристанодержательство. Почти всѣ жилые или мірскіе бѣгуны—пристанодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ странниковъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособительно пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности домовъ общій и привычный архитектурный типъ русскихъ построекъ, пристанодержатели бѣгуновъ обыкновенно устраиваютъ въ поддѣлкахъ, въ подпольяхъ, въ цѣлѣтахъ или подгорницахъ, подъ сѣнями, иногда на чердакѣ особыя комнаты и кѣлти, въ которыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странствующие бѣгуны. Для удобства укрывательства ихъ въ домахъ сдѣлано несколько тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во время самаго обыска бѣгунъ можетъ незамѣтно увернуться, либо быстро выбѣгая изъ кѣлти въ кѣлть черезъ сокровенныя дверки въ заборахъ и стенахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ полъ. Иногда кѣлти устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ садахъ, какъ,

напримѣръ, въ саратовскомъ и астраханскомъ краю, а иногда и въ полѣ Усердные и богатые пристанодержатели, занимающіе удобную, просторную усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣскольку клѣтѣй въ своихъ домахъ или около нихъ. По старинному писцово-крестьянскому обычаю клѣтѣ эти называются *мѣстами*. Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селеніи *есть мѣсто*, это значитъ незанятая келья или клѣтѣ. Тѣ мѣстности, селенія или города, гдѣ жили извѣстные постоянные пристанодержатели, гдѣ находились средоточія мѣстъ, называются *пристанями* или *станами*. Такихъ пристаней и пристанодержателей много на всѣхъ путяхъ странствованія бѣгуновъ. Мы могли бы исчислить большую часть и селъ и городовъ, гдѣ до 1852 года были пристани бѣгуновъ, могли бы исчислить много и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ пристанодержателей, но считаемъ это излишнимъ и утомительнымъ для читателя. Укажемъ общими цифрами число пристаней и пристанодержателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого года 248 пристанодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ 5 деревняхъ 9 пристанодержателей; въ г. Ярославѣ 27; всего въ 89 поселеніяхъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 пристанодержателя. Въ Романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержателя, да въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 деревняхъ 74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехонѣ 3. Въ Даниловскомъ уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишкинѣ) 2. Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Угодичи 1 крестьянинъ. Въ *Костромской губерніи* въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ Костромскомъ уѣздѣ въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ Кинешемскомъ уѣздѣ, въ 31 деревнѣ 30 пристанодержателей; въ Перехтскомъ уѣздѣ, въ Плещѣ, заштатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревняхъ 57; въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ ячменской казенной волости ² извѣстный. Во *Владимірской губерніи*, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ ² извѣстно было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *Нижегородской губерніи*, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *Московской губерніи*, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей — купцовъ и мѣщанъ: въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 пристанодержателей. Въ *Тверской губерніи*, въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 деревняхъ 25 пристанодержателей. Въ *Вологодской губерніи*, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости—Вахрушевой и Елданкахъ 7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ 4 деревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная пристань Пикиты Симеонова. Въ *Тобольской губерніи*, въ Тюмени 4 пристанодержателя: у купца Якова Михайлова Опрокидниковъ, нынѣ умершаго мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а другой купца за городомъ въ полѣ выстроенъ особый флигель исключительно для странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели находились въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городъ), гдѣ пристанодержат

лемъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кіѣ по р. Кіѣ лѣса и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ, есть пристанодержатели: 1) въ Дмитровской волости; 2) около златоустовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ заводовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алтайскихъ горахъ, на Бамнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и званія, извѣстные подъ названіемъ *каменщиковъ*. Столько намъ извѣстно о пристанодержателяхъ до 1852 года; разумѣется, остается множество неизвѣстныхъ.

Бѣгствующие странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свѣдѣнія о всѣхъ этихъ пристаяхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были свои маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, въ какую-то азіатскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительное письмо ¹⁾: «На Екатенбургъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катунѣ на красной Ярѣ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спросить страннопрімца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговья горы: оныя горы на 300 верстѣ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня: настоятель схимникъ инокъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Книжнскую землю, потомъ четыре дни ходу къ Татанію, тамъ востонское государство: живутъ въ губѣ океяна моря: мѣсто называемое бѣдоводіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть . . . верстѣ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; **прямымъ** образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темныя, горы высокія, разсѣдлинны каменныя; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, то бѣ и ни одна душа не погибла.. Любители христовы, градите вышеозначенною стезею!.. Отъ пана гоними изъ своея земли, отлучились пять сотъ лѣтъ и приискивали имъ мѣсто два старца, церковей сирскихъ (асирскихъ) . . . сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церковей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха, и отлучились

¹⁾ Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ онъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольниковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаніями, съ точнымъ названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогѣ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночлега или пріюта. Таковъ, напримѣръ, находящійся у меня подробный маршрутъ, кажется, бѣглопоповщинскій — дорога отъ г. Хвалынска (Сарат. губ.) чрезъ Москву, чрезъ Черниговскую губернію и т. д., чрезъ Дибетръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. Любопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особые пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ раскольниковыхъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII вѣкѣ бѣлыми гонимыми старобрядцами по саратовской степи къ Уралу.

отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ ледовое море. И такимъ образомъ, отцы посылаемы, проискивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное имя Михаилъ своею рукою, и о Христѣ съ братією своею писалъ вамъ».

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запасаются и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые пристанодержатели специально занимались составленіемъ поддѣльныхъ, своеобразныхъ бѣгунскихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногда даже исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣкоторые бѣгуны имѣютъ паспорта, начинающіеся такъ: «Господь покровитель и спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собственно отрицаютъ паспорта и всякій письменный видъ, считая ихъ печатью антихристовою, но свои поддѣльные паспорта, составленные въ духѣ ихъ ученія, считают необходимыми для безопасности странствованія, или для показанія земской полиціи въ случаѣ поимки, что они се и ея паспортовъ и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго правленія, а паспорта изъ града бога вышняго*, т.-е. въ сущности никакой полиціи и никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія себя отъ всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ съ собою въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизусть, по простонародному обычаю, особые народные заговоры или молитвы *въ путь идущимъ и назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольниковъ и у православныхъ. За неизмѣнимъ подъ руками мифическихъ путевыхъ заговоровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *въ путь идущимъ*: «Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) соутетсуй, раба своего владыко изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творища промыслъ по заповѣдямъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться ѡбъговолѣ: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаго Духа. Аминь». Молитва *назадъ идущимъ*: «Господи владыко, Боже отецъ нашихъ, ты просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти со угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтъ. Люди твоя избра, израильтяне извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя рекъ) самъ, своихъ сохрани, ихъ день и ночь, якоже укрѣпилъ Иисуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою»...

Своеобразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣгуновъ и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ приставей развивалось внутреннее своеобразное, юридическое самоуправство ихъ согласия. Село Сошелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ областныхъ, мѣстныхъ приставей бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго странническаго населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего сока, или согласия великорусскихъ и сибирскихъ приставей. А совокупность

всѣхъ этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ, концентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго устройства, каждая областная пристань составляла самобытную, самоуправляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ, напри-
мѣръ, особыя мѣстные пристани представляли Москва, заштатный городъ Плесь въ Костромской губерніи, деревня Вахрушева для вологодскаго сословья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д. Всѣ вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристани бѣгуновъ *тянули* судомъ и совѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ. такъ какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь были, въ случаяхъ нужныхъ, общій главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились обыкновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ пристаней для изученія подлиннаго ученія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ. когда кто-либо провинился въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ цѣлаго согласья. Сюда же стекались изъ разныхъ великорусскихъ и сибирскихъ пристаней главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія споровъ догматическихъ. Таковъ, напри-
мѣръ, былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ Сопелкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ, главныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Не только такія близкія паствы бѣгуновъ, какъ, напри-
мѣръ, костромская или московская, но и отдаленная тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно частыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вродѣ бѣлаго казака Овчинникова и Деметьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для совѣщанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собой много книгъ, въ томъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали у нихъ для руководства своей паствѣ *цвѣтничъ* Евфимія.

Каждая областная группа пристаней или отдѣльная мѣстная паства бѣгуновъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ, сопелковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года, слѣдующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ Мышкинскаго уѣзда; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ, съ фабрики Яковлевыхъ; 3) Семень Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Ярославскаго уѣзда, деревни Семеновой; 4) Яковъ, по перекрещеніи Фока Максимовъ, бѣглый солдатъ, родомъ Борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской. Кромѣ этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ качествѣ главнѣйшихъ сектаторовъ: 1) Иванъ, по перекрещенію Федоръ Ивановъ Кривой, бѣглый кантонистъ, родомъ Костромскаго уѣзда, деревни Шелкова; 2) Алексѣй, по перекрещенію Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человекъ, изъ которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офицеръ и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управлялъ главный наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и управителями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ Пошехонскаго, Романоборисоглѣбскаго и Даниловскаго уѣздовъ наставниками были: 1) Димитрій Егоровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Дани-

ловскаго уѣзда. изъ дворовыхъ людей: 2) Марко Яковлевъ Большой, изъ крестьянъ Ярославской губерніи; 3) Петръ Тимофѣевъ Чумаки, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще двое — одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно также имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и пристани: Бостромская, тверская, олонецкая, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общины, эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, исключительно рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанныхъ и возводили ихъ, наравнѣ съ мужчинами, въ достоинство наставницъ. Такъ изъ начитанныхъ страшицъ сопелковскаго согласія слѣдующія женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служенія въ малыхъ собраніяхъ: 1) Татьяна, по переименованію Марья Васильева, крестьянка Ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевой; 2) Елизавета Алексѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, Ярославскаго уѣзда; 3) Екатерина, по переименованію Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дудкина, Ярославскаго уѣзда; 4) Александра Ильина, Ярославскаго уѣзда, деревни Голенищева; 5) Марія Ильина, изъ деревни Нещерки, Ярославскаго уѣзда; 6) Елизавета, по переименованію Лукерья Васильева, изъ крѣпостныхъ крестьянокъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда; 7) Авдотья Петрова, Пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково; 8) Афанасія Фокина, дочь наставника Фоки Максимова, Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской; 9) Варвара, по переименованію Меланья Васильева, изъ деревни Пвашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ-мужчинъ, болѣе начитанныхъ, занимавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., были болѣе извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бывшій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстраго развитія сопелковскаго согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества постороннихъ, свое семейство — мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей; 2) Василий Петровъ Горбунички, крестьянинъ изъ деревни Когаева, Ярославскаго уѣзда. По начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ главнаго совѣта старцевъ сопелковскаго согласія. Онъ имѣлъ постоянную пристань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Федора Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года найдены въ тайникахъ всѣ книги Василія Петрова, между прочимъ, весьма любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основателя согласія бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, Ярославской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Москвѣ портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Будучи еще только шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ларіономъ Павловымъ бѣжалъ и поселился въ пустынѣ Архангельской губерніи, на Толъ-озерѣ. Тамъ Никита досталъ «цвѣтникъ» Евфимія, основателя толка бѣгуновъ, рѣшился послѣдовать его ученію, самъ себя окрестилъ въ старство и, прибывъ въ село Сопелки, для знакомства и бесѣды съ ярослав-

скими старцами, былъ принятъ ими въ согласіе. Потомъ онъ удалился въ Романо-борисоглѣбскій уѣздъ и поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, лютовской волости, у постѣдовательницы согласія бѣгуновъ, дѣвицы Варвары Дмитріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отсѣлъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу его. Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинительства онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его сочиненіе: *«На тридцать ересей»*. Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ всѣ старообрядческія согласія, особенно поповщинскую общину, за тѣ уступки, какія она сдѣлала православной церкви и православному правительству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской оппозиціи, увѣщаетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, совокупнаго противоудѣйствія православной церкви и православному правительству. Кромѣ исчисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ бѣгунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Ивановъ Кривой, Василій Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бурловъ, Афанасій Григорьевъ, Меркурій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; Иванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, села Прусова; Агафонъ, по переименованію Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, Пошехонскаго уѣзда, деревни Телешина; Семенъ Григорьевъ, изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, деревни Терентьевской; Емельянъ Григорьевъ, по переименованію Мефодій изъ крестьянъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Киселева; Филиппъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ ученіе Евфимія развивалось и послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось съ общей безпоповщинской догматикой, особенно федосѣевской, и потому находило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему камнемъ преткновенія для старообрядческаго общества были реформы Петра великаго, до самой середины коснувшіяся стариннаго, естественно-историческаго земскаго народнаго строенія. Потому, со второй половины XVIII вѣка, въ письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщинской, усилилась историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, особенно тяжко напавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ заглавіемъ: *«челобитная объ антихристѣ еже есть Петръ I»*. Это всенародная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* эта сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который первый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтожилъ, вмѣстѣ съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, общинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ правительствомъ, какая была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Мы смотряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріяша пророчества, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣрія 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи

отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазаниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, уничтожи патриаршество, дабы ему единому владѣть, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превосочайшею главою, судьею всей церкви, пріялъ на себя титулу патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патриаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаясь на всяка возобновленія; въ 1700 году собралъ весь свой поганый синклитъ въ 1 день января мѣсяца и постави храмъ идола ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазинъ, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! Отъ того дни разосла свои указы во всю Русію, повелѣлъ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріялъ за императора августѣйшаго, сиречь надъ всѣми обладателя, Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблены, а сатанины извѣщены; воистинну исполнися здѣ тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяще землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертены, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лѣстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, свои новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ и уставы сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ; тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышаться, учини описаніе народное, ичисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребовалъ. Егда же той императоръ или монархъ, сиречь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизією или ичисляніемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа спаса научимся законъ и заповѣди его сохранять и вѣру святую блюсти, и такому же Христу въ послушество отдатися не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ; творите съ нами, что хотите, ибо есмы христіане единого

исповѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сін вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите чело-вѣцы, и воньмите, и рассмотрите по святому писанію, въ кінхъ лѣтахъ жительствоуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуемъ книга: «кабинетъ Петра великаго», ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра великаго. Петръ великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ I, и прочіи по немъ такожде именуются, и пакы именовася божествомъ Русіи, яко свидѣтельствуемъ книжка, «кабинетъ Петра»: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препроводити въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона».

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спасительный путь, это сочиненіе *«объ антихристѣ, еже есть Петръ I»*, едвали не можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполне выразилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы рассмотримъ его здѣсь. Для того чтобы понять взгляды всѣхъ безпоповцевъ и въ особенности бѣгуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ расколъ держится между прочимъ на старинѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпоповцы протестуютъ, во-первыхъ, противъ того, что Петръ I *«императоръ наречеся, спречь монархъ или единовластитель, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею главою»*. Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изстаринное русское народное воззрѣніе на единодержавную власть царя. Вопросъ о *самодержціи* сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ того времени, когда московскіе цари стали называться *самодержцами*, т. е. съ XVI столѣтія, когда «великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и въ исторіяхъ». Лѣтопись отмѣтила это, какъ фактъ, знаменательный въ народной исторіи. И вотъ, вслѣдствіе историческаго развитія такого образа мыслей о самодержавіи, когда Петръ I не только не призналъ народосовѣтія, но и *наречеся императоръ* и издалъ *правду воли монаршей*, расколъ грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ стало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитія историко-демократическое ученіе *объ антихристѣ, еже есть Петръ I*. Съ

тѣхъ поръ многія безпоповщинскія согласія, и въ томъ числѣ бѣгуны, стали вовсе отрицать и отрицають императорскую власть, находя въ самыхъ именахъ императоровъ со времени Петра I извѣрно число бѣб. Итъ-
 торые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признають, а императоровъ не признають. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ показаніи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаеть благія дѣла Богу, молюсь, но за императора и весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не упоминаю». Другіе бѣгуны въ показаніяхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицають и царскую и императорскую власть. Мало того, они возстають и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, собираются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собраніе, за него Бога молятъ и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читають тропари «Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопостивныя». Зрите, богоотчужденные! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣхъ кон, по св. писанію, кроются въ горахъ, въ вертепахъ и земляныхъ прола-
стяхъ отъ лица его, и *нейдуть къ нему подъ присягу*, и не даютъ ему *свѣ-
 ащия и дровяный окладъ* и оброкъ въ смущенную, жидовскую церковь. О
 нихъ вы и молитесь, чтобы ихъ побѣдить, илѣнить и въ свою область
 присовокупить въ вашему богоотчужденному собранію». (Разглагольствова-
 ніе тюменскаго странника, и объ антихристѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, что
 Петръ *устави сенатъ и синодъ*. Это протестъ противъ централизаціи народ-
 ныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскіе земскіе люди, изстари
 привыкшіе *жить на всей своей прежней волѣ, по старинѣ и по поминѣ*,
 вѣрные отеческимъ преданіямъ старины, хотѣли мѣстнаго, земскаго са-
 муправленія и *самосуда межъ собой*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и
 въ религіозныхъ. Старожилы, коренные, *прирожденные* русскіе люди, привѣ-
 женцы отчей и дѣдной старины, старообрядцы помнили, по преданіямъ
 отцовъ и дѣдовъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинныя юри-
 дическіе земскіе обычаи, *про мірскіе сходы* и согласія въ волостяхъ, про
 городскія *людскія собранія или сходы на думу на вѣча*, про сохранившіеся
 еще въ первой половинѣ XVII вѣка *областные земскіе сходы и совѣты*,
 наконецъ, про московскіе *земскіе соборы*. Помнили и въ старыхъ лѣтопи-
 сяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, напри-
 мѣръ, псковское и новгородское, и сельскіе мірскіе сходы сами рѣшали
 даже дѣла церковныя, религіозныя. Помнили они, какъ прежде посады
 и крестьяне *судились сами межъ собой*. И вотъ, когда въ Петербургѣ устроены
 были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнымъ
 дѣламъ, они возошли противъ Петра за то, что *устави сенатъ и синодъ*.
 Тяжкія истязанія, какия претерѣвали старообрядцы въ сенатѣ и синодѣ
 по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили въ
 нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обоихъ высшихъ, центральнымъ
 правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ вели-
 комъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдать штуку
 въ грацкихъ правахъ», роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ, — учили
 сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хотѣ

одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволочитно, прямо, да скавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинить». Безпорядки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ снато и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппозиціи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщенными людьми второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Импримѣръ, кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадаетъ, и подлинно пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, о ихъ охулять за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, въ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью генераль-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государственнаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе высшее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы адаютъ въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сенаторы повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ». О синодѣ ЛП вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сенату правительство есть синодъ и духовныхъ дѣлъ. Но рассмотримъ и сіе самое, такъ ли учреждено, къ бы надлежало для достиженія до желаемого конца? Архіереи и другіе духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ номъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко зпестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопровожденіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, челоувѣкъ небольшого чина по большей части неслучайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой лѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также императрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и безпорядки сената. Ислѣдній даже пришелъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ гавить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется понаасну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на нѣк. ст. с. до Россіи). Если государственные умы, по своимъ просвѣщеннымъ идическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, сознавали достатки высшихъ, центральныхъ правительственныхъ учреждений, то остые люди, старообрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената синода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣложденія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстаютъ противъ новыхъ законопоженій Петра, противъ составленія «многихъ регламентовъ» по духовному по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разосланныхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обязательности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, уложенія 1649 года, не разсылались вдругъ по всей Россіи общіе, того-обязательные нововводительные законы, указы и уставы, а отдавались только царскіе указы и грамоты мѣстныя, по мѣстнымъ нуждамъ. притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ и сильно, противъ воли народа, а всегда издавались и присылались въ

области, въѣдствіе мѣстныхъ, общинно - областныхъ народныхъ челобѣтныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общинно - областного челобитнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей какъ бы участвовать въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣтно было въ изданіи, напримѣръ, уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ самоуправленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и строго предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдругъ радикально измѣняютъ на совершенно новый, искусственно - чуждый ладъ все естественно - историческое, вольно-народное земское строенье, весь вѣковой, самообытный, обычный складъ народной жизни. И система регламентаціи потомъ растетъ до чрезмѣрности, до крайняго стѣсненія народной дѣятельности и производительности многосложными кодексами регуль. Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламентаціи Петра Великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія и такой просвѣщенный и знаменитый государственный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, такимъ образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовало духъ презрѣнія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ успехамъ дѣятельности народной. Уставы, нерѣдко содержа въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коимъ и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ неспровергается: вообще же они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и промыслами частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать необязанность видовъ частной пользы», и проч. (О причинахъ разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгуны и другіе безпоповцы протестуютъ противъ поголовнаго народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очень хорошо понялъ значеніе нововведенной Петромъ подушной переписи. Онъ искони не любилъ поголовнаго *числа*, какъ знака дани. При главномъ, преобладающемъ значеніи въ древнемъ быту народномъ *земли, земскаго строенія*, при всенародной и общинной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общаго естественнаго даннаго источника *животныхъ и промысловъ*, въ старой, дѣдовской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую перепись и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и дани. Потомъ онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собственно личности и не нарушавшей общины. Но когда Петръ I ввелъ *подушную перепись*, народъ возопилъ. Онъ возсталъ противъ *ревизіи душъ*, во-первыхъ, потому, что она, внося каждую душу, каждую личность въ *писцовую книгу*, прикрѣпляла такимъ образомъ каждую душу, каждую личность къ государству: во-вторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ при-

крѣпляла каждую душу, каждую личность къ власти помѣщика, и такимъ образомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостного права; въ-третьихъ, росписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій, систематически дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутреннюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ росписаніямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ, подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки и сбора душу, неподлежащую цѣнѣ. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и нестарообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Носовъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быти; душа — вещь неосязаемая, и умомъ не постижимая, и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысячь десятка два-три истощилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Волынский, въ инструкціи, данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ *поголовщины*, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приписи или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной жиновской церкви антихриста», какъ они выражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безпоповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и дани* *многихъ*. Разумѣется, одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тягость для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь, сплошь и рядомъ, можно слышать вопль о тягости податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія душъ антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ровнотъ ихъ на то, что и съ *мертвыхъ даней востребова*, намекаетъ, кажется, на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василиемъ Москвинымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цѣтникѣ» Евфимія и въ рукописи «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *тигановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убивательный. Въ міръ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны: въ міръ сатаниномъ — великій градъ темный Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются зловѣрные, злочинные, пустопоны, кони сатанины: въ первомъ праздники торжественные, во второмъ праздники табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ» (т.-е. въ Россіи), по личному мнѣнію тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не

духовно, а тѣлесно и видимо, а именно съ 1666 года, когда исполнил число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ обрѣзъ беззаконной троны: царя Алексѣя Михайловича, и Никона, и справивъ книгъ Арсенія Грека. Послѣ того антихристъ постоянно обновляется въ верховныхъ властяхъ. Русское правительство, по ученію тюменскаго странника, есть собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ овленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ *иносказательный духовный* и въ немъ поставилъ «богоотчужденное нѣкое зеркало», а въ зеркало написалъ богопротивный человѣкъ, сирѣчь Петръ I, ихъ законовѣдъ и пастырь, и новый Христосъ, сирѣчь антихристъ». «Во всѣхъ приставленныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — судятъ и распоряжаются по своей волѣ, по злату и серебру, по мышкамъ и по птицамъ и между судей пребываетъ и распоряжается противникъ божій, отецъ дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ *кривосказательными книгами*¹⁾, святѣйшій синодъ — *жидовскимъ синодіономъ*, правительству сенатъ — *антихристовымъ совѣтомъ*. Въ словѣ *сенаторы* бѣгуны усматриваютъ отыскать число звѣрино 666, почему пишутъ не сенаторы, а *сека* и такъ вычисляютъ: $e = 200 + e = 5 + n = 50 + a = 1 + m = 300 + p = 10 + i = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учреждений императорской государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ и бѣгуны, отрицаетъ *присягу*, отвергаетъ *реализмъ души*, отвергаетъ *податъ и оброки*: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ поднимаетъ». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государственныя подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мняте службу приносить Божію, а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся, и себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложившася и души отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную жидовскую церковь: овъ тридцать рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Протестъ противъ присяги бѣгуны и вообще непризнающіе верховной власти раскольниковъ тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто насильно принуждали присягать. Такая присяга сама себя уничтожала, не имѣя нравственного основанія въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ присягавшаго принужденно. *Паспорты* и вся *письменный видъ* странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя по слову апокалипсиса: «дасть имъ начертаніе на деснѣй рудѣ ихъ или челахъ ихъ, да никтоже возможесть ни купити, ни продати, токмо имѣти начертаніе, или имя звѣря, или число имени его» (апок. XIII. 17). Подъ числомъ имени его бѣгуны разумѣютъ императорскій титулъ употребляемый въ плакатныхъ паспортахъ; начертаніе видятъ въ госуд-

¹⁾ Это сознавала сама великая законодательница Екатерина II, когда, изображая вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ манифестѣ 1766 года: *странныя толки часто затмѣвали прямой разумъ законовозъ* и проч. Щербаковъ также охуждалъ законы (Оправд. моихъ мыслей и проч. Библиогр. Зап. за 1859 г. №1

ственномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла съ распушенными крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ, толкуютъ такъ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ, и держитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увѣчанные, какъ прежде, во времена благочестія, а змѣй антихристовыхъ». Апокалипсическое выраженіе, что безъ начертанія никто не возможетъ ни купить, ни продать, странникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ купческаго свидѣтельства, безъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цехового и безъ паспорта нельзя торговать, ни продавать, ни покупать ¹⁾. Сѣбительность паспортной системы, а равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. Отрицая всѣ атрибуты или условія государственнаго вѣрноподданства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ защиту бѣгства изъ солдатской службы странникъ приводитъ слова писанія: «на немъ же еще мѣстѣ вой соберутъ, не иди тамо, уклонися же и измѣни, не уснуть бо еще зла не сотворять; отымется сонъ отъ нихъ, и не спятъ» и проч. (Притч. IV. 15—17). Поэтому бѣгуны охотно принимали въ свое общество бѣглыхъ солдатъ, да и согласье ихъ основано бѣглымъ солдатомъ, и между наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій наборъ тюменскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ другихъ согласій, онъ говоритъ: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсовскіе провозжаютъ и снаряжаютъ, какъ и прежде языки, незнающіе Бога». И практически путемъ горькаго опыта податный народъ познавалъ, ощущалъ, тѣлостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ, тюменскій странникъ, согласно съ Евфиміемъ, говоритъ, что слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣжать въ горы и пустыни отъ него (Матт. XXIV, 16; апок. XII, 14), и пророчить про открытую борьбу съ антихристомъ. «Братся съ антихристомъ открытою силою, — говоритъ ²⁾ странникъ, — до времени нельзя: но когда придетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животныя, долженъ сполниться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ получить такой мученичeskій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ мучениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы бѣгуны утверждаютъ, что скоро спаситель придетъ съ неба на бѣломъ конѣ, сотворитъ брань съ антихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и затѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно искомый или грядущій городъ, новый Іерусалимъ при Каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣгуны туда, въ Астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и стремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основныхъ началъ проявлялись и проявляются нѣкоторые отбѣнки и особенности въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ, Василій, по перекре-

¹⁾ Въ этомъ образѣ мыслей бѣгуны тѣмъ болѣе утверждались, что начальство, особенно въ прошломъ столѣтіи, часто притѣняло купцовъ, мѣшанъ и крестьянъ въ выдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. (См., напр., донесеніе Державина, въ Архивъ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22).

²⁾ Срв. подобную цитату выше.

щенны Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, Костромскаго уѣзда, учившій въ домшинской волости Вологодскаго уѣзда и въ Понхонскомъ уѣздѣ, проповѣдывалъ своеобразный социализмъ: воспрещалъ вѣнчанность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу в общины. Кромѣ того, онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклепанны антихристовою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскій вѣру. Напримѣръ, очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданъ мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служа правительству для поддержанія порядка и богопочтенія къ земной вла»

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполне сообразенъ съ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о спасительности странства, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвышая эманципацию членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на все четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ кунечествѣ, напримѣръ, домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная замкнутость, и дѣти находятся почти въ крѣпостной зависимости деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ, напротивъ, свободно расторгается семья: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ угодно. Примѣры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любимыми въ исторіи странниковъ повторялись нерѣдко. Напримѣръ, съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Овчинниковымъ, находясь въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опрокидникова, Надежда Яковлевна. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелко крестьянина Ивана Егорова Панова, Марья. Вообще, рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытныя повѣсти одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей слаждался поэзіей любви въ лѣсахъ, подъ тѣнью деревьевъ и проч. Эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбуновъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенію сосланъ въ казакскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастникомъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ немалымъ трудомъ. На парѣ лошадей она догнала этапъ, въ которомъ шелъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяславля. Марья Васильева прорывалась Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь подъ надзоромъ одного конвойнаго, не подозрѣвавшаго злонамѣренности со стороны бродяжниковъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались безпечностью конвойнаго, тайно у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ тѣлу, за ними погнались верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускользнуть въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возлились къ своимъ пристанодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и физическихъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Это необыкновенная смѣлость, удача, нерѣдко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертлив

находчивость въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная сѣтливость, изобрѣтательность и удалъ, съ какою бѣгуны освобождаются изъ остроговъ и тюремъ, эти похождения, исполненные борьбы и разнообразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопытѣйшихъ и характеристическихъ былинъ и народно-физиологическихъ очерковъ. Но для этого нужны особыя изысканія и очерки. Въ настоящемъ очеркѣ мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный характеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта закаленная, твердая, упорная выдержанность отрицанья, какую обнаруживали бѣгуны на судѣ. Напримѣръ, бѣгунъ крестьянинъ Кмельянъ, по переkreщенью Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ слѣдователями, такъ смѣло и прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никона патріарха цари за благочестивые не почитаю, а за богоотступники, сопротивники, антихристы; гражданская власть — такожде антихриста слуги; духовная власть — ложные пророки и еретики; за царя я Бога не молю и молить не буду, а власть его надъ собою не почитаю, но токмо надъ собою къ душевному спасенію власть признаю царя небеснаго; а церковь великороссійскую за святую не признаю и у еретиковъ на духу отъ роду не бывалъ, потому я не почитаю за святое». Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ въ 1840 году бѣгунъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, деревни Завражья, Стефанъ, по переkreщеньи Иванъ Кононовъ, по манифесту, состоявшемуся въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ торичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при слѣдствіи объявилъ, что нѣтъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ власти считаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, но манифестъ этотъ за милость не признаетъ, потому что благодареніе дано государемъ не по душѣ, а по плоти». Въ 1841 году былъ пойманъ въ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ Кинешемскаго уѣзда, села Зичуги, Прокофій Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявилъ, что государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и самыхъ помѣщиковъ не признаетъ и не повинуется имъ, объясняя при этомъ, что на небеси есть царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей». Бѣгунъ Дементій Петровъ, выдерживая твердость подобныхъ отвѣтовъ передъ судомъ, отвергалъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе женщины, бѣгунши, хотя и не отличающееся рѣзкостью отрицанья, но также достойно вниманія по прямому отвѣту и для дополненія характеристики женщинъ-странницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наименованію Улита) Тимофеева Ширяева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, грамотна, христіанка; на исповѣди и у святаго причастія не бывала, что такое значить исповѣдь и святое причастіе — понятія не имѣю; церковь божію признаю за истинную, православную, но молиться въ оную не хожу, потому что служители ея крестное знаменіе творять щепетью, не соблюдая святой троицы, и богослуженіе производятъ противъ солнца; за благовѣрного царя, который дѣлаетъ благія дѣла, Богу молюсь; но за императора весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не

упоминаю; мощи святыхъ угодниковъ не признаю; что такое имен мощами — не знаю: нигдѣ о таковыхъ въ книгахъ исповѣдываемой христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую по тому Христосъ пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... Н тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣстельства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую, но по данной правительству подпискѣ быть попрежнему въ правѣ оставлена отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ кунгурскаго ремнаго замка за первый побѣгъ я проживала семь лѣтъ въ домѣ телей своихъ, ходила въ православную церковь молиться Богу; но сѣтаннѣ не приобщалась и побуждаема къ тому не была, а какъ зна истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнитель отъ міра бѣжать, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ пророка, изъ дому отца своего скрылась вторично; скитаясь по пришла на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши мѣсто, основала земляную келью... куда пришла ко мнѣ дѣвица Маракулина; по окончаніи кельи мы именovali себя христіански нами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обр попрежнему въ православіе не желаю, потому что, совращаясь два расколъ, не смѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. данные мнѣ вопросы отвѣтствую по чистой совѣсти, справедливо, собственноручно и подписуюсь. Къ симъ отвѣтамъ крестьянска Матрена Ширяева по упрямству своему руки не приложила и при таковую никому не довѣрила».

Въ заключеніе, для дополненія характеристики ученія и религиознаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе странниковъ*, неизвѣстно кѣмъ написанное — православны бѣглопоповцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть скажетъ намъ никъ, что отъ царей тогда такъ (христіанами странники) назван однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда и цались... Мы не дерзаемъ возставлять крамолу на властей, якожъ ники... Отъ того, еже злорѣчится нынѣ христіаномъ раскольникъ: отъ небывалаго нѣкоего и внезапнаго клича ужаснены будучи стѣ нарушили всякое благочиніе и вѣчный законъ христовой цѣ поставя сіе довольною причиною не точию непокоренія властямъ, и ственною виною гибели христовой церкви, и составили новыи ническій сонмъ, все растерзали и попрали въ церкви. Сѣи и зость второкрещенія и верхъ всякаго ихъ законоположенія совъ ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присвоенія... Я не зна терпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такіа хулы ризны, каковыя сѣми ся терпитъ нынѣ отъ сихъ христіано-хули странниковъ. Не вѣмъ, тщился ли кто такъ отъ еретиковъ ра свою прелесть, какъ сѣи. Они праздны будучи и бездѣльны и по нуты никакими законами, успѣшно исполняютъ, какъ мнѣтъ, дѣ повѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ 7332, аки вины преткновенія ихъ, день отъ дня вѣще и вѣще

ся въ количествѣ. Яко болѣе 500 нынѣ быти числу ихъ какъ сами
свѣдѣютъ...

Странники не только что отвергаютъ *повиновеніе свѣтской власти, но
и оной повинующихся*, еще и въ тѣлесныхъ, *облагаютъ судомъ отступ-
ства и погибелью*... Вопросы странника: кто основалъ вашу церковь?
Служны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфимій? Странники церкви и истин-
наго крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ
Евфимій крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался
самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обвинитель
считаетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны
суть погибели не только душевной, но и тѣлесной, за непризнание
собою человѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; кра-
деныя суть, понеже брамоу на властей выдвизаютъ; отступники суть,
же отступили отъ православной христовой церкви, и не хотятъ выда-
вать власти даней, уроковъ, чести и страха. якоже и ересеначальникъ
ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ,
и отеческаго права, ибо во все времена никто не узаконивалъ, чтобъ
и бѣгать и удаляться домовъ своихъ... Развѣ токмо самая праз-
да учить ихъ обходить всюду грады и веси и всехъ развращать своимъ
нравомъ. Самъ Христосъ низжайшее состояніе рабства себѣ избра: отъ
его рожденія своего вписанъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти
Царя и Пилата ни въ чемъ не противился. Развѣ только скажутъ на
странники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ напич-
ка по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши
затуманные странники обвиняютъ насъ и всю церковь, которая во
гонимыя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей
иныхъ... Какой извѣстъ непослушанія своего дадутъ странники? Если
скажутъ, что власти тогда были не лаковы, какъ нынѣ; но властей въ то
время, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предрѣжающимъ,
и въ мірѣ не бѣ православныхъ, но вси идолослужители, даже до
смерти великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣсть въ
неодолѣмой церкви, повсюду то ересями, то гоненіями есть одолѣна,
и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй
расколъ и записанія ради въ расколъ одолена и погнѣблена, якоже увѣряютъ
насъ въ томъ своими тетрадями; наипаче же и самымъ дѣломъ дока-
зано начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую
церковь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ русскіихъ
царей, не писавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій
нѣ нашелъ незаписанныхъ въ расколъ по 2-й и по 3-й ревизіи;
ни же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раско-
лился. Бѣгуны говорятъ, что погнѣблена церковь во вторую ревизію,
сделанную въ 1744 году, и что до 1782 года, въ теченіи 38 лѣтъ, отъ второй
расколу до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ нибудь».

Умственные направленія русскаго раскола ¹⁾

Въ то время когда наше мыслящее меньшинство начинаетъ задумываться, по примѣру европейскихъ умовъ, надъ будущностью рабочихъ и родныхъ силъ, надъ этимъ великимъ вопросомъ, стоящимъ теперь, по ходячей и по логикѣ событій, на очереди историческаго рѣшенія, — думаетъ ли хоть какую нибудь думашку о своемъ рабочемъ житьѣ-бытьѣ огромная масса нашего простого, рабочаго народа? Масса, чернь, — говорятъ одревнителни новаго будущаго, — это тяжелый, несворотимый тормазъ на цѣль прогресса, это страшная, темная сила, враждебная меньшинству лучшихъ новыхъ генерацій, враждебная наукѣ и развитію. Масса, народъ, — говорятъ другіе, — это свѣжая, непочатая почва для цвѣтущаго развитія вѣчный родникъ новыхъ, свѣжихъ, самостоятельныхъ силъ національнаго прогресса, источникъ своеобразныхъ коренныхъ началъ и основъ самобытной, національной гражданственности. Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, масса простого, рабочаго народа въ дѣлѣ прогресса? Есть-ли въ ней хоть какіе-нибудь зачатки движенія? Заглянемъ въ индустріальную и общественную лабораторію нашего простого, рабочаго народа, въ область работы и мысли, и посмотримъ, есть ли тамъ хоть какое-нибудь интеллектуальное движеніе.

Въ промышленной и рабочей лабораторіи нашего народа, въ сферѣ труда мы мало замѣчаемъ признаковъ умственнаго движенія. Рабочій вопросъ, такъ разносторонне и глубоко разработанный на западѣ и назвавшій тамъ уже разнообразныя и могучія ассоціаціи народнаго труда, самообразованія, — этотъ вопросъ нисколько не занимаетъ умы нашего рабочаго народа, нисколько не возбуждаетъ его мысли. У насъ еще крайне мало развитъ, даже въ численномъ отношеніи, тотъ промышленный классъ народа, въ которомъ обыкновенно прежде и болѣе всего, чѣмъ въ оста-

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Дѣло“ за 1867 г. № 10, стр. 319—348, № 11, стр. 138—168 и № 12, стр. 170—200 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ отдельныхъ книжекъ отъ 12 октября, 16 ноября и 19 декабря 1867 г.; редакція Н. Шувалова). Примѣчаніе духовнаго цензора на стр. 331 журнала здѣсь пропущено за его недобросовѣстностью: оно попало въ свое время въ статью Щапова, надо полагать, ради снисхожденія отъ крайностей изуродованія текста. В. С. — ед.

Этой массѣ народа, пробуждается интеллектуальная жизнь,—именно классъ фабрично-заводскій и ремесленный. У насъ еще только 1 фабричный рабочій приходится на 112 человекъ жителей, тогда какъ во всей Европѣ приходится, среднимъ числомъ, на 30,5 чел. жителей, а, въ частности, въ Англіи 1 фабричный приходится на 8,3 чел. жителей, въ королевствѣ саксонскомъ на 14,4, въ Швейцаріи на 15,8, въ Бельгіи на 17 чел.; жителей, во Франціи на 25, въ Пруссіи на 26, въ Нидерландахъ на 32, въ Австріи на 53, въ Италіи на 61 чел.; даже Испанія и та въ этомъ отношеніи можетъ посоперничать съ нами, у ней 1 фабричный рабочій приходится на 69 чел. жителей. Такъ же мало у насъ простыхъ ремесленниковъ по отношенію къ общей цифрѣ населенія. По приблизительнымъ вычислениямъ Гауснера, 1 ремесленникъ приходится, среднимъ числомъ, для всей Европы, на 23 чел. жителей; въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Пруссіи, Нидерландахъ, Баваріи, Саксоніи и др. 1 ремесленникъ приходится почти на 15 чел. жителей; въ Швейцаріи, Австріи, Германіи, Даніи, Испаніи на 39 и менѣе, въ Португаліи на 50 чел., въ Норвегіи и Греціи — почти на 60 чел., — а въ Россіи на 75 чел., т.-е. число ремесленниковъ почти въ 4 раза меньше средняго числа ремесленниковъ для всей Европы, и въ 5 разъ меньше общаго числа ремесленниковъ въ Англіи, Франціи, Бельгіи и т. п. ¹⁾ При такой неразвитости промышленныхъ силъ Россіи вопросъ труда и общественнаго его значенія для рабочаго класса остается вопросомъ темнымъ; а это отражается и на застоѣ нашей такъ называемой черни; потому что вездѣ и всегда городскіе фабрично-ремесленные классы стояли во главѣ уметвеннаго движенія простого народа. «Городскія, промышленныя общины, говоритъ Риль, суть сила социальнаго движенія, а земледѣльческія общины — сила социальной инерціи, застоя. Въ тѣхъ проявляется самосознаніе, а въ этихъ дѣйствуетъ больше инстинктивность. Старыя легенды, старыя суевѣрія у нихъ сохраняются дольше». ²⁾ «Города, — говоритъ Туккеръ, — менѣе благопріятны для здоровья, но болѣе знаютъ средствъ для обезпеченія здоровья; они расширяютъ поле для добродѣтели и порока; они споспѣшествуютъ всякаго рода нововведеніямъ, какъ добрымъ, такъ и худымъ. Любовь къ свободѣ въ земледѣльческой массѣ сильнѣе и крѣпче, но за то между городскими классами она рациональнѣе, умнѣе и энергичнѣе» и проч. ³⁾ II у насъ, наибольшее интеллектуальное развитіе, и притомъ между самыми суевѣрными классами народа, замѣчается только въ тѣхъ городахъ, гдѣ наиболѣе развиты промышленность и ремесленность, тогда какъ рядомъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ господствуетъ во всемъ упорствѣ суевѣріе. Такъ, напр., въ Казани, городскіе раскольники, промышленники и ремесленники, вѣрятъ въ медицину и въ болѣзняхъ призываютъ докторовъ, а раскольники — не городскіе медицину считаютъ какою-то чертовщиною, даже избѣгаютъ прививать оспу, не смотря

¹⁾ Дѣло, № 3-й: Производительныя силы Россіи, 117—118 стр.

²⁾ Riehl's, Bürgerliche Gesellschaft s. 39. Ero-же Land und Leute s. 144: Land und Stadt-gemeinden entsprechen dem Doppelzug in der Bürgerlichen Gesellschaft der Mächten des „socialen Beharrens“ und der „socialen Bewegung“.

³⁾ Ibid. § 54.

на страшныя и явныя послѣдствія такого упорства; городская, торговая, промышленная раскольникья молодежь почитываетъ ужъ и книги свѣтскаго содержанія, а уѣздные сельскіе раскольники обучаютъ свое юншество еще попрежнему—только по своимъ старымъ церковнымъ книгамъ: городскіе, и именно казанскіе раскольники—купцы и жены ихъ,—не только носятъ европейскій костюмъ, но и бываютъ въ театрѣ, дочери ихъ учатся иностраннымъ языкамъ и музыкѣ, а сельскіе раскольники все это считаютъ бѣсовскою выдумкою, антихристовымъ новшествомъ ¹⁾. Раскольники посада Клиницы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными фабриками, заводами и мастерскими,—всего до 150,—не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявляютъ потребность учредить у себя реальное, техническое училище, гдѣ бы преподавались физика, химія, механика и географія. А уѣздная земледѣльческая масса черниговскихъ раскольниковъ училища считаетъ негоднымъ новшествомъ ²⁾. Притомъ у насъ и въ мануфактурно-промышленныхъ рабочихъ классахъ, даже въ городахъ, съ восточнымъ тщеславіемъ выставляющихся торгово-промышленными центрами, промышленная интеллигенція, по большей части, до того жалка, что какое-нибудь допотопное, рутинное, патріархальное домашнее хозяйство и самые безыскусственные промыслы еще вполне преобладаютъ надъ всякою ремесленностью, ведущею къ умственному прогрессу и требующею болѣе или менѣе развитой мысли и знанія. Напр., въ Иркутскѣ, который, въ памятной книжкѣ на 1865 г., съ такимъ восточнымъ самохвальствомъ выставленъ умственно-прогрессивнымъ городомъ, до сопоставленія даже съ Петербургомъ,—въ Иркутскѣ изъ числа 69,6% лицъ, занимающихся частною дѣятельностью, приходится на занимающихся торговлею 5,9%, ремеслами 11,7%, домашнимъ хозяйствомъ—28,2%, на прислугу, поденщиковъ и чернорабочихъ—15,7%, на занимающихся частными умственными занятіями—8,2% ³⁾. Такимъ образомъ изстаринное патріархальное, восточно-обрядовое домашнее хозяйство въ Иркутскѣ, состоящее въ допотопно-рутинномъ, строго-обрядовомъ выполненіи, въ урочное время года, мѣсяца и дня, обычныхъ домашнихъ привычекъ, въ родѣ такъ называемыхъ капустокъ, или въ родѣ обряда суевѣрнаго окуриванія хозяйками съ лихими бабами вѣдуньями отелившихся и нездоровыхъ коровъ и т. п.—такое домашнее хозяйство занимаетъ въ иркутскомъ промышленномъ обществѣ самое наибольшее число умовъ и рукъ, преобладаетъ надъ всеми другими экономическими занятіями—ремесленными, фабрично-заводскими, народо-образовательными и т. п., и даже исключаетъ возможность развитія многихъ ремеселъ и въ большинствѣ подавляетъ всякіе умственные, мыслительные интересы. Или въ томъ же Иркутскѣ, отличающемся несравненно больше восточно-купеческою чванною роскошью, чѣмъ умственными интересами, какихъ нибудь каретниковъ больше 200 (рабочихъ 200, мастеровъ 13, учениковъ 44), или извозчиковъ до 130,

¹⁾ Казанская губ., 472—473.

²⁾ Журналъ мин. нар. просв. 1864 г. ч. СХХІ, отд. 111, стр. 86—87.

³⁾ Памятная кн. на 1865 г. ст. 19.

конопильцевъ до 20; а слесарей только 6, ткачей, мастеровъ каменныхъ дѣлъ и т. п. — ни одного ¹⁾. Вообще, крайняя малочисленность нашихъ рабочихъ классовъ, ихъ взаимная разрозненность, изолированность, поодиочность и грубая эгоистическая взаимная нетерпимость, исключаящая рациональную конкуренцію, цеховая, гильдейская и регламентарная стѣсненность и подавленность, вотъ главныя причины мало-развитости, неподвижности нашихъ рабочихъ классовъ. Занимаясь обыкновенно разными ремеслами и промыслами по наслѣдству отъ прадедовъ, дѣдовъ и отцовъ, а не по наученію и руководству науки, — наши рабочіе классы большею частію не знаютъ никакого выхода изъ этого заколдованнаго круга рутинной промышленной наслѣдственности и традиціи. При крайней умственной неразвитости они не въ состояніи не только изобрѣтать и развивать, на основаніи естествознанія, новые виды и отрасли труда, но и не могутъ сознательно дѣйствовать, опознаться въ рутинной сферѣ старыхъ промысловъ, додуматься до того, какъ выйти изъ этой гнетущей рутины. Слышится иногда изъ среды нашихъ рабочихъ классовъ глухой ропотъ и вопль противъ тяготы, невыгодныхъ условій и разносторонней эксплуатаціи труда. Но ропотъ этотъ вызывается вовсе не сознаниемъ лучшаго положенія при другихъ условіяхъ труда, а механическимъ стѣсненіемъ силъ, даромъ истрачиваемыхъ на рутинные приемы производства. Такъ, напр., плававшая въ прошлое лѣто на пароходѣ «Енисей» въ туруханскій край, мы слышали, на задней баржѣ парохода, такую жалобу рабочихъ—енисейскихъ мѣщанъ: «совсѣмъ бесполезительна и не лучше каторжной наша работа. Впередъ вытаскали на себѣ изъ баржей тысячъ до 20 пудовъ, да назадъ перетаскали на баржи до 25,000 пудовъ. А дрова-то таскаешь? Надо идти далеко, сажень съ 200, съ полверсты и болѣе надо подниматься въ гору, на яръ, лѣзть въ чащу-трусобу такую, что едва стрѣла пройдетъ. Тащишь вдвоемъ-то на своихъ плечахъ пудовъ 10 или 12 дровъ, плечи веревкой изрѣжешь да изотрешь, руки измозолишь да исцарапаешь. И сколько возни-то съ дровами: кладешь ихъ изъ полѣнницъ на носилки, съ носилокъ сбрасываешь въ шитикъ, въ шитикѣ укладываешь, потомъ сбрасываешь съ шитика на баржу, на баржѣ складываешь въ полѣнницы, потомъ опять съ баржи въ шитикъ и на пароходъ. И изъ-за чего вся эта каторжная работа? Все лѣто убоешь, и 50 рублей не заработишь. Ну, жалованья 15 рублей, въ 3 мѣсяца, значить, 45 рублей, да еще за 10 дней—всего выходитъ 50 рублей. Да всѣ они давно забраны. «Я забралъ, напр., 57 рублей, говоритъ одинъ: значить, не только ничего не заработилъ, не унесу домой, а еще долженъ хозяину 7 рублей». Другой говоритъ: «я остался долженъ рубля 3», третій: «я — 10 рублей» и т. д. Нѣтъ, что и говорить: совсѣмъ бесполезительна эта наша плавка. А отъ хозяина какая милость? «Э, работаютъ», — говоритъ онъ, лежа на боку. А кормить-то какъ? Въ контрактѣ было ряжено, чтобы каша была 2 раза въ недѣлю—въ четвергъ и воскресенье, а мы ее и въ глаза вовсе не видимъ; говядины было ряжено 1½ фунта на человѣка, а даютъ только по 1 фунту

¹⁾ См. ту же „Памятн. книжку Иркутск. губ.“

говядина такая, что за 2, за 3 сажени нельзя подойти къ ней, а поѣсть ее, такъ отъ тебя заходомъ пахнетъ; теперь и получше говядина, такъ даютъ только по 1 фунту, но полфунту крадутъ, вѣрно наши-то крохи копать своимъ дѣтямъ. Въ первые годы былъ чай, а нынѣ только когда отправились изъ Енисейска, раза 2 дали чаю, а теперь его вовсе не видимъ. По всему этому, невольно, въ дорогу-то заберешься, у него же и издержисься кое на пищу, кое на чаишко и на одежду. Онъ же намъ продаетъ, насупротивъ прочихъ, дороже: какія-нибудь рукавицы въ 1 руб. 50 коп. намъ ставитъ въ 2 рубля, сапоги въ 1½ и 2 рубля отдаетъ рабочимъ за 4 руб. 20 коп. И рукавицы-то тутъ же, на его жъ работѣ издѣляешь, и сапоги-то тутъ же износишь. Въ первые годы хоть съ прикладомъ ходили: насаливали себѣ рыбы пудовъ 10, икры пуда 2 или около. А теперь изъ 50 рабочихъ человѣкъ 15 или 16 только везутъ немного рыбки-то, кто пудъ, кто 1½, кто 2 пудика. Остальные—ни фунта, ни бѣсточки не вывезутъ».¹⁾ И эти же енисейскіе граждане, рабочіе, на слѣдующее лѣто, опять наймутся къ тому же хозяину, забравши у него въ зиму по 3, по 5, по 16 руб. и т. д., рублей до 50 и больше. Нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на приски, въ тайгу енисейскую. И оттуда выходятъ потомъ съ такимъ же глухимъ ропотомъ. Такъ, напр., на маклаковской станціи, въ 85 верстахъ отъ Красноярска, одинъ выходецъ съ присковъ енисейскихъ намъ рассказывалъ: «на прискахъ народъ хуже скота живетъ, вольная каторга. Казармы—съ землянымъ поломъ; печка въ нихъ въ родѣ котла, испаряетъ вонючую, удушливую прѣль; нары полны грязью. Завалить рабочаго землей,—пишутъ: померь божіею волею. Болѣзни—цынга, водянка и проч. валяютъ рабочихъ. Рабочіе—все народъ сердитый. Ну, какъ и не быть сердитымъ? Не высыпятся, не найдется хорошенько. Утромъ рано, въ 2 часа, звонокъ будить ихъ на работу, и работаютъ они до 8 часовъ. Ъдятъ одни щи изъ соленой говядины, по 1 фунту говядины въ день. Потомъ—народъ все сбродный изъ разныхъ мѣстъ, разнокалиберный, оттого ссорятся и дерутся между собою и проч. И по выходѣ изъ этой «вольной каторги», весной, рабочіе опять идутъ и нанимаются на пароходъ, а многіе опять и на слѣдующее лѣто идутъ на ту же «вольную каторгу». Такъ бьются наши рабочіе, какъ рыба объ ледъ, вслѣдствіе своей умственной неразвитости, ненаходчивости и недодумчивости. Когда мы сказали рабочимъ на баржѣ: «вы бы подумали, нельзя ли вамъ, путемъ сбереженія, составить складчину и артель и самимъ на судахъ плавать на низъ Енисея за рыбой и пушниной?» «Гдѣ?» сказали рабочіе въ одинъ голосъ: «никакъ не приходится намъ это дѣло; первое, намъ нечѣмъ начать, нечѣмъ заводъ завести, а второе, ты видишь, между нами нѣтъ никакого согласія, видишь, какъ мы то и дѣло ссоримся, да бранимся изъ-за пустяковъ». И дѣйствительно, рабочіе на баржѣ частенько ссорились и ругались между собой. Вообще все сознаніе нашихъ здѣшнихъ рабочихъ, вся ихъ дума о невыгодномъ и неблагоприятномъ трудѣ, о рутинной сжа-

¹⁾ Изъ моихъ путевыхъ записокъ.

тости его, о горемычной безысходности рабочаго житія-бытія ограничивается тупымъ, безсознательнымъ недовольствомъ и ропотомъ.

Итакъ, въ области нашего промышленнаго труда, рутіна и разрозненность силъ составляютъ отличительныя черты застоя. Заглянемъ же теперь въ сферу его умственной жизни.

Здѣсь прежде всего замѣтно какое-то темное броженіе, замкнутое въ кругу старыхъ, унаслѣдованныхъ съ вѣками понятій и вѣрованій. Въ массѣ простого, рабочаго народа непрерывно развиваются разнообразныя ученія и составляются все новыя и разнообразныя умственно-общинныя согласія. Каждое ученіе, каждое согласіе имѣетъ свой отличительный, индивидуальный умственный типъ и выражаетъ одно какое-нибудь умонастроеніе простого, рабочаго народа. И всѣ они, въ совокупности, повидимому, доискиваются одного какого-то умственнаго и соціальнаго идеала, общаго для всѣхъ ремесленныхъ рабочихъ общинъ, всѣ болѣе или менѣе исполнены «общаго упованія», ожиданій, надеждъ на свое новое, лучшее будущее. Загадочны и весьма любопытны эти умственные блужданія, поиски, идеалы и стремленія раскольничьихъ рабочихъ согласій.

Вотъ, напр., такъ называемое «Общее Ученіе» и рабочее согласіе или братство «Общихъ», возникшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Саратовской губ. и особенно распространившееся въ Закавказьѣ, основанное молоканами Евсигнеевымъ, Яковлевымъ и Михаиломъ Акинфіевымъ Поповымъ. Въ этомъ «Общемъ ученіи», изложенномъ въ «Уставѣ упованія общаго ученія» Михаила Акинфіева Попова, и въ этомъ рабочемъ союзѣ или согласіи «Общихъ» выразился замѣчательный, своеобразный, общинно-устроительный умственный тактъ нашего простого, рабочаго народа. Здѣсь мы укажемъ только на основныя черты этого «Общаго ученія», отлагая подробности до особаго очерка секты «Общихъ». Каждая слобода, по этому ученію, есть особая община. Каждая партія, на которую подраздѣляется союзъ «Общихъ», или каждый домъ составляетъ какъ бы домашнюю церковь. Дома для жительства каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной свободы. Имѣнья, движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ, принадлежать братскому общему союзу, по изравненію cadaго, не разбирая, кто, гдѣ, въ какой странѣ или деревнѣ находится; личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ—все сельское хозяйство и промышленность находятся въ распоряженіи партій, принадлежать цѣлой слободѣ, въ которой партіи находятся, и доходы со всего этого имущества составляютъ общую сумму общины. У «Общихъ» въ каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества, отпускаются части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ распределяются по партіямъ скотъ, всѣ хозяйственныя потребности, одежда, обувь и проч. А въ каждой партіи выбирается домашній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее платье и обувь партіи, домашняя или земская распорядительница, распо-

ряжающаяся женщинами партін; распорядительница надъ пищею обязана смотрѣть, чтобъ хлѣбъ былъ хорошо исеченъ, пища хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, уравнивая ихъ; наконецъ, всеобщая распорядительница завѣдуетъ принадлежащимъ партіи всѣмъ бѣльемъ, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками, холодниками и проч. Слободы управляются также выборными чинами—судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядителемъ, видѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, членомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы, полевые и домашнія, производятся общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены общія училища, въ которыхъ обязаны отдавать своихъ дѣтей всѣ родители («Общаго упованія»); книги и бумажки, потребныя для школы, покупаются на общественную сумму. «Ученіе Общее» всѣмъ рабочимъ проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее взаимное любезаніе — *соборное*, на общихъ соборныхъ сходахъ всей слободы, *домашнее*—между членами каждой партіи и *единоотъльное*, при входѣ другъ къ другу въ дома. Бракъ у общихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы, и по засвидѣтельствуванію предъ народомъ. Таковы главныя, основныя начала «Общаго ученія».

Или вотъ другое, не менѣе оригинальное ученіе, возникшее въ средѣ простого народа, именно такъ называемое ученіе *немоляцкое*, распространенное, въ 30-хъ годахъ, донскимъ казакомъ Гавриломъ Зиминимъ. Въ этомъ ученіи преимущественно выразилось своеобразное умонастроеніе нашего простого, рабочаго народа — и, въ частности, размахистое вольнодумство казачьихъ умовъ. Такъ какъ въ этнологическій составъ донскаго казачьяго войска вошло много родовъ калмыцкихъ, татарскихъ и турецкихъ,—то и неудивительно, что на этой этнологической почвѣ возникло такое хладнокровное отрицаніе всѣхъ церковныхъ и гражданскихъ учреждений въ Россіи, какое представляетъ ученіе «немоляковъ». Внѣшнее, церковное богослужебное моленіе, по ученію немоляковъ, съ 1666 года будто бы прекратилось, и теперь настало время «умнаго поученія и ума дѣланія», церкви или храмы православныя — суть простые дома. Посты, а также праздники, немоляки совершенно отвергаютъ; пищу употребляютъ во всякое время, какую хотятъ, не различая постныхъ и скоромныхъ дней. Брачный союзъ заключается у немоляковъ безъ всякихъ чиновъ положеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителей другъ друга же, безъ всякихъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, оставлять не должны. Умершихъ немоляки погребаютъ безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но какъ можно въ самомъ простѣйшемъ видѣ толкуя, что умершій есть трупъ, земля, и потому поминовенія объ умершихъ никакого не дѣлаютъ. Второе пришествіе Христова и страшный судъ, а также царство небесное, рай и адъ немоляки тоже отрицаютъ. Наконецъ, немоляки судятъ, что всѣ власти и учреждения, какъ основанныя яко бы на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствительными, почему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія имъ. Будучи проник-

нуты такими понятіями, немоляки и всякую присягу отвергають. Вслѣдствіе такихъ убѣжденій немоляки уклоняются отъ точнаго исполненія гражданскихъ законовъ, толкуютъ такъ: въ службу государственную, какого бы рода она ни была, хотя и можно поступать, но только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ, именно, если правительство опредѣлитъ понудительными мѣрами; но если бы случилось имъ (немолякамъ) стать противъ непріятеля съ оружіемъ, то, по ихъ ученію, отнюдь не должно вооружаться.

Или вотъ, еще странное общество рабочихъ, — такъ называемыхъ «людей божіихъ и скопцовъ» — общество *«плотниковъ и купцовъ русскихъ»*, какъ воспѣваютъ себя въ пѣсняхъ скопцы. Въ этомъ обществѣ оригинально выразился преимущественно восточный умственный складъ великорусскаго рабочаго народа. На «сборищахъ» этого общества рабочіе люди, «плотнички и работнички божіи» ищутъ прежде всего разгадки и познанія своей *«общей и частной судьбы»*, посредствомъ восточнаго финско-русскаго шаманства, облеченнаго въ форму восточнаго *лжепророчества*. Простодушные рабочіе люди божіи отъ души вѣрятъ, что самъ

Милосердый ихъ отецъ,
Всѣхъ пророковъ избираетъ,
На святой кругъ поставляетъ,
Духа въ нихъ вселяетъ.
Судитъ судьбу благословляетъ.

Угнетенные, подавленные вѣковымъ крѣпостнымъ рабствомъ, — «плотнички», по своему восточному умонастроенію, съ востока ждутъ своего искупителя и рѣшенія *«общей судьбы»*.

Красно солнышко засвѣтитъ,
Теплой воздухъ разольется.
То нашъ батюшка страдатель.
По сырой землѣ катаетъ,
Своихъ вѣрныхъ собираетъ
Изъ всѣхъ четырехъ странъ,
Не убоится черныхъ вранъ,
Тюрьмы, остроги отворяетъ
На себѣ все веподымаетъ,—
Всѣ печали и труды.

На сходбищахъ рабочаго согласія людей божіихъ и скопцовъ, — собираются все больше простые рабочіе — «плотнички», и думаютъ думу.

Сидятъ *плотнички* московскіе,
Московскіе, петербургскіе.
Они думу думаютъ за едино:
Ужъ какъ намъ быть,
По снню морю плыть
Супротивъ волны . . .

Пѣснѣ доревенской, простонародной, какую поетъ рабочій людъ на работѣ и по праздникамъ, на веселыхъ игрищахъ и сборищахъ, пѣснямъ и

хороводнымъ пляскамъ «дѣвицъ»,—рабочее согласіе людей божіихъ и скопцовъ даетъ религіозную санкцію.

Добрымъ молодцамъ лжепророчица, какъ ворожея, предсказываетъ

Будешь батюшкинъ пѣвецъ,

Будешь на разные голоса распѣвать...

Обремененные повседневною необходимостію—въ потѣ лица вырабатывать хлѣбъ, и, наконецъ, лишены такихъ общественныхъ удовольствій, какими наслаждается и экзальтируется высшее, не рабочее общество,—«плотнички», рабочіе люди божіи ищутъ въ своихъ собраніяхъ духовнаго утѣшенія и увеселенія. Собравшись вмѣстѣ съ «дѣвицами» и сплетшись въ дружный хороводный кругъ,—они все поютъ и поютъ, да пляшутъ, вдохновляясь надеждою узрѣть какого-то своего батюшку искупителя.

Но эта странная, экзальтированная, шаманско-лжепророческая секта нашего простого народа въ то же время преисполнена, какъ сейчасъ увидимъ, самыми мрачными заблужденіями, порожденными восточнымъ вліяніемъ.

А что это еще за круги мужчинъ и женщинъ въ поляхъ, подъ открытымъ небомъ, среди зелени, цвѣтовъ и лѣса? Это—собраніе духоборческое. И тутъ все одинъ рабочіе, и преимущественно земледѣльцы и садоводы¹⁾. Отрицая храмы и всю церковную внѣшность, они поютъ псалмы и пѣсни духовныя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, въ храмѣ природы. Духоборческая община, также какъ и согласье «общихъ» — это община рабочихъ людей²⁾. Въ запискѣ о духоборцахъ, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ», написанной, вѣроятно, Лопухинымъ въ 1805 г., такъ изложена сущность ученія и внутренняго устройства духоборческой общины на Молочныхъ водахъ: «наиболѣе уважаемая, по ученію и въ жизни духоборцевъ, добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселеніи ихъ на Молочныя воды, они доказали это и на самомъ дѣлѣ: ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится.

«Въ обществѣ ихъ нѣтъ никакихъ старшинъ, которые бы управляли и распоряжались обществомъ; но общество управляетъ всѣмъ и каждымъ. Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простого народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы, кажется, быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ такого безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ, до

¹⁾ Поселенные на Молочныхъ водахъ, духоборцы преимущественно занимаются земледѣліемъ: они особенно любятъ его.

²⁾ «Общіе» и «духоборцы» основываютъ свою общину на ученіи, заключающемся въ Дѣяній гл. 2 ст. 44 и 45: «и имѣху всея обща, и стяжанія и имѣнія продаху, и раздаху всемъ, его аще кто требоваше».

трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ, уживаются въ одной большой избѣ. Духоборцы общительны и дружелюбны между собой. Они дѣлають у себя собранія, приглашая къ себѣ собратій. И если такое собраніе дѣлаеть недостаточный, который не имѣеть чѣмъ угостить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему нужную къ ужину пищу, или иногда приносятъ ее съ собой. Пришедши въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга—мужчины мужчинъ, а женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно: рука за руку берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія и познанія разума. Страннопримство также не послѣдняя между ними добродѣтель: съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія они не берутъ ничего—ни за постой, ни за пищу. Для проѣзжающихъ у нихъ на Молочныхъ водахъ построенъ былъ особый общественный домъ. Къ ближнему духоборцы сострадательны: само мѣстное начальство, при всѣхъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовало предъ высшимъ начальствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту: ибо почти никогда не бьютъ его. Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и это исключенье бываетъ за самыя явныя преступленія. Бракъ они не почитаютъ тайнствомъ, и совершается онъ у нихъ по одному взаимному согласію молодой четы. Такъ какъ между духоборцами нѣтъ никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамилій, то родители у нихъ вовсе не вмѣшиваются въ браки. Церемоній и обрядовъ при томъ также никакихъ не бываетъ: достаточно для брака согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ: тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, будетъ съ нею въ тайномъ союзѣ,—то онъ уже не можетъ отказаться имѣть ее и своей женой: въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Этому же наказанію подвергаются и прелюбодѣи, если бы они случились между ними. Разводъ, въ намѣреніи вступить въ новый бракъ, у нихъ никогда не бываетъ: ибо это считается уже прелюбодѣйствомъ. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для чистоты, то это конечно зависить отъ нихъ самихъ. Женщины у нихъ призваны на учительство: ибо, говорятъ они, и женщины имѣють разумъ, а свѣтъ въ разумъ ¹⁾. Относительно ученія духоборцевъ, Лопухинъ, въ выпискѣ своей о духоборцахъ, составленной имъ при первомъ его донесеніи императору Александру I изъ Харькова отъ 12 января 1801 года, между прочимъ, сообщаетъ: «Царское достоинство приписываютъ единому токмо Богу, впрочемъ разумѣйшіе изъ нихъ признають за нужное для развращенныхъ людей на землѣ власть верховную, не отличая оной отъ прочихъ челоуѣковъ, и государю дотолѣ токмо повиноваться должно, доколѣ повелѣнія его согласны съ истиною и съ волею Высочайшаго Существа; почему и всѣ духовныя ихъ пѣсни составлены изъ

¹⁾ Лѣт. Литер. 1859 г. отд. III стр. 5—19; некоторыя черты объ общинѣ духоборцевъ—записка 1805 г.

псалмовъ, болѣе относящихся къ единству Бога и къ верховному правительству надъ вселенною. Подать давать и защищаться отъ нептѣля считаютъ за должное; но всякое нападеніе, хотя бы то было по велѣнію начальниковъ, отвергають» ¹⁾).

И много еще есть другихъ, не менѣе оригинальныхъ умственныхъ оттѣнковъ въ разныхъ отрасляхъ русскаго раскола. Въ настоящее время расколъ представляетъ два основныхъ корня, изъ которыхъ разлились и развиваются всѣ новыя умственные направленія и оттѣнки разобразной раскольничьей мыслительности. Безпоповщинское, поморское гласіе представляетъ основной корень, изъ котораго развиваются главныя образы секты отрицанія, секты, которыя и теоретически, ученіемъ фактически, въ жизни, отрицаютъ общепринятый существующій порядокъ. Таковы, напр., секты — нѣтовщина, бѣгуны, немоляки и т. п. Молоканское духоборческое ученіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ западныхъ мистико-соціальныхъ идей, характеризуется главнымъ образомъ положительнымъ, общинно-устроительнымъ умственнымъ направленіемъ, и послужить источникомъ сектъ и ученій общинно-устроительныхъ. Изъ этого ученія развилось «Общее ученіе» и «Согласіе общихъ».

Вообще же, умственное движеніе русскаго раскола представляетъ четыре главныя характеристическія направленія. Во-первыхъ, *азиатско-ликовское*, шаманско-пророческое умонастроеніе, господствующее въ сектѣ называемыхъ людей божіихъ и скопцовъ; во-вторыхъ, *западно-ликовское*, или духовно-общинное направленіе, выразившееся въ сектѣ духоборческихъ и особенно въ такъ называемой сектѣ «Общаго ученія» или «Общихъ»; въ-третьихъ, *византийско-великорусское*, церковно-грамотическое умонастроеніе, преобладающее въ поповщинѣ и во многихъ сектахъ безпоповскихъ, особенно въ поморской; и, наконецъ, въ *мистико-скопческой* образъ мыслей, проявившійся, напр., въ сектѣ «немоляковъ». Въ стоящемъ очеркѣ мы рассмотримъ историческое развитіе и умственный складъ общества людей божіихъ и скопцовъ.

Секта людей божіихъ и скопцовъ

I

Историческое развитіе восточно-великорусскаго, шаманско-пророческаго міросозерцанія русскаго раскола представляетъ два періода: періодъ собственно *кудеснической* и *шаманскій*, продолжавшійся до появленія волжскаго расколо-учителей (до конца XVII вѣка), и періодъ *пророческій*, начавшійся со времени появленія пророковъ людей божіихъ — этихъ новыхъ *великихъ волжскихъ*, какъ называли ихъ православный народъ.

Въ первый періодъ финско-славянское кудесничество и шаманство подготовило изъ восточно-азиатскихъ элементовъ обильную почву для развитія шаманско-пророческой секты людей божіихъ.

¹⁾ Чт. Общ. Вышека о духоборцахъ стр. 47—48.

Славяне, распространивши свою колонизацію по всему финскому сѣверо-востоку, среди разныхъ чудскихъ племенъ, повсюду здѣсь встрѣтили сильно-развитое финское кудесничество. По всему финскому сѣверо-востоку славялись своимъ обаятельнымъ владычествомъ надъ народными умами финскіе волшебники, кудесники, кебуны, арбуи, въ родѣ прославляемыхъ доселѣ въ лапландскихъ легендахъ волшебниковъ Пэйвиэ (Paiwiö), Торагаса (Toragas), Каркіаса (Karkias), и т. п. ¹⁾ Славяне, вслѣдствіе колонизаціоннаго, сожительно-бытового п, наконецъ, физиологическаго смѣшенія съ финскими племенами, мало-по-малу нензбѣжно подчинились умственному обаянію этихъ могучихъ финскихъ волшебниковъ. И такимъ образомъ, какъ путемъ физиологическаго смѣшенія славянскаго племени съ чудскими племенами слагался физико-этнической великорусскій типъ, такъ, вслѣдствіе умственнаго смѣшенія славянскихъ мнѣстическихъ суевѣрій съ суевѣріемъ финскихъ кудесниковъ, развивался смѣшанный, азіатско-великорусскій финско-славянскій умственный типъ, и образовалось смѣшанное чудско-славянское, волшебное-кудесническое міросозерцаніе. Финско-славянскіе волхвы, кудесники стали во главѣ умственной жизни огромной массы великорусскаго народа. Они были единственными вѣдунками, знахарями всѣхъ тайнъ природы, вѣдунками всѣхъ тайнъ царства минеральнаго, растительнаго и животнаго.

Первоначально, появленіе вѣдунства, въ историческомъ развитіи первобытнаго младенческаго міросозерцанія финскихъ и славянскихъ племенъ, не смотря на его большею частью мрачный, вредный, умственно-омрачительный характеръ, все-таки представляло, — скажемъ словами Кастрена, — Fortschritt in sich Protest gegen die blinde Gewalt der Naturmächte über den Menschen Geist, хотя протестъ этотъ еще вовсе не могъ имѣть въ основѣ никакой высшей идеи, какая свойственна уже современному, европейскому, естественспытующему гению ²⁾. «Тогда какъ въ настоящее время, — говоритъ Розенкранцъ, — человѣкъ сознаетъ свою свободу, въ противоположность внѣшнему міру, — въ религіи естественной — это чувство свободы, въ противоположность внѣшней природѣ, проявляется преимущественно, какъ волшебство, какъ Lauberei. Народы, живущіе въ естественной религіи, правда, отчасти преодолеваютъ природу, но только настолько, насколько ихъ побуждаетъ къ тому поддержаніе собственнаго бытія. Они занимаются звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ

¹⁾ На финскомъ сѣверѣ, въ Эстляндіи, Финляндіи и особенно въ Лапландіи и доселѣ большая часть народныхъ легендъ состоитъ изъ разсказовъ о древнихъ славныхъ финскихъ волшебникахъ и шаманахъ. Die meisten Erzählungen, — говоритъ Кастрень, — enthielten eine Schilderung von Thaten ausgezeichneter Schamanen, und in den meisten Erzählungen wurde besonders die Eigenschaft bei den Schamanen der Vorzeit gepriesen, dass sie sich in jede beliebige Gestalt verwandeln konnten. Der Glaube an eine solche Kraft bei den Schamanen ist ehemals weit verbreit gewesen, so wohl in Finnland als auch insbesondere in Lappland, und noch heut zu Tage ist dieser Aberglaube nicht vollkommen bei den Lappen ausgerottet etc. Castren's Reiseerinnerungen 1838-1844. s. 29. Самое слово волхвъ, по словамъ финологовъ, сродно съ финскимъ Volhe.

²⁾ Kastren's, Reiseerinnerungen s. 1, 4.

землю, но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанию своей субъективной свободы только тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ стремленіямъ и лямъ такіа рѣзкіа, рѣшительныа противодѣйствія, что обыкновенная деятельность становится недостаточною. Тогда, если небо отказываетъ дождѣ, если бурный, стремительный потокъ волнъ разрушительно упирается противъ человѣка, если стада подвергаются мору, если въ ирающемъ жизнь уступаетъ смерти,—тогда затронутое въ человѣкѣ чувство собственнаго индивидуальнаго существованія возмущается, приходитъ волненіе, и выражается въ заговорѣ, въ заклинаніи природы. Она создана. Онъ ея господинъ и владыка, его слово можетъ заставить ее стать въ тѣ границы, въ какія онъ хочетъ поставить ее. Облака должны излить задержанныа воды, наводненія опять должны возвратиться въ прежніе источники, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть,—такъ онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть источникъ всякаго волшебства» ¹⁾.

Вслѣдствіе такого необычайнаго и важнаго значенія волхвовъ, въ новѣ въ историческомъ развитіи первобытнаго народнаго міросозерцанія самое рожденіе ихъ, также какъ въ послѣдствіи и рожденіе первыхъ, гныхъ пророковъ людей божіихъ, — сопровождалось, по народному мірозерцанію, знаменьями и чудесами — потрясеніемъ и движеніемъ всей природы. Когда подъ вліяніемъ финскихъ кудесниковъ у славяно-русскихъ племенъ усилилось господство волхвовъ, вѣдуновъ, когда въ Кіевѣ родился вѣщій Волхвъ Всеславьевичъ,—тогда во всей природѣ произошло великое движеніе:

А и на небѣ просвѣтъ свѣтель мѣсяць,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь.
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Сотряслося славно царство индійское,
А и снѣное море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго,
Молода Волхва Всеславьича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисичи по чашицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболѣи куницы по островамъ ²⁾.

Развивившись подъ вліяніемъ финскаго кудесничества, вслѣдствіе зоологическаго и умственнаго объединенія славянскаго племени и чудесно-славянское кудесничество стало во главѣ умственной жизни огромной массы сѣверо-восточнаго, великорусскаго народонаселенія. первыхъ кудесники, какъ главныа вѣдуны и представители финско-

¹⁾ Rosenkranz: Naturreligion, die Wissenschaft der slawisch. Mythus s. 451.

²⁾ Древн. рус. стих. стр. 45.

іскаго, народнаго міросозерцанія, всегда поддерживали въ народѣ естественную національно-языческую антипатію къ церковно-византійскому істіанскому ученію. До XIII вѣка они, какъ извѣстно, на сѣверо-востоцѣ русской земли производили открытыя народныя возстанія противъ проповѣдниковъ церковно-византійскаго міросозерцанія. А по украинамъ, и чюдъ преобладала надъ русскимъ населеніемъ, чудскіе кебуны и кунники возставали противъ проповѣдниковъ христіанства и въ XVI вѣкѣ, послѣ. Когда Стефанъ пермскій пришелъ просвѣщать финскія племена мяковъ и зырянъ, — то противъ него возсталъ главный кудесникъ пермской земли, начальникъ всѣхъ тамошнихъ волхвовъ, старѣйшина ихъ чародѣевъ, волшебствомъ своимъ управлявшій всею пермскою землею¹⁾. Онъ говорилъ новокрещеннымъ пермякамъ: «люди и братья Пермяче! Почто оставляете своихъ отеческихъ боговъ и вѣру? Зачѣмъ перестаете приносить богамъ жертвы, какъ приносили отцы ваши? Кого слушаете: человека ли изъ Москвы пришедшаго? Можетъ ли намъ изъ Москвы съ какое добро, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ нашимъ? Не оттуда ли къ были тяготы многія и насильство безмѣрное, тѣсны частыя, доводятся и приставы? Тяжко, братья, житіе наше будетъ». Въ преніи съ Стефаномъ пермскій кудесникъ, между прочимъ, говорилъ: «вѣра наша больше лучше вашей — христіанской вѣры, потому что у васъ христіанство не Богъ, а у насъ много боговъ и много помощниковъ: они даютъ намъ ловлю, все, что въ водахъ — рыбы, въ воздухѣ — птицъ, и все, что въ лѣсахъ, борахъ, лугахъ, въ поросляхъ, въ чащахъ, въ березникахъ, ельникахъ, въ соснягѣ и въ раменьяхъ и въ прочихъ лѣсахъ — бѣлокъ, зайцевъ, куницъ, рысей, и прочая ловля наша отъ нихъ, отъ боговъ нашихъ и до васъ доходитъ: нынѣ нашею ловлею и ваши князья и бояре угощаются и одѣваются, ходятъ и гордятся опушками на подолахъ своихъ шубъ» и проч.²⁾ Извѣстно также, какія страданія претерпѣлъ Трифонъ печенгскій, просвѣтителъ кольскихъ лопарей, въ борьбѣ съ ихъ жрецами-кудесниками: «народъ, омраченный невѣдѣніемъ, — говоритъ жизнеописатель Трифона, — а паче кебуны ихъ спорили съ нимъ, и ярились какъ звѣри, за волосы его терзали, о землю металы, били и нпхали, зывая его незнаемымъ странникомъ и юродомъ, кричали на него: «если ты не выйдешь изъ ихъ страны, то горькою мукою и самою смертію умрутъ ему, и говорили между собой: пойдемъ, убьемъ его, ибо поношуютъ насъ надѣніемъ въ беззаконіе»³⁾. И послѣ такой открытой оппозиціи

¹⁾ „Приде, — говоритъ жизнеописатель Стефана пермскаго, — нѣкто волхвъ, одѣанный старецъ и мечетникъ, нарочитъ кудесникъ, волхвомъ начальникъ, обаяникамъ старѣйшина, отравникамъ большій, иже въ волшебной хитрости всегда занимаясь, кудесному чарованію теплый помощникъ былъ: имя ему Памъ. Сего же званіе пермяне некрещенныи имиху паче всѣхъ чаровниковъ, паставника и правителя нарицающе себѣ, и глаголаху о немъ, яко того волшебствомъ управленіемъ быти мстѣй землѣ, и яко того утвержденіемъ утверждается идольская вѣра“. — Памятникъ русск. литер. вып. IV, стр. 138.

²⁾ Пам. стар. рус. лит. вып. IV, с. 138: Прѣніе волхва. Лепехина, путешест. 402.

³⁾ Житіе Триф. Печенгск. ркп. Солов. библи. № 172.

противъ христіанскихъ учителей, — кудесники и волхвы постоянно старались отвлекать массу народную отъ усвоенія христіанской вѣры и съѣм обращали ихъ къ языческому идолослуженію. Великій пермскій волхвъ и чародѣй Памъ, по словамъ жизнеописателя Стефана пермскаго, «ненавидѣлъ вѣры христіанскія и не любя христіанъ, некрещеннымъ пермякамъ не позволяше креститься, хотящимъ же вѣровати возбраняше, запрещаше; убожавшихъ же и крестившихся снова развращаше своимъ ветхимъ ученіемъ» ¹⁾. Между прочимъ, особенно усердно поддерживалось кудесническое вліяніе въ той чудской странѣ, гдѣ впоследствии особенно привлекательна секта людей божіихъ и скопцовъ, именно въ Вотской пятинѣ, въ предѣлахъ нынѣшней с.-петербургской губерніи. Новгородскій архіепископъ Макарій писалъ въ 1532 г. духовенству Вотской пятины: «въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане съ женами и дѣтьми своими заблудились отъ христіанской православной вѣры, въ церкви не ходятъ, а молятся по своимъ мольбищамъ, деревесамъ и камнямъ... а на кануны свои призываютъ арбуевъ (волхвовъ, кудесниковъ), и тѣ арбуи смущаютъ христіанство своимъ нечестіемъ, и поученію ихъ тѣ христіане заблудивъ, многія злочинія творятъ и до сего дне» ²⁾. Для большей части народа волхвы и кудесники замѣняли православныхъ священниковъ. «Многіе люди, — читаемъ, напримѣръ, въ одномъ указѣ Алексѣя Михайловича, — забывъ Бога и православную вѣру, въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многими чародѣйствомъ и волхвованіемъ: волхвовъ, чародѣевъ и богомерзкихъ бабъ въ дома къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ православныхъ всѣхъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» ³⁾. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ волхвовъ и кудесниковъ, въ большей части народа, а особенно въ украинамъ, гдѣ преобладало населеніе обрусѣлое изъ новокрещенныхъ чухонцевъ, лопарей, чувашъ, черемисъ, мордвы вотяковъ, и т. п. до самаго появленія секты пророчествующихъ, — поддерживалась старая, языческая антипатія и холодность къ православной церкви и богослуженію ⁴⁾. Мало того: древнерусскіе, чудско-славянскіе, волхвы и кудесники поддерживали въ массѣ народной даже и тѣ элементы языческаго богослуженія, какіе потомъ вошли въ составъ моленій и радѣній людей божіихъ. Именно, они поддерживали такъ называемыя церковными учителями-ригористами «идольскія сборища», «зареканіи соборы», т.-е. сзывали старыя религіозныя

¹⁾ Пам. стар. р. лит. в. IV, 138.

²⁾ Дополн. къ А. Н. т. I, № 28.

³⁾ А. Н. IV № 35, стр. 124 и 125. А. А. Э. т. III № 264.

⁴⁾ Акты XVII вѣка исполнены жалобами духовенства на эту холодность народа къ церкви — уклоненіе отъ богослуженія и предпочтеніе «сему» бѣсовскимъ сборищамъ и игрищамъ, неуваженія къ священникамъ и преданность волхвамъ и проч. См. напр. А. А. Э. III, № 264. IV, № 188 и 321. А. Н. IV, № 151-й V, № 152-й. Доп. у А. Н. V, стр. 115, 117, 413, 461, 468 и др. II. С. З. Т. I, стр. 246. Уже вслѣдствіе одной такой холодности къ православной церкви и богослуженію весьма возможно было возникновеніе полужыческаго, кудесническаго, пророческаго богослуженія людей божіихъ.

элительныя собранія народныя. На этихъ сборищахъ идольскихъ, по амъ тѣхъ же духовныхъ писателей, быша «радость» бѣсовская, процили плесканія и плясанія мужчинъ и женщинъ, жены и дѣвы пѣли ни бѣсовскія, мірскія и пріязныя», плескали и плясали и главами ли, кликали коледы, овсена и плуга, и тутъ же ѣли (жрахи) обѣды венные и, наконецъ, «тутъ же совершалось мужамъ и отрокамъ ве е прельщеніе и паденіе, женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе :вамъ растлѣніе» ¹⁾. Такимъ образомъ въ массѣ народной искони под- зивалась привычка къ сборищамъ и къ оргіямъ, къ сборищамъ, со- ождавшимся пѣснями, хороводными плясками, мірскими обѣдами или скими складчинами и пиршествами и даже «свальнымъ грѣхомъ». Сектѣ ѣй божіихъ оставалось только дать всѣмъ этимъ религіозно-языческимъ ищамъ догматическую форму и санкцію своихъ моленныхъ сборовъ и ній.

Во-вторыхъ, волхвы и кудесники, считавшіеся единственными вѣду- и, знахарями всѣхъ тайнъ природы, всѣхъ тайнъ царствъ минераль- , растительнаго и животнаго, являлись предъ народомъ единственными оками его судебъ, физическихъ и нравственныхъ; вѣдунами, наклика- ми, заклинателями и прорицателями физическаго и нравственнаго а и зла. И здѣсь сначала надобно замѣтить, что въ древней Россіи ны, знахари были отчасти единственными доморощенными распростра- лями самыхъ первыхъ, младенческихъ зачатковъ естествознанія. Дозна- о своему и для своихъ цѣлей природу,—знахари иногда дѣлали кое-какія ческія открытія. Такъ знахарь бобыль Калина Артемьевъ, державшій я разные волшебные предметы, открылъ въ Олонецкомъ уѣздѣ рѣку, зторой водился жемчугъ ²⁾. Травники, составлявшіеся знахарями и нами и переходившіе изъ рукъ въ руки въ спискахъ, были первыми рошенными зародышами ботаническихъ знаній на Руси. Во второй по- нѣ XVII в., когда въ Москвѣ заводились уже нѣмецкія аптеки и понадо- зъ фармакологическое знаніе травъ и кореньевъ,—самъ царь Алексѣй .Иловичъ обратился къ русскимъ знахарямъ. Въ 1674 г., по его указу, о было въ Якутскѣ «всякихъ людей спрашивать, кто знаетъ о ле- гвенныхъ травахъ, которыя бы пригодились къ болѣзнямъ, въ лекарство зѣкамъ». Знахарь, служилый человекъ, Сенька Екимовъ взялся «сы- ать въ поляхъ лекарственныя травы». «И я, холопъ твой,—писалъ онъ елобитной своей къ царю,—не вдалекѣ отъ Якутска въ поляхъ, кото- знаю лекарственные травы и корни и сѣмена, сыскалъ, и водки гѣхъ травъ сидѣлъ, и отъ какихъ болѣзней человѣческихъ тѣ травы дки годны, и какъ тѣмъ травамъ и кореньямъ имена.—о томъ писано оей росписи... А около, государь, Якутска лекарственныя травы ро- и не по вся годы, а родятся лекарственныя травы: бронецъ чернокрас- воронецъ, изгоны, излюденъ, жабные и разные травы по Ленѣ не- о и по стороннимъ рѣкамъ, на Собачьей рѣкѣ, у моря многія; а такихъ

¹⁾ Доп. къ А. И. I, № 22, № 28. А. И. III, № 264. А. И. III, № 96. IV, № 35.

²⁾ Доп. VIII, № 29.

лекарственных травъ, которые растутъ по тѣмъ мѣстамъ, въ рус-
городахъ нѣтъ». Въ травникѣ своемъ этотъ знахарь описалъ 21 ви-
карственныхъ травъ и кореньевъ, съ обозначеніемъ ихъ отличитель-
характеристическихъ признаковъ лекарственного употребленія и
графическаго распредѣленія или мѣстонахожденія, при водахъ, при оз-
промежъ горъ въ ручьяхъ, въ лугахъ и проч. ¹⁾. Для характеристик-
харскихъ ботаническихъ изысканій и свѣдѣній мы выпишемъ изъ «рус-
знахаря Екимова описанія нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. «Трав-
ей — колунъ, цвѣтъ на ней бѣлый, горковата, растеть при водахъ
всѣхъ мѣстахъ, и сѣмя той травы красно; а годна та трава: буд-
мужскаго пола или у женскаго нутряная застойная болѣзнь, пер-
моча нейдетъ... Трава, имя ей — елкій, растеть при озерахъ не во
мѣстахъ, а родится въ той травѣ сѣмя, цвѣтомъ коричное, что какъ
ской макъ; а годно то сѣмя къ лекарству: будетъ у мужскаго по-
у женскаго бываетъ внутри порча, грыжа, или иная какая нутря-
лѣзнь; и то сѣмя положить въ скляницу, и налить добраго горячаго
или ренскаго и дать стоять дней 11 или 13, а что стоитъ то сѣм-
тѣмъ питьемъ долѣ, то и лучше; и послѣ тѣхъ урочныхъ дней —
тому больному человѣку принимать не ѣдчи, не по одно время, ча-
двѣ, и сухое то сѣмя ѣсть велѣтъ, а малому въ ростѣ, дѣтямъ, да-
сѣмя въ коровьемъ молокѣ, отъ тѣхъ же грыжныхъ болѣзней; и
грыжное и иныя болѣзни исцѣляетъ и гортань очищаетъ; а трава
той 26 золотниковъ»... Описавши много другихъ травъ, знахарь закл-
«да онъ же знаетъ около Якутскаго въ озерахъ, не во всякомъ
родится маслу ростомъ круто, что яблоко большое и малое, ходитъ
а живетъ въ глубокихъ озерахъ... (дальше описывается его лекарс-
употребленіе), а ловятъ то маслу объ одну пору осенью, по льду и
и куюрствомъ» ²⁾. Многія знахарскія описанія травъ дышутъ непод-
свѣжестью возрѣній на природу. Напримѣръ: «трава вездѣ рос-
пожиямъ и по межникамъ и по потокамъ; листье разстилается по
кругомъ листовъ рубезка, а изъ нея на срединѣ стволѣкъ то
красенъ, а цвѣтъ у него жолтъ, и какъ отцвѣтетъ, то пухъ ставъ
почкой, а какъ пухъ сойдетъ со стволѣковъ, то стануть плѣши
корѣй и въ листу и въ стволѣкѣ, какъ сорвешь, бѣленько. Ес-
трава, растеть по лугамъ, при лугахъ, при холмахъ, и растеть ка-
ка, а цвѣтъ какъ у щавеля, а растеть въ колѣно и ниже, а с-
коленьями, межъ коленцами брюшки, а листъ у ней какъ зогзинъ
кушкинъ цвѣтъ, трава долга, а въ ночи стоитъ вяла, листъ висне
солнце сидеть, а какъ солнце взойдетъ, листъ стоитъ, а сама трава
Но такое практическое, реальное познаніе и описаніе природы д-
составляло общую для всѣхъ знахарей точку міросозерцанія. На
общій взглядъ на природу все-таки былъ таинственный, мистич-

¹⁾ Доп. къ А. Истор. VI, № 117, стр. 361—364.

²⁾ Доп. къ А. II. VI, № 117, стр. 361—364.

³⁾ Бусл. о нар. слов. 37—38.

ическій и пневматологическій. Незнаніе силъ и законовъ природы, а раженіе вмѣсто нихъ и волшебствомъ вопрошаемые духи открывали намъ и чародѣямъ—тайны природы, тайны благотворныхъ и злоторъ силъ и дѣйствій въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Въ томъ царствѣ растительномъ, къ тому или другому растенію и корню чаръ приступать не смѣло, не съ рациональнымъ знаніемъ ихъ химикологическихъ свойствъ, а съ суевѣрнымъ страхомъ и благоговѣніемъ, бы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и кореньяхъ демона, и въ то не лишитъ ихъ чародѣйской силы,—и приступать не во всякое мѣсто, а ждалъ урочнаго дня и часа. «Траву *детлевицу*—учать волхвы, и дѣти,—надобно рвать между купальницею и петровымъ днемъ, какъ въ то ея, очертись крутомъ куста, и говори: «есть тутъ matka травамъ, а надобѣ». А брать траву *полотая нива*, надобно кинуть золотую или серебряную денюгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было, а какъ будъ рвать ея, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стой на коленѣхъ, хватай траву ту, обвертывъ ея въ тафту, въ червчатую или бѣлую: эречь ту траву отъ смертнаго часу; а хочешь иди на судъ или на бой, что тебя не переможетъ» ¹⁾. Вода, такъ же какъ и растительность, въ тико-пантенстическомъ міросозерцаніи вѣдуновъ-волхвовъ, преисполнена была чародѣйныхъ волшебныхъ тайнъ. Извѣстно, что славянскія и финскія жена боготворили воду. У русскихъ славянъ были особенныя «*моленія нныя и кладязныя*», релігіозныя сборища и умыканье дѣвицъ совершавъ «у воды» ²⁾. Совершая у воды «кладезныя и рѣчныя моленія»,—водѣ подслушивали таинственные, вѣщіе голоса, прорицанія о будущѣ, надъ водой гадали; *нося ея въ рѣшетъ*, надъ водой волховали, чаровали, зывали къ ней такимъ, напр., молебнымъ образомъ: «Малка вода! обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлы горючъ иень своей быстрой и золотой струей: обмой-ка ты, съ раба божьяго всѣ жи и притки, уроки и призоры, щипоты и ломоты, злу худобу... Будьте и слова крѣпки и лѣпки» ³⁾. Волхвы въ особенности обладали тайнами, такъ же какъ и растительности. По суевѣрію народному, они чароіствовали не только надъ водой, но и въ рѣкахъ. Грамотные предки ли даже въ XVII в. рассказывали съ полной вѣрой—старую легенду, въ будто бы старшій сынъ мнѣическаго Словена назывался *Волхомъ*, одѣйствовалъ въ р. Волховѣ, и залегалъ водный путь тѣмъ, которые не поклонялись ⁴⁾. Далѣе, волхвы могли приводить въ движеніе возъ, давать волшебное, чародѣйское направленіе вѣтрамъ, *вѣдунствоваъ по вѣтру лихо насылати*, и однимъ дуновеніемъ своимъ производили выи сверхъестественныя дѣйства—исцѣляли больныхъ, приводили въ

¹⁾ Бусл. 11, 37.

²⁾ Слово о постѣ въ Прав. Собес. 1858 г. январь стр. 165—166. О поклоненіи водѣ скихъ племенъ см. подробности у Кастрена: Wassergottheiten vorleuung über die ische Mithologie s. 68—85.

³⁾ Рум. сб. 1754 г. Бусл. 1, 482. Архивъ 1853, VI, 51. Нам. стар. р. лит. III, 167.

⁴⁾ Бусл. 11, 8.

сознаніе *обмершихъ*, и т. п. ¹⁾). Насылка по вѣтру состояла въ томъ лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлялъ куда-угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ вѣтру пыль и примолвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на то то человѣка, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило, и проч. и пр. Даже цари московскіе боялись этого волшебнаго напуска по вѣтру подкрестныхъ запискахъ на вѣрность царю вѣрноподанный присылалъ «чтобъ вѣдуновъ и вѣдуней недобывати, ни вѣдомствомъ по вѣтру кихъ лихъ не насылати» ²⁾). На сѣверѣ особенно страшны были съ вѣдунствомъ—*дуновеніями и насылками* по вѣтру финскіе кудесники. Конецъ, волхвы обладали мистической тайной урожаявъ и неурожаявъ билія или недостатка рыбныхъ, звѣриныхъ и другихъ промысловъ. Но когда случался голодъ, они выступали на сцену, истолковывали, сообщая старымъ языческими понятіями, причины голода и указывали средства къ прекращенію его. Такъ въ 1024 г., по разсказу лѣтописца, въ сѣвѣрской области народъ умираетъ съ голода, волновался и производилъ мятежи. И вотъ встають, говорить лѣтописецъ, волхвы или кудесники въ сѣверѣ и раздувають пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто и доказываютъ виноваты въ голодѣ извѣстные имъ люди, а именно: «старыя женщины безполезная старая прислуга», чады или челядь, яко си держатъ гобны

Въ 1070 г., разсказываетъ лѣтописецъ, «бывшей, единою, скупой ростовской области, встала два волхва отъ Ярославля, глаголюще: мы зная кто обилье держитъ,—и поидоша по Волгѣ. Гдѣ придуть въ погостъ же нарицаху лучшія женщины, глаголюще, яко си житю держатъ, си а си медъ, — а си скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, мати жены своя: они же, въ мечтѣ, прорѣзавше за плечомъ, вынимали съ житя, либо рыбы, и убивали многи жены, а имѣнья ихъ отымали съ. Усвоивъ себѣ власть надъ естественной экономіей жизненныхъ средствъ человѣка, волхвы, по общей вѣрѣ народной, умѣли заколдовывать промыслы, такъ что кому заколдуютъ, тотъ не добудетъ ничего. «166 сентября 24 дня, на Тюмени, въ сѣбѣжей избѣ кречатый помощникъ трий Головинъ сказалъ словесно воеводѣ: «въ прошломъ году онъ, Митко, не добылъ кречета потому, что на него *хвалили* кречатыи помощники Онохинъ съ братомъ съ Иваномъ меньшимъ, и говорили ему, «что добыть кречета» и надъ нимъ Миткою Федка съ братією *вѣдовали*; подѣли ихъ и рыбу ловить, и тотъ ничего не добудетъ» ³⁾. Поэтому мысленные и торговые русскіе люди, отправляясь на промыслы и

¹⁾ Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи сказано, что Февронія, когда была еще вѣщей дѣвой въ рязанскихъ предѣлахъ, однимъ немъ своимъ на княжидъ или пѣкое квасно дѣлала цѣлебными эти зелья. Бусл. 1, 290.

²⁾ Костомар. 191.

³⁾ А. А. З. 11, 58. Костомар. 191.

⁴⁾ Лавр. лѣт. 63, 64. Лешкова, рус. народъ и госуд. 453.

⁵⁾ Лавр. 75.

⁶⁾ Архивъ 1852 г. стр. 57.

подобно самоѣдамъ, остякамъ и др. финскимъ племенамъ, просили напередъ волхвовъ пошаманить: «въ ловы идуще или на куплю отходяще, чародѣянемъ и кобми ходили сихъ искати» ¹⁾. Наконецъ, волхвы усвоили себѣ сверхъестественное вѣдѣніе судебъ людскихъ. Матери призывали чародѣевъ, и они волхвовали надъ младенцами, узнавали и опредѣляли ихъ судьбу ²⁾. И взрослымъ также они предсказывали судьбу. Въ одномъ сборникѣ XVIII в., гдѣ сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, какіе омрачали умственную жизнь нашихъ предковъ въ XVI, XVII и даже XVIII в., между прочимъ сказано, что многіе волхвы и бабы-кудесницы волшебствуютъ и ложное вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ. И пророки людей божіихъ также ложное вѣщали, и народъ имъ вѣрилъ. Вообще всѣ указанныя здѣсь волшебныя свойства кудесниковъ и чародѣевъ, какъ увидимъ далѣе, почти всецѣло унаслѣдованы были потомъ и лжепророками людей божіихъ.

Съ распространеніемъ церковной грамотности въ народѣ, въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, велико-русское, чудско-славянское кудесничество и шаманство стало все болѣе и болѣе преобразовываться въ секту волшебнорасколучительную, шаманско-пророческую. Церковно-книжное ученіе замѣтно усилилось въ народѣ въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, такъ что духовные ревнители церковно-византійскаго ученія не разъ издавали писокъ *«книгъ истинныхъ, чести преданныхъ, ихъ же подобаетъ чести, и южныхъ, отреченныхъ, ихъ же не внимати, ни чести не подобаетъ»*. Въ это время и между знахарями и волхвами появилось не мало грамотниковъ, которые читали и *преданныя* для чтенія церковныя книги, но еще болѣе много отреченныя. Нѣкоторые волхвы и знахари поступали даже въ монастырь, чтобы своему колдовству и ворожбѣ придать высшую религіозную санкцію. Одинъ земледѣлецъ, по разсказу житія Никиты переяславскаго, промышлялъ въ своемъ селѣ ворожбою: потомъ постригся въ монахи въ монастырѣ св. Никиты и былъ сдѣланъ пономаремъ. Но и въ этомъ новомъ званіи не оставилъ своего прежняго обычая и тайно продолжалъ колдовать. Изъ города и деревень многіе съ больными приходили въ монастырь, чтобы получить исцѣленіе; этотъ же чернецъ-волхвъ говорилъ *«что понапрасну тратитесь?»* Приходите лучше ко мнѣ. Когда я еще въ міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ, нечистыхъ духовъ своимъ волшебствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогать» ³⁾.

Лихія бабы-кудесницы, знавшія колдовство чудскихъ арбуевъ, поступали въ просфирни и, по просьбѣ суевѣрныхъ христіанъ, «надъ просфорами, и надъ кутьями, и надъ свѣщами, также и надъ богоявленскою водою, волхвовали и приговаривали, *яко же арбуи въ Чюди* ⁴⁾. Подъ вліяніемъ церковно-книжнаго и чернокнижнаго ученія, подъ вліяніемъ *истинныхъ и ложныхъ* или *отреченныхъ книгъ* грамотные книжные волхвы и знахари

¹⁾ Буслаевъ 11, 44 о народной поэзіи.

²⁾ Костомар. 186.

³⁾ Бусл. 11 51.

⁴⁾ Стоглавъ, 11 вопр. глава 5.

стали сами сочинять новыя, двосвѣрные, христіанско-миѳологическія : нія, книги и обряды. Такъ они сочинили, напр., отреченныя книги: *Ховникъ*, — о волхвованіи птицами и звѣрями, о таинственной, миѳической предзнаменательности разныхъ примѣтъ; *Чаровникъ*, въ нихъ же 12 главизнъ — стихи двенадцати опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и ш *Волхвованіе различное*. *Путникъ* — книга, въ ней же есть писано о стрѣ и коби всякія еретическія; *Завѣдоуецеъ*, ему же имя Стоднееъ, — «въ і же безуміе люди вѣрующе волхвуютъ ищуще дней рожденіи своихъ, у жизни и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней, и въ с бахъ, и въ купляхъ, и въ ремеслахъ призываютъ бѣсовъ на помощи вѣдуще Божіихъ судьбъ» ¹⁾. Старое, языческое, финско-кудесническое : созерцаніе, грамотные волхвы и чародѣи облакали въ формы церковно-книжнаго ученія. Такъ, своимъ волшебнымъ, кудесническимъ заговоромъ и заклятіямъ они придавали формы церковныхъ молитвъ, и сочиняли словамъ списка истинныхъ и отреченныхъ книгъ, «на пакость невѣжд понамъ и дяконамъ» льстивые сельскіе сборники, худые номоканунны молитвенникамъ у неразумныхъ поповъ, лживыя молитвы о тряцахъ, о нежитехъ и о недузѣхъ» ²⁾. Языческую, финско-славянскую могонію они, въ видѣ апокрифическихъ разсказовъ, вносили въ христіанское, народное міросозерцаніе и въ такія апокрифическія произведенія какъ стихъ о голубиной книгѣ, беседа трехъ святителей и т. п. И до масса народная пробавляется ихъ космогоническими преданіями. Въ даніяхъ этихъ сильно отразился финскій элементъ.

Наконецъ, когда сталъ возникать расколъ, волхвы и чародѣи, шаманы и кудесники стали обращаться въ пророковъ и расколоучителей. Такъ повсюду въ великорусскихъ областяхъ и селахъ населеніе большей частью было смѣшанное, чудесно-славянское, состояло изъ обрусѣлой и крещеной чуди, веси, мери, мордвы, чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, вырянъ и другихъ финскихъ племенъ, крайне преданныхъ шаманству, то повсюду этихъ волостяхъ и селахъ чудесно-славянскіе волхвы, шаманы, кудесники, кудесницы, подъ вліяніемъ церковно-книжнаго ученія, прикрывали шаманство и кудесничество христіанскимъ обличемъ пророковъ и пророчицъ и старому кудесническому шаманству придавали видъ христіанскаго пророческаго. «По погостамъ, и по селамъ, и въ волостяхъ, — какъ свѣдѣтельствовало еще Стоглавъ, — лживые пророки и пророчицы, мужи и женки, и дѣвки, старыя бабы тряслись, падали, коверкались, бились, сказывали о разныхъ явленіяхъ, пророчили будущее». «По случаю и вѣстия повѣтрія, свѣдѣствовавшего въ Россіи въ 1656 году, во время истребленія церковныхъ книгъ, также явилось много пророковъ, знахарей, особенно между расколоначальниками, которые, подобно кудесникамъ XI вѣка, «повишнихъ творили моровому повѣтрію, овъ сего, овъ инаго, лживо вои

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 913. Шапова, рус. старообрядчество, стр. 415—452. Буслаевъ, очерки I, 485—486.

²⁾ Сборн. Солов. библ. № 913. Шапова, рус. старообрядчество, стр. 451—452. Буслаевъ, очерки I, 485—486.

къ людямъ: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщая: се и сіе пріяхъ отъ Бога, и ложная пророчествовали» ¹⁾).

Въ концѣ XVII в., по единогласному свидѣтельству Игнатія митрополита тобольскаго и Дмитрія ростовскаго, «въ пути нѣкоемъ отъ града Вологды, въ Каргополѣ, къ морю явился, аки бы учитель нѣкій, *похожъ на чародѣй* и примысли себѣ имя пустынника, и многіе поселяне послѣдовали за нимъ, имуща его себѣ учителя и наставника». Этотъ волхвъ и чародѣй, сверхъ разныхъ чудесъ и волшебствъ, училъ, между прочимъ, свращать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «И аще васъ послушаютъ или не послушаютъ, — говоритъ этотъ волхвъ-расколоучитель своимъ ученикамъ, — вы отъ сего даннаго истолченія младенческаго сердца, *иже вѣчно влагаетъ* имъ въ брашно или въ питіе или въ сосудъ, гдѣ у нихъ *бываетъ* вода въ дому, или въ кладязь: егда отъ того вкусятъ, тогда къ вамъ обратятся и имутъ вѣру словесамъ вашимъ» ²⁾. Другіе расколоучители, по словамъ Дмитрія ростовскаго, свращали православныхъ въ расколъ «волшебнымъ причастіемъ, давая ягоды дѣланныя изъ нѣкія муки, *подобныя* клюквѣ» и т. п. ³⁾).

Такъ, чудско-славянское кудесничество заключало въ себѣ всѣ элементы для развитія кудесническо-пророческой секты людей божіихъ, и, юдъ вліяніемъ двоевѣрнаго, христіанско-мнѣологическаго книжнаго ученія, юстепенно, само собою преобразовывалось въ чародѣйно-расколоучительную и волшебнo-пророческую секту. Отъ волхвовъ-пророковъ и чародѣевъ-расколоучителей и черницъ и дѣвокъ-раскольникъ, кудеснически бывшихся оземлю до галлюцинаціоннаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п., оставался одинъ шагъ до христіанство-шаманствующихъ пророковъ и пророчицъ людей божіихъ и до «великаго волхва и пророка надъ пророками». Селиванова. И вотъ въ концѣ же XVII и въ началѣ XVIII в. Данило Филиновъ и Иванъ Тимофѣевъ Сусловъ положили начало сектѣ людей божіихъ, а во второй половинѣ XVIII столѣтія Селивановъ возродилъ ее въ секту скопцовъ и довелъ до высшаго развитія. Не вдаваясь здѣсь въ хронологическую исторію секты людей божіихъ ⁴⁾, которая исполнена мнѣологическихъ вымысловъ и басней, особенно до пророка Прокопія Лупкина († 1732 г.). — мы раскроемъ, изъ какихъ именно элементовъ чудско-славянскаго, языческо-кудесническаго міросозерцанія, сложилась секта людей божіихъ, что привнесло въ нее изъ эпоса и міросозерцанія славянскаго и изъ обрядовъ и суевѣрій финскихъ, чѣмъ водоизмѣнилась или дополнилась она изъ другихъ этнологическихъ источниковъ, и какимъ образомъ, наконецъ, получила восточно-великорусскій, шаманско-пророческій типъ, преобразившись въ секту скопцовъ.

¹⁾ Окружное посл. патр. Никона по случаю моровой язвы: см. начертаніе жизни Иконовой—Аполлоса стр. 129—132.

²⁾ Розыскъ ч. III, гл. 12. Писанія Игнатія м. тоб. въ 2 части Православнаго Собесѣдника за 1855 г. посл. III.

³⁾ Розыскъ ч. III, гл. 12.

⁴⁾ Объ истор. происхожд. и развитіи секты людей божіихъ, см. Прав. Соб. 1858 г. март. стр. 334—364.

Изложеніе всѣхъ этихъ вопросовъ покажетъ намъ, сколько всякаго мрака въ умственной жизни нашего темнаго народа, и какъ безотлагательно необходимо скорѣйшее, всеобщее, всенародное естественно-научное просвѣщеніе его.

II

Приступая къ анализу составныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась секта людей божіихъ, мы намѣрены раскрыть эти элементы во всѣхъ ихъ подробности. Во-первыхъ, самыя свойства дѣйствія лже-пророковъ и лже-пророчицъ людей божіихъ, наиболѣе характеризующія ихъ пророческое самозванство, суть ничто иное, какъ только высшее проявленіе главныхъ атрибутовъ чудско-славянскихъ волхвовъ, кудесниковъ и шамановъ. Не даромъ, православный народъ русскій, очень хорошо знавшій волхвовъ и кудесниковъ, главныхъ пророковъ людей божіихъ называлъ *волхвами*. Такъ родоначальниковъ людей божіихъ, Данилу Филипова и Селиванова, народъ положительно признавалъ *«великими волхвами»*. «Взяли меня, — говоритъ Селивановъ въ своемъ посланіи, — и великій допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, и въ ушахъ и подъ носомъ смотрѣли и говорили: глядите вездѣ у него есть гдѣ нибудь отравы; глядите тутъ и тутъ! Дѣлали великія пытки и допросы и *великимъ волхвомъ* меня называли, и отданъ былъ строгій приказъ, — чтобъ близко ко мнѣ не ходили и кушанье близко не подносили. Хлѣбъ подавали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршпа въ полтора, и говорили: кормите его, да бойтесь; подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы ни на кого не *дунуль* и не *взглянуль*! Вѣдь онъ *великій волхвъ* и прелестникъ, чтобъ не прельститъ и насъ къ себѣ не привратилъ: онъ хотъ кого прельститъ; онъ и царя можетъ прельстить, а не только насъ; и называли *великимъ волхвомъ*, такъ какъ и Господа прежде называли» ¹⁾. И дѣйствительно, всѣ мнимо-чудотворныя и пророческія обаянія «великихъ волхвовъ» — пророковъ людей божіихъ отличались чертами чародѣйнымъ, волшебнымъ и шаманскими. Какъ въ языческой древности появленіе волхвовъ и вѣдуновъ ознаменовывалось потрясеніями во всей физической природѣ, такъ и появленіе новыхъ великихъ волхвовъ — лже-пророковъ людей божіихъ обставляется въ ихъ пѣсняхъ знаменьями и чудесами. Селивановъ говоритъ о себѣ: «а рожденія и появленія сына божія, по пророчеству, давно ожидали, о чемъ и было возвѣщено: какъ народится сынъ божій и приметъ крещеніе чистоты, въ то время *явится звезда съ хвостомъ*, и тогда послѣдуютъ за нимъ многія тысячи всякаго колѣна людей... И когда онъ облется въ чистоту сына божія, то дѣйствительно *тогда же явилась на небѣ звезда съ хвостомъ*, міръ тому не мало дивился» ²⁾. И въ пѣсняхъ своихъ люди божіи поютъ про появленіе Селиванова:

¹⁾ Посл. въ Чт. 81.

²⁾ Посланіе стр. 89.

У насъ было на сырой землѣ
 Претворилися такіа чудеса:
 Растворилися седьмыя небеса,
 Сокатилися златыя колеса,
 Золотыя, еще огненные.
 Ужъ на той колесницѣ огненной
 Надъ пророками пророкъ сударь гремить,
 Нашъ батюшка покатываетъ,
 Утверждаетъ онъ святой, божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлый, храбрый конь,
 Хорошо его конь убранъ.
 Золотыми подковами подкованъ.
 Ужъ и этотъ конь не простъ:
 У добра коня жемчужный хвостъ,
 А гривушка позолоченная,
 Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
 Въ очахъ его камень маргаритъ,
 Изъ-устъ его огонь-пламя горитъ.
 Ужъ на томъ ли на храбромъ, на конѣ
 Селивановъ нашъ покатываетъ,
 Онъ катаетъ со златыми ключами
 По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ:
 По инымъ землямъ французскимъ,
 Французскимъ и иркутскимъ...
 Набираетъ онъ полки премудрые,
 Кавалерію духовную...

 Спѣшитъ батюшка, катаетъ
 Онъ со страшнымъ судомъ,
 Со рѣшеніемъ и прощеніемъ,
 Со златыми, со трубами,
 Съ богатырскими конями ¹⁾.

Какъ волхвы и чародѣи знали разные *приворотныя* средства, чтобы расположить и привлечь къ себѣ чье-либо сердце, довѣріе, любовь и проч.,—такъ и пророки и пророчицы людей божіихъ «подносятъ иногда пришедшимъ къ нимъ людямъ какого-то волшебнаго настоя, въ видѣ краснаго вина, послѣ чего выпившій чувствуетъ, говорятъ, какое-то непонятное, особенное влеченіе къ ихъ сектѣ» ²⁾.

Далѣе, какъ волхвы и кудесники однимъ дуновеніемъ своимъ могли обморочить и возстановить человѣка, а заговорами своими избавлялись отъ меча и ружья, свергали желѣзныя оковы, отпирали замки и выходили изъ темницъ,—такъ и «великіе волхвы» — пророки людей божіихъ будто бы обладали всѣми этими чародѣйными силами. Тотъ же Селивановъ о себѣ говоритъ: «въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла камень, такъ и окаменѣла у нея рука... А еще братъ ея хотѣлъ

¹⁾ Срв. выше, въ статьѣ „Земство и расколъ—бѣгунъ“. В. С—ва.

²⁾ Замѣтки о скопцахъ свящ. А. Георгіевскаго, въ запискахъ И. Рус. Географическаго общества, по отдѣлу этнографіи т. I, стр. 536.

меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу: то каждый праздникъ, когда я приду, онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ: но ружье, по промыслу божьему, не выстрѣлило ни одного разу... Въ одно время, первая и главная пророчица въ кораблѣ матушки моей, Акулины Ивановны, Анна Романовна, взявши меня въ особую горницу, сказала, что я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! И посади, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: Дай-ко, я приведу тебя снова самую!.. И тутъ *накатилъ на нее мой дулъ*, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ... Взялъ я, *поднявъ на нее своимъ дуломъ*, и она какъ отъ сна пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: «О, Господи! что такое случилось? О, куды твой Богъ великъ!..» Приведши меня въ Тулу, посадили на стулѣ, подпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги: на часахъ стояли четыре драгуна... *Возжсалаъ я сойти со креста, и только-что сіе подумалъ*, то все желѣзо съ шен, съ рукъ и съ ногъ свалилось, а драгуны тогда всѣ заснули, и я вышелъ вонъ и гулялъ по двору» и проч. Про чародѣйныя и волшебническія дѣйствія Даниила Филипова и Ивана Тимофеева Суслова у людей божіихъ сохраняются подобныя же легенды и мѣфы. Далѣе, мнимо-сверхъестественный даръ таинственнаго предвѣденія и предсказанія урожаевъ или неурожаевъ, удачи и неудачи разныхъ промысловъ и мнимо-сверхъестественная власть однимъ даровать изобиліе и урожай, — а другихъ — лишать, все это атрибуты, завѣщанные великимъ волхвамъ и волшебницамъ — пророкамъ и пророчицамъ людей божіихъ финско-славянскимъ кудесничествомъ. Мы видѣли, какъ въ древней Россіи, «въ ловы идуще или на куплю отходяще — чародѣянїемъ и кобми ходили сихъ искати». Видѣли также, какъ древніе чудеско-славянскіе кудесники истолковывали причины неурожаевъ. Извѣстно также, что всѣ финскіе племена — самоѣды, мордва, чуваша, черемисы, вотяки, остяки и проч. и доселѣ предъ началомъ всякихъ промысловъ прибѣгають къ шаманству, и шаманы — самоѣдскіе тадибен, черемискіе корты, вотяцкіе тоны и вѣдины или вѣдуны и проч., вопрошая своихъ боговъ и духовъ, предсказываютъ, по вдохновенію ихъ, объ изобиліи или недостаткѣ урожаевъ, меда, рыбы, звѣрей, скота и проч. Такъ точно и пророки и пророчицы людей божіихъ, подобно древне-русскимъ волхвамъ и финскимъ шаманамъ, присвоили себѣ сверхъ-естественную власть — распоряжаться жизненными произведеніями природы: «Пророчица Анна Романовна, — говоритъ Селивановъ, — узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославилась: и знаяши это, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздитъ ли ловить или нѣтъ? И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбы, то много въ тотъ годъ хлѣба уродится и рыбы поймаютъ: а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и не уродится хлѣбъ ¹⁾. Самая таин-

¹⁾ Списокъ отреч. книгъ въ моей книгѣ о раск. стр. 451.

ственность и строгая замкнутость традиціоннаго, преемственнаго обученія тайнамъ пророчества вполне соотвѣтствуетъ столь же сокровенной и въ тѣсномъ кругу замкнутой наслѣдственной передачѣ тайнъ кудесничества и шаманства. Извѣстно, что въ старину чудско-славянскіе волхвы и кудесники и бабы кудесницы подѣ строгимъ секретомъ передавали своимъ родственникамъ или самымъ ближайшимъ людямъ свои заветныя тайны, свое знахарское искусство—колдовское и пророческое. «*Несвѣжды держали у себя лживыя молитвы, заговоры и заклинанія, волховники и чаровники «отъ отецъ и прадѣдъ»* ¹⁾. И доселѣ знахари обыкновенно передаютъ свое званіе только въ глубокой старости, или при смерти, близкимъ своимъ родственникамъ, *какъ наслѣдство*. Шаманы или кудесники финскихъ племенъ также строго соблюдаютъ таинственную наслѣдственную передачу своего шаманскаго искусства. «Примущество свое предъ простымъ народомъ, говорить, напр., Лепехинъ о самоѣдскихъ шаманахъ—тадибеяхъ,—и непрерывное преемство своего художества опредѣляютъ и заключаютъ тадибеи единственно въ своемъ родѣ; потому всегда отъ восходящей линіи предковъ переходитъ къ нисходящимъ потомкамъ знаніе и отправление ихъ чина, въ которомъ непосредственное обученіе, по мнѣнію самоѣдовъ, отъ самихъ тадебціевъ невидимо пріемлютъ, съ помощію однакожъ старыхъ тадибеевъ, которые молодымъ своимъ братьямъ споспѣшествуютъ своими совѣтами подобающимъ образомъ обходиться съ тадебціями» ²⁾. Точно также и у пророковъ и пророчицъ людей божіихъ всегда былъ самый тѣсный и таинственный кругъ наслѣдственной или традиціонной преемственности ихъ шаманско-пророческихъ секретовъ. У людей божіихъ обыкновенно наслѣдуютъ званіе пророческое дѣти, рожденные отъ свальнаго грѣха пророка и пророчицы и всего корабля мужчинъ и женщинъ. Такія дѣти воспитываются обыкновенно и учатся тайнамъ шаманскаго пророчества: мужескій полъ у пророковъ, а женскій у пророчицъ, и впоследствии заступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ людей божіихъ ³⁾. Въ 1828 году старшая пророчица людей божіихъ, Анна Сковцова, крестьянка Саратовской губерніи, при допросѣ раскрыла тайну выбора пророковъ и пророчицъ у хлыстовъ. «Въ Турціи, говорила она, среди бѣжавшихъ туда гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ, хлысты имѣютъ главнаго настоятеля своей секты, отъ него получаютъ всѣ нужныя книги. Тамъ были строго испытываемы и утверждаемы пророки и пророчицы хлыстовъ. Оттуда выдавалась имъ въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ; книга эта была напечатана русскими красными словами, но разобрать и понять ее было невозможно. Только пророки и пророчицы могутъ ее читать очень скоро, отъ лѣвой руки къ правой. Главная пророчица обязана была двухъ или трехъ дѣвочекъ, по усмотрѣнію, предварительно познакомить съ сею грамотою, а пророкъ столько же мальчиковъ, но не иначе какъ секретно, дабы, въ случаѣ ихъ смерти, изъ оныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ могли быть избраны

¹⁾ Этногр. сбор. вып. V, бытъ крестьянъ Курекой губ. стр. 87.

²⁾ Путешеств. Лепехина изд. 1772 г. ч. VI стр. 221—222, также 203.

³⁾ Православный собесѣдникъ 1858 г. июнь стр. 401.

пророчица и пророкъ. Прочимъ же сей грамотѣ учиться не дозволяется»¹⁾. По мнѣнію симбирскихъ, алтырскихъ скопцовъ, для того чтобы сдѣлаться пророкомъ, даже скопецъ «*большой печати*», т.-е. вполне оскопившійся и приведшій въ скопчество 12 учениковъ, долженъ быть хоть разъ при смерти одного изъ скопческихъ пророковъ—*вострять въ себя душу пророка* ²⁾. Наконецъ, подобно всѣмъ кудесникамъ и шаманамъ, пророки и пророчицы людей божіихъ пользовались простотою необразованнаго и суевѣрнаго народа для наживы. Сусловъ обогатился на счетъ «золотой казны» суевѣрныхъ «гостей-корабельщиковъ», завелъ свой домъ въ Москвѣ и спокойно прожилъ въ немъ 30 лѣтъ подъ именемъ *темнаго богатыня* Ивана Тимофеевича Суслова. Въ 1735 г., когда сборище людей божіихъ было открыто въ Москвѣ правительствомъ, по доносу разбойника Караулова, и въ Петербургѣ наряжена была слѣдственная коммиссія для изслѣдованія ихъ ученія и дѣйствій,—пророки и пророчицы людей божіихъ прямо сознавались передъ коммиссіей, что они простотою и безусловнымъ повиновеніемъ грубыхъ невѣждъ пользовались къ своему обогащенію ³⁾. Въ разказахъ Селиванова про лже-пророчицу Акулину Ивановну говорится, что она была «великая миллионщица». И самъ Селивановъ, кажется, тоже былъ не прочь наживать богатство. «Явное богатство,—говоритъ онъ,—не вредитъ уму человеку». Людямъ божіимъ предсказывалъ онъ обогащеніе, если они будутъ соблюдать чистоту. Когда онъ былъ на соборѣ лже-пророчицы Анны Романовны, «она велѣла выдвинуть на средину собора какой-то сундукъ и, сѣвши на него крѣпко вмѣстѣ съ Селивановымъ, сказала ему: «ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары». Самъ Селивановъ говоритъ о себѣ: «когда я пошелъ въ Иркутскъ, у меня было товару только за одною печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію,—тогда вынесъ товару за тремя печатьми» ⁴⁾.

Во-вторыхъ, богослуженіе людей божіихъ есть ничто иное, какъ смѣсь библейско-христіанской санкціи съ финско-славянскими языческими сборищами и моленіями и славяно-финскимъ шаманствомъ. Древне-языческія, чудеско-славянскія, такъ называемыя церковными іерархами «идольскія сборища и мольбища», преобразовались въ сектъ людей божіихъ и скопцовъ въ такъ называемые *божьи соборы и моленія*. Такъ переименовать ихъ Селивановъ: «именуйте, писалъ онъ, свои собранія *божьи или соборами*: первый—есть соборъ отца вашего искупителя, другой—матушки нашей Акулины Ивановны, а третій соборъ возлюбленнаго моего сыночка Александра Ивановича, четвертый же соборъ всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ» ⁵⁾. Всѣ существенные атрибуты старыхъ чудеско-славянскихъ идольскихъ сборищъ, какъ-то: хороводы, пляски, скаканья, плесканья и т. п., пѣснь мірскія, даже самый свальный грѣхъ—«великое прельщеніе и паденье мужамъ

¹⁾ Запис. свѣд. саратов. тюрьм. замка Н. Вазерскимъ. Прав. Соб. 362—363.

²⁾ О скопцахъ Симбирской губ. въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи т. 1. стр. 311.

³⁾ П. С. З. т. IX. № 6613.

⁴⁾ Посл. 68, 76, 80.

⁵⁾ Посл. 90.

прокамъ», женамъ замужнимъ незаконное оскверненіе и дѣламъ растлѣ—все это существенно вошло въ составъ радѣній и бесѣдъ людей бо—хъ и только приняло въ нихъ новую, сектаторскую форму. Вообще, ѣдствіе вѣкового фізіологическаго и умственно-бытоваго смѣшенія сла—скаго племени съ разными финскими племенами, —и въ мнимо-богослу—ныхъ соборахъ и радѣняхъ людей божіихъ выразилась смѣсь славян—хъ и финскихъ элементовъ. Въ первой половинѣ радѣній преобладаетъ ментъ славяно-русскій, а во второй—финско-шаманскій. Такъ называемое говое, хороводное радѣнье, въ которомъ мужчины и женщины, присут—ующіе на соборѣ божьемъ, становятся въ круги, подобно какъ въ обыкно—ныхъ простонародныхъ русскихъ хороводахъ, очевидно, есть религіозная кція древне-русскихъ языческихъ хороводовъ, которые въ XIV в. отно—исъ къ числу отреченныхъ суевѣрій и бѣсовскихъ радостей. Всѣ бого—жебныя пѣсни людей божіихъ суть ничто иное, какъ передѣлка рус—хъ простонародныхъ пѣсенъ въ духѣ мистическаго ученія людей божіихъ. ый напѣвъ ихъ религіозныхъ пѣсней есть напѣвъ простонародныхъ рус—хъ пѣсенъ—протяжно-заунывныхъ, хороводныхъ и плясовыхъ. Кромѣ того, юставъ богослужебныхъ пѣсней людей божіихъ вошли и нѣкоторые древне—скіе духовные стихи, какъ, напр., стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ красномъ, стихъ о Голубиной книгѣ и др. ¹⁾. Самъ Селивановъ въ одно я былъ калѣжкой переходимъ, по собственнымъ словамъ его, «въ ни—скомъ образѣ ходилъ по ярмаркамъ и пѣлъ стихи» ²⁾. Наконецъ, мо—е людей божіихъ передъ чаномъ, наполненнымъ свѣжей водой, и га—ельное слушаніе изъ-подъ чана таинственныхъ, предвѣщательныхъ го—овъ и т. п., это моленье предъ водой есть ничто иное, какъ остатокъ вне-языческаго моленья и гаданья нашихъ предковъ у воды, или такъ ывавшагося тогда моленья «рѣчнаго и кладязнаго». Съ другой стороны, составъ богослужебныхъ радѣній людей божіихъ, особенно въ обрядѣ рочества, весьма замѣтно отразилось не только славяно-русское куде—чество, но и финское шаманство. Секта людей божіихъ особенно распро—анилась въ предѣлахъ рѣчной системы Волги и Оки, тамъ, гдѣ пре—щественно сосредоточено финское населеніе, гдѣ сплошь и рядомъ въ ыхъ деревняхъ и даже волостяхъ живутъ крещеные и обрусѣлые чу—и, черемисы, мордва, вотяки и проч., и гдѣ русское населеніе, большою тію, представляетъ сплошную смѣсь славянскаго элемента съ финскимъ. Секта также распространилась среди чухонцевъ С.-Петербуржской гу—ніи — племени тоже финскаго. Возникши въ такой этнографической дѣ, среди крещеныхъ и некрещеныхъ, обрусѣлыхъ и полуобрусѣлыхъ вскихъ племенъ, секта людей божіихъ очень естественно многое отъ хъ заимствовала. Та огромная масса русскаго православнаго народа, ко—рая была ничто иное, какъ давно обрусѣлая чудь, меря, мордва, или со—яла изъ обрусѣлыхъ чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и пр., въ VII и въ XVIII в. далеко не вся отстала отъ стараго финскаго шаман—

¹⁾ Прав. Собесѣд. 376. Посл. Селив. 78.

²⁾ Посл. 74.

ства. И вотъ вышедшіе изъ этой массы или появившіеся среди ея книжные и учительные люди, въ родѣ Данилы Филипова, Суслова и Селпанова, внесли въ основанную ими секту финскій шаманизмъ, придавъ ему наружно-христіанскій видъ пророчества. Въ сущности же, и подъ видомъ этого пророчества, во всей ясности проглядываютъ всѣ существенныя черты финскаго шаманства. Мы проведемъ здѣсь поподробнѣе параллель между финскимъ шаманствомъ и пророчествомъ людей божіихъ, для того чтобы показать, какъ глубоко напечатлѣлся въ массѣ русскаго народа восточный, финскій и, притомъ, самый грубый, шаманскій ументвенный складъ и какъ онъ, въ XVIII в., въ этотъ великій вѣкъ разума и философіи, отвлекалъ и доселѣ отвлекаетъ нашъ бѣдный, темный народъ отъ свѣта въ самый мрачный заколдованный кругъ восточно-финскаго изступленія и суевѣрія. Главнымъ образомъ финское шаманство глубоко отпечатлѣлось на пророчествѣ людей божіихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно доселѣ особенно сохраняется у самоѣдскихъ племенъ. У мезенскихъ самоѣдовъ, какъ свидѣтельствуешь миссіонеръ отецъ Веніаминъ, тадибей или шаманъ съ вечера возвыщается, что на другой день будетъ производиться самбадава—*битіе кудесъ*, въ такомъ-то чумѣ. По-утру изъ всѣхъ окрестныхъ чумовъ собирается народъ. Мужчины садятся по правую, а женщины по лѣвую сторону. За ними входитъ тадибей и начинается шаманить. Когда тадибей ударитъ въ пелзерь, — самоѣды, подъ звуки его, сперва принимаютъ тихимъ голосомъ, а потомъ громко кричатъ: гои! гои! гои! Этимъ однообразнымъ распевомъ и крикомъ они выражаютъ внутреннее желаніе, чтобы тадибей услышалъ воззванія и молитвы тадибея. Къ концу самбадавы тадибей является изступленнымъ, восторженнымъ и восклицаетъ: «Нясть-то пришли товарищи, тадебей!» Внавѣ въ изступленіе, тадибей начинаетъ разговаривать съ духами и пророчествовать. Именно, онъ предсказываетъ или объ излеченіи отъ болѣзни того, по просьбѣ котораго бьетъ кудесы или объ отогнаніи волковъ отъ стада оленей, или объ успѣхахъ промысла на который собираются самоѣды, или о наущеніи и отвращеніи какого-либо несчастья и т. п. ¹⁾ Сибирскіе самоѣды, именно тазовскіе осамоедлившіеся остяки, точно также, по назначенію тотоба или шамана, собираются въ одинъ чумъ, а зимой въ землянку, и при этомъ закрываютъ войлокомъ всѣ отверстія въ чуму и ледяныя окна въ зимнихъ землянкахъ. Потомъ усѣвшись въ кругъ, — мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ, начинаютъ пѣть. Шаманъ-тотобъ заиѣваетъ и за нимъ всѣ самоѣды-остяки поютъ громко: эки-хонтъ, эки-хонтъ, эки-хонтъ, и т. п. Иногда во время пѣнія, а иногда по окончаніи, находятъ на тодѣба и даже на остяковъ *лукъ*—духъ божій, и начинаютъ по-очередно каждому остяку предсказывать, кто про что спрашиваетъ: кому про удачу или неудачу промысла звѣринаго или рыбаго, кому про болѣзнь, кому про благополучіе или несчастье какое-нибудь и т. п. Не тоже ли, въ сущности, бываетъ и въ пророчествахъ людей божіихъ и скопцовъ? Совершенно также люди божіи и скопцы съ

¹⁾ Вѣстникъ Географическаго общества 1855 г. ч. XIV отд. I, 118—119. Далеко IV, 220—221.

бираются въ одинъ домъ, и также всегда по предварительному извѣщенію пророка и пророчицы, и въ моленной комнатѣ закрываютъ всѣ окна. Мужчины также садятся по правую сторону, а женщины по лѣвую. Затѣмъ, когда пророкъ и пророчица и всѣ люди божіи или скопцы, подобно черемисскимъ молещикамъ, одѣнутся въ бѣлыя рубашки и зажгутъ восковыя свѣчи,—начинается общее пѣнье. Сначала, подобно самоѣдамъ, поютъ тихимъ, протяжно-плачевнымъ голосомъ: «сошли намъ, Господи, духа святого» и пр. Потомъ начинаютъ пѣть скорымъ голосомъ, напоминая самоѣдское *гой*: «гой духъ святой — духъ, гой духъ — святой духъ». Къ концу пѣнія пророкъ, подобно крику самоѣдскаго тадибея: «нясь-то»,—вдругъ восклицаетъ: «вотъ катить! вотъ катить! духъ святой катить! накатишь, накатишь!» Это значитъ, что, подобно самоѣдскому лусу или тадебицію, на пророка сошелъ *духъ*. Тогда начинается пророчество, какъ у финской чуди шаманство. Какъ у всѣхъ финскихъ племенъ шаманы, во время пророчествъ, обыкновенно всячески кривляются, бьютъ себя въ грудь, и забалтываютъ и кричатъ до изступленія, бѣшенства и обморока, такъ и у людей божіихъ и скопцовъ пророкъ, во время своего пророческаго шаманства, всячески кривляется и мечется, бьетъ себя въ грудь кулакомъ и по ладвямъ ладонью, болтаетъ и кричитъ до изступленія: отъ изступленія и болтовни онъ утомляется до того, что почти всегда у рта его появляется пѣна и нерѣдко онъ падаетъ въ обморокъ ¹⁾. Подобно тому, какъ у самоѣдовъ тадебиціи или лусы возвѣщаютъ предсказанія о погодѣ, о разливахъ водъ, объ уловѣ рыбы и звѣря, о болѣзняхъ и т. п.,—и у скопцовъ, по ихъ выраженію, «духи поютъ черезъ пророковъ», или «духъ въ кругѣ возвѣщаетъ чрезъ пророчески уста» также о воздушныхъ перемѣнахъ, о дождѣ, о градѣ, объ урожаяхъ, о болѣзняхъ и т. п. ²⁾. Какъ для самоѣдовъ, остояковъ, черемисъ, послѣ вопроса о здоровьи или болѣзни и смерти, первыми насущными вопросами были вопросы о средствахъ жизни, объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣба, объ изобиліи или неудачѣ промысловъ рыбныхъ, звѣринныхъ, пчеловодныхъ и другихъ, и они, съ этими животрелещущими вопросами, прибѣгали къ шаманству тадибеевъ, кортовъ и т. д.: такъ и русскій простой народъ, мучительно тревожась жизненнымъ вопросомъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣба въ предстоящемъ году, о благополучіи или неудачѣ рыбнаго и всякаго другого промысла, тоже невольно шелъ къ пророку, какъ своему шаману, чтобъ тотъ попророчествовалъ или пошаманилъ ему на столь животрелещущіе вопросы жизни. Когда разнеслась молва, что пророчица Анна Романовна хорошо пророчила про урожай и неурожай и про другіе промыслы, то, по словамъ Селиванова, «многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: съять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И она, созывая свой соборъ, состоявшій изъ 80 человѣкъ, «ходила въ словѣ» и пророчествовала, въ какой годъ и у кого уродится много хлѣба, и рыбы ловятся много, и въ какой годъ будетъ неурожай и неуловъ рыбы и проч.

¹⁾ Православный собесѣдникъ 375, 395.

²⁾ О скопцахъ—св. Георгіевскаго въ зап. Геогр. общества 531.

Знать такіа жизненныя тайны для народа бѣднаго, въ хозяйствѣ с всецѣло зависящаго отъ физическихъ силъ естественной экономіи,— такіа насущныя, животрепещущія тайны — для него было такою тельно-тревожною потребностью, что ему какъ будто необходимы пророки или пророчицы, на подобіе самоѣдскихъ тадибеевъ, и т. п. ихъ не было, а были близко финскіе шаманы, то многіе правосл мужики и бабы не прочь были сходить и къ этимъ шаманамъ и сить ихъ пошаманить, какъ уродится нынѣшній годъ хлѣбецъ,—цѣ будетъ въ лѣто скотъ отъ звѣря, какой будетъ въ немъ приплодъ, хвораетъ ли кто изъ ихъ семьи и т. п. На низу Енисея одинъ крестьянинъ въ 1863 г. даже самъ шаманилъ вмѣстѣ съ юрацким маномъ, и въ своемъ шаманскомъ изступленіи они порѣшили живою за въ землю 8-лѣтнюю дѣвушку. Но вотъ, на мѣсто финскихъ шамановъ угоду насущнымъ потребностямъ темнаго народа, явились пророки и рочицы людей божіихъ и скопцовъ,—и вотъ масса народа устремилась на соборы послушать ихъ лже-пророческаго шаманства о с житьѣ-бытьѣ. И тѣмъ охотнѣе народъ собирался на моленья и прства людей божіихъ, особенно народъ обрусѣлый изъ вотяковъ, черемисъ, мордвы и т. п., въ моленьяхъ людей божіихъ онъ во мн видѣлъ возстановленіе и освященіе своихъ прежнихъ, отцовскихъ и дѣдовскихъ моленій и обрядовъ. Напримѣръ, православному обрус вотяку или происхожденію изъ вотяковъ сродно было самое наз *люди божіи*, потому что вотяки и сами въ язычествѣ называли *удъ-мортами*—людьми божіими; близки, сродны были его сердцу и (моленные дома «людей божіихъ», потому что и вотяки-язычники им для моленья такіе же «моленные дома» — *будинъ-коалы*, моленные гдѣ тона или утиссъ-шаманъ молить инмара «послать имъ теплый дикъ, урожай хлѣба, надѣлать ихъ дѣтками, скотомъ, медомъ, счасть добрыми людьми, кротостью и прогнать отъ скота ихъ хищныхъ звѣр наконецъ, православному, обрусѣлому изъ вотяковъ, знакома и эта ственная коробка людей божіихъ, хранящаяся въ ихъ молен домѣ, потому что и у вотяковъ въ срединѣ избной стѣны, гдѣ сов лось моленье, хранилась точно такая же общественная коробка съ гами и другими приношеніями и называлась *вордъ-шудъ* ²⁾). Точно так православный, происшедшій отъ предковъ-черемисъ, и особенно не крещеный и обрусѣлый черемисянинъ тѣмъ болѣе сроднялся и осв съ сектой людей божіихъ, что на моленьяхъ ихъ духъ, воспѣваемы пѣсняхъ людей божіихъ, живо, наглядно напоминалъ ему его преж праотческаго наибольшаго бога Юма; въ воспѣваемой людьми бо Божіей матери онъ видѣлъ живое воплощеніе своей языческой б матери Юмани-аба (божья мать); а бѣлыя рубашки, какія надѣ люди божіи предъ своими моленьями, и восковыя свѣчи, какія ов

¹⁾ Георгіевскій, I, 55--56.

²⁾ Вѣстникъ Географ. общ. 1859 г. ч. XXVI, II, стран. 100; опис. в. уѣзда.

пгають въ началѣ радѣнья, — въ употребленіи и у некрещенныхъ черемисъ ихъ моленьяхъ, особенно, въ праздникъ новаго хлѣба (наремъ у кинѣ), или наканунѣ новаго года ¹⁾).

Наконецъ крещенные, православные чувашъ и мордва могли привнести богослуженіе людей божіихъ и свою долю моленныхъ обычаевъ; по-тому что и у тѣхъ, и у другихъ есть опять сходство въ моленьяхъ. Напр., вѣстно, что люди божіи, собравшись по обычаю въ одинъ домъ чело-къ до 50 или болѣе, приносятъ съ собою хлѣбъ, чай, сахаръ, медъ, исти или съѣстные припасы, изъ которыхъ варятъ обѣдъ, если моленье ваетъ утромъ, или ужинъ. Потомъ зажегши восковыя свѣчи, начинаютъ е моленье. Наконецъ, послѣ заключительной молитвы о благополучномъ возвращеніи по домамъ, всѣ садятся за столъ по мѣстамъ и угощаются вдомъ илиужиномъ.

Точно также бываетъ и у чувашъ и мордвы. Лепехинъ говоритъ: ногіе изъ крещенныхъ чувашъ и мордвы и понынѣ не оставляютъ нѣгорый родъ своихъ богомольныхъ обрядовъ. Они, собравшись въ про-занный домъ, вносятъ въ избу нарочно сдѣланный для того новый столъ, вятъ на него хлѣбъ, соль, говядину, пиво, медъ и, засвѣтивъ передъ мзомъ свѣчки, совершаютъ свое моленье. Старшій изъ сборища или же—шаманъ, отошедъ къ дверямъ, кланяется и читаетъ свои молитвы; гомъ, подошедши къ столу, указываетъ рукою на все, что на столѣ по-влено, порознь. Повторивъ сей обрядъ разъ съ шесть, затворяютъ двери, дятся за столъ и ѣдятъ оную пищу» ²⁾. Какъ у людей божіихъ въ про-ское званіе избираются лица обоого пола, и потому бываютъ пророки пророчицы,—такъ и у мордвы и у чувашъ—іомзя или ихъ пророки-шаны тоже бываютъ обоого пола.

Наконецъ, въ мистико-пантеистическомъ міросозерцаніи людей божіихъ жопцовъ весьма ясно отразился фетишизмъ финско-славянскаго языче-а, прикрытый только церковно-византійскимъ спиритуализмомъ. Скопцы дставляютъ всю природу одухотворенною: къ небу, солнцу, звѣздамъ, тѣ, землѣ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, лѣсамъ, звѣрямъ, и даже къ змѣямъ ервямъ, они также обращаются съ покаянной молитвой, какъ и къ челамъ, архангеламъ, херувимамъ, серафимамъ и всей небесной силѣ. ждый новообращенный въ скопчество долженъ произносить на скопче-мъ соборѣ, по наученію скопца-пророка, такое молитвенное заклинаніе: *рости меня, Господи, пресвятая Богородица, ангелы, архангелы, херу-мы, серафимы, и вся небесная сила; прости небо, земля, солнце, луна, изды, озера, рѣки, горы и всѣ стихіи небесныя и земныя* ³⁾. Или: «прости ня, батюшка родимый, на кругѣ катающійся, прости солнце и луна, небо ззззды, и матушка сырая земля, и пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи

¹⁾ Вѣстникъ Геогр. общ. 1856 г. кн. IV, отд. I, стр. 282—289: о религій некрещ. рем. Каз. губ. протоіерея Вишневекаго.

²⁾ Дневн. зап. Леп. изд. 1793 г. ч. I, стр. 165; см. Пр. Саб. 1858 г. іюль, стр. 375—396.

³⁾ О скопцахъ Симбир. губ. г. Крыжина. Зап. Имп. р. Геогр. общ. по отд. этногр. I, стр. 507.

и черви»¹⁾. Такое отношеніе къ природѣ есть живой остатокъ языческаго финско-славянскаго міросозерцанія. Всѣ финскія племена также относятся къ физическому міру. Общее всѣмъ альпійскимъ народамъ вѣрованіе,—говоритъ Кастренъ,—рисуетъ себѣ силы природы, какъ существа жизнью и душою одаренныя; почти каждый предметъ, каждое явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревьевъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильныя духи. И есть много людей, особенно въ сѣверной Сибири, которые молятся предметамъ природы, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Шаманы финскіе основываютъ все свое ученіе на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія²⁾. Такое же воззрѣніе на природу господствовало и у славянъ-язычниковъ: перуны, хорсы, даждбоги, русалки, дивы и проч. наполняли и одушевляли небо, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, землю, воду, лѣса и т. п. Даже въ христіанскія времена, какъ видно, напр., изъ «слова отъ видѣнія Павла» солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и рѣки, земля и вообще вся природа представляются живыми существами, наблюдающими за нравственностью людей и угрожающими имъ за незаконный блудъ, давленіе дѣтей, разбой, татьбу и всякія неправды³⁾. И вотъ это-то финско-славянское воззрѣніе на природу отразилось въ міросозерцаніи скопцовъ. Они повсюду въ природѣ видятъ живаго Бога, Духа Божія. «Батюшка царь небесный,—говорилъ намъ одинъ туруханскій скопецъ,—не велѣлъ намъ даже козявки раздавить: онъ вездѣ живой Богъ». Отсюда проистекаютъ всѣ эти мистико-пантеистическіе самволизмы, которыми характеризуются всѣ пѣсни людей божіихъ, воспѣвающихъ, напр., сизыхъ голубей—скопцовъ, солнце красное-Селиванова и т. п. Въ частности, воззрѣніе скопцовъ на солнце, какъ на могучую, животворную, а для грѣшниковъ—грозную мать небесную, и на землю, какъ на такую же могучую мать землю, есть также остатокъ древне-языческаго, финско-славянскаго міровоззрѣнія. Новообращенный въ скопчество долженъ давать слѣдующее заклинаніе, которое у скопцовъ называется присягою: «про сіе дѣло святое никому не провѣдывать ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде провѣдаю, не удержи меня, матушка сырая земля, не дай матушка-красное солнышко спастъ блага»⁴⁾. Такое скопческое заклинаніе солнцемъ и землею, очевидно, заимствовано изъ языческаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Славяне, въ язычествѣ, поклонялись солнцу, сначала какъ существу женскаго пола, какъ богинѣ, а потомъ какъ богу—хорсу, даждбогу, боготворили также и

1) Записки о скопцахъ Калужск. губ. св. А. Георгіевскаго, стр. 529.

2) Vorlesung über die Finnische Mytholog. s. 197—198: Götterbilder und heilige Naturgegenstände.

3) Буслаев. II, 127—128.

4) Ibid, стр. 529.

тую землю, олицетворяя, называли ее матерью сырой землею. Землѣ, какъ жеству, каялись и исповѣдывались. Въ одномъ духовномъ раскольничьемъ ихъ поется:

Ужъ какъ каялся молодецъ сырой землѣ:
 „Ты покая, покая, матушка сыра земля!
 Есть на душѣ три тяжкія грѣха,
 Да три тяжкіе грѣха, три великіе...“
 Какъ спроговорить матушка сыра земля;
 „Въ первомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ.
 Хотѣ бросилъ отца съ родной матерью,
 Втоды глупой былъ. да неразумный сынъ.
 И въ другомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
 Хотѣ и жилъ со кумой со хрестовой,
 Хотѣ прижили отрока младого,--
 Втоды холостъ былъ. да неженатый человекъ.
 А въ третьемъ-то грѣхѣ не могу проститъ,
 Какъ убилъ въ полѣ братенку хрестоваго,
 Порубилъ цѣлованница хрестоваго“¹⁾.

Всѣ финскія племена также боготворили и большею частию доселѣ сотворятъ солнце и землю: финны поклонялись солнцу, подъ именемъ *иіа*, что значитъ солнце и богъ солнца²⁾. Въ частности «мордва и чуши, говоритъ Лепехинъ, солнце и луну не только за божества почитаютъ, и приносятъ жертву солнцу, въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а и въ новомѣсячье; мордва молилась солнцу: вышнее солнце свѣтитъ все царство, свѣти и намъ и на нашъ міръ». Енисейскіе остяки не только боготворятъ солнце, но и подобно скопцамъ, представляютъ его существомъ женскаго пола, матерью людей, или дѣвицей, раздѣляющей юламъ съ небеснымъ богомъ, Ессомъ, управление міромъ. Точно также финскія племена боготворили, и боготворятъ большею частью доселѣ, луну.

Удержавъ такое языческое, финско-славянское вѣрованье въ *святую сырую землю*, скопцы, подобно древне-русскимъ стригольникамъ, исповѣются землѣ и вѣрятъ, что мать сыра земля можетъ передавать тайны. Ивановъ говоритъ: «отъ нѣкоторыхъ дѣтушекъ слезы доходили ко мнѣ *подземелью* въ Иркутскъ и обжигали мои ноги; я ихъ спрашивалъ, и они изывали, чьи онѣ»³⁾. Только тайны скопчества нельзя было исповѣвать сырой землѣ. Новопришедшій въ скопчество давалъ клятву: «Дай гъ мнѣ огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, сіе дѣло не отложить, чтобы ни кому, ни роду, ни племени, *ни сырой землѣ* не сказать»⁴⁾.

Вѣрованье въ исповѣдь землѣ было и у славянъ, напр., у сербовъ и угаръ. Такъ, въ сербской сказкѣ о Троянѣ совѣтуется одному мальчику, навшему тайну про Трояна: «ступай за-городъ въ поле, вырой яму,

1) Сборникъ дух. стих. сост. Варенцовымъ, стр. 161.

2) Fin. Mytholog. s. 53 и слѣд.

3) Посл. 85.

4) О скопцахъ А. Георгіевскаго, 529.

уткну въ нее голову и трижды исповѣдуй свою тайну землѣ и потомъ закопай яму» ¹⁾).

Самая апотеоза пророковъ, идея самозванства ихъ христами, богамисаваооами, происходила изъ восточно-азійскаго, чувственно-образнаго умонастроенія темной массы народа и была совершенно въ духѣ восточнаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, антропоморфическая апотеоза людей, особенно *вѣщаль*, каковы волхвы и богатыри, весьма обыкновенна какъ въ славянской, такъ въ особенности въ финской и даже отчасти въ татарской мнѳологіи. По языческому вѣрованію восточныхъ славянъ, вѣрившихъ въ оборотней всякаго рода, всякій великій волхвъ могъ «*стѣть въ боги*», и невѣдлси, т.-е. невѣжды съ полной вѣрой баснословили даже въ XVII вѣкѣ, будто старшій сынъ мнѳическаго Словена *сѣвъ въ боги*, сталъ богомъ — громомъ, перуномъ. Еще сильнѣе была вѣра въ вочеловѣченіе боговъ у восточныхъ, финскихъ племенъ, которые, крестясь и русѣя, вносили съ собой эту вѣру и въ массу православнаго русскаго народа. Всѣ боги финской Калевалы, въ позднѣйшихъ народныхъ представленіяхъ, сходятъ на землю и принимаютъ образъ челоѣческій. Не чужда идея вочеловѣченія боговъ и тюрко-татарскимъ племенамъ. въ крайней мѣрѣ, сибирскимъ татарамъ. Такъ, по представленію послѣднихъ ихъ божественный духъ айна (Aina) часто принимаетъ на себя образъ челоѣка ²⁾. Словомъ, вочеловѣченіе боговъ и обоготвореніе людей сама обыкновенная идея въ восточной мнѳологіи ³⁾. И вотъ, когда восточныя финскія племена стали мало-по-малу принимать христіанскую вѣру и путемъ постепеннаго фізіологическаго смѣшенія входили въ составъ славяно-русской народности, — они внесли эту антропоморфическую идею вочеловѣченія боговъ и обоготворенія людей и въ свое новое міросозерцаніе. Подъ вліяніемъ церковно-византійскаго книжнаго ученія, финско-славянская идея мнѳической апотеозы выдававшихся надъ толпой вліяніемъ и подвигами людей получила новое, высшее развитіе. Народный стихъ о Егоріи храбромъ, прикрытый канвой церковно-византійскаго сказанія о Георгіи побѣдоносцѣ, въ различныхъ вариантахъ, является постепеннымъ историческимъ литературнымъ развитіемъ и выраженіемъ той идеи, которая потомъ выразилась, въ своемъ окончательномъ проявленіи, въ духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ людей божіихъ и скопцовъ о «пророкѣ надъ пророками» — Селвановѣ. Въ одномъ вариантѣ, представляющемъ самую древнюю, языческую формацію народнаго міросозерцанія, стихъ о Егоріи храбромъ, подъ обликомъ христіанскаго святаго Георгія побѣдоносца, воспѣваетъ, мнѳическаго божественнаго богатыря, творца міра, устроителя финско-русской земли, подобнаго финскому вѣщему Вейнемейнену. Какъ финскій Вейнемейненъ, по изображенію рунъ Калевалы, передѣлываетъ природу своими чарами,

¹⁾ Бусл. I. 386.

²⁾ Кастренъ, 303.

³⁾ Ibidem 307—300. Nichts ist auch—замѣчаетъ Кастренъ,—in den heidnischen Religionsformen gewöhnlicher, als dass die Götter so umgestaltet und Menschen werden. Noch mehr Beweise für das Menschwerden der Götter liefert uns der Orient.

Егорій храбрый устроилъ финско-русскую землю силою своихъ вѣ-
стовъ:

Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Зараститея вы, лѣсы,
По всей землѣ свѣтло-русской...
Ой—вы—еси, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, текуція!
Потеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучімъ...

второмъ вариантѣ, стихъ о Егоріѣ храбромъ изображаетъ этого
скаго героя въ образѣ просвѣтителя финско-русской земли и иску-
зя отъ татарскаго ига и такимъ образомъ представляетъ уже го-
озрѣвшею ту идею апотеозы, которая потомъ выразилась въ апотеозѣ
ова. Егорій храбрый говоритъ:

Ой—все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ка врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта-храбраго!
Пріѣхалъ Егорій свѣтъ-храбрый,
Пріѣхалъ къ горамъ высокимъ:
Полноте-ко, горы, врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго...
Охъ ты, птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей...
Охъ ты, мечъ, мечъ самосѣкъ,
Сѣки буйну голову у татаровей.

конецъ, въ третьемъ вариантѣ, Егорій храбрый изображается уже въ
акъ Селивановѣ, пскупителемъ женщинъ отъ ига татарскаго га-
учистителемъ отатарившихся русскихъ женщинъ. И надобно замѣ-
о этотъ вариантъ стиха записанъ г. Максимовымъ въ Орловской
, близъ того села, гдѣ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, была родина
ова. Въ этомъ стихѣ Егорій говоритъ:

Пойду я къ басурманищу,
Да стану за вѣру христіанскую.
Тамъ стада пасли красныя дѣвицы,
Краснымъ дѣвицамъ Егорій проглаголетъ:
Вы сойдитесь-ко на Кіянть-море,
Вы обмойте шерсть басурманскую,
На васъ стануть тѣла христіанскія,
А вѣруйте самому Христу, Царю небесному,
Еще матери Богородицѣ.

Селивановъ пошелъ, какъ увидимъ дальше, на востокъ и даже къ
, и татарамъ—пошелъ проповѣдывать свою чистоту.

Далѣе при восточномъ, чувственно-образномъ умонастроеніи, въ дѣйствиіе тысячелѣтняго непосредственно-натуральнаго воспитанія однихъ вѣрныхъ чувствъ, безъ всякаго развитія высшей, теоретической мыслительности,—финско-русскій умъ никакъ не могъ возвыситься до отвлеченной, метафизической идеи божества, безъ непосредственно-натуральнаго, чувственнаго видѣнія его лицомъ къ лицу, или въ какомъ-либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ. «Самоѣды и другіе алтайскіе, финскіе народы говоритъ Кастренъ, считаютъ даже бесполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ потому, что они далеко, далеко живутъ отъ людей, невидимы, неосязаемы и неприступны. Поэтому они обыкновенно просятъ шамановъ—воплотить, изобразить имъ невидимаго, отвлеченнаго небеснаго Бога въ какомъ-либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ, сдѣланномъ изъ дерева или камня, большею частію въ антропоморфической формѣ, на подобіе фигуры человѣка. Шаманы въ свою очередь, вопрошаютъ боговъ или духовъ небесныхъ, въ какой формѣ имъ угодно народное богопочитаніе, изъ какого дерева долженъ быть сдѣланъ антропоморфическій образъ ихъ, изъ какой кожи должна быть сшита на нихъ одежда и проч. Боги или духи вселяются въ шамана и возвѣщаютъ ему, въ какой формѣ или въ какомъ образѣ угодно имъ воплотиться и принимать народное моленіе¹⁾. Этого мало: по представленію финскихъ племенъ, когда люди не знаютъ никакой вѣры, Богъ самъ долженъ явиться имъ въ какомъ-нибудь видимомъ и осязаемомъ образѣ, чтобы имъ наглядно, во-очію *увидѣть*, кому имъ молиться, и отъ собственнаго голоса божіи *услышать*, какъ или какія совершать ему моленія, обряды и жертвы. По одной черемисской легендѣ, когда умножились люди на землѣ, раздѣлились на племена и не знали, кому и какъ имъ молиться,—то родоначальники племенъ собрались на одно мѣсто, и передъ ними явился въ видимомъ образѣ юма—*судой богъ* или *набольшій* и лично роздалъ разныя вѣры, показавъ, какому племени какъ вѣровать и молиться юмѣ. Родоначальникъ черемискаго племени опоздалъ явиться за вѣрой на мѣсто собранія своихъ собратій и мучился вопросомъ: кому же ему вѣровать? Встрѣтился ему родоначальникъ другого племени и возвѣстилъ, что юма уже показать и роздалъ вѣры. «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры?» спросилъ съ изумленіемъ родоначальникъ черемисскій. Тогда явился ему въ чистомъ полѣ въ видѣ селезня, слетѣвшаго съ березы, кереметь, меньшій братъ юмы. «Мнѣ кланяйся! Самъ юма велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ», — такъ сказалъ кереметь родоначальнику черемисъ. И съ тѣхъ поръ черемисы молятся керемету, въ чистыхъ мѣстахъ, въ рощахъ, у деревъ, приносятъ въ жертву утокъ и гусей, и береза, у которой явился кереметь, имѣетъ священное употребленіе при жертвоприношеніяхъ²⁾. Вотъ точно также возникла и въ финско-русской массѣ нашего народа вѣра въ высшихъ духовъ людей бо-

¹⁾ Kastren's Finnisch. Mytholog. III, s. 193—236: Götterbilder und Heilige Naturgegenstände. Здѣсь Кастренъ подробно раскрываетъ это восточное, чувственно-образное умонастроеніе финскихъ племенъ. Смот. особ. s. 193—196, 215, 227, 229 и другіе.

²⁾ Вѣстникъ Географ. общества 1848 г. ч. XVII, от. I, стр. 283.

жихъ. Когда расколъ возвѣстилъ, что истинная вѣра погибла на землѣ и, растерявшись въ сотнѣ толковъ, дошелъ до вѣтовщины, до отчаянія и недоумѣнія, какъ найти истинную вѣру, когда было, по выраженію одного духовнаго писателя,—«что мужикъ — то вѣра, что баба, — то толкъ», тогда въ темной, неразвитой, двоевѣрной финско-русской массѣ православнаго великорусскаго народа, по старому преданію, многимъ стала приходиться въ голову мысль — молить чрезъ лучшихъ выборныхъ людей самого Бога, чтобы онъ, подобно тому, какъ юма явился родоначальникамъ разныхъ финскихъ племенъ для показанія вѣрѣ, также явился имъ видимымъ образомъ и показать во-очію, наглядно, кому и какъ вѣровать и молиться. И вотъ, дѣйствительно, «изъ тѣхъ людей нашлись люди умные», и стали объ этомъ молить Бога.

И вотъ, пользуясь такимъ чувственно-образнымъ и легковѣрнымъ умонастроеніемъ темной, полужыческой массы народной, какой-нибудь корыстолюбивый расколуучитель — волхвъ и чародѣй объявлялъ себя мессіей, посланникомъ свыше. И полужыческая финско-русская масса православнаго и раскольникяго населенія легкомысленно и простодушно вѣрила, что дѣйствительно Богъ внялъ моленью «умныхъ людей» и явить себя, виѣсто креста или образа, въ живомъ, видимомъ и осязаемомъ образѣ человека. И тѣмъ легче эта темная масса могла поддаться такому антропоморфизму, что для нея еще не кончился мнѳологическій періодъ міросозерцанія. Въ славяно-русскомъ язычествѣ антропоморфизмъ только-что началъ развиваться, и выразился въ поклоненіи идоламъ, потомъ незамѣтно смѣшался съ полу-христіанскими вѣрованіями. По грубому, чувственно-образному умонастроенію, не только чувашину или мордвину, а и многимъ кореннымъ русскимъ православнымъ людямъ казалось лучше и удобнѣе облекать свои религіозныя понятія въ живыхъ лицахъ и образахъ, чѣмъ созерцать ихъ въ отвлеченномъ богомыслии и вѣрованіи. При вѣковомъ воспитаніи однихъ виѣшнихъ чувствъ, подъ вліяніемъ непосредственныхъ предметныхъ впечатлѣній природы, при крайней неразвитости отвлеченнаго и теоретическаго мышленія, это міровоззрѣніе имѣло глубокое вліяніе на нравственное воспитаніе сектъ. Достаточно было самаго нечѣснаго и изувѣрскаго ученія, обставленнаго чувственными представленіями, возбуждавшими дикое воображеніе массы, чтобы увлечь ее на путь сектаторской пропаганды. Вслѣдствіе этого вѣковаго воспитанія народа и въ сектѣ людей божіихъ и скопцовъ этотъ восточный умственный складъ до того отпечатлѣлся, что и они все невидимое, небесное стали воплощать въ видимыя, земныя формы, или, какъ они выражаются, *показывать въ натурѣ*.

И надобно замѣтить, что вся виѣшняя, чувственно-образная обстановка и обаятельность скопческихъ радѣній невольнo увлекала и экзальтировала массу. Радѣнья скопческія, хороходныя и круговыя, скорѣе похожи были на торжественныя народныя игрища, или на театральныя народныя представленія, чѣмъ на богослуженіе. Представьте, напр., соборное радѣнье, какое бывало до 50-хъ годовъ въ г. Алатырь, въ домѣ тамошнихъ знаменитыхъ пропагандистовъ и меценатовъ скопчества, мѣщанъ Милютинскихъ. За заставой города, среди огромнаго и густаго сада, за высо-

кимъ и глухимъ заборомъ. въ большомъ молебномъ домѣ собирались. напр. въ ночь на первый день пасхи или сошествія св. Духа болѣе 100 мужчинъ и женщинъ. Чинно, благоговѣйно собравшись въ сборную молебенъ, тихо, молчаливо разсаживались люди божіи по диванамъ, по обѣимъ сторонамъ молебной комнаты. Всѣ они въ бѣлой одеждѣ: мужчины въ бѣлыхъ длинныхъ рубашкахъ садились съ одной стороны, а съ другой стороны садились женщины въ бѣлыхъ носкахъ, въ ситцевыхъ платьяхъ или сарафанахъ и бѣлыхъ рукавахъ, покрываясь большимъ бѣлымъ платкомъ. Наконецъ, когда всѣ усаживались и водворялась благоговѣйная тишина, — торжественно входилъ на соборъ самъ Милютинскій съ дочерью, а на другихъ скопческихъ соборахъ — пророкъ. Расположившись въ переднемъ углу, на высокомъ подмосткѣ, на крестѣ, — Милютинскій привѣтствовалъ наклоненіемъ головы все собраніе скопцовъ, которые вставъ съ своихъ мѣстъ и обращаясь лицомъ къ Милютинскому, низко кланялись ему. Спустя нѣсколько минутъ, по знаку Милютинскаго, все собраніе скопцовъ начинало пѣть: «Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя: людѣ же божіи святѣи образовъ событіе зряще, веселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесилень». Послѣ этого общій хоръ заунывно пѣнулъ начальную скопческую пѣсню:

Отъ бѣлой зари, съ утра ранняго,
Отъ востока, отъ Иркутскаго.
Выкатало къ намъ наше солнышко,
Красно солнышко, сударь батюшко.
Сударь-батюшко, Кондратій-свѣтъ!.. и т. д.

Заунывный, но торжественный напѣвъ этой пѣсни приводилъ собирающіеся въ восторженное состояніе: начинались пляски, и пѣсни хоровыя не умолкали, и т. д. ¹⁾

Возникши главнымъ образомъ на почвѣ народной финско-славянской, а не церковно-византійской, какъ поповщина и безпоповщина поморская, едосѣвская и проч., община людей божіихъ приняла въ себя и нѣкоторые другія этнологическія вліянія и оттѣнки, кромѣ великорусско-славянскаго и финскаго. Кромѣ финскихъ племенъ, славяно-русское племя смѣшивалось еще мало-по-малу съ тюрко-татарскими племенами. Татары не только наполняли казанское и астраханское поволжье, Крымъ, большую часть восточнаго Приуралья и пр., но и входили въ составъ населенія многихъ великорусскихъ городовъ и уѣздовъ, особенно въ области рѣчной системы Оки, Волги, Дона и Камы ²⁾. Множество мурзъ и «рядовыхъ татаръ» находилось въ русской

¹⁾ См. подробности въ статьѣ г. Крыжина о симбирск. скопцахъ и въ Пр. Соебсѣд. общ. обществъ людей божіихъ.

²⁾ Наприм., въ 1678—1681 г. въ Касимовскомъ уѣздѣ было «за новокрещеными и за мурзами и за татарами 350 дворовъ; въ Шацкомъ уѣздѣ за новокрещеными 49 дворовъ, за мурзами и татарами 385 дворовъ; въ Инсарскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 76 дворовъ; въ Арзамасскомъ уѣздѣ за мурзами и князьями татарскими 229 дворовъ; въ Керенскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 177 дворовъ; въ Кадомскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 46, за мурзами и татарами 642 дв.: въ

службѣ: татарами наполнены были полки солдатъ и стрѣльцовъ ¹⁾. Татары были у русскихъ въ рабахъ ²⁾. Не мало находилось среди русскаго населенія и турокъ. Военно-плѣнные турки водворялись цѣлыми колоніями, какъ, напр., въ 1788—1791 и 1809—1812 годахъ существовала колонія турецкихъ военно-плѣнныхъ между Дмитріевскомъ и Христофоровкою въ Херсонской губерніи ³⁾. Съ другой стороны, русскіе селились между татарами, въ татарскихъ деревняхъ, какъ, напр., въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ с. Багаево, Арасланово, Б. Меми и многихъ другихъ ⁴⁾. Вслѣдствіе такого сближенія русскаго народа съ тюрко-татарскимъ племенемъ происходили между ними и взаимная фізіологическая помѣсь и умственное общеніе. Въ Сибири русскіе служилые и жилацкіе люди, сжившись съ татарами, забывали права православной вѣры, во всемъ сообщались съ татарами и съ некрещеными татарками жили, какъ съ законными женами ⁵⁾. Особенно въ южно-русскомъ казачествѣ много было примѣси татарской и турецкой крови. О донскихъ казакахъ еще Котошихинъ замѣтилъ: «люди они породой москвичи и новокрещенные татары» ⁶⁾. «Донскіе казаки доставали себѣ женъ,—говоритъ Георгій,—по татарскому обычаю, увозомъ отъ своихъ сосѣдей-татаръ, смѣшивались съ послѣдними и составили одно общество. Большая часть донскихъ казаковъ имѣютъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ сомнѣнія отъ матерей или праматерей татарокъ» ⁷⁾. Смѣшиваясь такимъ образомъ съ славяно-русскимъ племенемъ, турки и татары принимали православную христіанскую вѣру и русѣли ⁸⁾. Съ другой стороны, и многіе русскіе, смѣшиваясь съ турками и татарами, принимали магометанскую вѣру. Въ восточныхъ провинціяхъ московскаго государства нѣкоторые русскіе, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями своихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру ⁹⁾. Многіе, по татарскому обычаю, увлекались многоженствомъ, имѣли по двѣ жены или вновь женились при жизни первыхъ женъ, держали наложницъ ¹⁰⁾. А казанскіе раскольники, живущіе среди татаръ и невольно подвергающіеся ихъ вліянію, заводили у себя даже татарскіе или турецкіе гаремы: «У жилищныхъ раскольниковъ,—говоритъ г. Лаптевъ въ описаніи Казанской губерніи,—на задахъ избъ, на дворахъ или огородахъ, ставятся особыя кельи для сбора женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ грамотныя читаютъ

Темниковскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 34 дв.; за мурзами и татарами 1061 дворъ; въ Саранскомъ уѣздѣ за новокрещ. мурзами и татарами 42 дв. Доп. у А. И. VIII стр. 129—130.

¹⁾ Ibidem стр. 32

²⁾ Коллинсъ II.

³⁾ Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г. ч. 26, ст. V, стр. 59.

⁴⁾ Казанской губ. 476.

⁵⁾ Собр. Гое. Грам. III, № 60.

⁶⁾ Котошихинъ, IX, 7.

⁷⁾ Опис. народ. 1799, II IV, 200—201.

⁸⁾ Доп. VIII, № 89; акты, относ. до обращен. въ христ. вѣру татаръ.

⁹⁾ А. Э. I, 438.

¹⁰⁾ Р. Дост. 91, А. II. III. 43. А. А. Э. IV, ст. 62, 146, 492, 498. II. С. З. 1, стр. 254. Грам. и акты Рязан. губ., стр. 131. Древн. Россійск. Вивіон. ч. XV, стр. 384—386.

въ праздники духовныя книги. У очень зажиточныхъ раскольниковъ изъ такихъ келій образуются просто гаремы, гдѣ происходятъ часто оргіи, куда зазываютъ народъ для кутежа и совращенія въ расколъ. У поморцевъ въ Казани предводитель секты имѣлъ моленную въ зданіи бывшаго стекольнаго завода. Тутъ у него содержалось много молодыхъ дѣвицъ, подъ названіемъ келейницъ, и здѣсь же творились раскольничьи оргіи, напр. мужчины и женщины собирались въ одной общей темной банѣ и въ потѣмахъ, не разбирая кровнаго родства, брать сходилась съ сестрой, отецъ съ дочерью... Заведеніе это закрыто, но, по всей вѣроятности, тайно существуютъ другія, имѣющія подобный характеръ»¹⁾. Множество раскольниковъ, особенно гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ бѣжали въ Турцію. «Многіе изъ раскольниковъ,—какъ гласитъ докладъ сената 1737 года,—великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу, живутъ тамъ, и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ»²⁾. И вотъ изъ этихъ-то тюрко-татарскихъ родовъ русскаго населенія, или изъ отуречившихся русскихъ раскольниковъ, выходили «*турчанники родомъ*» и, пользуясь, для своего обогащенія, простотой и невѣжествомъ необразованнаго народа, особенно той массы православнаго народа, которая представляла новокрещеную смѣсь тюрко-татарскаго и финскаго племенн, они еще объявляли себя пророками, на подобіе Магомета, пророками-саваоами и христами. Если не о первомъ, то объ одномъ изъ самыхъ первыхъ пророковъ-христовъ людей божіихъ св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ: «*скажутъ того лжехриста родомъ быти турчанина*»³⁾. И есть другое достовѣрное свидѣтельство, что русско-турецкіе раскольники изъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, проживающіе въ турецкихъ владѣніяхъ, имѣли большое вліяніе на секту людей божіихъ и хлыстовъ. Именно, въ показаніи одной лжебогородицы людей божіихъ, Анны Ѳедоровой Скочковой, крестьянки Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, записанномъ въ 1828 г. священникомъ саратовскаго тюремнаго замка Вазерскимъ, сказано: «секта хлыстовъ происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи и послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля сей секты въ видѣ христа отъ него получаютъ себѣ все нужныя книги. Когда нужно имъ избрать богородицу и пророка-богомольщика, то они, утвердивъ избраніе своимъ ручнымъ подписаніемъ, посылаютъ съ нимъ помощника къ настоятелю. Тамъ пророкъ живетъ годъ и болѣе для узнанія обрядовъ, дознанія въ поведеніи и твердости въ вѣрѣ. Послѣ настоятель, утвердивъ сей приговоръ, посылаетъ съ помощникомъ предписаніе, а богородицѣ-богомольницѣ сорочку и вербу... Потомъ, избравъ другую, которая навсегда должна быть дѣва непорочная, благообразной наружности и лучшаго ума, опять тѣмъ же порядкомъ посылаютъ предписанія, сорочку и вербу. Сія Анна Ѳедоровна отъ настоятеля турецкаго имѣла предписаніе, сорочку и вербу. Сверхъ сего ей была послана отъ него въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ.

¹⁾ Матеріалы для стат. и географ. Каз. губ. стр. 471.

²⁾ П. С. З. т. IX, № 6802, стр. 574.

³⁾ Разыскъ ч. III, гл. XVIII въ ст. о христовщинѣ.

печатанная отъ правой руки къ лѣвой, красными буквами» ¹⁾. Подъ вліяніемъ такихъ-то «*турчаниновъ родомъ*» или турецкихъ раскольниковъ, гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ,—секта людей божіихъ и хлыстовъ, въ южной и юговосточной украинѣ Россіи, получила сначала довольно явственный тюрко-татарско-казачій оттѣнокъ. Въ составъ ея общества вошло не мало турецкихъ и татарскихъ родовъ казаковъ запорожскихъ и донскихъ; потому что эти казаки, изъ среды которыхъ вышли и турецкіе хлысты, были большею частію турецкаго и татарскаго происхожденія. «Черкасы, или запорожцы,—говоритъ Коллинсъ,—татарскаго племени» ²⁾. «Въ донской казачій родъ,—говоритъ г. Котельниковъ въ историч. запискѣ о куртоярской станицѣ,—вошли нѣкоторыя калмыцкія, татарскія, греческія и турецкія племена и чрезъ смѣшеніе измѣнились въ русскій родъ». На такой тюрко-татарской этнологической почвѣ казачества, легко было съ особеннымъ успѣхомъ привиться сектѣ турецкихъ раскольниковъ—бѣглыхъ единоплеменниковъ запорожскихъ, гребенскихъ и донскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе такого развитія, на тюрко-татарской этнологической почвѣ казачества, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ сначала весьма замѣтно отразился оттѣнокъ запорожско-казачьихъ привычекъ и восточнаго гарема. Запорожскіе казаки, по свидѣтельству Коллинса, страстно преданы были пляскамъ, колдовству, которымъ занимались у нихъ и женщины высшаго сословія, и управлялись избранными имъ самими полковниками.

И вотъ все это перенесено было ими и въ секту людей божіихъ и хлыстовъ,—а званіе полковниковъ усвоено предводителямъ-пророкамъ людей божіихъ; какъ видно, напр., изъ словъ пѣсни людей божіихъ: «какъ и сталъ онъ *полковникъ* полковой, *красныхъ двушекъ полкомъ полковать*». Казачьи роды и круги обратились въ религіозно-коммунистическіе гаремы—въ круги и радѣнья людей божіихъ. Вообще, возникши отъ «турчаниновъ родомъ» и отъ турецкихъ раскольниковъ татарскаго, запорожскаго и гребенскаго рода, секта людей божіихъ до Селиванова вовсе не имѣла печати скопчества, а напротивъ скорѣе была религіозной пропагандой восточной, гаремной общины. До Селиванова она вполнѣ представляла религіозно-оргическій, восточный, гаремный коммунизмъ. Самъ первый лжепророкъ «турчанинъ родомъ», по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, «водилъ съ собою дѣвицу краснолицу, родомъ русскую», и 12 учениковъ ходили по селамъ и деревнямъ и преимущественно увлекали въ его сборище бабъ ³⁾. Въ донесеніи петербургской слѣдственной комиссіи 1734 года, по поводу открытія гаремныхъ сборищъ людей божіихъ, сказано: «послѣ богослуженныхъ собраній, гдѣ происходили пляски, еретики рѣдко расходились по своимъ домамъ, обыкновенно же ночевали въ домахъ этихъ собраній, въ которыхъ устроено было множество кроватей для приходившихъ на моленье: здѣсь мужчины и женщины предавались гнусному разврату» ⁴⁾. По словамъ

¹⁾ Прав. соб. 1858 г. марта 362—363.

²⁾ Коллинсъ 12.

³⁾ Розыскъ ч. III гл. XVIII, стр. 599.

⁴⁾ П. С. З. IX, № 6613.

Селиванова, родоначальника скопцовъ, до него люди божіи страстно занимались *женскою лѣпностью*, т.-е. увлекались женскою красотой. «Ходить а.—говорить онъ,—по вѣтмъ кораблямъ и поглядѣть, но вѣ женскою лѣпностью перевязаны, то и наровить только, чтобы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть»¹⁾. Какъ вѣ татарскія стихотворенія, мюребы или четырехстишія, вѣ татарскія пѣсни имѣютъ темой женщины и любовь, такъ и многія пѣсни людей божіихъ дышутъ подобными мотивами.

И послѣ, когда Селивановъ возсталъ противъ гаремныхъ соборовъ людей божіихъ и, по словамъ скопческой пѣсни, самъ сталъ онъ «полковникъ полковой красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать»,—старый, тюрко-татарско-казачій гаремный отпечатокъ все-таки сохранился на соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Такъ называемый свальный грѣхъ по общему сознанию самихъ людей божіихъ, совершался почти на вѣхъ радѣньяхъ: въ нѣкоторыхъ корабляхъ свальный грѣхъ бываетъ почти на каждомъ чрезвычайномъ собраніи²⁾. Всякій разъ какъ людямъ божіимъ удастся обратиться въ свою секту, напр., 15 или 16-лѣтнюю дѣвушку,—такъ бываетъ на радѣньи и свальный грѣхъ. Дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особенно устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: «поплясохомъ, покатохомъ на сіонскую гору». Пляска дѣлается живѣе и живѣе и скоро переходитъ въ истое бѣшенство: вдругъ свѣчи гаснутъ, и начинается та сцена, которая называется свальнымъ грѣхомъ. Именно, послѣ бѣшеной пляски люди божіи, погасивши свѣчи, валяются на полъ и любодѣйствуютъ, не разбирая ни возраста, ни родства³⁾, или, по словамъ одной пѣсни скопцовъ, «отъ страстей на бокъ валятся». Пѣсни строгихъ селивановцевъ-скопцовъ исполнены жалобъ на то, что люди божіи и послѣ Селиванова сильно предавались «женской лѣпности». Напр. въ одной пѣснѣ поется:

У насъ батюшки не стало
И теплота у насъ отстала.
А духъ на кругъ вознѣщается
Черезъ пророчески уста:
Избранныя мои дѣти...
Приказъ мой не исполнили
И чистоту свою замарали,
Слабость, *лѣпность* возлюбили,
Вы во вѣишности всегда жили,
И плотямъ своимъ уважали, и проч.

И кромѣ гаремнаго разврата, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ, подъ вліяніемъ учителей ея, «турчаниновъ родомъ» и турецкихъ выходцевъ запорожескихъ казаковъ,—выразились и другіе тюрко-татарскіе оттѣнки. Основные догматы Корана: *вѣра въ пророковъ*, которыхъ у могометанъ считается болѣе 100,000, и *вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу* вполне согласо-

¹⁾ Псал. 79.

²⁾ Объ обществѣ людей божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. стр. 405.

³⁾ Объ обществѣ людей божіихъ. Прав. Собесѣдн. стр. 405—406.

вались и съ вѣрой людей божіихъ и скопцовъ въ своихъ пророковъ и въ такъ называемую *общую и частную судьбу*. Какъ у магометанъ вѣра въ судьбу создала болѣе 100,000 пророковъ,—такъ и у людей божіихъ вѣра въ рокъ, желаніе знать общую и частную судьбу вызвали сотни пророковъ и пророчицъ. «Што рокъ — то пророкъ», — такъ гласитъ одна бѣлорусская поговорка. Далѣе, до Селиванова, люди божіи на своихъ соборахъ, по его словамъ, по татарски—*«не ходили»*. Наконецъ, самая идея скопчества, эта дикая, варварская, анти-физиологическая идея, вредная вездѣ, а тѣмъ болѣе въ холодномъ сѣверномъ климатѣ,—эта идея занесена въ Россію и заронена въ голову людей, подобныхъ Селиванову, съ востока, изъ Турціи. Природная родина скопчества тамъ, на востокѣ, гдѣ и родина полигаміи, многоженства. Скопчество и на востокѣ явилось, какъ фанатическая реакція, оппозиція противъ восточнаго любострастія, многоженства и наложничества. Подъ влияніемъ востока и въ Греціи и Римѣ, во времена язычества, въ противоположность апотеозѣ фаллоса и поклоненію венерѣ, возникло восточно-евнушеское служеніе богинѣ цибеллѣ. Въ Греціи и Болгаріи, въ противоположность турецкому многоженству и гарему, скопчество особенно стало развиваться съ XIV в., какъ видно изъ житія Феодосія терновскаго, писаннаго константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ ¹⁾. Изъ Турціи и Греціи идея религіознаго скопчества занесена въ Россію главнымъ образомъ отуречившимися или «турчанинами родомъ»—запорожскими и гребенскими казаками, жившими въ Турціи. И она привилась тѣмъ легче, что, по восточному умунастроенію финско-русскаго народа требовалось, какъ мы видѣли, чтобъ *все было показано въ натурѣ*,—чтобъ для нравственнаго самоусовершенствованія отсѣкать грѣхъ, такъ сказать, *въ натурѣ же*, нагляднымъ и осязательнымъ образомъ, вмѣсто того чтобы вдаваться въ отвлеченныя толкованія о самоотверженіи, самовоздержаніи и пр. И вотъ, когда одинъ изъ первыхъ лжепророковъ, и «турчанинъ родомъ», и многіе турецкіе расколоучители изъ запорожскихъ или гребенскихъ казаковъ водворили на соборахъ людей божіихъ восточно-турецкій гаремъ,—тогда, напротивъ, Кондратій Селивановъ, крестьянинъ Орловской губерніи, пошелъ распространять въ людяхъ божіихъ восточно-турецкое евнушество, скопчество. И Селивановъ, поэтому, является преобразователемъ, обновителемъ секты людей божіихъ и хлыстовъ. Онъ возсталъ противъ «женской лѣности» — противъ тюрко-татарскаго гаремнаго любострастія и основалъ новую скопческую секту. Скопчество, такимъ образомъ, является какъ бы реакціей или оппозиціей противъ тюрко-татарскаго гаремнаго характера, какой приняли было соборы людей божіихъ до Селиванова. И Селивановъ покушался распространить его не только въ русскомъ народѣ, но и по всему востоку и между татарами. Татарское многоженство онъ постоянно называлъ *зміемъ лютымъ*, подобно тому, какъ въ одной древне-русской богатырской былинѣ и вся татарская орда изображалась подъ образомъ *змія Тугарина* ²⁾. Селивановъ

¹⁾ 1354—1364 г. Чт. М. общ. исторіи 1860 г. 1, матеріал. глав. 1—12.

²⁾ Бусл. I, II.

далъ себѣ задачей, идучи въ Иркутскъ, «побѣдить на востокѣ змѣя лютова, поѣдающа всѣхъ на пути идущихъ на востокъ людей божіихъ и стать во главѣ разныхъ народовъ и племенъ» ¹⁾. И дѣйствительно, послѣдователи Селиванова успѣли распространить скопчество и между нѣкоторыми татарами. Поэтому, когда Селивановъ, на пути въ Сибирь, сталъ было раскаяваться въ томъ, что осконилъ многихъ, и въ томъ числѣ татаръ,—одинъ сибирскій татаринъ или турокъ сильно озлобился на него за то, что онъ скопилъ и ихъ татаръ, и турокъ. «Бѣхавши я дорогою,—говоритъ Селивановъ,—и помыслилъ: напрасно я людей скоплялъ, осконилъ бы я самъ себя, и спасать бы душу! Гдѣ ни взялся турка, схватилъ съ моей головы престолъ и внесъ въ канаву, я за нимъ гнаться и говорю: «Отдай, турка, да отдай же! а если не отдашь, то *разорю всю лѣпость на землѣ, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда турка взялъ, самъ на голову мою надѣлъ и сказалъ: на вотъ, *только насъ не трогай*» ²⁾. Но всего болѣе Селивановъ старался искоренить турко-татарскій гаремъ и «женскую лѣпость на соборахъ и корабляхъ людей божіихъ». Такое возстаніе Селиванова противъ *лѣпости женской* и противъ *старыхъ учителей и пророковъ* сначала сильно вооружило противъ него всѣхъ людей божіихъ. Въ темныхъ массахъ народа зашевелилось чувство недовѣрія къ нововводителю, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ гоненій, которыя въ концѣ концовъ придали Селиванову значеніе гонимаго учителя. Но о гоненіяхъ Селиванова мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.*

¹⁾ Посл. 86.

²⁾ Посл. 82.

III

Селивановъ въ продолженіе своей дѣятельности не разъ встрѣчалъ противо-
дѣйствіе въ средѣ своихъ послѣдователей. Они даже неоднократно по-
пались убить его. Такъ одна дѣвица лже-пророчица хотѣла убить его
инемъ, а братъ ея до 6 разъ стрѣлялъ въ него ружьемъ, но не могъ за-
ѣлнить. «А послѣ онаго, — пишетъ Селивановъ, — возстали на меня все
ѣи люди, возненавидѣли чистоту мою, и жаловались учителю своему,
року Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко, и онъ про чистоту
ю въ духѣ пѣлъ, а такъ ненавидѣлъ, и, призвавши меня, говорилъ: «на
бя все жалуются, что ты людей отъ меня отарашаешь»; а я ничего не го-
вилъ и все молча былъ, но онъ сказалъ: «вишь какой ты, даромъ, что
лчишь; смотри опасайся!» А мнѣ въ то время пристать было негдѣ, по-
лу что все меня погнали. А на крестъ меня отдали іудеямъ божіи люди» ¹⁾.
и, несмотря на такіа гоненія, Селивановъ мало-по-малу одержалъ верхъ
дѣ всеми лже-пророками и лже-пророчицами, и всѣхъ привелъ къ себѣ,
своему ученію, и такимъ образомъ восточный гаремъ людей божіихъ
образовался въ восточную, турецко-евнушескую секту скопцовъ. Вотъ
къ онъ самъ описываетъ, какъ онъ ходилъ по всѣмъ соборамъ и кора-
мъ людей божіихъ и приводилъ ихъ въ свою скопческую секту: «По-
рой землѣ страствуя ходилъ я, и чистоту свою всѣмъ явилъ, на коло-
ьню всходилъ, и одной рукой во все колокола звонилъ, а другой
іранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ гово-
гъ: Пойдите мои вѣрные, избранные со всѣхъ четырехъ сторонешекъ,
те на звонъ и на жалостный гласъ мой трубный, выходите изъ тем-
о лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй, бѣгите отъ своихъ
ювъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей, возьмите съ собою только одѣ-
ни, плачущіяся въ тѣлѣ вашемъ! На сей мой жалостный гласъ и на
юкольный звонъ нѣкоторые стали отъ сна пробуждаться, и головы изъ
обовъ поднимать, и изъ моря на верхъ выплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ
иходить; а я тогда имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому что
могъ нигдѣ головешки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ
асто перемѣнять платья на себѣ. Однажды, не живши и не ѣвши, си-
гъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую напаль; да во рани былъ и
ягъ сутокъ, отчего, очень утомившись, легъ и заснулъ; а проснулся,
увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ, и на меня глядитъ; но я ска-
зъ: поди въ свое мѣсто! и онъ послушался меня и пошелъ. А потомъ я
кивалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пища была со мною только

¹⁾ Т. е. они выдали его въ руки полиціи. Посл. 75.

одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по ложечкѣ въ сутки. Но послѣ онаго перешелъ я къ божьему человѣку, но и тутъ на меня доказали, и пришли за мною съ обыскомъ; меня же тогда спрятали и завязали въ пеньковый снопъ; а которые искали, сказали хозяину: что у тебя это какой большой снопъ? А я велѣлъ хозяину пробѣжать позади двора, въ полѣ лечь. Послѣ того еще меня искали, а я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожъ у божьяго человѣка; мнѣ дѣваться было некуда, велѣлъ покрыть себя свинымъ корытомъ; и тутъ меня отецъ мой покрылъ, и не нашли. И еще когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ итти въ село Тифинь, на ярмарку, и стихи пѣть, а братъ мой, Мартинушка, меня не пущалъ, и говорилъ Мартинушка: смотри, братъ, встрѣчай меня! И пришелъ я на ярмарку, а на оной стоялъ полкъ солдатъ, и у меня было три сумки: двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третью, а самъ себѣ думаю: тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ большою добычею; и пошелъ къ солдатамъ просить милостыни: но они меня схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали и крѣпко караулили, а начальникъ имъ говорилъ: не вѣрьте, онъ уйдетъ, и остригите ему половину головы! Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головушки! Наступила ночь, и солдаты все легли вокругъ меня, а я шибко захрапѣлъ, будто бы уснулъ, а солдаты промежду себя и говорятъ: Этакъ старичокъ намаялся, тотчасъ уснулъ; потомъ и они все заснули, а я, взявши, головушку свою тряпочкой обвязалъ, и чрезъ нихъ перепрыгнувши, и ушелъ въ рожь, а они меня хватились и закричали: Бѣжалъ, бѣжалъ! да и негдѣ взять; только, однако, было: гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожь шаталась, а они и говорятъ: если ишкомъ бѣжать, не догонишь, а на лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь; а бѣжалъ я двадцать пять верстъ, все рожью да рѣчками, и еслибы я вышелъ на большую дорогу, то меня бы тамъ схватили, потому что у меня полголовы было острижено; и такъ я стороною бѣжалъ къ братцу своему, Мартинушкѣ, и постучался подъ окошкомъ, а онъ выскочилъ, обнялъ меня крѣпко и сказалъ: о, братецъ, братецъ, говоритъ я тебѣ, чтобы ты не ходилъ! А я ему сказалъ: о, что же? я славу Богу!—А гдѣ же тебѣ полголовы остригли? Но я ему отвѣчалъ: а тебѣ сказать, что прійду, а волосы вырастутъ, объ этомъ не тужи. Но онъ меня весьма крѣпко любилъ и во всемъ беретъ, я былъ молчаливъ и несмѣлъ: такъ куды мы съ нимъ поидемъ, и гдѣ намъ дадутъ блинковой, то онъ меня все кормилъ, и подкладывалъ, и говорилъ: На, ѣшь, да ѣшь же! а я молчалъ, кушалъ, и мы съ нимъ ходили по божьимъ людямъ. Въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по невинности, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, такъ и окаменѣла у нея рука; а я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ оныхъ трое сутокъ, и не шилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ и просилъ Отца Небеснаго: о, Отецъ мой Небесный! заступись за меня сироту, и поддержи подъ своимъ покровомъ! И Отецъ мой за меня вступился, и она видѣла во снѣ, что ее ангелы наказывали жезлами, и всю ее избили, и велѣли просить у меня прощенья, и сказали: если онъ тебя не проститъ, то все будетъ тебѣ такое мученіе. Тогда она у меня просила прощенья, и говорила: прости меня.

что я дерзнула поднять на тебя камень, и видѣла я во снѣ, что меня ангелъ жезломъ наказывалъ, и все кости у меня изломаны и болятъ, и онъ велѣлъ мнѣ у васъ просить прощенья; если вами прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану; тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу; въ каждый праздникъ, когда я прійду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ, но ружье, по промыслу Божію, не выстрѣлило ни одного разу. А послѣ онаго возстали на меня все люди божьи... Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ божьему человѣку, Аверьяну, и, пришедши къ нему, говорилъ: любезный Аверьянушка! не оставь меня, сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестры своей; чтобъ никто не зналъ; пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ; и онъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ, и я ему объявилъ о чистотѣ; но онъ сказалъ: боюсь, чтобъ не умереть. Но я ему говорилъ: Не бойся, не умрешь, а нче воскресишь душу свою, и будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь какъ на крыльяхъ летать, духъ къ тебѣ преселится, и душа твоя обновится; пойдѣ къ учителю своему, пророку Филимону, и онъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ твоёмъ домѣ тайно самъ богъ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ, кромѣ тебя; который и пропѣлъ ему все то самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ мнѣ повѣрилъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту, и, по приказанію моему, объявилъ посестрѣ своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что самъ богъ живетъ у насъ въ домѣ тайно, и я его принялъ. Еще въ одно время былъ я въ кораблѣ у матушки своей, Акулины Ивановны, у которой было вольныхъ людей тысячу человѣкъ; у нея была первая и главная пророчица, Анна Романовна; она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославилась; и зная объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить, или нѣтъ? И если кому она велитъ сѣять хлѣбъ, или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ. А какъ я вступилъ въ соборъ, и она тогда ходила въ словѣ, и людей было восемьдесятъ человѣкъ: вдругъ вся встрепенулась и, оборотясь ко мнѣ, говорила: самъ богъ пришелъ; теперь твой конь бѣлъ и смиренъ. Взявши крестъ, ходила по порядку по всемъ въ соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до меня послѣдняго, потому что я садился завсегда у самаго порогу и за порогомъ, былъ нѣмъ и не слышенъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ, и отдала мнѣ, и говорила потомъ пророкамъ: Ступайте на округу, и угадайте, у кого богъ живетъ! Тогда пророки пошли и искали по себѣ и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала: дѣя чего-жъ вы меня, бога, не нашли, гдѣ я пребываю? Взяла у меня крестъ и показала всемъ: вотъ гдѣ богъ живетъ! и всемъ оное сдѣлалось противно и злобно. Поэтому велѣла она выдвинуть на середину собора сундукъ, и сѣла на оный

крѣпко, и меня возлѣ себя посадила и говорила: ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оныя спрашивать, но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками. Но въ одно время, взявши она меня въ особую горницу и сказала: Что, я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! и посидя, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: дай-ко я приведу тебя снова самое! Но она, не слышавши отъ меня словъ, удивясь оному, сказала: ахъ, и ты говоришь! Что мы никогда не слыхивали, чтобы ты съ кѣмъ говорилъ? И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я испугался, будто бы богъ мой ничего не знаетъ; взялъ, подунулъ на нее своимъ духомъ, и она, какъ отъ сна, пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: О, Господи! что такое съ мною случилось? О, куды твой богъ великъ! Прости меня! взяла и приложилась ко кресту и говорила: Ахъ, какъ, что я про тебя видѣла! А я сказалъ: что такое видѣла? Скажи, такъ и я тебѣ скажу! И тогда она мнѣ стала рассказывать, что отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ провѣстить, что я богъ надъ богами, пророкъ надъ пророками. Тутъ я ей сказалъ: это правда; смотри же, никому объ ономъ не говори, а то плоть тебя убьетъ. Но всего моего похождения, и страдѣній не можно перомъ описать, скажу вамъ о возлюбленномъ сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ, который былъ мнѣ вѣрный другъ и великій помощникъ, что нѣтъ мнѣ нынѣ таковаго помощника, и нигдѣ не могу избрать. ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, и ни въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такого, каковъ былъ онъ: онъ, по благословенію моему, пошелъ въ ночь озарить тьму темничнымъ заключеніемъ и страданіемъ; а я, по благословенію Отца своего Небеснаго, пошелъ на востокъ, освѣтить всю вселенную и истребить въ божьихъ людяхъ всю лѣность, и побѣдить змѣя лютова, поядающа всѣхъ на пути идущихъ моихъ дѣтушекъ. И когда я пошелъ въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одною печатью; и какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатями. И тутъ мнѣ стали говорить и просить: Показки намъ товаръ свой! но я имъ отвѣчалъ, что не покажу, сами догадывайтесь! Я товаръ свой добывать все трудами своими, свѣчи мнѣ становили по плечамъ и по бокамъ все дубинками, а свѣтильники у нихъ были воловыя жилы, а на крестъ меня отдали іудеямъ божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣшницы. Оедосыи Іевлевны, въ домѣ: она меня приняла, а свои люди не приняли, и доказали и привели въ домъ ея солдатъ; однако она не оробѣла; и приходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрятанъ въ подполье; а послѣ этого мои людишки и сказали солдатамъ и офицерамъ: пойдите въ третій разъ и найдемте его, и отдадимъ вамъ въ руки на

уки; и, приведши ихъ, говорили: берите! онъ здѣсь, въ подпольѣ; которые выломали полъ и вытащили меня за волосы. И тутъ меня били всѣ, го чѣмъ попало, безъ всякой пощады, поясокъ и крестъ съ меня сняли, руки назадъ связали, и назадъ гири привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши, и со всѣхъ сторонъ ружьями римкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, какъ что чуть не закололи; привезши въ Тулу, и посадили меня на стулъ, одпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на чагахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки рое, которые на меня доказали, и которыхъ поутру хотѣли бить летьми», и т. д.

Такъ мраченъ этотъ восточно-азиатскій лабиринтъ, гдѣ заблуждалась доселѣ заблуждается темная масса такъ называемыхъ людей божіихъ, лыстовъ и скопцовъ, а съ ними и большая часть народа. И пусть бы только простой народъ вступалъ въ это дикое общество, но въ немъ принимали участіе и лица высшаго сословія, получившіе образованіе въ реднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ напр., въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по слѣдствію открылось, что въ обществѣ симбирскихъ скопцовъ частновали, между прочимъ, статскій совѣтникъ Еланскій, майоръ Ефимовъ, капитаны Самойловъ и Степановъ, штабсъ-капитаны Сазоновичъ и Левѣровъ и многіе другіе. Тьма непроглядная обступала это общество, неоткуда было пробиться въ его среду ни одному свѣтлому лучу азума.

Отвсюду съ востока, и отъ финскихъ племенъ, и отъ тюрко-татарскихъ ародовъ, и изъ Византіи, нахлынула мгла суевѣрій и заблужденій на апшъ бѣдный, темный народъ. Не съ запада, а съ востока онъ ожидалъ вѣта жизни...

Селивановъ пошелъ на востокъ—обратить въ скопчество разныя племена и народы. И скопцы вѣрятъ и теперь, что родоначальникъ ихъ пришелъ съ востока, съ иркутскихъ горъ въ Россію, расположится въ Москвѣ, въ мощной силѣ, на бѣломъ, духовно-разсуждающемъ конѣ, въ *главъ разныхъ народовъ и племенъ скопцовъ*, и пойдетъ распространять скопчество аже на западѣ, по всѣмъ землямъ французскимъ» ¹⁾. И чего же дождутся ги темные люди съ востока? И кто же и когда же обратить ихъ къ вѣту запада? Наша неподвижная исторія, вѣроятно, еще долго не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Но прошедшая исторія нашего народа давно ясно оказала, отчего онъ такъ страшно заблуждался, чего онъ искалъ, ищетъ не можетъ найдти, и заблуждается въ мрачномъ восточно-азиатскомъ лабиринтѣ, и гдѣ его искомое, и въ чемъ оно состоитъ.

Во-первыхъ, исторія ясно доказала, что народу нужно знаніе коновъ природы, нуженъ ключъ къ естественной экономіи. Для этого-то му и нужны были сначала вѣдуны, волхвы, знахари, которые бы знали

¹⁾ О великорусскихъ безпоповщ. раскол. въ заавк. соч. В. С. Толстова въ Чт. общ. Ист. ст. 52

и открывали ему всё тайны природы и жизни. Прежде всего народу особенно нужно было знаніе метеорологических условій русской земли, такъ какъ онъ почти исключительно занимался земледѣліемъ, повсюду водворялъ земледѣльческую колонизацію, «куда, по его словамъ, ходилъ топоръ, ходилъ плугъ, ходила коса и соха». Многовѣковая, часто горькая, *страдавшая* практика земледѣлія показала ему, что значить природа въ дѣлѣ земледѣлія. И монахъ тревожно отмѣчалъ въ лѣтописяхъ русской исторіи тѣ метеорологическія явленія, которыя особенно ощутительно отзывались на народномъ хозяйствѣ. До XVI вѣка лѣтописцы, по случаю неурожаевъ, записали въ лѣтописяхъ до семи страшныхъ засухъ, когда, по ихъ словамъ, «было ведро вельми, изгарала земля, многіе боры изгарались сами, ключи и болоты высыхали», до тринадцати несвоевременныхъ морозовъ и снѣговъ въ лѣтнее время; до четырехъ случаевъ необыкновенныхъ проливныхъ дождей, лившихъ въ теченіе цѣлаго лѣта, когда крестьяне «рикей не сѣли, и хлѣбъ въ поляхъ и трава сгнивала»; нѣсколько страшныхъ бурь, срывавшихъ хоромы и деревья съ кореньевъ, и даже будто бы уносившихъ людей и животныхъ; нѣсколько градобитій большихъ и обильныхъ. Были годы поразительные въ метеорологическомъ отношеніи. Напримѣръ, въ 1303 году «зима,—говоритъ лѣтописецъ—была тепла, не было снѣга во всю зиму, и не добыли люди хлѣба». «Въ лѣто 1485 года, говоритъ лѣтописецъ,—съ осени палъ снѣгъ на талую землю, и потомъ были морозы, и зима вся бѣше тала, и по мхамъ и по болотамъ грязи люты, и подъ снѣгомъ подирѣлъ корень ржаной, и по велицѣ дни (послѣ Пасхи) было ведро и солнечно, а потомъ студенно и мокро, слякоть съ морозомъ, и померзъ вышедшій ржаной корень, и бысть черна земля, и потомъ не бысть дождя до Петрова заговѣнья» ¹⁾. Какъ же народу земледѣльческому не дорого было знать всё эти метеорологическія условія русской земли? Отъ нихъ приходилось общимъ числомъ по 14 большихъ неурожаевъ на каждое столѣтіе, считая лишь только записанные въ лѣтописяхъ неурожаи. А темный народъ, между тѣмъ, не зналъ этихъ метеорологическихъ тайнъ природы.—и вотъ ему нужны были вѣдуны, знахары, которые обманомъ своимъ замѣняли для него научное знаніе и морочили его предсказаніемъ тѣхъ или другихъ, важныхъ въ земледѣльческомъ отношеніи, атмосферическихъ перемѣнъ—дождя, засухи, града, ранняго или поздняго инея, урожая или неурожая хлѣба и т. п.

Во-вторыхъ, народу крайне нужно было знаніе природы человѣческой, знаніе условій здоровья и болѣзней. Практически, жизненно необходимы были всё существенныя знанія физиологическія, анатомическія, гигиеническія, медицинскія и проч., потому что его часто одолѣвали, мучили и губили разныя болѣзни. Моровыя повѣтрія, эпидеміи страшно опустошали уѣзды и волости: изъ 200 дворовъ совершенно вымирали жители 90 и 100 дворовъ. Часто страдалъ народъ отъ болѣзней гемораидальныхъ, упоминаемыхъ въ старину подъ разными наименованіями: головной боли, теченія крови, заноровъ, боли въ спинѣ и т. п. Нерѣдки были нервныя

¹⁾ Исторія Рос. Рос. Карамзина IV, 200, прим. 158, 159.

болѣзни—эпилептическія, каталептическія, истерическія припадки, которые приписывались большею частію порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, и носили разныя народныя имена, какъ напримѣръ: камчюгъ, френъчугъ, болѣзнъ умоу, бѣснованіе, расслабленіе, трясеніе, икота и т. п. Какъ особенныя болѣзненные случаи упоминаются въ старину: каменная болѣзнъ, отека, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шелуди и проч. ¹⁾ Какъ же, опять, народу не дорого было знаніе свойствъ всѣхъ этихъ болѣзней, способовъ ихъ леченія, знаніе силы травъ, кореньевъ и другихъ лекарственныхъ произведеній природы, которыми бы онъ могъ излечиваться отъ своихъ губительныхъ недуговъ. А онъ не имѣлъ этихъ жизненныхъ знаній,—и вотъ ему нужны были знахари, вѣдуны, нужны были ихъ зелейники, травники, лечебники, заговоры и заклятія. Словомъ, народу крайне нужно было знаніе законовъ природы внѣшней и законовъ природы человѣческой. А у него и тѣни этихъ знаній не было. И вотъ онъ вѣрилъ вѣдунамъ, знахарямъ, и даже финскимъ кудесникамъ: у нихъ искалъ онъ разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ жизни и природы. Но не удовлетворили и вѣдуны, знахари — этого инстинктивного умственного запроса народной пытливости. Народъ сталъ даже примѣчать обманъ и шарлатанство въ ихъ предсказаніяхъ, сталъ иногда не вѣрить имъ, потому что они не раскрывали ему тѣхъ таинственныхъ силъ и законовъ, которые такъ могущественно владычествовали надъ его жизнью и смертью и надъ его скуднымъ хозяйствомъ. Тайна воздуха, дождя, града, снѣга, инея, засухи, мороза, урожая и неурожая для него попрежнему оставалась тайной. Голодь отъ неурожая въ попрежнему губилъ народъ. Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по прежнему, часто бывали убійственныя засухи, и въ томъ числѣ 6 или 7 засухъ было необыкновенныхъ, почти повсемѣстныхъ. Градь по-прежнему непредвидѣнно опустошалъ поля. Въ 1843 году, начиная съ мая мѣсяца и до сентября, было 326 градобитій въ 250 уѣздахъ разныхъ губерній. Въ 1844 году опять случилось 215 градобитій, которые уничтожили всходы, посѣвы и самую солому хлѣбовъ на пространствѣ 181,035 десятинъ. Въ 1845 году опять былъ градь въ 34 губерніяхъ и истребилъ въ теченіе мая, іюня, іюля и августа почти всѣ произраставшіе злаки и растенія на пространствѣ 118,222 десятинъ. Въ 1851 году градь въ 16 губерніяхъ обратилъ въ бесплодную пустыню пространство въ 40,000 десятинъ, засѣянныхъ хлѣбомъ. И страшныя для народа извѣстія о неурожаяхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ были чаще, чѣмъ прежде. Наприм. въ XV столѣтіи насчитывается до 18 неурожаявъ, въ XVI—до 11, въ XVII—до 12 неурожаявъ, а въ XVIII столѣтіи до 34; въ XIX столѣтіи, въ одну первую половину, было до 39 неурожаявъ. Такъ, благодаря газетамъ, страшныя для народа извѣстія о неурожаяхъ увеличивались и быстро распространялись, а знаніе окружавшей его природы и естественныхъ явленій по прежнему оставалось недоступнымъ для народа ²⁾.

¹⁾ Костомаровъ о великор. народѣ. 101.

²⁾ Историч. и статистич. обзоръ неурожаявъ въ Россіи, въ трудахъ Географ. Общ. кн. III, стран. 465—496.

Болезни также, по прежнему, одолевали народъ. Появлялись даже новыя, страшныя и опустошительныя болѣзни, какъ наприм. сифилитическія ¹⁾. Въ XVIII столѣтіи сифилитическая зараза—какъ говоритъ императрица Екатерина въ своемъ «Наказѣ»,—заражала и опустошала цѣлыя деревни и волости. Однимъ словомъ, природа такъ непредвидѣнно и жестоко карала темный народъ почти на каждомъ шагѣ его жизни и хозяйства, что ему нужна была особенная раціональная предусмотрительность: необходимо было предварительное естествоиспытательное предузнаніе всего того, что можетъ быть и что будетъ въ природѣ: необходимо было такое знаніе физическихъ силъ и законовъ, на основаніи котораго онъ могъ бы математически вычислять и предузнавать всѣ неизбѣжныя явленія въ природѣ, такъ ощутительно и ежедневно отзывающіяся на его здоровьи и благосостояніи. А такое знаніе и немыслимо было для народа. И вотъ ему нужны стали пророки или пророчицы, новыя вѣдуны, знахари тайнъ природы. Не нашелъ онъ въ прежнихъ языческихъ вѣдунахъ и знахаряхъ инстинктивно искомаго знанія, разуверился въ ихъ способности предвидѣть, предсказывать и предотвращать разныя физическія бѣдствія и, въ частности, метеорологическія условія урожаявъ или неурожаявъ, физическія причины удачи или неудачи промысловъ, болѣзней и т. п.—и пошелъ къ новымъ, христіанскимъ волхвамъ, вѣдунамъ и шаманамъ,—къ пророкамъ людей божіихъ и скопцовъ; онъ думалъ у нихъ найти этотъ даръ метеорологическаго всевѣдѣнія, даръ пророческаго естествознанія. Но пророки людей божіихъ и скопцовъ—эти новыя «великіе волхвы», такъ же обманываютъ темный народъ, какъ и прежніе вѣдуны, волхвы и знахари: также морочатъ его, предсказывая ему, когда будетъ засуха, дождь, градъ, снѣгъ, иней, морозъ, родится или нѣтъ хлѣбъ, здоровый ли будетъ годъ для скота и для людей, и не будетъ ли какого мороваго повѣтрія и болѣзни и т. п.

Въ частности народу крайне необходимо было знаніе, какъ физиологія человѣческой природы вообще, такъ въ особенности физиологіи брака, гігіены половыхъ отношеній и т. п. Незнаніе физиолого-гігіеническихъ законовъ половыхъ отношеній было причиною того, что въ народѣ нашею искони господствовала, и доселѣ большею частію господствуетъ вопіющая неправильность въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, и развратъ часто принималъ самыя противоестественныя формы и проявленія. Напримѣръ, сплошь и рядомъ бывають браки самыя негігіеническіе: больные разными заразительными и наслѣдственными болѣзнями, въ родѣ сифилиса, золотухи, чахотки, сѣумасшествія, и т. п., вступаютъ въ бракъ, заражаютъ другъ друга, и порождаютъ болѣзненное, чахлое, гнилое, идіотическое поколѣніе. А прежде, при восточномъ затворничествѣ невѣстъ до брака, какъ часто заключались браки между лицами съ разными физическими недостатками и уродливостями. Передъ появленіемъ секты людей божіихъ и скопцовъ, въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, да и послѣ,—половыя отношенія сплошь и рядомъ были до возмутительности не-

¹⁾ Съ XIX вѣка.

естественныя и антигигіеничныя, даже помимо разнообразных проявленій содомства, онанизма: женились, напимѣрь, весьма рано, на 12 и 13 году, женились въ близкихъ степеняхъ родства ¹⁾, или, по словамъ московскаго патріарха Филарета, «поимали за себя въ жены въ сродствѣ, сестры свои родныя и двоюродныя, а иныя и на матери своя и на дочери блудомъ посягали, и женились на дочеряхъ и на сестрахъ» ²⁾. Невѣжество причиняло женщинамъ страшный вредъ при самомъ дѣторожденіи, и тѣмъ многихъ изъ нихъ отталкивало отъ замужества и заставляло предпочитать скопчество. Напимѣрь, одинъ казанскій городской врачъ говоритъ: «повивальная бабушка, или грязное, отвратительное корыстолюбіе — одно и то же». И въ самомъ дѣлѣ, чтобы напиться чаю или съѣсть чужой обѣдъ, бабушка не посовѣстится изуродовать женщину и ожидаемаго младенца, а быть можетъ и все поколѣніе, могущее быть въ послѣдствіи; обыкновенно, эксплуатація, особенно перворождающей, начинается съ того, что бабушка послѣ перваго изслѣдованія дѣтородныхъ органовъ говоритъ, что матка не на мѣстѣ, слѣдовательно является необходимость ея править и длинная перспектива жить на чужой счетъ и за свою вредную работу получить еще сверхъ того вознагражденіе. Вслѣдствіе частаго правленія грубыми мозолистыми руками обыкновенно бывають преждевременные роды. Но это еще ничего не значитъ въ сравненіи съ варварскими операціями во время самыхъ родовъ. Въ числѣ операцій, наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе употребляемыхъ въ этомъ родѣ, извѣстны двѣ: 1) бабка становится на животъ роженицы и мнетъ его ногами; 2) когда это не поможетъ, то бабка беретъ роженницу за ноги, кладетъ ихъ себѣ на плечи, и начинаетъ трясти бѣдную женщину внизъ головою, чтобы такимъ образомъ высвободить младенца. Обыкновенныя послѣдствія такого обращенія влекутъ за собою болѣзни половой сферы и часто безплодіе послѣ первыхъ родовъ. Что подобные случаи не рѣдкость, не несчастная случайность, достаточно сказать, что въ теченіе 8 мѣсяцевъ пять такихъ случаевъ были извѣстны городскому врачу небольшого города въ Казанской губерніи ³⁾. Далѣе, вслѣдствіе физиологической аномаліи въ половой сферѣ и въ половыхъ отношеніяхъ, господствовали въ нихъ и нравственная неправильность и крайняя недостаточность, неразвитость умственнаго самообладанія въ половыхъ влеченіяхъ. До Петра Великаго браки заключались, обыкновенно, безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, по деспотическому произволу родителей и нерѣдко даже по приказанію начальства и высшихъ чиновъ, — и оттого въ семействахъ происходили разладъ, развратъ и безнравственность. Въ 1693 г. патріархъ Адріанъ свидѣтельствовалъ, что браки заключаются безъ согласія вступающихъ въ бракъ, «отъ чего житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно». Церковные правоучители, начиная съ XI вѣка, и особенно въ XVII столѣтіи, вопіяли

¹⁾ Древн. росс. Вивліюника ч. XV, стр. 384—386. Грам. и акты Ряз. кр. 131. А. Э. IV, стр. 62 и др.

²⁾ Собр. Госуд. Грам. ч. III, № 60.

³⁾ Казан. губ. стр. 189.

безпрерывно и громко, что по праздникамъ происходить особенно возмутительный и грязный развратъ, на игрищахъ совершалось обыкновенно «и мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе, женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе и дѣламъ растлѣніе»¹⁾. Мужчины и женщины не стыдились ходить публично нагими, а женщины нахально дотрогивались до молодежи и возбуждали ихъ страсть словами самыми пошлыми, сальными, грязными²⁾. Все это не могло не возмущать естественнаго и нравственнаго чувства и въ самомъ простомъ народѣ. И вотъ, удивительно то, что многіе, вслѣдствіе того, пустились въ другую, столь же неестественную и безнравственную крайность — въ скопчество. Ересъ скопческая, въ этомъ отношеніи, является уродливой, неестественной, антифизиологической реакціей противъ уродливыхъ, неестественныхъ, антигигіеничныхъ и безнравственныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ. Она проповѣдуетъ удаленіе мужскаго пола отъ женскаго, и даже уничтоженіе, истребленіе самой физиологической способности взаимнаго влеченія, совокупленія и плодородія обоихъ половъ. Когда мы спросили въ Туруханскѣ одного сосланнаго туда довольно начитаннаго скопца, родомъ повгородца: «для чего скопцы скопятся?» онъ отвѣчалъ: «а скопимся мы потому, что дѣти грѣха умножились, что мужья и жены, мужчины и женщины находятся въ неправильныхъ отношеніяхъ между собою. Мужъ съ женой не знаютъ одного, опредѣленнаго времени для совокупленія, тогда какъ и у животныхъ есть въ этомъ случаѣ опредѣленность. При недостаткахъ происходитъ между ними разладъ, ссоры, и т. п. Похоть плоти, во взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, порождаетъ нравственный хаосъ. Молодость отъ нея вѣтренна, нисколько не владѣетъ собою. Сѣмянстеченіе порождаетъ нечистоту. Наконецъ, венерическая болѣзнь сѣждаетъ свѣжую молодость, порождаетъ болѣзненное, гнилое потомство, возбуждаетъ отвращеніе. При оскотленіи ничего этого не бываетъ, и человѣкъ къ труду прилежнѣе и въ трудѣ не разсѣянъ. При скопцахъ и женщинамъ легче. При евнухахъ турецкихъ, — женамъ турецкихъ шаховъ и хановъ легче. При оскотленіи совѣсть чиста, не обуеваютъ страсти, труда больше». Откуда происходитъ такой противоестественный, анти-физиологическій взглядъ на половыя отношенія? Очевидно, главнымъ образомъ отъ незнанія физиологій и гигіены этихъ отношеній. Не зная физиологій зачатія и рожденія человѣка, скопцы думаютъ, что человѣкъ есть плодъ самыхъ нечистыхъ, грязныхъ веществъ. Селивановъ говоритъ: «душа человѣка взята отъ сердець самага Бога Саваофа, а взятъ человѣкъ изъ самага гнуснаго сѣмени и непроходимоу грязн»³⁾. Такія мысли внушали народнымъ грамотникамъ и древнія церковныя поученія. Напримѣръ, въ одномъ древне-русскомъ словѣ о постѣ и составѣ человѣческаго тѣла сказано: «то помыслите и разгадайте, чего

¹⁾ А. А. Э. III, № 264 и мн. др.

²⁾ Оларіи говорятъ: Nous avons vu à Moscou des hommes et des femmes sortir des étuves publiques tout nus de s'approcher de notre jeunesse, et exciter leur passion par des mots sales et lascifs... Voyages p. 214. Кошихинъ стр. 44. 92.

³⁾ Посл. 87.

въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ—огнь, зима, глисты, черви и проч.» ¹⁾. Не зная великаго закона естественнаго подбора, не безъ цѣли создающаго и женскую красоту, и по словамъ Дарвина, даже въ животномъ царствѣ обуславливающаго половой подборъ, половыя симпатіи къ тѣмъ или другимъ физическимъ качествамъ или своеобразнымъ формамъ половой красоты, не зная физиологическихъ законовъ и условій усовершенствованія и вырожденія человѣческаго рода,—скопцы въ женской красотѣ видятъ нечистую, сатанинскую силу, а не существенный атрибутъ и служебную силу естественнаго подбора природы и физическаго усовершенствованія человѣческаго организма. Селивановъ учитъ людей божіихъ: «ненавидитъ душа моя *женской лѣности*, какъ лютаго змѣя. Храните дѣвство и чистоту, а чистота есть прежде всего удаленіе отъ женской лѣности. Удаляйтесь *злой лѣности* и не имѣйте братья съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отчего происходитъ уже лѣность: ибо она, какъ камень магнитъ, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣность, по врожденному свойству своему, каждаго, близко обращающагося брата съ сестрою, привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко молъ точитъ и поядаетъ всю добродѣтель» ²⁾. Вслѣдствіе такого понятія, въ закавказскомъ краѣ копцы для богомолья сходятся отдѣльно отъ скончихъ, считая грѣхъ самомалѣйшее прикосновеніе, даже нечаянное, скопца къ скончихѣ, такъ что если скопецъ обращается за-просто съ своею женою, съ другою скончихою, или съ постороннею женщиною, то подвергается упреку, выражаемому словомъ «*лѣность*». Въ подтвержденіе обязанности удаленія скопцовъ отъ скончихъ приводятъ изъ священнаго писанія стихъ: «*стоятъ будутъ на Сионъ горѣ 144 тысячи, иже съ женами не осквернишася*» ³⁾. На просьбу пояснить слова писанія «плодитесь, множитесь и наполняйте землю»,—скопцы говорятъ, что подъ словомъ «плодитесь» подразумѣвается «скопляйтесь», а «множитесь и наполняйте землю» значитъ, чтобы скопцы умножились до того, чтобы могли наполнить землю. О пресѣченіи рода человѣческаго скопчествомъ, копцы полагаютъ, что люди, рожденные отъ грѣха, не могутъ принять всѣ скопчество, а одни предназначенные, избранные самимъ Богомъ; поэтому родъ человѣческій никогда не можетъ пресѣчься, потому что мало кому дано быть скопцемъ ⁴⁾. Наконецъ, не понимая той простой истины, что весь корень зла и неправильности половыхъ отношеній лежитъ вовсе не въ половой сферѣ человѣческой, а въ неразвитости головного мозга, въ неразвитости мозговой, умственной силы нравственнаго самообладанія,—скопцы фанатически смотрятъ на самую половую сферу человѣка, какъ на органы сатанинскіе, нечистые. Отсюда-то и происходитъ этотъ ужасный, фанатическій, противо-естественный актъ скопленія, или, какъ копцы говорятъ, *облѣнія*, которое у нихъ

¹⁾ Прав. соборѣд. 1858 г. январь сг. 154.

²⁾ Посл. 67—69.

³⁾ Толстова, въ Чт. 58—59.

⁴⁾ Ibidem 64—65.

иногда совершается дважды и бывает полное и неполное. — по ихъ выраженію, *большая и малая печать* ¹⁾. И какая варварская дичь, какое сумасбродство и сумашествіе въ этомъ фанатическомъ обрядѣ скопцевъ! Представьте, напримѣръ, ночное собраніе скопцовъ и скопчихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ зажженными свѣчами, хоть одно изъ тѣхъ собраній, которыя бывали до 50-тыхъ годовъ въ г. Алатырь, въ домѣ мѣщанина Милютинскаго. При дико-вдохновенномъ, восторженномъ пѣніи, вводятъ на соборное моленіе новобранца—*израиля*, и затѣмъ, когда радѣнія скопцовъ доходятъ до изступленія, когда самъ *израиль* приходитъ въ ненормальное, паталогическое состояніе, его выводятъ, среди скачки скопцовъ и заунывнаго пѣнья, въ сосѣднюю комнату и тамъ совершаетъ оскотленіе какой-то старикъ. Затѣмъ кладутъ оскотленнаго на кровать среди комнаты и скопцы и скопчихи, цѣлуясь съ нимъ, привѣтствуютъ его: Христосъ воскрес. Многіе не выносили этой операціи, совершенной ножомъ или бритвою, умирали вскорѣ послѣ оскотленія, а служившіе у Милютинскаго хоронили трупы за садомъ, въ полѣ. Еще болѣе отвратителенъ этотъ уже чисто каннибальскій, антропофагическій обрядъ оскотленія 15 или 16 лѣтнихъ дѣвушекъ, у которыхъ отрѣзанныя груди даже съѣдались на радѣнія ²⁾. И сколько есть еще нелѣпаго, противоестественнаго въ скопчествѣ. Вотъ напримѣръ, чтобы мужинѣ сдѣлаться пророкомъ, онъ долженъ, между прочимъ, *съѣсть высушенное сердце умершаго пророка*, а чтобы скопчихѣ заслужить званіе *мироносицы*, она должна обмытъ умершаго пророка, *этою же водою обмыться сама и выпить остатки воды* ³⁾.

Дикая, антифизиологическая секта скопцовъ какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуетъ, до чего можетъ заблуждаться темная масса, удаляясь отъ природы, нарушая физическіе законы, въ непроходимой дали отъ свѣта естествознанія, и какъ вообще опасно, вредно лишать молодыя простонародныя поколѣнія свѣта естественнаго ученія. Изувѣрская эта секта свидѣтельствуетъ о страшномъ извращеніи человѣческой природы въ приверженцахъ турецко-евнушеской кастраціи. Вообще, всѣ мистико-идеалистскія доктрины суть ничто иное, какъ патологическія, болѣзненныя проявленія нервной системы человѣка. А эта дикая, противоестественная восточно-евнушеская секта есть уже рѣшительное умопомѣшательство. Недаромъ скопцы физически наказываются за свой тяжкій грѣхъ противъ природы. Посмотрите на скопца—это жалкій мертвецъ. Цвѣтъ лица его блѣдный, или желто-синеватый, подъ глазами синія пятна, кожа на тѣлѣ морщинистая, все тѣло вялое, дряблѣе. Въ тѣлѣ скопцовъ недостаетъ надлежащаго количества теплоты, и они чрезвычайно зябки даже лѣтомъ. Голосовой аппаратъ у скопцовъ недоразвитъ или изуродованъ, вокализациа или какая-то уродливо-женственная, характеризующаяся высокими нѣтами, какъ обыкновенно бываетъ у кастратовъ. Вообще, этотъ уродливый, атя-

¹⁾ О первомъ и второмъ оскотленіи, о самомъ процессѣ скопленія, о леченіи ранъ при скопленіи, а также о лицахъ произвождающихъ оскотленіе, см. у Толстова въ *Ист. общ. ист.* 60—62.

²⁾ См. въ Правосл. Собесѣдникѣ объ общ. людей божіихъ.

³⁾ Крыжина, о скопцахъ Симбир. губ. стр. 500—512.

физиологическій типъ людей служить урокомъ, что уклоняться отъ природы безнаказанно нельзя. Иногда подумаешь, дикарь сибирской тайги и гундры безмѣрно превосходятъ ихъ по развитію естественнаго чувства—чувства природы. Когда мы были въ Турханскѣ, къ намъ сошлись разное скопцовъ и пятеро тунгусовъ. Какъ типично, наглядно представились тогда намъ рѣзкій контрастъ дѣтей природы, лѣсовъ и горъ тунгузскаго кребта и этихъ враговъ природы—исчадій турецкаго лже-аскетизма. Тунгусы простодушно говорили намъ своимъ отъ природы мягкимъ, плавнымъ голосомъ, съ легкими жестами рукъ, раскрывая свои думы о природѣ, свои вѣрованія въ нее.

Когда тунгусы, со свойственнымъ имъ дѣтскимъ простодушіемъ, раскрывали намъ свои думы о природѣ,—одинъ скопецъ всталъ, прервалъ ихъ рѣчь, и заговорилъ гордымъ, напыщенно-догматическимъ тономъ: «вѣдь они идолопоклонники, а по нашему надо блюсти—нести чистоту въ небесную высоту». «Пойдемъ, братья»,—сказалъ другой скопецъ, и оба *посолонь* повернувшись, вышли. Когда они ушли, тунгусы, переглянувшись другъ съ другомъ, улыбнулись, и самымъ простосердечнымъ, естественнымъ юморомъ смѣялись надъ скопцами. «Какой это народъ,—говорили они,—прежде ихъ не было здѣсь. Мы боимся ихъ, какъ бы насъ не стали класть (скопить). Если бы такой народъ пришелъ на наши чумы,—бѣда бы была». Такъ и дикимъ дѣтямъ дикой сибирской породы кажется смѣшнымъ, дикимъ и страннымъ такое мрачное явленіе въ жизни русскаго народа—цивилизатора азіатскихъ дикарей, какъ велико-русское скопчество. Да и съ свѣтомъ-то естествознанія, кажется, легче подойти къ этимъ дикимъ дѣтямъ природы, чѣмъ къ какимъ-нибудь скопцамъ. Потому что тѣ гораздо ближе къ природѣ, обращаются въ непосредственной ея сферѣ, живутъ прямо по внушеніямъ природы, вѣрують въ природу, благоговѣють передъ природою. Солнце, каменный утесъ, гигантская сибирская рѣка—вотъ предметы ихъ благоговѣнія, а не скопцы-христы и лже-пророки людей божіихъ. Слѣдовательно, съ дикимъ сыномъ сибирской природы придется прямо толковать о природѣ, о солнцѣ, о каменномъ утесѣ, о рѣкѣ, о звѣряхъ и т. п., а скопецъ заговорить съ вами текстами и непременно вступить въ догматическій туманный споръ.

Но ужели же все въ скопчествѣ мрачно и дико? Ужели не живить его и одно естественное, человѣческое чувство? Да, чуть, чуть только проглядываетъ въ немъ тусклая идея свободы и лучшей соціальной жизни. Массѣ городской столько же нужно было и улучшеніе ея гражданской, соціально-экономической участи, сколько и знаніе тайнъ природы. Не одна природа подавляла, угнетала народъ своими физическими бѣдствіями—насухами, градобитіями, неурожаями, моровыми повѣтріями, и т. п. Подъ этимъ гнетущимъ образомъ тиготѣла и его крѣпостная забитость. А потому, а въ соціальномъ отношеніи, ему нужны были свои демагогическіе пророки-искупители, которые бы раскрыли ему его горемычную долю, *судьбу*. Въ XVIII вѣкѣ, когда крѣпостное рабство достигло крайняго предѣла и произволь грубой силы дошелъ до забвенія всякихъ человѣческихъ отношеній,—масса крѣпостнаго народа судорожно волновалась то тамъ, то

здѣсь, и чаяла искупленія. И вотъ, когда Петръ III-й далъ дворянству грамоту о вольности, и крѣпостной народъ ждалъ и себѣ такой же грамоты о вольности, и когда уже ходили въ народѣ слухи, будто Петръ III-й начерталъ эту грамоту о вольности, — тогда явился, въ одно время съ Пугачевымъ, и также подъ именемъ Петра III-го, Селивановъ. Масса одинаково пошла за тѣмъ и другимъ, чая отъ обоихъ искупленія. «Повезли меня въ Сибирь, — говоритъ Селивановъ, въ то самое время, какъ и Пугачева везли, и онъ мнѣ встрѣтился на дорогѣ: его провожали полки полками, и также везли подъ великимъ конвоемъ, а меня везли вдвое того больше, и весьма строго, и тутъ которые его провожали, за мной пошли, и которые меня везли, за нимъ пошли» ¹⁾. Селивановъ былъ не только проповѣдникомъ скопчества, но выдавалъ себя за покровителя низшей братии. По словамъ его, онъ избралъ себѣ самаго низкаго рода убогихъ подъ свою руку, и возвелъ ихъ на высокую степенъ, а себя облекъ въ нищее одѣяніе и былъ яко убогій человѣкъ ²⁾. Онъ училъ: «я всѣхъ равно почитаю, какъ богатаго, такъ и нищаго, и нищій да Бога сыщеть» ³⁾. Бѣднымъ классамъ народа онъ обѣщалъ обогащеніе, «тогда мои дѣтушки, — говоритъ онъ, были люди бѣдные, но я имъ сказалъ: только храните вы чистоту, то всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ (богатствомъ), всѣмъ васъ Отецъ мой небесный наградить» ⁴⁾. Вообще секта людей божіихъ и скопцовъ, хотя въ странной, мистико-фантастической формѣ, но отчасти выразила на себѣ отпечатокъ тѣхъ грезъ и чаяній, какія въ XVIII вѣкѣ волновали крѣпостное крестьянство. Самозванство простыхъ мужиковъ христами-искупителями, а бабъ богородицами есть повидимому ничто иное, какъ мистическая апотеоза или религіозно-мистическое выраженіе надеждъ униженнаго крѣпостного сельскаго населенія, крестьянина и сельской бабы-крестьянки, грубое, дикое, своеобразное признаніе ихъ человѣческаго достоинства и гражданскихъ правъ. Эту мысль такъ выражаетъ одна пѣсня скопцовъ:

„Дураки вы, дураки.
Деревенскіе мужики!
А и эти дураки
Словно съ медомъ бураки.
А и въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ.“

Такъ часто и картинно изображаемый въ пѣсняхъ скопцовъ судъ, на который будто бы явится Селивановъ судить, — судъ этотъ есть ничто иное какъ созданіе грезъ и мечтаній несвободнаго народа о будущемъ рѣшеніи и улучшеніи его участи. Такъ мечтали и грезили темный крѣпостной народъ, когда ему было особенно тяжело и жутко. Тогда ему нужны были свои лже-христы-искупители. Наконецъ, послѣ вѣковой крѣ-

¹⁾ Поесаніе 83.

²⁾ Поесаніе 69.

³⁾ Поесаніе 71.

⁴⁾ Поел. 82.

достной деморализаціи, послѣ тяжкой *страдной* работы, крѣпостнымъ рабочимъ людямъ нужно было хоть по временамъ вздохнуть свободно, оживиться, возбудиться хоть какой-нибудь моральной надеждой. Англіискія рабочія ассоціаціи съумѣли устроить для своего оживленія и развлеченія клубы, ассамблеи вечернія. А нашъ рабочий народъ ничего этого не зналъ. [вотъ онъ искалъ моральнаго оживленія и возбужденія въ соборныхъ адѣйныхъ людей божіихъ и скопцовъ. Здѣсь, въ многочисленныхъ собраніяхъ мужчинъ и женщинъ, въ торжественныхъ оргіяхъ на ихъ радѣньяхъ, въ ороводныхъ пляскахъ и пѣсняхъ, въ успокоительныхъ пророчествахъ духа-утѣшителя чрезъ пророческія уста],— во всемъ этомъ сектаторы скали себѣ самое возбуждательное моральное оживленіе, или, какъ говорятъ скопцы, *душамъ своимъ воскресеніе и веселіе*. Стало быть, было же что о соблазнительное и привлекательное въ этихъ скопческихъ собраніяхъ, когда въ нихъ вступали и полковники, и капитаны и штабсъ-капитаны. Многихъ, конечно, завлекали на вечернія и ночныя собранія людей божіихъ и скопцовъ эти веселыя гаремныя оргіи, часто кончавшіяся «свальнымъ трѣхомъ», несмотря на скопческій ригоризмъ и нуризмъ Селиванова. *Женская лѣность* брала верхъ надъ *чистотой* Селиванова.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли по возможности со всѣхъ сторонъ одну изъ самыхъ мрачныхъ сектъ въ Россіи, по преимуществу выразившую восточный умственный складъ русскаго народа. Какой же выводъ изъ всего этого? Одинъ только,—именно тотъ, что изолированное, безпомощное умственное состояніе темной массы народа, при восточномъ умственномъ складѣ ея, при возбужденной расколѣмъ предразсудочной народной мыслительности, доводитъ темный народъ до дикаго восточнаго шаманизма и штропоморфическаго идолопоклонства, до анти-физиологическаго тучко-евнушескаго кастратства. Съ другой стороны, въ самыхъ мрачныхъ заблужденіяхъ темной массы, порожденныхъ вліяніемъ восточнаго шаманства и пророчества, въ этихъ шаманско-пророческихъ вѣщаніяхъ о физико-метеорологическихъ и патологическихъ вліяніяхъ на жизнь людскую, о такихъ явленіяхъ природы, какъ морозъ, тепло, засуха, дождь, радъ, снѣгъ, иней, здоровье, болѣзнь, урожай или неурожай, пзобиліе или недостатокъ звѣрей, рыбы, разныхъ минеральныхъ продуктовъ и т. п.; въ тихъ громкихъ, восторженныхъ скопческихъ вызываніяхъ пророческаго духа истины,—высказалось инстинктивное стремленіе знать тайны или законы природы, и судьбы или законы жизни: высказалась насущная, бизненная потребность разъясненія тѣхъ силъ и законовъ природы, которые управляютъ народнымъ хозяйствомъ, здоровьемъ и благосостояніемъ. Значить что же нужно? Нужно, во-первыхъ, чтобы вмѣсто шаманско-пророческихъ собраній народныхъ, скорѣе заводились народо-образовательныя учебныя собранія—реальныя училища; и вмѣсто шаманствующихъ пророковъ и учителей народныхъ, скорѣе выходили бы въ эти народныя учебныя собранія люди рациональнаго естествознанія и естествоиспытанія, которые бы скорѣе разъясняли народу тѣ силы и законы природы, которые дѣйствуютъ на народное хозяйство, здоровье и благосостояніе и своею таинственностью вызываютъ въ народѣ шаманизмъ. Нужно, чтобы вмѣсто

лечебниковъ, травниковъ, громовниковъ и молниковъ, сочиненныхъ простонародными знахарями, скорѣе издавались раціональные, естественно-научные народные громовники—популярныя физико-метеорологическія книги, приспособленныя въ особенности къ сельскому народному хозяйству: раціональные, естественно-научные народные травники—популярныя ботаническія и агрономическія сочиненія, преимущественно о полезныхъ въ хозяйствѣ и культурныхъ растеніяхъ; раціональные естественно-научные лечебники—популярныя гигиеническія и медицинскія руководства; и вообще книги о природѣ, наиболѣе приспособленныя къ физиологическимъ, умственнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ народа. Въ такихъ мрачныхъ заблужденіяхъ нашего простого, рабочаго народа, какъ заблужденія, скорѣе, развивается много элементовъ вредныхъ, противу-естественныхъ, анти-физиологическихъ, враждебныхъ природѣ, враждебныхъ здоровому физиологическому развитію и совершенствованію человѣческой природы, враждебныхъ самому социальному принципу. И тѣмъ, значитъ, скорѣе нужно спасать молодыя рабочія поколѣнія отъ этихъ опасныхъ и вредныхъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что въ секту, на примѣръ, скопцовъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ и другихъ дѣлъ объ нихъ, всего болѣе попадаетъ молодыхъ, неопытныхъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей и дочерей, и послѣ они раскаяваются, но уже поздно. Въ восточномъ умственномъ складѣ нашего народа слишкомъ много раскольничьей наклонности къ умственному отщепенству отъ просвѣщенія, къ удаленію и уклоненію отъ свѣта добрыхъ идей, знаній и открытій. И тѣмъ, значитъ, настоятельно необходима—скорѣе воспитывать въ молодыхъ рабочихъ поколѣніяхъ новый, высшій, европейскій интеллектуальный типъ, воспитывать то умственное доброе направленіе, какое вырабатывается въ рабочихъ ассоціаціяхъ труда и самообразованія. Иначе, большая часть темной массы погрязнетъ или въ восточномъ шаманизмѣ и турецкомъ евнушествѣ, какъ скопцы, или въ буддизмѣ, какъ немояки, или въ мертво-обрядовомъ кантаизмѣ, какъ бѣгло-поповщина. И тогда она можетъ стать впоследствии опаснымъ тормазомъ и сильной массовой реакціей противъ юныхъ ростковъ русско-европейской мысли, противъ всѣхъ лучшихъ стремленій нашего мыслящаго меньшинства. Надобно скорѣе, дружнымъ голосомъ и дружной помощью всѣхъ образованныхъ классовъ, отвѣчать крестьянамъ, начинающимъ заявлять на земскихъ собраніяхъ потребность гимназическаго образованія крестьянскихъ дѣтей. И земскимъ собраніямъ, въ этомъ отношеніи, предстоитъ великая и насущная задача реальнаго, естественно-научнаго просвѣщенія рабочаго земства и чрезъ то естественно-научнаго раціонализированія народнаго хозяйства и возвышенія народнаго благосостоянія. Наконецъ, подъ вліяніемъ раскола, возбудилась народная мыслительность, но мыслительность большею частію предрасудочная, суевѣрная, мистико-фантастическая, и расколъ все болѣе и болѣе эксплуатируетъ ее, увлекаетъ отъ заблужденія къ заблужденію, и большею частію совершенно отдаляетъ ее отъ знанія дѣйствительной народной жизни. Нужно, значитъ, скорѣе дать новую, лучшую, настоящую пищу возбужденной расколомъ народной мыслительности, оторвать ее отъ восточныхъ мистико-фантастическихъ

кихъ лжеумствованій, дать ей реальное направлєніе, ввести ее въ область роды и естествознанія, дать ей въ руководство книгу о природѣ и іональномъ общежитіи и т. под.

Вообще, чтобы избавить народъ отъ всякихъ мрачныхъ, противо-естественныхъ вымысловъ, чтобы освободить его отъ обмана и лжи шаманующихъ пророковъ и расколоучителей,—скорѣе нужно дать молодымъ учимъ поколѣніямъ реальное, положительное образованіе—естественно-чное и соціально-экономическое. Въ сектахъ пророчествующихъ, такъ какъ и вообще въ сектахъ раскольничьихъ, грамотность наиболѣе распространена, чѣмъ въ православной массѣ народа. Но у нихъ только одна га для чтенія—библія. И они ее читаютъ и перечитываютъ отъ доски до ки, отъ книги бытія и до апокалипсиса, и не будучи приготовлены къ вильному ея пониманію, теряются въ объясненіи сущности дѣлъ, и одятъ до умопомѣшательства, не имѣя твердой, положительной основы пленія. Чтобы отвлечь, спасти молодыхъ рабочія поколѣнія отъ подобъ заблужденій,—имъ скорѣе нужно дать въ руки народную, популярную книгу о природѣ, человѣкѣ и обществѣ, такую книгу, которая бы бопонятно разъясняла, раскрывала народу, при помощи живописныхъ унковъ, окружающую ихъ жизнь. Но у народа доселѣ не было и нѣтъ ой книги о природѣ, которою бы онъ увлекся такъ же, какъ своими зниками и лечебниками;—и вотъ онъ, за неимѣніемъ подъ руками жисной книги о природѣ, пробавлялся и пробавляется одной *старинкой*—ой *голубиной*, гдѣ вмѣщена вся его космологическая дума, все его созерцаніе. И въ эту мнѣческую книгу голубиную доселѣ вѣрятъ не ко такіе темные люди, какъ скопцы, но и духоборцы. Когда извѣстсконецъ—инженеръ А. И. Шиловъ вошелъ на соборъ скопческой богородицы Акулины Ивановны,—то пророкъ этого собора привѣтвалъ его такимъ завѣщаніемъ: «поди-ка, братъ, молодецъ, я давно дожидаль: ты мнѣ, богу и духу святому надобенъ. Вотъ тебѣ отъ го сына божія мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, и дается тебѣ *книга бина* отъ божія сына, и отъ васъ много народу народится, знать опять *инка* хочетъ явиться» ¹⁾. И что же темный народъ почерпалъ изъ этой ческой книги? Вся мудрость, заключающаяся въ ней, резюмируется тихъ о голубиной книгѣ такимъ образомъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія.
Солнце красное отъ лица Божія,
Младъ свѣтель мѣсяцъ отъ груди его,
Звѣзды частыя отъ ризъ божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
Зори утренни отъ очей Господнихъ,
Вѣтры буйныя отъ свята Духа...
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ,
У насъ міръ—народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,

¹⁾ Пислан. 78.

Кровь-руда наша отъ черна-моря...
 Кить рыба всемъ рыбахъ мати...
 На трехъ китахъ земля основана.
 Какъ кить рыба потронеся,
 Вся земля восколеблется и пр.

Вотъ и все міросозерцаніе книги голубиной. Между тѣмъ, и умъ скопца, несмотря на все его извращеніе, не довольствуется этой темной стариной—книгой голубиной. И онъ невольно, инстинктивно порывается иногда къ самостоятельной реальной мыслительности. Безъ книги о природѣ онъ пускается въ самостоятельныя умствованія о природѣ. Такъ, вышеупомянутый туруханскій скопецъ-новгородецъ высказалъ намъ такое свѣдѣніе о движеніи нашей планеты: «я представляю землю,—говорилъ онъ,—огромной овальной равниной, дѣлающей, отъ нажима или напора волосяно-слоистыхъ массъ воздуха, кругъ въ 365 разъ—малыхъ, суточныхъ оборотовъ.—по 180 круговъ въ каждой половинѣ линіи или пути своего годоваго круга или хода, по 90 круговъ въ каждой четверти своего хода. По мѣрѣ приближенія къ югу, къ солнцу,—бываетъ тепло и лѣто, а по мѣрѣ удаленія къ сѣверу, отъ солнца—холодъ и зима. Воздухъ заставляетъ землю кругообразно двигаться по горизонтально-круговой линіи. Воздухъ состоитъ изъ незамѣтныхъ для нашего глаза тончайшихъ волосяныхъ слоевъ, и онъ постоянно движется и заставляетъ землю двигаться въ опредѣленномъ кругѣ, стѣсняя ее со всѣхъ сторонъ. Что такое это видимое небо, пространство небесное съ солнцемъ и звѣздами—это все міры». Объясняя вращеніе земли около своей оси, скопецъ въ то же время наглядно показывалъ его, дѣлая посолонь большой кругъ, изображавшій у него годовою ходъ планеты, и въ то же время оборачиваясь ступнями, тоже посолонь, 365 разъ, или дѣлая ногами малые круги, обозначавшіе у него суточное обращеніе земли. О громѣ скопецъ умствовалъ тоже по своему крайнему разумѣнію: «громъ,—говоритъ онъ.—это дѣйствіе солнечной теплоты на земную испарину, поднимающуюся вверхъ: въ воздухѣ, отъ солнечной теплоты и земной мокроты, происходитъ нѣчто въ родѣ чихоты или взрывъ паровъ». «Такъ я думаю,—замѣтилъ при этомъ скопецъ,—дохожу своимъ умомъ, своимъ размышленіемъ, безъ всякихъ книгъ». И такъ,—подумалъ я,—заблуждается народный умъ, вѣдѣніе рациональнаго естествознанія, безъ руководящей книги о природѣ. Выслушавши физическія умствованія скопца, я невольно вспомнилъ слѣдующій, весьма справедливый отзывъ одного изъ глубокомысленнѣйшихъ и наиболѣе наблюдательныхъ западныхъ путешественниковъ по Россіи, Ермана, объ умственныхъ наклонностяхъ нашего простого, рабочаго народа. «Все интеллектуальное образованіе торговыхъ и промышленныхъ классовъ русскаго народа,—говоритъ Ерманъ,—ограничивается тѣмъ, что они издавна выражаютъ греческимъ словомъ: «грамотный» или «грамоту знаетъ». Это знаніе, приобретаемое большею частію единственно собственнымъ усердіемъ, безъ всякаго школьнаго ученія и воспитанія, служитъ потомъ имъ къ ревностному и внимательному изученію священныхъ книгъ, въ чемъ они полагаютъ все достоинство своего харак-

истического благочестія. Къ этому побуждаетъ ихъ, особенно купцовъ, образъ жизни ихъ, беззаботный и въ то же время приводящій ихъ въ многостолкновенія съ внѣшнимъ міромъ, а также частыя и нерѣдко иныя путешествія, и потому эти промышленные люди почти всегда бьютъ большую наклонность къ чтенію. Но къ сожалѣнію, эта живая потребность большею частію только случайно и мало удовлетворяется русской литературой, хотя и многосторонней, но еще ни въ какой отрасль послѣдовательно не развившейся. Тотъ русскій писатель бы по истинѣ приобрѣсти себѣ безсмертную славу, который, воспользовавшись большею частію чрезвычайно прямымъ здравымъ смысломъ, цкою легкодоступностью и богатымъ языкомъ этихъ классовъ народа, ставилъ бы для нихъ цѣлесообразно-изложенную *энциклопедію*, и такимъ образомъ быстро поднялъ бы и поставилъ ихъ на прямую и непрерывную ступень къ дальнѣйшему образованію. Со стороны религіознаго отчужденія и высшаго образованія, нельзя ждать препятствія такому предпріятію и успѣшествованію въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ можно было прежде думать. Напротивъ, видно, что, несмотря на природную привязанность къ догматизму, эти народные классы постоянно склонны хотя и необразованному, неразвитому, но самостоятельному, творческому шленію, какъ это доказываетъ большое многообразіе существующихъ между ними религіозныхъ сектъ¹⁾.

Съ реальнымъ образованіемъ, съ книгой о природѣ, обществѣ и экономіи народной надобно подходить къ массѣ реальнымъ же, практическимъ путемъ. Какъ ни уносятся раскольничьи массы въ свой заоблачный міръ мистическихъ бредней, какъ ни заняты они, по выраженію одного раскольничьяго писателя, Павла Любопытнаго, «горячимъ догматизмомъ», они такъ же горячо, если еще не болѣе, любятъ приобретать богатство и зданы промышленности и торговлѣ. Раскольники весьма усердно устранили у себя фабрики и заводы, и мало-по-малу вводятъ въ свои операціи и паровыя машины. Въ XVIII столѣтіи раскольники явились едва ли главными основателями уральскихъ желѣзныхъ заводовъ, или, по крайней мѣрѣ, дали имъ главную массу рабочихъ силъ. Въ 1736 году Ташцевъ доносилъ правительству: «что раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ пожилося, а наипаче на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осонныхъ; прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые—раскольники, и ежели оныхъ выслать, то и заводы держать некому и въ юдахъ казенныхъ будетъ не безъ вреда; ибо тамъ, при многихъ мануфактурахъ, яко жестяной, проволочной, стальной, укладной, и почитай въ харчами и потребностями торгуютъ олончане, туляне и керженцы—раскольники»²⁾. Московскія и подмосковныя фабрики были, какъ вѣстно, даже училищами и разсадниками раскола. Поморскіе, даниловскіе скиты имѣли заводы кирпичный, кожевенный, лѣсопильный³⁾. Въ

¹⁾ Adolph Erman's Reise 1, 95—96.

²⁾ П. С. З., т. X. № 7663.

³⁾ Опис. Олон. губ. Бергштрессера 49.

Нижегородской губернии раскольники, занявъ по обѣимъ сторонамъ берега Волги, на пространствѣ 265 верстъ, и берега Оки, на пространствѣ 170 верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ,—завладѣли не только судоходствомъ по этимъ рѣкамъ, но и всею торговлею и издѣльною мѣстною промышленностью.—каковы: судостроеніе, дѣланье посуды, пряденье льна, металлическое производство и проч. Они были главными промышленными дѣятелями въ такихъ важнѣйшихъ пунктахъ нижегородской торговли и промышленности, каковы: Городецъ, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Горбатовъ—торговый уѣздный городъ съ прядильными заводами, знаменитыя торговыя и промышленныя села—Павлово, Лысково и др. Жители великорусскихъ старообрядческихъ селъ Мглинскаго, Новозыбковскаго и Стародубскаго уѣздовъ Черниговской губернии также извѣстны своею промышленностью и торговлею. Они завели у себя на посадѣ въ Клинцахъ до 150 мастерскихъ, до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. Даже скопцы, повидимому, больше другихъ сектантовъ уносящіеся въ мистико-фантастическій міръ,—даже и они народъ промышленный и ремесленный. Богатство и промышленность были, кажется, идеаломъ самого Селиванова, о которомъ пророки людей божіихъ пророчили: «и отдадутся ему все иностранные товары, и дастся образъ спасительный—*вилы, цѣпь и пила*»—орудія земледѣльческой и плотничьей работы. Въ пѣсняхъ скопческихъ воспѣваются «все скопцы-купцы русскіе, миллионщики знаменитые», да «плотнички московскіе и петербургскіе». Въ Сибирской губернии, по словамъ г. Крыжина, между совратившимися въ скопчество крестьянами становилось замѣтно улучшение въ ихъ хозяйственномъ быту; они перестраивали дома въ болѣе обширномъ видѣ, одѣвались чище, жили опрятнѣе своихъ односельцевъ, и нѣкоторые начинали вести мелочную торговлю. Многіе и въ скопчество поступали изъ-за одной потребности обогащенія, тѣмъ болѣе, что скопческія пророчицы предсказывали каждому: «будешь золотомъ владѣть и за батюшкою пѣть». У главнаго скопца сибирскаго, алатырскаго мѣщанина Милютинскаго, на поясной фабрикѣ, говорятъ, обезпечены были работой до 200 женщинъ и дѣвокъ. Даже на крайнемъ сѣверѣ, въ туруханскомъ краю, скопцы вмѣстѣ съ дуборѣзцами были главными распространителями ремесленности: они, между прочимъ, ввели тамъ въ употребленіе незнаемую дотошъ пилу продольную и поперечную, самопрялку, которую потомъ усвоили и остяки, улучшили лодочное мастерство, были лучшими кузнецами и снабжали своими кузнечными издѣліями жителей на пространствѣ болѣе 300 верстъ. На станкѣ Костинскомъ, въ 70 верстахъ отъ Туруханска, гдѣ всего 4 дома, семь скопцовъ живутъ, подъ именемъ братьевъ по Богѣ, въ одномъ большомъ, хорошо устроенномъ домѣ: у нихъ устроена особая лодочная мастерская, особая кузница и слесарная, особая плотничья и стѣлярная комната, и между ними есть даже часовой мастеръ. Все они чрезвычайно трудолюбивы. Однимъ словомъ, раскольники всѣхъ сектъ весьма любятъ заниматься ремесленностью и устраивать фабрики и заводы: поэтому они и богаче православныхъ. Они сами съ гордостью говорятъ: «держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богаче держащихся новой

вѣры»¹⁾. При такой склонности раскольниковъ къ ремесленности, къ фабрикамъ и заводамъ, естественно, къ нимъ или къ дѣтямъ ихъ лучше всего подходитъ съ реальнымъ образованіемъ чрезъ ихъ мастерскія, чрезъ ихъ фабрики и заводы. По религіознымъ убѣжденіямъ своимъ, большею частью упорно отвергая европейскія знанія, какъ новшество и колдовство,—по фабрично-заводскимъ дѣламъ своимъ раскольники начинаютъ понимать важность и пользу реальныхъ знаній. Такъ, недавно раскольники, жители посада Клиницы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными фабриками, заводами и мастерскими, всего до 150, и въ томъ числѣ до 13 суконныхъ фабрикъ,—не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявили потребность болѣе серьезнаго, реального образованія для своихъ дѣтей. Общество выразило желаніе открыть училище, необходимое въ торговомъ и промышленномъ быту, не называя его ни уѣзднымъ, ни приходскимъ, и дозволивъ ученикамъ носить такую одежду, какую хотятъ родители, а не форменную. Желаніе общества, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ, формулировано въ официальномъ представленіи такимъ образомъ, чтобъ устроить трехклассное училище, въ которомъ преподавались бы: русскій языкъ, арифметика, географія, исторія, и, послѣ того, въ первомъ классѣ: краткія физико-химическія понятія, необходимыя въ примѣненіи къ ремесламъ и производствамъ; а во второмъ и третьемъ классахъ совместно: краткій обзоръ механическихъ производствъ—суконнаго, чулочнаго и т. д. механическихъ фабрикацій: мыловаренной, свеклосахарной, стеклянной и другихъ.²⁾ Практическіе уроки, наглядные примѣры, представляемые хорошо устроенными на европейскій манеръ фабриками и заводами, лучше всякихъ назиданій искореняютъ старовѣрскія предубѣжденія раскольниковъ и невольно просвѣтляютъ умственный взглядъ ихъ на вещи, невольно заставляютъ ихъ усвоить и осуществлять новыя понятія и знанія. Такъ, раскольникамъ Кемскаго поморья, рыбопромышленникамъ, правительство предложило въ 1866 г. производить лекарственный тресковый жиръ норвежскимъ способомъ. Предложеніе правительства сначала вовсе не нашло между промышленниками желающихъ устроить заводы для такого производства; тутъ старовѣры-промышленники стали въ тупикъ передъ словомъ: «машинное» производство, какимъ оно извѣстно между ними въ Норвегіи. Видя, что никто не берется за машинное производство лекарственнаго жира,—г. Шатковъ рѣшился попробовать построить такой заводъ въ одномъ изъ становищъ мурманскаго берега. «И что же,—говоритъ онъ,—я долженъ былъ производить постройку среди дикаго любопытства и насмѣшекъ промышленниковъ. Окончивъ незатѣйливую постройку, я приступилъ къ опыту производства жира; но и тутъ встрѣтилъ столь же непріятное равнодушіе. Не смотря на то, я имѣлъ въ виду одну цѣль: утвердить значеніе завода постояннымъ производствомъ жира, чтобы доказать моимъ недоброжелателямъ ошибочность ихъ мнѣній. Въ нынѣшнемъ году я производилъ жиръ

¹⁾ Истин.-древн. цер. I, 277.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. 1864 г. ч. СХХI. отд. III, стр. 87. Училища народн. образ. въ Черниговской губ.

для медицинскаго департамента военнаго министерства, и это не только замкнуло рты моимъ противникамъ, но нѣкоторые изъ нихъ просили дозволить имъ грѣть жиръ въ моихъ аппаратахъ, и я дозволилъ, не упоминая о прежнихъ ихъ преслѣдованіяхъ. Они, разумѣется, остались очень довольны результатами своего нагрѣванія, и какъ чистый жиръ довольно цѣнный въ сравненіи съ отстойнымъ, называемымъ сыроткомъ, то одни выразили желаніе и впередъ грѣть этимъ способомъ, а другіе просили или уступить имъ заводъ, или помочь своими наставленіями въ постройкѣ новаго. Заводъ мой, возбуждавшій постоянныя толки между промышленниками, имѣлъ и болѣе хорошія послѣдствія: въ нынѣшнемъ году, по примѣру моему, доказавшему возможность существованія заводовъ, выстроены такой же заводъ однимъ изъ торгующихъ лицъ. въ другомъ отъ меня концѣ мурманскаго берега»¹⁾. Такъ наглядное, практическое приложеніе новыхъ утилитарныхъ знаній переламываетъ и самыя упорныя старообрѣтскія предубѣжденія. Тамъ же въ кемскомъ поморьи чувствовалась особенная потребность учебно-руководительнаго образованія женщинъ, такъ какъ женщины въ поморьи имѣютъ преобладающее вліяніе въ семейной жизни,—и пока не было женскаго училища въ г. Кемі, дочерей раскольниковъ учили грамотѣ старухи старообрѣтки. Но вотъ увидѣли раскольники на опытѣ, что въ Кемі въ новооткрытомъ (въ 1864 г.) женскомъ училищѣ хорошо обучаютъ дѣвицъ элементарнымъ наукамъ и рукодѣльямъ,—они съ большой охотой и съ полнымъ довѣріемъ стали отдавать туда своихъ дочерей. «Въ этомъ училищѣ, говоритъ г. Шатковъ, дѣвочки въ одинъ учебный годъ достигаютъ въ наукѣ такихъ успѣховъ, какихъ ученики кемскаго уѣзднаго училища достигаютъ только въ два, три года. Зато жители Кемі изъявляютъ учительницѣ, г-жѣ Никитиной, живѣйшую признательность и полное довѣріе, которое особенно выразилось въ томъ, что, несмотря на новостъ такого явленія, какъ женское училище, и на отвергающій все новое духъ старообрядчества, въ которомъ состоятъ всѣ жители, въ первый же годъ открытія училища поступило въ него въ разное время до 30 дѣвочекъ, а въ началѣ второго года ихъ было уже 56»²⁾. Наконецъ, чтобы пріохотить кемскихъ раскольниковъ къ интеллектуальному научному саморазвитію и разсѣять въ нихъ предубѣжденіе противъ наукъ, г. Шатковъ справедливо признаетъ необходимымъ примѣнить преподаваніе въ кемскомъ шкиперскомъ училищѣ къ мѣстнымъ практическимъ нуждамъ промышленниковъ-раскольниковъ, именно обучать ихъ дѣтей практическому мореходству и товаровѣдѣнію. «Для дальнѣйшаго образованія,—говоритъ онъ,—и не иначе какъ только въ интересахъ края, необходимо расширить кругъ преподаванія въ шкиперскомъ училищѣ съ введеніемъ краткаго курса товаровѣдѣнія. Тогда смѣло можно надѣяться, что окончившіе и неокончившіе курсъ ученія при постоянномъ занятіи необходимѣйшими въ ихъ жизни предметами кораблевожденія и товаровѣдѣнія, неизбежно и незамѣтно за-

¹⁾ Учено-литерат. прибавл. къ Бирж. Вѣдомостямъ, дек. 1866 г.: Поморье кемскаго уѣзда, промысл. и торг. его на мурманск. берегу съ Норвегіей, стр. 12.

²⁾ Ibidem стр. 16.

нимались бы и другими предметами, способствующими развитію умственныхъ способностей; а какъ вся масса народа, усвоивъ одинаковыя начала образованія, имѣла бы одинаковое направленіе мнѣній, то питаемое нынѣ къ шкиперскимъ ученикамъ отчужденіе не имѣло бы мѣста, и образованіе скоро и прочно утвердилось бы въ народѣ, изъ котораго, не какъ изъ ограниченнаго числа учениковъ, скорѣе явились бы ученые шкиперы, какъ равно торговля и промышленность скорѣе вышли бы изъ настоящаго дурного состоянія уже потому только, что образованный народъ правильнѣе можетъ смотрѣть на пользы свои и общественныя, и скорѣе сѣумѣлъ бы обратить на разныя нужды вниманіе правительства, которому не всегда возможно видѣть несообразности положеній, направленныхъ къ этимъ пользамъ и приносящихъ вмѣсто того вредъ. Я говорю объ этомъ съ такою увѣренностью потому, что уже и теперь ученики шкиперскаго училища, по окончаніи курса, выходятъ съ образовавшимся характеромъ и съ сознаніемъ самостоятельнаго труда, отличаясь вѣрностью взгляда и понятій, словомъ, усвоивъ тѣ образовательныя начала, при которыхъ дальнѣйшее совершенствованіе въ наукѣ переходитъ въ потребность; ученики же кемскаго уѣзднаго училища остаются совершенно безграмотными¹⁾. Такъ и раскольничьи дѣти, и даже сами отцы ихъ могутъ мало-по-малу полюбить, и уже начинаютъ понемногу любить свѣтъ западной науки,—лишь бы только умѣть раскрывать имъ этотъ свѣтъ въ его прямомъ, практическомъ и плодотворномъ приложеніи къ пользамъ и потребностямъ народной жизни, народнаго труда и благосостоянія.

¹⁾ Ibidem, стр. 15.

Великорусскія области и смутное время ¹⁾

(1606—1613 г.)

Въ настоящее время, кажется, ужъ утвердилось убѣжденіе, что въ исторіи главный факторъ есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Эту идею начали ужъ проводить и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, на которое еще не обращено должнаго вниманія въ нашей исторической наукѣ: начало провинціализма, *областности*, если можно такъ выразиться. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи. Всѣ особенности, направленія и факты областной исторической жизни подводились подъ одну идею правительственно-государственного, централизаціоннаго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ провинцій: но не раскрываются въ частности разнообразныя историко-этнографическія, экономическія, юридическія, вообще бытовыя особенности каждой отдѣльной области или группы однородныхъ территоріальныхъ округовъ, мѣстныхъ общинъ; не изображаются въ надлежащей мѣрѣ мѣстныя, политическія, моральныя и физико-географическія условія ихъ внутренняго развитія и быта. Мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей остаются въ сторонѣ, или ставятся на второмъ планѣ; а, вмѣсто того, на первомъ планѣ рисуется политическая дѣятельность правительства, развитіе централизаціоннаго устройства и быта Россіи, біографіи царей и проч. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не свойственно, неприложимо подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ ассоціацій провинціальныхъ массъ народа—до централизаціи и послѣ централизаціи. Съ этой точки зрѣнія, даже вся русская исторія представляетъ не что

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки“ за 1861 г. № 10, стр. 579—616 и № 11, стр. 79—118 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 20 окт. и 20 ноября того же года; редакторы-издатели А. Краевскій и С. Дудышкинъ).

иное, какъ историческое развитіе и видоизмѣненіе разнообразныхъ областныхъ общинъ въ двухъ послѣдовательно-преемственныхъ формахъ.

Первичная, древняя форма — *особно-областная*. Характеристическія черты ея областности очевидны: первоначальное, вольно-народное, колонизаціонное самоустройство каждой областной общины на особой рѣчной системѣ или на отдѣльномъ волокѣ; общее стремленіе областныхъ общинъ къ особности, къ локализаци; мѣстное, большею частію разноплеменное историко-этнографическое самообразование каждой областной массы населенія; мѣстное вѣчевое самоуправленіе, *земско-совѣтніе*; самобытно-мѣстное, федеративное взаимодействіе и мѣстно-удѣльная междоусобная борьба областныхъ общинъ. Эта основная историческая форма земско-областной жизни естественно сложилась вслѣдствіе колонизаціонно-территориальнаго стремленія всѣхъ областныхъ общинъ быть *особно*. Тутъ до эпохи собиранія, централизаціи русской земли, исторія необходимо должна говорить главнымъ образомъ о внутреннемъ, мѣстномъ самоустройствѣ и саморазвитіи каждой областной общины въ особенности, и потомъ о федеральномъ взаимно-отношеніи всѣхъ мѣстныхъ общинъ.

Вторая историческая форма — *соединенно-областная*. Установленіе этой новой формы историческаго строя областныхъ общинъ также было мѣстно-областное. Оно окончательно совершилось послѣ великой *розни* областныхъ общинъ и совокупнаго рѣшенія ихъ въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ — *быть въ соединенны*. Областной элементъ положенъ былъ въ основу и этой соединенно-областной формы; областныя общины, обособляясь по старымъ удѣльно-областнымъ городамъ, порѣшили на своихъ мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединенны*, слѣдовательно — въ значеніи земско-областной федераціи.

Потомъ мѣстно-областное начало жизненно выражалось, въ теченіе всего XVII вѣка, въ многочисленныхъ и разнообразныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ, подававшихся обыкновенно областными выборными ходоками («во всѣхъ мѣсто»), т.-е. отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ. Въ этихъ общинно-областныхъ челобитныхъ выражалась общинно-областная совѣщательность и инициатива, общинно-областная протестація противъ областныхъ приказныхъ властей и учреждений, наконецъ мѣстно-областное вліяніе посредствомъ этихъ почти повсемѣстныхъ челобитныхъ на развитіе общаго законодательства, такъ какъ царскіе указы и грамоты, сведенные послѣ въ Уложеніи, были прямымъ отвѣтомъ на общинно-областныя челобитныя.

Далѣе, областная жизнь выражалась еще въ XVII вѣкѣ въ участіи мѣстныхъ общинъ на земскихъ соборахъ. Принципъ прежней территориальной или земской цѣлости и разграниченности провинцій удерживался въ старинномъ дѣленіи областей, воеводствъ и даже многихъ центральныхъ, московскихъ приказовъ по древнимъ главнымъ удѣльно-областнымъ городамъ. Точно также попрежнему области назывались *землями, государствами, царствами*, и т. п. Равнымъ образомъ о живости стариннаго особенно-областнаго начала въ сознаніи самого московскаго правительства XVII в. свидѣтельствуетъ предположеніе царя Федора Алексѣевича снова раздѣ-

лить русскую землю въ церковно-епархіальномъ отношеніи по стариннымъ удѣльнымъ княжествамъ и областямъ. Затѣмъ, мѣстная, особная областная жизнь выражалась въ XVII в. въ такъ-называемомъ въ актахъ *счетъ городовъ* и въ прежнемъ стремленіи многихъ областныхъ общинъ къ финансовой, тягловой особности, самораспорядительности. Наконецъ, жизненность областныхъ народныхъ силъ, антипатій и стремленій многозначительно проявилась во второй половинѣ XVII столѣтія въ разнообразныхъ мѣстныхъ, областныхъ событіяхъ, народныхъ и инородческихъ. Слѣдовательно, до XVIII столѣтія, исторія должна слѣдить, въ самой соединенно-областной формѣ историческаго быта общинъ, за проявленіемъ всѣхъ исчисленныхъ нами и другихъ подобныхъ областныхъ началъ въ каждой земской общинѣ, за самодѣятельностью областныхъ общинъ въ сферѣ и внѣ круга воеводствъ и центральныхъ приказовъ московскаго государства.

Съ XVIII вѣка соединенныя областныя общины преобразовываются въ однородную форму губерній и провинцій. Мѣстная самодѣятельность и самоуправительность ихъ окончательно подчиняется центральному правительству и губернскимъ учрежденіямъ. Несмотря на то, и съ этого времени, исторія все-таки не должна терять изъ вида основоположительной канвы исторической — областности. Централизація — прившедшій вновь элементъ для виѣшняго устройства, для обобщенія областности, а областность — коренное, непреходящее, только внутренно-видоизмѣняющееся начало народнаго историко-географическаго самораспредѣленія и мѣстно-общиннаго саморазвитія. Со времени учрежденія губерній, исторія должна слѣдить за внутреннею, мѣстною жизнію областныхъ массъ въ губерніяхъ. Она должна раскрывать, во-первыхъ, мѣстные народно-жизненные результаты предписаннаго «изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета» Петра Великаго росписанія Россіи на губерніи и провинціи, раскрывать вліяніе въ мѣстномъ народномъ быту, длившееся чрезъ все XVIII столѣтіе, преобразованія разнообразныхъ областныхъ общинъ въ однородную политико-географическую и военно-административную форму губерній. Далѣе, исторія должна слѣдить *единственно* за внутреннимъ поземельнымъ самоустройствомъ, за экономическимъ, общественно-юридическимъ, народно-образовательнымъ, этнографическимъ и духовно-нравственнымъ саморазвитіемъ или застоємъ самихъ провинціальныхъ народныхъ массъ, по возможности, въ каждой губерніи или провинціи въ частности, только подъ формами губернскихъ учреждений и политико-географической, административной, законодательной, экономической и народно-образовательной централизаціи. Если, въ эпоху централизаціи, областныя общины не обнаруживали энергической, прогрессивной самодѣятельности и жизненнаго саморазвитія, то исторія должна слѣдить за постепеннымъ историко-физиологическимъ процессомъ разнообразнаго мѣстнаго измѣненія самодѣятельнаго духа, жизненныхъ силъ областныхъ общинъ. Исторія должна раскрывать общія и мѣстныя причины упадка или неразвитія въ областныхъ общинахъ духа мѣстной инициативы, самодѣятельности, и развитія въ нихъ, вмѣсто того, привычки во всемъ полагаться на инициативу, заботливость и опеку центральнаго правительства.

Въ частности, по областно-историческому принципу, предметами историческаго изслѣдованія должны быть, напримѣръ, слѣдующія явленія областной жизни: областная колонизація и ея мѣстныя физико-географическія, этнографическія, административныя условія, средства и ходъ въ каждой колонизирующей провинціи; напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ, въ Казанской, Оренбургской, Саратовской и Сибирскихъ губерніяхъ, въ каждой отдѣльно. Этнографическая характеристика, жалобы, безпорядки, внутреннее состояніе подъ русскимъ владычествомъ каждого провинціального инородческаго племени въ частности. Напримѣръ, страданія татаръ въ первой половинѣ XVIII вѣка отъ военныхъ командъ, въ родѣ изображаемыхъ въ находящейся у насъ рукописи 1741 года, подъ заглавіемъ: «Экстрактъ объ обидахъ новокрещенымъ», или волненія въ первой половинѣ XVIII вѣка башкирцевъ, темерей, калмыковъ въ Оренбургской губерніи, или нападенія бурятъ на первыя русскія колоніи по Ленѣ и т. д. Успѣхи или задержки внутренняго саморазвитія и благоустройства областныхъ общинъ въ той или другой губерніи въ частности, при томъ или другомъ губернаторѣ, напримѣръ, въ Сибири—при Чичеринѣ, при Трескинѣ, въ Олонецкой губерніи—при намѣстникѣ Тутолминѣ, въ Тамбовской—при Гудовичѣ, въ Калужской—при Лопухинѣ и т. д. Общественныя заслуги или злоупотребленія выборныхъ должностныхъ лицъ въ провинціяхъ, отношенія ихъ къ губернскому начальству; напримѣръ, протестаціи ихъ противъ распоряженій губернскихъ властей, въ родѣ протестаціи въ 1827 году саратовскаго градекаго головы Петра Матова, отъ лица городского общества, противъ неудобнаго для общества распоряженія саратовскаго губернскаго правленія объ исключительныхъ выборахъ въ головы думы однихъ православныхъ, съ желаніемъ равноправности въ городскихъ выборахъ всѣхъ капиталистовъ безъ различія вѣроисповѣданій—и православныхъ, и старообрядцевъ, и католиковъ, и лютеранъ, и мухаммеданъ, для облегченія общественной городской служебной повинности. Взаимныя отношенія сословій въ той или другой провинціи; въ частности мѣстный бытъ дворянства, духовенства, купечества, мѣщанства и крестьянства въ каждой провинціи, экономическій бытъ и промышленныя особенности каждой провинціи и мѣстности; состояніе и движеніе народнаго образованія въ каждой провинціи. Происхожденіе и развитіе мѣстныхъ, областныхъ типовъ и особенностей: развитіе областной народной словесности и областныхъ нарѣчій (напримѣръ, разнообразныя областныя легенды русскія, легенды инородческія—зырянскія, лопарскія и вообще финскія, и проч.), мѣстные варианты однѣхъ и тѣхъ же русскихъ легендъ въ Сибири, въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ, мѣстныя пѣсни русскія, татарскія, финскія и т. д. Мѣстное происхожденіе и распространеніе въ той или другой области раскольничьихъ ученій, мѣстное видоизмѣненіе и вліяніе ихъ въ той или другой областной общинѣ, развитіе въ областныхъ городахъ раскольническихъ общинъ, согласій, мѣстно-историческія причины отличій областныхъ раскольничьихъ партій, напримѣръ, поморскихъ, московскихъ, донскихъ, сибирскихъ. Стремленіе областныхъ раскольническихъ общинъ къ особно-областному самоустройству, напри-

мѣръ, въ Астраханской губерніи, около Каспійскаго моря, въ Сибири, и къ общинному самоуправленію, въ родѣ, напримѣръ, попытки старообрядческихъ обществъ, въ 1818 году, въ пермской, екатеринбургской, тобольской и другихъ сосѣднихъ сибирскихъ мѣстностяхъ, основать свое общинное самоуправленіе изъ выборныхъ попечителей и т. п. Разнообразный взглядъ областныхъ общинъ на областныя преобразованія правительства; напримѣръ, взглядъ сибиряковъ на бранобрітіе при Петрѣ Великомъ, или малороссявъ на крѣпостное право, или въ родѣ того, какъ, по поводу обращенія при императрицѣ Екатеринѣ II болѣе 200 селъ въ города, жители Устьесольска возстали противъ распоряженія объ устройствѣ изъ села Устьесольскаго города, а жители города Владиміра по случаю обращенія во владимірское намѣстничество, въ 1788 году, многихъ селъ и слободъ въ города, выразили восторгъ въ прологѣ «Торжествующій градъ Владиміръ», и проч. Такимъ образомъ, и въ самую эпоху централизаціоннаго устройства Россіи, предметомъ исторіи будетъ не развитіе централизаціонной государственности, а разнообразіе областной, мѣстно-общинной исторической жизни русскаго народа и сожителствующихъ съ нимъ инородческихъ племенъ.

Русская исторія, основанная на одной идеѣ централизаціи, исключаящая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго, жизненнаго значенія областныхъ общинъ, какъ разнообразныхъ органовъ, въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма всего народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма? Такъ точно и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ въ теченіе ихъ мѣстной исторіи невозможно полное и отчетливо-ясное пониманіе исторіи всего русскаго народа. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ и разнообразенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей. Не будемъ говорить о разнородномъ составѣ многихъ провинцій, о сплошныхъ массахъ инородческихъ, нестрѣбующихъ на этнографической картѣ Россіи. Все ли общее между одноплеменными провинціями, напр., между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между Одессой, Камчаткой и Кавказомъ, архангельской областью и казанскимъ краемъ, и т. д.? А разнообразныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составилъ особый цѣлый словарь? А эти юмористическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другой? А областныя пѣсни про разныя областныя мѣстности, напр., про Ярославль, про Ленбургъ-городъ или Оренбургъ, про саратовскій край, про нижегородскія села Павлово, Лысково, Юркино, про донскихъ казаковъ и проч.? А существованіе территоріальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ нашу обширную Россію во всемъ историко-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей! И

въ наукѣ русской исторіи доселѣ не было обстоятельно, исторически объясняемо, отчего образовались такія типическія областныя особенности, какое онѣ имѣли значеніе въ исторіи, какое значеніе онѣ имѣли или не имѣли, или могутъ имѣть въ примѣненіи къ законодательству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному развитію, и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, лучшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ, графъ Воронцовъ, сознавали и официально высказывали то убѣжденіе, что *должно обращать полное вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію, что законодательство должно вполнѣ соответствовать всемъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области, что самое учрежденіе о губерніяхъ нейдетъ къ многимъ, особливо къ вновь-присоединеннымъ и завоеваннымъ нами провинціямъ, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или къ азіатскимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей.*

Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо уяснять исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности областныхъ массъ народныхъ. Въ высшей степени желательно, чтобъ у насъ, по возможности, въ каждой провинціи возникала своя историческая, самопознательная литература, и обогащалась областными сборниками, въ родѣ «Пермскаго», историко-статистическими описаніями губерній и провинцій, въ родѣ, напр., описанія оренбургскаго края Черемшанскаго, и под., изданіемъ областныхъ памятниковъ и актовъ, въ родѣ изданія актовъ малороссійскихъ, казанскихъ, воронежскихъ, рязанскихъ, владимірскихъ и др., изданіемъ областныхъ журналовъ, въ родѣ южно-русской «Основы». Областные сборники, историко-этнографическія и статистическія описанія провинцій могутъ служить не только руководствами нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза.

Въ настоящее время одинъ изъ самыхъ отрадныхъ результатовъ великаго вопроса освобожденія крѣпостного народа представляеть начинающееся сознаніе необходимости пробудить провинціальную жизнь къ мѣстной самодѣятельности, къ мѣстному саморазвитію. Теперь и въ провинціяхъ уже допускается мѣстная инициатива. Первые, отрадные зародыши, признаки провинціальной инициативы и самодѣятельности видимъ мы въ открытіи воскресныхъ школъ почти во всѣхъ провинціяхъ, въ образованіи областныхъ обществъ распространенія грамотности, въ дѣятельности провинціального дворянства по устройству областныхъ земскихъ банковъ, и т. п. Для возбужденія въ провинціяхъ общественнаго, нравственнаго, юридическаго, экономическаго и умственнаго самосознанія, для наиболѣе энергической и просвѣщенной инициативы и самодѣятельности, необходимо всестороннее самопознаніе. Слѣдовательно, необходимо и мѣстно-областное историческое самопознаніе.

Съ мыслью о важномъ значеніи провинціализма, областного начала въ исторической и современной жизни русскаго народа, предлагаю чита-

телямъ «Отечественныхъ Записокъ» на первый разъ общій очеркъ политической самодѣятельности великорусскихъ областныхъ общинъ въ смутное время (1606—1613 г.). Потомъ намѣренъ я сообщить историческіе очерки областной жизни въ теченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ провинцій въ XVIII столѣтіи. Предварительно считаю нужнымъ сказать объ историческомъ значеніи и устройствѣ областныхъ общинъ въ смутнаго времени.

I

До образованія московскаго государства, обширная русская земля представляла многосложную федерацію областей, разнообразную въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Форма общественной жизни славяно-русскаго народа и различныхъ инородческихъ племенъ, частью слившихся съ нимъ, частью примыкавшихъ къ нему по географическому единству земли, форма *земскаго устройства*, до развитія государственной политико-географической централизаціи, была, какъ мы уже сказали, особно-областная. Главный характеристическій признакъ ея—стремленіе областей волжско-камской федераціи къ удѣльной особности, а областныхъ общинъ новгородской или полярно-балтійской федераціи къ общинно-вѣчевой, или народоправной особности, съ сохраненіемъ колонизаціонно-федеративной связи.

Всѣ великорусскія области первоначально образовались путемъ славяно-русской колонизаціи преимущественно по рѣчнымъ системамъ и волокамъ, частью среди дремучихъ *черныхъ лѣсовъ*, частью среди разныхъ финскихъ и тюрко-татарскихъ народностей. Эта колонизаціонная, географическая и этнографическая основа областей была первоначальною, естественно-историческою основою, закладкою всего областного строя Великой Россіи. Славяно-русскія колоніи усѣдальсь, распредѣлялись въ такіе территоріальныя округа, какіе условливало географическое очертаніе, водное разграниченіе и этнографическая связь, или взаимное племенное тяготѣніе и сосредоточеніе народныхъ элементовъ. По рѣчнымъ системамъ и волокамъ областныя общины группировались въ формѣ земско-областныхъ федерацій, объединяясь географическою и колонизаціонною связью.

Вотъ полярно-балтійская озерно-рѣчная система очерчивается, отдѣляется отъ волжско-камскаго бассейна естественною раздѣлительною чертою—сѣверными увалами. Увалы эти, какъ извѣстно, длинной грядой простираются, то возвышаясь, то склоняясь, отъ Урала до валдайскихъ возвышенностей, и здѣсь смыкаются съ олонекскими горными отпрысками Скандинавскаго хребта. Отсюда всѣ воды текутъ на сѣверъ, образуя особую цѣльную гидрографическую область, озерно-рѣчную. Отсюда начинается территорія, замѣтно отличающаяся отъ территоріи, лежащей по другую сторону уваловъ, отъ территоріи волжско-камской. Начинается обширная область, характеризующаяся особеннымъ обиліемъ озеръ, рѣкъ, рѣчекъ и стоячихъ водъ, особымъ климатомъ, влажнымъ и къ сѣверу постепенно холоднымъ, или, какъ говорили древніе новгородцы, «морознымъ и студ-

нымъ», отъ сѣверныхъ вѣтровъ и по причинѣ влажнаго и болотнаго грунта, особой почвой, нехлѣбородной, большею частью болотистой, каменистой и песчаной. По всему этому широкому полярно-балтійскому бассейну, до прихода славянъ, обитали финскія племена: собственно *чудь*, съ одной стороны по рѣкѣ Лугѣ до Чудскаго озера, съ другой—отъ Ильменя по Мстѣ и по всему сухоно-двинскому заволочью, *водь* и *ижоряне* (*ingrikot*) между Наровой и Волховомъ до Финскаго залива, Невы и Ладожскаго озера, *лопь* или *лопари* вокругъ Онежскаго озера и на сѣверѣ вмѣстѣ съ *карелами* по всему поморью. Земля, заселенная этими финскими племенами, простирающаяся отъ рѣчной системы Чудскаго озера, Финскаго залива, Ильменя, Волхова и Ладожскаго озера до системы Сѣверной Двины, съ юга отдѣляющаяся волокомъ и увалами отъ рѣчной системы Волги и на сѣверѣ замкнутая моремъ, эта земля, съ своею озерно-рѣчною системою, представляла естественно-цѣльную, связную, округленную географическую область, для образованія одной, цѣльной, колонизаціонно-федеративной земской общины. И вотъ колонизаціонно-территориальное устройство поселившагося здѣсь между финскими народами славянскаго племени отлилось въ эту географическую форму, въ означенныхъ территориальныхъ очертаніяхъ. Такимъ образомъ, говоря языкомъ историческихъ актовъ, *по землѣ и по водѣ*, путемъ постепенной славянской колонизаціи, основалась область новгородская, и по единству, по цѣльности земли, называлась *землею новгородскою*, а по народно-вѣщевому, политическому самовластію—*государствомъ новгородскимъ*. Это, по лѣтописямъ новгородскимъ, *земля святой Софіи и Новгорода*, т.-е. территория, которая естественно, *по землѣ и по водѣ*, по связности озерно-рѣчной системы, вслѣдствіе церковной колонизаціи св. Софіи и вольно-народной колонизаціи земскихъ людей Новгорода, неотторжимо тянула къ Новгороду.

Образуя, по географической цѣльности и связности, и по колонизаціонному взаимно-дѣйственному саморазвитію, одно цѣлое, новгородская областная община, какъ единый цѣлый историко-политическій организмъ, въ своемъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ историко-географическомъ саморасширеніи путемъ колонизаціи, естественно развѣтвилась на нѣсколько отдѣльныхъ мѣстныхъ общинъ. Первоначальная область *пятины*, или *пяти рядовъ*, послѣдовательно колонизовавшаяся сначала изъ *Славно-Торга*, починка Великаго Новгорода, путемъ торгово-промышленныхъ, *гостиныхъ становъ* и поселеній—*погостовъ* и *рядковъ*, въ *чуди*, въ *лопи*, *межи родовъ карельскихъ* и проч., по озерно-рѣчной, ильменской, ладожской и онежской системамъ, потомъ колонизовавшаяся изъ постепенно-образовавшихся пяти концовъ Новгорода, изъ Словенскаго конца, изъ Перевскаго конца и такъ далѣе, путемъ вольной, земской колонизаціи пяти-конечныхъ жителей Новгорода и церковной колонизаціи св. Софіи—эта область *пятины* естественно тянула къ пяти концамъ Новгорода, такъ что и всѣ *погощане*, *поземщичики*, по словамъ писцовыхъ книгъ, *тянули* въ какой-либо изъ пяти концовъ, напримѣръ, въ *Перевскій конецъ*, въ *Словенскій конецъ*, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, область *пятины* составляла особую, цѣльную федерацію погостскихъ округовъ или общинъ, колонизаціонною и озерно-рѣч-

ною связью внутренне-сплоченныхъ и соединенныхъ непосредственно съ Новгородомъ¹⁾. Рядомъ и въ федеративной связи съ областью пятнадцать, образовались, путемъ колонизаціонно-территориальнаго подраздѣленія, другія, внутренне-самобытныя мѣстныя федераціи. И тутъ опять основа подраздѣленія была естественная, географическая и этнографическая. Какъ вся географическая площадь новгородской земли, смыкаясь рѣчными системами въ одно географическое цѣлое, подраздѣлялась на болѣе или менѣе мелкіе географическіе округи по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ системамъ, такъ и колоніи Новгорода — отдѣльныя мѣстныя общины колонизовались и распадались по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ водораздѣламъ и волкамъ, и также назывались *землями*. Такъ, на примѣръ, по рѣкѣ Двинѣ и ея мелкимъ притокамъ колонизовались гостями, промышленниками, боярами, боярскими рабами, монастырскими поселеніями и разными *новольниками* и *сбѣгчатыми людьми* такъ-называемая въ актахъ и лѣтописяхъ *Земля Двинская*, состоявшая изъ пяти городовъ: иначе эта областная община по рѣкѣ называлась просто *Двиною*. По рѣкѣ Вагѣ, впадающей въ Двину и образующей съ своими притоками особую рѣчную систему, основана была среди чуди, область *Вага*, или иначе *Земля Важская*, колонизованная новгородцами, преимущественно бывшими новгородскими посадниками Своеземцовыми, разными переселенцами-боярами, заселившими по рѣкѣ Вагѣ до тринадцати волостей-боярскихъ, и разными промышленниками — выходцами новгородскими, онежскими и волоцкими. Область эта простиралась до *ростовскихъ межей* и состояла изъ пяти становъ: Шенкурскаго, Подвинскаго, Ровдинскаго, Вельскаго, Верховажскаго, Ледцакаго, Паденги, Кошени, Слободы Великой. По рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ, Выми и Сысолѣ съ Ужгою, среди зырянъ, колонизовались города Соль-вычегодскъ, Вымь, Устьсысольскъ и волость Ужгинская или Ужга, частію изъ Новгорода, по ближайшимъ образомъ изъ Двины, Вологды и Устюга, и образовали особую территориальную группу или область, называвшуюся *Вычегодскою* и *Вымскою Землею*: основаніе поземельной, территориальной особенности и взаимной связи этихъ общинъ — рѣчная система Вычегды и колонизаціонное единство. Федеративная связь ихъ выражалась во взаимной общинно-областной помощи. Въ грамотѣ 1636 года связь эта характеризуется такъ: «*Солн вычегодской посадскимъ же и уѣзднымъ людямъ помогать вымичи и сысолцы, и во всемъ межъ себя считаются*». Въ сѣверной, онежской оконечности Новгородской Земли, всѣ рѣки, какъ извѣстно, впадаютъ въ Бѣлое море, совпадая истоками своими съ истоками рѣкъ, впадающихъ въ Онежское и Ладожское озера. Эта черезполосность, особенность сѣверо-поморской рѣчной системы была естественной основой и территориальной особенностью бѣломорскихъ новгородскихъ колоній. Поселенія эти, первоначально составлявшія такъ-называемыя *страдамыя деревни* — колоніи боярскихъ *населниковъ рабовъ*, потомъ умножившіяся заселеніями соловецкаго монастыря и разныхъ новгородскихъ выходцевъ, бобылей и

¹⁾ О колонизаціи новгородской земли, также какъ и волжско-камской мы намерены въ скоромъ времени представить особое изслѣдованіе.

казаковъ, располагались по поморью, по озерамъ, по рѣкамъ, вытекающимъ изъ озеръ и впадающимъ въ море, и отчасти по волокамъ, и назывались всѣ по рѣкамъ и озерамъ. Совокупность всѣхъ этихъ поморскихъ, около-озерныхъ и рѣчныхъ поселеній, связуясь въ одно цѣлое озерно-рѣчною поморскою системою, естественно образовала особую федеративную ассоціацію, называвшуюся *Поморскою Областью* или *Сѣвернымъ Поморьемъ*. Въ актахъ даже XVII вѣка Сѣверное Поморье часто представляется какъ бы совершенно особою отъ московскаго государства землею, въ родѣ особаго государства. Географическое, территориальное очертаніе Поморской Области въ актахъ обозначалось такимъ выраженіемъ: *все Поморье до Холмогоръ*.

Всѣ поименованныя и другія мѣстно-областные, территориальныя общины, первоначально образовавшіяся путемъ новгородской колонизаціи, потомъ окончательно установившіяся, опредѣлившіяся путемъ мѣстнаго, самостоятельнаго колонизаціоннаго самоустройства, каждая на особой рѣчной системѣ, составляли самобытныя, свободныя земли. А такъ какъ всѣ эти земщины первоначально все-таки были колоніи Новгорода, основались на землѣ св. Софіи и Новгорода, въ географической чертѣ одной сѣверной рѣчной системы, связывавшей въ одно цѣлое всю Новгородскую Землю, то всѣ онѣ были соединены органическою, федеративною связью съ Новгородомъ, назывались *волостями и пригородами святой Софіи и Новгорода*. Конфедеративное взаимодѣйствіе ихъ съ Новгородомъ выражалось во всей новгородской исторіи до эпохи московской централизаціи. По причинѣ такого федерально-колонизаціоннаго единства, во всѣхъ этихъ областяхъ текла одна жизнь и кровь новгородская, развивался новгородскій духъ народной воли, общиннаго самоуправленія, практической дѣятельности и промышленной предпринимчивости, отважнаго *повольничества* и порывчатой, *сбойчатой* стремительности, устойчивости, самовыдержанности. По причинѣ конфедеративнаго союза Новгорода съ его мѣстными общинами, разнообразными по естественнымъ богатствамъ волостями и пригородами, вслѣдствіе федеральнаго обобщенія мѣстныхъ силъ и богатствъ, Новгородъ былъ, въ средніе вѣка, и могучъ, и богатъ, былъ другъ западной Ганзы, *daraus*, по словамъ ганзейскихъ кунцовъ, *wie aus einem Brunquell alle andere Contors geflossen, und auf derselben Handlung gleichsam fundiret und gegründet* — чего не удостоилась Москва съ своимъ особеннымъ общеніемъ и складомъ. По причинѣ федеративной связи Новгорода съ колоніями — съ энергическою мощью и жизненностью возбуждался, потрясался весь организмъ вольной новгородской общины, при малѣйшемъ покушеніи московскихъ князей порвать федеративную связь Новгорода съ его волостями. Чуть отторгалась отъ метрополіи какая-нибудь часть, напримѣръ, Двина, сейчасъ новгородцы, бояре и черные люди, богатые и убогіе, отъ мала до велика собирались на вѣче и порѣшали: «пойдемъ или головы свои положимъ за землю св. Софіи и Новгорода, или найдемъ волости и пригороды св. Софіи и Новгороду».

При всемъ стремленіи Новгорода прикрѣпить къ себѣ прочною связью свои колоніи, мѣстныя самобытныя земщины — стремленіи, особенно обна-ружившемся въ XIV вѣкѣ, въ эпоху колоніальныхъ войнъ съ Москвою за

сухоно-двинскія волости, федерализмъ новгородскій, однакожь, нисколько не заключалъ въ себѣ элементовъ противоестественной централизаціи. Напротивъ, вслѣдствіе свободнаго, естественно-историческаго, федеративно-колонизаціоннаго самоустройства каждой отдѣльной земщины, вслѣдствіе начала рѣчной и вообще географической систематизаціи, сгруппировки областныхъ общинъ, мѣстных, особно-рѣчныя земщины постоянно стремились къ территоріальной самостоятельности и къ мѣстному экономическому общинному самоустройству. И вольный Новгородъ, простирая свои колоніи все дальше и дальше, не смелъ нарушать свободнаго развитія мѣстных общинъ на особыхъ рѣчныхъ системахъ. И въ самихъ мѣстныхъ общинахъ стремленіе къ территоріальной самобытности и къ мѣстному хозяйственному самоустройству такъ было обычно и живуче, что онѣ и послѣ въ эпоху московской централизаціи, долго отстаивали свою мѣстную самобытность. Такъ, Кеврола и Мезень основались на особой рѣчной системѣ, отдѣльной отъ рѣки Двины, но подъ вліяніемъ новгородско-двинской колонизаціи. По единству колонизаціи и смежности, Двинская Земля не прерывала федеративной связи съ Кеврольскимъ и Мезенскимъ станами: федеративное единство этихъ становъ съ своею землею двиняне выражали такъ: «та земля Кеврола и Мезень одна съ нами... Кеврола и Мезень съ Двиною одна земля». Но по особности, отдѣльности рѣчной системы и по независимости дальнѣйшаго колонизаціоннаго самоустройства, Кеврола и Мезень стремились къ мѣстной самобытности, къ свободному общинному самораспоряженію, противились государственной-экономической-пищевой-принципѣ къ Двинѣ, отбивались отъ стрѣлецкихъ сотниковъ, отъ городового дѣла вмѣстѣ съ двинянами и просили царя «быть особно». Это стремленіе мѣстныхъ общинъ къ особности было непрерывное. Тѣ же станы, Кеврольскій и Мезенскій, въ совокупности съ пинежанами Большой Пѣнеги и Малой Пѣнежки, съ Закольской и Пилъгорской волостями, въ 1607 г. просились на особицу отъ Двины, отъ Холмогоръ, на томъ основаніи, что они живутъ отъ холмогорскаго города за 300 и за 400 и за 500 верстъ и больше, и счету имъ съ двинянами и холмогорцами ни въ чемъ не бывало, а считались они *опроче, межъ себя всеми своими волостями*. Въ области новгородскихъ пятинь, также еще въ XVII вѣкѣ обнаруживалось извѣстное стремленіе волостей, *выставокъ*, или погостскихъ колоній, къ особности и мѣстному хозяйственному самоуправленію. Такъ, напримѣръ, въ Обонежской пятинѣ, еще въ первой четверти XVII-го столѣтія, Оштинскаго погоста выставка, волость Шимоозера съ своими выставками — *выселками* просилась распорядиться своими *мірскими розмѣтами особно, опроче Оштинскаго погоста*, «для того, что та волостка отъ Оштинскаго погоста 50 верстъ, а выставки за 70 и больше, и стали за мхами и за болотами, да имъ же Оштинскаго погоста отъ старость и отъ цѣловальниковъ и отъ праветчиковъ въ податяхъ и въ мірскихъ розмѣтахъ продажи великія». Точно также Важенскаго погоста выставка — волость Святозерская *шопотала* о томъ, чтобъ относиться въ казну въ Великій Новгородъ *собом, однаю свою волосткою, а съ Важенскій погостъ не тянутъ* и отписаться отъ него «для того, что та волостка отъ Важенскаго погоста 120 верстъ и

и за мхами и за болотами, да имъ же отъ старость и отъ цѣловаль-
въ Важенскаго погоста продажи великія». Такимъ образомъ, новго-
кія волости-выставки, постепенно колонизуясь, расширяясь посред-
ствомъ своихъ выселковъ, новыхъ выставокъ, стремились къ самобытной
и, къ дальнѣйшему территориальному саморазвитію посредствомъ ко-
заціи и къ самостоятельному земскому самоустройству. Это стре-
іе волостей и большихъ выставокъ новгородскихъ погостовъ къ само-
тельности, къ обособленію, изстари прежде всего утверждалось на
ириальной, географической, колонизаціонной основѣ, и потомъ на
иственномъ стремленіи мѣстныхъ общинъ къ земскому самоуправленію
зайствованному самоустройству. Обширность мѣстной территоріи, отдѣль-
ь, особенность рѣчной системы, черезполосность и другія топографиче-
причины, наконецъ взаимная неурядица и разладъ были естествен-
и главными побужденіями къ отдѣленію одной мѣстной общины
другой—напримѣръ, большихъ выставокъ, колоній отъ погостовъ,
ополій ихъ.

Области приуральскія, хотя также первоначальную основу получили
Новгорода, но по совершенной отдѣльности рѣчной системы и по
яности племенного состава и историко-этнографическаго самообразо-
і, рано обособились отъ новгородскаго федеративнаго союза. Здѣсь
ная рѣчная система, какъ извѣстно, вятско-камская. Главныя финскія
ена, здѣсь обитавшія, пермяки, зыряне, вогуличи, вотяки, черемисы,
оч., составляли особую отличительную отъ чуждскихъ племенъ новго-
кой земли группу, съ примѣсью болгарскихъ и тюрко-татарскихъ эле-
овъ. Слитіе ихъ съ новгородскою, ростовско-суздальскою или москов-
, вообще славяно-русскою народностью естественно развивало особый
графическій типъ великорусской народности. Вслѣдствіе такихъ гео-
ическихъ и этнографическихъ особенностей, общины, устроившіяся
ѣчныхъ системахъ Камы и Вятки, естественно образовали двѣ особыя
сти—*Пермскую Землю* и *Вятскую Землю*. Пермская Земля, по причинѣ
ности своей обширной камской системы, отдѣленной отъ сѣверо-двин-
системы увалами, по причинѣ особенности, отдѣльности обширной при-
ьской территоріи, естественно обособилась отъ новгородской земли
мъ постепенной колонизаціи изъ разныхъ мѣстностей новгородскихъ,
но-двинскихъ, вычегодскихъ и ростовско-суздальскихъ или волжскихъ,
дствіе своеобразной историко-этнографической организаціи населенія
смѣси туземной своеобразной зырянско-пермякской и отчасти вогуль-
стихій съ разнообластными славяно-русскими колонистами. Изста-
тая земская самобытность пермской области выражалась въ собствен-
туземномъ управленіи. Въ Пермской Землѣ, до окончательнаго при-
иженія ея къ московскому государству, были свои туземные князья,
ятно, изъ пермскаго племени, которыхъ лѣтопись насчитываетъ до
адцати. Воспоминаніе о самобытности Пермской Земли такъ было
че въ нѣкоторыхъ пермскихъ поколѣніяхъ, что еще во второй поло-
XVII-го вѣка выразилось въ появленіи самозванца, подъ именемъ
ко-пермскаго князя. Вятская Земля, древняя колонія Новгорода, еще

въ XII вѣкѣ образовала особую область, по рѣчной системѣ Вятки и ствiе своеобразнаго колонизаціонно-этнографическаго склада изъ новгородско-двинскаго, *ушкуйничьяго*, *повольничьяго* населенiя съ тѣмъ черемисско-вятскою народностью. О земскомъ обособленiи и общи самоуправленiи Вятской Земли въ хлыновской лѣтописи такъ сказано: «начали вятчане общежителъствовати, самовластвуя, управлялись дѣлились своими жителями, и нравы свои отеческіе и законы и новгородскіе сохраняли много лѣтъ, до обладанiя великихъ русскихъ, и прозвались вятчане по рѣкѣ Вяткѣ. Самовластны 278 лѣтъ».

Такъ какъ вятско-камская рѣчная система и приуральская терри- сѣверными увалами совершенно отдѣлялась отъ сѣверо-двинской с и отъ всей новгородско-поморской территорiи, то Земля Пермская и Вятская, естественно, образовали новую, отдѣльную отъ новгородс деративной системы, приуральскую областную федерацію. Этотъ сок выражался во взаимной общинно-областной помощи. Въ вышеупом грамотѣ 1636 года онъ изображается такъ: «Въ иныхъ городахъ в скахъ городъ городу помогаютъ: *Солн Камской* посадскимъ и уѣз людямъ помогаютъ *чердынцы*, *да кайгородцы*, *да къ Солн же Камской* на ямъ въ подмогу *вятчане* по 500 рублевъ на годъ». Но при этомъ ративномъ взаимодействіи, и въ приуральской федераціи, такъ же в новгородской, отдѣльныя, мѣстныя общины стремились къ осо къ самостоятельности. Каждая индивидуальная, мѣстная община и в этой федераціи имѣла свой самобытный кругъ общинной дѣятел на основанiи поземельной обособленности одною рѣчною системо такомъ случаѣ, общины или группировались по нѣскольку вмѣст каждая считалась особою. Такъ Обвинскій и Инъвинскій станы, и тянувшіе къ Перми, вслѣдствіе обилія «пашней великихъ и земель мыхъ, хлѣбу, и меду, и хмѣлю, и мѣстъ теплыхъ» отовсюду привле много поселенцевъ, стремились къ особности отъ Перми и Черды причинѣ особнаго положенiя по рр. Обвѣ и Иньвѣ.

Средняя полоса Великой Россiи, колонизовавшаяся на системѣ в и средней Волги, путемъ ростовско-суздальской колонизаціи естест исторически образовала особую область, или особую федерацію город и сельскихъ общинъ. Тутъ первоначально обитало одно финское *меря*. Вслѣдствіе новгородской и преимущественно южно и западе ской колонизаціи, оно отчасти обрусѣло, но большею частью отт было въ общее сѣверо-восточное убѣжище финскихъ племенъ, въ Пе зырянскую Украину и на юго-востокъ. Послѣ того, какъ въ этой п рядомъ съ финскимъ городомъ Ростовомъ, основаны были предками Долгорукаго первые славянскіе города Суздаль, Ярославль и Владимі Клязьмѣ. Юрій Долгорукій, неутомимый устроитель *польской и зал* московско-суздальской земли, основалъ почти всѣ прочіе города, в щіеся нынѣ на этой полосѣ, начиная отъ Москвы и Коснятина (в ховы Волги) и оканчивая Костромой. Дѣти и внуки его только дост крайніе города въ пограничныхъ предѣлахъ ростовско-суздальской

и территориальных владений Юрьева рода: Всеволодъ III—Тверь 1182 году, Юрій Всеволодовичъ—Нижній Новгородъ въ 1221 году. Изъ этихъ верхне и средне-волжскихъ городовъ князья, бояре, владыки монастыри выводили по *бортнымъ, пашеннымъ, рыболовнымъ, сокольнымъ, солянымъ* и другимъ хозяйственнымъ путямъ, *ухажаямъ и ставкамъ* свои *починки, села и волости бортничьи, рыболовы, сокольничьи, пашенные*, или, какъ иначе они назывались, *хлебные*, и т. д., по своимъ *здамъ, по кое мѣсто чей былъ уездъ*, по выраженію актовъ. Совокупность много городовъ всѣхъ колонизаціонно-хозяйственныхъ городскихъ путей, *ухажавъ и становъ съ селеніями при нихъ, въ тѣхъ предѣлахъ, по кое сто были эти* обще-городовые хозяйственные *уезды*, совокупность эта разовала территорію городовъ—общіе городовые *уезды и станы*, которые первоначально имѣли хозяйственно-промышленное значеніе, и впоследствии получили правительственный характеръ. Рядомъ съ городскими, *шведальческими*, хозяйственными колоніями, въ уѣздахъ и станахъ родовыхъ, вольные, *охочіе люди, садясь на черномъ лѣсу, посажая, поставя починки и деревни на лѣсѣхъ* и ширясь по мѣрѣ того, *куда ходилъ тотъ, коса и сола*, постепенно, цѣлыми общинами, *поговоря со всѣмъ міромъ, еляли черныя волости*. Совокупность всѣхъ верхне и средне-волжскихъ городовъ съ ихъ уѣздами, станами и волостями составляла одну, неразрывную областную федерацію общинъ, по причинѣ основанія всѣхъ этихъ городовъ однимъ княжескимъ родомъ, вслѣдствіе федеральности, общинности колонизаціи, по которой колонисты свободно переходили изъ одной части въ другую, постоянно перезывались въ каждое княжество *изъ этихъ княженій и волостей*, и, наконецъ, вслѣдствіе распространенія по всей системѣ верхней и средней Волги одной, соединительной колонизаціи—московско-суздальской: княжеской, боярской, владычней и монастырской. Кромѣ того, область всѣхъ этихъ городовъ съ ихъ уѣздами и волостями, область ростовско-суздальскаго колонизаціоннаго строительства *вѣка цикла*, естественно смыкала и опредѣляла рѣчная система верхней и средней Волги до впаденія въ нее Оки, или до Нижняго Новгорода *ключительно*. На западѣ границей ея были притоки Москвы-рѣки, на северѣ—верховья Волги, на востокѣ—верховья Шексны, Костромы, Унжи, Ветлуги, на югѣ—южные притоки Оки. При Юріи Долгорукомъ, вся средняя полоса Великой Россіи, по рѣчной системѣ и по единству колонизаціи, естественно представляла нераздѣльное цѣлое и образовала новую областную федерацію мѣстныхъ общинъ, въ формѣ *Ростовско-суздальскаго княжества*, или иначе, *Ростовской и Суздальской Земли*. А потомъ, особенно послѣ Всеволода III или Великаго, вслѣдствіе общаго *цневѣковаго* стремленія городскихъ и даже сельскихъ общинъ къ особности, къ дробленію, а княжескихъ земель къ удѣльности, почти всѣ города ростовско-суздальской федераціи обратились въ удѣльные. Но и въ федеративная связь между ними нисколько не прерывалась, напротивъ, крѣпко поддерживалась, сплочалась географическою связью, единствомъ рода удѣльныхъ князей, колонизаціонною общинностью и, въ частности, обще-соединительною стѣною церковной московско-суздальской ко-

лонизаціи, охватившей всю область верхней и средней Волги съ ея притоками и стягивавшей ее къ Ростову, Суздалью, Владиміру и главнымъ образомъ къ Москвѣ. Вслѣдствіе этой-то колонизаціонно-географической связи, между прочимъ, и успѣли московскіе князья положить начало государственной централизаціи прежде всего въ средней полосѣ велико-русской земли и такимъ образомъ нарушилось историческое развитіе федеративнаго устройства Россіи. Земская территоріальная особенность Московской области, въ собственномъ, тѣсномъ значеніи средневѣковой *Москови*, равноправность и равнозначительность ея съ прочими областями общей велико-русской федераціи, до образованія Московскаго государства и «соединенія русской земли», выражалась въ собственномъ, индивидуальномъ названіи ея *Московскою Землею*—названіи, равнозначительномъ тогдашнимъ областнымъ наименованіямъ: Земля Новгородская, Земля Двинская, Земля Пермская, и т. д. Древнее начало децентрализаціи, земской особенности такъ крѣпко вкоренилось въ историческую основу всего велико-русскаго областного строя, что еще въ XVII вѣкѣ Московская область обозначалась въ своихъ первоначально-составныхъ, особыхъ территоріальныхъ частяхъ дѣлилась на *государство Володимірское и государство Московское*, такъ же какъ и всѣ другія русскія и инородческія области представлялись раздѣльными *царствами и государствами*; писалось, напримѣръ: «Царство Сибирское, Царство Астраханское, Государство Новгородское, Государство Псковское, и всѣ великія царства и государства великаго Московскаго царства».

Наконецъ, о земско-исторической особености Юго-восточной Украины, присоединенной къ общей велико-русской землѣ уже въ эпоху московской централизаціи, нечего и говорить. Она естественно образовала особую область или федерацію городскихъ и сельскихъ общинъ, и по историко-этнографическимъ и по географическимъ условіямъ. Юго-восточное за-волжское и за-камское Приуралье составляетъ особый географическій округъ, и рѣкою Камою и ея притокомъ Чусовой естественно отдѣляется отъ сѣверо-восточнаго пермскаго Приуралья, образовавшаго по камско-вятской системѣ особую область, а начиная отъ рѣки Свѣяги и этнографически совершенно обособляется отъ древне-московской земли. Съ XIII вѣка на этомъ пространствѣ основалось особое царство татарское, сложившееся изъ отличительныхъ, инородческихъ національностей—финскихъ и тюрко-татарскихъ. Эти народности до XVI вѣка имѣли свою самобытную исторію, сами собою организовали и въ теченіе всей древней исторіи почти во всей цѣлости сохраняли свою національность. Изстариная коренная эвасская особенность Юго-восточной Украины и на официальномъ московскомъ языкѣ до конца XVII столѣтія выражалась старымъ отличительнымъ названіемъ юго-восточнаго татарскаго края *Казанскимъ Царствомъ и государствомъ*. Весь край въ правительственно-географическомъ отношеніи дѣлился по туземнымъ *орогамъ*, напримѣръ, *по зурейской дорогѣ*, *по алмазской дорогѣ*, и т. д. Однимъ словомъ, *татарщина* всецѣло преобладала въ этомъ пространствѣ или краѣ.

Такимъ образомъ, всѣ велико-русскія области представляли нѣсколько особыхъ, самостоятельныхъ, федеративныхъ группъ, образовавшихся изъ

• колонизаціоннаго самоустройства, большею частію по рѣчнымъ системамъ. Каждая федерація, и въ ней каждая мѣстная община стремились территориальной особности, не прерывая федеративной связи между ю, основанной на колонизаціонной общности, союзности. Вслѣдствіе оначалаго земскаго самообразованія путемъ колонизаціи на отдѣльных рѣчныхъ системахъ, областныя общины стремились къ земско-народ-самобытности, къ дальнѣйшему территориальному саморасширенію, къ кому общественному самоустройству и самоуправленію. Каждая область должна была сама-собою дальнѣйшую колонизацію своей территоріи, путемъ тавленья, посаженія новыхъ починковъ и деревень на лѣсахъ», путемъ «называемыхъ *выставокъ* или *выселковъ* изъ большихъ старыхъ поселеній. По принципу поземельной общинности, всѣ члены областныхъ общин давали земли *всѣмъ міромъ*, или *поговоря съ своею братьею и съ всею тѣю, съ сусѣдами съ волостными*. Народъ въ областяхъ до XV вѣка звался полнымъ земскимъ самоуправленіемъ, выражавшимся въ формахъ *и, земскихъ совѣтовъ*, сельскихъ *мірскихъ сходовъ*, остатки которыхъ сохранились еще въ XVI и отчасти XVII столѣтіяхъ. Общинный, народный авъ и полноправность областного вѣча выражались, напримѣръ, въ слѣдующей формулѣ: «и владыка новгородской, и посадникъ, и тысяцкой, и е, и житейскіе люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ и грамоту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Всякое важное дѣло совершалось по совѣту *со всей землей*. Вятчане, напримѣръ, въ послѣдній часъ земско-областной свободы, когда ужъ принуждены были отдать 64,000-ю ратью московскою цѣловать крестъ великому князю, и да еще отвѣчали на требованіе московскихъ воеводъ — выдать измѣнниковъ и крамольниковъ: «дайте намъ, господа, сроку до завтра; мы это слово скажемъ *всей землѣ вятской*». Живя самобытною жизнію въ бративномъ взаимно-отношеніи, почти всѣ главныя великорусскія общины имѣли свои лѣтописи, въ которыхъ выражалась ихъ самостоятельная, мѣстная жизнь, въ связи съ другими соприкасавшимися съ ними общинами. Такъ, напримѣръ, великая лѣтопись московская, лѣтопись новгородская, лѣтопись суздальская, лѣтопись двинская, лѣтопись поморская, лѣтопись кожезерская, лѣтопись хлыновская.

Вслѣдствіе образованія путемъ славяно-русской колонизаціи среди славянскихъ и другихъ инородческихъ племенъ, и вслѣдствіе вѣкового стремленія къ земской особности и самобытности, областныя общины естественно получали разнообразную этнографическую организацію и составъ. Въ этомъ отношеніи основная идея всей фیزیологической исторіи великорусскаго народа есть идея послѣдовательнаго историко-этнографическаго областного самообразованія, разнообразной мѣстной организаціи, естественнаго народожденія, народстанія велико-русской народности, посредствомъ принятія въ составъ ея, въ различныхъ областяхъ, разныхъ инородческихъ элементовъ — финскихъ, тюрко-татарскихъ, монгольскихъ и другихъ, вслѣдствіе постепенной славянской колонизаціи среди этихъ инородческихъ народностей. Тогда какъ съ XVI вѣка, со времени направленія великорусской колонизаціи въ казанское и сибирское царства, этотъ исто-

рико-этнографическій процессъ нарожденія, нарастанія великорусской народности совершался въ этихъ странахъ, претворяя въ массу ея тюрко-татарскія и монгольскія народности—до XVI столѣтія, онъ совершался почти исключительно на сѣверо-востокѣ, въ финскихъ областяхъ. Вслѣдствіе такого, историко-этнографическаго процесса, великорусская народность въ болѣе части этихъ областей не представляетъ чистый славянскій элементъ, а организовалась изъ сліянія славянскаго элемента съ финскими народностями, изъ претворенія ихъ въ русскую народность. Обитавшія въ IX вѣкѣ, въ Восточной Россіи, разныя финскія племена не исчезли, какъ обыкновенно говорится, а переродились въ русскихъ, обрусѣли, и такимъ образомъ въ разныхъ областяхъ приносили въ составъ велико-русской народности элементы областныхъ особенностей. Процессъ сліянія ихъ съ велико-русскимъ народомъ, перерожденія въ русскихъ совершался обыкновенно путемъ колонизаціи, поселенія среди нихъ русскихъ, посредствомъ взаимныхъ торговыхъ, промышленныхъ, общежительныхъ сношеній и браковъ, посредствомъ принятія финскими племенами русской вѣры, русскихъ костюмовъ, нравовъ и обычаевъ, и, наконецъ, посредствомъ усвоенія русскаго языка. Земско-городовыя и церковныя власти, бояре и другіе землевладѣльцы, пріобрѣтая власть, или *волюсть* надъ разными инородцами, такимъ образомъ основывали свои *волюсти*. Потомъ инородцевъ крестили въ русскую вѣру. А это обращеніе инородцевъ, посредствомъ крещенія въ *христіанскъ*, или по тогдашнему словопотребленію въ *крестіянскъ*, на тогданемъ языкѣ было тождественно съ обращеніемъ ихъ въ *крестіянскъ*. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ поморьѣ, лопари сначала пріобрѣтались въ вотчинное владѣніе подъ собственнымъ именемъ; напримѣръ, волость Кемь отдавалась съ дѣшными озерами и съ *лопарями*. Потомъ эти лопари, по словамъ игумена соловеньскаго, Досіея, *быша христіане*. А въ слѣдующихъ грамотахъ, грамотахъ конца XVI вѣка, эти же самые лопари уже называются *крестіанами*. Такъ было вездѣ. Браки съ русскими довершали обрусѣніе инородческихъ генераций. Почему во многихъ областяхъ прозвища крестьянскія были инородческія, заимствовались отъ отцовъ и дѣдов—инородцевъ. Только не подчинявшіеся славяно-русскому вліянію чудскія племена вытѣснены были натискомъ славянской колонизаціи на Украйну, и тамъ, однакожъ, не избѣжали общей участи, постепенно русѣли. А остатки ихъ въ разныхъ украинскихъ сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ областяхъ и донынѣ мало-по-малу русѣютъ. Напримѣръ, въ области поморской, новгородская колонизація распространялась главнымъ образомъ между двумя финскими племенами—лопарями и карелами, подраздѣлявшимися въ XV вѣкѣ, на нѣсколько родовъ, каковы, напримѣръ, карельскіе роды: курешны, рюкшуды, вымольны, тиврульны, валденскій родъ и другіе. Курдѣвалась большая часть этихъ древнихъ жителей бѣломорскаго побережья. Извѣстный филологъ Кастрень, хорошо изслѣдовавшій историческія судьбы финновъ, говоритъ, что финская народность по берегамъ Бѣлаго моря сслилась съ русскою, претворилась въ русскую національность. «Что русскіе поселившись здѣсь мирно прибавляютъ онъ, приняли въ себя народность финскую, а не покоряли ее, то доказывается и нечистотою языка архан-

гелогородцевъ, наполненнаго финницизмомъ, и финскимъ обличіемъ, непрерывно попадающимъ подъ русскою пліяною». Да и на памяти исторіи, какъ бѣломорскіе инородцы, мало-по-малу русѣя и обращаясь въ русскихъ крестьянъ, постепенно и медленно усвоили русскій языкъ. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтія, игумень соловецкій Досифей объ нихъ писалъ: «тамъ, близъ моря и вокругъ острова Соловецкаго живущіе народы—*чудь, лопь и ижера*—*мало свѣдующіе російскаго языка*». Потому и въ купчихъ и данныхъ грамотахъ соловецкихъ XV и XVI вѣка языкъ русскій чрезвычайно нечистый, исковерканный непонятными словами и неправильными или своеобразными оборотами и сочетаніями словъ, чуждымъ языку новгородскихъ лѣтописей и актовъ. Въ Вотской пятинѣ обитавшія нѣкогда финскія племена водь, лопь и ижора также не исчезли, а мало-по-малу сливались съ новгородцами. Новгородцы жили съ ними мирно съ тѣхъ поръ, какъ подчинили ихъ своей власти, допускали туземцевъ финскихъ въ общинные старосты, и такимъ довѣріемъ привлекали ихъ къ своей народности. Вотскіе инородцы, однакожъ, долго, до XVI и даже XVII столѣтія сохраняли свой типъ, свои племенные вѣрованія и обычаи: покла-нялись, какъ и всѣ финны, деревьямъ и камнямъ, приносили имъ въ жертву пищу и питье; мертвыхъ клали въ лѣсахъ по курганамъ, арбуи давали младенцамъ имена финскія. почему въ писцовыхъ книгахъ часто встрѣчаются между жителями имена все не-русскія, чудскія. Погосты новгородскіе, и по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, числились въ *чудехъ*; села и деревни были еще сплошь и рядомъ населены чудью. По лѣсамъ всюду находились чудскіе священные камни и деревья: отъ финскихъ *сейдъ* получилъ названіе и погостъ *Сейдовскій*. Точно также въ областяхъ, населенныхъ преимущественно новгородцами, среди *Веси Бѣловодской* на Бѣлоозерѣ и *чуди*, жившей на рѣкахъ Вологдѣ, Сухонѣ и Югѣ, долго сохранялись оттѣнки финской народности, особенно идиотизмы языка. Такъ, еще въ XVI вѣкѣ, Герберштейнъ писалъ о жителяхъ Бѣлозерской области, гдѣ русскій элементъ смѣшался съ Чудскою Весью: «*Hujus loci indigenae proprium habent idioma, quamvis nunc ferme omnes ruthenice loquantur*». То же онъ замѣчаетъ о жителяхъ области Вологодско-устюжской: «*idioma proprium, quamvis ruthenico magis utuntur*». Недаромъ и въ присловьяхъ народныхъ эти области доселѣ называются *Чудью бѣлоглазю*. Новгородско-русское населеніе каргопольской мѣстности также образовалось изъ сліянія съ мѣстными чудскими племенами, которыя назывались въ древнихъ намятникахъ *сыротцами*; почему въ присловьяхъ областныхъ доселѣ говорится: «каргопольцы сыротцы—чудь бѣлоглазая». Въ Закубены, въ Заволочьи, гдѣ были *чудь-сыротцы*, еще въ XVII в. вся мѣстность называлась *сыротжжина земля*. Въ Тверской Карелии, гдѣ и геогностико-археологическій характеръ края сохраняетъ много слѣдовъ отдаленнаго финскаго быта, несмотря на вѣковое сильное вліяніе славянскаго населенія—тверскаго, новгородскаго, ростовско-суздальскаго и отчасти литовско-русскаго, и нынѣ еще сохраняется между русскимъ населеніемъ финскій народецъ—карелы. Онъ составляетъ или отрывокъ отъ онежско-бѣломорскаго племени кареловъ, оттѣсненный въ Везьегонскій и Бѣжецкій уѣзды первоначальнымъ

движеніемъ новгородской колонизаціи, или колонію Соловецкаго монастыря изъ Поморской Кареліи, такъ какъ у этого монастыря были колоніи и между Поморской Кареліей и въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Этотъ тверской народецъ карелы весьма туго подвергается обрусѣнію, доселѣ отличается многими своеобразными нравами, ни въ чемъ непохожими на русскіе; еще и нынѣ есть селенія, въ которыхъ не всякая женщина умѣетъ говорить по-русски, въ которыхъ вѣрхомъ оскорбительной брани считается «*рушій*». Не говоримъ уже объ этнографической сложности, составности и фیزیономической и лингвистической особенности русскаго населенія въ Вятской и Пермской областяхъ—въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ среди финскихъ зырянъ, пермяковъ, вогуличей, вотяковъ и черемисъ, остатки которыхъ донынѣ еще существуютъ въ этихъ областяхъ и постепенно русѣютъ. Въ виконовской лѣтописи области Двинская, Вычегодская, Пермская и Вятская въ концѣ XIV в. еще назывались «*иноязычными странами и землями*». Слѣды иноязычности ихъ, привнесившей здѣсь въ великорусскую народность свою долю областной своеобразности, долго были цѣлы и явственны. Напримѣръ, подслѣповатые жители Вычегодской области, обитающіе по рѣкѣ Вычегдѣ, которые, по преданію, со времени Стефана Пермскаго, и доселѣ называются *слѣпыми*, суть не что иное, какъ обрусѣлые зыряне. Въ Пермской Землѣ еще въ началѣ XVI вѣка туземцы далеко не обрусѣли вполне, не усвоили себѣ обычаевъ славяно-русской народности, жили по своенародному, или, какъ писалъ московскій митрополитъ Симонъ, «*по вѣтскому и по татарскому обычаю*». Даже въ XVII в. пермскіе крестьяне плохо говорили по-русски. Въ наказной памяти 1643 года торговому чело-вѣку гостиной сотни Онофрѣву о нихъ замѣчено: «деревенскіе пашенные крестьяне пермяки *иные мало и по-русски говорятъ*» (А. Э. III, № 320). Въ Вятской Землѣ было то же, какъ можно видѣть изъ посланія московскаго митрополита Іоны: здѣсь также и въ XVII вѣкѣ русскіе постоянно были даже еще не въ ладу съ инородцами, особенно съ черемисами.

Не входя въ дальнѣйшія историко-этнографическія подробности, замѣтимъ вообще относительно этнографической организаціи велико-русской народности въ разныхъ областяхъ, что въ этомъ отношеніи особенно рѣзко различаются между собой массы населенія сѣверо-восточныхъ и средне-вожскихъ областей. Не говоримъ уже объ этнографическомъ характерѣ юго-восточнаго края. Сѣверные увалы, раздѣляющіе рѣчныя системы сѣверо-двинскую и вожско-камскую и составлявшіе въ древней нашей исторіи разграничительную черту въ ходѣ и направленіи новгородской и московской колонизаціи—сѣверные увалы образовали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и этнографическую границу областей. Къ сѣверу за ними еще и нынѣ ясны были слѣды финскаго населенія. Финское племя, нѣкогда господствовавшее за увалами, не осталось безслѣднымъ въ историко-этнографической организаціи русскаго населенія этихъ областей: рыжіе волосы, маленькіе глаза, широкія лица говорятъ ясно, что финны составляли когда-то главное населеніе Заволочья, и, утративъ свой языкъ, свои обычаи, сохранили физическія особенности и наложили ихъ даже на славянъ-гостей въ этой сторонѣ. Но по юю сторону уваловъ, въ областяхъ верхне-вож-

скихъ, начинаетъ преобладать болѣе или менѣе чистый славянскій типъ, особенно въ женскихъ фізіономіяхъ. Впрочемъ, и въ самой Ростовско-Московской области не вдругъ исчезъ древній *чудско-мерьскій* элементъ. До XIII столѣтія, ростовцы, какъ видно изъ житія Аврамія Ростовскаго, *живяху чудски*, и Ростовъ, по племенному и религіозному антагонизму, дѣлился на два конца: *Славянскій* и *Чудскій*. Слѣды чудско-мерьскаго обличья не вдругъ, конечно, изгладились и въ городѣ Галичѣ-Мерьскомъ, въ селахъ московскихъ, называвшихся по имени *мери*, и въ тѣхъ многочисленныхъ селеніяхъ Московской, Ярославской, Владимірской, Костромской и другихъ губерній, въ которыхъ нѣкогда господствовалъ народъ чудскій, и которыя отъ него сохранили названія: Чудь, Чудины, Чудскія, Чудиново, и т. д. Независимо отъ финской стихіи, Московское Государство съ XVI вѣка представляло смѣсь, амальгаму всякихъ другихъ народностей. Въ смутное время, новгородцы въ своей стокгольмской грамотѣ такъ, напримѣръ, характеризовали его этнографическую разнородность: «Московского Государства всякихъ чиновъ люди, царевичи разныхъ государствъ, князи и мурзы, атаманы и казаки, новокрещенные и татарове, и литва, и нѣмцы», и проч. Населеніе Рязанской Земли представляло смѣсь славяно-русскаго населенія съ мордовскою и мещерскою стихіею. Нѣкоторые погосты Рязанскаго Княжества еще въ XIV вѣкѣ удерживали прежнее этнографическое названіе—мордовское и мещерское; напримѣръ, были *погосты мордовскіе, станы мещерскіе*. Въ числѣ бояръ рязанскихъ, въ XIV вѣкѣ, были люди инородческаго происхожденія, въ родѣ Софонія Алтыкулачевича.

Кромѣ историко-этнографическаго разнообразія и особенности, разнородности, велико-русскія областныя общины имѣли нѣкоторыя отличительныя особенности въ духовно-нравственномъ и матеріально-бытовомъ характерѣ народонаселенія. Напримѣръ, населеніе Рязанской, украинской области, сложившееся изъ бѣглыхъ и добровольныхъ выходцевъ изъ разныхъ русскихъ областей, жаждавшихъ степнаго простора и битвы съ «погаными», какъ тогда говорили, закаленныхъ въ постоянномъ бою сперва съ половцами, потомъ съ татарами, мордвою, крымцами, ногаями и съ Москвою, населеніе рязанское отличалось суровымъ, храбрымъ, воинственнымъ, отважнымъ характеромъ: по выраженію Герберштейна, было «gens audacissima, bellicosissimaque». Напротивъ, жители соседней Московской области, боровшейся съ Рязанью, собранные въ Московскую область большею частью силою великихъ князей и находившіеся въ ихъ сильной волѣ, частью собранные подъ сѣнію московскихъ монастырей и церковныхъ властей, жители Московской области, по свидѣтельству лѣтописи, отличались смиреніемъ и унованіемъ на Бога. Эти отличительныя черты рязанскаго и московскаго населенія лѣтопись XIV вѣка отмѣтила такъ: «рязанцы люди суровы, свирѣпы, високоумны, горды, отважны, людища, какъ чудища. говорятъ другъ другу: не берите съ собой ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни копьевъ, ни сабель, ни стрѣлъ, а берите только съ собой одни веревки. ремня, да ужища и станемъ вязать москвичей. А москвичи смиреніемъ и воздыханіемъ уновали на Господа Бога, и Господь увидѣлъ смиреніе

москвичей, и вознесъ ихъ». Мѣста около Оки и за Окой, гдѣ въ 1565 году построенъ былъ городъ Орловъ при впаденіи рѣки Орлика въ Оку, издавна были притономъ для разбойниковъ и *воровскихъ людей*. И вотъ орловцевъ изстари прозвали «проломленные головы», или по другой старинной поговоркѣ: «Орловъ да Кромы — старинные воры; Ливны, всѣмъ ворами дивны; Елецъ — всѣмъ ворами отецъ». Жители Ростовской области еще въ XII вѣкѣ, во время борьбы стараго, финскаго города Ростова съ новымъ, младшимъ, чисто-славянскимъ городомъ Владиміромъ, называли жителей Владимірской области *каменьщиками и древодѣльями*, черты, которыми и доселѣ характеризуются владимірцы. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, во многихъ селахъ жили все «хамовники и дѣловцы, промышлявшіе *скатертнымъ и убраннымъ дѣломъ*» (А. Э. III, № 280). Новгородцы, по нехлѣбородности своей земли и по обилію лѣса, по привычкѣ къ плаванію по рѣкамъ и озерамъ, съ самаго начала поселенія своего на Сѣверѣ, стали заниматься дѣланьемъ лодокъ, которыя сбывали на Югъ, и вообще плотничествомъ: въ самомъ Новгородѣ былъ особый *Плотничій конецъ*; въ Вотской пятинѣ по берегу Волхова у нихъ было нѣсколько деревень, которыя назывались *плотничими*. Въ Вотской же пятинѣ, въ Корельскомъ уѣздѣ, въ большей части погостовъ, жили плотники, которые ходили «для промыслу плотничнаго дѣла въ Москву, въ Новгородъ, въ Вологду, на Бѣло-Озеро и въ другіе города, артелями человекъ отъ 10 до 200» (А. Э. III, № 127). По этой чертѣ, жителей новгородской области еще въ X и XI столѣтіяхъ характеристически называли *плотниками*. Жители псковской области, находившіеся подъ вліяніемъ западныхъ началъ, отличались большею мягкостью нравовъ, большею гуманностью (*humanioribus*, по отзыву Герберштейна), чѣмъ москвичи, которыхъ областныя лѣтописи, напр., ростовская и псковская, прямо обличаютъ въ «насиліи». Только въ эпоху московской централизаціи, съ успленіемъ московскаго вліянія въ областяхъ, псковскіе нравы утратили свою отличительную особенность, воспринявъ многія черты московскихъ нравовъ: «unde factum, говоритъ Герберштейнъ, ut pro *cultivioribus atque adeo humanioribus plescorienseum moribus* corruptiones in omnibus fereribus moscoviensium mores sint introducti». Какъ новгородцы, смѣлые, предприимчивые искатели земель, колонизаторы, образовали особый типъ *ушкунниковъ, молодцовъ, сбивчатыхъ людей*, такъ жители Двинской приморской земли, изстари имѣя дѣло съ моремъ, занимаясь ловлей морскихъ звѣрей, *веснованьемъ*, выработали особый промышленный типъ — *кромщиковъ, весновальниковъ*, типъ, который характеристически изображается въ разнообразныхъ поморскихъ легендахъ о мѣстныхъ святыхъ XVII вѣка. Такъ точно и другія областныя общины чѣмъ-нибудь да отличались одна отъ другой¹⁾. Предполагая въ особыхъ «Очеркахъ исторіи народнаго просвѣщенія и міросозерцанія» изложить подробную историческую характеристику отличительныхъ особенно-

¹⁾ Даже предметы производства имѣли мѣстныя особенности, различались по мѣстамъ работы, напримѣръ, были особые *сани княземскія* и *сани владимірскія*, *пищали устюжскаго дѣла*, безмѣны *костромскіе*, мыло *костромское*, братинки *корельскія*, блязды и братинки *колужскія*, и т. д. (А. Э. III. № 241, 291. А. II. 1, № 158).

стей областного міросозерцанія, областныхъ легендъ, нарѣчій и проч., здѣсь мы отмѣтимъ только еще одну черту — религіозную, также характеризующую въ нѣкоторой степени мѣстную особность, раздѣльность, отличительность моральной жизни областей. Почти каждая область имѣла своего мѣстнаго святого, одного или нѣсколькихъ, и признавала ихъ особенными защитниками, патронами. *стражами* своей мѣстности и своего населенія, почитая въ то же время святыхъ всей русской церкви. Въ одной рукописи XVI вѣка объ этомъ читаемъ такое свидѣтельство: «Кіевъ блажитъ Антонія и Θεодосія печерскихъ чудотворцевъ; московское царство блажитъ Петра, Алексѣя и Іону и Максима; Псковъ же и Великій Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Θεодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія. *Каждая область своихъ блажитъ*. И мы, устюжане, блажимъ Прокопія Устюжскаго; сѣверная страна по Двинѣ-рѣкѣ, Вага-рѣка, на которой городъ Сенкурія (Шенкурскъ)—и тѣ блажатъ Георгія юродиваго Христа ради, Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы, устюжане, Прокопія имѣемъ у себя стражемъ и хранителемъ отчизны нашей, Устюга». Точно такъ и всѣ другія великорусскія мѣстныя общины чтили своихъ туземныхъ патроновъ, стражей-святыхъ, напр., Пермь—Стефана Пермскаго, Вятка—Николая Великорѣцкаго, волость Сійская—Антонія Сійскаго, и проч. Въ смутное время, когда области разрознились, каждая область въ перепискѣ съ другими областями напоминала о своемъ святомъ. Напримѣръ, вологжане писали къ своимъ сосѣдямъ вычегодцамъ: «а у насъ здѣся на Вологдѣ преподобный Димитрій (вологодскій) милость свою явилъ, обѣщался съ нами на враговъ стоять»; казанцы уповали и въ перепискахъ своихъ ссылались на своихъ мѣстныхъ святыхъ—Гурія, Варсаноеія и Германа казанскихъ, а москвичи — на Петра, Алексія и Іону московскихъ чудотворцевъ, и т. д. Подобно мѣстнымъ святымъ, въ каждой области были мѣстные патрональные храмы, напр., въ Новгородѣ—св. Софія, въ Псковѣ—св. Троица, въ Твери—св. Спасъ, во Владимірѣ—Успенская Богородица владимірская, въ Поморьи—*домъ* св. Спаса и Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ ¹⁾. Такая церковно-религіозная локализация была какъ бы освященіемъ начала областности, общаго стремленія областей къ нѣкоторой особности. Наконецъ, отмѣтимъ еще одну областную особенность, характеризующую духовно-нравственное различіе населенія областей московскихъ отъ населенія областей новгородскихъ, сѣверо-поморскихъ. Въ новгородско-поморской области—средоточіи *черныхъ волостей*, народоправныхъ общинъ, которыя до XV вѣка не были оброчными волостями великихъ князей московскихъ, а были вольными общинами, въ колоніи новгородскихъ боярскихъ фамилій, борющихся съ московскими царями за вѣчевую свободу, напр., Марѳы Посадницы, въ колоніи вольныхъ

¹⁾ Въ иконописи также отразилась областность: были областные, мѣстные пошбы, напр., новгородскій, устюжскій, пермскій или строгиновскій, суздальскій и московскій.

казаковъ, бобылей и всякихъ охочихъ выходцевъ—въ новгородско-поморской области население отличалось духомъ вольнымъ, упорнымъ: казаки, разгуливавшіе, переходившіе изъ волости въ волость, поддерживали этотъ духъ независимости, народной вольности. По причинѣ слабого распространенія въ поморьи приверженности къ церковной обрядности, по исключительному господству во многихъ мѣстахъ мірской *часовой* религіозности, наконецъ—по новгородско-псковской привычкѣ къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, въ новгородско-поморскомъ населеніи развивался и духъ церковной особности, который отчасти поддерживался и шведскими перебѣжчиками-протестантами. Напротивъ, въ московско-волжскихъ областяхъ, гдѣ сосредоточивался духъ греко-восточной церкви, гдѣ монастыри, исходя изъ Москвы, изъ Сергіевой лавры, распространились по всѣмъ московско-волжскимъ областямъ и вмѣстѣ съ своими вѣчными колоніями вездѣ распространили свое церковно-грековосточное вліяніе, въ московско-волжскихъ областяхъ население отличалось, если можно такъ выразиться, своеобразнымъ *московско-грековосточнымъ* типомъ, церковнымъ обрядолюбіемъ, духомъ приверженности къ іерархизму. При такомъ историческомъ направленіи и различіи духовно-нравственнаго характера населенія московско-волжскихъ и новгородско-поморскихъ областей понятно, почему въ первыхъ во второй половинѣ XVII вѣка возникъ расколъ *поповщинскій*, клерикально-іерархическій и просто *старообрядческій*, а въ новгородско-поморскихъ областяхъ—*безпоповщинскій*, расколъ *церковно-и гражданско-демократическій*. Далѣе, жители новгородско-поморскихъ областей, при всемъ обилии своеобразныхъ міеологическихъ суевѣрій, склонны были *собственнымъ умомъ, мыслью* уразумѣвать многія истины, склонны были къ простому натурально-религіозному міросозерцанію. «Вотъ поселяне (читаемъ въ одной соловецкой рукописи XVI вѣка о яренгскихъ чудотворцахъ): вотъ поселяне, то-есть живущіе тутъ въ веси Яренгѣ, *смысломъ* научаются мудрости: видятъ солнце, познаютъ присносущный свѣтъ; видятъ небеса, разумѣваютъ творчую славу; землю разсматриваютъ, внимаютъ владычному величеству; море видятъ, познаютъ силу владѣющаго; примѣчая добротное измѣненіе временъ, чудятся лѣнотѣ строящаго міръ; смотря звѣздное теченіе и лико-учиненіе, возносятся къ добротѣ сочетающаго то; смотря на луну, удивляются сіянію положившаго ее». Не даромъ стригольники, это своеобразное порожденіе псковско-новгородскаго духа, отрицая вѣшнюю церковность, проповѣдывали какой-то натуралистическій, или, частіе, уранический деизмъ, созерцали будто бы невидимаго Бога въ видимомъ небѣ. Напротивъ того, жители московско-волжскихъ областей болѣе жили *вѣрою* въ положительныя преданія и обрядосозерцаніемъ; по характеристическому выраженію царя Ивана Грознаго, «подобны царстѣи власти церковью и гробницею и покровомъ почитались». Московскій митрополитъ Фотій, представитель и выразитель православно-грекороссійскаго духа, обличая стригольниковъ, писалъ къ псковичамъ: «тѣи стригольницы, отпадающе отъ Бога, *на небо* *взирали тамо отца себѣ нарицающе*; а понеже бо самыхъ тѣхъ истинныхъ евангельскихъ благовѣстій и преданій апостольскихъ и отеческихъ невѣрующе, то како смѣ-

ютъ отъ земли къ воздуху зряще, Бога Отца себѣ нарицающе, и како убо могутъ отца себѣ нарицати?.. Тѣи стригольницы къ *Божіимъ церквамъ*, къ *господу земному* не имутъ быти прибѣгающе».

Такимъ образомъ, кромѣ колонизаціонно-географической, мѣстно-областной особенности, великорусскія области много имѣли разнообразія историко-этнографическаго и особенностей духовно-нравственныхъ. Вслѣдствіе такого историко-географическаго и этнографическаго разнообразія, вслѣдствіе вѣковой особенности, раздѣльности, разрозненности великорусскихъ областей, понятно, что онѣ не вдругъ могли поддаться централизаціи и образовать одно политическое тѣло. И дѣйствительно, дальнѣйшая исторія областныхъ общинъ, какъ Восточной, такъ и Западной Россіи, большею частію показала именно такія явленія и результаты.

Въ Великой Россіи всѣ самостоятельныя области долго боролись съ Москвою, упорно противодействовали московской централизаціи. Борьба эта всѣмъ извѣстна изъ русской исторіи. Областные лѣтописи, памятники самостоятельной жизни, мѣстнаго саморазвитія областей, органы областной, общинной, земско-народной думы, областныя лѣтописи, и отдѣльно, и въ московскихъ сборникахъ или сводахъ, подробно передали намъ исторію борьбы областныхъ общинъ съ московскою централизаціею. Борьба эта длилась почти съ половины XIII вѣка и до половины XV или даже до XVI столѣтія. Области верхней и средней Волги, связанныя съ Москвою ближайшею колонизаціонно-федеративною, удѣльно-родовою, церковною и политическою связью, эти области большею частію легко были присоединены къ Москвѣ; но и онѣ иногда сожалѣли о своей земской самобытности. Напримѣръ, лѣтопись передаетъ намъ въ такихъ чертахъ положеніе Ростовской земли, прежде другихъ областей присоединенной къ Москвѣ, и такъ изображаетъ при этомъ жалобы: «Когда настало насиліе большое, то-есть великое московское княженіе досталось великому князю Ивану Даниловичу, вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовское княженіе Москвѣ. Увы! Увы! тогда городу Ростову, особенно же князьямъ его! Отнялись отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава, и все прочее. И потянули его къ Москвѣ, вышло повелѣніе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ какъ воевода-какой одинъ вельможа, именемъ Василій, по прозванью Кочевъ, и съ нимъ Миней. Когда вошли въ городъ Ростовъ, то причинили большую нужду городу и всѣмъ жителямъ его и большое гоненіе умножили на него. И многіе ростовцы принуждены были отдавать свое имѣніе москвичамъ, а сами, кромѣ того, съ укоризнами претерпѣли раны на тѣлѣ... И что много говорить! столько насилія сдѣлали надъ Ростовомъ, что и самаго епарха городского, старѣйшаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкія, стремглавъ повѣсили, возложили на него свои руки и чуть живого оставили. И былъ страхъ большой на всѣхъ слышащихъ. Это было не только въ городѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ его предѣлахъ, и въ волостяхъ и въ селахъ». Области Рязанская и Тверская составляли крайнія, болѣе отдаленныя вѣтви московской федераціи, имѣли больше колонизаціонно-территоріальной самостоятельности и

этнографической своеобразности, особенности, и вотъ борьба ихъ съ Москвою за областную самобытность, всёѣмъ извѣстная изъ удѣльной русской исторіи, была особенно упорна и продолжительна. Потомъ, когда московскіе князья, охвативъ уже почти всю колонизаціонно-федеративную систему областей верхней и средней Волги, стали простираť централизацію въ предѣлы сѣверо-двинской новгородской колонизаціонно-территоріальной федераціи областей, начались вѣковыя, кровавыя колоніальныя войны Новгорода съ Москвою. Съ какимъ единодушіемъ возстали новгородцы, когда услышали, что московскій князь обольститъ ихъ колонію, Двину, отложиться къ Москвѣ, обѣщая ей областную земскую самобытность. «Собрались новгородцы (говоритъ лѣтописецъ новгородскій), и пошли къ владыкѣ своему Ивану: *не можемъ такого насилія терпѣть* отъ великаго князя Василя Димитріевича, что отнять у св. Софіи и Великаго Новгорода пригороды и волости, наши отчины и дѣдины, что пошло изначала, и мы, господине, хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, отчины своей и дѣдины. И цѣловали крестъ заедино, какъ имъ св. Софія и Великому Новгороду пригородовъ и волостей поискать¹⁾. И били челомъ владыкѣ посадники, и бояре, и дѣти боярскіе, и житейскіе люди, и купцы, и всё вои новгородскіе, и говорили: «Благослови, господинъ владыко, поискать намъ св. Софіи пригородовъ и волостей, *да или найдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новгороду, или головы свои положимъ за св. Софію и за Великій Новгородъ*»²⁾. И собрался весь Великій Новгородъ, отъ мала и до велика, отъ богатыхъ, убогихъ и нищихъ» — пошли отмстить за свои волости и, на этотъ разъ, еще спасли на недолгое время волости и пригороды св. Софіи и Великаго Новгорода отъ московской централизаціи. А рассказъ псковскаго лѣтописца «О псковскомъ взятіи, како взялъ его великій князь Василій Ивановичъ» дышитъ самымъ сильнымъ, энергическимъ чувствомъ областной гражданской свободы и самобытности. Сначала онъ вспоминаетъ минувшую общинно-вѣчевую свободу псковской области: «отъ начала русской земли симъ городомъ Псковомъ никто изъ русскихъ князей не владѣлъ, но на своей волѣ жили обитавшіе въ немъ люди. Прежнія удѣльныя княжества взялъ князь великій московскій подъ свою область ратью, не въ одно время, но порознь, какъ лѣтописная книга пишетъ: сперва суздальскаго князя Симеона покорилъ себѣ, потомъ Новгородъ, потомъ Тверь взялъ и прочія области. Псковъ городъ твердъ стѣнами, а потому не нашелъ на нихъ (псковитянъ) ратью, боялся,

¹⁾ Населеніе тверской области, кромѣ ростовско-суздальскаго, новгородскаго и чудско-карельскаго элемента, заключало въ себѣ еще примѣсь литовско-русскаго: были цѣлыя селенія, населенныя литовцами. Въ славяно-русскомъ населеніи рязанской земли была примѣсь элементовъ татарскаго, мещерскаго и мордовскаго. То и другое населеніе отличалось большею, противъ москвичей, свободою духа.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь кстати, что полный демократическій составъ древняго новгородскаго вѣча точнѣе, чѣмъ въ вышеприведенной нами формулѣ, опредѣляется такъ: «посадникъ степенный Вел. Новгорода и старые посадники, тысяцкой-степенный и старые тысяцкіе, и бояре, и жити люди, и купцы, и черные люди, и весь Великій Новгородъ, вольные мужи».

чтобъ не отступили въ Литву, и потому *лѣстилъ имъ лукавствомъ злымъ*, и миръ держалъ съ псковичами, и псковичи крестъ ему цѣловали. Князь же великій посылалъ къ нимъ князей своихъ, *по ихъ прошенію: кого восхотятъ, того и пошлетъ*. И когда посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Псковъ по своей волѣ, кого захочетъ, а не по ихъ волѣ, и тѣ намѣстники насилывали, и грабили, и предавали ихъ поклепамъ и судамъ неправедными. А жители города Пскова и пригородовъ посылали къ великому князю посадниковъ своихъ жаловаться на намѣстниковъ. И такъ было много разъ». Потомъ лѣтописецъ въ слѣдующихъ энергическихъ словахъ рассказываетъ о взятіи Пскова: «Пріѣхалъ въ Псковъ Великій князь Василій Ивановичъ и обычай псковскій перемѣнилъ, и старину нарушилъ, забывъ слова и жалованья и крестныя цѣлованья къ псковичамъ отца своего и дѣдовъ, да уставилъ свои обычаи и пошрины. Отчины отнялъ у псковичей, и два намѣстника уставилъ и дьяка Мисюря, и 300 семей псковичъ въ Москву свелъ, и въ то мѣсто привелъ своихъ людей, да изъ стараго застѣнья вывелъ псковичей, да тутъ велѣлъ жить приведеннымъ гостямъ, а въ застѣньѣ было 6,500 дворовъ. И былъ въ Псковѣ плачь и скорбь великая, разлученья ради. Да и въ Новгородѣ изымалъ и засадилъ жалобщиковъ 300 человекъ псковичей же. А все писалъ Пскову мягко: «я-де и князь великій Василій Ивановичъ отчину свою хочу жаловать по старинѣ, а хочу только побывать у св. Троицы, управу вамъ хочу учинить». А все то за наше согрѣшеніе, такъ Богъ повелѣлъ быть. Вотъ и Христосъ въ Евангеліи сказалъ: да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу. Вотъ уже пришла на насъ зима. Ибо это царство расширится, и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы!... Вотъ спустили вѣчевой колоколь, и начали псковичи, на колоколь смотря, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псковская, и былъ онъ плѣненъ не иноверными, а своими единовѣрными людьми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ Великій! почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный крылъ, лвовыхъ ногтей*, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатство и чадъ моихъ восхитилъ... И землю нашу опустошили, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища мои раскопали, а иныя торжища конскимъ каюмъ заматали, и отцевъ и братій нашихъ развели», и проч.

Съ такимъ воплемъ, съ такой упорной борьбой подчинялись иныя великорусскія области московскому государству. Только вѣковая взаимная разрозненность ихъ при изстаринномъ и постоянномъ стремленіи къ особому, мѣстному земскому самоуправленію, племенной антагонизмъ во многихъ областяхъ, при разнообразной этнографической составности ихъ, разновременность, разъединенность, поодиночность ихъ борьбы съ Москвой—вотъ главныя внутреннія причины, почему области не выдержали вѣковой борьбы съ московской централизаціей и не отстаили своей самобытности. Съ другой стороны, постепенная и энергическая централизаціонная политика московскихъ князей, безпощадное употребленіе силы, постепенное

скопленіе, отбирание изъ областей въ руки московскихъ князей большихъ матеріальныхъ средствъ, фаворитство и содѣйствіе орды, наконецъ сильное нравственно-соединительное и колонизаціонно-географическое централизационное содѣйствіе московскимъ князьямъ (за вотчины и льготы) московской іерархіи и всѣхъ московскихъ, подмосковныхъ, приволжскихъ и за-волжскихъ монастырей во всѣхъ областяхъ волжско-камской системы—вотъ главныя внѣшнія причины, почему великорусскія области побѣдоносно были завоеваны и присоединены великими князьями и царями къ московскому государству. И вотъ, съ тѣхъ поръ въ титулѣ царскомъ выразилось символически торжество централизаціи надъ вѣковой земскою самобытностью и самоуправленіемъ удѣльныхъ областей. Народная лѣтопись отмѣтила первоначальное происхожденіе областныхъ титуловъ царя, какъ фактъ, существенно-ощутительный и знаменательный для областной жизни. Въ одномъ рукописномъ хронографѣ, за сообщеніе котораго считаю долгомъ изъяснить благодарность В. И. Григоровичу, читаемъ: «Великій государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и *въ исторіяхъ*; а званіемъ снмъ, *таковымъ самодержательствомъ никто отъ роду не писалъ, какъ сей самодержецъ*. Титула же его областныя такіа: Божіею милостию, царь и великій князь Василій Іоанновичъ владимірскій, московскій, новгородскій и псковскій, казанскій, государь тверской и ростовскій, ярославскій и вологодской, пермской и вятской, черниговской и рязанской, и прочая».

Такимъ образомъ, всѣ великорусскія области, мало-по-малу, были собраны, централизованы въ одно московское государство. Но понятно, что послѣ вѣковой привычки областныхъ общинъ къ земской особности, самобытности, къ земскому самоустройству и самоуправленію, послѣ вѣковой ожесточенной борьбы съ московскою гегемоніей, не скоро могло погаснуть въ областныхъ массахъ средневѣковое стремленіе къ земской, территориальной особности, къ быту *на всей своей воли и по старинѣ*, не скоро могла возникнуть, развиться и окрѣпнуть внутренняя органическая связь областей съ Москвою. Такъ, дѣйствительно, и было. И въ давно присоединенныхъ къ Москвѣ удѣльныхъ областяхъ не скоро единодержавіе московскихъ царей укоренилось прочно, спокойно, не вдругъ примирилось съ духомъ удѣльнымъ, областнымъ. Его то-и-дѣлю колебали въ областяхъ разные «безлѣнныя рѣчи и слухи». Оно было опасно, подозрительно. Въ XVI вѣкѣ часто шли дѣла и распросныя рѣчи на-счетъ безлѣнныхъ рѣчей про государя. Въ то время, какъ великій князь Василій Ивановичъ мало-по-малу старыхъ удѣльныхъ князей «служъ своихъ поукрѣпляетъ себѣ гораздо» и первый принимаетъ *областныя титула самодержца*, въ то время и отбивающій удѣльный князь еще съ злобой говоритъ: «любю великаго князя Василія Ивановича уморю, или самъ отъ государя за то въ гнѣву буду, а одному-де и тому быти ужъ такъ». Удѣльность не выходила изъ головы московскихъ вельможъ и бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей, до конца смутнаго времени.

Въ самихъ областныхъ массахъ, особенно въ областяхъ сѣверо-поморской, полярно-балтійской системы, новгородской колонизационной ф*

дѣраціи, видимъ внутренній разладъ съ Москвой. На первой же порѣ, всякій актъ, всякое тягло, всякое учрежденіе московскаго, центрального правительства встрѣчали въ областныхъ массахъ народныхъ протестъ, сопротивленіе и даже открытую оппозицію. Напримѣръ, по старой привычкѣ къ свободной земской локализациі и особности, областныя общины постоянно протестовали противъ приказной административно-финансовой писцовой приписи или отписи своихъ земель, когда она нарушала ихъ естественное, географическое положеніе, напримѣръ, не по землѣ и не по водѣ приписывала одну общину къ другой, когда между ними земля и вода были въ раздѣлѣ и они изстари считались съ своими волостями особо, *т.роче*. Изстаринная привычка областныхъ общинъ къ самоуправленію такъ была живуча, что онѣ, при первомъ же усиленіи правительственнаго начала въ областяхъ, обнаружили открытую оппозицію противъ приказнаго областного начальства и приказно-правительственного элемента и живое стремленіе къ самоуправленію. Это особенно обнаружилось въ областяхъ полярно-балтійской, новгородской федераціи, гдѣ болѣе былъ развитъ и живучъ псковско-новгородскій духъ общиннаго самоуправления. Псковичи первые, почти тотчасъ же по уничтоженіи у нихъ вѣча, вытребовали себѣ право общиннаго самораспоряженія и самосуда по дѣламъ душегубнымъ, татиннымъ и разбойнымъ. При Грозномъ вытребовали себѣ излюбленнаго выборнаго самоуправления: нѣсколько сельскихъ общинъ Вѣлозерскаго уѣзда, въ 1549 году, Важская Земля въ 1552 году, посадъ или слобода переяславскихъ рыболововъ въ 1555 году, Усецкія и Заецкія волости Устюжскаго уѣзда въ томъ же году, Двинская Земля въ 1556 году. Въ общинно-областныхъ челобитныхъ своихъ, областныя общины единогласно изображали въ самыхъ мрачныхъ чертахъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ, высказали противъ нихъ свою оппозицію, доходившую до безпощаднаго убійства ихъ, и просили у царя права «отставить намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ изъ своихъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей старость и головъ, *кого они межъ себя излюбятъ и выберутъ*». Царь Иванъ Грозный безпрекословно уступалъ такое право самоуправленія областнымъ общинамъ. По поводу постоянныхъ жалобъ областныхъ общинъ, городскихъ и волостныхъ вмѣстѣ, на намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, онъ издалъ даже уставную грамоту о повсемѣстной замѣнѣ приказно-правительственнаго областного управленія общиннымъ, земскимъ выборнымъ «излюбленнымъ» самоуправленіемъ. Въ этой грамотѣ, какъ бы давая отчетъ всему областному земству, онъ писалъ: «что напередъ сего, мы жаловали бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и доука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинныя люди, сверхъ нашего жалованья указу, причиняютъ имъ продажа и убытки большіе; а отъ намѣстниковъ и волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ много доуки и челобитья, что посадскіе и волостные люди имъ подѣ судъ и на поруки не даются, бьютъ ихъ, и оттого между ними поклены и тяжбы большія... И мы, жалуя крестьянство, намѣстниковъ, волостелей и правет-

чиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили. А для того, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ посадскихъ и волостныхъ людей челобитья и докуки не было на намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ, мы велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею». Такъ живучъ, силенъ, неутомоненъ былъ въ областныхъ общинахъ духъ протестаціи своенравной требовательности, духъ антагонизма, оппозиціи противъ приказно-московской системы областного управленія, что онѣ самоуправно не давались подъ судъ царскимъ намѣстникамъ, волостелямъ и тиунамъ. Безнощадно били ихъ, и своими *безпрестанными докуками* самого Грознаго царя вынуждали отвязываться отъ нихъ, дѣлать имъ полныя уступки. Кромѣ того, въ Исковѣ и Новгородѣ еще такъ былъ живучъ старый духъ вѣчевой вольности, что не только въ XVI, но и въ XVII вѣкѣ въ нихъ долго не проходило «старое дурно», какъ выражались намѣстники.

Между тѣмъ, московское государство еще завоевывало новыя области. Во второй половинѣ XVI столѣтія къ нему силой присоединены были обширнѣйшія иноплеменные земли: Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Сибирское, населенныя преимущественно тюрко-татарскими, монгольскими и, отчасти, финскими племенами. Народонаселенія въ Россіи было такъ мало (не болѣе 10 миліоновъ), что новозавоеванныя царства нѣкѣмъ было заселять, и славяно-русская колонизація ихъ въ XVI и XVII вѣкахъ была самая слабая, незначительная. Иноплеменные народности, особенно татарскія племена Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, не могли забыть время Золотой Орды и недавней политико-географической особенности и совершенной національной самобытности своего татарскаго царства, готовы были возстать противъ московскаго правительства и русской народности при первомъ удобномъ случаѣ. Не даромъ московскіе цари сводили татарскихъ и сибирскихъ царевичей въ Москву, татарскихъ и мецкерскихъ князей, мурзъ, сейтовъ, улановъ и новокрещеновъ испомѣщали вдали отъ Казанскаго Царства, въ новгородской землѣ. Равнымъ образомъ, они, по необходимости, должны были колонизовать юго-восточный край стрѣльцами, пушкарями и затинщиками, и обводить застѣками, острогами, военно-стратегическими сторожевыми линіями. И не только въ Казанскомъ Царствѣ, но и въ Пермской Землѣ инородцы, движимые духомъ недовольства русскимъ правительствомъ, таготившіеся русской колонизаціей, выходили изъ повиновенія, возмущались противъ русскаго правительства и противъ русскихъ колоній. Во второй половинѣ XVI вѣка разные юго-восточные инородцы — черемисы, остяки, вотяки, вогуличи и ногаи еще слишкомъ были некрѣпки московскому государству, то-и-дѣло бунтовали и нападали на новоустроенныя русскія колоніи. Царь Грозный велитъ поселенцамъ пограничныхъ областей «жить съ великимъ береженьемъ, бережно и усторожливо». Въ 1572 году черемисы, остяки, башкирцы и буинцы приходили войною на Каму и побили пермичей, торговыхъ людей и ватачниковъ. Чусовскіе вогуличи мѣшали Строгановымъ распространять колоніи по р. Чусовой. Въ 1580 г. они при-

дили съ пелымскимъ княземъ войною на ихъ поселенія и остроги, гли и повоевали слободки и деревни на Колинѣ, а крестьянъ съ жемли и дѣтьми въ полонъ поймали». По собственнымъ словамъ царя ана Грознаго: «черемиса, остяки, вотяки и ногаи ему измѣнили, отъ о отложились». Онъ опасался даже измѣны со стороны Строгановыхъ, меншыхъ колонизаторовъ пермской, приуральской земли, подозрѣвалъ въ замыслѣ воспользоваться измѣной инородцевъ и «задоромъ сибирскаго султана для отдѣленія отъ московскаго государства пермской земли». 1-го сентября въ 1 день 1580 года (писалъ Грозный Строгановымъ), собравшись тынский князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличами, проходилъ войною на наши пермскія мѣста, и къ городу Чердыни и къ острогу наступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людямъ причинили, и то сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличи и Вотяковъ и тынцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ салтаномъ ссорились, а волжскихъ атамановъ къ себѣ призывая, воровъ, наняли въ свои остроги безъ нашего указу; а тѣ атаманы и казаки прежде того ссорились съ ногайскою ордою», и проч. Однимъ словомъ, въ концѣ XVI вѣка началѣ XVII вѣка между юго-восточными инородцами, по словамъ Грознаго, была *шатость великая*.

Такимъ образомъ, связь старыхъ и новыхъ великорусскихъ областей московскимъ государствомъ долго оставалась ненадежною, *чисто-шинею*. При первомъ удобномъ случаѣ, она могла порваться, и области разнѣяться. Поводъ этотъ и представился, когда въ московскомъ государствѣ прекратились Рюрикова династія «собирателей русской земли»—въ сквѣ не стало царя. И вотъ въ смутное время произошла *рознь* всѣхъ частей. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ событій смутнаго времени, мы слѣдующей статьѣ изобразимъ только эту рознь великорусскихъ областей общинъ.

II

Было страшное время для Россіи въ 1603 году. Казалось, сама природа напередъ пророчила что-то печальное, бѣдственное для народа. За годъ передъ смутнымъ временемъ, въ одной Москвѣ погребено было болѣе 10,000 человѣкъ, погибшихъ отъ страшнаго голода и мора. Люди, терпящие голодомъ, валяясь на улицахъ, подобно скотинѣ, лѣтомъ щипали траву, а зимой ѣли сѣно. Отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ детей, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей; мясо человѣческое продалось на рынкахъ за говяжье; путешественники страшились останавливаться въ гостиницахъ. Они видѣли въ Москвѣ бѣдныхъ, истомленныхъ людомъ женщинъ, которыя, проходя по улицѣ, схватывали зубами собиравшихъ дѣтей, бывшихъ у нихъ на рукахъ, и пожирали. Народъ едва юю могъ отнять младенцевъ и спасти ¹⁾. Еще не успѣли убрать съ улицъ

¹⁾ Сказанія эти заимствуемъ у иностранныхъ писателей—Петрея, Буссова и др. нихъ, конечно, есть преувеличеніе.

всѣхъ труповъ человѣческихъ, какъ начались страшныя знаменія, явленія. По ночамъ видѣли огненные столбы на небѣ, которые свѣтили подобно мѣсяцу и, сталкиваясь другъ-съ-другомъ, представляли сраженіе войскъ. Иногда, казалось, всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ. Были страшныя бури и низвергали городскія башни и колокольни. Животныя и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ. Рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ. Волки и псы страшно выли въ той сторонѣ, которая примыкала къ Москвѣ съ запада, и стадами рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ самой Москвѣ появилось безчисленное множество лисицъ, такъ что ихъ руками ловили, и никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Люди находились въ страшномъ смущеніи. Въ 1604 году, во второе воскресенье послѣ Троицы, въ самый полдень, явилась на небѣ комета. Народъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ. Царь Борисъ Годуновъ, смущенный явленіемъ кометы, призвалъ къ себѣ одного старика, незадолго передъ тѣмъ прѣбывавшаго изъ Германіи, и спрашивалъ: «къ-чему явилась новая звѣзда?»—«Богъ посылаетъ такія знаменія (отвѣчалъ старикъ) въ предостереженіе великихъ государей: тамъ, гдѣ эти знаменія случаются, обыкновенно бываютъ великіе перевороты». Потомъ старикъ, вздохнувъ, пророчески сказалъ царю: «тебѣ грозитъ великая опасность». Зловѣщія слова его сбылись. Въ сентябрѣ того же года собралось на русской границѣ до 6,000 казаковъ. Съ ними быстро, стремительно подвигался къ Москвѣ первый самозванецъ; городъ за городомъ ему сдавался. Годунову все измѣняло: пораженный отчаяніемъ, Борисъ 13 апрѣля 1605 года скончался. Пронесся слухъ, будто онъ принялъ яду.

Въ маѣ и въ началѣ іюня, въ Москвѣ все было страшно-тревожно, безпокойно. Всѣ ждали чего-то необычайнаго, переворота ужаснаго. Старики говорили, что не къ добру явилась еще въ прошломъ году яркая комета, въ полдень, во второе воскресенье послѣ Троицы. Страшные вихри и бури, поднимаясь по-временамъ, сламывали крыши у домовъ и куполы у колоколенъ. Народъ говорилъ: «быть бѣдѣ!» Въ домахъ бояръ, чиновничьихъ, что-то было особенно таинственно, молчаливо, загадочно. Въ Москвѣ начиналось уже смятеніе. Народъ замутился отъ пронесшагося по всей Россіи слуха, будто царевичъ Дмитрій Углицкій живъ и идетъ изъ Польши въ Москву. Доносили уже, что въ отдаленныхъ сѣверскихъ областяхъ разсылаются грамоты царевича, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листь разлнстываться». Надъ Москвой повисла грозная туча.

Въ это время, въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ, въ одномъ верхнемъ отдаленномъ теремѣ, не разъ показывалась у косяcataго окна молодая царица страшно-печальная. Ей было не болѣе 16 лѣтъ. Росту она была средняго. Черты лица чрезвычайно красивыя, выразительныя. Возвышенный лобъ выражалъ природныя умственные дарованія. Черныя, довольно большіе, выразительные глаза, пріятно окаймленные черными бровями, по отзыву современниковъ, какъ-бы блистали ясностію, свѣтлостію природнаго ума. Густые, черныя волосы кудрявыми прядями волновались по плечамъ

Вообще вся организація ея фізіономіи и стана была стройна и гармонична. Дѣвица была блѣдна, и на лицѣ ея выражалась глубокая грусть, тоска. То была царица Ксенія Борисовна, прелестная дочь Годунова. Бурныя волны смутнаго времени, забушевавшія уже съ 1605 г. и словившія крѣпкую, могучую натуру отца прекрасной Ксеніи, готовы были унести и ее, «непорочную агницу», какъ называли ее современники. Послѣ смерти отца, грустная дума постоянно навѣвала на грудь Ксеніи какую-то мрачную печаль. А тутъ, зловѣщее предчувствіе особенно крушило ея нѣжное, воспріимчивое, обильное чувствительностью сердце. Передъ воображеніемъ ея предносился зловѣщій мрачный образъ *Ростриги* и темной кельи. Все существо ея содрогалось. На этотъ разъ она не могла даже стоять у окна и ходить по терему, сѣла у стола, гдѣ лежали ноты духовныхъ стиховъ, которые она обыкновенно любила пѣть. Тутъ и стихъ духовный ей не пѣлся, не утѣшалъ ея впечатлительной, воспріимчивой души. Она сама теперь была вся воодушевлена элегической настроенностью. Сердце ея уже переполнилось грусти, и живыя струи заунывной, плачевной пѣсни просились къ изліянію. На глазахъ ея блеснула слеза. Кто изъ современниковъ видѣлъ ее когда-либо плачущею, тому она въ это время казалась неземной красоты. «Когда въ жалости слезы изъ очей испущала (говорить одинъ современникъ), тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью». Такою она была и теперь. Вотъ заунывная, жалобная пѣсня, въ которой изливалась грусть Ксеніи по отцѣ и мрачное предчувствіе злой судьбы отъ самозванца:

Сплачется мала птичка,
Бѣлая пеленелка:

Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати.
Мое гнѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити.
Меня пеленелку поимати.
Сплачется на Москвѣ царица,
Борисова дочь Годунова.
Охти мнѣ молоды горевати!
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ
Ино Гриша Отрепьевъ рострига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческой чинъ наложити.
А мнѣ постритчя не хочетъ,
Чернеческаго чина не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
Ино, охъ, мильи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житія
И послѣ свѣта Бориса Годунова!
Ахъ мильи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царскаго нашего житія
И послѣ Бориса Годунова.

Въ то время, когда въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ происходила такая трагическая сцена, на улицахъ Москвы начинались ужъ народныя движенія смутнаго времени—начиналась *игра царемъ*. Москвичи ждали перваго самозванца. Буйная толпа вторглась въ палаты царскія; по приказанію самозванца, все семейство Бориса Годунова отведено было въ прежній боярскій домъ его. Прекрасный, умный сынъ Годунова, Федоръ Борисовичъ, только-что вступившій на престолъ и подававшій большія надежды, былъ безчеловѣчно умерщвленъ вмѣстѣ съ матерью, а Ксенія сохранена до прибытія... самозванца въ жертву его любострастію и потомъ для заключенія въ темной келіи. Вотъ и онъ—Лжедимитрій I, торжественно вступаетъ въ Москву. Какъ только въѣхалъ онъ на площадь черезъ Московскій мостъ и Водяныя Ворота, поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Москвичи перепугались и, сотворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію...»

И точно, бѣда для московскаго государства была неминуема: смуты росли и росли. Не къ добру что-то удалые добрые молодцы, стрѣльцы и казаки, давно уже, съ самаго начала весны, рвались на весновую службу, на широкую Волгу. Давно въ Москвѣ раздавалась пѣсня:

Бережечекъ зыблетца
Да песочекъ сыплетца,
Ледочикъ ломитца.
Добры кони тонуть.
Молодцы томятся.
Ино Боже, Боже,
Сотвори же, Боже,
Весновую службу.
Не давай ты, Боже,
Зимовья службы:
Зимовая служба —
Молодцамъ кручинно,
Да сердцу надедно.
Ино дай же, Боже,
Весновую службу;
Весновая служба —
Молодцамъ веселье,
Сердцу утѣха.
И емлите, братцы,
Яровы весельца.
А садимся, братны,
Въ ветляны стружечки,
Да грѣнемъ же, братцы,
Въ яровы весельца!

На Волгѣ ужъ собирались демократическіе борцы—казаки; готовы были замутиться и юго-восточныя инородцы, какъ въ самой Москвѣ вспыхнул мятежъ. Москвичи скоро не влюбились самозванца за его пристрастіе къ полякамъ, къ католицизму и иноземнымъ обычаямъ вообще—пристрастіе преувеличенное недовольными, во главѣ которыхъ стоялъ князь Василій Шуйскій. Пѣсня народная отмѣтила эту не любовь къ самозванцу:

Владыко Царю Вседержителю!
 Да за что ты на насъ, Господи, прогнѣвился?
 Послать намъ, Господи, прелестника,
 Того ли Гришку Отрепьева!
 Онъ прельстилъ, собака, цѣлы три орды:
 Перва орда — проклята Литва,
 А друга орда — хана крымскова,
 Третья орда — басурманы запорожскіе.
 Онъ замутилъ, собака, православну Русь:
 Не успѣлъ онъ, собака, воцариться,
 Захотѣлъ собака жениться;
 Не у насъ-то онъ, братцы, беретъ въ каменной Москвѣ,
 Онъ беретъ же, братцы, въ проклятой Литвѣ,
 У того ли у Юрія пана Сендофорсково,
 Ту ли Маринку дочь Юрову.
 Онъ и дѣлать свадьбу не въ удобной день —
 На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день.
 Всѣ князья, бояре къ заутрени пошли,
 А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
 Всѣ князья, бояря отъ заутрени идутъ,
 А Гришка съ Маринкой изъ бани идетъ.
 На Гришкѣ одежда чернова соболя,
 На Маринкѣ одежда рытого бархата.
 Онъ восходитъ, собака, на красенъ крылецъ,
 Онъ вскрикнетъ, собака, громкимъ голосомъ:
 Ишла если у меня кухури и повары?
 Стряпали бы постно и скоромное;
 Приѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
 Незваной гость любимой тестъ.
 Всѣ князья и бояре испужалися,
 Во чудовъ монастырь побросалися
 Къ той ли нашей государынѣ:
 Ужъ ты, матушка наша государыня,
 Православная Елена Михайловна!
 Твой-ать сынъ на царство съѣлъ,
 А ведетъ сея не по царскому.
 Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
 Ужъ вы, глупые бояря неразумные,
 Мой-ать сынъ на Угличѣ убить:
 Лежать ево мошны въ каменной Москвѣ,
 Въ тѣмъ ли соборѣ Михаила Архангела.

17 мая 1606 г. вспыхнулъ сильный народный мятежъ въ Москвѣ, и мозванецъ, черезъ 11 мѣсяцевъ своего царствованія, лишился и короны жизни. Въмѣсто него, *помимо земскаго собора*, провозглашенъ былъ царемъ Гуйскій—и съ этой-то минуты собственно настало во всемъ разгарѣ путное время.

Извѣстно, что на смутное время у насъ историки смотрѣли различно. арамзинъ краснорѣчиво разсказалъ трагедію самозванства и междуцарствія. Г. Устряловъ съ приторнымъ патріотизмомъ изображалъ торжество православія и единодержавія, и восхищался мнимою, корыстною любовью народа къ царю. Г. Соловьевъ систематически слѣдитъ въ смутное время

окончательную борьбу государственнаго наряда съ родовымъ, противогосударственнымъ началомъ, выставляеть на первомъ планѣ торжество государственной централизаціи надъ родою Русью и спасеніе, очищеніе московскаго государства, во имя православія. Не знаю, какъ смотреть на смутное время гг. Костомаровъ и Погодинъ. Осмѣливаюсь выразить свой взглядъ на это замѣчательное въ исторіи великорусскихъ областей время. Я смотрю на него какъ на раздѣлительную грань между древней особно-областной и новой соединенно-областной, централизаціонной Россіей. Въ смутное время, областность, разнообразная областная жизнь народа, еще разъ выразила реакцію противъ централизаціи; еще разъ вскрылась, обнаружилась старая, естественно-историческая особность, рознь областныхъ общинъ. Обнаружилась рознь этнографическая: возстали и забунтовали области инородческія, юго-восточныя—поднялись татары, чуваши, черемисы и другіе инородцы. Обнаружилась рознь юридическая: во всѣхъ областяхъ открылось мѣстное народосовѣтіе, открылись разрозненные областные *земскіе совѣты*. Обнаружилась рознь моральная, нравственная: области были недовѣрчивы одна къ другой, долго не давали одна другой помощи; жители одной области порицали, упрекали, бранили жителей другой. Наконецъ, обнаружилась и рознь земская, географическая: обозначилась территоріальная, колонизаціонная особность областей. Словомъ смутное время, какъ нельзя болѣе, характеристично названо въ актахъ историческихъ самими современниками: *рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго московскаго царствія*.

Ближайшимъ мотивомъ къ мятежу и разрозненію областныхъ общинъ была недовѣрчивость ихъ къ Москвѣ и ненависть къ боярской олигархіи. Областные общины протестовали противъ исключительныхъ указовъ Москвы и противъ исключительныхъ притязаній боярства. Народъ, жившій въ разныхъ областяхъ, разрознился, забунтовать, потому что Шуйскаго избрали царемъ одною Москвою, безъ совѣта съ прочими областными городами. Въ этомъ состояла сущность главнаго спора областного народа съ московскими приверженцами централизаціи. Областные общины стояли за свое земское право участія въ устройствѣ правленія и въ выборѣ царя, потому что это дѣло касалось интересовъ всего земства и всѣхъ областныхъ общинъ, а не одной Москвы и не однихъ московскихъ бояръ. Главнымъ образомъ духовенство, этотъ исконный, часто льстивый другъ византійскаго единодержавія, духовенство поддерживало принципъ московской централизаціи и, во имя византійской апотеозы самодержавія, обличало народное возстаніе противъ царя Шуйскаго. «На царя-то возставіе таково было (взывалъ патріархъ Гермогенъ ко всему русскому народу, увѣщевая его присягнуть царю Шуйскому): начали читать грамоту, писанную ко всему міру изъ литовскихъ полковъ *отъ русскихъ людей: князя Василия Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а другіе-де города не отдають*, и князь Василій-де Шуйскій намъ на царствъ не любъ. И мы (Гермогенъ) противъ того имъ говорили: *боятъ Москву ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывали Москва всѣмъ городамъ*». Итакъ, отсюда ясно, что въ смутное время

былъ вопросъ и шла рѣчь о равенствѣ земскихъ избирательныхъ правъ всѣхъ областныхъ городовъ съ Москвою, о правѣ контроля областныхъ городовъ указамъ Москвы, что отвергали приверженцы московской централизаціи.

Сколько ни стояли приверженцы московскаго «собиранія русской земли» за первопрестольное право и значеніе Москвы, имъ ужъ не утешить было вспыхнувшей розни областей. Какъ причины розни заключались въ самой историко-этнографической организаціи областныхъ общинъ, такъ и начала ихъ новаго воссоединенія должны были органически развиваться изнутри ихъ самихъ, а не по указу Москвы. И этотъ тяжелый, болѣзненный процессъ новой конфедераціи не могъ совершиться дотолѣ, пока въ организаціи и взаимодѣйствіи различныхъ областныхъ общинъ не улягутся, не успокоятся всѣ разрознившіеся областные элементы розни и борьбы. А этихъ началъ розни было слишкомъ много. Старая, особенно-областная Русь еще разъ заявила борьбу съ новою централизаціонною Россіею. Для насъ не важенъ исходъ этой борьбы, не важно то, что областныя общины снова соединились съ Москвою. Но для насъ важенъ самый фактъ разрозненія областей. Многозначительно то, что областныя общины, и въ эпоху централизаціи, громко заявили права своей самобытности, внутренней самоопредѣляемости и самостоятельности. Грубо, дико, бурно, хаотически сказался въ смутное время областной элементъ—но сказался, заявилъ свое историческое значеніе и въ новой государственно-союзной Россіи. Посмотримъ, какъ онъ проявился въ смутное время.

Въ первой четверти XVII в. въ Москвѣ сложилась и плѣлась такая плѣсень, записанная въ путевыхъ запискахъ англичанина Джемса въ 1619 году:

«А не сильная туча затучилась; а не сильніи громы грянули: куда ѣдетъ собака крымской царь? А ко сильному царству московскому. А нынѣча мы поѣдемъ къ каменной Москвѣ, а назадъ мы поидемъ, Рѣзань возьмемъ. А какъ будутъ они у Оки-рѣки, а тутъ они стануть бѣлыя шатры разставлятъ. А думайте вы думу съ цѣла ума: кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ, а кому у насъ въ Володимерь, а кому у насъ сидѣть въ Суздаль, а кому у насъ держать Рѣзань старая, а кому у насъ въ Звънигородъ, а кому у насъ сидѣть въ Новъ-Городъ. Выходитъ Дивн-Мурзы сынъ Улановичъ. А еси государь нашъ крымской царь! А тебѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ, а сыну твоему въ Володимерь, а племяннику твоему въ Суздаль, а сродичу въ Звънигородъ, а боярину конюшему держать Рѣзань старая, а меня государь пожалуй Новымъ-Городомъ: у меня лежатъ тамъ свѣтъ добры дни батюшко Дивн-Мурза сынъ Улановичъ».

Чрезвычайно-характеристично выразилась въ этой исторической плѣснѣ вспышка доселѣ скрытаго, но живучаго татарскаго антагонизма къ русской народности и старой татарской притязательности. Ясно выразилась также и старая удѣльно-областная рознь городовъ и народностей въ смутное время. Въ это время, не только обнаружилась старая земско-областная разрозненность прежнихъ главныхъ удѣльно-областныхъ горо-

довъ, но и татары еще разъ покушались снова раздѣлить велико-русскую землю на удѣлы, и между кѣмъ же? Между своими татарскими князьями—мурзами! Такъ татарское національное право еще сильно боролось съ славяно-русскимъ, московскимъ преобладаньемъ. При этой жизненности татарскаго элемента и непрочности федеративной связи юго-восточныхъ и сибирскихъ инородческихъ провинцій съ Москвой, понятно, почему въ смутное время зашевелились, забунтовали почти всѣ инородцы и юго-восточные, казанскіе и сибирскіе. Шерть или присяга, которую дали московскому царю инородцы казанскіе и сибирскіе, въ смутное время рушилась. «И тѣ люди (читаемъ въ актахъ историческихъ), которые въ московскомъ государствѣ, и татары, и черемисы, и ногаи, и чувашы, и вотяки, и мордва, и сибирцы, и остяки и многіе невѣрные народы и дальнія государства, которыя въ царской державѣ Василія Ивановича Шуйскаго, нынѣ, забывъ страхъ Божій, отложились, скопясь разбойнически, сговорясь съ ворами казаками, нашли на Рязанскую землю и на прочіе города». Въ Ярославской области возмутились переведенцы татары, насильно поселенные московскими царями въ Романовѣ. Солнгаличане извѣщали тотмичей и устюжанъ: «черемисы у насъ луговой пришло въ Галичъ 5,000, а горная собирается головами». На югѣ, въ казанскомъ краю, въ горной сторонѣ и въ пониженныхъ городахъ, возмутились горные чувашы, мордва и черемисы, а съ ними вмѣстѣ и всякіе сборные люди. *Черемисскіе городки отложились отъ Москвы.* Въ Козмодемьянскомъ, Санчурскомъ, Яранскомъ, Царевкобнѣйскомъ, Чебоксарскомъ, словомъ, во всѣхъ уѣздахъ казанскихъ инородцы взбунтовались противъ русскаго господства и громили восточныя великорусскія области. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1609 г. луговые черемисы громили Вятскую область, распространяли въ ней между инородцами бунтовскіе листы, безнапачно воевали города и волости, оскверняли и разоряли церкви, обдирали окладные образа и колокола, мужчинъ били, а жевъ и дѣтей позорили. Русскіе поселенцы восточныхъ областей были въ страшномъ смущеніи, то-и-дѣло ждали нападенія взбунтовавшихся инородцевъ. Между тѣмъ, инородцы все болѣе и болѣе скопляли силы для разгрома городовъ и волостей московскаго государства. Объ этомъ жители великорусскихъ восточныхъ областей съ тревожнымъ безпокойствомъ перепысывались. Въ августѣ 1610 г. пермичи, по отпискѣ казанцевъ, писали къ вятчанамъ: «пришли-де на заставу въ Кушумору волость выходцы черемисы, а въ распросѣ имъ сказали: «собралось-де въ Санчурскомъ уѣздѣ въ Юшѣ-волости воровъ, санчурскихъ черемисъ, тысячи съ двѣ, а головахъ у нихъ черемисской сотникъ Юшеской волости Елпай Токшейковъ, а въ Царевгородскомъ уѣздѣ, въ Хозяковой волости, собралось воровъ черемисъ царевгородскихъ съ 1000 человекъ, а подъ воровскихъ казаковъ собрали 1000 подводъ; а изъ Козмодемьянскаго-де пришелъ черемисской сотникъ Ветлужеской волости Анникъ Кошаковъ, а съ нимъ козмодемьянскихъ черемисъ 700 человекъ, а сходиться-де сговорились всѣ вору въ Царевгородскомъ уѣздѣ въ Хозяковой волости, а на какія волости хотятъ идти, то невѣдомо; а скоро нужно ждать ихъ прихода на Вятскую Землю». За Ураломъ забунтовали сибирскіе инородцы: остяки и вогуличи отказ-

лись отъ шерти московскому царю Шуйскому; вогуличи замыслили возстановить сибирское царство Кучумово, а инородцы Восточной Сибири не хотѣли и знать, кто въ Москвѣ царемъ.

Такимъ образомъ, весь инородческій міръ въ смутное время находился въ хаотическомъ движеніи. Главной причиной возмущенія инородческихъ племенъ, кромѣ памяти о недавнемъ насильственномъ присоединеніи къ московскому государству, была тягость московскаго владычества. Правительство московское, какъ было сказано, насильно переводило татаръ и ихъ мурзъ на новыя поселенія, въ центральныя и сѣверныя области, обращало татаръ и черемисъ въ служилыхъ людей—въ *вожей*, пушкарей, затинщиковъ и т. п., неудовлетворительно исполняло ихъ за службу, отбирало татарскія, черемисскія и чувашскія земли, поселяло тамъ русскихъ воеводъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, обременяло инородцевъ налогами, оброками и повинностями. Потомъ, царскіе воеводы, русскіе городовые служилые люди и русскіе вотчинники съ инородцами обращались большею частью безчеловѣчно; наконецъ, духовенство насильно обращало ихъ въ свою православную вѣру. Все это вооружало татаръ и черемисъ противъ московскаго правительства, противъ русскихъ припелѣцевъ-колонистовъ и противъ сосѣднихъ великорусскихъ областей. Долго не умретъ въ инородцахъ этотъ національный антагонизмъ къ русскому господству. Онъ еще разъ отзовется въ XVII в. въ бунтѣ Стеньки Разина, въ XVIII в. въ бунтахъ башкирскихъ и въ движеніяхъ пугачевщины, когда въ духѣ инородцевъ подъ гнѣтомъ государственной силы, снова накопится чувство вражды къ русскому правительству и воспрянетъ духъ національной оппозиціи.

Между тѣмъ, какъ въ областяхъ юго-восточныхъ поднялись въ смутное время бунты инородческіе, что происходило въ самыхъ великорусскихъ провинціяхъ? Полная демократія и рознь! Передъ вами не рисуется теперь, на исторической сценѣ, на первомъ планѣ первопрестольная Москва со всѣмъ ея чиннымъ, чваннымъ, византійско-государственнымъ этикетомъ: передъ вами на первомъ планѣ являются дѣйствующими, въ разрозненной отдѣльности, однѣ областныя общины, сами между собой. Вы видите въ это время на сценѣ исторической дѣятельности пермяковъ, витчанъ, устюжанъ, вологодцевъ, костромичей, ярославцевъ, рязанцевъ, Государство Владимірское, Государство Новгородское, Государство Псковское, польскихъ и литовскихъ людей, малороссійскихъ казаковъ—словомъ, всю земско-областную Русь. Не слышно царскихъ указовъ изъ Москвы—слышенъ только шумъ по областямъ, на площадяхъ главныхъ городовъ. Вся распорядительная власть теперь сосредоточивалась въ самыхъ областныхъ общинахъ. Онѣ ясно выражаютъ свое мѣстное *господство*, или автономію, и взаимное *братство*, или равенство. Онѣ сами пишутъ грамоты другъ другу, какъ равныя къ равнымъ, называя другъ друга *господами-братьями*.

Любопытное, характеристическое зрѣлище представляли великорусскія области въ эту эпоху разрозненности и самодѣятельности. Областныя массы народныя, послѣ развитія московской централизаціи, послѣ такъ-

называемаго собранія русской земли, никогда не проявили столько энергической, напряженной политической самостоятельности, какъ въ смутное, безгосударное время. И было въ нихъ столько внутренняго моральнаго самообладанія и столько сознанія необходимости общественнаго порядка и устройства, что въ страшную эпоху всеобщей розни, шатости и разоренія, онѣ сами собою и въ самихъ себѣ нашли силы и средства взаимной, союзной политической дѣятельности. Многознаменательны въ исторіи нашихъ провинцій, въ лѣтописяхъ народной общинной думы и политической самостоятельности областей, эти мѣстные *земскіе совѣты*, происходившіе въ смутное время, отъ 1606 по 1613 годъ. По всей великорусской землѣ, на площадяхъ главныхъ областныхъ городовъ, собирались земскіе люди, горожане и волостные крестьяне со всего уѣзда, *всею своею землею*, и думали думу земскую, объ интересахъ своей области. Повсюду гнались гонцы, шли ходоки и пристапы съ областными отписками, съ вѣстью, что гдѣ дѣлалось, что думала и предпринимала та или другая область. Одна областная община, порѣшивъ на своемъ мѣстномъ земскомъ совѣтѣ, посылала отписку другой областной общинѣ—извѣщала о своемъ состояніи, о своихъ намѣреніяхъ, объ отпискахъ изъ другихъ областей, и спрашивала: «что ваша мысль? хотите ли съ нами держать совѣтъ крѣпкой?» и т. п. Приѣзжіе люди и гонцы привозили отвѣтныя отписки другихъ областныхъ общинъ, и отписки эти читались всенародно, на площади, гдѣ происходили земскіе совѣты. Выслушавъ вѣсти изъ какого-либо города, каждый областной земскій совѣтъ посылалъ объ нихъ отписку другой соседней области, извѣщавъ о *здоровьѣ* жителей своей области, спрашивавъ у соседней области совѣта: «что ея мысль», или спрашивавъ о томъ, *за кѣмъ московское государство стоитъ*. И въ этомъ-то областномъ земскомъ народосовѣтѣ сказались, во-первыхъ, полное равнодушіе, некрѣпость областей къ московскому государству: во-вторыхъ—рознь областей между собою.

Было уже около полутора столѣтія, какъ всѣ области собраны были въ одну державу. Не судомъ только, но и тяжкимъ тягломъ тянули онѣ къ Москвѣ въ эти полтора столѣтія—писцовыми приписями прикрѣплены были къ землѣ московскаго государства: воеводами и разными приказными государевыми людьми принуждаемы были служить царю московскому: приписаны были къ приказамъ московскимъ; словомъ, централизація всякими узами и тяглами стягивала области къ Москвѣ. Казалось бы, въ полтора столѣтія должна была окрѣпнуть связь областей съ Москвою: механическое, насильственное притяженіе ихъ къ Москвѣ должно было закрѣпиться тяжелыми оковами, цѣпями централизаціи. Не то было въ дѣйствительности. При появленіи первыхъ двухъ самозванцевъ, многія области отпали отъ московскаго государства, цѣловали крестъ самозванцу; другія оставались равнодушными, кто бы ни сидѣлъ тамъ на московскомъ престолѣ. Вѣдшее собраніе областей, прикрѣпленіе ихъ къ Москвѣ прервалось, по недостатку внутренней органической связи съ нею и вслѣдствіе ѣвковаго стремленія областныхъ общинъ къ земскому самоуправленію. Украинныя—сѣверскія, южныя и крайнія восточныя области не признавали царемъ Шуйскаго, избраннаго одною Москвою.

Шуйскій прибѣгаетъ къ ласкательствамъ передъ народомъ, предоставляетъ областямъ право *«всѣмъ вѣстѣ совѣтовать, смотря по тамошнему дѣлу»*, усиливается привлечь къ себѣ областныя общины *«жалованнымъ словомъ»* и обѣщаніемъ большихъ милостей и льготъ, *какъ имъ прежде того и на умъ не всходило*, разсыластъ похвальныя грамоты тѣмъ областямъ, которыя соглашались цѣловать крестъ ему. Въ грамотахъ этихъ истощается все распорѣчіе для того, чтобы какъ можно трогательнѣе изобразить бѣды и опасности, какія угрожали русской землѣ, «крестьянской» вѣрѣ и домашнему семейному благосостоянію всѣхъ русскихъ людей отъ смутъ самозванства, отъ польскихъ, литовскихъ и всякихъ воровскихъ людей. «И вы бы (обращается онъ къ отпавшимъ отъ Москвы областнымъ общинамъ), и вы бы однолично, безъ всякаго сумнѣнія, собрались со всѣми людьми и шли къ намъ къ Москвѣ, и службу бы свою и радѣнье совершили; а мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ большою денежною и помѣстною придачею, велимъ васъ испомѣстити и наше жалованье дать; а васъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, пожалуемъ льготою на многія лѣта, торговать велимъ вамъ безпошлинно, и во всемъ велимъ васъ отарханить; да и сверхъ-того пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, и всякія ваши разоренія и нужды велимъ пополнить и службу всѣхъ васъ учинимъ во вѣки памятную». Немногія областныя общины сдавались на эти льстивыя обѣщанія. Большая же часть преравнодушно выслушивала ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ соглашались лучше присягнуть тушинскому самозванцу, заявлявшему себя царемъ *снизу, изъ массъ народныя*, чѣмъ Шуйскому, провозглашенному царемъ одной Москвой и притомъ изъ родовъ боярскихъ и *одними боярами*. Въ 1606 г. Вятская Область и Пермская Земля измѣнили Шуйскому—не дали ратныхъ людей для спасенія Москвы; ратные люди ихъ произвели мятежъ; вятчане—какъ сказано въ историческихъ актахъ—стали говорить *измѣнное слово* и *царское имя поносить*, и *начали величать вора*, который назывался Димитріемъ царевичемъ *за то, что онъ Москву взялъ, и въ кабакъ за него чашки пили* новгородцы, со всѣми пятнами и пригородами, казанцы и всѣ южныя и восточныя областныя общины рѣшительно измѣнили Шуйскому, считавшемуся законнымъ царемъ, цѣловали крестъ тушинскому самозванцу и обоблались между собой крестоцѣловальными записями въ пользу самозванца.

Въ то время, какъ однѣ областныя общины, не желая видѣть на трестолѣ Шуйскаго изъ рода бояръ, вообще ненавистныхъ народу, присягали самозванцу, въ то время другія областныя общины, повидимому, ювсе не хотѣли признавать никакого царя, и если присягали самозванцу, то нерѣшительно. Многія области оставались упорно-равнодушными къ вѣдствіямъ московскаго государства, не слушались ни указовъ Шуйскаго, ни укорительныхъ увѣщаній другихъ областей, стоявшихъ за Шуйскаго. Долго шла самая разногласная переписка между областными общинами. И въ этой-то перепискѣ высказалась чрезвычайно-характеристично разнѣ областей. Одна областная община увѣщеваетъ, укоряетъ, обличаетъ другую. Напримеръ, въ 1609 г., солвычегодцы отписывали пермичамъ о посылкѣ

ратныхъ людей и военныхъ снарядовъ въ Ярославль, съ приложеніемъ двухъ отписокъ ярославцевъ и устюжанъ о приходѣ къ Ярославлю литовскихъ людей, и съ упрекомъ увѣщевали ихъ: «Вамъ бы, господа, проса у Бога милости, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи порадыть и ратныхъ людей тотчасъ собрать, и всякаго городоваго наряду, и зелья, и селитры и свинцу государю на помощь въ Ярославль къ государевымъ воеводамъ съ ратными людьми тотчасъ однолично послать. А прежде сего мы къ вамъ много разъ писали о томъ государевомъ ратномъ дѣлѣ... И вы Бога не боитесь, и *государя не слушаете*, и вы то дѣлаете не гораздо, *государевымъ ратнымъ дѣломъ не работаете*, и вамъ то отъ Бога и отъ государя не пробудеть». Несмотря на всѣ эти угрозы, пермичи не хотѣли дать помощи московскому государству. Они такъ были упорны, что другимъ областнымъ общинамъ стоило много хлопотъ и переписокъ, чтобы убѣдить ихъ въ интересахъ своихъ, мѣстныхъ, дать московскому царю ратныхъ людей для очищенія великорусскихъ областей отъ общихъ враговъ—польскихъ и литовскихъ людей. Въ августѣ 1609 г. устюжане пишутъ къ пермичамъ о немедленной присылкѣ денежнаго сбора съ сохъ на помощь ратнымъ людямъ: «И вамъ бы, господа, однолично тогда въ оплошку не поставить: государевы деньги и съ сохъ въ прибавку отпустить тотчасъ, незамѣшкавъ; да и то, господа, вамъ помнитъ слѣдуетъ, только отъ васъ къ государю и службѣ, что всего 80 человекъ въ Ярославль; а потому, если только нынѣ вы къ нему государю его государственой казны не отпустите и въ прибавку денегъ собирать не станете и ратныхъ людей не прибавите, и вамъ отъ государя впередъ какой милости ждать? Вся русская земля, грѣхъ ради всего православнаго крестьянства съ государемъ страждетъ. И вамъ бы, господа, помня Бога и свои души и крестное цѣлованье, на чемъ государю души дали, однолично о государственомъ и о земскомъ дѣлѣ порадыть». И тѣ областныя общины, которыя, опасаясь нападенія польскихъ и литовскихъ людей на свои мѣста, убѣждали соседнія области дать помощь и силы для спасенія московскаго государства отъ общихъ враговъ, и эти областныя общины сами пережидали, куда вѣсы втянутъ, вали между собой двусмысленную переписку, и находились такимъ образомъ въ колебательномъ положеніи. Устюжане, уведомивъ вычегодцевъ о присылкѣ въ Устюгъ изъ Вологды крестоцѣлательной казны на вѣрность Ижедимитрію, въ отпискѣ своей отъ 30 ноября 1609 года, между прочимъ, спрашивали совета сольвычегодцевъ, упрекали ихъ за упрямое молчаніе: «А мы вишемъ къ вамъ всякія вѣсти и советъ отъ васъ о всякомъ государственомъ дѣлѣ и земскомъ, а вы къ намъ ничего отвѣду отъ себя не пишете. *Дѣло и о дѣлѣ не писываете...* буде услышимъ то, что вы намъ пишете, тѣмъ своей праведный на всю русскую землю, *и на все государство, и на все государство...* Пожалуйте, *помышляйте* и *думайте*, и *судите* о томъ, что вамъ *судятъ* на чемъ *судятъ*».

Такимъ образомъ, чрезвычайно медленно шли земскіе съѣзды во всѣхъ великорусскихъ областяхъ на пользу московскаго государства. Главный интересъ областей, въ безгосударственное время, въ 1607 по 1611 годъ, состоялъ

не столько въ радѣннѣ о государевомъ дѣлѣ, сколько о земскомъ, мѣстномъ. Защита *своихъ мѣстъ*—вотъ что сначала составляло главный предметъ переписокъ областныхъ общинъ, вопросы областныхъ земскихъ совѣтовъ. Области, какъ видно изъ ихъ отписокъ, главнымъ образомъ совѣтуются *объ обереганнѣ своихъ мѣстъ*. Каждая область, когда угрожала ей опасность отъ воровскихъ людей, обращалась за совѣтомъ къ сосѣднимъ областямъ, большею частію къ тѣмъ, которыя были одного происхожденія съ нею—образовались однимъ путемъ колонизаціи. Вологжане, напримѣръ, получивъ вѣсть изъ Новгорода, отписываютъ устюжанамъ или вычегодцамъ. Устюжане, выслушавъ на совѣтѣ, при всемъ народѣ, вологодскія или другія вѣсти о томъ, что дѣлается въ Москвѣ и въ сосѣднихъ съ ними городахъ, отписываютъ къ сольвычегодцамъ, своимъ однопоселенцамъ, испрашивая у нихъ *отвѣстѣя и совѣту*: «помыслить имъ у Соли Вычегодской со всею Усольскою Землею: что ихъ мысль? хотятъ ли они съ устюжанами стоять крѣпко заодно, и *совѣтъ съ ними крѣпкой держатъ ли?* И просятъ послать выборныхъ для совѣту». Сольвычегодцы, въ свою очередь, пишутъ къ соликамцамъ и къ пермичамъ. Всѣ переписывались о взаимномъ, совокупномъ обереганнѣ своихъ мѣстъ. И въ этомъ отношеніи, въ своихъ мѣстныхъ интересахъ области также неполнѣ сходились, долго разрознивались. Напримѣръ, вологжане, въ январѣ 1609 года, пишутъ къ вычегодцамъ, между прочимъ увѣдомляя ихъ о томъ, что Новгородъ со всѣми пятинами и пригородами цѣловать крестъ самозванцу: «да здѣсь происходитъ смута большая отъ тотмичей и пишутъ къ Вологдѣ и къ воеводамъ съ бранью на раздоръ, а не на единомысліе. И вамъ бы, господа, свѣстясъ съ устюжанами, отписать къ тотмичамъ, чтобъ они на смуту и на раздоръ къ Вологдѣ не писали бездѣльно». Къ устюжанамъ вологжане пишутъ также съ упрекомъ: «а намъ, господа, въ томъ сумнѣнье, что вы къ намъ *о совѣтѣ* не пишете». Вычегодцы, января 20-го 1609 года, отписываютъ упорнымъ пермичамъ съ упрекомъ: «И вы къ намъ пишете словомъ, что вы стоять съ нами заодно единомысленно рады во всемъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете; а слухомъ мы слышали, что въ верховьѣ которые города, Переяславль, Ростовъ и Ярославль, и рязанскіе города, и Сѣверская Украина *межъ собой не совѣтовались и другъ за друга не стояли*, и вотъ они сами въ разореньѣ стали». Потому они побуждаютъ пермичей наблюдать свой мѣстный земскій интересъ, чтобъ литовскіе люди и русскіе воры не прошли черезъ Галичъ и мимо Вологды на Сухону и въ ихъ вычегодскія и въ пермскія мѣста, и чтобъ, прибавляли вычегодцы, «всѣмъ намъ, господа, своею оплошкою также отъ воровъ въ разореньѣ не быть, какъ и верховскіе города». Рознь, особенность областей въ смутное время доходила иногда до смѣшной перебранки. Сколько разъ бѣдные вятчане, страдавшіе отъ нападений черемисъ съ казаками, ни писали къ упорнымъ пермичамъ о скорѣйшей помощи, тѣ не слушались ихъ просьбъ и упрековъ: напротивъ, еще совѣтовали имъ дѣйствовать заодно съ государевыми измѣнниками, взбунтовавшимися инородцами и волжскими казаками. Наконецъ вятчане вышли изъ терпѣнія и въ декабрѣ 1609 года такъ отписывали къ пермичамъ: «Писали мы къ вамъ много разъ, чтобъ вамъ при-

слать къ намъ на Вятку ратныхъ людей, для того, что государевы измѣнники, волгскіе казаки и разныхъ городовъ стрѣльцы и черемиса въ Котельничѣ многихъ людей до основанья разорили, а въ Яранскомъ у тѣхъ воровъ большое собранье, а вы къ намъ нынѣ писали самую глупостью, а не только что глупостью, пьянствомъ: видите надъ нами отъ воровъ разоренье великое и у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ ихъ не пришлете, а которыхъ было ратныхъ людей къ Вяткѣ и послали, и вы ихъ съ дороги воротили, а къ намъ пишете, велите ссылаться съ государевыми измѣнниками. И мы на вашу глупость не смотримъ, съ измѣнниками не ссылаемся, а надъ ворами промышляемъ и противъ воровъ стоимъ, какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько помочи подастъ. А вы надъ собою милость Божію и пречистой Богородицы и государево царю крестное цѣлованье и его государево жалованье забыли, рады крестьянскому кровопролитію и разоренью: Вятскую Землю ворами въ разоренье напрасно предасте, ратныхъ людей къ намъ не пришлете и съ нами изъ воровъ не стоите, и вы сами себя предатели, и по своей вамъ глупости погибнуть. И напередъ сего къ вамъ посланы были два государева измѣнника, а велѣно ихъ вамъ казнить смертию: и вы надъ тѣми ничего не сдѣлали. Смотрите на то, какъ служить и прямять государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси устюжане и Соль Вычегодская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей, и велѣно имъ быть на Вяткѣ по та мѣста, какъ и Яранскъ очнется. И вы-бъ, господа, глупость свою покинули: однолично-бъ къ намъ для обереганья прислали ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобы Вятской Землѣ помочь и ворами не выдать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ не быть въ разореньѣ. А что вамъ сказывать Василій Тырковъ, и вы тому плутанью вѣрите, а нашему письму ничему не вѣрите: и вамъ бы самимъ таковымъ пылымъ всегда быть, каковъ пьянъ былъ на Вяткѣ Василій Тырковъ». Пермичи, въ отпискѣ своей вятчанамъ, въ отвѣтъ на ихъ любезности, отпираются отъ своего невниманья къ Вяткѣ, складываютъ вину на воеводу, будто они не велѣли присылать въ Вятку ратныхъ людей, воротили ихъ съ дороги: «и та, господине, смута учинилась отъ князя Михаила Охтомскаго, да Василья Иванова, и у насъ тѣ ратные люди, изъ отпискѣ князя Михаила и Василья, были ропущены».

III

Когда рознь великорусскихъ областей, недостаточность, неразвитость въ нихъ союзности навлекала общую опасность русской землѣ, угрожала, вмѣсто московской, польско-литовской централизацией, когда выказалась наружу вся нестройность внутренней организаціи областныхъ общинъ, тогда началось въ областномъ народосовѣтѣи новое, лучшее направление. Открылась необходимость наибольшаго усиленія въ областныхъ общинахъ союзнаго духа, или, какъ говорили сами русскіе люди въ то время, необходимость *любви, союза, связи и соединенія, какъ внутри каждой* областной общины, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ *всѣхъ* областей —

ознана была необходимость расширенія круга областного народосовѣтія. И земскія общины начали въ этомъ союзномъ духѣ взаимную переписку о распространеніи сферы областныхъ совѣтовъ, о собраніи, соединеніи всѣхъ областныхъ земщинъ на общій, *единомысленный* земско-областной совѣтъ. Поворотнымъ мотивомъ къ такому областному общинному согласію была именно сейчасъ указанная нами общая земская опасность, угрожавшая всѣмъ великорусскимъ областямъ со стороны польско-литовскаго завоеванья. Первый призывъ къ соединенію, къ соглашенію областныхъ земскихъ совѣтовъ подали области центральныя, особенно московская и нижегородская. Теперь, въ эпоху междоусобицы, когда не было царя, Москва ужъ не указывала, не предписывала областнымъ городамъ царскимъ, повелительнымъ тономъ, не предписывала собрать, соединить областныя силы для спасенія московскаго государства. Теперь она братскимъ воззваніемъ призывала, умоляла областныя общины, во имя всенароднаго спасенія и спокойствія дать ей свой *добрый совѣтъ*, показать къ ней братскую любовь и собрать силы для освобожденія ея отъ польско-литовскаго ига, одинаково угрожавшаго всѣмъ областямъ. Вѣдѣвшее, механическое, насильственное собраніе, прикрѣпленіе, тяготѣніе областей къ Москвѣ теперь оказалось совершенно недостаточнымъ, несостоятельнымъ. Москва, смиренная, наказанная отпаденіемъ отъ нея разрознившихся областей, призывала теперь ихъ къ новому органическому, братскому союзу съ нею, во имя духовно-нравственнаго единства. Признавая мѣстное *господство* или автономію областей и федеральное равенство или *братство* ихъ съ собой, она называла всѣ прочіе областные города *господами братьями* своими: «Господамъ братьямъ нашимъ всего московскаго государства (такъ взывали москвичи къ областнымъ общинамъ), братья мы и сродники, пишемъ мы къ вамъ православнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ народамъ московскаго государства. Пишутъ къ намъ братья наши, разоренные плѣнные, которые отцовъ, матерей, женъ и дѣтей своихъ лишились, до послѣдняго оскудѣнія дошли и не имѣютъ, гдѣ главы поклонить, пишутъ, какъ намъ, всему крестьянскому народу, такъ и вамъ, не для чего иного, только для единого Бога всемогущаго, видя наконецъ погибель, постигшую всѣхъ насъ, *утвердить совѣтъ*, какъ бы намъ, всѣмъ православнымъ крестьянамъ не погибнуть отъ враговъ всего православнаго крестьянства. литовскихъ людей. Что къ намъ писали братья, и мы ту грамоту къ вамъ послали. И мы не слухомъ только слышимъ, до насъ самихъ въ Москвѣ конечная погибель доходить. Бога ради, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданья: будьте съ нами *обще, заодно*, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ, *помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прильпиться?* Здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанской, Богородицы, которую евангелистъ Лука написалъ, и великіе свѣтильники и хранители Петръ и Алексѣй и Іона чудотворцы. Ужели вы, православные христіане, то ни во что поставите? Объ этомъ говорить и писать страшно. Только, если не будете съ нами сообща заедино страдать, сколько силы, сколько милосердый Богъ помощи дастъ и Богородица и великіе чудотворцы помогутъ: никто не думай и

не вѣруй никакому льстивому и соблазнительному слову, чтобы быть пощаженымъ. Писали къ намъ истину братья наши. И нынѣ мы сами видимъ вѣру христіанскую переименовану въ латынство, и церквамъ Божиимъ разореніе; а о своихъ головахъ что и писать вамъ много! Сами правду знаете, что во всѣхъ тѣхъ городахъ сдѣлалось, гдѣ литовскіе люди владѣютъ св. церквами и надъ иконами образа Божія: не вездѣ ли разорено и поругано? И вы, ни одинъ не думайте, что вамъ не будетъ того же. Поощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и головами, станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова», и проч. Такъ смиренно и слезно, и во имя всѣхъ своихъ византійско-православныхъ святыхъ, Москва призывала всѣ великорусскія области къ союзу и соединенію на помощь ей!

Замѣчательно, что теперь, въ критическомъ положеніи своемъ, Москва отказывается отъ усиленной, централизационной инициативы въ новой федерации областныхъ общинъ, и предоставляетъ эту инициативу областному народосовѣтію, суду и волѣ областныхъ массъ народа. Кто въ самой основѣ изучалъ русскую исторію, для того вполне ясно, почему Москва избрала для всеобщаго земскаго соединенія и народосовѣтія три совершенно разьединенные, областные города: Новгородъ-Великій, Вологду и Нижній-Новгородъ. Извѣстно, что всѣ великорусскіе города, на основаніи колонизационной сгруппировки, дѣлились на три разряда: на города верховые, понизовые и поморскіе. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Новгородъ были главными и древнѣйшими средоточіями колонизаціи всѣхъ этихъ городовъ, съ ихъ уѣздами и волостями, колоніями ихъ. Вотъ почему Москва, вѣрная старинѣ, предоставляетъ этимъ тремъ городамъ, какъ посредствующимъ органамъ, инициативу въ организаціи предварительныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ о новомъ воссоединеніи, о новой федерации областныхъ общинъ въ одинъ великій политическій союзъ. Въ нихъ должны были предварительно сосредоточиться народно-совѣщательные голоса, или, по выраженію историческихъ актовъ, *договоры и добрые совѣты*, для составленія всеобщаго земскаго совѣта. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Новгородъ—центральные и исходные пункты верховыхъ, понизовыхъ и сѣверныхъ поморскихъ городовъ, должны были собрать народно-совѣщательные голоса, земскіе совѣты всѣхъ областныхъ общинъ, каждый городъ въ своемъ краю, въ группѣ городовъ и волостей своего *разряда* или *чети*¹⁾. Здѣсь, какъ въ средней областной инстанціи великаго земскаго народосовѣтія, должны были собраться, приготовиться элементы для всеобщаго земскаго совѣта, должны были организоваться и сосредоточиться мѣстные земскіе совѣты для окончательнаго развитія и составленія всенароднаго земскаго собора, или совѣта, въ Москвѣ. «Бога ради положите (взывала Москва ко всѣмъ областнымъ общинамъ—господамъ братьямъ своимъ всего московскаго государства), Бога ради положите крѣпкій совѣтъ между собой: пошлите въ Новгородъ и въ Вологду и въ Нижній нашу грамоту

¹⁾ Извѣстно, что, на историко-колонизационномъ основаніи, ассоціаціи или группы городовъ великорусскихъ и сибирскихъ дѣлились на *разряды* и *чети*.

списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо всюю землею—обще стать, покамѣстъ еще свободны, а не въ рабствѣ и въ плѣнъ не разведены».

Такимъ образомъ, Москва должна была сзывать и соединять на сборъ и на совѣтъ города околomosковныя, поволжскіе и залѣсскіе, города, лежавшіе на системѣ верхней и средней Волги, въ области ростовско-суздальской колонизаціи, или въ предѣлахъ древняго московскаго княжества. Новгородъ-Великій долженъ былъ собирать города и волости въ области своей территоріи и колонизаціи, во всѣхъ пятинахъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ брата Пскова. Вологда, старшая колонія Новгорода въ Чуди Заволоцкой, свободная, самобытная и самая цвѣтущая въ торговомъ отношеніи въ средніе вѣка изъ всѣхъ новгородскихъ колоній на суходонинской системѣ, средоточный средне-нѣковой пунктъ столкновенія и борьбы новгородской и московской колонизаціи, исходный пунктъ колонизаціи большей части суходонинской, угольской или вычегодской, вятской и пермской земли, Вологда должна была созывать для совѣту и соединенія города сѣверо-двинскаго поморья и вятской и пермской земли. Нижний-Новгородъ, старшая московская колонія въ низовой землѣ, въ южномъ Поволжѣ, переходный пунктъ юго-восточной, понизовой колонизаціи, Нижний долженъ былъ собирать для земскаго совѣту и соединенія всѣ юго-восточные и понизовые города съ ихъ волостями и уѣздами. Такимъ образомъ областной земскій совѣтъ, развѣтвляясь на три главные центра, сообразно съ земско-исторической, колонизаціонной основой дѣленія великорусской земли, естественно и удобно долженъ былъ охватить всѣ великорусскія области, и потомъ черезъ «выборныхъ добрыхъ людей» изъ всѣхъ чиновъ, изъ всѣхъ областей, выразить свое окончательное рѣшеніе, свою всенародную волю, думу, *совѣтъ и договоръ*, на всенародномъ земскомъ совѣтѣ въ Москвѣ.

И въ такомъ дѣйствительно порядкѣ началась новая областная переписка о всеобщемъ земскомъ совѣтѣ и соединеніи. Теперь главнымъ и сильнымъ внутреннимъ мотивомъ великаго земскаго народно-областного движенія были два главные начала: во-первыхъ, сознаніе всенароднаго права на земскій совѣтъ, сознаніе равноправности всѣхъ областныхъ городовъ, какъ *господъ братій*, въ дѣлѣ возстановленія московскаго государства; во-вторыхъ, сознаніе земскаго народнаго единства, сознаніе федеративнаго единства и общности всей исторической жизни народной и всей русской земли, при всей географической и этнографической розни областей. Движимыя этими двумя началами, великорусскія областныя общины, хотя и медленно, но мало-по-малу сговорились въ своихъ земскихъ перепискахъ *стоять заодно, быть въ любви, въ союзѣ, въ совѣтѣ и въ соединеніи*. Сознаніе всенародности права на земскій совѣтъ, потребность всеобщаго земскаго народосовѣтія побудили областныхъ земскихъ людей идти на всенародный земскій совѣтъ противъ исключительныхъ притязаній и затѣй боярства. Прокопій Ляпуновъ, начавшій національное движеніе въ Рязанской области, въ сѣверскихъ и и украинныхъ городахъ, гдѣ началось и антицентрализационное противо-

государственное движеніе. Тяпуновъ отъ имени всей Рязанской и Сѣверской Украйны взывалъ въ «преименитый Новгородъ Нижній всему христіанскому народу: Мы, господа, про то знаемъ подлинно, что на Москвѣ всему христоименитому народу гоненье и тѣснота большая *отъ бояръ* и отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы боярамъ московскимъ давно отказали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, приложились къ западнымъ и жестокосердымъ, на своихъ людей (овечь) обратились. И на томъ, господа, мы, сославшись съ калуженскими и съ тульскими и съ михайловскими и всѣхъ сѣверскихъ и украинныхъ городовъ со всякими людьми, давно крестъ цѣловали, чтобъ намъ за московское государство съ ними и со всею землею стоять всѣмъ за одинъ и съ литовскими людьми биться до смерти... *Да бояре, господа, пишутъ изъ Москвы въ Тулу, чтобъ туляне къ намъ не приставали, а къ намъ на Рязань они (бояре) шлютъ войною пана Сапѣгу да Струса со многими людьми литовскими, и туляне боярамъ, господа, потому же отказали и ту боярскую грамоту къ намъ прислали.* А Володимеръ, господа, и другіе города съ нами одномысленны. И мы, господа, послали къ вамъ для всякаго договору и для добраго совѣту стряпчаго Ивана Иванова Биркина, да дьяка Степана Пустынника, съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми». Далѣе Тяпуновъ отъ лица всего рязанскаго и сѣверскаго народа, проситъ преименитый Нижній-Новгородъ дать свой совѣтъ и отписать во всѣ понизовые города, а также въ Вологду и во всѣ поморскіе города. На это возваніе рязанскаго и украинскаго народа всѣ областныя общины отозвались единогласно *отказывать боярамъ, противъ бояръ всѣмъ стоять другъ за друга.*

Если сознаніе всеобщности земскаго народно-областнаго права побуждало областныя общины противодействовать исключительной, олигархической притязательности бояръ московскихъ, то, съ другой стороны, сознаніе земскаго и нравственнаго единства, сознаніе единства и цѣлостности русской земли и исторіи побуждало областныя общины подумать всею землею объ очищеніи русской земли отъ польскихъ и литовскихъ людей, о конфедераціи разрознившихся областей и объ устройствѣ всею землею всеобщаго, верховнаго правительства, въ которомъ бы объединялись и находили контроль разнообразныя интересы всѣхъ областныхъ общинъ. Смутное время было для русскаго народа горниломъ искушенія, очищенія. Во время пятилѣтней или шестилѣтней розни областей, русскіе люди ясно увидѣли, чего недоставало для полнаго, всецѣлаго единства русскаго народа, для органическаго союза областныхъ общинъ, для правильной организаціи народосоветія: недоставало *любви, совѣта и соединенія.* Земскія общины сами говорили, что онѣ наказались за свой земскій грѣхъ, за недостатокъ *любви, совѣта и соединенія.* И вотъ, во вторую половину смутнаго времени, особенно съ 1611 года, всѣ земскіе люди заговорили о любви. Въ историческихъ актахъ смутнаго времени, среди областныхъ переписокъ находимъ, между прочимъ, длинную грамоту, въ которой, какъ въ словѣ поучительномъ, читаемъ пространное поученіе о любви, на основаніи священнаго писанія. Слово это было разослано по всѣмъ областямъ и живо отозвалось въ сердцахъ народа. Началась многознаменательная переписка

областныхъ общинъ о любви, совѣтѣ и соединеніи. Не насильственной московской централизаціи хотѣли областныя массы народа—нѣтъ, вся сущность, весь смыслъ, все историческое значеніе смутнаго времени, розни областей, именно и заключается въ энергически-жизненной, хотя и инстинктивной реакціи областного начала противъ московской централизаціи. Не къ централизаціонному союзу, а къ полюбовной, излюбленной земской союзности, къ федераціи стремились областныя общины. Онѣ полагали начала такой федераціи, которая бы не нарушала ихъ географической, территоріальной и этнографической цѣлостности и самобытности, а основывалась единственно *на совѣтъ и любви*, такой федераціи, въ которой бы отдѣльныя части, находясь въ федеративной связи, въ составѣ цѣлаго политическаго организма всеобластнаго союза, свободно совершали всѣ свои внутреннія, жизненныя, органическія дѣйствія, сообразно съ мѣстными географическими, этнографическими и другими условіями. Въ такомъ смыслѣ областныя общины начали свою замѣчательную переписку *«о любви, союзѣ, совѣтѣ и соединеніи»*, о сборѣ земско-областныхъ народносовѣщательныхъ и ратныхъ силъ въ Москву, для организаціи всеобщаго великаго всенароднаго, всерусскаго земскаго совѣта.

Областные города или общины, находившіеся около Москвы, образовавшіеся въ одно время съ нею и однимъ и тѣмъ же путемъ колонизаціи, раньше другихъ привыкшіе къ союзу съ Москвою, по причинѣ ранняго присоединенія къ ней — эти средневожскіе города первые отозвались на братскій призывный голосъ Москвы и согласились быть съ нею въ любви, совѣтѣ и соединеніи. Затѣмъ, другіе вожскіе города—Нижній-Новгородъ, Кострома, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, вслѣдъ за Москвою, пишутъ къ сѣверо-восточнымъ украиннымъ городамъ о добромъ совѣтѣ и соединеніи.

Если центральныя областныя общины, лежавшія около Москвы въ верхнихъ и среднихъ частяхъ вожской системы, скоро и легко согласились быть въ союзѣ и въ совѣтѣ съ Москвою, по причинѣ ихъ земской, колонизаціонной связи и внутренней однородности, зато не скоро, не вдругъ могли согласиться на совѣтъ, союзъ, любовь и соединеніе съ Москвою украинныя областныя общины, особенно государство новгородское съ сухоно-двинскими областями, Казанское царство и Пермская Земля.

Прежде всего сѣверно-поморскія области, находящіяся на особой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, образовавшіяся путемъ особой новгородской колонизаціи, жившія много вѣковъ особою, отдѣльною жизнію, области, лежація за сѣверными увалами, не вдругъ могли согласиться на любовный союзъ съ Москвою и съ верховскими и низовыми городами, лежащими на противоположной вожско-каспійской системѣ и образовавшимися путемъ другой, ростовско-московской колонизаціи. Тамъ, въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ, весь строй городовъ и волостныхъ общинъ напоминалъ средневожковую, общинную свободу, мѣстное самоуправство и народоправленіе. Еще незадолго до смутнаго времени, во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы видѣли, всѣ сухоно-двинскія общины

вытребовали себѣ право общиннаго земскаго самоуправленія. Здѣсь же, въ областяхъ волжской системы, все проникнуто было началами московской централизаціи и московскаго византизма: меньше было внутренней общинной самостоятельности. По причинѣ такой противоположности географической и земско-бытовой, средневожскимъ городамъ стояло хлопотъ и переписокъ, чтобъ убѣдить сѣверо-двинскія областныя общины къ союзу и совѣту съ ними и съ Москвою. Чтобъ склонить все сѣверо-двинскіе города къ союзу съ волжскими городами, нужно было склонить главный сѣверо-двинскій городъ — Вологду. И нижегородцы, костромичи и ярославцы писали вологжанамъ нѣсколько грамотъ о любви, совѣтѣ и соединеніи. Въ февралѣ 1611 года нижегородцы пишутъ «о согласіи и соединеніи» въ Вологду, извѣщаютъ вологжанъ о союзномъ движеніи всехъ низовыхъ и окольных городовъ къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ польскихъ и литовскихъ людей, общихъ враговъ всехъ великорусскихъ областей, и просятъ немедленно прислать ратныхъ людей во Владиміръ для соединенія съ княземъ Рѣпиннымъ, который шелъ изъ Нижняго съ ополченіемъ низовыхъ и всехъ окольных городовъ. Въ февралѣ же 1611 года, костромичи, по поводу только-что полученной ими нижегородской призывной грамоты о любви и совѣтѣ, отписывали также къ вологжанамъ о немедленной присылкѣ довѣренныхъ лицъ, добрыхъ людей всякихъ чиновъ для совѣта. Все костромичи били челомъ господамъ вологжанамъ, всемъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ: «Писали къ намъ, въ Кострому, изъ Нижняго-Новгорода, февраля въ 7-й день, о добромъ совѣтѣ, и къ вамъ, въ Вологду и въ Вологодскій уѣздъ, писали такія же грамоты о добромъ совѣтѣ, чтобъ намъ стоять за домъ пречистой Богородицы, за чудотворцовы мощи и за святые Божіи церкви и за православную крестьянскую вѣру. И вы, господа, къ намъ, на Кострому, для добраго совѣту не присылавали. А изъ Галича къ намъ, на Кострому, для добраго совѣту прислали дворяне и дѣти боярскія дворянина Захарья Перфирьева, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка, Поліевкта. И вамъ бы, господа, по нашему совѣту съ нами стоять и въ одномъ совѣтѣ быть. Да къ намъ же, господа, въ Кострому, писали изъ Суздаля Ондрей Захарьевичъ Просовецкій о добромъ же совѣтѣ, и мы съ той суздальской грамоты списавъ списокъ слово-въ-слово и подклятя подъ сію отписку, послали къ вамъ... И вамъ бы также отъ себя писать на Бѣло-озеро и въ другіе города, а вамъ бы насъ не выдавать, стоять вмѣстѣ за одинъ. Въ тотъ же годъ и мѣсяцъ, ярославцы писали къ вологжанамъ, убѣждали ихъ стоять въ одномъ совѣтѣ съ ними и со всею землею, очистить русскую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей, увѣдомляли ихъ о военныхъ дѣйствіяхъ Ляпунова, о разбитіи литовскихъ людей Просовецкимъ при Владимірѣ, и проч. При отпискѣ своей, ярославцы приложили крестцѣловальную записку о единодушномъ рѣшеніи: креста не цѣловать полскому и литовскому королю, противъ польскихъ и литовскихъ людей стоять заодно, не дѣлать никакихъ скоповъ и заговоровъ, которые бы могли нарушить спокойствіе всехъ областныхъ общинъ и разстроить всенародный земскій совѣтъ. «А кого намъ (прибавляли ярославцы) на московское го-

сударство и во все города и во все государства российскаго царства Богъ дастъ государя, и намъ ему, государю, служить, прямить и добра хотѣть во всемъ въ правду. А буде по кого пошлютъ изъ Москвы бояре, а велятъ, поймавъ, привести въ Москву, или по какимъ-нибудь городамъ разсылать, или какую-либо пеню и казнь велятъ учинить, и намъ за тѣхъ людей стоять другъ за друга всемъ единомысленно и ихъ не выдавать, покажеть Богъ намъ дастъ на московское государство государя».

Въ мартѣ 1611 года солигаличане писали къ тотмичамъ: «Въ нынѣшнемъ году писали мы къ вамъ о добромъ совѣтѣ и о ратныхъ людяхъ много разъ, и какія грамоты къ намъ приходили, мы къ вамъ посылали съ нихъ списки, а вы къ намъ ни о чемъ не отписывали и своего совѣту къ намъ не присылавали... И вы-бъ, господа, послали-бъ тотчасъ ратныхъ людей, которые у васъ есть въ сборѣ, подъ Москву къ воеводамъ; а какія грамоты присланы въ Галичъ, мы съ тѣхъ грамотъ написавъ списки, послали къ вамъ въ Тотму; а вы-бъ, господа, съ тѣхъ грамотъ списавъ же списки, и послали бы ихъ на Устюгъ, и въ поморскіе города, и къ Вологдѣ, и въ Новгородъ-Великій, и къ намъ бы пожаловали отписать тотъ же часъ про свой совѣтъ подлинно, и мы вашъ совѣтъ отпишемъ къ воеводамъ».

Эту грамоту солигаличанъ тотмичи отправили къ устюжанамъ, а устюжане, съ приложеніемъ своихъ и другихъ областныхъ отписокъ, отправили къ пермичамъ, сообщая имъ свою мысль и свой совѣтъ.

Въ волжско-камской системѣ областей не скоро согласились быть въ любви, совѣтѣ и союзѣ съ прочими областными общинами и съ Москвой Казанское Царство и Пермь-Великая. И очень естественно.

Выше было сказано, какъ въ первую минуту смутнаго времени Казанское Царство взбунтовалось противъ московскаго государства, по причинѣ вѣковой исторической и этнографической особенности, какъ татары, чуваша, черемисы и мордва поднялись противъ русскихъ. Понятно, что этотъ этнографическій, національный духъ антагонизма къ Москвѣ не могъ скоро переимѣниться въ тотъ духъ любви, совѣта и соединенія, о которомъ теперь твердили все великорусскія областныя общины. Притомъ, крайнія юго-восточныя области казанскаго государства такъ были далеки отъ Москвы, а главное, такъ неорганически были присоединены къ ней, что естественно не сочувствовали ея сердцебіенію и страданіямъ. Нужны были посредствующіе соединительные органы — болѣе близкія области, черезъ которыя могли бы отозваться въ дальнихъ украинныхъ областяхъ болѣзненные, кровавыя страданія московскаго государства. Ярославцы, костромичи, владимірцы и нижегородцы, такъ много убѣждавшіе отдаленныя сѣверно-поморскія областныя общины къ любви, совѣту и соединенію, и на юго-востокѣ явились посредниками московскихъ областей въ отношеніи къ казанскому государству. Ярославцы пишутъ въ *царствующій преставный градъ* Казань ко всемъ людямъ казанскаго государства: «Казанскому народу ничего того невѣдомо, что здѣсь, подъ Москвою, дѣлается, потому что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее», и извѣщаютъ казанцевъ, что бояре *прельстившись для удовольствія, хотятъ раздѣлить русскую землю на*

удѣлы и воцарить польскаго короля въ Москвѣ, и что Москва и около-московскіе города ужъ всѣ между собой согласились и учинили совѣтъ, пошли къ Москвѣ освободить московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей, и избавить народъ, областныя общины отъ ига боярской удѣльности. Костромичи побуждали казанцевъ къ общему совѣту, любви и соединенью также этимъ общимъ союзомъ городовъ Нижняго, Владиміра, Муромъ, Суздаля, рязанскихъ и украинскихъ городовъ и своимъ собственнымъ совѣтомъ и соединеніемъ съ городами Галичемъ, Ярославлемъ, Романовымъ и со всѣми подмосковными городами, единомысленно согласившимися въ своемъ совѣтѣ со всѣми собравшимися подъ Москвой городами. Прокопій Ляпуновъ, отъ лица всего собравшагося подъ Москвой областного народа, писалъ жителямъ Казанскаго Царства: «И вамъ бы всѣмъ, *обще со всею землею*, попечись о земскомъ дѣлѣ, чтобъ со всѣми нами въ общемъ единомыслии и совѣтѣ быть... А какой, господа, у васъ о земскомъ дѣлѣ совѣтъ будетъ, и вы бы, господа, тотчасъ отписали». Наконецъ, особенно сильно и возбуждительно было воззваніе Авраамія Палицына. Описавъ бѣдствія самозванства, междоусобія и междущарствія, Палицынъ призывалъ, во имя земскаго единства, къ любви, совѣту и союзу всѣхъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ жителей казанскаго государства и его пригородовъ. Во время розни областей ясно сказалось, что въ такихъ дальнихъ отъ Москвы провинціяхъ и такъ разноплеменныхъ по населенію, какъ Казанское Царство, много было, по выраженію актовъ, *недовольствъ*, т. е. есть недовольства и антипатіи къ Москвѣ. Палицынъ, намекая на это, писалъ къ казанцамъ, князьямъ, мурзамъ, служилымъ татарамъ и чувашамъ и черемисамъ и вотякамъ, такъ же, какъ и всѣмъ русскимъ поселенцамъ казанскаго края: «Сами знаете, что всякому дѣлу одно время бываетъ, безвременное же начало всякаго дѣла пусто и бездѣльно бываетъ, хотя буде и есть въ вашихъ предѣлахъ которые *недовольны*, Бога ради, отложите то на время, чтобъ объ одномъ всѣмъ вамъ съ нами положить подвигъ свой... Смилуйтесь и умилитесь, не медля сдѣлайте это дѣло: о томъ много и слезно всѣмъ народомъ вамъ челомъ бьемъ».

Получивъ столько призывныхъ, увѣщательныхъ грамотъ объ общемъ совѣтѣ и соединеніи, казанцы, наконецъ, послушались, порѣшили на своемъ земскомъ совѣтѣ присоединиться къ общему союзу и совѣту. Въ іюні 1611 года они ужъ отъ себя писали въ Пермь-Великую о томъ, чтобъ пермичи были съ ними въ любви, совѣтѣ и соединеніи.

Пермь-Великая также долго не соглашалась на областной совѣтъ и союзъ въ пользу московскаго государства, по причинѣ этнографическаго разнообразія и особаго колонизаціоннаго самообразованія. Въ Пермской Землѣ также, по словамъ историческихъ актовъ, *были недовольны*. Потому пермичи могли согласиться только на призывъ своей братьи, областныхъ общинъ, а отиудъ не на призывъ Москвы. Казанцы, отъ имени всѣхъ людей всего казанскаго государства, били челомъ пермичамъ: «Во всѣхъ грамотахъ изъ-подъ Москвы, изъ полковъ и изъ городовъ пишутъ, чтобъ намъ быти *со всею землею* въ любви, и въ совѣтѣ и соединеніи и, собравъ казанскихъ ратныхъ людей, идти подъ Москву, въ сходъ къ боярамъ и ко *всей землѣ*».

очищать московское государство отъ враговъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы, господа, всею землею казанскаго государства цѣловали крестъ по записи, которая къ намъ прислана изъ полковъ отъ всей земли, чтобъ намъ быть со всею землею въ любви, въ совѣтѣ и соединеніи . . . Да и въ Свіяжскѣ и въ Чебоксарахъ и въ понизовыхъ городахъ по той же записи крестъ цѣловали, чтобъ и имъ съ нами быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи и идти на земскую службу подъ Москву, ко всей землѣ. А по которой, господа, записи мы и вся земля казанскаго государства, и въ Свіяжскомъ и въ Чебоксарахъ и во всѣхъ понизовыхъ городахъ крестъ цѣловали, и мы съ той записи прислали къ вамъ списокъ подъ сею грамотою; да и съ володимірской, и съ ярославской, и съ костромской грамотъ, которыя къ намъ прислали бояре изъ полковъ и вся земля, списавъ списки, послали къ вамъ въ Пермь съ сею отпискою вмѣстѣ, запечатавъ въ листъ печатью Царства Казанскаго. И вамъ бы, господа, по той записи, по которой мы въ казанскомъ государствѣ всею землею крестъ цѣловали и къ вамъ послали, крестъ цѣловать, буде вы по ся мѣста крестъ не цѣловали, и быть бы вамъ съ нами въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи». Въ крестоцѣловальной записи своей казанцы-мурзы, служилые-новокрещены, и татары, и чувашы, и черемисы, и вотяки и всѣ люди казанскаго государства, между прочимъ, обязывались стоять въ своемъ совѣтѣ всѣ заодно противъ бояръ.

Пермичи согласились на эту увѣщательную грамоту и на крестоцѣловальную записъ казанцевъ, и, въ свою очередь, отписали къ своимъ сосѣдямъ, вычегодцамъ, извѣщали ихъ о своемъ согласіи быть, вмѣстѣ съ казанцами, въ общемъ совѣтѣ и союзѣ, на общемъ земскомъ совѣтѣ и сборѣ, и спрашивали совѣта у вычегодцевъ. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что въ смутное время областныя общины такъ стояли за общіе, всенародные, земскіе интересы, за интересы *всей земли*, что не только не терпѣли исключительныхъ олигархическихъ замысловъ боярства, какъ было сказано выше, но и единодушно шли противъ исключительныхъ демократическихъ притязаній казачества. Напримѣръ, казанцы, 30 августа 1611 года, согласно съ отпиской нижегородцевъ, писали къ пермичамъ, съ приложеніемъ грамоты Ермогена о непризнаніи сына Марины Мнишекъ государемъ: «И мы, господа, выслушавъ съ патріаршей грамоты списокъ, приговорили . . . со всею землею казанскаго государства, что отнюдь не хотѣтъ на царство проклятаго панкина, маринкина сына; а *буде казаки станутъ выбирать на московское государство того маринкина сына, или другаго кого, по своему произволу, не согласясь со всею землею, и намъ того государя на московское государство не хотѣтъ, и противъ него стоятъ всѣмъ казанскимъ государствомъ единодушно*; а выбрать бы намъ на московское государство государя, *славившись со всею землею* . . . И вамъ бы, господа, быть съ нами въ совѣтѣ и въ соединеніи и въ любви, и стоять бы намъ за такое великое дѣло . . . всѣмъ заодно, а по казачью выбору того проклятаго панкина маринкина сына на государство не хотѣтъ».

Наконецъ, исходилъ уже 1611-й годъ. Города понизовые, сѣверскіе, украинные и большая часть верховыхъ городовъ, находившихся въ системѣ верхней Волги, мало-по-малу сговорились «на любовь, совѣтъ и

соединеніе». Только сѣверные и поморскіе города, принадлежавшіе къ сухоно-двинской и полярно-балтійской системѣ, къ системѣ новгородской колонизаціи, еще не совсѣмъ согласны были съ понизовыми и около-московскими городами на совѣтъ и соединеніе. Въ псковскомъ и новгородскомъ государствахъ обнаруживалось даже стремленіе отдѣлиться отъ Москвы, образовать особыя государства, избрать своихъ царей; въ Псковѣ явился новый самозванецъ, Сидорко, называясь Дмитріемъ царевичемъ, и многіе ему цѣловали крестъ. Въ то время, какъ Дмитрій Пожарскій собиралъ представителей городовъ на земскій совѣтъ въ Ярославль, и призывать, въ томъ числѣ, полномочныхъ посланниковъ отъ Новгорода, новгородцы вели переговоры съ шведскимъ королемъ, Карломъ IX. Они, по словамъ актовъ, «всѣ соединясь, приговорили и избрали на новгородское государство одного изъ двухъ сыновей Карла шведскаго, который любь-королевича-принца Густава-Адольфа, или принца Карла-Филиппа». Наконецъ, выборные представители Новгорода прибыли на общій земскій совѣтъ въ Ярославль. Здѣсь, на совѣтѣ и договорѣ съ воеводами собравшагося въ Ярославль земскаго ополченія, выборные посланники новгородскіе, между прочимъ, ясно высказали первоначальную причину розни областей, особенно рязанскихъ, сѣверскихъ и украинскихъ городовъ, говорили, что смуты самозванства въ областяхъ были выраженіемъ областного протеста противъ выбора на престолъ Шуйскаго немногими городами, а не всею землею: «На московскомъ государствѣ учинился государемъ царемъ великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій всея Русіи *по избранію немногихъ городовъ, а иные многіе украинные города его себѣ государемъ не хотѣли и въ послушаньи быть не почали*, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку и иныхъ, и тѣми именами московскому государству много зла учинили». Потомъ, выборные новгородскіе на ярославскомъ земскомъ совѣтѣ, отъ лица всего Новгорода, призывали земское ополченіе быть съ ними «въ совѣтѣ, и въ любви и въ согласіи» относительно избранія королевича шведскаго. Новгородцы не только не хотѣли присоединиться къ Москвѣ, но и Москву со всѣми прочими областями хотѣли присоединить къ новгородскому совѣту, и такимъ образомъ устроить новгородское государство. «И Великій-Новгородъ весь, преосвященный митрополитъ Исидоръ, и бояре, и воеводы, и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе, по вашей присылкѣ и по доброму совѣту, прислали насъ къ вамъ (договариваться) о томъ, чтобъ вывсѣ между собой договоръ учинили, похотѣли быть съ Великимъ-Новгородомъ въ общей любви и въ добромъ совѣтѣ, и похотѣли бы всѣ на государство московское и на всѣ государства россійскаго царствія государя нашего, пресвѣтлѣйшаго и великаго князя Карла-Филиппа Карловича: и вѣдомо вамъ самимъ, что Великій-Новгородъ отъ московскаго государства никогда отлученъ не былъ, ни въ какое время, и нынѣ бы вамъ также, общій совѣтъ учиня, быть съ нами въ любви и въ соединеніи подъ рукою одного государя». Представители московско-ярославскаго земскаго совѣта не соглашались съ послами новгородскими призывать на новгородское государство шведскаго королевича и подтверждали ту мысль, что «искони», какъ учали быть государи на россійскомъ

государствѣ, Великій-Новгородъ отъ російскаго государства отлученъ не бывалъ; и нѣчто бы и нынѣ то видѣть, чтобъ Новгородъ съ російскимъ государствомъ былъ попрежнему; только уже мы въ томъ искусились: не такъ бы нынѣ учинилось, какъ при выборѣ польскаго и литовскаго короля». Такимъ образомъ, представители московскаго земскаго сбора и совѣта выражали опасеніе, чтобъ въ російскомъ государствѣ не произошелъ *расколъ*, Новгородъ не отпалъ бы отъ Москвы, избравъ себѣ королемъ шведскаго принца, и потому настаивали на томъ, чтобъ не избирать его не только въ московское государство, но и въ новгородское. Послы новгородскіе, однакожъ, продолжали настаивать на своемъ, говорили, что послѣ смерти Карла шведскаго, супруга его—мать королевича, и братъ его уже отпустили въ Новгородъ Карла-Филиппа, что новгородцы уже со-дня-на-день ждутъ его прибытія, и что «той статьи, какъ учинилъ надъ московскимъ государствомъ литовскій король, новгородцы не чаютъ отъ свѣйскаго королевича». Стольникъ и воевода князь Пожарскій, представитель московскаго государства и земскаго московскаго ополченія, говорилъ въ отвѣтъ новгородскимъ посламъ: «Мы всѣ единомысленно у милосердаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего, милости просимъ и хотимъ того, чтобъ какъ всѣмъ людямъ російскаго государства въ соединеніи быть, и обрѣсть бы на московское государство государя царя и великаго князя, государскаго сына, только бы былъ въ православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, а не въ иной которой. А какъ королевичъ придетъ въ Новгородъ и будетъ въ нашей православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, и мы тотчасъ отъ всего російскаго государства съ радостью выберемъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, и дадимъ имъ полномочный наказъ о государевыхъ и о земскихъ добрыхъ дѣлахъ говорить и устанавливать, *какъ государствамъ быть въ соединеніи*».

Такимъ образомъ, новгородскіе выборные выражали готовность Новгорода образовать отдѣльное новгородское государство и разсуждали, согласно съ приговоромъ и полномочными грамотами всего Новгорода, о томъ, *«на какихъ мѣрахъ шведскому королевичу быть государемъ на новгородскомъ государствѣ и всякія дѣла править, и какъ Новгороду быть съ Свѣйскимъ Королевствомъ»*; а Пожарскій, представитель московскаго государства, московскаго земскаго совѣта, все-таки стоялъ за общій союзъ, шелъ противъ отдѣленія, отлученія Новгорода отъ московскаго государства, поднималъ вопросъ для обсужденія на земскомъ совѣтѣ, *«какъ государствамъ російскаго царства быть въ соединеніи»*. Слѣдовательно, новгородскіе послы, выразители общаго земскаго совѣта вольнаго Новгорода, разошлись въ мнѣніяхъ и рѣчахъ съ Пожарскимъ и его товарищами, представителями земскаго совѣта, и сошлись только въ одномъ, «чтобъ за истинную христіанскую вѣру стоять, а не-греческой вѣры государя на государство не хотѣть». Однакожъ, и москвичи, и новгородцы *наплакались* за эту долговременную рознь. Шведскіе нѣмцы, сѣтовавшіе о неудачѣ своихъ переговоровъ, надобѣли и новгородцамъ. Одна историческая нѣсня смутнаго времени такъ отмѣтила это:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
 Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
 А расплачютца гости москвичи:
 А тепере наши головы загибли,
 Что не стало у насъ воеводы,
 Васильевича князя Мухоморова.
 А съѣзжались князи, бояре супротиво къ нимъ,
 Мстиславской князь. Воротынской,
 И между собою онъ слово говорили,
 А говорили слово уемѣхнулися.
 Высоко соколъ поднялся
 И о сыру матеру землю ушибся.
 А расплачютца свѣтлые нѣмцы,
 Что не стало у насъ воеводы,
 Васильевича князя Мухоморова.
 Побѣждали нѣмцы въ Новъ-городъ,
 И въ Новъ-городъ заперлися.
 И многой мѣръ народъ погубили.
 И въ латынскую землю превратили.

Кромѣ новгородцевъ, еще мѣшкали присоединиться къ общему союзу московско-вожскихъ городовъ, понизовыхъ и верховыхъ сухоно-двинскіе и поморскіе города, и во главѣ ихъ Вологда. Нижегородцы настоятельно призывали и эти города быть въ любви, совѣтѣ и соединеніи съ московскими городами. Они писали къ вологжанамъ: «Всѣ города московскаго государства, сослався межъ себя, утвердились на томъ крестнымъ цѣлованіемъ, что быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и въ соединеніи и прежняго междоусобія не зачинать, и московское государство отъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей очищать неослабно. до смерти своей, и грабежей нашему православному христіанству отнюдь не причинять, и своимъ произволомъ на московское государство государя. безъ совѣту всей земли, не обирать... И вамъ бы, господа, вологжанамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ и всякимъ ратнымъ людямъ помнить *общее свое*, на чемъ мы всѣ совѣтуя крестъ цѣловали... Будетъ, господа, вы опасаетесь отъ казаковъ какого налога, или другихъ какихъ воровскихъ людей, и вамъ бы однолично того не опасаться, какъ будемъ *все верховые и понизовые города, въ слободу*, и мы всею землею о томъ *совѣтъ учинимъ* и дурна никакого вора мѣшать не дадимъ... А однолично-бъ *вамъ съ нами быть въ одномъ совѣтѣ*... и учинимъ совѣтъ о всякомъ земскомъ дѣлѣ, утвердимъ крестнымъ цѣлованіемъ... Да и *во все бы вамъ поморскіе города отъ себя писать* о утвержденіи и о совѣтѣ, чтобъ по всѣмъ городамъ всякіе люди отъ нашего совѣту не отставали... а какъ будемъ всѣ понизовые и верховые города въ сходѣ вмѣстѣ, и мы всею землею выберемъ на московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ. Вслѣдствіе такихъ увѣщательныхъ грамотъ, наконецъ, согласились на общій союзъ и совѣтъ и поморскіе города.

Послѣ такихъ продолжительныхъ договоровъ и переписокъ, наконецъ всѣ областныя общины согласились быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи, и послали своихъ выборныхъ отъ всякихъ чиновъ на великія

московскій и земскій соборъ или совѣтъ 1613 года. Всѣ города, по выраженію актовъ, явились въ сходъ подѣ Москву и составили земскій соборъ или совѣтъ всю землю.

Мы рассмотрѣли далеко еще не всѣ областныя переписки. Но здѣсь остановимся, и сообразимъ общія историческія начала второй половины смутнаго времени. Невольно рождаются вопросы: что выразилъ духъ народный въ этомъ всеобщемъ требованіи областными общинами *любви, совѣта и соединенія*? Почему областныя общины, во время этой семилѣтней, политической самодѣтельности, не организовали постоянныхъ, народно-правительственныхъ учрежденій, институцій народосовѣтія и народоправленія изъ своихъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и изъ всеобщаго, всенароднаго, центрально-федеративнаго московскаго земскаго совѣта? Наконецъ, почему и въ какомъ смыслѣ избрали областныя общины царя всю землю, на всенародномъ земскомъ соборѣ?

Прежде всего повторимъ тотъ выводъ нашъ изъ подлинныхъ сказаній русскаго народа въ смутное время, что вовсе не централизациі хотѣли областныя общины, когда переписывались между собою о любви, совѣтѣ и соединеніи. Напротивъ, онѣ инстинктивно выразили этимъ естественную потребность самостоятельно-выработаннаго союза, *соединенія*, и свободной земско-областной, общинной самодѣтельности, мѣстнаго общиннаго саморазвитія, самоустройства, *во взаимной любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*, то-есть въ федеративномъ союзѣ. Эту естественную потребность свою они выразили, говоримъ, безсознательно, инстинктивно, въ самой жизни и дѣятельности своей во время междоусобицы, во всѣхъ своихъ перепискахъ «о любви, совѣтѣ и соединеніи». Областныя общины, въ самой колонизаціонной основѣ и земской общинной организаціи своей заключавшія естественно-историческія начала мѣстной самобытности, внутренне, существенно не согласовались съ насильственно-собирающей, московской централизаціей ¹⁾. Весь историко-географическій и этнографическій строй ихъ внутренне не гармонировалъ съ завоевательной московской централизаціей XV и XVI столѣтій и съ той уничтожительной для областной жизни централизаціей, какая окончательно развилась до того времени. И великая рознь областей въ смутное время была, такъ—сказать, земско-областнымъ переворотомъ древней Россіи, была естественной, послѣдовательно-исторической, необходимой реакціей областныхъ общинъ противъ насильственной централизациі, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіемъ потребности добровольной, самимъ народомъ созданной союзности, федераціи областныхъ общинъ, основанной на *договорѣ, на любви, совѣтѣ и соединеніи*. Жизненную, естественную потребность и принципъ мѣстной, земско-областной, общинной самодѣтельности и совѣщательности, мѣстнаго самоуправления и самоустройства областныя общины ясно выразили въ своихъ *областныхъ земскихъ совѣтахъ*,

¹⁾ Объ организаціи нашихъ общинъ мы будемъ говорить въ „Отеч. Запискахъ“ подробно въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Прим. автора.

несмотря на всю первоначальную нестройность ихъ организаціи. Потребность соединительнаго начала, федераціи, союзности, общинности, общаго земской совѣщательности—провинціальныя общины выразили въ *великомъ всенародномъ земскомъ совѣтѣ московскомъ*. Естественно, послѣдовательно, изъ самой жизни и потребностей областныхъ общинъ, изъ ихъ семейныхъ мѣстныхъ совѣтовъ о любви, совѣтѣ и соединеніи развивалась такая организація и форма ихъ союзности. Прослѣдите переписку областей въ смутное время отъ первоначальной розни ихъ до такъ называемаго въ актахъ *схода всѣхъ городовъ* подѣ Москву: вы примѣтите послѣдовательный процессъ развитія общаго, всенароднаго земскаго совѣта изъ разрозненныхъ мѣстныхъ, областныхъ земскихъ совѣтовъ, примѣтите жизненно-практическій процессъ организаціи великаго земскаго собора 1613 года. Сфера земскаго народосовѣтія постепенно расширялась посредствомъ взаимныхъ договоровъ и взаимнаго соединенія, соглашенія разрознившихся мѣстныхъ совѣтовъ. Изъ малыхъ круговъ мѣстныхъ совѣтовъ постепенно ширилось, увеличивалось пространство областного народнаго совѣта и въ объемѣ предметовъ и въ степени общинной союзности, совѣщательности. Сначала союзный духъ областныхъ общинъ комбинировалъ земскія, мѣстныя, посредствующія инстанціи всенароднаго совѣта, обобщая мѣстные общинные интересы. Потомъ, отъ мѣстныхъ, областныхъ, частныхъ интересовъ сфера областного народосовѣтія расширилась до взаимныхъ, общихъ интересовъ всѣхъ областныхъ общинъ, и, наконецъ, въ исходѣ 1612 года, возрасла до интересовъ всенародныхъ, всерусскихъ, до выраженія земскаго единства. Такимъ образомъ, сначала каждая область, на своихъ мѣстныхъ совѣтахъ, какъ мы видѣли, заботилась только о своихъ интересахъ, или, по выраженію историческихъ актовъ, только *своихъ мыслей оберегала*. Потомъ областныя общины стали между собою совѣщаться, спрашивать одна другую: «что ея мысль, какой ея совѣтъ, будетъ ли та или другая область держать съ нею одинъ крѣпкій совѣтъ». Въ это время областного народосовѣтія, мы видѣли, во-первыхъ, земскіе совѣты, исключительно мѣстные, въ предѣлахъ каждой области, производившіеся городскими и уѣздными жителями; во-вторыхъ, земскіе совѣты, составлявшіеся изъ выборныхъ, посылаемыхъ или вызываемыхъ одною областною общиною въ другую. Наконецъ, результатомъ областныхъ общинныхъ совѣтовъ, результатомъ взаимнаго, постепеннаго соглашенія всѣхъ областныхъ общинъ между собою быть въ любви, совѣтѣ и соединеніи—было сознаніе необходимости такъ характеристично названнаго въ актахъ *схода всѣхъ городовъ, сбора всей земли*. Окончательнымъ результатомъ, выводомъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ и сбора *схода городовъ* подѣ Москву—былъ *великій московскій земскій совѣтъ* 1613 года.

Какъ ни смутно было бурное, хаотическое броженіе земскихъ элементовъ народосовѣтія въ замутнившихся и разрознившихся областяхъ, но и въ этомъ хаосѣ, повторяемъ, нельзя не замѣтить естественнаго, инстинктивнаго стремленія областныхъ общинъ къ земскому народосовѣтію, нельзя не замѣтить естественной закладки, естественнаго самообразованія областныхъ земскихъ началъ народосовѣтія. Хотя и не стройна, груба была организація, нескладна форма мѣстныхъ совѣтовъ и развившагося изъ нихъ

общаго федеративнаго земскаго совѣта, какъ и все въ древней Россіи, было грубо; но эта организація мѣстнаго, областнаго и общаго, конфедеративнаго совѣта проистекала изъ духа народнаго, изъ естественной жизни и потребностей областныхъ массъ народа. Она такъ была естественна, заключала сама въ себѣ столько благоустроительной силы, что мирила, соглашала, уравнивала самыя нестройныя, хаотическія, разрозненные элементы и силы областныхъ общинъ, останавливала ихъ взаимную борьбу, водворяла порядокъ внутри области въ самое смутное время. Въ эпоху междоусобицъ, пока областныя общины еще не согласились всѣ избрать царя всею землею, въ нихъ господствовало полное самоуправленіе и самостоятельная общинно-административная распорядительность. Вся инициатива въ дѣлахъ и предпріятіяхъ земско-областныхъ, все обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ, интересовъ, способовъ и направленія областной дѣятельности принадлежала мѣстнымъ земскимъ совѣтамъ. Только въ вопросахъ, касавшихся всей русской земли, какъ вопросъ объ изгнаніи поляковъ и литовцевъ, или объ избраніи царя—въ такихъ вопросахъ распорядительная власть cadaго земско-областнаго совѣта основывалась на федеративномъ совѣщаніи съ другими областными общинами, взаимно согласившимися быть въ любви, совѣтѣ и соединенны. Земскій совѣтъ поморской области даже имѣлъ самостоятельныя сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, самостоятельно и *единомышленно* рѣшилъ въ 1611 году не избирать на московскій престолъ шведскаго королевича, а избрать кого-нибудь изъ *прирожденныхъ* бояръ. Въ Новгородѣ, во время междоусобицъ, земской самодѣятельности и мѣстнаго самоустройства, земское правительство самостоятельно заботилось о колонизаціи новгородской области, начертывало указы мѣстнымъ властямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1612 году, правительство *новгородскаго государства*, въ наказѣ приказнику Нехорошему-Вельяшеву, старостамъ и цѣловальникамъ, предписывало: «На Олонцѣ и въ заонежскихъ погостахъ крестьянъ на пустыя выти называть и погосты полнить; а буде которые крестьяне, отъ отцевъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядь племянники и бобыли, и иные какіе вольные люди похотятъ взять пустыя выти въ жило и на льготу: и Нехорошему тѣхъ людей на пустыя выти, на пашню, въ жило и на льготу сажать, а льготу имъ давать на годъ и на два, и на три, смотря по пустотѣ и по землѣ, и по угодыю; брать на тѣхъ крестьянахъ въ дворовомъ поставленны и въ земляной роспашкѣ крѣпкія поруки съ записями; а старыхъ крестьянъ изъ тѣхъ погостовъ никуда не выпускать и возить ихъ никому не давать, а за государя (если онъ будетъ выбранъ) въ тѣ погосты крестьянъ ни изъ-за кого не возить же, oprичъ вольныхъ людей» и проч. Даже въ такія областныя общины, которыя представляли самую хаотическую, безсвязную комбинацію разнородныхъ этнографическихъ элементовъ, въ такія общины, гдѣ совершалась рознь и борьба племенныхъ интересовъ — мѣстные общинные земскіе совѣты вносили нѣкоторые начала общественнаго единства и порядка. Вотъ, напримѣръ, казанская грамота къ пермичамъ, въ которой выражается дѣятельность или распорядительность разно-составнаго казанскаго земскаго совѣта:

«Мы, всякіе люди, *вся земля казанскаго государства*, и князья, и мурзы и татары, и чувашы, и черемиса, и вотяки, сослалися съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами повольскимъ, и горными, и луговыми татарами, и съ луговою черемисою, *положили* на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, и за московское, и за казанское государство стоять, и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, и ему указъ учинить съ приговору, смотря по винѣ; и воеводѣ, и дьяковѣ, и головѣ, и всякихъ приказныхъ людей въ города не пущать, и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; и казаковъ въ городъ не пущать, и стоять на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на московское государство государя, а выбрать бы намъ на московское государство государя всею землею російской державы, а буде казаки начнутъ выбирать государя по своему изволенію, не сославшись со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣть. А что, господа, ваша мысль, и что у васъ какихъ вѣстей будетъ, изъ Новгорода-Великаго, и съ Вологды, и съ Устюга, или изъ иныхъ какихъ городовъ—и намъ бы насъ безъ вѣсти не держать, писать намъ о томъ почасту; а что у насъ про московское государство какихъ вѣстей будетъ, и мы о томъ будемъ къ вамъ писать потому же». Такъ и мурзы, и татары, и черемисы и вотяки, и русскіе, всѣ, на казанскомъ земскомъ совѣтѣ уладились между собой и положили одни общія начала политическаго дѣйствованія.

Почему же, однако, областныя общины не удержали за собою права мѣстнаго народосовѣтія послѣ избранія царя, и не видно мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ послѣ 1613 года? Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ послѣ смутнаго времени въ областяхъ вовсе не было земскихъ совѣтовъ. Слѣды ихъ замѣтны почти до самаго XVIII-го вѣка. Всѣ эти многочисленные областныя челобитныя XVII-го вѣка, подававшіяся царямъ отъ имени дѣльных областныхъ общинъ, *во всѣхъ мѣсто*, по обычному выраженію актовъ—то-есть отъ лица всѣхъ жителей области—всѣ эти областныя челобитныя, что такое были, какъ не результаты и рѣшенія мѣстныхъ, областныхъ земскихъ совѣтовъ? Въ нихъ многозначительно выразились элементы областного народосовѣтія, принципы мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ: это мы подробно раскроемъ въ другой статьѣ. Потомъ, видимъ въ областныхъ общинахъ *мірскіе сходы*, распоряженія *всѣмъ миромъ*.

Иной вопросъ: почему областныя земскіе совѣты, въ эпоху политической самодѣятельности областныхъ общинъ, въ эпоху междоусобицъ, не получили такой крѣпкой организаціи, такой прочной, определенной формы постоянной, юридической и административной институціи въ областяхъ, чтобъ навсегда заявить право на свое земское значеніе и неприкосновенность, чтобъ потомъ государственная централизація не могла разрушить ихъ формъ? Причина этому была не одна. Первая причина та, что въ областныхъ общинахъ не развито было юридическое сознаніе. Форма земскихъ совѣтовъ естественно вылилась, какъ мы сказали, изъ непосредственно-натуральныхъ, инстинктивныхъ потребностей областной общинной жизни. Но, что вызываетъ, создаетъ естественная жизнь, исторія народа требуетъ, по закону общественной цивилизаціи, осмысленія, разумно-

сознательнаго, раціональнаго благоустройства, улучшенія, требуетъ гармонической, стройной, правильной организаціи. А въ нашихъ областныхъ общинахъ XVII-го вѣка не было такого раціональнаго, юридическаго смысла, такта, сознанія, чтобъ данною непосредственною жизнію формъ земскихъ совѣтовъ дать стройную, прочную, раціонально-юридическую организацію постоянной институціи... Русскіе люди первой половины XVII-го вѣка еще не знали началъ европейской, юридической жизни, руководились непосредственностью. Другая причина слабаго развитія областныхъ земскихъ совѣтовъ и неустойки ихъ противъ централизаціонныхъ учрежденій заключалась въ недостаткѣ нравственнаго единства между членами областныхъ общинъ. Иностранцы Маржеретъ, Буссовъ, русскій писатель Палицынъ, акты смутнаго времени и лѣтопись о мятежахъ изобразили намъ самыми мрачными красками тотъ раздоръ, тѣ несогласія, ту страшную своекорыстность и недовѣрчивость брата къ брату, какія господствовали въ великорусскихъ общинахъ въ эпоху смутнаго времени. Недостатокъ союзнаго духа между членами областныхъ общинъ еще болѣе увеличился отъ того разлада и борьбы городского и сельскаго элемента, начавшихся со времени присоединенія крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ—къ посадской, отъ того хаотическаго смѣшенія и броженія народонаселенія, какое произошло вслѣдствіе взаимнаго разлада и розни тяглыхъ и нетяглыхъ общинъ, тяглыхъ и *избылыхъ* людей, вслѣдствіе неравенства правъ и состоянія. Вся эта недостаточность общинной союзности и моральнаго единства между членами областныхъ общинъ, естественно, препятствовала полному, цѣльному и гармоническому строю и развитію областныхъ земскихъ совѣтовъ, даже разлагала ихъ въ самой основѣ. Наконецъ, нечего и говорить о томъ, какъ мало гармонировала съ цѣльностью и стройностью областныхъ земскихъ совѣтовъ безсвязная смѣсь и рознь этнографическихъ, племенныхъ элементовъ, славяно-русскаго и инородческихъ, особенно въ южныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ областныхъ общинахъ. Тутъ и племенной антагонизмъ вносилъ въ областные земскіе со-вѣты начала несогласія, безсовѣтія—слѣдовательно, непрочность и разладъ.

Остается послѣдній вопросъ: почему и въ какомъ смыслѣ областныя общины избрали царя, и избрали по совѣту всей земли на всенародномъ земскомъ соборѣ 1613 года? Во-первыхъ, потому же, почему не признали царемъ Шуйскаго. Областныя общины, какъ мы знаемъ уже изъ ихъ переписокъ, не терпѣли никакихъ исключительныхъ, избирательныхъ правъ, крѣпко держались начала всеобщаго земскаго выбора, всенародной воли. Принципъ выборнаго земскаго начала, принципъ *излюбленнаго* выбора, былъ такимъ священнымъ закономъ воли народной, что народъ простиралъ его на самого царя... Шуйскаго признали царемъ немногіе города, и всѣ прочія областныя общины, недовольныя притомъ усиленіемъ при немъ власти бояръ, не цѣловали ему креста, отвергли его. Бояре, крамольничавшіе и враждовавшіе между собой, во время междоусобія, помогали захватить въ свои руки верховную власть и раздѣлить Россію на удѣлы: областныя общины, особенно нетерпѣвшія боярской олигархіи, возстали противъ ихъ исключительной притязательности, и въ областныхъ

перепискахъ своихъ о взаимномъ совѣтѣ писали: «а бояръ намъ не хотѣть, противъ бояръ стоять намъ вмѣстѣ за-одинъ». Казаки покушались подставить, въ свою пользу, своего самозванца-царя: областныя общины возстали и противъ казаковъ, и переписались между собой: «а буде кого казаки стануть выбирать на московское государство, по своему изволеню, не сославшись со всею землею, и того государя намъ не хотѣть». Далѣе, по словамъ одного сыскаго дѣла первой четверти XVII-го вѣка, многіе *воцаривались* и большими деньгами подкупали народъ, чтобъ собрать голоса о признаніи кого-либо изъ нихъ царемъ. И для устраненія этихъ притязаній необходимо было избраніе царя всею землею, по совѣту всей земли. Наконецъ, юному государству русскому все-таки угрожала опасность новаго распаденія на части. Не только инородческія провинціи, но и многія старыя области могли еще отпасть отъ общаго союза. Притомъ же, поляки, литовцы и шведы угрожали разорвать Россію на многія части. Все это побуждало областныя общины, сильныя сознаніемъ любви, совѣта и соединенія, образовать прочный союзъ, или союзное государство, и для общаго посредничества и контроля избрать одного общаго царя. И вотъ на великомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года избранъ былъ *всею землею* царь Михаилъ Оеодоровичъ — избранъ на полномъ земскомъ выборномъ правѣ всего народа. Въ государственной книгѣ объ этомъ *земскомъ соборѣ* читаемъ: «Гѣта 1613, московскаго государства бояре, воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди, которые въ то время были въ Москвѣ, писали во вѣ города всего великаго россійскаго государства къ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и ко всему освященному собору, и къ боярамъ, и къ воеводамъ, и къ дворянамъ, и къ гостямъ, и къ посадскимъ, и ко всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, чтобъ изо всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царства, изо всякихъ чиновъ, послали въ Москву, для земскаго совѣта и для избранія государя, лучшихъ и разумныхъ людей, и съ ихъ бы земскаго совѣта выбрать государя, кого Богъ дастъ, на владимірское, на московское и на новгородское государства и на Царства Казанское, Астраханское и Сибирское и на всѣ великія россійскія государства. И изъ всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго государства въ царствующій городъ Москву на совѣтъ съѣхались власти и всякой іерейскій чинъ соборнѣ, и государскія дѣти, цари и царевичи и мурзы разныхъ земель, которые служатъ въ московскомъ государствѣ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и всякіе служилые, и посадскіе, и уѣздные люди. И тѣ выборные лучшіе люди къ Москвѣ съѣхались, договорясь въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей полныя грамоты». Выборные земскіе люди признали необходимымъ избрать царя для поддержанія между областными общинами федеративной связи или *любви, совѣта и соединенія*, на чемъ порѣшено было на областныхъ земскихъ совѣтахъ, для устраненія исключительныхъ удѣльно-олигархическихъ притязаній боярства и военно-демократическихъ стремленій казачества, для сохраненія русской земли отъ распаденія на части. «Безъ государя (говорили выборные земскіе люди), московскому государству быть не можно; безъ государя московское государ-

ство не строится и воровскими заводами на многія части распадается». Избравъ царя, выборные земскіе люди дали ему *запись, какая уложена была по совѣту всей земли*. Запись эта, по всей вѣроятности, опредѣляла самодержавіе и была обычная со временъ Грознаго до Алексѣя Михайловича. Котошихинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Вопросъ: для чего пишется *самодержецъ*? Отвѣтъ: какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ быть нежестокимъ и неопальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) выбрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари даывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому онъ наивысочайше пишется: *самодержцемъ*, и государство свое править *по своей волѣ*; и съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по миру что кому по дружбѣ отдать, или какую помочь чинить, или иныя всякія дѣла великія и малыя похочетъ по своей мысли учинить, то съ боярами и съ думными людьми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ, что хочетъ, то и можетъ сдѣлать. А отецъ его, царь Михайло Ѳеодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего». И не только безъ боярскаго совѣта, но и безъ земскаго собора, новоизбранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ ни начать войны, ни назначить сбора на ратныхъ людей, и т. п. Выборные земскіе люди, избравъ царя *всею землею, по совѣту всей земли*, удержали за народомъ право на земскіе соборы и на общинно-областную челобитную гласность и представительность передъ правительствомъ. Великій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за собою значеніе всенароднаго земскаго правительства около четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною властью съ февраля до половины іюня...

О земскихъ соборахъ и объ общинныхъ или земскихъ областныхъ челобитныхъ XVII-го вѣка скажемъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Земскіе соборы въ XVII столѣтіи

Соборъ 1642 года *)

Въ смутное время областныя общины наши выразили три великихъ принципа областной народной жизни. Во-первыхъ, выразили принципъ федеративной союзности: по собственному ихъ выраженію онѣ захотѣли быть между собою *въ любви, въ совѣтъ и въ соединенны*. Во-вторыхъ, областныя общины выразили во время своей розни принципъ мѣстной областной совѣщательности. Это начало проявилось въ *областныхъ земскихъ совѣтахъ*, какіе составлялись тогда въ главныхъ областныхъ городахъ изъ городскихъ и уѣздныхъ жителей, изъ городскихъ и волостныхъ сходовъ. Наконецъ,—народъ нашъ въ смутное время выразилъ, хотя инстинктивно, потребность всеобщаго, земскаго *народосовѣтія* черезъ *выборныхъ добрыхъ, лучшихъ и разумныхъ людей*, потребность *земскихъ соборовъ*. Результатомъ областныхъ, мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, результатомъ совѣщательнаго рѣшенія областныхъ общинъ быть между собою въ любви, въ совѣтъ и въ соединенны—былъ великій московскій земскій соборъ 1613 года, которымъ кончается рознь областей въ смутное время. Царь избранъ былъ по ограничительной *записи, какова была по совѣту всей земли*, блюстителемъ союзныхъ правъ и интересовъ всѣхъ вообще областныхъ общинъ. Вѣрныя своей земской думѣ, областныя общины начали, послѣ смутнаго времени, по своимъ принципамъ, новую государственно-союзную жизнь. Не прерывая федеративной связи, онѣ смѣло заявляли, во-первыхъ, свое право общественнаго земскаго народосовѣтія и областной челобитной гласности. Во-вторыхъ, избранному всею землею царю предлежало думать о народныхъ земско-областныхъ дѣлахъ и интересахъ, не только съ боярами и съ думными людьми, но и созывать земскіе соборы, созывать *выборныхъ* изъ всѣхъ областныхъ общинъ и изъ всѣхъ чиновъ, какіе въ то время были.

Великій московскій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за собою значеніе всенароднаго земскаго правительства около 4-хъ съ половиною мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною властью съ февраля до половины іюня. Послѣ него, еще не разъ собирались зем-

*) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ № 11 (цензурное дозволеніе отъ 18 марта того же года: редакторъ-издатель Г. З. Елисеевъ).

скіе соборы. По изданному собранію государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ,—намъ извѣстны 6 земскихъ соборовъ, изъ которыхъ 4 были въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и 2 въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 4 земскихъ собора созваны были по дѣламъ военнымъ и дипломатическимъ, 2 исключительно по дѣламъ земскаго устройства. Я считаю лишнимъ говорить подробно о каждомъ изъ этихъ соборовъ, а обращаю вниманіе читателей только на важнѣйшіе изъ нихъ. Сначала нужно раскрыть общую организацію земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Московскіе земскіе соборы созывались обыкновенно или по личному указу царя, или вслѣдствіе предварительнаго совѣта его съ духовными и свѣтскими чинами московскими, съ патріархомъ, съ низшимъ духовенствомъ, съ боярами всѣхъ степеней, съ гостями и черными людьми московскими. Въ первомъ случаѣ инициатива и форма выборной организаціи земскаго собора въ актахъ выражалась такимъ образомъ: «и государь, царь и великій князь всея Русіи *указалъ быть собору*, а на соборѣ быть патріарху, митрополиту такому-то, архимандритамъ, игуменамъ и всему священному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ и сотникамъ стрѣleckимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ *изъ городовъ*, и гостямъ, и гостинья и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и *всякимъ* служилымъ и жилецкимъ людямъ, и сказать всякимъ людямъ, для чего созывается соборъ: и они бы выбрали изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ (предметѣ совѣщанія) говорить; а кого выберутъ, тѣхъ людей записать имена». Такъ составлялся земскій соборъ по царскому указу. Но былъ случай въ началѣ царствованія Михаила, что и самый земскій соборъ созывался не по личному указу царя, а по предварительному совѣту земскихъ людей московскихъ—духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Это было вскорѣ послѣ смутнаго времени, спустя 5 лѣтъ послѣ великаго московскаго земскаго совѣта 1613 года. Печально было тогда состояніе народа. Въ смутное время онъ чрезвычайно разорился и обѣднѣлъ, частію отъ опустошительныхъ грабежей казачьихъ, польскихъ и литовскихъ, частію отъ внутреннихъ междоусобій, частію отъ большихъ поборовъ на общее земское дѣло—на очищеніе московскаго государства отъ враговъ. Вслѣдствіе крайняго обѣднѣнія, народъ уклонялся отъ государственныхъ поборовъ; для избѣжанія податей многіе посадскіе и уѣздные люди *закладывались* въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей. Къ царю слались отовсюду изъ областей челобитныя, отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ и отъ частныхъ лицъ, то съ жалобою на писцовъ, на неравномѣрную роспись и раскладку податей, то съ жалобой на обиды и насильства со стороны бояръ, то съ просьбой льготъ. И вотъ, вслѣдствіе такого бѣдственнаго положенія народа, въ 1619 году составленъ былъ въ присутствіи царя совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Собраны были бояре и духовные московскіе. На этомъ московскомъ думномъ совѣтѣ говорено было *о земскомъ устроении и о многихъ статьяхъ*, чтобы въ государствѣ многія статьи

поправить къ покою и строенью людямъ. Но частный соборъ, изъ однихъ московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, не могъ дознать и обсудить всѣ интересы и нужды земскихъ и областныхъ общинъ. Интересы и требованія земско-областныхъ общинъ и частныхъ лицъ такъ были многочисленны, разнообразны и многосложны, что нуженъ былъ непременно земскій соборъ, для обсужденія опредѣленій частнаго московскаго совѣта государя съ духовенствомъ и боярами. И въ началѣ іюля 1619 года разослана была царская окружная грамота по всѣмъ областямъ о присылкѣ въ Москву *выборныхъ*, для совѣта и составленія вновь окладныхъ книгъ и уравниенія податей и повинностей, съ отчетомъ объ опредѣленіяхъ московскаго государева совѣта съ духовенствомъ и боярами. Вотъ, напр., окружная грамота, какая послана была 5 іюля въ Новгородъ, о присылкѣ въ Москву *выборныхъ* на земскій совѣтъ. «Судьбами Божиими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло, а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренія посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными, по недружбѣ, тяжело, и отъ того московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; а изъ замосковныхъ и изъ украинныхъ городовъ посадскіе многіе люди, льготя себѣ, чтобъ имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву, живутъ на Москвѣ и по городамъ у племени и у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхать не хотятъ; а изъ иныхъ украинныхъ и разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобъ имъ, для разоренья, во всякихъ податѣхъ дати льготы, а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ, а иные многіе люди намъ бьютъ челомъ, на бояръ и всякихъ чиновъ людей, въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловали велѣти отъ сильныхъ людей оборонить. И мы, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми и со всѣми людьми московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и землю устроить? И усовѣтовавъ, мы, великій государь, съ отцемъ нашимъ и съ богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими и со всѣми людьми московскаго государства, приговорили: изъ городовъ изъ всѣхъ, вѣдомости и устроенья, указали есмя взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, и разоренье, и чѣмъ московскому госу-

дарству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ велѣли быти въ соборной церкви Софіи премудрости Божіей архимандритамъ, и игуменамъ и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и всякимъ людямъ новгородскаго государства; а какъ сойдутся, и вы-бъ сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ; а прочетчи сю нашу грамоту, велѣли-бъ естя духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, изъ духовнаго чину человѣка или двухъ, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, изъ пятинны по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка, и выборные на нихъ списки дали за руками, и отпустили-бъ ихъ къ намъ къ Москвѣ; чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху московскому и всея Русіи, всякія ихъ нужи, и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы: а мы, великій государь, съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи совѣтовавъ, по ихъ челобитію, прося у Бога милости, учнемъ о московскомъ государствѣ промыслиати, чтобъ во всемъ поправить, какъ лучше.

А выборныхъ бы естя людей, которыхъ выберутъ, отпустили-бъ къ намъ къ Москвѣ не мѣшая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ Новгородскомъ разореньи было вѣдомо, и выслушавъ отъ нихъ челобитыя, учили-бъ есмя, прося у Бога милости, говорити и промыслиати объ нихъ ко всему добру, чтобъ всѣ люди нашего государства, по Божіей милости и нашимъ царскимъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и въ радости».

Такимъ образомъ, по личному ли царскому указу, или по предварительному совѣту царя съ московскимъ духовенствомъ, съ боярами и думными людьми, окружными грамотами вызывались изъ всѣхъ областей въ Москву выборные, добрые и разумные люди изъ всѣхъ чиновъ, по человѣку, по два и болѣе изъ каждаго чина.

Число выборныхъ на земскихъ соборахъ было неопредѣленное и неодинаковое. Напримѣръ, на земскомъ соборѣ 1642 года всѣхъ выборныхъ было 182 чел., въ томъ числѣ стольниковъ 10, дворянъ 22, 4 стрѣleckихъ головы, 12 жильцовъ, 115 дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ изъ 42 областныхъ городовъ, и, наконецъ, 29 торговыхъ людей. А на Земскомъ Соборѣ 1648 года, созванномъ по поводу изданія уложенія, выборныхъ всѣхъ чиновъ, приложившихъ руки за себя и за другихъ, было до 315 человѣкъ. Когда областные выборные, земскіе представители съѣзжались въ Москву, тогда открывался земскій соборъ, или въ золотой большой грановитой палатѣ, или въ столовой избѣ, или въ отвѣтной палатѣ, или въ другой какой-нибудь большой царской палатѣ. Засѣданіе открывалось иногда рѣчью самого царя о предметѣ земскаго соборнаго народосовѣтія; или же думный дьякъ и печатникъ говорилъ или читалъ за царя рѣчь о предметѣ земско-соборнаго сужденія. Это было нѣчто въ родѣ тронной рѣчи. Списокъ съ нея раздавался выборнымъ людямъ всякихъ чиновъ при боярахъ, для подлин-

наго вѣдома и, вѣроятно, для предварительнаго обсужденія. Затѣмъ, по порядку чиновъ, говорили на Соборѣ земскіе выборные, излагали свои мнѣнія. Выборные земскіе люди одного чина или разряда, согласясь между собой предварительно, высказывали свои мнѣнія или требованія, сообразно съ своими интересами, всѣ сообща, общимъ голосомъ, черезъ одного какого-нибудь выборнаго гласнаго, заключая свою рѣчь обыкновенно такими словами: «то наша, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, мысль и сказка»; или: «то за нами гостишками и гостиной и суконной сотенъ людишекъ рѣчи», и т. п. У каждого чина или однороднаго класса выборныхъ былъ дѣякъ, и записывалъ ихъ мнѣнія, сказки, мысли и рѣчи. Иногда, одинъ членъ какого-либо разряда или чина выборныхъ, не довольствуясь объясненіемъ своей братіи, самъ отъ себя говорилъ исправительную или дополнительную рѣчь,—и его сказка принималась къ свѣдѣнію и записывалась. Изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ разными земско-соборными выборными отъ общинъ, выводился общій результатъ, принималось общее рѣшеніе, заключеніе земскаго собора.—Такова общая формальная организція и значеніе земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Такимъ образомъ мы видимъ, что земскіе соборы XVII в. созывались, хотя и по указу царя или по призыву частнаго московскаго собора, но, въ то же время, и вслѣдствіе мѣстнаго, самостоятельнаго рѣшенія *областныхъ земскихъ сходоу, или советоу*. Выборные на московскіе земскіе соборы выбирались на мѣстахъ областными земскими советами. «И какъ къ вамъ ся наша грамота (о выборныхъ на земскій соборъ) придетъ,—ишетъ царь въ окружной грамотѣ о присылкѣ выборныхъ въ Москву,—и вы-бъ велѣли быть въ *Соборной* церкви Софіи архимандритамъ, игуменамъ и всему священному Собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ и всякимъ людямъ *Новгородскаго государства*, а какъ сойдутся,—и вы-бъ, прочетши сію грамоту всѣмъ людямъ въ слухъ, велѣли-бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ», и проч. Пусть эти областные земскіе советы, или сходы, и обще-союзные московскіе земскіе соборы были грубы, какъ всякое установленіе, непосредственно-натурально развивающееся изъ жизни народной. Но они были созданы жизнію самаго народа. Они требовали свободнаго развитія, просвѣщенно-юридическаго осмысленія, облагороженія, усовершенствованія.

И въ формахъ XVII столѣтія, земскіе соборы были вовсе не такъ грубы, какъ можно представить съ современной точки зрѣнія. Только мужиковаты были рѣчи, не имѣли современнаго образованнаго литературнаго колорита, но зато онѣ были кратки, точны, полномысленны и полножизненны. Здѣсь важенъ не столько принципъ земскихъ соборовъ, а эта живая, откровенная, правдивая выразительность и требовательность практическаго смысла и сознанія народнаго. Даже въ такой вѣкъ, какъ вѣкъ XVII, вѣкъ грубаго невѣжества и суетврія, народъ нашъ, наши земско-областные общины практически способны были давать самые разумные и жизненно практическіе советы. Какъ практиче-

скій духъ народа, на основаніи земскаго устройства областныхъ общинъ, на основаніи многовѣкового опыта жизненной исторической практики, самъ собою создалъ принципъ земскаго народосовѣтія и выразилъ его въ формахъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и московскихъ земскихъ соборовъ,—такъ этотъ же практическій смыслъ народа заключалъ въ себѣ природную способность къ земскому народосовѣтію. Вспомнимъ, напр., какъ высказывали правду земскіе люди, представители областей и разныхъ чиновъ, на Азовскомъ соборѣ 1642 года, и какіе умные давали совѣты. Дворяне и дѣти боярскіе, собранные изъ 16 городовъ говорили: «Твои государевы дѣяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, купили многія вотчины и построили себѣ много домовъ, палаты каменные такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было и достойно въ такихъ домахъ жить: вели, государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, а противъ ихъ домовъ и пожитковъ, вели съ нихъ взять денегъ ратныхъ своимъ государевымъ людямъ на жалованье... А которые, государь, наша братія, не хотя тебѣ, государю, служить, отбываячи твоей государевой службы, писались по московскому списку и въ иные твои государевы чины, и будучи въ твоихъ государевыхъ городахъ, у твоихъ государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ, а иные твоимъ государевымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами большими, и на то богатство накупили многія вотчины: вели, государь, съ тѣхъ ихъ помѣстій и вотчинъ взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей; а съ ихъ пожитковъ вели, государь, обложить ихъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. А дворовые твои государевы всякихъ чиновъ люди у тебя, государь, пожалованы помѣстьями и вотчинами, да имъ же ежегодное твое государево денежное жалованье, да они же бываютъ черезъ годъ и черезъ два на приказахъ въ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ великихъ селахъ, и наживаютъ большіе пожитки, а твоей государевой полковой службы не служатъ; а коли они бываютъ и на Москвѣ, то бываютъ у твоихъ же государевыхъ дѣлъ, и тѣхъ своихъ пожитковъ нигдѣ не проживаютъ: вели, государь, и съ нихъ въ счетъ даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, и съ ихъ помѣстьевъ вели, государь, взять денегъ въ твою государеву казну.... А буде тебѣ, государь, казны надобно будетъ скоро, сверхъ твоей государевой казны и того сбора, вели, государь, взять патріархову казну и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и епископовъ, и въ монастыряхъ *лежачую домовую казну*, для такой же скорой твоей государевой службы». Наконецъ, дворяне и дѣти боярскіе совѣтовали царю счесть приказныхъ людей, дѣяковъ, подъячихъ и таможенныхъ чиновъ, по приходнымъ книгамъ, чтобъ государева казна безъ вѣдомости не терялась, и представить сборъ государевой казны гостямъ и земскимъ людямъ. Еще прямѣе высказывали свои мысли, и даже рѣшительно протестовали противъ ратныхъ повинностей и противъ воеводскаго управленія, «гости и гостиной и суконной сотень торговые люди». «Объ устройствѣ ратныхъ людей,—говорили

они,—и о записяхъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ; а то дѣло служивыхъ людей, за которыми твое государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы, холопы твои, гостишки и гостинья и суконныя сотни торговые людишки городовые, питаемся въ городахъ своими промыслишками, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службѣ твоей государевы служимъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ всякой годъ безпрестанно, и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинной деньги, что мы, холопы твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы, холопы твои, на твоихъ государевыхъ службахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, собираемъ твою государеву казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью; гдѣ собирались при прежнихъ государяхъ и при тебѣ, государь, въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, а нынѣ, государь, собирается съ насъ и со всей земли нами же, холопами твоими, тысячъ по пяти и по шести и больше; а торжишки, государь, у насъ, холопей твоихъ, противъ прежнихъ годовъ стали гораздо хуже... А въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было». Наконецъ, сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ, и всѣ тяглые люди говорили на земскомъ соборѣ: «что касается до устройства ратныхъ людей и до запасовъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ; а мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки, и всѣ тяглые люди, нынѣ, по грѣхамъ своимъ, оскудѣли и обнищали отъ большихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, и отъ поворостныхъ денегъ, и отъ городского земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ, которыя мы, сироты твои, въ твоихъ государевыхъ ратныхъ службахъ въ Москвѣ служили съ гостями и опричь гостей; а служить съ насъ, сиротъ твоихъ, въ государевыхъ разныхъ приказахъ всякій годъ по 145 человекъ цѣловальниковъ, да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоять на земскомъ дворѣ безпрестанно и безъ сѣзду 75 человекъ, ярыжныхъ, да извозчики съ лошадьми, для ради грѣховнаго пожарнаго времени, и платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извозчикамъ ежемѣсячно кормовыя подможныя деньги большія, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои бросаютъ».

Вотъ какъ выражался духъ народный на земскихъ соборахъ. Лицемъ къ лицу передъ единодержавіемъ, народъ являлся двоедушнымъ двусмысленнымъ, а въ сущности и тутъ оказывался онъ по натурѣ вѣрнымъ самому себѣ, демократомъ. Земскіе люди униженно называютъ себя холопами царя, людишками, гостишками, и т. п.; свои страдальческія занятія

называютъ промыслишками, торжишками и т. п.; то и дѣло повторяютъ въ своей рѣчи, чуть не за каждымъ словомъ: «государь, твои государевы холопы» и проч. А въ то же время напрямикъ отказываются служить нуждамъ и запросамъ государевой казны, въ ущербъ своихъ нуждъ и интересовъ, хотя на словахъ и выражаютъ свою готовность сослужить службу царскую. О службѣ царской народъ говоритъ государю: «о томъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ; а мы не можемъ, обнищали и оскудѣли отъ убыли своихъ промыслишковъ и торжишковъ, отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, и хотимъ брести врознь». Контрастъ этотъ ясно указываетъ, что духомъ народнымъ руководили не отвлеченность, а жизнь и практика. Выводы, начала, мысли, высказанные земскими выборными на Азовскомъ соборѣ, были выводами, началами народными, жизненными. Представители земства, во-первыхъ, совершенно основательно, по внушенію опыта, требовали справедливаго равенства въ раскладкѣ земскихъ податей и повинностей, требовали писцовой поземельной системы государственныхъ поборовъ, и экономической отчетности въ распоряженіи народными доходами для нуждъ государства, совѣтовали устроить земскій, народный контроль надъ казенными сборами, контроль земскихъ людей добрыхъ, выборныхъ изъ всѣхъ чиновъ челоуѣка по два и по три, требовали, «чтобъ и неслуживые съ неслуживыми въ равенствѣ были, никто-бъ въ избылыхъ не былъ». Ни дѣяки, построившіе на счетъ народа такія каменные палаты, что неудобъсказаемыя,—накупившіе на взятки богатѣйшія вотчины, да кромѣ того еще отъ царя пожалованные вотчинами и помѣстьями, ни патріархи, митрополиты, архіепископы и монастыри—съ ихъ *лежащей домовой казной*, ни *отяжелѣвшіе* богачи—вотчинники, ни *дворовые царскіе* вотчинники;—никто, по мыслямъ народныхъ выборныхъ, не долженъ уклоняться отъ земскихъ податей и повинностей, въ ущербъ бѣднымъ тяглымъ людямъ, въ ущербъ торговымъ и промышленнымъ классамъ народа—самымъ главнымъ производительнымъ силамъ государства. Гости и гостинной и суконной сотенъ торговые люди жизненно прочувствовали, на опытѣ дознали, какъ вредно въ дѣлѣ свободной народной промышленности и торговли вмѣшательство, опека и контроль приказнаго начальства, воеводъ,—и потому такъ рѣшительно протестовали противъ воеводскаго управленія, противъ уничтоженія стариннаго посадскаго самоуправленія и самосуда. Наконецъ — люди черныхъ сотенъ и слободъ и всѣ тяглые люди сильно и громко протестовали противъ многочисленности и обременительности податей и повинностей, жаловались на свое обнищаніе и оскудѣніе отъ податей и повинностей, говоря, что они разбредутся врознь.

Земскій соборъ 1648—1649

и собраніе депутатовъ 1767 годовъ ¹⁾

I

Извѣстно, что до московской централизаціи, въ эпоху земской само-бытности областей, не было общаго положительнаго законодательства, а только вырабатывались изъ жизни народной, земско-областной и изрѣдка предавались письмени мѣстные юридическіе обычаи. Въ общинныхъ, народоправныхъ *черныхъ* волостяхъ вырабатывались изъ жизни крестьянской, мірской, неписанныя, но обычныя мірскія постановленія, или, такъ-называемыя въ актахъ, *мірскія уложенія* (А. Юр. № 358). Въ вотчинныхъ волостяхъ требовались волостными крестьянами и, по ихъ челобитью, съ ихъ *разсуженья*, составлялись вотчинныя *уставныя грамоты* (А. Э. 1, № 269, 258 и др.). Въ цѣлыхъ областяхъ вырабатывались земскою, мірскою жизнью, или съ конца XIV вѣка выдавались иногда князьями областныя *уставныя грамоты*. Таковы, напримѣръ, псковская судная грамота, двинская уставная грамота. Принципы мѣстной областной уставности, мѣстнаго юридическаго самоустройства такъ были обыченъ въ областныхъ общинахъ, особенно въ сѣверныхъ, древне-новгородскихъ, что многія изъ нихъ, на-примѣръ, важская земля, двинская земля, устьянскія волости, какъ читатели наши знаютъ уже, во второй половинѣ XVI вѣка вытебовали себѣ мѣстныя уставныя грамоты на право излюбленнаго самоуправленія и самосуда. Царь Грозный далъ имъ эти уставныя грамоты не по своей волѣ, а по ихъ челобитью и сильной протестаціи противъ царскихъ наместниковъ и волостелей. Въ самыхъ грамотахъ царь только утвердилъ тѣ общія начала излюбленнаго, общинно-выборнаго самоуправления и самосуда, какія опредѣлены были самими областными общинами. Дальнѣйшее развитіе этихъ общихъ началъ, примѣненіе ихъ къ мѣстному теченію жизни предоставлено было самимъ областнымъ общинамъ, предоставлено было имъ самимъ управляться такъ, *чтобъ управа люба была всей ихъ землѣ*.

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки“ за 1862 г., № 11, стр. 1—43 (ценаурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 28 ноября того же года; редакторы-издатели А. Краевскій и С. Дудышкинъ).

Но съ XVI вѣка все это были уже исключенія. Съ прекращеніемъ мской особы, самобытности областей, прекратилось и развитіе областной, мѣстной уставности. Только разнообразная мѣстная жизнь народа, попрежнему, хранила и вновь вырабатывала свои юридическіе обычаи, получавшіе письменной опредѣленности и государственнаго значенія и утвержденія. Съ тѣхъ поръ, какъ московское государство централизовало областныя общины, съ тѣхъ поръ начала развиваться юридическая централизація, систематическое обобщеніе юридическихъ началъ земско-областной жизни. Эта систематизація мѣстныхъ, земско-областныхъ, юридическихъ принциповъ — правъ и обязанностей выразилась въ развитіи законодательной кодификаціи. Уже при царѣ Иванѣ III, когда такъ-называемое *собираніе русской земли* совершилось почти окончательно, составленъ былъ первый судебникъ, сводъ частію мѣстныхъ областныхъ уставныхъ грамотъ, частію новыхъ царскихъ грамотъ и указовъ. При Иванѣ IV составленъ былъ второй судебникъ, на основаніи перваго, съ сокращеніемъ вновь изданныхъ царскихъ указовъ и грамотъ, съ сокращеніемъ новыхъ опытовъ и данныхъ народной земско-областной жизни развивавшемся государственномъ союзѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка, сообразно съ новыми данными народной жизни и съ накопившимся вновь указами и грамотами, составлены были дополнительные статьи судебнику. Царствованіе Михаила Федоровича особенно обильно было царскими грамотами и указами; потому что областныя общины, соглашавшись, послѣ розни своей въ смутное время, быть между собой въ любви, совѣтѣ и въ соединеніи по праву общинно-областной челобитной предъельности и гласности, не давали новоизбранному всею землею царю своимъ безпрестанными земско-общинными челобитными. Вслѣдствіе ихъ народныхъ челобитныхъ, царскихъ указовъ и грамотъ еще больше копилось. Нужно было свести ихъ въ одну книгу, и обобщить юридическія начала народной земско-областной жизни согласно съ государственной централизаціей. И вотъ 16 іюля 1648 года, по указу царя Алексѣя Михайловича, созванъ былъ сначала соборъ изъ однихъ московскихъ думныхъ и свѣтскихъ чиновъ. По приговору этого частнаго собора, рѣшено было собрать всѣ прежніе царскіе указы и боярскіе приговоры, а недостающія статьи вновь составить. Далѣе, ужъ не этотъ частный соборъ, а самъ царь указалъ, кому заняться этимъ сводомъ прежнихъ законовъ и составленіемъ новыхъ. Дѣло поручено было пяти членамъ царскаго бюрократическаго правительства. Въ подлинной выпискѣ о бывшемъ въ Москвѣ, по указу царя Алексѣя, соборѣ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ и сочиненія новаго собранія законовъ, сказано такъ:

«Въ лѣто 1648, іюля 16 дня государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси самодержецъ, совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и омовцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патриархомъ московскимъ и всея Руси, и съ митрополитами и съ архіепископами, и съ епископами и со всемъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми боярами, и съ окольничими и съ думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ св. апостолъ и св. отецъ, и въ градскихъ законахъ грече-

скихъ царей, а пристойны эти статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписали, и чтобъ прежнихъ великихъ князей руссійскихъ, и отца его государева блаженныя памяти, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указы и боярскіе приговоры *на всякія государственныя* и *на земскія дѣла* собрать, и тѣ государскіе указы и боярскіе приговоры со старыми судебниками справить: а на которыхъ статьи въ прошлыхъ годахъ, въ судебныхникахъ прежнихъ государей указа не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, а тѣ бы статьи потому же написать и изложить по *его государеву указу, общими совѣтомъ*, чтобъ московскаго государева всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровню. И указомъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи, то все собрать и въ докладъ написать боярамъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольничему князю Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву, да Ѳеодору Грибоѣдову». Замѣчательно, что въ этомъ актѣ дѣла дѣлятся на *государственныя* и на *земскія*. Подъ государственными дѣлами разумѣется собственно государственное строительство, казенные и приказные порядки, и преимущественно интересы казны государевой. а подъ дѣлами земскими—всѣ дѣла собственно народныя, дѣла и интересы земскихъ областныхъ общинъ. Сообразно съ разграниченіемъ дѣлъ государственныхъ и земскихъ, и дѣйствовалъ государственный земскій соборъ 1648 года. По принципу государственнаго права и контроля, сборникъ законовъ составленъ, по указу царя, пятыю членами правительственной бюрократіи. «И по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу—сказано въ соборномъ актѣ—бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами, выписавъ изъ правилъ св. апостоль и св. отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебныхниковъ прежнихъ великихъ государей, и изъ указовъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и изъ боярскихъ приговоровъ, и которыхъ статей въ прежнихъ судебныхникахъ и въ указахъ прежнихъ государей и въ боярскихъ приговорахъ не написано, и изъ статьи написавъ вновь, къ государю принесли». По принципу земства, необходимъ былъ, въ дѣлѣ изданія уложенія, и земскій совѣтъ. Какъ не нарушала бюрократическая правительственная централизація принципъ земскаго народосовѣтія областныхъ общинъ, сколько ни присвоилъ царь Алексѣй Михайловичъ силы своей волѣ, своему указу и приказнымъ боярамъ, все же онъ еще не рѣшался, безъ земскаго совѣта, издать уложенія. Онъ признавалъ это дѣло сколько своимъ, *государевымъ* и *царственнымъ*, столько же и *земскимъ великимъ дѣломъ*. Потому, указавъ пяти лицамъ составить сводъ уложенія, царь рѣшилъ созвать земскій соборъ для дополненія его новыми статьями, для всенароднаго прочтенія и для земской скрѣпы. «А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла—читаемъ, далѣе, въ соборномъ актѣ—указалъ государь, по совѣту съ патриархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ, и изъ жильцовъ,

изъ чину по два челоуѣка, также изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два челоуѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по челоуѣку, а изъ меньшихъ городовъ по челоуѣку, а изъ гостей трехъ челоуѣкъ, а изъ гостиной и изъ суконной сотенъ по два челоуѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ по челоуѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобъ *государево* его *царственное* и *земское* дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ всѣ тѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы».

Вслѣдствіе этого указа, выборные къ октябрю собрались въ Москву. Судя по ихъ рукоприкладству въ списокъ уложенія, всѣхъ выборныхъ было 315 челоуѣкъ, именно патріархъ Іосифъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, 1 епископъ, 5 архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій протопопъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 дворянъ городовыхъ, трое гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ изъ городовъ, и, наконецъ, 15 выборныхъ отъ 15 московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ. Изъ этого перечня видно, что выборъ былъ неполный: не было выборныхъ изъ крестьянъ.

Что же, какую роль играли, какое участіе принимали въ обсужденіи земскаго дѣла уложенія эти 315 наличныхъ выборныхъ?... По официалъному акту, слушали «Уложеніе», да руки приложили къ нему грамотные за себя и за безграмотныхъ. Именно, въ сохранившемся до насъ соборномъ актѣ Уложенія читаемъ: «Въ нынѣшнемъ въ 1648 г. октября съ 3-го числа государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополитами, и съ архіепископами и съ епископами, также и съ *своими государевыми* боярами, и съ окольничими и съ думными людьми того собранія слушалъ, и *выборными* людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны въ Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно. И указалъ государь то все Уложеніе написать на списокъ, и закрѣпивъ тотъ списокъ святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Русіи, и митрополитамъ, и архіепископамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освященному собору, и своимъ государевымъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ, и *выборными* дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ и посадскимъ людямъ московскаго государства и всѣхъ городовъ російскаго царства, а закрѣпя то Уложеніе руками, указалъ государь списать въ книгу и закрѣпить ту книгу дьякамъ Гаврилѣ Левонтьеву да Ѳеодору Грибоѣдову; а съ той книги для утвержденія, на Москвѣ во всѣ приказы и въ города напечатать многія книги, и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію». Какъ приказалъ царь, такъ было и сдѣлано: всѣ выборные приложили къ уложенію свои руки. За выборными царскій приставникъ—бояринъ наблюдалъ. «А какъ *уложеніе*—сказано въ концѣ соборнаго акта—по государеву цареву и великаго князя Алексѣя

Михайловича всея Руси указу, чтено (было) выборнымъ людямъ, въ то время въ отвѣтной палатѣ, по *государеву указу*, сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, да съ нимъ выборные люди».

Если же, такимъ образомъ, по указу царя, составленіе уложенія поручено было только пяти лицамъ; если, даѣе, по указу царя, составленное пятью лицами уложеніе только читано было выборнымъ земскимъ людямъ, подѣ предѣдательствомъ, или подѣ наблюденіемъ приставленнаго царемъ боярина-князя, то уже ли выборные земскіе люди были, какъ муміи, безгласны? Уже ли они ничего не говорили на соборѣ, а, какъ безгласные рабы, только выслушивали въ уложеніи законы, написанные, по выраженію графа Воронцова, «не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ». Нѣтъ, этого нельзя сказать! Во-первыхъ, извѣстно, что земскіе выборные подали на соборѣ особыя челобитныя, вслѣдствіе которыхъ составлены были новыя статьи и внесены въ уложеніе. Мы сейчасъ покажемъ, какого рода эти челобитныя. Потомъ, есть извѣстіе, что кн. Львовъ и съ нимъ до 120 человекъ осмѣлились выразить свое недовольство уложеніемъ и за то сосланы были въ соловецкій монастырь, и тамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, подѣ знаменемъ раскола, произвели бунтъ противъ царя. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, въ чемъ состояло ихъ недовольство уложеніемъ ¹⁾. Затѣмъ, не даромъ нѣкоторые демократическія согласія раскола отвергали и донынѣ отвергаютъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, называя его «богопротивною, антихристовою книгою». Это отрицаніе, вѣроятно, наслѣдовано ими отъ упомянутыхъ оппонентовъ уложенія, возражавшихъ что-то противъ него и за то пострадавшихъ. Если неизвѣстно, что возражали противъ уложенія 120 человекъ, сосланныхъ въ соловецкій монастырь, такъ зато сохранились двѣ челобитныя выборныхъ, слушавшихъ на соборѣ уложеніе. Эти челобитныя показываютъ, что хотя земскіе выборные и мало обнаружили вліянія и участія въ редакціи уложенія, однакожъ, полномочно воспользовались земскимъ соборомъ для рѣшенія двухъ важныхъ вопросовъ XVII вѣка. Въ одной челобитной выборные представляли объ отобраніи у патріарха, у монастырей и вообще у духовенства вотчинныхъ земель и объ употребленіи ихъ на жалованье безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ служилымъ людямъ. «Били намъ челомъ—читаемъ въ актахъ—стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе, и изъ городовъ дворяне-жъ и дѣти боярскіе, и гости, и гостиныя гости и суконныя и черныхъ сотенъ и слободъ, и изъ городовъ посадскіе и всѣ выборные люди ото всея земли, и въ челобитѣхъ ихъ написано: чтобъ государь указать у патріарха, и у властей, и у монастырей, и у поповъ вотчинныя земли взять на себя государя, которыя даваны съ восьмьдесятъ осмага году, послѣ указу и уложенья прежнихъ государей, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси... государя царя и вел. князя Ѳеодора Ивановича всеа Руси, и прежнихъ властей, которые съ ними государи въ то время были на соборѣ; а въ соборномъ дѣлѣ

¹⁾ „Сборн. архіер. грам. соловецк. библ.“ № 19; „Расколъ, обличаемый своей исторіей“, Муравьева.

уложение написано, что съ тѣхъ мѣсть въ монастыри вотчинныхъ земель отнюдь не давать, а власти-де къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать; и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, роздать по разбору служивымъ людямъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ» (А. Э. IV, стр. 49).

Въ другой, особенно важной для русскихъ людей XVII вѣка, челобитной, выборные земскаго собора 1648 — 1649 г. представляли о государственно-экономическомъ уравненіи всѣхъ людей, о небытіи льготныхъ слободъ около городовъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, и проч. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Гости и гостиныя, и суконныя и черныхъ сотенъ и слободъ, и городовые торговые и посадскіе выборные люди великому государю били челомъ, а въ челобитной ихъ написано: блаженныя-де памяти при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при государѣ царѣ и великомъ князѣ Федорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, на Москвѣ и около Москвы по городамъ, на посадѣхъ и около посадовъ, патріаршихъ и митрополичихъ, и владычныхъ, и монастырскихъ, и боярскихъ, и княженецкихъ, и думныхъ дворянъ, и столниковъ, и дьяковъ, и ближнихъ людей слободъ со крестьяны и съ закладчики съ торговыми со всякими людьми не бывало; а нынѣ-де на Москвѣ и около Москвы по городамъ на посадѣхъ дворы и около посадовъ заведены слободы патріарши, и митрополичи, и владычни, и монастырскія, и боярскія, и княженецкія, и стольниковъ, и думныхъ и ближнихъ людей, а въ тѣхъ-де дворѣхъ и въ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслы и торгами большими на Москвѣ и въ городѣхъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и онбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ промыслѣхъ ихъ такіе заступные и торговые люди затѣснили и изобидили многими обидами; а съ промысловъ-де они съ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ съ ними не платятъ, живутъ всегда во лготѣ, и на Москвѣ-де и въ городѣхъ отъ нихъ заступныхъ людей въ торгѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится и межусобіе и ссоры болшіе. А на Москвѣ-де изстари за патріархомъ которыя слободки были, и въ тѣхъ-де слободахъ жили патріарши бобыли и патріарша двора сторожи, повары, конюхи и мастеровые люди патріарша-жъ двора; а нынѣ-де на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ живутъ многіе торговые промышленные люди и кабацкіе откупщики. А въ Нижнемъ-де Новѣгородѣ на посадѣ въ одной Благовѣщенской слободѣ за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей сверхъ писцовыхъ книгъ болши шtisотъ человекъ, которые въ тое слободу сошлись изъ разныхъ городовъ и поселились для своего промыслу и легости. Да изстари-жъ-де, до московскаго и послѣ московскаго разоренья, около Москвы, за Землянымъ городомъ, были животинные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три, и по четыре, и по пяти, а въ городѣхъ около посадовъ были животинные выпуски болшіе и въ лѣсы выѣзды по дрова; а ныне-де около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ животинныхъ выпусковъ не стало, потому, изза-

няли бояре и ближніе люди и московскіе дворяне и дьяки подъ загородныя дворы и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски распазали въ пашню, и въ лѣсы-де выѣзду по дрова не стало. И великій государь пожаловалъ бы ихъ гостей и торговыхъ посадскихъ людей всего московскаго государства: на Москвѣ и около Москвы и во всѣхъ городѣхъ, на посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ никакимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ за патриархомъ и за властью, и за монастыри, и за бояры, и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людьми, быти не велѣлъ: а велѣлъ бы великій государь на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ, и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ по слободамъ, всякимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ быть за собою великимъ государемъ въ тягѣ и въ слободахъ съ ними вмѣстѣ равно, чтобъ-де никто въ избыли не былъ и чтобъ-де государскимъ милосердымъ воззрѣніемъ во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и междоусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было, и опричь бы великаго государя тѣ торговые и промышленные люди ничымъ именемъ не назывались, и животинные выпуски около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ и въ лѣсы для дровъ выѣздъ указалъ бы великій государь устроить попрежнему. И 157 году ноября въ 13 день, по тому челобитью столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостинныя и суконныя и иныхъ сотенъ и слободъ торговыхъ и городовыхъ посадскихъ людей, докладывали великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, да князь Семень Васильевичъ Прозоровской, окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконской, да дьяки Гаврила Леонтьевъ да Ѳедоръ Грибоѣдовъ» (А. Э. т. IV, № 32). Такую же челобитную подали всѣ выборные отъ дворянства.

Для того, чтобъ понять смыслъ этого представленія выборныхъ на земскомъ соборѣ, нужно вникнуть въ государственно-экономическій складъ и интересы земскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ.

Государственная централизація, особенно экономическая, казенная, начала розни, неурядицы вносила въ городскія и сельскія общины. Центральное правительство взяло на себя народную, земскую заботу о благоустройствѣ областныхъ общинъ и цѣлаго народа, на счетъ народа. Вслѣдствіе крайняго разстройства государства послѣ смутнаго времени, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія мѣстныхъ, земско-областныхъ нуждъ, потребностей и интересовъ, на централизованномъ правительствѣ лежали огромныя, чрезвычайно разнообразныя и трудныя задачи. Оно само, вслѣдствіе централизаціи, вслѣдствіе уничтоженія народной, земско-областной самораспорядительности и инициативы, взяло на себя эти народныя задачи. А средствъ и силъ, между тѣмъ, у него не было, ни у народа. И вотъ, центральное правительство налегло на народъ, на земско-областныя массы всею тяжестью государственныхъ запросовъ и обязательствъ. Нужно стало государево тягло и невыносимый правяжъ тягла, такъ что въ XVII вѣкѣ постоянно заказывалось недоплатившихъ или вовсе неплатившихъ тягла, или какого-нибудь сбора, бить нещадно съ утра до вечера, а на ночь сажать въ тюрьму. Нужно стало, ради исправности и неупустительности

тягловыхъ повинностей, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ, посадскихъ—къ городскимъ тяглымъ посадкамъ—прикрѣпленіе, доходившее въ XVII-мъ вѣкѣ до страшныхъ экзекуцій, сысковъ и переводовъ безконечныхъ съ мѣста на мѣсто: народонаселеніе, словно карты, тасовалось. Нужно стало приказно-воеводское управленіе въ областяхъ, варварски-деспотическое и рѣшительно противное духу областныхъ общинъ; нужны стали сборы на ратныхъ людей, ямскіе сборы, стрѣleckіе сборы, и т. п., почти безконечно разнообразные и безчисленные поборы. Все это стало нужно не столько для истинныхъ потребностей благоденствія самого народа, сколько для прибыли и видовъ самого правительства, взявшаго на себя опеку надъ народомъ. И вотъ, эти-то начала централизующаго московскаго правительства были радикально противны анти-централизационному духу земско-областныхъ общинъ. Они-то и вносили въ земско-областныя общины начала розни, неравенства и разлада. Особенно рѣзкій разладъ производила въ земскихъ общинахъ государева казна—казенная система. Она существенно противорѣчила народнымъ экономическимъ интересамъ, централизовала земско-областныя производительныя силы и средства. Земскіе люди отъ тягла и разныхъ повинностей государственныхъ разбродились врознь, искали льготныхъ мѣстъ, а централизующее правительство, по своимъ казеннымъ видамъ, передвигало ихъ изъ льготныхъ общинъ въ тяглыя. Въ этой передвижкѣ народонаселенія прошло все XVII-е столѣтіе. Вслѣдствіе этого разлада народныхъ экономическихъ интересовъ съ интересами государевой казны, вслѣдствіе стремленія народа къ свободному льготному самоустройству, вопреки тягловаго прикрѣпленія его къ государственной службѣ и повинности, въ XVII-мъ вѣкѣ образовались цѣлые классы людей, такъ-называемыхъ *закладчиковъ за сильныхъ людей, избытыхъ отъ тягла, заступныхъ, вольныхъ гулящихъ людей* и т. п. Выбѣгая изъ тяглыхъ общинъ, эти люди селились на льготныхъ земляхъ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ вотчинниковъ. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVII-го вѣка, около Москвы и около всѣхъ областныхъ городовъ, образовались цѣлыя свободно-промышленныя слободы, населившіяся закладчиками и избытыми людьми. Образованіе такихъ вольнопромышленныхъ слободскихъ общинъ, рядомъ съ государственно-тяглыми и служилыми общинами, съ одной стороны, выразило жизненный, фактический протестъ народный противъ государственно-экономической разсортировки и централизаціи народонаселенія; съ другой стороны—вносило въ городскія и сельскія общины начала экономического неравенства и розни. Массы рабочаго народа, еще не отвыкшія отъ средневѣковаго обычая—свободнаго перехода и промысла, и не привыкшія къ московской системѣ государственно-экономической централизаціи—массы на опытѣ видѣли и дознавали все преимущество вольнаго, льготнаго поселенія и свободнаго промышленнаго труда передъ тяглымъ, стѣсненнымъ государственно-податнымъ бытомъ. Правительственная, государева экономія или казна постоянно руководилась однимъ принципомъ: «какъ бы никого и нигдѣ не было въ избылыхъ отъ тягла и повинностей, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Потому все вниманіе правительства, въ XVII-мъ вѣкѣ,

обращено было на удержаніе народонаселенія въ тяглыхъ общинахъ. А промышленныя массы народа искали, гдѣ бы имъ было жить и промыслять лучше, прибыльнѣе, и, выбывая изъ тяглыхъ общинъ, населяли льготныя промышленныя слободы, гдѣ, дѣйствительно, по положительному свидѣтельству актовъ, на льготѣ, и промысляли прибыльнѣе и жили лучше. Съ другой стороны, это сильное стремленіе тяглыхъ людей къ *закладничеству за сильныхъ, къ избыванью отъ тягла*, изъ тяглыхъ общинъ въ льготныя, свободно-промышленныя слободы, доводило до крайняго разоренія и объединенія тяглыхъ общины, о чемъ безпрестанно и громко вопіють областныя челобитныя XVII-го вѣка, потому что вся тягость казеннаго тягла и повинности падала на однѣ тяглыя общины: при господствовавшей тогда общинной раскладкѣ податей и повинностей, неизбылые тяглые люди несли тягло и за избылыхъ, за закладчиковъ, за ихъ пустые дворы и земли. Когда почти при всѣхъ городахъ, и въ льготныхъ вотчинахъ сильныхъ людей — духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ населились большія слободы закладчиками и избылыми людьми, въ земскихъ общинахъ произошло крайнее неравенство государственно-экономическое, торгово-промышленное и даже юридическое. Это-то несправедливое неравенство было источникомъ бѣдствій народа. Оно заключало въ себѣ, противное духу земства, *начало* раздѣленія членовъ общинъ на крайне-бѣдныхъ и крайне-богатыхъ, и вызывало борьбу этихъ двухъ, противоположныхъ элементовъ общества. Вслѣдствіе государственно-экономическаго и юридическаго неравенства появилось множество *обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца, голутвенныхъ людей*, то-есть голыхъ бѣдняковъ. И съ ними-то, какъ извѣстно, Стенька Разинъ, поднявши знамя противогосударственного бунта, въ то же царствованіе Алексѣя Михайловича, сталъ возвѣщать принципъ равенства и беспощаднаго грабежа богачей. Государственно-экономическое неравенство тяглыхъ и нетяглыхъ общинъ обрекало членовъ ихъ на вѣчную рознь и борьбу. Оно радикально нарушало органическую цѣльность и союзность земскихъ общинъ, полюбовно согласившихся между собой жить и развиваться въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи. Оно мutilовало государственно-союзный духъ областныхъ земскихъ общинъ, предавало самую большую часть ихъ въ жертву всепоглощающей государственной казны. Ужъ терпѣть иго государственнаго тягла, такъ терпѣть всѣмъ общинамъ сообща, не нарушая принципа внутренняго и взаимнаго равенства, *чтобъ вездѣ было все одно государство*, чтобы всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготѣхъ *вмѣстѣ равно*, чтобы во всемъ народъ *мятежа и розни не было*, какъ говорили сами выборные въ своихъ челобитныхъ. Вотъ, во имя этого-то принципа государственно-экономическаго равенства земско-областныхъ общинъ, выборные земскіе, на соборѣ 1648 года, по поводу изданія уложенія, и подали ту челобитную царю, отрывокъ изъ которой мы выписали. Этой челобитной своей, народъ русскій, за 200 лѣтъ до нашего времени, заявилъ требованіе, чтобы передъ государствомъ, передъ закономъ были всѣ равны: заявилъ принципъ уравниенія государственныхъ условий для равномѣрнаго и равноправнаго экономическаго развитія и благосостоянія всѣхъ общинъ и людей.

II

Уложение 1649 года составляет окончательный, завершительный сводъ всѣхъ правительственныхъ юридическихъ понятій, какія выработало московское государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ первый опытъ народнаго законодательства — союзаго, соединенно-областнаго, земскаго. Оно издано было на земскомъ соборѣ. Въ него внесены статьи, сочиненныя земскими выборными людьми. Наконецъ, оно чтено на земскомъ соборѣ, передъ всѣми выборными и скрѣплено ихъ руками, чтобъ впредь было *прочно и недвижно*. Потому оно и названо *соборнымъ* уложениемъ, а изданіе его — *великимъ земскимъ дѣломъ*. Какъ бы ни было ограничено самодержавной волей царя и приказнымъ законничествомъ дьяковъ вліяніе выборнаго земства на составъ и направленіе уложенія, какъ бы оно ни было несовершенно и стѣснительно для народа, но фактъ въ высшей степени многозначительный въ исторіи русскаго народа тотъ, что первое, болѣе полное государственное уложение было издано земскимъ соборомъ, и для того, чтобъ было *прочно и недвижно*, скрѣплено руками выборныхъ изъ земства. Благодаря истинному принципу изданія — земско-соборному, благодаря народной, земской скрѣпѣ, уложение и дѣйствительно такъ было *прочно и недвижно*, что, несмотря на всю его внутреннюю недостаточность и постепенное историческое отживанье, все послѣдующее законодательство, по справедливому выраженію Морошкина, было не что иное, какъ органическое нарожденіе уложенія; да и теперь еще оно не потеряло силы. Благодаря первому, довольно удачному опыту земско-соборнаго изданія уложенія, идея земскаго собора для сочиненія новаго уложенія не умирала въ теченіе всего тяжелаго XVIII столѣтія, хотя въ первой половинѣ этого вѣка неудачно осуществлялась.

До учрежденія императрицею Екатериною II въ Москвѣ знаменитой комиссіи или земскаго собора 1767 г., всѣ попытки издать новое уложение и составить для этого земскій соборъ были неправильны, односторонни и потому неудачны. Въ 1700 г. Петръ Великій указалъ однимъ только *боярамъ*—въ своихъ государевыхъ палатахъ составить вновь уложение, дополнивъ старое именными указами и новоуказными статьями, которыя состоялись послѣ и сверхъ уложенія. Вмѣстѣ съ радикальной перестройкой коренныхъ основъ древне-русскаго земскаго міра и московскаго государства во всероссійскую имперію по нѣмецко-шведскимъ формамъ, и самое право народное влагалось въ рамки шведскаго уложенія и отчасти эстляндскихъ и лифляндскихъ правъ. Уже не выборные русскіе изъ всѣхъ русскихъ областей сообщали на земскомъ соборѣ живые вопросы и нужды разнообразной мѣстной жизни, настоящіе матеріалы и источники законовъ, не самъ народъ, на земскомъ соборѣ, составлялъ для самого себя, для своего благоустройства, такіе излюбленные законы, которые бы всѣми съ любовью исполнялись и скорѣе вели къ правдѣ и добру всенародному. А юстицъ-коллегія, учрежденная тоже на манеръ шведскихъ коллегій, переводила шведское уложение и учиняла сводъ россійскихъ законовъ съ шведскими.

Какъ вся жизнь русскаго народа теперь уже не развивалась изъ себя самой, своими силами, по своимъ природнымъ дарованіямъ и стремленіямъ, а *отвлеченно сочинялась* въ коллегіяхъ, и сочинялась не по европейскимъ, общечеловѣческимъ принципамъ, а по формамъ шведско-нѣмецкимъ—такъ точно Петръ хотѣлъ сочинить и законы для русскаго народа. Но дѣло не удалось. Въ концѣ 1719 года былъ указъ сенату о началѣ засѣданій для слушанія переводнаго шведскаго уложенія, съ 7 янв. 1720 года: «слушающіе оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать. Тако-жъ, ежели покажутся которые въ старомъ уложеніи важнѣе, нежели въ шведскомъ. тѣ тако-жъ противу написать, и все то намъ къ слушанію изготovitъ. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣють, какъ у насъ». Этими слушаніемъ и сводомъ въ сенатѣ и вся попытка кончилась.

Достойно замѣчанія, какъ разсуждалъ при Петрѣ крестьянинъ Посошковъ о сочиненіи судебной книги, или законовъ, на земскомъ соборѣ, *народосовѣтіемъ*, или *общесовѣтіемъ*. «Къ сочиненію тоя судебныя книги избрать челоѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кои въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кои во всякихъ дѣлахъ перебыли-бъ, кои и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходять, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали-бъ, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то какъ во крестьянѣхъ не быть людямъ разумнымъ?

«И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсенія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

«И сіе мое реченіе многіе вознепшуютъ, яко бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть *народосовѣтіемъ* снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой челоѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыхъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности. иже правости противна. И еще кто узритъ каковую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся подать бы ко исправленію тоя книги, понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чувствуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочь; того бо ради и

дана свобода, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно.

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно соорудить, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многаци Богъ вѣщаетъ и того ради иначе ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ.

«И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкая несправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробовались». (Соч. Посошкова, стр. 76—78).

Послѣ Петра I, въ слѣдующія 4 царствованія, до Петра III, было 4 попытки созвать соборъ для сочиненія новаго уложенія, но всѣ были неудачны. Правительство, во-первыхъ, не умѣло надлежащимъ образомъ взяться за дѣло. Оно, разсуждая главнымъ образомъ о томъ, дабы уложеніе *при довольномъ числѣ членовъ* сочинено было съ *пользою*, только приказывало наскоро выслать выборныхъ, а не наказало напередъ въ каждой губерніи выборнымъ отъ всѣхъ городовъ и волостей точно разузнать, сообразить, обсудить свои мѣстныя нужды, собрать живые мѣстные матеріалы для общихъ законовъ, составить предварительно мѣстные, губернскіе, народные указы или постановленія для обсужденія ихъ въ общемъ собраніи всѣхъ губернскихъ депутатовъ. Потомъ, выборныхъ правительство предписывало высылать только изъ офицеровъ, дворянъ, да иногда еще изъ купечества, всѣхъ за выборомъ отъ шляхетства. Притомъ выборные вызывались не изъ всѣхъ провинцій: при Петрѣ II не допускались къ участию въ сочиненіи законовъ выборные изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири. Избирателями были не сами областные жители, а губернаторы, «согласясь обще съ дворянами». И выходило отсюда, что областные жители смотрѣли на выборы для сочиненія уложенія, какъ на рабскую, приказную службу; способные уклонялись отъ выборовъ, и выбирались самые неспособные.

Да еслибъ и захотѣли умные земскіе люди взяться, какъ слѣдуетъ, за составленіе законовъ, на основаніи разнообразныхъ мѣстныхъ народно-бытовыхъ данныхъ, такъ ихъ московскіе или петербургскіе бюрократы—нѣмцы или шляхтичи не допустили бы до этого. Они нарочно выбирали для этого безсовѣстныхъ ябедниковъ. Татищевъ, въ своемъ «Напоминаніи о высшихъ и нижнихъ, государственныхъ и земскихъ правительствахъ», такъ объ этомъ писалъ: «Законы, какъ въ уложеніи людьми ни малаго просвѣщенія ума науками не имѣющими, сочинено, такъ послѣдовавшими различными, ово въ дополненіе, ово въ исполненіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело. Что его императорское величество съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣтъ всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное уложеніе сочинить и самъ почасту о томъ сенату изволилъ напоминать. Но какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за распложеніемъ надъ потребностью, ово за спорами время туне проводжали, и какъ ни одинаго нетокмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону божію, избѣжать не могли, для котораго оное близъ тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а конечно не болѣе двухъ сочинить возможно».

Въ самомъ народѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, господствовала страшная запуганность и развивалось сильное недовѣріе къ правительству. Построенное по шведско-нѣмецкимъ формамъ, находившееся въ рукахъ нѣмцевъ и шляхетства, правительство было ненародно, непонятно для массы земства, ни по духу распоряженій и узаконеній, ни по самому языку указовъ. Народъ былъ отуманенъ, опѣшенъ этой длинной процедурой росписанія областей на губерніи и провинціи, этой обстановкой областей, по раскольничьему выраженію, какъ сѣтями антихристовыми, губернскими провинціанальными и воеводскими канцеляріями, этимъ повсемѣстнымъ наплывомъ чиновничества—губернаторовъ, вице-губернаторовъ, комендантовъ, ландратовъ, ландрихтеровъ и проч., этимъ повсемѣстнымъ, крайне-разорительнымъ и обременительнымъ расположеніемъ полковъ, солдатства набраннаго изъ крестьянства, чего прежде народъ не зналъ, этими повсемѣстными опустошительными и мучительными облавами военныхъ командъ, разсылавшихся по областямъ губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями, постоянными рекрутскими наборами, жесточайшими пестзаніями податей и недоимковъ, новой ревизіей душъ, и проч. и проч. Крестьяне, не терпя годъ отъ году усилившагося крѣпостного права, несносныхъ поборовъ, рекрутчины, бунтовали въ разныхъ провинціяхъ и уѣздахъ. Тысячи народа бѣжали за границу. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ одинъ годъ двинулось разомъ 40,000 некрасовскихъ казаковъ, вслѣдствіе несноснаго мучительства за вѣрованія совѣсти. Отъ мучительства бирнова бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужескаго пола, какъ полагаетъ Болтинъ. Среди варварства и тиранніи второй четверти прошлаго столѣтія.

въ народѣ невольно воспитывалось чувство глубокаго недовольства и недовѣрія къ правительству. Расколъ поддерживалъ, усиливалъ и распространялъ это недовѣріе, воспитывалъ въ массахъ злобный антагонизмъ къ немѣцко-шляхетскому правительству. Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ въ высокаторжественные дни то же недовѣріе внушало народу. Напр., архіерей новгородскій, Амвросій Юшкевичъ, въ словѣ въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 18 декабря 1741 года, указывалъ народу на вредный наплывъ въ Россію иностранцевъ, при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ, когда дворъ, коллегія, академія наукъ, гвардія, армія, флотъ, были въ распоряженіи ихъ: «Сіи — вопіялъ онъ къ народу — сіи внутренніе и сокровенные враги Россіи, людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли, все искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, жаловали и награждали; только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали, всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, изъ Россіи за море высылали» и проч. Точно также громогласно вопіялъ въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви, въ высокаторжественные дни, передъ народомъ, другой проповѣдникъ, ректоръ славяно-греко-латинской академіи, архимандритъ Кириллъ Флоринскій, вопіялъ противъ коварныхъ иноземцевъ, захватившихъ въ свои руки правительство русское, противъ ихъ тираніи, противъ давленія русскихъ людей «какъ мушекъ», противъ постоянныхъ ссылокъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ, и проч. Слушая такіе громогласные, торжественные вопли духовенства съ кафедръ церковныхъ, народъ еще болѣе проникался недовѣріемъ къ тому правительству, которое такъ тиранически издѣвалось надъ нимъ во второй четверти прошлаго столѣтія.

И въ эти страшныя времена, изъ запуганнаго, изъ забитаго провинціальнаго народа, по указу, требовали и высылали выборныхъ въ сенатъ, чтобъ «сочинять и слушать въ сенатѣ всѣмъ собраніемъ» уложеніе. Да если народъ, въ провинціяхъ, въ провинціальныхъ, воеводскихъ канцеляріяхъ, боялся, какъ чумы, заразы, слишкомъ расплодившагося канцелярскаго чиновничества, бѣжалъ отъ него за границу, то можете представить, съ какой неохотой, съ какихъ страховъ и трепетомъ ѣхали въ столицу, въ сенатъ, провинціальные выборные. Народъ по дѣламъ своимъ скоро дозналъ, что такое было тогда это центральное правительство. Недаромъ расколъ возсталъ ужъ противъ того, что Петръ I «устави сенатъ», и послѣ, въ своихъ сочиненіяхъ, постоянно съ злобой отзывался о сенатѣ. Массы провинціальнаго народа слышали этотъ раскольничій отзывъ о сенатѣ. Горько-слезныя, горемычныя дѣла народныя, рѣшавшіяся въ сенатѣ, еще болѣе укрѣпляли народъ въ предубѣжденіи противъ него. Вѣдь недаромъ же, послѣ, начиная съ Екатерины Великой до Сперанскаго, лучшіе государственные люди тоже нехорошо отзывались о сенатѣ. Поэтому понятно, что и земскія сословія первой половины прошлаго столѣтія уклонялись отъ выбора въ сенатъ, для засѣданія, вблизи непрístupной, высшей начальственной бюро-

кратіи, зная, что они должны будутъ тамъ только сидѣть да слушать, какъ безгласные рабы, со страхомъ и трепетомъ.

И странное, своеобразное умопредставленіе развивалось въ массахъ нашего народа, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, да и послѣ, насчетъ чиновничества, и вообще присутственныхъ мѣстъ. Народъ вовсе не видѣлъ въ нихъ благоустроительныхъ, благопопечительныхъ учрежденій, а видѣлъ одинъ обирательныя заставы. Горькій, саможизненный опытъ горько-слезнаго, мучительнаго, разорительнаго дѣлохожденія по всѣмъ этимъ присутственнымъ мѣстамъ—по губернскимъ, провинціальнымъ, воеводскимъ канцеляріямъ бирюковской эпохи непоколебимо укрѣплялъ народъ въ такомъ представленіи о присутственныхъ мѣстахъ. Доказательства и результаты ихъ бюрократической благоустроительной попечительности о земствѣ народъ не только ближе всѣхъ видѣлъ во всѣхъ областяхъ и мѣстечкахъ, но и саможизненно испытывалъ самъ на себѣ, на своихъ рабочихъ силахъ, на своемъ капиталѣ, на своемъ тѣлѣ... Правосудіе канцелярскихъ судовъ онъ измѣрилъ во всей глубинѣ, взвѣсилъ на вѣсахъ своихъ денежныхъ и натуральныхъ проторей и исторей, и позналъ весь ненасытный адъ и скрежетъ зубовъ чиновничьяго лихоимства. И вотъ, долготерпѣливо предаваясь на волю судьбы, отплачиваясь съ кряхтячимъ терпѣньемъ—податями, повинностями и разными непредвидѣнными поборами, отдѣливаясь рекрутчиной, казенной работой и проч., онъ желалъ отъ присутственныхъ мѣстъ одного только благодѣянія, чтобъ лишній разъ, по крайней мѣрѣ, не вмѣшивались въ его дѣла. Въ старину онъ могъ откупаться отъ приказнаго начальства, а въ XVIII столѣтіи и этого не могъ сдѣлать. Теперь одно спасеніе для него было—кряхтящее терпѣніе, расколъ и бѣгство. И первая половина XVIII столѣтія въ исторіи народа особенно отмѣтилась фактами бѣгства. Народъ бѣжалъ отъ чиновничьяго управительства. Недаромъ графъ Н. П. Панинъ, въ началѣ царствованія Екатерины, къ числу причинъ, побуждавшихъ народъ къ побѣгамъ, отнесъ именно дурное управленіе градоначальствами, крайнюю безнеченность и своекорыстность городскихъ начальниковъ, и вообще страшное лихоимство и неправосудіе чиновниковъ.

И народъ былъ правъ въ своемъ антагонизмѣ къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ первой половины прошлаго столѣтія. Въ особой статьѣ «О губернскихъ учрежденіяхъ» мы рассмотримъ, что такое въ самомъ дѣлѣ были эти тогдашнія присутствія—губернскія и провинціальныя канцеляріи. А здѣсь приведемъ отзывъ о нихъ императрицы Екатерины II: «Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія имперіи—писала она во введеніи къ своему Учрежденію—нашли мы, во-первыхъ, что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, онѣ недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо управленіе губерній, казенные доходы и счета, обще съ благочиніемъ и полицією, сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются; что таковымъ же неудобствомъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія.

«Происходящее оттого неустройство весьма ощутительно: съ одной стороны, медленность, упущенія и волокита суть естественныя слѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое останавливаетъ, и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправленіе должности, и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездіе за преступленіе и пороки производится не съ таковою поспѣшностію, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзностнымъ. Въ иныхъ же мѣстахъ множество дозволенныхъ аппеляцій немалую причиняютъ правосудію остановку, какъ-то, напримѣръ, по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, кто словеснаго суда рѣшеніемъ недоволенъ, тотъ можетъ съизнова просить въ городскомъ магистратѣ, на сей отзываться въ провинціальный магистратъ, изъ провинціальнаго перенести въ губернской магистратъ, изъ губернскаго въ главный магистратъ, а изъ онаго въ сенатъ» (Полн. Собр. Закон. № 14,392; Учрежд. для управл. губ.).

Если само правительство, спустя уже полстолѣтія, сознало, наконецъ, всю неудовлетворительность, тягость для народа прежнихъ губернскихъ учреждений, то каково было самому народу, въ теченіе этого полустолѣтія, пережить, переиспытать, перестрадать, перенести на себѣ всѣ эти тяготы и недостатки губернскихъ учреждений—и притомъ въ самую страшную, тяжелую, мрачно-памятную эпоху бироновскую. Каково было перенести, перестрадать народу все беззаконіе, весь произволъ провинціальныхъ властей въ то время, когда существовавшіе законы представляли арсеналь для ябедъ, страшный хаосъ противорѣчій и запутанностей, а новое уложеніе сочиняли цѣлое полустолѣтіе и не могли сочинить, когда нравы были варварскіе. Жизнь народная все это терпѣливо перенесла, почувствовала, а здравый смыслъ народа, и среди темнаго невѣжества постигавшій истину, все это взвѣсилъ, опредѣлилъ. На великомъ земскомъ собраніи комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, народные депутаты произнесли справедливый судъ о первой половинѣ XVIII столѣтія: «Когда мысленно воззримъ на минувшее время — говорили они въ рѣчи императрицѣ Екаторинѣ Великой—духъ въ насъ еще трепещетъ и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы нашу вѣру... союзъ общаго единомыслія и добронравія, подверженную презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе. и сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе потряслось. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и нако-

недѣ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать по ряду» (П. С. З. т. XVIII, № 12,978).

Зато, само это великое земское собраніе 1767 г. представляет самое отрадное, самое многознаменательное явленіе изъ всей народной исторіи прошлаго тяжелаго столѣтія. Обратимся теперь къ нему, и рассмотримъ главные факты этого знаменитаго собранія ¹⁾.

Въ собраніи депутатовъ 1767 г. мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства. Недаромъ императрица Екатерина II вспомнила о земскомъ соборѣ 1648 г. и почтила особеннымъ увѣковѣченіемъ памятникъ того собора—уложеніе 1649 г. Земскіе соборы старой Россіи были созданіемъ естественно-исторической жизни народа. Они естественно сложились вслѣдствіе московскаго собранія всей земли, изъ обычаевъ, изъ починковъ старыхъ областныхъ земскихъ вѣчей и совѣтовъ. Въ XVII вѣкѣ они сохранялись еще, какъ обычай народный, не возведенный на степень опредѣленнаго юридическаго учрежденія, на степень систематической государственной институціи: они составлялись безъ всякихъ особыхъ письменныхъ правилъ, обрядовъ и формальностей, просто по призыву областныхъ земскихъ сходовъ по соборнымъ церквамъ, и вслѣдствіе избранія выборныхъ безъ всякихъ избирательныхъ околичностей. Такимъ образомъ, земскіе соборы XVII вѣка были, такъ сказать, актомъ непосредственно-натуральной жизни народной, который не былъ осмысленъ просвѣщеннымъ юридическимъ самосознаніемъ народа, европейскими юридическими началами представительныхъ собраній. Оттого и обрядовая организація, и процессъ веденія ихъ были простые, незатѣливые, и рѣчи выборныхъ тоже были простыя, мужиковатыя. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается земское собраніе, или коммиссія депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія 1767 г. Здѣсь уже просвѣщенное юридическое сознаніе, европейская идея представительства руководили и организаціей, устройствомъ собранія, и выборнымъ, избирательнымъ началомъ, и всѣми обрядами собранія. И сфера предметовъ сужденія была шире: много привзошло потребностей общеевропейскихъ. И общій составъ собранія былъ правильнѣе, стройнѣе, потому что немало было депутатовъ съ европейскимъ, научнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи.

Вслѣдствіе манифеста 14 декабря 1766 г., депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному дворянину; отъ жителей каждаго города—по одному; отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ неочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ

¹⁾ См. прекрасный, богатый новыми матеріалами, рассказъ объ этомъ собраніи историка Соловьева, въ „Русск. Вѣстн.“ за 1861 г., № 10.

каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату; опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный, по выбору, пятью избирателями.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, съ какимъ расположеніемъ принять былъ манифестъ Екатерины II, о собраніи комиссіи въ разныхъ провинціяхъ разными классами общества и разными инородцами. Г. Соловьевъ, которому доступны были архивные матеріалы для исторіи знаменитой комиссіи 1767 года, въ своихъ «Разсказахъ изъ русской исторіи» сообщилъ только извѣстіе изъ Малороссіи. Эти извѣстія характеризуютъ, какъ живучи были въ малороссійскомъ народѣ, особенно въ казачествѣ, по выраженію Екатерины, «умоначертанія прежнихъ временъ», или историческія преданія о вѣковыхъ героическихъ стремленіяхъ Украйны, Сѣчи Запорожской къ областной демократической автономіи и свободѣ. Генералъ-губернаторъ малороссійскій отъ 2 марта 1767 г. писалъ императрицѣ: «Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣненія наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякой законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: «зачѣмъ бы намъ и тамъ быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть конечно уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привиллегій подтвержденія». Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотою, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство нѣжинскаго и батуринскаго повѣтовъ подало челобитную: «повелѣтъ вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской—избрать гетмана». «Тщеславились они здѣсь много — доносилъ, между прочимъ, Румянцовъ—тѣмъ, что лифляндцы имъ единомѣрны въ удержаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей». Неизвѣстно — охотно ли, и скоро ли выбрали и послали депутатовъ въ комиссію эти лифляндцы, а равно эстляндцы и финляндцы. Но всѣ эти народы дѣйствительно крѣпко придерживались за свои историческія мѣстныя права. Напримѣръ, о лифляндскомъ народѣ кн. Щербатовъ писалъ: «Сей народъ пораженъ недовѣрчивостію на все то, что къ нимъ изъ російскихъ правительствъ идетъ, и упорствуетъ во всемъ, что ихъ прежними обычаями утверждено». Точно также, по словамъ Щербатова, первобытные народы казанскаго царства — татары, чувашы, черемисы, мордва и вотяки, равнымъ образомъ, инородцы сибирскіе — братскіе, или буряты, самоѣды и проч. «въ разсужденіи политическаго состоянія не были доброжелатели Россіи и не могли быть толико преданы російской державѣ, якобы сіе желательно было». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній и обо всѣхъ этихъ инородцахъ, какъ они взглянули на выборъ депутатовъ.

Какъ бы то ни было, депутаты съѣхались въ Москву изъ всѣхъ областей, въ числѣ 565 человекъ. Отъ присутственныхъ мѣстъ синода, сената, коллегій и канцелярій выбрано 28 депутатовъ. Московская губернія представила изъ 53 уѣздовъ 59 депутатовъ отъ дворянства; отъ 58 городовъ—63 депутата, изъ коихъ было 46 купцовъ; прочіе—разночинцы; отъ однодворцевъ Калужской и Тульской провинцій тогдашней Московской губерніи—3-хъ депутатовъ, отъ пахатныхъ солдатъ—4-хъ. Кіевская губернія представила только двухъ депутатовъ: отъ жителей г. Кіева, бургомистра Іосифа Гудыма, да отъ раскольниковыхъ слободъ войскового обывателя Ивана Щанова. С.-Петербургская губернія представила: изъ 3-хъ уѣздовъ 3-хъ депутатовъ отъ дворянства, въ томъ числѣ графа Григорія Орлова отъ Конорскаго уѣзда и графа Романа Воронцова отъ Шлиссельбурга; изъ 3-хъ городовъ 4 депутата, отъ гражданства: двоихъ военныхъ, и между ними отъ С.-Петербурга гр. Алексѣя Орлова, двоихъ изъ купцовъ, изъ Кронштадта и Шлиссельбурга. Новгородская губернія представила изъ 15 уѣздовъ 21 депутата отъ гражданства, въ томъ числѣ 17 изъ купцовъ; двухъ депутатовъ отъ пахатныхъ солдатъ Тверской и Псковской провинцій, да 2 же депутатовъ отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ Олонецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ. Новгородскій уѣздъ—замѣтимъ мимоходомъ—попрежнему дѣлился на пятины, и, по прежнему обычаю, представилъ отъ каждой пятины по депутату отъ дворянства. Казанская губернія представила: изъ 5 уѣздовъ 5 депутатовъ отъ дворянства; изъ 16 городовъ—17 депутатовъ, изъ числа которыхъ 15 были изъ купечества; изъ 5 провинцій—5 депутатовъ отъ однодворцевъ; изъ 4 провинцій—Пензенской, Казанской, Симбирской и Вятской—4 депутата отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ служебъ; отъ различныхъ иновѣрцевъ 13 депутатовъ, между прочимъ, изъ Пензенской провинціи, отъ татаръ, татарина—мурзу Аюна-Еникѣева, изъ Кунгурскаго уѣзда, отъ черемисовъ—черемисина Телени Денисова, изъ Пермской провинціи 1-го депутата татарина, изъ Казанской провинціи отъ вотяковъ—вотьяка Векчента Байтуганова, изъ Казанской же провинціи отъ некрещеныхъ чувашъ—чувашеннина Анюка Ишелина, изъ Свіяжской провинціи, сверхъ татаръ, отъ ясашныхъ черемисъ—черемисина Чеमेкаля Ишпаева, изъ Симбирской провинціи, отъ служилыхъ татаръ—татарина Бахтѣя Мурзу, князя Идебердѣева, изъ казанской Старой и Новой слободъ, отъ служилыхъ мурзъ и татаръ 1 депутатъ; изъ Казанскаго уѣзда ногойской, зюрейской, арской, алацкой и галицкой дорогъ, отъ приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ татаръ—2 депутата; изъ 5 провинцій, отъ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ—14 депутатовъ, въ томъ числѣ, по депутату отъ мордвы, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и татаръ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ; изъ провинцій Казанской, Вятской, и Пермской, отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ и отъ приписныхъ къ казеннымъ и демидовскимъ заводамъ—5 депутатовъ. Астраханская губернія представила отъ жителей г. Астрахани, отъ служилыхъ мурзъ, табунныхъ и головъ 1 депутата, Бій-Мурзу кн. Урусова; отъ гражданства изъ 7 городовъ, въ томъ числѣ и изъ Саратова, отъ татаръ, армянъ и русскихъ купцовъ—11 депутатовъ; отъ казацкихъ астра-

ханскихъ войскъ—12 депутатовъ, въ томъ числѣ 4 казаковъ, 1 войсковаго атамана, 4 походныхъ атамановъ; 1 крестьянина отъ черносошныхъ крестьянъ. Сибирская губернія представила 10 депутатовъ—купцовъ изъ городовъ: Тары, Томска, Екатеринбургa, Туринска, Тюмени, Верхотурья, посада, именуемаго Барнаульскій Заводъ, изъ Красноярска, Енисейска, Тобольска, по 1 депутату изъ каждаго города; 2 депутатовъ отъ казацкихъ войскъ, одного изъ кузнецкой и колыванской линіи, отъ крѣпостныхъ старшинъ и казаковъ, другого изъ 4 линій — иртышской, новотарской, ишимской и тобольской; 5 депутатовъ отъ иновѣрцевъ—бухарцевъ и татаръ; 4-хъ депутатовъ отъ государственныхъ крестьянъ. Иркутская губернія представила 9 депутатовъ отъ гражданства изъ 5 городовъ, именно: изъ Иркутска—купца Алексѣя Сибирякова-меньшаго, изъ кяхтинскаго форпоста—купца Антона Овсянникова, изъ Якутска—прапорщика Алексѣя Данилова, изъ Нерчинска — кн. Павла Гантимурова, изъ Селенгинска—купца Ивана Фридрихса; отъ нерчинскихъ хоринскихъ родовъ братскихъ, или бурятъ — Еренцея Аюшина, отъ селенгинскихъ братскихъ — Ламу Бандеда Комбо; отъ государственныхъ крестьянъ Иркутской провинціи—купца Андрея Алексѣева; отъ 5 подгородныхъ кочевныхъ якутскихъ улусовъ якутскаго вѣдомства — князца Сафрона Сыранова. Изъ Смоленской губерніи прибыло 5 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 5 отъ гражданства и 1 отъ однодворцевъ. Изъ Эстляндской губерніи, изъ 4 крейсовъ 4 депутата отъ дворянства, да 2 депутата изъ двухъ городовъ, Нарвы и Ревеля. Изъ Лифляндской губерніи, изъ 4 дистриктовъ выбрано было 5 депутатовъ отъ дворянства, 4 отъ гражданства. Изъ Выборгской губерніи прибылъ 1 депутатъ отъ уѣзднаго дворянства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 4 отъ государственныхъ крестьянъ. Нижегородская губернія представила 4 отъ уѣзднаго дворянства, 7 депутатовъ отъ гражданства, изъ купцовъ разныхъ городовъ Нижегородской губерніи; 2 депутата отъ инородцевъ, 2 отъ пахатныхъ солдатъ, 1 отъ черносошныхъ крестьянъ. Малороссійская губернія представила 11 депутатовъ отъ шляхетства, изъ разныхъ повѣтовъ, полковъ и мѣстечекъ, 10 депутатовъ отъ гражданства, 2 депутата отъ Запорожской Сѣчи, 9 депутатовъ отъ казаковъ. Слободская Украинская губернія прислала 5 депутатовъ отъ дворянства, 6 депутатовъ отъ гражданства, 5 депутатовъ отъ войсковыхъ обывателей. Воронежская губернія представила 19 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 16 депутатовъ отъ гражданства, изъ купечества, 6 депутатовъ отъ однодворцевъ, 2 отъ новокрещенъ, 2 отъ иновѣрцевъ татаръ, 8 отъ казацкихъ войскъ. Бѣлогородская губернія представила 19 депутатовъ, отъ дворянства—изъ 19 уѣздовъ, 14 депутатовъ отъ гражданства, все изъ купцовъ, исключая двухъ — губернскаго секретаря и полковаго писаря, 3 депутатовъ отъ однодворцевъ, 2 отъ пахатныхъ солдатъ. Архангелогородская губернія, обнимавшая тогда и Вологду и Солигаличъ, представила 7 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 13 депутатовъ отъ гражданства, 3 депутатовъ отъ самоѣдовъ—самоѣдина Зиновья Ардѣева, Валембоя Водягова и лопаря Захара Петрова; 1 депутата отъ ясашихъ крестьянъ, 2 отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Оренбургская губернія представила 3 депутатовъ отъ дворян-

ства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 11 депутатовъ отъ казацкихъ войскъ. 10 депутатовъ отъ иновѣрцевъ, отъ мещеряковъ, отъ татаръ, отъ башкирцевъ и тарханцовъ, отъ калмыкъ. 10 депутатовъ отъ новокрещенъ и ясашныхъ. Новороссійская губернія представила 21 депутата отъ шляхетства. Опекуны разныхъ иновѣрцевъ: тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Адамъ Олсуфьевъ, камер-юнкеръ и лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Григорій Потемкинъ и прокуроръ князь Вяземскій.

Засѣданія комиссіи, торжественно открывшіяся, были двоякаго рода: въ общемъ, или большомъ собраніи всѣхъ депутатовъ, и въ 19 частныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ большимъ собраніемъ. Занятія комиссіи начались чтеніемъ знаменитаго наказа императрицы Екатерины и представленіемъ наказовъ, данныхъ депутатамъ отъ избирателей. «Изъ наказа императрицы, они болѣе половины изъ того, что было писано ею, помарали и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Взглянемъ же теперь на то, что представляли депутаты.

Въ наказахъ, какіе даны были депутатамъ отъ ихъ избирателей, довольно ясно и характеристично высказались и нужды, и умоначертаніе провинціальныхъ обществъ, и главныя общественныя болѣзни XVIII вѣка. Не отличаются они ни особенно замѣчательными, широкими идеями, ни особенною политическою требовательностью со стороны провинцій. Въ нихъ высказались провинціальные общества, сословія, такъ какъ спрошены были врасплохъ, неожиданно, вслѣдствіе манифеста 14 декабря 1766 года. Наскоро, второпяхъ, провинціальные избиратели изложили въ наказахъ депутатамъ прежде всего и главнымъ образомъ тѣ непосредственные вопросы, какіе больше всего наболѣли тогда въ жизни, въ сердцахъ, въ быту народа, и высказали ихъ въ такихъ рамкахъ, формахъ, какія создала уже вѣковая исторія, создало правительство.

Прежде всего, отмѣтимъ въ наказахъ депутатскихъ ненормальныя выраженія провинціальной, народной жизни. Невольно бросается въ глаза въ представленіяхъ депутатовъ, во-первыхъ, эта исторически-образовавшаяся сословная раздѣльность, исключительность, сословный антагонизмъ. Собраніе депутатовъ не имѣло вполне земскаго характера, вслѣдствіе давнишняго сословнаго разъединенія земства. Уже задолго до реформы Петра Великаго, первоначально цѣльное, безсословное земство русское распалось, разъединилось на всякихъ чиновъ людей. Эта разночиновность разлилась и на земскихъ соборахъ XVII вѣка. Съ начала XVIII столѣтія, вслѣдствіе ревизскихъ росписей народа по родамъ государственныхъ обязанностей службы, подати и повинности, вслѣдствіе раздѣленія школъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ и проч. всякихъ чиновъ, земскіе люди рѣшительно раздѣлялись на сословія, и постепенно замыкались въ сословныя касты. Въ тридцатыхъ годахъ, впрочемъ, еще былъ спорный вопросъ о сословіяхъ. Татищевъ требовалъ точнаго, строгаго разграниченія наслѣдственнаго шляхетства или дворянства отъ *подлого* или простого народа, отъ гражданства или купечества и посадства и отъ духовенства. Волинскій желалъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, духовнаго сословія, какъ касты. Но вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, ревизіями душъ, табелью о рангахъ, образо-

ваніємъ церковническихъ дѣтей въ особыхъ духовныхъ школахъ, только въ надежду священства, съ учрежденіемъ особыхъ артиллерійскихъ школъ и кадетскихъ корпусовъ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ дворянства отъ *подлога* народа и по языку и по образу жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ солдатства, военного сословія, сословныя касты окрѣпили въ наслѣдственности своихъ генерацій, въ своеобразности понятій и нравовъ и проч. Въ половинѣ XVIII столѣтія, когда дворянской грамотой Петра III шляхетство или дворянство еще болѣе обособлялось своею исключительною привилегированностью отъ всѣхъ прочихъ сословій, особенно отъ крѣпостного крестьянства, въ половинѣ XVIII ст. сословное разьединеніе земства достигло высшаго развитія. Обнаружилась уже сословная исключительность, замкнутость, разрозненность, и сказался сословный антагонизмъ. И вотъ, это-то исторически-наболѣвшее, развившееся зло неизбѣжно отразилось прежде всего на статьяхъ общественныхъ наказовъ, на представленіяхъ депутатовъ, составившихъ комиссію 1767 года. Депутаты, раздѣлившись по сословіямъ, представили отъ лица своихъ сословій немало такихъ статей, въ которыхъ вопліѣ высказались ихъ исключительные, сословные интересы, ихъ сословная раздѣльность. Такъ, дворянство, какъ особое привилегированное, помѣстное сословіе, представляло о своихъ, исключительно-помѣщичьихъ интересахъ, въ духѣ крѣпостного права, напр. 1) о продажѣ дворянству экономическихъ деревень; 2) о дачѣ и продажѣ дворянамъ за сѣкъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель; 3) объ учрежденіи по городамъ школъ исключительно для дворянскаго юношества; 4) о бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи; 5) о запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы; 6) о постановленіи къ удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона и т. п. Точно также въ представленіи городскихъ жителей, и въ частности купечества, какъ особаго сословія, высказалась ихъ старинная нравственная черта—церковное обрядолобіе, и также сословная исключительность, замкнутость. Они представляли, между прочимъ: 1) объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранять тайны божіи, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви божіей во время службы смятенія; 2) о постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ; 3) о штрафтѣ съ неисповѣдавшихся; 4) о построеніи церквей божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ всякія пошлины; 5) о пожалованіи въ построенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы, и проч. Впрочемъ, въ этихъ представленіяхъ выразился отчасти старинный хорошій земскій обычай: дѣлать мірскія земскія заповѣди и узаконенія о предметахъ религіозныхъ, церковныхъ, не считая ихъ исключительною принадлежностью церковной власти. При этой религіозно-обрядовой своеобразности, купечество, какъ замкнутое сословіе, представляло, между прочимъ, «чтобъ дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять, чтобъ госпиталимъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно для одного купечества, а не для другого какого званія людей», и т. п.

Наконецъ, точно также, въ представленіи депутатовъ отъ присутственныхъ мѣстъ выразилась своеобразная особенность: чиновничья указная мелочность, ревность къ установкѣ въ рамки положительнаго узаконенія такихъ случаевъ или явленій въ жизни, которые закономъ не производятся и не могутъ быть вложены въ опредѣленные нормы какого-нибудь устава. Напр., они представляли, между прочимъ: 1) «объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество», хотя закономъ едва-ли можно вынудить это содружество, безъ другихъ, болѣе существенныхъ условій для этого, и прежде всего — закономъ не уничтоживши разъединяющихъ разные народы началъ; 2) о ревизіи и отличеніи гражданъ домо-родѣтельныхъ; 3) объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распутную; 4) о неимѣніи фореиторама и верховымъ кнотовъ и плетей и т. п.

При всей, однакожъ, сословной разрозненности, замкнутости и исключительности, во всѣхъ прочихъ представленіяхъ депутатовъ предъявлены были правительству самыя живыя, насущныя, справедливыя народныя нужды и требованія. Представленія эти не отличаются особеннымъ рѣзкимъ политическимъ либерализмомъ, но въ нихъ вполне высказалась народная, горько-опытная, жизненно-практическая критика самыхъ существенныхъ правительственныхъ учрежденій, ясно высказались истинныя гражданскія права и интересы земскихъ сословій, выразилась живая потребность полного народнаго контроля надъ администраціей и судомъ — однимъ словомъ, высказался не слишкомъ либеральный, но здоровый политическій тактъ, смыслъ народа. Земскія сословія, какъ только призваны были къ сочиненію новаго уложенія для себя, тотчасъ обнаружили стремленіе къ возстановленію своего вліянія въ дѣлахъ суда и расправы, въ вопросахъ и дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, въ устроеніи своего экономического быта, просвѣщенія, образа жизни. Во-первыхъ, всѣ классы народа, не исключая и правительственныхъ депутатовъ, единодушно и единогласно высказали въ своихъ наказахъ живую потребность ученія, просвѣщенія, потребность училищъ, академій, университетовъ, потребность больницъ, сиропитательныхъ домовъ, аптекъ, лекарей и повивальныхъ бабокъ. Весьма важно то, что разрозненныя сословія сходились въ самомъ главномъ условіи ихъ будущаго сближенія — въ единогласной потребности просвѣщенія. Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представляли: «объ обученіи дѣтей катихизису, объ учреженіи по городамъ училищъ для юношества и о неприниманіи въ дома учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ». Дворянство представляло: 1) «объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жалованьи, и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; 2) объ учреженіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ». Городскіе жители требовали еще больше. Они подали записку «объ учреженіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ и объ обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ». Въ частности, купечество представляло: «магистратамъ накрѣпко подтвердить о добромъ содержаніи школъ, паче же о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучаемы были, сверхъ искуснаго понятія закона и письма, арифметикѣ и

бухгалтеріи; кто же будетъ отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, таковыхъ отцовъ штрафовать, первой гильдіи по 50, второй по 25 рублей». Наконецъ, и однодворцы и хлѣбопашцы требовали: «опредѣлить для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей».

Согласно съ общимъ желаніемъ народа, выраженнымъ въ наказахъ депутатскихъ, въ числѣ 19 частныхъ комиссій депутатскихъ, учреждена была особая коммисія *объ училищахъ*. Она составила «Учрежденіе школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ». Школы назначались при церквахъ по всѣмъ приходамъ, именно какъ первая насущная потребность всѣхъ прихожанъ. Въвѣрены онѣ были надзору епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, которые должны были каждую треть года давать объ нихъ отчетъ синоду и особому главному опекуну земскихъ школъ. «Для сихъ школъ—сказано далѣе въ Учрежденіи комиссіи объ училищахъ—св. синоду приложить стараніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) азбука церковной и гражданской печати; 2) краткій катихизисъ; 3) кратчайшее нравоученіе изъ правилъ естественныхъ; 4) для утвержденія сего естественнаго нравоученія и св. писанія заставлятъ дѣтей выучивать наизусть книжку новоизданную подъ именемъ «Словеса св. писанія»; 5) академія сочинить имѣтъ самыя малыя двѣ книжки: первая содержала бы въ себѣ четыре части простой ариѳметики съ дробями и тройными правилами, а вторая—показаніе глобуса земнаго съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ картахъ, приложя къ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей географической книжкѣ означить столичныя и знатнѣйшія всѣхъ государствъ города. Таковыя книги учителя просмотря, сами для себя легко поймутъ и по возможности своего понятія дѣтямъ объяснять будутъ. Ежели ученики все вышепрописанное окончатъ, тогда давать имъ читать новый завѣтъ, въ гражданскихъ же книгахъ Наказъ е. и. в. къ сочиненію уложенія, также Роленеву древнюю исторію. Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ вовсе запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не драть... За обученіе азбуки, часослова, псалтири и катихизиса, отцы давать имѣютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катихизиса и надзираніе священника по полтинѣ. Сверхъ-того, оставляется на волю родителей давать и больше. При выпускѣ изъ школы долженъ родитель или въ чьей волѣ ученикъ состоитъ, давать въ кружку школьную по рублю, но исключаются изъ того самыя бѣдныя, которые по бѣдности не имѣютъ платить чѣмъ учителямъ, за тѣхъ выдавать изъ кружки половинную плату; но сіе неинако, какъ съ согласія общаго, то-есть попечителя, священника, дьякона, дьячка и *лучшихъ прихожанъ*. Главный, верховный надзоръ надъ всѣми приходскими школами поручался «главному опекуну градскихъ школъ», который долженъ былъ засѣдать въ совѣтѣ вмѣстѣ съ членами синодальными и рапортовать царю объ успѣхѣхъ земскихъ школъ.

Кромѣ училищъ, дворянство и городскіе жители требовали распространенія по городамъ сировоспитательныхъ домовъ, госпиталей, аптекъ и

лекарей. Дворяне требовали только аптекъ и врачей, а городскіе жители представляли: «объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и сиропитательныхъ домовъ, объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, врачей и повивальныхъ бабокъ». Въ частности, купечество, выразивши желаніе учредить исключительно для себя госпитали и сиропитательные дома, независимые ни отъ какихъ правительствъ и властей, представляло: «врачамъ быть въ каждомъ губернскомъ и провинціальномъ большомъ городѣ, гдѣ купцы принять пожелаютъ, и пользоваться купцовъ даромъ, довольствуясь жалованьемъ».

Самое тяжкое бремя для всѣхъ областныхъ жителей, какъ мы уже знаемъ отчасти, составляли присутственныя мѣста съ присутствующими въ нихъ, губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, военныя полицейскія команды и проч. Деспотическій произволъ, вопіющее неправосудіе и мучительная и разорительная медленность судопроизводства и бумаговодства — вотъ главные болѣзни областной администраціи, гноившія тогда здоровое благосостояніе областныхъ обществъ, тормозившія ихъ естественное, здоровое, правильное саморазвитіе. Вотъ и противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій присутственныхъ мѣстъ протестовали почти единогласно всѣ земскія сословія. Но такъ какъ главные производительные классы земства, городскіе жители, купцы, мѣщане и хлѣбопашцы, всѣхъ болѣе испытывали и тяжелѣе ощущали на себѣ весь гнетъ, всю безконтрольную, необузданную, деспотическую, жадную придирчивость присутственныхъ мѣстъ и присутствующихъ, всю несносную стѣснительность и разорительность дѣлоходженія, то эти классы народа всего болѣе и рѣшительнѣе требовали себѣ правъ надзора и контроля надъ присутственными мѣстами, надъ полиціей, надъ судами. Они требовали представительства своихъ депутатовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, требовали собственнаго гражданскаго и уѣзднаго суда и проч. Именно городскіе жители представляли: 1) «объ учрежденіи вновь городского суда; 2) о бытіи полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ; 3) о подтвержденіи магдебургскаго права; 4) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купечества; 5) о нечиненіи военнотруждающимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 6) объ учрежденіи, вмѣсто формальныхъ, краткихъ словесныхъ, также и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ; 7) о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 8) о запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписыванія дѣлъ на домахъ; 9) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; 10) о незабираеніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 11) о небытіи въ городахъ особой сыскной команды, а о препорученіи оной магистратамъ». Въ частности, купечество, какъ сословіе, представляло: «купечеству между собою судимымъ быть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ великихъ государственныхъ, въ городскихъ магистратахъ и ратушахъ». Такимъ образомъ, городскіе жители просили себѣ правъ

контроля надъ самыми тяжелыми для народа правительственными учрежденіями прошлаго столѣтія. И по праву: потому что управленіе ихъ интересами, заботы объ ихъ бытѣ, хозяйствѣ, благополучіи, охраненіе ихъ добра, по естественному праву, принадлежало и принадлежитъ имъ самимъ, а не какимъ другимъ, особенно непрошенымъ приказнымъ опекунамъ. Точно также однодворцы и хлѣбонашцы представили: 1) «о непосылкѣ въ уѣзды находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами, для публикованія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій; 2) о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скорого отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ; 3) о бытіи для дѣлъ со стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи, въ присутственныхъ мѣстахъ; 4) о непритѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ; 5) о словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ, командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ».

Мало-того. Многія провинціальныя общины и ихъ депутаты просили, чтобъ въ Великороссіи и Сибири воеводы были выборные изъ самихъ провинціальныхъ жителей, или, по крайней мѣрѣ, по просьбѣ ихъ смѣняемы, а въ Малороссіи избираемы были вольными голосами народа гетманъ и старшины, и чтобъ малороссійскіе чины были уравнены съ великороссійскими и т. п. Такъ, однодворцы и хлѣбонашцы представляли, между прочимъ, «объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о переѣзѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній и о выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ руссійскихъ воеводъ». Городскіе жители просили «о выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытіи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ». Дворянство представляло: «о выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда». Въ частности, депутатъ ярославскаго дворянства кн. Щербатовъ подалъ въ комиссію слѣдующее мнѣніе о выборѣ уѣздныхъ дворянъ къ соучастію въ воеводскомъ управленіи: «великое пространство Россійской Имперіи, разныя правительства необходимо-нужныя, великое число людей, служащихъ въ военной службѣ и желающихъ еще и въ гражданской услуги показать, и многіе уже по истощеніи силъ своихъ вступаютъ въ гражданскую службу, яко въ нѣкое упокоеніе... Но по великому числу таковыхъ раздаваемыхъ мѣстъ не всегда обрѣтались право разумѣющіе законы и ихъ приложеніе, да и впредь сумнительно, чтобъ великое изобиліе въ таковыхъ могло быть, чтобъ имѣя и ясный уже законъ, чрезъ людей изъ дѣтскихъ лѣтъ прилежащихъ къ симъ дѣламъ, не могли сбиты и обмануты быть, каковы есть многіе приказные служители; сверхъ того, страсти, примѣшиваясь отъ сообщенія таковыхъ подлыхъ и привыкшихъ къ душевредству и мздоимству людей, принуждаютъ вымышлять способы и затмѣніе самой истины, такъ что мало-по-малу впадая въ преступленія, воеводы утѣсняють народъ, находя себѣ защитниковъ, не скоро наказаны бывають, а пороки продолжая нуть свой, яко ядовитая болѣзнь, болѣе

нравы заражаютъ. И для предупрежденія такихъ слѣдствій, не соблаговолено-ль будетъ, чтобъ при воеводѣ были выбраны отъ уѣзду два или три депутата въ собраніи дворянства и опредѣлены безъ жалованья для засѣданія съ нимъ вмѣстѣ. Воевода, яко начальникъ, имѣлъ бы особливо на себя положенную должность, по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, яко сборамъ и прочимъ, по которымъ бы и къ отвѣту явиться долженъ былъ: дворяне же имѣли бы участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до земскаго суда (хотя и по государственнымъ должностямъ вѣрныхъ подданныхъ предложенія воеводѣ имъ бы не запрещались)».

Относительно экономическаго быта и устройства провинцій, депутаты ихъ высказали также нѣсколько существенно-необходимыхъ и полезныхъ требованій. При сильномъ и все болѣе и болѣе возрастающемъ развитіи экономической централизаціи въ XVIII столѣтіи, казна поглощала земскіе доходы, напримѣръ городскіе, употребляла ихъ безъ всякой отчетности предъ городскими жителями. По провинціальнымъ городамъ не было мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, не только частныхъ земскихъ банковъ, но и казенныхъ, государственныхъ. Коммерцъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія только обременяли своею бюрократическою централизаціею свободное движеніе и развитіе торговли и промышленности по областямъ, а не подвигали ее впередъ. Вмѣсто локализаціи экономическихъ силъ и отправленій, для наиболѣе свободнаго и равномернаго распространенія и развитія ихъ по мѣстнымъ экономическимъ, торгово-промышленнымъ путямъ и средоточіямъ, эти центральныя коллегіи централизовали и ослабляли, стѣсняли свободное областное народно-экономическое саморазвитіе своимъ излишнимъ бюрократическимъ бумаговодствомъ. Въ торговлѣ и промышленности свирѣпствовала монополія, или, по выраженію Мордвинова, единовѣдство казны и казенныхъ откупщиковъ; въ подрядахъ также. На все это не могли не отозваться законными жалобами и требованіями прежде всего главные торгово-промышленные классы, городскіе жители. И вотъ, депутаты ихъ представили, между прочимъ, 1) «объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго банка; 2) объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ; 3) о неотдачѣ въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ». Въ высшей степени законно слѣдующее представленіе купечества: «чтобъ принадлежащіе гражданству доходы оставить все въ гражданскую пользу, а въ казну отдавать только по рублю пятидесяти копеекъ съ души». Равнымъ образомъ исполнѣе сообразна съ требованіями всѣхъ податныхъ сословій просьба купечества о возстановленіи подворной ревизіи, вмѣсто подушной. Тогда народъ сильно уклонялся и бѣжалъ отъ ревизіи душъ. Поэтому купцы просили «объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, а о бытіи оной попрежнему по дворамъ». Дворянство, кромѣ нѣсколькихъ своекорыстныхъ помѣщичьихъ экономическихъ представленій, между прочимъ, также хлопотало: 1) «объ учрежденіи по городамъ банковъ; 2) хлѣбныхъ магазиновъ и фабрикъ». Относительно крестьянъ, достойно вниманія представленіе или ходатайство дворянства: 1) о позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу; 2) о позволеніи крестьянамъ

подрядовъ; 3) о бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее, чтобъ возвращались къ земледѣлію; 4) о несборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ станомъ; 5) о ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы; 6) о сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ, провіантомъ и фуражемъ; 7) о поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получило настоятельный примѣръ къ лучшему домоустройству; 8) объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, жженія золы и прочихъ заводовъ».

Наконецъ, отмѣтимъ и остальные, болѣе или менѣе тоже дѣльные вопросы и представленія депутатовъ. Депутаты отъ присутственныхъ мѣстъ представили, между прочимъ: «о вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ; о уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ; о учиненіи закона, какъ поступить въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть; о запрещеніи кулачныхъ боевъ; объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (то-есть монаховъ) и къ содержанію церквей—доходовъ; о пресѣченіи роскошей; о публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ; объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей», и проч. Дворянство представило, въ числѣ другихъ пунктовъ: «о продажѣ церковныхъ земель; о заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ; о запрещеніи на выгонныхъ городскихъ земляхъ сѣять хлѣбъ; объ умноженіи крестьянскаго безчестія (то-есть платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ, и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ», и проч. Градскіе жители, между другими пунктами, подали: «о свободномъ отправленіи богослуженія другихъ законовъ людямъ; о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованья; о нетребованіи священникамъ, сверхъ указаннаго числа, за церковныя требы; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачьей; о правѣ и преимуществѣ русскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги; о пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей; о выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора; о снятіи съ подсуѣдковъ рублевого оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей; объ учрежденіи цеховъ; объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ; о непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья; о позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попомъ, монахамъ и монахинямъ, въ часовняхъ и церквахъ отправлять по службы стариннымъ книгамъ». Однодворцы и хлѣбопашцы, между прочимъ, заявили «о постройкѣ для квартированія пол-

ковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ; о защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей»).

Такія покуда извѣстны намъ свѣдѣнія о наказахъ, какіе даны были народными избирателями депутатамъ знаменитой комиссіи 1767 г. и о голосахъ, какіе подали черезъ нихъ почти всѣ провинціальныя общества. Если такъ разнообразны были простыя, основныя данныя, вопросы избирательныхъ классовъ Россіи, то уже по нимъ невольно предполагается, какъ много, должно-быть, высказано было депутатами о разныхъ матеріяхъ, во время самыхъ преній или разсужденій, на собраніяхъ общей комиссіи и на сходахъ частныхъ 19-ти комиссій. Что-нибудь да было же говорено и дѣлано въ общихъ собраніяхъ комиссій, которая существовала съ лѣта 1767 г. и до 12 февраля 1769 г. Равнымъ образомъ что-нибудь да было же сказано и сдѣлано на собраніяхъ 19-ти частныхъ комиссій, которыя продолжали свою дѣятельность до 1774 г. Для нашего времени покуда это тайна. Но въ высшей степени многозначительно ужъ и то, что теперь извѣстно намъ изъ исторіи знаменитаго собранія депутатовъ. Прочитавши только указы, данныя отъ областей депутатамъ, мы опять приходимъ къ убѣжденію, что это знаменитое собраніе депутатовъ отъ всего русскаго народа и отъ всѣхъ племенъ инородческихъ представляетъ въ исторіи собственно народной, въ исторіи всѣхъ разнообразныхъ, разнообразныхъ областныхъ массъ русской земли, самое великое, свѣтлое, отрадное, мировое историческое событіе. Это было событіе исторически-движущее, передовое, просвѣтительное. Недаромъ Западная Европа, услышавъ о собраніи депутатовъ въ Россіи, прославила Семирамиду Сѣвера похвалами философовъ, поэтовъ и всѣхъ знаменитостей того вѣка.

Великое народное собраніе 1767 г., во-первыхъ, подѣйствовало народно-просвѣтительно на европейски-просвѣщенный умъ самой великой законодательницы. Екатерина вынесла такое убѣжденіе о комиссіи народныхъ депутатовъ, изъ ней же самой: «Комиссія уложенія—говоритъ она—былъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пецись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ. и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распушены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ комиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Такимъ образомъ, собраніе депутатовъ озарило, просвѣтило отвлеченную идею государства, имперіи, идеей живого народа. Оно, послѣ темныхъ, тяжелыхъ, тираническихъ временъ первой половины XVIII-го столѣтія, послѣ почти совершеннаго забвенія народа среди частыхъ, бурныхъ государственныхъ переворотовъ, оно вдругъ дало свѣтъ верховному правительству, верховной власти, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и о комъ пецись должна, указало на народъ. Недаромъ съ этого только времени и для самого правительства все болѣе и болѣе становятся предметомъ и цѣлью реформъ и учрежденій, не государство, а общество, народъ.

Затѣмъ, собраніе комиссій 1767 г. съ могучей силой и разомъ подвинуло впередъ развитіе законодательныхъ идей, вдругъ повернуло госу-

дарство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движению, путемъ разнообразныхъ, всестороннихъ, радикальныхъ реформъ. Одни данные, необработанные материалы для новаго уложенія, доставленные и собранные комиссіей 1767 года и 19-ю частными комиссіями, подвинули на полстолѣтія впередъ законодательную дѣятельность, и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учреждений, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины и ознаменовались въ Россіи семидесятые и осмидесятые года прошедшаго вѣка, до которыхъ при Екатеринѣ не явилось ни одного подобнаго памятника законодательства—и которые доселѣ составляютъ коренныя основы внутренняго устройства и мѣстнаго управленія въ имперіи. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), уставъ благочинія (8 апрѣля 1782 г.), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 г.), городовое положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и многіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были комиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 г., всѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ архива комиссіи, и, подверженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами петербургскаго правительства, уже подъ редакціей и прессомъ бюрократіи, приводились въ исполненіе. Главная же, существенная работа и заслуга въ составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно принадлежитъ общей комиссіи 1767 г. и частнымъ комиссіямъ. Мало того. Многія идеи депутатской комиссіи 1767 года стали насущными вопросами XIX столѣтія, заняли лучшіе государственные умы. Напримѣръ, Мордвиновъ всѣми доводами доказывалъ необходимость учрежденія по городамъ частныхъ банковъ, чего требовали и депутаты комиссій, по наказамъ избирателей. Городскіе жители въ депутатскомъ наказѣ своемъ требовали учрежденія университетовъ, академій по всѣмъ городамъ. Это вопросъ не только нашего, но еще и будущаго времени. Наконецъ, депутатская комиссія 1767 года затронула и такіе вопросы первой важности, какъ, напримѣръ, о крѣпостномъ правѣ, которое тогда только еще достигало разгара, о значеніи именныхъ указовъ, въ случаѣ изданія собраніемъ депутатовъ новаго уложенія, и тому подобное. Основательно полагаютъ, что это-то именно поднятіе комиссіею вопросовъ, признававшихся въ тотъ вѣкъ несвоевременными, и было главною причиною распущенія комиссіи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ вообще о значеніи земскихъ соборовъ въ исторіи народной. Оглядывая бѣглымъ взоромъ всю прошедшую исторію русской земли, начиная отъ рюриковской закладки государства и до екатерининской первоосновы, организаціи общества—мы видимъ, что земскія собранія народа представляютъ двигательныя, осново-положительныя или земско-устроительныя явленія въ русской исторіи. Земскимъ собраніемъ и совѣтомъ начинается наша исторія, полагается закладка, первооснова государственнаго союза. Задолго до начала исторіи, по русской землѣ бродили все пнородческія—финскія, чудскія племена. Вотъ приходятъ славяне, и изъ починка своего—Славно-Торга и изъ другого ростка своей исторіи—изъ чудскаго города Ростова, проводятъ, *по землѣ и по водѣ*, свою

гостиную или торгово-промышленную и земледѣльческую колонизацію, среди чуждскихъ земель и племенъ, основываютъ славяно-русскія земскія общины, *области, земли, государства*. Не мечъ, а миръ, любовь, совѣтъ и союзъ принесли славяне инородцамъ. И вотъ, вступаютъ въ федеративный союзъ съ чуждскими инородцами, и вмѣстѣ, дружно, единодушно начинаютъ исторію земскимъ собраніемъ и совѣтомъ 862 года. «Возстали славяне, и кривичи, и чудь, и меря на варяги, и изгнали ихъ за море, и начали сами собою владѣть и города ставить». При разложеніи родовыхъ общинъ, при слабости, неокрѣпости племеннаго федеративнаго союза—племенное земское самоуправленіе было нестройно и неблагоустроительно. Нужно было связать племена, для организаціи одного народа, болѣе прочнымъ, соединительнымъ началомъ. И вотъ, снова славяне, и кривичи, и чудь, и меря сходятся на земскій совѣтъ, и призываютъ князей-собрателей, соединителей племенъ въ одинъ народъ. Началась дѣятѣйшая колонизаціонная обстройка областей, организація областныхъ земскихъ общинъ, въ федеративной связи—по землѣ и по водѣ. Стали возникать, путемъ вольно-народнаго, земско-областнаго самоуправленія, починки областныхъ земскихъ совѣтовъ и вѣчей. Долго починки эти свободно росли и крѣпли, и въ корнѣ своемъ, откуда началось и федеративное соединеніе племенъ, и свободное самоуправленіе и саморазвитіе областей—въ Великомъ Новгородѣ—въ вѣчѣ новгородскомъ начинали уже разцвѣтать въ многозначительныхъ своеобразныхъ формахъ. Но вотъ, по выраженію лѣтописи, настала зима, настало насиліе *большое московское*, прилетѣлъ многокрылый орелъ, исполненный крыль и львовыхъ когтей—и зачатки земско-областныхъ вѣчевыхъ міровъ были побиты. Только корень ихъ уцѣлѣлъ, нескороенно хранился въ почвѣ народной—въ обычаяхъ народныхъ, особенно въ обычаяхъ сельскихъ міровъ. Едва только кончилось собираніе областей русской земли, какъ, въ силу внутреннихъ естественно-историческихъ и разноэтнографическихъ стремленій областей, произошла *великая рознь, великая шаткость* всѣхъ областей—и русскихъ и инородческихъ. Земля русская зашаталась въ самомъ корнѣ, разрознилась въ составныхъ частяхъ: не стало, по словамъ Москвы, *самого корени, основанія крѣпкаго, чѣмъ древо недвижно*. Вмѣсто родовой и племенной розни IX вѣка, кончившейся земскимъ совѣтомъ славянъ и чуди 862 года, настала рознь государственная, земско-областная. Вмѣсто племеннаго федеративнаго союза, нужно было возстановить, или, лучше сказать, создать вновь излюбленную всю землю, всѣми областями государственную, земско-областную федерацію. И кто же совершилъ это великое земское дѣло? Опять новый, великій земскій соборъ русскаго народа и представителей инородческаго міра. Областные земскіе народные собранія и совѣты переписались, согласились быть между собою *въ любви, совѣтѣ и соединеннѣ*, то-есть въ земско-областной федераціи, созвали въ *сходъ всея города*, и на великомъ земскомъ соборѣ 1613 года, *по совѣту всея земли*, спасли Россію, создали государственную, земско-областную федерацію, вручили общее храненіе ея правъ излюбленному головѣ всея земли—царю новой династіи. Послѣ первоначальнаго племеннаго земскаго собранія и совѣта славянъ, и чуди, и меря

въ 862 году—великій земскій соборъ и совѣтъ всей земли 1613 года представляеть въ нашей исторіи второе, и уже не союзно-племенное, а государственно-федеративное земское собраніе выборныхъ представителей какъ русскаго, такъ и инородческаго міра вмѣстѣ.

Такимъ образомъ росла и возрасла жизнь племенъ до формъ областныхъ земскихъ общинъ; росла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идея земскихъ собраній и совѣтовъ, и возрасла отъ формы племеннаго собранія и совѣта 862 года до принципа и формы государственнаго земскаго собора и совѣта. И съ тѣхъ поръ принципъ, идея государственныхъ земскихъ соборовъ не умирали въ нашей исторіи. Едва возстановилъ, устроилъ земскій соборъ 1613 года политическій федеративный союзъ областей, какъ новые земскіе соборы 1619 и 1642 года указывали правительству истинныя основы экономическаго *земскаго устройства, къ покою людямъ, чтобы все пришло въ достоинство.* Оба эти земскіе собора полагали въ основу экономическаго быта и развитія народа принципъ равенства, принципъ уравниенія всѣхъ въ земскихъ податяхъ и повинностяхъ въ отношеніи къ государственной казнѣ. А въ частности, земскій соборъ 1642 года указалъ правительству такія истинныя экономическія начала: 1) уничтоженіе непроизводительныхъ статей въ государствѣ, налегавшихъ только всею тяжестью оплаты и ущерба на земство—посредствомъ употребленія на казенныя, государственныя нужды лежащей домовою казны монастырей, архіереевъ, дьяковъ и царскихъ дворовыхъ прикащиковъ; 2) одинаковое, равное участіе въ покрытіи государственныхъ нуждъ со стороны всѣхъ, безъ исключенія, званій и чиновъ; 3) земскій, народный учетъ, контроль надъ казною, надъ народными взносами въ казну, посредствомъ выборныхъ изъ земства; 4) пресѣченіе произвола и насилій областного начальства—воеводъ, замѣной ихъ излюбленнымъ земскимъ самосудомъ; 5) облегченіе податнаго земства отъ бремени лишнихъ службъ, казенныхъ взносовъ и работъ, и тому подобное. Такіе экономическіе вопросы недаромъ поднимали земскіе соборы XVII вѣка. Недаромъ объ нихъ всего болѣе вопіяли, или болѣли въ тотъ вѣкъ и всѣ областныя земскія общины въ своихъ земскихъ челобитныхъ. Умноженіе въ народѣ бѣдности, *обнищаныхъ, оскудалыхъ до конца и разбродившихся въ разныя* голутвенныхъ людей не только было физически тягостно, несносно для народа и мѣшало его экономическому развитію, но оно мѣшало и умственному развитію народа. Далѣе, какъ земскій соборъ 1613 года окончательно собралъ въ государственный, политическій союзъ всѣ областныя земскія общины для федеративнаго, совокупнаго развитія ихъ въ любви, совѣтѣ и соединеніи, и какъ слѣдующіе земскіе соборы 1619 и 1642 года устанавливали, указывали начала экономическаго устройства и быта народа—такъ земскій соборъ 1648 года совершилъ важное земское юридическое дѣло—объединеніе всѣхъ правъ областныхъ общинъ, издалъ и утвердилъ уложеніе всей земли. Хотя и далеко несовершенно было это уложеніе, составленное въ уровень юридическимъ понятіямъ и потребностямъ своего вѣка, все же оно было, по скрѣпѣ земскаго собора, какъ мы уже сказали, *прочно и неподвижно* въ теченіе всего XVIII столѣтія, да и теперь еще не потеряло силы. Потомъ, по духу времени, въ высшей степени здраво,

истинно было требованіе земскаго собора 1648 года о государственномъ-экономическомъ уравниеніи всѣхъ классовъ народа. Это существенно-необходимое условіе для возможно-равномѣрнаго экономическаго благосостоянія разныхъ разрядовъ народа.

Такимъ образомъ, хоть и грубъ, суевѣренъ, невѣжественъ былъ XVII вѣкъ, но и во тѣмъ его, на земскихъ соборахъ, видѣнъ и слышенъ былъ самъ народъ, на службу которому сложилось государство, правительство. И въ грубыхъ формахъ XVII столѣтія, на земскихъ соборахъ, высказывалась природная, здравая способность народа къ народосоветію. Въ земско-соборныхъ требованіяхъ народа выразилось здоровое, истинное стремленіе къ прогрессу народной жизни, высказалось правильное постановленіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ народа и государства, народнаго труда и приобрѣтенія и казеннаго налога и опеки надъ этимъ трудомъ, и проч. Если правительство не просвѣщалось, не руководилось этими жизненно-практическими уроками народа, и вообще мало и рѣдко прислушивалось къ народному голосу земскихъ соборовъ—это не народная вина, за которую московское государство и наказалось тяжко-народными бунтами и земскимъ расколомъ во второй половинѣ XVII вѣка. Но голосъ земскихъ соборовъ, какъ голосъ народа, все-таки остался въ исторіи народной поучительнымъ голосомъ исторически-искомой правды русской, народной. Оттого, слова народные, сказанныя на земскомъ соборѣ XVII вѣка, въ грубыхъ формахъ понятій, требованій, обычаевъ и языка того времени—все-таки въ сущности, во внутреннемъ смыслѣ своемъ, являются истинными, живыми и дѣйственными и въ XIX вѣкѣ. И самыя земскія собранія и думы русскаго народа, въ эпоху его разгульной, неустановившейся юной, кипучей, жизни, какъ проявленія его природныхъ инстинктовъ и потребностей, какъ созданіе его своеобразной исторической идеи и такта—были. можно сказать, только тѣнью, прообразами его земскихъ собраній и думъ въ новомъ, зрѣломъ возрастѣ, когда массы его познають просвѣщеніе.

Съ начала XVIII-го столѣтія и до 1767 года не слышенъ былъ больше голосъ народа, не было земскихъ соборовъ. Земля русская, означавшая на языкѣ народномъ міръ, народъ, земство, преобразовалась изъ московскаго государства во всероссійскую имперію. Въ формахъ губернскаго устройства не слышна, не видна стала жизнь областнаго земства—жизнь провинціаль-ныхъ массъ. Ее заглушала, заслоняла исторія имперіи, двора и Петербурга, заглушали дурныя узурпаціи, перевороты и перемѣны, происходившія въ Петербургѣ. Противонародное, узурпаторское направленіе исторіи достигло высшаго проявленія въ *бироновщинѣ*. вмѣстѣ съ преобразованіемъ земли русской—міра, народа въ имперію, земство окончательно распалось, раздробилось на имперски-служебныя, податныя и крѣпостныя сословныя касты. Въ немъ окончательно развился *расколъ*. Бироновщинѣ народъ отвѣчалъ бѣгствомъ за границу, особенно усилившимся въ царствованіе Анны Іоанновны и послѣ ревизіи 1741 года, отвѣчалъ крестьянскими бунтами въ разныхъ губерніяхъ, разбойничествомъ и, наконецъ, пугачевщиной. Въ умственномъ отношеніи, народъ спалъ крѣпкимъ сномъ невѣжества и суевѣрія XVI и XVII столѣтій, и во снѣ, отъ тяжелой натути

горько-слезнаго быта, которою сердца народныя давно уже были сильно опечалены и тоскою исполнены—во снѣ народъ страшно стоналъ, вопилъ, и ему грезилось: «будто Россія вавилонская блудница, будто въ ней воцарился антихристъ отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича и наипаче отъ лѣтъ сына его, Петра I». И «отдаленный стонъ народный, по выраженію князя Щербатова, не былъ вкушаемъ среди роскошей столичныхъ...» По всему этому можно бы подумать, что въ такія темныя, тяжелыя времена XVIII-го столѣтія, представлявшія, по выраженію Карамзина, *les saturnales de despotisme*, въ массахъ русскаго народа долженъ былъ окончательно оупѣть, омрачиться природный здравый смыслъ, должна была погаснуть, погибнуть и та способность народосовѣтія, какая обнаружилась на грубыхъ земскихъ соборахъ XVII вѣка.

Но вотъ созывается новый земскій соборъ—знаменитое собраніе депутатовъ 1767 года. Вызываются депутаты не только изъ всѣхъ русскихъ областей, но и отъ всѣхъ инородцевъ. И этотъ политическій союзъ вдругъ обнаруживаетъ всѣ признаки полнोजизненности и здоровой самосохранности—народосовѣтнаго такта областныхъ массъ народныхъ. Отъ имени ихъ, земское собраніе депутатовъ, первымъ словомъ, произноситъ судъ, приговоръ надъ минувшими страданіями народа, надъ первой половиной XVIII-го столѣтія, произноситъ судъ не на слухахъ, не на преданіяхъ основываясь, а на самоопытномъ *видѣніи* и прочувствованіи минувшихъ злостраданій народныхъ. Непросвѣщенные, полу-суевѣрные выборные отъ народа—городскіе жители, купцы, первымъ долгомъ заявляютъ о народной потребности просвѣщенія, требуютъ основанія университетовъ, академій и школъ не въ однѣхъ столицахъ, а по всѣмъ городамъ, требуютъ образованія духовенства для учительства, для образованія народнаго. Забитые, запуганные, деморализированные губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями первой половины прошлаго вѣка, городскіе и сельскіе люди требуютъ чрезъ собраніе депутатовъ выборнаго, депутатскаго народнаго контроля надъ присутственными мѣстами и надъ присутствующими; требуютъ земству право выбирать воеводу, и т. д. Въ эпоху разгара и варварства крѣпостного права, въ рядахъ депутатовъ слышится, на земскомъ собраніи, голосъ объ уничтоженіи крѣпостного права, почти за 100 лѣтъ до дѣйствительнаго уничтоженія его, и проч., и проч. И подобныя идеи простыхъ людей—данныя и выводы не просвѣщенія, не наукъ, а непосредственнаго жизненно-практическаго опыта, грубаго, невѣжественнаго, но горько-думнаго, горько-слезнаго вѣковаго быта народнаго—дѣйствуютъ просвѣтительно, руководительно на цѣлую эпоху, движутъ исторію, даютъ тонъ и направленія ея, даютъ матеріалъ для разнообразныхъ реформъ, вызываютъ рядъ такихъ учрежденій, которыя, несмотря на всю несовершенную бюрократическую обработку ихъ, до сихъ поръ все-таки представляли лучшія институціи, чѣмъ учрежденія первой половины прошлаго вѣка. Собраніе народныхъ депутатовъ 1767 года открыло свѣтъ новой русской исторіи, въ лицѣ представителей русскаго и инородческаго міра, указало правительству на забытый принципъ народностей, ожидающихъ новой жизни, человѣчнаго вниманія и улучшенія быта. Наконецъ, простыя, не-

Земство ¹⁾

По старинному, народному принципу первоначальнаго *земскаго устроенья* великорусскихъ областныхъ общинъ, *земля* составляла основу всего народнаго бытового строя. Области назывались *землями*, люди назывались *земскими людьми*. Понятіе *земли* было тождественно съ понятіемъ *людства*, *земства*, *міра*. Отсюда выраженія: *управа люба была люба всей землѣ, по совету всей земли*, *помыслить крѣпко съ міромъ, всюю землею* и т. п. При такомъ историческомъ *земскомъ складѣ*, при этой архитектурической народной постройкѣ русской земли, и при этомъ народномъ *земскомъ міровоззрѣніи*, земля, какъ общее, естественное, неотъемлемое достояніе для *сидѣнья и кормленья* всѣхъ и каждого равно, была естественнымъ *мѣриломъ* или *опредѣлителемъ* равенства всѣхъ земскихъ людей, была *объединяющимъ началомъ*, связывавшимъ и уравнивавшимъ ихъ, какъ *вервью*, въ одинъ равноправный *земскій міръ* ²⁾. Отсюда все *земство*, по естественной *поземельно-водной* и *общинно-колонизаціонной* обязанности, по единству и согласью работы въ *дѣлѣ* первоначальной, основоположительной *колонизації* и культуры, представляло первооснову одного *цѣлаго*, нераздѣльнаго равноправнаго *людскаго собранія*, *людства*, *міра*, братства, или, по выраженію *лѣтописи*, *братьи*. Не было сословнаго разъединенія, неестественной *рописанной систематизаціи* *земства*, а было только естественное раздѣленіе труда, культуры и промышленности по свободному выбору земскихъ людей. До призванія князей, на *чудскомъ сѣверо-востокѣ* были только *славяне*, *старцы*, *лучшіе мужи*, то-есть, *разумнѣйшіе* и *богатѣйшіе* славянскіе люди, *гости*, *ролейники* или *земледѣльцы*, *рыболовы*, *звѣроловы*, *повольники*, *молодцы*, *отроки*, да *чудь-финны* безъ всякаго раздѣленія на сословія. Были, слѣдовательно, только, *люде*, *міръ*, съ естественнымъ под-

¹⁾ Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ № 7—8 отъ 11 марта.

²⁾ Не даромъ, и въ народныхъ сказаніяхъ. *землѣ* придается высокое значеніе. Она сопоставляется такимъ, напримѣръ, образомъ: первая мати—мати божія, обща наша заступница о всѣхъ христіанахъ; другая мати—родившая всякаго человѣка, третія мати питаная вѣрныхъ и невѣрныхъ—*общая мати наша земля*: отъ нея питаемся и одѣваемся и согрѣваемся. Слѣдовательно, всѣ земскіе люди, какъ дѣти этой *общей матери земли*, естественны, равны между собою въ *земскомъ отношеніи* и значеніи.

раздѣленіемъ, по лѣтамъ и опытности, на *старцевъ, молодцевъ и отроковъ*, да по родамъ труда, занятія, на *гостей, дѣлателей нивъ* и т. п. Съ появленіемъ варяжскаго наряда *нарубленья* и византійскихъ *чиновъ* и уставовъ, въ составъ земства привходятъ чуждые раздѣлительные элементы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозначаются въ земствѣ особые разряды и чины людей. Съ князьями пришли въ городскіе земскіе общины *мужики княжи, бояре*. У князей образовался свой *дворъ слугъ* — служилое сословіе или корпорація дружины, которая потомъ, кромѣ варяговъ, пополнялась выходцами изъ Венгрии, изъ Литвы, изъ Польши, изъ Мордвы, Мещеры, отъ половцевъ и другихъ инородцевъ. Съ этой дружиной, или, какъ чаще говорится въ лѣтописяхъ, съ *своими боярами* и слугами, съ *дворомъ своимъ*, князья ходили на войну (на бой). Отсюда дружинники, слуги князей стали называться *боярами* отъ слова *бой*, *дворянами*, какъ образовавшіе княжескій *дворъ*, и *слугами* или *служилыми людьми*. Точно также, съ церковью пришла духовенство (сначала частью византійское, частью болгарское) для службы церковной. Оно образовало духовный *чинъ* священно-церковно *служителей*. Вмѣстѣ съ тѣмъ привнесенъ былъ византійскій элементъ іерархизма, чиновности. До развитія московскихъ приказныхъ чиновъ, видимъ въ самобытно-областныхъ земскихъ общинахъ только *чинъ іерейскій*, да *чинъ монашескій* или *иноческій*. А послѣ, въ эпоху московскихъ приказныхъ *учищеній* или учреждений, сообразно съ византійско-іерархическими церковно-служебными чинами, образовались чины и въ приказно-служилой московской іерархіи. И земство, вслѣдствіе того, раздѣлилось на *всякихъ чиновъ людей*. Въ сущности, впрочемъ, всѣ земскіе разряды населенія — гости или купцы, посадскіе и смерды или крестьяне разныхъ родовъ, какъ вотчинные, такъ и черные, по единству образа жизни, а большею частью и занятій, по общиннымъ отношеніямъ, по свободному переходу изъ одного состоянія въ другое, составляли еще одно цѣлое, нераздѣльное, равноправное земство, или *земское сословіе*, вплоть до окончательнаго опредѣленно-положительнаго образованія сословныхъ кастъ въ XVII столѣтіи. А два пришлыя, чуждые славянамъ и чужди сословія — чинъ церковно-служилый и чинъ княжеско-служилый образовали чуждое, пришлое, особое отличительное *сословіе служилое*.

Несмотря, впрочемъ, на появленіе въ земствѣ этихъ чуждыхъ раздѣлительныхъ элементовъ, оно въ удѣльно-вѣчевую пору, въ эпоху свободного, естественно-жизненнаго земскаго строенія, могущественно превосходило, поборало ихъ, даже отчасти претворяло въ свою плоть и кровь. Въ земствѣ столько было естественной своенародной самосохраняемости и энергіи, земской общинной объединительной силы, такъ могуче и самозжизненно было стремленіе къ своеобразному земскому самоустройству и саморазвитію, что оно отчасти даже византійскіе чины и княжескихъ бояръ дѣлало *земскими* и своими. Такъ, напримѣръ, поповскій чинъ избирался изъ земства, изъ *земли*, изъ крестьянъ, даже изъ холоповъ, почему и въ XVI вѣкѣ ставленники изъ *мужиковъ* отговаривались въ своей неприготовленности къ поповству, ссылаясь на свою *землю*: «*земля, господи, такова, не можемъ добыть, кто бы грамотъ умѣлъ*: вотъ и обрутать *всѣ*

землю, будто нѣтъ человѣка *въ землѣ*, кого-бъ ставить въ священство». Сельскіе попы, въ старину избиравшіеся обыкновенно міромъ, имѣли земское значеніе, участвовали на сельскихъ мірскихъ сходахъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ погостахъ новгородскихъ, и собирались въ трапезѣ церковной. Попы писали, утверждали церковными печатями разныя мірскія записи и грамоты. Церковные дьяки были вмѣстѣ и *земскими дьяками*. Земскія вѣча избирали владыкъ, такъ же какъ и земскихъ бояръ вѣчемъ избирали въ посадники. Въ Новгородѣ иногда даже *простая чадь* сводила владыку изъ дому святой Софіи. Владыки въ вѣчевыхъ городахъ имѣли земское значеніе, сходились вмѣстѣ съ земствомъ, на вѣча, рѣшать земскія дѣла. Земскіе люди ихъ посылали исправлять земскія службы. Далѣе, земскіе люди, напимѣръ, міры сельскіе, вѣча псковскія и новгородскія, полноправно вмѣшивались въ церковныя дѣла, давали религіозныя установленія, судили и наказывали іерейскій и иноческій чинъ. Наконецъ, *сельскіе сборники и мірскія басни* вырабатывали, въ формѣ апокрифическихъ или отреченныхъ книгъ, своеобразныя міеологическія или эпическія начала земскаго, народнаго міросозерцанія. Точно также и бояре мало-по-малу оземствовавшись, обращались въ составъ земства, были слугами земства. Они, наравнѣ съ гостями и повольниками, получали земли если не отъ князей, то по дачѣ вѣча, міра, земства. Такъ, напимѣръ, вѣче новгородское давало земли пришлымъ князьямъ, напр. во второй половинѣ XIV вѣка князю Патрикѣеву, или утверждало земли и воды за боярами-посадниками на Двинѣ, на Вагѣ, въ Поморьи. По землѣ, по земству, бояре, наравнѣ съ земскими людьми, стали *земскими боярами*, слугами земства, главнымъ образомъ, въ боевой службѣ.

Изстаринное правило: *вольнымъ воля*, господствовавшее въ эпоху колонизаціоннаго основанія областей до развитія великокняжеской гегемоніи на степень московскаго единодержавія, одинаково простиралось и на дружинниковъ княжескихъ и на всѣхъ вольныхъ охочихъ людей древней Руси. Вслѣдствіе этого правила, какъ вольный охочій человѣкъ, добровольно поряжаясь во крестьянство или на посадъ, становился самъ, по своей волѣ, крестьяниномъ или посадскимъ, такъ и дружинники-бояре постоянно *отъѣзжали*, переходили отъ князя къ князю, изъ одного двора княжескаго въ другой, изъ волости въ волость; у какого князя они поряжались служить, у того и земли получали въ жалованье; отъѣзжали отъ него—и земель лишались. Вслѣдствіе этой подвижности, неприкрѣпленности дружинниковъ-бояръ къ землѣ, естественно, они не могли образовать твердо-осѣдлую, наследственно-родовую землевладѣльческую аристократію, такъ же какъ вольные охочіе люди—крестьяне, свободно переходя отъ одного землевладѣльца къ другому, или отъ землевладѣльца въ черную волость и обратно, не могли тогда образовать и не составляли крѣпостное сословіе. При свободномъ переходѣ, многіе роды дружинниковъ-бояръ невольно становились безземельными, изгоями своего рода, поступали въ ряды посадскихъ и крестьянъ. Такъ что не мало было такихъ земскихъ людей, которые въ старину происходили изъ роду бояръ, дворянъ, а въ XVII вѣкѣ были простыми посадскими и крестьянами. Таковъ, напимѣръ,

родъ посадскихъ Семена и Андрея Денисовыхъ Вторушиныхъ, происходящихъ изъ княжескаго рода. На Вагѣ и Двинѣ, многія старинныя новгородскія боярскія фамиліи, основавшія здѣсь свои колоніи — *боярщины*, въ XVIII вѣкѣ вошли въ составъ и крестьянства. При отсутствіи особенныхъ гарантій и установленій для охраненія и развитія родословнаго, генеалогическаго начала аристократіи, у насъ и все шляхетство въ первой половинѣ XVIII столѣтія не имѣло никакой опредѣленной, положительной, привилегированной отличительности отъ земскихъ сословій. Не даромъ Татищевъ, сѣтуя на эту *неотмѣнность* шляхетства отъ подлости, писалъ въ своей статьѣ о чинахъ: «есть разность чиновъ временная, но другая (разность) есть пребывающая и *наслѣдственная*, яко *шляхетство, гражданство и подлость*, а негдѣ четвертое счисляютъ духовенство. У насъ въ «Уложеніи» *нѣсколько шляхетство отъ прочихъ отмѣнено*, безъ основанія, недостаточно и неясно... О пресѣченіи сего великаго безпорядка и оскорбленія (шляхетства)—тѣмъ и преимущество государя—видится *забыто*».

Далѣе, исключительному развитію и земскому преобладанью боярско-родословной землевладѣльческой аристократіи препятствовало всеобщее равнозначительное, равноправное въ древне-русскомъ земствѣ начало личнаго поземельнаго владѣнія. Если во времена колонизаціонной постройки земства, городскихъ и сельскихъ общинъ, въ эпоху *воли вольнымъ*, бояре путемъ колонизаціи своихъ *займищъ* на дикомъ черномъ лѣсу сами устроили свои волости, вотчины, и передавали ихъ изъ рода въ родъ, или, укореняясь въ волости одного князя, не переходя къ другому, постоянно изъ рода въ родъ владѣли жалованными отъ князей вотчинами и землями.—то и всѣ земскіе люди имѣли равное съ ними право, какъ общиннаго, такъ и личнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ пока не водворилось государственное правило, *чтобъ земля изъ службы не выходила*. Горожане, гости, житые люди, купцы, посадскіе, своеземцы—всѣ, наравнѣ съ боярами, приобрѣтали и заселяли земли, имѣли свои *вотчины*. Изстаринное право горожанъ на поземельное владѣніе естественно проистекало изъ ихъ первоначальнаго хозяйственно-колонизаціоннаго самоустройства. Селясь въ городахъ, *сажая на посадки, они уходили или уѣзжали* изъ городовъ, кто по *бортнымъ* путямъ, *ухожаямъ и станамъ*, кто по *пашеннымъ или злѣбнымъ*, кто по *рыболовнымъ, или стольничу* пути, кто по *бобровымъ ухожаямъ и гонамъ*—*каждый* своеземецъ уѣзжалъ въ свое промышленное *займище*, по *какое мѣсто* *чей былъ уѣздъ*, или *куда ходилъ чей топоръ, коса и соха*, или *гдѣ въ старинныхъ ухожатъхъ бобры ловили изстари чьи дѣды и отцы*, или *куда шелъ чей слѣдъ*, гдѣ *чей былъ бортный—ухожей* и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ хозяйственно-промышленныхъ *займищъ*, путей, *ухожаяевъ*, земель и водъ составляла *городскую землю, вотчину и дѣдину* города, какъ Новгородъ называлъ свои земли. Города у насъ изстари владѣли *пахотными землями*, такъ какъ они, до появленія приказно-правительственной системы *указнаго городского дѣла* по жизненно-народному, естественно-экономическому принципу, и развивались изъ сель, путемъ торговъ и промысловъ, имѣли земледѣльскій характеръ. Еще в. к. Ольга говорила жителямъ древлянскаго города Коростеня: «*все грады ваши дѣлаютъ нивы своя и земли своя*».

Какъ дѣти бояръ, такъ, наравнѣ съ ними, и дѣти всѣхъ прочихъ горожанъ наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ *отчины и дѣдины, куда пошли изстаринны, докуда пахали отцы и дѣды*, и проч. Въ частности, купцы имѣли свои вотчины, деревни. Рядомъ съ боярскими селами и волостями, видимъ такъ-называемыя въ писцовыхъ книгахъ *отчины купцовъ, купецкія деревни, земли купецкія*. Посадскіе также имѣли равное съ боярами право владѣть землями. Они встарину имѣли пашни около городовъ. Въ Новгородѣ, у посадскихъ, поселившихся на славеньской сторонѣ, были свои села, которыя потому и называются въ лѣтописи *Славеньскими селами*. Въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко замѣчается о землепашцахъ: *пашетъ съ посаду*, или *у посаду*. Даже еще и въ XVII вѣкѣ былъ цѣлый разрядъ такъ-называемыхъ *пашенныхъ городовъ*. Изъ актовъ города Шуи видимъ, что городскія общины обыкновенно дѣлили, какъ полные хозяева, общественную землю по тягламъ. Точно также, въ концѣ XV вѣка, напимѣръ, одинъ савво-сторожевскій житель, по имени Семянко, на судѣ говорилъ: «далъ мнѣ, господине, *дворьской и вся братія селищю Суховерховско.... а язъ по старымъ межамъ городскую землю* отведу, Суховерхова селища полосу. Да повелѣ Семянко *тіуновъ отъ рѣки доломъ, поперегъ хмѣльника, межи дву овиновъ, по ржищу, подлѣ болото; да пришедъ къ долу, къ орѣхову кусту ставъ Семянко передъ судьями, такъ рекъ: по тѣ, господине, мѣста наша земля городская, моего двора выть*». (А. Ю. № 7).

Крестьяне также, наравнѣ съ боярами, имѣли право владѣть не только землями, но и вотчинами, населенными деревнями. И богатые крестьяне дѣйствительно имѣли села и деревни. Полное свидѣтельство объ этомъ представляетъ, напимѣръ, слѣдующая духовная крестьянина Прокопья Бородинкина, въ которой завѣщатель пишетъ: «Се азъ Прокопей Марковъ сынъ Бородинкинъ, Луской Пермцы Лоемской волости крестьянинъ, пишу по себѣ сію изустную память.... А что *есть у меня Прокопья деревни и дворы, и дворовые хоромы, и вѣтъ двора, и сѣнные покосы, пожни и рыбныя ловли, и всякія деревенскія угодыя, чѣмъ прежь мой отецъ Марко и послѣ его азъ Прокопей владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба сухаго въ амбарахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и тѣми вышениванными деревнями и дворовыми хорами, сѣнными покосами, и рыбными ловлями и всякими деревенскими угоды, по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и животомъ и всякимъ житейскимъ заводомъ... и по кабаламъ на комъ взять, и тѣмъ всѣмъ азъ Прокопей при смертномъ своемъ часу благословилъ и надѣлилъ сына своего Ѳедора Прокопьева съ женою своею Мариной*» (Акт. от. до юрид. б. ст. 66). Или вотъ еще свидѣтельство жалованной грамоты в. к. Василя Ивановича 1524 года о занятіи дикихъ мѣстъ въ собственность, гдѣ крестьянамъ предоставляется право на занятыя земли сажать крестьянъ, устроить деревни и вообще хозяйничать какъ собственникамъ. Князь пишетъ: «Пожаловалъ есми двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Степанова сына.... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что въ двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на

рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ.... И ожь будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали: и язъ князь великій пожаловалъ Наумку и его товарищей, велѣлъ есмь имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставить, и пашни пахать, и пожни чистить, и людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ, а не татей и не разбойниковъ». (А. Э. I. № 385). Отсюда видно также, что если князья жаловали бояръ землями и вотчинами, то точно также, наравнѣ съ боярами, они жаловали и крестьянъ такими же землями и вотчинами.

Такимъ образомъ, по естественно-историческому праву, по жизненно-бытовому обычаю народному, все земство имѣло право владѣть землею. Не одни бояре, или дворяне, а всякій земскій человѣкъ, всякій отецъ семейства могъ имѣть свою поземельную отчину и передавать ее своимъ дѣтямъ, или кому хотѣлъ. Если же множество крестьянъ было безъ собственной земли, если эти крестьяне жили не на своей, а на боярской землѣ, то это зависѣло или единственно отъ ихъ доброй воли, какъ вольныхъ охочихъ людей, или отъ ихъ *нemoгуть*, отъ того, что они не имѣли средствъ, необходимаго *житейскаго завода*, чтобъ расчистить землю вновь изъ-подъ лѣсовъ и обзавестись хозяйствомъ, не имѣли денегъ купить готовыхъ, разработанныхъ земли, или населенныя вотчины. Тогда была вольнымъ воля и въ выборѣ земли, мѣста поселенія — въ городѣ и въ селѣ, и въ выборѣ труда — торгова ли, рыболовства ли, звѣроловства ли, земледѣлія ли, или всѣхъ вмѣстѣ, смотря по способностямъ и недостаткамъ, и, наконецъ, въ выборѣ самыхъ способовъ производства того или другого труда. *Лучшіе люди, вѣтъшіе житиіи люди*, то-есть, богатѣйшіе и разумнѣйшіе, были ли то крестьяне, или купцы, наравнѣ съ боярами, расчищали и покупали много земли, по своимъ животамъ и недостаткамъ, заселяли свои земли, и такимъ образомъ владѣли населенными вотчинами. *Меньшіе люди*, не такъ богатые, селились вмѣстѣ на особыхъ земляхъ, расчищая и заселяя ихъ по мѣрѣ того, куды ходилъ чей топоръ, коса и соха, всѣмъ міромъ владѣли землею, удѣляли новопришельцамъ-поселенцамъ участки, поговоря *съ братьею, со всѣмъ міромъ и съ сусѣдами* волостными. Это—общинное землевладѣніе. Наконецъ, люди бѣдные, не имѣвшие необходимаго житейскаго завода, скота, земледѣльческихъ орудій, денегъ на хозяйственное домоустройство и обзаведеніе, добровольно рядились въ крестьянство и селились на землю или личныхъ землевладѣльцевъ, богатѣйшихъ своеземцевъ, или переходили на общинную землю въ черныя волости; а когда разживались, дѣлались *житиіи, житейскими*, богатыми *лучшими людьми*, обзаводились всѣмъ *житейскимъ* заводомъ, въ родѣ вышеупомянутаго крестьянина Прокофья Бородинка, то и сами, наравнѣ съ боярами и со всѣми лучшими людьми, дѣлались личными землевладѣльцами, имѣли не только земли, но и деревни и множество дворовъ для поселенія вольныхъ охочихъ людей. Такимъ образомъ, по естественно-историческому праву и жизненно-бытовому народному земскому міровоззрѣнію, родовая, генеалогическая землевладѣльческая монополія несовмѣстна съ свободной общенародной землевладѣльческой конкуренціей, съ земскимъ

всеобщимъ правомъ или началомъ личнаго поземельнаго владѣнія. Доказательствомъ же принадлежности прежде земли всему народу, земству служить, между прочимъ, и тотъ историческій фактъ, что во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда издана была дворянская грамота, многіе купцы устремились въ дворяне, стали, наравнѣ съ ними, пріобрѣтать земли, деревни. Въ то же время, нѣкоторые горожане, напримѣръ, купцы устюжскіе и устьсыольскіе, даже силою удерживали и отстаивали за собою свои старинныя земли.

Сельская община ¹⁾

Великимъ крестьянскимъ вопросомъ нарушенъ былъ спячій квіетизмъ. нарушена была монотонность, апатія нашей жизни. Мысль возбудилась къ политической работѣ. Мы лицомъ къ лицу обратились къ самой почвѣ нашего саморазвитія, къ народу. Преобразование быта огромнѣйшей массы провинціального населенія—крестьянства нарушило вѣковой застои и въ самой провинціальной жизни, гдѣ онъ былъ еще сильнѣе. Общественное стремленіе къ дѣятельности кипитъ или по крайнѣй мѣрѣ проявляется повсюду. А между тѣмъ, когда присматриваемся, видимъ, что дѣла-то собственно дѣлается вездѣ очень мало. Вездѣ больше словъ, больше теорій никуда непригодныхъ. Вообще дѣлается большею частью или не то или не такъ. Это зависитъ отъ того, что мы не умѣемъ сблизиться съ народомъ, не умѣемъ въ чистомъ родникѣ народной жизни изучить ея законныя требованія и стремленія и направить нашу дѣятельность сообразно этимъ вѣчно истиннымъ требованіямъ и стремленіямъ, а не произвольно измышляемымъ нами теоріямъ и утопіямъ. Намъ нужно меньше увлекаться отвлеченными отъ потребностей и характера русскаго народа теоріями чужихъ авторитетовъ, а прежде всего нужно всѣми силами литературы вызывать къ самодѣятельности, къ самооткровенію здравый практическій смыслъ, добрую волю и могучія силы самого русскаго народа. Можно сказать несомнѣнно, что 40 миліоновъ сельскаго народа и по крайней мѣрѣ 4 миліона городского населенія не примутъ нашихъ теорій. Жизнь народа вообще самозаконна, самоопредѣляема. А жизнь русскаго народа, кромѣ того, самоупорна, своенравна, своеобразна. Нужно только дѣятельно стремиться къ тому, чтобъ дать свободу самоопредѣленію и саморазвитію, а тамъ ужъ она сама выработаетъ такіе способы и такіе принципы самобразования и саморазвитія, какіе ей нужно по ея натурѣ, по ея природнымъ силамъ и дарованіямъ, да по внѣшнимъ физико-географическимъ условіямъ. Надо только дѣятельно стремиться къ тому, чтобъ жизнь народная сама сказала устами самого, всего народа, что ей нужно, по ея природной организаціи. Въ жизни, въ натурѣ русскаго народа есть бо-

¹⁾ Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ №№ 1—6 (цензурное дозволеніе отъ 17 февр. того же года; редакція Г. З. Елисеева).

гатыя, плодотворныя, жизненныя, истинныя начала, сѣмена, которыя ждуть только свободнаго самовыраженія, свободнаго саморазвитія. Одно изъ отличительныхъ свойствъ русскаго народа — это жизненно-практическая, непосредственно бытовая, общинная, міровая выработка общихъ началъ, принциповъ житейской мудрости, общинно-народнаго саморазвитія. И литературное дѣло, какъ дѣло народное, должно быть общинное, міровое, всецѣло жизненно-народное, а не отвлеченно-теоретическое. Литературѣ родна наука, родны университеты. Что же доселѣ они выработали для русскаго народа? Великая заслуга нашихъ университетовъ уже та, что они произвели такъ-называемый образованный классъ народа, образованное меньшинство. Главная же заслуга ихъ до сихъ поръ была чисто-научная, преимущественное, господствующее направленіе ихъ было ученое: разработка и преподаваніе науки, какъ и теперь говорятъ многіе профессора университетовъ. Между тѣмъ, жизнь народная, все больше и больше нуждаясь въ руководительной помощи просвѣщенія, требовала живыхъ отвѣтовъ наукъ на живые вопросы практическаго быта народнаго. По практичности, по реальности русскаго ума, ему существенно-необходимо было примѣненіе выводовъ наукъ къ потребностямъ жизни. Этотъ именно путь практическаго, реальнаго жизненно-народнаго развитія и примѣненія наукъ указалъ русскому народу Ломоносовъ, первый родитель русскаго университета, такой геніальный самородокъ народный, въ которомъ живьемъ воплощался, можно сказать, тактъ, чутье, природный здравый смыслъ русскаго народа. Университеты, какъ голова, какъ разумъ въ организмѣ народномъ, должны были выработать за народъ всѣ основныя начала народнаго самосознанія и саморазвитія. Къ сожалѣнію, наши университеты до сихъ поръ сами не имѣли вполне свободнаго внутренняго саморазвитія, и представляли казенныя, замкнутыя корпорации, отвлеченныя отъ жизни народной, а не земскіе, народные храмы высшаго образованія. Профессора большею частію были ничто иное, какъ чиновники, а не общественные дѣятели-просвѣтители. Мало было такихъ высокихъ, симпатичныхъ личностей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Мейеръ... Не диво послѣ этого, что и народъ до сихъ поръ недоувѣрчиво смотрѣлъ на тѣхъ ученыхъ и профессоровъ, которые представляли абстрактно-ученые, нѣмецкіе типы. Про такихъ ученыхъ въ народѣ образовались даже особыя юмористическія при словья. Затѣмъ, наши университетскія корпорации не только отвлеченны, изолированы были отъ народа, но, къ сожалѣнію, разобщены и между собою. Между профессорами и студентами не было тѣсной, внутренней органически-корпоративной связи, за рѣдкими исключеніями. Отсюда простекла эта внутренняя, корпоративная борьба студентовъ съ профессорами, сопровождавшаяся обыкновенно непріятными, грустными исторіями. Честь и слава, однакожъ, нашему университетскому студенчеству: въ немъ всегда неугасимо и горячо теплилась святая, благородная искра будущаго Россіи, и въ послѣднее время стало обнаруживаться энергическое рвеніе провести въ народъ идеи университетскаго просвѣщенія. Воскресныя школы, можно сказать, по преимуществу разсадники университетскаго студенчества. Преобразование университетовъ — плодъ ихъ энергической, благородной

жажды свободнаго образованія. Ждемъ умноженія университетовъ на русской землѣ, свободнаго открытія ихъ для всѣхъ классовъ народа, какъ храмовъ всеобщей, всенародной потребности—просвѣщенія, науки. И надѣмся, что скоро университеты наши будутъ имѣть вполне жизненно-народное значеніе, именно какъ головы, какъ разума въ организмъ народномъ.

Старый, неумирающій, вѣковѣчный міръ крестьянскій, — твердыня всего русскаго міра, представляетъ первооснову и первообразъ для нашего саморазвитія. Въ давно-былыя времена вольнонароднаго самоустройства народъ нашъ самъ собою, общими богатырскими силами построилъ земско-вѣчевой міръ, на общинно-народной основѣ земскаго народосоветія и народоправленія. Во времена этого самоустройства, онъ воспитался въ духѣ міра: міровой духъ сроднился съ его природой, проникъ весь его бытъ, сталъ жизненнымъ, зиждительнымъ принципомъ, творческой силой всего народнаго саморазвитія. И вотъ почему міръ такъ живучъ, вѣковѣченъ. Корень, основа, архитектурическая закладка вольно-народнаго, мірско-вѣчевого земскаго самоустройства—міръ остался, уцѣлѣлъ черезъ всѣ буреломныя эпохи нашей исторіи. Городскіе магистраты, съ магистратскимъ регламентомъ Петра Великаго, городовое положеніе Екатерины II-й смутили, разстроили міръ городской, преобразовавъ города въ гильдейско-цеховыя и административныя корпораціи. Но корень вольнонароднаго, земско-вѣчевого, самимъ народомъ созданнаго міра уцѣлѣлъ въ могучемъ крестьянскомъ мірѣ, въ сельской общинѣ. Народъ всячески охранялъ основу міра, какъ святыню, отъ всѣхъ буреломныхъ, сокрушительныхъ стихій. Когда по раскольниковъ ученію, настало мірское смущеніе, и страхъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, тогда народныя общины раскола для наибольшаго охраненія и укрѣпленія въ духѣ народномъ принципа міра, возвели мірскія согласья до религіозной санкціи. А крестьянство свято, изъ родовъ въ роды, охраняло свой міръ не только во всемъ своемъ изстаринномъ коренномъ устройствѣ и бытѣ, но и во всѣхъ частныхъ, мелкихъ, житейскихъ обычаяхъ, въ пословицахъ, въ пѣсняхъ. Вторглись и въ эти частныя обычан не сродные, чуждые ему элементы, но не вытѣснили міра. Міръ и при нихъ былъ внутренне-самозаконнымъ, народоправнымъ хранителемъ завѣтныхъ національныхъ началъ русскаго народа. Въ одной свадебной пѣснѣ, напимѣръ, поется:

Бдетъ нашъ новобрачный князь

Сужену взять, ряжену взять

По божьему велѣнью,

По царскому уложенію,

По господскому приказанью,

По мірекому приговору.

Въ своихъ пословицахъ, въ этомъ кодексѣ нашего простонароднаго міросозерцанія и житейской мудрости, народъ нашъ такъ же запечатлѣлъ, выразилъ свое изстаринное, высокое юридически-соціальное представленіе о мірѣ. «Міра никто не судить», гласятъ пословицы: «міръ судить одинъ Богъ»; «міръ зинетъ, камень лопнетъ»; «на міру и смерть красна», и т. п.

Сельскій міръ, какъ излюбленный народомъ, вѣковой самородный корень—отростокъ вольнонароднаго вѣчевого міра на землѣ русской, представляетъ намъ естественно-историческую, завітную народную первооснову, или точку отправленія для новаго вольнонароднаго самоустройства и саморазвитія всего русскаго земскаго міра. Недаромъ исторія сохранила принципъ міра до нашего времени. Недаромъ съ міра сельскаго и начинается наше новое земское строенье. Какъ самъ народъ послѣдовательно, естественно организоваль, созидаль земско-вѣчевой міръ, такъ точно можетъ организоваться и новый земскій міръ, начинаясь сельскимъ міромъ и по его первообразу. Естественно-историческій процессъ вольно-народнаго самоустройства вѣчевого земскаго міра совершался въ такой послѣдовательности. Рядомъ, на одной землѣ и водѣ, въ колонизаціонно-географической и общинно-бытовой связи, сами собою, безъ всякихъ указовъ, устроились, путемъ вольно-народнаго земскаго самоустройства, два первичныхъ міра, городской и сельскій, городъ и село. Именно: на черномъ дѣсу, на примѣръ, посажался, поставлялся починокъ, разрастался въ село. Изъ него выселялись или къ нему приселялись новые починокъ, деревни на новѣ, новыя сельца, приселья и т. п., и всѣ въ совокупности образовали уѣздъ или волость первоначальнаго села, почему въ актахъ писалось, на примѣръ: село такое-то съ уѣздомъ. Какъ въ отдѣльности это село и каждый его починокъ, каждая деревня составляли особые маленькіе міры, такъ въ совокупности все село со всѣмъ уѣздомъ, со всею своею волостью образовало цѣлый волостный міръ. Почему въ актахъ говорилось однозначно: со всею волостью, со всѣмъ міромъ. Изъ первичныхъ, старѣйшихъ селъ или починокъ, внѣ княжескихъ, военно-стратегическихъ сторожевыхъ линій и городовъ, на почвѣ вольно-народнаго земскаго строенья, путемъ торга и промысла, постепенно развивались, устроились посады или торгово-промышленные города, и образовали посадскіе или городскіе міры. Почему городскія общины такъ же назывались мірами, какъ и сельскія. На примѣръ, о Новгородѣ, лѣтопись новгородская говоритъ, рассказавъ объ окончаніи одного вѣча: «и возрадовался весь міръ» (то-есть новгородскій). Въ актахъ смутнаго времени, въ областныхъ отпискахъ всѣ города такъ же называются мірами: жители одного города просятъ жителей другого города прочесть свои отписки всему міру. Въ Шуйскихъ актахъ XVII вѣка, напечатанныхъ въ 3-й книгѣ Чтен. Москов. Истор. Общества за 1860 годъ, городъ Шуя называется міромъ, употребляются такія выраженія: «Запись шуянамъ, посадскимъ людямъ, всему міру; въ Шуѣ въ земской избѣ передъ міромъ». Даже въ эпоху начавшагося разложенія мірской организаціи городскихъ общинъ, во второй половинѣ XVII вѣка, самъ царь Алексѣй Михайловичъ Москву называлъ міромъ, когда по вѣздѣ въ нее спрашивалъ о здоровьѣ міра. Одна старинная пѣсня называетъ московскій народъ міромъ.

Какъ возвели князя на срубъ высокъ
 На его мѣсто показано,
 Онъ молился спасу чудному образу,
 Онъ на всѣ стороны кланялся:

Ахъ! прости, прости, міръ народъ божій,
Помолитесь за мои грѣхи.
За мои грѣхи тяжкіе.

Какъ села съ ихъ уѣздами, съ починками и деревнями, образуя сельскіе или волостные міры, имѣли свои мірскіе сходы, такъ и города, образуя точно такіе же міры, имѣли свои людскія собранія или мірскіе сходы на думу, на вѣча. Таковъ первый кругъ мірскаго земскаго строенія. Далѣе, устроившись въ колонизаціонно-федеративной связи, связанные одною землею и водою, волостные и городскіе міры, по землѣ и по водѣ, естественно составляли одну землю, одинъ земскій областной міръ. и въ актахъ такъ и назывались то землями, то мірами. Такъ, во многихъ областныхъ отпискахъ смутнаго времени городскіе и уѣздные или посадскіе и волостные люди вмѣстѣ называются мірами, мірскими людьми: отписки адресуются цѣлому міру, городскимъ и уѣзднымъ или посадскимъ и крестьянамъ, и всѣмъ земскимъ людямъ, которые всѣ вмѣстѣ и называются въ нихъ мірами, мірскими людьми. Земскіе люди городскихъ и уѣздныхъ, или посадскихъ и волостныхъ міровъ, въ важныхъ случаяхъ, сходились вмѣстѣ и образовали областные мірскіе сходы, которые называются въ актахъ смутнаго времени земскими совѣтами. Во времена того же областного народосовѣтованія, въ междучарствіе, областные міры, отписывая одинъ другому, совѣтывали, обыкновенно, городскимъ и уѣзднымъ, или посадскимъ или крестьянамъ волостнымъ всѣмъ вмѣстѣ помыслить крѣпко всею землею, чести грамоты всему міру, и отписать, куда нужно, свой земскій совѣтъ. Областные міры или земли и областные земскіе или мірскіе совѣты составляли второй кругъ въ сферѣ цѣлаго земскаго строенія: въ объемѣ цѣлаго русскаго земскаго міра. Наконецъ, совокупность всѣхъ областныхъ общинъ или, по словоупотребленію актовъ, земель образовала всю землю русскую, цѣлый земскій міръ, или, какъ онъ названъ въ одномъ актѣ смутнаго времени, весь міръ. Изъ совокупности всѣхъ областныхъ мірскихъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ организовались общіе земско-міровые сходы или сѣзды, земскіе соборы, которые составляли, по выраженію соборнаго акта 1613 года, сходъ всѣхъ городовъ, совѣтъ всей земли. Земскіе сборы не были указнымъ созданіемъ. Въ эпоху московской централизаціи, когда и областные вѣчевые колокола свозились въ Москву, въ слѣдствіе собранія русской земли, земскіе соборы естественно выработались, сложились изъ собранныхъ, такъ-сказать, обломковъ-зачатковъ, принциповъ прежней земско-вѣчевой, народосовѣтной жизни. Въ эпоху собранія русской земли, они естественно отлились въ формѣ совѣта всей земли, въ формѣ земскихъ соборовъ, изъ прежнихъ, самимъ народомъ созданныхъ, разрозненныхъ земскихъ, вѣчевыхъ и мірскихъ сходовъ и совѣтовъ. Что начала, принципы земскихъ соборовъ созданы самимъ народомъ—всею его прежнею, земско-вѣчевою, народосовѣтною жизнью, что обычай земскихъ соборовъ истекалъ изъ потребностей самого духа народнаго, былъ естественнымъ результатомъ всего склада земскаго строенія народнаго,—очевидное доказательство на это представляетъ земскій соборъ 1613 года. Соборъ этотъ,

какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, естественно устроился, во время междоусобицы, для избранія царя, самимъ народомъ, вслѣдствіе единомысленнаго, какъ сказано въ актахъ, согласія, совѣта и соединенія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, вслѣдствіе самонароднаго сбора всей земли, схода всѣхъ городовъ подъ Москву. Значитъ, въ духѣ народа былъ обычай земскихъ соборовъ, когда самъ народъ собрался всею землею, и, вслѣдствіе этого сбора всей земли, естественно составилъ земскій соборъ. Потому, не даромъ самородокъ народный, крестьянинъ Посошковъ, помышлялъ о народосовѣтованіи. Недаромъ также и народные согласія раскола до послѣдняго времени совѣтовали объ упадкѣ временныхъ соборовъ. Все это показываетъ, что земскіе совѣты, соборы составляли потребность духа народного, были излюбленнымъ народнымъ обычаемъ.

Таковъ земско-устроительный принципъ міра, и таковъ полный циклъ мірового народного самоустройства. Міръ, начинаясь съ малыхъ круговъ, внутренне самобытныхъ и въ себѣ законченныхъ міровъ сельскихъ, связуя ихъ общиною, естественно-бытовою связью съ мірами городскими, также внутренне-самобытными и въ себѣ законченными, и смыкая тѣ и другіе, по землѣ и по водѣ, вмѣстѣ—въ самостоятельные земскіе областные міры, посредствомъ федеративной совокупности послѣднихъ, естественно возрастаетъ и расширяется, такимъ образомъ, во всенародный русскій земскій міръ. Мірской сходъ, начинаясь также съ малыхъ круговъ, съ безчисленныхъ сельскихъ и городскихъ мірскихъ сходовъ, внутренне самоустраиваемыхъ и самоопредѣляемыхъ, и сводя, соединяя тѣ и другіе,—сельскіе и городскіе мірскіе сходы, въ предѣлахъ ихъ областныхъ земскихъ міровъ, вмѣстѣ—въ самодѣятельные, самораспорядительные областные сходы или земскіе совѣты, изъ совокупнаго выборнаго представительства послѣднихъ, то-есть областныхъ земскихъ совѣтовъ, собирается или вырастаетъ, наконецъ, во всенародный земскій сборъ или совѣтъ. Хотя и грубы, неоконченны и не прочны были формы стараго русскаго мірового земскаго самоустройства, саморазвитія и самоуправления, какъ грубы и необразованны формы сельскаго мірскаго самоустройства и самоуправления, но принципъ ихъ былъ истинный, зародышъ ихъ былъ самый естественный и полнोजизненный, такъ же, какъ полнोजизненъ и принципъ сельскаго мірового склада. Если намъ, русскимъ, любъ излюбленный нашимъ народомъ, освященный, оправданный вѣковымъ опытомъ народной жизни, сохраненный, какъ святыня, народнымъ преданьемъ, принципъ міра и мірскаго схода и народосовѣтованія, мірскаго самоустройства, саморазвитія и самоуправления, если любъ намъ излюбленный народомъ міръ, какъ излюбленна любя была міровая управа въ прежнія времена всей землѣ: то, вотъ, передъ нами воскресаетъ и всѣхъ насъ теперь зоветъ къ міровому сближенію, объединенію сельскій міръ съ его мірскимъ сходомъ, съ мірскимъ народосовѣтиемъ.

А ничто такъ не нужно намъ, какъ именно духъ мірового объединенія, сближенія, примиренія, духъ мірской сходчивости и совѣщательности, духъ мірской инициативы и мірской круговой поруки. Пора, пора! Вмѣсто пустого разговорнаго, да журнальнаго изъявленія нашихъ сочувствій, къ

мужикамъ, къ великому крестьянскому вопросу, вмѣсто безплодныхъ схоластическихъ исканій почвы и отвлеченно-теоритическихъ разсужденій о разныхъ формахъ ассоціацій, мы, жители городовъ, должны дружно изыскивать способы дѣйствительнаго, жизненнаго мірового объединенія между собою, учиться у сельскаго міра практическимъ соціальнымъ принципамъ міра, усвоить себѣ и развивать, усиливать, усовершенствовать духъ крестьянской мірской сходчивости и совѣщательности и мірской, дружной общинной инициативы. Что нужды, что пока грубъ и невѣжественъ сельскій міръ? Зато онъ здоровъ и могучъ и физическими и нравственными силами. Соціальный принципъ міра полножизненъ и плодотворенъ. Намъ, разбѣдиненнымъ сословными предразсудками и ненавистями, разрозненнымъ отвлеченными теоріями, другъ друга боящимся, подозрѣвающимъ въ двуличности, и физически и морально исхудалымъ, исчахлымъ, въ заперти кружковъ военныхъ, чиновничьихъ, сословно-кастальныхъ, учено-литературныхъ, и т. п., обращающимся въ смѣшные типы повѣстей и романовъ, намъ нуженъ освѣжительный, оживляющій, примиряющій духъ міра, мірской соціальной жизни, мірскаго социализма... Намъ нуженъ крестьянскій мірскій тактъ, артельный духъ, мірскій умъ-разумъ и умѣнье въ устройствѣ, дѣловодствѣ нашихъ ассоціацій. Самый аристократическій духъ, нисколько не оскорбляясь, долженъ примиряться, даже сливаться съ сельскимъ мірскимъ духомъ, тѣмъ болѣе, что у насъ исторически не организовалась аристократія, и сельскій мірскій элементъ всегда преобладалъ надъ аристократическимъ началомъ. Въ Англіи исторически развилась аристократія, однакожъ, вступила въ союзъ съ сельскимъ духомъ. «Настоящимъ центромъ тяжести политическаго тѣла (говоритъ Леонсъ де-Лавернь), закваской, проникающею все общество и предохраняющею его отъ всякаго судорожнаго движенія, служить сельскій духъ: этотъ духъ, безъ сомнѣнія, очень благопріятенъ аристократіи, но онъ не составляетъ самой аристократіи; господство аристократіи возможно и безъ него, и, въ свою очередь, онъ можетъ существовать безъ нея. Британская аристократія вступила въ союзъ съ сельскимъ духомъ, и создала свою силу, аристократія французская отъ него отдѣлилась, и это причинило ей слабость». Купцы и мѣщане, со времени разложенія городскихъ міровъ, утратили духъ мірской союзности. Еще Посошковъ жаловался, что между купцами нѣтъ никакого союзства. Въ послѣднее время, намъ часто доводилось слышать жалобы самихъ купцовъ и мѣщанъ на недостатокъ единодушія между ними. Все это побуждаетъ купцовъ и мѣщанъ тѣмъ болѣе воспитываться въ духѣ мірскаго единства, мірской сходчивости и совѣтливости, что они большею частью сами произошли изъ сельскихъ міровъ, и вообще представляютъ сословіе, самое ближайшее къ крестьянству и по степени образованія, и по нравамъ и обычаямъ, и по торгово-промышленнымъ связямъ. Короче скажемъ: міровые посредники должны мирить съ крестьянскимъ міромъ не однихъ помѣщиковъ, но и всѣхъ горожанъ-чиновниковъ, ученыхъ, литераторовъ, купцовъ, мѣщанъ, и проч. Общее положеніе о сельскихъ мірахъ и мірскихъ сходахъ должно и насъ, городскихъ жителей, побуждать къ духу мірской сходчивости и совѣщательности. ко-

торый крайне нуженъ будетъ намъ... Потомъ, намъ особенно нужно учиться крестьянской мірской гласности и круговой порука, чтобъ между нами вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, меньше было людей вредныхъ, двоедушныхъ, двуличныхъ, подлыхъ, чтобъ не упрекать русскій народъ въ исконной, изстаринной склонности къ доносамъ, какъ упрекали г. Щербальскій.

Только воспринявши въ свою общественную жизнь, въ свои нравы и обычаи начала міра, мірской сходчивости и совѣщательности, мірской круговой поруки, мірской общинной предприимчивости, мы будемъ способны на всякую единоклубную, энергическую общественную инициативу, на всякій дѣльный общественный сходъ и толкъ. Будемъ понимать другъ друга такъ же легко и ясно, какъ мужички на мірскомъ сходѣ, въ кругу, оглядаясь только межъ себя, понимаютъ другъ друга, а обговорясь межъ себя — ужъ поготово. Только, при мірскомъ единоклубіи, при мірской сходчивости и инициативѣ, мы способны будемъ цѣлымъ міромъ, цѣлыми артелями или ассоціациями, разомъ, дружно, смѣло и рѣшительно предпринимать на дѣлѣ то, что задумали, не на словахъ только изъ пустого въ порожнее переливать, а ужъ встать и идти, на самое дѣло. Былъ же въ младенческія даже лѣта русскаго народа, въ грубыя вѣчевыя времена, такой духъ мірской сходчивости, мірской энергической инициативы, рѣшительности и предприимчивости. Про новгородцевъ, напримѣръ, лѣтопись постоянно говоритъ: възвониша вѣче, вѣсташа и идоша... Да, намъ нужно снова возбудить, развить въ себѣ, посредствомъ мірской сходчивости, совѣщательности и инициативы, тотъ энергическій, дѣятельный, живой духъ любви, совѣта и соединенія, съ которымъ, въ смутное время междуцарствія, предки наши, живя міромъ, сходились же единоклубно, рѣшительно, энергически на мірскіе сходы, на областные земскіе совѣты—все вмѣстѣ—и бояре, и гости или кушцы, и посадскіе и волостные мірскіе люди, крестьяне, и думали думу крѣпко всею своею землею, и рѣшали земское дѣло. Намъ нужно снова такой же міровой духъ любви, совѣта и соединенія, съ какимъ тогда русскіе земскіе люди дружно, живо переписались между собою, сошлись на сходъ въ Москву, и составили земскій соборъ... Намъ нужно такіе же новые мірскіе сходы, земскіе совѣты, и такой же новый великій земскій соборъ...

Такіе соціальныя принципы внушаетъ нашъ грубый, необразованный, но могучій сельскій міръ, начинающій новое саморазвитіе.

Сельскій міръ и мірской сходъ ¹⁾

Вслѣдствіе общиннаго поземельнаго самоуправства, городскіе и сельскіе міры, естественно, полагали начала, развивали формы общиннаго «излюбленнаго» выборнаго самоуправленія и самосуда ²⁾. Въ волостяхъ или сельскихъ общинахъ изстари устроились *мірскіе сходы*, въ городскихъ общинахъ—*людскія собранія*, или *сходы на думу, на вѣчи*. Изъ совокупности тѣхъ и другихъ, по потребностямъ времени, устроились обще областныя *земскіе совѣты*, когда нужно было сказать слово всей землѣ, т. е. цѣлой областной общинѣ.

Міръ въ сельскихъ общинахъ, въ волостяхъ, былъ полноправный государь. Міръ, какъ законодатель, по словамъ актовъ, *чинилъ указы*, издавалъ постановленія, *заповѣди*, или заповѣдныя грамоты, разнаго рода записи. Постановленія міра назывались *мірскими уложеніями*. Міръ имѣлъ право вводить свои узаконенія, или заповѣди даже въ дѣлахъ религіозныхъ или церковныхъ, такъ какъ въ старину вопросы и дѣла религіозныя имѣли земское значеніе, принадлежали столько же суду земства, сколько и духовному.

¹⁾ Напечатано въ журналѣ „Вѣкъ“ за 1862 г., № 13—14 отъ 1 апрѣля.

²⁾ Для поясненія общиннаго, мірскаго самоуправства волостей, укажемъ два — три факта. Каждая черная волость сама полноправно заботилась о своей дальнѣйшей обстройкѣ и о поземельномъ расширеніи. Она черезъ выборныхъ своихъ отводила пустопорожнія мірскія земли вольному новоприходцу на поселеніе и подъ пашню. Такъ, напр., въ одной отводной грамотѣ сказано: „дать ту землицу объѣздъ на льготу на 10 лѣтъ я. Васюкъ Ворошиловъ, *поговоря съ своею братьею и со всею волостью Гороховскою*“. Или вотъ другая льготная грамота на землю и на поселеніе, данная также по совѣту съ цѣлою волостною общиною: „се азъ Константинъ Симонской, поговоря съ Фролкомъ сотникомъ, *да съ сусѣдами волостными съ Гороховскими*, пожаловалъ Гаврилка съ братьею дубровою на рѣкъ на Морткѣ, да съ лугомъ болоньею... да я со всемъ тѣмъ что къ той дубровѣ изстари потягло, а дать льготы на 10 лѣтъ“. Или въ одномъ судномъ спискѣ XV в., волостные крестьяне говорятъ передъ судьей: „а дать намъ, господине, селнище Драчково Аргуновской волости староста Митька Бердѣй и *вся крестьяне*“. Заботясь о приращеніи дворовъ и селъ, каждая волостная община отводила участки лѣса подъ новые дворы, какъ видно, напр., изъ правой грамоты 1490 г., гдѣ крестьянинъ черной волости говоритъ: „*мнѣ, господине, лѣсъ тотъ дала волость, староста съ крестьяны, и я избѣ поставилъ*“. (А. Ю. № 6).

Вотъ, напр., образчикъ, заповѣдной мірской грамоты: «се азъ староста Тавренской волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Яковъ Ивановъ сынъ Ивашевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ... и *всѣ крестьяне* Тавренской волости, Ильинскаго приходу, *обговорились сами промежь собою*, по благословенію отца своего духовнаго Ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три годы... что намъ въ праздникъ Воскресенія Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угоды въ Воскресенье Христово не уготовати, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовати... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменя не течи, а проводить съ чистотою и любовію; ни женамъ въ Воскресенье Христово ни шити, ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь нарушаетъ, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити соцкому, по мірскому уложению, кто будетъ соцкой—въ Тавренской волости, *восемь алтынъ денегъ на церковное строенье*». (А. Ю. № 358).

Міръ былъ полноправнымъ избирателемъ и судьей выборныхъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч. Выборное полномочіе міра опредѣлялось выраженіемъ: *нашъ мірской выборъ*, т. е. выборъ цѣлой волости, или: въ томъ ему мы старосты и мірскіе люди *міромъ* и выборъ сей дали и т. п. (А. отн. къ Юрид. 3. № 1—9).

Міръ, какъ мы уже сказали, распоряжался землями; участки *давали вѣтъмъ міромъ*, или *поговоря со вѣтъмъ міромъ*. Пеня съ виновныхъ въ волости бралась въ міръ. Крестьянинъ, поряжаясь въ волость на жребій земли, въ записи своей, между прочимъ, обязывался: «а покину я въ пустѣ землю въ той деревнѣ, или въ волости, не насѣю и жилища не посажу, и на мнѣ, по сей записи, взять старости въ *міръ* рубль». Міръ былъ полноправный хозяинъ земскихъ денегъ, сборовъ, пеней и проч. Отсюда были особья, такъ называемыя, *мірскія сборныя деньги*. На міръ собирались деньги съ волостныхъ деревень, міръ и распоряжался этими сборами. Потому писалось тогда: «тануть всякіе подати съ *міромъ* вмѣстѣ, въ чемъ міръ *обложитъ*, или: *по мірской веревнѣ*». И сборы потому назывались *мірскими* разметаи, *мірскими* разрубамъ и т. п. Міръ зналъ, выбиралъ и назначалъ, къ какому дѣлу нужно мастера: «а намъ, говорили крестьяне, *міромъ* дать мастера».

Міръ получилъ религіозную санкцію: у церкви строились *мірскія избы*, а въ новгородской землѣ—на погостѣ, въ церковной палатѣ, бывали *мірскіе сходы*. Сельскій или волостной міръ,—въ черныхъ ли волостяхъ, или въ вотчинныхъ,—имѣлъ правопосредственно сноситься съ правительствомъ. Само правительство прямо относилось къ сельскимъ мірамъ, безъ посредства землевладѣльцевъ и волостей. И въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же какъ и въ черныхъ, міръ сельскій, или волостной дѣйствовалъ полноправно, самостоятельно, независимо отъ землевладѣльцевъ; *свѣщался межъ себя*, сносился съ разными волостями, съ городами, посылалъ свои мірскія грамоты, въ тѣ города къ тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые въ тѣхъ городахъ и волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ. (А. А. Э. № 194).

Органами мірскаго самоуправленія и самосуда были: *излюбленные* головы, старосты, судьи, цѣловальники и другіе выборные люди, *кого межъ*

себя излюбляти и выбирали земскіе люди всѣмъ міромъ и. во главѣ всѣхъ—*мірскіе сходы*. Какъ земля была естественнымъ мѣриломъ и опредѣлителемъ юридическаго равенства земскихъ людей и общинности мірскаго земскаго самоуправления, самоуправления и самосуда: такъ голова, лучший здоровый умъ, старожилость, старшинство, естественно-жизненная опытность были естественными мѣрилами и опредѣлителями выборности общиннаго мірскаго самоуправления и самосуда. Изъ этого естественнаго принципа происходилъ обычай выбирать излюбленныхъ головъ и старостъ, и на судѣ и даже на сходѣ давать большое значеніе старожиламъ. Съ тѣхъ поръ какъ сложился сельскій міръ, основались волости вольно-общинныя или льготно-общинныя,—съ тѣхъ поръ въ нихъ появились общинныя выборные земскіе нарядники — старосты. Старосты эти были только излюбленные устроители земскихъ дѣлъ «во всѣхъ мѣсто» и со всѣмъ міромъ вмѣстѣ. Міръ ихъ наряжалъ выполнять свои земскія дѣла. Міръ вмѣстѣ съ ними, и самъ дѣйствовалъ.

Со времени появленія князей на Руси и обычая давать волости на кормленіе княжескимъ волостелямъ и тиунамъ,— волости, міры сельскіе въ противоположность княжескимъ властямъ, выбирали своихъ старостъ. Во многихъ волостяхъ эти только старосты и были, безъ тиуновъ и волостелей приказныхъ. Такъ, въ Русской Правдѣ, дававшей законное значеніе и полноправность *верви, міру, людямъ* въ собирательномъ смыслѣ земства—уже упоминаются сельскіе старосты, *ролейные*, или общинно-крестьянскіе *княжи* и *боярскіе*, или вотчинно-крестьянскіе. Въ псковской землѣ были *губскіе старосты*, т. е. выборные въ губахъ, или волостяхъ псковскихъ пригородовъ. Старосты эти имѣли право голоса, равное съ приставомъ князя и посадника. Въ случаѣ, напр., вопроса о продажѣ имѣнія, оставленнаго крестьяниномъ въ господской вотчинѣ, по псковской судной грамотѣ. *государь*, т. е. вотчинникъ, долженъ былъ «у князя и у посадника взять пристава, да и старостъ губскихъ позвать» для рѣшенія вопроса. Господинъ даже не могъ требовать своей покруты или сеуды иначе, какъ только *сзакличь*, т. е. публично, во всеуслышаніе міра. Въ XV и XVI вѣкахъ, рядомъ съ мірами, повсюду въ волостныхъ общинахъ видимъ выборныхъ старостъ, не исключая и вотчинныхъ сельскихъ общинъ. Выборные старосты распоряжаются и управляютъ земскими дѣлами вмѣстѣ со всѣми волостными крестьянами.—По выраженію актовъ, распоряжается «*волостъ, староста съ крестьяны*» или *староста и всеъ крестьяне*, *тяжуются* за свой общій земскій интересъ тоже *староста и всеъ крестьяне*, и т. п.

Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ.

Волостное мірское самоуправленіе и мірской самосудъ чрезъ излюбленныхъ выборныхъ старостъ и судей стали все больше и больше ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тиуновъ. Право участія цѣлаго міра, цѣлой волости со старостою на судѣ, или въ другомъ какомъ-либо земскомъ дѣлѣ уже ограничивалось присутствіемъ однихъ выборныхъ старостъ, цѣловальниковъ, особыхъ судныхъ мужей и добрыхъ, или луч-

шихъ людей, въ качествѣ *сидячихъ мужей* на судахъ у волостелей, поселскихъ и другихъ приказныхъ судей-кормленьщиковъ. Хотя царскими судебниками не только возведено изъ обычая въ положительное установленіе—выборное волостное самоуправленіе, но и узаконено было, чтобъ и во всѣхъ тѣхъ волостяхъ, гдѣ прежде не было старостъ и цѣловальниковъ, чтобъ и тамъ непременно были старосты и цѣловальники; однакожь, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ волостяхъ усиливались приказно-правительственныя власти, и даже самыя выборныя земскія должности стали постепенно получать приказный характеръ. А кормленьщики царскіе-намѣстники, волостели и ихъ тіуны на первой же порѣ стали нарушать земское право мірскаго самосуда и самораспоряженіемъ стали страшно обижать сельскія общины. Нѣкоторыя общины жаловались, что «государевы даньщики и слободчики судятъ ихъ не по суду и земскимъ людямъ лучшимъ и середнимъ на судѣ быть у себя не велятъ, да въ томъ чинятъ продажи великія». (А. Э. I, № 196). Въ половинѣ XVI-го столѣтія, злоупотребленія намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ праветчиковъ и пошлинныхъ людей обнаружались во всей силѣ.

Зато, и въ областныхъ общинахъ и, въ частности, въ волостяхъ начался общій воулъ, противъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ и пр., проявился энергическій духъ протестаціи противъ нихъ. Многія сельскія, волостныя общины, такъ же, какъ и городскія, при Грозномъ и послѣ, требовали себѣ полнаго, излюбленнаго, выборнаго самоуправления и самосуда. Они сами, напередъ, «выбирали межъ себя излюбленныхъ старостъ, по двое и по одному на волость. Потомъ посылали съ выборными ходоками «во всѣхъ мѣсто» въ Москву, къ царю, на утвержденіе земскую, общинно-волостную челобитную объ отмѣнѣ приказныхъ волостелей съ ихъ братіей и о замѣнѣ ихъ своими выбранными уже излюбленными старостами, прилагая къ челобитной *излюбленные списки* именъ выборныхъ старостъ. Царь утверждалъ. Не излагая всѣхъ извѣстныхъ волостныхъ уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ выборномъ самоуправленіи и самосудѣ сельскихъ общинъ, для примѣра, считаю не лишнимъ привести здѣсь, хоть въ отрывкахъ, составившуюся такимъ образомъ въ 1555 г. уставную грамоту для крестьянъ Усецкихъ и Заяцкихъ или Устьенскихъ волостей Устюжскаго уѣзда. По изначальному колонизаціонному принципу рѣчной систематизаціи и раздѣльности волостныхъ общинъ, села, деревни, починки и займища, сгруппировавшіяся по рѣкамъ — Усьи и Заячи, естественно образовали одну связную, цѣльную общину, волость. Потому онѣ, по рѣкамъ, и писались: *Усьи и Заячи рѣкъ волостные крестьяне*.

Всѣ 5 или 6 волостей Усьи и Заячи рѣки, выбрали на своихъ мірскихъ сходахъ, каждая волость — по три излюбленныхъ, довѣренныхъ ходока, и послали ихъ въ Москву, къ царю съ челобитной объ утвержденіи выборныхъ или излюбленныхъ старостъ вмѣсто приказныхъ, правительственныхъ волостелей. Въ общинно-волостной челобитной своей, крестьяне писали: «Усьи и Заячей рѣки волостные крестьяне, лутчіе, середніе и молодчіе люди и всѣ крестьяне межъ себя выбрали излюбленныхъ старостъ,—кому межъ себя управу чинить, и волостелины доходы собирать, и

къ царю на срокъ привозить,—изъ Усьи же и изъ Заячей рѣки, изъ волостныхъ крестьянъ лутчихъ людей: изъ Усицкой волости дву человекъ Василья Ильина сына Бестужева да Василья Онуфриева сына Батуру, а изъ прочихъ 5 волостей по одному человекъ», которые тоже поименованы.

Царь безпрекословно удовлетворилъ эту общинно-волостную челобитную, утвердилъ ихъ излюбленныхъ старостъ и далъ имъ уставную грамоту, согласно съ ихъ желаніемъ. Въ этой уставной грамотѣ царь не указывалъ волостнымъ общинамъ какихъ-нибудь своихъ подробныхъ стѣснительныхъ для волостнаго самоуправленія и самосуда правилъ и положеній, а начерталъ только общія начала самоуправленія и самосуда и то согласно съ самой же общинно-волостной челобитной, въ отвѣтъ на нее. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ, примѣненія ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, къ теченію мѣстной волостной жизни, предоставлялось уже самимъ волостнымъ общинамъ, *межъ себя, кому и какъ у нихъ мочно, какъ ихъ земля управа ихъ будетъ любя* и проч. Дѣйствию этой мѣстной уставной грамоты и другихъ мѣстныхъ *губныхъ уставныхъ грамотъ* предоставлено полное юридическое значеніе. Только, въ общихъ государственныхъ отношеніяхъ, предписывалось судъ и управу чинить *по судебнику и по уставной грамотѣ, какъ уложена о судѣ во всей землѣ.*

Общія начала излюбленнаго земскаго самоуправленія и самосуда Усецкой и Заяцкой волостныхъ общинъ, въ ихъ уставной грамотѣ, изложены такъ: «кто у нихъ въ волостяхъ, пріѣзжихъ людей изъ иныхъ городовъ у волостнаго человека Усьи и Заечьи рѣки, или волостной человекъ Усьи и Заечьи рѣки у народца, у пріѣзжаго человека, познаетъ личное свое, лошадь, или платно, или иное что-нибудь, и имъ въ томъ на тѣхъ людей пристава давати и управа межъ ихъ чинити по судебнику-жъ и по уставной грамотѣ, обѣсѣкивая всю правду, по нашему крестному цѣлованію, чтобы тѣ дѣла были не безуправны; а другу имъ и роду своему и племяни въ судѣ не наровити, а недругу не мстити и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого, ни отъ чего, нѣкоторыми дѣлы, и того имъ беречи и сыскивати накрѣпко, чтобы у ищей поклепу и ябедничества и у отвѣтчиковъ запиранья не было нѣкоторыми дѣлы.... А въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судити и управляти губнымъ старостамъ, по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ. А цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на розыскѣ быти, и діаконъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писати, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, старостамъ Василью Бестужаго, да Василью Батурѣ, да Власью Лосеву съ товарищи, которые въ сей грамотѣ писаны по волостямъ, и всѣмъ Усьи и Заечьи рѣки волостнымъ крестьянамъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людямъ, vybrати имъ у себя въ Усьѣ и въ Заечьѣ рѣкѣ въ волостяхъ, кого межъ себя излюбятъ въ волостные люди, кому бы у нихъ лично съ выборными старостами въ тѣхъ волостяхъ на судѣ быти, изъ Усьи-жъ и изъ Заечьи рѣки изъ волостныхъ людей: въ цѣловальники по два человекъ въ волость, да по дьяку земскому, да въ доводчиковъ мѣсто по одному человекъ, кому

у нихъ на поруки давати; да и къ цѣлованью ихъ у себя въ волостяхъ привести по записи, какова имъ записъ дана; а кого выберутъ въ цѣловальники, и діакѣвъ земскихъ, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и имъ тѣхъ людей имена написати на списки, да къ тѣмъ имъ излюбленнымъ спискамъ руки свои приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тѣмъ спискамъ руки свои приложити, да тотъ имъ излюбленный списокъ прислати на Москву діаку нашему къ Угриму Львову. А оброкъ есмь, за волостелины доходы и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлыны, опричь мыта сухаго, на Усю и Заечью рѣку на всѣхъ на волостныхъ людей, которые судомъ и кормомъ даны были Усьи и Заечьи рѣки волостелемъ, велѣли положить на годъ деньгами по триста по осминадцати рублевъ и по четыре алтыны съ деньгою, да пошлыны съ того оброку съ рубля по два алтына; а платити имъ тотъ годовой оброкъ и съ пошлыною въ нашу казну, на Москвѣ, діаку нашему Угриму Львову, въ годъ по одинъ срокъ, зимѣ на Срѣтеневъ день . . . ; а діаки наши тотъ оброкъ емлютъ у нихъ безпосулно и съ Москвы ихъ отпускаютъ безволокитно. А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ со всего своего присуда, съ Усьи и Заечьи рѣки съ волостей, по животомъ и промысломъ, какъ иные тягли межъ себя разводять; а лишка имъ, въ разводѣ того тягла, на деревни ни на чѣѣ оброковъ не прибавляти никоторыми дѣлы А учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межъ крестьянства чинити прямо, по нашему уложенью по судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосулно, и оброкъ за волостелины доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити сполна, и впредь только намъ и землѣ управа ихъ будетъ любя, и мы съ ихъ деревень, что за ними пашни, пошлынъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ».

Такимъ образомъ пять волостныхъ народоправныхъ общинъ, сами собой, путемъ общинной мірской колонизаціи, устроившихся по одной системѣ Усьи и Залчѣей рѣки, и связанныхъ такимъ образомъ рѣчною и колонизаціонно-федеративной связью, *согласаясь межъ себя*, на общемъ волостномъ сходѣ выбрали излюбленныхъ старостъ, кому межъ ихъ управу чинить, и управлялись и судились сами межъ себя, по своей мѣстной уставной грамотѣ. Слѣдовательно 5 или 6 отдѣльныхъ волостныхъ міровъ и мірскихъ сходовъ, объединившись общимъ, союзнымъ, федеративнымъ сходомъ, или *свѣтствомъ*, и общею уставною грамотой, образовали народоправную, федеративную волостную общину, земско-волостной міръ со своимъ излюбленнымъ самоуправленіемъ и самосудомъ. Такая закладка, первооснова, организація волостныхъ міровъ и общинно-волостнаго самоуправления и самосуда, посреди своихъ выборныхъ и излюбленныхъ старостъ, по своей мѣстной уставной грамотѣ и по своимъ мѣстнымъ губнымъ уставнымъ грамотамъ, глубоко коренилась въ самомъ земскомъ строеніи всѣхъ вообще сельскихъ общинъ, была исконнымъ, естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ росткомъ земскаго устройства всего нашего сельскаго міра. Вотъ почему, уставныя грамоты Усецкихъ и Залчѣихъ волостей, утвержденныя послѣ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, стали общей нормой, образцемъ и ру-

ководствомъ для всѣхъ сельскихъ общинъ, гдѣ только было выборное излюбленное самоуправленіе. Еще во второй половинѣ XVII столѣтія волости, въ родѣ Дмитровской, *выбравъ и полюбивъ* кого-нибудь въ *выборные земскіе суды и въ выборные земскіе цѣловальники къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ, въ выборной записи своей* обязывали, напр., излюбленнаго выборнаго земскаго судью: «а судить ему судьѣ въ волости насъ крестьянъ по челобитьямъ... по соборному уложенію и по *государевымъ уставнымъ жалованнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жалованныя грамоты даны въ Устьянскія волости всѣмъ крестьянамъ, и по сему нашему мірскому выбору*».

Послѣ того, какъ еще въ 1497 г. царскій судебникъ поставилъ нецѣмѣннымъ закономъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ непремѣнно были выборные старосты и цѣловальники,—мы видимъ въ областяхъ, кромѣ старостъ различныхъ излюбленныхъ выборныхъ: судей, цѣловальниковъ разнаго рода, сборщиковъ дани, сторожей тюремныхъ и пр. Волостныя общины постоянно недовольны были приказными начальствами, часто жаловались на нихъ, и излюбляли и выбирали своихъ головъ, старостъ, судей, цѣловальниковъ и проч. Въ актахъ юридическихъ напечатано нѣсколько *выборовъ*, изъ которыхъ видно, что выборное право земства во времена вольно-народнаго самоупроства получало широкую основу, самую естественную, правильную организацію, и глубоко коренилось въ привычкахъ сельскихъ общинъ. Каждая сельская община, каждый *міръ*, а въ *мірѣ* каждое земское, мірское дѣло, каждая земская служба, каждый земскій разрядъ людей, каждый мірской, земскій интересъ, имѣли своего *выборнаго, исполнителя, нарядника*. Для примѣра, приведемъ нѣсколько *выборовъ*. Вотъ напр., *выборъ* 1666 года Дмитревой волости въ земскіе суды и къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ: «се азъ староста церковный Дмитревской волости Леонидъ Клементіевъ Ипатовъ, да прошлой земской цѣловальникъ Данило Нефедовъ Паршина (всего 20 человекъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Дмитріевской волости, опроче Васка Романова Твертинова миропродавца, *выбрали еыми и полюбили* въ Дмитревской волости въ *выборные земскіе суды* Ивана Ефремова Кошелева, да Дмитріевской же волости выбрали и полюбили въ *выборные земскіе цѣловальники* Ивана Инфантіева Аврамовъ къ нему судьѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему судьѣ Родіона Харитоновъ Рокотаго съ нынѣшняго 174 году Срѣтеньева дня Господня зимнего февраля 2 числа до 175 году до Срѣтеньева же дня февраля до 2 числа. А судити ему судьѣ на стану въ Дмитревской волости насъ крестьянъ по челобитьямъ, и по кабаламъ, и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, управу межъ насъ крестьянъ чинить... въ государевыхъ дѣлахъ и въ земскихъ по государеву указу, по соборному уложенію и по *государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жалованныя грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ, и по сему нашему мірскому выбору*», и проч.. Далѣе, въ выборной записи подробно обозначаются обязанности, какія *міръ* возлагалъ на *выборнаго земскаго судью съ товарищами*, относительно ихъ частнаго и общаго, *мірскаго сыска* про татиныя, разбойныя и душегубныя дѣла, относительно отправки въ Москву 1000 рубл. въ *прикащиковъ доходъ* (т. е. откупъ за само-

управленіе и самосудъ) съ посыльщики, кого изъ міру выберуть, относительно тюрьмъ и сторожей, и проч. (Архивъ, изд. Калачевымъ, 1859, кн. III, критик., сент. 45—47).

Въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же какъ и въ черныхъ, «крестьяне всѣхъ селъ, деревень и починковъ, по словамъ актовъ, *межъ себя свѣтятся всѣ за одно*, учиняли себѣ прикащика въ головахъ, въ своихъ селахъ, и въ деревняхъ и въ починкахъ, выбравъ старость, и сотскихъ десятскихъ лучшихъ людей, которые были собою добры». По изстаринному земскому значенію самыхъ религіозныхъ дѣлъ, даже священникъ выбирался сельскимъ, или волостнымъ міромъ. Вотъ, напр., выборъ попа: «се азъ Помехонскому уѣзду, Козмодемьянской волости, села Козмодемьянскаго прихожане, Гордей Кондратьевъ, Ермоль Ананьевъ, Андрей Васильевъ... (всѣхъ 28 человекъ) и всѣ прихожане села Козмодемьянскаго.... *посовѣтовавъ межъ собой на мірскомъ сходѣ, выбрали есмы излюбилн* священника Самсона Михайлова къ церкви Козмы и Дамьяна, и всѣмъ намъ приходскимъ людямъ, онъ священникъ Самсонъ Михайловъ, любъ, потому что онъ человекъ доброй и смирной, и ни за какимъ плутовствомъ не ходитъ, и не пьяница, всякихъ недобрыхъ дѣлъ удаляется, и въ томъ мы мірскіе люди ему и выборъ дали». Въ другихъ выборахъ, мірской сходъ указывалъ выборному священнику его обязанности въ отношеніи къ міру. (А. отн. до юр. 6. № 7).

Во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, усиленія казеннаго тягла и появленія солдатской службы,—въ священничество стало много уклоняться бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ и рабовъ, п. Никонъ разослалъ по областямъ «указъ о ставленникахъ, чтобы посадскіе люди, или *въ волостяхъ волостные люди* приносили выборы и челобитье за руками, а выборы писали бы, что онъ грамотѣ умѣетъ и смиренъ и церковному правилу искусенъ и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зерникъ, и не тать, и креста на судѣ не цѣловалъ, и въ боярскомъ судѣ въ холопахъ и крестьянахъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ, по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаньемъ, а лѣты былъ бы въ 30 лѣтъ, а дьяконъ въ 25 лѣтъ». Точно также мірскіе сходы выбирали церковныхъ дьячковъ, мірскихъ или земскихъ дьячковъ, которые часто вмѣстѣ съ тѣмъ выбирались и въ церковные дьячки, выбирали пономарей, старость церковныхъ и проч. (А. Ю. №№ 285—287).

Для мірской службы, мірскіе сходы выбирали губныхъ старость, сельскихъ старость и цѣловальниковъ, головныхъ старость, земскихъ приставовъ, подсудныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ сторожей, ямскихъ охотниковъ и проч. Вообще, выборное начало такъ широко и правильно развито было естественно-бытовою жизнью нашего народа, что мы считаемъ полезнымъ и для нашего времени сказать объ немъ особо въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ нашего журнала. А теперь dokonчимъ общія замѣтки о юридической самостоятельности міра и мірскаго схода.

Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контро-

лировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостелей, кормленщиковъ. Мало того, міръ такъ дорожилъ своими мірскими, земскими людьми, что, кромѣ выборнаго земскаго судьи, на судъ кормленщиковъ—намістниковъ и волостелей посылалъ своихъ довѣренныхъ представителей—особыхъ *судныхъ мужей* и *добрыхъ*, или *лучшихъ* людей, въ качествѣ *сидячихъ* или *посажонныхъ* и *приговорныхъ мужей*. Судныя дѣла писалъ на судѣ *намістниковъ*, волостелей и *тіуновъ* тоже выборный отъ міра *земскій дьякъ*, и къ этимъ суднымъ спискамъ выборныя земскія власти—старосты и *цѣловальники* прикладывали свои руки. Въ волостяхъ *землевладѣльческихъ* также, на судѣ *вотчинника*, *помѣщика*, или ихъ *прикащика*, присутствовали выборные отъ міра старосты и *лучшіе земскіе люди*. Въ грамотахъ писалось, напр.: «судити прикащику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику, да крестьянамъ *пятма* или *шестма* добрымъ и среднимъ» или: «у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣть въ судѣ *сельскимъ лучшимъ людямъ, кою сельчане излюбятъ*». Наконецъ—міръ контролировалъ своихъ собственныхъ выборныхъ судей, головъ, старостъ и *цѣловальниковъ*. Онъ и на судъ *излюбленныхъ судей*, такъ же какъ на судъ *приказныхъ, правительственныхъ судей* и *землевладѣльцевъ*, посылалъ волостныхъ *лучшихъ крестьянъ*. Міръ имѣлъ полное право *повелѣвать* своимъ *излюбленнымъ судьямъ, прикащикамъ* и, въ случаѣ вины, казнить ихъ. Такъ, напр., въ жалованной судной—грамотѣ, данной крестьянамъ *Вохонской волости* въ 1561 году сказано: «а учнутъ *излюбленные судьи* судити не прямо, по *посуламъ*, а доведутъ на нихъ то, и *излюбленныхъ судей*—въ томъ казнити смертною казнью, а *животы ихъ* велѣлъ имать, да отдавать *тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведетъ*. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у *губныхъ* и у *излюбленныхъ судей*—сидѣти *волостнымъ лучшимъ крестьянамъ*». (А. Э. I, № 257.). Міръ избиралъ *излюбленныхъ судей, старостъ и головъ*; міръ же имѣлъ полное право и *свергать ихъ*. По словамъ актовъ: «буде *волостные крестьяне* похотятъ своихъ *судей* *перемѣнить*,—и *волостные крестьяне* всѣ *выбирали-бъ* *лучшихъ людей*, кому ихъ *судить* и *управа* *межъ ними* *чинить*». Такимъ образомъ *волостной міръ*, чрезъ своихъ *выборныхъ лучшихъ и добрыхъ людей*, контролировалъ дѣйствія и суды и *приказно-правительственныхъ властей*—*волостелей* и *другихъ, и землевладѣльцевъ* и своихъ *собственныхъ излюбленныхъ головъ, старостъ, судей* и проч. *Волостной міръ, слѣдовательно, составлялъ верховное судилище. Его разсужденію* подлежало *обсужденіе всѣхъ дѣлъ земскихъ, мірскихъ людей*. Міръ, называясь *волостью* и *землею*, имѣлъ власть, или *волюсть* надъ всѣми своими *землями, волостными людьми*. Потому, защита ихъ на судѣ, такъ же какъ и *колонизаціонное, территориальное, земское устройство ихъ*, было его *земскимъ дѣломъ*.

Объединяясь единствомъ земли и *колонизаціонно-территориальнаго земскаго устройства* въ одно *цѣлое, въ обичину, міръ, естественно долженъ былъ имѣть общее земское дѣло*. Для того, чтобы *управа всей земли была любя*, необходимо было *земское, мірское разсужденіе, совѣтъ всей волостной земли* объ общемъ *земскомъ дѣлѣ*. И вотъ—во всѣхъ *волостяхъ—черныхъ и вотчинныхъ* были естественнымъ, *общинно-бытовымъ результатомъ—*

мірскіе сходы. Если волость была небольшая, сосредоточенная въ одной общинѣ, староста повѣщалъ *судьей волостныхъ*, или *міръ-народъ*. Земскіе, волостные люди, міряне собирались, сходились или въ особую *мірскую избу*, которая тоже называлась *мірскою*, *земскою*, *сѣзжею избой*, *судною избой*, или въ *трапезу* церковную, на погостъ, какъ было въ области пятинъ и погостовъ новгородскихъ, или—просто на улицѣ, на полянѣ, въ кругѣ. Если мірской сходъ собирався, по зову старосты, то староста *говорилъ міру*, собиравшимся *судьямъ волостнымъ*, въ чемъ дѣло, или какое было челобитіе истца-ли, новоприходца-ли на поселенье въ волость. Безъ доклада міру, безъ *говоренья съ міромъ*, или съ *судьями волостными*, староста не могъ рѣшить ни одного важнаго земскаго дѣла, касавшагося всей земли, всей волости, или міра. Потому въ актахъ всякое дѣйствіе міра, всякое распоряженіе старосты, или образъ исполненія земскимъ старостою мірскаго приговора выражались такимъ образомъ: «а язь староста, *поговоря со всемъ міромъ*, или *поговоря съ судьями волостными*, или, *посоветовавъ межъ собою на мірскомъ сходѣ*, сдѣлали то-то».

Если волость состояла изъ нѣсколькихъ, раздѣленныхъ значительнымъ разстояніемъ селъ, деревень и починковъ, то крестьяне, *межъ себя свѣстясь все за одно*, сходились въ главное волостное село на мірскій сходъ. Иногда изъ главнаго волостнаго села *посылались биричи по деревнямъ*, съ повѣсткой на волостной мірской сходъ. Въ псковскихъ волостяхъ, на сходъ сзывали мірскихъ людей *позовники*, на погостъ. Такимъ образомъ всѣ частные, сельскіе и деревенскіе мірскіе сходы сосредоточивались, смыкались въ одинъ общій волостной мірской сходъ.

Таковы главныя начала сельскихъ мірскихъ сходовъ вольно-народнаго устройства. Не будемъ распространяться о томъ, по какимъ дѣламъ сходились волостные крестьяне на мірскіе сходы. Для насъ важно теперь только сохраненіе извѣковѣчнаго, жизнію крестьянскаго созданнаго принципа мірскихъ сходовъ, важно новое призваніе ихъ къ самостоятельности, самоуправленію и самосуду. Теперь у сельскихъ мірскихъ сходовъ много новыхъ дѣлъ, новыхъ вопросовъ, много будущности. Намъ остается только желать, чтобы отнюдь не вторгались въ сельскіе міры бюрократическіе порядки, книги исходящихъ бумагъ и т. под., какъ неразумно пожелали нѣкоторые мировые посредники. Это—горько-испытанныя міроѣдныя начала. Напротивъ, сельскому міру и мірскому сходу нужно какъ можно болѣе давать юридической самоопредѣляемости, самораспорядительности. Ужъ и прежде выработанные жизнью крестьянъ юридическіе обычаи представляютъ неисчерпаемый источникъ не только для крестьянскаго положенія и уставныхъ грамотъ, но и для всего нашего законодательства. Потому, на нихъ ученые и стали нынѣ обращать вниманіе, чего они давно вполне заслуживаютъ, и ждутъ только дѣльных, понимающихъ крестьянскій міръ изслѣдователей. Дайте только свободу юридической самостоятельности сельскаго міра: крестьянскіе міры и мірскіе сходы осмыслятъ, возведутъ свои юридическіе, жизненные, бытовые обычаи въ свои *мірскія уложенія*, какія ужъ и начинали было вырабатывать крестьяне во времена свободнаго самоустройства сельскихъ общинъ. Потомъ, новая мірская жизнь,

дальнѣйшее саморазвитіе міровъ и мірскихъ сходовъ создадутъ, вырабатываютъ новые юридическіе обычаи. И будутъ развиваться такимъ образомъ сельскія, *мірскія уложенія*, законы, или уставныя грамоты,—какъ угодно, назовите. Въмѣсто *книги исходящихъ бумагъ* явится книга сельскаго юридическаго самоустройства, самоуправленія и самосуда. Простые тоже люди—старообрядцы, тоже изъ крестьянъ, да изъ мѣщанъ и купцовъ, вовсе не ученыхъ. А живя долгое время самобытно, своеобразною жизнію, они также организовали у себя конторы выборныхъ попечителей, совѣты, сходы. А съ начала нынѣшняго столѣтія обнаружили даже нѣкоторыя попытки дать юридическую опредѣленность этимъ совѣтамъ и сходамъ своимъ, о чемъ будетъ сказано въ свое время. Такъ и крестьяне могутъ со временемъ кодифицировать, или сводить въ одно органическое цѣлое, въ *Мірское уложеніе* свои юридическіе обычаи и постановленія. Намъ остается, повторяемъ, желать, чтобы сельскіе міры и мірскіе сходы имѣли, какъ можно, больше простора свободы въ своей самодѣятельности, въ своемъ саморазвитіи.

Далѣе, для наиболѣе успѣшнаго саморазвитія сельскихъ міровъ, намъ нужно, чтобы крестьянамъ, какъ можно, больше предоставлялось правъ свободнаго пользованія естественными матеріалами и источниками народнаго богатства—землями, лѣсами и т. д. Крестьянамъ нужна земля такъ же, какъ и свобода труда, не только для улучшенія матеріальнаго быта ихъ, но и для наибольшей производительности нашей земли. Крестьяне, какъ только исполнѣ почувствуютъ себя хозяевами своей свободы и земли,—сумѣютъ и научатся надлежащимъ образомъ съ надлежащею производительностью пользоваться естественными данными. Тутъ они скорѣе призовутъ на помощь и науку. Вспомнимъ, сколько богатырской земско-устроительной силы, мощи, энергіи, проявило наше крестьянство, когда только что еще устроило русскую землю, слагало земскій міръ, посажало, поставляло починки и деревни на лѣсахъ. Даже въ эпоху начинавшагося прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, въ эпоху водворенія московско-государственнаго принципа, *чтобъ земля изъ службы не выходила*, въ эпоху сильно обнаружившагося деспотизма служилаго сословія намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ, тиуновъ-бояръ и дѣтей боярскихъ,—даже и въ эту пору крестьяне твердо шли впередъ, всюду отыскивали все еще непочатые, бездоходныя, непроизводительныя, но богатые производительными силами земли, воды. А какъ въ XVI в., когда московскіе писцы и дозорщики уже привязывались къ крестьянамъ по пустякамъ, «своего добытка смотря», крестьяне не имѣли правъ безъ спросу московскаго правительства занять и заселить и никѣмъ не занятыя, и никому не нужныя пустопорожнія земли,—то повсюду еще расхаживавшіе тогда крестьяне, нашедши пустопорожнія, но хорошія земли, лѣса, воды, то-и-дѣло слали въ Москву къ царю челобитныя. Въ челобитныхъ этихъ они здраво, умно и прямо къ пользѣ для культуры русской заявляли царю, что напрасно по-пустому безъ надлежащихъ доходовъ и производительности лежатъ гдѣ-нибудь въ пустѣ—лѣсъ ли дикой черный, земля ли, вода ли, или даже болотныя мѣста,—и просили эти бездоходныя мѣста себѣ въ оброчное владѣніе, чтобы сдѣлать ихъ доходными. Вотъ. для примѣра первая, попавшая подъ глаза напечатанная въ

Актахъ Юридическихъ оброчная крестьянину Первушки Иванову сыну Митюкову Кускіе волости на дикой пустой лѣсъ, за рѣкой за Унжею, вверхъ по Луху по Черному, отъ рѣчки отъ Побойшны и т. д.: «билъ онъ челомъ государю и великому князю, а сказалъ, что деи тотъ лѣсъ стоитъ пусть и оброку де съ того дикаго лѣсу и съ угодыя въ государеву казну не даютъ ничего и не владѣтъ деи имъ никто, а лежитъ впустѣ; да и въ обыску цѣловальникъ да двадцать человекъ крестьянъ сказали: по государеву крестному цѣлованью, про лѣсъ, что за рѣкою за Унжею вверхъ по рѣчкѣ по Луху по Черному отъ рѣчки отъ Побойшны да съ другую сторону отъ рѣчки отъ Юрвала да по обѣ стороны вверхъ по Луху по Черному по Луховскимъ верховинамъ, что того лѣсу верстѣ на двадцетъ на тридцетъ, а бывалъ деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Кускіе волости, а въ помѣстьи ни въ вотчинѣ деи не бывалъ ни за кѣмъ, и оброку съ того лѣсу въ государеву казну ни медомъ, ни хлѣбомъ, ни иными никакими доходы нынѣ не даютъ ничего, а запустѣлъ деи тотъ лѣсъ лѣтъ съ сорокъ и съ пятьдесятъ, и оброшниковъ деи старыхъ, кто тѣмъ лѣсомъ въ старину владѣлъ, побили въ старую войну Луговая Черемиса, а иные померли съ повѣтрія, а тѣмъ деи лѣсомъ не владѣтъ никто; и государю-бъ его Первушку Митюкова пожаловать, велѣти ему тотъ дикой пустой лѣсъ дать на оброкъ». Или вотъ другая челобитная къ царю троихъ крестьянъ Двинскихъ: «били намъ челомъ (в. к. Вас. Иванов. въ 1524 г.), а сказываютъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ, да отъ Кривца вверхъ по обѣ стороны рѣчки Юры и Смердево озера; а дворы да и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за двадцать верстѣ со всѣхъ сторонъ и угодыя де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли некоторыхъ волостей; и мнѣ бы Наумка и его товарищовъ пожаловати, велѣти имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣсы сѣчи, и дворы ставити, и людей къ себѣ звати, да и пашни пахати отъ Кривца по обѣ стороны рѣчки Юры до рѣчки Смерды и около Смерды озера по рѣчкѣ по Смердѣ до устья, да отъ усть Хороги до Гостилова устья да до Залазина ручья, и пожни по тѣмъ мѣстамъ чистити. И оужъ будетъ такъ, какъ Наумко и его товарищи сказывали, и язъ князь великій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, ни тяглыхъ и неписменныхъ добрыхъ, а не ябедниковъ, и не татей, и не разбойниковъ, а письменныхъ тяглыхъ да и лихихъ людей, татей или разбойниковъ, или ябедниковъ, которые изъ которыхъ городовъ и изъ волостей выбиты, и тѣмъ имъ къ себѣ не принимати».

И теперь крестьяне, особенно въ густонаселенныхъ губерніяхъ, жаждутъ только земли, луговъ, да лѣсовъ.

Затѣмъ крестьянскимъ мірамъ необходима полная свобода не только сельско-хозяйственнаго, но и торгово-промышленнаго саморазвитія, необходимо, чтобы села сами собою, путемъ свободнаго экономическаго саморазвитія, выросли въ города, въ центры не только экономическаго, но

и умственного саморазвитія, самообразованія крестьянства. По естественно-историческому, народно-бытовому началу *земскаго устройства*, из *починка* сельскаго, изъ села, путемъ свободнаго торгоу и промысла, долженъ былъ развиться и развивался городъ. Такъ, изъ *Славно-Торга*, перваго славянскаго починка-села на Волховѣ, развился могучій и богатый *великій государь Новгородъ*, или изъ трехъ торговыхъ починковъ на холмогорской возвышенности, путемъ свободнаго торгоу и промысла, выросъ цвѣтущій въ средніе вѣка торговый городъ Холмогоры, центръ Двинской Области; или, тоже цвѣтущій въ средніе вѣка городъ Вологда, главный новгородскій проводникъ сухоновычегодской колонизаціи и культуры. также выросъ въ городъ «на великомъ лѣсу на среднемъ посадѣ изъ *малого торгоу*». Село, составлявшее колонизаціонную первооснову своей волости, имѣвшее свой *уръздъ*, *посадъ* или славянорусское селеніе, *посажненное на лѣсу* или среди Чуди и другихъ инородцевъ, для торгоу и промысла, *слободассоціація* вольнонароднаго, льготнаго свободнаго труда торгово-промышленнаго — вотъ были коренные русскіе, жизненно-народные, естественно-историческіе починки, первоосновы для организаціи городовъ. Село, путемъ свободнаго торгоу и промысла, само собою опредѣлилось возрости въ городъ, какъ, напримѣръ, въ XVI столѣтіи, изъ починка стало торгово-промышленнымъ городомъ село Грязовецъ, или въ XVII в., стремились путемъ торгоу, стать городами села Коврово, Рогачево, и многія другія.

Изстаринный, жизненно-народный способъ образованія и развитія городовъ путемъ вольныхъ поселеній, торгово-промышленныхъ слободъ и посадовъ и донинѣ глубоко коренится въ житейскихъ правахъ въ торгово-промышленныхъ стремленіяхъ нашего народа. Богатыя села и выселки изъ нихъ, путемъ торговаго и промышленнаго развитія, постепенно возвышаются на степень городовъ, или посадовъ городскихъ. Напр., въ 1844 году почетный гражданинъ Семень Лепешкинъ купилъ у наслѣдниковъ московскаго купца Грачева ненаселенную землю, находящуюся при деревни Иконниковой и въ отхожихъ пустошахъ, именуемыхъ Михѣиха и Минѣева. Землю эту Лепешкинъ распродалъ по участкамъ разнымъ купцамъ и мѣщанамъ, оставивъ впрочемъ и за собою нѣкоторую часть. Въ 1845 г. владѣльцы сказанныхъ земель исходатайствовали разрѣшеніе владимірскаго губернскаго правленія на устройство слободы, подъ названіемъ Вознесенской. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того, слобода заключала уже въ себѣ церковь, 10 фабрикъ и 26 домовъ, принадлежащихъ купцамъ, 83 мѣщанамъ, 2 казеннымъ крестьянамъ, всего 111 домовъ. Къ столь быстрому застроенію Вознесенской слободы содѣйствовало, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: слобода находилась въ смежности съ извѣстнымъ селомъ Ивановымъ, принадлежащимъ графу Шереметьеву, который дозволилъ иногороднимъ купцамъ и мѣщанамъ, построившимъ дома, фабрики и другія зданія на принадлежащей ему землѣ, владѣть ими только до тѣхъ поръ, пока эти лица сами проживаютъ въ селѣ. Съ переходомъ же въ другія мѣста на жительство, всѣ строенія ихъ или поступаютъ въ пользу помѣщика, или должны быть проданы тамошнему крестьянину. Такое ограниченіе права собственности побудило купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ

въ селѣ Ивановѣ, приобрѣтать ненаселенныя земли у сосѣднихъ помѣщиковъ въ полную и безусловную собственность. Вслѣдствіе сего, въ смежности съ селомъ Ивановымъ, основаны были мало-по-малу, кромѣ Вознесенской, еще и другія слободы: Дмитровская съ пустошью Ковригиной, Ильинская, Троицкая и Березина. Всѣ эти слободы построены также на земляхъ, купленныхъ богатыми купцами отъ помѣщиковъ, и распроданныхъ послѣ промышленникамъ отдѣльными участками. Купцы и мѣщане, проживающіе въ означенныхъ слободахъ, просили объ образованіи изъ этихъ поселеній *посада*, съ учрежденіемъ въ немъ особаго полицейскаго, общественнаго и судебнаго управленія. 9 декабря 1853 г. посадъ учрежденъ. И теперь въ немъ: населенія 1220 душъ обоего пола, доходовъ *обыкновенныхъ* — 2854 р., расходовъ *текущихъ* — 1335 р. 5 коп., капитала запаснаго 3106 р. 90 коп. Такъ выкупъ земель отъ помѣщиковъ и сколько-нибудь свободная торговля и промышленность быстро могутъ незначительный выселокъ обратить въ посадъ, несравненно болѣе богатый, чѣмъ многіе мелкіе города, учрежденные по указу. Не говоря о многихъ, подобнымъ образомъ основавшихся, посадахъ, — укажемъ хоть на то же село Иваново. Жители этого села такъ рады выходу изъ крѣпостного состоянія, доселѣ еще стѣснявшаго ихъ торгово-промышленное развитіе, несмотря на льготы помѣщика графа Шереметьева, и такъ увѣрены въ возможности возвести свое село путемъ свободнаго труда на степень цвѣтущаго города, что въ благодарственномъ адресѣ своемъ 30 апрѣля 1861 г. съ полною справедливостью могли сказать слѣдующія слова: «фабрикація наша, обязанная своимъ постепеннымъ развитіемъ предпримчивости жителей, нынѣ будетъ процвѣтать болѣе и болѣе и поставитъ село Иваново, мы въ томъ увѣрены, на степень одного изъ лучшихъ городовъ всего промышленнаго міра». Такіе результаты обѣщаетъ свободное, естественное саморазвитіе селъ. Напротивъ, искусственно-административное *указное* возведеніе села или слободы въ городъ, не основанное на свободномъ саморазвитіи ихъ, на дарованіи жителямъ правъ свободнаго торгово-промышленнаго труда и общиннаго самоуправленія, такое возведеніе села или слободы въ городъ нарушаетъ, даже подавляетъ естественное, экономическое и юридическое саморазвитіе ихъ въ настоящій городъ, дѣлаетъ даже бѣднѣе, жалче многихъ селъ, какъ показали примѣры многихъ городовъ, созданныхъ указами Екатерины II изъ селъ и слободъ. Не то при свободномъ саморазвитіи села, главнаго въ волости. При дарованіи жителямъ его правъ свободнаго труда — торговаго и промысла, село это естественно, само собой, возрастетъ въ городъ и станетъ въ цѣлой волости центромъ, какъ экономическаго или торгово-промышленнаго, такъ и умственнаго или народо-образовательнаго движенія, станетъ исходнымъ пунктомъ живого развитія для цѣлой волости. Потому, что оно будетъ не только центромъ сельско-волостнаго мірскаго схода, но и центромъ высшаго, волостнаго училища, центромъ сельской литературы, крестьянской словесности и письменности, центромъ сельско-волостной библіотеки. Воспринимая въ свою жизнь изъ окружающихъ его селъ и деревень здоровые, жизненные соки, оно, въ свою очередь, само отъ себя будетъ удѣ-

лять этимъ селамъ и деревнямъ выработанные имъ элементы сельской культуры, сельского развитія. Постепенно богатѣя плодами свободнаго труда и возрастая въ городѣ, волостное село естественно будетъ обогащать и развивать и прилежащія къ нему окрестныя деревни. Недаромъ изстари въ русской землѣ была органическая земская связь главнаго волостнаго села съ его волостью, съ его уѣздомъ, такъ что постоянно говорилось и писалось тогда такъ: *село съ уѣздомъ, село съ волостью, село съ всѣми сельцами, деревнями, починками и займищами и т. под.* Какъ первоначальное колонизаціонное мірское самоустройство волостей совершалось въ органической земской связи съ колонизаціоннымъ вольно-крестьянскимъ самоустройствомъ главныхъ, первичныхъ селъ въ волостяхъ, — такъ и внутреннее-матеріальное, или торгово-промышленное, юридически-благоустроительное, моральное, умственное или народно-образовательное саморазвитіе сельскихъ міровъ или цѣлыхъ волостей должно идти рядомъ, въ органическомъ взаимодействіи, согласіи и равноправности съ саморазвитіемъ главныхъ волостныхъ селъ на степень городовъ. Тутъ только, въ этомъ свободномъ саморазвитіи богатыхъ волостныхъ селъ до степени центровъ сельскаго экономическаго и умственнаго движенія и при органическомъ взаимно-развитіи этихъ селъ съ ихъ волостными деревнями — тутъ только будетъ заключаться полно-жизненный ростокъ, залогъ самаго полнаго, могучаго, живого прогресса и проявленія разнообразныхъ сельскихъ народныхъ силъ и дарованій. Тогда только взыщется въ захолустьяхъ русскихъ селъ и деревушекъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д. множество талантовъ, умирающихъ теперь въ глуши, отъ отсутствія училищъ и книгъ, талантовъ наукъ реальныхъ, практическихъ, и разнообразныхъ искусствъ и открытій.

Городскіе мірскіе сходы ¹⁾

Естественная, свободно-бытовая исторія нашего народа представляет собственно одинъ путь происхожденія городовъ—путь вольно-народнаго, свободно-экономическаго самоустройства и саморазвитія ихъ изъ селъ, изъ слободъ, вслѣдствіе свободнаго торгога и промысла. Это, и по времени, первичная, естественно-архитектоническая, излюбленно-народная форма образованія городовъ. *Великій Новгородъ* былъ первообразомъ, первоосновой, и главой, представителемъ этого вольно-народнаго, торгово-промышленнаго, земско-вѣчеваго самоустройства городовъ. Затѣмъ слѣдовалъ процессъ льготно-вотчиннаго, преимущественно-княжескаго строительства, *рубленья, поставленья, созданья* городовъ. Прототипомъ и представителемъ этого разряда формациі городовъ является *Москва* со всѣми верхне- и средне-вожскими городами, вплоть до Нижняго включительно, построенными Юріемъ Долгорукимъ и его потомками. Эти города устроили, рубили князья, даруя «людямъ и всѣмъ купцамъ *ослабу, свободу и льготу большую*» (Ник. IV. 38, Сл. Ник. III, 139, 191—192, Ник. IV. 82, 287—288 и 295, V. 115). Всѣ эти города были *удѣльно-вотчинные*, такъ что и самая Москва первоначально долго дѣлилась между велико-княжескими сыновьями, какъ вотчина, на вотчинные участки. Наконецъ, послѣдній циклъ, или способъ строительства, формациі городовъ представляетъ система *указнаго городского дѣла*. По этой системѣ, по указу, въ XVI и XVII в. обстроена была городами и острогами — военнoстратегическими ассоціями стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и т. п. вся южная степная Украина (Котошихинъ насчитываетъ до 30 городовъ и пригородковъ). Окончательнымъ, самымъ полнымъ плодомъ и представителемъ этой указной системы городского дѣла является Петербургъ.

Между тѣмъ, извѣковѣчный, вольнонародный, естественный принципъ торгово-промышленнаго саморазвитія городовъ такъ глубоко и самосохранно коренился въ потребностяхъ естественной жизни народа, что пережилъ всю разрушительную московскую ломку земско-вѣчевыхъ городовъ. По нему вольные охочіе люди, помимо указанной системы городского дѣла, помимо царскихъ городовъ, остроговъ, засѣкъ XVI и XVII вѣка, устроили сами собою

¹⁾ Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г., № 12 (цензурное дозволеніе отъ 25 марта того же года; редакция Г. З. Елисеева).

новыя вольно-народныя городскія ассоціаціи. Изъ соборнаго акта 1649 года видимъ, что повсюду въ московскомъ государствѣ, около старыхъ городовъ и посадовъ, устраивались вольно-народныя, торгово-промышленныя *слободы*—богатые зачатки свободныхъ, народныхъ городовъ, самонародныя городскія ассоціаціи вольнаго торговаго и промысла. Между тѣмъ въ томъ же, напр., году, царь Алекс. Мих. *указываетъ* воеводѣ построить городъ Олонецъ: воевода доноситъ, что крестьяне нейдутъ на поселеніе въ городъ, упорно отказываются. Въ XVIII столѣтіи—та же исторія. Напр., въ 1734 г. указано было построить городъ Оренбургъ. Башкирцы взбунтовались. Прошло 30 лѣтъ—и городъ плохо заселялся: купцы не хотѣли селиться. Губернаторъ Рейнсдорфъ въ 1770 г. писалъ въ своемъ донесеніи: «пріѣзжіе купцы, смотря на утѣшеніе здѣшнихъ гражданъ, прибыточные свои торги хотя и возстановили попрежнему, но, чтобы не подвергнуть себя равномѣрнымъ съ здѣшними гражданами трудностямъ, на *поселеніе обще съ ними никто не поохотился*. Сіе есть сущюю причиною малолюднаго и по большей части бѣднаго гражданства». Стали указами обращать села въ города: такимъ образомъ воздвигнуто при Екатеринѣ до 216 городовъ. Естественно-промышленная жизнь народная и тутъ выразила реакцію, сопротивленіе. Напр., въ Устьсысольскѣ, въ градской думѣ, какъ сказывалъ намъ казанскій собиратель актовъ и статистическихъ свѣдѣній С. Е. Мельниковъ, есть цѣлое дѣло о возстаніи тамошнихъ жителей противъ распоряженія Екатерины объ устройствѣ изъ села Усть-сысольскаго города, въ которомъ прежде большая часть жителей имѣла собственныя крѣпостныя земли. Два раза пріѣзжали для увѣщеванія и для усмиренія намѣстникъ вологодскій и архіерей. Многіе села и города, хотя и приняли торжественно Городовое Положеніе, но вскорѣ, другъ за другомъ, требовали уничтоженія городскихъ думъ, магистратовъ, сиротскихъ и словесныхъ судовъ, съ оставленіемъ только ратуши. Побудительными причинами къ закрытію новыхъ учреждений городского положенія общества купеческія и мѣщанскія представляли малолюдство и обременительность содержанія лишннихъ присутственныхъ мѣстъ (см. город. посел. въ Рос. Имп. Т. I). Вообще, до послѣдняго времени, народъ нашъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на произвольное, насильное обращеніе земельныхъ селъ въ безземельные города. Такъ напр. было при преобразованіи въ 1836 г. слободы Царевки (нынѣ Астраханской губ.) въ городъ Царевъ. Жители Царевки, сознавая, что съ открытіемъ города, они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ мѣщанъ и, волею или неволею, сдѣлаться торговцами и ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію. Начальство не сочло нужнымъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ мѣрамъ правительства и объявило Царевку городомъ. Недовольные жители рѣшились на странную мѣру: не продавать чиновникамъ съѣстныхъ припасовъ и, такимъ образомъ, голодомъ выжить непрощенныхъ гостей. Но ихъ признали бунтовщиками и посредствомъ военной команды заставили повиноваться.

Сопротивляясь, такимъ образомъ, указной системѣ городского устройства, народъ и въ послѣднія полтора столѣтія крѣпко держался принципа

вольно-народныхъ, жизненно-организующихся, свободныхъ ассоціацій земледѣльческаго или торгово-промышленнаго труда. Помимо городовъ онѣ основывалъ свои богатія, цвѣтущія *слободы*, которыя были тѣ же города, да и еще лучше и несравненно лучше многихъ указанныхъ городовъ. Такъ, въ половинѣ XVIII в. 14 слободъ стародубскихъ раскольничьихъ, по словамъ сенатскаго указа 1761 г., «разселены были, какъ *превеликіе города*» (П. С. З. XV. № 11, 205, 11, 179), такъ же, какъ и въ старину, вслѣдствіе вольно-народнаго поселенія, торговаго и промысла, бывало «умножались люди въ слободахъ, и быша тамъ торги и мастера всякіе: и *быша . . . слободы, яко грады великіе*». (Ник. III, 78). «Сицевыми народы, т. е. старообрядцами—по словамъ писателя исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,—пустыя мѣста и звѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, трава и тернія въ вертограды и садовія обратихася, *грады вторіи показася*». Такимъ образомъ, старообрядцы по старинному, вольно-народному принципу поселенія, первые во второй половинѣ прошлаго столѣтія положили основу городамъ южной степной Украйны: Хвалынску, Волжску, Кузнецку, Николаевску, Балашеву, Сердобу, Актару,—и самый Саратовъ возвели на степень очень замѣчательнаго города, такъ, что и въ нынѣшнемъ столѣтіи, до послѣдняго времени, тамъ первые богачи, капиталисты, все были раскольники.

Какъ излюбленно-народный, естественно-жизненный принципъ образованія городовъ составляетъ свободное торгово-промышленное самоустройство и саморазвитіе ихъ, изъ селъ и слободъ безъ всякаго вмѣшательства правительственнаго: такъ и естественный, жизненно-народный принципъ городского управленія и суда составляетъ излюбленное общинно-выборное самоуправленіе и самосудъ. До вмѣшательства чуждыхъ элементовъ—княжеской власти, служилаго сословія—кормленщиковъ и проч.,—сама естественная жизнь народа, какъ самобытный организмъ, развиваясь изъ себя самой, своими собственными внутренними силами и органами, вырабатывала, организовала, именно принципы излюбленнаго общиннаго самоуправления и самосуда. Какъ города, посады, слободы—починки городовъ, колонизовались, устроились посредствомъ добровольнаго *собранія людей отовсюду*, какъ первоначальныя городскія общины сообща, всѣмъ міромъ отводили слѣдующимъ новопришельцамъ участки городскихъ земель и черныхъ дворовъ (А. Ю. № 159.); такъ и въ дѣлахъ внутренняго городского самоуправления и самораспоряженія, въ дѣлахъ общинныхъ городскихъ вопросовъ и потребностей, такъ же естественно-общинная жизнь горожанъ необходимо создала и утвердила, своимъ извѣковѣчнымъ, жизненно-созданнымъ, общинно-бытовымъ обычаемъ, принципъ городскихъ *людскихъ собраний, или сходовъ на думу, на вѣча*. Естественный законъ общинной жизни, общинныхъ интересовъ, общинности земли, общинности правъ и пр., требовалъ и въ мірахъ городскихъ, такъ же, какъ и въ сельскихъ, общинной сходимости, совѣщательности. Происхожденіе этихъ городовъ изъ селъ, приливъ и преобладаніе въ нихъ сельскаго, крестьянскаго, мірскаго элемента, тождество ихъ съ селами, служба крестьянъ въ городахъ,—тоже условливали въ городахъ такіе же мірскіе сходы, какіе были и въ сельскихъ мірахъ.

И вотъ до развитія княжескаго, и особенно московско-царскаго приказнаго элемента, кормленья, видимъ во всѣхъ городахъ людскія собранія, сходы на думу, видимъ вѣча. «Новгородцы бо изначала, говоритъ Лѣтописецъ, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (волости), якоже на думу на вѣча сходятся» (Лавр. лѣт. стр. 160). Нѣтъ нужды псчислать всѣ упоминаемыя въ лѣтописяхъ, подъ разными годами, въ разныхъ городахъ вѣча. Замѣтимъ только, что въ 1261 г., по свидѣтельству новгородской лѣтописи, происходили вѣча на бесермень по всѣмъ городамъ русскимъ. (Новг. IV. стр. 39). Какъ принципъ естественно-жизненнаго, вольно-народнаго саморазвитія городовъ полнѣе проявился въ области новгородской колонизаціи: такъ принципъ вѣчей получилъ болѣе полную, цѣльную организацію и многостороннѣе проявился въ Великомъ Новгородѣ. А затѣмъ ужъ—въ младшемъ братѣ его—Псковѣ. Не вдаваясь въ подробное, специальное изображеніе древне-русскихъ городовыхъ вѣчей, мы отмѣтимъ только общія, существенныя начала, какія выразилъ въ нихъ духъ народный. Составляя земско-бытовой обычай народный, не получившій даже опредѣленно-положительной письменной уставности, письменнаго уложенія,—вѣча не имѣли постоянного, единичнаго характера, твердой, однажды навсегда положенной, начертанной установленности. А какъ требовали событія общинной городской жизни, когда и какъ нужно было,—такъ и сзывались вѣча. Была полная демократическая свобода самовыраженія народной жизни. Какъ вольные мужи новгородцы и добровольные мужи псковичи жили на всей своей волѣ, такъ и вѣча сзывались, устроились на всей же ихъ волѣ. Общій составъ вѣча былъ земскій, всенародный. Полный общинно-демократическій составъ его опредѣлялся такъ: «посадникъ степенный великаго Новгорода и старые посадники, тысяцкой степенный и старые тысяцкіе, и бояре и житѣи люди и купцы и черные люди, и весь великій Новгородъ, вольные мужи». Такимъ образомъ всѣ Новгородцы имѣли право быть на вѣчѣ, и былъ на немъ всякій, кто могъ и хотѣлъ. Потому въ лѣтописи иногда говорится: *сбрася весь градъ, людье, шедше весь народъ, вси Новгородцы* погадади *со всемъ вѣчемъ* и т. п. (Нов. I стр. 12, 83—84); или: *весь Псковъ* повелѣлъ наместити бѣевище (Псков. I, 202). Эти, конечно, гиперболическія выраженія показываютъ, что на вѣчѣ имѣли право сходиться всѣ земскіе люди Новгорода—и князь, и посадники, и бояре, и владыка, и игумены, и попы, и гости, или житѣи люди и купецкіе дѣти, и всѣ *вятшіе люди*, и всѣ *меньшіе люди, простая чадь*. Въ этомъ полномъ составѣ своемъ Вѣча называлось иначе *Людскимъ Собраніемъ* (Новг. I, 107—108). Никакое словіе, никакой чинъ на общемъ новгородскомъ вѣчѣ не выдаются отдѣльно. Тутъ—*весь великій государь Новгородъ*. Тутъ *государствуетъ дума, гаданье, воля, хотѣніе* всего новгородскаго земства, самихъ новгородцевъ. Въ лѣтописи обыкновенно говорится: «Новгородцы, съ княземъ Мстиславомъ и съ игумены, и съ попы сдумавше, *изволиша* (19); *паки Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены, и съ софяны, и съ попы, годаша* *примежу себе* (21); и *сдумавше Новгородцы, показаша* *путь князю Роману, а сами послаша къ Андрееви по миръ на всей волѣ своей* (15). *Новгородцы съзвонили вѣче* (61); *Новгородцы, сдумавъ на Ярославлѣ дворѣ, и стали вѣ-*

чемъ у святой Софіи (106). *Нагадавшися псковичи съ изборяны, подъяша всю область псковскую противъ нѣмцевъ* (I. Псков. стр. 187, 189) и т. п. Свято, законодательно было Слово Вѣчевое для всѣхъ и каждаго, какъ слово своего великаго государя Новгорода. Ему всецѣло покорны, повинны были князья, бояре, воеводы; князь говоритъ на Вѣчѣ всѣмъ собравшимся новгородцамъ: *вы вольны въ князѣхъ* (I, 32). Новгородское и Псковское *вѣчевое слово* имѣло власть и силу надъ боярами и воеводами по всей землѣ новгородской и псковской. Напримѣръ, въ 1398 г., по словамъ лѣтописи, «воеводы новгородскіе и вси вон, по своего господина по новгородскому слову, челобитѣ пріѣша Двинянь, а нелюбье имъ отъяша» (Новг. I, 99. *Слово Псковское*: Пск. I. 186). *Новгородъ*, такъ же какъ и Псковъ, имѣлъ собирательное значеніе *міра*, всенароднаго собранія, и потому глаголѣ о Вѣчевомъ рѣшеніи, или словѣ, употреблялся во множественномъ, собирательномъ числѣ. Опальные двинскіе бояре-воеводы Гересимъ и Родивонъ въ 1398 г. «добыша челомъ своей *господѣ* Великому Новгороду, а *Новгородъ* даша животъ» (100).

Главные предметы вѣдомства общаго Вѣча, или людскаго собранія были слѣдующіе. Во-первыхъ, Вѣче избирало, судило, свергало князя, а виновнаго даже отдавало подѣ стражу. «Въ лѣто 1137, говоритъ лѣтопись, новгородцы призваша псковичей и ладожанъ, и *сѣдуща*, яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша въ епископъ дворъ, съ женою, и съ дѣтьми, и съ тещею, и стражы стрежаху день и ночь съ оружіемъ, 30 мужъ на день, и сѣдѣ 2 мѣсяца, и пустиша изъ города 1-го іюля въ 15 день. *А се вины его творяху*: 1) не блюдетъ смердъ (не берегъ крестьянъ и вообще простой народъ); 2) чему хотѣлъ еси сѣти въ Переяславлѣ; 3) ѣхалъ еси съ полку переди всѣхъ». (Нов. I, 7). Въ 1270 г. начали новгородцы изгонять князя Ярослава изъ города, «*сѣзвонили вѣче на Ярославлѣ дворѣ*... и къ князю послали на городище, *исписавши* на грамоту всю *вину* его: чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячьими ловци? Чему взялъ еси Олескинъ дворъ Морткиничъ? Чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничѣ и на Романѣ Волдышкевичѣ и на Варфоломеѣ? а иное, чему выводилъ отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? А того много вины его: а нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилія, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Князь же умолялъ на Вѣчѣ *съ поклономъ*: «всего этого я лишаюся, а крестъ цѣлую на всей волѣ вашей». Новгородцы же отвѣчали: «княже, поѣди прочь, не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогнати тебѣ» (61). И такъ часто новгородцы, по обычному выраженію лѣтописи: *показывали путь князьямъ на всей волѣ своей*. Такимъ образомъ въ Новгородѣ излюбленный выборный князь вовсе не былъ самодержавнымъ и даже единодержавнымъ государемъ, а *государь былъ весь Великій Новгородъ*. Князь цѣловалъ крестъ *на всей волѣ новгородской* (Новг. I, стр. 44). Въ Псковѣ — тоже было (Пск. I, стр. 190).

Точно также Вѣче избирало, судило и низводило посадниковъ. Лѣтопись постоянно говоритъ: «*даша посадницати* такому-то, *отъяша* посад-

ничество у одного и даша другому или *выгнаша изъ посадничества*. Въ 1210 г., новгородцы, говоритъ лѣтопись, пришедши въ Новгородъ, *сотвориши вѣче на посадника Дмитрія и на братію его*: потому что тѣ повелѣли брать съ новгородцевъ серебро, а съ волостей — брать куны, съ купцовъ — виру дикую и повозы возить... И цѣловали новгородцы крестъ между собою: «не хотимъ у себя держать дѣтей Дмитровыхъ, и заточили ихъ вмѣстѣ съ отцемъ». Въ случаѣ вины, Вѣче и казнило посадниковъ. (Нов. I, стр. 5—10, 12, 31, 55, 83, 87, 94 и мн. др.). Вообще, лѣтописи новгородскія и псковскія показываютъ, что вольно-вѣчевыя общины держали въ крѣпкихъ рукахъ своихъ посадниковъ. Выборные посадники и тысяцкіе были не болѣе, какъ излюбленные нарядники, исполнители велѣній Міра, Людства, Народа и Вѣча, были слугами Земства. Право избранія посадника и тысяцкаго неотъемлемо принадлежало всему Новгородскому вѣчу, всему *народу, людству, міру*. Князь не имѣлъ права избрать посадника вопреки волѣ народной: иначе ему самому показывали путь. Въ январѣ 1218 г., послѣ многократныхъ частныхъ вѣчей, «сѣдшася братья въкупѣ однодушно на общее вѣче. Князь же Святославъ призвалъ вои тысяцки на вѣче, и сказалъ: «не могу быть съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество». А новгородцы спросили: какая вина его? Онъ отвѣчалъ: «безъ вины». Тогда Твердиславъ сказалъ (обратившись къ Вѣчу): «тому радъ, что вины моей нѣтъ, а вы, братья, вольны въ *посадничество и въ князьяхъ*». Новгородцы отвѣчали: «княже, если нѣтъ вины его, а ты къ намъ крестъ цѣловалъ — безъ вины мужа не лишить; а тебѣ кланяемся, а онъ нашъ посадникъ, и въ томъ себя не выдадимъ» (37).

Далѣе, Вѣче избирало и низлагало владыкъ, игуменовъ, и даже рѣшало религіозные, церковные вопросы (Новг. I, подъ 1193 г., стр. 21, IV, подъ 1299 г., стр. 45 и мн. др.). Иногда даже *простая чадь* своимъ вѣчемъ свергала владыку, какъ, напр., въ 1228 г. архіеп. Арсенія. Избравъ вѣчемъ новаго архіепископа, старому новгородцы говорили: «поиди, гдѣ ти любо» (37). Въ 1348 г., Новгородцы на своемъ вѣчѣ рѣшали религіозный вопросъ, предложенный шведскимъ королемъ Магнусомъ: «Владыка Василій, посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ и тысяцкій Аврамъ, и *все новгородци, погадавшие*, отвѣчали Магнусу: «аще хочещи увидѣти, коя вѣра лучше, наша-ли, ваша-ли, пошли въ Царь-градъ къ патріарху», такъ какъ мы отъ грековъ приняли вѣру, а съ тобою не будемъ препираться о вѣрѣ: а какъ будетъ обида между нами, о томъ шлемъ къ тебѣ на сѣздъ» (Новг. I, подъ 1348 г., стр. 83).

Вѣче принимало жалобы народныя на кого бы то ни было, защищало уѣздныхъ горожанъ и крестьянъ отъ насилія сильныхъ. Такъ, напр., въ 1384 г., «пріѣхали, говоритъ лѣтопись, городчане, орѣховцы и корѣльскіе съ жалобою къ Новгороду съ жалобою на князя Патрикія Наримонтовича, который прибылъ въ Новгородъ въ 1383 г., былъ ласково принять, даже получилъ въ кормленье пригороды — Орѣховъ, Корѣлу, Полъ-Копорья городка и Луское село, но безсовѣстно сталъ притѣснять жителей этихъ городовъ и мѣстъ. Вотъ избѣженные горожане и жаловались на него

великому господину Новгороду. Какъ ни старался крамольный князь Патрикѣй поднять Славно въ Новгородѣ и созвать вѣче въ свою пользу, но созвано было другое вѣче у св. Софіи, и, по словамъ лѣтописи, *отъяша у князя ты пригороды*» (Нов. I, 93).

Вѣче распоряжалось землями своей области. Къ вѣчу обыкновенно обращались колонисты, поселенцы, когда хотѣли занять какую-нибудь землю. И вѣче давало жалованныя грамоты на землю. Въ вѣчевыхъ жалованныхъ грамотахъ это выражалось въ такой формулѣ: «и владыка новгородскій, и посадникъ, и тысяцкій, и бояре, и житейскіе люди, и купцы и весь господинъ великій Новгородъ дали грамоту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Вѣче завѣдывало общественными городскими постройками (напр. Псков., стр. 192, 202 и мн. др.). Наконецъ, въ порядкѣ внѣшнихъ отношеній, вѣча собирались: 1) въ случаѣ прибытія или отбытія велико-княжескаго посольства; 2) въ случаѣ прибытія иноземнаго посольства; 3) въ случаѣ объявленія войны, назначенія воеводы и отправленія рати въ походъ; 4) въ случаѣ заключенія мира съ непріателемъ.

Въ исторіи древнихъ городовъ вѣчъ, и преимущественно въ исторіи вѣча новгородскаго, общинно-демократическаго, особенно замѣчательна борьба земства съ боярствомъ, *меньшихъ людей съ вятищими*. Въ эпоху первоначальнаго естественно-историческаго образованія, сложенія, установленія земства, міра, боярство, какъ чуждый пришлый княжеско-дружинный, и притомъ большею частью инородный элементъ, очевидно, неловко, неестественно улегалось въ составъ земства, мутило, нарушало органическую цѣлостность, единство, равенство міра, неестественно, изчужа, со стороны налегало на земство тяжестью своей власти и кормленія. Особенно ощутительна была вся неестественность вторженія въ земство этихъ непрошенныхъ гостей въ новгородской общинѣ, гдѣ наиболѣе замѣтна внутренняя цѣльность, самобытность, самовыдержанность и мірская равноправность. Демократическая кровь новгородцевъ тотчасъ ощутила весь, разъѣдающій народный организмъ, ядъ чуждаго, пришлаго боярскаго аристократизма. Низшія массы земства, *черные люди*, съ перваго же сближенія съ боярами стали заклятыми врагами ихъ. Вражда эта усиливалась по мѣрѣ того, какъ «бояре творяху собѣ легко, а меньшимъ зло». Злоба земства къ боярству уже въ XII вѣкѣ достигла высшаго развитія, когда и лѣтописецъ, говоря, напр., о татарскомъ числѣ въ Новгородѣ, замѣтилъ: «навелъ Богъ изъ пустыни звѣри дикія ясти сильныхъ плоти и пити кровь боярскую» (Новг. I, 57). Этотъ-то неизбѣжный, естественный антагонизмъ низшихъ массъ земства къ боярству и выражался на вѣчѣ Новгородскомъ постоянной борьбой меньшихъ людей съ вятищими. Тогда меньшіе, черные люди еще не были безправны до такой степени, какъ стали послѣ, напр., въ XVIII столѣтіи. Въ нихъ кипѣла со всей пылкостью горячностью, свѣжестью мощь, энергія демократической крови. Они были самовольны, самовластны, самоуправны. Они имѣли равное съ князьями и боярами право участвовать на общемъ вѣчѣ, на великомъ людскомъ собраніи. Мало того: они имѣли право созвать и часто сзывали свое

вѣче. При этой буйной волѣ, могучей силѣ, демократическая партія меньшихъ, черныхъ людей ни на шагъ не уступала аристократическимъ притязаніямъ боярства. Присутствіе и вліяніе, значеніе боярства въ новгородскомъ земствѣ было почти ничтожно. Демократизмъ массы всецѣло преобладалъ надъ аристократизмомъ боярства. И вотъ почему, всякій разъ, какъ случалась въ новгородскомъ вѣчѣ борьба меньшихъ и вятшихъ людей, черни и боярства, — черные люди всегда выходили торжествующими, не смотря на то, что бояре часто поднимали противъ нихъ цѣлую сторону, хоть Софійскую. Уничтоженные, смиренные меньшими черными людьми, бояре называли ихъ *братьями* и, какъ у братьевъ, просили *мира*. Приведемъ хоть два примѣра борьбы меньшихъ, черныхъ людей — съ вятшими. Въ 1255 г., новгородцы посадили у себя на княжескомъ столѣ Ярослава Ярославича, а Василья князя выгнали. Услышавъ объ этомъ, Александръ, отецъ Васильевъ, пошолъ ратью на Новгородъ. Новгородцы съзвонили вѣче и собрались *вятшіе* на вѣче. *Меньшіе* съзвонили свое вѣче у св. Николы, и сказали на вѣчѣ: «братья, что, какъ скажетъ князь: выдайте моихъ враговъ? И цѣловали святую Богородицу меньшіе, какъ стать всѣмъ, либо животъ, либо смерть, *за правду новгородскую, за свою отчину*. И былъ въ *вятшихъ советъ* золь, какъ бы побѣдить *меньшихъ*, а князя ввести на *своей волѣ*». Посадникъ Онанья былъ главнымъ коноводомъ и крамольникомъ въ этихъ замыслахъ вятшихъ людей. *Меньшіе* хотѣли его свергнуть съ посадничества, и выбрать, вмѣсто него, Михаила Степановича. И какъ ни старался удержаться на посадничествѣ Онанья, — меньшіе одержали верхъ. Князь прислалъ на вѣче и требовалъ у вятшихъ: «выдайте ми Онанью посадника, если не выдадите, я вамъ не князь, иду на городъ ратью». Князь твердо держался стороны меньшихъ. Вятшіе люди послали къ князю владыку и Клима тысяцкаго: «побди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онанья гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ новгородскимъ». Князь не послушать ихъ мольбы, опять послалъ съ требованіемъ: «если Онанья лишится посадничества, я вамъ гнѣвъ отдамъ». «И лишился — заключаетъ лѣтопись, посадничества Онанья, и взяша миръ на всей волѣ новгородской, злодѣи омрачишася, зане хрестьянамъ радость, и весь міръ радости исполнися». Посадничество дано было, какъ желали черные люди, Михаилу Степановичу. (Новг. I, 56). Черные люди съ буйной энергіей заступались предъ Вѣчемъ за каждую личность, чѣмъ-нибудь выдававшуюся и дорогую для нихъ. Вспомнимъ, напр., какъ въ концѣ XIV вѣка встали въ Новгородъ черные люди за удалца Луку Варфоломѣева, который, «не послушавъ благословенія владыки, и подобравъ съ собою сбойчатыхъ людей», ушелъ на Двину, и тамъ основалъ колонію — Орлець. Услышали черные люди, что на Двинѣ Луку убили. Тотчасъ, съзвонили вѣче, и потребовали отвѣта у посадниковъ и бояръ: «вы послали его убить!» Посадники отъ страху убѣжали изъ Новграда на сѣверъ Вотской пятины. Черные люди вытребовали ихъ оттуда и, при увѣщаніи владыки, едва были удовлетворены. Вообще, чувство взаимнаго заступничества отъ насилія бояръ, такъ было живо и сильно въ демократической общинѣ новгородской, что каж-

дый рабъ, каждый угнетенный, даже самая слабая женщина — могли съзвонить и собрать вѣче на свою защиту. Напр., въ 1417 г., говоритъ лѣтопись, человекъ нѣкій Степанко, изымавши боярина Данила Ивановича Божина внука и держа его, вопіалъ къ людямъ: господа! Пособите мнѣ на злодѣя этого! Люди, услышавъ его вопль, повлекли боярина къ народу, къ сонму людскому, на вѣче: «было и то дивно, добавляетъ другой лѣтописецъ, — или на укореніе богатымъ, обижающимъ убогихъ: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, причинила ему, боярину, удары, укоряла его, какъ неистовая, вопіяла: «я избита имъ!» Народъ началъ звонить вѣче на Ярославлемъ дворѣ, — продолжаетъ лѣтописецъ, и собиралось людей множество. Виновнаго боярина ринули съ моста, «яко разбойника и зло дѣюща людямъ много». Изъ-за него начался страшный судъ оскорбленныхъ черныхъ, меньшихъ людей и надъ всѣми боярами. Чернь, въ неистовствѣ грабя дома обидящихъ народъ бояръ, грабя съ народа же собранное богатство, вопіяла: *здесь жизни хрестіянскія и боярскія*. Въ день тотъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, въ лютую ту брань, былъ громъ страшный, и молнія блистала, шелъ сильный дождь и градъ. «И отъ возмущенья того великаго, встряса весь градъ». Наконецъ явился владыка съ своимъ съборомъ къ людскому собранію, дѣло разсужено было особыми выборными *нарочитыми мужами*, и удовлетворенные черные люди, и вятшіе и всѣ разошлись мирно по домамъ. (Новг. I., стр. 107—108; Новг. II., стр. 137).

Своеобразна была жизнь вольнаго Новгорода, своеобразно было и его вѣче. Свобода и естественность—главныя черты вѣчевыхъ собраний. Не было никакой регламентаціи, предписательности, заранее опредѣленныхъ формальностей и уставовъ вѣчевыхъ. Естественная жизнь только что слагала, организовала, развивала формы Вѣчей. До уставной, законоположительной организаціи, опредѣленности Вѣча еще не доросли. Естественное саморазвитіе и самоустановленіе жизни новгородской, на широкомъ просторѣ воли, энергій юной, кипучей, богатырской, только что вырабатывало сообщало факты, матерьялы, данныя народнаго опыта. Выводы изъ этихъ фактовъ только что возводились въ *обычай* Вѣча, и изрѣдка записывались въ вѣчевыя записи. Естественная, вольная, широкая, богатырская жизнь новгородская, не стѣсняясь никакими напередъ предположенными регламентами, свободно развивала формы вѣча, и только свято блюла отъ московскаго и татарскаго прикосновенія принципъ Вѣча, и безподушнаго Земства, Мира, какъ *правду и волю новгородскую*, какъ старину и извѣковѣчную *пошлину*. И если вникнуть ближе въ составныя части цѣлаго новгородскаго вѣча, то, при всей наружной хаотической разрозненности, безсвязности ихъ, можно примѣтить въ ихъ архитектурно-постройкѣ, закладкѣ, самый естественный, правильный строй, самую связную послѣдовательную ткань составныхъ элементовъ. Какъ Новгородъ, въ своемъ органическомъ колонизаціонномъ самоустройствѣ, естественно раздѣлился на Славянскую сторону—средоточіе славянскаго земства, и на Софійскую сторону—средоточіе пришлыхъ, чуждыхъ элементовъ церковно-

и-княжеско-служилыхъ, и потомъ подраздѣлился на пять концовъ и множество улицъ: такъ и вѣче новгородское органически слагалось изъ такихъ же частей. Каждая улица, живя самобытною жизнью въ своей чертѣ и въ органической связи со всѣмъ Новгородомъ, имѣла своего посадника, и могла созвать свое вѣче. (Нов. I, 96, 97). Каждый конецъ могъ съзвать вѣче и отдѣльно, самъ собою, и вмѣстѣ съ другими концами. «Въ 1359 году, говоритъ лѣтопись, отъяша посадничество у Ондръяна Захаріинича, *не весь градъ, токмо словеньскій конецъ, и даша посадничество Селивестру Леонтьевичу*» (Нов. I. 87). «Въ 1388 г., говоритъ та же лѣтопись, всташа *три конца* софійской стороны и *възвониша вѣче*». То възвонила вѣче отдѣльно вся Торговая, или Словенская сторона, то—вся Софійская (Нов. I. стр. 94). Такимъ образомъ, бывало иногда, по словамъ лѣтописи, «быша вѣчи во всю недѣлю» и по разнымъ концамъ, и на обѣихъ сторонахъ Новгорода. Всѣ эти частныя, *уличныя, пятиконечныя и онитоловичныя* или двустороннія вѣча представляли не что иное, какъ полуразвившіеся составные элементы, части, предварительныя, частныя мірскіе сходы для организаци и состава цѣлаго новгородскаго вѣча, для полнаго людскаго собранья. При чрезмѣрной обширности древняго Новгорода, при чрезвычайномъ множествѣ въ немъ улицъ, и естественны и необходимы были отдѣльныя вѣча по улицамъ и концамъ. Важныя общественныя интересы и дѣла, прежде окончательнаго обсужденія и рѣшенія на общемъ вѣчѣ, требовали предварительнаго, частнаго соображенія и обсуждения *уличанъ и кончанъ*. А инныя дѣла и интересы и касались собственно той, или другой улицы, того, или другого конца въ частности. Но какъ всѣ концы и улицы составляли органическія, неразрывныя составныя части Новгорода, жили общею, нераздѣльною жизнью, такъ и всѣ частныя, пятиконечныя и уличныя вѣча, какъ отдѣльные органы цѣлаго политическаго организма—всего Новгорода и цѣлаго новгородскаго Вѣча, естественно и большею частію неминуемо тяготѣли къ цѣлому составу Вѣча, къ людскому сонму. Вотъ почему, почти всякій разъ, какъ собирались вѣча порознь, по концамъ и сторонамъ, дѣло кончалось тѣмъ, что всѣ уличныя конечныя и стороннія вѣча совокуплялись подъ конецъ въ одно общее вѣче на Ярославлѣ дворѣ, или у святой Софіи. По выраженію лѣтописи, сходились *братья вкупѣ* однодушно *на вѣчѣ* или — *сходились въ любовь*. Такъ напр., въ 1388 г., говоритъ лѣтопись, «встали *три конца софійской* стороны на посадника Есипа Захаріинича и възвонили *вѣче у святой Софьи*. И вѣста за него *торговая сторона* вся. И потомъ *скидошася въ любовь* и даша посадничество Василию Ивановичу» (94). Или въ 1318 г., говоритъ та же лѣтопись, «възвониша вѣче у св. Николы *онитоловицы*, а Неревскій конецъ—у святыхъ 40... и тако быша *вѣча по всю недѣлю*... И наконецъ *скидошася братья вкупѣ* однодушно *на вѣчѣ*». На этомъ вѣчѣ новгородцы блистательно защитили отъ князя посадника Твердислава.

Таковы главные начала древнихъ городскихъ вѣчей, или мірскихъ, народныхъ сходовъ по городамъ. Грубы были формы ихъ, грубы, буйны, дики проявленія. Это чувствовали, сознавали сами древніе новгородцы. Называясь *братією*, устроясь по принципу братства и равенства, они вѣ-

дѣли и главную причину нестроенья вѣчевого—въ недостаткѣ духа братства, въ *братоненавидѣніи* и *непокореніи другъ другу*. Въ то же время, въ бѣдствіяхъ физическихъ, въ карающихъ явленіяхъ природы, они читали вразумленіе, побужденіе къ духу братства и любви. Лѣтописцы нарочно, послѣ разказа о буйныхъ вѣчахъ, указывали на физическія бѣдствія, какъ на кару Божью за *братоненавидѣніе* и *непокореніе другъ къ другу* и *зависть*. Значить, въ духѣ новгородскомъ въ то же время воспитывалась, неугасимо теплилась нравственная потребность самоусовершенствованія въ духѣ братства, мира. Слѣдовательно, нравственно-жизненны были и юные зачатки, ростки вѣчей. Въ нихъ самихъ заключались могучія, неистощимыя, свѣжія, здоровыя силы къ дальнѣйшему саморазвитію и самоусовершенствованію. Какъ ни буйны, какъ ни междуусобны были вѣча новгородскія, они всегда кончались миромъ и любовью. Новгородцы всегда подъ конецъ сходились въ любовь, брали миръ на всей волѣ новгородской, какъ братья. И лѣтопись всякій разъ оканчивала повѣсть о вѣчѣ словами: «И бысть миръ, и весь міръ радостью исполнился» и т. п. И какъ, повидимому, ни шатки были основы вѣчевыя, какъ ни хаотиченъ, нестроенъ складъ ихъ, но вѣча не разрушались, а все росли и крѣпли. Новгородцы все больше и больше воспитывались, укоренялись въ принципахъ вѣчей, и какъ святыню, какъ правду новгородскую, свято берегли отъ московскаго прикосновенія свой извѣковѣчный завѣтъ вѣчевой. Только вспомните разказъ лѣтописей новгородскихъ, или псковскихъ, съ какимъ единокдушнымъ, энергическимъ энтузіазмомъ гражданской, вѣчевой свободы новгородцы и псковичи боролись до послѣдней возможности съ Москвою за свои излюбленныя вѣча, съ какимъ героическимъ самоотверженіемъ головы свои полагали за свои вѣча. Только прочтите ихъ разказы про вѣковую борьбу съ Москвою за вѣча, ихъ послѣдній плачь передъ вѣчевыми колоколами. И вы убѣдитесь, что новгородцамъ и псковичамъ дороги, святы были ихъ принципы вѣчевые, какъ дорога была самая жизнь, свобода, правда новгородская, или псковская. «И былъ,—говорить, на примѣръ, псковскій лѣтописецъ,—въ Псковѣ плачь и скорбь великая... Вотъ ужъ пришла на насъ зима. Ибо это царство расширится и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы!... Вотъ спустили вѣчевой колоколъ, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по свой старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псковская, и былъ онъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ Великій! Почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный крылъ, львовыхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою, и богатство и чадъ моихъ восхитилъ... И землю нашу опустошили, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища мои конскимъ каломъ заметали, и отцевъ и братій нашихъ развели», и проч.*

Зачѣмъ этотъ вопіющій, горькослезный плачь надъ вѣчевыми колоколами, если бы свободная, естественная жизнь новгородская, или псков-

ская не цѣнила вѣчей, какъ своего дорогого, органическаго созданья? Зачѣмъ это вопіющее, ужасное предчувствіе всепожирающей *зимы*—московской политики, если бы вѣчевые принципы не были юными, весенне-жизненными ростками, зачатками естественной, общинной, соціальной жизни народной, если бы въ нихъ не было никакихъ зачатковъ широкаго, плодотворнаго саморазвитія, не было внутренней, полножизненности, и духъ псковскій, или новгородскій не чувствовалъ эту ихъ полножизненность? И, стало быть, могучая сила и жизненность заключалась и въ этихъ грубыхъ зачаткахъ вѣчей, когда обломки ихъ долго не могли окончательно сокрушиться. Грубы, преходящи, недолговѣчны были историческія, средневѣковыя формы вѣчей, но жизненно-народная идея ихъ, родившаяся и воспитавшаяся въ духѣ народномъ естественнымъ саморазвитіемъ жизни, принципы вѣчей истинны, естественны, вѣчно-жизненны, излюбленно-народны. Московское *насиліе большое*, по выраженію псковской лѣтописи, какъ *зима*, побивало самые юные ростки, зачатки вѣчеваго организма. Но въ принципахъ вѣчевыхъ было столько народно-жизненной силы, самосохранности и саморазвиваемости, что они и въ московскую и даже въ петербургскую, или петровскую эпоху невольно проросли, такъ сказать, сквозь самыя приказныя бюрократическія формы, въ новые мірскіе сходы. Когда вѣчевыя права, такъ же какъ и титула областныя, сосредоточились въ державѣ московскихъ царей, и вѣчевые колокола были свезены въ Москву, или разбиты въ дребезги,—въ Москвѣ, изъ обломковъ, изъ элементовъ, изъ обычаевъ вѣчевыхъ, устроилась царская Земская Дума, или образовались частныя Земскіе соборы, совѣты. Не только Грозный царь, но и въ XVII в. московскіе цари соблюдали обычай созывать частныя московскіе земскіе соборы для совѣта, которые обыкновенно предшествовали великимъ, или общимъ Земскимъ соборамъ. Такъ напр., въ царской окружной грамотѣ 1619 г., читаемъ: «Великій государь, нашъ отецъ и святитель, патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій съ митрополитами, съ архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходили къ намъ и совѣтывались съ нами... И мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Руси, съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Руси, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, и съ окольничьими, и съ думными и со всѣми людьми московскаго государства, ¹⁾ *учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и землю устроить. И усовѣтовавъ . . .* приговорили: во всѣ города, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ . . . А изъ городовъ изъ всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья указали есьми взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города, изъ духовныхъ людей, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья, и чѣмъ московскому государству полниться и устроить бы мо-

¹⁾ Здѣсь подъ московскимъ государствомъ разумѣется, въ тѣсномъ смыслѣ. Москва, такъ же какъ Владиміръ, Новгородъ, Псковъ и другіе областныя города назывались также *государствами* и въ XVII вѣкѣ.

сковское государство, чтобъ пришли всѣ въ достоинство». Такимъ образомъ въ Москвѣ, вокругъ царя, былъ земскій сходъ или соборъ собственно изъ чиновъ московскихъ, духовныхъ и мірскихъ. Этотъ московскій сходъ или соборъ уполномочивалъ и по всѣмъ областнымъ городамъ такіе же сходы, значитъ, признавалъ юридическое значеніе областныхъ городскихъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ, подобныхъ древнимъ вѣчамъ. Въ Новгородѣ, по старинному вѣчевому обычаю, сходъ назначался въ соборной церкви Софіи, въ другихъ городахъ—тоже въ соборныхъ церквахъ. «И какъ къ вамъ ся наша грамота прійдетъ—писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ окружной грамотѣ во всѣ города—и вы бѣ велѣли быть въ соборной церкви архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ галицкихъ (или другихъ какихъ) пригородовъ: и какъ *сойдутся*, и вы бы сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ, и прочетчи, велѣли бѣ духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ.... и соборные бѣ на нихъ списки дали за руками и отпустили бы ихъ къ намъ къ Москвѣ» и проч. (А. А. Э. III № 105. Собр. Гос. Грам. IV). Такимъ образомъ самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, согласно съ старинными вѣчевыми обычаями народными, предписывалъ областнымъ городамъ составлять *сходы*, *сходиться* въ соборной церкви, и на сходахъ этихъ выбирать добрыхъ и разумныхъ людей на Земскій Соборъ, на общенародный съѣздъ. А Новгородъ, въ посланной къ нему окружной грамотѣ о сходѣ въ церкви святой Софіи, названъ даже, наравнѣ съ московскимъ государствомъ, *государствомъ Новгородскимъ*. Конечно, на официальномъ языкѣ XVII в. это было одно пустое названіе, такъ же какъ и указыные *городовые сходы* уже далеко не походили на древнія вольно-народныя вѣча. Но все же, и въ нихъ, какъ въ несомнѣнныхъ, очевидныхъ обломкахъ древнихъ вѣчевыхъ сходовъ, видна жизненность принципа городскихъ вѣчей, людскихъ собраній, мірскихъ сходовъ на думу на вѣча. Точно также, тотъ же принципъ вѣчевыхъ сходовъ или, по крайней мѣрѣ, оттѣнокъ ихъ, заключался и въ этихъ городскихъ *земскихъ избахъ* XVII вѣка, гдѣ сходились выборные земскіе старосты и посадскіе. Напр., въ выпискѣ изъ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ 1674 г. сказано: «на площади *земская изба*, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ *посадскими людьми*». (А. Ю. № 231). Въ актахъ города Шуи на такой же городской мірской сходъ указываютъ выраженія: «въ земской избѣ, *передъ мірою*». Впрочемъ, приказный элементъ мутилъ эти земскія начала мірскихъ городскихъ сходовъ. Чрезмѣрное развитіе приказной системы, чрезвычайное умноженіе приказовъ въ Москвѣ и по областнымъ городамъ, ясно, никакъ не ладилось съ принципомъ вѣчевыхъ сходовъ. Не даромъ посадскіе, на земскомъ соборѣ 1642 г. жаловались царю: что они обнищали и оскудѣли до конца отъ воеводъ, а прежде воеводъ въ городахъ не бывало, а посадскіе судились сами промежь себя».

Учрежденіе бурмистерской палаты съ выборными бурмистрами, по указу 30 января 1699 г., учрежденіе Московской Ратуши (Ратгауза) съ

президентомъ, съ подъячими, съ оберъ-инспекторомъ и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, и, наконецъ, учрежденіе приказныхъ городскихъ земскихъ избъ—окончательно уничтожили и въ приказно-правительственныхъ учрежденіяхъ послѣднюю тѣнь вольно-народныхъ, мірскихъ вѣчевыхъ сходовъ по городамъ. И Татищевъ, воспитанникъ Петра, напрасно видѣлъ въ городскихъ бурмистерскихъ палатахъ обломки вѣчевой вольности псковичей. «Я помню, говоритъ онъ, въ одномъ примѣчаніи къ своему своду древнихъ лѣтописей, я помню, какъ въ 1699 г. ихъ головы, или бурмистры судили и наказывали гражданъ, только для пытки и смертной казни отсылали къ воеводѣ; хотя въ гарнизонѣ было два полка стрѣльцовъ, но и граждане имѣли два полка и съ оными крѣпость содержали (охраняли), полковниковъ и прочихъ сами къ онымъ опредѣляли». Это были уже подновленные обломки храмины вѣчевой.

По указу 13 февраля 1720 г. учрежденъ былъ *Главный Магистратъ*, по образцу котораго предполагено было учредить подобные же магистраты и въ прочихъ городахъ Россіи. Тутъ же вовсе не сходъ гражданъ завѣдывалъ дѣлами, а назначенъ былъ оберъ-президентъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, и ему предписано было: «вѣдать всѣхъ купецкихъ людей судомъ и разсыпанную сію храмину паки собрать». Регламентъ Главнаго магистрата, изданный 16 января 1721 г., тоже ужъ вовсе не на сходы собиралъ земство городское, а «учинялъ форму магистратскаго правленія», да раздѣлилъ, разъединилъ, рассортировалъ земство на *регулярныхъ гражданъ* и *чернорабочихъ*, на *двѣ гильдіи* и на *цунфты* или *цехи*. Такимъ образомъ нѣмецкія городовыя формы не только окончательно искоренили принципы вѣчевыхъ сходовъ, но и уничтожили самую идею городскихъ *міровъ*, принципъ безраздѣльности, цѣлостности городского земства, неестественно дробя, сортируя его по средне-вѣковымъ нѣмецкимъ цехамъ и гильдіямъ. Въ XVII в. города наши назывались еще *мірами* и отчасти сохранили мірское значеніе. А теперь они окончательно стали бюрократически-гильдейско-цеховыми регламентарными учрежденіями. Вслѣдствіе этого *мірскаго смущенія*, недаромъ большая часть городского земства, купечества и мѣщанства обратилась при Петрѣ въ расколъ. И расколъ, недаромъ, возопилъ: «страхъ антихристовъ возвѣять на міръ и временныя соборы въ конецъ низложилъ». По городовому положенію 21 апрѣля 1785 г. учреждены были, на новыхъ основаніяхъ, городскія общества и городскія думы. Тутъ опять, прежде всего, произведено новое сословно-кастальное росписаніе, рассортированіе городского земства. Городскіе обыватели раздѣлены: 1) на именитыхъ гражданъ, 2) на вписавшихся въ гильдію, 3) на вписавшихся въ цехъ, 4) на иногородныхъ и иностранныхъ гостей, и 5) на посадскихъ. Для пріобрѣтенія каждаго изъ этихъ состояній начертаны дробные, многосложные параграфы правилъ и условій. Что касается до собранія городскихъ обществъ, то въ числѣ многихъ другихъ параграфовъ въ городовомъ положеніи начертаны слѣдующія правила: 1) городскимъ обывателямъ каждаго города дозволяется собираться въ своемъ городѣ, составлять общество городское и пользоваться предоставленными правами и выгодами, 2) городскіе обыватели собираются по *приказанію* и

дозволенію генераль-губернатора или губернатора, какъ для дозволенныхъ городскимъ обывателямъ выборовъ, такъ для выслушанія предложеній генераль-губернатора или губернатора, 3) отъ губернатора зависитъ дозволить засѣданіе засѣдателямъ губернскихъ магистратовъ и засѣдателямъ совѣстнаго суда; 4) буде генераль-губернаторъ, или губернаторъ обществу градскому учинить предлогъ, то общество градское беретъ оный въ уваженіе и чинить по случаю пристойные отвѣты; 5) сверхъ положенныхъ точно расходовъ, городовыя общества не могутъ сами собою издерживать денегъ городскихъ и дѣлать новыхъ издержекъ; но буде что усмотрѣно къ общей пользѣ, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, то представляютъ пусть къ губернатору и ожидаютъ позволенія; 6) въ городскихъ доходахъ и расходахъ, городовыя общества какъ губернатору подають вѣдомости, такъ и въ казенную палату счеты свои посылають и проч. и проч.

Вообще, читая городовое положеніе, мы видимъ въ немъ слѣдующіе главные недостатки, которые теперь чувствуется насущная потребность уничтожить. Во-первыхъ, городскія общества и ихъ собранія слишкомъ подчинены губернаторамъ. Каждое собраніе и каждое дѣйствіе городского общества зависитъ отъ дозволенія и приказанія губернаторовъ. Вслѣдствіе этого, общества городскія, купечество и мѣщанство, были безгласными рабами бюрократіи. Лѣтописи губернскихъ городовъ, хоть въ родѣ иркутскаго лѣтописца, исполнены самыми грустными фактами произвола губернаторовъ и страдальческой борьбы умныхъ и честныхъ городскихъ головъ съ губернаторами и губернскими правленіями. Теперь рѣдкій купецъ, мало-мальски мыслящій, не чувствуетъ необходимости сбросить съ городскихъ обществъ опеку и попечительство бюрократіи. Теперь всякій разсудительный общественникъ хорошо понимаетъ, что общество единственный хозяинъ, глава и устроитель своихъ собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, что оно само и составляетъ городъ — предметъ и цѣль городского управленія и благоустройства, что оно приобретаетъ, копить городскіе доходы, чувствуетъ потребности, вырабатываетъ новые вопросы и способы жизни, живетъ само для себя своими собственными, внутренними силами; оно же, слѣдовательно, только и имѣетъ право хозяйничать своими капиталами, доходами, благоустроить свой собственный бытъ, свои публичныя заведенія и зданія, училища, магазины, улицы, мосты, водопроводы, водостоки и проч. и проч., изыскивать новые способы и средства для развитія и расширенія цивилизаціи, для просвѣщенія массъ простонародья городского и т. д. Контроль приказныхъ властей, тутъ вовсе не у мѣста. Только выбранные, излюбленные самими городскими обществами совѣты или правленія могутъ быть уполномочены обществомъ — завѣдывать дѣлами общественными. А эти правительства выбираетъ и устроетъ правильно-организованный общественный городской сходъ, подобный сельскимъ мірскимъ сходамъ. Необходимость правильной организаціи по городамъ мірскихъ общественныхъ сходовъ, выборныхъ правительствъ, всесловныхъ, или лучше, безсловныхъ, земскихъ думъ, совѣтовъ, необходимость эта уже давно чувствуется. Особенно крайне необходимо ограничить власть губернаторовъ въ такихъ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ,

Сибирь, гдѣ произволъ доходитъ до послѣдней крайности. Нѣкоторые наши государственные люди уже предлагали эту необходимую мѣру еще въ царствованіе императора Александра I. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ въ своей официальной запискѣ о Сибири писалъ: «Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовласти мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе верховнаго сибирскихъ губерній правительства, совѣта, или коммисіи изъ чиновниковъ, частью опредѣленныхъ отъ правительства, частью избираемыхъ отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ ограничить власть начальника, который, яко предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ токмо перевѣсъ, въ случаѣ равныхъ голосовъ.... Опыты многихъ лѣтъ доказали, что усиленіе власти магистратовъ, или городскихъ правительствъ въ образованной Европѣ не только послужили къ благоденствію народовъ, но, безъ сомнѣнія, и было основаніемъ образованности европейской», и проч. Да и не нужно много задумываться надъ организаціею выборныхъ городскихъ правленій. Нужно только допустить устроить въ городахъ правильные всесословные, земскіе, мірскіе сходы, или собранія, подобные сельскимъ мірскимъ сходамъ, или подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ же по всѣмъ городамъ самимъ горожанамъ устроить *сходы* по соборнымъ церквямъ, для избраныя выборныхъ на московскій земскій соборъ. Сходы эти уже изберутъ выборныхъ головъ, старостъ, или кого излюбятъ и найдутъ нужнымъ, устроятъ, организуютъ городскія выборныя правленія. А мало-по-малу и самые городскіе сходы получатъ правильное, опредѣленное, органическое устройство. Если крестьяне способны къ сельскимъ сходамъ и къ выборному самоуправленію, то, безъ сомнѣнія, и горожане будутъ къ тому способны.

Съ ограниченіемъ власти губернаторовъ и съ расширеніемъ правъ гражданскихъ, очевидно, необходимо расширить и составъ городскихъ думъ. Теперешнія наши думы, какъ извѣстно, не соединяютъ въ себѣ представителей отъ всѣхъ городскихъ сословій, а только отъ купцовъ и отъ мѣщанъ. Вслѣдствіе этого, думы исключаютъ представительство общихъ интересовъ гражданства, всего городского міра, ограничиваясь выгодами и интересами одного торговаго и ремесленнаго сословія, исключаютъ изъ общаго городского правленія самый образованный классъ населенія—дворянъ, почетныхъ гражданъ, ученыхъ, литераторовъ, и другихъ разночинцевъ, которые только большею частію и служатъ представителями знанія и дарованій по разнымъ отраслямъ наукъ—реальныхъ, практическихъ и гуманныхъ, нравственныхъ, по разнымъ родамъ искусствъ реальныхъ и изящныхъ, по разнымъ сферамъ человѣческой, гражданской дѣятельности. Городскія думы должны быть сходомъ всего городского земства, мѣстомъ такъ необходимаго теперь уравнинія и сліянія сословій въ цѣльные, равноправные городскіе міры. По принципу мірскаго саморазвитія русскаго народа, какъ въ селахъ возобновлены мірскіе безсословные, крестьянскіе сходы, такъ и въ городахъ должны быть возстановлены.

на тѣхъ же общихъ правахъ и основаніяхъ, такіе же мірскіе земскіе гражданскіе сходы.

Какъ бы то ни было, какова бы ни была прошедшая исторія нашихъ городовъ, но принципъ мірскаго экономическаго и юридическаго самоустройства, принципъ мірской сходчивости, совѣщательности и мірскаго выборнаго начала составляетъ коренную, естественно-жизненную, исторически-природную потребность русскаго народа. Въ организмъ русскаго народа, еще юнаго, всемогущаго, крѣпкаго, течетъ та же самая кровь, какая билась въ немъ въ младенческія вѣчевыя времена. Организмъ народный тотъ же. Только тяжелыя обстоятельства историческаго воспитанія и роста его много крови испортили въ немъ, много охладили энергіи въ долгій періодъ его богатырскаго сна и государственнаго неподвижнаго положенія. И несмотря на всѣ разѣдающія централизаціонныя, бюрократическія, кастально-сословныя, регламентарныя—начала разединенія нашего земства, несмотря на нѣмецко-корпоративный военно-бюрократически гильдейско-цеховой строй нашихъ городовъ, несмотря на расколъ, происшедшій въ земствѣ,—въ крови народнаго организма сохраняется извѣковѣчная потребность мірской сходчивости и совѣщательности, мірской самобытной инициативы и самоуправления. Уже какъ повидимому, ни забыты были массы нашего городского земства въ XVII и особенно въ XVIII ст., какъ бюрократія ни гнула, ни ломала ихъ на свой ладь, какъ ни воспитывала въ нихъ привычку къ казенной опецѣ, казенно-приказному покровительству—городскія земскія общины упорно таили въ себѣ извѣковѣчныя, созданныя всею самобытно-историческою жизнью народною принципы мірскаго самоустройства, самобытныхъ мірскихъ сходовъ и распоряженій. Имъ и жалованная Екатериною грамота—о правахъ—неправая грамота. Въ 18-мъ № «Дня» напечатанъ любопытный фактъ изъ архива городской думы города Мологи, какъ жители этого города обнаружили замѣчательную попытку независимаго экономическаго самоустройства и независимыхъ, самобытныхъ сходовъ въ думу, вслѣдъ за полученіемъ городской жалованной грамоты и Городоваго Положенія. «Получается указъ—читаемъ въ Днѣ—о вновь дарованныхъ грамотою 1785 г. 21 апрѣля правахъ и преимуществахъ, объявляется жителямъ, торжественно, подъ руководствомъ начальства, открывается собраніе, назначаются городскіе чины, учреждается дума. Все въ порядкѣ. Но на другой же день, по открытіи думы, граждане собираются снова, уже не въ присутствіи начальства, и постановляютъ, безъ помощи баллотировки, единогласный приговоръ такого содержанія: «Въ § 42 Городоваго Положенія сказано, что независимо отъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, поступающихъ въ городскіе доходы и подлежащихъ распоряженіямъ на точномъ основаніи закона—обществу представляется право дѣлать добровольныя складки и собранными такимъ образомъ суммами распоряжаться по своему усмотрѣнію, не давая никому въ томъ отчета. Такъ какъ, напротивъ того, исчисленными городскими доходами общество распоряжаться не въ правѣ, и всѣ они могутъ быть расходованы только на указанные начальствомъ предметы, согласно

съ смѣтой, учреждаемой начальствомъ, и подлежатъ отчетности и контролю казенной палаты,—то и общество составляетъ свой собственный общественный капиталъ (первоначально въ нѣсколько тысячъ) съ тѣмъ, чтобы въ этотъ капиталъ уже никакое начальство не вступалось, чтобы распоряженіе этимъ капиталомъ было ввѣрено тому же градскому главѣ. и чтобы градской глава отдавалъ въ своихъ распоряженіяхъ отчетъ ежегодно, *одному* обществу, никому болѣе».

Это было въ 1786 году. Собранный капиталъ былъ записанъ въ особыя шнуровыя книги и сталъ возрастать быстро. Съ согласія общества часть капитала раздавалась въ займы за 9 и за 10 процентовъ, и дѣлались другіе, выгодные для общества, обороты. Отчеты отдавались ежегодно. Въ распорядители избирались почти всегда градскіе головы. Расходы производились на предметы общественной потребности и благотворительности и съ необыкновенной точностью вносились въ книги. Городъ на эти деньги призывалъ бѣдныхъ и содержалъ богадѣльни, о которыхъ въ официальныхъ отчетахъ вовсе не значилось, выдавалъ денежное пособіе двумъ церквамъ въ уѣздѣ, связаннымъ какими-то историческими воспоминаніями съ городомъ, помогалъ уѣздному училищу, не скупился даже и на тѣ предметы внѣшняго благоустройства, которые входили въ число законныхъ статей расхода официальныхъ городскихъ доходовъ. Напримѣръ: нужно вымостить тонкое мѣсто въ срединѣ города: исчисляется расходъ официальнымъ порядкомъ; губернское начальство присылаетъ, какъ слѣдуетъ, для повѣрки, инженернаго офицера, наконецъ разрѣшаетъ думѣ внести въ смѣту городскихъ расходовъ такую-то сумму на замощеніе топкаго мѣста. Перениска продолжается нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ топкое мѣсто уже давно замощено, безъ помощи инженеровъ, и замощено крѣпко, прочно, нерѣдко на сумму высшую противъ назначенной по смѣтѣ: эта сумма бралась изъ тайнаго общественного капитала.

Такимъ образомъ въ городѣ существовали двѣ думы, двѣ власти, два общества, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: дума, власть, общество—какъ заведенія официально-общественныя, и дума, власть, общество—какъ учрежденія свободныя, сами собой органически образовавшіяся. Въ то время, какъ городскихъ доходовъ показывалось по смѣтѣ не свыше 4 тысячъ, капиталъ общественный возросъ свыше 50 т. р. сер. и расходы изъ него на потребности города превышали расходы официальные. Лѣтъ черезъ 20 послѣ открытія Думы, общество, желая упрочить такой порядокъ, опредѣлило построить, и построило, на этотъ *свой* общественный капиталъ пространный каменный гостинный дворъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ лавокъ (отдававшихся въ наймы членамъ того же общества) причислялись къ тому же общественному капиталу, не подлежащему официальному контролю. Тогда не было такого дѣятельнаго вмѣшательства со стороны губернскаго начальства, какъ въ наше время, и гостинный дворъ выросъ, какъ изъ земли, безъ всякой помѣхи со стороны губернскихъ властей и строительныхъ комиссій. Городъ обстроился». Такимъ экономическимъ самоуправленіемъ пользовалось свободное неофициальное и логское общество и его собраніе—дума съ 1786 г. по 1847 г., когда бѣ-

кратія обратила общественную городскую собственность въ казенное достояніе.

А не тотъ же-ли изстаринный, жизненно-народный принципъ мірскихъ сходовъ и совѣтовъ отстаиваетъ до сихъ поръ расколъ—эта общинно-демократическая оппозиція земства противъ нѣмецко-бюрократическихъ формъ имперіи? Вопія противъ того, что страхъ антихристовъ возвѣялъ на земскій міръ, произвелъ мірское смущеніе и *временны соборы въ концѣ низложили*, демократическія общины раскола мало-по-малу организовали, по стариннымъ, народнымъ принципамъ, свои *сходы, соборы, совѣты*. Это юридическое саморазвитіе ихъ, равно какъ и колонизаціонное и экономическое самоустройство, особенно началось послѣ 1782 г., съ того времени, когда стали ослабѣвать крутыя мѣры и гоненія правительства и церкви противъ раскола. Вѣрныя изстаринному народному такту и міросозерцанію, старообрядцы не допускали и не допускаютъ у себя кастаньно-сословнаго разьединенія. Въ заповѣдномъ «отвѣтѣ вопрошающимъ», нѣкоторыя согласія, напримѣръ, филипповское, положительно говорятъ: «мы всѣ равны, и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ». На языкѣ раскольниковъ, *сословіе* значитъ то же, что общество, согласіе, *соборъ*, какъ называютъ себя, напримѣръ, петербургскіе старообрядцы. Вслѣдствіе такого безсословнаго значенія раскольниковыхъ согласій, и сходы или совѣты въ нихъ получаютъ правильное, естественное юридическое саморазвитіе, и изъ обычая мало-по-малу начинаютъ возводиться даже въ письменную опредѣленность. Для примѣра приведемъ здѣсь общія юридическія правила взаимнаго совѣта или собранія московскихъ старообрядцевъ Федосѣева и Старо-Поморскаго согласій. Извлекаемъ эти правила изъ находящейся у насъ подъ руками рукописи, подъ заглавіемъ: «Дружескія Извѣстія».

«Неусыпныя соревнованія Федосѣева согласія и нашего согласія, по многимъ и труднымъ своимъ движеніямъ (въ дѣлахъ) защиты и покровительства разнovidныхъ своихъ познаній, достигли нынѣ уже до предѣловъ рѣшительности въ своихъ разномысліяхъ... Любя истину и христіанское благочестіе, положено было оными сословіями: уничтожить взаимныя разногласія, распространить общую святую любовь и возстановить между собою многолѣтнее спокойствіе.

1) Къ лучшему и точнѣйшему исполненію, по праву общей нашей обязанности, сего дѣла, такъ какъ оно производится взаимно нашими токмо сословіями, то слѣдуетъ составиться *собранію изъ обществъ нашихъ*.

2) Количество собранія не должно малостью ограничиваться. Потому что взаимныя противорѣчія, доселѣ въ насъ продолжавшіяся, коснулись весьма чувствительно цѣлыхъ нашихъ обществъ. А по сему и это дѣло имѣетъ отношеніе уже къ цѣлымъ нашимъ обществамъ, а не къ нѣкоторымъ только изъ нихъ. Поэтому надлежитъ собранію составиться, сколько отъ котораго сословія явиться къ нему расположительно, и сколько позволить пространство покоя.

3) А какъ все существо объясненія предположеннаго нами нынѣ дѣла относится по всему только къ нашимъ обществамъ, то кого изъ тѣхъ,

кои несогласны съ нашими сословіями, вамъ заблагоразсудится, мы согласны къ сему собранію допустить.

4) Самый внутренній кругъ онаго собранія долженъ составиться изъ десяти предсѣдателей, отъ каждаго сословія по пяти человѣкъ, въ сіе знаніе своими обществами удостоенныхъ. Прочіе-жъ да будутъ токмо слушателями.

5) Въ общемъ семъ собраніи должны быть введены полное спокойствіе, тишина и скромность отъ всѣхъ и каждаго, а всякое тому противное стѣсненіе отлучено.

6) Всякъ, возымѣвъ счастье быть въ таковомъ собраніи, для вящаго познанія всѣхъ внушеній отъ чтенія проистекающихъ, непременно, кто благоразуменъ и честенъ и страшится понести вѣчно титлы нескромности и безчинства, да благоволитъ, во все время чтенія, заняться въ себѣ самымъ непрерывнымъ своимъ молчаніемъ, да и другихъ ни къ какимъ переговорамъ нисколько даже да не возбуждаетъ.

7) *По доврѣю общественной воли* и взаимнаго согласія нашихъ сословій, въ собраніи семъ, предсѣдатели занимаютъ первенство, и равнымъ достоинствомъ получаютъ себѣ и каждый особенно полную власть наблюдательства въ ономъ тишины и спокойствія. Въ случаѣ же нарушенія сего, всякому изъ собравшихся, не снисходя и своему товарищу, творящему чтенію остановку и въ замѣшательство тишину приводящему,—на первое дерзновеніе каждый предсѣдатель или самъ собою, или чрезъ кого-нибудь, имѣетъ право сказать; «примите молчаніе»; на второе: «нескромность тишину не любитъ: она изъ оной исключается», а потомъ и можетъ оную ныпроводить вонъ изъ собранія. А въ случаѣ сопротивленія, то и самъ хозяинъ, у кого собраніе, по праву хозяйственности и какъ любящій притомъ тишину, имѣетъ власть подать помощь къ успѣшному исключенію, а также можетъ попросить и сопроводить нескромнаго быть внѣ своего дому.

8) Каждая статья чтенія ни чѣмъ не должна въ собраніи семъ возражаться; поколику что сіе собраніе не для словопренія, а единственно токмо для сообщенія объясненій. Будетъ кто изъ предсѣдателей пожелать которую статью повторить, то сіе да будетъ позволено, однакожъ не болѣе одного раза.

9) Нашего общества предсѣдатели, за собственнымъ подписаніемъ, вручатъ оныя объясненія вашимъ предсѣдателямъ, кои въ полученіи ихъ также пятеро должны росписаться.

10) Домъ для собранія да будетъ у согласнаго къ сему сочлена, но болѣе способный и ко взаимному спокойствію надежный.

11) Всякъ покровительствующій своимъ домомъ сіе наше общее собраніе, можетъ отъ сего получить безсмертный памятникъ великой пользы въ здѣшней и будущей жизни; потому что таковой домъ можетъ учиниться открытіемъ самыхъ занимательнѣйшихъ истинъ, текущихъ изъ потребностей къ благоразумному и честному христіанскому состоянію.

12) Всякъ, принятіемъ въ свой домъ, къ сему общему собранію извѣствующій усердіе и желающій имѣть оное въ своемъ домѣ, да благоволитъ

извѣстить, какъ Преображенскаго кладбища, такъ и нашего общественнаго дома первенствующихъ, за собственноручнымъ подписаніемъ или таковою, или подобною сей запискою:

По наименованіи:

«Предположенныя нынѣ нашими сословіями мѣры къ вящему между нами взаимному благосостоянію я приѣмлю въ уваженіе и почитаю оное соревнованіе христіанскою обязанностію. Для сего благаго дѣла предвозвѣщено было общему быть собранію, которое, по всѣмъ свойствамъ постановленныхъ статей, образующихъ сіе собраніе, я сердечно и всею моею любовію допустить въ мой домъ желаю, и оное къ себѣ прошу и приѣмлю, а при томъ увѣряю, что оное собраніе ко вмѣщенію своему въ моемъ домѣ найдетъ удобность, да и къ спокойствію cadaго въ ономъ участвующаго приложу всемѣрное мое спомоществованіе, и проч.

13) День къ собранію долженъ назначаться взаимно отъ нашихъ сословій.

14) Обвѣстить къ собранію за два дня или ранѣе.

15) Начало собранія должно быть непремѣнно часъ по полудни».